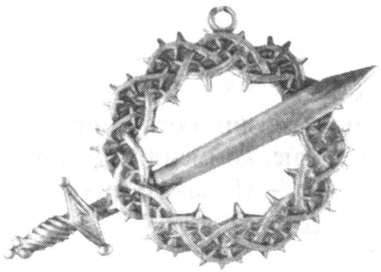
А. С. ЛУКОМСКИЙ

ОЧЕРКИ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

ВОСПОМИНАНИЯ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС

2012

А. Лукомский

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)53+63.3(2)61
Л84

Издательство выражает искреннюю признательность:

сотрудникам Архива Гуверовского Института войны, революции и мира (США), и лично Кэрол Леденхэм, — за помощь в работе с архивными материалами;

А. В. Марыняку, А. В. Левченко, А. В. Арановичу — за помощь в подборе иллюстративных материалов;

Л. Ю. Тремсиной за содействие в подготовке издания

Серийное оформление *А. М. Драгового*

Лукомский, А. С.

Л84 Очерки из моей жизни. Воспоминания / А. С. Лукомский; составл., предисловие, коммент. С. В. Волкова. — М. : Айрис-пресс, 2012. — 752 с. — (Белая Россия).

ISBN 978-5-8112-4483-6

В книге представлены воспоминания видного военачальника генерал-лейтенанта А. С. Лукомского (1868–1939), отражающие события его личной жизни и военной службы как в Императорской армии, так и в Вооруженных силах на Юге России в годы Гражданской войны. В феврале–марте 1917 г., находясь в Ставке Верховного Главнокомандующего, генерал Лукомский стал свидетелем роковых событий, связанных с отречением от престола Императора Николая II.

Сборник включает «Очерки из моей жизни» и впервые публикуемые в России «Воспоминания генерала А. С. Лукомского» (Берлин, 1922), а также некоторые архивные материалы из фонда А. С. Лукомского в Архиве Гуверовского Института (Пало-Алто, США).

ББК 63.3(2)53+63.3(2)61
УДК 94(47)

© Составление, предисловие, комментарий, оформление. ООО «Издательство «АЙРИС-пресс», 2012

ISBN 978-5-8112-4483-6

О ВОСПОМИНАНИЯХ А. С. ЛУКОМСКОГО

Жизненный путь автора публикуемых воспоминаний, Александра Сергеевича Лукомского, как и его судьба были в общем-то типичными для русского офицера своего времени. Сын военного инженера из дворян Полтавской губернии, он родился 10 июля 1868 г., и на его долю выпало пережить те события, которые до сих пор тяжело отзываются на жизни страны. Достаточно обычной для выходца из его среды была и большая часть его карьеры. Он окончил в 1885 г. Полтавский кадетский корпус, затем в 1888 г. Николаевское инженерное училище. После службы в 11-м саперном батальоне поступил в академию Генштаба, окончив которую в 1897 г., был причислен к Генеральному штабу и начал службу на соответствующих должностях, став в 1907 г. начальником штаба 42-й пехотной дивизии.

Обширные воспоминания, которые оставил А. С. Лукомский, были бы чрезвычайно интересны и в том случае, если бы он не занимал в дальнейшем видных должностей и не играл заметной роли в Белом движении, поскольку очень немногими штаб-офицерами и генералами его поколения были написаны мемуары такого объема, а опубликовано их менее двух десятков. Но А. С. Лукомскому довелось прожить весьма интересную жизнь. Перед мировой войной он сделал блестящую карьеру, став в 1909 г., еще в чине полковника, начальником мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба. Около десяти лет он находился в самой сердцевине российской военной машины, будучи непосредственно причастен к вопросам подготовки страны и армии к будущей войне (с 1913 был помощником начальника, а с июля 1914 г. — начальником канцелярии Военного министерства и с июня 1915 г. одновременно и помощником военного министра).

Во время войны после командования дивизией (с 2 апреля 1916 г. А. С. Лукомский был начальником 32-й пехотной дивизии, а затем начальником штаба 10-й армии) судьба приводит его на высшие штабные должности в Действующей армии. С 21 октября 1916 г. он становится генерал-квартирмейстером штаба Верховного Главнокомандующего, заняв вторую по значению должность в штабной иерархии, а после двухмесячного командования 1-м армейским корпусом (с 2 апреля по 2 июня 1917 г.) назначается начальником штаба Верховного Главнокомандующего.

На этой должности он пережил развал армии и, целиком разделяя те чувства и соображения, которые владели тогда русским офицерством, поддержал выступление ген. Л. Г. Корнилова против Временного правительства в августе 1917 г. Кстати, именно описанию А. С. Лу-

комского, находившегося в самом центре этих событий, мы обязаны информацией о подоплеке этого выступления.

После ареста вместе с другими представителями высшего командного состава он содержался в Быховской тюрьме, откуда накануне захвата Ставки большевиками в ноябре 1917 г. пробрался в Новочеркасск и стал начальником штаба Алексеевской организации. После преобразования ее в Добровольческую армию становится начальником штаба армии, оставаясь на этом посту до начала февраля 1918 г. Затем Лукомский был назначен представителем Добровольческой армии при Донском атамане, а с началом 1-го Кубанского («Ледяного») похода был направлен в командировку на Украину и в Крым (Царицын–Харьков–Севастополь–Одесса) для связи с офицерскими организациями.

В июле 1918 г. он возвращается на Дон и с августа становится заместителем председателя Особого Совещания и помощником командующего Добровольческой армией, а с октября 1918 г. — начальником Военного управления Добровольческой армии и образованных к началу 1919 г. Вооруженных Сил на Юге России (ВСЮР). С 12 октября 1919 г. до февраля 1920 г. был председателем Особого Совещания (правительства) при главкоме ВСЮР.

В марте 1920 г. при эвакуации Новороссийска выехал в Константинополь, где с апреля 1920 г. был представителем Русской Армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. находился в распоряжении Главнокомандующего Русской Армии. В эмиграции А. С. Лукомский жил сначала во Франции, затем в Югославии (в Белграде), затем в США и вновь во Франции, состоял членом Общества офицеров Генерального штаба. После преобразования Русской Армии в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) он продолжает деятельность на военно-политическом поприще, будучи помощником Великого князя Николая Николаевича (в т. ч. уполномоченным по делам на Дальнем Востоке и в Америке), а с 1928 г. состоял в распоряжении председателя РОВС. Скончался генерал Лукомский 25 февраля 1939 г. во Франции.

В своих воспоминаниях Лукомский касается далеко не только военных вопросов и вообще вопросов службы, — довольно много внимания уделено бытовым описаниям, а также характеристике отдельных лиц русской армии. В последнем он, пожалуй, проявляет излишнюю пристрастность (как положительного, так и отрицательного плана), особенно когда речь идет о генерале М. И. Драгомирове, на дочери которого Софье Михайловне был женат Лукомский.

С точки зрения истории наиболее интересна, конечно, та часть воспоминаний А. С. Лукомского, которая посвящена Гражданской войне. Ценность его мемуаров обусловлена прежде всего тем высоким

положением, которое он занимал в Вооруженных Силах Юга России. Он не принадлежал к числу «первых лиц» Белого движения — руководителей его на том или ином фронте белой борьбы. Но из таких лиц только трое (П. Н. Краснов, А. И. Деникин и барон П. Н. Врангель) оставили основательные воспоминания. Да и из полутора-двух десятков деятелей «второго плана» сопоставимые по информативности мемуары написаны только А. П. Родзянко, К. В. Сахаровым и В. В. Марушевским. Этим и определяется то место, которое занимают воспоминания генерала Лукомского среди источников по истории Гражданской войны и Белого движения.

Следует заметить, что, пожалуй, в отличие от большинства белых генералов, чьи мемуары весьма пристрастны в отношении своих соратников по борьбе, а часто и прямо заострены против некоторых из них, Лукомский сохраняет «равноудаленную» позицию и пытается объективно отразить роль каждого из конфликтовавших между собой военачальников. Много внимания он уделяет взаимоотношениям с союзниками, что представляет собой очень важную часть его воспоминаний, поскольку в силу занимавшихся им должностей во ВСЮР он выступает как наиболее информированное в этих вопросах лицо.

Наконец, отметим, что воспоминания А. С. Лукомского явились одними из самых первых обширных мемуаров белых военачальников и были написаны, что называется, «по горячим следам» событий. Они начали публиковаться уже в 1921 г. во 2-м томе «Архива русской революции» (глава, посвященная событиям февраля–июля 1917 г.), а в следующем году в 5-м томе вышло продолжение (главы, охватывающие время от Корниловского выступления до весны 1918 г.)*. В том же 1922 г. в Берлине вышли два тома мемуаров под названием «Воспоминания генерала А. С. Лукомского» и подзаголовком «Период европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками», куда вошли и главы, публиковавшиеся в «Архиве русской революции» (при этом автор внес дополнения в первоначальный вариант главы V). «Воспоминания» были также изданы на английском (Лондон, 1922) и немецком (Берлин, 1923) языках.

Однако позже, в Париже, он написал еще весьма значительную часть своих воспоминаний: «Очерки из моей жизни», которые посвящены детству, юности и службе до Первой мировой войны (предвоенные годы были описаны им подробнее, чем в соответствующих главах двухтомника). Эти воспоминания в 1938 г., вместе с другими материалами, были переданы самим генералом в Русский заграничный исто-

---

* Из воспоминаний ген. А. С. Лукомского // Архив русской революции, Берлин: Слово. 1921, т. II, с. 14–44; 1922, т. V, с. 101–189.

рический архив в Праге (через представителя архива в Париже), а оттуда вместе со всеми материалами Пражского архива в 1946 г. попали в ГАРФ, где и хранятся в настоящее время (ф. 5829). Впервые они были опубликованы сотрудниками архива З. И. Перегудовой и Л. И. Петрушевой в журнале «Вопросы истории» (2001, № 1–11).

Ряд материалов из личного архива ген. Лукомского был передан его потомками в архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стенфордском университете (Пало-Алто, США). В этом архивном фонде, в частности, хранится первоначальный рукописный вариант «Очерков из моей жизни», включающий и последнюю главу, которую автор не предполагал публиковать и не передавал в Пражский архив. Эта глава под названием «Моя внеслужебная жизнь в Петербурге перед войной», а также некоторые другие материалы из того же архива, опубликованы в Приложении к настоящему изданию.

В книге воспоминания А. С. Лукомского воспроизводятся в хронологическом порядке: сначала «Очерки из моей жизни», затем — материалы двухтомника 1922 г., которые публикуются в России впервые.

С. В. Волков

От редакции: текст книги публикуется в соответствии с правилами современной орфографии, стиль автора полностью сохранен.

ОЧЕРКИ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Государственный архив Российской Федерации, ф 5829, оп. 1, д. 1–6
Впервые опубликовано. «Вопросы истории», 2001, № 1–9
Авторская рукопись «Очерки из моей жизни» –
Архив Гуверовского института, фонд А.С Лукомского,
кор. 2, д 9–14; кор. 3, д 1.
Печатается с сокращениями

Настоящие очерки для печати не предназначаются. Правильней говоря: я их для печати не предназначаю, но если после моей смерти мои наследники захотели бы их напечатать, я ничего против этого не имею. Преследуемая мною цель заключается в том, чтобы дать картины различных сторон русской жизни и описать события, свидетелем или участником которых мне пришлось быть.

Дочь моя Софья и сын Сергей к началу мировой войны имели всего 11 и 10 лет, а потому их воспоминания о старой России, конечно, очень смутны. Дальнейший период, до 1920 года, когда они были вывезены из России при эвакуации Новороссийска, протек в ненормальных условиях войны, революции и гражданской смуты, а потому, как бы ни были сильны воспринятые ими впечатления, он не мог пополнить их совершенно недостаточные представления о русской жизни. Из моих же очерков, несмотря на их отрывочный и несистематический характер, они всё же познакомятся со многими вопросами, уже отошедшими в область предания...

Я постараюсь не касаться интимной стороны моей жизни, которая, как я считаю, не только не может быть предназначена к печати, но которая, касаясь лишь переживавших ее лиц, не подлежит сообщению даже самым близким лицам, не имевшим прямого к ней отношения.

Скажу несколько слов о роде Лукомских. Из дворянских книг Черниговской и Полтавской губерний, а также из небольшой статьи «Сказка о роде Лукомских», напечатанной в половине XIX в. в одном из киевских исторических журналов, известно достоверно лишь следующее:

Первый упоминаемый в этих документах Лукомский, Степан Иванович, отмечен как владелец крупных земельных угодий около Умани, в Черниговщине и Полтавщине, около середины XVIII столетия. Про отца его, Ивана Степановича, сказано только, что он был известен как очень образованный человек, получивший образование в Варшаве.

Сын Степана Ивановича, Иван Степанович, отмечен как крупный помещик Черниговской и Полтавской губерний. Жил он в своем родовом имении Журавка на границе Прилукского и Пирятинского уездов Полтавской губернии. На военной службе, в лейб-гвардии Павловском полку, он состоял всего несколько лет. Сохранился его портрет, написанный Боровиковским в 1762 году. Сын его, Родион Иванович, отмечен только как владелец имения Журавка в Полтавской губернии.

Родион Иванович, по-видимому, был типичным хлебосолом-помещиком того времени. Держал он хорошую охоту и открытый стол. По рассказам моего отца, если он окончательно и не разорился, то только благодаря своей жене, рожденной Граф (двоюродная сестра бывшего министра финансов Бунге). Моя бабушка подобрала хозяйство в свои

руки. Будучи очень образованной женщиной, она сама занялась образованием своих трех сыновей: Николая, Федора и Сергея.

Старшего, Николая, она подготовила к экзамену в Киевский университет, по окончании которого он вступил в управление имением Журавка и был мировым посредником в своем уезде.

Второго сына, Федора, не проявлявшего особых наклонностей к наукам, она подготовила к экзамену на пехотного офицера. Прослужив в строю всего один год, он женился на богатой помещице Прилукского уезда и зажил широкой помещичьей жизнью, постепенно проедая наследство, полученное от отца, и женино имение.

Младшего сына, Сергея (моего отца), бабушка подготовила к выпускному экзамену из общих классов Киевского кадетского корпуса и определила в специальный офицерский класс, по инженерному отделению, при том же корпусе. По выходе в офицеры отец поступил в Николаевскую Инженерную академию, которую и окончил военным инженером.

По словам моего отца, бабушка преподавала сама своим сыновьям не только общеобразовательные предметы, совершенно обходясь без учителей (только для уроков по Закону Божьему ею приглашался местный священник), но и преподавала им латинский и греческий языки и живые иностранные языки. Мой отец свободно владел немецким и французским языками. Этим он всецело был обязан своей матери.

В 1864 г., когда мой отец окончил Инженерную академию и получил звание военного инженера, моя бабушка, чувствуя, что ей не долго остается жить, собрала в Журавке всех своих сыновей и, по словам моего отца, сказала им следующее: «Теперь вы все на ногах и надо решить вопрос наследства. Ваши прадед, дед и отец постепенно преуменьшали земли, полученные по наследству. Теперь осталось только одно имение Журавка и небольшой капитал. Если вы поделите Журавку между собой, — вы все получите по небольшому участку, а ваши дети превратятся в однодворцев. В Полтавской губернии не останется ни одного значительного по земельным угодьям представителя рода Лукомских. Я решила так: имение Журавка, а также имеющийся капитал, нужный для ведения хозяйства, полностью переходят в руки старшего брата Николая. Николай в течение десяти лет должен постепенно выплачивать своим братьям Федору и Сергею причитающуюся каждому из них сумму, равную $^1/_3$ цены имения Журавка по оценке этого года. Другого выхода, дабы не раздроблять имения, нет. Ты, Федор, хорошо женился на достойной женщине, владеющей двумя большими имениями. Все управление делами она передала в твои руки. Если ты будешь благоразумен, то можешь приумножить состояние своей жены (дядя Федя оказался неблагоразумным, и к 1880 г. от обоих имений его жены

ничего не осталось). Ты, Сергей, теперь твердо стал на ноги и службой и работой можешь сам составить себе состояние».

Решение матери было сыновьями принято без каких-либо возражений и приведено в исполнение.

Мой отец женился в 1867 г. на моей матери, Вере Владимировне Шпицберг. Отец ее служил по Министерству внутренних дел и был в то время уездным начальником в одной из прибалтийских губерний.

В 1870 г., когда мне было два года, меня возили в Журавку показывать бабушке. К сожалению, она вскоре скончалась, и я совершенно ее не помню. По рассказам же, она была удивительная женщина и пользовалась глубоким уважением и любовью среди всех ее знавших. Она выделялась и своей любовью и заботой к крестьянам. В с. Журавка ею была устроена школа и очень хорошая больница. Дядя Николай говорил, что крестьяне рассматривали его, по должности мирового посредника, только как помощника своей матери. Из родовых документов сохранилась только имеющаяся у меня печать с княжеским гербом, полученная моим отцом от деда, да найденные моим отцом в одном из сундуков на чердаке родового дома в Журавке (уже после смерти дяди Николая, в начале восьмидесятых годов) описание герба рода Лукомских на несколько истлевшем пергаменте и целый ряд грамот за подписью различных малороссийских гетманов, из коих видно, что предки мои служили (сотником, войсковым бунчужным товарищем и помощником войскового писаря) в малороссийском казачьем войске. Найденное моим отцом описание герба вполне соответствует полученной им от деда печати. Герб является литовским княжеским гербом, известным под названием «Скала».

По устным преданиям, слышанным моим отцом от его отца и деда, наша ветка Лукомских происходит от литовских князей Лукомских, один из представителей которых в конце XVII в. перебрался на юго-запад России, и там он и его потомки «оказачились» и стали малороссами — хохлами. Обстановка того времени и последующих по крайней мере полутора веков совершенно заставила забыть о княжеском происхождении.

Уже в царствование императрицы Екатерины II Степан Лукомский решил восстановить права на княжеский титул. Подобрав некоторые данные, он отправился в Литву и Польшу, чтобы там по монастырским архивам подобрать все нужные справки и доказательства. Ему якобы удалось подобрать неопровержимые доказательства своего прямого происхождения от княжеского рода Лукомских, но в это время он узнал, что его жена, для удовлетворения честолюбия которой он главным образом и предпринял поиски, стала в его продолжительное отсутствие на кого-то заглядываться... Он якобы вернулся, навел дома порядок

и, уничтожив привезенные документы, объявил жене: «А ты теперь княгиней не будешь».

Было ли это так или иначе — документов не сохранилось. Но во всяком случае не подлежит сомнению, что нахождение моим отцом некоторых родовых документов на чердаке деревенского дома показывает на полное безразличие ближайших моих предков к своей родословной. Жили помещиками богато и сытно, имели хорошую охоту, и больше ничего не требовалось.

Я лично не имел ни времени, ни возможности заняться розысками по делам родословной. В департаменте герольдии были только те сведения, которые имелись в дворянских книгах Черниговской и Полтавской губерний. Чтобы произвести более доскональное расследование, нужно было бы покопаться в архивах Польши и Литвы, и только этим путем можно было бы связать линию, вышедшую в Малороссию (в казачество) с литовскими князьями Лукомскими.

В России было несколько веток рода Лукомских. Одна из них, по-видимому, появилась в России (в Великороссии) из Польши в XVIII столетии, и потомки этой линии сохранили княжеский титул. Но, насколько знаю, к началу XX столетия единственной представительницей этой ветки была престарелая княжна Лукомская, жившая в Петербурге. По-видимому, с ее смертью эта линия пресеклась.

Другая ветка появилась в Великороссии из Польши примерно в то же время, как и первая, но без княжеского титула.

Третья ветка дольше других оставалась в Польше и была католической линией. Насколько знаю, представители этой линии поселились в Киевской и Черниговской губерниях только в XIX в. и здесь перешли в православие. Княжеский титул они не сохранили.

Четвертая ветка — наша. Она, по-видимому, оказалась наиболее плодовитой и многочисленной. Наибольшее число их представителей осело в Полтавской губернии.

Представители второй (один из них — гвардейской конной артиллерии Владимир Лукомский[1]) и представители третьей (главным образом художник Георгий Крескентиевич Лукомский и его брат, служивший в департаменте герольдии) задались целью доказать прямое свое происхождение от литовских князей Лукомских и ходатайствовать о получении титула. От Георгия Кр. Лукомского слышал, что их изыскания были довольно успешны и они надеялись (это было в 1914 г.), что им скоро удастся заполнить только одно недостающее звено в родословной цепи. Но революция все это, конечно, нарушила.

Представители всех четырех веток рода Лукомских претендуют на один и тот же герб «Скала». В описании герба рода князей Лукомских указано, что кроме герба «Скала» считается также гербом князей

Лукомских и Литовский королевский герб «Погоня». Это, вероятно, выводится на том основании, что княжна Лукомская была якобы замужем за королем литовским Ягелло.

Период до начала школьного времени (1872–1879 гг.)

Первое запечатлевшееся в моей памяти впечатление на начавшемся для меня жизненном пути связано с поездкой моей матери в 1872 г. на свидание с отцом, который был на постройке Царицынской железной дороги (в тот период начавшегося обширного строительства железных дорог в России, вследствие недостатка инженеров путей сообщений, на эти постройки откомандировывались от военного ведомства военные инженеры).

Мне совершенно отчетливо представляется изба, в которой мы сидели за небольшим столом и, по-видимому, закусывали. Вдруг вбегает в комнату какой-то человек и кричит, что надо ехать, так как напали разбойники.

Начинается суета, выносят вещи, одевают меня, выносят и сажают на колени к матери в какую-то телегу. Затем крики, плач матери, и мы мчимся куда-то в темноту...

Впоследствии я неоднократно слышал рассказы моей матери, что после остановки на ночлег в каком-то постоялом дворе в Воронежской губернии прибежал ямщик и сказал, что с соседнего хутора прискакал верховой и сообщил, что на хутор напали разбойники и что поэтому надо немедленно уезжать. Это произвело страшный переполох, и моя мать, а также какая-то другая семья, остановившаяся на этом постоялом дворе, решили немедленно удирать. Быстро собрали вещи, сели в почтовые возки и полным ходом понеслись от опасного места...

Мне в это время было четыре года. Действительно ли это сохранившееся у меня первое жизненное впечатление, или оно было навеяно последующими рассказами, судить, конечно, теперь трудно. Но это впечатление сохранилось у меня так ярко, что я думаю, что это было действительно мое первое сознательное впечатление, сохранившееся на всю жизнь. То, что затем я ничего не помню, что было в последующие два-три года, я объясняю тем, что просто ничего не было яркого, резкого, что запечатлевается в детской памяти.

В 1874 г. мой отец перешел на постройку Лозово-Севастопольской железной дороги, и его дистанция была к северу от Симферополя, кажется, до Александровска. Мать поселилась в Симферополе.

Следующее резкое детское воспоминание относится до 1875 г., когда мне было семь лет. Мать со мной, с моей сестрой Лелей (Еле-

ной), которая была моложе меня на три года, и братом моим Сергеем, которому тогда был всего один год, поехала летом 1875 г. навестить отца и провести с ним лето до осени.

Помню, как отец собирался ехать на лодке (по плавням Днепра) на охоту на уток. Мне было обещано, что меня отец возьмет на охоту, если я выучу таблицу умножения.

Отец уже снарядился для охоты и стал меня экзаменовать. Я сделал какую-то ошибку, и отец сказал, что на охоту не поеду. Конечно, рёв, но затем я вспоминаю проклятую цифру и весь в слезах бегу за отцом и громко кричу требуемую цифру. Отец остановился и вновь меня проэкзаменовал. Я выдержал и, все еще всхлипывая, с гордостью надел на себя отцовский ягдташ и поехал с отцом на охоту...

Охота была удачна. Настреляно было много уток. Особенно на меня впечатление произвела убитая отцом птица-баба (пеликан). Эта первая охота вкоренила в меня любовь к охоте. Я с тех пор только об охоте и мечтал и впоследствии стал страстным охотником и хорошим стрелком.

Летом 1876 г. моей матери вздумалось подарить мне гусарский костюм, с ментиком, шашкой... С этим костюмом мои детские воспоминания связывают много приятного, но много и неприятного.

По праздникам я получал разрешение одеться гусаром и идти в городской сад, против которого мы жили. Мое появление в саду, среди детей моего возраста, в полной гусарской форме, вызывало восторг у одних, зависть и насмешки у других и остро неприязненное отношение у уличных мальчишек и гимназистов младших классов местных гимназий. Претерпев несколько раз довольно сильные побои от «врагов», но не желая покориться и перестать носить гусарскую форму, я пытался только пробраться незаметно в какой-нибудь глухой угол сада и там изображал из себя взрослого гусара. Но скоро мои «укромные углы» были открыты, и мать, узнав о постоянно происходящих потасовках, отобрала мою форму и, к великому моему огорчению, кому-то подарила.

Осенью же 1876 г. мы переехали в Севастополь, где отец купил участок земли и построил на Тотлебенской набережной дом. К этому времени была закончена постройка Лозово-Севастопольской железной дороги и отец был назначен инженером в царское имение Ливадия. В период ремонтов и построек отец жил в Ливадии, а остальное время в Севастополе. Мать жила в Севастополе, периодически наезжая в Ливадию, но обыкновенно на два-три летних месяца перевозились и мы, дети, в Ливадию.

Севастополь того времени еще больше чем наполовину был в развалинах после Крымской кампании 1854–1855 годов. Средняя часть города (гора) была почти вся в развалинах и даже на главных окружающих

город улицах (Екатерининский и Нахимовский проспекты и Большая Морская) не менее половины домов представляли собой развалины. Эти развалины являлись отличным убежищем для различного преступного элемента, которого в городе было много. Грабежи были постоянным явлением; без револьвера никто не рисковал по ночам ходить по уединенным и разрушенным частям города. Жители города были буквально терроризованы шайкой грабителей; было много и убийств.

Наряду с серьезными грабежами случались и курьезы. Однажды у нас вечером собрались гости. Было, вероятно, еще не поздно, так как меня еще не отослали спать, как раздались отчаянные звонки на парадной. Горничная открыла дверь, и в гостиную влетела страшно взволнованная одна наша знакомая — старая дева. «Что с вами?» — «Меня ограбили». Старая девица взволнованным голосом рассказала, что недалеко от нашего дома на нее напали два грабителя, приставили ей револьвер к голове и потребовали кошелек и серьги. Она все это отдала. После этого грабители ее отпустили, подарив ей револьвер. «Как — револьвер? Где он?» — «Они его положили в эту сумочку». Окружающие ее слушатели буквально вырвали из ее рук сумочку, открыли и вынули оттуда... кусок колбасы.

Севастопольские развалины для нас, детей, представляли источник громадных наслаждений. Экскурсии по развалинам, игра в разбойников занимали все свободное от учебных занятий время, а науками нас не утруждали. <...>

Война 1877 и 1878 годов, конечно, нас, детей, очень волновала, и мы, впитывая всякие слухи, болезненно и страстно ее переживали. Все остальное отошло на второй план.

Летом 1877 г. мать повезла нас, детей, к отцу в Ливадию.

Помню, как однажды мать, мы, дети, и еще одна дама (София Ивановна Туловская, затем, по второму браку, Колюпанова) поехали из Ливадии на берег моря купаться. Во время нашего купанья на горизонте появился дым. Мать и С. И. Туловская решили, что это турецкий монитор и что он будет обстреливать Ялту и Ливадию. Захватив нас, дамы, в полураздетом виде, бросились в экипаж, и мы во всю прыть лошадей поехали домой, в Ливадию, в надежде, что туда снаряды не будут доставать. Впоследствии выяснилось, что пароход был «Веста», возвращавшийся в Севастополь после боя с турецким монитором.

Детские переживания во время войны 1877—78 годов в значительной степени повлияли на мою дальнейшую карьеру. Отец хотел меня отдать в реальное училище, чтобы я подготовился к высшему техническому учебному заведению и был впоследствии инженером. Я же, охваченный воинственным пылом, умолял отдать меня в военную гимназию.

Случай помог осуществлению моего желания. К осени 1878 г. я был недостаточно подготовлен для поступления в реальное училище (мои развлечения в развалинах и на берегу моря, по-видимому, сильно мешали наукам), и родители решили отдать меня во второй класс училища в 1879 году. Между тем во время пребывания Императора Александра II в Ливадии весной 1879 г. мой отец как-то случайно встретил Государя в парке Ливадийского дворца. Государь заговорил с отцом, стал его расспрашивать про нашу семью и, узнав, что мне, старшему сыну, уже минуло десять лет, спросил: «Ты его, конечно, отдашь в военную гимназию?» Отец ответил, что я очень хочу быть в военной гимназии и служить на военной службе. Государь сказал: «Скажи ему, что я его устрою. Тебе же будет сообщено, в какую гимназию он будет определен». Родители были несколько смущены и огорчены, я же ликовал.

Летом 1879 г. отец получил уведомление из Петербурга, что меня надо к августу доставить в Симбирск, где я, если выдержу вступительный экзамен, буду принят на казенный счет во второй класс. Родители были очень огорчены, что меня определяли в гимназию столь далекого от Севастополя Симбирска, но отказываться нельзя было. Мне же было совершенно безразлично, в какой город, в какую гимназию, — лишь бы она была военной.

Родители утешались тем, что впоследствии можно будет перевести меня поближе к Севастополю, и тем, что в Симбирске жила двоюродная тетка отца, Варвара Егоровна Радионова, и все двоюродные сестры — Екатерина Николаевна Языкова и Варвара Николаевна фон Румель.

Я думаю, что представит некоторый интерес описание Севастополя и его окрестностей, относящееся до 1878–1879 годов. Хотя мне было тогда всего 10–11 лет, но благодаря игре «в разбойники» в севастопольских развалинах и «в войну» на старых севастопольских укреплениях, оставшихся с 1854 г., я отлично помню Севастополь того времени.

В приличном, то есть застроенном виде были только Нахимовский проспект и Большая Морская улица, да и то на них местами зияли большие пустыри и попадалось довольно много развалин домов, пострадавших от бомбардировок в Севастопольскую кампанию.

Дома в два и три этажа попадались как исключение; большая часть домов были одноэтажные небольшие особняки. На Нахимовском проспекте от Б. Морской до нынешнего Приморского бульвара была прилично застроена только южная сторона улицы, прилегающая к горе; северная же часть улицы, примыкающая к стороне моря, была застроена жалкими домишками, за которыми, вплоть до Северной бухты, тянулся пустырь, на котором был раскинут базар с лотками и небольшими лавочками.

Приморского бульвара не существовало; был грязный и обширный пустырь, покрытый бурьяном, и имелось несколько небольших домиков, скорее лачуг.

Около Графской пристани возвышалось лучшее по тому времени здание в городе — гостиница Киста (старая гостиница, около которой впоследствии была построена новая, ныне существующая гостиница Киста). Затем тут же на Графской площади было здание морского ведомства (управление порта) и управление (контора) Русского общества пароходства и торговли.

На Екатерининской улице, начинавшейся от площади у Графской пристани и огибавшей центральную часть города с восточной стороны, было только десятка два приличных домов; из них лучшими были: гостиница Ветцеля, здание почты, дом градоначальника. Морской собор, так называемый Тотлебенский дом и не больше десятка частных домов в один и два этажа. Все остальное пространство представляло груду сплошных развалин. Здание таможни тогда только строилось рядом с небольшим домиком, где помещалась старая таможня.

Была застроена небольшими, но хорошими домами Тотлебенская набережная (от Таможни), на которой находился и наш дом.

Дорога от Екатерининской улицы до вокзала тянулась по сплошному пустырю; попадались только отдельные домики, принадлежавшие портовым рабочим и отставным матросам. Площадь, соединяющая Б. Морскую и Екатерининскую улицы, была под сенным базаром; на ней был только один дом в три этажа, совершенно казарменного вида, принадлежавший богатому хлеботорговцу и спекулянту по торговле землей в Крыму — Дуранте. Исторического бульвара еще не существовало.

Вся средняя часть Севастополя (гористая) была в сплошных развалинах. Наверху только возвышался собор, и вокруг него несколько казенных и городских зданий (между прочим реальное училище и несколько домов морского ведомства). Частных зданий в средней части Севастополя было мало, и они были разбросаны среди развалин.

К западу от Б. Морской (по направлению к Херсонесу и примыкая к морю) было небольшое предместье, застроенное небольшими домиками, принадлежавшими большей частью семьям старых матросов.

Корабельная и Северная стороны имели свои небольшие поселки, населенные рабочим людом.

Водопровода в городе не было; воду по домам развозили в бочках. Более состоятельные люди имели своих лошадей для привоза воды, ибо водовозы брали за воду сравнительно дорого (по 1 копейке за ведро). Канализации, конечно, не было. Освещение улиц (да и то только главных) было крайне мизерное. Только на главных улицах были жалкие остатки мостовой (вряд ли ремонтировавшейся со времен Севастополь-

ской кампании), и все улицы были покрыты густым и толстым слоем известковой пыли.

Интеллигентная часть населения города состояла из военных (чины частей местного гарнизона), небольшой группы инженеров и архитекторов, поселившихся в Севастополе после проведения Лозово-Севастопольской железной дороги, небольшого чиновничьего кружка, учительского персонала двух учебных заведений (мужского и женского), нескольких врачей, довольно значительной группы старых отставных моряков (было несколько видных защитников Севастополя 1854 г.), небольшого кружка старых севастопольских аборигенов (преимущественно занимавших места по городскому управлению) и нескольких дельцов по хлебной торговле и спекуляции с покупкой и перепродажей земли. Жизнь была очень патриархальная. Все друг друга знали, друг у друга бывали, играли в карты, устраивали любительские спектакли и живые картины.

Весенние, летние и осенние вечера большинство не занятых какой-либо работой проводило на Мичманском бульваре, где в ротонде танцевали, играли в карты и ужинали... Жили так, как текла жизнь и в других захолустных небольших городах России.

После Севастопольской кампании 1854–1855 гг. Севастополь совершенно захирел. Флота у России не было. Новых жителей в Севастополе не появилось. Подвоза к Севастополю каких-либо товаров не было, а следовательно, бездействовал и торговый порт. Денег на восстановление разрушенных домов не было, и Севастополь постепенно умирал. Оживление началось только после постройки Лозово-Севастопольской железной дороги, но до Турецкой войны 1877–1878 годов еще не было заметных результатов.

В Херсонесе еще не начались раскопки старого города. Был только небольшой Херсонесский монастырь, испытывавший страшную нужду. Георгиевский монастырь также был страшно беден, и монастырская братья с трудом существовала. Балаклава представляла из себя небольшую, жалкую рыбацкую деревушку. Инкерманский монастырь также едва существовал.

Вокруг Севастополя было много хуторов, процветавших до Крымской войны, но к описываемому времени только два-три из них вновь превратились в цветущие сады и имели хорошие виноградники. Остальные же носили еще свежие следы разрушения за время Крымской войны и были в самом жалком виде. Все ближайшие окрестности Севастополя были еще покрыты полузасыпавшимися траншеями и редутами, и всюду были следы лагерей неприятельских войск...

В общем картина была очень грустная и все указывало на большую нужду населения.

Симбирская военная гимназия

В первых числах августа 1879 г. моя мать привезла меня в Симбирск.

Остановились мы у моей двоюродной бабушки Варвары Егоровны Радионовой.

Первое впечатление, которое на меня произвела В. Е. Радионова, было крайне отрицательное. Я привык к свободе и был несколько распущен. Бабушка же оказалась женщиной властной и казалась крайне строгой. Я сразу почувствовал, что противоречия она не терпела. Большой дом, в котором все ходили чуть ли не на цыпочках, чтобы не рассердить Варвару Егоровну, показался мне тюрьмой, а хозяйка — деспотом, ко мне придирающимся на каждом шагу.

Но через несколько дней мнение о бабушке я изменил. Я понял, что она, при внешней строгости, добра бесконечно. Вскоре я понял, что ее действительно боятся только власть имущие (не исключая местного губернатора) и действительно в чем-либо провинившиеся. Их В. Е. не щадила и с присущей ей прямотой и резкостью отчитывала. Симбирское общество ее уважало и побаивалось.

Мелкий же люд и свои, домашние, только делали вид, что ее боятся, а в действительности эксплоатировали ее доброту. Через несколько дней пребывания в ее доме и я стал одним из «эксплоататоров».

Своим новым положением я прежде всего воспользовался для удовлетворения своей страсти хорошо и много поесть. Варвара Егоровна любила закармливать и считала, что и дети должны много есть. Увидев, что я люблю покушать, она отдала приказание экономке меня ублаготворять...

Экзамены прошли хорошо, и я был принят во второй класс Симбирской военной гимназии. Директором гимназии был генерал-майор Якубович[2], а инспектором классов полковник Ельчанинов[3]. Оба они были прекрасными педагогами и отличными воспитателями. Помню до сих пор нашего общего любимца — учителя естественной истории, фамилию которого, к сожалению, забыл. Он нас постоянно водил на прогулки по окрестностям Симбирска и своими беседами и рассказами умел всех заинтересовать и внушить любовь к своему предмету.

Я пробыл в Симбирской гимназии всего один год, но этот год является одним из лучших воспоминаний моей юности. Хороший подбор преподавателей, руководимый директором и инспектором классов, достигал того, что ученье давалось мальчикам легко и вызывалось хорошее, здоровое соревнование.

Это мое впечатление впоследствии было подтверждено моими однокашниками при встрече с ними уже в военном училище и офице-

рами. Они мне подтвердили, что учебное дело в Симбирской гимназии было поставлено прекрасно. Громадный процент оканчивавших Симбирскую гимназию хорошо знал русский язык, математику и историю.

Помню трагический случай с одним из моих сверстников во время одной из прогулок под руководством учителя естественной истории. Учитель нам как-то рассказал, что в некоторых районах России крестьяне считают грехом убивать змей, но, чтобы обезвредить ядовитых змей, они палкой прижимают голову змеи к земле, затем свободной рукой берут змею около самой головы и при помощи перочинного ножа вырывают у нее ядовитые зубы и затем отпускают ее на волю.

Во время следующей прогулки один из моих приятелей увидел гадюку, свернувшуюся кольцом и гревшуюся на солнце. Не имея палки, он решил просто схватить змею около самой головы. Задумано — сделано. Он схватил змею, но, вероятно, не у самой головы, и она ужалила его в кончик пальца. Змея была нами убита, а укушенного змеею мальчика учитель заставил высосать ранку и смазал ее йодом. К вечеру у моего приятеля поднялась температура, рука вспухла, и он довольно долго пробыл в лазарете. Этот случай нам наглядно показал, что со змеями шутить небезопасно.

Помню «воскресные чаи», которые доставляли большое удовольствие и малым и большим гимназистам. В каждом возрасте (гимназия разделялась на «возраста»; после же переименований гимназий в корпуса — на роты; в состав младшего возраста входили 1-й и 2-й классы) по воскресеньям, от 8 до 10 часов вечера, устраивались чаи. Чай и сахар были «казенные». Гимназисты же доставляли или покупали дополнительные продукты (хлеб, пирожные, сухари, варенье, конфекты и проч.) по способности. На «чай» приходили директор, инспектор, воспитатели и учителя. Каждый из них приносил свою «лепту». Чаепитие сопровождалось туманными картинами, небольшими рассказами преподавателей и воспитателей, живыми картинами, а иногда концертами, любительскими спектаклями, танцами... Программа вечеров обсуждалась заранее, и «возрасты» соперничали один с другим в смысле интереса своих вечеров. По более значительным праздникам, с разрешения начальства, приглашались знакомые и родственники и устраивались танцы с «настоящими барышнями». Гимназисты настолько любили эти вечера, что большинство отпускных возвращалось в гимназию к 8 часам вечера воскресенья, чтобы их не пропускать. Эти отпускные были и главными поставщиками различных вкусных вещей, которые покупались и приготовлялись их родителями или родственниками.

Эта забота дать здоровое и приятное развлечение для мальчиков и юношей со стороны педагогического и воспитательного состава имела громадное воспитательное значение, отвлекая молодежь от различ-

ных дурных поступков. Она же скрашивала жизнь тем воспитанникам, которым некуда было пойти в отпуск.

Вечер субботы и воскресенья я проводил поочередно у бабушки Радионовой и у двух моих теток: Языковой и фон Румель. На Рождество, Масленицу и Пасху я ездил в имения Языковых и Румель. Осталось у меня в памяти, что лучшим развлечением в деревне было катание на тройках.

Год моего пребывания в Симбирской военной гимназии промелькнул как сон и оставил приятные воспоминания на всю жизнь.

Заканчивались экзамены для перехода в третий класс. Я мечтал о поездке на лето в Севастополь, но надеялся, что меня никуда из Симбирска переводить родители не будут. Я им писал, что очень хотел бы остаться в Симбирской военной гимназии. Но вот однажды меня вызвали к инспектору классов, и от него я узнал, что получена бумага из Петербурга о переводе меня в Полтавскую военную гимназию. Я был очень огорчен.

В мае 1880 г. в сопровождении окончившего военную гимназию Николаева (моя мать боялась разрешить мне самостоятельное путешествие из Симбирска в Севастополь, и по ее просьбе В. Е. Радионова командировала меня сопровождать Николаева, сына жившей у нее вдовы офицера) я отправился в Севастополь. Путь наш лежал через Нижний Новгород — Москву — Харьков. Из Симбирска в Нижний Новгород мы выехали во 2-м классе на небольшом пароходе общества «Самолет».

В первую же ночь нашего путешествия мы пережили крупную неприятность. После полуночи, когда все уже спали, я проснулся от какого-то резкого толчка и был сброшен с верхней койки на пол каюты. Еще не придя в себя со сна, я услышал крики: «Тонем, тонем!» Николаев и я натянули на себя сапоги и шинели и побежали на палубу. Кругом стоял крик и страшная суматоха.

Оказалось, что на нас налетел какой-то встречный пароход и, ткнувшись носом в бок нашего парохода, несмотря на крики о помощи, бросился на утек вниз по Волге. Удар пришелся в районе 1-го класса, и вода хлынула в большую пробоину. Наш капитан не растерялся, повернул пароход к берегу и выбросился на отмель. Опасность миновала.

Когда я с Николаевым выскочили на палубу, мы наткнулись на совершенно голую даму, которая, стоя около мачты, истерически рыдала. Какой-то пассажир накинул на нее свое пальто. Как потом оказалось, эта дама, пассажирка 1-го класса, в момент столкновения меняла перед сном рубашку. От испуга она выскочила на палубу «как мать родила».

Волнение среди публики на пароходе долго не улегалось. Серьезно пострадавшим оказался только один буфетчик 1-го класса. Его жена и дочь спали в буфетной. Когда вода хлынула в помещение 1-го класса, он бросился в буфетную, чтобы вывести оттуда жену и дочь, но дверь не открывалась, и он в отчаянии руками разбил стекла в двери и пере-

резал себе вены на руках. Сразу ему не помогли, и он через несколько времени скончался от потери крови.

Целый день мы простояли на отмели, и только в конце дня нас пересадили на догнавший нас пароход того же общества «Самолет». Дальнейшее путешествие было без приключений.

Осталось у меня в памяти пребывание на Московском вокзале, где меня жестоко оскорбили две какие-то дамы. Николаев куда-то ушел, а я остался при вещах в зале 1-го и 2-го класса. Пришедшие в зал две дамы сели против меня. Через несколько времени одна из дам стала со мной заговаривать и предложила мне конфект. Мне показалось неприличным «заигрывание» баб с почти «взрослым» военным гимназистом, и я упорно отмалчивался, а от конфект отказался. Дамы сначала начали смеяться, называя меня букой и крымским яблочком, а затем стали меня целовать... Я отбивался и пришел в раж, а они еще больше меня стали тормошить... Наконец я вырвался и забился в угол зала. Пришедший Николаев с трудом меня успокоил.

По приезде в Севастополь я был принят в компанию военных гимназистов, которые держали себя обособленно от «шпаков», то есть штатских, и были в открытой вражде с местными учениками реального училища. На нижней аллее Мичманского бульвара постоянно происходили «бои» противников, как групповые, так и в одиночку — один на один. «Шпаков» было больше, среди них были многие великовозрастней, чем мы, и нам стало жестоко доставаться. Мы стали искать союзников. Моя дружба с уличным мальчишкой «Козлом» нам помогла. Договорившись с «Козлом» и уплатив ему некоторую мзду съедобными вещами, мы условились, что в указанный вечер десяток мальчишек под предводительством «Козла» спрячутся в кустах и по сигналу бросятся нам на помощь. Затем был послан «вызов шпакам». Результат боя превзошел все наши ожидания. Своевременное вступление в бой нашего резерва ошеломило врагов, и они позорно бежали с места битвы...

После этого боя «шпаки» уступили нам первенство и перестали нас затрагивать, боясь грозных для них наших союзников. Но «дань» союзникам нам пришлось уплачивать в течение всего лета...

До сих пор мне хорошо памятен один случай, который меня в то время ужасно обидел и огорчил. Бродя по окрестностям Севастополя с моим приятелем Александром Еранцовым[4], мы забрели к Херсонесскому монастырю. Там мы наткнулись на древнего монаха, сидевшего на камне и гревшегося на солнце. Он нас подозвал, услышав наши голоса, и, сказав, что он слепой, стал ощупывать голову Еранцова. Затем он сказал Еранцову: «Дай я тебя благословлю. Тебе предстоит большая будущность. Ты будешь скромным героем, хорошим военачальником и будешь делать много добра».

Еранцов был очень доволен. Подошел к старцу и я. Результат ощупывания моей головы дал для меня неблагоприятные результаты. Старый монах стал волноваться, а затем закричал: «Уходи, уходи; тебя не благословлю. Ты будешь кутилой, пьяницей и беспутным человеком». Я как ошпаренный бросился от монаха и долго не мог этого забыть и простить ему обиду...

Много раз в жизни я вспоминал это предсказание. Относительно Еранцова оно оправдалось в той части, что действительно Александр Еранцов был всегда честным, скромным и многим помогал; но став военным юристом, он не стал военачальником и героем. Что же касается меня, то, по совести говоря, было несколько моментов в жизни, когда только страсть к охоте и природе пересиливали «легкомысленный» образ жизни и отвращали меня от пагубного пути...

Лето 1880 года протекло быстро, и в августе моя мать повезла меня в Полтаву.

Полтавская военная гимназия, переименованная, кажется, в 1882 году в кадетский корпус

Приехали мы в Полтаву вечером и остановились в гостинице. На другой день утром моя мать повезла меня в гимназию. После представления директору, генералу Семашко[5], я был отпущен к матери до 11 часов вечера. Вечером меня мать проводила в гимназию.

Дежурный воспитатель отвел меня в спальню и указал мне предназначенную для меня постель. Я быстро разделся и юркнул под одеяло.

Голова моя была полна мыслей о том, что меня ожидает в новой гимназии: какие товарищи, какие порядки, какое начальство... Спать я не мог. Через несколько времени я увидел, что к моей кровати приблизились какие-то две фигуры; я притворился спящим и напряженно стал прислушиваться к их разговору, который велся полушепотом. «Вот здесь устроили новичка». — «Да, я знаю; нам надо его завтра испытать. Я придумал хорошую штуку. Я его утром заставлю выпить стакан воды, насыщенный солью».

Эта перспектива не навеяла на меня сон, и я проворочался до утра, думая о предстоящем испытании и соображая о лучшем способе реагировать на него.

При первом же звуке трубы, возвещавшей, что пора вставать, я увидел перед своей кроватью группу гимназистов в одном белье; впереди стоял крупный и широкоплечий гимназист со стаканом в руке.

«Ну, новичок, вставай, — сказал этот гимназист. Я быстро вскочил на ноги и очутился перед группой мальчиков, с интересом меня разглядывавших. — Посмотрим теперь, что ты из себя представляешь:

молодец ты или баба, то есть дрянь. Как твоя фамилия?» — «Лукомский». — «Ну вот, Лукомский, потрудись немедленно и одним духом выпить стакан воды. Получай».

Я взял стакан, приподнес его к губам и, почувствовав рассол, швырнул стакан на пол и со всего маха залепил пощечину поднесшему мне это угощение.

Через минуту я, с окровавленной физиономией, был повергнут на пол. Другие гимназисты стащили с меня совершенно озверевшего своего приятеля.

Пострадал я изрядно, но было признано, что я «молодец» и что испытание выдержал. До окончания корпуса избивший меня Быков, первый силач в классе, стал моим самым близким другом и впоследствии неоднократно меня вызволял из всяких неприятных историй. Но всё же этот прием, «крещение», как называлось, произвел тогда на меня очень тяжелое впечатление. К таким приемам в Симбирской военной гимназии не прибегали, и вообще меня поразила грубость нравов моих новых приятелей.

Впоследствии я понял, что это являлось прямым следствием того, что воспитатели в Полтавской гимназии гораздо меньше занимались своими воспитанниками, чем в Симбирской гимназии. Многое и другое в Полтавской гимназии показалось мне много хуже того, что было в Симбирске. Прежде всего — кормили и плохо, и голодно. На этой почве вскоре после моего перевода в Полтавскую гимназию произошла очень крупная история: голодный бунт. Затея шла, конечно, от воспитанников старших классов, сумевших подговорить все классы.

Однажды во время обеда на всех столах поднялся страшный шум и крики: «Не хотим есть тухлые котлеты. Уберите эту дрянь. Лучше кормите одним хлебом, а не давайте тухлятину. Воры! Мы голодны!» и т. д.

Хаос был полный. В появившегося эконома полетели котлеты. Сбежавшееся начальство не могло успокоить взбунтовавшихся гимназистов. Наконец пришел директор, генерал Семашко, и с трудом успокоил публику, обещав все разобрать.

Расследование велось долго, и, по-видимому, начальство убедилось, что основания для «бунта» были серьезные. Дело было замято, нас стали кормить лучше и между 2-м и 3-м уроками выдавали дополнительно по довольно большому куску белого хлеба.

Но все же пища, даваемая в Полтавской военной гимназии, была менее вкусна и менее обильна, чем в Симбирской. В последней и по моим впечатлениям, и по письмам, которые я получал от моих прежних приятелей, никогда не жаловались на «голод» и на плохое качество пищи. Мы же, в Полтаве, чувствовали себя часто голодными и старались «подкармливаться» своим попечением: покупали во время прогулок

у баб пончики, а по воскресеньям накупали просфор. Но, конечно, так могли «подкармливаться» только те, у кого водились карманные деньги... Многим же это было недоступно.

Как я сказал, начальство «замяло» историю «голодного бунта». Но, как дальше будет видно, не забыло, и гимназисты, которых считали зачинщиками, впоследствии пострадали. О воскресных «чаях», которые так все любили в Симбирской гимназии, в Полтаве не было и помина. Вообще большинство воспитателей в Полтавской военной гимназии не стремилось близко подойти к своим воспитанникам.

Не особенно приятны были мои первые впечатления и по учебной части. Обидел меня учитель истории Павловский. На одном из уроков истории Павловский меня вызвал к доске. Как мне казалось, я урок хорошо знал и остался доволен своим ответом. Учитель меня выслушал и, ничего не сказав по поводу моего ответа, отпустил. Когда я сел на свое место, мои соседи стали меня подбивать спросить, какой балл мне поставили.

«А разве можно об этом просить?» — спросил я. «Конечно, у нас это принято».

Я набрался храбрости и, встав, спросил учителя: «Сколько вы мне поставили за мой ответ?» Павловский, видимо, удивился моей дерзости, несколько секунд на меня смотрел и затем ответил: «Семерку».

Вероятно увидев, что я удивился и огорчился столь низкой оценкой моего ответа по 12-балльной системе, в свою очередь задал мне вопрос: «А тебе этого мало?» — «Да, мало, — ответил я. — Мне кажется, что я ответил хорошо». — "Тебе "кажется", а мне не "кажется", я тебе поставил столько, сколько ты заслужил своим ответом. Если же тебе "кажется", что это мало, попробуй пойти на базар и купить семерку».

Кругом раздался гогот, а я, сконфуженный и оскорбленный, сел на свою скамейку.

Долго я не мог забыть этого глупого ответа Павловскому. Я его невзлюбил, и он мне платил той же монетой. До окончания курса я чувствовал, что он враждебно ко мне относился и, как мне казалось, умышленно понижал отметки за мои ответы. Как я ни старался, я никогда не мог получить у него полной отметки.

К первым неприятным впечатлениям присоединилось и то, что в Полтаве у меня не оказалось ни родственников, ни знакомых, и я никуда не мог ходить в отпуск по воскресеньям.

Мой первый год пребывания в Полтавской военной гимназии скрасился наступлением Рождественских праздников и поездкой в отпуск к родителям в Севастополь.

Попав на Рождество в Севастополь, я забыл все неприятные впечатления, связанные с переводом в Полтавскую военную гимназию, и понял, что некоторые минусы по сравнению с Симбирской военной

гимназией сторицею возмещаются возможностью ездить в отпуск домой не только летом, но и на Рождественские и Пасхальные праздники.

Вернулся я после Рождественских праздников в гимназию уже в более хорошем настроении, да и обстановка в гимназии, где завелись друзья и новые интересы, уже не казалась мне чуждой и неприятной.

Я привык к новой обстановке, и жизнь потекла нормально. Но вот наступило 1 марта 1881 года, и мы все были взволнованы и взбудоражены убийством Императора Александра II. Наша военная гимназия заворошилась как встревоженный улей. Мы никак не могли понять, как это могли найтись такие мерзавцы, которые могли поднять руку на боготворимого и, казалось, всеми любимого Монарха. К чувству горя присоединилось чувство оскорбления, нанесенного не только всему русскому народу, но, в частности, нам, воспитанникам военной гимназии. Изредка слышанное до того слово «нигилист» стало отныне выражением чего-то мерзкого, подлого. Мы собирались группами, целыми классами для обсуждения того, что произошло. Клялись отомстить, очистить Россию, когда вырастем, от подлой сорной травы; клялись быть верными Царю, защищать его от всяких предателей... Просили воспитателей нам все рассказать, нас наставить. Патриотический подъем и проявление беспредельной преданности и верности Царю все повышались и подогревались. Прошло два-три месяца, и вот как-то было приказано построиться всем возрастам (гимназия, по классам, как я уже сказал выше, разделялась на возрасты: старший, средний и младший). Шепотом передавался откуда-то проникший слух, что кто-то приехал и о чем-то будет нас допрашивать.

Построились в большом портретном зале и с волнением ждали, что будет.

Вошел директор корпуса, престарелый генерал Семашко, в сопровождении инспектора классов и всех воспитателей. Рядом с директором корпуса был кто-то в судейской форме, как потом оказалось, прокурор местной судебной палаты, и несколько жандармских офицеров во главе с начальником губернского жандармского управления.

Директор обратился к нам с речью, что вот, по полученным сведениям, среди военных гимназистов есть много революционеров, что по рукам гимназистов ходят запрещенные книги и что, по приказанию из Петербурга, будет произведен обыск во всей гимназии.

Старик страшно волновался и грозил, что если что-либо будет найдено, то виновные жестоко пострадают, а военная гимназия будет опозорена. После этого он обратился к жандармскому генералу и просил его распоряжаться и делать то, что он найдет нужным.

Мы стояли подавленные и ничего не понимали.

Затем начался обыск. Перерыли все от чердаков до подвалов. В результате обыска действительно нашли у некоторых гимназистов

запрещенные книги и какую-то компрометирующую переписку. Насколько помню, было арестовано человек двадцать, большей частью из старшего 7 класса; но было арестовано несколько человек и из 4, 5 и 6 классов. Всех арестованных сейчас же куда-то увезли.

Как потом выяснилось, воспитанники 6 и 7 классов были затем отправлены в Туркестан, где по Высочайшему повелению были зачислены солдатами в полки, а воспитанники младших классов были отправлены в Вольскую военную прогимназию, служившую как бы дисциплинарным батальоном для других военных гимназий.

Среди арестованных оказались и вожаки «голодного бунта», о котором я выше писал. Были в гимназии разговоры (насколько верные, я, конечно, не знаю), что у них ничего не было найдено, но они были изъяты из Полтавской военной гимназии как вообще неблагонадежный элемент. Впоследствии (кажется, через пять лет) арестованные были прощены и их приняли в военные училища.

Эта история взбудоражила всю жизнь нашей гимназии. Было уволено в отставку и несколько старых воспитателей, которые, вероятно, были признаны несоответственными.

Лето 1881 г. я провел в отпуске в Севастополе, и скоро впечатления тяжелых событий весны этого года изгладились. В августе я вернулся в корпус.

С осени этого года в Полтавский институт благородных девиц поступила моя сестра Лёля и еще две девочки из Севастополя. Посещая их каждое воскресенье в институте, я уже не чувствовал себя таким одиноким, как это было в предыдущий год. Кроме того, я уже сжился в гимназии, и воспоминания о Симбирской гимназии заменились новыми интересами, новыми радостями и огорчениями.

Зимний период 1881–1882 года ознаменовался коренной ломкой внутренней жизни: гимназия была переименована в кадетский корпус; возрасты — в роты; старшая рота (6-й и 7-й классы) на строевые занятия выводилась с ружьями; младшие роты также усиленно обучались строевым занятиям; многие из стариков штатских воспитателей были заменены молодыми строевыми офицерами. Все это нам нравилось: мы стали себя чувствовать настоящими военными.

Среди новшеств было одно, о котором нельзя умолчать и которое явилось причиной двух драм.

Это введение телесного наказания — порки. В военных гимназиях порка не применялась; с переименованием же гимназий в корпуса было дано указание директорам, что при серьезных проступках вместо исключения из корпуса, с разрешения родителей, применять порку.

Директор корпуса, генерал Семашко, был вообще против телесных наказаний, но в редких случаях они стали применяться. Насколько мне

известно, не было ни одного случая, когда родители бы предпочитали исключение из корпуса порке. Я помню, что наш воспитатель говорил, что на телеграмму, что предпочитают родители — взять ли своего сына из корпуса или разрешают его выпороть — всегда получался ответ: выпороть. Вот эта-то порка вызвала в бытность мою в корпусе два печальных случая.

Кадет 5 класса, мальчик вообще скромный и хороший, был заподозрен своими же товарищами в краже. Он категорически отрицал свою вину, но отношения у него с классом обострились, и кто-то из кадет на него донес воспитателю. Началось расследование, и в конце концов его признали виновным и запросили его родителей, согласны ли они, чтобы его выпороли. Ответ получился утвердительный, и экзекуция состоялась.

На другой день, оставив записку, что его напрасно выпороли, бедный мальчик бросился с верхнего этажа в пролет между лестницами и разбился насмерть. Прошло несколько дней, и один из его товарищей по классу признался, что украл он, а не пострадавший. Как начальство, так и кадеты были потрясены происшедшим.

Другой случай был иного рода. В моем классе был мальчик, кажется, болгарин по происхождению, отличавшийся очень бурным и буйным характером. Начальство его терпеть не могло, а товарищи хотя и не любили, но поддавались под его влияние. Он был очень властный, умел влиять на класс и был всегда зачинщиком различных шуток и гадостей, которые иногда подстраивались по отношению к воспитателям и учителям.

Однажды он заболел и был помещен в лазарет. Осмотревший его доктор (Медем) приказал фельдшеру прежде всего поставить заболевшему клизму, а затем дать слабительное.

Черномазый пациент категорически запротестовал, заявив, что живот у него не болит и клизму себе ставить он не позволит. Но доктор Медем был неумолим и приказал фельдшеру выполнить его указание.

Когда фельдшер пришел выполнять предписание доктора, пациент отказался подчиниться требованиям фельдшера, стал брыкаться ногами и драться. Фельдшер позвал на помощь одного из лазаретных служителей, мальчика связали и поставили ему клизму насильно. Но... когда операция была кончена, мальчик понатужился и окатил несчастного фельдшера с головы до ног... Сейчас же было доложено директору, и без всякой посылки телеграммы родителям было приказано провинившегося немедленно выпороть. Повели его в цейхгауз, где и была произведена экзекуция, а затем, через два дня, выздоровевший мальчик был выписан из лазарета.

Вернувшись вечером в свой класс, пострадавший, при помощи своих приятелей, собрал в нашей роте чуть ли не весь корпус. Сам он стал в громадной спальне на подоконник и обратился к присутствующим

кадетам с замечательной речью, призывая отомстить за него начальству, допустившему истязание и поступившему совершенно незаконно. После своей речи он скинул штаны и показал нам действительно сильно исполосованные зад и спину... Служители, по-видимому, перестарались.

Хотя поступок кадета большинством и не одобрялся, но зажигательная речь и исполосованное тело произвели сильное впечатление, и толпа, вплотную набившая спальню, сильно заволновалась. Стали раздаваться выкрики против начальства, свистки, требования избить доктора и фельдшера... Дежурного воспитателя, порывавшегося водворить порядок и разогнать собравшихся кадет, под крики и гиканье просто вытолкали из спальни... Дело начало принимать серьезный оборот. К счастью, скоро появившемуся, всеми любимому, старику директору удалось успокоить разволновавшихся кадет и уговорить их разойтись по ротам.

Виновника бунта директор увел к себе на квартиру. С тех пор мы больше его не видели. Как впоследствии оказалось, директор вызвал срочной телеграммой отца провинившегося кадета и предложил ему взять сына из корпуса. Вся эта история этим и была потушена.

Лето 1882 г., после моего перехода в пятый класс, ознаменовалось для меня большой радостью: 10 июля, когда мне минуло 14 лет, я получил в подарок от отца охотничье ружье центрального боя, 16-го калибра. До этого времени я только сопровождал отца на охоте и изредка получал разрешение сделать несколько выстрелов из отцовского ружья. Теперь же я становился самостоятельным охотником, что наполняло мое сердце радостью и гордостью. <...>

Директор корпуса, престарелый Семашко (если не ошибаюсь, Франц Иванович) доживал последние годы своего директорства. Будучи очень преклонного возраста и отличаясь чрезвычайной добротой, он распускал всех и всё. На инспекторе классов, полковнике Анчутине[6], лежала тяжелая обязанность подтягивать то, что распускал директор, и вносить поправки в управление корпусом. Это ему не всегда удавалось, так как действовать надо было очень осторожно, чтобы не обидеть доброго и самолюбивого старика.

Единственная часть, за которой неустанно наблюдал Ф. И. Семашко и продолжал которой прекрасно руководить, — было преподавание математики. Будучи сам отличным математиком, он сумел подобрать и отличных преподавателей. Большинство кадет полюбило математику и занималось очень успешно. С глубоким уважением вспоминаю своего учителя математики Данкова.

Не то было с другими предметами. Общего руководства, по-видимому, было мало, и все зависело от случайного подбора учителей. Русский язык, к сожалению, был представлен очень плохо; хороших учителей не

было. Мой класс, начиная с третьего до выпуска, вел по русскому языку Боровский, который, насколько мне известно, получил впоследствии крупное назначение по Министерству народного просвещения. Боровский был полной бездарностью и вел дело отвратительно. Большинство из нас окончило корпус полуграмотными и очень мало знакомыми с отечественной литературой. Он заставлял нас вызубривать на зубок небольшие куски из различных произведений русских писателей и в буквальном смысле слова душил сочинениями. Но Боже, что это были за сочинения! Требования Боровского были такие: должно быть написано возможно больше, на хорошей бумаге, каллиграфическим почерком и обязательно с красивой закладкой, и должно подаваться в приличной папке и сшито аккуратно и красиво. Разрешалось делать каких угодно размеров выписки из сочинений подходящих авторов. Он объяснял, что этим путем он заставит нас хорошо познакомиться с русской литературой. Но мы приспособлялись, читали мало, а представляли громоздкие сочинения чисто компилятивного характера. По наружному виду сочинения были великолепны, а по внутреннему содержанию — жалки.

По истории был один хороший преподаватель, но к нему я, к сожалению, не попал. Мой учитель истории был Павловский. Это был просто шут гороховый и мало чему нас научил. Уроки были сухие и малоинтересные.

Учитель физики и химии, Гнедич, был очень знающим физиком и прекрасным преподавателем. Мы все занимались этими предметами с любовью и с большим интересом.

Учитель естественной истории, Шевелев, был прекрасный человек, но довольно слабый преподаватель, не умевший внушить любовь к предмету. Но надо ему отдать справедливость в том, что он очень умел и ловко пользовался кадетами для пополнения естественного кабинета, давая каждому из нас перед отъездом на летние каникулы поручения привезти то или другое. Я помню, что я был в большом затруднении выполнить одно из таких поручений: достать хороший экземпляр омара, положить его на муравьиную кучу и затем, аккуратно собрав части омара, очищенные муравьями от мяса и пр. внутренностей, привезти их для естественного кабинета.

В Севастополе хорошего экземпляра омара не нашлось, и моя мать попросила капитана какого-то парохода купить подходящий экземпляр в Константинополе. Поручение было выполнено, но с большим трудом (хорошо еще, что на нашем хуторе под Севастополем оказались муравьиные кучи!).

Шевелев был в то же время воспитателем. По этой своей должности он дал нам, малышам (я тогда был в 4-м классе), хороший урок, нас всех очень сконфузивший и заставивший призадуматься.

Однажды, когда Шевелев был дежурным, несколько мальчишек по предварительному сговору забрались в дежурную комнату во время отсутствия из нее воспитателя и подложили под рваную обшивку спинки кресла губку, пропитанную чернилами. Мы все с наслаждением ожидали последствий. Вечером ничего не произошло, и мы были разочарованы, думая, что наш трюк не удался. На другое утро, перед чаем, Шевелев нас всех выстроил и произнес короткое слово, но которое запало в наши сердца. Он нас не ругал, не кричал, а говорил тихо, в его голосе чувствовались скорбь и слезы. Он сказал, что, сев в кресло, он почувствовал мокроту на спине. Дотронувшись рукой до мокрого места, он увидел, что его рука в чернилах. Осмотрев кресло, он все понял.

Дальше он сказал примерно следующее: «Вы поступили нехорошо. Чего вы достигли? Вы меня действительно неизвестно за что обидели; вы испортили мой единственный приличный вицмундир. Мне, едва перебивающемуся с большой семьей на получаемое жалованье, вы причинили действительно большой ущерб. Хорошенько подумайте о том, что вы сделали, и вам будет стыдно. Я на вас не сержусь, потому что вы не понимали, что вы делали. Мне вас просто жалко». Эти слова глубоко запали в сердца многих из нас. Нам действительно стало стыдно, и мы поняли, что сделали большую гадость.

По географии был хороший учитель, но и он как-то не умел привить любовь к предмету.

По иностранным языкам были очень слабые преподаватели. Французский язык преподавал старик Гоното, который был больше хохол, чем француз. Любимой его поговоркой было «Я старый горобец, и меня на мякине не проведешь». Учителем немецкого языка был Штединг, добродушный немец, над которым мы все смеялись и которому устраивали самые различные гадости. Трудно себе представить, чего мы только не вытворяли: напускали весной в класс целые тучи майских жуков; вымазывали кресло немца и его стол чернилами; устраивали за досками чертиков, которые путем сложных приспособлений выскакивали из-за досок во время уроков; устраивали кошачьи концерты и т. д., и т. п. Наконец даже качали немца во время уроков, подбрасывая высоко к потолку и угощая щипками...

Но ничем нельзя было пробрать толстого и добродушного немца. Максимум чего мы достигали — это что ему удавалось кого-нибудь поймать, зажать между своими здоровенными коленями и изрядно взлупить, но... и то с крайне добродушным видом и прибаутками, вроде такой: «Нишего, нишего, до свадьбы заживет».

Любили и очень уважали мы все нашего славного батюшку, преподававшего Закон Божий и часто нас журившего за наши скверные шалости.

Много раз вспоминал я Симбирский корпус. Мне казалось, что там лучше было поставлено преподавание. Я не знаю, конечно, как бы я учился в Симбирском корпусе, если бы я там остался, но после перевода в Полтаву я как-то потерял охоту и любовь к ученью. Я делал в смысле занятий только строго необходимое. В течение учебных лет я занимался довольно плохо и имел много дурных отметок. Но к экзаменам всегда подтягивался и, к удивлению преподавателей, отвечал на переходном экзамене всегда хорошо и без всяких затруднений переходил из класса в класс.

Окончил я корпус в 1885 г. довольно сносно, но для поступления в Инженерное училище не хватило нескольких сотых, и я был послан в Петербург в пехотное Павловское военное училище.

Необходимо отметить о росте Севастополя после постройки Лозово-Севастопольской железной дороги и после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Перед Крымской кампанией Севастополь был чисто военно-морским портом и морской крепостью. Он являлся стоянкой и базой нашего Черноморского флота. Севастополь обладал чудными двумя бухтами (Северная — семь верст длины. Южная — около трех верст), годными на всем своем протяжении для стоянки самых больших кораблей; имея ряд небольших бухт (разветвлений Северной бухты), в которых были устроены пристани и мастерские (Килен-бухта была приспособлена для окраски подводных частей судов), закрытый от господствующих ветров, что позволяло спокойно стоять кораблям на якорях во всех никогда не замерзающих бухтах, — представлял великолепный естественный порт. По своим качествам Севастопольский порт, как мне говорили моряки, является третьим в мире. Имея отличные верфи и мастерские в связи с недоступными по тому времени с моря мощными морскими батареями, Севастополь представлял по всем этим данным исключительный и первоклассный военно-морской порт. Город был чисто военный, и вся жизнь жителей города была тесно связана с флотом.

После Крымской кампании, когда флот был уничтожен, а город и все верфи и мастерские были разрушены, и Россия была лишена права иметь на Черном море свой военный флот, — Севастополь совершенно замер и не мог отстроиться после страшных разрушений от бомбардировок во время осады в Крымскую кампанию.

Первой живительной струей, влившей жизнь в мертвый город, была постройка Лозово-Севастопольской железной дороги. Город начинает подправляться, и в нем устраивается коммерческий порт. Но за два года, прошедших после постройки железной дороги до Русско-турецкой войны, конечно, многого не могло быть сделано.

После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия восстановила свое право иметь на Черном море военный флот, а Босфор

и Дарданеллы были открыты для русских коммерческих судов. Так как российская казна после войны была жидка, да, кроме того, на создание Черноморского военного флота требовалось вообще много времени, русским правительством было решено параллельно с созданием Черноморского военного флота и постепенным устройством в Севастополе военно-морского порта развивать в Севастополе коммерческий порт и всячески способствовать развитию в Черном море торгового коммерческого флота, который обслуживал бы порты Черного моря, вел торговлю в Черном море, а также имел рейсы из Черного моря на Дальний Восток, в Турцию, Италию, Францию и к портам Африки.

Очень быстро создался ряд частных и субсидируемых правительством пароходных обществ. Наиболее крупными из них были Общество Добровольного флота. Русское общество пароходства и торговли и Российское общество. Главнейшими русскими коммерческими портами на Черном море стали Одесса и Севастополь.

Одесса имела доминирующее значение, как уже готовый крупный торгово-промышленный центр богатейшего Юго-Западного края России. Севастополь же стал постепенно приобретать крупное значение благодаря исключительным качествам своих бухт, дававших возможность быстро устроить обширный и первоклассный коммерческий порт, а также став портом для товаров Екатеринославской и Харьковской губерний, Донецкого района и вообще юго-востока Европейской России. Южная бухта Севастопольского порта была передана правительством городу для устройства коммерческого порта.

С 1879 г. начинается расцвет и сказочный рост Севастополя. Жизнь города резко меняется. Из тихой, провинциальной, она становится все более и более шумной, деловой и богатой. В Севастополе начинает биться полный пульс торгово-промышленной жизни; город притягивает и путешественников. Все, кто направляется на начинающий развиваться Южный берег Крыма, задерживаются на некоторое время в Севастополе, оставляют там деньги, приобретают имущества, и город начинает богатеть, отстраиваться и улучшаться. Этот расцвет Севастополя продолжается примерно до 1894 г.

В 1888 г. на Черном море появляется несколько вновь построенных в Севастополе и Николаеве военных кораблей. Черноморский военный флот возрождается; он уже числит в своем составе несколько броненосцев. Начинает проводиться в жизнь довольно обширная программа по новым постройкам военных судов флота. Естественно, требуется и более крупное оборудование Севастополя как военно-морской базы и единственного военно-морского порта и морской крепости (не считая небольшой крепости в Батуме) на берегах Черного моря.

Интересы флота и военно-морского ведомства сталкиваются и перекрещиваются с интересами города Севастополя и Севастополя как коммерческого порта. Представители военно-морского ведомства и командования Черноморского флота настаивали на необходимости уничтожения в Севастополе коммерческого порта и на полной передаче в ведение морского ведомства всего Севастопольского порта. Они доказывали, что при дальнейшем усилении флота Северная бухта будет недостаточна по своим размерам для стоянки военных судов на якорях или на бакенах; что часть Южной бухты должна быть отведена под стоянку судов, а вся остальная часть Южной бухты должна быть передана в их распоряжение для устройства различных мастерских, пакгаузов, пристаней и проч.; что совместное хозяйничание в одном порту военного морского ведомства и органов коммерческого порта совершенно невозможно и что это не обеспечивает сохранения в секрете различных опытов; что в Севастополе можно сохранить лишь несколько пристаней для причала пассажирских пароходов, но и их надо перенести из Южной бухты или на Северную сторону, или в Артиллерийскую бухту (ближе к взморью).

Ф. Н. Еранцов, бывший в то время городским головой Севастополя, отстаивал интересы города и коммерческого порта, доказывая, что Северная бухта по своим размерам и качествам вполне достаточна для устройства в ней обширного морского порта, в котором может помещаться громадный флот; стоянка военных кораблей на якорях или на бакенах совершенно не рациональна, требуя для каждого корабля громадного водного пространства (ибо в зависимости от направления ветра каждый корабль должен иметь возможность поворачивать во все стороны вокруг своей точки причала); что надо устроить для кораблей и прочих судов флота причалы вдоль берегов Северной бухты (как бы стойла).

Предоставление Северной бухты в полное распоряжение военно-морского ведомства даст для последнего совершенно достаточно места для устройства каких угодно пристаней, пакгаузов, погребов, мастерских и проч. Предоставление в распоряжение города Южной бухты для устройства отличного коммерческого порта совершенно отделит коммерческий порт от военного и даст возможность морскому ведомству производить какие угодно опыты в Северной бухте в полном секрете. Производство же «секретных» опытов в Южной бухте, даже при полном уничтожении коммерческого порта, но перед глазами всех жителей, живущих вдоль берегов этой бухты, не может гарантировать этого «секрета».

Еранцов доказывал, что при подобном разделении вполне возможно сохранение в Севастопольской гавани обоих портов: военно-морского и коммерческого. Он указывал, что с государственной точки

зрения просто грешно уничтожать в Севастополе коммерческий порт, который в скором времени должен приобрести мировое значение.

Борьба между этими двумя течениями была, конечно, перенесена в Петербург. Император Александр III склонялся стать на точку зрения Еранцова. Победа этого течения была близка, но... сорвалась.

В прессе, особенно в суворинском «Новом Времени», началась кампания против коммерческого порта в Севастополе. Доказывалось, что совершенно уничтожать коммерческий порт в Крыму преступно, но что нужно перенести коммерческий порт из Севастополя в Феодосию; что этим будут разрешены все задачи. Во главе этой кампании стал художник Айвазовский, сам феодосиец и давно стремившийся поднять значение своего родного города.

Айвазовский доказывал, что хотя Феодосия не имеет закрытого порта, но при помощи мола его легко устроить, а соединив Феодосию с Лозово-Севастопольской железной дорогой особой железнодорожной веткой, будет достигнуто устройство прекрасного порта, который, не будучи связан с крепостью и военно-морским портом, будет свободно развиваться.

Борьба сторонников обоих проектов разгорелась. Особо назначенная комиссия из высших государственных чинов долго не могла договориться, и в конце концов голоса разделились поровну. Государь Александр III долго колебался, но наконец стал на сторону военно-морского ведомства, и судьба Севастополя была решена. Коммерческий порт в Севастополе было разрешено оставить временно — до окончания устройства закрытого порта в Феодосии.

Начался упадочный период Севастополя. Когда же был построен мол в Феодосии и было решено Феодосию соединить железной дорогой со ст. Джанкой, Севастополь превратился исключительно в военно-морскую крепость и военно-морской порт.

Первое военное Павловское училище

Должен откровенно сознаться, что отправился я в Павловское военное училище с большим неудовольствием и некоторым опасением.

В пехоте я служить не хотел; стремился попасть в инженерные войска. То, что мне не удалось попасть в Николаевское инженерное училище, задевало мое самолюбие, вызывало огорчение и, главное, конечно, совершенно несправедливое чувство какого-то озлобления к Павловскому училищу. Но... я сознавал, что виновен был сам, что все произошло оттого, что я слишком легкомысленно относился к учению.

Этот первый житейский урок, первое серьезное огорчение — послужило мне на пользу и заставило подтянуться. Чувство же опасения

вызывалось слухами о чрезвычайной строгости и «подтяжке», которые царили в Павловском училище. Судя по рассказам, это училище представлялось мне каким-то дисциплинарным батальоном.

К 1 августа 1885 г. мы, выпускные кадеты, съехались в Полтаву и оттуда воинским эшелоном нас повезли в различные училища. Сначала нас всех доставили в Москву и на два дня устроили в Московском военном училище. Эти два дня нас водили показать московские достопримечательности. В моей памяти сохранилось лишь впечатление, которое произвел на меня Кремль. Я был просто подавлен красотой и размахом красавца Кремля.

Оставив в Москве приятелей, зачисленных в Московское пехотное военное училище, мы двинулись поездом в Петербург.

По приезде в Петербург нас всех повезли в Павловское военное училище, откуда на следующий день развезли всех кадет по соответствующим училищам.

Я остался в Павловском училище и был зачислен в 3-ю роту.

Первые две-три недели я чувствовал себя плохо, боясь за каждый свой шаг и опасаясь суровых возмездий за каждую ошибку. Но приглядевшись, я увидел, что страшного ничего нет. Чувствовалась строгость, но требования были все разумные и отношения со стороны начальства были ровные и очень хорошие.

Жизнь потекла ровно и спокойно, хотя все время чувствовалось, что надо быть подтянутым. Я с глубокой благодарностью вспоминаю Павловское военное училище. Дисциплина была строгая, но грубости совершенно не ощущалось. Нас приучали к порядку, к долгу и сумели внушить любовь и уважение к Царю и Родине.

Военная практическая подготовка была поставлена хорошо, и Павловское военное училище выпускало в армию знающих и дисциплинированных офицеров. Недаром армия любила получать в свои ряды «павлонов». Науками нас не изнуряли, но то, что преподавалось, хорошо усваивалось.

Вспоминая училищное время, могу отметить только один недостаток: не было обращено должного внимания, чтобы нас сделать грамотными, а в этом была большая потребность, ибо многие из нас после кадетских корпусов были малограмотные, а некоторые и совсем не грамотные.

В Петербурге оказалось много родственников и знакомых моих родителей. Я пользовался этим и постоянно ходил то к одним, то к другим. Больше всего я любил бывать у Анны Николаевны Ронжиной, оба сына которой были моими большими приятелями. (Ваня[7] был в Константиновском военном училище, а Сережа[8] в Николаевском инженерном.) На Рождество и на Пасху я ездил к А. Н. Ронжиной

в ее небольшое имение в Новгородской губернии, около ст. Акуловка. Помимо удовольствия проводить время с моими приятелями, я наслаждался там отличной охотой.

Лето 1886 г. я провел в Красносельском лагере и в Севастополь не ездил.

Оба года пребывания в училище прошли как сон. Оканчивая училище портупей-юнкером и имея хорошие выпускные отметки, я мог взять ваканцию в Одессу, в 11-й саперный батальон, но по желанию отца, хотевшего, чтобы я впоследствии пошел в Николаевскую Инженерную академию, я решил перейти на 3-й курс в Николаевское инженерное училище.

Последний период моего пребывания в Павловском военном училище ознаменовался для меня двумя неприятными инцидентами, которые могли для меня окончиться очень плохо.

Первый инцидент произошел в церкви училища за несколько дней до выхода в лагерь. Шло воскресное богослужение. Я стоял на фланге своего взвода, около среднего прохода. Я совершенно не помню, чтобы во время богослужения я позволил бы себе какую-либо вольность; мне казалось, что я стоял хорошо и молился как следует.

Богослужение закончилось, и только тогда я увидел, что в церкви находится главный начальник военно-учебных заведений, генерал Махотин[9]. Когда все подошли к кресту и затем стали на свои места в ожидании распоряжения разводить роты по своим помещениям, раздались громкие и резкие слова генерала Махотина: «Как фамилия этого дрянного портупей-юнкера?»

Все мы замерли, не смея оглянуться. Я был далек от мысли, что этот лестный эпитет относится ко мне.

Вдруг ко мне подбежал дежурный офицер и, сказав, что генерал Махотин говорит обо мне, приказал мне повернуться лицом к главному начальнику военно-учебных заведений. Пораженный, я быстро повернулся.

Махотин обрушился на меня потоком резких и грубых фраз. «Я покажу вам, как не молиться Богу, а рассматривать свои лакированные сапоги! Ваши портупей-юнкерские нашивки, ошибочно вам данные, вас не спасут! Я сниму с вас нашивки и не допущу, чтобы такой господин, как вы, был произведен в офицеры! Вы будете немедленно разжалованы и отправлены в полк простым солдатом!»

Затем генерал Махотин с пеной у рта обратился ко всему училищу, находившемуся в церкви, и сказал примерно следующее: «Я всё время наблюдал за этим портупей-юнкером. Он ни разу не перекрестился, всё время отставлял ноги и любовался своими лакированными сапогами. Так стоять и так вести себя в церкви нельзя. Я его проучу. Если в стаде

заведется паршивая овца — ее выбрасывают. Из вашей среды я вырву и выброшу эту паршивую овцу. Ему никогда не быть офицером!»

Я стоял как громом пораженный, ничего не понимая. В этот момент я услышал спокойный, но грозный голос: «Простите, ваше высокопревосходительство, в церкви хозяин я, и я не могу позволить, чтобы в храме происходило то, что сейчас происходит. Я прошу вас отдать распоряжение о выводе юнкеров из церкви».

Я оглянулся и увидел около Царских врат нашего любимого старика-священника, который стоял с крестом в руке.

Обозленный генерал Махотин приказал разводить роты по своим помещениям, а начальнику училища немедленно собрать училищный совет, на котором будет присутствовать он, Махотин.

Священник сошел вниз, дал мне поцеловать крест и сказал: «Бог мне поможет, я ваш заступник».

Вернувшись в роту, мы все ждали последствий; я страшно волновался. Примерно через полчаса пришел ротный командир вместе со священником. Меня позвали в комнату дежурного офицера. Там мне объявили, что всё благополучно кончилось и мне не угрожает никакая неприятность. Впоследствии я узнал, что я всецело обязан заступничеству священника, который поставил вопрос ребром, и Махотин согласился меня не наказывать.

Второй инцидент разыгрался во время лагерного сбора почти перед самым производством в офицеры моих товарищей и перечислением меня в Инженерное училище.

Была одна из последних стрельб. Павловское военное училище славилось хорошей постановкой стрельбы, и большинство из нас были хорошими стрелками. Напоследок моя рота хотела отличиться. На этой стрельбе я был начальником команды махальных (показывающих попадание пуль).

Перед проверкой офицером мишеней я заметил, что некоторые юнкера-махальные срывают куски бумажных мишеней с деревянных щитов и выбивают колышки, которыми были заделаны старые пробоины. Другими словами, приступили к явному мошенничанию. Я их остановил, но когда офицер, проверявший пробоины, заметил, что что-то неладно, и спросил меня, не допущено ли мошенничество, я, не желая подводить приятелей, ответил, что ничего незаконного не делалось.

Офицер проверил мишени и, убедившись, что мошенничество было, доложил об этом командиру батальона. Началось расследование. Всем нам грозило не производство в офицеры (а мне не перевод в Инженерное училище), а отчисление в строй простыми рядовыми.

Спасло нас то, что весь состав махальной команды состоял из юнкеров, бывших всегда на хорошем счету, и то, что само начальство

не хотело поднимать крупной истории и подрывать престиж Павловского военного училища. (Впрочем, много помог ликвидации этого инцидента капитан Михаил Владимирович Линдестрем[10], офицер нашей роты: он хорошо меня знал и за меня заступился.) Вся эта грустная история ограничилась «надиром плюмажа» и нравоучениями со стороны начальства.

Николаевское инженерное училище

После окончания лагерного сбора Павловского военного училища я поехал погостить на две недели в имение А. Н. Ронжиной, где предался моей охотничьей страсти. Тетеревов и белых куропаток было много, и я наслаждался. После окончания отпуска я явился в Николаевское инженерное училище.

Первое мое впечатление было то, что в Инженерном училище дисциплина была гораздо менее строгая, чем в Павловском; что отношения между офицерским составом и юнкерами были гораздо свободней и как-то более сердечны, а в классах отношение к преподавательскому составу более подходило к отношению между профессорами и студентами в гражданских высших учебных заведениях, чем между преподавателями и юнкерами в военных училищах.

Первое впечатление было просто непонятной для меня и странной распущенности. Первое впечатление, что в Николаевском инженерном училище будет много легче, скоро прошло, и я убедился, что в смысле воспитательном строгая определенность порядков Павловского военного училища была гораздо лучше для юнкеров, а что наружная свобода и панибратство с преподавателями и офицерами часто ведет к произволу и всяким инцидентам.

Однажды попался и я. Вернувшись как-то из отпуска, я был встречен дежурным офицером, капитаном Данилевским, словами: «Лукомский, вас сегодня встретил на Невском поручик Веселовский[11] (был одним из дежурных офицеров, классных дам, как мы называли; во время мировой войны дошел до должности командующего армией (3-й) и имел два Георгия), которому вы не отдали чести. Поручик Веселовский просит вас арестовать на семь дней. Завтра утром отправляйтесь в карцер».

На мой ответ, что я не видел поручика Веселовского на Невском проспекте и если не отдал ему чести, то только по этой причине, получил ответ: «Не рассуждайте, а то я прибавлю несколько дней от себя». Пришлось замолчать, и на другой день я был водворен в карцер. Времени для размышлений было много. «Вот тебе и Инженерное училище; вот тебе и свободное отношение», — думал я.

И действительно, при всей строгости в Павловском военном училище, там вряд ли был бы возможен случай ареста юнкера за неотдание чести при условиях, в коих очутился я. Сама мысль о том, что юнкер осмелился бы умышленно не отдать своему офицеру честь, не пришла бы в голову офицеру училища, и в тех случаях, когда юнкер, зазевавшись, не отдавал чести, начальство в Павловском училище ограничивалось головомойкой и внушением быть внимательней.

По закону, в карцере разрешалось читать только устав и учебники. Но, конечно, приятели заключенных подсовывали под двери карцеров книжки и более веселого содержания. Получил и я какой-то французский роман. Досиживал я последний, седьмой день. Увлекшись романом, я не услышал, как открылась дверь и вошел офицер (капитан Модрах). «Лукомский, что вы читаете? Устав?» Я встал и молча протянул Модраху злополучный роман. Ответ его на этот жест гласил: «Посидите здесь еще семь дней и почитайте уставы; вам будет это полезно».

Что действительно было привлекательно в Инженерном училище, это большая свобода в смысле отпусков в город. Пользовался я ею во всю, часто во вред науке.

В смысле учебной части, я сразу почувствовал, что, попав прямо на 3-й курс училища, я ко многому не подготовлен. По ряду предметов то, что проходили в Павловском училище, было много ниже первых двух курсов Инженерного училища, а непрохождение мною курса аналитической геометрии ставило меня в очень трудное положение по целому ряду предметов.

В смысле математики я особенно чувствовал себя мало подготовленным для прохождения курсов долговременной фортификации, строительного искусства, дифференциалов. Пришлось спешно пополнять свои познания. Справился, но было трудно.

Чувствовал я себя слабым и по химии. Но что совсем я не мог переварить, это изрядный курс богословия (зачем требовалось прохождение большого курса богословия в Инженерном училище, никому не было понятно). Впрочем, по последнему курсу мы все были в одинаковых условиях и все отвечали при помощи «шпаргалок».

Добродушно к шпаргалкам относился и наш преподаватель математики профессор Будаев. Терпение этого человека и умение его вдалбливать в наши легкомысленные головы сложные математические построения были поразительны.

За время моего пребывания в Николаевском инженерном училище пришлось два раза соприкоснуться с «великими мира сего».

Один раз это случилось в Александровском саду, куда я как-то забрел рано утром в одно из воскресений. Сидел я на скамейке одной

из боковых аллей и о чем-то задумался. Вдруг кто-то, подойдя ко мне сзади, закрыл мне ладонями глаза и крепко прижал к себе мою голову.

Я спрашиваю: «Кто это?» Ответа никакого. Рассердившись, я вырываюсь, оборачиваюсь и вижу перед собой... Великого князя Михаила Николаевича[12]. Я остолбенел и вытянулся, взяв под козырек.

«О чем ты задумался? Не случилась ли с тобой какая-либо неприятность?» — «Никак нет, ваше императорское высочество. Я просто задумался. Простите, что я вас не заметил и не отдал вам чести», — ответил я.

Великий князь рассмеялся, похлопал меня по плечу, высказал предположение, что я задумался о какой-нибудь хорошенькой женской головке, и добавил: «Но впредь надо быть внимательней. Хорошо, что это я, а не один из офицеров училища. Своему начальству не докладывай о нашей встрече, а то можешь угодить в карцер. Желаю тебе успеха в науке и... в любовных делах».

Великий князь ушел, а я еще долго стоял на месте с раскрытым ртом. В голове шевелилась мысль: «Да, это не поручик Веселовский». (Свою историю с поручиком Веселовским я помнил всегда. Будучи в 1917 г. начальником штаба верховного главнокомандующего, при встрече с командующим 3-й армией генерал-лейтенантом Веселовским я не удержался, чтобы не напомнить ему свой арест и рассказал про последовавшую потом встречу с Великим князем Михаилом Николаевичем. Позднее я слышал, что генерал-лейтенант Веселовский кому-то высказывал опасение, как бы я ему не насолил. Но этого, конечно, не случилось.)

Второй случай был в училище. Шел урок высшей математики. Профессор Будаев вызывал нас по очереди к доске и задавал нам задачи. Вдруг вбежал в класс дежурный портупей-юнкер и сказал, что в класс идет Великий князь Николай Николаевич Старший[13].

Через несколько минут распахнулась дверь, и в класс вошел Великий князь в сопровождении начальника Академии и Училища генерала Шильдера[14], командира батальона флигель-адъютанта полковника Прескотта[15] и дежурного офицера.

Великий князь с нами поздоровался и, сев за одну из парт, предложил Будаеву продолжать урок. Просидев до конца урока и сказав нам несколько ласковых слов, Великий князь направился к выходу из класса.

Когда открылась дверь, я увидел длинную шеренгу почтенных старых инженерных генералов, выстроившихся, чтобы встретить своего Августейшего генерал-инспектора инженерных войск. Все это были члены Совета инженерной конференции.

Великий князь останавливался перед каждым, чрезвычайно милостиво с ними говорил, вспоминая различные случаи из их прежней

жизни и службы. Видно было, что это было очень приятно и Великому князю и старикам-генералам. Чувствовалась между ними прочная и близкая связь. Когда Великий князь подавал руку генералу, с которым разговаривал, последний наклонялся и целовал Великого князя в плечо. Я видел в первый раз этот старый обычай, сохранившийся с Николаевских времен. Государем Александром III он был отменен, сам государь не позволял целовать себя в плечо, и этот обычай сохранялся и практиковался только при встрече стариков-генералов инженеров и артиллеристов со своими шефами — генерал-инспектором инженерных войск Великим князем Николаем Николаевичем Старшим и генерал-фельдцейхмейстером Великим князем Михаилом Николаевичем. Глядя на эту старинную процедуру, нам, молодежи, стало жаль, что этот обычай отменен: он был так трогателен и казался такой интимно прочной связью с представителями Императорского Дома.

Великий князь Николай Николаевич своим обращением со всеми и своей лаской покорял все сердца. Сравнивая с остатками старины новые веяния и новые отношения, становилось грустно. Долго мы еще переживали впечатления посещения Великого князя и восторженно их вспоминали.

Дворец Императора Павла I, превращенный в Инженерный замок, в котором помещались Николаевские Инженерная академия и училище и Инженерная конференция, помимо красоты своих помещений, вызывал большой интерес в связи с различными легендами и историческими воспоминаниями. Все юнкера, вновь поступавшие в Инженерное училище, стремились проникнуть в «тайны» замка и ознакомиться с различными потайными ходами, которых, по слухам и рассказам, было много.

Церковь Академии и Училища была устроена в бывшей спальне Императора Павла I. Рядом с церковью была маленькая комната, обставленная как гостиная; в ней был большой камин. По преданию и по историческим описаниям, эта небольшая комната во время жизни в замке Павла I была его небольшим рабочим кабинетом. Так как Павел I боялся покушений на свою жизнь, то будто бы камин, находившийся в этом кабинете, прикрывал вход в тайный проход, который вел к каналу, окружавшему в то время замок со всех сторон; на канале же, в особой нише, устроенной в стене замка, якобы постоянно дежурила шлюпка с верными гребцами. Камин сдвигался с места после нажатия на особую кнопку.

По преданию, Павел I, услышав в роковую для него ночь на 11 марта 1801 г. шум и крики в соседних комнатах, бросился к камину, нажал кнопку, но... механизм оказался испорченным, и камин не открыл путь к спасению. Император бросился тогда к оконной нише, вскочил на подоконник и прикрылся портьерой. Убийцы, ворвавшиеся

в его кабинет и оттуда в спальню, не нашли Павла I. Они были уверены, что Императору удалось спастись, и перед ними встал вопрос о необходимости самим думать о спасении и бегстве. В эту минуту Беннигсен (или Зубов) увидел какую-то тень на портьере, прикрывавшей окно. Сорвали портьеру и обнаружили Императора. Павел I был оглушен ударом табакеркой по голове, а затем его перенесли в его спальню на постель и там окончательно придушили шарфом...

Этот камин, прикрывавший якобы потайной ход, не давал покоя целому ряду поколений юнкеров, старавшихся открыть этот ход... Не избежали этого и мы. Несколько раз по ночам мы пробирались в комнату, примыкавшую к церкви, но, конечно, ничего не открыли.

Существовала легенда, что в ночь на 11 марта покойный император бродит по замку. Мы также «бродили» в эту ночь по замку, невольно пугая друг друга, но ничего не видели.

Однажды, вернувшись из отпуска в 12 часов ночи, я прошел в комнату, в которой я спал со своим отделением, и, поспешно раздевшись, лег спать. Только я начал дремать, как услышал какой-то шорох рядом с кроватью. Быстро повернувшись, я с перепугу увидел, что поднялся квадрат паркета и из образовавшегося отверстия на меня смотрят два глаза, принадлежащие какой-то черной морде. Квадрат паркета быстро опустился, и видение исчезло... Я вскочил, ничего не понимая и убежденный, что это какой-то «дух» Инженерного замка.

На другой день после бессонной ночи я рассказал своим приятелям о «видении». Одни отнеслись недоверчиво: «ты просто врешь»; другие решили, что я был под сильным влиянием спиртных паров. Последнее было отчасти верно, и я сам стал сомневаться в реальности видения. Но разговоры об этом пошли, дошли до начальства, и я был приглашен на допрос. Началось расследование «дела». Выяснилось, что таинственного ничего нет. Какой-то трубочист, ночью прочищавший внутренние дымоходы, ошибочно пробрался в какой-то ход и действительно поднял квадрат паркета, прикрывавший люк и идущую вниз железную лестницу. Все объяснилось просто, люк снаружи был совершенно не виден, дабы юнкера не вздумали пользоваться «потайным ходом», но этот случай подтвердил, что в стенах Инженерного замка имеются какие-то ходы.

Зимний период, занятый ученьем и городскими развлечениями, пролетел как сон. Наступила весна, а с ней экзамены и подготовка к лагерному сбору. В первых числах мая мы перебрались в Усть-Ижорский саперный лагерь.

Лагерный сбор прошел быстро и весело. Я в Петербург совсем не ездил. Причиной этому была охота и небольшое увлечение... Ротный командир, полковник Прескотт, разрешил мне охотиться, и я, приобре-

тя великолепного сеттера Пипо, все свободное время бродил с ружьем по окрестностям лагеря. Дичи было много: глухари, тетерева, белые куропатки, вальдшнепы, дупеля, бекасы... Я наслаждался.

Перед самым концом лагерного сбора произошла драматическая история, невольным виновником которой был я.

В одно из воскресений я решил отправиться на охоту. Переодевшись в охотничий костюм, я пошел в цейхгауз взять хранившееся там мое ружье и патроны. Надев патронташ и ягдташ, я взял ружье и, зарядив его, вышел из цейхгауза. Зарядил ружье потому, что уже в каких-нибудь ста шагах от цейхгауза была хорошая мочежина, на которой часто бывали бекасы. В этот момент меня позвали к дежурному офицеру, капитану Модраху, который сам был охотником и, как оказалось, позвал меня с тем, чтобы попросить обойти и обследовать одно место, где, как он думал, должно было быть много дичи.

Когда меня позвали, я вернулся в цейхгауз и, положив ружье на полку, предупредил каптенармуса, бывшего около цейхгауза, что я сейчас вернусь за ружьем.

Получив указание от капитана Модраха, я пошел к цейхгаузу. В это время со стороны цейхгауза раздался выстрел. Предчувствуя что-то недоброе, я бегом бросился на звук выстрела. Подбегая к цейхгаузу, я увидел страшную картину: каптенармус выносил из помещения своего мальчика лет девяти, у которого из шеи фонтаном била кровь. Бедный мальчик через несколько минут скончался.

Оказалось, что этот мальчик, вместе с другим мальчиком лет десяти, пробрались в цейхгауз и начали играть с моим ружьем. Десятилетний мальчик взвел курок ружья, прицелился в сына каптенармуса и выстрелил... Ружье, как я сказал, было заряжено, и весь заряд попал несчастному мальчику в шею.

Этот случай ужасно на меня подействовал и научил впредь быть очень осторожным при обращении с огнестрельным оружием. Конечно, я после этого случая больше в лагере Инженерного училища не охотился.

Для меня этот случай ограничился только нравственным мученьем и послужил уроком на будущее. Каптенармус подтвердил следователю, что я его предупредил о том, что оставляю в цейхгаузе заряженное ружье и что я сказал ему, чтобы он закрыл цейхгауз до моего возвращения. Он показал, что не исполнил моего указания и как-то не заметил мальчиков, пробравшихся в цейхгауз. Дело было прекращено, но тяжелое впечатление от всего виденного и сознание, что все же виноват я, долго меня преследовали.

Я сказал выше, что не ездил летом в Петербург и из-за небольшого увлечения. Вот история этого увлечения.

Как-то, будучи на охоте, я забрел в небольшое селение на берегу Невы — Ивановское. Дело было в субботу. Я решил переночевать в одной из крестьянских изб и рано утром в воскресенье продолжать охоту.

Выбрав более приличную на вид избу, я попросил разрешения у хозяина переночевать и попросил накормить меня яичницей, обещав, конечно, за все заплатить.

Устроившись в чистой горнице, я предвкушал удовольствие напиться чаю и съесть яичницу. Самовар, а затем яичницу принесла хозяйская дочь, Маша, девушка лет 17—18-ти. При виде ее я просто оторопел: красавица она была поразительная. Оказалась она и умницей и чрезвычайно милой и скромной девушкой.

С тех пор мои охотничьи экскурсии неизменно меня приводили в Ивановское. Девушка мне все больше и больше нравилась, и я, с присущей 20-летнему возрасту способностью увлекаться, чувствовал себя влюбленным.

Драматичный случай с сыном каптенармуса прекратил мои любовные похождения, да и настроение не позволяло об этом и подумать. Но сейчас же после производства в офицеры я, купив большую коробку шоколадных конфект, сел на Шлиссельбургский пароход и покатил в Ивановское.

Встретили меня там как-то менее ласково, чем во время моих посещений в бытность юнкером. Маша позволила, правда, себя поцеловать, но конфекты взять отказалась и убежала. Через несколько минут явилась ее мать и сказала мне приблизительно следующее: «Вот ты, барин, теперь офицер. А что ты хочешь от Маши, я так и не знаю. На что ей и мне твои конфекты? Если ты серьезный человек, то дай мнѣ пятьдесят рублей, а для Маши купи материи на платье... Тогда будет хорошо и я не буду от тебя гнать моей девки».

Я свалился с неба... Дал старухе десять рублей и поспешил на пароходную пристань. Этим и кончилось мое увлечение и «хождение в народ».

Перед окончанием лагерного сбора нас перевели в Красное Село для участия в общих маневрах. Маневры закончились 8 августа 1888 г. производством в офицеры выпускных юнкеров.

Собрали нас, выпускных, около Царского валика. Почистились мы, выстроились и, радостные, ожидали приезда Царя. Появился военный министр, Ванновский[16], и стал обходить выстроившихся юнкеров. При обходе им юнкеров Михайловского артиллерийского училища произошла сцена, оставшаяся мне памятной на всю жизнь и выявившая Ванновского как большого хама. Он увидел, что на одном из юнкеров был надет не казенный, а собственный, щегольской мундир, а это в строю строго запрещалось.

Выругав юнкера и пригрозив, что вместо производства в офицеры он отправит его под арест, генерал Ванновский обрушился на командира батареи Михайловского артиллерийского училища полковника Чернявского[17], который заступился за юнкера, сказав, что он позволил ему надеть собственный мундир, так как казенный юнкер порвал, за что-то зацепившись его надевая.

Боже, что тут было! Ген. Ванновский кричал и ругался как извозчик. Бледный и дрожащий полковник Чернявский доказывал свое право и обязанность заступиться за юнкера, который не виноват. Не знаю, чем бы окончилась эта безобразная сцена, если бы не подъехал Государь Александр III.

Впоследствии (когда ген. Чернявский был членом Военного совета, а я начальником канцелярии Военного министерства, в 1914 г.), я как-то напомнил эту сцену ген. Чернявскому. Он, несмотря на то, что прошло с тех пор более 26 лет, не мог говорить спокойно; он мне сказал, что он подавал после этого в отставку и ген. Ванновский в конце концов извинился. (Во всю мою последующую военную службу я убедился, что случаи хамского и грубого обращения со стороны начальства по отношению офицеров в Русской Императорской армии были чрезвычайно редки. Конечно, были исключения, были безобразно грубые начальники, как, например, ген. Сандецкий[18]. Но они составляли исключение. Вообще же необходимо констатировать, что в военном ведомстве было гораздо меньше случаев произвола, чем в гражданских ведомствах. В военном ведомстве не существовало произвола увольнения в административном порядке без объяснения причин.)

Государь Император обошел выстроившихся юнкеров. Здороваясь с юнкерами и со многими милостиво заговаривая, Государь, став затем перед серединой нашего фронта, произнес короткое слово с напутствием относительно нашей будущей офицерской службы и поздравил нас с производством в офицеры. Громовое «ура» прогремело в ответ, и, распущенные по своим лагерям, мы бросились к своим палаткам и баракам, чтобы переодеться в офицерскую форму, которая у каждого была припасена.

Накануне производства в офицеры (если не ошибаюсь, 7 августа 1888 г.) состоялся объезд лагеря Императором Александром III вместе с германским Императором Вильгельмом II. Я помню, что на всех нас произвела чарующее впечатление мощная фигура нашего Императора. Чувствовалось, что он держался с полным спокойствием и чрезвычайным достоинством. Рядом с ним молодой Германский Император Вильгельм II, как бы заискивающий и суетливый, производил определенно отрицательное впечатление.

Вечером 7 августа состоялась в Красносельском лагере вечерняя Заря с церемонией, а затем наступила томительная (для мно-

гих бессонная) ночь в ожидании долгожданного дня производства в офицеры.

Наступили трое знаменитых суток, в течение которых разрешалось вновь произведенным офицерам гулять вовсю. Полиция имела указание в течение этого времени не составлять протоколов на случай всяких инцидентов, участниками которых были офицеры, а комендантские адъютанты, проводя три ночи в наиболее посещаемых увеселительных заведениях и садах, имели указание не арестовывать офицеров, а лишь прекращать различные неприятные инциденты и стараться развозить по домам чересчур подгулявшую молодежь.

Публика знала этот обычай, и некоторые воздерживались в эти дни посещать различные злачные места, а те, которые ходили, или принимали участие в общем веселье, или относились к нему благосклонно.

Обыкновенно наиболее буйными были первый вечер и ночь в день производства. Учитывая это, наш выпуск Николаевского Инженерного училища, дабы не попадать участниками крупных скандалов, а с другой стороны, вследствие желания большинства провести первый вечер после производства в кругу своих родных, друзей или знакомых (особенно с целью появиться в офицерской форме перед глазами своих зазноб), решил на общие празднества и совместные увеселения употребить 9 и 10 августа.

Первый вечер в день производства в офицеры я провел у моих старых знакомых Линдестремов. Михаила Владимировича Линдестрема (брата жены Н. Ф. Еранцова) я знал уже давно, а за время пребывания в Павловском военном училище очень к нему привязался, как к прекрасному человеку (особенно близок он мне был как такой же страстный охотник, как и я). Жену его, Марью Федоровну (рожденную Ергопуло), которая была старше меня на шесть лет, я отлично знал еще по Севастополю (она была родной племянницей Н. Ф. Еранцова).

На другой день после производства в офицеры, с утра, я сделал неудачный выезд в с. Ивановское, мною выше описанный. Вернувшись в Петербург из Ивановского, я отправился в ресторан Палкина, где был назначен наш товарищеский выпускной обед.

После обеда мы «закрутили». Сначала поехали в Аркадию, где были для нас заказаны ложи в театре; затем там же поужинали и оттуда попали к цыганам. У меня осталось только воспоминание, что где-то я подносил на сцене букет какой-то диве, а публика, бывшая в театре, меня приветствовала, кричала «ура» и какая-то депутация штатских («шпаков», как мы называли) появилась на той же сцене с шампанским и угощала меня и диву...

Как я вернулся в Инженерный замок, я не помню, но это был единственный и последний день моего кутежа после производства

в офицеры: проснувшись на другой день, я обнаружил, что мой бумажник с деньгами исчез. Потерял ли я его возвращаясь в училище, или его кто-либо украл — так и осталось невыясненным.

Оставшись без гроша, я занял немного денег и, послав телеграмму родителям в Севастополь с просьбой прислать денег на дорогу, выехал к Анне Николаевне Ронжиной в ее имение Доманино около ст. Акуловка Николаевской железной дороги. В Доманино, в ожидании денег из дому, я провел у милой Анны Николаевны почти неделю. Развлекался охотой на тетеревов.

Получив деньги, я поехал в Севастополь. Пробыл там около трех недель и отправился в Одессу, чтобы явиться на службу в 11-й саперный Императора Николая I батальон, куда я был назначен.

11-й саперный Императора Николая I батальон. Одесса. 1888–1894 гг.

После окончания отпуска, насколько помню, во второй половине сентября 1888 г., я прибыл из Севастополя к месту моего нового служения в Одессу. Остановившись в гостинице, я сейчас же отправился на розыски моих приятелей, которые со мной окончили Инженерное училище и вышли в саперные батальоны, стоявшие в Одессе. Нас всех, вышедших в 3-ю саперную бригаду, было семь человек: в 11-й саперный Императора Николая I батальон — я, Ольшанский, Кащенко, Сташевич и Мессинг; в 12-й саперный батальон — Фок (Яков)[19]; в 13-й саперный батальон — Кортацци (Георгий)[20].

Сборным пунктом в Одессе был назначен дом капитана I ранга Самойловича, дальнего родственника Кортацци. Отправившись туда, я нашел там всех наших в сборе.

Самойлович и его жена, Ксения Михайловна, встретили нас как родных. Эта милая и хлебосольная семья стала для большинства из нас (только у Сташевича родители жили в Одессе, и он держался как-то в стороне от нас; человек он был прекрасный, но крайне застенчивый и не любивший холостяцкого времяпрепровождения) второй семьей. Туда мы постоянно впоследствии ходили, находили там и веселье, и поддержку, и утешение в различных житейских огорчениях.

На другой день мы все гурьбой двинулись являться по начальству.

В 12 часов дня мы, вышедшие в 11-й саперный батальон (пять человек), ввалились в помещение батальонной канцелярии. Кроме дежурного писаря, никого там не оказалось. Писарь повел нас на квартиру делопроизводителя канцелярии, чиновника Николаева, сказав, что там по случаю именин делопроизводителя завтракают командир батальона и все господа офицеры.

Мы сначала хотели обождать в канцелярии, но писарь сказал, что это никак нельзя, что все г.г. офицеры и командир будут сердиться, а г-н делопроизводитель «изволят обидеться». Мы пошли. Остановились у двери квартиры, а писарь пошел доложить о нашем прибытии батальонному адъютанту поручику Деопику[21] (он подписывался Де-Опик).

Вышедший к нам Деопик с нами познакомился и сказал, что командир и делопроизводитель Николаев нас просят войти. Войдя в квартиру, мы увидели, что две небольшие комнаты сплошь заставлены столами, за которыми сидели офицеры и дамы. Большинство офицеров сидели в расстегнутых сюртуках (было довольно жарко). Мы в смущении остановились. Но из-за стола встал и направился к нам командир батальона, полковник Горбатовский[22].

Мы представились, перезнакомились со всеми присутствующими и через пять минут были уже рассажены за столы. Попали мы к самому началу завтрака и отдали должное пирогам, шашлыку и бурдючному красному вину...

11-й саперный Императора Николая I батальон был недавно переименован в таковой из 2-го Кавказского саперного батальона и переведен из Тифлиса в Одессу. Кавказские традиции соблюдались в батальоне полностью, и в них воспитывали нас, молодежь.

Шашлык и красное бурдючное вино, получаемое в бурдюках с Кавказа, процветали. Скоро и мы знали наизусть все кавказские песни, изучили обязанности тулумбаша и прониклись вообще кавказскими традициями. Традиции же эти были хорошие, и главными из них были дружное товарищество и честь своей части.

Службой нас на первых порах не утруждали. По мнению командира батальона и ротных командиров, молодых офицеров нельзя было подпускать к обучению солдат в первый год офицерской службы: надо их самих обучить.

Обучение солдат в ротах и командах велось ротными командирами и начальниками команд при посредстве главным образом фельдфебеля и старших унтер-офицеров. Если в роте имелись уже достаточно опытные офицеры, то на них возлагалось обучение грамоте и руководство некоторыми отделами обучения. Молодые же офицеры должны были сами подучиваться, присматриваться и нести дежурства по батальону. Свободного времени оставалось много, и мы им широко пользовались.

Одесское общество вело довольно широкий и веселый образ жизни. Саперные офицеры в Одессе были на положении гвардии. Кроме того, начальник саперной бригады генерал-лейтенант Скалон[23] (бывший во время войны с Турцией командиром лейб-гвардии саперного батальона), имевший в Одессе обширные знакомства, старался, чтобы саперных офицеров всюду приглашали.

Первоначально мне очень нравилось бывать на вечерах в Институте благородных девиц, у командующего войсками (генерал Роop[24]), у Еранцовых (его жена — рожденная Сухомлинова) и у других. Но скоро всё это надоело, и я примкнул к компании, которая вела довольно разгульный холостяцкий образ жизни. Часто обедал я в Северной гостинице, посещал театры, а затем закатывался куда-либо ужинать. К весне 1889 г. из семейных домов я бывал часто только у Самойлович и у Сташевич.

К этому времени относится бурный период моей жизни, который, к моему счастью, был прерван скандалом, связанным с ужином на «брандвахте».

На внешнем рейде Одессы всегда стояло на якоре в те времена небольшое паровое военное судно, называвшееся брандвахтой. На обязанности командира этого судна было проверять все суда, приходящие в Одесский порт, и после захода солнца до утра разрешать входить в порт только тем судам, которые имеют в полном порядке все судовые документы. Всякое судно, подходящее к Одесскому порту после захода солнца, должно было останавливаться и посылать на брандвахту шлюпку с офицером парохода для доклада, какое это судно, какой груз, какое название судна и пр. Входить в порт можно было после получения на это разрешения с брандвахты. Если судно само не останавливалось, его останавливали с брандвахты холостыми орудийными выстрелами (на брандвахте были две небольшие пушки). За каждый выстрел, сделанный с брандвахты, командир входящего судна уплачивал штраф; за первый выстрел 25 рублей, а за последующие больше (кажется, за второй 50 р., за третий 75 р., за четвертый 100 р. т. д.).

Жизнь на брандвахте была, конечно, чрезвычайно скучная и тяжелая. Особенно в осенние и зимние непогоды, когда брандвахту швыряло во все стороны и укачивало даже старых «морских волков». Командир, два офицера и механик были всегда рады, когда их посещали на брандвахте гости.

Георгий Иванович Кортацци, один из выпускных из Инженерного училища в 1888 г., был давно знаком с «отшельниками» брандвахты (отец Кортацци был начальником Николаевской обсерватории и его сын знал почти всех черноморских моряков. Знал большинство из них и я); кроме того один из офицеров брандвахты, Юрьев, был, кажется, родственником Кортацци.

А так как мы, шесть человек (Кортацци, Фок, Кащенко, Мессинг, Ольшанский и я), жили «коммуной» на одной квартире, то, естественно, у нас были и все знакомые общими. Повадились мы ездить на брандвахту довольно часто. Все проходило мирно, но в один из приездов, желая отплатить гостеприимным хозяевам, мы, с их согласия,

привезли на брандвахту свой ужин с изрядным количеством различных бутылок...

В результате часам к 11 вечера мы все были на сильном взводе. Входит в кают-компанию боцман и докладывает: «Подходит какой-то пароход». Командир брандвахты отдает распоряжение: «Вызвать команду и заряжать орудия». Затем предлагает нам подавать команду для стрельбы. Мы в восторге вываливаемся на палубу. Первое — пли, второе — пли и т. д. и т. д. Мы открыли страшную канонаду!

К брандвахте подошла шлюпка с входившего парохода, который остановился после первого же выстрела. Какой-то голос, по-французски, умоляет прекратить стрельбу... Наконец огонь прекращен, и какие-то два возмущенных итальянца подымаются по трапу на палубу. Бурное объяснение, закончившееся тем, что итальянцы приняли участие в нашем кутеже, а затем с нами отправились в город на нашу квартиру, где до утра продолжали хлопать пробки. Съезд на берег был обставлен очень шумно: пускали ракеты, зажигали фальшфейера и прочее.

На следующее утро пробуждение наше было не из приятных: около 10 часов утра к нам прибыл адъютант от командира порта, капитана I ранга Перелешина, приказал нас разбудить и передал нам приказание своего начальника прибыть к нему на квартиру к 11 $^{1}/_{2}$ утра в обыкновенной (то есть в мундирах) форме. Смущенные, мы оделись и поехали.

Капитан I ранга Перелешин (герой «Весты», получивший за бой с турецким монитором Георгия 4-й степени; был во время этого боя ранен в ногу и остался хромым. Ходил всегда с палкой; считался большим ругателем, но чрезвычайно добрым человеком, любившим выпить в хорошей компании) довольно долго заставил нас ждать в своей приемной комнате, где находился в полном составе и весь офицерский состав брандвахты. Наконец он вышел и обрушился на нас, укоряя в скандальном поведении, не соответствующем офицерскому достоинству, и грозил судом и разжалованием в солдаты. Мы молчали и стояли повесив нос. Ругань перешла в наставления и окончилась словами: «Ну что же мне с вами делать? Вы все такие славные юноши! Ваше счастье, что итальянцы в конце концов с вами перепились и приняли участие в вашем буйном схождении на берег. Теперь капитан итальянского парохода просит меня прекратить все это дело. Обещаете ли вы мне, что впредь будете вести себя пристойно?»

Мы, конечно, с радостью дали это обещание. После этого мы все были приглашены Перелешиным позавтракать, и всё закончилось для нас благополучно.

Случай этот меня встряхнул, и я отстал от кутящей компании. Впрочем, на перемену моего образа жизни повлияло и то, что я по-

знакомился с очень хорошенькой и умной девушкой, Ольгой Алексеевной Перетц (отец ее, отставной действительный статский советник, Алексей Петрович, служил прежде в Министерстве финансов, а ее дядя был известный государственный деятель, член Государственного совета и государственный секретарь, Перетц), за которой начал ухаживать.

Вообще же жизнь в Одессе протекала очень бурно и всяких скандалов было много. Большая часть историй для виновников, умевших найти пути к местной администрации, заканчивалась благополучно.

Градоначальником Одессы был в то время известный ругатель и преследователь евреев адмирал (впрочем, кажется, генерал по Адмиралтейству) Зеленый[25]. Но несмотря на то, что он на своих приемах и часто на улицах города ругался площадными словами и отправлял в кутузку без особого разбора и правых и виноватых, его все любили, и когда он ушел со своего поста, это вызвало общее сожаление.

Объясняется это тем, что он был безупречно порядочным человеком, преследовал взяточников и в конце концов справедливо, «по-отечески» разрешал самые запутанные дела; до суда он не любил доводить дела. Его любили и евреи, так как хотя он их и ругал трехэтажными словами и засаживал в кутузку, но и их он не давал в обиду чинам местной администрации.

Хуже был местный полицейский, фон Гампер, про которого упорно говорили, что он водит за нос Зеленого и обирает население, особенно «жидов». Впрочем, насколько я помню из рассказов, и его евреи находили «подходящим», ибо от него всегда можно было откупиться.

Последним моим «буйным» пикником, устроенным холостяками с дамами, была поездка в один из осенних дней 1889 г. на Большой Фонтан. Кончился он не особенно благополучно: при прыгании с обрыва на берег моря Г. И. Кортацци сломал себе ногу, а на обратном пути в город свалился с поезда чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе бароне Роопе. Этот случай еще более оттолкнул меня от слишком буйного времяпрепровождения. Впрочем, в монахи я не записывался и всегда принимал участие в общих увеселениях, избегая только мрачные попойки в чисто холостяцких компаниях.

К этому же времени, я помню, относится мое кратковременное увлечение опереточной дивой, очень милой и очень интересной, Светиной-Марусиной (Луаре. У нее было два брата: один был моряк и служил в Добровольном флоте, а другой — известный карикатурист «Карандаш», “Caran d'Ache”, живший во Франции).

Вспоминаю и попойку «по приказанию начальства». Приехал в Одессу знаменитый итальянский тенор (фамилию забыл). Он бывал у начальника саперной бригады, и ему показывали ученье 11-го саперного батальона. После ученья был обед в офицерском собрании,

и я был в числе «приставленных» к итальянцу. Было дано указание «уложить его в лоск». По совету старших, чтобы самим не опьянеть скоро, мы (несколько человек, приставленных к итальянцу) перед обедом съели по коробке сардинок и выпили еще по большой рюмке прованского масла... Результат был, действительно, потрясающий — мы все были почти трезвы, а бедного итальянца, в виде мертвого тела, уложили проспаться в комнате дежурного офицера.

Перед началом лета 1889 г. наш начальник саперной бригады, ген. Скалон, получил назначение начальником 15-й пехотной дивизии. Вместо него был к нам назначен кн. Туманов[26]. Но почему-то эти перемены было указано произвести только с 1 сентября 1889 г. (кажется, кн. Туманов по болезни получил продолжительный отпуск).

Генерал Скалон, будучи вообще крайне легкомысленным человеком и относившийся к службе более чем спустя рукава, признававший только парадную сторону и «втирание очков начальству», а также всегда игравший на популярность, решил напоследок доставить офицерам отдых и удовольствие. Он собрал командиров саперных батальонов и приказал давать офицерам в течение лета отпуска самым широким образом, наблюдая, чтобы в ротах всегда был один офицер.

Сказано — сделано. Все лето 1889 г. мы по очереди гуляли, а занятиями в ротах фактически руководили фельдфебеля, особенно, конечно, была довольна молодежь. Я в это время был уже адъютантом батальона, и мне заместителя не было. Но в конце концов и я упросил командира батальона, полковника Горбатовского, назначить мне заместителя, с которым я мог бы чередоваться через каждые две недели: две недели он гуляет, а я сижу в лагере и исполняю адъютантские обязанности, а затем две недели гуляю я... Когда наступило время охоты (с 15 июля), то моя страсть к охоте пересилила мое желание ездить в Одессу, и я с увлечением охотился на куропаток, которых в районе Хаджибеевского лимана было очень много. Помню два случая за это лето.

Однажды я поехал в Одессу и вечером пошел к Перетц. Немного спустя мне приносят срочную телеграмму от командира батальона, вызывающего меня в лагерь. Заказав почтовых лошадей к 1 часу ночи, я все же провел вечер в приятной для меня компании. В 1 час ночи поехал на почтовых в лагерь (в 30 верстах от города) и в 8 часов утра явился к полковнику Горбатовскому.

Он встретил меня словами: «Простите меня, дорогой Александр Сергеевич, что я вас вызвал, и вызвал не по служебному делу. Ко мне на дачу повадился летать ястреб, таскает цыплят и бьет бедных скворчиков, а ведь вы у нас единственный хороший охотник. Убейте, ради Бога, этого разбойника, а затем, если хотите, уезжайте в Одессу хоть на три недели».

Я устроился в засаде, и под вечер мне удалось убить ястреба. Напутствуемый благодарным начальством, я в тот же вечер полетел обратно в Одессу.

Второй случай был в конце лета. Я попросил разрешение съездить в Севастополь к родителям. Разрешение получил поехать на две недели, но был предупрежден, что ожидается инспекторский смотр генерал-инспектора по инженерной части и что если будет получено известие о его выезде из Петербурга, мне будет послана телеграмма и я должен буду немедленно вернуться в Одессу и прибыть в лагерь.

Получив отпуск, я с первым же пароходом Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ) отправился в Севастополь.

В это время Севастополь уже представлял крупный военно-морской порт. Было построено и на воду спущено уже несколько броненосцев («Екатерина II», «Георгий Победоносец», «Евстафий» и др.), несколько крейсеров, канонерок и много миноносцев. Севастополь был переполнен моряками. В нашем доме постоянно бывало много морских офицеров.

Севастополь веселился. В Морском собрании и в частных домах постоянно бывали балы, вечера, вечеринки... Севастопольские барыни и барышни сходили с ума по морякам. Наехало в Севастополь и много звезд полусвета из Петербурга.

Я со всем увлечением молодости окунулся в веселье и приобрел много приятелей среди морской молодежи. Но прошло дней десять, и я получил телеграмму от командира батальона полковника Горбатовского с требованием немедленно вернуться вследствие приезда в Одессу генерал-инспектора инженерных войск (фамилию забыл, кажется Кобелев[27] или что-то в этом роде).

Я бросился в контору РОПИТ. Но оказалось, что только через три дня будет пароход в Одессу. Я не знал, что и делать. Выручил меня один из моих морских приятелей. «Пойди к адмиралу Лаврову[28] и попроси его взять тебя на один из наших кораблей. Завтра мы идем в Одессу, сопровождая генерал-адмирала Великого князя Алексея Александровича[29]».

Я бросился к Лаврову, хорошо меня знавшему и бывшему старшим флагманом Черноморского флота. Предварительно «для верности» я забежал к его жене (дочери генерала Берга) и, зная ее влияние на мужа, попросил мне помочь. Она дала мне записку на имя своего мужа, и я предстал перед очами адмирала.

Адмирал любезно меня принял, несколько раз перечитал записку своей жены и затем обратился ко мне (он сильно заикался, а потому его речь носила несколько комический оттенок): «А, а, а... за-а-чем вам надо в Одессу?» Я объяснил. «Хо-о-о-рошо. По-о-закону мы по-

по-посторнних брать на суда не-не-не можем. Но я вас возьму, но с условием... Ка-какой у вас чин?» — «Я подпоручик». — «Хо-о-рошо. Зна-а-ачит как мичман. Вы знаете, что мы сопро-о-вождаем генерал-адмирала. Его императорскому вы-вы-сочеству, может быть, захочется погулять по палубе и по-по-смот-реть на эскадру. Его Вы-вы-со-сочество выйдет, и-и в би-би-бинокль по-смотрит, и вдруг скажет: «А это кто?» Если вы тоже будете гу-гу-гулять по палубе корабля, на котором пойдете. Так вот мо-о-о-е условие: или сидите всё время у себя в каюте или кают-компании, или, если захотите подняться на па-палубу, то по-по-просите какого-нибудь мичмана дать вам его куртку».

Я обещал сидеть смирно и не выходить «дышать свежим воздухом». Через час я уже сидел в кают-компании «Екатерины II», и моряки угощали меня мадерой.

Переход был очень бурный. Сильно заливало даже броненосцы. Канонерки и миноносцы получили разрешение зайти отстояться в каком-то попутном порту. На другой день прибыли мы в Одессу, но, к моему великому огорчению, вследствие сильного волнения не было дано разрешение на съезд на берег. Я страшно волновался. Наконец, уже около вечера, было разрешено отправить с каждого корабля по одному баркасу на берег за провизией. Командир броненосца разрешил спустить на берег и меня.

Я отправился на почтовую станцию, взял лошадей и покатил в лагерь. Застал командира батальона в большом волнении: генерал-инспектор должен был смотреть саперную бригаду на другой день утром.

Наступил день смотра. Генерал Кобелев обошел все части и затем приказал вызвать к нему всех молодых офицеров последних двух выпусков. В числе их был и я. Поговорив с каждым из нас, он дал нам задачи. Мне было приказано построить подвесной мост через овраг, принимая во внимание, что овраг непроходим.

Когда ген. Кобелев отошел, меня подозвал ген. Скалон: «Вы можете построить такой мост?» Я ответил, что могу. Ген. Скалон сомнительно покачал головой и сказал: «Боюсь, что условие считать овраг непроходимым слишком трудное... Боюсь, что вы с этой задачей не справитесь или построите черт знает какой мост. Лучше не считайтесь с «непроходимостью» оврага, а постройте хороший прочный мост, такой, чтобы не провалился — дабы не оскандалить меня, батальон и самого себя... Я поставлю махального, и если ген. Кобелев пойдет смотреть, как вы строите мост, вы будете предупреждены и будете продолжать работу считая, что овраг непроходим».

Привожу этот случай, чтобы показать, насколько сам ген. Скалон был легкомыслен и каким он был очковтирателем.

Расскажу здесь еще два случая, связанных с тем же ген. Скалоном.

Лето 1888 года. Ген. Скалон обратил внимание, что ротные командиры отвратительно ездят верхом (перед тем был приказ по военному ведомству, что ротным командирам разрешается в строю при походных движениях быть верхом). Он решил их выучить. Для этого он приказал по субботам собираться ротным командирам около своей дачи на Большом Фонтане и производил им там конное ученье.

Несколько уроков прошло благополучно, но на третьей или четвертой террасе дачи оказалась г-жа N (жена начальника штаба одного из корпусов). Некоторым из ротных командиров показалось зазорным обучаться при даме. Один из них, кажется капитан Вишневский, доложил об этом ген. Скалону, но последний обозлился и обратил особое внимание на Вишневского. Пропуская мимо себя офицеров, он скомандовал: «Рысью». Вишневский вместо рыси поднял лошадь в галоп и, несмотря на крики ген. Скалона, удрал в город и подал рапорт о том, что в подобных уроках верховой езды он усматривает оскорбление офицерскому достоинству.

Получился громкий скандал, в результате которого Вишневский был переведен в Киевскую саперную бригаду.

Второй случай был осенью 1889 г., при распределении прибывающих новобранцев между частями, входившими в саперную бригаду. Генерал Скалон производил разбивку новобранцев всегда сам; происходило это во дворе 11-го саперного батальона. Так было и в 1889 году.

Новобранцы были выстроены; генерал Скалон появился, поздоровался с ними и стал их обходить, расспрашивая и назначая в соответствующую часть.

Обошел он уже многих. Начальник штаба саперной бригады и строевой адъютант штаба чем-то занялись в стороне, и мне (бывшему адъютантом 11-го саперного батальона) было приказано временно быть при начальнике бригады и отмечать, куда какой новобранец назначен.

Подходит ген. Скалон к какому-то рыжему молодому человеку, хорошо одетому. «Какой ты губернии?» Новобранец молчит. «Я тебя спрашиваю, какой ты губернии?» Опять молчание. Шея ген. Скалона начинает багроветь, и он уже кричит: «Что же ты не отвечаешь? Не знаешь, что ли, русского языка? Что ты — немой, что ли? Как твоя фамилия и какой ты губернии?»

Опять молчание, но ясно, что новобранец волнуется, стал совсем красным. Ген. Скалон развернулся и со всего маха дал пощечину новобранцу. Новобранец схватился за лицо, разрыдался и на чистейшем французском языке сказал: «Генерал, я по-русски не говорю!»

Взволнованный, ошалевший и смущенный, ген. Скалон по-французски же воскликнул: «Что же вы молчите? Кто вы такой? Ради Бога меня простите».

Новобранец, сквозь рыдания, объяснил, что фамилия его Петерс, что он сын русского генерального консула в Алжире, что он окончил образование во Франции, что он по-русски совсем не говорит, что прибыл он теперь в Россию отбывать воинскую повинность, но так как у него нет никакого аттестата русского учебного заведения, то его назначили отбывать воинскую повинность в саперных войсках на общих основаниях.

Ген. Скалон совсем смутился, стал обнимать Петерса, извиняться и, прервав дальнейшее распределение новобранцев, увез его к себе в своей коляске. Поселил он его у себя, пригласил учителя русского языка и месяца через два Петерс сдал экзамен на право отбывать воинскую повинность вольноопределяющимся. Впоследствии, насколько помню, Петерс женился на дочери или племяннице ген. Скалона.

Говорили, что ген. Скалон был очень образованным (я слышал, что во время Турецкой войны он был хорошим командиром лейб-гвардии саперного батальона; уже в эмиграции (в 1927 г.) я слышал от Вел. кн. Николая Николаевича, у которого Скалон был одно время воспитателем, что как человек он был очень неважен и что Вел. князь его терпеть не мог) и очень интересным человеком в обществе. Но как начальник саперной бригады он был никуда не годен. Он совершенно не интересовался подготовкой бригады, требуя лишь блестящего вида на парадах и смотрах. Про него говорили, что он был совершенно аморальный.

Коснусь опять Севастополя, к которому в своих записках буду возвращаться еще неоднократно, так как вплоть до большевизма я периодически туда наезжал, навещая родителей.

К периоду 1889–1894 гг. Севастополь уже превратился в крупный военно-морской порт и постепенно превращался в приморскую крепость. Но, развиваясь в этом отношении, он начинал завядать как коммерческий порт. Хотя Евпатория, в которую, по мысли правительства, должен был перейти коммерческий порт, и оказалась для этой цели малопригодной, но правительство (главным образом морское ведомство) не допускало и мысли об оставлении в Севастопольских бухтах коммерческого порта. Как коммерческие порты на Черном море стали быстро развиваться Одесса и Новороссийск. Севастополь же стал замирать, и это, конечно, отразилось на благоустройстве города, новых постройках и прочем.

Для меня лично превращение Севастополя в военный порт было неприятно в смысле охоты: охота на уток в верховьях Северной бухты и при устье Черной речки была запрещена. Что касается охоты на стрепетов и дроф, которую я так любил, то она потеряла в Крыму к этому времени свой интерес. Большая часть «целины» к этому периоду уже была запахана, дичи стало гораздо меньше и охота потеряла свою увлекательность. Это уже не было «кочеванье» по беспредельным просторам, покрытым волнующимся ковылем, а превратилось в малоинтересную

охоту по полоскам несжатого хлеба, полосам кукурузы, проса или по бурьяну. Правда, много было перепелов, куропаток и зайцев, но общая картина уже была не та, и мало стало осторожных стрепетов и дроф.

Стало вообще культурнее и, конечно, хуже. Но, наезжая в этот период в Севастополь осенью, я имел возможность поохотиться на осенних высыпках (при перелетах на юг) перепелов и вальдшнепов. Массовый перелет перепелов обыкновенно происходил в окрестностях Севастополя в период от 15 сентября до 10 октября. Если в этот период бывали редкие понижения температуры, то высыпки перепелов бывали колоссальные.

Я обыкновенно с вечера ездил на наш хутор в семи верстах от Севастополя и на рассвете следующего дня отправлялся бродить вокруг хутора или спускался в долину Черной речки. Иногда удавалось попасть на такую перепелиную высыпку, что расстреливался весь запас патронов и щека вспухала от отдачи ружья, а средний палец правой руки сбивался в кровь.

Мне много раз удавалось убивать значительно больше 100 перепелок. Один раз я убил 175 перепелок. Но, конечно, это уже была не охота, а бойня. Гораздо интереснее была охота на вальдшнепов, которая обыкновенно начиналась 5–10 октября.

Вальдшнепиные высыпки были не особенно обильные, но все же мне неоднократно удавалось убить 12–18 штук. Однажды только, имея всего 30 патронов, я попал на Бельбеке на большую вальдшнепиную высыпку и убил 22 вальдшнепа. Расстреляв патроны, я поспешил вернуться в город, набил 100 патронов и к рассвету следующего дня был на месте прежней (вчерашней) охоты, во время которой чуть ли не из-под каждого куста вырывалось по два, по три вальдшнепа. Но... обойдя весь район, я не нашел ни одного вальдшнепа: все ночью улетели за море.

Вспоминая мою шестилетнюю службу в 11-м саперном Императора Николая I батальоне, я должен отметить следующее:

1) Если не считать периода печальной памяти генерала Скалона (до осени 1889 г.), то практическая техническая подготовка частей саперной бригады была поставлена очень хорошо.

Заменивший ген. Скалона князь Георгий Туманов был очень дельным и требовательным начальником бригады. Он наблюдал за подготовкой частей и во все вникал. При нем все подтянулись.

В смысле командиров батальонов 11-му саперному батальону не повезло. Когда я вышел в батальон, командиром был полковник Горбатовский, который сам ничего не делал, все предоставляя командирам рот.

Через три года его сменил полковник Российский, известный писатель по технико-саперным вопросам. Но, будучи прекрасным теоретиком, он оказался никуда не годным практиком и более чем слабым начальником. Будучи болезненно конфузливым и совершенно

безвольным человеком, он просто не смел сделать даже простого замечания офицерам. Этим, конечно, пользовались, и скоро его «оседлали» и с ним совершенно не считались.

Поправку вносил тот же князь Туманов. Недостатком последнего была только чрезмерная горячность, из-за которой иногда происходили неприятные недоразумения. Помню два случая.

Кн. Туманов обратил внимание на то, что некоторые офицеры ходили «лохматыми» и имели неряшливый вид. Он отдал соответствующий приказ. Прошло несколько дней, и он встретил на улице поручика Корженевича (11-го батальона) и, обратив внимание, что у него чрезмерно длинные волосы, приказал немедленно постричься, пригрозив, что если это не будет сейчас же исполнено, он его посадит под арест.

Дня через три после этого (батальон находился в лагере; я при этом не присутствовал, так как был в отпуску; описываю со слов лиц, мне все это рассказавших), когда батальон производил строевое ученье, появился кн. Туманов и стал обходить роты батальона. Увидев поручика Корженевича с длинными волосами, кн. Туманов, не сказав ему ни слова, приказал командиру роты вызвать перед строй портного.

Таковой оказался. «Есть у тебя ножницы?» — «Так точно, ваше сиятельство». — «Барабанщик, вперед», — скомандовал кн. Туманов.

Приказав барабанщику поставить барабан перед строем роты и взяв ножницы у портного, кн. Туманов обратился к поручику Корженевичу: «Предлагаю вам, поручик, сесть на барабан, а я вас сам сейчас постригу».

Корженевич, видя, что это серьезно, сначала оторопел, а затем выскочил из строя и бросился наутек.

Озадаченный и рассвирепевший, кн. Туманов с криками, требовавшими, чтобы Корженевич вернулся, бросился за ним. Но Корженевич удрал, и получилась пренеприятная история.

На другой день Корженевич был вызван к начальнику бригады и пошел туда уже постриженный. О чем они говорили и что произошло, никто ничего так и не узнал. Корженевич никогда никому не сказал. Но, к нашему общему удивлению, Корженевич не понес никакой кары, был после этого всегда чистеньким и безукоризненно одетым офицером и за свою исполнительность и хорошую службу всегда отличался кн. Тумановым.

Другой случай был хуже. Это произошло также без меня, в год, когда я поступил в Академию Генерального штаба (в 1894 г.).

На Георгиевском празднике (наш батальон имел Георгиевское знамя) командующий войсками граф Мусин-Пушкин[30], при прохождении мимо него на церемониальном марше 11-го саперного батальона, его не поблагодарил.

Кн. Туманов решил, что батальон прошел плохо и что командующий войсками умышленно не поблагодарил (впоследствии оказалось, со слов начальника штаба округа, что в это время проходила недалеко от гр. Мусина-Пушкина какая-то дама, и командующий войсками просто загляделся на ее ножки и забыл поблагодарить проходивший мимо него 11-й саперный батальон). Батальону приказано было вернуться в казармы и ждать приезда начальника бригады.

Батальон был выстроен во дворе казарм и перед строем был приготовлен аналой для молебна, а в стороне стоял столик с «водкой и чаркой», чтоб начальствующие лица провозгласили после молебна здравицу Государю, батальону, начальствующим лицам.

Приехал кн. Туманов. Вместо того, чтобы приказать скомандовать «на молитву», он приказал командиру батальона полк. Коссинскому[31] скомандовать «слушай на караул».

После исполнения команды кн. Туманов совершенно истерично, выкрикивая ругательства, обложил батальон предпоследними словами и закончил фразой: «Такой негодный батальон не достоин георгиевского знамени!» После этого повернулся и ушел.

После молебна старшие офицеры собрались, обсудили все происшедшее и предъявили требование к командиру батальона, чтобы он немедленно поехал к начальнику штаба округа (генералу Протопопову[32]) и добился быть принятым для доклада командующему войсками.

Полк. Коссинский поехал и был принят гр. Мусиным-Пушкиным. Всё разъяснилось, но замять эту историю было трудно, хотя кн. Туманов и принес извинение перед собранными офицерами батальона.

Но все-таки, повторяю, кн. Туманов был отличным начальником саперной бригады, и его любили.

Заместивший полк. Коссинского в должности командира батальона полковник Языков[33] был, по общим отзывам, блестящий командир батальона, но я его уже почти не застал; он был назначен командиром батальона весной 1894 г., то есть в год моего поступления в Академию Генерального штаба.

2) Воспитанием и подготовкой офицеров никто свыше не занимался. Требовалась лишь добросовестная служба, точное и аккуратное исполнение уставов, различных положений, инструкций.

За все время моего шестилетнего пребывания в батальоне я не помню ни сообщений, ни лекций, обязательных для всех офицеров. На те же сообщения и лекции, которые редко бывали в гарнизонном собрании, ходили только желающие.

Доходили до нас рассказы и слухи, что в соседнем с нашим (Одесским) округом, в Киевском, а также Варшавском, где были командующими войсками генералы Драгомиров[34] и Гурко[35], дело обстоит совер-

шенно иначе и что там на подготовку офицерского состава обращено очень серьезное внимание. Но, видимо, все зависело от личности командующего войсками, а не от общей системы. Вообще же этот период жизни русской армии почти всецело поглощался проведением хозяйственной реформы военного министра генерала Ванновского, искоренявшего «кормление» и всякие виды хозяйственных злоупотреблений и заменявшего все это правильным ведением войскового хозяйства.

3) В 1889 г. было обращено Главным штабом внимание на то, что мобилизационная готовность войсковых частей совершенно не обеспечена. Были изданы соответствующие инструкции и положения и началось составление новых мобилизационных планов.

Я, в качестве адъютанта саперного батальона, был привлечен в штаб округа для получения указаний по составлению мобилизационной записки для войсковых частей. Столкнувшись тогда в первый раз с вопросами мобилизационного характера, я увидел, что в этом отношении почти ничего не было подготовлено и что вопросы, касавшиеся подготовки к мобилизации армии, находятся в зачаточном периоде.

4) Отношения между солдатами и офицерами были отличные. Офицеры, как, впрочем, всегда в русской армии, проявляли по отношению солдат большую заботу.

Были, конечно, исключения, но очень редкие. В частности, в нашем батальоне был печальный случай, когда один командир роты, проиграв в карты, пополнял сделанный долг удержанием денег, получавшихся солдатами из дому. Как-то это открылось случайно (солдаты жалоб не заявляли), ротный командир немедленно представил растраченные им солдатские деньги и был предан суду.

Рукоприкладство было, но у нас случалось редко, так как старшие офицеры этого не допускали. Насколько помню, в 12-м саперном батальоне рукоприкладство практиковалось довольно широко. При этом, я помню, меня поразил случай, имевший место именно в 12-м саперном батальоне. Не помню теперь фамилию ротного командира этого батальона, который часто и довольно беспощадно бил солдат. Дошло это до начальника бригады, князя Туманова. Приказано было произвести расследование, которое это подтвердило. Но ни один солдат ничего дурного про своего ротного командира не сказал. Суть показаний была такая: «Да, бывает, что командир роты ударит, и даже «здорово», «аж повалишься», но всегда за дело. Мы его любим, он «осерчает и вдарит», но потом против нас сердца не имеет. Под суд никогда не отдает и не изводит».

5) Офицеры жили между собой хорошо и очень дружно. Пили порядочно. Но должен отметить, что спившихся и скандалистов не было. Один только ротный командир был, по-видимому, пропитан алкоголем и хмелел от двух-трех рюмок водки.

На молодежь в нашем батальоне оказывал очень благотворное влияние доктор батальона Взоров. Вспоминаю его с большим уважением. Он умел подойти к молодежи и на нее импонировал. Он был безукоризненно порядочный человек, очень образованный и честных правил. Он заставлял нас читать, отвлекал от карт и вина, заставлял заниматься спортом. Я лично ему многим обязан. <...>

Выше я уже сказал, что осенью 1890 г. я познакомился с Ольгой Алексеевной Перетц и ею увлекся. Мне было тогда 22 года, ей — 20 лет. О женитьбе я как-то не думал, считая, что я для этого слишком юн. Но О. А. об этом заговорила сама, и мы решили обвенчаться после того, как мне минет 23 года (10 июля 1891 г.), то есть тогда, когда, по закону, офицеры, внося залог в размере 5000 руб., могли жениться (без залога можно было жениться после достижения 28 лет).

О моем «жениховстве» стало, конечно, всем известно; в этом почему-то все знакомые приняли горячее участие, и большинство «кумушек» удивлялось, почему я хочу ждать 23 лет и не попытаюсь подать прошение на Высочайшее Имя.

Я сначала не хотел об этом и слушать (да и мои родители были против этого, находя вообще, что слишком рано жениться не следует), но моя невеста сама стала проявлять желание ускорить свадьбу. Мне очень не хотелось подавать прошение на Высочайшее Имя, так как я не уверен был в благоприятном для меня разрешении. Тогда мне посоветовали просить дать мне 11-месячный продолжительный отпуск. «Опытные люди» говорил мне, что если я получу такой отпуск, то могу сейчас же жениться без разрешения начальства, а затем, когда мне пройдет 23 года, подать рапорт о разрешении жениться, после чего можно сократить отпуск и вернуться на службу в батальон. Я колебался.

Но однажды я был приглашен на чашку чая к Тумановым, и там сам князь Туманов совершенно прозрачными намеками дал мне понять, что и он одобряет этот план. Это повлияло на мое решение. Я подал прошение о разрешении мне 11-месячного отпуска и, получив таковой, ранней весной 1891 г., женился на О. А. Перетц. Свадьба состоялась в небольшом селе под Одессой, где нашелся священник, согласившийся за одну тысячу рублей обвенчать без разрешения начальства. После свадьбы я с женой поехал к моим родителям в Севастополь.

Прошло месяца три, и мне стало нестерпимо скучно ничего не делать, а тут еще, как на зло, в мае из Одессы в Севастополь прибыла моя рота 11-го саперного батальона для ведения фортификационных работ в окрестностях Севастополя. (К этому времени было решено превратить Севастополь в крепость. Средств для устройства фортов в распоряжении военного ведомства не было, и, по проекту военного

инженера Величко[36], было решено обнести Севастополь, по линии предполагаемой обороны, треугольным рвом (который, при объявлении крепости на военном положении, должен был усилиться искусственными препятствиями), устроить погреба для снарядов, площадки для орудий и прочее. Для этой-то работы и прибыли из Одессы саперы.)

Мой ротный командир предложил мне, что он напишет командиру батальона и попросит его согласия на возвращение меня из 11-месячного отпуска и зачисление меня опять в роту, находящуюся в Севастополе. Я согласился.

Через несколько дней после этого приехали с визитом к моим родителям генерал Скалон (командовавший тогда 15-й пехотной дивизией) и жена генерала «Х». Сидя у нас, они высказали желание познакомиться с моей женой, прибавив, что нечего скрывать от них, так как вся Одесса знает о моей свадьбе.

Я позвал мою жену, и она с ними познакомилась.

Еще через несколько дней я получил письмо от командира батальона, который мне писал, что он согласен выполнить мою просьбу, но что мне надо приехать в Одессу, чтобы исполнить некоторые формальности.

Я немедленно отправился в Одессу и в течение двух-трех дней проделал всё, что нужно. Получил предписание отправиться в Севастополь к своей роте и на другой день должен был ехать по назначению.

В Одессе я являлся командиру бригады князю Туманову, обедал у них, и его дочь весело шутила надо мной, говоря, что как хорошо складываются обстоятельства и что я в Севастополе найду не только свою роту, но «еще кого-то, кто мне еще ближе». Князь Туманов чокнулся со мной стаканом вина и сказал: «Пью за здоровье этого кого-то».

Накануне отъезда из Одессы я пошел в театр. Сидя в партере, я увидел, что в бенуаре, в двух соседних ложах, сидят: в одной князь Туманов, а в другой генерал Скалон и г-жа Х. В антракте я зашел в их ложи.

На другой день утром ко мне в гостиницу приехал адъютант саперной бригады и сказал, что князь Туманов требует меня немедленно к себе. Облачившись в мундир, я поехал.

Князь Туманов принял меня крайне холодно и, не подав руки, спросил:

«Вы женаты?»

Зная, что князь Туманов отлично знает, что я женат, я ответил:

«Официально, ваше сиятельство, я холостой: но, как вам известно, в действительности я женат».

Князь Туманов набросился на меня со словами: «Шила в мешке не утаишь», «вы афишируете, что вы женаты и ставите в глупое положение

начальство», «вы должны за это поплатиться» и т. д. Я стоял перед ним совершенно растерянный, ничего не понимая.

Выждав, когда князь Туманов замолчал, я сказал, что ничего не понимаю, что я своей женитьбы не афиширую, что ведь я женился с негласного одобрения начальства и что не понимаю, за что меня надо теперь карать.

Князь Туманов в очень повышенном тоне мне сказал: «Да, неофициально командиру батальона и мне было известно, что вы женились, но вы не сумели сохранить это в тайне, и вы за это пострадаете. Вчера, после вашего ухода из ложи, генеральша Х. меня спросила: «Что Лукомский — женатый или холостой?» Я ответил, что вы холостой, что вы и не могли жениться, так как вам нет еще и 23 лет. На это она, смеясь, ответила: «Ну, вы плохо осведомлены о семейном положении ваших подчиненных. Я и генерал Скалон вчера вернулись из Севастополя; там мы были с визитом у родителей Лукомского и познакомились с очень хорошенькой женой Александра Сергеевича. А вы говорите, что он холостой. Ловко он водит за нос свое начальство». Затем князь Туманов совсем вышел из себя: «Каково мне слушать от г-жи Х., что меня водят за нос, и слышать смех генерала Скалона! Я этого допустить не могу. Вы во всем виноваты. Немедленно подавайте прошение на Высочайшее Имя об увольнении в запас по семейным обстоятельствам. Если вы не исполните моего требования, я подниму дело сам и предам вас суду за женитьбу без разрешения начальства и обман начальства!»

Никакие мои возражения не помогли, и я принужден был сказать, что сейчас же еду в батальон, явлюсь командиру батальона и подам прошение.

Князь Туманов сразу пришел в хорошее расположение духа и сказал, чтобы я не сердился, что это так надо, но что он дает честное слово, что в запасе я пробуду не год (по закону обратно на действительную службу из запаса принимали не раньше как через год), а всего несколько месяцев; что для этого мне нужно будет просить о возвращении на действительную службу сейчас же, как только мне минет 23 года. Пришлось покориться, подать прошение и с грустью возвращаться в Севастополь в ожидании увольнения в запас. Болтовня и шутки г-жи Х. доставили мне крупную неприятность. Особенно неприятно было то, что это оттягивало поступление в Академию на целый год.

Как только мне минуло 23 года (10 июля 1891 г.), я сейчас же подал прошение о возвращении меня на действительную службу и о зачислении меня обратно в 11-й саперный Императора Николая I батальон.

Князь Туманов сдержал свое слово и устроил так, что, в исключение из закона, кажется, уже в начале сентября 1891 г., состоялся Высочайший приказ о моем зачислении на службу в 11-й саперный батальон.

В бытность мою еще женихом (осенью 1890 г.) со мной произошел случай, который нельзя не отметить. У меня была младшая сестра Зина, которой к тому времени было, кажется, 12 лет. Она была в Харьковском институте и заболела скарлатиной. Болезнь бросилась на почки. Мои родители привезли ее в Севастополь, где и лечили. Я как-то получил письмо от матери, что Зине плохо и было бы хорошо, если бы я приехал.

По письму я не вынес впечатления, что положение безнадежное, и протелеграфировал, что если сестра будет совсем плоха, чтобы тогда прислали телеграмму, а ехать так и сидеть в Севастополе неопределенное время я не могу. Прошло после этого несколько дней. Я вернулся домой на нашу общую квартиру (я уже писал, что я и пять моих приятелей жили на одной квартире) довольно поздно и лег спать. Около моей постели, за ночным столиком, стояла ширма, а на коврике около постели, как всегда, лежал мой сеттер Пипо. <...>

Потушив свечку, я задремал. Затем мне представилось, что я не сплю и непотушенная свечка освещает комнату. Вдруг я вижу, что Пипо приподымается и на кого-то рычит. Я слышу шаги и из-за ширмы я увидел голову какого-то старика с длинной седой бородой, который, обращаясь ко мне, говорит: «Твоя сестра сейчас скончалась». Я пытаюсь встать, делаю усилие и просыпаюсь... Кругом полная темнота, но мой Пипо сердито рычит. Я зажигаю свечу и вижу, что Пипо, с взъерошенной шерстью и весь дрожа, стоит около моей постели и неистово рычит.

Я схватил из ящика ночного столика револьвер, соскочил с постели, взял свечку и, посылая вперед Пипо, вышел за ширму. Никого нет; собака продолжает рычать и, упираясь (приходилось ее подталкивать), еле-еле подвигается вперед. Так меня Пипо довел до выходных дверей, не переставая рычать. Дверь оказалась запертой на замок, и никого не было...

Я позвал денщика, разбудил приятелей. Мы осмотрели всю квартиру; ничего, конечно, не нашли, а успокоившийся Пипо слегка ворчал, только подходя к наружной двери. Никого не оказалось и на улице. Приятели посмеялись надо мной, что мне все это померещилось, и мы улеглись спать.

На другой день утром я получил из Севастополя телеграмму, что моя сестра, Зина, скончалась в 2 часа ночи.

Можно всё это объяснить получением внушения на расстоянии о смерти моей сестры, но необъяснимо поведение собаки.

После нового моего возвращения в 11-й саперный батальон я зажил семейной жизнью и почти порвал все старые знакомства. Отец моей жены проиграл к этому времени в Английском клубе какую-то очень крупную сумму (он вообще вел очень крупную карточную игру)

и не мог помогать своей дочери. Получавшихся мною денег от родителей (300 руб. в месяц) и небольшого жалованья хватало только на очень скромную жизнь. Моя же жена привыкла жить очень широко и открыто (мать ее давно умерла, и ее отец предоставлял ей полную свободу в приемах в их роскошной квартире, и она, имея компаньонку, жила как хотела). Необходимость совершенно переменить образ жизни побудила мою жену почти совершенно прекратить связи со своими прежними одесскими знакомыми. Я отдался службе и подготовке для поступления в Академию.

Мой отец, военный инженер, настаивал, чтобы я шел в Инженерную академию. Меня больше тянуло в Академию Генерального штаба, но, зная, что это очень огорчило бы отца, я решил подготовиться для поступления в Инженерную академию. Я готовился к вступительным экзаменам в 1892 году.

В начале лета 1892 г. был получен проект предполагаемых изменений в положении об Инженерной академии и в службе военных инженеров. По этому проекту устанавливалось, что все строительные работы по военному ведомству, не носящие чисто боевого значения (то есть постройки казарм, шоссе, железных дорог и проч.), должны быть переданы в руки гражданских инженеров, а военные инженеры должны предназначаться исключительно для производства различных фортификационных работ.

В связи с этим намечалось, что при ежегодных выпусках из Инженерной академии звание военных инженеров будет даваться только 4–5 первым кончившим Академию и предназначенным на профессорские кафедры или для специальных работ при Главном инженерном управлении. Все же остальные окончившие Академию, получив значки за ее окончание, должны возвращаться в свои части, откуда по мере надобности и по аттестациям начальства будут назначаться для службы в крепостях или при инженерных управлениях (главном и окружных) с получением званий военных инженеров. Этой мерой предполагалось поднять и научный уровень офицерства в инженерных войсках.

Этот проект дал мне основание написать отцу, что я при этих условиях, опасаясь, что буду обречен продолжать до конца моей карьеры службу в строевых инженерных войсках, категорически отказываюсь поступать в Инженерную академию.

Отец не возражал, и я стал готовиться для поступления в Академию Генерального штаба. Но так как программы для поступления в эти академии резко разнились между собой (для Инженерной требовалось, главным образом, хорошее знание математики, а для Генерального штаба — истории, географии и уставов), я принужден был отложить поступление в Академию Генерального штаба до 1893 года.

Летом 1893 г. я держал поверочный экзамен при штабе Одесского военного округа (чтобы не пропускать с выдачей прогонных денег офицеров, которые под предлогом держания экзамена в академию хотели бы просто прокатиться на казенный счет в Петербург, были установлены поверочные испытания при штабах военных округов), но позорно провалился на экзамене по русскому языку. Сказалось плохое прохождение курса русского языка в Полтавском кадетском корпусе.

В 1894 г. я блестяще выдержал не только поверочные испытания при штабе Одесского округа, но и поступил в Академию Генерального штаба одним из первых.

Николаевская Академия Генерального штаба 1894–1897 годов

В 1892 г., в виде опыта, в порядок поступления в Академию Генерального штаба и прохождения в ней курса были введены новые правила. По этим правилам, было намечено в течение нескольких лет принимать на младший курс 150 (до тех пор на младший курс принималось примерно 50–60 человек и в Генеральный штаб выпускались все, которые благополучно проходили курс до конца) офицеров, переводить из них на старший курс всех выдержавших переходные испытания, но со старшего на дополнительный курс переводить только 40 человек, из коих причислять к Генеральному штабу всех тех, кои успешно пройдут все испытания дополнительного курса. Всем же тем, кои выдержат переходные испытания со старшего на дополнительный курс, но не попадут в число сорока, давать академический значок, считать окончившими Академию по 2-му разряду и возвращать в строй.

Этой мерой преследовалось две цели: иметь более обширный выбор для перевода на дополнительный курс более успешных слушателей Академии и поднять в войсках общеобразовательный ценз, возвращая в строй офицеров, прошедших два курса Академии.

Обратной стороной медали было: 1) создание в самой Академии крайне нездоровой атмосферы конкуренции на переходных экзаменах; конкуренции, которая — при лотерейном характере всяких экзаменов — не давала гарантии, что с младшего на старший курс и со старшего на дополнительный будут попадать действительно лучшие и более достойные. 2) Возвращение в строй «второразрядников», которые, будучи почти поголовно обиженными и считающими себя неправильно пострадавшими, создавали в строю новую категорию недовольных, будирующих и относящихся еще более отрицательно к «избранным», попавшим в Генеральный штаб, в «моменты». Эта категория обиженных еще более должна была углубить враждебное чувство строя к Генеральному штабу.

Последующее лишь подтвердило эти опасения, которые высказывались некоторыми военными еще при начале проведения этой реформы. Впоследствии это было учтено, и на дополнительный курс стали переводить всех выдержавших соответствующее испытание (и сократив прием на младший курс), и перенесли, таким образом, выбор выпускаемых в Генеральный штаб — на дополнительный курс, где, на самостоятельных работах, легче и правильней было делать соответственный отбор.

Впрочем, на мой взгляд, и эта поправка была недостаточной. Было бы более правильно — по французской и по германской системам — всех окончивших успешно Академию возвращать в строй, а в Генеральный штаб переводить из них лишь тех, кои, после соответствующих испытаний в практической работе при строевых штабах, выдвигались бы строевым начальством для службы по Генеральному штабу.

Но это я забегаю вперед. Я же проходил курс Академии в период, когда очень горячо проводилась идея, положенная в основу указанной выше временной реформы. Я лично проходил курс Академии вполне добросовестно. Я не помню случая, чтобы я пропустил какие-либо лекции, и самым старательным образом штудировал все курсы, а также все сочинения и книги, которые нам рекомендовалось прочитать.

Вспоминая теперь программы младшего и старшего курсов Академии, я должен отметить, что теории было слишком много, а практической подготовки для будущей службы по Генеральному штабу было слишком мало. Для общего образования были, конечно, очень полезны курсы русского языка (профессор Ломанский) и геологии (профессор Иностранцев), но оба почтенных и талантливых профессора, читавших эти курсы, читали их почти перед пустой аудиторией или аудиторией, которая их почти не слушала: отметки, которые ставились за эти курсы на экзаменах, не принимались во внимание для вывода окончательного среднего балла на переходных экзаменах. По этой же причине мало кто следил за лекциями о массировании артиллерии на полях сражения, о массовых армиях...

Мне до сих пор совершенно непонятно, почему современные уже тогда темы о массовых армиях и о массировании артиллерии считались как бы необязательными для слушателей Академии.

Курс военной истории проходился чрезвычайно подробно, но больше по примерам древних и по наполеоновским войнам. Более близкие и современные войны (даже Франко-Прусская и наша война с Турциею 1877–1878 гг.) проходились слабо и более чем поверхностно.

Курс астрономии был очень обширный и для большинства, не знакомого с высшей математикой, мало понятный. А был курсом обязательным, и по этому предмету очень многие «резались» на экзаменах

(профессор Штубендорф[37] со своими ассистентами Шарнгорстом[38] и Цингером[39] изрядно избивали «младенцев»).

Курс военной статистики был колоссальным. Память забивалась массой цифр с устаревшими данными по Германии и Австро-Венгрии (десяток лет после окончания Академии я просыпался по ночам от кошмара, что я держу экзамен и не могу вспомнить количества свиней в Силезии). Читал курс иностранной статистики генерал Соллогуб[40]. Лектор он был очень талантливый и интересный, но как человек был пренеприятен. Я помню, что при переходе со старшего на дополнительный курс, после моего ответа по билету, он мне задал какой-то вопрос, на который, как мне казалось, я хорошо и вполне правильно ответил. После моего ответа он говорит: «Вы кончили?» — «Так точно, кончил, ваше превосходительство». — «Больше ничего не можете прибавить?» — «Ничего». — «Как вы думаете: правильно ли вы мне ответили на мой вопрос?» — «Так точно, я ответил правильно». — «Может быть, вы думаете, что и по билету вы ответили хорошо?» — «Да, мне кажется, что и по билету я ответил хорошо». — «Вам кажется или вы уверены?» — «Я уверен, что я ответил хорошо». — «Скромности у вас, поручик, не много. Офицер же Генерального штаба должен быть прежде всего скромным и не страдать самомнением. Я вами очень недоволен. Можете идти».

Я отправился на свое место повесив нос. Пропал дополнительный курс, думал я, ведь после такой заключительной фразы он мне поставит 7 или 8 баллов... Чувствуя себя отвратительно, я едва досидел до конца экзамена и с громадным волнением ожидал объявления отметок правителем канцелярии.

Наконец, после совещания профессора генерала Соллогуба с ассистентами и правителем канцелярии, полковником Золотаревым[41], последний вышел к собравшимся в соседней комнате офицерам и стал читать баллы. Я стоял удрученный где-то сзади.

«Лукомский — двенадцать». Я от неожиданности громко переспросил: «Сколько?» — «Двенадцать. Генерал Соллогуб очень остался доволен вашим ответом. Он сказал, что давно такого блестящего ответа он не слышал».

Соллогуба, за его любовь издеваться, очень не любили. Но Соллогуб был все же умный и очень воспитанный человек. Грубым он обыкновенно не бывал. Другой же господин, который пользовался общей ненавистью, был профессор военной истории (читал он наполеоновские войны), полковник Баскаков[42]. Терский казак по происхождению, богатый сахарозаводчик по жене, он представлял из себя крайне грубый тип. Человек с громадным самомнением, хорошо знающий свой предмет, но в общем тупой, он был просто невыносим. Ему доставляло

наслаждение грубо издеваться над отвечающими офицерами и ставить неудовлетворительные отметки.

Мы все обрадовались, когда узнали, что он (в 1895 г.) ушел в запас, чтобы заниматься сахарными заводами своей жены. Еще более и злорадно порадовались его ученики по Академии Генерального штаба, когда впоследствии, во время войны с Японией, поступив вновь на действительную службу, он оказался слабым офицером Генерального штаба на войне и был отчислен от занимаемой им должности.

Громадный курс военной администрации великолепно читали генерал Редигер[43] и генерал Макшеев[44] (последний, прекрасно зная свой предмет, уступал в талантливости Редигеру).

Курс тактики проходили основательно. Читало несколько профессоров. Из них, хотя и очень ленивый, но выделялся своей талантливостью генерал Кублицкий[45]. От него много мы слышали про генерала Драгомирова, командовавшего в это время войсками Киевского военного округа.

Имя Драгомирова в Академии было вообще не в моде (скажу об этом дальше), и только один Кублицкий делал постоянно ссылки на М. И. Драгомирова, рекомендовал нам внимательно штудировать курс тактики Драгомирова и читать его книги и статьи. Он говорил нам, что те, которые будут служить в Киевском военном округе, попадут в хорошую школу. Курс стратегии до 1895 г. читал в Академии маститый начальник Академии Генрих Антонович Леер[46].

Читал он очень хорошо и крайне интересно. Но в его лекциях постоянно проглядывало его недоброжелательное отношение к М. И. Драгомирову, его предшественнику в роли начальника Академии. Чувствовалось, что М. И. Драгомиров его когда-то, и в чем-то принципиальном, сильно задел. Хотя он никогда резко не выражался по отношению М. И. Драгомирова, но в его осторожных фразах чувствовалась всегда какая-то обида и предостережение против часто ошибочных, а подчас вредных выводов и указаний М. И. Драгомирова.

Так как ничего определенного и ясного не говорилось, а нас интересовало, откуда и почему идет эта рознь, мы как-то обратились с вопросом к полковнику Михневичу[47], который подготовлялся в заместители Леера по кафедре стратегии и часто заменял старика, начавшего серьезно болеть.

Михневич нам разъяснил, что Леер и Драгомиров являются яркими представителями двух течений. Леер — теоретик и считает стратегию наукой, а Драгомиров — практик и считает стратегию искусством. При этом Михневич добавил, что Леер относится к Драгомирову совершенно непримиримо, видя в талантливом Михаиле Ивановиче чрезвычайно для своих идей опасного врага; что Драгомиров по отношению к Ле-

еру не так непримирим, но все же находит вредными для дела многие из идей, проповедуемых Леером. Я думаю, что в значительной степени из-за отношений Леера к Драгомирову мы, слушатели Академии, почти ничего не слышали о прошлом Драгомирова и его работе по воспитанию и образованию войск, проводимой им в качестве командующего войсками Киевского военного округа.

Допекала нас ситуация. Преподаватели ситуации, Зейферт и Даниловский[48], особенно первый, старались нам внушить, что для офицера Генерального штаба необходимо уметь красиво ситуировать. Зейферт любил рассказывать, что Скобелев, в бытность свою в Академии, очень хорошо ситуировал, и нам показывался фотографический снимок голой женщины, блестяще отситуированной Скобелевым.

Хорошими профессорами были Леер, Кублицкий, Ламковский, Иностранцев, Штубендорф, Масловский[49] и из более молодых Редигер. Из молодых талантливо читал лектор Евгений Мартынов[50] (отдельные эпизоды из Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг.). Но он так и не попал в профессора (не пропустили из-за его резких нападок на наш командный состав в течение этой войны). Получалось впечатление, что смены старым профессорам нет.

Полковник Михневич читал довольно красиво, но в его лекциях чувствовалось какое-то легкомыслие, поверхностность. Полковник Алексеев как лектор был очень слаб. Полковник Гейсман[51] своей тупостью и нудностью приводил аудиторию в полное отчаяние. Практические работы по администрации велись очень плохо (вели их большей частью дежурные офицеры Академии или приглашавшиеся штаб-офицеры Генерального штаба Петербургского гарнизона или Главного штаба), а так как отметок за эти работы не ставили, то большинство слушателей Академии и не выполняло дававшихся заданий.

Дежурными офицерами Академии (классными дамами), наблюдавшими за посещением слушателями Академии, их поведением и проч., были полковники Колюбакин[52], Шлейснер[53], Дагаев[54] и Столица[55]. Из них только полковник Столица был на месте и производил впечатление блестящего офицера Генерального штаба. Полковник Колюбакин был совершенно бесцветной личностью, а Шлейснер и Дагаев были какими-то ископаемыми.

Про всклокоченного и всегда грязного Шлейснера ходил анекдот, что во время его службы в штабе Кавказского военного округа в Тифлис приезжал Император Александр III и пожелал увидеть огнепоклонников, которые продолжали жить где-то в Кавказских горах. Государю доложили, что пять стариков-огнепоклонников будут ему представлены через несколько дней. Когда этих стариков везли в Тифлис, один из них по дороге умер. Начальство заволновалось. Как быть? Государю было

доложено, что везут пять, а привезли четырех. Сказать Государю, что пятый умер по дороге, неудобно; это может произвести неблагоприятное впечатление. Государь может решить, что он виновник смерти старика, потревоженного из-за его каприза.

Положение спас якобы начальник штаба округа, предложивший переодеть огнепоклонником полковника Шлейснера. План был якобы принят, и Шлейснер как огнепоклонник привлек особенное внимание Государя.

Этот анекдот вполне подходил к внешнему виду Шлейснера, который в действительности гораздо более походил на грязного, никогда не мывшегося старика-огнепоклонника, чем на полковника Генерального штаба, долженствовавшего служить образцом для молодых слушателей Академии.

В Академии обращалось строгое внимание на аккуратное посещение лекций. Требовалось, чтобы слушатели расписывались в особой книге; кроме того, как говорили, в обязанности швейцаров входило отмечать тех, которые не являлись (у каждого офицера был свой определенный номер на вешалке). Но все же очень многие умудрялись «ловчиться»; одни приходили, расписывались и затем уходили, другие просили своих приятелей расписываться за них; швейцары получали приличную мзду и молчали. На обязанности дежурных штаб-офицеров (классных дам) было производить поверки; но последние происходили редко. Публика распустилась, и очень многие стали игнорировать посещение лекций.

Однажды на одну из лекций нашего младшего класса пришел начальник Академии генерал Леер. Увидев, что в классе мало офицеров, он досидел до конца лекции и затем приказал дежурному штаб-офицеру произвести поверку и всех отсутствующих без уважительных причин вызвать на другой день к нему, Лееру. Скандал получился крупный. Но так как неявившихся было очень много, чуть ли не половина всех слушателей младшего курса, дело ограничилось разносом, угрозой, что, при повторении, офицеры будут отчисляться от Академии, и принятием мер к более тщательной поверке посещения офицерами лекций. Офицеры после этого стали ходить на лекции более аккуратно.

Учебный год 1894/95 прошел гладко и без каких-либо выдающихся случаев, которые стоило бы отметить.

Лето 1895 г. было посвящено полуинструментальным и глазомерным съемкам. Отметки за эти съемки входили как составные в определение общего переходного балла на старший курс, а потому имели большое значение. Кроме того, получение за съемки отметки ниже 8 баллов означало автоматическое отчисление от Академии. Поэтому все к этим летним работам относились очень серьезно.

Для меня первая съемка прошла вполне благополучно, но вторая чуть не повлекла отчисления от Академии. Но все же на старший курс, имея средний балл 11 с большой дробью, я перешел третьим. Всех же слушателей младшего курса было переведено на старший сто. Случай со мной на второй съемке (около Гатчины) заключался в следующем.

Когда работа была почти закончена (оставались какие-то пустяки), я решил проехать к моей семье, жившей в Павловске на даче. Поехал я на велосипеде. Спеша на вокзал, я, проезжая по Гатчинскому парку, летел на спуск с большой скоростью. Край моего пальто как-то попал в колесо, и я на полном ходу свернулся вместе с велосипедом. В результате я поломал себе кость около щиколотки на правой ноге, и там же оказались порванными связки. Пришлось пролежать в постели шесть недель и затем еще более двух месяцев я ходил на костылях.

По правилам, за всякую незаконченную съемку ставилась неудовлетворительная отметка, и офицер отчислялся от Академии. Поверявший мою съемку правитель дел Академии, полковник Золотарев, большой формалист, считал, что он обязан поступить по правилам и, во всяком случае, не мог самолично их нарушить и поставить хороший балл. Но, с другой стороны, случай был исключительный, съемка была почти закончена, то, что было сделано, было исполнено хорошо и до срока окончания работы оставалось еще три-четыре дня, то есть с избытком больше того, что мне понадобилось бы для окончания работы. Кроме того, я был из первых по экзаменационным отметкам. С разрешения начальника Академии полковник Золотарев внес этот случай на рассмотрение конференции Академии, которая решила поставить мне удовлетворительный балл. В итоге всё прошло благополучно.

Во время прохождения мною старшего курса могу только отметить, что и здесь теории было много, а практических работ мало.

Наша сравнительно тихая и однообразная жизнь при прохождении старшего курса была только однажды взбудоражена лекцией (кажется, тогда подполковника) Евгения Мартынова о Русско-Турецкой войне 1877–1878 годов. Об этой ожидавшейся лекции предварительных разговоров было много.

Дело в том, что после окончания Русско-Турецкой войны написать историю этой войны было поручено небольшой комиссии под председательством генерала Домантовича[56]. Составленный и представленный на просмотр старших чинов нашей армии I том вызвал массу возражений. Указывалось, что многие факты переданы или освещены неверно; что по отношению еще живых участников войны допущена совершенно невозможная критика, подрывающая авторитет многих лиц, занимающих еще крупные посты в армии; что вообще действия высшего командного состава армии и центральных управлений Воен-

ного министерства представлены в крайне неприглядном, а во многом и неверном освещении; что, наконец, этот труд является не историей, по существу, блестяще проведенной кампании, а самооплевыванием...

Начались пререкания между старшими чинами армии и нападки на генерала Домантовича. Последний представил военному министру обширный доклад, в котором давал объяснения на нападки и доказывал, что он и его комиссия должны дать правду, а не писать превратную самовосхваляющую историю, стараясь не обидеть участников войны. В конце концов все это дело дошло до Государя Александра III.

Государь признал, что труд генерала Домантовича в том виде, как он был составлен, не может быть пущен в общее пользование. Его Величество приказал историю Русско-Турецкой войны написать заново, положив в основание, что труд должен заключать только правду, но избегать неуместной и резкой критики.

Работа ген. Домантовича света не увидела, и описание войны было поручено комиссии под председательством другого лица. Новое описание войны, по отзывам многих, грешило другим: было официально-казенное, без всяких серьезных выводов и представляло мало интереса.

Талантливый лектор, подполковник Мартынов, готовившийся к профессорской кафедре по военной истории, для своей диссертации выбрал кампанию 1877–1878 годов. Было известно, что он более чем критически относился к выходившему в свет официальному описанию этой кампании и что он придерживался точки зрения генерала Домантовича, с работами которого по этой кампании он был знаком.

Многие из бывших участников Русско-Турецкой войны заволновались и стали требовать, чтобы подполковник Мартынов, до защиты своей диссертации, сделал несколько сообщений о кампании 1877–1878 гг. Такое сообщение и было назначено в Академии Генерального штаба как-то вечером осенью 1895 года. На него собрались все слушатели Академии, все профессора и много посторонних, среди которых было много из старших участников войны 1877–1878 гг. Последние заняли первый ряд.

Подполковник Мартынов говорил блестяще, но многое и многих критиковал. Во время самого сообщения чувствовалось, что неудовольствие среди старших чинов, занимавших первый ряд, нарастает. Стали раздаваться протестующие голоса, некоторые стали переговариваться между собой, двое или трое встали и ушли.

После окончания сообщения несколько генералов (к сожалению, я теперь уже не помню, кто именно) стали резко возражать, указывая, что так освещать и перевирать события нельзя. Получился довольно крупный скандал. Как следствие этого сообщения диссертация под-

полковника Мартынова была провалена, и как он ни добивался стать профессором Академии, это ему не удалось: его не пропускали.

К концу моего пребывания на старшем курсе, к моменту приближения экзаменов, среди слушателей нашего курса стало замечаться какое-то нервное состояние. Неоднократны стали случаи отказа одних дать свои записки по лекциям другим, враждебное отношение одних к другим, злорадство по случаю каких-либо неудач и т. д. Ясно, что всё это происходило из-за страха перед предстоящими экзаменами и серьезным конкурсом: ведь на дополнительный курс должны были перевести из ста человек всего сорок.

Экзамены при переходе на дополнительный курс прошли у меня хорошо. Средний балл много выше одиннадцати. На первой съемке мне не повезло, я чем-то рассердил поверявшего и получил за съемку всего 8. Но вторая съемка и тактические поездки в поле поправили дело, и перешел я на дополнительный курс, кажется, пятнадцатым.

Вспоминаю эпизод, бывший в нашей группе (кажется, шесть человек) во время полевых тактических поездок. Руководителем у нас был полковник Гейсман. Из нашей группы у четырех были столь высокие экзаменационные отметки, что даже при получении минимального балла за эти работы (полевая поездка) мы попадали на дополнительный курс. Два же других, наоборот, даже при получении за эти работы 12 баллов не могли рассчитывать попасть на дополнительный курс. Один из этих последних предложил, дабы не надрываться над работой и не соперничать, определенно установить, какие приложения и какого характера прилагать к нашим письменным работам. Мы согласились.

Прошло несколько дней. После окончания какой-то работы, накануне проверки, я поехал на ночь в Петербург. Вернувшись на другой день рано утром, я застал всю публику крайне взволнованной. Оказалось, что один из группы, поручик Л., не исполнил соглашения и приготовил какие-то сногсшибательные приложения. Разница с нашими работами получалась громадная, и, зная свойства нашего руководителя, полковника Гейсмана, мы могли опасаться, что всем нам он поставит неудовлетворительные баллы и мы (четверо) не увидим дополнительного курса.

Мы, пятеро, собрались в одной комнате и пригласили прийти нашего провинившегося приятеля. Разговор произошел бурный, но в конце концов он с нами согласился, и ряд его картинных приложений к работе был тут же сожжен в камине.

Итак, я попал на дополнительный курс в числе сорока счастливцев. Невольно является вопрос: лучших ли? Конечно, нет. Лотерейный характер экзаменов вносил столько случайностей, что о лучшем отборе по этому способу не могло быть и речи. Я знаю многих, которые по

своим способностям, уменью работать, знаниям были бы отличными офицерами Генерального штаба, но какой-нибудь случай на экзамене их проваливал, и они не попадали на дополнительный курс. Наоборот, бывали случаи, что офицеры, знавшие всего несколько билетов из какого-нибудь курса, вытягивали на экзамене знакомый билет и отвечали отлично. Попадали на дополнительный курс и форменные дубины, которых просто недопустимо было выпускать в Генеральный штаб.

Если бы еще на дополнительном курсе, на самостоятельной работе, можно было бы как следует отфильтровывать хороших от негодных, но и это, как я скажу дальше, не имело места. Вообще, попасть на дополнительный курс в значительной степени зависело от счастья и случая.

Об этом мы часто говорили между собой в Академии. По слухам о прежнем начальнике Академии, М. И. Драгомирове, рассказывали, что в бытность свою начальником Академии он лично вносил поправку в «случайности экзаменов». Он, как во время лекций, так и при постоянных посещениях Академии, а также на экзаменах постоянно и по различным вопросам беседовал со слушателями Академии. Он знал отлично весь состав офицеров, проходивших курс Академии, и делал выводы о пригодности или непригодности их для службы в Генеральном штабе. А затем — в руках начальника Академии была масса способов и возможностей, чтобы проводить одних и топить других.

Рассказывали, что он даже пользовался ежегодной заключительной поездкой оканчивающих офицеров в Кронштадт, чтобы иногда не допустить к прикомандированию к Генеральному штабу кого-либо из провинившихся офицеров. Дело в том, что после осмотра Кронштадта и судов флота моряки чествовали офицеров Академии в своем морском собрании. Затем на обратном пути в Петербург, на пароходе, еще происходило угощение.

М. И. Драгомиров любил сам выпить и не препятствовал другим. Но он проводил: пей, но знай меру. Кто может много — пей много, кто не может — не переходи границы и до пьяного состояния не напивайся.

Когда пароход отшвартовывался у пристани около Николаевского моста, генерал Драгомиров становился у трапа и пропускал мимо себя всех офицеров, останавливая некоторых и с ними разговаривая. И горе было тем, кто оказывался пьян: такой в Генеральный штаб не попадал.

Многие говорили, что вся система М. И. Драгомирова была основана на произволе; но я лично считаю, что, отлично зная весь состав офицеров — слушателей Академии и постоянно за ними наблюдая, он вносил действительный корректив в случайности экзаменационной системы. Конечно, могли быть единичные ошибки; но то, что было во время моего пребывания в Академии, когда, фактически, ни начальник Академии, ни профессора не знали состава слушателей Академии

и за ним не наблюдали, было много хуже и «отбор» для перехода на дополнительный курс был слаб.

Петербургской жизни в период моего пребывания в Академии я почти не знал. Хотя мои родители, которые жили со мной и моей женой, имели в Петербурге много знакомых и родственников и вели довольно широкий образ жизни, но я почти всегда уклонялся от всяких вечеров и предпочитал сидеть дома. Часто собирались и у нас (мы занимали отличную квартиру в небольшом особняке дома князя Юсупова на Мойке, рядом с большим Юсуповским дворцом), но я обыкновенно уединялся в свой кабинет и выходил только к ужину. В театрах я бывал редко, но любил в свободное время бродить по музеям или уезжать в пригороды Петербурга. В тех случаях, когда ездил в гости, бывал почти исключительно в офицерских кругах. Жизни «политической» и настроений «общественности» совсем не знал.

Помню, что как-то, будучи приглашен на какой-то большой вечер к брату моей жены (он был присяжным поверенным и, по-видимому, вел довольно крупные дела в купеческом мире), я попал в совершенно незнакомую мне обстановку. Военных на этом вечере, кроме меня, никого не было. Было много именитого петербургского купечества, присяжных поверенных, представителей различной «интеллигенции» и много студентов.

Я сразу почувствовал какую-то враждебную мне атмосферу. При разговорах с дамами, барышнями я чувствовал как бы желание меня подразнить, а при разговорах с молодежью чувствовалось, что ко мне, как офицеру, относятся как-то свысока, снисходительно-пренебрежительно. За ужином я стал центром внимания гостей, и после того, как публикой было выпито некоторое количество водки и вина, ко мне стали открыто придираться. Сначала молодежь стала мне задавать различные каверзные вопросы, а затем какие-то двое, на вид почтенных по возрасту, господ стали допекать меня вопросами: «Почему воинство называется христолюбивым?», «Как можно посвящать свою жизнь такому ремеслу, как военное?», «Отчего правительство не хочет перейти на милиционную систему, отказавшись от постоянной армии?», «Неужели вы, если вас призовут усмирять народ, будете в него стрелять?» и проч.

Я сначала отвечал спокойно, но затем, выведенный из себя, стал волноваться и отвечать резко. Брат моей жены, Петр Алексеевич, постарался замять разговор, а я, как только представилась возможность, уехал домой. Этот случай еще более отбил у меня охоту бывать в малознакомом обществе.

Сильное впечатление на меня произвел большой выход в Зимнем дворце, куда я впервые попал по наряду от слушателей Академии. Я был просто подавлен красотой и величием того, что увидел. Да, это

был совсем другой мир, чем тот, с которым я так неудачно столкнулся у брата моей жены.

Дополнительный курс Академии Генерального штаба... Я среди сорока «избранных». Мы все уже со значками Академии (академические значки давались за окончание двух курсов) и уже «почти» офицеры Генерального штаба. Чувствовалось только «что-то неладное». Не попали на дополнительный курс многие офицеры, которых мы считали достойными (напр., князь Волконский — Александр Михайлович[57]; Андрей Половцов[58], Селиванов...), а среди «попавших» было несколько человек определенно тупых, коим просто повезло на экзаменах. Среди попавших на дополнительный курс было и несколько человек, моральные качества которых были более чем отрицательные и которые вряд ли могли стать украшением Генерального штаба.

На дополнительном курсе каждый из офицеров должен был выполнить три самостоятельные работы (темы): первая — разработка военно-исторического примера из военной русской истории (мне досталась тема — оборона Севастополя в 1854–1855 гг.), вторая — разработка военно-исторического примера из заграничной военной истории (я разрабатывал осаду Генуи) и третья — задача по разработке самостоятельного действия корпуса. (Давалось стратегическо-тактическое задание. Надо было составить географическое и статистическое описание района действия корпуса, затем составить и описать всю административную часть и устройство тыла и, наконец, описать и составить все необходимые приложения для стратегического и тактического действия корпуса.)

Наблюдения за самостоятельным исполнением этих работ не было никакого. А так как большинство «тем» повторялось из года в год, то большинство офицеров или доставали старые работы от прежних слушателей Академии, или покупали таковые у помощника библиотекаря, выуживавшего их из академического архива. Очень и очень немногие офицеры исполняли эти работы вполне самостоятельно.

Две первые темы я разработал самостоятельно, но при выполнении третьей имел перед глазами «старую работу».

Требовалось представить каждую работу к определенному сроку; кто опаздывал, отчислялся от Академии. Я имел привычку с места приступать к работе, а потому каждую из трех работ я заканчивал дней за 10–12 до срока и, сдав работу, или «гулял», или помогал запаздывавшим приятелям закончить их работу. Помню, как я и еще несколько человек помогали Сергею Александровичу Ронжину закончить его третью тему. Ронжин был в то время женихом, и из-за каких-то неладов с невестой (свадьба с которой в конце концов у него расстроилась) он запоздал с работой и к сроку ее не закончил. Положение его было драматично, и он подлежал отчислению от Академии. По совету кого-то из прияте-

лей он вступил в переговоры с каким-то писарем, служившим в канцелярии правителя дел Академии. Писарь за 200 рублей посоветовал ему сдать неоконченную работу, обещая ему в тот же вечер вернуть эту работу на три дня.

Так и сделали. Ронжин сдал папки с работой и в тот же вечер я подъехал с ним на извозчике к зданию Академии (на набережной, около Николаевского моста). Ронжин сошел с извозчика и, согласно условию с писарем, постучал в окно темной комнаты канцелярии. Прошло несколько томительных секунд, пока не открылась форточка, через которую Ронжин и получил свои папки.

Сейчас же мы поехали на квартиру нашего друга Каврайского, где уже нас ждало несколько приятелей. Трое суток мы совместно оканчивали работу Ронжина (он больше переписывал нашу стряпню), и после окончания работы она была опять через ту же форточку водворена в канцелярию Академии. Все прошло хорошо, и Ронжин получил за эту работу хорошую отметку. Но писарь его шантажировал несколько лет, и Ронжину переплатить этому господину пришлось много. После окончания мною третьей темы (в феврале 1897 г.) совершенно неожиданно, как тогда казалось, случилась тяжелая драма: моя жена застрелилась.

Будучи страшно подавлен тем, что произошло, обвиняя себя в том, что я проглядел то, что могло предотвратить несчастие, и обвиняя во многом моих близких (которые были в курсе некоторых обстоятельств, но скрыли их от меня), я хотел уехать обратно в свою часть и подал рапорт об отчислении от Академии.

Об этом узнал С. А. Ронжин, и в конце концов меня отговорили от этого, указывая, что лучше всего мне попросить разрешение у начальства Академии уехать на некоторое время из Петербурга, но не отчисляться от Академии. Академическое начальство отнеслось ко мне в высшей степени внимательно, настояв, чтобы я взял обратно рапорт и уехал на месяц в отпуск. Я так и сделал.

В апреле 1897 г. я защищал свою третью тему, получил за нее полный балл и, будучи причислен к корпусу офицеров Генерального штаба, взял ваканцию в Киевский военный округ.

На выбор мною Киевского военного округа повлияло главным образом то обстоятельство, что командующим войсками в нем был М. И. Драгомиров. Памятуя слова профессора тактики Кублицкого, мне хотелось лично познакомиться с учением Драгомирова, проводимым им в Киевском военном округе.

О своем пребывании в Академии я должен еще раз отметить, что в общеобразовательном отношении Академия дала, конечно, много. Дала она много и теоретических знаний. Но практических знаний дала она мало.

Выходя в Генеральный штаб, мы, в сущности говоря, почти ничего не знали собственно о службе Генерального штаба. Мы очень мало знали о современных требованиях в военном деле, будучи достаточно начинены историческими примерами.

Вспоминая старое, невольно удивляешься, что начальство Академии не только не заботилось узнать слушателей Академии и их направить, но ничего не делало и для установления какой-либо связи между слушателями Академии. Не было ни клуба, ни вечерних собраний слушателей Академии, и мы друг друга почти не знали, поддерживая между собой связь небольшими группами.

Перед откомандированием нас на новые места службы нас повезли в Царское Село представляться Государю Императору Николаю II.

До этого раза я видел Государя несколько раз, только издали. В первый раз я видел Государя, тогда еще Наследника Престола, на параде в Красном Селе, в 1888 г. (при приезде германского Императора Вильгельма II). Второй раз я видел Государя в 1894 г., на похоронах Императора Александра III. Третий раз я видел Государя на набережной Невы, около Академии Генерального штаба, зимой 1895 г., когда Государь проезжал в санях: я прозевал стать во фронт. Затем я видел Государя еще несколько раз на улицах Петербурга, проезжавшего в коляске или санях. Наконец, я видел Императора Николая II в 1896 г. в Красносельском театре и один раз на выходе в Зимнем дворце.

Для представления Государю нас выстроили в Александровском дворце, кажется, в библиотеке; у меня осталось впечатление полутемной большой комнаты, заставленной по стенам книжными шкафами. При нашем представлении присутствовали военный министр генерал Ванновский, начальник Академии генерал Леер и правитель дел Академии полковник Золотарев.

Государь вышел в сопровождении дежурства (генерал-адъютант, генерал свиты и флигель-адъютант). Его Величество, обходя, останавливался перед каждым, выслушивал слова представления («Представляется Вашему Императорскому Величеству 11-го саперного Императора Николая I батальона штабс-капитан Лукомский по случаю окончания Николаевской Академии Генерального штаба и причисления к Генеральному штабу»), подавал руку и задавал несколько вопросов. Вопросы большей частью касались прежней службы и прохождения академического курса.

Государю в это время было 29 лет, и на меня произвело впечатление, что Его Величество несколько конфузился, разговаривая с нами и повторяя часто одни и те же вопросы. Но в то же время на всех нас Государь произвел впечатление человека чрезвычайно сердечного и доброжелательного; видно было, что Его Величество интересуется нами и что ему приятно с нами разговаривать.

Дойдя до меня и спросив о моем переходном балле на дополнительный курс и о выпускном балле, Е. И. В. обратился к военному министру, генерал-адъютанту Ванновскому, и сказал примерно следующее:

Из расспросов представляющихся офицеров я выношу впечатление, что на дополнительный курс Академии могли попасть только те, которые имели, в среднем, около одиннадцати. Очень многие, имевшие в среднем много выше десяти, на дополнительный курс не попали. Из числа не попавших в прошлом году на дополнительный курс я знаю несколько вполне достойных офицеров, как, например, кн. Волконский и Половцов (оба кавалергарды), которые имели очень хорошие баллы и, по моему мнению, были бы отличными офицерами Генерального штаба. Я слышал, что оценка баллами на экзаменах носит часто случайный характер. В существующих правилах о переводе офицеров на дополнительный курс и выборе офицеров для службы в Генеральном штабе есть какие-то серьезные недостатки. Я прошу Вас подробно мне доложить этот вопрос и подумать, нельзя ли как-нибудь исправить несправедливость по отношению к целому ряду офицеров, допущенную в прошлом году при переходе со старшего на дополнительный курс Академии.

Эти слова Государя произвели на нас очень сильное впечатление особенно потому, что мы сами чувствовали, что мы хотя и попали в число избранных, но что общие основания для выпуска в Генеральный штаб очень далеки от совершенства.

Впоследствии мы узнали, что в результате доклада генерала Ванновского были внесены некоторые изменения в порядок прохождения курса Академии, а всем нашим товарищам, имевшим при переходе на дополнительный курс свыше десяти баллов в среднем, была предоставлена возможность представить в Академию работы на особо заданные темы, и часть из них была принята на дополнительный курс в Академию и выпущена в Генеральный штаб.

Киевский военный округ. 1897–1909 гг.

После окончания Академии, получения прогонных денег, предписаний и проч. я уехал из Петербурга. По расчету поверстного срока, я мог явиться в Киев только через три недели. (При командировках прогонные деньги выдавались у нас в России по расчету проезда на лошадях: обер-офицерам на две лошади, штаб-офицерам и генералам на три лошади, генералам, занимающим должности командиров корпусов и выше — на шесть лошадей. При командировках по Высочайшему повелению прогоны выдавались вдвойне. Расчет денег на «лошадей» производился по особому почтовому дорожнику. Ездили же, конечно, по железной дороге. При переводах из одной части (или штаба, управ-

ления) в другую и при новых назначениях время прибытия на новое место службы исчислялось опять-таки из расчета, как будто данное лицо ехало на лошадях. Этот архаический расчет так и продолжал действовать до мировой войны.) Так как после пережитой драмы мне не хотелось ехать в Севастополь, к матери, то я поехал в Бердянск, где отец в то время строил коммерческий порт. Дочь моя, Зина (ей тогда было пять лет), с гувернанткой, поехали с моей матерью в Севастополь.

Уезжал я из Петербурга под впечатлением бывшего со мной случая при осмотре Ораниенбаумской стрелковой школы, показавшего мне, что каждому уготовлена своя судьба.

После того как нам (выпускным из Академии офицерам) были показаны различные усовершенствования по обучению стрелковому делу, нам демонстрировались последние образцы огнестрельного оружия. Полковник Федоров (боюсь, что перевираю фамилию; в памяти вертится: Федоров, Федотов, Федосеев...) из постоянного состава школы показывал и рассказывал нам устройство и действие револьвера Нагана последнего образца. Мы, офицеры, стояли вокруг большого (длинного, но узкого) стола. Я стоял напротив полковника Федорова. Во время его объяснений я машинально взял со стола несколько учебных патронов, подержал их в руках и положил обратно на стол.

Полковник Федоров, рассказав устройство револьвера, зарядил его учебными патронами и сказал: «Действовать револьвер может двояко: для каждого выстрела можно поднимать курок и стрелять, нажимая на спуск; но можно, если надо вести быструю стрельбу, не поднимать отдельно курка, а просто нажимать на спуск. Курок при этом сам будет подниматься и опускаться, производя выстрел. Делать это надо так...» При этом полковник Федоров приподнял револьвер так, что дуло его было направлено мне в живот. В этот момент в моем мозгу пронеслась мысль, что когда я брал в руку патроны со стола, один из патронов был тяжелее других.

Я быстро поднял руку и, взяв за ствол направленный на меня револьвер, опустил дуло в направлении на стол и сказал: «Простите, г. полковник, говорят, что иногда и палка стреляет. В данном же случае у вас в руках револьвер, и направлять его мне в живот не следует. Кроме того, я должен сказать, что мне показалось, что один из патронов тяжелее других».

Полковник вспыхнул и сказал: «Прошу меня извинить. Револьвер, даже незаряженный, конечно, направлять в слушателей нельзя; но, впрочем, опасности в данном случае нет никакой: здесь не может быть боевого патрона. Вот, посмотрите». С этими словами он направил дуло револьвера уже с поднятым курком на середину стола между собой и мной и нажал на спуск.

Раздался выстрел, пуля, попав в какой-то металлический предмет, лежавший на столе, разлетелась кругом мелкими брызгами. Мой китель оказался порванным в нескольких местах; пострадала немного одежда и моих соседей. К счастью, никто не оказался раненным.

Бедный полковник Федоров стоял перед нами совершенно растерянный, и его большая рыжая борода тряслась. Из-за его спины появился разгневанный начальник школы (кажется, генерал Гапонов) и куда-то увел Федорова.

У меня мелькнула мысль: судьбой мне не суждено было погибнуть при этом случае.

В Бердянске я прожил недели две и поехал в Киев. В Киеве я никогда до этого не был. Кто-то рекомендовал мне Фундуклеевскую гостиницу около Крещатика, где я и остановился.

В день моего приезда я отыскал других офицеров, вышедших в Киевский округ (Эрдели, Ронжина, Розанова и Вирановского), и на другой день мы все отправились в штаб Киевского военного округа.

Принял нас старший адъютант отчетного отделения полковник Толмачев и повел к генерал-квартирмейстеру, генерал-майору Рузскому. Затем нас повели представляться начальнику штаба, генерал-майору Шимановскому[59], и знакомиться со всеми чинами штаба.

Первые впечатления. При содействии молодых офицеров Генерального штаба предыдущих выпусков мы быстро ориентировались и познакомились с обстановкой.

Начальник штаба, генерал-майор Шимановский, произвел на нас не особенно приятное впечатление. Принял нас очень сухо, указал, что будет беспощадно требовать от нас большой работы, и приказал со следующего же дня начать службу в тех отделениях, в которые нас назначит генерал-квартирмейстер. (Я был назначен в строевое отделение, Ронжин — в управление начальника военных сообщений, а Эрдели, Вирановский и Розанов — в отчетное отделение.)

Генерал-майор Шимановский произвел на нас впечатление человека сурового, желчного, необщительного и вообще крайне неприятного. Нам сказали, что он пользуется полным доверием командующего войсками генерала Драгомирова и является грозой не только в штабе округа, но и во всем округе; что его все боятся, но и уважают за высокую порядочность, за знания и за работу.

Генерал-квартирмейстер, генерал-майор Николай Владимирович Рузский, наоборот, произвел на нас очень приятное впечатление. По словам наших старших товарищей, он был выдающимся работником, отличным офицером Генерального штаба, очень требовательным по службе, но прекрасным старшим товарищем вне службы; был не прочь весело провести время и кутнуть. Старшим адъютантом строевого от-

деления был полковник барон Беер, аккуратный немец, прекрасный офицер, но немного сухарь. Старшим адъютантом отчетного отделения был всеми нелюбимый полковник Толмачев (Иван Николаевич), в просторечии «швабра». Нас предупредили, что с ним надо быть очень осторожным, так как все, что с ним говорится, становится достоянием начальства. Старшим адъютантом мобилизационного отделения был полковник Колоколов, прекрасный офицер, знающий свое дело, но горький пьяница (страдал запоем). Шимановский и Рузский прощали ему этот недостаток за его прекрасное знание мобилизационного дела.

Начальником военных сообщений был генерал-майор Мартсон[60]. Прекрасный человек и добрый товарищ. Два его старших адъютанта — полковник Глинский и полковник Рейс были блестящими офицерами, но горькими кутилами. Шимановский, сам аскет и враг всяких напитков, прощал и им их наклонности к спирту (а подчас и к скандалам), стараясь их перевоспитать, но безуспешно.

Дежурным генералом был генерал-майор Фролов[61] (впоследствии дежурный генерал Главного штаба), очень знающий работник и отличный офицер.

Состав других офицеров в штабе был очень симпатичный. Особенно нам понравился и сразу стал нашим другом капитан Александр Сергеевич Пороховщиков[62]. Но, кроме крайне несимпатичного И. Н. Толмачева, был и молодой капитан Генерального штаба Юрий Никифорович Данилов[63], который не вызывал к себе доверия и симпатии. Он был помощником старшего адъютанта мобилизационного отделения, считался выдающимся и знающим работником, был чрезвычайно корректен и любезен, но... доверия к себе не вызывал, и все держались с ним на чеку.

Примерно недели через две после нашего зачисления в различные отделения штаба округа нам было объявлено, что в такой-то день и час мы должны явиться в полной парадной форме в дом командующего войсками для представления командующему войсками генерал-адъютанту Драгомирову.

В назначенное время мы собрались в приемной дома командующего войсками. Прибыли также начальник штаба, генерал Шимановский, и генерал-квартирмейстер, генерал Рузский.

Генерал Шимановский прошел в кабинет Драгомирова. В ожидании его выхода мы все несколько волновались. Вспоминаю, что меня лично беспокоило то, что, по рассказам, генерал Драгомиров любил задавать довольно неожиданные вопросы, и я боялся, как бы не растеряться и не оказаться дураком... Наконец, дверь из кабинета командующего войсками отворилась и на пороге показалась несколько тучная фигура Драгомирова, приближающегося к нам, опираясь на палку (он

был тяжело ранен пулей в колено на Шипке в 1878 г. и всегда ходил с палкой). Подойдя к нам, он остановился и внимательно нас осмотрел. Как теперь помню его внимательные глаза, которые, как казалось, заглядывали в самую душу. Генерал Рузский нас представлял.

Останавливаясь перед каждым из нас, Драгомиров расспрашивал нас о нашей прежней службе, о прохождении курса в Академии и о том, что побудило нас взять ваканцию именно в Киевский военный округ.

Обойдя нас, генерал Драгомиров обратился к нам с кратким словом. Суть его заключалась в следующем. Офицеры Генерального штаба являются ближайшими помощниками войскового начальства в вопросах воспитания, обучения и управления войск. В высших штабах в руках офицеров Генерального штаба сосредоточиваются вопросы по подготовке к войне. Из этого вы видите, какая громадная роль выпадает на офицеров Генерального штаба. В повседневной жизни строевых штабов офицеры Генерального штаба являются звеньями, которые связывают старших начальников с подчиненными и на которых часто выпадает роль быть между ними буфером. Очень часто от поведения офицеров Генерального штаба зависят отношения штабов со строем, и часто они влияют на отношения начальников к своим подчиненным. Офицер Генерального штаба в роли начальника штаба должен быть со своим начальником — как жена с мужем: между ними не должно быть секретов и должно быть полное доверие и полное единомыслие в работе. Офицер Генерального штаба должен всемерно помогать начальнику и его оберегать. По отношению к строю офицер Генерального штаба должен быть всегда благожелательным и смягчать все недоразумения, возникающие между старшим начальником и подчиненными ему строевыми начальниками. К сожалению, многие офицеры Генерального штаба этого не понимают, относятся к строевым свысока, и их за это строй не любит. Усвойте себе, что только при дружной и совместной работе штабов со строем армия сильна. Я беспощадно преследую и буду преследовать офицеров Генерального штаба, которые не понимают своей роли по отношению к строю. Теории вы в Академии набрались много, но практически службы офицеров Генерального штаба вы не знаете. Вам надо учиться и учиться. Предупреждаю, что те из вас, которые проявят недостаточную ревность для изучения службы в Генеральном штабе или своим поведением покажут себя не достойными службы в Генеральном штабе, — в него не будут переведены. На время вашего прикомандирования к Генеральному штабу вы должны смотреть как на практическую школу. Учителя у вас, в лице начальника штаба круга и генерал-квартирмейстера, будут хорошие, но, предупреждаю, требовательные и суровые.

Затем, пожелав нам успеха, генерал Драгомиров нас отпустил.

Работа в штабе округа была, действительно, для нас, причисленных к Генеральному штабу, практической школой. Прежде всего от нас генерал-квартирмейстер потребовал изучения (именно изучения, а не простого ознакомления) приказов генерал-адъютанта Драгомирова в бытность его начальником 14-й пехотной дивизии (в Кишиневе до войны 1877–1878 гг.), а затем — по Киевскому военному округу. Генерал Рузский постоянно нас вызывал к себе в кабинет и в беседе проверял приобретаемые нами познания и давал свои разъяснения.

Нам постоянно задавались генерал-квартирмейстером различные отдельные работы и требовался по ним личный доклад. Мы должны были ознакомиться с данными об австро-венгерской армии, познакомиться с театром вероятных военных действий с Австро-Венгрией. Попутно мы знакомились с текущей штабной работой по строевой, мобилизационной и отчетной частям.

На период летних маневров 1897 г. мы были командированы в штабы дивизий. Я был прикомандирован к штабу 5-й пехотной дивизии, находившемуся тогда в Житомире. За время этого прикомандирования я помню три характерных случая, обрисовавших некоторых старших начальников и порядок службы.

Первый случай относится к отчислению от командования 5-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта Голубева[64] (кажется, я не перевираю его фамилию).

Впоследствии я узнал, что ген. Драгомиров получил вполне точные и верные данные о каких-то недопустимых хозяйственных операциях Голубева. Дело было очень скандальное, и Драгомирову не хотелось предавать его огласке путем предания генерала Голубева суду. Он решил развязаться с ним другим путем.

В то время я этого не знал и, будучи прикомандирован на время маневров к штабу 5-й пехотной дивизии, я лишь узнал, что совершенно неожиданно, за два дня до начала маневров, получена была телеграмма из штаба корпуса, что на следующий день прибудет в Житомир командующий войсками и произведет смотр 5-й пехотной дивизии. Дивизии было приказано быть построенной в районе лагеря к 7 часам утра.

Ровно в 7 часов утра к фронту выстроенной дивизии подъехал верхом генерал Драгомиров. Его сопровождали начальник штаба округа генерал Шимановский, генерал-квартирмейстер генерал Рузский и несколько офицеров Генерального штаба. Объехав фронт дивизии, Драгомиров приказал начальнику дивизии произвести короткое строевое учение дивизии. Затем начался смотр отдельно по полкам. Производились строевые и тактические учения полков, батальонов, рот. Потом, также по полкам, производилась поверка знаний солдат путем вопросов и задавая небольшие задачи.

Смотр затягивался. В первом часу начальник дивизии попросил начальника штаба, генерала Шимановского, доложить командующему войсками, нельзя ли сделать перерыв для обеда и не согласится ли командующий войсками сам закусить.

Генерал Драгомиров ответил, что три полка, которые он в данное время не смотрит, должны быть отпущены на обед, а затем по очереди приводимы в поле для продолжения смотра. Сам же он отказывается от закуски и просит только дать ему стакан квасу.

Смотр частей дивизии продолжался до 6 часов вечера. Все сбились с ног. Казался только неутомимым сам командующий войсками, лично всем руководивший.

Я уже слышал про смотры генерала Драгомирова, но присутствовал на лично им проводимом смотру впервые и был не только крайне заинтересован, но прямо поражен продуманностью, интересом и толковостью показных учений, уменьем практически все показать и уменьем все разобрать, все узнать и получить действительную картину подготовки частей во всех отношениях.

Прослужив шесть лет в строю в Одесском военном округе, я никогда ничего подобного не видел и просто не мог себе представить, что так можно и так должно проверять подготовку строевых частей. Как все это было отлично от смотров в Красном Селе! Чувствовалось, что всякое очковтирательство при драгомировских смотрах не может иметь места.

Смотр кончился. Драгомиров приказал подать коляску. В ожидании коляски он говорил с командиром корпуса, генералом Любовицким[65]. Когда коляска была подана, генерал Драгомиров, попрощавшись с командиром корпуса, пошел к коляске. Непосредственно за ним шел начальник дивизии, генерал Голубев. Прежде чем сесть в коляску, генерал Драгомиров, как будто что-то вспомнив, быстро повернулся и, обращаясь к генералу Голубеву, сказал примерно следующее: «В прошлом году я смотрел 5-ю пехотную дивизию и нашел много недочетов, отмеченных мною в приказе по округу. По моему приказанию Вашему Превосходительству было передано через корпусного командира, что я, во внимание к прежней вашей службе, не принимаю никаких мер против вас, но предлагаю вам в течение года привести дивизию в полный порядок. Год прошел. Сегодняшний смотр мне показал, что ничего не сделано. Подготовка дивизии плоха во всех отношениях. Мы с вами больше не можем служить в одном округе. В течение ближайшего месяца, если вам это удастся, вы имеете возможность перевестись в другой округ. Если вам угодно — вы, Ваше Превосходительство, можете теперь же воспользоваться месячным отпуском».

После этого генерал Драгомиров сел в коляску и уехал на Житомирский вокзал, где его ждал вагон.

Не знаю, пытался или нет генерал Голубев перевестись в другой округ, но недели через три после этого смотра мы прочитали в «Инвалиде» Высочайший приказ об увольнении его в отставку по прошению.

Второй случай относится к маневрам частей 5-й пехотной дивизии. Я был назначен исполняющим должность начальника штаба отряда, состоявшего из одного пехотного полка, двух батарей и одного полка конницы. Начальником отряда был генерал-майор Путилов[66] (тот самый Путилов, именем которого была впоследствии названа сопка в Японскую войну — Путиловская сопка), только что произведенный в генералы (он был командиром пехотного полка в 5-й пехотной дивизии) и получивший назначение бригадным командиром в какой-то другой округ.

После первых трех дней маневра была назначена дневка. Задания на следующий день мы долго не получали. Наконец, часов в 6 вечера прибывший из штаба дивизии офицер-ординарец привез на имя начальника отряда пакет, на котором значилось: «Вскрыть ровно в двенадцать часов ночи с такого-то на такое-то число». Генерал-майор Путилов передал мне пакет и приказал принести ему без пяти минут до указанного часа.

Часов в 9 вечера, после ужина, мы, молодежь, сели играть в карты. Начальник отряда был в соседней хате; на дворе шел сильный дождь. Только мы начали игру, как вошел в нашу хату генерал-майор Путилов. Посидев несколько времени с нами, он увел меня в свою хату, сказав, чтобы я захватил свою походную сумку. Когда я пришел к нему, он меня спросил:

«Где у вас присланный пакет?» — «В сумке». — «Дайте мне его, я его вскрою и посмотрю, какое нам дается задание на завтра». — «Ваше Превосходительство, ведь указано вскрыть пакет в 12 часов ночи, а теперь еще нет и 9 $^{1}/_{2}$ вечера». — «Это вас не касается. Вскрою я». — «Нет, Ваше Превосходительство, я как начальник штаба против этого протестую. Я во всяком случае не могу принимать в этом никакого участия и до 12 часов ночи отказываюсь отдавать от вашего имени какие-либо распоряжения по отряду». — «Фу, какой вы формалист! Ну, хорошо, я вскрывать пакета не буду, но вы мне его дайте, я его спрячу у себя». Я дал ему пакет и ушел в свою хату.

Через каких-нибудь полчаса пришел вестовой генерала Путилова и сказал мне, что генерал меня зовет к себе. Я пошел. Застал я Путилова над картой со вскрытым пакетом в руках!

Генерал Путилов встретил меня словами: «Приказано отряд поднять по тревоге и ночным маршем двинуться к такой-то переправе и захватить ее до подхода противника. Боюсь, что мы не успеем. Ведь Киевский полк стоит от нас в шести верстах и туда можно попасть толь-

ко по лесным дорожкам, а мы не связаны с полком летучей почтой. Надо немедленно послать к командиру полка двух офицеров-ординарцев по разным дорогам и приказать полку подняться по тревоге и выходить туда-то». — «Ваше Превосходительство, да ведь нет двенадцати часов. Подумайте, какой будет скандал, если сюда приедет посредник и нас поймает!» — «Стоит такая погода, что не только посредник, но никакая собака носа на двор не высунет. Давайте делать распоряжения».

Я категорически отказался. Генерал-майор Путилов рассердился, но покорился. Я ушел к себе.

Без четверти двенадцать наружная дверь распахнулась, и в хату ввалилась какая-то крупная фигура в бурке, с которой струями скатывалась вода. Вошедшая фигура быстро двинулась ко мне со словами: «Штабс-капитан Лукомский, где пакет с заданием?»

Я только после этой фразы узнал вошедшего: это был бригадный командир 5-й пехотной дивизии генерал-майор Байков[67], который, как я слышал, был ярым врагом Путилова. Он был на маневрах старшим посредником. «Ваше Превосходительство, пакет у генерал-майора Путилова». — «А где генерал-майор Путилов?» — «У себя в хате». — «Ведите меня немедленно к нему».

Я накинул пальто, и мы вышли. В хате генерал-майора Путилова не оказалось. «Где генерал?» — обрушился Байков на вестового. «Так что Его Превосходительство сейчас вышли». Генерал-майор Байков бурей вылетел опять во двор. Я вышел за ним. «Где начальник отряда?» — гремел голос Байкова.

Мы опять прошли в хату, где был штаб отряда. Генерал-майора Путилова не было и там. Байков выходил из себя и требовал, чтобы начальника отряда немедленно разыскали. Часы показывали ровно 12 часов ночи!

Дверь хаты отворилась, и появился Путилов со словами: «Ну, господа, посмотрим, какое приказание содержит присланный пакет».

Генерал-майор Байков бросился к генерал-майору Путилову и прогремел: «Я вижу, Ваше Превосходительство, что пакет уже вскрыт. Как вы смели его вскрыть раньше 12 часов ночи?» Генерал-майор Путилов ответил: «Успокойтесь, Ваше Превосходительство, и не повышайте голоса. Теперь уже 12 часов ночи, и я только сейчас вскрыл пакет, но его еще не читал». — «Я, Ваше Превосходительство, настаиваю на том, что вы сделали преступление, вскрыв пакет раньше срока. Я подам об этом рапорт». — «Вы, Ваше Превосходительство, можете подавать какие угодно рапорты, но говорить мне в лицо, что я вру, вы не имеете права. Я требую, чтобы вы прекратили этот недопустимый разговор и мне не мешали. Я должен ознакомиться с полученным распоряжением и отдать нужные распоряжения. Прошу мне не мешать».

Байков, еще раз пригрозив, что подаст рапорт, немедленно уехал, сказав, что не хочет присутствовать при комедии, когда, вероятно, все распоряжения уже отданы.

После отъезда Байкова и отдачи нужных распоряжений Путилов пригласил меня пройти с ним в его хату. «Спасибо, что вы удержали меня от отдачи преждевременных распоряжений. Эта бешеная собака, Байков, меня ненавидит и постарается сделать все от него зависящее, чтобы мне напакостить. Вы уж меня не выдавайте, а я сам перейду в контрнаступление и расстрою происки Байкова».

Мне не пришлось «не выдавать» генерал-майора Путилова, так как меня никто ни о чем и не спрашивал. Впоследствии же я узнал, что генерал-майор Байков подал рапорт о том, что ровно в 12 часов ночи увидел в руках генерал-майора Путилова распечатанный пакет и отсюда вывел заключение, что пакет был преступно вскрыт раньше времени и что все распоряжения по отряду, вероятно, были отданы также раньше времени.

Генерал-майор Путилов, со своей стороны, подал рапорт с указанием на недопустимую грубость генерал-майора Байкова и привел доказательства, что все распоряжения были отданы после 12 часов ночи.

По этим рапортам была, по приказанию командира корпуса, произведена поверка времени отдачи Путиловым всех распоряжений и времени их получения в частях войск. Так как указание генерал-майора Байкова на преждевременность отдачи распоряжений генерал-майором Путиловым было опровергнуто, он получил выговор и дело было прекращено.

Неблагоприятное для генерал-майора Байкова разрешение этого дела произошло отчасти и потому, что Байков был известен как человек, склонный к ссорам и всяким скандалам. Характер у него был действительно собачий. А между тем он был очень талантливым человеком и очень образованным.

Мне говорили, что Академию Генерального штаба он проходил блестяще и должен был ее кончить первым, но М. И. Драгомиров, бывший в то время начальником Академии, узнав свойства характера Байкова, решил, что он для службы в Генеральном штабе негоден. Было дано соответствующее указание правителю дел Академии, и Байков, получив плохой балл на какой-то из «тем», был выпущен из Академии по второму разряду.

Третий случай произошел в конце маневров (корпус против корпуса).

Последние минуты маневра. Идет общая атака. Я, в группе чинов штаба IX армейского корпуса, сопровождал командира корпуса, генерала Любовицкого, героя двух кампаний (за кампанию 1854–1855 гг. он получил Георгия 4-й ст., а за Турецкую кампанию 1877–1878 гг. — Георгия 3-й степени).

Вдруг из какой-то лощины выскакивает бригада 2-й сводной казачьей дивизии и несется на общий резерв корпуса, около которого мы ехали и который (один полк пехоты), с распущенными знаменами, с музыкой, в резервных батальонных колоннах, шел в атаку.

Растерявшийся генерал Любовицкий как мешок свалился с седла, выхватил шашку и, крича «карэ, карэ», бросился в середину ближайшего батальона. Затем он долго бранил нас, что мы быстро не последовали его примеру.

Здесь главное не в том, что корпусный командир вспомнил устаревшую команду и отжившую свой век форму строя, а то, что, несмотря на все показные ученья генерала Драгомирова, стремившегося создать действительные боевые картины, как только наступал момент атаки, каждый раз воспроизводились совершенно не жизненные батальные картины.

Осенью 1897 г. мы, причисленные к Генеральному штабу, побывали на полевых поездках в пограничной полосе, а затем приняли участие в военной игре в штабе округа. Начальник штаба, генерал-майор Шимановский, устроил нам форменный экзамен по вопросам нашего ознакомления с австро-венгерской армией и вероятным театром военных действий.

Зима прошла быстро. Вторую часть зимы я работал в мобилизационном отделении, куда был прикомандирован из строевого отделения для ознакомления с мобилизационными работами. Городской, киевской, жизни я в этот период почти не знал. Взяв небольшую квартирку на Университетской Круглой (крутой спуск с Левашовской на Базарную площадь около Крещатика), я выписал из Севастополя свою дочь с ее гувернанткой, Ольгой Николаевной Дорогой. Бывал я только в некоторых домах моих друзей (Фок, Петере, Розанов, Эрдели).

Наша группа последнего выпуска из Академии жила очень сплоченно и дружно. К нам присоединились другие молодые офицеры Генерального штаба, и скоро мы образовали в штабе округа ядро, с которым все считались.

17 января 1898 г. наша группа была переведена в Генеральный штаб, и я получил назначение старшим адъютантом в штаб 12-й пехотной дивизии, находившейся в Проскурове. Данные о жизни в Проскурове были не особенно утешительны, и я отправился туда без особого удовольствия.

Проскуров

В Проскуров я поехал один, указав гувернантке моей дочери, чтобы они выезжали тогда, когда я об этом напишу.

Проскуров как город произвел на меня просто удручающее впечатление. Это было скорей грязное еврейское местечко, с одной только мощеной, главной улицей.

Прежде всего, конечно, я отправился представляться начальнику штаба 12-й пехотной дивизии полковнику Константину Даниловичу Юргенсу[68]. Он и его жена, Елена Михайловна, приняли меня как родного. Полковник Юргенс повел меня сейчас же к начальнику дивизии, генерал-лейтенанту Карассу[69], который также меня обласкал. Затем Юргенс повез меня к себе обедать. Накормил меня очень хорошо, но я заметил большое пристрастие хозяина к водке и его требование, чтобы гости не отставали... Я подумал, что это ничего, если будет редко; но будет тяжко, если будет часто.

Ближайшие затем дни начальник штаба предоставил мне на устройство квартиры и на визиты. Я взял маленький домик на окраине города (близко от штаба и квартиры начальника штаба) и наскоро его обставил прибывшей уже из Киева мебелью. Затем выписал дочь с гувернанткой и занялся визитами. Список лиц, которых надо было посетить, составил мне полковник Юргенс.

Прежде всего я объехал старших начальствующих лиц в Проскурове: начальника 12-й кавалерийской дивизии генерала Орлова[70], начальника штаба этой дивизии полковника Рихтера[71], старшего адъютанта той же дивизии капитана Горского (моего однокашника по Николаевскому инженерному училищу), командира Белгородского полка полковника Гернгросса, командира Днепровского пехотного полка (фамилию не помню). На меня чрезвычайно приятное впечатление произвели генерал Орлов и полковник Гернгросс. Полковник Рихтер оказался крайне надутым и несимпатичным человеком; командир Днепровского полка произвел впечатление грубого самодура; Горский оказался милым, но горьким пьяницей. Мои сослуживцы по штабу дивизии оказались очень симпатичными, но, как мне показалось, терроризованными начальником штаба.

Во время моих визитов произошел случай, характерный для Проскурова: извозчик, перевозя меня через площадь, застрял в грязи. Тощие лошади ни с места. Еврей-извозчик, как ни старался криками и кнутом двинуть кляч, ничего не мог сделать. Тогда, встав на свое сиденье экипажа, он начал что-то кричать по-еврейски. Я ничего не понимал. Вдруг откуда-то из-за угла выскочил еврей и, на ходу засучивая штаны, бросился через грязь к нам. Подбежав к экипажу, он повернулся ко мне спиной. Я продолжал ничего не понимать. Извозчик мне тогда объяснил, что еврей, которому по таксе надо заплатить 5 коп., довезет меня на своей спине до дощатого тротуара, а затем он, извозчик, выберется из грязи и меня подберет. Это выражение «по таксе» показало, что подобный способ передвижения вполне нормален. Я взгромоздился на еврейскую спину и верхом на еврее доехал до дощатого тротуара. Скоро подъехал и извозчик, что позволило мне более комфортабельно продолжать мои визиты.

Через неделю, когда я окончил устройство моей квартиры и закончил визиты, полковник Юргенс меня позвал в штаб, в свой кабинет, и объявил мне расписание наших занятий и «времяпрепровождения». В штабе надо было быть к 9 часам утра. Занятия продолжаются до 12 $^{1}/_{2}$ часа дня, когда все расходятся на обед. После обеда занятия необязательны. Каждый из чинов штаба приходит или не приходит на службу после обеда в зависимости от того, есть ли у него работа или нет. Остается в штабе опять-таки столько, сколько этого требует имеющаяся работа. Начальник штаба, нормально, после обеда в штаб не приходит.

По пятницам после обеда все чины штаба во главе с начальником штаба собираются в штабе, перечитывают мобилизационные соображения и вносят в мобилизационную записку, дневник и приложения необходимые поправки. Затем до 9 часов вечера под руководством начальника штаба ведутся беседы на военные темы, а в 9 часов вечера все идут ужинать к начальнику штаба.

Два раза в месяц, по субботам (через субботу), начальник штаба и все чины штаба собираются в собрании Днепровского полка к 7 часам вечера. Там до 9 часов вечера по этим дням делаются чинами штаба (офицерами Генерального штаба) и офицерами Днепровского полка сообщения на военные темы. Затем обыкновенно все остаются ужинать в собрании Днепровского полка.

По средам и по воскресеньям чины штаба дивизии приглашаются к 1 часу дня обедать к начальнику штаба дивизии. Присутствие на этих обедах обязательно, и по средам никаких занятий в штабе после обеда не производится.

Один раз в месяц, по воскресеньям (обыкновенно первое воскресенье после 1-го числа), начальник штаба и чины штаба приглашаются на обед к начальнику дивизии к 7 часам вечера. Затем один раз в месяц, в дни по выбору начальника штаба, он и чины штаба ездят в Волочиск, куда походным порядком доставляются верховые лошади. В окрестностях Волочиска под руководством начальника штаба производится небольшая полевая поездка и решаются задачи в поле. Затем обед на Волочиском вокзале («Буфет там хороший», — сказал К. Д. Юргенс) и возвращение в Проскуров. Это расписание является для всех обязательным, и уклоняться от него, сказал Юргенс, не допускается.

Прошел месяц, и я понял, что «расписание» довольно тяжкое. Обеды и ужины у К. Д. Юргенса были чрезвычайно обильные и с большими «возлияниями». А тут еще мой приятель Горский просил обедать у него по вторникам, причем требовал осушить хрустальный бочонок (довольно изрядной величины, думаю, около двух бутылок) водки. Хотя его супруга пила не меньше его, но все же и на мою долю приходилось много. Довольно часто стали меня приглашать Орловы

и Гернгросс, хотя у них (особенно у Гернгросс) по спиртной части не насиловали, но все же, фактически, почти ни одного дня не оставалось свободным. Конечно, при отсутствии в Проскурове всяких развлечений и смертной скуке подобные «расписания» были понятны, но я все же решил несколько освободиться от кабалы начальника штаба. Я ему сказал, что я страстно люблю верховую езду и охоту, что поэтому я хочу иметь в полном своем распоряжении воскресные дни для верховых поездок и охоты. Мое заявление встретило чрезвычайное сопротивление; Юргенс усмотрел в нем чуть ли не бунт. После долгого разговора, видя мое упорство, К. Д. обиделся и сказал: «Делайте как хотите».

Я перестал бывать у него по воскресеньям, и наши отношения примерно в течение месяца были очень натянуты; но затем, убедившись, что я действительно с раннего утра по воскресеньям куда-либо уезжаю верхом, он примирился и с этих пор никаких недоразумений в наших отношениях не было.

Должен отметить, что К. Д. Юргенс как офицер Генерального штаба и начальник штаба дивизии был чрезвычайно сведущ и был образованным и прекрасным работником. От него я многому научился и в совершенстве постиг службу штаба дивизии и обязанности офицера Генерального штаба по отношению полков дивизии.

Но вообще жизнь в Проскурове и сам Проскуров мне страшно надоели. Я просто стал опасаться, что могу спиться. А тут еще приближалась весна, и Проскуров стал превращаться в непролазное болото. Пришлось для пешего хождения завести громадные высокие калоши, к которым прикреплялись веревки для держания их в руках, и этим не позволялось калошам оставаться в грязи. Для вечерних путешествий я завел электрический фонарь, но затем для верности заменил его простым керосиновым фонарем.

В те вечера, в которые я никуда не ходил, я просто изнывал дома. Нападала такая тоска, что не хотелось и читать. Куда-либо идти «на огонек» не хотелось: опять водка и карты. Душой я отдыхал только у Орловых и Гернгросс, но я не был знаком с ними настолько близко, чтобы ходить к ним без приглашений.

Как-то в конце апреля 1898 г., в одно из воскресений, сидя и скучая дома, я получил телеграмму из Киева за подписью генерала Рузского: «Согласны ли быть назначенным штаб округа помощником старшего адъютанта мобилизационного отделения?» Я чуть не закричал от радости. Немедленно послал ответ о согласии и пошел доложить о полученной телеграмме и моем ответе полковнику Юргенсу.

К. Д. Юргенс был искренно огорчен. Мы с ним действительно сошлись и привязались друг к другу. Он мне сказал: «Мне очень жаль с вами расставаться, но я был убежден, что вас возьмут в штаб округа.

Делать нечего. Давайте вспрыснем ваше назначение». Распили мы бутылку шампанского, и я, радостный, пошел домой. Даже Проскуров мне в этот вечер показался красивым городом. 7 мая полковник Юргенс получил телеграмму из штаба округа с сообщением о моем назначении и предписанием немедленно меня командировать к месту новой службы.

Штаб Киевского военного округа

Считая время моего прикомандирования к Генеральному штабу, то есть еще до назначения старшим адъютантом в штаб 12-й пехотной дивизии, я в общей сложности прослужил в штабе Киевского военного округа более десяти лет (помощником старшего адъютанта штаба округа с 6 мая 1898 г. до 16 декабря 1902 г. и старшим адъютантом с 16 декабря 1902 г. по 4 декабря 1907 года). А всего в Киевском военном округе я прослужил почти 12 лет, из коих более 11 лет в Киеве.

Это дает мне возможность коснуться многих интересных вопросов, которые, характеризуя Киев и Киевский военный округ, до известной степени дадут данные и о том, что в этот период делалось вообще в России.

О начальствующих лицах и о некоторых офицерах Генерального штаба

Начну с командовавшего во время начала моей службы в Киевском военном округе войсками округа — Михаила Ивановича Драгомирова.

До начала моей службы в Киевском военном округе я, в сущности говоря, чрезвычайно мало знал про М. И. Драгомирова. Знал, что он был прежде профессором в Академии Генерального штаба, затем начальником Академии. Знал, что он в вопросах воспитания и обучения войск проводит суворовскую науку, и, наконец, знал, что он является одним из героев войны 1877—1878 гг., блестяще проведя переправу через Дунай. Этим ограничивались мои знания М. И. Драгомирова. Слышал я, будучи в Академии, что у Драгомирова много врагов и что его идеи очень многими оспариваются...

Узнал я М. И. Драгомирова только после поступления на службу в Киевский военный округ. Предки Драгомирова, по-видимому, были выходцами из Сербии. Осели они сначала в Польше (Драгомирецкие), а затем в «Хохландии», оказачились и играли видную роль в истории нашего малороссийского казачества и Запорожья.

Если я не ошибаюсь, прадед М. И. Драгомирова осел в Черниговской губернии в Конотопском уезде, и от него пошел род черниговских дворян Драгомировых. Драгомировский хутор под Конотопом, в котором родился (в 1830 году) М. И. Драгомиров и который затем ему принадлежал, был родовым гнездом семьи Драгомировых.

Первое образование М. И. Драгомиров получил в местной, конотопской сельской школе. Он любил с чувством глубокой благодарности вспоминать первого своего учителя-дьячка, который умел делать своих учеников грамотными, обучая русскому языку с поразительным знанием, уменьем и любовью. Драгомиров говорил: «У этого моего первого учителя я приобрел твердый фундамент, и ему я обязан тем, что стал грамотным человеком».

Военное образование М. И. Драгомиров получил в Константиновском военном училище, окончив которое первым, он вышел в лейб-гвардии Семеновский полк. Затем он поступил в Академию Генерального штаба, которую окончил первым с большой золотой медалью. Службу в Генеральном штабе он начал в Петербургском военном округе — в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа.

Блестяще окончивший Академию Генерального штаба молодой Драгомиров был отмечен профессорами Академии как очень талантливый человек, подающий большие надежды. Вскоре он был привлечен в Академию, сначала в качестве лектора, а затем и в качестве профессора тактики и военной истории.

Еще до Академии, а затем в Академии, не удовлетворяясь проходимыми курсами, и, наконец, после окончания Академии Драгомиров горячо принялся за самообразование. Он старательно изучил французский и немецкий языки и перечитал и проштудировал все мало-мальски выдающееся, что он нашел в печати на русском, французском и немецком языках. Он не ограничивался военными вопросами и военными науками, а расширял свое образование по всем отделам человеческих знаний. Уже молодым офицером Генерального штаба он выделялся как высокообразованный и культурный человек.

Расширению кругозора и образования способствовало и тесное общение М. И. Драгомирова с целым рядом выдающихся сверстников и современников не только среди военных, но и среди людей самых различных профессий и кругов. Между прочим одним из ближайших друзей Драгомирова был Таганцев.

Довольно значительная группа из этой плеяды образованных и выдающихся людей образовала небольшое общество, которое в шутку называли «золотая рота». Они периодически собирались на обеды или ужины, устраивали собеседования на различные темы, знакомили друг друга со всем интересным, что появлялось в литературе, обсуждали современные вопросы, спорили, говорили.

Так как эти собрания очень часто бывали со спиртными напитками, а иногда бывали в этом отношении и излишества, то враги, недоброжелатели и просто завистливые люди распространяли слухи, что «золотая рота» — просто собрание пьяниц. В действительности же

это было собрание выдающихся людей, взаимное общение которых приносило им всем громадную пользу.

Это был период после Крымской кампании, показавшей отсталость России от Европы во всех отношениях, а в частности в военном отношении. Отсталость России в военном отношении Драгомиров объяснял тем, что у нас в армии не только проявилось пренебрежение к идеям славных периодов русской военной истории, но были совершенно забыты суворовские заветы воспитания войск. Про какое-либо «воспитание» у нас совершенно забыли, заменив его мертвыми формами муштры. Это, по мнению Драгомирова, и повело к понижению боеспособности нашей армии. Техническая отсталость лишь усугубляла общее состояние слабости армии.

М. И. Драгомиров горячо принялся за восстановление старых, «суворовских» методов воспитания и обучения войск. Он решил воскресить давно забытое, столь соответствовавшее духу русского человека.

Начав свою проповедь юным офицером Генерального штаба, он ее продолжал всю свою жизнь. Вел он свою работу путем печати, изданием забытых суворовских заветов («Наука побеждать», «Солдатская памятка»), изданием курса тактики, лекциями с кафедры Академии Генерального штаба, работой как начальник штаба Киевского военного округа, как начальник 14-й пехотной дивизии, как начальник Академии Генерального штаба и, наконец, как командующий войсками Киевского военного округа.

Несмотря на то что Драгомиров приобрел большой авторитет еще в качестве профессора Академии Генерального штаба, а затем его закрепил как военный писатель и руководитель практического воспитания и подготовки войск, вся его деятельность велась в атмосфере чрезвычайной недоброжелательности со стороны очень и очень многих и встречала постоянное сопротивление — активное, а где такового нельзя было проявить, то пассивное. Сам Драгомиров говорил: проводить идеи чрезвычайно трудно, понимают только единицы, а масса или враждебна, или пассивна.

Проводя свои идеи, добиваясь проведения их в жизнь и сталкиваясь с часто почти непреодолимыми затруднениями или явно недобросовестными возражениями и передергиваниями, М. И. подчас обострял и сам доказательства в пользу проведения своих мыслей и положений (например: скорострельный сон — «Медведь»). Последним пользовались враги и недоброжелатели, упрекая М. И. Драгомирова в пренебрежении техникой.

Чтобы составить себе представление о причинах трудности проведения в жизнь идей М. И., необходимо вспомнить общую обстановку, в которой приходилось работать Драгомирову.

Блестящий для русской армии период «екатерининских орлов» со смертью Императрицы Екатерины II сменился упадочным периодом краткого царствования Павла I. Трудно созидать, но легко разрушать! Несмотря на краткость царствования Императора Павла I, когда преследовалось всё «екатерининское», когда попали в немилость все выдвинувшиеся в царствование Великой Императрицы, крыло разрушения тяжело коснулось русской армии. Вместо «суворовской» школы стала процветать прусская муштра. Были, конечно, яркие проблески, как Итальянский поход Суворова, но в общем все представители суворовской школы отстранялись, всё ими проводимое крепко забывалось.

В царствование Императора Александра I войны с Наполеоном, конечно, опять всколыхнули и пробудили деятельность русской армии, опять выдвинулись на первый план суворовские ученики и соратники: Кутузов, Багратион, Барклай де Толли.., но это была последняя вспышка. После 1812 года в русской армии начинается упадочный период. Аракчеевские принципы приобретают доминирующее значение. Муштра заменяет воспитание. Продолжительная, 25-летняя служба солдат в строю отодвигает на второй план вопрос быстрого и планомерного обучения солдат: при продолжительной службе, под руководством старослуживых (дядек), фельдфебелей и унтер-офицеров эта подготовка, это обучение происходит как бы само собой.

Длительный период без больших войн (Кавказ, подавление польского восстания, венгерский поход, конечно, не изменяют общей обстановки) как бы закрепляет (стабилизирует) создавшееся положение. Старшие начальники привыкают только «командовать» (исключение в этот период представляет флот, особенно Черноморский, где выдвигается ряд блестящих начальников, действительно воспитавших и обучивших офицеров и матросов). Это период упадка сухопутной армии. Командиры частей и ротные командиры являются полными хозяевами положения. Были, конечно, среди них и блестящие начальники и командиры, действительные «отцы-командиры», заботившиеся во всех отношениях о своих подчиненных, но было очень много и таких, которые, предоставляя всю власть по воспитанию и обучению солдат низшим начальникам, сами только командовали, а часто и «кормились». Вредной была создавшаяся обстановка, которая позволяла старшим начальникам почти ничего не делать и позволяла проявляться хозяйственному хищению за счет солдат и лошадей.

Этот же период ознаменовался отсталостью русской армии в техническом отношении по сравнению с западными государствами. Расплатой за все это было поражение русской армии в кампанию 1854–1855 годов. После 1854–1855 годов до Русско-Турецкой войны (также показавшей отсталость русской армии в техническом отноше-

нии), а затем и после последней, принимаются усиленные меры для лучшего технического снабжения русской армии и для упорядочения войскового хозяйства. Наряду с этим, конечно, изменяются уставы, принимаются меры для лучшей боевой подготовки армии, для улучшения общей ее боеспособности.

М. И. Драгомиров, не отрицая ни необходимости технического улучшения армии, ни упорядочения войскового хозяйства, в вершину угла ставил необходимость воспитания солдата и офицера и их военной подготовки. Он выдвигает на первое место дух. Он требует прежде всего подготовки человека, которому должна быть придана машина (ружье, пушка, пулемет). Он возражает против увлечения техникой, доказывая, что человека нельзя заменить машиной.

Враги же Драгомирова трезвонили повсюду, что М. И. отсталый, что он возражает против технических усовершенствований, что он хочет вернуться в чистом виде к суворовским временам, не понимая, что при современной технике суворовский афоризм: «пуля — дура, штык — молодец» не только потерял значение, но чрезвычайно вреден...

Среди современников Драгомирова были блестящие полководцы: Гурко, Скобелев, Радецкий. Из них Радецкий и Гурко командовали после Турецкой кампании войсками в военных округах (Гурко — в Варшавском, Радецкий — в Харьковском и Одесском). Они умели вести подготовку войск к бою и были чрезвычайно требовательны. Но ни одного из них так не бранили за их требовательность, как бранили М. И. Драгомирова; требования ни одного из них не извращались так, как извращались требования Михаила Ивановича.

Почему это? Да потому, что только один из них, именно М. И. Драгомиров, кроме требований, так сказать, технического характера (обучения войск), настойчиво и непреклонно требовал работы по воспитанию войск. А эта работа требовала повседневной заботы, необходимости начальникам отдавать себя всецело на воспитание и обучение вверенных им частей. Никакое очковтирательство не помогало и не спасало. А это не могло нравиться; отсюда и враждебное отношение, стремление извратить учение Драгомирова, стремление всякими способами избавиться от неугодного и неприятного человека.

Первый период деятельности М. И. Драгомирова — это его профессорская деятельность в Академии Генерального штаба. Молодой и талантливый офицер Генерального штаба, блестящий лектор, отличный писатель скоро обращает на себя всеобщее внимание и становится крупным военным авторитетом. В 1868 г. (то есть 38 лет) он уже генерал-майор и назначается начальником штаба Киевского военного округа.

Начальником штаба округа он остается до 1875 г. (не имея под рукой никакого материала, я могу ошибаться в датах. Возможно, что

в указаниях мною годов будут допущены ошибки). Командующими войсками Киевского военного округа в этот период были генералы Козлянинов[72] и Дрентельн[73]. С деятельностью Драгомирова в качестве начальника штаба округа я совершенно не знаком и касаться ее не буду. Слышал, что при генерале Козлянинове и Дрентельне Драгомиров как начальник штаба пользовался большим влиянием.

В 1875 г. генерал Драгомиров (45 лет) получает 14-ю пехотную дивизию, штаб которой был в Кишиневе. Наступает возможность на практике самому заняться воспитанием и обучением войск дивизии; практически испытать и проверить теорию, основанную на чужой практике. Драгомиров горячо принимается за работу.

Приказы по 14-й пехотной дивизии за весь период командования ею Драгомирова до начала Русско-Турецкой войны 1877 г. представляют чрезвычайный интерес. В них изо дня в день развертывается колоссальная и полная интереса работа М. И. по воспитанию и обучению дивизии. Эти приказы являются чрезвычайно ценным дополнением к отделу воспитания войск курса тактики Драгомирова. Эти приказы подтверждают правильность его теоретических указаний, доказывают, что суворовская система воспитания и обучения войск сохраняет свою силу и значение и при усовершенствовании техники огнестрельного оружия.

Я всегда удивлялся тому, что приказы генерала Драгомирова по 14-й пехотной дивизии были мало кому известны. Они, казалось бы, должны были быть настольной книгой для каждого строевого офицера, начиная со взводного командира вплоть до командира корпуса (и даже округа). Каждый нашел бы в них массу чрезвычайно полезных и правильных указаний.

Наступает 1877 год. М. И. Драгомиров ведет свою дивизию на войну — на экзамен. Для М. И. это желанный и страшный экзамен. Большое счастье вести на него собой подготовленную дивизию; естественное волнение — оправдает ли практика проводимые идеи?

Но экзамен выдержан, и выдержан отлично. Возложенная на Драгомирова переправа через Дунай проводится им блестяще. 14-я дивизия, переброшенная первой, на понтонах, на правый берег Дуная, дерется блестяще, разбивает турок, закрепляется на высотах, и под ее прикрытием наводится понтонный мост через Дунай и переводятся по нем новые части. Генерал Скобелев (М. Д.), прикомандированный к Драгомирову на время операции по переправе через Дунай, поздравляет М. Ив. с победой и блестящей работой дивизии.

Мих. Ив. особенно доволен тем, что 14-я дивизия в бою действует так, как ее он учил действовать на маневрах. Доволен тем, что не было «ружейной трескотни»: солдаты берегли патроны, хорошо целились

и верно стреляли. Дух дивизии оказался превосходным; младшие начальники разбирались в обстановке и руководили своими отделениями и взводами.

Георгий 3-й степени был дан Государем Александром II М. И. Драгомирову в награду за переправу через Дунай. После переправы через Дунай и первых успехов после этого, как известно, Плевна задержала продвижение русской армии на юг и отвлекла на себя главные силы.

8-й армейский корпус под начальством Радецкого занял перевал у Шипки и преградил путь Сулейман-паше, долженствовавшему помочь Плевненской армии Осман-паши. Геройская шипкинская эпопея покрыла славой 8-й армейский корпус, в состав которого входила и 14-я пехотная дивизия.

К сожалению, Драгомиров был тяжело ранен в одном из первых шипкинских боев (во время одной из атак Сулеймана он, находясь в передовой линии, был ранен ружейной пулей в колено) и был эвакуирован. Колено было раздроблено. Только чудом удалось избегнуть ампутацию ноги; но рана была настолько серьезна и так плохо поддавалась лечению, что о возвращении в строй нельзя было и думать.

В 1878 г. М. И. Драгомиров назначается начальником Академии Генерального штаба (48-ми лет). Блестящее командование дивизией и опыт войны закрепляют авторитет М. И. Он уже не только блестящий теоретик-профессор, но и общепризнанный авторитет как строевой начальник и как боевой генерал. Одиннадцатилетнее пребывание во главе Академии Генерального штаба (1878–1889 гг.) дает возможность М. И. создать свою «драгомировскую» школу, проводить свои идеи в вопросах организации, воспитания и боевой подготовки русской армии.

В 1889 г. Драгомиров назначается командующим войсками Киевского военного округа. В этой роли, руководя подготовкой войск одного из главных передовых округов, имея под своим начальством 5 $^{1}/_{2}$ армейского корпуса, будучи предназначенным руководить операциями в случае войны с Австро-Венгрией (при этом намечалось ему подчинить еще три корпуса, из коих два из состава Одесского военного округа — 7-й и 8-й), Драгомиров приобретает громадное значение.

Главная деятельность Драгомирова как командующего войсками округа заключалась в следующем.

1) Правильная постановка в войсках округа воспитания и обучения войск. Эта часть, являясь как бы главной сутью «ученья» М. И. Драгомирова, естественно привлекает его особенное внимание, и он старался проверять ее лично. С этой целью он постоянно объезжал войска округа, давал указания на местах и в своих приказах по округу подробно разбирал результаты поверок и преподавал необходимые указания.

2) В доведении до возможного совершенства боевой подготовки войск округа. С этой целью Драгомиров производил показные ученья, начиная с роты и эскадрона и кончая крупными отрядами из всех родов оружия.

М. И. стремился полевую работу войск приблизить, насколько возможно, к боевой действительности и приучить войска к притуплению чувства самосохранения. Как известно, Драгомиров с целью приблизить подготовку войск к боевой действительности даже возбуждал вопрос о желательности небольшой процент холостых патронов заменить при двусторонних учениях боевыми. Но это Петербургом принято не было. Существенную роль при занятиях в поле играли требуемые Драгомировым сквозные атаки пехоты, прохождение конницы через пехоту и артиллерию. Маневры с боевыми патронами против противника, обозначенного мишенями, были введены в русской армии по настоянию Драгомирова.

3) В наблюдении за правильным несением войсками внутренней и гарнизонной службы. Особенно строго требовал М. И. безукоризненно точного несения войсками гарнизонной службы. За малейшие провинности в этом отношении виновные строго карались. Обязанности часового, разводящего, караульного начальника, рунда, дежурного по караулам — наиболее приближали этот отдел службы мирного времени к боевой службе, а отсюда и непреклонное требование Драгомирова безукоризненно знать и соблюдать все требования гарнизонного устава. Это вызывалось еще и громадным и ответственным правом воинских чинов употреблять в дело оружие в мирное время.

4) В наблюдении за правильным ведением войскового хозяйства. Всякие злоупотребления в этом отношении карались М. И. жестоко.

5) В доведении до возможного совершенства мобилизационной готовности войск округа. По настояниям Драгомирова с 1898 г. в России были введены пробные мобилизации с действительным призывом запасных и поставкою лошадей и повозок. Ведя общее наблюдение за мобилизационной подготовкой округа, Драгомиров передал непосредственное руководство этим делом в руки начальника штаба округа.

6) В выработке плана сосредоточения войск к границе на случай войны с Австро-Венгрией и в разработке распоряжений для первоначальных военных действий. Основания разрабатывались начальником штаба округа по непосредственным указаниям М. И., а дальнейшей разработкой всех подробностей руководил начальник штаба округа.

7) В подготовке приграничного района с Австро-Венгрией для сосредоточения армии и военных действий (проведение стратегических участков железных дорог, шоссейных путей, устройство оборонительных линий и опорных пунктов, устройство базисных магазинов

и складов и т. п.), а также устройство тыла для сосредоточиваемых к границе армий.

Обращено было чрезвычайное внимание на пополнение неприкосновенных запасов и устройство складов и их своевременное освежение. Вся перечисленная громадная работа велась при непосредственном наблюдении, руководстве и участии Драгомирова. Как результат этой колоссальной работы явилось то, что Киевский военный округ уже к концу девяностых годов считался первым из округов по своей подготовке. Авторитет Драгомирова в вопросах подготовки войск стал непререкаемым. Многие шипели, но открыто возражать не смели. Требования Драгомирова в отношении правильной постановки мобилизационного дела привели к полной реорганизации управления по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел и к действительно правильной мобилизационной подготовке в русской армии. Насколько правильны были указания Драгомирова относительно сосредоточения армий в случае войны с Австро-Венгрией и директивы для первоначальных боевых действий армий, показывает то, что при начале войны 1914 г. операции первоначально развернулись в полном соответствии с предначертаниями, кои давались М. И. Драгомировым еще в период 1896–1900 годов.

Не вина М. И. Драгомирова, что многое в смысле подготовки русской армии к войне не было доделано: прежде всего надо отметить, что после периода блестящей деятельности русского Главного штаба, когда во главе его стоял генерал Обручев[74], в деятельности Главного штаба наступил период маразма... Затем, после ухода М. И. Драгомирова с должности командующего войсками Киевского военного округа, из-за качества его заместителя, генерала Сухомлинова, и старших чинов штаба округа, работа штаба Киевского военного округа пошла сильно на убыль... и, наконец, война с Японией 1904–1905 гг. расстроила всю русскую армию. Но обо всем этом слово впереди. Здесь же надо отметить, что результаты работы Драгомирова как командующего войсками округа были настолько очевидны, что, по существу, признавались и самыми ярыми из его врагов.

Очень трудно, не имея под рукой соответствующих материалов и справок, систематически изложить и очертить деятельность Драгомирова как командующего войсками округа. Я остановлюсь на, может быть, несколько странном изложении: я укажу на нападки на Драгомирова и, давая им объяснения, этим самым, как мне представляется, я очерчу главную суть ученья и работы М. И. Драгомирова.

Драгомирова обвиняли в том, что он, потворствуя солдатам, подрывал авторитет начальников, якобы шельмуя их в своих приказах и ругая их в присутствии подчиненных.

Прежде всего коснусь вопроса о «потворстве» солдатам.

Требования Драгомирова к начальству по отношению к солдатам фактически сводились к следующему: относитесь к солдатам прежде всего по-человечески; заботьтесь о них, понимая, что солдаты «серая святая скотинка», то есть хорошие, но темные люди, которых надо развивать, к себе привязывать и от которых затем можно все требовать; воспитывайте и учите солдат; в сомкнутом строю требуйте беспрекословной дисциплины, но для работы в отделе или в рассыпном строю подготовляйте сознательных исполнителей; отнюдь не муштруйте солдат, ибо этим превращаете их в манекены и отбиваете всякую способность соображать; в казармах и лагерях, вне занятий создавайте для солдат приятную для них обстановку, то есть развлекайте, способствуйте группировке земляков, не возбраняйте говорить на их родном языке; воспитывайте и обучайте солдат сами, а не передавайте это дело в руки «дядек», унтер-офицеров и фельдфебелей...

Все эти требования были вполне правильны, логичны, обоснованны и естественны, но... требовали большой, ответственной работы всего офицерского состава, начиная от командиров корпусов до младших офицеров включительно. Поверочная же система Драгомирова, которой он руководил, лично ее направлял и сам проверял — открывала все недочеты, выясняла и выдвигала виновных. Эта же система разрушала систему очковтирательства, свившую прочное гнездо в русской армии и имевшую в своей основе: «всё допускается для того, чтобы не выносить сор из избы и представить, что в данной части всё хорошо, всё благополучно». Наконец, Драгомиров неуклонно и систематично проводил принцип, что кому больше дано, с того больше и взыщется. Михаил Иванович строго наблюдал, чтобы начальствующие лица в соответствии со своим положением делали свое дело: «кому надо править — правь; кому полагается везти — вези».

За ошибки Драгомиров не взыскивал, но строго карал за саботаж, за уклонения, за обман (очковтирательство), за отсутствие заботы о солдатах, за преступные деяния.

Всё это, конечно, требовало от командного состава постоянной, повседневной и большой работы. А это многим не нравилось.

Так как система воспитания и обучения войск, проводимая Драгомировым, требовала прежде всего большой и систематической работы со стороны старшего командного состава и так как за невыполнение требований, предъявляемых командующим войсками округа, в первую голову страдал именно этот состав (Драгомиров, придерживаясь поговорки, что рыба с головы вонять начинает, прежде всего отрубал вонючую голову), — то, естественно, больше всего недовольных Драгомировым оказывалось среди именно этого старшего командного

состава. Лица из этого состава, так или иначе обиженные Драгомировым, и создавали легенду о грубом обращении командующего войсками с командным составом и о якобы подрыве престижа, а следовательно, о подрыве Драгомировым дисциплины. Особенно шумели из числа пострадавших те, кои имели в Петербурге связи и, вынужденные оставить Киевский военный округ из-за «притеснений Драгомирова», переводились в другие военные округа. А таких было довольно много.

Прослужив в Киевском военном округе в бытность М. И. Драгомирова командующим войсками с 1897 по 1903 г., зная по рассказам о деятельности Драгомирова как командующего войсками в предыдущий период (с 1889 г.), а также проштудировав все приказы и приказания по округу за все время пребывания М. И. Драгомирова в должности командующего войсками Киевского военного округа, я могу констатировать:

1) Резок с командным составом М. И. Драгомиров был только в исключительных случаях, когда видел умышленное нежелание выполнять его требования и когда вообще церемониться не приходилось. Это относится как к приказам по округу, так и к личным разносам.

2) Были очень редко случаи разноса начальствующих лиц в присутствии подчиненных, но они вызывались каким-либо исключительным безобразием или являлись следствием того, что какой-либо отдельный случай выводил из себя М. И. Драгомирова. М. Ив. был вспыльчив, и бывали случаи, что он срывался. Но если это случалось без особо серьезных причин, М. И. быстро отходил и заглаживал свою резкость.

3) Младшие офицеры страдали очень редко. Больше доставалось старшим и обыкновенно тогда, когда М. И. Драгомиров решал, что данное лицо уже больше не может оставаться на занимаемом им месте.

Много нашумел в свое время один из первых приказов М. И. Драгомирова по округу (если не ошибаюсь, в 1889 г.), который начинался фразой: «В войсках Киевского военного округа дерутся...»

По поводу этого приказа было в свое время сказано много жалких слов: «Дерутся во всех округах, а не только в Киевском»; «Случаи, когда офицеры, фельдфебеля или унтер-офицеры закатывают в морду солдату, конечно, бывают, но в частях Киевского округа не больше и не чаще, чем в частях войск других округов»; «Судя по приказу генерала Драгомирова, можно подумать, что "мордобойство" введено в систему в войсковых частях Киевского военного округа... Это ложь»; «Приказ генерала Драгомирова — это вынесение сора из избы; он на руку всякой социалистической сволочи...»; «По закону, конечно, бить по морде не разрешается. Начальство и командующий войсками могут, конечно, наказывать виновных и предавать их суду, но зачем же звонить об этом в приказе...»; «Своим приказом о "мордобойстве" генерал Драгомиров

подрывает дисциплину, возбуждает солдат против офицеров, подрывает офицерский престиж».

Если внимательно продумать все эти нападки на генерала Драгомирова за его приказ, то ясно станет, что их лейтмотив: зачем выносить сор из избы? На этом и надо остановиться.

В нашей армии с незапамятных времен вплоть до катастрофической революции 1917 г. неправильное понимание «чести полка», «чести мундира» заставляло культивировать принцип не сметь выносить сор из избы. Провинившихся членов полковой семьи старались без шума куда-либо спустить, всячески замазывая «историю». Гр. Толстой в своем романе «Война и мир» талантливо это отметил. Попытки отдельных военных авторитетов это изменить, доказать, что гораздо лучше для той же «чести полка» открыто отмежеваться от мерзавца, заклеймить его, отсечь вредный член, — никогда не достигали должного результата. Это ошибочное понятие о «чести полка» как-то вошло в плоть и в кровь нашей армии, и переделать это никто не мог. (Я помню случай, относящийся к мобилизации 1904 г., во время войны с Японией. Я тогда был старшим адъютантом мобилизационного отделения штаба Киевского округа. Была объявлена мобилизация 10-го армейского корпуса и входящей в его состав 10-й кавалерийской дивизии. Вслед за этим я получил телеграмму от командира одного из полков 10-й кавалерийской дивизии с просьбой назначить какого-то поручика из запаса не в их полк, а в какой-нибудь другой. Я ответил телеграммой, что это может быть сделано лишь после получения разъяснения, чем вызвана эта просьба, и если она будет признана уважительной. Дня через два мне было доставлено с нарочным письмо от командира полка, в котором сообщалось, что этот офицер служил прежде в этом полку, но проворовался (украл золотой портсигар у своего приятеля), был уличен, и, дабы не позорить чести полка, ему было дано два месяца отпуска, за время которого он должен был убраться из полка. Офицер этот, действительно, куда-то перевелся, но и там у него была грязная история, и его заставили уйти в запас. Письмо заканчивалось просьбой назначить этого офицера в какую-нибудь другую часть, так как — «Вам должно быть понятно, что он не может вернуться в наш полк». Я доложил это письмо начальству, и мне было приказано ответить командиру полка, что этот офицер не может быть назначен ни в какую другую часть. Что, так как полк сам виноват в том, что этот мерзавец в свое время не был предан суду чести и не был исключен со службы без права зачисления в запас, то пусть сам полк за это теперь и рассчитывается. Этот офицер был назначен в свой полк, и командир полка предал его суду чести, по которому он был исключен со службы. Таких примеров можно было бы привести много.)

М. И. Драгомиров боролся против этой «системы», но и он ничего не достиг.

Много разговоров вызвал в войсках не только Киевского военного округа, но и в Петербурге случай, бывший с самим М. И. Драгомировым на маневрах через год после его приказа «В Киевском военном округе дерутся...», случай, который стал широко известен и который злорадно подхватили очень многие. Пропуская мимо себя какую-то часть, генерал Драгомиров остановил повозку обоза, на которой сидел какой-то солдат. «Почему ты не в строю, а на повозке?» — «Так что. Ваше Высокопревосходительство, я ноги натер». — «Слезай с повозки и разувайся».

Солдат неохотно слез, снял сапоги и портянки. Ноги оказались в полной исправности. Генерал Драгомиров обозлился, выругал солдата и несколько раз огрел его своей палкой (будучи раненным в колено во время Шипкинских боев 1877 г., М. И. Драгомиров прихрамывал и всегда ходил с палкой). Затем, как мне рассказывали, М. Ив. тут же присел на камень и, махнув рукой, сказал: «Да, в Киевском военном округе дерутся...»

Враги М. И. Драгомирова еще указывали на то, что приказ по округу — о том, что «дерутся», — выставил офицеров как каких-то извергов, истязающих солдат. Что так это понято широкими массами и иностранной прессой... Что этим нанесено тяжкое оскорбление всему корпусу офицеров, всей русской армии...

Конечно, М. И. Драгомиров, отдавая этот приказ, не покушался подрывать престиж офицеров, выставлять их на позор всему свету и указывать, что русский офицер не заботится о солдате. М. И. не только отлично знал, но постоянно сам отмечал, как в своих приказах, так и в своих статьях, основную черту русской армии — это заботу офицеров (от младших до старших) о солдате и близость русского офицера к солдату. Но наряду с этим он не считал допустимым умалчивать о позорных проявлениях склонности у некоторого процента офицеров к «мордобойству» и о ненаказуемости этой распущенности со стороны старшего командного состава. Наконец, М. И. Драгомиров, отдавая этот приказ, имел в виду не только рукоприкладство, практикуемое некоторыми офицерами, но и рукоприкладство, практикуемое (при этом в значительно большем размере, чем офицерами) фельдфебелями, унтер-офицерами, дядьками.

Ведь совершенно понятно, что если в данной войсковой части некоторые ротные командиры и младшие офицеры применяют «рукоприкладство», а батальонные командиры и командиры полка молчат и как бы это санкционируют, то командный состав из солдат (фельдфебеля, унтер-офицеры, ефрейторы) практикуют этот прием

«внушения» еще шире, и это уже превращается в систему воспитания и обучения и вводит новое, запрещенное законом, дисциплинарное наказание. Во всяком случае необходимо констатировать, что указанный выше приказ генерала Драгомирова достиг своей цели. И не только в Киевском военном округе, но и во всей русской армии. Конечно, отдельные случаи «рукоприкладства» были и после этого приказа, но публика подтянулась, почувствовала, что это незаконно, подтянулся и командный состав из нижних чинов.

Коснувшись «рукоприкладства», надо сказать и о телесных наказаниях солдат, разрешавшихся по нашему закону — или по суду, или как дисциплинарное взыскание для нижних чинов, перечисленных в разряд штрафованных.

Это наказание (розгами) как пережиток менее гуманитарного времени существовало в русской армии до девяностых годов XIX столетия, после чего было сохранено лишь в дисциплинарных батальонах.

Отмена дисциплинарного наказания розгами штрафованных в армии приветствовалась большинством командного состава. Но были поклонники этого наказания среди старых служак, указывавших, что после этой отмены нельзя справиться со штрафованными нижними чинами, а были и такие, которые указывали, что из-за отмены порки гораздо трудней обучать в артиллерии коноводов (в коноводы и четвертыми номерами с банниками в артиллерии, в некоторых батареях, по традиции назначали штрафных, и после неудачного ученья их пороли). Эти поклонники «старины» обвиняли в этой отмене, «отразившейся на дисциплине и подготовке армии», того же М. И. Драгомирова.

В действительности, хотя М. И. Драгомиров и был вообще против телесных наказаний и против порки, но интересно отметить, что он был против отмены телесных наказаний в армии. Я помню (если не ошибаюсь, это было в 1902 или 1903 г.), на запрос военного министра о желательности полной отмены телесных наказаний в армии (то есть и в дисциплинарных батальонах) М. И. Драгомиров ответил письмом, в котором указал, что в мирное время порка должна быть отменена совершенно, но что для военного времени она должна быть в армии восстановлена. М. И. указывал, что, во-первых, во время боя постоянно бывают случаи, когда поднять солдата, залегшего под пулями, можно только палкой, а что после боя, при полной невозможности применять ряд дисциплинарных взысканий мирного времени, надо предоставить право начальствующим лицам (не ниже командира роты) наказывать розгами солдат, которые позорно себя вели во время боя.

Возвращаясь к нападкам на М. И. Драгомирова о «потворстве» солдатам и подрыве авторитета начальников, я еще остановлюсь на несколько более ярких случаях.

Большие маневры 1890 г. войск Киевского военного округа против войск Варшавского военного округа. Командующий армией из войск Киевского военного округа — генерал Драгомиров. Командующий армией из войск Варшавского военного округа — генерал Гурко. Два важнейших округа. Командующие армиями — два героя Русско-Турецкой войны и представители несколько иных школ подготовки войск в мирное время: у генерала Гурко доминировал принцип обучения войск, натаскивания их в поле, создавая при этом возможно более трудную обстановку: зимние маневры, ночлеги в поле зимой, трудные форсированные марши, преодоление всяких серьезных местных препятствий и проч.

У генерала Драгомирова в основе — воспитание войск, венчаемое обучением и поверкой в поле.

Маневры в Высочайшем присутствии. Не только верхи армий, но вообще все военные были склонны смотреть на эти маневры с точки зрения — кто окажется победителем? Гурко или Драгомиров? Штабы и начальники частей нервничали.

Маневры прошли хорошо для обоих округов, для обоих командующих войсками, но... генерал Гурко отдал один приказ после маневров — благодарность войскам округа и начальствующим лицам, а генерал Драгомиров отдал два приказа: первый — короткий — благодарность всем от старших начальников до солдат за получение им, генералом Драгомировым, Высочайшей милости, а второй — подробный разбор маневров, указание на замеченные ошибки, выговор некоторым начальствующим лицам...

Опять обиженные завопили: «выносит сор из избы», «шельмует начальников», «подрывает престиж начальников» и т. д. Объяснение же этому находится в той же системе воспитания и обучения войск, проводившейся М. И. Драгомировым: и на эти исключительные маневры он смотрел как на поверку тому, чему обучены войска; на поверку работы начальствующих лиц. Скрывать и замазывать недочеты генерал Драгомиров считал преступным. Считал при этом неуместным щадить и тех начальствующих лиц, кои упорно не хотели считаться с его требованиями или оказывались неспособными их воспринять, то есть непригодность коих в роли крупных начальников определялась наглядно.

Как следствие этого приказа несколько начальников дивизий принуждены были уйти в отставку.

Командир XI армейского корпуса Батьянов[75]. Человек способный, но совершенно не согласный с системой воспитания и обучения войск, проводимой генералом Драгомировым. При этом большой задира, будирующий против М. И. Драгомирова и писавший на командующего войсками жалобы в Петербург.

Было ясно, что долго они не могли совместно служить в Киевском военном округе. Терпение М. И. Драгомирова истощилось, и он решил

с этим покончить. Случай подвернулся: по приказанию генерала Батьянова была снята и продана очень ценная крыша из медных листов, покрывавшая так называемый Уманский замок. Вырученные деньги по указанию генерала Батьянова пошли хоть на казенные надобности, но не предусмотренные законом.

С точки зрения закона, генерал Батьянов совершил два преступления: приказал продать казенное имущество, которое не находилось в его ведении, и на незаконные надобности направил вырученные деньги.

М. И. Драгомиров послал генералу Батьянову официальное письмо, в котором, изложив преступность совершенной операции, указал, что он за это должен был бы возбудить вопрос о предании его суду, но не делает этого только во внимание к прежней службе генерала Батьянова и высокого поста, им занимаемого. Но что вместе с сим он считает совершенно невозможным, чтобы генерал Батьянов оставался впредь командиром корпуса в Киевском военном округе. Что он предлагает ему в самый кратчайший срок куда-либо уйти из Киевского военного округа, а что он, Драгомиров, со своей стороны, обо всем этом деле напишет конфиденциальное письмо военному министру.

Генерал Батьянов, конечно, немедленно полетел в Петербург и устроил себе перевод в другой округ. Но до конца своей жизни он стал ярым врагом генерала Драгомирова, стараясь, где только это возможно, ему гадить и распускать про него самые невероятные слухи и сплетни.

Командир XII армейского корпуса генерал Дохтуров[76]. Очень способный и выдающийся начальник. Сначала у него с генералом Драгомировым были хорошие отношения, но затем генерал Дохтуров, не согласный с какими-то требованиями генерала Драгомирова по обучению войск в поле, стал будировать и демонстративно не исполнять указаний командующего войсками округа.

М. И. Драгомиров очень ценил генерала Дохтурова и долго терпел его «пассивное сопротивление», но когда убедился, что его не переломить, на одном из маневров крупно с ним поговорил, и генерал Дохтуров должен был уйти из округа.

Командир X армейского корпуса генерал Случевский[77], бывший прежде командиром лейб-гвардии саперного батальона и саперной бригады Петербургского военного округа. Человек умный, но чистопробный тип начальника, вырабатывавшегося в Красном Селе. У него все было основано на стремлении «втереть начальству очки», представить всё хорошо.

Генерал Драгомиров производит поверку одной из войсковых частей X армейского корпуса. Спрашивая о чем-то солдата, М. И. Драгомиров по глазам солдата видит, что тот смотрит на кого-то стоящего

сзади генерала Драгомирова. Генерал Драгомиров резко оборачивается и видит, что генерал Случевский делает солдату какие-то знаки.

«Ваше превосходительство, вам здесь не Усть-Ижорский лагерь. Я в Высочайше вверенном мне округе не позволю обманывать начальство и заниматься очковтирательством...» Генерал Случевский после этого скоро ушел из Киевского округа и о генерале Драгомирове ласково не вспоминал.

Маневры. Генерал Драгомиров едет в коляске и догоняет какую-то часть, идущую по дороге походным порядком. В канаве, на обочине дороги, сидит солдат.

М. И. приказывает кучеру остановить лошадей и спрашивает солдата, что он тут делает. Солдат говорит, что он сильно натер себе ноги и не может идти. «Отчего же ты не сел в санитарную линейку?» — «Так что, ваше высокопревосходительство, г-н фельдфебель не позволили и приказали идти пешком, а я не могу». — «Снимай сапоги и портянки и покажи мне ноги».

Солдат разувается. Генерал Драгомиров видит: портянки обворочены вокруг ног отвратительно, ноги грязные и действительно сильно стерты. «Обувайся и садись ко мне в экипаж». Перепуганный солдат исполняет приказание, устраивается на скамейке экипажа, и М. И. Драгомиров приказывает нагнать идущую впереди часть.

Надо сказать, что генерал Драгомиров особенно требовал заботы относительно солдатских ног (чтобы осматривали, заставляли держать их в чистоте и обучали хорошо навертывать портянки), указывая, что старая истина «победа пехоты — в ногах» верна и что для этого ноги солдат должны быть в полном порядке.

Догнав идущую впереди часть, генерал Драгомиров приказал ее остановить, потребовал командира полка, командира батальона, командира роты, взводного и фельдфебеля, продемонстрировал перед ними ноги солдата и выбранил всех за неисполнение его постоянных указаний о наблюдении за ногами солдат, а в частности, и за то, что фельдфебель не позволил солдату сесть в санитарную линейку.

Этот случай наделал в свое время много шума, но не из-за того, что генерал Драгомиров «выбранил» начальствующих лиц, а из-за того, что вот, мол, «генерал Драгомиров подбирает солдат, усаживает их в свою коляску, а затем еще при солдатах делает замечания начальствующим лицам...». Этим генерал Драгомиров развращает солдат и подрывает престиж начальствующих лиц.

Маневры. Приехавший генерал Драгомиров высылает вперед адъютанта с пакетом на имя начальника отряда одной из сторон. В пакете, полученном поздно вечером, говорится, что рано утром на следующий день (к такому-то часу) в отряд прибудет командующий

войсками, отправляющийся в отряд с такой-то станции железной дороги. Начальнику отряда дается указание выслать разведку и перехватить командующего войсками; добавлено, что командующий войсками примет меры, чтобы проехать в штаб отряда незаметно.

В штабе волнение. Начальник отряда организует сам разведку, учитывая хитрый «хохлацкий» характер командующего войсками и крайне пересеченную местность. Ни одна тропинка не оставляется без наблюдения, начальникам разъездов даются подробные инструкции.

На следующее утро, в час накануне назначенный, к штабу подъезжает извозчичий экипаж, запряженный парой жидовских кляч, с поднятым верхом. Из экипажа вылезает М. И. Драгомиров и состоявший при нем штаб-офицер для поручений. Выскочившему его встречать начальнику отряда генерал Драгомиров задает вопрос: «Получили ли вы мое приказание перехватить меня по дороге в ваш штаб?» — «Так точно, ваше высокопревосходительство, получил, и разведка была выслана». — «Почему же меня никто не остановил?» — «Не знаю, ваше высокопревосходительство». — «Ну, об этом поговорим после окончания следующего маневра».

После маневра генерал Драгомиров приказал собрать всех офицеров и сказал приблизительно следующее: «Вчера я дал задачу перехватить меня по дороге с такой-то станции в штаб отряда, для чего выслать разведку. Как я сегодня узнал, была выслана целая сеть разъездов, не оставлены были без внимания и самые незначительные тропинки в лесу и через болото. В результате же никто меня не остановил, и я, к назначенному мною часу, приехал в экипаже в штаб отряда. Почему же все это произошло?

Да очень просто: не было учтено главного, а именно свойства и качества противника. Этим противником был я. Надо было прежде всего разобрать, что же можно было от меня ожидать, при моих свойствах и качествах. Если б об этом подумали, то стало бы ясно: Драгомиров стар и у него больная нога от старого ранения в Турецкую войну. При этих условиях совершенно невероятно, чтобы он сел верхом и стал бы пробираться по каким-то тропинкам к указанному пункту, отстоящему от станции в 30 верстах. Более вероятно, что он поедет в экипаже или на повозке по одной из двух дорог, ведущих от железнодорожной станции к указанному пункту. А так как он еще страдает печенью, то наиболее вероятно, что он изберет лучшую, шоссейную дорогу.

Так я в действительности и сделал: приказал — нанять извозчика, сел в его «драндулет» с состоящим при мне офицером и поехал прямо по шоссе. Единственное, что я сделал, чтобы скрыться от встречного разъезда, — я приказал поднять верх экипажа. Разъезд по дороге я встретил, но он не обратил никакого внимания на «жидовский» выезд.

Этот маленький случай да запомнится всем вам, дабы вы знали, что на войне при всяких операциях надо прежде всего учитывать свойства и характер противника. А подготовляться к этому надо на наших упражнениях мирного времени».

Присутствующие много смеялись, но... не смеялся начальник отряда, ставший с этого времени ярым врагом генерала Драгомирова. Он считал, что командующий войсками высмеял его при всех, а в том числе и при его подчиненных.

Нужно ли сказать, что этого М. И. Драгомиров, конечно, совершенно не имел в виду, а учесть предположения и обиды всякого дурака совершенно невозможно.

Находились и такие, которые говорили, что генерал Драгомиров, относясь с пренебрежением к офицерам, всегда отказывается от приглашений на обеды в офицерских собраниях.

Это была самая беззастенчивая ложь. М. И. Драгомиров, если только здоровье ему позволяло, всегда принимал приглашения на обеды во время полковых праздников, но лишь ставил непременным условием, чтобы не было шампанского и чтобы вообще не было никакой роскоши. Неоднократно он принимал приглашения на пикники, устраивавшиеся в сводно-казачьей дивизии (он там очень любил бывать), а также принимал приглашения бывать и в других частях, если только был уверен, что расходы на данное празднество не раскладываются на офицеров части. Но М. И. Драгомиров не только категорически отказывался принимать приглашения на обеды во время смотров, поверок, маневров, но об этом даже, по его приказанию, было сообщено начальником штаба округа всем командирам корпусов: было указано, что командующий войсками запрещает его приглашать в этих случаях на обеды.

Причин этому было две: М. И. Драгомиров считал просто неудобным принимать обеды во время официальных посещений частей, а кроме того, он боялся, что эти обеды могут ложиться лишним бременем на и без того скудный офицерский бюджет.

Можно было бы привести еще несколько случаев публичных разносов начальствующих лиц, но я ограничусь лишь тем, что скажу, что все подобные разносы делались лицам, кои упорно не исполняли указания командующего войсками или кои оказывались совершенно не соответствующими занимаемым ими должностям, то есть генерал Драгомиров доводил дело до публичных разносов — после исчерпания всех прочих мер и когда выяснялась необходимость уволить данное лицо в отставку или убрать из округа.

Бывали, конечно, случаи, когда М. И. Драгомиров выходил из себя и кому-либо влетало больше, чем следовало, но это бывало очень и очень редко.

Страдали преимущественно старшие начальствующие лица, не умевшие и не хотевшие работать. Их было и не жаль. Но это они, обиженные и оскорбленные, распускали всякую гадость про М. И. Драгомирова. За всю мою продолжительную службу в Киевском военном округе я никогда не слышал, чтобы М. И. Драгомирова бранило строевое офицерство. Строевое офицерство его и любило, а не любили те, которые или пострадали за дело, или имели основание его бояться.

Но, преследуя «злостных» неисполнителей своих указаний среди старшего командного состава, М. И. Драгомиров крайне бережно относился к тем, кои этих «злостных» намерений не имели. Укажу на командира IX армейского корпуса генерала Любовицкого и командира X армейского корпуса генерала Винберга[78]. У обоих были и крупные достоинства и недостатки, но они работали добросовестно и никогда не слышали от генерала Драгомирова ни одного резкого слова.

Резок же М. И. Драгомиров бывал, и притом очень резок (и на словах, и в приказах, и в своих статьях), но по отношению к тем, кого, по его мнению, ничем другим не прошибешь. Особенно он бывал резок и беспощаден по отношению лиц, не желавших работать, злоупотреблявших своей властью, не чистых в денежном отношении и старавшихся его обмануть. Была еще категория лиц, коих он разделывал беспощадно, — это противники его идей воспитания и обучения войск и которые очень часто становились его непримиримыми врагами. Вполне допускаю, что бывали случаи, когда резкость М. И. Драгомирова по отношению этих лиц являлась чрезмерной, и он наживал новых врагов среди тех, кои считали себя обиженными. В объяснение этого можно только сказать, что вопросы-то эти были для М. И. Драгомирова чрезвычайно существенны и болезненны: это была суть его учения. <...>

Другое тяжкое обвинение генерала Драгомирова, которое не рассеялось и до настоящего времени, заключалось в том, что его обвиняли в пренебрежении к технике.

Указывали на то, что, проповедуя слепо старый, отживший суворовский лозунг «пуля дура — штык молодец», М. И. Драгомиров, совершенно пренебрегая силой современного ружейного огня, проводит совершенно неправильное обучение войск, за которое будет пролито море крови. Что его «преступное» пренебрежение техникой и силой современного огня, при его популярности, авторитетности и значении в высших сферах, приведет к тому, что русская армия при будущей войне окажется отсталой во всех отношениях, и ей будет грозить разгром. Указывали на то, что идеи М. И. Драгомирова способствуют тому, что и при следующей войне мы так же окажемся отсталыми, как это было в войне 1854–1855 гг. и 1877–1878 гг.; в 1854–1855 гг. наши

войска были вооружены кремневыми ружьями, а наши противники более дальнобойными винтовками, заряжавшимися с казенной части; в 1877–1878 гг. мы были вооружены «крынками», а наши противники более дальнобойными и более скорострельными усовершенствованными винтовками. Это привело к тому, что наши войска несли потери еще в той зоне, из коей наши винтовки не могли поражать врага; следствием этого являлся моральный упадок войск и страшные потери. Указывали, что в будущей войне эта разница будет еще больше.

Кричали об этом враги М. И. Драгомирова, и это передавалось в офицерскую массу армии во всех военных округах, кроме Киевского. В Киевском военном округе офицеры знали, чему учит Драгомиров, а в других округах офицерство этого не знало и судило с голосов лиц, нападавших на Драгомирова.

В действительности, конечно, это было не так. М. И. Драгомиров никогда пренебрежительно к технике не относился, но предупреждал и боролся против стремления машину (технику) поставить на первое место, а человека на второе. Он стремился проводить, что человеку придается машина, а не человек придается к машине. Он ставил на первый план дух войск, а не их техническое вооружение. Он доказывал, что победит не та сторона, которая лучше технически вооружена и снабжена, а та, которая имеет более сильный дух, которая воспитана и обучена так, что для конечной победы она не побоится пойти до конца, которая будет всегда готова дойти до штыка... Но вместе с этим, требуя прежде всего соответствующего воспитания и обучения войск, Драгомиров никогда не отрицал необходимости соответствующего технического снабжения войск. Нельзя забывать, что в период ответственной деятельности Драгомирова (главным образом после Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг.) ему именно пришлось столкнуться с опасным течением выдвижения на первый план не человека, а машины. С этим он боролся и, естественно, в этой борьбе, может быть, иногда увлекался и чрезмерно заострял свои идеи и принципы. Например, так нашумевшая его статья «Медведь» (пулеметный сон). За эту статью ухватились все враги М. И. Драгомирова, указывая, что вот теперь ясно: сам Драгомиров определенно указал, что он против введения в армии пулеметов и скорострельных винтовок. Он против всякого улучшения технического снабжения армии. Он губит армию; подготовляет будущее поражение...

Касаясь этой статьи, надо сознаться, что она дала некоторое оружие в руки врагов Драгомирова, но вызвана-то она была именно чрезмерным увлечением значением огня и именно опасностью, что человека хотят заменить машиной.

В этот период увлечение значением огня было настолько сильное, что даже в коннице хотели ввести стрельбу с коня. Самым ярым про-

поведником этой «новой» идеи был профессор Академии Генерального штаба (а впоследствии и начальник Академии) генерал Сухотин[79]. Идея была настолько глупая и дикая, что сам Драгомиров сначала ее лишь мельком отметил как доказательство, до какого абсурда можно дойти из-за «огнепоклонства», предоставив Сухомлинову отвечать в печати Сухотину. Но, несмотря на блестящий разбор Сухомлиновым (Владимиром Александровичем) дикого проекта Сухотина, к общему удивлению, этот проект стал привлекать на свою сторону все большее и большее число сторонников. Даже блестящий и выдающийся во всех отношениях начальник Главного штаба, генерал Обручев, стал склоняться на сторону Сухотина и написал по этому поводу очень странное письмо Драгомирову, бывшему в это время уже командующим войсками Киевского военного округа.

Драгомиров увидел, что опасность надвигается серьезная, что это не вопрос о том, дать или не дать войскам более усовершенствованное огнестрельное оружие, а какое-то затемнение мозгов «огнепоклонством», грозящее совершенно извратить самые основания действия конницы, одного из главных родов войск.

Драгомиров взялся за перо и, кроме ряда писем генералу Обручеву, написал и ряд статей. Он высмеивал новый «проект», указывал на его нелепость и на его опасность. Он указывал, что сами «огнепоклонники» должны были бы понять, что «застрельщики» с коня (практиковалось особенно в казачьей лаве), при нынешнем (то есть уже того времени) дальнобойном ружейном огне, отжили свой век. Что конницу, когда нужно, можно и должно спешивать и возлагать на нее пехотные функции (действия в спешенном строю), но когда конница на конях, то преступно и недопустимо на нее возлагать функции, ей совершенно не присущие.

Нападая на Драгомирова за его «техническую отсталость» и за «вред», им приносимый армии, его враги указывали, что суворовскому изречению «пуля — дура, штык — молодец», которое он воскресил и проповедует, Драгомиров придает такое значение: все дело в штыке, в рукопашной схватке; огонь никакого значения не имеет. Отсюда уже делались дальнейшие выводы:

Драгомиров отстал и совершенно не понимает силы и значения ружейного огня. Поэтому он продолжает сидеть на своем «коньке» и мешает перевооружению пехоты более современным оружием и введению на вооружение пулеметов. Своей проповедью и обучением Драгомиров готовит поражение нашей армии на поле битвы, и армия, воспитанная и обученная по драгомировской системе, расплатится за это морем крови...

Указывалось, что то, что было правильно во времена Суворова, при слабости тогдашнего ружейного огня, совершенно не подходит к эпохе дальнобойного и скорострельного оружия.

В действительности ученье Драгомирова извращалось — одними сознательно, другими бессознательно. Суворовскому изречению «пуля — дура, штык — молодец» М. И. Драгомиров придавал совершенно другое значение и другой смысл, чем тот, который приписывали ему его враги.

Драгомиров указывал, что, несмотря на усовершенствование огнестрельного оружия, суворовское изречение не потеряло и никогда не потеряет своей истины. Что смысл этого изречения заключается в том, что будут побеждать только те войска, которые будут иметь сердце, чтобы дойти до штыкового удара. Что одним огнем, как бы он ни был силен, храброго врага не собьешь с позиции и не заставишь отступить. А поэтому надо воспитывать и обучать войска так, чтобы они знали, что в бою они должны дойти до штыкового удара, не рассчитывая, что противник будет опрокинут одной силой огня.

Драгомиров доказывал, что угроза удара в штыки настолько страшна для войск, к этому не подготовленных, что противник, видя, а главное, чувствуя, что против него наступают войска, стремящиеся добраться до штыка, в 99 случаях из 100 не выдержит и покажет тыл. Что русскому человеку свойственна рукопашная схватка, а потому надо к этому и вести. Все воспитание и обучение войск по драгомировской (возрожденной суворовской) системе к этому и вело. При обучении войск в поле он требовал, чтобы всякое двустороннее учение заканчивалось атакой и сквозным прохождением противных сторон.

Сквозные атаки (прохождения) пехоты против пехоты (как в боевом порядке, так и отдельными частями), кавалерии против пехоты и обратно, кавалерии против кавалерии и артиллерии, пехоты против артиллерии — всё это делалось не только с целью приучить войска к тому, что бой должен оканчиваться ударами в штыки или конной сквозной атакой, но и для того, чтобы по возможности еще в мирное время приучать войска к подавлению чувства самосохранения. Наконец, эти сквозные атаки приучали и лошадей не бояться идти на строй, надвигающийся на них или встречающий их стрельбой, криками, шумом.

Кто видел эти ученья — для тех не могло быть сомнения в их пользе: на первых учениях боялись и люди и лошади (шарахались в сторону, закидывались, поворачивали назад...), а на последующих смело и весело шли вперед.

Повторяю, М. И. Драгомиров никогда не говорил, что всякий бой закончится рукопашной схваткой, но он внушал и обучал, что всякая часть должна стремиться дойти до рукопашной схватки с противником. Одна эта воля «добраться до штыка» в 99 случаях из ста морально сломит противника и заставит показать тыл.

Внушая, что «штык — молодец», Драгомиров не учил, что «пуля — дура», в том смысле, как это ему приписывали, а наоборот, обращал

чрезвычайно серьезное внимание на обучение войск стрельбе и на меры для уменьшения потерь от неприятельского огня.

Проповедуя, что войска должны быть воспитаны в стремлении дойти до конца, до рукопашной схватки, Драгомиров никогда не противопоставлял штык — пуле. Обвинения Драгомирова в том, что он не хотел считаться с силой современного огня, что он не признавал технические усовершенствования и считал, что, провозглашая: «пуля — дура, штык — молодец», он хотел внушить, что, имея в руках только холодное оружие и решимость добраться «до штыка», хорошо подготовленная, но плохо вооруженная часть всегда опрокинет хорошо вооруженную часть, но не имеющую решимости дойти до штыка, — были основаны или на недоразумениях, или на злостном извращении драгомировского учения.

Драгомиров, конечно, считал, что вооружение и нашей армии должно быть современно и не уступать вооружению противника, но возражал против чрезмерного увлечения техникой, указывая, что главное дух, а не техника, что ружья, пулеметы и пушки не сами стреляют, а из них стреляют люди; что бараны, вооруженные до зубов, побегут перед львами, вооруженными хотя бы и несколько хуже, но имеющими решительность идти к победе, не боясь смерти, не боясь сойтись грудь с грудью.

Драгомиров боролся с тенденцией придавать огню решающее значение, учить войска, что огнем можно остановить или опрокинуть всякого противника. Он доказывал, что войска, так воспитанные, так обученные, при встрече с противником, который, невзирая на потери, будет стремиться дойти до штыка, — не выдержат и побегут. Он требовал, чтобы воспитание и обучение войск велись так, чтобы, умея хорошо владеть своим огнестрельным оружием, войска знали, что для победы должны быть готовность и уменье дойти до штыка.

После неудачной для русского оружия войны с Японией в 1904—1905 гг. в военных верхах стали искать «виновника». Надо было чем-нибудь объяснить, казалось, совершенно непонятные и позорные поражения русской армии, которую побили «какие-то макаки», при этом даже более малочисленные, чем сосредоточенные на Дальнем Востоке русские силы. Позор получался «мирового масштаба». Русский колосс оказался действительно как бы на глиняных ногах. Белая европейская армия оказалась побита азиатами, учениками немцев...

Я дальше остановлюсь более подробно на причинах неудач для нас во время войны с Японией, здесь же только скажу, что для действительных виновников наших неудач являлось необходимым «отвести» от себя, указать козлище отпущения... Таковым оказался М. И. Драгомиров. В чем только его не обвиняли: и в развращении солдат, и в пренебрежительном отношении к офицерам, а главное — назы-

вали виновником в полной неподготовленности армии, следствием чего явились поражения на полях Маньчжурии... Эти обвинения были подхвачены недоброжелателями и глупцами, получили очень широкое распространение в 1905 г. и отравили последние дни жизни Михаила Ивановича. В действительности же, конечно, все это чистейший вздор.

Система воспитания и обучения войск, проводимая Драгомировым, давала и не могла не давать отличные результаты. За весь период командования Драгомировым войсками Киевского округа, всегда военными верхами признавалось, что войска Киевского военного округа были наилучше подготовлены. При жизни генерал-адъютанта Гурко — только последний ставился на равную доску с генерал-адъютантом Драгомировым в смысле подготовки войск.

Я остановлюсь здесь лишь на главнейших нападках на Драгомирова в вопросах, касающихся подготовки войск.

Он якобы препятствовал усовершенствованиям армии в техническом отношении. Конечно, это неверно.

Будучи командирован во Францию и ознакомившись с французской скорострельной пушкой, Драгомиров не только ее вполне одобрил, но в своем докладе по возвращении из командировки он настойчиво указывал на необходимость перевооружения нашей артиллерии скорострельной пушкой. Но он категорически протестовал против принятия на вооружение несовершенной пушки, образец которой был у нас в Главном артиллерийском управлении выработан. Он указывал, что, пока мы не получим пушки не худшей, чем французская, нет смысла зря тратить деньги и вводить на вооружение какую-нибудь несовершенную дрянь, которую легко заменить более интенсивной стрельбой из состоящих на вооружении артиллерии поршневых и клиновых пушек. Придавая артиллерийскому огню громадное значение, Драгомиров своими требованиями достиг в Киевском округе того, что стрельба из поршневых и клиновых пушек по своей скорости и меткости была очень приближена к стрельбе из скорострельных пушек.

Это же возражение Драгомирова против перевооружения артиллерии скорострельными пушками дрянного образца объяснялось Главным артиллерийским управлением и отдельными лицами как пренебрежение к техническому усовершенствованию нашей артиллерии, а следовательно, и пренебрежение к современному артиллерийскому огню.

Что касается пулеметов, то при Драгомирове не было еще действительно хороших пулеметов. Драгомиров не возражал против вооружения армии пулеметами, но опять-таки предостерегал против увлечения снабдить армию скорострельным, но не совершенным оружием.

Более сложным вопрос представлялся Драгомирову по отношению скорострельной винтовки (тогда шла речь, конечно, не об автоматиче-

ском оружии—ружьях—пулеметах, о котором еще и не думали, а о замене однозарядной винтовки магазинной). Драгомиров, считая, что русская армия должна быть вооружена винтовкой, не уступающей по меткости и по дальности винтовкам возможных противников, принципиально считал, что однозарядная винтовка лучше.

Главная причина его предпочтения заключалась в том, что он считал, что для производства прицельного, меткого выстрела вполне достаточна скорость стрельбы, достигаемая из однозарядной, заряжающейся с казенной части, винтовки. Он, принимая во внимание нервность бойцов во время боя, опасался, что магазин, допускающий быструю стрельбу, приведет к тому, что, с одной стороны, бойцы будут увлекаться скоростью в ущерб меткости, а с другой стороны, трусы будут заглушать трескотней свой страх, пуская пули в небо. Наконец, Драгомиров считал, что переобременять нагрузку стрелка патронами (что являлось естественной необходимостью при введении на вооружение магазинки) вредно и, кроме того, чрезвычайно усложнит и затруднит снабжение войск патронами.

Эти опасения были, по существу, совершенно правильны, но спор с «огнепоклонниками» приобрел настолько горячий и страстный характер, что и Драгомиров некоторыми своими статьями давал повод своим противникам обвинять его в пренебрежении к современному ружейному огню.

В действительности же Драгомиров прилагал все усилия для усовершенствования стрелковой подготовки войск, а введением маневров с боевой стрельбой он поставил стрелковую подготовку на очень большую высоту по своей законченности.

При тактической подготовке войск, именно учитывая силу современного артиллерийского и ружейного огня, Драгомиров требовал от начальников всех степеней добиваться умелого применения к местности и соответствующих строев при наступлении и атаке (расчленение частей, наступление «змейками» в сфере артиллерийского огня, умение наступать цепями от рубежа к рубежу и проч.). Драгомиров настойчиво добивался, чтобы при сомкнутых строях достигалась полная подчиненность частей начальнику (доходящая до того, чтобы часть не рассуждая исполняла всякую команду начальника, хотя бы она была ошибочна и даже если б казалась нелепой (напр., брать на караул прямо от ноги или исполнять команды, совершенно не предусмотренные уставами), а при разомкнутых строях развивать сметку и самостоятельность действий отдельных боевых ячеек и отдельных бойцов.

Вот это-то вполне основательное требование, чтобы сомкнутая часть была полностью в руках начальника и исполняла всякое его приказание, на практике приводило часто, действительно, к нелепостям

и послужило поводом врагам Драгомирова возводить на него ряд самых глупых обвинений. Проводя это требование, М. И. Драгомиров не учел впитавшейся до мозга костей в нашей (да, я думаю, и во всякой) армии потребности «втирать очки начальству» и быть готовым выполнить все его требования, готовясь к ним заблаговременно.

Мы все, военные, знаем, как каждый строевой начальник старался узнать от друзей, соседей, приятелей и т. д. о том, какие трюки любит старший начальник, какие требования он предъявляет, что он смотрит и т. д. Об этом узнавали всякими путями и заранее старались подготовить в этом направлении свои части.

Было несколько случаев, когда Драгомиров отдавал неожиданные приказания. Например, смотря какое-то сомкнутое учение роты, Драгомиров говорит ротному командиру: «Кавалерия справа». Тот отдает соответствующую команду. «Кавалерия сзади», «Кавалерия слева»... — указывает Драгомиров. Наконец, кричит ротному командиру: «Неприятель с неба!» (Аэропланов тогда еще не было!)

Командир роты командует: «На молитву, шапки долой!» Драгомирову это очень понравилось, и он обласкал ротного командира.

Идет полк походным порядком; справа от дороги, шагах в 150, кусты. Драгомиров, пропускавший мимо себя полк, подзывает командира одной из проходящих рот и говорит: «Из кустов открыт по вашей колонне огонь». Командир роты кричит: «Рота, за мной, ура!» — и бросается по направлению кустов. Рота бросается за ним. Драгомиров доволен; благодарит командира роты и роту.

Был еще ряд подобных случаев.

После этого во многих частях Киевского военного округа началось «натаскивание» частей. Стали заниматься «трюками» специально, затрачивая на это целые часы и действительно доходя до нелепостей. Старались иногда от ротных командиров вплоть до командиров корпусов.

Например, командир IX армейского корпуса, генерал Любовицкий (кавалер двух Георгиевских крестов), производя как-то осмотр одной из частей своего корпуса и «подражая Драгомирову», приказал командиру роты скомандовать: «Первая шеренга кругом, вторые номера первой шеренги возьми на носы вторые номера второй шеренги и приседай...» Когда это было исполнено, приказал командиру другой роты, стоявшей около высокого забора, скомандовать: «Рота, кругом, полезай на забор и садись на нем по-вороньи».

Дошло это до Драгомирова. Жестоко влетело генералу Любовицкому и открыло глаза Драгомирову, что требования его, хотя вполне разумны, но, по человеческой слабости и глупости, приводят к диким последствиям. Пришлось отдавать ряд указаний и пресекать не по разуму чрезмерную старательность подчиненных.

При обучении войск наступлению М. И. Драгомиров, требуя полного применения к местности, уменья закрепляться на рубежах (с широким применением самоокапывания), требовал наступления и перебежек от рубежа к рубежу во весь рост, без залеганий в промежутках между рубежами и без ползанья. Эти требования (включенные по настоянию Драгомирова в устав) вызвали особенные против него нападки и обвинения в пренебрежении к огню; указывалось, что эти требования будут приводить только к излишним и крупным потерям.

Драгомиров доказывал, что скорейшее передвижение от рубежа к рубежу является лучшей гарантией для уменьшения потерь. Кроме того, основываясь на своем боевом опыте и знании психики бойцов, он доказывал, что обучать лишним залеганиям просто вредно; что пуля будет заставлять залегать и без обучения; что цепь, которая заляжет под огнем, поднять чрезвычайно трудно.

Наконец, указывалось, что Драгомиров был врагом технических усовершенствований в смысле связи. Это безусловно неверно. Драгомиров лишь доказывал, что тактические средства связи (телеграф, телефон) являются хрупкими средствами связи, и наряду с их применением, нельзя забывать старого средства — ординарцев.

Вообще же лица (говорю о лицах, добросовестно в это веривших, а не извращавших злонамеренно учение Драгомирова; как пример — таким «добросовестным» является и генерал-лейтенант Резанов, служивший офицером Генерального штаба в Киевском военном округе при М. И. и убежденный, что Драгомиров принижал офицеров и слишком носился с солдатами), обвинявшие Драгомирова в пренебрежении к технике (или же провозглашавшие его врагом всяких технических усовершенствований) не понимали или не хотели понять главного: Драгомиров воевал не против технических усовершенствований, а против тенденции ставить технику выше духа, машину выше человека.

Вся же практическая школа обучения Драгомирова, все его приказы по Киевскому военному округу всякому добросовестному критику должны были бы ясно показать, что все обвинения Драгомирова в пренебрежении техникой — просто вздорны. К сожалению, даже теперь (после японской и мировой войн) находятся или глупцы, или подлецы, которые дают совершенно извращенную оценку деятельности Драгомирова.

В № 25 (15) 28 февраля 1929 г. «Двуглавого Орла» (Вестник Высшего монархического совета) за подписью «Ополченец», в статье «Новое оружие и новая тактика», между прочим написано: «К великому прискорбию, наш Генеральный штаб еще не отделался от гибельного влияния, которое в свое время оказал на тактику русских войск генерал М. И. Драгомиров. Этот злой гений русской армии последовательно

препятствовал переходу от берданки к магазинной трехлинейной винтовке, перевооружению артиллерии на скорострельный тип, отрицал тяжелую полевую артиллерию, издевался над обучением конницы огневой тактике, вообще мешал и высмеивал применение всякого технического совершенства и современное устройство военной силы. Драгомиров воображал, что он следует Суворову, для которого "пуля — дура, а штык — молодец", и т. д.».

Я уже достаточно говорил о взглядах Драгомирова на однозарядную, магазинную и скорострельную винтовки. Больше повторять не буду. Повторю только, что на обучение войск стрелковому делу М. И. Драгомиров обращал самое серьезное внимание. Он добивался хорошей стрельбы войск, он провел в жизнь маневры с боевыми патронами. Он никогда не «издевался над обучением конницы огневой тактике» (то есть действию конницы в пешем строю), но действительно высмеивал бывшее одно время стремление обучать конницу стрельбе с коня (проводил генерал Сухотин и К°). Вряд ли ныне найдется идиот, который признал бы правильным и целесообразным подобное обучение.

Скорострельной артиллерии Драгомиров не отрицал, но возражал против замены хорошей поршневой пушки плохим образцом скорострельной пушки. Он требовал выработки хорошего образца (подобного французскому), а до этого, настойчивым и умелым обучением полевой артиллерии, он добился того, что в период с 1896 года до перевооружения нашей полевой артиллерии (1905 г.), полевая артиллерия Киевского военного округа (поршневые пушки) стреляла почти так же скорострельно и так же метко, как и скорострельные пушки наших западных соседей.

Драгомиров не отрицал тяжелую полевую артиллерию для полевых действий, но считал, что в полевой войне, нормально, орудия шестидюймового калибра являются наибольшим калибром, достаточным для разрушения полевых укреплений всех типов; он полагал, что лишь для разрушения заблаговременно укрепленных позиций могут понадобиться орудия восьмидюймового калибра. Драгомиров, как вообще и все военные авторитеты всех стран, лишь не предвидел того, что война на всем фронте может обратиться в чисто позиционную, когда по всему фронту (у нас от Балтийского до Черного моря, а у наших союзников от крайнего севера их фронта до швейцарской границы) появятся сплошные окопы в несколько рядов с бетонными сооружениями, бетонированными убежищами, батареями, гнездами для пулеметов и проч.

Драгомиров (как и другие авторитеты) полагал, что крупные калибры (свыше восьми дюймов) могут потребоваться лишь при борьбе против крепостей. Обвинять Драгомирова в этой непредусмотрительности — просто глупо.

Тактическому же обучению войск и стремлению, чтобы тактика войск была современна, Драгомиров придавал громадное значение. К последнему вопросу я еще вернусь, когда буду говорить о русско-японской войне.

Говоря о нападках на М. И. Драгомирова за его якобы «гибельное для тактики русских войск учение», невольно себя спрашиваешь: действительно ли только это учение создавало Драгомирову значительное число врагов, сумевших посеять в умах очень и очень многих не только сомнение в правильности Драгомировского учения, но и создать ему в умах очень многих представление как о «злом гении» русской армии? Представление, которое поддерживается до сих пор.

Думается, что здесь суть дела не в этом учении, а в чем-то другом. Это же другое, как мне представляется, заключается в свойствах Драгомирова, которые создали ему очень много врагов среди очень многих лиц в самых разнообразных русских слоях. Более же талантливые из его врагов сумели травлю против Драгомирова направить по пути травли его учения. Действительно: происходя из сравнительно небогатой малороссийской дворянско-казачьей семьи, М. И. Драгомиров сам пробился в ряды выдающихся людей, сам сделал себе блестящую карьеру, не имея никакой протекции и никаких связей. При этом с первых же офицерских чинов он никогда ни перед кем не заискивал и никогда ничего никому не спускал. Будучи по характеру крайне независимым, с громадным умом, сильной волей, исключительно находчивым, остроумным, а когда хотел, то и чрезвычайно ядовитым, он, исключительно хорошо владея пером и словом, был чрезвычайно опасным противником для всех, кто становился поперек его дороги или хотел его чем-либо задеть.

Как пример того, что Драгомиров никому не позволял наступить себе на ногу, независимо от положения лица, которое его задевало, я знаю следующий случай. В бытность Драгомирова начальником Академии Генерального штаба, а Великого князя Николая Николаевича Младшего[80] — командиром лейб-гвардии гусарского полка, как-то, после одних из маневров в Красном Селе, Великий князь Николай Николаевич устроил ужин, на который был приглашен Михаил Иванович. Выпито было много. Великий князь Николай Николаевич о чем-то заспорил с М. И. Драгомировым очень сильно и, рассердившись, позволил себе какую-то резкость. Все присутствующие затихли. М. И. очень сильно и в очень резких выражениях отчитал Великого князя, встал из-за стола и ушел.

На другой день утром приехал к М. И. Драгомирову какой-то генерал поговорить по поводу того, что произошло. Было ясно, что он приехал с ведома Великого князя.

Михаил Иванович выслушал и затем сказал: «Передайте Великому князю, что, по-видимому, кто-то переврал все то, что произошло. Помню, что выпито было очень много. Но совершенно не помню и не допускаю даже и мысли, чтобы Великий князь позволил себе какую-либо резкость по отношению генерал-адъютанта, который много старше его и годами и чином. Не могу допустить и того, что я позволил себе резкость по отношению Великого князя... Надо считать, что ничего не было».

Больше разговоров об этом инциденте и не было. У Великого князя с М. И. Драгомировым сохранились навсегда хорошие отношения, а другим этот случай послужил предостережением, что с Драгомировым надо быть очень осторожным.

Среди придворных у Драгомирова было много недругов; было много таковых и среди петербургской аристократии. М. И. никому не спускал.

Когда вышел роман Л. Толстого «Война и мир», появился разбор этого романа, талантливо написанный Драгомировым. Граф Л. Н. Толстой никогда не посмел чем-либо ответить на этот разбор, но в его лице Драгомиров приобрел врага. Впоследствии Толстой написал свой бесталанный разбор «Солдатской памятки» Драгомирова и выпустил свою преступную солдатскую памятку, призывавшую солдат уклоняться от военной службы.

М. И. Драгомиров, особенно впоследствии, занимая пост генерал-губернатора Киевской, Подольской и Волынской губерний, приобрел много врагов среди чиновной русской бюрократии, проводившей крайнюю черносотенную политику. Драгомиров доказывал, что этим путем не укрепляются, а, наоборот, расшатываются монархические основы. М. И. особенно возмущался и боролся против попыток жандармского корпуса и гражданской администрации раздувать всякие случаи противогосударственных настроений и на этом строить свою карьеру. Он требовал правды, которая в неприкрашенном виде и должна была представляться Царю.

Что же касается чисто военного дела, то в большинстве случаев авторами обвинений против Драгомирова являлись или пострадавшие от Драгомирова, или им сильно задетые. В числе их наиболее видными были Г. А. Леер (противник М. И. Драгомирова по толкованию основных вопросов стратегии и военного искусства-науки), генерал Пузыревский, генералы Сухотин, Батьянов, Дохтуров и некоторые другие. А затем шла стая мелких шавок, умело извращавших учение Драгомирова и смущавших умы рядового офицерства.

На наших окраинах (Привислянский край, Кавказ, Юго-Западный край — губернии Киевская, Волынская и Подольская, Туркестан, Сибирь, Дальний Восток) считалось необходимым объединять

действия всех губернаторов и всех вообще гражданских властей путем объединения ряда губерний или областей в генерал-губернаторства. Но между командующими войсками соответствующих округов и генерал-губернаторами, если власть не объединялась в одних руках, постоянно происходили недоразумения и трения. Эти недоразумения и трения естественно передавались и наверх и вызывали осложнения между военным министром и министром внутренних дел. Часто недоразумения между местными высшими властями представлялись на разрешение Государя Императора. Военные власти были, обыкновенно, сторонниками объединения власти в одних руках, а именно в руках командующих войсками, назначая их и генерал-губернаторами. Министры внутренних дел, наоборот, всегда настаивали на необходимости разделения власти, указывая, что «генералы» (командующие войсками) совершенно не подготовлены для выполнения функций генерал-губернаторов. Министры внутренних дел доказывали лишь необходимость строго регламентировать права и обязанности командующих войсками и генерал-губернаторов и тем достигнуть того, чтобы местные затруднения были устранены. Но как ни регламентировались эти права и обязанности, а практика показывала, что двух медведей в одной берлоге помещать нельзя.

Как Император Александр III, так и Император Николай II были за единоначалие, за соединение в руках командующих войсками обеих властей. Но на практике до самой мировой войны 1914 г. так и не было окончательно установлено, должно ли быть на местах единовластие или нет. Этот вопрос всегда разрешался от личности командующего войсками: если эта личность была значительная и властная — обе власти объединялись в ее руках; если слабая и менее характерная — был отдельно командующий войсками и отдельно генерал-губернатор.

Эта борьба на верхах за то или иное решение вопроса велась и относительно Киевского округа. В семидесятых годах генерал-губернатором в Киеве был генерал-адъютант Чертков[81], а командующим войсками — генерал-адъютант Дрентельн.

Происходит ряд крупных недоразумений; генерал-адъютант Чертков получает другое назначение, а на генерал-адъютанта Дрентельна были возложены функции и генерал-губернатора.

После смерти Дрентельна происходит опять разделение власти: в Киев одновременно получают назначения генерал-адъютант Игнатьев[82] — генерал-губернатором, а генерал-адъютант Драгомиров — командующим войсками. Происходит опять ряд трений. Последнее недоразумение было очень крупное: произошло столкновение между полицией и офицерами. Генерал-адъютант Игнатьев принял сторону полиции. Генерал-адъютант Драгомиров настаивал на подробном рас-

следовании особым лицом, назначенным по Высочайшему повелению. В результате граф Игнатьев уходит, а в руках Драгомирова объединяются обе власти — гражданская и военная. (Впоследствии, после ухода Драгомирова, опять разделение: Клейгельс[83] — генерал-губернатор, Сухомлинов — командующий войсками. Опять недоразумения — Клейгельса убирают, а Сухомлинова назначают и генерал-губернатором. После Сухомлинова — вновь разделение: Иванов[84] — командующий войсками, а Трепов[85] (Ф. Ф.) — генерал-гебернатор.)

Именно в период, когда М. И. Драгомиров был командующим войсками (до назначения его и генерал-губернатором) был пущен в ход ряд самых злостных обвинений против него и распускались слухи о его «смертных» грехах. Невольно напрашивается мысль, что к этому делу приложили руку местные агенты Министерства внутренних дел, кои, в своей рьяной работе, может быть, руководствовались указаниями свыше «наблюдать» за Драгомировым и о всем замеченном доносить, а может быть, и просто «перестарались», зная, что этим доставят удовольствие своему высшему начальству, которое получит в руки оружие для противодействия назначению Драгомирова генерал-губернатором. Я вновь подчеркиваю, что в отношении «совместительства» и «разделения» власти шла в Петербурге постоянная и очень упорная борьба между представителями обоих течений. При этих условиях даже невероятные и глупые сведения о «грехах» Драгомирова встречались радостно некоторыми петербургскими кругами и, если даже донесениям в душе и не верили, но все же ими пользовались и пускали «утки», которые могли залететь и во Дворец. Как бы ни была подла или глупа клевета или сплетня, она, обыкновенно, все же оставляет некоторый след.

В частности же у М. И. Драгомирова была репутация человека чрезвычайно острого на язык и не стесняющегося никакими рамками. Это способствовало тому, что всяким рассказам про «выходки» Драгомирова придавалась вера.

Существенную роль в «осведомлении» Петербурга о деятельности Драгомирова играл начальник жандармского управления в Киеве генерал Новицкий[86]. Был ли он когда-либо обижен или чем-либо задет Драгомировым, я не знаю, но, вероятно, другого более рьяного и упорного врага, чем Новицкий, у Драгомирова не было. В частности, мне только известно, что Драгомиров требовал, чтобы Новицкий и его агенты не совали носа в войска. Драгомиров считал, что за поддержанием в войсках порядка и недопущением проникновения в войска революционной пропаганды должно наблюдать строевое начальство, которое за это и ответственно. Наблюдения же за благонадежностью в войсках со стороны корпуса жандармов Драгомиров просто не допускал. На этой почве он несколько раз резко говорил с генералом Новицким и писал

в Петербург. В конце концов по настоянию Драгомирова Новицкий был убран (вышел в отставку).

На почве неладов с местными жандармскими властями Драгомирова обвиняли в либерализме, слишком ласковом отношении к жидам и попустительстве по отношению к революционерам. Из этих обвинений почву под собой могло иметь лишь обвинение в либерализме. Но, конечно, не в том смысле, как это понимали корпус жандармов и наши крайне правые круги.

Драгомиров был сторонником прогресса, и таковой он связывал с широким предоставлением возможности народу выявлять свои таланты и развиваться. Он был горячим сторонником реформ, проведенных в царствование Императора Александра II. Но вместе с этим он являлся ярким представителем течения, видящего необходимость твердой и непреклонной Царской власти. Не сочувствуя некоторым государственным мероприятиям в царствование Императора Александра III и считая ошибочной политику, при которой как бы «замораживалась» внутренняя жизнь в стране, он в то же время преклонялся перед мощью и волей Императора Александра III, сумевшего выдвинуть Россию на мировой сцене на высоту, до которой она никогда прежде не достигала. В царствование же Императора Николая II М. И. Драгомиров всегда скорбел, видя слабоволие Царя и постоянное расшатывание престижа Царской власти.

Можно охарактеризовать так взгляд Драгомирова: он считал необходимым, чтобы Царская власть была сильна и авторитетна и чтобы она не боялась давать больше свободы для развития местной жизни, не боялась известной децентрализации и местного самоуправления. Он считал, что излишняя централизация вредит делу и задерживает развитие страны; в сочетании же с недостаточно твердой Верховной властью — это ведет к произволу министров и местных правительственных агентов.

Эти взгляды, конечно, не соответствуют понятиям о «либерализме», которые были усвоены в нашем бюрократическом аппарате, где слово «либерал» было почти равносильно «нигилисту», «революционеру».

В своей частной жизни Драгомиров любил собирать вокруг себя умных и интересных людей, с которыми можно было бы вести интересные беседы, приятно проводить время за завтраками и обедами (а М. Ив. любил в приятной компании хорошо поесть, выпить хорошего вина и поговорить), поиграть в винт (М. Ив. очень любил играть по небольшой в винт. Сам он играл очень хорошо и любил сильных партнеров. Но и здесь он подбирал прежде всего интересных партнеров).

В бытность начальником Академии Генерального штаба в Петербурге Драгомиров был в этом отношении избалован. При обширном

знакомстве и значительном числе интересных лиц нетрудно было подбирать интересных и приятных людей, с которыми можно было бы часто видеться. В Киеве обстановка была не та. На положении командующего войсками можно было приблизить к себе и часто принимать только или старших начальников (а их было не много: один корпусный командир, два начальника дивизии, начальник саперной бригады, начальник штаба округа), или чинов, состоящих при командующем войсками (генерал для поручений, штаб-офицер для поручений, два-три адъютанта). Как видно, выбор невелик, да и некоторые из этих лиц не подходили к категории «приятных и интересных собеседников». Затем другая категория, из которой можно было черпать знакомых, это были старшие представители гражданского управления, суда и прокуратуры. Но, с одной стороны, часть из них «тянуло к генерал-губернатору» и они боялись себя несколько скомпрометировать близкими отношениями с командующим войсками, а с другой стороны — среди них и не так много было интересных людей. Наконец, из многочисленного и крайне разношерстного киевского общества также большинство тянулось к генерал-губернаторскому дому.

Но во всяком случае из последних двух категорий несколько человек подошло к Драгомирову и стали завсегдатаями дома. Среди лиц, приглашавшихся на частные обеды и на «винт» к Михаилу Ивановичу было несколько и евреев. Я знаю, что у него бывали Бродские и Рубинштейн. Лазарь Бродский и Рубинштейн были исключительно порядочными людьми.

Прием в доме М. И. Драгомирова нескольких евреев послужил основанием к целому ряду доносов в Петербург и обвинению «в пристрастии к жидам». В действительности к «жидам» М. И. Драгомиров относился очень отрицательно (его известная брошюра о жидах, напечатанная в «Разведчике», 1905, № 761), но в то же время М. И. считал, что и среди «жидов» есть вполне приличные и хорошие люди, избегать которых было бы просто глупо.

Впоследствии, став генерал-губернатором, из-за внутренне-политических соображений и дабы не «дразнить гусей», М. И. порвал свои частные отношения и с теми редкими евреями, которые бывали у него в доме до его назначения начальником Края.

Что же касается до обвинений М. И. Драгомирова в попустительстве революционерам, то это, конечно, была злостная клевета. Он не был согласен с системой жандармского сыска, при котором очень часто применялись провокационные приемы; создавались дутые дела; оставались неарестованными «на развод» некоторые революционные деятели; применялась система шпионажа, при которой очень часто страдали совершенно невинные, а главари ускользали; применялась

система «двойных» агентов, то есть, оставляя человека членом революционного кружка, он принимался на службу сыска, и проч. Но все это возражения против «системы», а не потакательство революционерам.

Я знаю лишь один случай, когда, может быть напрасно, Драгомиров заступился за ярого и убежденного революционера и спас его от крупных неприятностей. Я имею в виду полковника артиллерии Оберучева[87], который, по заступничеству Драгомирова, был только переведен из Киева на службу в Туркестан и продолжал (хотя и умно скрывал) свою революционную деятельность и одновременно писал очень талантливые технические статьи в «Артиллерийском журнале». Думаю, Драгомирова побудило заступиться за Оберучева исключительно то, что он был действительно очень талантливым артиллерийским офицером и в артиллерийское дело внес очень много новшеств и усовершенствований.

После Февральской революции 1917 г. Оберучев был назначен Временным правительством командующим войсками Киевского округа. Ныне он живет в Америке. Как выяснилось теперь, он, принадлежа к сторонникам республики, никогда не переставал подкапываться под Царскую власть и всё время вел пропаганду в этом направлении. По существу же это был, по общим отзывам, прекрасный человек, очень мягкий и отличный товарищ. Большевизм нанес ему сильный удар, принес разочарования, но, насколько я слышал, не изменил его политических воззрений. Он всё еще верит в «четыреххвостку», «парламентаризм», «демократизм», «народоправство» и прочее.

В частности, относительно мер для предотвращения распространения революционной пропаганды в войсках Драгомиров был не согласен с корпусом жандармов, который в основу ставил тот же сыск, шпионаж и суровые меры пресечения общения воинских чинов с подозрительным элементом.

Жандармскими властями, коих поддерживали и некоторые представители военной власти в Петербурге, предлагалось: иметь в каждой войсковой части агента сыска, который по возможности не был бы известен как таковой и командиру части. Этот агент должен был бы «расплодить» своих агентов в ротах, эскадронах, батареях, офицерских собраниях... Затем агент доносил бы по своему начальству, а последнее давало бы необходимые данные военному начальству, и производилось бы расследование, и виновные карались бы...

М. И. категорически опротестовал этот дикий проект, который ничем бы не помог, но возбудил бы озлобление в офицерской среде. (Впоследствии, после назначения Сухомлинова военным министром (в 1909 г.), жандармское наблюдение все же, хотя и в ином виде, было введено в армии. При Сухомлинове был создан специальный жан-

дармский орган (был назначен впоследствии повешенный за шпионаж в 1914 г. Мясоедов), через который и устанавливалось наблюдение в войсках.)

Затем, если не ошибаюсь, в 1900 г. был поднят вопрос (запрашивались военным министром мнения командующих войсками) о возможно большей изоляции войск от гражданского населения. Предлагалось почти прекратить одиночные отпуска солдат из казарм (выводить только командами), безусловно запретить посещение различных увеселительных и публичных мест, и изоляция казарм от городов (где можно выносить казармы за город, а где нельзя — окружать их как бы тюремной или монастырской стеной).

М. И. Драгомиров высмеял и этот проект, доказывая его полную несостоятельность. Он доказывал, что в руках начальства (если добросовестно следить за выполнением устава внутренней службы) имеется совершенно достаточно средств для поддержания в войсках порядка, а при выяснении «крамолы» и достаточные возможности для ее прекращения и подавления. Он лишь указывал, что надо требовать (и за этим следить) от начальства добросовестного несения службы и выполнения требований уставов, а при обнаружении преступлений — карание их самым беспощадным образом.

В случае же призыва войск для подавления восстаний и для поддержания порядка он требовал действий самых решительных и суровых. Стрельбы по бунтующей толпе холостыми патронами или поверх голов он не допускал совершенно, указывая, что виновные в этом сами должны немедленно предаваться военному суду.

Как видно из этого краткого наброска, суть обвинения Драгомирова в попустительстве революционерам основывалась не на «попустительстве», а на том, что приемы, применявшиеся корпусом жандармов и нашим политическим сыском, претили М. И. и он против них боролся. <...>

За время моей службы в штабе Киевского военного округа (с мая 1898 г. по декабрь 1907 г.), то есть почти 10 лет (а если считать время прикомандирования к Генеральному штабу после окончания Академии, то и все 10 лет), я специализировался по вопросам мобилизации армии и по ведению оперативных работ по сосредоточению армии к границе после мобилизации.

Ко времени моего выхода из Академии на службу в Генеральный штаб оперативные работы, налаженные в свое время еще генералом Обручевым, бывшим начальником Главного штаба, были поставлены хорошо. Оставалось учиться, вносить поправки согласно получаемым новым данным и вести аккуратно работу, возложенную на штаб округа.

Иначе обстояло дело с работой мобилизационной. Если она и была поставлена к 1897 г. удовлетворительно в смысле самой техники мобилизации войсковых частей, она была поставлена из рук вон плохо в вопросах призыва запасных, поставки лошадей и повозок для обоза. Но и в самой технике мобилизации войсковых частей было еще много недочетов, требующих не только усовершенствования, но и коренных изменений некоторых приемов мобилизации.

Что же касается первого акта мобилизации, то есть призыва запасных, поставки лошадей и повозок, то все это находилось в руках воинского отделения управления Министерства внутренних дел и крайне плохо было связано с войсковой мобилизацией. Вопросы доставки запасных, лошадей и повозок в мобилизуемые части были разработаны плохо. Вопросы о неприкосновенных запасах для отмобилизованной армии были только намечены. Вопросы, связанные с мобилизацией страны на случай серьезной войны на Западном фронте, не только не были разрешены, но, в сущности говоря, почти не поднимались. Таким образом, вопрос о мобилизации всей армии был поставлен крайне неудовлетворительно.

Михаил Иванович Драгомиров в своих ежегодных отчетах на Высочайшее Имя и в переписке с военным министром неоднократно указывал на необходимость упорядочить дело и в первую голову поставить в Министерстве внутренних дел более серьезно вопрос по подготовке призыва запасных и поставке лошадей и повозок. Он указывал на необходимость производства опытных мобилизаций с действительным призывом запасных и поставкой лошадей и повозок и пополнением ими мобилизуемых частей.

Наконец в 1898 г. было приступлено к производству опытных мобилизаций, что дало возможность на основании опыта вносить необходимые поправки во все подготовительные работы по производству мобилизации. Со времени моего назначения на должность старшего адъютанта мобилизационного отделения штаба округа (с декабря 1902 г.) передо мною открылось широкое поприще по ведению мобилизационной работы. Я пользовался полным доверием сменявшихся генерал-квартирмейстеров и начальников штаба округа. Никто из них в мобилизационных вопросах ничего не понимал, мало ими интересовался, и они предоставляли мне полную свободу делать так, как я находил нужным.

Мною был составлен план работы:

а) прежде всего довести до совершенства подготовительную мобилизационную работу в пределах Киевского военного округа, базируясь на действовавших тогда положениях и инструкциях;

б) путем переписки с Главным штабом и включением в отчеты командующего войсками необходимых данных — добиваться изменения

действовавших положений и инструкций и приблизить, насколько возможно, пополнение армии при мобилизации из территориальных районов, в коих квартировали части. Последнее вызывало необходимость и коренного изменения порядка укомплектования армии и в мирное время (новобранцами), дабы перейти, повторяю — насколько возможно, к системе территориального укомплектования. Но последнее — для России — не являлось столь легким, как это было уже принято во Франции, Германии, Японии, Италии и Австро-Венгрии.

Дислокация главной массы армии на западе, где население было малонадежно или малопригодно (еврейство), создавало чрезвычайные трудности. Кроме того, были затруднения и иного рода: Сибирь (особенно Дальний Восток) вследствие малочисленности населения не могла дать нужное число людей на укомплектование расположенных там частей, а Казанский округ имел громадный избыток людей.

Для применения нормальной территориальной системы нужно было бы в корне изменить дислокацию мирного времени, что представляло чрезвычайные затруднения из-за недостаточно развитой сети железных дорог и невозможности быстро подать к районам сосредоточения отмобилизованные части. Приходилось как-то иначе разрешать задачу о «территориальном» укомплектовании;

в) расширить понятие «мобилизация армии», отказавшись от узкого ее понимания в смысле мобилизации самой армии, связав последнюю с заблаговременной подготовкой всего необходимого на время войны — на срок не менее шести месяцев, в течение которых страна могла бы развить производство всего необходимого.

Наконец, нужно было подготовить мобилизацию самой страны на случай войны на Западном фронте (с Германией и Австро-Венгрией).

Разрешение этих вопросов, конечно, не зависело от штаба округа, но штаб округа должен был перед Главным, а затем и Генеральным штабом (выделен был из подчинения военного министра в 1905 г.) добиваться правильного их разрешения.

Вопросы, отмеченные мною под пунктом «а», к 1902 г. уже были разрешены в Киевском военном округе хорошо. Надо было работать только в смысле «полировки», усовершенствования.

К 1904 г., когда началась война с Японией, все подготовительные мобилизационные меры были настолько хорошо разработаны, что я как старший адъютант мобилизационного отделения с полным спокойствием приступил к выполнению частичных мобилизаций, потребованных от Киевского военного округа. Последовательные мобилизации 3-й стрелковой бригады, 10-го армейского корпуса, а затем 9-го и 21-го корпусов прошли блестяще, нисколько не отличаясь от результатов бывших до того «опытных» мобилизаций. Но эти моби-

лизации все же еще более ярко подчеркнули недочеты положений и руководств по призыву запасных, поставке лошадей и повозок. Выяснилась необходимость их пересоставить и внести много поправок в этот «первый акт» мобилизации.

(Интересно отметить результат призыва евреев. Как всем известно, еврейство в своей массе всегда уклонялось от исполнения воинской повинности, но российская «общественность», главным образом «кадетская партия», к периоду конца XIX и начала XX века всячески старалась добиться еврейского равноправия. Под влиянием бесед с М. И. Драгомировым, неоднократно высказывавшим мысль, что равноправие в государстве могут и должны получать только те граждане, которые добросовестно несут все государственные обязанности, а в первую голову «налог кровью», то есть добросовестно исполняют воинскую повинность, я с разрешения командующего войсками округа, генерала Сухомлинова, разослал всем воинским начальникам особые вопросные листы об исполнении евреями призыва по мобилизации. Основные вопросы были следующие: 1) сколько евреев числилось на участке ко дню объявления мобилизации? 2) сколько евреев явилось на сборный пункт? 3) сколько евреев из явившихся оказалось годными к службе? 4) сколько евреев, отправленных со сборного пункта в войсковую часть, дошли по назначению, то есть сколько исчезло во время пути и сколько поступило в распоряжение данной войсковой части? В Главный штаб была послана просьба приказать произвести такую же анкету в Варшавском, Виленском и Одесском военных округах. Я не знаю результата анкеты по этим округам, но по Киевскому округу она оказалась поразительной. На сборные пункты прибыло от 20 до 40 % числившихся на учете евреев. Из прибывших более 75 % оказались к службе негодными и были распущены по домам. Из отправленных в войсковые части дошло по назначению от 50 до 60 %. Другими словами, почти все здоровое физически еврейство уклонилось от призыва. На сборные пункты отправлялись главным образом те, кои рассчитывали, что будут признаны негодными для военной службы. Характер производившихся «частных» мобилизаций, когда мобилизация производилась последовательно в отдельных районах государства и военных округов, давал возможность евреям перебираться в районы, где мобилизация не была объявлена, и там вполне легально вновь зачисляться на учет. Когда же на это было обращено внимание и были приняты решительные меры для привлечения к ответственности уклонившихся, начался массовый «исход» евреев в Северо-Американские Соединенные Штаты.)

После окончания частных мобилизаций во время японской войны пришлось приступить к большой работе по составлению нового мобилизационного плана, а после окончания войны нужно было заняться

пополнением израсходованных запасов и привести воинские части в состояние, допускающее производство новой мобилизации. Намечавшиеся еще до войны различные изменения в подготовительных мобилизационных работах затягивались, так как, с одной стороны, Главный штаб занялся собиранием необходимого материала, дабы воспользоваться широким опытом произведенных мобилизаций за время войны, а с другой стороны, ожидалось разрешение целого ряда вопросов по новой организации армии, изменению ее мирной дислокации, пополнению израсходованных запасов.

В штабе Киевского военного округа период до конца моего пребывания в должности старшего адъютанта мобилизационного отделения, то есть до конца 1907 г., прошел в работе по приведению в порядок мобилизационной готовности войск на этот ограниченный, переходный период времени.

После Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг., когда все плоды победы России были чрезвычайно урезаны на Берлинском конгрессе, при посредстве «честного маклера» Бисмарка, Императором Александром II и русским правительством было осознано, что рано или поздно, но Россия столкнется на своем Западном фронте с Германией и Австро-Венгрией. Мощь Германии, выявленная ею во время войны с Францией (1870 г.), была велика; дальнейшее усиление военной мощи Германии развивалось очень интенсивно. Австро-Венгрия также из года в год становилась все более и более серьезным противником. Союз Германии с Австро-Венгрией представлял смертельную угрозу и Франции и России. Это сознание впоследствии привело к франко-русскому союзу.

После же окончания русско-турецкой войны, согласно директиве Царя, русское Военное министерство приступило к работе по усилению мощи армии и по подготовке театра военных действий на случай войны с Германией и Австро-Венгрией. Блестящим выполнителем предуказаний Царя явился начальник Главного штаба генерал Николай Николаевич Обручев.

Под непосредственным руководством генерала Обручева были разработаны основания: а) по реорганизации армии, б) по мобилизации армии, в) по сосредоточению армии, г) по подготовке театра военных действий.

Колоссальные расстояния России, при ничтожном числе железнодорожных линий, являлись фактором, крайне затрудняющим как мобилизацию, так и сосредоточение отмобилизованных частей к границе. Особенно затягивалось сосредоточение. Согласно составленным расчетам, отмобилизованным частям, расквартированным внутри России, пришлось бы у станций посадки на железные дороги ждать значительное время очереди перевозки. Этим в значительной степени

объясняется, что главное внимание генералом Обручевым было обращено не на ускорение мобилизации частей, расквартированных внутри государства, а на ускорение сосредоточения и на подготовку вероятного театра военных действий.

Для ускорения сосредоточения: строился ряд железнодорожных линий (при железнодорожном строительстве внимательно учитывалось стратегическое значение проектируемой линии); прокладывались стратегического значения шоссейные дороги; усиливались приграничные крепости; главнейшая масса полевых войск расквартировывалась в западных приграничных округах (имелось в виду, что скорей можно доставить к войсковым частям недостающее до штатов военного времени укомплектование — чем перевозить в район сосредоточения уже укомплектованные части с их многочисленными обозами); войсковые части приграничных округов в зависимости от удаления их от границы и также в зависимости от наличия на местах надежного укомплектования (дабы не создавать при мобилизации частей с большим процентом евреев или инородцев), содержались уже в мирное время в усиленном штатном составе.

Но всех этих мер было недостаточно, чтобы довести нашу готовность (мобилизацию и сосредоточение) до степени готовности Германии и Австро-Венгрии.

В зависимости от нашей отсталости в этом отношении приходилось принимать иные меры, дабы не подвергнуть нашу армию разгрому в самом начале войны — при наступлении уже готовых и сосредоточенных армий противника.

Главнейшие из этих мер были следующие:

а) сосредоточение наших армий было отнесено несколько в глубь страны, а не производилось у самой границы (например, в Варшавском военном округе сосредоточение было отнесено на правый берег Вислы);

б) сосредоточение прикрывалось крепостями (в Варшавском округе был создан «маневренный плацдарм» из треугольника крепостей Варшава, Новогеоргиевск, Зегрж);

в) главная масса конницы, которая должна была быть готова не позже как через сутки после объявления мобилизации, была расквартирована в приграничных округах и должна была прикрывать мобилизацию и сосредоточение;

г) в ближайшей к границе полосе не проводилось, кроме необходимых, железных дорог и шоссе.

Этой мерой как бы создавалась полоса, которую противник мог перейти лишь походным порядком, без достаточного числа хороших путей сообщения. Целесообразность этой меры по справедливости

оспаривалась неоднократно: особого затруднения противнику она принести не могла, а в мирное время затрудняла, а иногда и парализовала экономическое и промышленное развитие богатых наших окраин;

д) в соответствии с силой и готовностью армии противника намечались и главнейшие действия в первый период кампании войск, сосредотачиваемых нами на нашей западной границе.

Войскам, сосредотачиваемым в районе Варшавского военного округа, ставилась первоначально оборонительная задача против Германии (при активных действиях группы войск, сосредотачиваемых в Виленском военном округе против Восточной Пруссии) и наступательные задачи войскам, сосредотачиваемым в Киевском военном округе против армий Австро-Венгрии.

После назначения генерала Драгомирова командующим войсками Киевского военного округа им совместно с генералом Обручевым были выработаны основные задачи для войск, сосредоточенных в Киевском военном округе при войне с Австро-Венгрией; дальнейшее детализирование этих задач и последующие изменения в предположениях о первоначальных действиях войск производились по указаниям генерала Драгомирова, согласовавшего их с директивами, дававшимися от Высочайшего Имени. В бытность мою в мобилизационном отделении штаба Киевского военного округа я принимал непосредственное участие в составлении всех подготовительных распоряжений.

Хотя ко времени мировой войны в подготовительные работы штаба Киевского военного округа и были внесены некоторые изменения за период 1908–1914 гг., касающиеся сосредоточения войск, но в общем наступление войск, сосредоточенных в районе Киевского военного округа, произошло в 1914 г. по плану, разработанному еще при Драгомирове.

В Киеве, как вообще в столицах и в больших городах, офицеры Генерального штаба жили кружками. Различная обеспеченность, различные знакомства, различные потребности и различные вкусы делали, конечно, то, что сходились, были знакомы домами и бывали друг у друга те, которые больше подходили одни к другим. Отсюда — жизнь кружками. Но, с другой стороны, всеми сознавалось, что офицерам Генерального штаба следует сходиться насколько возможно ближе, ближе знакомиться, поддерживать взаимное общение.

Мерами для объединения офицеров Генерального штаба в Киеве были:

а) Устройство сообщений и собеседований на различные темы в штабе округа. Эти вечера, обыкновенно заканчивавшиеся чашкой чая и общими разговорами, не только сближали офицеров между собой, но и побуждали следить за военной литературой, не отставать от различных новшеств в военном деле.

б) Устройство один-два раза в месяц небольших верховых поездок в окрестностях Киева с решением полевых задач. Когда начальником штаба округа был генерал Шимановский, он обыкновенно лично руководил этими поездками; впоследствии (после Шимановского) они стали производиться реже и руководителем их обыкновенно был генерал-квартирмейстер.

Первоначально было трудно наладить эти поездки из-за того, что у большинства офицеров Генерального штаба не было собственных верховых лошадей. Надо сказать, что после окончания Академии каждый офицер получал на руки деньги на приобретение верховой лошади и седла. У большинства офицеров были долги и довольно жалкое обмундирование. Полученные деньги шли или на расплату с долгами, или на необходимость офицеру (а женатым — и жене) привести себя в приличный вид. Некоторый же процент офицеров просто прокучивал полученные деньги. В результате более чем у 90% офицеров, являвшихся в штаб округа для несения службы по Генеральному штабу, не оставалось денег на лошадь и седло и обзавестись ими было для большинства чрезвычайно трудно.

Генерал Шимановский, строгий законник, первоначально предъявлял категорические требования, чтобы прибывавшие офицеры приобретали собственных лошадей, но затем, убедившись в чрезвычайно тяжелом материальном положении большинства офицеров, перестал это требовать. Он, а впоследствии и генерал Маврин (после назначения на должность начальника штаба округа) возбуждали перед Главным штабом вопрос о том, что лучше денег на покупку лошадей офицерам, оканчивающим Академию, на руки не отпускать, а снабжать их лошадьми из кавалерийских полков (или из ремонта) после перевода в Генеральный штаб. Насколько помню, этот вопрос так и не был разрешен.

В штабе Киевского военного округа этот вопрос получил разрешение в ином порядке: для офицеров Генерального штаба, не имевших своих лошадей, лошади для поездок в окрестностях Киева предоставлялись из полевого жандармского эскадрона.

в) Парфорсные охоты по искусственному следу. Ввел их Сухомлинов, когда был начальником штаба округа. Эти охоты привились, и ими увлекались. Производились они довольно часто весной, летом и осенью. Сначала они заканчивались решением задач в поле, но затем они приобрели характер пикников: охота заканчивалась у заранее выбранного места, куда съезжались дамы; приготовлялась закуска.

г) Устройство различных вечеринок и собраний с дамами. Собрания офицеров Генерального штаба в Киеве не было, и отсутствие его ощущалось. В бытность Сухомлинова начальником штаба округа он предоставлял в распоряжение офицеров свой служебный кабинет (он

же зал заседания окружного военного совета); это помещение с прилегавшей частью помещения дежурного генерала (приемная и его служебный кабинет) были совершенно достаточны для вечеров, на которые собиралось более ста человек.

В бытность начальниками штаба Сухомлинова и Маврина они обыкновенно представляли в своей квартире (примыкавшей к служебному кабинету начальника штаба) две-три комнаты, в которых ставились ломберные столы для карт. В этом помещении устраивались танцевальные и музыкальные вечера. На Рождество устраивались елки для детей. На Масленицу — блины и проч. Вечера всегда заканчивались общим ужином. В этом же помещении устраивались проводы офицеров Генерального штаба, получавших какое-либо назначение. Эти собрания и вечеринки очень привились, собирались на них с удовольствием, и они способствовали сближению офицеров и их семей.

К сожалению, в бытность Маврина начальником штаба произошло прискорбное недоразумение, после которого эти собрания стали гораздо реже, и они потеряли прежний интимный характер. Дело в том, что, согласно положению об этих собраниях, которое было утверждено Мавриным еще в бытность его генерал-квартирмейстером, гости в собрание допускались только по рекомендации членов собрания, то есть офицеров Генерального штаба. Кажется, в 1907 г. на одном из вечеров появился Фурман. Он был, кажется, присяжным поверенным, еврей, и числился торговым консулом какой-то южноамериканской республики. Фурмана большинство из нас знало по Киеву хорошо. Он был умный жид, с хорошими средствами и держал себя очень тактично. Его принимали во многих киевских домах. У Мавриных он был свой человек в доме.

Как-то раз перед его появлением на нашем вечере у кого-то из наших офицеров, в гостиной у г-жи Мавриной, произошло небольшое столкновение с Фурманом. Последний держал себя при этом довольно нагло. Приход Фурмана на наш вечер нас удивил; кроме того, близость Фурмана к германскому и австро-венгерскому консулам (последний подозревался нашей контрразведкой в шпионской деятельности) делала его вообще нежелательным членом наших собраний.

Я пошел посмотреть книгу «гостей». Фурман оказался записанным, а ввел его капитан Генерального штаба Кирпотенко[88] — мой помощник. Я обратился за разъяснением к Кирпотенко. «Г-жа N. попросила меня ввести Фурмана на наш вечер, и я не счел возможным ответить отказом», — ответил он. После обсуждения этого вопроса среди старших чинов штаба округа мы решили принять меры, чтобы Фурман больше у нас не появлялся. Капитану Кирпотенко было сказано, чтобы он больше его не «вводил».

На следующий вечер он опять пришел. Появился он вместе с женой одного из старших офицеров Генерального штаба. В книге он оказался не записанным. Я взял на себя переговорить с Мавриным. На мой вопрос, не знает ли он, кто ввел Фурмана, которого вообще мы, офицеры, не хотели бы видеть на наших вечерах, он ответил: «Не знаю». — «А как вы, ваше превосходительство, сами считаете: желательно или нежелательно посещение Фурманом наших вечеров?» — «Я считаю, что нежелательно», — ответил Маврин.

Мы думали, что этим инцидент будет исчерпан и что Фурман на наших вечерах больше не появится, но вышло не так. На следующий же вечер он опять появился и был опять введен той же дамой.

На другой день я (был накануне дежурным старшиной собрания) взял книгу «гостей», внес в нее фамилию Фурмана и пошел к Маврину. После моего разговора с Мавриным Фурман больше на наших вечерах не появлялся.

Киевское общество было разбито на ряд кружков. Аристократическое общество — каковым оно себя считало — было сравнительно немногочисленно. Оно состояло из небольшого, но сплоченного помещичье-служилого ядра, имевшего имения в Юго-Западном крае (Киевская, Волынская и Подольская губернии), для которого Киев являлся столицей, и имевших придворное звание. К нему же примыкали крупные помещики Черниговской и Полтавской губерний, тяготевшие к Киеву и жившие в нем.

В Киеве большая часть этой группы жила в Липках, почему эта киевская аристократия часто называлась «Липками». Центром ее были многочисленные Гудим-Левковичи. Но и «аристократическая группа» делилась на подгруппы. Была группа во главе с Гудим-Левковичами, правильней говоря, с Анатолием Викторовичем Гудим-Левковичем, задававшим тон группе и следившим за ее «чистотой».

Сам Анатолий Викторович Гудим-Левкович был барин, но довольно недалекий. Так как свое состояние он порастратил, то за хорошее жалованье пошел служить членом правления в акционерное общество. В молодости он вел, по-видимому, бурный образ жизни, но после женитьбы на прелестной Варваре Петровне Половцовой остепенился и соблюдал в своей группе строгость нравов, чистоту риз и наблюдал, чтобы в их среду не попадали демократические элементы. Самого Анатолия Викторовича не особенно любили, но его прелестная жена привлекала в свой дом все лучшее общество, и бывать у них было действительно приятно. Собирались у них часто, и вечера у них в доме были интересны.

Другой центральной гостиной в Липках был дом княгини Наталии Григорьевны Яшвиль. Помимо бывавших у Варвары Петровны Гудим-Левкович, собирались здесь и представители художественного мира.

Хозяйка дома, Н. Г. Яшвиль, женщина образованная и очень талантливая, умела собирать у себя все интересное, что бывало в Киеве, и вечера у нее были очень интересны. Некоторые считали, что она не всегда бывает искренна; впрочем, если это и было так, то это ее качество мало кто замечал; большинство считало ее чуть ли не святой по строгости жизни и вполне искренней. Но один из моих знакомых, говоря как-то про Н. Г. Яшвиль, сказал: «На людях она строга и совсем святоша, но я уверен, что, оставаясь одна, она может проканканировать». Может быть, это несколько и грубое определение ее сути, но возможно, что оно было недалеко от истины.

Затем были интересные гостиные у Юлии Николаевны Гудим-Левкович, у ее дочери, Наталии Михайловны Давыдовой, у Мацневых, у Глинко. Мы, молодежь, любили собираться у Крутиковых (мать и сестра Ольги Сильвестровны Драгомировой) и у Вл. Мих. и Ольги Сильвестровны Драгомировых (жены Владимира Михайловича Драгомирова).

На вечерах у Софьи Абрамовны и Михаила Ивановича Драгомирова объединялись как военное, так и гражданское общество. Торжественные рауты и вечера у генерал-губернатора и командующего войсками Михаила Ивановича были всегда блестящи и удачны благодаря исключительным способностям Софии Абрамовны их устраивать и угощать так, что долго после них шли разговоры о драгомировских ужинах и открытых буфетах.

Изредка устраивались нудные и скучные приемы у губернского предводителя дворянства Киевской губернии, князя Репнина, и у киевских губернаторов. На этих вечерах не чувствовалось умелых хозяек.

Киевское общество вообще любило повеселиться. Было много богатых людей, было много красивых и веселящихся дам. Естественно, что было несколько кутящих и веселящихся кружков, центрами которых были: Моравские (председатель военно-окружного суда[89]), Миклашевские (он, кажется, был уездный предводитель дворянства), Толи (крупный домовладелец и помещик), молодые Репнины (муж — сын предводителя дворянства Киевской губернии), Рапопорт (муж, еврей, богатый присяжный поверенный, а жена из хорошей русской семьи) и ряд других.

К этим веселящимся кружкам, по составу своему крайне разнообразным, примыкала молодежь, хотевшая повеселиться и поухаживать. Кутежи иногда приобретали очень бурный характер и затягивались на несколько дней, когда публика после ужина где-либо каталась на тройках, затем ехала к кому-либо в дом кончать ночь танцами; на другой день прогулка на пароходе, кутеж на Трухановом острове и опять в город к кому-нибудь на ужин или в ресторан. И я прошел этот водоворот в 1898 и 1899 годах.

Было в Киеве еще довольно большое польское общество, состоявшее большей частью из помещиков, съезжавшихся в Киев на «контракты» (в прежнее время киевские «контракты» были большой ярмаркой Юго-Западного края, на которую съезжались помещики для закупок и заключения различных сделок; в мое время ярмарка уже утратила в значительной степени свое значение, хотя ежегодно и устраивалась (март и апрель), но помещики все же в Киев съезжались для устройства своих денежных дел и заключения различных сделок, а также на устраиваемые в этот период балы в польских кружках). Я это общество почти не знал. Некоторых из крупных помещиков встречал только у командира 9-го корпуса Любовицкого, поляка, к которому польское общество относилось с большим уважением.

Было в Киеве и большое еврейское общество. Из него некоторые более видные представители, как, например, сахарозаводчики Бродские, бывали и в других кружках.

Необходимо отметить еще киевские профессорские круги. Из киевских профессоров более яркими фигурами были князь Евгений Николаевич Трубецкой[90] и профессор истории Афанасьев (он же был директором отделения Государственного банка).

Семья князя Трубецкого была близка и с аристократическими Липками и являлась центром более либеральных кругов (профессорские круги и чины судебного ведомства). Сам Е. Н. Трубецкой принадлежал в тот период к партии конституционно-демократической (ка-де), в просторечии «кадетской». Он являлся в Киеве как бы лидером этой партии, но, по своей высокой порядочности и честности, никогда не шел по пути «подкопа» под основы государственного строя России (как это делали Милюков, Винавер[91] и др.). Князь Трубецкой стремился к «эволюционному», а не «революционному» переходу от самодержавного к монархическо-конституционному строю правления в России. Эта «честность и порядочность» привели впоследствии (после первой революции 1905 г.) к тому, что князь Трубецкой резко порвал с партией «ка-де», возглавлявшейся Милюковым (которого за ниточку дергал и направлял остававшийся в тени Винавер).

Профессор Афанасьев политической роли, по крайней мере открытой, не играл. Он объединял многих своими крайне интересными и содержательными публичными лекциями. У жандармов (главным образом у начальника Киевского губернского жандармского управления, генерала Новицкого) он был на «примете», но благодаря постоянному заступничеству за него генерала Драгомирова и губернаторов ему не делали крупных неприятностей. Хотя, впрочем, один раз дело дошло до официального расследования по поводу содержания одной из его лекций, и, если бы не показания ряда уважаемых киевских граждан,

присутствовавших на лекции, и не заступничество генерала Драгомирова, он был бы, вероятно, арестован и, во всяком случае, лишился бы своего места как управляющий отделения Государственного банка.

Наконец, в Киеве еще было два крупных кружка: это судейский и железнодорожный. Впрочем, они разбивались по своим симпатиям между другими киевскими кружками.

Летом нейтральным местом для встреч представителей разнообразных киевских кружков являлось Купеческое собрание, или, правильней говоря, сад при Купеческом собрании. Само Купеческое собрание, где резались в карты отцы города и представители промышленного мира, никакой роли не играло и представляло из себя довольно невзрачное двухэтажное здание, к которому примыкал сад, притягивавший к себе киевлян в летнее время. Сад был не особенно велик и, по сравнению с находящимся рядом Александровским садом, был довольно мизерен. Но его притягательную силу составляли: 1) Отличный симфонический оркестр, игравший на чистом воздухе. Дирижировал обыкновенно Виноградский. 2) «Грибок» в виде большого балкона, с которого открывался чудный вид на Днепр, на Подол (нижняя часть города), на Труханов остров и на Заднепровье. Весной, во время разлива Днепра, можно было просиживать там целыми часами, любуясь замечательным видом. 3) Очень хороший и недорогой ресторан, где можно было закончить вечер ужином на веранде.

К киевским развлечениям надо отнести хорошие театры: городскую оперу и театр Соловцова. Как опера, так и драматический театр были поставлены в Киеве хорошо. Здания были хорошие и состав трупп был обыкновенно много выше среднего, а периодами прямо первоклассный. Петербургские и московские знаменитости, а также итальянцы постоянно наезжали на гастроли. Выдвигающиеся таланты обыкновенно не миновали киевской сцены. Затем, если добавить концерты наезжавших знаменитостей, интересные лекции и различные сообщения, можно понять, что Киев или правильней киевская жизнь представляла интерес на всякие вкусы.

Что касается самого города с его историческими памятниками, Киево-Печерской лаврой, чудесными окрестностями и красотой расположения самого города с массой богатой растительности и очень хорошим климатом, — то он привлекал к себе все сердца. Я прожил в Киеве 12 лет и с каждым годом его больше и больше любил.

Для офицеров Генерального штаба требовалось отбывать строевой ценз, то есть командовать ротой (или эскадроном) и батальоном (для идущих по кавалерийской линии требовалось пройти курс парфорсной охоты и быть прикомандированным к кавалерийской школе); затем требовалось отбыть в штаб-офицерских или генеральских чинах курс прикомандирования к артиллерии.

Я принял роту в 131-м пехотном Тираспольском полку в октябре 1899 года. Досталась мне 16-я рота (давалась рота, командир которой командировался в офицерскую стрелковую школу). Командовать ротой надо было год. Хотя требования службы к 1899 г., по сравнению с периодом моего пребывания в саперном батальоне (1888–1894 гг.), значительно повысились, но основные положения мало изменились, и мое шестилетнее пребывание в строю мне очень облегчило командование ротой. Главное, что требовалось, это добросовестность и личное за всем наблюдение.

Наиболее трудным и ответственным отделом в командовании ротой была правильная постановка подготовки новобранцев. В этом отношении я справился с задачей вполне успешно; все же прочие отделы воспитания и обучения роты дались мне легко, и моя рота как по стрельбе, так и по строю оказалась к концу лета 1900 г. одной из лучших в полку.

Состав офицеров в полку был, за ничтожными исключениями, очень хороший. Один был крупный недостаток: здорово пили водку. Я это сразу заметил и объявил, что водки совсем не пью; изредка выпивал рюмку коньяку. Это меня предохранило от участия в попойках, которыми часто заканчивались обеды в офицерском собрании во время лагерного сбора.

Командир полка был шляпа и безумно боялся начальства. Это, конечно, отражалось на батальонных и ротных командирах, которым в случае каких-либо неприятностей свыше приходилось выкручиваться самим. А неприятностей всякого рода было много из-за неладов между собой командира 21-го армейского корпуса и начальника 33-й пехотной дивизии.

Командиром корпуса был генерал Водар, а начальником дивизии генерал Кононович-Горбацкий[92]. Оба властные и самостоятельные. Друг друга ненавидели. Говорили, что счеты у них были старые, со времени приема Кононовичем-Горбацким Константиновского военного училища от генерала Водара. Так это или не так, но генерал Водар не упускал случая сделать какую-нибудь неприятность начальнику дивизии, а последний старался корректно, но ядовито парировать направляемые на него удары. Страдали же, конечно, подчиненные: паны дерутся, а у хлопцев чубы летят! Как я сказал, в Тираспольском полку положение осложнялось тем, что командир полка не принимал на себя удары, а старался их перенести на своих подчиненных. При этой обстановке нужно было держать ухо востро! Отлично понимали эту обстановку и солдаты. Было несколько случаев, когда было ясно, что солдаты нарочно подводили нелюбимого ротного командира.

У Водара было несколько пунктиков; из них главные: чистота; требование правильного ведения хозяйственных работ и устройство для них необходимых приспособлений; требование принятия всех мер,

чтобы солдаты были хорошо обставлены при исполнении хозяйственных работ и чтобы с ними не случалось никаких несчастных случаев. В случае же если такой несчастный случай происходил, всех замучивали рядом расследований, и надо было доказать, что все меры для его предотвращения были приняты и случай действительно «несчастный».

Особенно трудно было удовлетворить Водара в смысле чистоты. Проходя по ротам и имея на руках белые замшевые перчатки, он запускал руку за печку, в какой-нибудь угол, и горе было ротному командиру, если перчатка оказывалась вымазанной или командир корпуса вытаскивал из какого-нибудь угла на свет Божий какую-нибудь дрянь. Помню ужас одного из ротных командиров, когда Водар вытащил из-за печки ободранные и неимоверно грязные подштанники. Виновный открыт не был, но было ясно, что кто-то из солдат подвел своего ротного командира, которому здорово влетело от Водара.

Я слышал рассказ (может быть, анекдот, но характерный относительно Водара), как один солдат, подметавший дорожку в лагере и увидевший издали подходившего командира корпуса, сказал другому солдату: «Хочешь, я посажу под арест командира роты?» — «Да, хочу; посади, если можешь». Тогда солдат содрал с длинной палки метлу, палку забросил за палатку, а сам стал подметать дорожку метелкой, низко согнувшись к земле. Подошедший Водар поздоровался с вытянувшимся во фронт солдатом и спросил: «Почему ты подметаешь метелкой без рукоятки?» — «Не могу знать, ваше высокопревосходительство. Так что фельдфебель приказал подмести и взять метелку в цейхгаузе, а я там взял эту — другой не было!» В результате якобы командир роты и фельдфебель были посажены под арест.

Испытал и я несколько неприятностей от генерала Водара. Как-то поздно вечером явился ко мне на квартиру фельдфебель и доложил: после вечерней переклички несколько солдат, через отделенного и взводного командиров, попросили у него, фельдфебеля, разрешение попрыгать через горизонтальный брус. Фельдфебель разрешил. Поставили горизонтальный брус, трамплин и на другой стороне тюфяк. Сам фельдфебель и взводный унтер-офицер присутствовали при перепрыгивании через брус. Сначала все шло вполне благополучно, но затем один из солдат неудачно прыгнул, упал и сломал себе руку и ногу.

Случай, конечно, не серьезный, но оказывался серьезным вследствие недавнего приказа командира корпуса о том, что если будут допускаться упражнения на машинах без присутствия офицеров, ответственности будут подвергаться все начальствующие лица, до командиров полков включительно. Осложнялся вопрос еще тем, что именно вопрос о прыгании через горизонтальный брус обсуждался мною с фельдфебелем: фельдфебель мне накануне доложил, что солдаты перед сном

очень любят попрыгать через брус, и спросил меня, как быть вследствие приказа командира корпуса.

Дело было зимнее, рано темнело, и солдаты толкались в роте по вечерам без движения. Младший офицер был болен, а я просто не мог постоянно просиживать по вечерам в роте. Я ответил фельдфебелю: «Горизонтальный брус, хотя и "машина", но совершенно не опасная; нельзя разрешать без офицера делать гимнастику на параллельных брусьях, на трапециях, на наклонной лестнице; но прыгать через брус я разрешаю, при обязательном наблюдении со стороны унтер-офицера и тебя, как фельдфебеля».

На другой же день произошел скандал. После доклада фельдфебеля о происшествии я его отправил в казарму, а сам прежде всего поехал в лазарет. От бывшего в лазарете доктора я узнал, что переломы руки и ноги крайне сложные. «Просто удивительно, как он умудрился себя так поломать при прыжке через брус», — добавил доктор. Повидав пострадавшего солдата, я поехал в роту. Произведенный мною расспрос полностью подтвердил доклад фельдфебеля. Я сейчас же подал рапорт командиру полка (через батальонного командира), указав в рапорте, что прыгание через брус было мною разрешено.

На другой день поднялась буча: командир корпуса рвал и метал, грозя, что я буду отдан под суд, а что командир полка будет отставлен от командования полком. Признано было нужным послать и на Высочайшее Имя донесение о «чрезвычайном происшествии». Ликвидировано дело было вмешательством начальника штаба округа, доложившего все командующему войсками генералу Драгомирову. Водару было предложено дело не раздувать. Все ограничилось тем, что я получил выговор.

Второй случай был в лагере. У меня в роте был вольноопределяющийся N, окончивший университет. По закону, солдаты (не исключая и вольноопределяющихся) имели право иметь на руках книги, которые им разрешали читать ротные (эскадронные или батарейные) командиры. Закон требовал, чтобы на книге была надпись: «Разрешаю! Такой-то ротный командир». Последнее требование очень часто нарушалось, так как бывали книги хорошего издания и, главное, не принадлежавшие солдатам, а получавшиеся ими на прочтение из библиотек или от знакомых. Жизнь выработала отступление от этого требования. Командиры рот писали на отдельном листке, что такая-то книга ими разрешается для чтения, и этот листок вкладывался в книгу. Но были формалисты среди ротных командиров, которые ставили надпись обязательно на книге.

Однажды фельдфебель мне доложил, что вольноопределяющийся N просит меня его принять. Я велел его позвать. Оказалось, что вольноопределяющийся принес из университетской библиотеки книгу о социализме. Он мне доложил, что хочет писать какую-то работу

по социализму и просит разрешение иметь у себя принесенную им книгу. Книга эта была учебником в университете, и я дал ему просимое им разрешение, сказав, что на самой книге я никакой надписи ставить не буду, а чтобы он на другой день принес мне заготовленное им разрешение для моей подписи на отдельном листке бумаги. Рано утром на другой день (было воскресенье) меня разбудил денщик и доложил, что приехал жандармский офицер и просит его принять. Приехавший жандармский офицер сказал мне, что получена из Петербурга телеграмма о том, что там арестован очень опасный революционный деятель-террорист, и из его бумаг выяснилось, что его родной брат N служит вольноопределяющимся в Тираспольском полку, у меня в роте; что он, приехавший жандармский офицер, получил приказание от своего начальства немедленно отправиться ко мне, произвести обыск у вольноопределяющегося N и его арестовать, даже если ничего компрометирующего не будет найдено. Последнее он объяснил тем, что его брат исключительно опасен и надо принять самые решительные меры для выяснения всех тех, с коими он имел сношения, и их допросить.

Я оделся, и мы пошли в палатку вольноопределяющегося. При обыске присутствовал еще фельдфебель. Книга о социализме обратила на себя внимание жандармского офицера. Мое заявление, что эта книга мною разрешена для чтения вольноопределяющемуся N, его не удовлетворило. Книга была отложена в сторону и вместе с найденной перепиской вольноопределяющегося взята была офицером для просмотра в жандармском управлении; сам вольноопределяющийся был арестован и увезен в карете жандармским офицером. Я, конечно, сейчас же подал рапорт о случившемся. Дня через два я был вызван генералом Водаром и получил от него жестокий нагоняй за разрешение читать вольноопределяющемуся явно вредную книгу.

Этим дело не кончилось. После ареста вольноопределяющегося про него долго не было ни слуха, ни духа. Наконец примерно через месяц он явился ко мне, а сопровождавший его жандармский унтер-офицер вручил мне пакет на имя командира полка. В присланной бумаге сообщалось, что расследование выяснило полную непричастность вольноопределяющегося N к преступной деятельности его брата, что с него снимаются все подозрения и он возвращается в полк. Казалось, что все закончилось благополучно, но это было не так. Подошло время держать экзамены на прапорщика запаса вольноопределяющимся, и я удостоил допущения к ним вольноопределяющегося N, отличавшегося безукоризненным поведением, хорошей строевой выправкой и отлично подготовившегося к экзаменам.

Через несколько времени от командира корпуса, через начальника дивизии, последовал грозный запрос: как это мог капитан Лукомский

удостоить «к держанию экзамена на офицерский чин вольноопределяющегося, брат которого оказался террористом»? Попутно была сделана серьезная нахлобучка начальнику дивизии и командиру полка, а относительно меня было сказано, что Водар требует строжайшего расследования, «дабы принять соответствующие меры для пресечения легкомысленного и преступного попустительства со стороны капитана Лукомского».

Я ответил на это подробным рапортом с указанием, что вряд ли допустимо кого-либо карать за преступную деятельность хотя бы родного брата, и настаивал на допущении вольноопределяющегося к экзамену. Поднялся целый скандал. Водар угрожал меня истереть в порошок. Положение стало серьезным, и я поехал к генерал-квартирмейстеру штаба округа и доложил ему все дело. Он меня слегка пожурил за то, что я «задираюсь», но обещал поехать к Водару и поговорить. В результате был привлечен для дачи заключения прокурор военно-окружного суда, и вольноопределяющийся N получил разрешение держать экзамен на прапорщика запаса. Генерал Водар за всю эту историю одно время на меня дулся, но потом все обошлось. Командир полка был в панике и, когда все кончилось благополучно, объяснил счастливое для меня окончание дела только тем, что я офицер Генерального штаба, которого даже Водар не посмел тронуть.

Третий случай был там же, в лагере. У меня в роте было три жидка, которые своим «подпрыгиванием» всегда портили строй. Как я их ни натаскивал, ничего не выходило. Наконец, потеряв терпение, я приказал фельдфебелю заняться их «маршировкой» по воскресеньям на задней линейке лагеря. Не знаю, вследствие ли воздействия фельдфебеля, который вряд ли был доволен этим праздничным развлечением, или сами жидки приложили старание, но на третье воскресение они маршировали уже вполне удовлетворительно.

У меня в этот день было сильное расстройство желудка. Почувствовав «позывной приступ», я двинулся в будочку за задней линейкой. По дороге, увидев марширующих сынов Израиля, я приостановился и, убедившись в их успехе, их поблагодарил и сказал, что «приватное для них обучение» кончается. Они ответили громким «Покорно благодарим, ваше высокоблагородие». Я здесь задержался еще разговором с фельдфебелем, как вдруг из какой-то боковой дорожки появился генерал Водар. Увидев трех жидков, он меня спросил: «Что вы тут с ними делаете?»

Пришлось всё доложить. А надо сказать, что Водар не разрешал по воскресеньям сверхурочных занятий с солдатами. Получился для меня конфуз. А тут еще Водар заметил на задней линейке двух солдат, что-то мывших под краном. Это также было запрещено, и для стирок были

на задней линейке устроены под навесом особые прачечные. Но солдаты часто предпочитали полоскать белье прямо из-под крана. «Эй, вы, какой роты?» — крикнул генерал Водар. «Так что, 16-й, ваше высокопревосходительство», — последовал ответ. «Значит, капитан Лукомский, это ваши молодцы! Двойное неисполнение моих приказаний».

В это время мой желудок катастрофически забурчал, и я, со словами «Простите, ваше высокопревосходительство», со всех ног бросился в близ стоявшую будочку. Ничего не понявший Водар что-то мне кричал, но я уже исчез. Минут через пять я вышел и увидел Водара на том же месте. «Пойдемте в ваш барак, всё это требует разъяснения», — сказал он мне. Хотя он меня изрядно продернул, но кончилась эта история благополучно.

Вспоминается один курьез. Водар, как я уже говорил, требовал везде образцовую чистоту. Как-то, обходя лагерь, он наткнулся в промежутке между Тираспольским и Бендерским полками на изрядный «нерукотворный памятник». При обходе им Тираспольского полка его сопровождали командир полка и я, как дежурный по полку. На границе Бендерского полка его поджидали командир полка полковник Толмачев (впоследствии одесский градоначальник) и дежурный по полку.

«Куча» была как раз посредине между полками. Водар остановился, показал рукой на кучу и грозно спросил: «Какого полка?» Мой командир в испуге замер и молчит. Полковник Толмачев очень деловито, пригнувшись, осмотрел «кучу» и затем, выпрямившись и держа руку у козырька, сказал: «Не моего полка». Генерал Водар несколько опешил, а затем спросил: «Как это вы, полковник, можете это определить?» — «По цвету, ваше высокопревосходительство. Куча свежая, следовательно, от вчерашней пищи, а у меня в полку вчера на обед и ужин было то-то, что дает испражнению темный цвет, а эта куча светлая». Водар, видимо, совсем опешил. Внимательно посмотрел на Толмачева, ничего не сказал и пошел в расположение Бендерского полка.

Осенью я сдал роту и вернулся в штаб округа. Впоследствии у меня установились с генералом Водаром очень хорошие отношения.

Весной 1904 г. я принял в том же 131-м пехотном Тираспольском полку батальон для цензового командования. Четырехмесячное командование батальоном (а последний месяц и полком вследствие болезни командира полка, так как я оказался в полку старшим штаб-офицером) промелькнуло чрезвычайно быстро. Никаких неприятностей и недоразумений не было; я наслаждался лагерной жизнью.

Особенно интересна была вторая половина лагерного периода, когда начались батальонные и полковые ученья и небольшие маневры. На одном из таких маневров чуть было не погиб отличный командир эскадрона Киевского гусарского полка Гессе. Были двусторонние ма-

невры; я командовал одной из сторон: два батальона пехоты, два эскадрона конницы и две батареи. Я выслал на разведку эскадрон, которым командовал Гессе, дав ему нужные указания. Маневры происходили в районе, примыкающем к Киеву, и в их зоне находились так называемые поля орошения. (Городские нечистоты (во многих частях города еще не было канализационной системы) вывозились «золотарями» в бочках на участок, отведенный специально для этого городом, и там должны были выливаться в специально устраивавшиеся неглубокие канавки. Затем все это вновь засыпалось землей и через несколько времени земля отдавалась в аренду под огород. Но жид-предприниматель, вывозивший нечистоты, слегка мошенничал: для быстроты оборота бочек им вырывались часто большие ямы, которые заполнялись нечистотами и затем забрасывались землей. Не дай Бог было бы попасть на поверхность такой ямы даже пешком.) Давая указания ротмистру Гессе, я обратил его внимание на то, что через поля орошения можно продвигаться только по дорогам. Он мне ответил, что знает, так как уже несколько раз участвовал в маневрах в этом районе.

Эскадрон, выделивший несколько разъездов, двинулся вперед. Я находился на так называемой горке Ванновского (после Русско-Турецкой войны генерал Ванновский, впоследствии военный министр, командовал 33-й пехотной дивизией. Производя маневры частей дивизии, он обыкновенно находился на бывшей около лагеря возвышенности, откуда наблюдал за маневрами. Возвышенность эта сохранила название «горки Ванновского» и была еще в мое время памятна старым ротным командирам по разносам, кои на ней учинял Ванновский).

Глядя вперед, я вдруг увидел замешательство в одной из конных групп эскадрона Киевского полка. Группа остановилась, спешилась. Ясно было, что что-то произошло. Я послал вперед ординарца узнать, в чем дело.

Оказалось, что ротмистр Гессе, перегоняя один из разъездов, свернул с дороги и провалился с лошадью в яму с нечистотами. Положение бедного Гессе и его лошади оказалось очень печальным. С трудом солдаты вытащили сначала Гессе, а потом его лошадь. Все, и спасенные и спасавшие, выпачкались с головы до ног. Пришлось эскадрон отпустить домой. Мне потом говорили, что Гессе долго не мог оправиться от перенесенного потрясения.

Летом 1906 г. я был прикомандирован к Киевскому артиллерийскому полигону для ознакомления с курсом артиллерийской стрельбы.

До японской войны наша артиллерия совершенно не была знакома с вводившимся новшеством — стрельбой с закрытых позиций. Японская армия эту стрельбу уже применяла, и на полях Маньчжурии нашей артиллерии уже при боевой обстановке пришлось учиться стре-

лять с закрытых позиций. В тылу обучение новому способу стрельбы началось после войны, и время моего прикомандирования совпало как раз с этим обучением.

Старые батарейные командиры ворчали и с трудом усваивали новые приемы. Первые стрельбы с закрытых позиций, на которых я присутствовал, были и курьезны и опасны. Бывали примеры, что первая очередь снарядов летела в сторону от требуемого направления чуть ли не на 45 градусов. Но скоро все пришло в норму, и, как известно, при непрерывном наблюдении Великого князя Сергея Михайловича[93] и под его руководством, наша артиллерия быстро не только справилась с «новшеством», но ко времени мировой войны оказалась лучше подготовлена, чем австро-венгерская артиллерия, и не хуже германской.

В конце января 1904 г., для большинства совершенно неожиданно началась война с Японией. Говорю — «для большинства», ибо к этому большинству надо отнести не только массу русского народа и рядового русского обывателя, но и «власть имущих», кои по своему положению должны были быть в курсе событий, имевших место на Дальнем Востоке, и, казалось бы, должны были предвидеть грозу, которая там собиралась.

До самого конца XIX столетия у России на Дальнем Востоке не было опасного противника: огромный Китай находился в полном разложении и в военном отношении никакой силы не представлял; Япония была мала, и также казалось, что в военном отношении, по сравнению с Россией, была совершенно ничтожна.

Конец XIX столетия ознаменовался на Дальнем Востоке пробуждением национального чувства в Китае и стремлением избавиться от фактически полной зависимости от иностранцев. В Японии проводился Императором (Микадо) ряд реформ, имевших целью в корне изменить веками установившийся строй страны и превратить Японию в великую державу, с европейским государственным устройством. Кроме того, в развитие намеченного плана, Японии требовалось стать твердой ногой на материке, открыть для своей эмиграции (избытка населения) Корею и Маньчжурию; требовалось также превратить море, отделяющее Японские острова от материка, в свое, японское средиземное море. Во исполнение этого плана Япония не останавливается перед войной с Китаем, занимает Корею и берет «в аренду» Квантунский полуостров.

Если для национально-либеральных партий Китая при осуществлении идеи освобождения Небесной Империи от иностранного засилья врагами являлись все великие державы и Япония, то для последней главным и, в сущности говоря, единственным опасным врагом для осуществления своих замыслов являлась Россия. Отсюда и исходили государственные деятели Японии, начав с конца XIX столетия укрепле-

ние военной мощи своего государства в таком расчете, чтобы в случае столкновения с Россией оказаться в силах вести войну.

Боксерское восстание, всколыхнувшее Китай в 1900 г., было направлено вообще против иностранцев. Великие державы и Япония объединенными усилиями подавили восстание и заняли Пекин. Россия, участвуя в общей экспедиции для занятия китайской столицы, в то же время взяла на себя самостоятельную задачу по подавлению боксерского движения в Маньчжурии; это последнее и было выполнено русскими войсками (главным действующим лицом был генерал фон Ренненкампф, получивший за подавление боксерского восстания два Георгиевских креста).

После восстановления нормального (с европейской, но не китайской точки зрения) порядка вещей в Китае державы потребовали себе компенсаций в виде особых районов (концессий). В результате Япония оказалась обиженной: Россия настояла, чтобы Япония отказалась от «аренды» Квантунского полуострова, а сама взяла его себе «в аренду на 25 лет», приступив вслед за ним к постройке крепости Порт-Артур и отдельного коммерческого порта в Дальнем (ныне Дайрен). Всем, конечно, было ясно, что эта аренда через 25 лет окончиться не могла. Россия устраивалась на Квантунском полуострове явно навсегда, вкладывая в порты сотни миллионов.

Япония чувствовала себя оскорбленной, но не достаточно еще сильной, чтобы категорически протестовать. А тут началось еще известное дело на Ялу (река Ялу на границе Маньчжурии с Кореей). Была образована комиссия для разработки лесных богатств на Ялу. Концессия была дана Китаем. Во главе компании стояли Безобразов, Абаза и др. Не знаю, насколько верно, но ходили слухи, что непосредственное участие в делах компании принимали не только различные высокопоставленные лица, но даже и члены Императорской фамилии. Как бы то ни было, но эта лесная концессия пользовалась особым вниманием со стороны русского правительства. Назначенный на Дальний Восток наместник Его Императорского Величества адмирал Алексеев[94] оказывал концессии полное содействие. Для охраны лесной концессии были назначены воинские части. Появившиеся в районе концессии некоторые офицеры (полковник Генерального штаба Мандрыка[95], полковник барон Корф, Николай Андреевич[96], и др.) проявляли скорей «разведывательную», чем охранную деятельность.

Все это волновало правящие японские круги. Они усматривали в деятельности представителей русского правительства стремление выжить Японию из Кореи, не допустить Японию утвердиться на материке. А это противоречило жизненным интересам Японии. Дипломатические переговоры не вносили ясности в положение и все более и более вну-

шали подозрения Японии. У представителей японского правительства и у Микадо сложилось убеждение, что миролюбиво вопрос не разрешится и война с Россией неизбежна.

Начинается в Японии лихорадочная и интенсивно-систематическая подготовка к войне. Кроме реорганизации армии и чисто военной подготовки, ведется усиленная подготовка населения (в школах, прессе, на различных собраниях); подготовляется почва к тому, чтобы война с Россией была национальной, приветствовалась бы населением.

Движение в Японии против России и усиление ее мощи были просмотрены представителями русского правительства в Японии, как военным, так и дипломатическим. Наш предпоследний военный агент в Японии до начала войны, полковник Генерального штаба Глеб Ванновский[97], абсолютно ничего не видел. Он вел, по-видимому, просто светскую жизнь (участвуя в устраиваемых японцами приемах и охотах и не видя никаких явных приготовлений к войне), относясь при этом пристрастно-презрительно к японцам, доносил, что в военном отношении японская армия не представляет ничего серьезного. Донесения Ванновского подтверждались нашими дипломатическими представителями, указывавшими на то, что Япония никогда не рискнет на войну с Россией.

Заменивший Ванновского на посту военного агента в Японии полковник Самойлов[98], наоборот, уже вскоре после своего назначения стал присылать совершенно другие донесения. Он указывал на то, что Япония серьезно готовится к войне, что ее армия после мобилизации будет очень сильна, что, если Япония и не стремится к войне с Россией, она на нее пойдет, если это будет необходимо для достижения ею ее жизненных интересов.

Самойлову не верили ни военный министр Куропаткин, ни Главный штаб, ни наше Министерство иностранных дел. Но все же ввиду постоянных протестов со стороны Японии, ввиду настойчивых донесений Самойлова и, наконец, начавшей звучать некоторой тревоги в устах и донесениях наших дипломатических представителей, а также требований со стороны наместника Е. И. В., адмирала Алексеева, об увеличении военных сил наших на Дальнем Востоке, было решено проверить нашу готовность к войне на Дальнем Востоке и, если надо, увеличить находящиеся там вооруженные силы.

Но в основе этих «предупредительных» мер все же лежало твердое убеждение, что маленькая Япония («макаки») не посмеет рискнуть на войну с Россией. Считалось лишь необходимым увеличить до некоторой степени «страховку» путем некоторого увеличения вооруженных сил на Дальнем Востоке и усилением крепостей во Владивостоке и Порт-Артуре. Уверенность в том, что Япония не посмеет рискнуть на войну, зиж-

дилась и на убеждении, что наш флот не слабее японского флота и что Япония не будет в силах перебросить всю свою армию на материк и беспрерывно ее снабжать всем необходимым путем подвоза из метрополии.

Для поверки нашей готовности и вообще для ознакомления с положением на месте был Государем во второй половине 1903 г. командирован на Дальний Восток военный министр Куропаткин. Куропаткин с помпой объехал Дальний Восток, побывал во Владивостоке, в Порт-Артуре, в Дальнем. В общем он нашел, что все обстоит благополучно и что войны с Японией нам не приходится опасаться. На его совещаниях с наместником, Алексеевым, было лишь решено принять некоторые меры для ускорения постройки крепости в Порт-Артуре, некоторого усиления Владивостока, а также усиления войск и флота на Дальнем Востоке.

Насколько Куропаткин был уверен в том, что войны у нас с Японией не будет, служит доказательством его письмо на имя командующего войсками Киевского военного округа сейчас же после возвращения с Дальнего Востока в Петербург. В этом письме, присланном с полковником Генерального штаба Сиверсом (который должен был срочно привезти и ответ), Куропаткин писал приблизительно следующее (пишу «приблизительно», так как точной редакции не помню, но суть помню хорошо):

...Объехав Дальний Восток и приняв некоторые меры для усиления нашего там военного могущества, все же пришел к выводу, что войны с Японией нам опасаться не приходится. Весь обратный путь в Петербург думал о нашем Западе: там действительно на нас надвигается грозная опасность и нам надо усиленно готовиться к войне с нашими западными соседями. Просматривая взятые мною из Главного штаба отчетные работы штаба Киевского военного округа, пришел к заключению, что не обращено должного внимания на обложение и взятие ускоренной атакой Львова и Перемышля. Нет соображений и на ведение осады, если бы таковая потребовалась. Я постарался кой-что наметить по картам, имевшимся в моем распоряжении. Посылая Вам мои краткие соображения, прошу безотлагательно приказать Вашему штабу подробно разработать эти вопросы (до нанесения на планы параллелей) и исполненную работу срочно прислать с полковником Сиверсом, который подождет ее окончания в Киеве...

Не говоря об абсурдности требований Куропаткина составить вперед подробный план осады и атаки укрепленных пунктов (Куропаткину было отвечено, что такая работа просто невыполнима и совершенно бесцельна), это письмо ярко иллюстрирует, что на Дальнем Востоке Куропаткин нашел «все спокойно и все благополучно».

Усиление войск Дальнего Востока выразилось в том, что было решено за счет войск Европейской России сформировать третьи

батальоны для усиления двухбатальонных полков Сибирских дивизий (каждая европейская русская дивизия должна была сформировать один батальон по штатам военного времени) и отправить на Дальний Восток две пехотные бригады с соответствующей артиллерией (от 10-го и 17-го армейских корпусов) и одну бригаду конницы. Это усиление считалось совершенно достаточным, дабы отбить охоту у японцев решиться на войну.

Кроме того, были отпущены дополнительные кредиты на срочное усиление крепостных работ во Владивостоке и в Порт-Артуре и на усиление различных неприкосновенных запасов для войск Дальнего Востока. Дабы не возбуждать у японцев «подозрения», было объявлено в печати, что войска передвигаются на Дальний Восток временно, «для проверки провозоспособности Сибирского великого пути».

Этим детским объяснением, конечно, японское правительство не было «успокоено», а мерой усиления сибирских войск путем выделения батальонов по штату военного времени из состава дивизий европейской России были совершенно расстроены дивизии и подорваны их неприкосновенные запасы. Получился просто Тришкин кафтан.

Возбуждение в Японии только усилилось, и она, уверенная, что сама Россия идет к войне, решила предупредить события, не дать русским военным силам на Дальнем Востоке усиливаться «под шумок» и ослабить наиболее опасного для них врага: наш флот.

Война началась (если не ошибаюсь, в конце января 1904 г.) внезапным ночным нападением миноносцами на наш флот в Порт-Артуре и эскадрой на два наших крейсера в Чемульпо.

У меня сохранилось впечатление, что мы, военные, нисколько не были возмущены нечаянным «предательским» нападением японцев на наш флот, а всех поразил сам факт решимости Японии начать войну с Россией. Что же касается внезапности нападения — то все отлично понимали, что жизненные интересы Японии требовали именно внезапным нападением ослабить наш флот и этим сделать для них возможной борьбу с Россией: без господства на море и без возможности поддерживать регулярные сообщения между своими островами и материком Япония не могла бы вести войны с Россией.

Удавшееся японцам нападение на русский флот было, конечно, тяжелым ударом, но мы все, военные, как старшие, так и младшие, были убеждены в победе России считали, что Япония решилась на безумный поступок, за который должна жестоко поплатиться.

После неудачной для нас японской войны, когда стали известны все обстоятельства, ее сопровождавшие, можно опять-таки сказать: если бы русские правящие круги отнеслись к войне серьезно, если б не преуменьшали силы японской армии, — победа была бы за нами. Но

наши верхи отнеслись к войне легкомысленно, и мы проиграли кампанию. Способствовало этому и бесталанное руководство операциями генералом Куропаткиным.

По расчетам нашего высшего командования, для победы над японской армией были достаточны силы, уже находившиеся в Сибири, с усилением их двумя корпусами, а именно 10-м и 17-м, из коих по одной бригаде уже было отправлено на Дальний Восток, и несколькими стрелковыми бригадами. Первые же бои показали, что японская армия — чрезвычайно серьезный противник и что намеченных для отправки на Дальний Восток войск может оказаться мало.

Вместо того чтобы коренным образом изменить сам план кампании и сделать возможным сосредоточить вне зоны военных действий действительно крупные силы, с которыми и начать решительную операцию, наше командование на фронте стало бросать в боевую зону прибывающие из Европейской России войска пачками, а военный министр и Главный штаб стали совершенно сумбурно производить в России частные мобилизации и мобилизовать постепенно войска, почти исключительно в зависимости от провозоспособности Сибирской железной дороги. В результате на Дальний Восток посылались войска не сплоченные, не сбитые, которые в значительной степени дезорганизовывались и разбалтывались в период длительного передвижения по железным дорогам. На месте же эти несплоченные части пачками бросались вперед.

Следствием непродуманных мобилизаций было полное разрушение всех мобилизационных соображений в Европейской России, а если к этому добавить, что армии Дальнего Востока жили главным образом за счет неприкосновенных запасов мирного времени (артиллерийские, интендантские и санитарные запасы), легко понять, какой хаос получился в Европейской России.

Мы только после Мукдена сосредоточили в Маньчжурии достаточные силы, но было уже поздно. Корпуса же, остававшиеся в Европейской России и на Кавказе, были совершенно обобраны, неприкосновенные запасы армии иссякли. К весне 1905 г. Россия по отношению своих западных соседей оказалась фактически совершенно беззащитной. Последнее повлекло за собой заключение с Германией чрезвычайно невыгодного для России торгового договора.

Война, бывшая непопулярной с самого начала, стала поводом для всех левых политических партий для борьбы с правительством и самодержавным строем. Все революционное зашевелилось, и началась в стране ярая пропаганда.

Насколько генерал Куропаткин и Главный штаб относились легкомысленно к войне с Японией, я узнал в конце 1905 г. из материалов,

оставшихся после смерти М. И. Драгомирова. Дело в следующем. Весной 1905 г., после поражения наших армий под Мукденом, в Петербурге был поднят вопрос о необходимости сместить Куропаткина. М. И. Драгомиров, живший в это время на покое (числился членом Государственного совета) в Конотопе, получил привезенное фельдъегерем письмо от военного министра генерал-адъютанта Сахарова. Генерал Сахаров предупреждал Драгомирова, что Государь Император предполагает предложить Драгомирову пост главнокомандующего действующих армий вместо Куропаткина. Сахаров писал, что он просит Михаила Ивановича подумать о том, может ли он принять это предложение. Заканчивалось письмо сообщением, что если предположение Государь не изменит, то Михаил Иванович получит телеграмму с вызовом в Петербург и что тогда надо будет приехать немедленно.

Михаил Иванович написал командующему войсками Киевского военного округа о том, что, может быть, он в ближайшие дни поедет в Петербург, и просил прислать в Конотоп вагон-салон.

Мне по секрету Драгомиров сказал о содержании письма Сахарова и добавил: «Если я получу это предложение, я соглашусь. Теперь главнокомандующему не нужно гарцевать на коне; не только можно, но и должно управлять войсками издали. Я чувствую, что я еще в силах исполнить свой долг перед Родиной и сумею управлять войсками из вагона. Если я буду назначен, я беру тебя с собой. А пока поедем вместе в Петербург, если я буду вызван».

Я был рад — как тем, что, может быть, М. И. Драгомиров будет главнокомандующим, так и тем, что явилась надежда и мне поехать на Дальний Восток. Я просился на войну с самого ее начала, но генерал Сухомлинов категорически мне отказал, сказав, что мне, как старшему адъютанту мобилизационного отделения, когда в округе беспрерывно идут мобилизации, никуда уезжать нельзя. Затем генерал Мартсон, уезжая на Дальний Восток, предложил мне место старшего адъютанта оперативного отделения в своем штабе. Сухомлинов опять-таки меня не отпустил. Теперь же, в случае назначения Михаила Ивановича Драгомирова главнокомандующим, я был уверен, что Сухомлинов меня отпустит.

Дня через два после письма Сахарова Драгомиров получил короткую телеграмму непосредственно от Государя с вызовом в Петербург. Михаил Иванович был чрезвычайно бодро настроен и в тот же день выехал в Петербург. Всю дорогу он обсуждал различные вопросы, связанные с войной с японцами, и мы, сопровождающие, удивлялись, куда делись слабость и недомогание, которые испытывал Мих. Ив. за все предыдущее время. По приезде в Петербург М. Ив. сейчас же поехал к Сахарову и о своем приезде дал знать министру двора графу Фредериксу.

Затем проходят день, два, три... и от Государя ничего нет. Граф Фредерикс известил Драгомирова, что о его приезде доложено Государю и что Мих. Ив. получит уведомление, когда Государь его примет. Настроение Мих. Ив. Драгомирова резко понизилось, и он опять физически стал недомогать. Для него стало ясно, что Государь или сам передумал, или Его отговорили. Наконец от военного министра Сахарова Мих. Ив. получил уведомление, что Государь просит генерала Драгомирова прибыть тогда-то в Царское Село для участия в совещании, на котором будет рассматриваться вопрос о смещении генерала Куропаткина.

Для Драгомирова стало ясно, что он не предназначается на место Куропаткина. Михаил Иванович поехал на совещание в Царское Село. Государь был с ним чрезвычайно любезен, но ни слова не сказал о бывшем предположении.

На совещании участвовало, кроме Государя, всего восемь человек. Им всем за несколько дней до совещания были розданы печатные записки и доклады, обнимавшие всю деятельность генерала Куропаткина с момента назначения его командующим армией. На совещании было решено, что Куропаткин не может оставаться главнокомандующим, и Государем было решено, что заместителем Куропаткина будет генерал Линевич[99].

Впоследствии было приказано отобрать у всех членов совещания выданные им печатные материалы и их уничтожить, оставив лишь один экземпляр для секретного отдела Архива Главного штаба. Начавшаяся революция и перерыв сообщения с Петербургом Юга России сделали то, что своевременно не были затребованы материалы от Драгомирова, а затем о них забыли.

После смерти Михаила Иванович Драгомирова (после смерти кого-либо из генерал-адъютантов всегда командировался на квартиру покойного кто-либо из чинов Двора для просмотра оставшейся корреспонденции и бумаг, на случай если что-либо из них носило характер государственного секрета и подлежало отобранию от семьи; так как смерть М. И. Драгомирова последовала 15 октября 1905 г., в самый разгар революции и перерыва сообщений, никто в Конотоп прислан не был, а затем, по-видимому, об этом просто забыли), эти материалы взял себе я, и они у меня хранились (надеюсь, что они ныне целы, находясь с некоторыми другими бумагами в верных руках в России). Вот среди этих-то материалов я наткнулся на чрезвычайно интересные доклады Куропаткина на имя Государя, при назначении его командующим армией. Доклады меня поразили своим легкомыслием и стремлением устроить самого себя возможно лучше.

Особенно выделялись два доклада: один — в связи с назначением Куропаткина командующим армией, а другой — с изложением плана

кампании. В первом своем докладе Куропаткин испрашивал указание Государя Императора о том, как должен быть отдан приказ о его, Куропаткина, назначении командующим армией. Куропаткин в своем докладе предлагал на усмотрение Государя несколько вариантов.

Начинался доклад с напоминания Государю, что Его Императорское Величество еще недавно перед тем, высказывая ему, Куропаткину, полное доверие и одобрение по всем мероприятиям Военного министерства, определенно изволил выразить желание не расставаться с Куропаткиным как военным министром. Исходя из этого, Куропаткин высказывал предположение, что лучше всего назначить его, Куропаткина, командующим армией с сохранением за ним звания военного министра. Временное же исполнение обязанностей военного министра могло быть возложено на начальника Главного штаба или на иное лицо по указанию Государя, с сохранением за Куропаткиным общего направления деятельности Военного министерства.

Если б Государь признал неудобным сохранить за Куропаткиным общее направление деятельности Военного министерства в течение войны, можно было бы отдать в приказе, что он, генерал Куропаткин, назначаясь командующим армией, после окончания войны вернется на пост военного министра. В этом случае следовало бы кого-либо назначить временно исполняющим должность военного министра на время войны, сосредоточив в его руках все функции военного министра на это время. Наконец, если и это будет признано несоответственным, то он, Куропаткин, должен быть просто освобожден от должности военного министра с назначением командующим армией. Заместитель его мог бы быть назначен «управляющим Военным министерством». (Надо сказать, что при назначении новых министров применялись две формы назначения. Или новое лицо в указе Сенату назначалось министром, или управляющим министерством. Вторая форма подразумевала еще не окончательное назначение министром, а как бы определялся некоторый период испытания.)

Весь тон и характер доклада подчеркивал преимущество первого предложения и толкал во всяком случае Государя на резолюцию, которой, если бы даже за Куропаткиным не был сохранен на время войны пост военного министра, то было бы дано письменное обещание его вернуть на этот пост.

Как известно, Государь Император с этим не согласился; Куропаткин был назначен командующим армией, а Сахаров был назначен военным министром. Никакого обещания дано не было.

Во втором докладе (изложение на одобрение Государя Императора плана войны) Куропаткин с чрезвычайным легкомыслием излагал план своих действий.

Я, к сожалению, не помню теперь детали этого доклада, но могу сказать только то, что удержала моя память. Весь доклад выражал полную уверенность в скорой и легкой победе. Японская армия была представлена совершенно ничтожной в своем качественном отношении. Излагался план, в случае если японцы рискнут двинуться вперед до полного сосредоточения своих войск, бить их по частям, не давая сосредоточиться. Указывалось, что у нас в Сибири совершенно достаточно войск для ведения решительной, активной, наступательной кампании. В случае же если японцы сумеют высадить и сосредоточить на материке значительные силы в глубине Кореи, то, закончив наше сосредоточение, нанести японской армии сокрушительный удар и сбросить ее в море. Затем указывалось, что наш флот окончательно разбивает флот противника, и мы производим десант в Японии. Записка заканчивалась указанием, что после подавления народного восстания, которое, вероятно, вспыхнет, мир будет продиктован Микадо в Токио... На этом докладе (записке) были отпечатаны многочисленные пометки Государя Императора, сделанные Его Величеством на подлинном докладе. Куропаткин этим докладом совершил государственное преступление.

Не менее неприлично вел себя Куропаткин и во время самой войны. Зная значение «петербургских гостиных» и предполагая, что на «Двор» и на Царя и Царицу можно влиять через некоторых лиц, он в течение всей войны поддерживал постоянную связь с отдельными лицами в Петербурге (большей частью дамами), посылая им информации, разъяснения и жалобы с особыми фельдъегерями. Он рассчитывал, что за него будут заступаться перед Государем и Царицей и среди влиятельных кругов будет создаваться благоприятная для него атмосфера. Причины своих неудач он сваливал на других, указывал якобы истинных виновников.

После первых же неудач не знаю кем (и не знаю, причастен ли к этому Куропаткин), но кем-то была брошена в массу мысль, что в неудачах виновен М. И. Драгомиров, который будто бы своим преступным отношением к офицерам и попустительством по отношению солдат развратил армию, а своим преступным отношением к развитию в армии военной техники сделал то, что наша армия оказалась не на высоте современных требований.

Несмотря на ложность и глупость этих обвинений, им в военной массе поверили; и до настоящего времени есть генералы, которые, как попугаи, повторяют их. Сам же Куропаткин в своих оправданиях и обвинениях других совершенно «забыл», что ведь он был продолжительное время до войны военным министром, ответственным за подготовку войск к войне. Не удивительно, что об этом «забыл» Куропаткин; вер-

ней, у него хватило наглости это «забыть»; но удивительно, что очень мало кто из военной среды понимал, что главный виновник поражения именно Куропаткин.

Выпущенные после войны многотомные объяснения Куропаткина (кажется, пять томов) были составлены очень ловко и даже талантливо (к работе Куропаткин привлек ряд очень дельных офицеров Генерального штаба), но в них много натяжек, и истинная их цель — самооправдание и обвинение других. Он же, по его описанию, выходит во всем прав и чист. Просто несчастная жертва глупости и подлости других.

После окончания этой несчастной войны, как я уже, кажется, говорил выше, в Петербурге была создана комиссия для составления нового полевого устава. Старый полевой устав, который, если не ошибаюсь, был Высочайше утвержден в 1902 г., составлялся в штабе Киевского военного округа по указаниям и под общим руководством Драгомирова. Наши неудачи объяснялись и устарелостью положений полевого устава, а следовательно, и в этом обвинялся М. И. Драгомиров.

Образованная в Петербурге комиссия, кажется, под председательством Великого князя Сергея Михайловича, выработала новый устав, который и был разослан на заключение командующих войсками округов и старших войсковых начальников.

В штабе Киевского военного округа я был привлечен к составлению заключения по проекту нового полевого устава. Из детального его рассмотрения выяснилось, что, по существу, он ничего нового не давал, а те новшества, «вызванные современной силой огня», о которых трактовалось в объяснительной к уставу записке, оказались почти все имевшиеся в старом уставе, но были изложены в других параграфах и в несколько других выражениях.

В штабе Киевского военного округа была наведена довольно суровая критика на новый устав, и заключение при очень ядовитом письме командующего войсками округа, Сухомлинова, было послано военному министру. Мне же было разрешено послать в журнал «Разведчик» частную статью относительно «нового» устава.

Соответственную статью я написал и приложил к ней параллельное изложение «новшеств» составленного проекта и изложение этих «новшеств» в старом уставе. Свою статью я закончил вопросом: как же составители могли «проморгать» такую неувязку? Не произошло ли это по той причине, что составители нового проекта устава, поверив на слово участникам кампании, просто не применявшим на войне существовавший полевой устав, сами его не знали?

Какие заключения были присланы из других округов, я не знаю, но проект нового устава как-то заглох и его просто забыли. К пересоставлению полевого устава было приступлено много позже.

В один из моих наездов в Петербург (я был вызван для пересоставления мобилизационного расписания) меня позвал к себе в кабинет генерал Мышлаевский[100] (он был тогда назначен начальником Главного штаба) и в разговоре со мной сказал, что моя статья наделала много шуму; что меня хотели привлечь к ответственности за дискредитирование военных верхов, но... убедившись, что все написанное мною правда, решили меня не карать, а про проект нового устава просто забыть.

Во время мировой войны, приняв весной 1916 г. 32-ю пехотную дивизию, я убедился, что во многих дивизиях при составлении диспозиций, приказаний и проч. совершенно не придерживались форм и требований полевого устава. Были выработаны свои упрощенные формы, а про полевой устав просто забыли, и когда я потребовал у своего начальника штаба дивизии придерживаться действующего полевого устава, это было принято с большим неудовольствием, как «блажь и неопытность» новичка. Строевые начальники и штабы считали, что опыт войны выработал свои требования и просто глупо руководствоваться уставом. Это, надо полагать, было и во время японской войны, после которой некоторые участники ее, привлеченные к составлению нового устава, руководствовались именно своими знаниями, закрепленными опытом войны, и хорошо забыли, что эти знания они почерпнули прежде всего из устава, который ими был заброшен.

После Мукденского поражения наши армии отошли на Сипингайские позиции, где были пополнены и приведены в порядок. Подвезенным из Европейской России новыми корпусами наши силы были подкреплены и значительно превосходили силы японцев. Япония выдохлась; больше она ничего не могла дать, но рассчитывать на победоносное для нас окончание кампании было очень трудно: моральное состояние японской армии после ряда блестящих побед было высоко; новый главнокомандующий, «дедушка» Линевич был прекрасным командиром полка, но никуда не годным главнокомандующим миллионной армии и совершенно не в силах был изменить и поднять моральное состояние русских армий; в стране развивалось революционное движение и шла бешеная пропаганда за заключение мира во что бы то ни стало; в самой армии было неблагополучно: то в одной, то в другой части начали вспыхивать беспорядки.

При этой обстановке даже в случае победы над японской армией мы, в лучшем случае, сбросив ее в море, могли бы закончить войну ни в чью. Дальше ничего не могли сделать, ибо японцы стали полными господами на море. Усилий же, потерь и материальных расходов продолжение войны стоило бы колоссальных. Обстановка в тылу (Европейская Россия, Кавказ и Сибирь) грозила, что весь тыл скоро будет объят пожаром, армии могли бы оказаться отрезанными от родины и,

конечно, разложились бы. Было решено идти на мир. Возложены были переговоры на Витте, и он при содействии правительства Северо-Американских Соединенных Штатов заключил Портсмутский мир.

Война была закончена. За легкомыслие, с которым велась японская война, Россия жестоко поплатилась. Были потеряны (уступлены Японии) не только Квантунский полуостров и часть Южно-Маньчжурской железной дороги до станции Чан-Чунь, но и южная часть Сахалина. Япония стала великой державой.

Тяжелое настроение было в тылу. О «революционных» настроениях я скажу дальше, а здесь отмечу вопрос исключительно с военной точки зрения — так, как мы переживали в Киевском военном округе.

Я уже сказал раньше, что из Киевского военного округа еще до начала войны с Японией были отправлены на Дальний Восток: одна бригада 10-го армейского корпуса и третьи батальоны для сибирских стрелковых полков (формировались каждой пехотной дивизией округа). Формирование и отправка этих батальонов чрезвычайно ослабили части войск округа и нарушили их «неприкосновенные» запасы.

После начала войны с Японией были отмобилизованы и отправлены на Дальний Восток 3-я стрелковая бригада и 10-й армейский корпус. Мобилизация этих войсковых групп была произведена в две очереди: две частные мобилизации. Затем была произведена третья частная мобилизация и был отмобилизован и отправлен на Дальний Восток 9-й армейский корпус. Наконец, была произведена четвертая частная мобилизация, был отмобилизован 21-й армейский корпус и предназначен к отправке на Дальний Восток; но дело уже шло к миру, и этот корпус вместо отправления на Дальний Восток был употреблен (демобилизованы были только обозы, артиллерия и санитарные учреждения) для поддержания порядка в стране (одна дивизия была отправлена на Кавказ).

Из войск Киевского военного округа не были мобилизованы 11-й и 12-й армейские корпуса, но все было дезорганизовано, все части и окружные интендантские и артиллерийские склады были буквально обобраны.

Невольно всех нас охватило чувство неудовольствия и обиды, что так глупо и непредусмотрительно велась подготовка и самая отправка всего необходимого на Дальний Восток. Ясно сознавалось, что наш Главный штаб не имел никакого определенного плана и все делалось по мере поступлений требований из армии без всякого предвидения на месте — в Петербурге.

Подготовка к революции, разразившейся в 1905 г., велась, конечно, задолго до войны, но возможность самой революции в 1905 г. явилась главным образом вследствие непопулярной в народных массах

войны с Японией, а также вследствие того, что в ее устройстве вместе с революционными кругами крайне левых партий приняли участие и буржуазные круги русской интеллигенции. В борьбе против правительства объединились с республиканцами многие круги земской России, купечества, профессуры, судебного ведомства, представители различных «свободных профессий» (громадный процент врачей, особенно земских, и учителей).

Большая часть русской интеллигенции объединилась в конституционно-демократическую партию, которая, проводя принцип конституционной монархии, просто подтачивала все монархические (и государственные) устои и, конечно, вела к республике. По одному пути с конституционно-демократами (ка-де), или кадетами, шли многие представители русского дворянско-земского круга, которые, говоря, что они борются не против Царя, а против «системы», против преступно бюрократического режима, возглавляемого якобы глупыми и преступными министрами, не понимали, что они ведут борьбу именно против монархической идеи, против Царя и разрушают созданное многими веками здание русской государственности.

Пока вели работу против Царя и монархического строя в России революционеры, республиканцы и иные, более левых толков, серьезных результатов они не достигли. Правда, много террористических актов им удалось, но даже убийство Царя (Александра II) не могло повлиять на изменение государственного строя России и разрушить государственную машину. До конца XIX в. с разрушительной работой всяких анархистов, республиканцев разных толков и социалистов различных оттенков успешно боролась русская государственная власть, поддерживавшаяся в этом отношении главной массой всех классов русского народа. Оставалась для этих лиц недоступной и армия; отдельные попытки внести в нее разложение всегда успешно пресекались. Но с конца XIX в., когда к работе этих политических преступников начали примыкать широкие массы русской интеллигенции, когда разрушительная работа проникла в школы, когда земство стали противопоставлять «бюрократизму», когда, наконец, все внимание не только явно революционных элементов, но и широкой массы русской интеллигенции стало направляться на армию и стало проникать разложение в ее ряды при помощи вольноопределяющихся, офицеров запаса, врачей и различных чиновников, когда в офицерские круги стал проникать яд из окружающей среды — положение стало серьезным.

Собственно в казармы, в солдатскую среду, в массу яд проникал очень мало, но как в армии, так и во флоте стало появляться все больше и больше отдельных матросов и солдат из мастеровых, разночинцев и сыновей мелкой интеллигенции, которые, являясь проникнутыми

революционными тенденциями, представляли из себя элементы, которые при благоприятных обстоятельствах объединяли вокруг себя солдатскую и матросскую массы и вели их по революционному пути. Такими «благоприятными обстоятельствами», при полном равнодушии массы к различным политическим лозунгам, являлись обыкновенно какие-либо неудовольствия чисто бытового, хозяйственного характера. То окажутся черви в борще и каше, и на этой почве возбуждаются страсти: «нас кормят червями», «начальство ворует» и проч.; то фельдфебель или боцман берет для себя и своей семьи слишком значительный кусок сала или мяса из общей порции, и опять — «нас обкрадывают, нас морят голодом, начальство ворует»; то возникают недоразумения на почве обмундирования, внеурочных работ и проч.; то — но это случалось гораздо реже — недоразумения возникали на почве якобы несправедливого или жестокого обращения фельдфебелей, боцманов или отдельных офицеров с каким-либо солдатом или матросом.

Редкие, но более серьезные недоразумения возникали иногда при вызове войск для подавления каких-либо беспорядков среди населения. В этих случаях все чаще и чаще велась пропаганда против употребления оружия против «народа».

Верхи боролись с этими явлениями обыкновенно чисто полицейскими или жандармскими мерами. Офицерство, в своей массе совершенно лояльное и верноподданное, не умело бороться и не понимало (не видело) надвигавшейся опасности. С постепенным же проникновением в новые молодые кадры офицерства различных либеральных тенденций сопротивляемость армии революционной пропаганде постепенно ослабевала.

«Кастовый» характер офицерского корпуса, пополнявшегося в прежнее время из дворянской и чисто военной среды, постепенно изменялся, и к периоду войны с Японией офицерский корпус русской армии уже имел крайне разношерстный характер. Процент «разночинцев», из «интеллигентов» и из низших слоев (как их презрительно называли, «кухаркиных сыновей»), стал значительным не только среди младшего офицерства, но и среди старших чинов. Достигающих высоких положений не по родовитости, а за свои личные заслуги было в армии сколько угодно: таких, как генерал Иванов (ставший командующим войсками Киевского военного округа и затем главнокомандующим Юго-Западным фронтом во время мировой войны), генерал Алексеев, генерал Деникин, генерал Корнилов, было очень и очень много.

Даже в гвардию «демократия» стала проникать довольно свободно. Инородцев, как, впрочем, и прежде, в армии было много; но в период конца XIX столетия, несмотря на официальные препоны, в армию стали проникать в изрядном проценте и худшие из инородцев — евреи.

Помимо большого числа попадавших на младшие офицерские должности (конечно, после принятия христианства) всяких Рубинштейнов, Штейнов, Рабиновичей и проч., многие из евреев достигали и высоких должностей. Достаточно указать на Цейля[101], Ханукова[102], Грулева[103] (М. Грулев (Генерального штаба), конечно, прежде отрицал свое еврейское происхождение, но ныне издал свои записки, открыв свою национальность: *Грулев М.* Записки генерала-еврея. Париж, 1920 г., склад издания кн. магазин «Москва»), барона Майделя и проч., и проч.

Подобное видоизменение состава корпуса офицеров русской армии, при постепенном изменении жизни государства и проведении системы общей воинской повинности, конечно, было естественно, но нарушало «единство» и «монолитность» офицерства и, повторяю, ослабляло сопротивляемость армии по отношению всяких революционных течений: офицерство в своем составе все больше и больше отражало ту среду, из которой оно выходило.

В течение моей службы в Киевском военном округе, вплоть до первой революции 1905 г., я не знал и никогда не слышал о каких-либо революционных движениях или настроениях в офицерской среде. Было несколько отдельных случаев, когда обнаруживалась причастность отдельных офицеров к революционным кружкам, но, как я уже сказал, офицерство в своей массе было вполне верноподданно и вернопреданно Государю и вполне лояльно. Принято же было считать, что офицеры артиллерии и инженерных войск более либеральны и склонны к «саботажу».

В период моей службы в Киевском военном округе (до 1905 г.) я помню только два серьезных случая «революционного движения». Один, если не ошибаюсь, в Полтавской губернии, где на аграрной почве произошло движение среди крестьян ряда селений. Это движение было легко ликвидировано высланным нарядом войск и стражниками. Одной роте пришлось дать залп по толпе, и было убито несколько человек и несколько человек было ранено. Стражники же перепороли порядочное число крестьян. Конечно, «расстрел» и порка вызвали возмущение в либеральных кругах. Относительно «расстрела» кричали, что преступно стрелять в беззащитную толпу боевыми патронами, что надо сначала «напугать», дав несколько залпов холостыми патронами, и что тогда не придется употреблять в дело и боевые патроны.

Сторонники этого взгляда были и среди военных, и среди многочисленных представителей гражданской администрации. Ярым же его противником был М. И. Драгомиров, указывавший на то, что привлечение войск к подавлению народных волнений должно производиться лишь в крайнем случае, и раз власть переходит в руки военных начальников, то никаких «холостых» залпов или стрельбы поверх голов

быть не может. Должно быть только предупреждение, что если толпа не подчинится распоряжению разойтись, то будет дан залп. Залп же должен быть дан боевыми патронами и с хорошим прицелом.

М. И. Драгомиров доказывал, что, только так поступая, правительство сохранит в своих руках войска, а жертв будет не много. Всякие же «холостые» залпы, стрельба поверх голов и излишние разговоры — будут всегда вести к «братанию войск с толпой», развалу дисциплины в войсках, недоверию толпы, что в нее посмеют стрелять и, как следствие всего этого, излишние жертвы и возможное торжество революционного движения.

События первой революции подтвердили всю справедливость взглядов и требований М. И. Драгомирова: там, где войсковые начальники не миндальничали и исполняли точно требование «правил подавления восстаний» (призыв войск для подавления народных восстаний) — все кончалось благополучно и крови было мало; там же, где этих правил не исполняли, — кончалось всегда скандалами и большим числом жертв.

Проверил я правильность этого взгляда и при других условиях, будучи в Шанхае в 1925 г., в период, когда к Шанхаю подошли войска одного из взбунтовавшихся китайских генералов (в январе) и, заняв китайскую часть города, угрожали иностранным концессиям.

Внешней, граничащей с китайской территорией, была французская концессия. Отделялась она от китайской части города довольно широким каналом (но вода была неглубока, и во многих местах можно было перейти ее вброд) с мостами.

Французы расположили по окраине своей концессии команды с морских судов, несколько рот анамитов и полицейские отряды. Против мостов и пунктов, где переход через канал был более легкий, установили пулеметы, забаррикадировав их мешками с песком. Один из участков против главного моста должен был оборонять русский офицер Борис Сергеевич Яковлев, служивший в Шанхае во французской полиции.

Я жил в Шанхае у Яковлева. Он мне рассказал взаимное расположение китайцев и французов и повел меня показать его на месте. Обойдя французскую «позицию», я узнал, что высшим начальством отдано распоряжение: «В случае перехода китайцев в наступление отнюдь сразу не стрелять в них, а первую очередь из пулеметов и винтовок пустить поверх голов наступающих».

Длина моста и небольших перед ним участков, не занятых войсками, не превышала в общей сложности ста шагов. Я Яковлеву объяснил, что если он исполнит приказ своего начальства, то прежде, чем он успеет изменить «точку прицела», его стрелки и пулеметчики будут смяты

китайцами. Я порекомендовал ему направить пулеметы так, чтобы пули «не свистали над головами».

На следующую же ночь китайцы без всякого предупреждения на участке Яковлева бросились в атаку через мост и рядом через канал. Пулеметы их встретили «действительным огнем». Через минуту все было кончено: китайская масса отхлынула, и надо было подобрать убитых и раненых, коих было довольно много. Произведенное расследование показало, что если бы огонь был открыт поверх голов, то вряд ли французы уцелели бы. В результате Яковлев получил благодарность в приказе и был награжден орденом.

Началась война с Японией, начались в конце 1904 г. и мелкие брожения — то в одном месте, то в другом. Стала довольно бурно проявляться деятельность либеральных партий, особенно открыто и громко выступали конституционные демократы. Но во всем этом ни общество, ни мы, военные, не разглядели признаков приближавшейся революции. Многим из нас, не политиканам, верноподданным нашего Монарха, казалось, что многие русские патриоты ради блага отечества ведут борьбу не с Монархом, не с монархическими идеями, а с несколько устаревшими и закостеневшими формами, с бюрократическим произволом, с преступными формами деятельности русского чиновничества и плохих представителей администрации.

Особенно ловко, гипнотизирующе и осторожно действовала партия конституционных демократов (кадет). В Киеве в числе их главных представителей были высокоуважаемые лица, как, например, профессор князь Евгений Николаевич Трубецкой, профессор Афанасьев (он же директор отделения Государственного банка). Эти лица, являвшиеся центральными фигурами образованнейшей части киевского общества и вращавшиеся в его аристократических кругах, втягивали в орбиту своей политической деятельности очень и очень многих.

(Говоря про князя Ев. Ник. Трубецкого, я вспомнил случай, который был со мной. Случай, выясняющий глупость нашей жандармерии. В Киеве жила княгиня Мария Александровна Святополк-Мирская, имевшая очень обширное знакомство в различных киевских кругах и любившая пожить. Если не ошибаюсь, в 1908 г., она как-то приехала ко мне и сказала: «Поздравляю вас; вы более трех лет были под наблюдением жандармов». — «Как так?!»

Она рассказала мне следующее. Бывший у нее прокурор судебной палаты Корсак как-то ей рассказал, что он вычеркнул из списка «наблюдаемых» ее, княгиню Святополк-Мирскую, и подполковников Генерального штаба Лукомского и Ронжина. Оказалось, что, приняв должность прокурора, он, просматривая списки наблюдаемых, увидел в списке эти три фамилии. Понимая, что тут какое-то серьезное

недоразумение, он приказал дать ему подробную справку. Выяснилось, что как-то осенью 1904 г. была получена из Петербурга шифрованная телеграмма с указанием, что в Киев выехала какая-то крупная революционерка и, по имеющимся сведениям, должна такого-то числа вечером на такой-то улице в Липках в Киеве встретить каких-то лиц. Фамилия революционерки не известна, но она носит глубокий траур. Требовалось проследить ее и лиц, с которыми она встретится, выяснить, кто они, и установить за ними строгое наблюдение. Этой дамой «в трауре оказалась княгиня Святополк-Мирская, а встретившими ее лицами — подполковники Лукомский и Ронжин. Рассказав это, Корсак добавил: «Теперь вас из списка вычеркнули; но три года за вами наблюдали и вели дневник наблюдений». Какие-либо подробности о результатах «наблюдений» Корсак отказался сообщить, указав, что «криминального» ничего не выяснено.

Я вспомнил, что, действительно, как-то осенью 1904 г. был вечер у генерал-квартирмейстера штаба округа Баланина, и среди гостей были Мирская, я и Ронжин. Мы все решили ужинать не оставаться, но, чтобы не производить «сполох», решили, что первой выйдет княгиня Святополк-Мирская и подождет нас напротив, под каштанами, около квартиры князя Трубецкого. Я же и Ронжин к ней присоединимся и доведем ее до дома. Она после смерти своего мужа была еще в глубоком трауре. Отсюда и все недоразумение.)

Многие из главных деятелей этого не понимали. Например, князь Е. Н. Трубецкой, впоследствии поняв, что «кадеты» подрывали государственные устои, с ними порвал.

Первые серьезные беспорядки среди воинских частей вспыхнули в 1904 г. в Полтаве. Командующий войсками, Сухомлинов, послал в Полтаву своего помощника, генерала Шмита, к которому в помощь был придан я. Экстренным поездом, ночью, мы поехали в Полтаву. К времени нашего приезда взбунтовавшийся полк одумался и приказание Шмита выстроиться полку на площади перед казармами было исполнено беспрекословно. Все прошло мирно, и в тот же день приехавший из Киева командующий войсками произвел смотр Полтавскому гарнизону. На этот раз все ограничилось сравнительно небольшим буйством и разгромом какого-то цейхгауза. Виновные были арестованы и преданы суду.

Более серьезные и крупные беспорядки вспыхнули летом 1905 г. в Киеве. Придя в этот день к 9 часам утра в штаб округа (я теперь не помню, какого месяца и числа это было), я узнал от взволнованного писаря, что «на Печерске бунтуют войска». Позванный сейчас же начальником штаба генералом Мавриным, я узнал от него, что около 8 часов утра 4-й и 5-й понтонные батальоны, разобрав винтовки, с красными флагами и с пеньем революционных песен двинулись на

Печерск. Заходят в казармы расположенных там частей войск и, присоединяя их к себе, движутся дальше... Куда «дальше» и что в действительности происходит, генерал Маврин не знал. Он уже разослал в разные концы города офицеров штаба, дав им различные поручения и приказав отовсюду, откуда только возможно, телефонировать ему в штаб. Для охраны командующего войсками, генерала Сухомлинова, были вызваны к его дому две сотни 1-го Уральского казачьего полка.

Мне генерал Маврин приказал быть около телефона, принимать все донесения, делать ему доклады и передавать его распоряжения. Примерно до 11 часов утра ничего путного нельзя было выяснить. Получалось впечатление, что все потеряли головы и никто ничего не знает. Наконец выяснилось, что, действительно, 4-й и 5-й понтонные батальоны по особому сигналу разобрали винтовки и боевые патроны и под командой нескольких молодых офицеров и каких-то подозрительных типов в штатском двинулись по Печерску «снимать» части. К ним присоединился еще один саперный батальон и небольшая часть артиллеристов и пехотинцев с оркестром музыки. На окраине Печерска вся эта толпа наткнулась на саперный батальон (номера не помню), который был выведен на строевые занятия. При этом батальоне были все офицеры и командир батальона полковник Ершов[104].

Полковнику Ершову уже было доложено, что понтонеры бунтуют, и он успел вызвать патронную двуколку с патронами и приказать выдать солдатам боевые патроны. Батальон полковника Ершова стоял в резервной колонне.

Когда на площадь вышла голова бунтующей толпы (среди солдат было уже много штатских), Ершов выслал вперед адъютанта с трубачом, с предупреждением, что если толпа не остановится и если бунтующие солдаты не сдадут винтовок и сами не сдадутся, — будет открыт огонь.

Находившийся впереди бунтующей толпы какой-то офицер в саперной форме вышел вперед и просил адъютанта доложить командиру батальона, что при толпе взбунтовавшихся солдат есть несколько офицеров, которые все время уговаривают солдат прекратить бунт; что им это почти удалось; что настроение в толпе резко изменилось к лучшему и что все сейчас уладится и что только он просит разрешения вывести всю толпу на площадь. Для того же, чтобы все прошло лучше и глаже, он прикажет оркестру играть гимн. Адъютант доложил полковнику Ершову; оркестр действительно заиграл «Боже, Царя храни», а толпа, как казалось, мирно и покорно стала выходить на площадь. Полковник Ершов, довольный, что все кончается мирно и благополучно, услышав гимн, скомандовал своему батальону: «Смирно, слушай на караул!»

Толпа между тем приблизилась к батальону, державшему на караул, и как-то случилось, что в одно мгновение офицеры батальона были

смяты, полковник Ершов изрядно избит, а батальон... присоединился к бунтовщикам. Затем вся орава, с криками «ура» и пеньем какой-то революционной песни, двинулась к станции Киев 2-й.

Как потом выяснилось, взбунтовавшихся (или, правильней говоря, их руководителей) потянули к Киеву 2-му слухи о том, что там находится поезд с привезенными из Тулы пулеметами. Последними и хотели завладеть бунтари. В действительности ничего для них интересного на станции Киев 2-й не оказалось, и их путешествие на эту станцию, а уже затем в Киев, сильно их задержало и дало возможность принять в Киеве некоторые меры для ликвидации бунта.

В отдельные части города были высланы войсковые части и довольно крупная воинская часть была двинута вдоль полотна железной дороги к станции Киев 2-й, чтобы не дать бунтовщикам проникнуть в город. Но как-то случилось, что воинская часть, высланная к станции Киев 2-й, опоздала, и толпа бунтарей, перейдя через железнодорожный мост, двинулась в город к Бибиковскому бульвару. В районе, куда направлялись бунтари, не было никаких воинских частей. Узнав, что толпа движется вдоль Бибиковского бульвара, я переговорил по телефону с командиром Миргородского пехотного полка полковником Николаем Фердинандовичем фон Стаалем[105]. Стааль взял бывшую у него под рукой полковую учебную команду и около Еврейского кладбища перегородил дорогу двигавшейся в город толпе бунтарей.

Оценив обстановку и поняв, что успех будет зависеть исключительно от решительности, он рассыпал свою учебную команду, приказал зарядить винтовки и предупредил, что подаст команду «пачками», как только толпа вытянется на площадь базара. Приказал лучше целиться и сказал, что никаких переговоров с бунтовщиками не будет и не будет никаких предупредительных сигналов.

Толпа появилась на площади Еврейского базара. Передние ряды увидели шагах в 150 от себя рассыпанную цепь солдат и направленные на них винтовки. Произошло замешательство. Передние ряды остановились, стали заряжать винтовки. Но в этот момент раздалась команда «пачками», и затрещали выстрелы. Толпа шарахнулась в одну сторону, затем в другую, и через несколько секунд, бросая винтовки, вся толпа, как куропатки, рассыпалась в разные стороны. Сзади подходили уральские казаки, которым только и осталось, что собирать разбежавшихся и командами отводить в казармы. Все было кончено. Убитых оказалось около 20 человек и раненых немного больше ста человек. Тут произошел еще инцидент. По полковнику Стаалю, бывшему верхом на лошади, было сделано несколько выстрелов из окон соседнего дома. Стааль приказал резервному отделению дать залп по окнам. Все успокоились.

Бунт был подавлен. Начальство подняло голову. Но стали разбирать, все ли было сделано по правилам, нет ли виновных? Кто-то пустил мысль, что полковник Стааль, открыв стрельбу без предупреждения, этим не только нарушил закон, но и способствовал тому, что в общей панике успели скрыться руководители и зачинщики бунта, в том числе три или четыре саперных (понтонных) офицера... (Действительно, эти офицеры скрылись. Кажется, трое удрали за границу, в Швейцарию, а четвертый, раненный на Еврейском базаре пулею в грудь навылет, был впоследствии (месяца через полтора) открыт в Киевском политехническом институте, где его кто-то скрывал в одной из лабораторий. Он был потом судим, и, насколько помню, смертная казнь была ему заменена пожизненной каторгой.) Что, мол, среди толпы было уже много агентов полиции и охранного отделения; что настроение толпы было уже не только мирное, но подавленное; что если бы последовало предупреждение об открытии огня — солдаты выдали бы зачинщиков, все кончилось бы мирно и не было убито несколько невинных людей, случайно подвернувшихся под пули.

Подняла голос и «общественность». Либеральные круги рвали и метали. Командующий войсками Сухомлинов не знал, что скажет Петербург. Начальник штаба Маврин боялся всех и вся. При этих условиях к Н. Ф. фон Стаалю высшее начальство стало относиться как-то неопределенно, холодно. Мы же, рядовое офицерство, отлично понимали, что Стааль поступил совершенно правильно, превысив свои права, и этим спас положение. Позиция высшего начальства нас волновала и возмущала. Офицеры Генерального штаба решили «чествовать» Стааля, устроив торжественный ужин и пригласив принять на нем участие и строевых офицеров не ниже штаб-офицерского чина. «Бум» устроили большой.

Меня, «как зачинщика», генерал Маврин пригласил «переговорить». Я, конечно, не открывая карты в смысле нашего протеста против высшего начальства, изложил подробно взгляд большинства офицеров и отметил заслугу Стааля. Маврин доложил все Сухомлинову, и было решено взять «твердый курс». В Петербург, хотя и со значительным запозданием, полетела телеграмма с представлением Стааля к Св. Владимиру 3-й степени. Через несколько дней был получен ответ, что Стааль удостоился Высочайшего награждения Владимира на шею. Все хорошо — что хорошо кончается!

К сентябрю 1905 г. «революционная» атмосфера сгустилась. То в одном, то в другом месте России стали происходить вспышки аграрных беспорядков, рабочих волнений и беспорядки в войсках (исключительно, впрочем, в мобилизованных частях, то есть пополненных запасными, среди которых революционеры находили более подходящую почву

для своей пропаганды). (Мобилизовались части войск не только для отправления на Дальний Восток на войну, но и для усиления частей, остававшихся в Европейской России для несения гарнизонной службы и для поддержания порядка. Кадры войсковых частей, как мною уже было отмечено, были сильно ослаблены отправкой части своих чинов на Дальний Восток, и, после мобилизации, такие части являлись мало сплоченными, мало сбитыми и мало надежными во всех отношениях.)

Становилось очень не покойно в Киевском военном округе. Но, несмотря на то что положение становилось очень тревожным, чувствовалось ясно, что в высших правительственных кругах происходят серьезные колебания, в провинцию не дается никаких определенных указаний, и местные власти, как гражданские, так и военные, стараясь угадать настроение верхов, сами колеблются, предоставленные сами себе, и боятся принимать определенное направление: как бы не сесть в лужу и не пойти вразрез с Петербургом и не переборщить в правую или левую сторону.

В Киеве мы это наблюдали по деятельности наших верхов. Генерал Сухомлинов все время любезничал и заигрывал с либеральными кругами (с общественностью); генерал Маврин ходил растерянный и ничего не понимал; войсковые начальники в различных пунктах округа (так же, как и губернаторы) были предоставлены сами себе, руководствуясь лишь общим указанием: чтобы было спокойно, но чтобы никого не раздражать и не допускать ничего незаконного. Подобное настроение правящей власти было, конечно, на руку революционерам и их пособникам — либеральным кругам.

В Киеве при моем участии образовался кружок офицеров Генерального штаба, который поставил себе целью собирать все данные о попустительстве начальства или проявляемой ими слабости при пресечении проявлений революционного движения. Пользуясь своею сплоченностью и возможностью оказывать давление на начальство (с нами особенно считался начальник штаба округа генерал Маврин), мы считали, что при проявляемых признаках «прострации» и трусости (отсутствие гражданского мужества) со стороны многих начальствующих лиц мы — ради пользы Родины и нашего общего «контрреволюционного» дела — не только можем, а должны делать в этом направлении все, что только можем. Интересно отметить, что в тот период Генерального штаба подполковник Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, перешедший в 1917 г. к большевикам и служивший затем им не за страх, а за совесть, был среди нас самым «черносотенным»; ряд статей, написанных им тогда и помещенных в «Разведчике», был написан очень хорошо и, бесспорно, прочищал мозги очень и очень многим. Его определенные статьи, пропитанные монархическим духом и воинской

дисциплиной, «разверзли» у многих уста молчания, и «Русский инвалид», «Разведчик» и некоторые ежедневные газеты стали помещать ряд статей, которые в общей сложности давали голос армии, к которому прислушивались и старшие войсковые начальники.

К октябрю 1905 г. проявление революционной деятельности достигло своего предела. Начались крупные забастовки. Наконец забастовка перекинулась на железные дороги и на телеграф.

В это время (в первых числах октября) я получил телеграмму из Конотопа от Софьи Абрамовны Драгомировой с просьбой немедленно доставить для Михаила Ивановича Драгомирова баллон с кислородом. Михаил Иванович к этому времени чувствовал себя очень плохо (у него был рак печени, сильно развившаяся эмфизема легких и постоянные очень сильные отеки легких); его дыхание необходимо было поддерживать кислородом.

С большим трудом мне удалось раздобыть в Киеве три чугунных цилиндра с сжатым кислородом. Нужно было разрешить вопрос о доставке кислорода до Конотопа. Переговорив с представителем одной пароходной компании, я заручился от него обещанием, что в мое распоряжение будет предоставлен в Чернигове (из Киева «товарищи» не выпускали никаких пароходов) небольшой пароход с верной командой, который доставит меня по Десне до Сосницы, а оттуда я проберусь на лошадях в Конотоп. В Соснице пароход должен был меня ожидать.

До Чернигова я решил добраться на штабном автомобиле. На всех железных дорогах была объявлена полная забастовка. В тот период автомобили были еще очень плохи, и поездка на них, даже на такое расстояние, как от Киева до Чернигова, была мало надежна.

Выехал я из Киева вечером. К рассвету до Чернигова оставалось каких-нибудь 5–6 верст, но автомобильная ось сломалась, и мы безнадежно застряли. На мое счастье, появился обоз с картошкой, направлявшийся на Черниговский базар. Мне удалось погрузить цилиндры с кислородом на одну из подвод, и я, сопровождая повозку в пешем порядке, двинулся в Чернигов.

В Чернигове удалось достать извозчика, и я добрался до пристани. Там сначала меня ожидало крупное огорчение: служащие и рабочие пароходной компании, как выяснилось, запретили давать пароход в мое распоряжение. После длительных переговоров и митинга была наконец вынесена резолюция: «Так как подполковник Лукомский везет кислород умирающему генералу Драгомирову, то сделать для него исключение и дать в его распоряжение пароход». Я облегченно вздохнул только тогда, когда мы отчалили от черниговской пристани.

В Сосницы добрались благополучно. Там я раздобыл повозку с парой лошадей и двинулся в дальнейший путь. Через Сейм по пон-

тонному мосту едва перебрались: от дождей речка вздулась и мост был залит водой (часть дамбы). Верстах в 25 от Конотопа меня встретил кучер Драгомировых, высланный за мной с коляской, запряженной четвериком. Прибыл и казачий взвод, чтобы меня сопровождать до Конотопа. Я сначала решил, что высылка казаков совершенно напрасна, но оказалось, что была очень полезна: поздно вечером, когда я подъезжал к Конотопу, из темноты выскочили какие-то фигуры, схватили лошадей под уздцы и обратились к кучеру с требованием немедленно остановиться. Но из-за коляски выскочили верховые казаки, затем послышалось щелканье нагаек, несколько крепких слов, несколько криков боли, и все прошло благополучно.

М. И. Драгомирова я застал в этот вечер очень бодрым. Он даже сыграл три робера в винт. Расспросил он меня о том, что делается в Киеве; высказал большое огорчение относительно недостаточно твердого курса правительственной политики; сказал, что он сам был сторонником либеральных реформ, но что либерализм уместен в спокойное время, а в периоды народных волнений и революционных брожений всякие либеральные уступки только вредны и преступны. Всякие уступки правительства в подобные периоды объясняются слабостью и вызывают новые, повышенные и невыполнимые требования.

Если мне память не изменяет, я приехал в Конотоп 12 октября, а М. И. Драгомиров тихо скончался, во сне, в ночь с 14 на 15 октября. Накануне, 14-го, Михаил Иванович был очень бодр и много со мной разговаривал. Он очень беспокоился, что не успеет до своей смерти дать все необходимые указания по пересоставлению своего курса тактики (работал над этим подполковник Бонч-Бруевич); он продиктовал мне ряд указаний, которые я должен был передать Бонч-Бруевичу.

Похороны Мих. Ив. были назначены на 17 октября. В этот же день, вследствие полученной в Конотопе телеграммы о манифесте 17 октября, происходили в городе политические манифестации. Участники были почти сплошь жиды. Когда во время похорон появилась около церкви процессия, во главе которой, на кресле, покрытом красным сукном, несли какого-то израильтянина, командиру казачьего (если не ошибаюсь, 2-го Волжского) полка стоило больших усилий помешать казакам почистить нагайками революционный сброд.

Движение на железных дорогах и функционирование телеграфа не сразу восстановилось после 17 октября. Слухи же из Киева (по пантуфельной почте) были крайне тревожны: по одной версии, в Киеве вспыхнуло очень сильное революционное движение, причем чернью и взбунтовавшимися войсками совершенно разграблены и разрушены Липки (киевский аристократический квартал с наиболее богатыми особняками); по другой версии, после вспыхнувшего еврейского по-

грома чернь бросилась грабить наиболее богатые части города, войска отказались действовать против толпы, и весь город объят пожаром. Никто ничего не знал, но железнодорожный комитет «Конотопских железнодорожных мастерских», имевший телеграфную связь с киевской железнодорожной станцией, подтверждал, что в Киеве очень серьезные беспорядки и что там очень неблагополучно.

Моя жена в сопровождении нескольких лиц (генерал Воинов, подполковник Ронжин и еще несколько человек) приехала на похороны отца из Киева на пароходе и привезла с собой цинковый гроб. Наши дети, с гувернанткой, оставались в Киеве. Естественно, что мы волновались за их судьбу.

18 октября мы выехали на пароходе по Десне в Киев. В ночь с 19 на 20 октября мы подходили к Киеву. С выходом из Десны в Днепр всегда открывался вид на Киев. Мы все стояли на капитанском мостике. Погода хотя и была несколько туманная, но все же казалась довольно ясной. По обоим берегам Десны отчетливо были видны огни прибрежных селений и плавучие вехи с фонарями, указывающие русло реки. Вот уже и Днепр... Киева не видно: полная темнота. Капитан делает предположение, что в городе не действует электричество. Но все же полная темнота была необъяснима; я с волнением и с замиранием сердца всматриваюсь в даль... Вдруг совершенно неожиданно, как завеса в театре, перед нами поднялась полоса тумана, скрывавшая от нас вид впереди, и перед нами во всей своей вечерней красе, сияя огнями, появился Киев. Все радостно вздохнули.

Когда пароход пристал, мне достали извозчика, и я поехал к себе на квартиру. Первое, что меня поразило, это Крещатик. Во всех окнах квартир, гостиниц, магазинов были выставлены иконы. Иконы украшали окна и заведомо еврейских магазинов (как, например, Маршака и других). Ясно, что по Киеву прокатилась волна еврейского погрома. Вот Университетская Круглая, где жил я в доме № 9. Та же картина: всюду в окнах иконы, иконы и в окнах моей квартиры.

Открывший дверь денщик, а затем и пришедшая гувернантка рассказали, что они пережили два тяжелых дня, когда по улицам бродили шайки погромщиков и под предлогом еврейского погрома громили всё и всех.

После манифеста 17 октября прекратились забастовки железной дороги и телеграфа. Жизнь постепенно стала входить в нормальную колею, хотя вспышки революционного движения были еще по временам сильные и затянулись, захватив и часть 1906 г.; но революционные вспышки происходили после октябрьского периода 1905 г. преимущественно на окраинах: в Сибири, Туркестане, на Кавказе. Неспокойно было и в бассейне Волги.

Я не буду касаться описания революционного движения 1905 года во всем его объеме. Все это многократно описывалось и известно всем. Я отмечу лишь, что если революция 1905 г. не удалась руководителям революционного движения, то заслуга в этом не твердого курса правительства, которое совершенно растерялось, выпустило управление страной из рук и своей неустойчивостью скорее способствовало развитию революционного движения, а заслуга в ликвидации революционного движения всецело относится к решительности отдельных военачальников, которым поручалась ликвидация революционных вспышек и которые были совершенно предоставлены самим себе, а также тому, что армия в своей массе и корпус офицеров остались лояльными и верными присяге.

Чтобы не быть голословным, укажу ряд примеров. Восстание в Кронштадте внесло панику в петербургские верхи. Подавлено оно было и быстро ликвидировано Николаем Иудовичем Ивановым (был комендантом крепости. Его решительные действия в Кронштадте в значительной степени способствовали его дальнейшему выдвижению на пост командующего войсками Киевского военного округа, а затем на пост главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта во время мировой войны) и генералом Щербачевым[106] (если не ошибаюсь, он был в это время командиром лейб-гвардии Финляндского полка). (Решительные действия Щербачева, по существу, человека далеко не талантливого, способствовали и его выдвижению сначала на пост начальника Академии Генерального штаба, а затем способствовали его дальнейшей блестящей строевой карьере.)

Крестьянские восстания в Латвии и Эстонии приняли крайне угрожающий характер, но были быстро ликвидированы блестящими и решительными действиями нескольких кавалерийских начальников (Свиты Е. Вел. Орлов в том числе).

Восстание в Москве, когда все московское начальство совершенно растерялось (например, начальник дивизии со своим штабом, переодевшись в штатское платье, скрывались где-то на окраине Москвы), было подавлено Св. Е. В. генерал-майором Мином[107], прибывшим в Москву с командуемым им лейб-гвардии Семеновским полком (кажется, в составе трех батальонов). Генерал-майор Мин в один день ликвидировал Московское восстание и, восстановив твердую власть, вручил ее в трепетавшие, но вновь ставшие твердыми руки местных властей.

Восстание в Севастополе, принявшее чрезвычайно серьезный характер, было ликвидировано генералом бароном Меллер-Закомельским[108], ставшим во главе Белостокского полка и поведшим его на штурм морских казарм.

Восстание в Харькове было подавлено благодаря энергии, проявленной авантюристом и самозванцем N (фамилию его, к сожалению, не помню), прапорщиком, призванным из запаса.

Этот случай стоит того, чтобы его описать.

В Харькове, где гарнизоном стояли части отмобилизованной, кажется, 51-й пехотной резервной дивизии (части 10-го армейского корпуса были на полях Маньчжурии), вспыхнул бунт (это было, если мне память не изменяет, осенью 1905 г.). Начальник гарнизона (он же начальник 51-й пехотной дивизии) генерал-лейтенант Синицкий был человек очень умный и вообще очень решительный. Но... был большой дипломат, и колеблющиеся настроения верхов отразились на его решительности. Я не сомневаюсь в том, что если бы в Харькове вспыхнул бунт среди какой-нибудь воинской части или восстали рабочие какого-либо завода или железнодорожных мастерских, Синицкий без всяких колебаний и очень решительно его подавил, не боясь, как бесспорно смелый человек, рискнуть и лично собой. Но восстание вспыхнуло среди студентов местного университета, к которому примкнули группы воспитанников других учебных заведений и группы харьковской «интеллигенции». Характер восстания был не грубо бунтарским, а чисто политическим, с выдвижением всяких либерально-политических требований.

«Весна» министра внутренних дел князя Святополк-Мирского и либеральные течения некоторых верхов поколебали Синицкого, и он, дабы «не промахнуться» и не испортить своей карьеры, вместо того, чтобы действовать решительно с самого начала, вступил в переговоры, стал устраивать всякие совещания с привлечением на заседания «почтенных лиц либерального лагеря».

Так прошло два дня, и общая обстановка в Харькове стала грозной: революционная молодежь и революционные деятели воспользовались обстановкой, развили пропаганду и Харьков оказался в их руках. Забастовали фабрики, заводы и железнодорожные мастерские; рабочие присоединились к политической молодежи; войсковые части как-то сразу разложились и стали совершенно не надежными; в городе стала хозяйничать чернь и начались погромы и налеты на частные квартиры. Синицкий забил тревогу, но управление уже было выпущено им из рук, и он растерялся. К концу второго дня генералом Синицким была получена телеграмма от командующего войсками Сухомлинова, что он требует немедленного подавления беспорядков и что он, Сухомлинов, будет в Харькове на следующий день. Телеграмма заканчивалась выражением уверенности, что к его, Сухомлинова, приезду порядок в Харькове будет восстановлен.

Синицкий собрал на совещание старших начальников и пригласил губернатора. Во время совещания Синицкому докладывают, что

приехал адъютант генерала Сухомлинова, штаб-ротмистр N, и просит его немедленно принять. Его, конечно, Синицкий сейчас же принимает. Вошедший молодой офицер доложил, что он прислан генералом Сухомлиновым с приказанием подробно узнать всю обстановку, если возможно, помочь генералу Синицкому и затем выехать на паровозе навстречу генералу Сухомлинову и доложить ему все, что он узнает и увидит, дабы командующий войсками к моменту приезда в Харьков был в курсе всех дел. Синицкий нашел наиболее соответственным пригласить приехавшего офицера на собранное совещание, присутствуя на котором приехавший все узнает. Штаб-ротмистр N выслушал сообщения лиц, собравшихся на совещание, задал ряд вопросов и затем попросил генерала Синицкого, не распуская совещание, уделить ему несколько минут на разговор с глазу на глаз. Синицкий согласился.

N спросил Синицкого, может ли он, Синицкий, сейчас же иметь под рукой верный хотя бы один батальон пехоты, а в крайности хотя бы две роты, несколько орудий артиллерии и хотя бы одну-две сотни казаков. Синицкий ответил, что это собрать можно. Тогда N, выказав довольно хорошее знание Харькова (ясно, что он бывал в нем неоднократно), изложил Синицкому свой план действий, указав, что прежде всего надо разогнать (или заставить сдаться) революционный штаб, засевший на какой-то фабрике. План Синицкому понравился, а еще более понравился молодой, энергичный офицер, внушивший ему полное доверие.

Синицкий с ним окончательно сговорился и условился, что во главе собранного отряда станет он сам, а N будет при нем. Затем они прошли к лицам, собравшимся на заседание, и Синицкий отдал необходимые распоряжения. Часа через два собранный отряд двинулся по назначению, а несколько застав были с особыми поручениями разосланы в разные места города.

Когда небольшой отряд приблизился к зданию, занятому революционным штабом, он был встречен выстрелами из окон и из-за ограды, окружавшей здание.

Сейчас же орудия были выдвинуты на позицию, отряд развернулся для атаки. N попросил генерала Синицкого, прежде чем начать действовать, разрешить ему, N, пройти вперед и переговорить с бунтовщиками. «Да ведь вас убьют!» — «Разрешите, ваше превосходительство, попробовать. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Рискнуть же стоит. Если дело удастся, то не будет пролито много крови». Синицкий согласился.

N в сопровождении горниста, как парламентер, пошел вперед. Его пропустили. Так и осталось точно не выясненным, что N говорил бунтовщикам (на последующем дознании, произведенном через два

дня, некоторые студенты и рабочие показали, что N доказал им всю глупость и нелепость сопротивления), но факт тот, что через полчаса он вернулся и доложил Синицкому, что засевшие согласны, оставив оружие в занимаемом ими здании, выйти; что условием становится лишь то, чтобы их не арестовывали (кроме находящихся там нескольких солдат, которые сдаются без всяких условий), а отпустили сейчас же по домам; что если это условие будет принято, то сейчас же революционный штаб отдаст распоряжение прекратить забастовку, и что к завтрашнему утру в Харькове будет восстановлен полный порядок.

Синицкий сначала хотел протестовать и «забрать» в плен революционный штаб, но N, пользуясь своим авторитетом, «как адъютант командующего войсками, снабженный особыми полномочиями», настоял на принятии условий, выработанных им с революционерами.

К утру, действительно, в Харькове установился полный порядок, а адъютант Сухомлинова, получив в свое распоряжение паровоз, выехал навстречу командующему войсками. На другой день все харьковские власти и почетный караул встречали Сухомлинова на вокзале. На вопрос Сухомлинова «Как у вас дела?» генерал Синицкий и губернатор ответили, что в Харькове восстановлен полный порядок. Обойдя почетный караул, Сухомлинов пригласил к себе в вагон Синицкого и губернатора. «Ну, рассказывайте подробно, что и как у вас происходило в Харькове», — спросил Сухомлинов Синицкого.

Синицкий на это весело ответил, что он вряд ли может что-либо добавить к докладу, который штаб-ротмистр N сделал генералу Сухомлинову, и затем добавил: «Должен по совести сказать, что благополучным исходом мы здесь всецело обязаны вашему адъютанту». — «Моему адъютанту? Какой такой штаб-ротмистр N? Я ничего не понимаю!» — сказал Сухомлинов. Выяснилось, что такого адъютанта у Сухомлинова не было, и он никого в Харьков не посылал. Розыски штаб-ротмистра N никакого результата не дали. Выяснилось, что он поехал на паровозе до какого-то небольшого города и затем куда-то исчез. В связи с появлением N в Харькове строились различные предположения, высказывалась даже мысль, что он сам какой-то крупный революционный деятель, которому благодаря своему «революционному положению» удалось так легко ликвидировать харьковское восстание, которое почему-либо руководители революционного движения не сочли выгодным продолжать...

Много позже, при аресте на Кавказе (кажется, в Елизаветполе или Кутаисе) какого-то самозванца, пытавшегося арестовать губернатора за «бездействие власти», выяснилось, что это тот же N, действовавший в Харькове и побывавший уже в разных местах России и всюду стремившийся водворить порядок и подбодрить начальство, терявшее голову. О судьбе этого N я ничего не знаю.

На Кавказе революционные вспышки прошли очень бурно. Положение было спасено войсками. Там между прочим составил себе репутацию «твердого администратора» командир Бендерского пехотного полка полковник Толмачев (Иван Николаевич), назначенный вслед за сим одесским градоначальником.

Докатилось революционное движение через Сибирь и до действующей армии. Главнокомандующий, генерал Линевич, растерялся и вместо того, чтобы «подтянуть вожжи», их распустил. Все его стремление было направлено на скорейшую демобилизацию армии и на насколько возможно спешную отправку в Европейскую Россию эшелонов демобилизованных солдат. Надежной охраны станций и вообще железной дороги не было установлено; эшелоны отправлялись с ничтожными кадрами сопровождающих частей. В результате первые же эшелоны разгромили буфеты на станциях, нарушили графики и расстроили всё железнодорожное движение по Сибирскому пути. Следующие эшелоны голодали, захватывали чужие паровозы, и в скором времени движение по Сибирскому железнодорожному пути почти совсем остановилось. На территории Сибири образовался ряд «республик». Положение стало катастрофическим. Спасено оно было тем, что двум энергичным генералам (Ренненкампфу и барону Меллер-Закомельскому) было поручено восстановить движение. Они на броневых поездах с следующими за ними еще эшелонами небольших, но надежных частей были двинуты к Иркутску с двух сторон: Ренненкампф со стороны действующей армии, а Меллер-Закомельский со стороны Москвы.

Действовали они решительно. Перевешали и расстреляли несколько сот человек и установили полный порядок. Конечно, «либералы» громили их за жестокость, но, конечно, выливали на них злость за срыв ими революции. Ценой казни нескольких сот человек были спасены очень и очень многие тысячи жизней, и была тогда спасена Россия от жесточайших потрясений.

Революция 1905 г. дала страшный показательный урок русскому правительству и командному персоналу русской армии. Казалось, что он должен был бы запомниться, но, к несчастью для России, все его забыли очень и очень скоро.<...>

В декабре (4-го) 1907 г. я был назначен начальником штаба 42-й пехотной дивизии. Грустно было расставаться со штабом округа, где я прослужил почти 10 лет и где был по времени службы в штабе «старейшим». Должен признаться, что я пользовался вниманием со стороны всех чинов штаба. Меня баловали и мой авторитет признавался даже начальством. Правда, после Шимановского и Рузского состав штабного генералитета был слабоватый, а такие, как Благо-

вещенский (генерал-квартирмейстер) и Маврин (начальник штаба), полностью исполняли то, что я докладывал. Один из моих сослуживцев однажды мне сказал: «Вы фактически начальник штаба округа. Против вашего мнения никто не пойдет». И это было верно, но совершенно не нормально. Я чувствовал, что пора уходить из штаба округа. Деятельность начальника штаба дивизии, конечно, была совершенно незначительна по сравнению с той ролью, которую я играл в штабе, но она являлась чрезвычайно интересной и необходимой для всякого офицера Генерального штаба, дабы познакомиться с бытом, укладом и службой войск. Кроме того, для меня, в смысле личных отношений, эта перемена не вызывала ломки, ибо штаб 42-й пехотной дивизии находился в Киеве. Одно меня несколько беспокоило: это репутация недавно перед тем назначенного начальником 42-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Николая Алексеевича Епанчина[109]. Епанчин считался блестящим офицером Генерального штаба, но человеком с отвратительным характером. Последняя его должность была пост директора Пажеского корпуса. На этом посту он был в чине генерал-майора и состоял в Свите Государя Императора. Летом 1907 г. был юбилей Пажеского корпуса. Епанчину уже пришло время быть произведенным в генерал-лейтенанты. В Петербурге его очень ценили. Все считали, что на юбилей корпуса он будет произведен в генерал-лейтенанты и будет назначен генерал-адъютантом к Государю. Действительно, это и намечалось. Епанчин был предуведомлен, что после парада Государь предполагает поздравить его с производством и назначить его генерал-адъютантом. Епанчин был на седьмом небе. «По секрету» об этом многие знали.

Наступает юбилей корпуса. Все идет хорошо. Корпус прибыл в Царское Село, и начинается завершительный аккорд, пропуск корпуса церемониальным маршем мимо Государя. Епанчин, как и полагается, шел (весь парад был в пешем строю) впереди. Отсалютовав государю, он зашел и, опустив шашку, остановился сбоку от Е. И. В. Все его внимание, естественно, обращено на ряды проходящих пажей. Все идет хорошо. Государь всех по очереди благодарит. Кто-то дергает Епанчина за рукав, за полы мундира. Он только как-то отряхивается, не понимая, в чем дело, и занятый целиком своими пажами.

Но вот все прошли. Радостный Епанчин вскидывает глаза на Государя и, потрясенный, оглядывается кругом. Перед ним не Государь, а дежурный флигель-адъютант Свечин. Государь, к которому Епанчин стоял все время боком, стоит в стороне и, улыбаясь, смотрит на Епанчина. Епанчин видит сердитое лицо главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского округа Великого князя Николая Николаевича. Кто-то подходит к Епанчину и говорит, что Великий князь Николай

Николаевич приказывает ему, Епанчину, сейчас же после парада явиться к Его Императорскому Высочеству.

В результате разнос от Великого князя и никакой награды. Его имя надолго становится посмешищем в петербургских гостиных. Карьера если не погибла, то все же испорчена. Вскоре после этого Епанчин производится в генерал-лейтенанты и назначается начальником 42-й пехотной дивизии. На свое новое назначение он смотрит как на ссылку, как на выражение немилости (все это передаю, как об этом рассказывали в то время, но за верность, конечно, не ручаюсь). При этих условиях мне не особенно улыбалось быть начальником штаба у Епанчина, но... ничего нельзя было поделать.

Генерал Епанчин оказался, действительно, очень трудным и тяжелым начальником, и первое время мне с ним было тяжело. Приведу два примера. На одном из моих докладов (по какому-то серьезному вопросу) он меня перебивает: «Виноват, Александр Сергеевич, скажите мне, как на часовом циферблате обозначена цифра 6?» Я отвечаю, что обыкновенно на месте цифры 6 помещается секундный циферблат со своей стрелкой, а потому вместо цифры 6 стоит просто точка; иногда же цифра 6 наполовину срезана секундным циферблатом. «Да, это верно. Продолжайте ваш доклад». Закончив доклад, но несколько взбешенный перерывом и странным вопросом, я спросил: «Не можете ли, ваше превосходительство, объяснить мне теперь, с какой целью вы мне задали вопрос о цифре 6 на носимых часах?» — «Видите ли, всякий офицер Генерального штаба должен быть наблюдательным, а я, как ваш начальник, хотел удостовериться в вашей наблюдательности».

В другой раз я получил от Епанчина записку с приказанием составить приказ по дивизии, касающийся какого-то хозяйственного вопроса. В записке было сказано, что это очень спешно и чтобы я немедленно по составлении приказа привез его ему на подпись. Законность распоряжения вызвала у меня сомнение. Проверив себя по Своду военных постановлений, я убедился, что начальник дивизии такой приказ отдавать не может.

Забрав с собой соответствующую книгу Свода военных постановлений, я поехал к Епанчину. «А, очень рад, что вы так быстро исполнили мое приказание, — приветствовал меня Епанчин. — Давайте приказ на подпись». — «Простите, ваше превосходительство, я не исполнил ваше приказание. Разрешите объяснить причину». Я подробно все доложил и показал соответствующую статью закона.

Епанчин хмуро молчал. Когда я кончил доклад, он сказал: «Вы все же поступили неправильно. Вы обязаны были исполнить мое приказание, а давая на подпись приказ, только доложить мне ваши сомнения. Затем это уже мое дело решать вопрос окончательно».

Я на это возразил: «А если бы вы все же признали бы нужным подписать приказ? Как я должен был бы поступить? Ведь вы, ваше превосходительство, знаете, что приказы по дивизии подписываются начальником дивизии и скрепляются начальником штаба. Оба подписавших ответственны за законность приказа. Закон, это учитывая, дает указание, что начальник штаба, усматривающий незаконность распоряжения, имеет право отказаться скрепить приказ. В данном же случае у меня было не сомнение в правильности распоряжения, которое вы собирались отдать, а полная уверенность в незаконности отдаваемого распоряжения. Я считаю, что поступил правильно и считаю долгом доложить, что и впредь в аналогичных случаях я буду поступать так же».

Епанчин вспылил, наговорил мне кучу неприятностей и закончил требованием точного и беспрекословного исполнения его приказаний. Я вспылил тоже, но, сохраняя вполне корректный и дисциплинированный тон, заявил, что я при этих условиях не могу оставаться у него начальником штаба. Дабы не поднимать официальной истории, я прошу у него разрешения поехать к генерал-квартирмейстеру штаба округа, как ведающему всеми офицерами Генерального штаба в округе, и попросить его ходатайствовать о немедленном переводе меня на другое место.

Епанчин просил меня пока этого не делать, сказав, что он еще хочет со мной поговорить в один из ближайших дней. Дня через два он меня вызвал, встретил чрезвычайно сердечно и заявил, что он был неправ, что он просит меня оставаться начальником штаба дивизии и что он у верен в том, что наши отношения будут наилучшими. Я согласился, и действительно, никаких историй у меня с Епанчиным больше не было, и я не мог на него жаловаться.

Однажды только, в лагере, он «проверял» мою физическую выносливость: со стрельбы мы пошли в лагерь пешком, и на всем протяжении (версты четыре) он развивал очень большую скорость. Будучи крупного роста и обладая здоровым сердцем, он любил ходить быстро и много. Я был много ниже его и довольно полный. Ходить (как охотник) я мог много, но при быстрой ходьбе я немного задыхался.

Испытание я выдержал, но при расставании в шутливом тоне я сказал: «Вам, ваше превосходительство, хорошо развивать такую скорость, обладая вашими циркулями. А мне трудновато. Если вы будете меня часто так тренировать, то со мной может случиться паралич сердца». Епанчин извинился и в следующие разы уже соразмерял свой шаг с моим.

В дивизии Епанчина не любили. Офицеры и солдаты его боялись. У него была репутация изводящего. Действительно, вот один из примеров его обращения с офицерами. Как-то летом, во время лагерного сбора, он зашел ко мне в штаб и позвал меня пойти с ним посмотреть на ротные ученья.

Вышли мы и сразу наткнулись на одну из рот (не помню, какого полка). Командир роты скомандовал «смирно» и подошел к начальнику дивизии с рапортом. Епанчин, приложив руку к козырьку, выслушал рапорт командира роты. Командир роты кончил; Епанчин молчит и стоит с рукой у козырька и внимательно осматривает старого капитана. Офицер также стоит молча с рукой у козырька. Офицер начинает волноваться, на лице проступают капли пота, он начинает нервно и осторожно сам себя осматривать. Епанчин молчит еще довольно долго. Наконец прервал тягостное молчание и говорит: «А вы, капитан, одеты не по форме». Офицер совсем растерялся, быстро себя осмотрел и опять вытянулся. «Осмотрите себя внимательно. Я вам говорю, что вы одеты не по форме». Офицер опять себя осмотрел и опять, весь потный, вытянулся в струнку. «Вы ничего не замечаете, капитан?» — «Ничего, ваше превосходительство!» Опять несколько секунд тягостного молчания. Наконец Епанчин сказал: «Капитан, вы забыли надеть бинокль. О моем замечании доложите командиру полка».

Надо знать наше армейское офицерство, чтобы понять, что таких два-три случая — и начальник дивизии должен был стать для всех ненавистным. Офицеры прощали резкость и даже грубость, но издевательство никогда не прощалось.

Вот еще пример неумения Епанчина обращаться с офицерством. Летом 1908 г. я по распоряжению начальника Генерального штаба был командирован в Ровно. Командировка продлилась примерно месяц. Когда я вернулся, я прежде всего пошел явиться генералу Епанчину.

«Наконец-то, Александр Сергеевич, вы вернулись. Как вы можете терпеть в штабе такого негодного офицера Генерального штаба, как капитан Геруа (Борис)[110]? Я прошу вас завтра же поехать в штаб округа и сказать генерал-квартирмейстеру, чтобы Геруа был немедленно убран. Если это не будет исполнено, я подниму скандал и Геруа будет совсем исключен из Генерального штаба!» — «В чем дело, ваше превосходительство? Геруа не особенно опытный штабной работник, но очень способный и хороший офицер. В чем он провинился?»

Епанчин мне рассказал, что недели две перед моим возвращением он назначил маневры дивизии с боевыми патронами. Что он поручил Геруа организовать маневры и расставить мишени, что выяснилось, что Геруа на местности не был, что кроки были составлены неверно, что мишени были расставлены отвратительно. Я попросил разрешения прежде всего разобрать все это дело.

Иду в штаб. Нахожу там всех в панике. Оказывается, начальник дивизии уже две недели не принимает докладов от Геруа. Геруа подробно мне доложил о том, что произошло. Он признался, что кроки им были составлены действительно по карте, а не на местности, но объяснил это

тем, что предварительно, объехав район маневра, он проверил карту и убедился, что она вполне верна. Недоразумение, по его словам, произошло оттого, что офицер, посланный расставить мишени, ошибся или, может быть, проявил небрежность, ибо, действительно, мишени были поставлены не так, как это было обозначено на кроки. Свою вину Геруа признавал в том, что он после расстановки мишеней, доверившись офицеру, не проверил его работы по расстановке мишеней на местности.

Зная Геруа как очень аккуратного и добросовестного работника, я его спросил: «Как же это случилось, что вы не проверили расстановку мишеней на местности?» Геруа мне признался, что, готовясь к сообщению в военном училище (там он читал лекции по тактике), он или не подготовился бы как следует к сообщению, или не успел бы проехать на проверку мишеней, на что потребовалось бы уделить полдня. Доверяя офицеру, расставлявшему мишени, он и позволил себе не поехать на проверку.

«Я, господин полковник, отлично сознаю свою вину и понимаю, что должен понести кару, но вряд ли я уже так виноват, что должен быть признан негодным офицером Генерального штаба. Разрешите доложить: я глубоко убежден, что гнев начальника дивизии вызван совсем не тем, что я не проверил расположения мишеней в поле и якобы вообще исполнил задание по карте без проверки на местности. Я действительно серьезно виновен, но в другом: начальник дивизии получил разрешение монахов (к участку штаба дивизии примыкал большой монастырский парк) пользоваться для прогулок их парком, и монахи разрешили устроить в заборе особую калитку, которой и мог бы пользоваться начальник дивизии. Получив это разрешение, Епанчин позвал меня и попросил сделать распоряжение срочно сделать эту калитку. Я же совсем забыл про это, и в течение десяти дней ничего не было сделано. Начальник дивизии за это обозлился и теперь признает меня негодным офицером Генерального штаба, придравшись к моей неисправности в деле расстановки мишеней».

Я отпустил Геруа и в ближайшие два дня имел возможность убедиться (как по нескольким словам самого Епанчина, так и по тому, что я узнал от командира бригады генерала Савича, Сергея, и со слов одного из командиров полков), что Геруа прав. «Собака была зарыта» в калитке, а не в мишенях. Положение мое было трудное. Обличать начальника дивизии в «некоторой недобросовестности обвинения» было трудно, ибо факт неаккуратности Геруа при исполнении задания о подготовке маневра был налицо; кроме того, и я не хотел подрывать престиж начальника дивизии в истории, уже получившей громкую огласку. Наконец, Геруа был действительно виновен в неаккуратном исполнении не только личного, но и служебного поручения начальника.

После длительных и очень трудных разговоров с Епанчиным мне удалось его уговорить согласиться, чтобы все дело было ликвидировано моим разносом Геруа в приказе по штабу дивизии. Так и было сделано, но добрые отношения между начальником дивизии и Геруа восстановить не удалось, а Геруа, по-видимому, не поняв моих затруднений, обиделся на меня за выговор в приказе по штабу дивизии. Вскоре он ушел из штаба дивизии (кажется, был переведен штатным преподавателем в Киевское военное училище).

Епанчин был в общем умным и дельным человеком, но он был более подходящ для штабной работы, чем в качестве начальника строевых частей.

В качестве начальника штаба дивизии я близко познакомился с хозяйственной и строевой стороной службы пехотных полков и с деятельностью начальника дивизии и штаба дивизии. Это впоследствии принесло мне громадную пользу. С полками дивизии и командирами полков дивизии у меня установились очень хорошие отношения.

Летом 1908 г., как я уже упомянул выше, по приказанию начальника Генерального штаба Палицына[111] я был командирован в Ровно. Дело заключалось в следующем. Так называемый Дубно-Ровенский район намечался как плацдарм для развертывания армии, имевшей целью наступление в направлении на Львов — Перемышль. В случае если б армия принуждена была отступить за Ровно, она теряла бы всякую непосредственную связь с районом к северу от Пинско-Припятских болот: к востоку от Ровно, вплоть до Днепра, не было никаких поперечных путей. От Ровно же на север, через болота, шли две довольно сносные грунтовые дороги.

Придавая большое стратегическое значение району Ровно, Главное управление Генерального штаба считало необходимым этот район прочно укрепить, дабы в случае неудачи все же сохранить связь с севером и Ровно удержать в своих руках. Бывшие вокруг Ровно шесть старых фортов совершенно не отвечали современным требованиям.

Главное инженерное управление не возражало против необходимости укрепить Ровно, но в вопросе как укрепить возник острый конфликт между начальником Генерального штаба Палицыным и начальником Главного инженерного управления Вернандером[112].

Генерал Палицын, учитывая ограниченность кредитов на крепостные сооружения, не считал возможным создавать вокруг Ровно крепости современного типа. На это потребовалось бы примерно 150 млн рублей. Получить эти кредиты от Государственного казначейства не за счет сокращения работы в других крепостных районах можно было бы только через несколько лет, и, кроме того, постройка современной крепости потребовала бы лет шесть–восемь.

Палицын полагал, что было бы совершенно достаточно создать вокруг Ровно остов долговременно укрепленной позиции, то есть устроить опорные пункты, пулеметные гнезда, устроить убежища для защитников, подготовить все необходимое для создания в минуту надобности прочной укрепленной позиции. Самое же приведение позиции в окончательно готовый вид отнести на мобилизационный период.

Вернандер возражал: «Это не есть укрепление Ровно. Это только выбросить на ветер десятки миллионов рублей. Пока я стою во главе Главного инженерного управления, я не допущу создания каких-то крепостных ублюдков. Если хотите укреплять Ровно — надо строить современную и законченную крепость».

В этом споре главную роль играл принципиальный вопрос о крепостных постройках. В Главном управлении Генерального штаба высказывали взгляды вообще о расчленении крепостных сооружений на местности, о большем применении к местности, о создании не старотипичных крепостей, а укрепленных позиций с заранее подготовленными и расчлененными на местности опорными пунктами. Было решено (между Палицыным и Вернандером) командировать в Ровно своих представителей и поручить им совместно выработать проект укрепления Ровно.

От Главного инженерного управления был командирован в Ровно военный инженер полковник Колоссовский[113], а представителем генерала Палицына (Главного управления Генерального штаба) был назначен я.

Приехав в Ровно, объехав с Колоссовским окрестности, мы стали договариваться. Выяснилось, что инструкции наши таковы, что договориться мы никак не могли. Запротоколировав это, мы решили составить каждому в отдельности свой проект и представить таковые по принадлежности.

Закончив работу, мы разъехались: Колоссовский — в Петербург, а я в Киев. Свой проект через начальника штаба округа я представил Палицыну. Примерно через месяц я был вновь вызван в Петербург.

В Петербурге, явившись Палицыну, я ему на словах доложил о моей работе с Колоссовским. Меня несколько удивило то, что, по моему впечатлению, Палицын к этому вопросу проявил очень мало интереса. Сказал мне, что вызов меня был сделан собственно вследствие желания начальника Главного штаба, генерала Мышлаевского, поговорить со мной по вопросам мобилизационного характера, что же касается вопроса об укреплении Ровно, то все дело находится у делопроизводителя Главного управления Генерального штаба полковника Елчанинова[114], к которому я и должен пройти. Пошел я к Елчанинову. Последний высказал некоторое удивление, что меня вызвали и что

Палицын меня к нему направил. «Ведь вопрос с укреплением Ровно теперь почти отпал. Мы сдали по всей линии. Вот, прочитайте эту бумажку на имя генерала Вернандера, которую я завтра дам на подпись генералу Палицыну».

Я прочитал эту «бумажку» и пришел в ужас. Содержание ее было примерно такое: я остаюсь при прежнем мнении, что надо укрепить район Ровно, но на создание современной крепости вокруг Ровно я не согласен. Если вы не признаете возможным согласиться с моими предположениями, то вопрос об укреплении Ровно отпадает.

Это была, действительно, «сдача по всей линии». Зная первоначальное желание Палицына решительно отстаивать свою точку зрения и добиться отпуска нужных кредитов, будучи лично вполне согласен с этим и зная, что такого же взгляда придерживается штаб Киевского военного округа, я стал горячо доказывать Елчанинову необходимость переделать содержание «бумажки». Елчанинов только смеялся. «Ну хорошо, если вы так настаиваете — составьте ваш проект, и я даю вам слово, что завтра представлю генералу Палицыну оба проекта, ваш и составленный по его указанию; при этом доложу начальнику Генерального штаба ваши соображения».

Я составил свой проект. На другой день прихожу к Елчанинову, который мне показывает мой проект, перечеркнутый красным карандашом, и подписанную «бумажку», составленную им, Елчаниновым. «Вот результат, Александр Сергеевич. Вы, сидя в Киеве, совершенно не знакомы со здешней обстановкой и не понимаете, что здесь главное — поддерживать добрые отношения и не наживать врагов. Что, действительно, мог сделать Палицын? Добиваться, чтобы этот вопрос был перенесен на разрешение Государя? 99% за то, что Государь решил бы этот вопрос так, как хочет Вернандер и с чем согласен и военный министр. Что же тогда оставалось бы делать начальнику Генерального штаба? Уходить в отставку? Нет, на этот риск Палицын не пойдет». Я был подавлен таким отстаиванием своей точки зрения и с грустью ушел от Елчанинова.

У Мышлаевского меня ждал несколько иной прием. Разговор с ним произвел на меня впечатление, что он человек более решительный и не побоится рисковать. Его взгляды на мобилизационные вопросы мне очень понравились и показали, что он хочет внести живую струю в наше мобилизационное дело. Генерал Мышлаевский сказал, что он на меня рассчитывает в двух направлениях: 1) что я соглашусь принять на себя председательствование в особой комиссии по переработке всех положений о мобилизации, учете и призыве запасных и поставке лошадей и повозок; 2) что я соглашусь произвести ревизию Мобилизационного отдела Главного штаба.

Я ответил, что вполне согласен принять на себя председательствование в намечаемой комиссии и надеюсь справиться с делом. Что же касается ревизии Мобилизационного отдела — я несколько недоумеваю, насколько возможно производить подобную ревизию молодым полковником, когда во главе Мобилизационного отдела стоит генерал-лейтенант Марков[115], пользующийся правами корпусного командира. На это Мышлаевский мне ответил: «Это наше дело. Я переговорю с военным министром и будет испрошено Высочайшее соизволение». Из Петербурга я уехал под впечатлением, что все это лишь подготовительные шаги перед моим переводом на службу в Петербург.

Осенью 1908 г. я был вызван в Петербург и по Высочайшему повелению на меня было возложено как председательствование в комиссии, о которой говорил Мышлаевский, так и ревизия Мобилизационного отдела Главного штаба.

Только благодаря исключительной корректности и выдержке генерал-лейтенанта Маркова мне удалось благополучно справиться со второй задачей. Когда в декабре 1908 г. я перед отъездом из Петербурга явился Мышлаевскому, последний мне сказал: «Надеюсь, что до скорого свидания. Я хочу провести вас на пост начальника Мобилизационного отдела, но не скрою, что ваша молодость и ваш чин являются серьезными препятствиями. Как это ни странно, но больше всех возражает Палицын, хотя и дает вам блестящую аттестацию».

3 января 1909 г. я получил от Мышлаевского телеграмму, что Высочайшим приказом я назначен начальником Мобилизационного отдела.

Петербург. Мобилизационный отдел (1909–1912 гг.)

Оказавшись в чине полковника начальником Мобилизационного отдела, то есть на положении лица, ответственного за подготовку мобилизации всей русской армии, всех крепостей и наблюдающего за пополнением всех неприкосновенных запасов, я попал в очень трудное положение.

Прежде всего я встретил довольно неприязненное отношение в стенах Главного и Генерального штабов на почве зависти и нежелания признавать мой авторитет. С генерал-майором Михаилом Алексеевичем Беляевым[116], занимавшим скромный пост делопроизводителя в Организационном отделе Главного штаба, чуть не случился удар, когда ему стало известно о моем назначении. Впоследствии, когда он был назначен начальником Организационного отдела Главного (а затем Генерального) штаба, наши отношения сгладились, но первое время (особенно когда я был еще полковником и его раздражал вид моих полковничьих погон) чувствовалось, что он просто дрожит

от негодования, и хотя в почтительной форме, но постоянно я встречал в его лице оппозиционера.

Мои сверстники по Генеральному штабу и даже некоторые старше меня на три-четыре года были делопроизводителями, то есть ниже меня на две ступени по нашей иерархической административно-служебной деятельности. Даже из лиц старше меня на пять-шесть лет (как, например, генерал-майор Миллер Евгений Карлович) редко кто занимал генеральские места. Миллер, например, выдвигался вне очереди, но был обер-квартирмейстером Генерального штаба, то есть все же на ступень ниже меня.

Из-за этого же полковничьего чина первое время происходили трения с представителями других главных управлений, с которыми мне часто приходилось встречаться в различных комиссиях; причем, когда вопросы касались Мобилизационного отдела, то я, как начальник Мобилизационного отдела, всегда председательствовал, а ряд генералов (занимавших более низкие должности по сравнению со мной) были рядовыми членами комиссии.

В самом Мобилизационном отделе почти все делопроизводители были по производству в полковники старше меня, а некоторые, как, например, Фрейман[117], были в генеральских чинах. Фрейман был всегда чрезвычайно корректен, но я знал, что он очень обижен тем, что попал в подчинение к полковнику. Как-то до меня дошло, что он в каком-то доме в присутствии посторонних лиц высказывал свое неудовольствие по поводу моего назначения начальником Мобилизационного отдела. Я его пригласил к себе в кабинет и отчитал за бестактную болтовню. Закончил я так: «Я, ваше превосходительство, отлично понимаю, что вам может быть неприятно подчиняться полковнику, но вы должны считаться с тем, что я ваш начальник, и не позволять себе, особенно при посторонних, выражать неудовольствие, что по Высочайшему повелению я назначен начальником Мобилизационного отдела. У вас есть выход: попросите, чтобы вас перевели на другое место. Если же вы предпочитаете сидеть в Петербурге и хотите оставаться в Мобилизационном отделе, я требую, чтобы вы были по отношению меня вполне корректны». Я был очень рад, когда через два или три месяца после моего разговора с Фрейманом он был назначен начальником штаба корпуса.

Было трудно с одним старым полковником, именно Дубенским, который был большим другом бывшего начальника Мобилизационного отдела Маркова, с которым он издавал различные инструкции и наставления. Я же совершенно пресек эту частную торговлю различными полуофициальными руководствами, которые издавали служащие Мобилизационного отдела и покупка коих «рекомендовалась» всем

управлениям воинских начальников. Я «способствовал» переводу Дубенского в другой отдел Главного штаба.

Ложность моего положения заставила начальника Генерального штаба генерала Мышлаевского возбудить ходатайство о досрочном моем производстве в генерал-майоры (по закону не допускалось производство в мирное время из полковников в генерал-майоры раньше прослужения в чине полковника шести лет). Высочайший приказ о моем производстве в генерал-майоры состоялся в апреле 1910 г., то есть после прослужения в чине полковника всего четырех лет. Но и производство меня в генерал-майоры не избавило от периодических шероховатостей, основанных на том, что «молодой генерал-майор дает указания старшим».

Могу привести несколько курьезных примеров. В 1910 г. штабом Виленского военного округа был представлен разработанный штабом мобилизационный план по округу. Составлен он был чрезвычайно плохо, и не был исполнен ряд руководящих указаний, кои были преподаны мною как начальником Мобилизационного отдела.

Я письмом на имя начальника штаба Виленского военного округа генерал-лейтенанта Преженцова[118] указал на все замеченные ошибки и предложил в течение двух месяцев переработать мобилизационный план и представить его на утверждение. Преженцов обиделся и написал на имя начальника Генерального штаба длинное письмо, в котором он отстаивал первоначально составленный план и просил отменить распоряжение «молодого и, вероятно, малоопытного начальника Мобилизационного отдела». Я подробно все доложил начальнику Генерального штаба, и в результате генерал Преженцов получил изрядный нагоняй с предложением в точности исполнить указания начальника Мобилизационного отдела. Письмо заканчивалось указанием на статьи закона, по которым начальник Мобилизационного отдела являлся ответственным за правильность составления мобилизационных планов, представляемых на Высочайшее утверждение.

Другой раз, на этой же почве, у меня произошло столкновение с начальником штаба Киевского военного округа генерал-лейтенантом Алексеевым (Михаилом Васильевичем). Он также обиделся на указания «молодого начальника Мобилизационного отдела, позволяющего себе учить» его, генерала Алексеева, который много старше генерала Лукомского и который, как он думает, гораздо более опытный.

Мышлаевский, зная обидчивость Алексеева и щадя его самолюбие, ответил ему очень мягким письмом, указывая, что «генерал-майор Лукомский исполняет лишь то, что законом на него возложено». Алексеев этим не удовлетворился, и последовало на эту же тему новое письмо, но уже от командующего войсками округа, генерала Иванова, на имя военного министра. Я спроектировал очень мягкий, примирительный

ответ, но военный министр, генерал Сухомлинов, внес ряд поправок, и ответное его письмо получилось очень ядовитым и неприятным для Алексеева.

Эти трения и недоразумения были в 1909 и первой половине 1910 года; в последующий же период начальники штабов округов примирились с моей молодостью и признали мой авторитет в мобилизационных вопросах. Дальнейших недоразумений не было. Но в Петербурге представители и чины различных главных управлений еще долго шипели, но... за спиной. Впрочем, однажды на меня обиделся начальник Канцелярии Военного министерства генерал-лейтенант Данилов[119] (рыжий) и «инцидент» вызвал целую переписку.

Случилось это так. При составлении годовой сметы по Мобилизационному отделу был представлен расчет испрашиваемого кредита на поверочные мобилизации. Расчет сопровождался объяснительной запиской. Николай Александрович Данилов не согласился с некоторыми доводами объяснительной записки и прислал мне письмо, в котором просил дать объяснение по некоторым вопросам и высказал предположение, что я, составляя записку, допустил какие-то ошибки. Я ответил по пунктам, отстаивая свою записку. В одном месте письма, совершенно не имея в виду допустить некорректность, я написал: «Кроме того, позволяю себе указать вашему превосходительству» и т. д.

Дня через два вызывает меня начальник Генерального штаба и говорит: «Александр Сергеевич, вы чем-то жестоко обидели начальника Канцелярии Военного министерства Данилова. Прочтите это письмо и объясните мне, в чем дело». Данилов в письме на имя начальника Генерального штаба писал, что в ответ на свой запрос он получил от начальника Мобилизационного отдела генерал-майора Лукомского письмо, в котором генерал-майор Лукомский «указывает» ему, Данилову, как надо понимать вопрос, вызвавший переписку. Затем следовало длинное и крючкотворное рассуждение о том, что «указывать» может только старший младшему, да и то ему подчиненному; «указывать» же младший старшему никак не может... Заканчивалось письмо просьбой принять меры, чтобы генерал-майор Лукомский вперед не дерзил.

Начальник Генерального штаба после моего объяснения сказал мне, чтобы я составил для его подписи соответствующее письмо на имя Данилова. Я попросил, чтобы пока никакого ответа Данилову не посылалось, а было мне разрешено пойти лично к нему и попробовать покончить дело личным разговором. Я получил разрешение и пошел к Данилову. Принял он меня довольно сухо, но, когда я ему все разъяснил, он, как умный человек, понял, что наглупил своим письмом, и мы расстались друзьями. Впоследствии я узнал, что его подзудил послать это письмо начальник Счетного отдела.

Если не считать этих трений из-за моей «молодости», все шло у меня в Мобилизационном отделе очень хорошо. Работы было много. Мною была составлена программа на три года, с распределением по годам того, что надо было проделать. Требовалось переиздать все положения и инструкции по учету запасных, лошадей и повозок и по их призыву и поставке при мобилизации.

Необходимо было совершенно переработать и провести наново Устав о воинской повинности. Нужно было произвести коренную ломку в порядке и в системе составления мобилизационных планов. Нужно было, насколько это было возможно по трудным русским условиям (неравномерности населения, составу инородческого населения в разных районах Империи, несоответствия наличных в данном районе категорий запаса потребностям в них войск при мобилизации, неравномерности и несоответствия потребности конского состава в различных районах, плохими сообщениями во многих районах Империи и т. д.), приблизить пополнение армии как в мирное, так и в военное время к территориальной системе укомплектования.

Надо было составить, кроме плана общей мобилизации (на случай войны на Западном фронте), целый ряд планов на случай частных мобилизаций. Нужно было выяснить соответствие всех мобилизационных запасов потребностям армии при мобилизации. (По закону требовалось, чтобы по Мобилизационному отделу ежегодно составлялся доклад на Имя Государя о состоянии запасов; но это требование закона с 1896 г. до 1910 ни разу не исполнялось. Приняв должность начальника Мобилизационного отдела в январе 1909 г., я мог выполнить требование закона только в 1910 г., и то произошло у меня крупное недоразумение с помощником военного министра, Поливановым, описанное мною в моих «Воспоминаниях»[120] (издание Отто Кирхнер.)

Нужно было поставить на прочные основания ежегодные опытные и поверочные мобилизации (первые производились с действительным призывом запасных и поставкою лошадей и повозок). Наконец, нужно было применительно к современной обстановке, когда война должна была вестись не сравнительно небольшой армией, а вооруженным народом, расширить понятие о мобилизации и выработать подготовку к мобилизации всей страны.

Все мною намеченное и было проведено в жизнь до 1912 г., кроме последнего пункта о расширении самого понятия о мобилизации и выработке подготовки к мобилизации всей страны. Вопрос этот поднимался несколько раз, но не встретил должного сочувствия у других министров, а военный министр, генерал Сухомлинов, не проявил необходимой настойчивости и не настоял на необходимости этот вопрос провести.

Кроме большой работы по проведению в жизнь всего намеченного, приходилось тратить массу времени на текущую работу, на сношения и переговоры с Министерством внутренних дел (Управление по делам о воинской повинности), на переписку со штабами, на проведение законопроектов через законодательные учреждения, на участие в различных комиссиях и т. д. Я по должности был членом Мобилизационного комитета (затем Комитета Генерального штаба), Главного крепостного комитета и Комитета по государственному коннозаводству.

К началу 1912 г. я мог с удовлетворением констатировать, что все главное из мною намеченного было проведено и можно было спокойно ожидать экзамена — действительной мобилизации. Как известно, этот экзамен прошел хорошо.

Приняв Мобилизационный отдел, я, с места, повел кампанию с целью добиться перевода отдела из Главного штаба в Генеральный штаб. При бывшем с 1905 по 1909 г. выделении из подчинения военного министра Главного управления Генерального штаба и создании самостоятельной должности начальника Генерального штаба, подчиненного непосредственно Государю, в ведении начальника Генерального штаба были сосредоточены вопросы:

1) Все вопросы по личному составу Генерального штаба (за исключением собственно наград, производств и назначений, оставшихся в ведении начальника Главного штаба, подчиненного военному министру), а именно: руководство службой, порядок ее прохождения, аттестации. Начальнику Генерального штаба была подчинена Академия Генерального штаба.

2) Вся оперативная подготовка к войне и составление планов сосредоточения отмобилизованной армии. Заведование военными агентами, назначаемыми в другие государства, изучение иностранных армий и собирание сведений о планах вероятных противников и о планах их действий.

3) Военные сообщения и составление всех планов перевозок как в мобилизационный период, так и в период сосредоточения к границе.

4) Военно-географическая часть.

В подчинении начальника Генерального штаба оставались все мобилизационные и организационные вопросы (Мобилизационный и Организационный отделы Главного штаба). Сохранение этих вопросов в ведении начальника Главного штаба, подчиненного военному министру, вопросов, тесно связанных с оперативными вопросами, делало то, что фактически начальник Генерального штаба был в полной зависимости от деятельности начальника Главного штаба. При сложившихся же ненормальных отношениях между военным министром и начальником Генерального штаба последний оказался связанным по рукам и по ногам.

Я не буду подробно останавливаться на вопросе о том, должен ли быть подчинен начальник Генерального штаба военному министру или нет. За и против можно привести много доводов, которые не убедят сторонников того или иного решения.

Скажу лишь следующее. Ссылки на блестящую организацию и подготовительную работу германского Генерального штаба ровно ничего не доказывают. Был Император Вильгельм I, а с конца XIX столетия до мировой войны Вильгельм II, которые выделяли начальника Генерального штаба и давали ему самостоятельные работы. А главное, были Мольтке, Гнейзенау и др.; особенно Мольтке, система коего была жива до мировой войны.

У нас, во времена Милютина и Обручева, а затем Ванновского и того же Обручева, при объединении всех военных вопросов в руках военного министра и начальника Главного штаба (Ник. Ник. Обручева) был расцвет оперативной работы нашего Генерального штаба (особого Генерального штаба не было, а оперативная часть входила в состав Главного штаба), и никто не может пожалеть, что в тот период не было особого Генерального штаба, выделенного из подчинения военного министра. Был Обручев, и были умные военные министры.

За период существования у нас самостоятельного Генерального штаба с генералом Палицыным во главе — была, конечно, произведена довольно крупная работа по Генеральному штабу, и по оперативным вопросам в частности, но ничего серьезного, особо отмечавшего этот период сделано не было. Сам Палицын, будучи крайне трудоспособным и образованным, был безвольный и боялся с кем-либо ссориться (стремился все устраивать по-хорошему и не сердить сильных мира сего или лиц властных и занимающих крупные посты). Другими словами, в этот период у нас не было своего Мольтке, а был прекрасный человек, большой работник, но слабый и елейный Палицын, годный на вторые роли, на роль начальника штаба при сильном и волевом начальнике.

В 1909 г. опять у нас Генеральный штаб подчиняется военному министру, хотя и остается отдельным Главным управлением. Назначается начальником Генерального штаба умный, энергичный и волевой Мышлаевский. Работа закипела; казалось, что мы обрели своего Мольтке, второго Обручева, но... Мышлаевский метил выше, стал подкапываться под Сухомлинова. Военный министр Сухомлинов сверг Мышлаевского, отправив его на Кавказ командовать корпусом (по строевой и по командной части, как показала впоследствии война, Мышлаевский оказался более чем слаб), а сам, опасаясь интриг со стороны ближайших сотрудников, на пост начальника Генерального штаба выдвинул Гернгросса[121], а затем Жилинского[122], при коих (хотя и по разным причинам) никакого управления сверху не было: работа велась начальниками отделов.

Таким образом, по нашему опыту как бы выходит, что обе системы ничего не гарантируют. Все зависело от людей, занимавших посты военного министра, начальника Главного и Генерального штабов. Но так как строить какую-либо систему или организацию в расчете не на средних людей, а на таланты вряд ли правильно, то более подходит та система, при которой сама организация до известной степени все же гарантирует правильность работы.

Исходя из этого и считаясь со слабостью людей (каждому хочется быть выше), по моему мнению, начальник Генерального штаба должен быть подчинен военному министру. В противном случае налаженность, продуктивность и талантливость работы будут зависеть не от двух лиц — военного министра и начальника Генерального штаба, а от трех: военного министра, начальника Генерального штаба и начальника Главного штаба, в руках коего, при всяком разграничении, все же останутся вопросы, при разрешении коих он может помогать или мешать начальнику Генерального штаба.

В случае же разногласий между военным министром или ему подчиненными начальниками главных управлений — инженерного (технического), воздухоплавательного, артиллерийского, интендантского — корректив может вносить только одна верховная власть. А следовательно, успех дела в значительной степени будет зависеть от качеств лица, олицетворяющего эту верховную власть. По нашему, русскому, опыту ясно, что масса трений и задержек в работе происходила вследствие того, что Государь Николай II, по своей застенчивости и слабости характера, не всегда являлся регулирующей верховной властью. Был создан особый орган — совещание по государственной обороне под председательством Великого князя Николая Николаевича. Просуществовал этот орган почти три года и никакой существенной пользы не принес: если военный министр или начальник Генерального штаба оставались недовольны решениями этого совещания, они неоднократно особыми Всеподданнейшими докладами испрашивали у Царя отмены или изменения принятого решения или, оставаясь при особом мнении, тормозили проведение в жизнь этого решения.

Все это учитывая, приняв должность начальника Мобилизационного отдела, я представил генералу Мышлаевскому доклад о необходимости усилить значение начальника Генерального штаба, передав в его ведение Мобилизационный и Организационный отделы. На словах, кроме того, я докладывал Мышлаевскому, что после проведения в жизнь этой реформы начальник Генерального штаба получится столь мощным, что подчинение его военному министру (начальник Главного штаба при сохранении в его ведении Мобилизационного и Организа-

ционного отделов мог вставлять палки в колеса и действовать через военного министра) не будет портить дела.

Мышлаевский, вполне со мной согласившись, сказал, что я ломлюсь в открытую дверь, что он уже решил сам все это провести, и дал мне на ознакомление свой доклад по этому вопросу военному министру. К сожалению, ни он, ни я не учли еще одной слагаемой: возможность ревности военного министра и страха его перед чересчур сильным начальником Генерального штаба. А это случилось, и Мышлаевский был убран.

В своих «Воспоминаниях» я коснулся очень характерного факта: по мобилизационному расписанию, до 1910 года готовность части местных парков затягивалась до года. И это при условии, что норма артиллерийских снарядов на орудие была принята всего в 1000 выстрелов! Подобный факт мог произойти только потому, что оперативная часть (генерал-квартирмейстерская) была в подчинении у начальника Генерального штаба, а Мобилизационный отдел в подчинении начальника Главного штаба. Оба штаба не досмотрели, а Главное артиллерийское управление, по-видимому, совсем не обращало внимания на мобилизационный план и на необходимость срочно снарядить снаряды, хранившиеся в местных парках.

Параллельно с работой по усовершенствованию мобилизационной готовности армии и проведению новых законопроектов шла большая работа по реорганизации армии.

Мне, по моей должности, пришлось вплотную соприкасаться с работой законодательных учреждений: Государственной Думы и Государственного Совета.

Знакомясь по делам и различным журналам со старой работой Главного штаба, эпохи Милютина и Ванновского и начальника Главного штаба Обручева, невольно обращалось внимание, что тогда, по сравнению с деятельностью Главного штаба эпохи Куропаткина и периода японской войны и первых лет после нее, работа велась гораздо серьезней и основательней. Работы же последнего периода были и по замыслу и по разработке много хуже. Получалось впечатление, что сверху не было достаточного контроля, а исполнительные органы как-то халатно относились к работе, а самые исполнители как-то измельчали.

Вот в этом-то отношении Государственная Дума III и IV созывов сыграла большую роль. Почувствовался известный посторонний контроль, стало зазорным выслушивать обидные замечания от членов Думы или Государственного Совета, и наши военные главные управления сильно подтянулись, и законопроекты стали представляться в более разработанной и более обдуманной форме.

Были, конечно, трения с Государственной Думой на почве лично неприязненных отношений Думы к военному министру Сухомлинову и обратно, но все же, как мною было отмечено в «Воспоминаниях», Государственная Дума (кроме ее левого крыла) всецело шла навстречу военному ведомству в вопросах усовершенствования готовности армии.

Было два вопроса, которые особенно сильно ставили в вину Сухомлинову. Это вопрос об упразднении крепостей и то, что, жалуясь на недостатки кредитов, он не умел наладить дело так, чтобы расходовались и те кредиты, которые отпускались из государственного казначейства военному ведомству.

За упразднение крепостей Сухомлинова ругают до сих пор очень многие, не исключая и военных (например, профессор Н. Н. Головин[123]), а за неумение распоряжаться кредитами на Сухомлинова особенно сильно нападал бывший министр финансов граф Коковцов. На этих двух вопросах следует остановиться.

Из наших крепостей в вполне современный вид была приведена только одна Владивостокская крепость (ко времени мировой войны не были закончены некоторые крепостные работы). Севастополь имел современные морские батареи (то есть для действий по неприятельскому флоту).

Кронштадт представлял из себя устаревшую крепость, но путем устройства дальнобойных батарей на обоих берегах Финского залива подступы к Кронштадту были обеспечены от покушений со стороны неприятельского флота. Ряд укреплений у Гельсингфорса, Ганге, Ревеля, Балтийского порта и острова Нарге давали серьезную опору нашему флоту и в связи с минными заграждениями давали почти полную уверенность, что неприятельский флот (кроме подводных лодок) не посмеет рискнуть на продвижение в Финский залив. Для обеспечения от прорыва неприятельского флота в Рижский залив имелась также целая система батарей, вооруженных современной артиллерией.

Для выноса действий нашего флота в Балтийское море с целью непосредственно угрожать побережью Германии, в Либаве сооружалась база для флота и устраивалась крепость (впрочем, против этого мероприятия были очень веские соображения). Но ко времени мировой войны сделано было в этом смысле мало, и Либаву пришлось эвакуировать, дабы она не досталась легким трофеем неприятелю. В общем, прибрежная оборона России ко времени мировой войны была в довольно сносном состоянии.

Не то было с сухопутными крепостями. Ковна как крепость была в чрезвычайно плачевном состоянии как в инженерном, так и в артиллерийском отношении. Гродненская крепость строилась по современным требованиям, но далеко была не закончена и не вооружена.

Варшавский треугольник крепостей был крайне устаревшим и имел на вооружении старую артиллерию. Брест-Литовск также устарел. В еще худшем положении был Ивангород. Дубенский форт — устарел. Все же остальные крепости Варшавского военного округа были крепостями лишь по названию. Перед военным ведомством возникла дилемма: сохранить ли все эти крепости или нет. Для сохранения необходимо было привести их в современный вид, на что требовались десятилетние работы и громадные средства, которые государственное казначейство могло бы отпустить, но не в одно, а только в несколько десятилетий, и то в ущерб средствам на другие потребности армии. Если же решиться на упразднение ряда крепостей, то являлась возможность выделить более крупные кредиты на нужды армии.

Сухомлинов стал на вторую точку зрения. Из сухопутных крепостей на Западном фронте было решено сохранить: Ковно, Гродно, Новогеоргиевск, Осовец и Брест-Литовск, остальные же упразднить.

Я считал и считаю, что при бывшей обстановке другого решения Сухомлинов принять не мог. (Но надо сказать, что Сухомлинов в частных разговорах говорил, что он вообще за упразднение крепостей. Эти разговоры и вызвали впечатление, что Сухомлинов хотел упразднить все крепости.) Ошибкой, как это впоследствии было признано, было решение упразднить Ивангород. Но фактически, если бы и не было решено его упразднить, то все равно привести его в современный вид ко времени мировой войны мы бы не могли.

Затем, чтобы быть справедливыми, надо отмечать, что за упразднение крепостей высказался Сухомлинов не единолично, но это было мнение и Главного крепостного комитета, и всех командующих войсками военных округов.

Вопрос кредитов очень сложный и для публики был мало понятен. Когда даже министр финансов (граф Коковцов) позволял себе под сурдинку пускать слухи о том, что он дает военному ведомству все испрашиваемые кредиты, а что военное ведомство (вследствие глупости и бездарности военного министра) не умеет распределять эти кредиты и значительная их часть возвращается обратно в государственное казначейство, — многие члены законодательных палат и широкая публика этому верили и обвиняли во всем военного министра. В действительности же граф Коковцов, будучи формально правым, в то же время многого не договаривал и умышленно стремился потопить Сухомлинова, которого он ненавидел. Чтобы понять всю историю с кредитами, надо ее разъяснить.

Во времена, когда военными министрами были Ванновский и Куропаткин, существовала так называемая пятилетняя смета. Военному ведомству определялся на пять лет кредит, с отпуском ежегодно определенной суммы. Если деньги, отпущенные на данный год, не были

израсходованы, то военное ведомство имело право их израсходовать в последующие годы в дополнение к кредитам, отпускаемым на эти года. В случае же если по прошествии указанного пятилетнего срока оставались неизрасходованные кредиты, они — только в этом случае — поступали окончательно обратно в государственное казначейство. При этом порядке не представляло серьезного затруднения сметное правило, по которому нельзя было переносить кредиты из одного сметного параграфа в другой. В случае если по истечении некоторого периода времени выяснялось, что на расходы по каким-либо параграфам не хватает кредита, а по другим оказывается излишек, делалось, по соглашению с министром финансов, представление на Высочайшее Имя о перемене назначения того или иного кредита.

После создания законодательных учреждений изменился порядок сметных исчислений и их испрошения. Было уничтожено и испрошение кредитов для военного и морского ведомств на пятилетний срок. Правда, были разработаны как по военному, так и по морскому ведомству программы о реорганизации и создании сухопутных и морских сил, кои были финансированы и кредиты на их проведение были одобрены, но самое испрошение кредитов на следующий год должно было производиться в сметном порядке именно только на этот год. Те же кредиты, кои оказывались неизрасходованными, поступали на приход в государственное казначейство.

Вот тут-то происходили два обстоятельства, кои существенно отражались как на испрошении кредитов, так и на их расходовании. При составлении сметы первоначально проект сметы рассматривался в особой комиссии под председательством помощника военного министра (еще раньше проект сметы рассматривался в комиссии под председательством начальника Канцелярии Военного министерства — для предварительного разъяснения недоразумений, возникавших у представителей Министерства финансов и Государственного контроля).

В этой комиссии представители Министерства финансов и Государственного контроля (предварительно столковавшиеся между собой), по инструкциям министра финансов и государственного контролера, прежде всего заявляли представителям военного ведомства, что на следующий год Министерство финансов может ассигновать военному ведомству такую-то сумму, всегда значительно меньшую испрашиваемой. Начинался торг. После ряда заседаний и ряда взаимных уступок смета рассматривалась окончательно и выделялись вопросы, по которым не было достигнуто соглашения.

Затем возникшие разногласия переносились на рассмотрение новой комиссии под председательством товарища министра финансов. Военное ведомство шло на новые уступки и затем, с оставшимися раз-

ногласиями, смета переносилась на окончательное разрешение в Совет министров, после чего она уже вносилась в Государственную Думу.

Во всей этой процедуре всегда происходила сильная урезка сметы по требованию министра финансов. Поэтому граф Коковцов говорит неправду, указывая, что он отпускал военному ведомству все испрашиваемые им кредиты.

Ошибка военного ведомства и слабость военного министра Сухомлинова заключались в том, что не было выработано программы постепенного проведения реформ по реорганизации армии с выделением главного от второстепенного, и в том, что военный министр ради сохранения своего положения не умел и не хотел быть достаточно настойчив в своих требованиях, предъявляемых к государственному казначейству.

Сметы, внесенные в Государственную Думу, никогда не утверждались к началу следующего года; сплошь и рядом они проводились через законодательные учреждения лишь к середине года, а Военное министерство получало ежемесячно кредит в $^1/_2$ годовой сметы. Это отражалось и на расходы — особенно по интендантскому и техническому (особенно по крепостным и казарменным работам) ведомствам. Сплошь и рядом военное ведомство не имело возможности как следует развернуть работы в начале года, и к концу года по некоторым параграфам сметы оставались неизрасходованные кредиты, в то время как по другим параграфам было не только все израсходовано, но можно было бы израсходовать еще много для выполнения общей программы. Переносить же кредиты из одних параграфов в другие ведомство не могло. Вот и получались те остатки, те неизрасходованные кредиты, о которых так много говорил и писал граф Коковцов.

Конечно, если б Сухомлинов был решительный и был более властный, картина могла быть иная, но в недочетах по сметным вопросам очень виновен и Коковцов, который на этой почве сводил свои личные счеты с Сухомлиновым.

Насколько далеко заходил граф Коковцов в этой борьбе с Сухомлиновым может служить примером следующий случай. В 1913 или 1914 г. (хорошо не помню) при рассмотрении сметы военного ведомства в Бюджетной комиссии Государственной Думы под председательством Алексеенко граф Коковцов попросил слово и сказал приблизительно следующее.

Я позволю себе обратить внимание гг. членов Государственной Думы, что военное ведомство слишком широко толкует параграф 85 законов и проводит в порядке военного законодательства такие законопроекты, которые должны были бы поступать на рассмотрение Государственной Думы и Государственного Совета. Вот, например...

и далее граф Коковцов указал на какое-то мероприятие, которое, по его мнению, не могло быть разрешено в порядке военного законодательства.

Председатель комиссии, Алексеенко, был, видимо, несколько удивлен заявлением Коковцова, но все же, обратившись ко мне, предложил дать разъяснение.

Я был чрезвычайно взволнован словами Коковцова и ответил приблизительно следующее.

Я чрезвычайно удивлен заявлением, сделанным графом Коковцовым, который является не только министром финансов, но и председателем Совета министров. Мне представляется, что вопрос, возбужденный графом Коковцовым, должен был быть внесен на рассмотрение Совета министров, а не рассматриваться в Бюджетной комиссии Государственной Думы. Я во всяком случае не уполномочен вести по этому вопросу какие-либо дебаты и отказываюсь давать какие-либо разъяснения.

Коковцов после этого уехал. Я же, как только закончилось заседание комиссии, поспешил с докладом к начальнику Канцелярии Военного министерства, с которым мы вместе поехали к военному министру.

Я не знаю дальнейшего течения этого дела, но, по-видимому, были какие-то бурные объяснения между военным министром и министром финансов. Коковцов же настолько хорошо запомнил этот инцидент, что в 1925 г., встретив меня на Пасху у Великого князя Николая Николаевича, сказал: «Я очень рад встретить вас, генерал. Я очень хорошо помню, как вы меня отчитали в Бюджетной комиссии Государственной Думы!»

Я выше сказал, что в Государственной Думе (III и IV созывов) военное ведомство всегда встречало поддержку. Надо это уточнить. Государственная Дума III и IV созывов в своем большинстве была умеренная и вопросы государственной обороны стремилась разрешить в положительном смысле. Конечно, у различных партий Думы были различные отношения к правительству и правительственным законопроектам, но в общем правительство, а тем паче военное ведомство, всегда могло рассчитывать на поддержку большинства. Правое крыло Думы, возглавляемое Марковым II[124], Пуришкевичем и др., было всегда на стороне правительства. «Октябристы», возглавлявшиеся сначала Н. А. Хомяковым, а затем А. И. Гучковым и М. В. Родзянко, «стоя на страже октябрьского манифеста 1905 г.», были, так сказать, «оппозицией Его Величества». Они свободно критиковали действия правительства, но в тех случаях, когда вносимые законопроекты, по их мнению, действительно были полезны, они всегда их поддерживали. При этом никакой предвзятости программного характера у них не было. Это была

вполне разумная и вполне государственная партия. Правда, к периоду, близкому уже к войне (примерно начиная с 1912 г.), усматривая, что правительство начинает все более и более уклоняться в правую сторону и начинает якобы нарушать то, что было даровано октябрьским манифестом 1905 г., они стали проявлять по отношению к правительству и отдельным министрам более резкую оппозицию. Этому «оппозиционному» настроению, по моему мнению, значительно способствовало личное отрицательное отношение к Государю Императору со стороны А. И. Гучкова, который и после ухода с должности председателя Государственной Думы и перехода в Государственный Совет продолжал иметь громадное влияние на партию октябристов Государственной Думы. Но эти оппозиционные настроения октябристов не отражались отрицательно на их отношениях к армии и к вопросам государственной обороны. В этом отношении они принципиально старались оказывать полное содействие военному ведомству в его стремлении улучшить все, относящееся к государственной обороне.

Более сложные отношения к правительству и к Верховной власти были со стороны кадетской (конституционно-демократической) партии, возглавлявшейся П. Н. Милюковым и сообразовавшей все свои действия с директивами своего партийного центра (громадное влияние на решения партии имел Винавер).

Кадетская партия стремилась добиться расширения «конституции», то есть ограничения Верховной власти (то есть чтобы Царь царствовал, а не правил), учреждения ответственного перед Государственной Думой правительства, то есть полного перехода к парламентарному строю западных государств. При этом, конечно, сохранение в России монархии наподобие английской являлось лишь первым этапом: сохранение конституционной монархии хотя и поддерживалось официально лидерами партии, но в самой партии уже определенно намечалось стремление к установлению в России республиканского образа правления.

Боевыми вопросами партии являлись: еврейский вопрос (равноправие), ответственность правительства перед Думой, стремление к изменению законов об отбывании населением воинской повинности (приближение к милиционной системе, а не содержание сильной постоянной кадровой армии), всеобщее обучение (при передаче такового целиком на местах в руки земств).

Для достижения своих главных целей и также для оказания давления на правительство кадетская партия очень часто становилась принципиально в оппозицию по отношению к Верховной власти и правительству и старалась провалить законопроекты, независимо от их значения. Но, конечно, все это проводилось под «соусом» выгоды (или пользы) для народа.

К вопросам, касавшимся армии и государственной обороны, кадетская партия относилась с большой осторожностью: она заигрывала с армией и не становилась в оппозицию по таким вопросам, которые ярко могли бы выявить ее отрицательное отношение к армии и к улучшению государственной обороны. Это последнее облегчало работу Военного министерства, и по главным вопросам мы не встречали противодействия и со стороны кадет.

Как характерный случай «партийного отношения» к законопроектам могу рассказать следующее. Во время проведения через Государственную Думу законопроекта о новом Уставе о воинской повинности после последнего заседания одной из согласительных комиссий Государственной Думы, дня за два до рассмотрения законопроекта в пленарном заседании Думы, ко мне, при моем выходе из Таврического дворца, подошел Андрей Иванович Шингарев (один из виднейших членов кадетской партии в Думе) и, узнав, что я иду домой пешком, попросил разрешения пойти со мной. Всю дорогу до площади Зимнего дворца (до здания Главного штаба, где я жил) он меня расспрашивал по целому ряду вопросов нами представленного в Думу законопроекта о воинской повинности. Мы еще довольно долго говорили у дверей моей квартиры. Шингарев, прощаясь со мной, сказал: «Генерал, я вполне удовлетворен вашими пояснениями. У меня был ряд сомнений, которые вы совершенно рассеяли. Мне поручено моей партией выступить в Государственной Думе по внесенному военным ведомством законопроекту. Предполагалось решительно возражать против некоторых частей законопроекта. Но теперь это отпадает. Ваши исчерпывающие разъяснения меня убедили в том, что нам возражать было бы совершенно неправильно. Я завтра в совете наших старейшин доложу о нашем с вами разговоре и обещаю вам, что в лице нашей партии военное ведомство не встретит в Думе противников. Мы будем добиваться лишь незначительных поправок по некоторым совершенно второстепенным вопросам, и то в порядке постатейного чтения».

На заседании Государственной Думы, к моему большому удивлению, Шингарев стал горячо возражать по некоторым принципиальным вопросам, и именно по тем, по которым мы с ним говорили и относительно которых он мне сказал, что мои разъяснения его убедили в ошибочности предположений его и его партии.

Когда он кончил и вышел в кулуары, я пошел за ним, догнал его и спросил: «Андрей Иванович, я ничего не понимаю. Ведь вы же мне сказали, что ваши возражения отпадают, а сейчас вы возражали именно по вопросам, по которым, по вашим же словам, я вас переубедил. В чем же дело?» У Шингарева был очень сконфуженный вид. Он ответил: «Меня-то вы убедили, но я не мог разубедить старейшин нашей партии.

Я просил, чтобы меня освободили от необходимости возражать против законопроекта, но не оказалось никого, кто мог бы меня заменить. Мне пришлось согласиться и подчиниться вынесенному решению».

Конечно, в этом вопросе сыграло роль не то, что Шингарев не мог «переубедить» старейшин, а суть в том, что, по принципиальным соображениям, признано было необходимым, в целях показать, что кадеты стремятся к облегчению для населения воинской повинности, возражать по внесенному законопроекту.

Довольно частая оппозиция со стороны кадетской партии не имела для военного ведомства существенного значения, так как в заседаниях Государственной Думы кадеты при голосованиях военных законопроектов в тех случаях, когда они возражали, большей частью оставались в меньшинстве. Большим же облегчением для военного ведомства было то, что в Комиссию обороны Государственной Думы кадеты не входили. Участь же законопроектов при рассмотрении их в Думе решалась предварительно именно в Комиссии обороны.

Часто приходилось слышать недоуменные вопросы о том, как это правое крыло Думы и октябристы достигли того, что в Комиссию обороны не попали кадеты. Правые и октябристы приписывали это себе; они говорили: «Мы не допускаем в Комиссию обороны кадет и левое крыло Думы». Относительно левого крыла Думы, явно революционно настроенного (но очень незначительного по своему составу) они были правы, но кадет они могли не допустить лишь при нежелании самих кадет участвовать в работах комиссии.

Кадеты отлично понимали, что их участие в работах Комиссии обороны не дало бы им никакого перевеса в решении вопросов в ту или иную сторону. Но участие их представителей в комиссии, принимавшей решения, могло связать им руки в общих заседаниях Думы. Не принимая же участия в работах Комиссии обороны, члены кадетской партии были свободны в своих речах в заседаниях Государственной Думы. Здесь они могли с кафедры произносить якобы высокопатриотические речи и, обращаясь к народу, доказывать, что только они являются истинными защитниками всех прав этого народа.

Для нас же, повторяю, отсутствие в Комиссии обороны представителей кадетской партии являлось облегчением в порядке проведения законопроектов. Кроме того, надо сказать правду, правительство не доверяло кадетской партии и было бы стеснено трактовать перед ее представителями некоторые вопросы, связанные с государственной обороной; без их же участия в Комиссии обороны военное ведомство не делало от членов комиссии никаких секретов.

В составе Государственной Думы, как и во всяком выборном парламентарном учреждении, были всякие члены... и талантливые, и ординар-

ные, и никуда не годные; но все же общий состав членов Думы поражал своей серой массой, значительно ниже среднего уровня. Я не имею в виду состав депутатов от духовенства, крестьян и рабочих; среди этих групп посредственность и уровень «ниже среднего» были естественны. Но поражала посредственность среди интеллигентной массы, среди лиц, кои, казалось бы, должны были бы представлять «соль земли Русской».

Среди правого крыла выделялись как лидеры Марков II, Пуришкевич, Павел Крупенский и Замысловский. Все их хорошо знают, и делать им характеристику не приходится. Из октябристов прежде всего надо остановиться на трех последовательных председателях Государственной Думы: Хомякове, Гучкове и Родзянко. Хомяков, конечно, был очень значительной фигурой по своему благородству, образованию и житейскому опыту, но, к сожалению, не обладал достаточным характером и часто, стремясь к справедливости, был недостаточно определен и недостаточно тверд. В Думе про него сложили непристойную песню, что он «между правой и левой болтается».

Гучков был очень волевым и крупным человеком. Говорил он мастерски. Речи его не блистали ораторским искусством, и говорил он довольно тихим голосом, но были всегда настолько умны и содержательны, что зала замирала и было отчетливо слышно каждое его слово. Помешало ему стать действительно большим государственным человеком то, что он был слишком личный человек. Болезненное самолюбие, в связи с безусловной аморальностью делали то, что он вопросы личных антипатий часто переносил на дело, которому иногда этим мешал, и этим же подрывал свой авторитет. Начал он борьбу с военным министром Сухомлиновым и прибегал иногда к недопустимым приемам. Затем возненавидел Государя и позволял себе недостойные выходки. Думаю, и поехал он в Псков в 1917 г. с предложением Государю отречься от престола, главным образом чтобы удовлетворить чувство личной мести.

Родзянко был красочным, но... глупым. Не даром его кто-то прозвал носорогом. Сам того не желая, он безусловно много содействовал нарастанию настроений, которые облегчили революционерам произвести весной 1917 г. государственный переворот.

Из октябристов выделялись: Никанор Васильевич Савич[125] — очень скромный, но честный человек и превосходный работник. Он специализировался по морской и артиллерийской частям. Николай Николаевич Львов — высоко порядочный, но увлекающийся Дон-Кихот. Его специальность были вопросы внутреннего настроения, деревенский, сельскохозяйственный. Если он говорил кратко — выходило ярко и хорошо; если выступал с длинной речью — выходило нудно. Кто-то из его же товарищей по партии прозвал его «скрипучая телега». Граф Беннигсен и Балашов были довольно посредственными,

хотя, по-видимому, играли роль в своей партии. Значительную из себя фигуру представлял председатель Бюджетной комиссии Алексеенко.

Для меня представляло всегда загадку выдвижение в Государственной Думе на первые роли (был товарищем председателя Думы) Ал. Дм. Протопопова. Не блистал умом и другой товарищ председателя Думы, князь Волконский (правого крыла), но был человеком с характером и безукоризненно порядочным. Протопопов же всегда производил впечатление человека и не умного, и не волевого, и не устойчивого в своих убеждениях, и не твердого в вопросах моральных.

Волею судеб мне пришлось познакомиться с ним довольно близко. Сначала нас свел Сухомлинов, который рекомендовал мне установить с Протопоповым хорошие отношения, как с человеком очень полезным для военного ведомства (по началу службы Протопопов был офицером лейб-гвардии Конно-гренадерского полка и подчеркивал, что военное дело ему ближе всего); затем Протопопов был избран докладчиком в Государственную Думу нашего законопроекта об отбывании воинской повинности. Работать мне с ним по этому вопросу пришлось много; он действительно нам (военному ведомству) очень помогал, являясь как бы нашим агентом в Государственной Думе. Когда этот законопроект был проведен, Протопопов обратился ко мне с просьбой устроить ему подарок от Высочайшего Имени, но... не оглашая, что это делается за содействие по проведению в Думе законопроекта об отбывании воинской повинности. Я доложил военному министру. Сухомлинов это дело провел, и Протопопов как-то под сурдинку получил портсигар с вензелем Государя Императора. После этого Протопопов воспылал ко мне нежными чувствами и, приезжая ко мне на квартиру (часто довольно поздно по вечерам), давал мне на заключение проекты своих речей в Государственной Думе или делился со мной различными сведениями. Помню, что от него впервые я услышал о сплетнях, которые распускались относительно близости Распутина ко Двору. В этот период Протопопов был настроен против Распутина, но впоследствии, как известно, постарался приблизиться к «старцу» и не без содействия последнего приобрел благосклонность Императрицы Александры Федоровны.

Из кадет наиболее яркой фигурой в Думе был, конечно, их лидер Милюков. Все его знают. Затем, яркими фигурами были Маклаков, Родичев, Шингарев и некоторые другие. По талантливости и образованности эта партия имела в своем составе довольно много заметных лиц, но... все это по духу было враждебно нам, и к ним не было никакого доверия.

Теперь я перейду к характеристике военных, с которыми меня свела судьба в Петербурге, а также тех, с которыми мне пришлось познакомиться при моих ежегодных поездках по России.

Сухомлинов — военный министр. О нем я уже довольно много сказал как про командующего войсками Киевского военного округа. Конечно, и на посту военного министра он остался тем же умным человеком, быстро схватывающим суть дела, чарующим собеседником и чрезвычайно приятным знакомым. От работы он не бегал, но таковой и не искал. Я бы сказал, что на посту военного министра он старался читать и делать все, что полагалось, с наименьшей затратой энергии.

Еще на посту командующего войсками он всегда вставал рано и садился за работу. Ложиться любил также рано, совершенно не умея работать по вечерам (он это объяснял тем, что, еще проходя академический курс, серьезно заболел мозговыми явлениями от нагрева головы от керосиновой лампы).

На посту военного министра он сохранил привычку сравнительно рано вставать, но это часто не выходило из-за нового уклада жизни. Этот новый уклад жизни произошел не так из-за новой должности (это отчасти нарушало времяпрепровождение вследствие необходимости иногда присутствовать по вечерам на различных поздних обедах или вечерах), как из-за женитьбы в третий раз на молодой и красивой женщине — Екатерине Викторовне Бутович.

Этот брак принес Сухомлинову несчастье. Екатерина Викторовна, хотя и была очень неглупой женщиной, но была довольно аморальна и, по-видимому, свой брак со стариком (Сухомлинов был старше ее более чем на 30 лет) решила использовать во всю, как в смысле положения, так и в смысле возможности широко жить. Еще ее сильно сдерживала ее болезнь почек (пришлось одну почку вырезать и каждое лето ездить в Египет), а то бы она показала секунды... Но и при своей болезни она очень дорого стоила Сухомлинову, а своей легкомысленной жизнью (приемы у себя и вечерние посещения всяких театров и кабаков) она совсем нарушила Сухомлинову его привычный уклад жизни.

В Петербурге ему надо было почти всюду сопровождать жену, а это отражалось на работе и являлось следствием того, что, будучи и без того чрезвычайно легкомысленным, Сухомлинов стал относиться и к работе более чем легкомысленно. Правда, первый период на посту военного министра он подобрал серьезных и чрезвычайно работоспособных главных и ближайших сотрудников (Поливанов как помощник военного министра и Мышлаевский как начальник Генерального штаба) и не мешал им работать, благословляя все их начинания. Но затем, как я скажу дальше, он переменил этих своих сотрудников на неспособных, но для него удобных, и работа пошла много хуже.

Второй серьезный вопрос, вставший перед Сухомлиновым, — это денежный. Жена стоила дорого, требовала денег, и он их старался достать. Остановлюсь на этих двух вопросах.

Выбор Поливанова как помощника был чрезвычайно удачен: Поливанов был умный и чрезвычайно трудолюбивый, образованный и знающий работник. Особенно хорошо он знал административные и хозяйственные вопросы. Он умел ладить с людьми, и к нему представители главных политических партий, октябристы и кадеты, относились хорошо, особенно октябристы, лидеры коих Поливанову вполне доверяли. Представители правого течения находили, что Поливанов слишком либерален, но отдавали ему должное за его знание и ум. При этих условиях Поливанов являлся ценным помощником Сухомлинову, особенно при соприкосновениях с законодательными учреждениями и при проведении через них военных законопроектов. Поливанов был в хороших отношениях со старшими чинами Министерства финансов и Государственного контроля. Он пользовался полным доверием со стороны министра финансов и государственного контролера.

Начальники главных управлений Военного министерства — технического, артиллерийского, интендантского и санитарного — признавали авторитет Поливанова. Все это чрезвычайно облегчало работу военного министра и способствовало правильному направлению деятельности хозяйственных органов Военного министерства и проведению смет Военного министерства. Первоначально Сухомлинов оказывал Поливанову полное доверие.

Другим ближайшим сотрудником военного министра являлся начальник Генерального штаба, который руководил деятельностью генерал-квартирмейстерской части, Мобилизационного, Организационного и Топографического отделов и Управления военных сообщений. Ему же подчинялась Академия Генерального штаба. Выбор Сухомлиновым Мышлаевского на должность начальника Генерального штаба был чрезвычайно удачен. Мышлаевский был умный, энергичный, волевой и образованный работник. Он был чрезвычайно работоспособен. В руках же Мышлаевского сосредоточились вопросы по реорганизации армии. Он также первоначально пользовался полным доверием Сухомлинова, и работа шла очень успешно.

К сожалению, уже через год (в 1910 г.) начались недоразумения между военным министром и Мышлаевским. Надо по совести сказать, что в этом был виновен Мышлаевский: он переоценил свои силы, свой авторитет и свою «незаменимость»; он довольно часто, говоря с различными лицами, выражался довольно пренебрежительно относительно Сухомлинова, выставляя его легкомысленным и ленивым. Стали ползти слухи о том, что Коковцов и Великий князь Сергей Михайлович (который ненавидел Сухомлинова) неоднократно высказывали мысль, что работа Военного министерства зиждется не на Сухомлинове, а на Мышлаевском, которого и следовало бы провести на должность

военного министра. Были слухи о том, что и сам Мышлаевский как бы поощряет эти слухи. Вообще, по-видимому, Мышлаевский был очень неосторожен и недооценил Сухомлинова, который, при некоторых крупных недостатках, был волевым и властолюбивым.

Слухи дошли до Сухомлинова, он потерял доверие к Мышлаевскому и, заподозрив его в стремлении под него подкопаться, в один прекрасный день сделал соответствующий доклад Государю, и совершенно неожиданно для всех, и прежде всего для самого Мышлаевского, последний получил рескрипт, в котором было сказано, что, чрезвычайно ценя высокий административный стаж Мышлаевского, Государь находит, что Мышлаевскому ради будущей карьеры надо получить соответствующий строевой стаж, а потому ему надо откомандовать корпусом. И вслед за этим состоялся Высочайший приказ о назначении Мышлаевского командиром корпуса на Кавказе. Мышлаевский совсем потерял почву под ногами, он рвал и метал, хотел подать в отставку. Затем несколько успокоился и поехал командовать корпусом на Кавказ.

Заместителем Мышлаевскому был назначен на должность начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Гернгросс. Гернгросс хотя и окончил в свое время Академию Генерального штаба, но вернулся в свой Кавалергардский полк и затем служил только в строю. Штабной службы и службы Генерального штаба он совершенно не знал; с административными вопросами не был знаком. Он был хороший строевой начальник, безукоризненно порядочный и умный человек, но для должности начальника Генерального штаба он был совершенно не подготовлен. Для меня осталось загадкой, как мог Гернгросс согласиться пойти на должность начальника Генерального штаба.

Сухомлинов же остановил на нем свой выбор потому, что знал порядочность и честность Гернгросса и был уверен, что он не будет под него подкапываться. Кроме того, у Гернгросса были большие связи в придворном мире, и он пользовался расположением со стороны Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. Назначая Гернгросса начальником Генерального штаба, Сухомлинов надеялся через него получить поддержку со стороны Вдовствующей Императрицы и придворных кругов.

Будучи назначен начальником Генерального штаба, Гернгросс, собрав своих ближайших сотрудников (Ю. Н. Данилова — генерал-квартирмейстера, начальника Организационного отдела — Беляева, начальника Мобилизационного отдела — меня, начальника Управления военных сообщений — Добрышина[126]), сказал нам приблизительно следующее.

Государю было угодно назначить меня начальником Генерального штаба. Я откровенно сказал Его Императорскому Величеству, что я со-

вершенно не подготовлен для этого поста, но Государь все же пожелал, чтобы я был назначен. Больше возражать я не счел возможным. Не скрою от вас, что я совершенно не знаком с работой начальника Генерального штаба и вся моя надежда на то, что вы мне поможете в моем трудном положении. Я постараюсь возможно скорей ознакомиться с вопросами, связанными с моей должностью, но пока руководить работой я не могу. Я прошу вас вести работу самостоятельно, держа меня в курсе дел и договариваясь между собой. Если же вы не договоритесь по какому-либо вопросу — приходите ко мне, и мы совместно будем решать вопрос.

Нам было жалко Гернгросса, но в то же время и грустно, что на должность начальника Генерального штаба мог быть назначен человек совершенно для этой должности не подготовленный. С Гернгроссом было чрезвычайно приятно иметь дело, но все же, конечно, оно очень страдало. Гернгросс работал добросовестно, изучая все сложные вопросы. Работал и заработал: кажется, месяцев через 7–8 после его назначения его нашли утром лежащим под письменным столом. С ним случился удар, от которого он не поправился.

Следующим начальником Генерального штаба был назначен генерал Жилинский, который хотя и был знаком со службой Генерального штаба, но для должности начальника Генерального штаба был совершенно не подготовлен. Кроме того, он чрезвычайно берег себя (у него была болезнь печени) и не утруждал себя работой. Человек он был властный, очень сухой и очень неприятный. Если не ошибаюсь, летом 1914 г. он был назначен варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа. Его назначение на пост начальника Генерального штаба последовало по выбору Сухомлинова и по тем же мотивам, как и Гернгросса: расположение Вдовствующей Императрицы и связи в придворных кругах.

После Жилинского начальником Генерального штаба был назначен генерал Янушкевич[127]: очень милый и хороший человек, но совершенно безвольный и также не подготовленный для поста начальника Генерального штаба.

Таким образом, Сухомлинов, ограждая себя от возможной интриги со стороны сильного и властного начальника Генерального штаба, проводил на этот пост, после Мышлаевского, людей, совершенно не подходящих для ответственного поста начальника Генерального штаба. Это, конечно, было преступно со стороны Сухомлинова.

Аналогичное случилось и с помощником военного министра. Поливанов был тоньше Мышлаевского и продержался дольше, умея ладить с Сухомлиновым, но, если не ошибаюсь, осенью 1911 г. Сухомлинов узнал, что ведется против него серьезная интрига и хотят про-

вести на пост военного министра Поливанова. Сухомлинову сообщили, что интрига ведется графом Коковцовым, с согласия Поливанова.

Мне рассказывали, что дело было так. Государь был в Ливадии. С докладом к Е. И. В. поехал Коковцов. Во время доклада Коковцов в очень резких тонах очертил легкомысленную деятельность Сухомлинова и указал на Поливанова как на человека, могущего быть отличным военным министром. Государь якобы ничего определенного не ответил, сказав, что он подумает. Но будто бы доклад Коковцова произвел на Государя сильное впечатление. Узнавший об этом граф Фредерикс послал телеграмму Сухомлинову, рекомендуя ему немедленно приехать в Ливадию.

Сухомлинов поехал, и как результат этой поездки было освобождение Поливанова от должности помощника военного министра и назначение его членом Государственного Совета. Так ли это было или иначе, я не ручаюсь, но только знаю следующее. 1) Сухомлинов поехал в Ливадию совершенно для всех нас неожиданно. Он не собирался ехать в это время. 2) Возвращаясь из Полтавы в Петербург (я был в Полтаве на опытной мобилизации), я поехал через Харьков. В Харькове надо было пересесть на севастопольский поезд. Когда этот поезд подошел, я увидел Сухомлинова, который вышел из своего вагона, прицепленного к курьерскому поезду.

Я подошел к военному министру; Сухомлинов пригласил меня к себе в вагон. После завтрака он меня позвал в свое купе и сказал: «Я узнал, что Поливанов через Коковцова вел против меня интригу и хотел занять мое место. Я эту интригу пресек. Поливанов уже больше не помощник военного министра, а член Государственного Совета. На место же помощника военного министра Государь согласился назначить генерала Вернандера. Этот по крайней мене не будет под меня подкапываться».

Если Поливанов действительно подкапывался под военного министра, было, конечно, естественно, что Сухомлинов его «ушел», но было не естественно и преступно провести на пост помощника военного министра человека, который, хотя и был очень знающим и дельным военным инженером, но по всем другим вопросам был совершенно не подготовлен.

Как я уже отметил, Сухомлинов, стремясь удовлетворить желания своей молодой и красивой жены, все время искал денег, ибо жалованье военного министра (18 тыс. рублей) было для него совершенно недостаточно.

Он прежде всего «наезжал» прогонные. При поездках по Высочайшему повелению он как военный министр получал на 24 лошади, что всегда составляло довольно крупную сумму. Ездил он много и в дальние края. Больше всего было возмущения и разговоров по поводу его поездки

во Владивосток. Приехав туда, он там остался меньше суток и покатил обратно. Для всех было ясно, что эта поездка была вызвана одним стремлением получить большие прогонные деньги. Он стал получать из военно-походной канцелярии Государя по три тысячи рублей в месяц и этим сильно восстановил против себя чинов Свиты, получавших пособие из того же источника. Он всё время якшался с различными темными лицами для устройства своих денежных дел. Сам он жил более чем скромно, но жена от него требовала и требовала, а отказать он не мог.

Вот эта денежная его запутанность в значительной степени сыграла роль в тех обвинениях о «предательстве», которые были ему предъявлены во время войны. Конечно, никакого предательства не было, но его общение с различными подозрительными типами, появление в его доме различных лиц с подмоченной репутацией и, наконец, его несдержанность на язык создавали много поводов для его обвинения.

По «денежной части» лично у меня создалось подозрение в чем-то нечистом по поводу двух случаев:

1) Во время войны, в начале 1915 г., когда я был начальником Канцелярии Военного министерства, как-то вечером меня вызвал по телефону Великий князь Сергей Михайлович и попросил приехать к нему на другой день утром. Когда я приехал, Великий князь, приняв меня в своем кабинете, спросил: «Правда ли, что военный министр дал расписку банкиру Утину на покупку у него (правильней — через него) за 7,5 млн рублей станков для приготовления винтовок?»

Я ответил, что я ничего не знаю, но что по закону военный министр лично никаких сделок делать не может, что все вопросы о покупках или заготовках, по представлению соответствующего главного управления, рассматриваются и разрешаются Военным советом, в котором военный министр заседает как председатель.

Великий князь мне тогда сказал: «Закон и я знаю. Знаю, что так полагается, но я вас спрашиваю опять: известно ли вам, что военный министр единолично совершил покупку у Утина на 7,5 млн рублей?» — «Нет, мне ничего не известно, и я полагаю, что здесь какое-то недоразумение. Я не могу поверить, что военный министр мог это сделать». — «Ну, я вам говорю, что он это сделал. Я вам прочитаю сейчас копию с расписки, которую Сухомлинов дал Утину». После этого Великий князь прочитал мне содержание этой расписки.

Я вновь выразил свое сомнение. Тогда Великий князь мне сказал: «Я вас очень прошу выяснить этот вопрос и мне сообщить о том, что вы узнаете. Во всяком случае я буду докладывать об этом Государю».

Прямо от Великого князя я поехал к военному министру и рассказал ему мой разговор с Великим князем. Сухомлинов категорически мне сказал, что это ложь, что он никакой расписки не выдавал.

Я сказал об этом по телефону Великому князю Сергию Михайловичу. В ответ на это Великий князь вновь мне сказал, что он ручается за верность того, что он мне сказал, и что если до 12 часов следующего дня он не получит разъяснения, он поедет докладывать Государю. Положение создавалось тяжелое, и у меня возникла уверенность, что Великий князь без серьезных и точных оснований так не говорил бы.

С другой стороны, я был уверен, что лично Сухомлинов этот вопрос не мог бы решить и вряд ли расписка была составлена в его личной канцелярии. Кто же мог об этом знать? По положению, должен был бы знать я, как начальник Канцелярии Военного министерства и докладчик в Военном совете по всем вопросам, возбуждаемым главными управлениями. Но я ничего не знал. Пришло мне в голову, что этот вопрос, может быть, прошел или через помощника военного министра генерала Вернандера (но последний всегда ставил меня в курс всех вопросов, попадавших к нему), или начальника Организационного отдела Беляева (он же в это время исполнял должность начальника Генерального штаба), который довольно часто вмешивался не в свои дела.

Спросил по телефону Вернандера — ничего не знает. Позвонил Беляеву, и от него услышал, что действительно это проходило через его руки. Сказал ему, что сейчас же к нему приеду, и попросил вытребовать из Организационного отдела соответствующее дело.

Беляев мне сказал, что он ничего, в сущности говоря, не знает; что военный министр на одном из его докладов передал ему черновик расписки, которую приказал переписать и немедленно ему прислать. Черновик расписки, написанный рукою Сухомлинова, оказался в деле и был мне показан Беляевым. Я рассказал Беляеву все, что произошло, и мы вместе поехали к Сухомлинову.

Сухомлинову я рассказал о всех моих поисках и в заключение попросил Беляева показать военному министру составленный последним черновик расписки.

Сухомлинов долго вертел в руках этот черновик и затем сказал: «Да, я теперь припоминаю. Я действительно выдал Утину эту расписку». Затем военный министр нам рассказал, что приехавший к нему Утин сказал ему, что ему, Утину, удалось по сравнительно дешевой цене приобрести в Америке станки для выделки ружей. Что срок расплаты будет примерно через два месяца, но срочно требуется расписка от военного министра, что эти станки, за сумму в 7,5 млн рублей, будут приобретены военным ведомством. Утин при этом сказал, что лично он ничего не наживает, передавая военному ведомству станки за сумму, которая назначена ему продавщиками. Поняв всю срочность вопроса и зная, что за этими станками давно охотилось Главное артиллерийское управление, но никак не могло получить согласие на их продажу, он,

Сухомлинов, решил выдать расписку, но... забыл об этом сказать мне как начальнику Канцелярии Военного министерства.

Все было правдоподобно, но выяснилась чрезвычайная легкомысленность военного министра. Я сказал, что надо все это сообщить Великому князю Сергию Михайловичу и срочно провести все дело через Военный совет.

Так все и было сделано и скандал предотвращен (Великий князь, в сущности, и не имел основания поднимать историю, ибо Главное артиллерийское управление готово было дать за эти станки до 10 млн рублей). Но остался скверный осадок, ибо одним легкомыслием военного министра все это дело не совсем объяснялось.

2) Я уже отметил, что лично Сухомлинов жил чрезвычайно скромно и на себя тратил мало, но жена требовала денег. Когда Сухомлинов был назначен военным министром, он, зайдя как-то ко мне, разоткровенничался и сказал: «За время пребывания в Киеве генерал-губернатором и командующим войсками я сэкономил около 75 тыс. рублей. Но теперь весь этот запас иссяк на бракоразводный процесс и на поддержку Екатерины Викторовны (его новая жена). Я просто не знаю, что и делать: жалованье военного министра слишком мизерно».

Затем однажды я был вечером у своего приятеля, Сергея Александровича Ронжина, который был очень близок к Сухомлинову. Во время нашего разговора позвонил телефон. Ронжин взял трубку и стал разговаривать. Я сейчас же понял, что он говорит с Сухомлиновым. Немного погодя Ронжин, сказав, что он даст ответ через несколько минут, повесил трубку и сказал мне: «Саша, не можешь ли ты одолжить мне недели на две три тысячи рублей? Владимир Александрович просит достать ему срочно три тысячи, ему надо послать эту сумму Екатерине Викторовне, находящейся сейчас в Египте, а у него ничего нет».

Я ответил согласием. Ронжин сказал по телефону Сухомлинову, что деньги он достанет (я просил не указывать, что даю я). На следующее утро Ронжин ко мне заехал и сказал, что денег давать не надо, что Сухомлинов уже где-то достал.

Однажды летом я встретил Сухомлинова на Б. Морской. Он меня спросил, откуда я иду. Я ответил, что обедал у Кюба и иду домой. (Моя семья была в деревне в Черниговской губернии.) «Какой вы счастливец! Можете себе позволить удовольствие пообедать в хорошем ресторане». На мой недоуменный вопрос: отчего же он не может себе этого также позволить, Сухомлинов ответил: «На себя лично я трачу не больше трех рублей в день. Завтракаю я теперь всегда в ресторане Экономического общества, а по вечерам ем колбасу с чаем. Ведь средств у меня нет никаких, а все, что возможно, я посылаю Екатерине Викторовне» (она была в это время в Египте, где лечила почки).

Вот эти данные создали во мне уверенность, что у Сухомлинова нет никаких средств, а все, что он получал и «наезжал», шло на жизнь и на жену.

Когда в 1915 г. Сухомлинов был Государем смещен с поста военного министра и на его место был назначен Поливанов, я поехал к Сухомлинову. Принял он меня в своем кабинете; он был очень подавлен, прочитал мне рескрипт (скорей частное письмо), полученный от Государя. Он при этом сказал: «Государя я ни в чем винить не могу. Его заставили меня убрать. Ко мне же Его Величество относился и относится хорошо!» Затем, переменив тон, совершенно для меня неожиданно сказал: «Но, слава Богу, я не оказываюсь выброшенным на улицу, так как, к счастью, у меня есть приличный капитал.» — «Какой капитал?» — невольно спросил я. «Да вот в этой папке лежат бумаги стоимостью в 700 000 рублей», — при этом открыл один из ящиков стола и указал на какую-то папку.

Я, должен сознаться, совершенно растерялся и спросил: «Ваше высокопревосходительство, откуда же у вас эти деньги? Ведь вы сами мне говорили, что у вас нет никаких средств?» — «Да, у меня и не было никаких средств, но случай помог. Может быть, вы помните, у меня в гостиной висела очень старинная и очень красивая люстра. Досталась она мне очень давно, заплатил я за нее какие-то пустяки и совершенно не знал ее настоящей ценности. На эту люстру обратил внимание Утин и, зная мои финансовые затруднения, предложил ее продать любителю старинных вещей. Я согласился. Утину удалось продать ее за 75 000 рублей, и он мне передал эти деньги. Затем дней через десять после этого Утин зашел ко мне и предложил мне все эти 75 000 рублей пустить на покупку бумаг, которые, по его словам, в самом ближайшем будущем должны очень сильно подняться в своей цене. Утин не ошибся, и теперь эти бумаги стоят 700 000 рублей».

Возможно, конечно, что всё это верно. Но невольно напрашивается вопрос: не получил ли какой-либо посредник выгоду каким-либо иным путем? Особенно вспоминая историю со станками.

Мне представляется, и я в этом даже совершенно убежден, что Сухомлинов никаких прямых взяток не брал, но... по легкомыслию и по не особенно стойким своим моральным качествам, мог идти на сомнительные дела, которые по Уголовному кодексу не являлись преступными.

Вспоминая Сухомлиновское дело и отрицая какое-либо предательство, необходимо отметить, что Сухомлинов отличался очень серьезным недостатком (особенно для военного министра), а именно, «недержанием языка». Он не мог что-либо сохранять в секрете; он должен был поделиться этим секретом с одним, а то и с несколькими лицами.

Я знаю несколько случаев, когда Сухомлинов в гостиной, в присутствии совершенно посторонних лиц, рассказывал безусловно секретные вещи; я знаю, что он не имел никаких секретов от своей жены. При этих условиях вполне возможно, что проникавшие в различные гостиные шпионы или их агенты могли иногда услышать непосредственно от Сухомлинова или от других, слышавших это от Сухомлинова, какие-либо данные секретного характера.

Генерал Головин во всех своих статьях и книгах ругательски ругает Сухомлинова, выставляя его просто глупым, легкомысленным самодуром. Это, конечно, неверно. Что Сухомлинов был легкомыслен, это верно, но все же нельзя говорить, что за время пребывания Сухомлинова военным министром кроме вреда ничего не делалось. Делалось много, и работа велась большая, но много, конечно, было недочетов.

Сухомлинову прежде всего ставят в вину, что, как выяснила война, снабжение нашей армии было плохое и определился страшный недостаток боевых запасов, что Сухомлинов не предвидел потребности армии во время войны.

Но спрашивается — кто же правильно предвидел? Лучше всех оказались снабжены немцы, но и у них периодически чувствовался недостаток боевых припасов. Исправили они недочеты вследствие мощности своей промышленности. У французов было вначале совсем плохо. Исправлены были недочеты отчасти также сильно развитой своей промышленностью и заказами в Англии и в Америке. Хуже всех оказалось наше положение при крайне слабом развитии нашей отечественной промышленности. Получать же нам заказы из-за границы (только через Архангельск, а потом и через Владивосток) было чрезвычайно длительно и трудно. Во всем этом нельзя всю вину валить на Сухомлинова.

В бытность Мышлаевского начальником Генерального штаба у меня никогда не было с ним каких-либо недоразумений. Понимали мы друг друга с полуслова, и работа шла вполне успешно. При Гернгроссе мы (начальники отделов) были, в сущности говоря, предоставлены самим себе. Хотя все шло гладко, но, конечно, при отсутствии руководства сверху все пошло, по сравнению с периодом Мышлаевского, замедленным темпом.

При Жилинском было хуже всего. Руководства с его стороны, в сущности говоря, не было, но при его властности и глубоком бюрократизме он лишал своих ближайших сотрудников инициативы, требовал докладов себе по самым пустым вопросам и, часто задерживая решения, тормозил и мертвил работу. Я его не любил. Крупных столкновений у меня с ним не было, но я постоянно чувствовал какое-то недоверие и не всегда приязненное отношение. Я не составлял исключения: так себя чувствовали все его ближайшие сотрудники.

Накануне рассмотрения в Государственной Думе нового Устава о воинской повинности, в Комиссии обороны Государственной Думы мне было заявлено ее председателем, что центральные партии (октябристы и кадеты, октябристы — по настоянию кадет) договорились о том, что никаких принципиальных возражений по Уставу не будет, если военное ведомство согласится несколько расширить льготы по семейному положению. Ответ требовался к 10 часам утра следующего дня.

Из Думы я еду к Жилинскому; было начало 9-го часа вечера. От секретаря узнаю, что Жилинский сел обедать и отдал приказание никого и ни по какому случаю во время обеда не принимать. Я, поручив секретарю доложить Жилинскому, сейчас же после окончания обеда, что мне нужно его видеть по крайне срочному делу и что я приду в 9 часов вечера, пошел домой. В 9 часов вечера я был в служебном кабинете Жилинского. Секретарь мне сказал, что он все порученное доложил начальнику Генерального штаба, но что Жилинский сказал, что у него нет времени меня сегодня принять и что ему надо ехать в город.

Взбешенный, я тут же написал Жилинскому письмо с подробным изложением дела и просил его, независимо от часа его возвращения, протелефонировать мне или прислать за мной секретаря. Секретарю я сказал, чтобы он ждал Жилинского и передал ему мое письмо, когда вернется начальник Генерального штаба.

В первом часу ночи пришел ко мне секретарь Жилинского, сказал, что передал начальнику Генерального штаба письмо, но что последний сказал: «Спешного нет ничего; идите спать». Утром в 8 часов я звоню по телефону Жилинскому. Узнав мой голос, он спросил, что мне нужно и что это за дело, из-за которого я так настойчиво хотел его видеть в неурочное время. Я на это говорю: «Ваше высокопревосходительство, я все изложил в письме, которое было вам вчера передано вашим секретарем». — «Я вашего письма еще не читал». — «Так я прошу вас прочитать; я сейчас буду у вас».

Иду к Жилинскому. Встречает он меня несколько смущенный и говорит: «Как же нам быть? У меня нет возражений, и я готов дать согласие, но ведь надо получить утверждение от военного министра». Я тогда попросил разрешение проехать мне самому к военному министру. Жилинский согласился. Сухомлинов дал согласие, и к 10 часам утра я привез его ответ в Государственную Думу.

Этот случай очень характерен и показывает, как Жилинский относился к делу: вне служебных часов он хотел жить исключительно для себя и ненавидел, если его беспокоили.

Произошло это весной 1912 г., когда я провел по Мобилизационному отделу все вопросы, которые были мною намечены и в свое

время одобрены Мышлаевским. Служить с Жилинским было для меня неприятно. В это время я получил предложение от начальника Канцелярии Военного министерства, Николая Александровича Данилова, принять должность помощника начальника Канцелярии Военного министерства вместо Янушкевича, назначенного начальником Академии Генерального штаба (Военной академии). Я согласился и «сбежал» от Жилинского. Правда, были и иные причины для перемены мною службы (о них я скажу дальше), но если бы начальником Генерального штаба был крупный человек, вроде Мышлаевского, я, вероятно, еще остался бы на посту начальника Мобилизационного отдела.

Теперь несколько слов о других старших начальниках.

Про Поливанова я уже говорил. Вначале мое с ним соприкосновение вызвало между нами довольно серьезные трения. Поливанов был прекрасным и знающим работником, но я, по должности начальника Мобилизационного отдела (обязанного иметь все данные о состоянии неприкосновенных запасов армии и их пополнении), был с ним не согласен по вопросу о пополнении этих запасов и отпуске на это нужных кредитов. Поливанов считал, что существует план снабжения армии, который им якобы и проводился. Я же считал, что, в сущности, никакого плана нет; что ежегодные ассигнования кредитов распределяются по сметам главных довольствующих управлений без разделения на главные и на второстепенные нужды. Я считал, что надо прежде всего определить, без чего армия не может воевать и что должно быть сделано и заготовлено в первую очередь. Я считал, например, что без боевых припасов армия не готова к войне, а недостаток защитного цвета штанов или казенного обоза может быть заменен черными штанами мирного времени и обывательскими повозками и т. д.

Я подал по этому поводу доклад начальнику Генерального штаба, а последний доложил Сухомлинову, который со мной согласился и потребовал объяснения от Поливанова и начальников главных управлений. Поднялась буча, мною описанная в моих воспоминаниях. Когда выяснилось, что я прав, Поливанов резко изменил ко мне свое отношение, и впоследствии у меня с ним не было никаких недоразумений. Когда он был назначен военным министром, он предложил мне быть его помощником.

С Вернандером у меня отношения были вполне сносные; он мне доверял и всегда соглашался с моими докладами. Как помощник военного министра он был вообще слаб, но, как умный человек, не претендовал на руководство и не мешал делу. Вред, конечно, был тот, что начальники главных управлений им не объединялись и поливановского руководства работой не было и все пошло более медленным темпом. Вред Вернандера на посту помощника военного министра выявился

во время войны, когда потребовалось проявить ему должную энергию и знания как лицу, объединяющему все довольствие армии. Он же оказался слабым и для этого бессильным.

Начальником Главного артиллерийского управления был генерал Кузьмин-Караваев[128]. Настоящий джентльмен, Кузьмин-Караваев был чрезвычайно обаятелен. Человек он был очень неглупый и, по-видимому, недурной строевой артиллерийский начальник. Но как начальник ГАУ он был чрезвычайно слаб. Не зная хорошо технических и хозяйственно-артиллерийских вопросов, не обладая никакими организаторскими способностями, он совершенно был непригоден стоять во главе ведомства. Здесь требовался начальник не только с обширными знаниями, но и с железной волей и твердым кулаком. Много проходило денег через руки старших чинов артиллерийского управления, много было соблазнов, много было случаев для недобросовестности и хищений (заказы тому или иному заводу, приемы на многомиллионные суммы различных предметов артиллерийского снабжения и т. п.). Прошлый период, когда легко было наживаться и который несколько отошел благодаря энергичной деятельности Ванновского (на посту военного министра), еще не был забыт. Старых деятелей, помнивших золотое время, было еще много; много было соблазнов и для новых деятелей. Правда, время было уже иное, взгляды переменились, контроль стал много строже, но все же возможностей оставалось еще много. Кузьмин-Караваев, сам безукоризненно честный, не мог, просто по чрезвычайно честным свойствам своего характера и полной доверчивости к людям, быть на страже технических и хозяйственных интересов ведомства; руководить работой он не мог.

На пост начальника ГАУ его провел Великий князь Сергий Михайлович, сам занимавший пост генерал-инспектора артиллерии. Кузьмин-Караваев, высоко ценя и любя Великого князя, был послушным орудием в его руках. Между тем Великий князь, будучи прекрасным знатоком полевой артиллерии и отличным организатором боевой подготовки артиллерии (главным образом ему обязана русская армия тем, что наша полевая артиллерия во время мировой войны оказалась лучше подготовленной, чем австро-венгерская, и была не хуже германской), был также недостаточно сведущ по многим техническим вопросам и совсем слаб был по хозяйственным вопросам. Между тем, при властности своего характера, Великий князь хотел всем руководить в артиллерийском ведомстве. При полной податливости Кузьмина-Караваева и вышло, что фактическим, но безответственным руководителем ГАУ был Великий князь (он принимал доклады от всех начальников отделов ГАУ), а Кузьмин-Караваев, оставаясь ответственным лицом, фактически был исполнителем воли Великого князя и прикрывал его от всяких

неприятностей, покорно принимая на себя удары и Поливанова, и Государственной Думы. Обстановка ухудшалась тем, что, при слабости знаний многих вопросов, они оба, и Великий князь и Кузьмин-Караваев, попадали не только под влияние, но и в руки другим лицам, кои не всегда были добросовестными.

Начальником Главного военно-технического (инженерного) управления сначала был генерал Александров[129], а затем генерал барон фон дер Рооп[130]. Оба они были не на месте. Генерал Александров хотя и знаком был с инженерными организационными и хозяйственными вопросами и был хорошо знаком с крепостными вопросами, но был чрезвычайно застенчивый и слабовольный. Руководить большим делом он не мог. Рооп был волевой, но дубоватый и мало был знаком с техникой своего Главного управления. Хорошо он знал только железнодорожное дело (на пост начальника главного управления он был назначен с места начальника Закавказской железной дороги). Руководить делом он хотел и пытался, но запутался, и все осталось в руках старых опытных военных инженеров, бывших начальниками отделов и даже отделений. А среди них были не только опытные, но «опытные» в кавычках.

Во главе Главного военно-санитарного управления стоял доктор Евдокимов — человек властный и знающий. Направлял дело он умело и твердо. Официально его обвиняли лишь в бюрократизме, но в действительности вся докторская среда не любила его за его строго консервативное и правое направление. Это отношение к нему либеральной докторской среды нашло отражение в отношении к нему со стороны Думы. Там его очень и очень не любили. Во главе Ветеринарного управления стоял хороший, знающий ветеринар (фамилию забыл), но очень плохой администратор и очень узкий человек.

Начальником Главного военно-учебного управления был Забелин[131] (бывший до того начальником Канцелярии Военного министерства). Он был прекрасный администратор и очень волевой человек. Иногда его обвиняли в некотором бюрократизме и недостаточном знании педагогической части. При жизни Великого князя Константина Константиновича (бывшего генерал-инспектором по военно-учебной части) Забелин иногда попадал в трудное положение из-за двойственности в подчинении: военному министру и генерал-инспектору.

Начальником Главного штаба был милый, но крайне несерьезный генерал Михневич. С ним очень мало считались. До него начальником Главного штаба был добросовестный, но бесцветный генерал Кондратьев[132].

Начальником Канцелярии Военного министерства был умный, знающий и очень ловкий генерал Николай Александрович Данилов.

Но был он и довольно беспринципным: не в денежных делах (в этом отношении он был безукоризненным), а в вопросах, касающихся отношений с людьми и в смысле проведения дел; подтасовать факты, когда это было выгодно и способствовало проведению дела, он был мастер.

Наконец, генерал-инспекторами были: по кавалерии — Великий князь Николай Николаевич, по военно-учебным заведениям — Великий князь Константин Константинович (после его кончины этот пост не был замещен), по артиллерии — Великий князь Сергий Михайлович и, незадолго до войны, во главе авиационного дела стал Великий князь Александр Михайлович, инспектором по стрелковой части был генерал Зарубаев[133].

Положение о генерал-инспекторах было довольно неясно в смысле их отношений с военным министром. С одной стороны, они ему как бы подчинялись, но в то же время они непосредственно подчинялись Государю. В соединении с особым положением Великих князей это вообще создавало атмосферу некоторой «безответственности». С этим никак не могла примириться Государственная Дума (кроме правого крыла), и травля против «безответственных» генерал-инспекторов велась все время.

Все указанные выше лица были докладчиками у военного министра.

Таким образом, военный министр принимал непосредственно доклады от: 1) Начальника Генерального штаба. 2) Помощника военного министра. 3) Начальника Главного штаба. 4) Начальника Главного артиллерийского управления. 5) Начальника Главного военно-технического управления (инженерного). 6) Начальника Интендантского управления (Главного интенданта). (Я забыл сказать выше про главного интенданта. Таковым при мне был генерал Шуваев[134]. Как главный интендант он был вполне на месте. Дело знал очень хорошо, был чрезвычайно энергичен и умел действительно направлять дело. Будучи сам безукоризненно честным в денежном отношении, он сумел дело поставить так, что никаких серьезных хищений при нем в интендантском ведомстве не было и снабжение армии по части интендантского ведомства было при нем поставлено хорошо, как в мирный период, так и после начала мировой войны.) 7) Начальника военно-учебных заведений. 8) Главного военно-санитарного инспектора. 9) Начальника Канцелярии Военного министерства. 10) Ветеринарного инспектора. 11) Инспектора по стрелковой части. 12, 13, 14) Трех генерал-инспекторов. Правда, последние на доклады не являлись, считая, что они подчинены непосредственно Государю, но все же периодически военному министру приходилось с ними встречаться и договариваться по различным вопросам.

При таком количестве докладчиков военный министр принимал доклады почти целый день, а утром до начала докладов и по вечерам

должен был просматривать целые папки присланных письменных докладов и подписывать кучу всяких бумаг и приказов.

Кроме того, он принимал периодически доклады от председателя Главной крепостной комиссии, председательствовал еженедельно (а то и два раза в неделю) на заседаниях Военного совета, иногда присутствовал на заседаниях Комитета Генерального штаба и ездил с докладами к Государю (не меньше раза в неделю). При этих условиях военный министр, имей хоть семь пядей во лбу, не мог бы добросовестно справиться с делом.

В бытность военным министром Милютина, а затем и Ванновского значительная часть работы объединялась начальником Главного штаба; при Куропаткине же, прежде всего по свойствам характера последнего, все стало направляться и руководиться военным министром. Так пошло и дальше. Между тем армия увеличивалась, работы прибавлялось, а реорганизации управления не производилось (не считая временного выделения из ведения военного министра вопросов по Главному управлению Генерального штаба). Потребность в реорганизации военного управления назревала давно, но на нее не хотели или не могли решиться.

Из лиц, с которыми мне больше всего приходилось иметь дело по моей должности начальника Мобилизационного отдела и затем по службе в Канцелярии Военного министерства, были:

1) Генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал Юрий Данилов (по прозванию Черный). Был он бесспорно человеком очень знающим, работоспособным, волевым и властным. Но в то же время он был человеком очень узким и бюрократом до мозга костей. Самомнение и самовлюбленность у него были громадные. При этом он был человеком недоброжелательным и даже злым. Еще в капитанском чине, после перевода из штаба Киевского военного округа в Мобилизационный отдел Главного штаба, а затем будучи штаб-офицером Оперативной части Генерального штаба он обратил на себя внимание Куропаткина и стал последним выдвигаться. Некоторые его сослуживцы его прозвали «маленький Куропаткин» — так он явно старался подражать во многом тогдашнему военному министру Куропаткину. Пройдя службу в качестве начальника Оперативного отделения Генерального штаба, он откомандовал пехотным полком и затем опять вернулся в Главное управление Генерального штаба, сначала на должность обер-квартирмейстера, а затем генерал-квартирмейстера. Он явно проходил «в дамки». Иметь с ним дело было чрезвычайно трудно. Все не соглашавшиеся с его взглядами испытывали его недоброжелательство и упорное нежелание отступить от мнений, хотя бы и явно для всех неправильных. У меня с ним были всегда очень корректные отношения,

но близости никогда не было (хотя мы и были на «ты»). Столкновений (по служебным вопросам) было у нас несколько, но разрешались они всегда благополучно.

2) Начальник Организационного отдела генерал Беляев (Михаил Алексеевич, впоследствии последний военный министр царского правительства). Его называли «микроб стен Главного штаба». Дело свое знал, был очень хороший работник, но бюрократизм его доходил Бог знает до каких пределов. С подчиненными был сух и суров, перед начальством низко склонялся. Всякое желание начальства (даже явно нелепое или незаконное) было для него законом. Он и подумать не смел о возможности противоречить начальству, а особенно военному министру.

3) Начальником отдела военных сообщений был генерал-лейтенант Добрышин. Человек он был знающий, но «чиновник» и очень трудно шедший на какие-либо новшества. Жена его имела приличные средства, и он получал приличное содержание (считая всякие добавочные: как член Комитета Добровольного флота, за участие в заседаниях по Министерству путей сообщения, всякие разъездные и проч.). Он любил петербургскую жизнь и широко ею пользовался: приемы, обеды, вечера, театры и проч. Все это не создавало атмосферы для напряженной работы, и, действительно, работа по управлению военных сообщений шла довольно тихим и спокойным ходом. Кажется, в 1911 или 1912 г. он был заменен генерал-майором Сергеем Александровичем Ронжиным, выдвинутым Сухомлиновым. Ронжин был умным, знающим и не боящимся работы человеком. Он внес свежую струю в работу Управления военных сообщений. Я с ним был очень дружен, а иметь с ним дело по службе было очень приятно.

4) Дежурный генерал Главного штаба генерал Петр Константинович Кондзеровский[135]. Имел я с ним дело по вопросам аттестации начальников местных бригад и воинских начальников. Кроме того, мне приходилось очень часто заседать с ним в различных комиссиях, были мы близки и домами. Петр Константинович был удивительно чистым и высоких моральных качеств человеком. В служебном отношении он был отличным и знающим работником. Для офицерского состава русской армии он делал все что мог. Все приезжавшие в Петербург офицеры всегда находили в нем самое сердечное отношение, уходили от него успокоенными и в большинстве случаев удовлетворенными. «Законность» была его отличительной чертой. Но эта же «законность» иногда производила впечатление некоторой сухости и отдавала бюрократизмом. Я бы сказал, что, проводя «законность», Петр Константинович не был достаточно широк и иногда «форме» придавал большее значение, чем самой сути дела. Это, пожалуй, было его единственным

недостатком. Но, с другой стороны, это же предохраняло его и все его действия от какого-либо произвола.

Опыт войны показал, что П. К. Кондзеровский, проводя принцип «законности», был грешен в двух направлениях:

а) Выдвижение достойнейших — было при нашей системе почти невозможно. Принцип старшинства (то есть той же законности) убил выдвижение вперед талантливых. За время войны это мы сильно ощущали, и много талантливых людей осталось в тени и не получило возможности выдвинуться на первые места, в то время когда старшие, командовавшие корпусами, а иногда и выше, были по своим качествам ниже среднего.

б) Награждение за отличия было поставлено плохо, то есть хорошо для мирного времени и очень плохо для военного времени. Награждения за отличия в боях давались иногда через полгода, а иногда и много позже после отличия. Случалось, что отличия не дожидались: офицеры, которых застигала смерть в бою после отличия, за которое они были представлены за несколько месяцев перед тем.

Особенно же это касалось «георгиевских» отличий, Георгиевских крестов и Георгиевского оружия. В основу награждения Георгиевскими отличиями была поставлена система строгой проверки подвига и свидетельство сослуживцев. Это было, конечно, правильно, но эта система в применении к старшим (начиная от командиров полка) грешила тем, что требовалось свидетельство подчиненных, а при награждении начальников дивизий и выше вопрос об их награждении передавался на рассмотрение петербургской Георгиевской думы, где не чувствовалось пульса фронта и где решения выносились часто и произвольные и пристрастные.

5) Генерал Лехович[136] (сначала начальник отдела, а затем помощник начальника ГАУ; после революции был последним начальником ГАУ перед большевицким переворотом). Человек очень порядочный и отличный работник, но был пропитан до мозга костей традициями ГАУ: все выставлять в благоприятном для артиллерийского ведомства свете и скрывать все недочеты. Работать с ним из-за этого было трудно и требовалось много усилий заставить его понять, что общее благо не допускает скрытия недочетов.

6) Помощники главного интенданта генералы Богатко[137] и Егорьев[138]. Оба честные и хорошие работники, но безвольные и простые передатчики указаний волевого генерала Шуваева. Поэтому я, несмотря на хорошие с ними отношения, старался иметь дело непосредственно с Шуваевым.

Из моих подчиненных по Мобилизационному отделу отмечу только некоторых.

Когда я принял Мобилизационный отдел, то помощника начальника отдела по штатам не существовало. В случае отсутствия начальника отдела его замещал один из делопроизводителей (начальников отделений). Я признал этот порядок недопустимым, так как начальнику отдела приходилось иногда уезжать из Петербурга на продолжительный срок и на время его отсутствия работа в Мобилизационном отделе замирала. Генерал Мышлаевский со мной согласился, и в спешном порядке была создана должность помощника начальника Мобилизационного отдела. Передо мной встал вопрос о том, кого взять на эту должность. Из офицеров Генерального штаба, знавших хорошо мобилизационное дело, я видел только одного: бывшего старшего адъютанта мобилизационного отделения штаба Варшавского округа полковника Николая Николаевича Стогова[139]. Но взять его с должности делопроизводителя по оперативной части Управления генерал-квартирмейстера (куда он недавно перед тем был назначен) вызвало бы серьезные трения с генералом Ю. Даниловым. Кроме того, хотелось на эту должность взять лицо, уже откомандовавшее полком, которое могло остаться в Мобилизационном отделе на продолжительное время, а Стогов полком еще не командовал.

После долгих размышлений я остановился на командире Ровненского полка Сергее Константиновиче Добророльском[140], которого я знал еще со времени Николаевского инженерного училища. Я знал его за умного и добросовестного работника, а незнанием им мобилизационного дела я решил пренебречь, считая, что под моим руководством он скоро его познает.

В выборе я не ошибся, и он был для меня хорошим помощником. Впоследствии, на войне, он оказался довольно слабым строевым начальником (командовал дивизией). В период гражданской войны, будучи военным губернатором Черноморской губернии, запутался в любовных делах и был Деникиным отстранен от должности. Наконец после эвакуации Крыма перешел к большевикам. По полученным из СССР известиям, в 1930 г. скончался.

Для знавших его — переход его к большевикам явился полной неожиданностью и вызвал не только негодование, но и полное недоумение. В действительности же, как и в истории с Бонч-Бруевичем, в этом его поступке доминирующую роль сыграло обиженное самолюбие. Он был оскорблен, что Деникин его отстранил от должности, а Врангель не привлек к работе. Обиженный, он перешел к большевикам. Этому в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что как раз в это время «менял фронт» и переходил к большевикам генерал Борисов (один из ближайших друзей М. В. Алексеева и один из его ближайших сотрудников по оперативной части, как до войны, так

и во время последней), который вообще имел большое влияние на Добровольского.

Из моих подчиненных ярко выделялся только один: это Александр Михайлович Крымов. Остальные, как, например, Русланович, Кирпотенко, Лебедев (Павел Павлович — пошел служить большевикам), Романовский (заместивший меня во время Гражданской войны в должности начальника штаба Добровольческой армии, а до того бывший у меня генерал-квартирмейстером, как в Ставке, так и в первый период борьбы с большевиками) и другие были хорошими работниками, хорошими исполнителями, но ничем особенным не отличались. Из них Романовский (Иван Павлович) был живей других. Крымов же был очень яркой фигурой. За что бы он ни брался, он во все вносил свое «я». Он был не всегда сдержан и не всегда хорош по «письменной части», но был безусловно талантлив и при разработке различных вопросов всегда вносил в дело новые и оригинальные мысли.

Я понимал, что для Крымова надо скорей пройти ценз командования полком и выйти на более широкую строевую дорогу. Я его уговорил воспользоваться представившимся случаем и принять в Забайкальской области казачий полк. Он меня послушался, и это помогло ему выдвинуться и во время войны командовать Забайкальской казачьей дивизией (генерал Врангель был у него бригадным командиром).

В связи с моей деятельностью как начальника Мобилизационного отдела мне вспоминается чрезвычайно характерный случай, рисующий до некоторой степени картину русского государственного управления того времени.

Как-то в мае 1910 г., поздно вечером, когда я занимался в своем кабинете, зазвонил телефон. Сняв с аппарата трубку, я спрашиваю: «Кто вызывает?» В ответ на это незнакомый голос: «Мне нужно говорить с генералом Лукомским. Кто у телефона?» Раздраженный командными нотками в голосе, меня вопрошавшем, я говорю: «Вызываю не я, а вызывают меня, поэтому прошу прежде всего сказать, кто у телефона». — «У телефона председатель Совета министров Столыпин. Мне нужно переговорить с генералом Лукомским. Кто у телефона?»

Я ответил, и Столыпин сказал мне, что ему необходимо со мной переговорить по очень важному делу, по которому говорить по телефону неудобно, и что он просит приехать к нему на квартиру на другой день к 10 часам утра.

К назначенному времени я был на квартире П. А. Столыпина. Меня сейчас же провели в его кабинет. При моем входе из-за письменного стола поднялась большая фигура в черном сюртуке. Я никогда до этого раза не видел Столыпина, и его облик мне очень понравился. Поздоровавшись со мной, он предложил мне сесть и затем сказал следующее.

«Очень рад познакомиться с вами, генерал. Я много про вас слышал. Пригласил я вас с целью с вами познакомиться и, кроме того, просить вас помочь мне в одном очень серьезном деле». На мой недоуменный вопрос, чем я могу ему помочь, он, усмехнувшись, сказал: «Я вам сейчас скажу, в чем дело; прошу вас только пока никому о нашем разговоре не говорить».

Затем П. А. Столыпин очень подробно рассказал мне о мероприятиях правительства по расширению хлопководства. Сказал, что, кроме развития хлопководства в Средней Азии, оказались очень удачными опыты по развитию хлопководства в Закавказье, но что совершенно неожиданно возникли препятствия со стороны наместника на Кавказе — генерал-адъютанта графа Воронцова[141]. Что он, Столыпин, основываясь на блестящих результатах орошения степей (Муганской и еще какой-то) в Закавказье, считает необходимым теперь же приступить в широком масштабе к орошению там новых участков и разведению на них хлопка, в связи с чем нужно произвести переселение в край значительного числа будущих фермеров-хуторян.

Воронцов же считает, что еще рано вести это дело в широком масштабе и что требуется еще ряд лет для производства опытов; что только по прошествии этого ряда лет можно окончательно решить вопрос об орошении крупных пространств и о переселении из Европейской России. Что возражения Воронцова совершенно не удовлетворяют его, Столыпина; что получить исчерпывающие данные ему от Воронцова не удается и что Воронцов категорически возражает против командирования на Кавказ специалистов из Петербурга.

Затем Столыпин сказал, что Государь совершенно согласен с ним, Столыпиным, что Государь два раза писал по этому вопросу личные письма Воронцову, но что последний уперся на своем и ставит вопрос так: если Государь согласен со Столыпиным, то он, Воронцов, просит его уволить с должности наместника на Кавказе и тогда делать так, как хочет Столыпин. Если же Государь хочет сохранить его, Воронцова, на Кавказе, — он просит верить его знаниям края и не проводить скоропалительно мероприятия, которые могут оказаться для края вредными. Что Государь не хочет обижать Воронцова и этим тормозится проведение в жизнь чрезвычайно важного мероприятия, имеющего громадное государственное значение.

Столыпин закончил так: «Вот я и прошу вас, генерал, мне помочь...»

— «??..»

Увидев, что я ничего не понимаю, Столыпин сказал: «Я вам сейчас разъясню, как вы можете мне помочь. Скажите военному министру, В. А. Сухомлинову, что вам как начальнику Мобилизационного отдела необходимо проверить на всем Кавказе мобилизационную подготовку

не только военных, но и гражданских учреждений, начиная от волостей до губернских управлений включительно. Попросите у военного министра разрешение составить по этому вопросу всеподданнейший доклад. Государь, конечно, согласится, а граф Воронцов не будет возражать, ибо это является поверкой работ по государственной обороне. Когда же все нужные согласия будут получены, вы сговоритесь с Куколь-Яснопольским (начальник управления по делам воинской повинности Министерства внутренних дел) и будут образованы две комиссии для проверочных работ; в одной председателем будете вы, а в другой Куколь-Яснопольский. В эти комиссии мы включим специалистов по хлопководству, и они под сурдинку соберут на месте все интересующие меня данные».

Я, конечно, согласился, и все было проделано так, как указал Столыпин.

В моей работе по Мобилизационному отделу, как в вопросах отбывания воинской повинности в мирное время, так и относительно призывов при мобилизации, успешному ходу способствовало тесное и дружное сотрудничество с управлением по делам воинской повинности Министерства внутренних дел. Во главе этого управления стоял Иван Степанович Куколь-Яснопольский, человек очень умный и не «ведомственный». Он понимал, что конечная цель в работах по воинской повинности и мобилизации должна над всем доминировать, и ради правильного ее разрешения нельзя скрывать от военного ведомства недочетов и ошибок чинов и учреждений МВД, от успешной работы которых зависит конечный успех.

Помощниками у него были Корвин-Круковский и Федоров. Хотя оба они были типичными бюрократами, но благодаря влиянию Куколь-Яснопольского и с ними работа шла хорошо. Вообще надо сказать, что в период с 1908 по 1912 г., когда налаживалась работа по мобилизации, военное ведомство встречало полную поддержку со стороны МВД, и работа шла в высшей степени успешно.

Параллельно с руководством мобилизационной работой из Петербурга необходимо было постоянно проверять работу на местах. Для этой проверки существовало два вида мобилизаций: поверочные и опытные.

Поверочные мобилизации производились распоряжением штабов округов в пределах своих округов. При этих поверочных мобилизациях люди, лошади и повозки назначались в мобилизуемые войсковые части и учреждения из других войсковых частей. Кроме того, производились поверки всех мобилизационных соображений и укладки обозов.

Опытные мобилизации производились ежегодно по Высочайшему повелению с действительным призывом запасных и поставкою в моби-

лизуемые части и учреждения лошадей и повозок от населения. Расходы, вызываемые этими опытными мобилизациями, были значительны, но польза их была громадная.

Мне удалось добиться, что кредиты на эти опытные мобилизации отпускались ежегодно вполне достаточные и как Министерство финансов, так и законодательные учреждения шли в этом отношении широко навстречу военному ведомству. Путем этих «опытных» мобилизаций к 1912 г. создалась полная уверенность, что и действительно мобилизация пройдет хорошо.

Мы не только производили опытные мобилизации войсковых частей, штабов и учреждений, но была произведена «опытная» мобилизация Осовецкой крепости, что принесло большую пользу — как для подготовки к действительной мобилизации этой крепости, так и вообще крепостей. Для производства опытных мобилизаций я обыкновенно всегда выезжал на места их производства.

Вследствие этих поездок я имел возможность побывать почти во всех районах Российской империи. Особенно сильное впечатление оставили во мне поездки на Кавказ, в Сибирь и на Дальний Восток, где я прежде никогда не был. Во время этих поездок я воочию убедился в колоссальном богатстве наших окраин. Убедился и в том, что центральная правительственная власть очень мало давала этим окраинам, не способствуя развитию ими их беспредельных богатств. Получался полный нонсенс: центр стремился получать доход с окраин, но не давал достаточных средств на развитие производительных сил и богатств этих окраин. В результате и центр получал сравнительно мало, и окраины не развивались в достаточной степени. Кроме того, центр стремился всем управлять сам, не способствуя развитию местной инициативы и боясь давать права местному самоуправлению и расширению и развитию местных потребностей. В результате окраины ненавидели центр, сами не процветали и мало давали центру. Между тем, если бы дело было поставлено правильно, то такие районы, как Закавказье, Туркестан, Семипалатинская и Барнаульская область, Алтай, Забайкалье, Якутская область, Дальний Восток и Камчатка, давали бы колоссальные средства центру и сами процветали бы.

К 1912 г. все намеченные мною работы по усовершенствованию мобилизации русской армии были проведены в жизнь. Было введено новое мобилизационное расписание, предусматривавшее как общую мобилизацию на случай войны с Германией и Австро-Венгрией, так и ряд частных мобилизаций на случай столкновения с соседями на южных и восточных окраинах. Были проведены через законодательные учреждения законопроекты по изменениям в уставе о воинской повинности и проведены мероприятия по доведению до полных норм всех запасов

военного времени. Оставался еще громадный пробел по вопросу о подготовке мобилизации всей страны, а в частности по мобилизации промышленности. Но эти вопросы носили уже характер государственного масштаба и выходили из рамок Мобилизационного отдела.

Дальнейшая работа на ближайшие пять-шесть лет по Мобилизационному отделу сводилась бы лишь к различным исправлениям и мелким техническим усовершенствованиям. Эта работа уже не могла меня удовлетворять. К тому же времени возникли у меня некоторые трения с начальником Генерального штаба Жилинским, и я тогда же (начало 1912 г.) получил предложение от Н. А. Данилова («Рыжего», начальника Канцелярии Военного министерства) занять должность его помощника. Я решил перейти в Канцелярию Военного министерства и согласился на предложение Н. А. Данилова.

Многие из моих сослуживцев выражали тогда удивление по поводу принятого мною решения: должность начальника Мобилизационного отдела, будучи одинаковой по рангу с должностью помощника начальника Канцелярии Военного министерства, была гораздо самостоятельней, более значительной и гораздо более видной. Начальник Мобилизационного отдела являлся крупной персоной, которую знала вся армия и который был на виду не только у военного министра, но и у других министров и членов законодательных палат (Государственного Совета и Государственной Думы). В работе начальник Мобилизационного отдела был совершенно самостоятельным.

Должность же помощника начальника Канцелярии Военного министерства требовала повседневной громадной, кропотливой и не видной работы. Личность помощника начальника Канцелярии совершенно затемнялась начальником Канцелярии, который и пожинал плоды работы Канцелярии, и только он был «на виду». Несмотря на все это, я решил перейти на менее видное и менее «блестящее» место.

На мое решение недоразумение, возникшее у меня с генералом Жилинским, повлияло как толчок. Главный же мотив был другой, характера «карьерного». У меня была прочно составлена репутация как хорошего офицера Генерального штаба, отлично знавшего штабную службу, но я не имел строевого ценза. Не откомандовав же полком, я — при нормальных условиях — не мог рассчитывать устроить себе строевой карьеры, то есть получить в командование корпус и затем выдвинуться на пост командующего войсками какого-нибудь военного округа. Правда, я мог пойти на должность начальника штаба корпуса и затем получить в командование пехотную дивизию; но, не говоря о том, что этот путь был бы переходом из «попов в дьяконы», это было очень и очень не верно. Могло повезти, а мог и «заморозиться» на должности начальника дивизии.

Переход же на должность помощника начальника Канцелярии Военного министерства, при уже составленной мною репутации, оставлял меня все же до известной степени на виду и давал мне возможность практически познакомиться с военно-административной деятельностью. Мне было ясно, что, блестяще пройдя искус начальника Мобилизационного отдела, я на должности начальника Канцелярии Военного министерства не буду в положении рядового помощника начальника Канцелярии Военного министерства, а приобрету новые данные, которые откроют передо мной новые возможности для более широкой военно-административной карьеры: пробыв два-три года в положении помощника начальника Канцелярии Военного министерства, я с тем багажом, который мною уже был приобретен, стану естественным кандидатом на три большие должности в военном ведомстве: начальника Канцелярии Военного министерства, начальника Главного штаба и начальника Генерального штаба. А эти должности открывали путь и на пост военного министра. Наконец, если бы в будущем я захотел пойти по строевой линии, то с одного из перечисленных выше трех высших военно-административных постов я всегда при желании мог бы получить в командование корпус. А последнее, не закрывая пути на пост военного министра, открывало бы возможность быть назначенным на пост командующего войсками одного из военных округов.

Вот эти-то соображения «карьерного» или «честолюбивого» порядка и побудили меня пойти на будто бы невидный пост помощника начальника Канцелярии Военного министерства.

Весной 1912 г. я расстался с Мобилизационным отделом и с головой окунулся в совершенно для меня новую работу. Должен откровенно сознаться, что эта новая работа, чисто канцелярского характера, мне очень и очень не понравилась. Пока я в нее не втянулся и к ней не привык, я неоднократно сожалел о своем переходе.

На помощнике начальника Канцелярии Военного министерства лежали три главные обязанности:

1) Быть докладчиком в «малом» Военном совете.

2) Исполнять секретарские обязанности в «большом» Военном совете и замещать в нем начальника Канцелярии Военного министерства в случае, когда он по тем или иным причинам не мог делать в нем доклады по рассматриваемым вопросам.

3) Помогать начальнику Канцелярии по рассмотрению и по проведению смет Военного министерства как в правительственных комиссиях, так и в законодательных учреждениях и заменять в них начальника Канцелярии, когда он это признает нужным.

Больше всего было работы по «малому» Военному совету.

Надо сказать, что наше военное законодательство по хозяйственной части были чрезвычайно устарелое и совершенно не отвечало развитию армии к началу XX столетия. Права военно-окружных советов и командующих войсками по хозяйственным вопросам были ничтожны, и все централизовалось Военным советом, председателем которого состоял военный министр. Благодаря этому Военный совет был завален массою всевозможных хозяйственных представлений.

В «большой» Военный совет, полного состава, под председательством военного министра, вносились на рассмотрение все вопросы законодательного характера, сметы и наиболее крупные хозяйственные вопросы.

Вся же «вермишель», то есть все мелкие хозяйственные вопросы, вносились на рассмотрение «малого» Военного совета, в состав которого ежегодно выбиралось из общества состава членов Военного совета, если не ошибаюсь, восемь членов. Председательствовал старший из членов Военного совета (при мне — генерал от инфантерии Салтанов). Заседания «большого» Военного совета происходили, если не ошибаюсь, еженедельно по средам, а «малого» — по субботам. В среднем в «большом» Военном совете в каждое заседание рассматривалось 15–20 дел, а в «малом» — 80–120 (доходило до 150 дел).

При таком количестве дел Военный совет фактически не мог их рассматривать добросовестно, и члены Военного совета были лишены возможности заблаговременно знакомиться с делами (что требовалось по закону). Вся работа ложилась на Канцелярию Военного министерства, а Военный совет принужден был почти всегда соглашаться с докладами начальника Канцелярии (в большом совете) и помощника начальника Канцелярии (в малом совете).

Ненормальность этого положения была описана в особой книге членом Военного совета генералом Скугаревским[142] (кажется, в 1910 г.), но ничего не было исправлено, только Скугаревский за бестактное выступление в печати был уволен в отставку.

Успех работы Военного совета зиждился на работе Канцелярии Военного министерства и на личных качествах начальника Канцелярии и его помощника.

Подбор личного состава Канцелярии Военного министерства был блестящий. Приличные оклады жалованья, крупные наградные на Рождество и на Пасху, широкие награды орденами, быстрое продвижение в чинах и сравнительно легкое награждение гражданских чинов придворными званиями — все это выделяло Канцелярию Военного министерства из ряда всех других министерств (в этом отношении наряду с Канцелярией Военного министерства считались только Министерство иностранных дел, Государственная канцелярия и Кредитная

канцелярия Министерства финансов) и давало возможность подбирать действительно выдающихся работников. Начальниками Канцелярии Военного министерства в течение ряда лет были выдающиеся военные: генерал Лобко[143], генерал Редигер, генерал Забелин и генерал Данилов. Моими предшественниками по должности помощника начальника Канцелярии Военного министерства были генералы Данилов (Н. А.), Гулевич[144] и Янушкевич (последнего заменил я, когда он был назначен начальником Академии Генерального штаба).

Служебное время начиналось у меня в 9 часов утра. От 12 часов дня до 1 часа дня был перерыв для завтрака, а затем служба продолжалась до 6–7 часов вечера. В течение всего дня приходилось принимать доклады чинов Канцелярии и принимать представителей главных управлений Военного министерства, приходивших давать различные дополнительные объяснения по представлениям главных управлений в Военный совет.

После обеда (в 8–8 $^1/_2$ час вечера) я находил на своем письменном столе объемистую папку с представлениями в Военный совет. Эти представления я должен был прочитывать, делать на полях свои пометки и замечания, а затем на следующие дни принимать по ним доклады по различным отделам Канцелярии Военного министерства. Рассмотрение этих представлений я никогда не заканчивал раньше часу ночи, но случалось засиживаться и до 2–3 часов утра (ночи).

В этой работе я крутился как белка в колесе; личной жизни почти не было. В периоды же рассмотрения смет и защиты их в комиссиях Государственной Думы (это было почти полностью возложено на меня генералом Даниловым) приходилось разрываться на части. Правда, когда я освоился с работой, она стала более легкой, но все же, повторяю, личной жизни я почти не знал. Здоровье и моя работоспособность помогли мне сравнительно легко справляться с этой громадной работой. Помогала мне набираться сил и моя страсть к охоте. По субботам я обыкновенно уезжал в лес и почти каждое воскресенье проводил на лоне природы.

Постепенно я привык к работе в Канцелярии Военного министерства. Разнообразие же вопросов, проводившихся через Военный совет, вызывало интерес к работе и чрезвычайно расширило мой кругозор. Начальство меня баловало. Я пользовался полным доверием со стороны начальника Канцелярии и со стороны военного министра. Бывший при мне помощником военного министра генерал Вернандер оказывал мне также полное доверие и всегда считался с моим мнением.

С начальниками главных управлений Военного министерства у меня установились отличные отношения. Такие же отношения у меня установились с представителями Министерства финансов и Госу-

дарственного контроля, с которыми по сметным вопросам постоянно приходилось иметь дело.

В Государственной Думе и в Государственном Совете при работе в различных комиссиях я встречал всегда самое благожелательное отношение и полное доверие. Последнему, бесспорно, помогли мои отношения, установившиеся со многими членами законодательных учреждений в бытность мою начальником Мобилизационного отдела.

Летом 1913 г., когда я полностью вошел в курс всех дел, проводившихся по Канцелярии Военного министерства, я сделал начальнику Канцелярии генералу Данилову подробный доклад о недочетах нашего законодательства по проведению хозяйственных вопросов в армии, а также о ненормальном устройстве военного управления в смысле разрозненности действий главных довольствующих управлений (интендантского, артиллерийского, военно-технического, санитарного и ветеринарного управлений). Данилов, вполне согласившись с моим докладом, добавил кое-что от себя и сказал, что он считает своевременным и необходимым упорядочить ряд вопросов. На себя он взял разработку вопроса о реорганизации Военного совета и децентрализацию проведения хозяйственных вопросов (с усилением прав военно-окружных советов), а мне поручил составить проект реорганизации высшего военного управления (намечалось подчинить помощнику военного министра главные довольствующие управления, создав как бы должность главного начальника снабжения армии).

Наши проекты не были закончены к лету 1914 г., и начавшаяся мировая война прервала все работы по проведению в жизнь намечавшихся планов.

Скажу лишь несколько слов о ненормальном положении Военного совета, который уже с начала XX столетия совершенно не отвечал идее, положенной в основу его создания. Членами Военного совета, по мысли законодателя, должны были назначаться особо опытные генералы по различным отраслям военного дела. В действительности же Военный совет оказался богадельней для престарелых генералов, увольнявшихся по непригодности или по старости с высших военных постов. Только случайно в его состав попадали сравнительно молодые и энергичные генералы, принужденные по каким-либо побочным причинам оставить свои прежние должности. Назначение в Военный совет производилось на несколько лет, после чего в зависимости от соответствующего доклада военного министра Государю Императору данный член Военного совета мог оставляться еще на один год, а затем еще каждый раз на один год по докладу того же военного министра.

Если к этому прибавить, что жалованье в бытность членами Военного совета, нормально, превышало в два раза пенсию после окон-

чательного увольнения в отставку, то будет ясно, что члены Военного совета в своей массе были покорными исполнителями воли военного министра. А так как решения военного министра о ежегодной судьбе членов Военного совета производились в значительной степени в зависимости от докладов начальника Канцелярии Военного министерства, то и в лице последнего члены Военного совета видели лицо, с которым необходимо было поддерживать добрые отношения. Последнее же приводило к тому, что редко у кого из членов Военного совета было достаточно гражданского мужества перечить начальнику Канцелярии и не соглашаться с его докладами в Военный совет. В результате получалось, что начальник Канцелярии Военного министерства являлся фактическим руководителем действий Военного совета и вершителем по вопросам, проводимым через него.

Это все, конечно, сознавалось многими, но протестовать обыкновенно никто не рисковал (Скугаревский, кажется, был единственным исключением в этом отношении).

В начале лета 1914 г. военный министр Сухомлинов в разговоре со мной дал мне понять, что к осени 1914 г. генерал Данилов получит новое назначение, а что я, конечно, его замещу в должности начальника Канцелярии. Сухомлинов не предполагал тогда, насколько он правильно делает предсказание, но что эти «назначения» произойдут не в нормальном порядке, а вследствие начавшейся войны. <...>*

---

* В конце рукописи «Очерки из моей жизни» (Архив Гуверовского института, фонд А. С. Лукомского, кор. 3, д. 1, с. 1106) имеется пояснение: «Этим заканчиваются мои “Очерки”, отправляемые в Пражский архив. Конец же, от 1107 стр. до конца — для печати не предназначается и в Пражский архив не посылается». Текст окончания «Очерков» см. в Приложении к настоящему изданию.

ВОСПОМИНАНИЯ

Период Европейской войны
Начало разрухи
Борьба с большевиками

Печатается по изданию
Лукомский А С. Воспоминания: в 2-х т Берлин Отто Кирхнер, 1922

Воспоминанія
генерала
А. С. Лукомскаго

Періодъ Европейской войны
Начало разрухи въ Россіи
Борьба съ большевиками

ТОМЪ I

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко.,
BERLIN W. 35, GENTHINERSTR. 19.
1 9 2 2.

Предисловие

Правдивая история данной эпохи пишется не ее современниками, а последующими историками — которые описаниями современников пользуются как материалом.

Таким материалом для будущего историка русской революции, вылившейся в настоящее время в большевизм, послужит и «История русской революции», выпускаемая П. Н. Милюковым, и все воспоминания и записки, которые уже написаны многими лицами и будут еще написаны.

У прежних историков под руками, обыкновенно, были архивы с официальными и документальными данными. Эти данные служили канвой, по которой вышивалось, пользуясь описанием событий современниками.

В распоряжении будущих историков, которые будут описывать Европейскую войну, революцию в России и Гражданскую войну — архивов может не оказаться.

Вся переписка о начале революции, собранная по моему приказанию в Ставке Верховного Главнокомандующего в четыре дела, оставалась до большевистского переворота в Могилеве.

За два дня до своего убийства в Могилеве генерал Духонин, исполнявший должность Верховного Главнокомандующего, хотел выехать из Могилева в Киев. С собой он хотел взять наиболее важные дела, бывшие в штабе; в том числе, как мне передавали, и дела, содержавшие документы начала революции. Но писаря и местный революционный комитет воспротивились отъезду генерала Духонина, а дела, уже погруженные на автомобили, были выброшены на землю. Часть из них была внесена обратно в помещение штаба, часть разорвана и пущена по ветру, часть сожжена.

Что сталось с делами, касавшимися распоряжений Верховных Главнокомандующих по армиям, содержащих документы по началу революции и по Корниловскому выступлению, — неизвестно.

Большая часть архивов штабов фронтов пропала.

Мне передавали, что в период захвата большевиками Петрограда погрому подверглись и архивы Главного и Генерального штабов.

При занятии Киева большевиками весной 1918 г. арестованных офицеров одно время содержали в помещении архива штаба округа, и они спали на «делах». Причем, как мне передавали, эти «дела» шли на топку, на обертку пакетов и на другие надобности.

При эвакуации Новороссийска погибли многие документы «Корниловского» и «Деникинского» периодов.

Опасение, что многих документальных данных, касающихся эпохи Европейской войны, революции и Гражданской войны в России, — может не оказаться, обязывает нас, современников, записать и напечатать всё, что мы знаем про эти периоды и чему мы были свидетелями.

Эти соображения заставили и меня взяться за перо.

Я прослужил, будучи офицером Генерального штаба, 12 лет в Киевском военном округе, и через мои руки проходили все вопросы, касавшиеся подготовки войск Киевского военного округа к мобилизации и к боевым действиям.

Четыре года я был начальником Мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба и руководил подготовкой к мобилизации всей армии.

С начала войны я был начальником Канцелярии военного министерства, а с лета 1915 г. до апреля 1916 г. помощником военного министра, и через меня проходили все вопросы по снабжению армии.

В апреле 1916 г. я был назначен начальником 32-й пехотной дивизии, причем имел честь командовать этой дивизией, когда она, прорвав фронт австрийцев 22 мая 1916 г. и составляя один из авангардов 9-й армии, заняла Черновцы и продвинулась в Карпаты.

Потом я был начальником штаба 10-й армии и с ноября 1916 по апрель 1917 г. генерал-квартирмейстером Верховного Главнокомандующего. На этой должности я в Ставке был свидетелем всех событий начала революции. В апреле 1917 г. я принял 1-й армейский корпус, а с 3 июня 1917 г. я был начальником штаба при Верховных Главнокомандующих Брусилове и Корнилове.

После так называемого «Корниловского выступления» я, с Корниловым, Деникиным и другими, был арестован по распоряжению Керенского и сидел в Быховской тюрьме.

19 ноября 1917 г., вместе с другими арестованными бежал на Дон.

Во время Гражданской войны я был одно время начальником штаба у генерала Корнилова, а при генерале Деникине был начальником военного управления, помощником Главнокомандующего и с июля 1919 г. по январь 1920 г. был председателем Особого Совещания, исполнявшего функции правительства.

В период генерала Врангеля я был его представителем при союзном командовании в Константинополе.

Думаю, что мои воспоминания представят интерес и для современников, и для будущих историков.

Хотя я и обладаю хорошей памятью, но, не имея под рукой всех необходимых справок и материалов, могу допустить некоторые неточности в изложении и ошибки в датах.

Заранее за это извиняюсь и прошу тех, кои могут сделать необходимые исправления или указать на допущенные мною ошибки, — сообщить об этом мне или сделать поправки путем печати.

Нисколько не претендуя на непогрешимость своих выводов, буду рад, если и они подвергнутся критике.

"Du choc des opinions jaillit la vérité"*. Буду писать и делать заключения — как это представляется мне. А истина получится из сопоставления различных описаний одних и тех же событий.

* В споре рождается истина (*франц.*). — *Прим. ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЕ И ПОДГОТОВКА К НЕЙ

Глава I

Быстрая мобилизация и сосредоточение Германией армии на свою западную границу в 1870 г. показали русским военным кругам всё превосходство, которое в этом отношении имела она над Россией.

Франко-Германская война открыла также все преимущества Прусской военной организации и ярко подчеркнула недочеты организации русской армии. Выяснилась опасность, которая может грозить России в случае столкновения с Германией. После этой войны, а особенно после Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг., еще более наглядно выяснившей недочеты по организации и по подготовке русской армии, усиленно велись работы по их устранению.

Франко-Русский союз заставил обратить внимание на подготовку к войне против Германии и Австро-Венгрии; особенно много было сделано для улучшения и ускорения мобилизации армии и ускорения ее сосредоточения к западной границе России при генерале Обручеве, бывшем начальником Главного штаба.

Было совершенно ясно, что Германия в случае Европейской войны направит против России армии Австро-Венгрии и выставит заслоны от своих армий против Варшавского и Виленского военных округов, дабы воспрепятствовать вторжению в свои пределы тех частей русской армии, кои скоро закончат свою мобилизацию и сосредоточение. Сама же главными своими силами обрушится на Францию и, сломив сопротивление последней, часть своих сил перебросит на свой Восточный фронт, чтобы помочь Австро-Венгрии сломить русскую армию.

Расчет Германии на успех основывался на следующих данных:

а) Французская армия закончит мобилизацию и сосредоточение значительно раньше русской армии.

б) Германская армия, по расчетам, могла быть сосредоточена на французской границе раньше окончания сосредоточения французской армии.

в) Русская армия, — значительно запаздывавшая мобилизацией и сосредоточением, по имевшимся у немцев сведениям, в районе Варшавского военного округа должна была сосредоточиваться за Вислой

(прикрываясь ею со стороны Германии), а следовательно, и после окончания ею сосредоточения, она не так скоро могла достигнуть германской границы. Непосредственная опасность могла угрожать лишь Восточной Пруссии.

г) Нанеся сокрушительный удар французской армии, являлась полная возможность, при помощи мощных железнодорожных линий, перебросить значительные германские силы на Восточный фронт и, совместно с австро-венгерской армией, обрушиться на русскую армию.

Принимая во внимание эти данные, для русского Генерального штаба являлась задача, чтобы, насколько возможно, ускорив готовность армии на своем Западном фронте, в случае войны привлечь на себя значительные силы германской армии и не допустить разгрома Франции Германией.

Для ускорения готовности нашей армии на Западном фронте было преступлено к постройке целого ряда стратегических железнодорожных линий и шоссе.

Была изменена дислокация войск, с переводом значительного числа корпусов из внутренних районов Империи в Виленский, Варшавский и Киевский военные округа.

В зависимости от расстояния районов расквартирования войсковых частей от границы, состава контингента запасных, которые предназначались на укомплектование при мобилизации местных войсковых частей, а также численности контингента запасных и лошадей в этих районах, были установлены различные штаты, по которым содержались войсковые части в мирное время.

Причем те части, готовность коих требовалась очень быстрая, — содержались и в мирное время почти по штатам военного времени.

Были разработаны планы мобилизации войсковых частей и железных дорог. Приняты были меры к образованию при войсковых частях неприкосновенных запасов — артиллерийских, интендантских, инженерных и санитарных.

Ко времени 1896 г. мобилизационная готовность армии стояла еще на очень низкой степени. Главной причиной этого являлось то, что, обратив должное внимание на технику мобилизации войсковых частей, совершенно не наладили работу гражданской администрации по правильному и быстрому сбору в уездах к сборным пунктам запасных чинов, лошадей и подвод.

Первым на это указал командующий войсками Киевского военного округа генерал Драгомиров, который в своих всеподданнейших отчетах за 1895 и 1896 г. писал, что если на это не будет обращено серьезного внимания, то общая мобилизация армии пройдет очень скверно и что армия не будет укомплектована в те сроки, как это предположено.

Генерал Драгомиров обращал внимание на то, что мобилизация армии складывается из трех главнейших актов: а) планомерный быстрый сбор к сборным пунктам и прием на них запасных солдат, лошадей и повозок;

б) доставку этих укомплектований до места квартирования войсковых частей и

в) собственно мобилизации войсковых частей.

Что по п. а), в сущности говоря, ничего не сделано и что гражданская администрация не подготовлена к выполнению того, от чего зависит успех мобилизации.

Генерал Драгомиров, указывая на то, что это может закончиться катастрофой, настаивал на необходимости образования при Министерстве внутренних дел особого управления по делам о воинской повинности, которое бы, в полной согласованности с военным ведомством, руководило работами гражданской администрации по подготовке мобилизации.

Кроме того, генерал Драгомиров настаивал на необходимости ежегодно производить в различных районах государства опытные мобилизации, с действительным призывом запасных офицеров и солдат, и с поставкою лошадей и повозок, и производить действительную мобилизацию войсковых частей и отдельных линий железных дорог. Он указал, что хотя это и вызовет значительные ежегодные расходы, но это единственный способ поставить на высоту мобилизацию армии и быть уверенным, что когда потребуется, то она будет произведена действительно в намеченные сроки.

Доклады генерала Драгомирова были одобрены Государем, было сформировано при Министерстве внутренних дел особое управление по делам о воинской повинности и начиная с 1897 г. включительно до 1914 г. ежегодно производились в различных военных округах государства опытные мобилизации.

Насколько прав был генерал Драгомиров, требуя ежегодной фактической проверки подготовки к мобилизации всех причастных к ней органов и управлений, показали первые же опытные мобилизации. То, что было изложено в мобилизационных планах, оказалось не всегда соответствующим действительности.

При опытной мобилизации в 1897 г. в Кременчугском уезде Полтавской губернии в одном из волостных правлений было обнаружено секретное уведомление, что в ближайшие дни будет произведена опытная мобилизация, чтобы к ней подготовились и чтобы были приняты меры, дабы об этом предупреждении из Петербурга не узнал кто-либо из военных чинов, которые будут контролировать производство мобилизации. Между тем одним из условий правильного заключения о подготовке к мобилизации являлось производство ее неожиданно, без

предварительного предупреждения; это же преступное предупреждение из Петербурга показало, что были администраторы, которым не дорого было общее дело, а дорого лишь собственное благополучие.

К 1904 г. мы считали, что мобилизация армии у нас налажена вполне удовлетворительно. Одновременно с работами по подготовке мобилизации армии шли организационные работы и работы оперативные (по сосредоточению отмобилизованной армии к границе и по выработке задач, которые ей ставились после окончания мобилизации).

Оперативные работы также велись главным образом в предположении войны с Германией и Австро-Венгрией. В подтверждение, насколько большое значение придавалось работам по подготовке войны против Германии и Австро-Венгрии, можно привести следующий факт.

После поездки в 1903 г. во Владивосток и в Порт-Артур военного министра генерала Куропаткина, поездки, которая была связана с надвигавшимися событиями на Дальнем Востоке, генерал Куропаткин, немедленно после своего возвращения в Петербург, прислал с курьером, на имя командующего войсками Киевского военного округа, генерала Драгомирова, письмо, в котором он писал, что во время поездки во Владивосток и обратно его всё время беспокоил вопрос о возможности войны на Западном фронте и что он, пользуясь тем, что с ним была подробная карта Австро-Венгрии, планы окрестностей Львова и Перемышля, и описание Австро-Венгрии, составленное русским Генеральным штабом, в свободное время, в вагоне изучал по этим данным окрестности Львова и Перемышля и составил проект, как лучше их брать, нанеся на карту параллели, которые придется заложить на месте, и выбрал места для артиллерии. Генерал Куропаткин просил генерала Драгомирова срочно поручить генерал-квартирмейстеру штаба округа проверить его соображения и по составлении подробного проекта взятия этих пунктов таковой ему прислать.

Правда, генерал Драгомиров очень нелестно отозвался о непроизводительной работе военного министра, но этот факт всё же интересен как доказательство того, что мысли руководителей русских военных кругов были постоянно заняты подготовкой к войне на Западном фронте.

В 1903 г. начались трения с Японией из-за лесных концессий на р. Ялу. Этому чисто коммерческому предприятию в Японии придали серьезное политическое значение.

В связи с усилением Владивостока, фактическим занятием Россией Квантунского полуострова, с постройкой крепости в Порт-Артуре и коммерческого порта в развитие лесных концессий на р. Ялу под охраной войск, — рисовали Японии серьезную опасность. Получалось впечатление, что Россия, пользуясь слабостью Китая и Кореи, хочет прочно укрепиться на Квантунском полуострове и распространить свое

влияние и фактическое господство в Маньчжурии и Корее. Протесты со стороны Японии ясно указывали, что она с этим помириться не может.

Донесения бывшего в то время в Японии русским военным агентом Самойлова предупреждали о том, что Япония настолько опасается действий России на Дальнем Востоке, что не остановится и перед войной, если увидит, что не получит гарантий, обеспечивающих ее интересы в Корее.

Самойлов указывал, что армия Японии не так слаба, как об этом думали в руководящих военных кругах России. Что, наоборот, подготовка этой армии стоит на высокой степени; что организация армии хороша; что при мобилизации армия сильно развертывается; что техническая сторона стоит на высокой степени развития; что, наконец, за последние года искусной пропагандой японский народ подготовляется к войне с Россией; что война с Россией будет в Японии крайне популярна.

Этим донесениям ни русское Военное министерство, ни Министерство иностранных дел не придали серьезного значения. По-видимому, считали, что Самойлов увлекается, преувеличивая силу и значение японской армии, и были уверены, что Япония не посмеет объявить войну России. Но в то же время, дабы обеспечить себя вполне на Дальнем Востоке, было решено усилить там войска. С этой целью было решено все сибирские стрелковые полки немедленно из двухбатальонного состава переформировать в трехбатальонные и отправить на Дальний Восток две бригады пехоты и одну бригаду конницы.

Все эти меры, в связи с другими, проводимыми в Сибири для усиления боевой готовности войск, были приняты Японией как подготовка России к неизбежной войне, и она усиленно стала заканчивать подготовку к войне со своей стороны и затем, в конце января 1904 г., сама объявила войну России, открыв военные действия неожиданным нападением на нашу эскадру в Чемульпо и в Порт-Артуре.

Еще задолго до Русско-Японской войны генерал Драгомиров указывал на то, что на Дальнем Востоке могут назреть серьезные события и к ним надо быть готовыми; что базироваться придется на Европейскую Россию, а это будет крайне затруднительно при слабой провозоспособности строившегося тогда единственного железнодорожного пути длиною в десять тысяч верст; что для действительной обеспеченности положения на Дальнем Востоке необходимо в районе Иркутска и Забайкалья устроить значительные базисные склады, а также построить орудийный и оружейный заводы.

Но на это предупреждение не было обращено должного внимания. Китай считался совершенно ничтожным по своей полной неподготовленности к серьезной борьбе, а относительно Японии, как я уже сказал, была полная уверенность, что она не посмеет начать борьбу с Россией.

Силы же и значение японской армии преуменьшались. Считалось, что если Япония и рискнет на войну, то сибирскими войсками, с некоторым усилением их за счет войск Европейской России, будет легко с ней справиться.

По этому вопросу должен сохраниться очень интересный документ: это доклад военного министра генерала Куропаткина Государю Императору после назначения Куропаткина Главнокомандующим армией.

Доклад интересен тем, что показывает, насколько уверен был генерал Куропаткин в быстрой и легкой победе и насколько ничтожное значение придавалось им японской армии. План предстоящей кампании изложен был с полной уверенностью в том, что никакого серьезного сопротивления русская армия не встретит; заканчивался доклад указанием, что после разгрома японской армии на материке должен быть произведен десант в Японию, должно быть подавлено народное восстание и война должна закончиться занятием Токио.

Резолюции Государя Императора указывают, насколько он был убежден, основываясь, конечно, на докладах военного министра, что война будет более чем легкая и короткая и что Япония за свою дерзость будет должным образом наказана. Какого-либо серьезного значения японскому военному флоту придано не было.

Разворования начались с первых же дней войны.

Генерал Куропаткин, отправляясь на Дальний Восток, успокаивал взволнованное общественное мнение ставшими историческими словами: «терпение, терпение».

Но «терпение» не помогло. Как и во все предыдущие войны, офицеры и солдаты показали себя героями, но кампания была проиграна.

Японская армия и флот оказались значительно сильней того, что предполагалось; японская армия развернула такие силы, каких не ожидали; технически их армия оказалась гораздо лучше оборудованной, чем наша; главное же — у японской армии и у японского флота оказались полководцы и флотоводцы, каких не оказалось у нас*.

Для борьбы с Японией совершенно неожиданно России пришлось напрячь почти все свои силы.

После поражения под Мукденом русская армия отошла за Телин, где была приведена в порядок, пополнена и усилена новыми корпусами, подвезенными из России.

---

* Необходимо сделать исключение для доблестного и высокоодаренного адмирала Макарова, погибшего на броненосце «Петропавловск», взорвавшемся на минах при выходе из Порт-Артура. Кроме того, надо отметить, что генерал Куропаткин, желая руководить всем сам и вмешиваясь во всё до мелочей включительно, — подавлял у начальников проявление какой-либо инициативы.

Япония к этому времени дала напряжение своих сил, и, несмотря на все ее предыдущие победы, наступил момент, когда должен был произойти перелом военного счастья; успех должен был склониться на сторону русской армии, которая продолжала усиливаться, и Россия могла дать много, а Япония — уже ничего дать на усиление своей армии не могла.

Но моральный перевес пока оставался на стороне японской армии, а Цусимское поражение русской эскадры адмирала Рождественского лишило надежды закончить кампанию поражением Японии: она на своих островах стала неуязвимой. В лучшем случае, путем новых больших жертв и после новой продолжительной кампании, можно было заставить японскую армию отойти и покинуть материк, но это не дало бы прочного и почетного мира.

Наконец, в самой России назревали серьезные внутренние осложнения. Война в народной массе была не популярна. Этим воспользовались оппозиционные и революционные политические партии и началась усиленная пропаганда, как среди населения, так и среди войск.

Отдельные волнения начались еще в конце 1904 г., а после серьезных беспорядков, бывших в Петрограде 9 января 1905 г., вспышки революционного характера среди населения и волнения в войсках стали принимать всё более и более угрожающий характер.

Пришлось для подавления беспорядков направлять отмобилизованные войсковые части, предназначавшиеся для отправления на Дальний Восток, в Приволжские губернии, в Прибалтийский край и на Кавказ. К лету 1905 г. беспорядки, начавшиеся в Сибири, стали угрожать перерывом сообщения между Европейской Россией и армией по сибирскому железнодорожному пути. При этих условиях было решено приступить к мирным переговорам с Японией, которые и закончили войну.

Продолжавшиеся внутренние беспорядки заставили пойти на уступки общественному мнению и 17/30 октября 1905 г. Государем Императором был издан манифест об образовании выборного законодательного органа — Государственной Думы и о предоставлении ряда политических прав населению России.

Этот манифест не удовлетворил многие из политических групп, добивавшихся, по меньшей степени, более мощного законодательного органа, перед которым правительство было бы ответственно. Но к половине (к середине. — *Ред.*) октября во многих местах Империи начали проявляться сильные реакционные течения, а армия в своей массе осталась верной присяге, и продолжать революционную деятельность стало опасным: можно было потерять и то, что было достигнуто.

Глава II

Русско-Японская война открыла такие серьезные недочеты в организации русской армии и в подготовке к войне, которые указали, что для борьбы на Западном фронте мы недостаточно подготовлены.

Мобилизация, произведенная во всех военных округах государства, указала, что подготовка к ней была хороша в округах Киевском и Варшавском; удовлетворительна в округах Виленском, Петербургском и Московском и совсем неудовлетворительна в прочих военных округах.

Развертывание японской армии наглядно показало, какие громадные армии выставят Германия и Австро-Венгрия, у которых была принята система скрытых кадров, при которой каждая мобилизующаяся часть выделяла кадр, который развертывался в новую часть, а последняя, в свою очередь, выделяла кадр для нового формирования.

Японская война выяснила также недостаток технических средств в нашей армии и необходимость иметь при корпусах и дивизиях артиллерию не только легкую, но и более крупных калибров.

Немедленно после окончания войны и демобилизации армии началась работа по устранению и исправлению главнейших недочетов, обнаруженных во время войны.

Для образования неприкосновенных запасов — интендантских, артиллерийских, инженерных, санитарно-медицинских и ветеринарных, как израсходованных во время войны, так и необходимых в связи с проектированной реорганизацией армии, требовался громадный кредит, который увеличивался предполагаемыми расходами на авиацию и на крепости.

Так как установление новой организации армии затягивалось, а неприкосновенные запасы надо было образовывать немедленно, то с 1907 г. стала выполняться программа образования неприкосновенных запасов, составленная в 1906 г. и по исчислению которой, не считая ежегодных текущих расходов на армию, требовался экстраординарный расход в 750 млн руб. Программа была составлена по 1915 г. включительно.

Впоследствии в эту программу вносились изменения (наиболее крупное после окончательного решения вопроса об организации армии), но срок выполнения программы остался без изменений.

Начальник Генерального штаба генерал Палицын, руководя работами по подготовке к операциям, под личным своим наблюдением занялся подготовкой офицеров Генерального штаба к полевой работе.

Все офицеры русского Генерального штаба, побывавшие хоть раз на полевых работах, производившихся генералом Палицыным в районах намеченного сосредоточения армий, должны признать, что эти поездки велись в высшей степени интересно и приносили громадную пользу.

Постоянным участником и ближайшим сотрудником генерала Палицына на этих поездках был генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба, генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Отличаясь громадной работоспособностью и пунктуальностью при выполнении работы, генерал Алексеев являлся образцом, по которому старались равняться и другие участники полевых поездок. Играло здесь роль, конечно, и то, что хотя на всех этих поездках генерал Алексеев являлся якобы одинаковым членом со всеми другими участниками поездки, получая и выполняя одинаковые с другими задачи, он, будучи ближайшим помощником начальника Генерального штаба, являлся фактически лицом, которое влияло на аттестации участников поездок и от заключения которого могла зависеть дальнейшая служба и старших, и младших офицеров Генерального штаба.

Часто мы ворчали на генерала Алексеева за то, что из-за него должны были делать больше того, что требовал генерал Палицын, или наша работа в глазах начальника Генерального штаба могла показаться недостаточно полной и недостаточно аккуратной.

Я помню, что на одной из полевых поездок генерал Палицын нам сказал, чтобы мы работы представляли написанными карандашом и не прикладывали к ним особых схем, а ограничивались бы подъемом карт цветными карандашами, указывая на карте всё, что надо.

На следующий день мы все закончили нашу работу к 8 ч вечера и перед сном пошли прогуляться. Вернувшись домой, застали генерала Алексеева сидящим на табуретке около своего чемодана, обращенного в стол, и что-то пишущего пером. Подойдя, мы увидели, что у него приготовлено несколько схем и что работу свою он исполняет не карандашом, а чернилами. На вопрос одного из нас, почему он это делает вопреки разрешению генерала Палицына представлять работы, написанные карандашом и без особых схем, он ответил: «Да я знаю, что начальником Генерального штаба это разрешено и вы можете так и делать, но я привык свои работы выполнять аккуратно и иначе не могу. Я, кроме того, работы всегда выполняю в двух экземплярах — один представляю начальнику Генерального штаба, а другой оставляю себе, дабы потом, когда будет свободное время, их еще пересмотреть и проверить, насколько правильно я принял то или иное решение».

Особенно горячо на полевых поездках обсуждался вопрос о возможном характере боевых действий при войне на Западном фронте.

Характер позиционной войны на Западном фронте, каковую приобрела Русско-Японская война после первых неудач русской армии, совершенно отрицался. Допускалась возможность отдельных эпизодов позиционной войны, но никто не мог допустить и себе представить сплошного укрепленного фронта от Балтийского до Черного морей...

Представлялось, что война на Западном фронте будет носить чисто полевой характер, с отдельными позиционными участками — преимущественно в районах крепостей.

Это мнение в значительной степени повлияло впоследствии на то, что на заблаговременную заготовку или на приобретение за границею артиллерии крупного калибра не было обращено должного внимания. Считалось, что крупнее 6-дюймового калибра для полевой войны артиллерию иметь не надо. Потребуется же артиллерия более крупного калибра лишь при взятии крепостей.

В 1907 г. штабу Киевского военного округа удалось получить мобилизационный план одного из пограничных австро-венгерских корпусов и данные о сосредоточении австро-венгерской армии; эти данные, достоверность коих была вне всяких сомнений, в общем, подтвердили прежде имевшиеся сведения и указывали, что австро-венгерская армия будет сосредоточена в двух главных группах: одна должна была действовать против русских войск, сосредоточиваемых в Киевском военном округе, а другая должна была наступать в Люблинский район и на Брест-Литовск, т. е. во фланг и тыл войскам, сосредоточиваемым в Варшавском военном округе.

На полевой поездке 1907 г. генерал Палицын проверил все данные по сосредоточению наших войск в районе Дубно—Проскуров и дал указания для некоторых изменений в нашем плане сосредоточения и плане первоначальных действий.

Генерала Палицына беспокоил вопрос о связи между Юго-Западным фронтом (Киевский и Одесский военные округа) и Варшавским районом. Действительно, в случае первоначальных неуспехов Киевский район оказывался отрезанным от Варшавского и чрезвычайное значение приобретал район у Ровно, откуда шли единственные возможные для движения артиллерии и обозов пути на север через Полесье. Поэтому после окончания полевой поездки 1907 г. генерал Палицын, с генералом Алексеевым, мною и полковником Добровольским (начальником оперативного отделения Главного управления Генерального штаба) прожил месяц в окрестностях Ровно, изучая их и решая, какие меры надо принять, дабы обеспечить сохранение за нами Ровненского района.

Как следствие этой поездки, появился проект устройства укреплений у Ровно. В 1908 г. от Главного инженерного управления был командирован полковник Колосовский для составления на месте проекта укрепления Ровно. Для совместной работы с полковником Колосовским, в качестве представителя от Генерального штаба, был назначен я.

Полковник Колосовский сказал мне, что он получил указание от начальника Главного инженерного управления генерала Вернандера составить проект крепости, что генерал Вернандер не признает «уб-

людков» в виде временных укреплений, и если надо укреплять Ровно, то надо укреплять как следует.

По подсчету полковника Колосовского, на эту работу должно было потребоваться не менее 100 млн руб., и, конечно, эта работа должна была быть многолетняя.

Я с этим не согласился, указывая, что надо устроить для армии опорные пункты временного характера и что укрепленная позиция будет усилена и развита теми войсками, которым придется ее оборонять. То, что я предлагал, по грубому подсчету не должно было превысить расход в 10–12 млн руб., и работа могла быть закончена в два-три года.

Наши параллельные проекты были представлены в Главное инженерное управление и начальнику Генерального штаба. Из-за недостатка средств ни один из этих проектов осуществления не получил.

В декабре 1908 г. начальником Генерального штаба, вместо генерала Палицына, был назначен генерал Сухомлинов; всем было ясно, что это временно и что генерал Сухомлинов будет назначен военным министром; в противном случае он вряд ли согласился бы променять свой самостоятельный пост (командующего войсками Киевского военного округа и генерал-губернатора Юго-Западного края) на менее видный, гораздо меньше оплачиваемый и требующий большой личной работы пост начальника Генерального штаба.

И действительно, вскоре состоялось назначение генерала Сухомлинова военным министром вместо генерала Редигера, а генерала Мышлаевского, с подчинением военному министру, — начальником Генерального штаба.

Все были уверены, что избежать Европейской войны нельзя будет; атмосфера слишком сгущалась и напряжение всех государств Европы в подготовке к войне становилось столь большим, что грозило разорением некоторым государствам и долго продолжаться не могло. Нарыв назревал. Темп германской подготовки к войне заставлял думать, что войну надо ожидать в 1915 г. К этому сроку готовились и мы.

Большая и ответственная работа выпала за этот период на долю военного министра. Генерал Сухомлинов, будучи умным человеком и хорошим администратором, всё же для поста военного министра для данного периода не подходил. Быстро схватывая вопрос, он давал указания по существу и отлично мог руководить работой, но по свойству своего характера в детали вдаваться он не любил, да и не умел.

Прохождение же вопросов через законодательные учреждения часто требовали личного присутствия министров для дачи объяснений не только в Государственной Думе и Государственном Совете, но и в ко-

миссиях этих учреждений. Для этого же, конечно, надо было знать проводимые вопросы детально. Кроме того, у генерала Сухомлинова был недостаток, который мало кто знал. Будучи отличным оратором и рассказчиком при небольшом числе слушателей, он совершенно не мог говорить речей или давать какие-либо официальные разъяснения, когда слушателей было много; он страшно волновался, и у него совершенно пропадал голос. В тех случаях, когда ему необходимо было выступать с речью в Государственной Думе или Государственном Совете — он всегда заранее приготовлял речь и ее читал.

Всё это побудило генерала Сухомлинова создать должность помощника военного министра и на таковую в 1910 г. был назначен генерал Поливанов, который объединил деятельность всех довольствующих правлений (артиллерийского, интендантского, инженерного, санитарного и ветеринарного) и, руководя работами по составлению смет военного министерства, заменял военного министра в законодательных учреждениях.

Работа по подготовке к войне затруднялась недостатком средств. Расходы из государственного казначейства на текущие надобности, вследствие реорганизации армии, сильно возросли и министр финансов стремился, насколько возможно, не допускать увеличения ежегодных экстраординарных расходов, не оправдываемых действительной необходимостью.

Впоследствии, в начале войны, Государственная Дума неоднократно упрекала правительство в том, что не было предусмотрено целого ряда потребностей на нужды армии и не были своевременно испрошены необходимые кредиты.

Военный министр на это отвечал, что ему не позволяли испрашивать большие суммы, чем те, какие проходили через междуведомственные совещания с участием представителей министерства финансов; а министр финансов говорил, что военный министр не настаивал на отпуске больших кредитов...

В действительности оба были не правы. Министр финансов отлично знал, что испрашивавшиеся кредиты урезывались в междуведомственных комиссиях по требованию министерства финансов; а военный министр не был достаточно настойчив, не ставил вопрос ребром и соглашался на те урезки кредитов, которые требовались министерством финансов.

С начала деятельности Государственной Думы, т. е. с 1906 г., в порядке Верховного управления можно было проводить вопросы, касающиеся исключительно одного военного ведомства и не требующие новых расходов; все же остальные законопроекты и сметы должны были вноситься на предварительное рассмотрение Государственной Думы и Государственного Совета.

Новый порядок, конечно, многим не нравился. Указывали, что на проведение самого незначительного законопроекта требовалось много времени. Но главная причина неудовольствий являлась следствием тех неприятностей, которые зачастую приходилось выслушивать представителям военного ведомства, защищавшим законопроекты — как в комиссиях Государственной Думы, так и на общих ее заседаниях. Но постепенно работа военного министерства с Государственной Думой налаживалась, и к 1909 г. работа, в общем, пошла гладко.

Комиссия государственной обороны, образованная Государственной Думой, в своем составе имела людей, действительно желавших поднять боеспособность армии и между членами этой комиссии и представителями военного министерства установились отношения, основанные на взаимном доверии.

В конце 1908 г., с разрешения военного министра Редигера, подтвержденного в 1909 г. новым военным министром генералом Сухомлиновым, генерал В. И. Гурко, на своей частной квартире, собирал представителей различных отделов военного министерства — с целью знакомить лидеров различных партий Государственной Думы и желающих членов комиссии обороны Государственной Думы с различными вопросами, их интересовавшими, и более детально и подробно разъяснять причины необходимости проведения тех или иных законопроектов. Члены Государственной Думы на эти собеседования приглашались персонально председателем комиссии обороны Государственной Думы.

На этих собеседованиях сообщались такие секретные данные, которые считалось невозможным оглашать не только в общем собрании Государственной Думы, но даже и на заседаниях комиссии обороны. Это общение и даваемые разъяснения в значительной степени облегчали проведение различных законопроектов.

Я должен констатировать, что за все время работы 3-й и 4-й Государственных Дум ни одно из представлений военного министерства, касавшихся улучшения боеспособности армии или обороны страны, не было отклонено.

Государственная Дума на вопросы, касавшиеся обороны страны, обращала самое серьезное внимание и неоднократно, по соглашению с комиссией обороны, нами вносились в Думу такие представления, о проведении которых в жизнь без участия Государственной Думы нельзя было и думать, так как они вызывали очень значительные расходы, на которые министерство финансов затруднилось бы дать согласие.

Одной из наиболее срочных и ответственных работ было пополнение неприкосновенных запасов, израсходованных во время Русско-Японской войны, и заготовка новых, в связи с вновь проводимой организацией армии и изменением норм этих запасов.

Данные, представляющиеся по главным управлениям военному министру за 1909 и 1910 г., указывали, что пополнение запасов идет правильно. Между тем из военных округов в течение 1910 г. стали поступать сведения, которые показывали, что дело обстоит не так благополучно и что командующие войсками высказывают опасение, что если пополнение запасов будет продолжаться неудовлетворительно, то к 1915 г. очень многого не будет хватать. Особенно тревожные сведения поступали по артиллерийскому довольствию.

Вследствие расхождения этих данных с имевшимися в главных управлениях, осенью 1910 г. Мобилизационным отделом Главного управления Генерального штаба было потребовано непосредственно от штабов военных округов представление подробных и точных данных о состоянии всех запасов и о действительном их пополнении за период с 1908 г. К марту 1911 г. были получены все сведения и по ним был составлен отчет для доклада военному министру.

Выяснилось, что при выработанном порядке образования запасов очень многое не будет пополнено к 1915 г. Наиболее грустная картина открылась по артиллерийскому снабжению. Оказалось, что, несмотря на ежегодные очень крупные денежные ассигнования, запас огнестрельных припасов в 1911 г. остается почти на том же уровне — как был в 1908 г.

Были запрошены объяснения у Главного артиллерийского управления. Ответ последовал в том смысле, что это не верно, что цифры, даваемые Главным артиллерийским управлением, верны, а что штабы военных округов, вероятно, напутали.

Так как в Мобилизационном отделе, наоборот, была полная уверенность в справедливости данных, представленных штабами военных округов, данных по годам и по каждому складу отдельно, то был составлен подробный доклад военному министру, в заключении которого указывалось на то, что, в сущности, нет никакого плана пополнения армии запасами, что средства, ассигнуемые из государственного казначейства, просто пропорционально распределяются между довольствующими главными управлениями, без распределения на нужды главные и второстепенные, без соображения, без чего мы воевать не можем и недостаток чего не может иметь существенного значения; было указано на то, что общей суммы, отпускаемой из государственного казначейства на пополнение всего недостающего, не хватит, а потому необходимо немедленно составить действительный план пополнения запасов и срочно приступить к заготовке того, без чего боевая готовность армии не может быть признана удовлетворительной.

На случай, если военный министр согласился бы с докладом, приложены были для его подписи предписания начальникам главных

управлений с требованием представить в самый кратчайший срок объяснения по целому ряду вопросов и составить план дальнейшего пополнения запасов, который и представить военному министру через начальника Генерального штаба. Начальник Генерального штаба представил этот доклад военному министру, который, согласившись с его содержанием, подписал приложенные к докладу предписания на имя начальников главных управлений.

На другой день вечером меня вызывает к телефону помощник военного министра генерал Поливанов.

— Вы составляли доклад военному министру о неприкосновенных запасах, представленный ему начальником Генерального штаба?

— Да, я.

— Как же вы могли представить подобный доклад помимо меня?

— Я, Ваше Высокопревосходительство, действовал на основании закона. По положению начальник Мобилизационного отдела обязан ежегодно весной представлять доклад военному министру о состоянии неприкосновенных запасов армии. Представил же этот доклад я не через Вас, а через начальника Генерального штаба, потому что я подчинен ему, а не Вам. Если меня и можно в чем-либо обвинять, то не в том, что я представил доклад военному министру через начальника Генерального штаба, а в том, что я, будучи начальником Мобилизационного отдела с января 1909 г., только теперь разобрался в этом вопросе, а до сих пор я верил данным, получавшимся из главных управлений.

— Прежде всего, Ваш доклад составлен недопустимо резко. Вы совершенно незаслуженно обидели главного интенданта генерала Шуваева. Бедный старик чуть не плачет. Он был сейчас у меня. Пришел прямо от военного министра. Он доложил военному министру, что просит — или взять назад присланное ему предписание, или освободить его от должности главного интенданта. Военный министр очень смущен всем тем, что произошло, взял свое предписание от генерала Шуваева обратно и сейчас говорил со мной по телефону и приказал мне разобрать всё дело.

— Я буду очень рад, если Вы разберете вопрос о пополнении неприкосновенных запасов. Я, как составитель доклада, конечно, за него ответственен; но ручаюсь, что он составлен правильно.

— Это я разберу, но пока всё же считаю необходимым высказать свое удивление по поводу Вашего утверждения, что не существует никакого плана пополнения запасов. Вам, как начальнику Мобилизационного отдела, должно быть известно, что под моим председательством проверяется план пополнения неприкосновенных запасов, на основании которого и испрашивается отпуск экстраординарных кредитов.

— Я всё это знаю и продолжаю настаивать, что плана пополнения неприкосновенных запасов такого, каков он должен быть, не существует.

Ни разу не было определено, без чего именно армия воевать не может и что надо заготовить в первую голову. То, что делается теперь, — это просто почти механическое распределение кредитов между главными управлениями, без должного отделения главного от второстепенного.

— Ну, сегодня мы спорить не будем. А завтра потрудитесь быть у меня к 10 часам утра со всеми имеющимися у Вас данными. Будут все начальники главных управлений. Тогда мы и поговорим.

В назначенное время я был у генерала Поливанова. Адъютант провел меня в кабинет, где собирались лица, вызванные помощником военного министра.

Вскоре вышел генерал Поливанов и, случайно или умышленно, со мной не поздоровался. Пригласив всех сесть, он сказал, что начальником Генерального штаба представлен военному министру доклад, рисующий в самых мрачных красках состояние неприкосновенных запасов армии. Что этот доклад поразил и военного министра, и его, генерала Поливанова, так как выводы доклада резко расходятся с данными, неоднократно представлявшимися начальниками главных управлений. Что вопросы, затронутые в докладе, крайне серьезны, если данные, послужившие основанием докладу, верны. Но что начальники главных управлений настаивают, что их сведения правильны, а доклад, составленный генералом Лукомским, не верен. Что военный министр приказал ему, как своему помощнику и объединяющему деятельность довольствующих управлений, во всем этом разобраться и представить ему доклад. Что он с этой целью собрал настоящее собрание и предлагает начать с Главного артиллерийского управления.

Я, таким образом, попал в положение подсудимого, которого должны были сейчас разоблачить начальники главных управлений.

Генерал Поливанов предоставил слово начальнику Главного артиллерийского управления. Генерал Кузьмин-Караваев заявил, что он считает данные, мною помещенные в докладе, совершенно неверными, и просил разрешения генерала Поливанова позволить его помощнику, генералу Леховичу, сообщить действительные данные о состоянии запасов. Генерал Лехович сделал доклад.

После этого я попросил слово и заявил, что все эти данные мне хорошо известны, но они резко расходятся с теми заявлениями, которые поступили от командующих войсками округов. Что это и послужило мне основанием затребовать все данные от штабов округов. Что я их получил и они меня убедили, что сведения, имеющиеся в Главном артиллерийском управлении, не верны.

Приведя ряд цифровых данных, я заявил, что если начальник Главного артиллерийского управления может их опровергнуть, то он должен это сделать.

На предложение генерала Поливанова ни генерал Кузьмин-Караваев, ни его помощник никаких объяснений дать не могли, заявив, что оспаривать цифры, полученные с мест, они не могут, что в этом надо разобраться и что они не понимают, как могла произойти такая разница в данных, так как и Главное артиллерийское управление проверяет свои данные со сведениями, получаемыми от окружных артиллерийских управлений.

Генерал Поливанов, будучи совершенно не удовлетворен объяснениями, данными начальником Главного артиллерийского управления, наговорил ему много неприятностей и предложил перейти к рассмотрению вопросов по Главному интендантскому управлению.

Главный интендант, генерал Шуваев, совершенно неожиданно заявил: «Прошу сегодня вопросы по интендантскому управлению не рассматривать. Разрешите первоначально мне, совместно с генералом Лукомским, проверить имеющиеся у нас данные».

Начальник Главного инженерного управления заявил, что он не может возражать против моего заключения, касающегося инженерного довольствия; что же касается деталей моего доклада, то он также просит их предварительно проверить со мной.

Тон генерала Поливанова по отношению ко мне совершенно изменился, и в результате нашего заседания было решено немедленно образовать комиссию, которой в самом срочном порядке выяснить дефекты по пополнению и образованию неприкосновенных запасов и затем, определив сумму, потребную на дополнительные расходы по заготовке запасов, составить необходимый законопроект для представления в Государственную Думу не позже как через месяц.

В частности, относительно артиллерийских запасов оказалось, что в 1908 г. Главное артиллерийское управление ошибочно показало преувеличенную цифру наличия огнестрельных припасов и не учитывало расход на практическую стрельбу: от этого получилось, что деньги на заготовление огнестрельных запасов отпускались значительные, а запасы с 1908 г. якобы не увеличивались.

Через законодательные учреждения в срочном порядке был испрошен на заготовление неприкосновенных запасов дополнительный экстраординарный кредит в размере около 70 млн руб.

Принципиальные вопросы по снабжению армии рассматривались в заседаниях особого комитета под председательством начальника Генерального штаба. Генеральный штаб неоднократно указывал, что в случае войны на Западном фронте у нас может оказаться недостаток артиллерийских снарядов. Представители Главного артиллерийского управления каждый раз отвечали, что это опасение ни на чем не основано и что снарядов будет вполне достаточно.

В 1911 г. Генеральный штаб поднял вопрос о том, что помимо недостаточной нормы выстрелов, принятых у нас как неприкосновенный запас на орудие на случай войны (по одной тысяче на орудие), и эти снаряды будут приведены в готовый вид слишком поздно.

Надо сказать, что в Европейской России содержались в полной боевой готовности в мирное время только два местных парка (один в Варшавском, другой в Киевском военных округах). Все же остальные местные парки содержались не в боевой готовности, т. е. с объявлением мобилизации надо было снаряжать снаряды и ввинчивать в них дистанционные или ударные трубки. Готовность многих парков доходила до 300–350 дней мобилизации. Таким образом, только на приведение в боевую готовность имеющегося запаса требовалось около года.

На этот недочет было обращено внимание и Главному артиллерийскому управлению было приказано немедленно приступить к устройству снаряжательных мастерских и довести, при мобилизации, успех работы до такой степени, чтобы все местные парки закончили снаряжение снарядов не позже как к концу третьего месяца со дня объявления мобилизации.

В 1912 г. вновь был поднят вопрос о недостатке принятой у нас нормы снарядов на одно орудие. В заседании комитета, под председательством начальника Генерального штаба генерала Жилинского, этот вопрос был всесторонне рассмотрен.

Представителями артиллерии на этом заседании были — Великий князь Сергий Михайлович, начальник Главного артиллерийского управления генерал Кузьмин-Караваев со своим помощником генералом Леховичем и начальником хозяйственного отдела Главного артиллерийского управления генерал Смысловский[145].

Представители Генерального штаба указывали, что в армиях западных государств установлена норма в 2000–3000 снарядов на орудие; что Германия норму в 3000 снарядов считает недостаточной и что нам необходимо, немедленно установив хотя бы норму в 2000 снарядов на орудие, в самом срочном порядке приступить к заготовке потребного числа снарядов.

Представители Главного артиллерийского управления, основываясь на данных расхода снарядов в течение Русско-Японской войны, указывали, что хотя и были случаи, когда в течение одного боя отдельные орудия выпускали до 500 выстрелов, но общий расход снарядов за всё время войны не превзошел 500 выстрелов на орудие и что норма в 1000 выстрелов на орудие, принятая у нас, совершенно достаточна. Особенно горячо доказывал отсутствие каких-либо данных для увеличения нормы снарядов генерал Смысловский, приводивший целый ряд статистических данных, касающихся расхода снарядов за все последние войны.

Представители Генерального штаба настаивали на предложенной ими норме, указывая, что Русско-Японская война носила совершенно особый позиционно-прерывчатый характер; что после боя русская армия, не преследуемая японцами, отходила на новую позицию, которая укреплялась, и после значительного промежутка времени японцы вновь наступали, вновь происходил бой и опять большой перерыв между боями. Что в случае борьбы на нашем Западном фронте повторения характера Русско-Японской войны ожидать нельзя и что расход снарядов будет значительно больше.

Окончательного разрешения в комитете этот вопрос не получил и был представлен генералом Жилинским на решение военному министру. Генерал Сухомлинов остановился на норме 1500 выстрелов на орудие, которая и была утверждена.

В 1913 г. был испрошен кредит на заготовление снарядов по новой норме, но это исполнить не успели, и к началу войны даже не было в запасе полностью старой нормы. Мы начали войну, имея по 850 выстрелов на орудие.

С Главным инженерным управлением у Генерального штаба было расхождение во взглядах по вопросу о крепостях. Группа молодых профессоров Академии Генерального штаба доказывала, что при силе современного артиллерийского огня старая система крепостей (ядро крепости с отдельными фортами) уже отжила свой век; что ныне форты должны быть, так сказать, расчленены на местности, представляя собой каждый группы опорных пунктов, хорошо примененных к местности и связанных между собой; что нынешние форты, как бы они ни были прочно построены, будут от современного огня быстро приведены в груду развалин и теряют свое значение.

Мысль эта приобретала всё большее и большее число сторонников и среди военных инженеров. Но инженерные авторитеты, ставшие у власти, отстаивали прежнюю форму крепостей, и вновь строившиеся крепости — в Ковно и во Владивостоке — строились по старой системе.

Много разногласий вызывала постройка крепости во Владивостоке. Многие считали, что раз мы еще много десятков лет не будем в состоянии иметь отдельную Тихоокеанскую эскадру, то совершенно бессмысленно тратить более 100 млн руб. на постройку приморской крепости. Что было бы много целесообразней эти средства употребить на усиление мощи и боевой готовности полевой армии.

Заговорив о крепостях, нельзя обойти молчанием нашумевшее решение военного министра, утвержденное Государем, об упразднении ряда крепостей на западном нашем фронте в то именно время, когда мы предвидели возможность войны с Германией и Австро-Венгрией.

За это решение многие называли генерала Сухомлинова чуть ли не изменником, предателем родины.

Но надо сказать, что большая часть из наших крепостей была более чем в печальном виде; крепостные сооружения устаревшего типа, не соответствующие силе современного артиллерийского огня; в крепостях было много старой не дальнобойной артиллерии самых разнообразных калибров, не могущей противостоять артиллерии новейших образцов. Расходы же, вызываемые поддержанием в порядке этих крепостей и по их содержанию, были очень значительные. Военный министр считал, что лучше иметь меньше крепостей, но в полном порядке, чем много, но таких, которые и дорого будут стоить, и станут легкими трофеями для неприятеля.

Работа военного министерства в период с 1909 г. до войны в значительной степени затруднялась частой переменой лиц, стоявших во главе наиболее ответственных управлений.

Генерал Сухомлинов, будучи назначен на пост военного министра в начале 1909 г., на пост начальника Генерального штаба провел генерала Мышлаевского, который очень горячо принялся за работу по реорганизации армии и по усилению ее боевой мощи. Но уже в конце лета чувствовалась некоторая натянутость отношений между ним и генералом Сухомлиновым, и генерал Мышлаевский несколько раз высказывал своим ближайшим сотрудникам, что ему иногда стоит больших усилий поддерживать с военным министром прежние добрые отношения; что он чувствует, что военный министр что-то против него имеет. И действительно, для всех совершенно неожиданно, в том числе и для самого генерала Мышлаевского, осенью 1909 г. ему было объявлено военным министром, что он на должности начальника Генерального штаба не остается, что ему для будущей его карьеры было бы полезно прокомандовать корпусом, и он получил предложение принять корпус на Кавказе.

Генерал Мышлаевский принял корпус, а начальником Генерального штаба был назначен генерал Гернгросс. Генерал Гернгросс был известен как отличный строевой начальник, безукоризненно честный и порядочный человек, но никогда со времени окончания Академии Генерального штаба ни в каком штабе не служивший.

С точки зрения деловой все пожалели уход генерала Мышлаевского, так как в него верили и были убеждены, что он сумеет быстро и блестяще провести все намеченные работы. Причина смены генерала Мышлаевского так и осталась невыясненной. Говорили, что генерал Сухомлинов настоял на его уходе, имея точные данные, что генерал Мышлаевский якобы против него интриговал и сам хотел занять пост военного министра.

Вновь назначенный начальником Генерального штаба генерал Гернгросс усиленно работал, чтобы войти в курс дела, но, отлично сознавая, что пока не познакомится с делами, не в силах руководить работой, он предоставил своим ближайшим помощникам работать вполне самостоятельно. Дело, конечно, от этого страдало, так как не было никого объединяющего работу и не было подбадривания в работе и требования срочно исполнять ее — как это было при генерале Мышлаевском.

В начале 1911 г. у генерала Гернгросса вследствие переутомления случился удар и вместо него начальником Генерального штаба был назначен генерал Жилинский. Генерал Жилинский был опытный штабной работник и прошел все строевые должности до командира корпуса включительно. Но еще незадолго до назначения начальником Генерального штаба он перенес очень тяжелую болезнь печени, очень берег свое здоровье, да и по характеру не подходил к той кипучей работе, которая в этот период требовалась от начальника Генерального штаба. Кроме того, он более чем отрицательно относился к Государственной Думе, и это очень скверно отражалось на работе и вызывало ряд трений и недоразумений.

Весной 1914 г. генерал Жилинский был назначен командующим войсками Варшавского военного округа и Варшавским генерал-губернатором, а на его место начальником Генерального штаба был назначен начальник Академии Генерального штаба генерал Янушкевич.

Как мною уже было указано, в начале 1910 г. была утверждена должность помощника военного министра и на нее был назначен генерал Поливанов.

В высшей степени энергичный, отлично знакомый с организационными вопросами и по своей предыдущей службе отлично знавший деятельность всех главных управлений, генерал Поливанов был лучшим из всех, кто мог бы быть назначен на должность помощника военного министра. А если к этому прибавить, что по свойствам своего характера он умел поддерживать со всеми отличные отношения, был одним из немногих генералов, к которым Государственная Дума относилась с полным доверием и уважением; что он обладал прекрасным даром слова и мог блестяще давать требующиеся разъяснения в Государственной Думе и в Государственном Совете, — то станет ясно, что выбор военного министра и назначение генерала Поливанова приветствовалось всеми.

До лета 1912 г. отношения между генералами Сухомлиновым и Поливановым были наилучшие, но с этого времени начало чувствоваться, что они начали портиться.

Осенью 1912 г., возвращаясь с одной из моих поездок в Петербург, я в Харькове на вокзале увидел генерала Сухомлинова, возвращавшегося из Ливадии, куда он ездил с докладом к Государю.

Военный министр пригласил меня зайти к нему в вагон. Когда я пришел, он мне сказал, что генерал Поливанов больше не помощник военного министра; что вместо него назначен генерал Вернандер (был генерал-инспектором Инженерных войск). «Этот по крайней мере меня не подведет, и я будут уверен, что за моей спиной не будет против меня никаких интриг», — добавил генерал Сухомлинов.

На Петроградском вокзале среди встречавших военного министра был и генерал Поливанов. Поздоровавшись с ним, генерал Сухомлинов сказал, что состоялся Высочайший приказ о назначении его, генерала Поливанова, членом Государственного Совета, а что помощником военного министра назначен генерал Вернандер. Генерал Поливанов поклонился и отошел в сторону.

Истинная причина освобождения генерала Поливанова от должности помощника военного министра мне не известна, но ходила версия, что генералу Сухомлинову дали знать из Ливадии, что приехавший с докладом председатель Совета министров (он же министр финансов) граф Коковцов сказал Государю о невозможности дальнейшего оставления генерала Сухомлинова на посту военного министра; что против него страшное возбуждение среди членов Государственной Думы и что если Государь назначит военным министром генерала Поливанова, то это удовлетворит всех. Что Государь на это ничего определенного не ответил и что генералу Сухомлинову рекомендуется немедленно приехать в Ливадию.

Версия эта правдоподобна, так как к этому времени отношения между гр. Коковцовым и генералом Сухомлиновым очень испортились, а среди членов Государственной Думы против военного министра действительно было большое возбуждение.

Особенно сильные нападки на генерала Сухомлинова со стороны членов Государственной Думы были из-за деятельности Главного артиллерийского управления. Главнейшее недовольство было из-за того, что всеми делами Главного артиллерийского управления фактически вершил Великий князь Сергий Михайлович, будучи в то же время совершенно безответственным и неуязвимым для Государственной Думы.

Но собственно в этом вопросе генерал Сухомлинов виновен только в том, что не умел и не хотел ставить вопрос ребром до своей отставки включительно.

Великий князь Сергий Михайлович, будучи генерал-инспектором артиллерии, действительно был фактическим негласным начальником Главного артиллерийского управления. У него был служебный кабинет в управлении, и ни один существенный вопрос по артиллерийской части не проходил помимо него. Ему докладывал не только начальник управления, но и начальники отделов; случалось, что для детального доклада Великий князь вызывал и начальников отделений.

Русская полевая артиллерия очень многим обязана Великому князю. Благодаря его знаниям и громадной энергии, с которой он проводил подготовку личного состава, постоянно лично объезжая и контролируя, наша полевая артиллерия и в Японскую, и в Европейскую войны была на должной высоте. Но как администратор Великий князь себя ничем не проявил, да и быть генерал-инспектору начальником Главного управления совсем не подобало. А фактически так было и создавалось самое невероятное положение.

Начальника Главного артиллерийского управления генерала Кузьмина-Караваева часто бранили генералы Сухомлинов и Поливанов, на него нападали и в Государственной Думе. А он, фактически исполняя указания Великого князя, не мог это сказать и все удары принимал на себя.

Генерал Кузьмин-Караваев, бывший начальником Главного артиллерийского управления, был человек безукоризненно честный и порядочный, но он был отличным строевым офицером и очень неудовлетворительным начальником управления. Он тяготился своим положением, с радостью бы ушел со своей должности, но его не пускал Великий князь, а генерал Кузьмин-Караваев, как объясняли, не хотел его огорчать, страдал от создавшейся обстановки, но терпел и оставался на месте.

Генерал Поливанов несколько раз был более чем резок с генералом Кузьминым-Караваевым. Военный министр докладывал Государю, но Великий князь оставался в этом вопросе победителем и военный министр не мог изменить создавшегося положения. Только, как результат этой борьбы, отношения между военным министром и Великим князем крайне обострились.

К концу 1912 г. все работы по Мобилизационному отделу, намеченные к проведению за текущий период, были закончены. Вновь составленный в 1912 г. мобилизационный план для производства мобилизации армии был в полном порядке, подготовка по военным округам была закончена, и произведенные поверки дали полную уверенность, что когда потребуется, мобилизация пройдет хорошо.

Так как мобилизационные планы нами составлялись примерно через три года, то на ближайший период, до 1915 г., по Мобилизационному отделу оставалась лишь текущая работа и постепенная подготовка к следующему пересоставлению и вводу нового мобилизационного расписания.

В декабре 1912 г. по генерал-квартирмейстерской части пересоставлялись списки предназначений по Генеральному штабу на различные должности на случай войны. Я пошел к начальнику Генерального штаба

и попросил, чтобы меня предназначили на какую-нибудь должность и в случае войны позволили бы мне сдать должность начальника Мобилизационного отдела моему помощнику, который был в курсе всех дел, а мне разрешено было отправиться в армию. Генерал Жилинский мне ответил, что он на это согласиться не может и что я могу получить назначение в армию лишь после окончания мобилизации.

Зная на основании горького опыта (меня не пустили в армию во время Русско-Японской войны, сказав, что во время войны нельзя снимать с ответственных должностей в штабах), что это равносильно тому, что я на время войны буду прикреплен к Мобилизационному отделу, я решил при первом же представившемся случае перейти на какую-либо другую должность, которая меня не закрепостит.

Случай скоро представился. Помощник начальника Канцелярии военного министерства генерал Янушкевич получил назначение на должность начальника Академии Генерального штаба, а мне была предложена его должность. Я ответил, что согласен при условии, что в случае войны буду отпущен в армию. Начальник Канцелярии военного министерства генерал Данилов на это согласился, и в январе 1913 г. я получил новое назначение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРИОД ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Глава III

В первых числах июня 1914 г. я взял отпуск и поехал лечиться в Саки. Окончив курс лечения, я переехал на морские купания в Евпаторию.

Конфликт, возникший после Сараевского события в конце июня и начале июля между Австро-Венгрией и Сербией, и непримиримая позиция, которую, по-видимому, заняла Австро-Венгрия, — меня обеспокоили. Я предназначался, в случае войны, генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта, который должен был формироваться в Киеве. Естественно, что в случае мобилизации я должен был немедленно отправиться в пункт формирования штаба. Поэтому я 7/20 июля послал срочную телеграмму в Петербург начальнику канцелярии военного министерства генералу Данилову с просьбой меня ориентировать и сообщить, не требуется ли мой приезд в Петербург. На другой же день я получил ответную телеграмму вполне успокоительного содержания: «Ничего серьезного нет. Спокойно заканчивайте лечение и отпуск не сокращается».

12/25 июля я отправился в Севастополь. Узнав из телеграмм об ультиматуме, полученном Сербией от Австро-Венгрии, я 12/25 июля вновь послал телеграмму генералу Данилову. Четырнадцатого (двадцать седьмого) июля утром получил от него ответную телеграмму, чтобы я не беспокоился и что если будет нужно, он меня вызовет. Я решил, если будет возможно, отпуска не сокращать (заканчивался 25 июля / 7 августа), и 14/27 июля вечером выехал по железной дороге в северную часть Крыма поохотиться у моих знакомых.

16/29 июля рано утром, как сейчас помню, после удачного выстрела по дрофе, я увидел скачущего ко мне всадника. Оказалось, что он мне привез телеграмму от генерала Данилова, пересланную мне из Севастополя. Телеграмма из Петербурга отправлена 15/28 июля, и в ней сообщалось, что положение крайне серьезно и мне предлагалось немедленно вернуться.

17/30 утром я был в Севастополе и в тот же день вечером выехал в Петербург. В Севастополе уже говорили о полученном объявлении о мобилизации. На узловых станциях царило оживление, всюду были видны офицеры, возвращающиеся к своим частям, а в Орле я уже

видел кавалерийские части, готовящиеся к посадке для отправления на фронт.

19 июля / 1 августа утром я был в Петербурге. Здесь меня ожидало серьезное огорчение. Генерал Данилов сообщил мне, что в ночь на 16/29 июля уже объявлено о мобилизации корпусов, предназначенных для действия против Австро-Венгрии, и тогда же было приказано начать подготовку для общей мобилизации. Что его, генерала Данилова, совершенно неожиданно для него самого, решено назначить начальником снабжений Северо-Западного фронта, а меня приказано оставить в Петербурге в качестве начальника канцелярии военного министерства.

Я обратился к военному министру, прося не изменять первоначального решения относительно назначения меня генерал-квартирмейстером Юго-Западного фронта. Но мне было отвечено, что теперь это изменить нельзя, что уже состоялись Высочайшие приказы о назначении генерала Данилова и генерала Пустовойтенко[146] (последнего на должность, на которую предназначался я).

Военный министр категорически заявил, что он не может одновременно отпустить меня и Данилова, но что в будущем, когда это окажется возможным, — он обещает меня отпустить в армию. Для меня было ясно, что последние слова только любезность и что я вновь обречен, как и во время Русско-Японской войны, сидеть в тылу.

Необходимо остановиться на вопросе — могла ли Россия ограничиться только мобилизацией корпусов, предназначенных для действия против Австро-Венгрии, и не объявлять общей мобилизации, дабы не давать повода Германии объявить войну России?

По этому вопросу уже было несколько статей в прессе; затем бывший французский посол в России г-н Палеолог, как он указывает в своих мемуарах, при сообщении ему г-ном Базили, 16/29 июля 1914 г. о сделанном распоряжении русского правительства о мобилизации корпусов, назначенных для действия против Австро-Венгрии и приказании начать секретно общую мобилизацию, спросил, не представится ли возможным ограничиться одной частичной мобилизацией. Наконец, в будущем Германия, конечно, будет доказывать, что в Европейской войне виновна Россия, подстрекавшая Сербию и объявившая общую мобилизацию, которая была направлена и против Германии.

Для того чтобы не давать в 1914 г. повода Германии говорить об опасности, которая угрожала ей, нужно было в пограничной полосе объявить мобилизацию лишь в Киевском и Одесском военных округах. Корпуса же, отмобилизованные во внутренних округах, сосредоточивать к границе только в районе Киевского военного округа, непосредственно соприкасавшегося с Австро-Венгрией. Всякая же мобилизация

на территории Варшавского военного округа или сосредоточение в этом округе корпусов, отмобилизованных во внутренних округах, были бы, конечно, признаны Германией как непосредственная угроза ей.

Отказаться от мобилизации в Варшавском военном округе с технической точки зрения, конечно, можно было, если б этому округу не угрожало опасности со стороны Австро-Венгрии. Но отказаться от мобилизации в этом округе и отказаться от сосредоточения на его территории корпусов, мобилизуемых в Петроградском, Московском и Казанском военных округах, было невозможно, так как мы знали доподлинно, что сильная группа австро-венгерских войск по окончании сосредоточения будет наступать в разрез между Киевским и Варшавским военными округами в Люблинский район и на Брест-Литовск.

Следовательно, отказавшись от мобилизации и сосредоточения в Варшавском военном округе, мы заранее обрекали себя на невозможность в будущем произвести мобилизацию значительной части Варшавского округа и на невозможность сосредоточить армию в намеченном районе. Это было бы равносильно обречению себя на проигрыш кампании.

Если б Россия сделала эту невероятную ошибку, то всё равно, несколько только позже, Германия нашла бы предлог поддержать свою союзницу и объявила бы войну России, но только в лучших для себя условиях, нарушив мобилизацию и сосредоточение русских армий, а следовательно, имея более развязанные руки для действия против Франции и располагая большим временем для действий на французской территории, не опасаясь за свой тыл.

Можно говорить лишь о том, могла ли Россия не объявлять никакой мобилизации, но говорить о возможности для России объявить частичную мобилизацию против Австрии (без права свободного выбора районов мобилизации и сосредоточения!) могут говорить или не понимающие в создавшейся обстановке, или делающие вид, что ее не понимали и не понимают.

Всё поведение Австро-Венгрии по отношению Сербии ясно указывало, что ей было сказано «дерзай», так как Сараевским событием решено было воспользоваться для начала Европейской войны, войны, которая назревала, к которой готовились все — и Германия искала благовидный предлог ее начать.

Предлог был найден, и предлог верный: Россия не могла изменить своей традиционной политике и предать родную ей — маленькую Сербию. Начать же войну в 1914 г. для Германии и Австро-Венгрии было выгодно, так как, конечно, они отлично знали, что в России далеко еще не закончены приготовления к войне с центральными державами, а оттяжка на год, на два — шла только на усиление России. Германия

только ошиблась в мощи австро-венгерской армии, в быстроте мобилизации и сосредоточения русской армии и в верности ей Италии.

Объявление о войне с Германией было принято с энтузиазмом всем русским обществом. Говорю «с Германией», так как про Австро-Венгрию как-то мало говорили; против нее не чувствовалось никакого озлобления, а все считали, что во всем виновен «немец».

Императорский выход после объявления войны и манифестации на площади Зимнего дворца отразили в себе воодушевление всего русского народа. Никто не может сказать, что народ сгоняли к Зимнему дворцу или что манифестацией руководила «полиция»; нет, чувствовалось, что всё население сливается в одно целое и в общем порыве хочет броситься на врага, чтобы отстоять свою независимость.

Мобилизация и сосредоточение войск прошли хорошо и в намеченные сроки. Правда, в некоторых районах (в некоторых местах Сибири и на Волге) были заминки в мобилизации, даже беспорядки (в Барнауле, в Сибири даже серьезные), но в общем это нисколько не отразилось на ее ходе.

Назначение Великого князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим приветствовалось всеми. Известен был его волевой характер и была полная уверенность, что он поведет армию к победе.

Даже впоследствии, в период самых тяжелых неудач армия никогда не теряла веры в своего Главнокомандующего. Среди солдат и рядового офицерства Великий князь пользовался громадной популярностью. Между ними распространялись про Великого князя самые невероятные легенды. Эти легенды создавались на основании слухов — то о раскрытии Великим князем какой-нибудь измены; то о том, как он разносил или расправлялся с каким-нибудь высоким начальником за его леность, или за неумение руководить войсками, или за плохое обращение с офицерами и солдатами.

Слухам этим давалась полная вера; рассказывали самые невероятные небылицы. Передавая их, Великого князя неизменно выставляли как рыцаря, как борца за правду, карателя всяких германофильских течений и как неизменного заступника за младших офицеров и солдат. Мне самому в Карпатах на позициях, когда уже Верховным Главнокомандующим был Государь, приходилось слышать рассказы солдат про Великого князя Николая Николаевича и заявления, что «его боялись только высокие начальники, а офицеров и солдат он любил».

Назначение начальником штаба Верховного Главнокомандующего генерала Янушкевича в военных кругах было встречено скорей отрицательно. Генерал Янушкевич был известен как хороший профессор

администрации, как безукоризненно порядочный и честный человек. Но он не проходил стажа ни строевой, ни штабной службы на ответственных постах; человек был слишком мягкого, покладистого характера и его считали безвольным.

Кампания началась для нас блестяще. Войска Юго-Западного фронта сломили сосредоточенные против них австро-венгерские армии и неудержимо продвигались к Львову, а затем и к Перемышлю. Южная группа войск Северо-Западного фронта также разбила другую мощную австро-венгерскую группу в Люблинском районе и продвигалась к Сану. Австро-венгерские армии потеряли способность сопротивляться и отходили даже при слабом натиске наших войск. Подъем духа в войсках был громадный.

Армия генерала Ренненкампфа, перейдя в наступление из Виленского района на территорию Восточной Пруссии, также сломила сопротивление германцев. В Варшавском районе заканчивалось сосредоточение армий, которые должны были частью своих сил развить начавшиеся успехи армии Ренненкампфа в Восточной Пруссии (2-я армия Самсонова), а другими силами, перейти в наступление в направлении на Познань и Бреслау.

В этот же первый период кампании Германия главной массой своих сил, нарушив нейтралитет Бельгии и предав последнюю огню и мечу, обрушилась на Францию. Французские армии, геройски отбиваясь, отходили к Марне. Судьба Франции висела на волоске; непосредственная опасность уже угрожала Парижу.

Но Франция была спасена, и прежде всего была спасена Россией. Это должна признать и Франция, нисколько этим не умаляя доблести своих войск и таланта маршала Жофра. Начавшийся разгром австро-венгерской армии и непосредственная угроза Восточной Пруссии — заставили германское командование снять со своего Западного фронта значительное число войск и спешно их направить для ликвидации успехов русской армии в Восточной Пруссии и на поддержку Австро-Венгрии.

Война 1914 г., как мною уже было отмечено, застала русское военное ведомство еще не закончившим заготовку всего того, что было необходимо для армии.

С первых же дней мобилизации военным министром было отдано распоряжение начальникам главных довольствующих управлений развить максимальную производительность всех казенных заводов и мастерских и срочно дать заказы частной промышленности на заготовку всего недостающего.

К сожалению, в мирное время ничего не было сделано для перевода при мобилизации частной промышленности на заготовки для

надобностей армии. Вопрос об этом подымался несколько раз, но не получил никакого разрешения.

Впрочем, в первые полтора месяца войны не чувствовали неспособности нашей промышленности удовлетворить нужды армии, так как никто правильно эти нужды и не определял.

Еще сравнительно более точно были определены нужды армии по интендантскому ведомству. С одной стороны, по интендантской части были довольно правильно установлены нормы по опыту Русско-Японской войны, а с другой стороны, главный интендант генерал Шуваев оказался наиболее предусмотрительным и наиболее осторожным, чем остальные начальники главных управлений.

В конце сентября из штаба Юго-Западного фронта впервые поступили сведения о недостатке снарядов. Но этим заявлениям не было придано серьезного значения. Главное артиллерийское управление настойчиво доказывало, что на эти заявления нет надобности обращать серьезное внимание, что они основаны на донесениях некоторых начальников артиллерийских бригад, которые просто неразумно расстреливали снаряды чуть ли не по отдельным всадникам; что по имеющимся в Главном артиллерийском управлении сведениям некоторые начальники артиллерийских бригад при коротких остановках на позициях устраивают немедленно склады снарядов, доставляемых из парков, а при движении через несколько дней вперед эти склады бросаются и они пропадают; что во многих случаях просто не умеют организовать подвоз снарядов; но что вообще снарядов достаточно, и те заказы, кои даны, покроют потребность с избытком.

Начались пререкания между Главным артиллерийским управлением и инспекторами артиллерии фронтов. Время, таким образом, шло, новых заказов (сверх уже данных) на снаряды не давалось, а с фронта начали доноситься уже вопли об их недостатке.

С октября 1914 г., кроме указаний о недостатке снарядов, стали поступать сведения о необходимости позаботиться о дальнейшем развитии производства винтовок, ружейных патронов, телеграфного и телефонного имуществ.

Винтовок перед войной, кроме полного комплекта на армию, было еще два комплекта на запасные батальоны. С тем количеством, которое вырабатывалось на оружейных заводах, общий запас винтовок казался достаточным. Но процент порчи винтовок в войсках, вследствие дурного ухода и процент порчи и потери их в боях был так велик, что все расчеты мирного времени оказались никуда не годными.

Расход ружейных патронов был не так велик в боях, как велика определилась утеря патронов солдатами на походе и в боях.

Телефонное и телеграфное имущество, выдаваемое войскам, положительно горело; но и нормы телефонного имущества на каждую часть и штабы оказались недостаточными.

Когда началась война, то только очень немногие из военных авторитетов допускали возможность, что она затянется больше года. Большинство же считало, что то колоссальное напряжение, которое вызвано войной, долго продолжаться не может, и она должна закончиться в течение 6–9 месяцев. Даже те, которые допускали, что война продлится более года, всё же не считали возможным, чтобы она затянулась на срок более полутора-двух лет.

Я в первый раз услышал о возможности очень продолжительной войны от английского офицера из великобританской военной миссии, бывшего у меня по какому-то делу в конце 1914 г. (к сожалению, я твердо не помню, кто именно был этот офицер, но кажется, это был полковник Нокс). Закончив со мной разговор по вопросу, который его привел ко мне, он меня спросил, что я думаю о продолжительности войны.

Я ответил, что совершенно не разделяю мнение тех, кои считают, что она закончится в течение шести месяцев; что эта война ставит на карту самое существование государств, а потому будет и ожесточенной, и продолжительной.

— Но всё же, как Вы думаете о том — сколько она будет продолжаться?

— Ну, это определить невозможно.

— Какой же все-таки срок Вы считаете наибольшим?

— Я думаю, что война продлится года полтора. Если же продлится дольше, то это будет полной катастрофой даже для государств-победительниц.

— Ну, Вы всё же не отвечаете, какой Вы допускаете наибольший срок войны.

— Ну, два-три года.

Мой собеседник, прощаясь со мной, сказал:

— Эта война — мировая катастрофа, и она короткой быть не может. Я считаю, что в лучшем случае она закончится через три года, а может затянуться и на шесть лет, а возможно и больше.

Это убеждение в краткости войны в связи с тем, что никто в начале ее не мог себе представить тех колоссальных требований различного материального имущества, которые предъявит армия, объясняет отчасти, почему главные довольствующие управления так медленно и так неохотно делали крупные заказы. К этому надо прибавить, что к требованиям, поступающим из армий, относились с недоверием, считая их преувеличенными и объясняя часто их тем, что войска хотят

заготовить крупные запасы «на всякий случай», «впрок», а не вызываемые действительной потребностью.

Как я уже отметил, единственное главное управление, которое шло на крупные заготовки, — это интендантское; но и оно еще недостаточно поняло, до какого масштаба придется развить свою деятельность.

С октября 1914 г. начали поступать из Ставки Верховного Главнокомандующего требования об усилении деятельности тыла по снабжению армии всем необходимым.

Военный министр приказал своему помощнику генералу Вернандеру (на обязанности которого и лежало объединять деятельность главных довольствующих управлений), немедленно принять меры для выяснения действительной потребности армии во всем необходимом и наблюсти, чтобы заказы были даны и выполнены в кратчайший срок.

Мне было приказано принимать участие во всех заседаниях, которые будет собирать помощник военного министра. Начиная с октября состоялся целый ряд заседаний с представителями главных управлений. И на этих заседаниях наибольшие трения были с представителями Главного артиллерийского управления, очень неохотно соглашавшимися на большое увеличение заказов.

Наконец, в ноябре было установлено, что производство снарядов для полевой артиллерии должно быть доведено до 300 000 в месяц. В декабре, под председательством помощника военного министра, были собраны представители всех более крупных заводов, изготовлявших снаряды для армии, и были распределены по заводам новые наряды.

Между тем события на фронте начали приобретать для нас неблагоприятный оборот. После ряда неуспехов на Северо-Западном фронте начались, в апреле 1915 г., неудачи и в Галиции.

В конце 1914 и начале 1915 г. Верховный Главнокомандующий, Великий князь Николай Николаевич, прислал военному министру ряд резких телеграмм, упрекающих его в плохом снабжении армии; в телеграммах указывалось, что снарядов нет; что армиям приходится отбивать атаки почти голыми руками; что армии из-за недостатка огнестрельных припасов несут колоссальные потери. Великий князь настаивал на немедленной присылке достаточного количества винтовок, патронов и снарядов.

Главное артиллерийское управление продолжало упорствовать, что подача в армию ежемесячно 300 000 полевых снарядов будет совершенно достаточна. Эта цифра совершенно не удовлетворяла военное министерство, тем более что поступавшие требования указывали, что это недостаточно, а Главное артиллерийское управление не давало исчерпывающих объяснений, почему оно останавливается именно на этой цифре.

Обследование этого вопроса с данными по изготовлению составных частей снарядов открыло причину, почему артиллерийское управление указывало цифру в 300 000. Оказалось, что наши заводы не могут дать большее число ударных и дистанционных трубок. После этого было приказано Главному артиллерийскому управлению путем заказов за границей и путем производства в России более простых трубок французского образца — увеличить в срочном порядке получение ударных и дистанционных трубок.

Неуспехи наших армий на фронте вызвали большую потерю материальной части, а переход на некоторых участках к позиционной войне — вызвал целый ряд новых в ней потребностей.

Английская и французская промышленность всё, что могла, давала на свои армии и избытка пока еще не производила. Оставались Америка и Япония. Из Америки приходили неутешительные сведения о том, что всё, что возможно, скупается немцами и на быстрое выполнение заказов в Америке рассчитывать нельзя. В Японии же заказы можно было дать, но сложные производства, как, например, дистанционные трубки, также требовали много времени, так как их нужно было ставить наново.

В эти страны были командированы специалисты для обследования положения на месте, а пока, через различных комиссионеров и представителей фирм, стали давать заказы за границу на менее сложные предметы, требуемые для армии и на поставку коих были предложения.

Неудачи наших армий продолжались. Началось отступление по всему фронту: 22 мая (5 июня) был оставлен Перемышль, а 9/22 июня Львов.

Помимо недостатка снарядов для нашей артиллерии, сильно влиявшего на моральное состояние бойцов, мы встретили у противника в полевых боях артиллерию крупного калибра, которая эффектом своего действия еще более ухудшала положение.

Явилась новая потребность — срочно дать полевой армии артиллерию крупного калибра, которая могла бы уравнять наши шансы с шансами противника и дала бы нам возможность обеспечить в будущем успех борьбы за укрепленные позиции. Мы начали срочно формировать батареи тяжелой артиллерии из имеющихся у нас орудий. Но этого было мало; надо было обратиться за получением тяжелой артиллерии к нашим союзникам.

По ходатайству председателя Государственной Думы последовало Высочайшее повеление об образовании Особого совещания по обороне. Председателем в совещании был военный министр, членами начальники главных управлений военного министерства, помощник военного министра, начальник Генерального штаба, председатель и три члена Государственной Думы и, по приглашению, представители

промышленности. Я был назначен управляющим делами совещания и членом его.

С образованием Особого совещания по обороне вопрос заготовок для армии приобрел несравненно более живой характер. К этому времени образовался Военно-промышленный комитет, который постепенно стал объединять промышленность, и открылась более широкая возможность производить успешные заготовки для нужд армии внутри страны.

Помимо вновь образовавшегося Военно-промышленного комитета, к военному ведомству обратились Всероссийские Земский и Городской союзы с предложением давать некоторые заказы для армии и через них. Эти союзы указали, что у них уже налажена связь с заграницей и есть надежная агентура во всех районах государства; что они сумеют срочно и исправно провести заказы, которые им будут даны военным ведомством.

С начала войны Всероссийские Земский и Городской союзы очень широко развернули свою деятельность по устройству лазаретов для раненых и больных внутри государства, по сформированию лазаретов, санитарных, перевязочных и дезинфекционных отрядов и бань в районе армий и по устройству в районах армий и вблизи позиций чайных и продовольственных пунктов. Впоследствии Земский союз был привлечен к организации особых дружин для окопных работ.

Во время отступления в 1915 г. армий Северо-Западного фронта, когда громадная масса населения районов, угрожаемых нашествием германцев, панически бросилась назад, Земский и Городской союзы, по соглашению с военным ведомством, организовали по пути движения населения питательные и медицинско-санитарные пункты.

Эта последняя помощь со стороны Земского и Городского союзов была организована поразительно быстро и умело, и благодаря ей спасены были десятки тысяч мирного населения, которое без этого погибло бы в дороге без пищи, от холода и эпидемических болезней. В значительной степени деятельности этих союзов государство обязано и тем, что эта страшная война прошла почти без эпидемических заболеваний.

Нельзя обойти молчанием те нападки, которые часто раздавались в обществе и в военных кругах на Городской и Земский союзы.

Указывалось на то, что штаты их слишком велики; что среди служащих есть много уклоняющихся от строя, место которым в войсках, а не среди «земгусар», как их часто называли; указывали, что лица, руководящие этими организациями, почти поголовно принадлежат к левым политическим партиям; что всюду очень широко допускаются евреи и что с первых же дней войны ведется пропаганда среди войск; что Земский и Городской союзы подготовляют революцию, которую надеются провести немедленно после окончания войны.

Что все левые политические группы были недовольны существовавшим в России государственным строем и стремились его изменить революционным, а не эволюционным путем, то в этом, конечно, нет сомнения. Но чтобы с этой целью велась какая-либо определенная пропаганда среди войск по указанию лиц, руководивших деятельностью союзов, то данных, это подтверждающих, не было. Были открыты единичные случаи пропаганды отдельными лицами в тылу армии, и были случаи пропаганды в лазаретах среди выздоравливающих и раненых солдат; но связывать это с именами лиц, стоявших во главе организаций, не было достаточных оснований. Но слухи об этом периодически были так упорны, что вызывали опасение в Ставке Верховного Главнокомандующего, и Земскому и Городскому союзам несколько раз грозила опасность если не прекращения, то сокращения их деятельности в районах расположения войск.

Что касается указания на то, что среди служащих этих союзов было много уклоняющихся от службы в строю, то думаю, что их было не больше, чем в других тыловых организациях и учреждениях.

Первоначальная работа военно-промышленного комитета, Земского и Городского союзов в смысле поставки всего необходимого для армии развивалась медленно, так как, естественно, сразу сильно развить промышленность и кустарное производство было невозможно. Между тем ясно стало, что война примет затяжной характер и потребность в материальном снабжении стала определяться в колоссальных цифрах.

Состав совещания по обороне, образованного под председательством военного министра, не удовлетворял общественные круги, которые хотели стать вплотную к работе на армию, знать, что делается для ее снабжения, и влиять на него. Со стороны военного министра не было возражений против расширения состава совещания и привлечения в него представителей всех заинтересованных групп.

В срочном порядке был проведен через законодательные учреждения закон и образовано «Особое Совещание по обороне Государства», под председательством военного министра. В состав совещания, кроме представителей военного ведомства, вошли министры морской, финансов, внутренних дел, земледелия, торговли и промышленности и путей сообщений (могли замещаться товарищами министров), председатели Государственного Совета и Государственной Думы, по 9 членов от этих законодательных учреждений и представители Военно-промышленного комитета, Земского и Городского союзов и представители от промышленности. Аналогичные «Особые Совещания» были образованы под председательством министров земледелия и торговли и промышленности, по продовольствию и топливу.

«Особое Совещание по обороне» получилось несколько громоздким, но главная подготовительная работа велась в комиссиях, и общие заседания обыкновенно не загромождались мелочами.

Период переформирования «Особого Совещания по обороне» совпал с кампанией, открытой против военного министра генерала Сухомлинова. Деятельностью тыла были недовольны армии и Верховный Главнокомандующий. Большинство членов законодательных учреждений и многие общественные деятели недостаточное снабжение армии приписывали всецело вине военного министра, указывая, что он совершенно не справляется со своей задачей.

Кампанией против генерала Сухомлинова руководили, главным образом, председатель Государственной Думы М. В. Родзянко и член Государственного Совета, бывший председатель Государственной Думы А. И. Гучков. К обвинениям военного министра в легкомысленном отношении к делу и неумении наладить снабжение армии стали добавляться распространяемые очень широко самые невероятные темные слухи.

В последнем отношении генералу Сухомлинову особенно повредило его заступничество за жандармского ротмистра (или полковника, хорошо не помню) Мясоедова, впоследствии повешенного на фронте по обвинению в шпионстве.

Этот Мясоедов еще до войны был взят генералом Сухомлиновым в свое распоряжение и ему, лично военным министром, поручались работы по контрразведке. То, что генерал Сухомлинов приблизил к себе Мясоедова, уволенного перед тем со службы по жандармскому корпусу и которому министр внутренних дел дал самую отрицательную аттестацию, удивило и возмутило всех, кто знал подробности дела. По этому поводу был даже запрос в Государственной Думе. Но генерал Сухомлинов упорно отстаивал Мясоедова. Когда же последнего на фронте обвинили в шпионстве, то этот вопрос вновь вызвал разговоры в обществе, и против военного министра посыпались самые серьезные обвинения.

12/25 июня 1915 г. генерал Сухомлинов был смещен с должности, а на его место был назначен генерал Поливанов.

Вслед за этим я был назначен помощником военного министра с оставлением и в должности начальника канцелярии военного министерства. На меня была возложена задача по объединению деятельности довольствующих главных управлений (артиллерийского, интендантского, военно-технического, санитарного и ветеринарного). С этого времени я стал ответственным лицом по вопросам снабжения армии.

Назначение на пост военного министра генерала Поливанова, известного своей энергией и пользовавшегося полным доверием законодательных учреждений и общественных организаций, удовлетворило всех.

Наибольшие нападки вызывали за свою деятельность Главное артиллерийское и военно-техническое управления. Во главе Главного артиллерийского управления был поставлен генерал Маниковский[147], энергия которого давала уверенность, что он в корне изменит характер работы управления.

Трудно было выбрать подходящего кандидата на должность начальника Главного военно-технического управления. Наконец, военный министр остановился на кандидате, предложенном мною — на генерале Милеанте[148]. Генерал Милеант окончил академии Инженерную и Генерального штаба; будучи военным инженером, он, проходя почти всю службу по Генеральному штабу, не был связан кастовыми недостатками, столь сильными среди военных инженеров. Будучи на фронте сначала начальником штаба армии, а затем начальником дивизии и командиром корпуса, он должен был знать хорошо потребности армии и чувствовать ее пульс. Он пользовался репутацией хотя человека с очень тяжелым характером, но, безусловно, честного и знающего.

После своего назначения он, явившись ко мне, сказал, что ему придется заменить около половины из числа старших чинов управления; что он их хорошо знает и многим из них доверять не может. Но прошел месяц и на мой вопрос, кого он решил в управлении заменить и кем, он ответил, что никого подходящего найти не может, что уже сидящие в управлении дело знают и что лучше оставить их, лишь внимательно присматривая за их работой. «А то наберешь и не знающих, и вдобавок еще воров и взяточников», — добавил генерал Милеант.

Это, между прочим, характеризует вообще трудное положение, создавшееся в тылу. Все лучшее было на фронте и делать замены в личном составе было трудно.

Работа генерала Поливанова, совместно с преобразованным «Особым Совещанием по обороне Государства», пошла очень успешно. Как девиз было принято — лучше перезаказать, чем недозаказать. Лучше иметь избыток, чем недостаток. В смысле отпуска средств на заказы всего необходимого пошли очень широко, строго, конечно, контролируя, чтобы не переплачивать и не давать заказы, в выполнении которых не было уверенности.

Прежде всего были составлены параллельные ведомости; военное ведомство составило ведомости всему тому, что надо заказать и в каком количестве; Военно-промышленный комитет, Земский и Городской союзы составили ведомости на те предметы, на кои могли принять заказы, с указанием примерно сколько и в какие сроки они могут поставить.

Из сопоставления этих ведомостей с данными главных управлений о производительности тех заводов и мастерских, коими уже заказы выполнялись, было на годовой срок определено, что надо заказать за

границей и что можно заказать и получить в России. Некоторые заказы было решено дать более чем на годовой срок, но принципиально было решено, дав заказы на годовой срок, затем в зависимости от обстановки, их продолжать.

Для обеспечения снабжения артиллерийскими снарядами было решено дать большие, в дополнение к прежним, заказы за границу и, кроме того, отечественное производство довести в кратчайший срок до 100 полевых парков в месяц (парк, кругло, около 29 000 снарядов). Этот пример показывает, как широко было решено поставить дело заготовок.

Большие заказы были даны Военно-промышленному комитету, который взялся заготовить стаканы для снарядов. Еще раньше большая заготовка была поручена через Главное артиллерийское управление генералу Ванкову[149], который сумел широко наладить изготовление снарядов (гранат) французского образца. Приступлено было к устройству ряда снаряжательных мастерских.

Наибольшие трудности мы должны были встретить по заготовкам и заказам: орудий, пулеметов, взрывчатых веществ, удушающих газов, дистанционных трубок, авиационных аппаратов и винтовок. На все остальное предложений на поставку из-за границы поступало много (преимущественно из Англии и Америки) и многое можно было заготовить в России.

На орудия и пулеметы, помимо заказов отечественным заводам, были даны заказы в Англию, Францию и Америку. Для изготовления дистанционных трубок строились два завода в России, но, кроме того, были даны заказы на трубки во Францию и Японию. В Америке были заказаны полные снаряды (т. е. уже снаряженные и с трубками).

Взрывчатые вещества хотя и были заказаны за границей (преимущественно в Америке), но доставка их была затруднительна, опасна, и стоили они страшно дорого. Решено было установить достаточное производство толуола в России. Поручено это было известному химику генералу Ипатьеву[150]. С большим трудом, но блестяще он впоследствии выполнил задачу, подготовив получение толуола в Донецком угольном бассейне, на Волге, в Бакинском и Грозненском нефтяных районах.

При этом мы столкнулись с очень интересным фактом. В Донецком бассейне оказалось много или чисто немецких предприятий, или построенных на арендных условиях на земле, принадлежавшей немцам. Оказалось, что нигде не установлено улавливателей каменноугольных газов; а в арендных условиях имелись особые пункты, воспрещающие установку этих приспособлений. Делалось это, конечно, с целью — насколько возможно не допустить развития красочного производства в России, дабы не создать конкуренции Германии; но допустимо считать, что здесь играли роль и более дальновидные соображения —

поставить Россию, в случае войны, перед невозможностью быстро наладить толуоловое производство.

Генералу же Ипатьеву было поручено поставить производство удушающих газов, которые нужно было применять в ответ на применение их германцами. Начав с хлора, он и с этой задачей впоследствии справился.

Для изготовления авиационных аппаратов у нас было построено два частных завода, но с главными заказами мы все же принуждены были обратиться за границу.

Наиболее трудно разрешался вопрос с заказами на винтовки. Наши ружейные заводы не могли сильно расширить производство винтовок в России, необходимо было дать заказ и за границей. Франция и Англия в этот период помочь не могли; оставалась Америка. Но с заграничными заказами дело еще не было хорошо налажено. Предложений на принятие заказов на винтовки и на продажу готовых было много, однако ни одного серьезного внушающего доверия предложения не было.

Вообще разбираться в предложениях на заказы всего необходимого для армии не только за границей, но и в России — было трудно. Я еженедельно, не менее двух-трех часов, принимал всевозможных лиц, являвшихся с предложениями доставить то или иное. Ко мне обращались лица самых разнообразных профессий и самого разнообразного общественного положения. Приходили знатные иностранцы, купцы, промышленники, бывшие и настоящие сановники, студенты, кокотки, комиссионеры, отставные генералы и даже упорно добивалась получить поставку на армию одна дама, именовавшая себя бывшей фрейлиной Государынь Императриц.

Большинство жаловалось, что на их обращения в главных довольствующих управлениях и в общественных организациях обращают мало внимания, что их предложения являются наиболее выгодными, наиболее серьезными и т. п. Многие из этих лиц стремились получить заказ, получив аванс, а только после этого изыскать способ его выполнить или перепродать его кому-либо другому. Были и просто мошенники, старавшиеся сорвать хоть что-нибудь.

Для упорядочения заграничных заказов нами был образован в Лондоне центральный заготовительный орган, во главе которого был поставлен генерал Гермониус[151], заказы в Америке стали даваться преимущественно через фирму Моргана.

В частности, предложений на винтовки, как я уже сказал, поступало много. Предполагалось продать винтовки, имевшиеся в каких-то складах в Северо-Американских Соединенных Штатах; предлагалось два миллиона готовых винтовок, имевшихся якобы в Парагвае. По этим

предложениям комиссионеры даже соглашались никакого аванса не получать, но конечно, не поставили и никаких винтовок.

Предлагавших дать им заказ на изготовление винтовок в Америке было так же много, но все предложения, по их проверке, оказались дутыми, сведения, поступавшие из Англии и Америки, указывали с полной очевидностью, что в Америке можно заказать винтовки только на крупных оружейных заводах, с которыми и велись переговоры. Заказ был, в конце концов, дан заводу «Ремингтон» (выполнение этого заказа очень затянулось). Англия обещала установить у себя производство наших 3-линейных винтовок, но несколько позже.

Между тем вопрос со снабжением армии винтовками стоял очень остро, чем и объясняется, что военное ведомство, не довольствуясь заказами винтовок заводу «Ремингтон» и обещанием Англии установить у себя винтовочное производство, всюду искало возможности получить винтовки.

Среди предложений на заказ винтовок в Америке выделялось по своей выгодности и кажущейся надежности, в смысле выполнения заказа, предложение, исходившее от трех русских, из коих один, принадлежавший к одной из старинных фамилий, жил большую часть времени в Париже. Эта группа лиц указала заводы, на которых немедленно может быть установлено производство винтовок.

Я телеграммой в Вашингтон предложил представителю Главного артиллерийского управления обследовать заводы. Получился ответ, что фактически заводы не оборудованы и фирма, которая якобы берется выполнить заказ, — с ним не справится. Я отказал соискателям, домогавшимся получить этот заказ. Они выразили удивление, что прислан такой ответ на мой запрос, и обещали представить новые данные. Через несколько времени они опять явились и принесли телеграмму из Америки, опровергающую заключение представителя Главного артиллерийского управления и утверждающую, что заказ на винтовки будет выполнен в срок.

Я, несмотря на протесты этих господ, решил еще раз проверить солидность предложения. Была послана телеграмма начальнику нашего органа снабжения в Лондоне генералу Гермониусу (он должен был в это время ехать в Америку по вопросам заготовок), и ему было предложено лично и через фирму Моргана еще раз обследовать на месте — насколько предложение основательно. Впоследствии от генерала Гермониуса был получен ответ, что заказ на винтовки указанными заводами не будет выполнен.

Между тем до получения ответа от генерала Гермониуса вокруг этого вопроса была поднята целая буча. В «Особом Совещании по обороне» члены Государственного Совета и Государственной Думы

требовали по этому вопросу объяснений. Мои объяснения их удовлетворили. Но после этого я получил от военного министра запечатанный пакет при записке, в которой он сообщал, что посылает мне доклад, представленный Государю Императору Великим князем Борисом Владимировичем[152], и просит срочно дать объяснение.

В докладе излагалось, что армия терпит страшную нужду в винтовках, а между тем происходит что-то странное. Помощнику военного министра несколькими русскими лицами (были перечислены фамилии) уже давно сделано предложение на заказ винтовок в Америке на очень выгодных условиях для казны. Что указанные лица делают предложение от имени американских предпринимателей, заслуживающих полного доверия. Что сами предлагающие являются истинными русскими патриотами и добиваются заказа не ради своих личных выгод, а исключительно с целью дать наконец винтовки русской армии, которая чуть не палками отбивает атаки противника. Доклад заканчивался фразой, в которой Великий князь отметил, что вследствие государственной важности вопроса он считает своим долгом представить его на благоусмотрение Государя.

Государь положил следующую резолюцию: «Предложить генерал-лейтенанту Лукомскому представить исчерпывающее объяснение».

Мое положение оказалось не из приятных. Предложение, по видимости, было выгодное и приемлемое. Заключение представителя Главного артиллерийского управления в Америке не являлось непреложным, так как были уже примеры, что заключения, им дававшиеся, были иногда легкомысленные (это и было одной из причин командировки генерала Гермониуса в Америку, дабы он на месте выяснил американский рынок, заключения о коем лицами, командированными главными управлениями, не сходились с данными, имевшимися из других источников), а от генерала Гермониуса еще ответа не было. Я же, скорей по чутью, относился к этому предложению с недоверием.

На мое счастье, в этот же день пришла почта из Парижа и в ней, среди другой корреспонденции, оказалось предупреждение французского и великобританского военных министерств относиться с большой осторожностью к предложениям на заказы винтовок в Америке. В присланной бумаге было указано, что по имеющимся во французском и великобританском военных министерствах сведениям, русское правительство получит предложение на заказ в Америке винтовок от таких-то лиц (были указаны фамилии лиц, которые и добивались получения этого заказа). Что эти господа просто комиссионеры, которые получат известный процент, если заказ будет дан. Что они сами введены в заблуждение относительно солидности этого предложения. Что в действительности это предложение на поставку винтовок делается

через германских агентов. Что оно составлено хорошо и если основательно не разобраться, то должно внушить полное доверие. Что если заказ будет дан, то ружейный завод будет действительно оборудован, русское министерство успокоится на том, что оно заказ дало, но что он никогда не будет выполнен.

Мне оставалось только составить краткий всеподданнейший доклад и приложить бумагу, полученную из Парижа.

Но еще трудней, чем с поставщиками, было иметь дело с изобретателями. Чего только не предлагалось; и самодвижущиеся мины; и подземные броненосцы (а мы не в силах были приготовить и надземных танков!); и пулеметы с особыми раструбами, позволяющими держать несколькими пулеметами громадные пространства под таким огнем, что не пролетит и воробей; и особые всесжигающие жидкости, которыми можно сжечь чуть ли не всю германскую армию; и быстрое (чуть ли не в два месяца) проведение из Баку и Грозного на фронт армий особыми трубами нефти, которая позволит, когда нужно, устроить перед фронтом сплошную завесу огня; и фиолетовые лучи, посредством которых можно взрывать на расстоянии все неприятельские огнестрельные склады... Всего нет возможности перечислить.

И все приходившие были искренне уверены, что если их предложение будет принято, то немцы будут сейчас же побиты.

Один земский деятель и помещик доказывал, что он ручается прорвать фронт... собаками. Он просил дать ему средства и обещал в течение 2–3 месяцев выдрессировать массу собак, которых надо было затем доставить к участку фронта, где мы предполагаем атаковать, прикрепить к ним взрывчатые вещества и пустить на проволочные заграждения. Говорил, что хотя много собак погибнет, но проволочные заграждения будут разрушены, новая серия собак бросится вперед, противник не выдержит и в результате полная победа...

Теперь всё это кажется анекдотом и смешно, но принимать и выслушивать изобретателей было не смешно...

А не принимать и не выслушивать было невозможно. На предложения обращаться в соответствующее главное управление, где имеются технические комитеты и где их предложения рассмотрят, обыкновенно получались ответы, что там не хотят выслушивать; что там признают только то, что изобрели сами; что хотят иметь дело только со мной и т. п.

На почве недоверия со стороны изобретателей и лиц, им покровительствовавших, к техническим комитетам главных управлений происходили и курьезные, и печальные случаи.

Могу рассказать два. Однажды ко мне на прием явился граф Х. По его рассказу, он узнал, что на Юго-Западном фронте, в одном из саперных батальонов находится солдат, получивший образование

за границей, отличный механик и химик, знающий какое-то чрезвычайно сильное взрывчатое вещество и имеющий все данные для устройства прибора для взрывов на расстоянии. Узнав, что на фронте этого солдата не могут поставить в условия, дающие ему возможность выполнить его изобретение, он, граф Х., решил обратиться к главнокомандующему Юго-Западным фронтом с просьбой командировать этого солдата в его распоряжение. Но, к сожалению, он опоздал, и об этом солдате узнали в Главном военно-техническом управлении, которое его и вызвало. В Петрограде же, вместо того чтобы дать этому солдату возможность работать, его передали в электротехническую школу, где начальник школы почему-то приказал его держать под арестом.

Что, узнав об этом, он, гр. Х., сопоставляя это с тем, что начальник школы носит немецкую фамилию (генерал Бурман[153]), из опасения, что изобретателю просто не дадут возможности работать, решил его выкрасть и поставить в прекрасные условия для работы. Что он, гр. Х., совместно с одним доктором этого солдата выкрали и поместили около Петрограда, дав ему возможность работать в прекрасно оборудованной мастерской. Но что случилось несчастье, приготовленное взрывчатое вещество взорвалось, солдат ранен, а его сожительница убита. Что обо всем этом узнал начальник Главного военно-технического управления и теперь привлекает его, гр. Х., к уголовной ответственности; что его уже допрашивал следователь, по словам которого за это грозит чуть ли не каторга. Сообщив мне об этом, гр. Х. просил о прекращении дела.

Я предложил ему подать мне обо всем им рассказанном письменный доклад.

На другой день я вызвал к себе начальника Главного военно-технического управления и начальника электротехнической школы. Из их докладов выяснилось, что действительно в военно-техническом управлении было получено сведение о том, что в одном из саперных батальонов имеется очень интересный солдат, хорошо знающий механику и химию и говорящий, что он изобретатель. Солдат был вызван и передан начальнику электротехнической школы, которому было поручено предоставить ему полную возможность выполнить свои изобретения.

Изобретатель оказался пьяницей и уклоняющимся от работы; проводил целые дни вне школы на квартире у своей сожительницы. Поэтому начальник школы запретил этому солдату ходить в отпуск, кроме воскресных дней. Несмотря на принятые меры и угрозу, что он будет отправлен обратно в батальон, изобретатель работал очень вяло и не было доверия, что из его работы будет какой-нибудь толк.

Через несколько времени солдат бесследно исчез, а за несколько дней до доклада мне этого дела графом Х. в школу пришел сын сожительницы изобретателя, подробно рассказал про похищение солдата,

про отвоз его на автомобиле в имение гр. Х. и про то, что там его действительно хорошо устроили и предоставили в его распоряжение лабораторию; что вместе с изобретателем разрешили жить и ему с матерью.

Дальше мальчик рассказал, что накануне его прихода в школу его мать, переставляя банку с какой-то жидкостью, приготовленной изобретателем, ее уронила и произошел взрыв. Что его мать убита, изобретатель ранен, а его силой взрыва выбросило в сад. Что затем гр. Х. и доктор, принимавший участие в похищении изобретателя, напуганные всем тем, что произошло, опасаясь ответственности, зарыли труп его матери в саду, солдата-изобретателя лечат дома в имении, а его заперли, не позволяя никуда выходить; но что он бежал и явился в школу, чтобы рассказать о всем том, что произошло.

Начальник Главного военно-технического управления приказал произвести дознание, которое подтвердило справедливость заявления мальчика, и дело было передано следователю. Пришлось всё это дело, с заключением главного военного прокурора, представить Государю. Государь приказал делу дальнейшего хода не давать.

Второй случай был более сложный и более серьезный. В декабре 1915 г. из Министерства внутренних дел ко мне поступил запрос, на каком основании и для какой надобности распоряжением главного начальника Петроградского военного округа, явно незаконно реквизировано несколько домов в Петрограде.

Я немедленно соединился по телефону с главным начальником Петроградского военного округа, князем Тумановым[154], и спросил его, правда ли это.

— Да, правда.

— На каком же основании Вами реквизированы эти дома и для какой надобности?

— По Высочайшему повелению. В точности я не знаю, что предположено делать, но эти дома приказано передать в распоряжение одного изобретателя, Братолюбова, под мастерские и под жилье рабочим.

— Кто Вам передал это Высочайшее повеление и почему Вы не доложили военному министру или не сообщили мне?

— Эти распоряжения я получил в виде писем на мое имя от Великого князя Михаила Александровича; в письмах определенно сказано, что распоряжения делаются по Высочайшему повелению. У меня не было никакого сомнения в подлинности подписи под письмами, и я думал, что военный министр и Вы об этом знаете. Тем более что по распоряжению второго помощника военного министра, генерала Беляева, в распоряжение этого же изобретателя назначаются рабочие — солдаты.

— Вам должно быть известно, что подобное распоряжение о реквизиции домов в городе законом не предусмотрено и явно незаконно.

— Но ведь распоряжение сделано от Высочайшего имени. Как же оно может быть незаконно?

— Не законно потому, что законом не предусмотрено. Может получиться крупный скандал. Получив эти распоряжения, Вы обязаны были немедленно доложить военному министру. Военный министр доложил бы Государю, и недоразумение, конечно, выяснилось бы и было бы приказано эти распоряжения в исполнение не приводить.

— Как же мне быть? Завтра уже назначено выселение жильцов из одного из домов.

— Прошу вас, князь, распоряжение о выселении жильцов из реквизируемого дома временно отменить. А Вас прошу завтра, к 10 ч утра, быть у военного министра, захватив с собой все письма, полученные Вами от Великого князя.

Затем я соединился по телефону с генералом Беляевым, который мне подтвердил, что и им получено письмо от Великого князя Михаила Александровича с указанием, что по Высочайшему повелению он должен назначить в распоряжение изобретателя Братолюбова (указан адрес) рабочих солдат — в числе, которое последний потребует.

Я попросил и генерала Беляева быть на другой день утром у военного министра.

После доклада военному министру было решено всякие реквизиции пока приостановить, а мне было поручено устроить свидание Великого князя с военным министром. Великий князь Михаил Александрович был в это время в Петрограде.

Я в тот же день вызвал к себе начальника штаба Великого князя генерала Юзефовича[155]. От него я узнал, что действительно Великому князю было дано какое-то поручение Государем Императором. Но подробностей Юзефович не знал и обещал в тот же день доложить Великому князю желание военного министра его видеть.

На другой же день Великий князь был у военного министра; в результате их разговора было решено, что Его Высочество договорится о подробностях дела со мной. Через день приехал ко мне Юзефович и сказал, что Великий князь не может принять меня на квартире своей жены, так как там у него нет буквально угла, где можно было бы без помехи переговорить и что, с разрешения Вдовствующей Императрицы, Его Высочество примет меня в Аничкином дворце.

В назначенный день и час я там был. Великий князь рассказал мне следующее: как-то один из Великих князей доложил в Ставке Государю, что есть некий Братолюбов, изобретший замечательную всесжигающую жидкость, которую с большим успехом можно применить на фронте. Но что, к сожалению, Главное военно-техническое управление, по обыкновению, отнеслось к изобретателю недоброжелательно: жидкость

его не приняли; не произвели никаких опытов, а просто заявили, что она не нужна. Великий князь просил разрешения привезти Братолюбова в Могилев и показать опыты с жидкостью Государю.

Государь заинтересовался и поручил Великому князю переговорить с начальником штаба генералом Алексеевым и показать ему (Государю) опыты с жидкостью. Опыты состоялись на полигоне около Могилева. Великий князь Михаил Александрович, будучи в это время в Ставке, попал на опыты случайно.

Опыты дали блестящие результаты. Оказалось, что деревянные сооружения, приготовленные чучела и даже совершенно сырое дерево и сырая солома, облитые этой жидкостью, сгорают дотла, развивая страшный жар. Загорается же эта жидкость или самостоятельно под действием воздуха, или от удара пуль, в которые вставляются капсюли с особым возбудителем. Было доложено Государю, что пользоваться этой жидкостью можно различно; можно с аэропланов поливать постройки и поля с хлебом; можно особыми помпами поливать окопы противника; можно, наконец, устраивать особые резервуары в виде ранцев со шлангами и употреблять эту жидкость при атаках укрепленных позиций.

После опытов Государь решил, что Братолюбову заказ на жидкость дать надо и, обращаясь к генералу Алексееву, спросил, не будет ли правильно поручить кому-нибудь, по его, Государя, выбору, наблюсти за правильностью и срочностью выполнения этого заказа. Генерал Алексеев ответил, что, по его мнению, это будет правильно. Тогда Государь обратился к Великому князю Михаилу Александровичу и сказал, что скоро на фронт тот не поедет и потому свободен, и поручил ему принять на себя руководство организацией дела по заказу этой жидкости и наблюсти за правильностью и срочностью выполнения этого заказа. Великий князь ответил, что во всем этом он мало понимает, но что если ему помогут, то он с удовольствием примет на себя общее руководство. На этом и было решено.

Всё дальнейшее и явилось следствием совершенно неправильной постановки дела. Нельзя не винить начальника штаба генерала Алексеева, который должен был предвидеть, что могут получиться самые невероятные осложнения и что так заказы давать нельзя.

Великий князь сказал мне, что какой-то юрист и его адъютант ему помогают в этом деле и уверили его, что все распоряжения, которые до сих пор им сделаны, не противоречат законам. Что на последнее он сам несколько раз обращал внимание, опасаясь, как бы не сделать чего-нибудь такого, что он делать не имеет права. Но его уверили, что всё ведется правильно.

Из разговора выяснилось, что заказов дано более чем на 60 млн руб.; что заказана не только жидкость, но и особые аппараты для ее

выбрасывания и предположено заказать аэропланы и блиндированные машины для перевозки этой жидкости. Братолюбову заказы давались письмами за подписью Великого князя; таких писем было написано около двенадцати.

Я доложил Великому князю, что порядок дачи этих заказов может вызвать запрос в Государственной Думе и может создать очень трудное положение; что целый ряд распоряжений Великого князя, сделанных от имени Государя, противоречит действующим законам; что вообще надо более внимательно проверить предложение Братолюбова. В результате Великий князь просил меня взять всё это дело в мое ведение и просить Государя освободить его от этого неприятного поручения, в котором, как выразился Великий князь, «я совсем запутался и вижу, что мои советники меня сильно подвели».

После разговора с Великим князем я вызвал Братолюбова. Этот изобретатель держал себя крайне вызывающе и сбавил тон только после того, как я его припугнул. Он мне показал не подлинные письма Великого князя, а фотографические с них снимки. Ясно было, что приходится иметь дело с опытным господином, который постарается сорвать всё, что только возможно.

Поехал я осмотреть завод Братолюбова (дом и сарай, уже реквизированные для него по распоряжению главного начальника Петроградского военного округа), рядом с которым был трехэтажный дом, подлежавший реквизиции под квартиры рабочим и под контору.

Работа по подготовке завода к работе кипела; устанавливались станки, проводились электрические провода. Но что собственно будет производить завод, было не ясно: были на заводе какие-то старые аэропланы, подлежавшие исправлению; была модель нового аэроплана; были грузовики, подлежавшие бронированию; но не было ничего относившегося до изготовления «всесжигающей жидкости», на которую, однако, был дан заказ на большую часть всей суммы. На мой вопрос, где же приготовляется жидкость, я получил ответ, что — в другом месте.

На другой день ко мне на прием явился какой-то прибалтийский немец, по виду простой ремесленник, очень плохо говоривший по-русски (фамилию его, к сожалению, я забыл). Рассказал он мне, что им уже несколько лет тому назад изобретена жидкость, которой можно сжигать всё что угодно. Что он обращался и тогда, и теперь, во время войны в Главное военно-техническое управление, но там его жидкость признали годной только для сжигания трупов, сказав, что в обращении она слишком опасна и для употребления на войне войсками не пригодна.

Но что он познакомился с Братолюбовым, который обещал это дело провести и затем, получив заказ, половину чистого барыша отдавать ему — изобретателю. Что теперь Братолюбову заказ дан, и последний

требует от него секрет приготовления жидкости, предлагая за всё это всего несколько тысяч рублей. Закончил он заявлением, что Братолюбову сообщать секрет изготовления жидкости он не хочет и предложил передать состав своей жидкости мне.

Я немедленно вызвал прокурора и следователя, которым немец и дал свои показания. Затем для немца было составлено заявление в суд о мошенничестве Братолюбова, которое он и представил по принадлежности.

Химический состав своей жидкости изобретатель мне сообщил, а я поручил начальнику военно-технического управления заказать ему пудов двадцать жидкости и произвести с ней всесторонние опыты. Через несколько дней «настоящий» изобретатель уже работал на одном из полигонов около Петрограда.

Был составлен по этому делу всеподданнейший доклад, и последовало Высочайшее соизволение освободить Великого князя от наблюдения за исполнением сделанных заказов, а всё дело направить и решить по усмотрению военного министра.

После этого я вновь вызвал Братолюбова и предложил ему временно прекратить исполнение сделанных ему заказов, сообщив мне состав его жидкости. Он категорически отказался. Я тогда сказал ему то, что мне было известно от немца-изобретателя. Братолюбов признался, что это правда. Ему было объявлено, что дело ликвидируется и чтобы он представил все данные, подтверждающие его действительные расходы, которые ему будут возмещены.

Трудно было от него получить подлинные письма Великого князя и негативы фотографических с них снимков; но в конце концов он их сдал. Великий князь заезжал ко мне несколько раз и был очень доволен, когда наконец дело было окончательно ликвидировано. Описываю всё это я подробно, так как до меня тогда же доходили слухи, что Братолюбов, сохранив, конечно, фотографические снимки с писем Великого князя, хотел впоследствии их опубликовать.

При ликвидации этого дела мне пришлось два раза делать подробные доклады в Совете министров и в результате на возмещение расходов, вызванных этим делом, было ассигновано, если не ошибаюсь, 250 000 рублей. Жидкость — для употребления в войсках оказалась совершенно не пригодной и, как содержащая в своем составе фосфор, очень опасной в обращении.

Среди моей большой работы, частью производительной, а частью мало производительной, но отнимавшей массу времени, я, конечно, встречался с массой лиц и был в курсе того, что говорилось и делалось в Петрограде.

Злободневными вопросами, во всю вторую половину лета 1915 г. и в последующий период, кроме, конечно, войны, — были разговоры о Распутине, о германском шпионаже и о бывшем военном министре Сухомлинове.

О Распутине говорили много со времени появления его при Дворе; но особенно страстно в различных слоях Петроградского общества стал обсуждаться о нем вопрос в 1915 г.

Я лично никогда Распутина не видел и никогда от него не получал никаких записок, которые он, с различными просьбами, имел обыкновение писать всем занимавшим более или менее видное положение. Раз только я видел у военного министра, генерала Поливанова, записку от Распутина такого содержания: «Милой, исполни просьбу такой-то (была указана фамилия). Уж очень она ко мне пристает. Григорий Новых». (Новых — фамилия, которой он подписывался вместо своей.) Генерал Поливанов приказал эту просительницу не принимать.

Еще до войны я у одного моего знакомого офицера Генерального штаба Бонч-Бруевича (одного из первых русских генералов, пошедших на службу к большевикам) познакомился с его братом Владимиром Бонч-Бруевичем (впоследствии правая рука у Ленина). Этот Бонч-Бруевич заинтересовал меня рассказами о своих поездках при изучении различных сект.

Я его спросил, считает ли он Распутина сектантом и если да, то к какой секте он принадлежит. Бонч-Бруевич ответил, что этот вопрос его самого интересовал и что задолго до нашего разговора, по поручению, исходившему от канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, ему было предложено обследовать вопрос, к какой секте может принадлежать Распутин.

Получив средства прилично одеться, он был введен в два дома, где бывал Распутин. Сначала он наблюдал его в гостиной, причем разговаривать им почти не приходилось. Затем Бонч-Бруевич с ним разговорился, и Распутин пригласил его к себе.

По первоначальным наблюдениям, Распутин произвел на него впечатление умного мужика, очень нахального, который, пользуясь положением человека, которому всё разрешается, без всякого стеснения обращался с бывшими в гостиной дамами. У Распутина он был несколько раз, обедал и после обедов они вели беседу.

У Бонч-Бруевича сложилось убеждение, что Распутин ни к одной из сект не принадлежал; что он даже плохо разбирался в сектах, зная о них очень поверхностно. Что Распутин безусловно умный и очень хитрый человек, с громадной силой воли и обладавший гипнотическим даром. Что, когда надо, он под видом набожности, просто ловко обделывал свои дела.

Из сопоставления всех рассказов, из самых различных источников, ясно было, что Распутин не только безобразничает, пьянствует и развратничает — когда только может, но и вмешивается в вопросы назначений на высшие должности, действуя через различных высокопоставленных лиц.

Этому потакало и это поощряло само общество. К сожалению, было много таких лиц, не исключая и занимавших очень высокое положение, которые считали за честь быть близкими с Распутиным. Это доказывают многочисленные фотографические снимки, делавшиеся во время и после всевозможных кутежей на частных квартирах и ходившие в Петрограде по рукам.

Распутин привык, что ему позволяли всё. На Распутине многие надеялись строить себе карьеру.

Что касается Царского Дома, то имевшие место факты высылки Распутина из Петрограда и запрещение ехать в Ливадию ясно показывают, что Государь относился к нему скорее отрицательно и хотел от него избавиться. Но затем возвращение Распутина обратно в Петроград из ссылки, разрешение опять посещать Царское Село — указывают, что в этих изменениях в отношениях к нему Государя играло роль что-то как будто непонятное.

Императрица явно держалась за Распутина, и, конечно, по ее настоянию его вернули из ссылки на родину в Сибирь обратно в Петроград и допускали в Царское Село. До Царской Семьи, конечно, если и не о всех проделках и безобразиях Распутина, то об очень многих — слухи и сведения доходили; и нормально это должно было закрыть ему доступ в Царское Село; но его продолжали принимать, зная, что это порождает различные разговоры в обществе и всех возмущает.

В чем же причина? Причина — одна вполне ясная, определенная и не подлежащая сомнению. Это страх за здоровье и жизнь Наследника Цесаревича, а затем и за всю Царскую Семью. Распутин сумел убедить Императрицу, которая вообще была мистично настроена, что только он является хранителем и спасителем Наследника и Царской Семьи.

Страшная болезнь Цесаревича держала всегда в страхе Государя и Императрицу за его здоровье. Как-то фатально выходило, что когда Распутин около — Наследнику лучше; когда его нет — Наследнику хуже. Я от лиц, заслуживавших полного доверия, слышал, что было несколько случаев, когда начавшееся кровотечение доктора остановить не могли, а появлялся Распутин — и кровотечение останавливалось.

Мне рассказывали, что даже был такой случай: однажды вечером Распутина срочно вызвали по телефону во дворец в Царское Село. Распутин только что вернулся с обеда и был в таком виде, что ехать в Царское Село не мог. Он ответил, что болен и приехать не может. Ему

сказали, что у Наследника идет носом кровь и остановить не могут. Он будто бы ответил, что кровь сейчас остановится; но что если не остановится, то просит ему сказать через час. Кровотечение у Наследника якобы действительно остановилось.

Эти факты, при настроении Императрицы, сделали то, что за него, несмотря на все рассказы и слухи про него, Государыня держалась, считала его если не святым, то, во всяком случае, — хранителем Наследника. Затем Распутин неоднократно говорил Императрице: «Меня не будет — Вас всех не будет». Это я слышал еще до убийства Распутина.

Относительно шпионажа Петроград был полон слухами. Еще в июле 1914 г., в дни мобилизации, рассказывали про одну графиню с немецкой фамилией, что ее поймали с поличным.

Один гвардейский кавалерийский офицер в этот период послал на телеграф для отправки своей матери в деревню такую телеграмму: «Сегодня с полком отправляюсь на фронт Вильно. В Петербурге ничего нового, только графиню Х. повесили». Эту телеграмму, как содержащую данные о сосредоточении, прислали с телеграфа в Военное министерство. Впоследствии, когда эта же графиня появилась в Зимнем дворце шить белье на армию, то среди дам поднялся настоящий бунт и было сделано заявление, чтобы «шпионку» во дворец не пускали.

Насколько прав был в данном случае «глас народа», осталось не выясненным, но германская шпионская организация вообще работала великолепно.

Многое, что говорилось и делалось в центральных управлениях в Петрограде, и многие распоряжения высших штабов доходили до немцев скорее, чем до наших войск, до которых они относились. Известны случаи, когда на германских позициях выставлялись плакаты, в которых сообщалось о предстоящем передвижении частей, стоявших перед немцами. И действительно, через день-два такое распоряжение получалось.

Впоследствии выяснилось, что германцы действительно были хорошо осведомлены не только о том, что делается у нас на фронте, но и в глубоком тылу. Виновны, конечно, были в этом прежде всего сами русские. Уж очень любим мы делиться всякими новостями, не соображаясь с их секретным характером, нигде и с кем говориться!

К сожалению, кроме мелких агентов, никакую серьезную шпионскую организацию открыть не удавалось. Слух о казни полковника Мясоедова, обвинявшегося в шпионстве, быстро распространился, и общество было довольно, что наконец пойман и казнен не мелкий агент, а крупный шпион.

Начавшееся следствие о деятельности бывшего военного министра Сухомлинова взволновало всех. Обвинялся он в шпионаже, в без-

действии власти, вследствие чего армия оказалась не снабженной ко времени войны всем необходимым, и во взяточничестве.

Противники Сухомлинова, добивавшиеся его смещения и назначения следствия, радовались, что последнее им удалось. Но громадное большинство общества испытывало крайне сложное чувство. С одной стороны, было вполне правильно и необходимо, если военный министр оказался предателем и преступником, его судить со всей строгостью закона.

Но, с другой стороны, невольно являлось сомнение в справедливости предъявляемых обвинений. Было просто невероятно допустить мысль, что умный человек, считавшийся всегда одним из лучших офицеров русского Генерального штаба, Георгиевский кавалер, генерал-адъютант, военный министр — мог оказаться предателем родины.

Что касается других обвинений, если отбросить первое, то многим казалось, что лучше было бы, отчислив его от должности, отложить дело до окончания войны, а не подымать его в разгар европейской борьбы. Отложить его до тех пор, когда можно было бы при более спокойной обстановке обследовать его более внимательно и более основательно.

Многие считали, что обвинение Сухомлинова является позором не только для него, но и для России, которая могла дать такого военного министра. Но о преступлениях Сухомлинова слишком много и громко кричали, и Государь признал необходимым пойти в этом отношении на уступку отдельным лицам и общественным группам, настаивавшим на предании Сухомлинова суду, и приказал начать следствие.

Что касается лично меня, хорошо знавшего генерала Сухомлинова, то я не допускал и не допускаю мысли в справедливости обвинения его в шпионаже, в способствовании нашим врагам. Это, впрочем, было впоследствии признано и судом.

По этому вопросу я допускаю другое. В гостиную дома генерала Сухомлинова попасть было очень легко. И действительно, кто только там не бывал. Вполне возможно, что могли попасть и люди, которые интересовались узнать непосредственно от военного министра или близких к нему лиц какие-либо новости и воспользоваться ими во вред России.

Что касается второго обвинения — бездействия власти, то если в этом разобраться внимательно и добросовестно, — вряд ли подобное обвинение справедливо.

Ведь надо признать, что в смысле подготовки к войне за период с 1908 г., т. е. за шесть лет (из них Сухомлинов военным министром был пять лет) сделано столько, сколько не было сделано за все предыдущие двадцать лет.

Могут сказать, что надо было сделать еще больше, надо было добиться, чтобы наша промышленность была подготовлена к снабже-

нию армии во время войны; надо было принять меры, чтобы армия не ощущала недостатка в винтовках, орудиях, снарядах...

Да, конечно, всё это надо было сделать; особенно последнее. Но надо учесть и то, что *никто* не предвидел такого расхода в огнестрельных припасах и винтовках, который оказался в действительности; никто не предвидел, что война примет такой затяжной и позиционный характер.

Военный министр, конечно, во всем этом виновен. Но виновны, одинаково с ним, и бывшие начальники Генерального штаба, виновны генерал-инспектор артиллерии и начальник Главного артиллерийского управления. Если за это должен был сесть на скамью подсудимых военный министр, то надо было привлечь к судебной ответственности и тех, на непосредственной обязанности коих (и это было установлено законом) лежало определение норм запасов и их заготовление.

Но думаю, что если б допустить, что все эти лица были на высоте положения, если б они правильно рассчитали и определили потребность армии, то и тогда это не было бы выполнено. Не было бы выполнено потому, что на это потребовались бы громадные расходы, на покрытие которых не могли быть отпущены из государственного казначейства необходимые кредиты.

Сухомлинова можно и должно обвинить в том, что он не умел быть настойчивым, не умел ставить вопросы ребром; по-видимому, слишком держался он за свое место и слишком легко менял своих ближайших помощников, смена коих приносила безусловный ущерб делу.

Наконец, по вопросу о взяточничестве суд не нашел подтверждающих вину обстоятельств.

23 августа / 5 сентября 1915 г. Государь Император принял на себя обязанности Верховного Главнокомандующего и на должность начальника своего штаба назначил генерала Алексеева.

К зиме 1915 г. наступление противника на всем фронте было остановлено. Снабжение армии всем необходимым налаживалось, и была уверенность, что к началу весны 1916 г. армии, обеспеченные снарядами, будут готовы к переходу в наступление. Но наряду с успешной работой по усилению снабжения армии очень много говорилось о злоупотреблениях как со стороны органов, дающих заказы, так и со стороны поставщиков.

Была проверена деятельность фабрик, заводов и мастерских, получивших заказы. Действительно, выяснилось, что некоторые предприниматели получили заказы, которые они выполнить не могут. Доказать, что в этих случаях были какие-либо преднамеренно преступные деяния со стороны чинов главных довольствующих управлений, обязанных следить за тем, чтобы заказы давались в верные руки и исполнение

заказов было обеспечено, — было невозможно. Чувствовалось в некоторых случаях проявление злой воли, но формально всё было обставлено правильно. Пришлось ограничиться отчислением от должностей нескольких лиц, причастных к поставкам.

В феврале 1916 г. я получил сведения, что на одном из крупных заводов около Петрограда служит какой-то господин, получающий на заводе небольшое жалованье, но фактически играющий там видную роль и что будто бы только при его посредстве завод получает крупные заказы от Главного артиллерийского управления; что этот господин за эти заказы якобы получает от 2 до 3 % с суммы заказа.

Это сообщение казалось настолько неправдоподобным, что я сначала на него не обратил внимания, тем более что мне не могли назвать фамилию этого господина. Но затем эти же сведения дошли до меня из нескольких других источников, и была названа фамилия этого служащего.

Посоветовавшись с главным военным прокурором, я возбудил вопрос о назначении в мое распоряжение опытного гражданского следователя для разбора подобных дел. В мое распоряжение министром юстиции был назначен следователь по особо важным делам. Ему я и поручил обследовать полученные сведения.

Проходит недели две. На одном из докладов следователь мне говорит, что ничего определенного он выяснить не может; слухов много, но фактов нет. По его мнению, нужно было бы произвести обыск на квартире этого служащего на заводе.

— Если же ничего не найду, то возможен скандал. Поэтому прошу Вашего указания — рискнуть мне на производство этого обыска или нет, — добавил следователь.

Я ответил, что раз другого средства проверить поступающие сведения нет, то надо произвести обыск.

Дня через два следователь приходит ко мне и докладывает:

— В ночь на сегодня я обыск произвел. Этот господин был дома и был очень взволнован моим налетом. Я ничего пока не нашел. Но картина всё же очень странная. Квартира маленькая; очень бедно, нищенски обставлена. В письменном столе я нашел не уплаченные счета прачке, портному, в лавочку. Но в одном из ящиков того же стола оказалось более 200 000 рублей и чековая книжка одного из здешних банков. Этот господин и беден, и богат. Но больше, повторяю, ничего не нашел. Все письма, оказавшиеся в ящиках письменного стола, я взял на просмотр; пришел Вам доложить пока об этом и сейчас иду заканчивать просмотр писем.

На другой день следователь мне доложил, что найденные деньги вряд ли помогут что-либо открыть, так как по объяснению администт-

рации завода это деньги заводские, предназначенные для расплаты с поставщиками на завод различных материалов; что они положены на имя служащего, которому завод доверяет, и проведены по конторским заводским книгам.

— Но я всё же кое-что нашел, — сказал следователь.

— Что же именно?

— Среди писем оказалось одно очень интересное. Автор этого письма напоминает господину, у которого был произведен обыск, что с последнего он должен получить, как было условлено, 80 000 рублей, за то, что он был введен в один дом (указана известная в Петрограде фамилия), где он может встречаться с лицами, с которыми может вступить в деловые сношения.

Далее автор письма указывает, что уже два месяца прошло со дня, когда указанный господин был введен в этот дом, но что он не только не уплачивает условленной суммы, но и не отвечает на письма и уклоняется от встречи. Затем следует угроза, что если деньги не будут внесены, то он откроет, кому следует, все махинации этого господина. Свою фамилию автор письма подписал четко и указал даже свой адрес.

— Ну вот и отлично. Вызывайте автора этого письма и приступайте к следствию.

— А Вы не боитесь, что в это дело могут оказаться замешанными очень крупные лица и в результате мы с Вами попадем в грязную историю?

Я ответил следователю, чтобы он прежде всего вызвал автора этого письма, допросил его, а что затем всё дело будем докладывать военному министру.

Автор письма на допросе подтвердил всё, что им было написано, и дал целый ряд новых существенных показаний. Получилось действительно очень серьезное дело; мошенничество велось в очень крупном масштабе, и были, по-видимому, замешаны довольно крупные лица.

Военный министр дал указание, не трогая пока главных лиц, вести следствие так, чтобы первоначально выяснить всю картину мошеннической махинации. Затем, когда эта часть следствия будет закончена, то доложить всё Государю и после доклада привлечь к следствию главных деятелей.

Дело дальше пошло обычным порядком, но следствие несколько затянулось, так как действовать надо было осторожно, чтобы не спугнуть главных виновников. В течение февраля и марта военный министр несколько раз мне говорил, что он чувствует, что отношение к нему Государя меняется. Действительно, внезапно в конце марта 1916 г. генерал Поливанов был освобожден от должности военного министра; вместо него был назначен главный интендант генерал Шуваев.

Приехавший из Ставки генерал Шуваев вызвал меня к себе и, когда я пришел, начал с рассказа о том, как он совершенно неожиданно для него попал на должность военного министра; что он просил его не назначать, но что Государь категорически сказал, что отказываться он не может. Затем новый министр сказал мне, что знает о том, что я неоднократно просился на фронт и что если я не раздумал, то мне могут дать дивизию или корпус.

Я на это ответил, что так как я дивизией не командовал, то прошу дать мне именно дивизию и я с наслаждением уеду на фронт от тех гадостей и мерзостей, которые делаются в тылу.

В тот же день я послал телеграмму начальнику штаба Верховного Главнокомандующего с просьбой дать мне дивизию на Юго-Западном фронте, с которым я хорошо знаком. На другой же день я получил ответ с предложением принять одну из трех дивизий, начальники коих получали новые назначения. Я выбрал 32-ю пехотную дивизию. На мое место, помощником военного министра по части снабжения армии, был назначен член Государственного Совета и сенатор Гарин.

Воспользовавшись несколькими свободными днями, я составил и приказал отпечатать в нескольких экземплярах подробную записку, в которой изложил главнейшие недоразумения в связи со снабжением армии, а также историю последнего незаконченного следствия. В Петрограде эту записку я передал военному министру и моему заместителю.

Сенатор Гарин, ознакомившись с моей запиской, мне сказал:

— Все знакомые лица. Ведь Ваше расследование начинается, в сущности говоря, с того места, на котором я, после японской войны, принужден был прекратить свою сенаторскую ревизию о деятельности Главного артиллерийского управления. Я просто не знаю, что теперь и делать. Тут, наверно, сломаешь шею.

Я на это ответил, что это уж его дело и дело нового министра.

3 апреля 1916 г. состоялся приказ о моем назначении начальником 32-й пехотной дивизии. Я немедленно выехал к месту моей новой службы, но по дороге заехал в Ставку. Копии записки, переданной генералу Шуваеву и сенатору Гарину, я передал в Ставке генералу Алексееву и Дежурному генералу. Сделал я это с тем, чтобы как-нибудь записка не затерялась.

Впоследствии, уже будучи генерал-квартирмейстером Верховного Главнокомандующего, я спросил генерала Шуваева о судьбе моей записки, переданной ему и его помощнику. Генерал Шуваев ответил, что после обсуждения поднятого мною дела с сенатором Гариным они решили ему хода не давать. Опасение сенатора Гарина, по-видимому, нашло отклик у генерала Шуваева...

Глава IV

Из Ставки я проехал в Каменец-Подольск, где находился в то время штаб IX-й армии. При представлении командующему армией генералу Лечицкому я узнал, что приблизительно через месяц предположен переход в наступление и что на мою дивизию, вероятно, будет возложена серьезная задача.

Фронт IX-й армии почти совпадал с государственной границей между Россией и Австро-Венгрией. Левым своим флангом армия примыкала к Румынской границе. 32-я пехотная дивизия, которую я принял, стояла на позиции верстах в 20 к северу от Румынской границы.

Как я узнал от командира XI-го армейского корпуса, в состав которого входила моя дивизия, на наш корпус будет возложен прорыв австрийской позиции и что место прорыва выбирается особо назначенными офицерами Генерального штаба и артиллеристами, производящими подробную рекогносцировку позиции.

В двадцатых числах (по старому стилю) апреля участок позиции, который был намечен для прорыва, был выбран, и XI-й корпус был переведен на позицию против этого участка.

Выбранный для прорыва участок представлял из себя куртину между двумя очень сильно укрепленными высотами. С точки зрения тактики атаковать этот участок казалось безумием, ибо мы могли попасть в клещи, не взяв сильных опорных пунктов, бывших на флангах выбранного участка.

На выборе же его настояли артиллеристы (главным образом, полковник Кирей[156]), так как против него, на нашей стороне, были превосходные наблюдательные пункты, дававшие возможность видеть не только позицию противника, но и ее тылы. А так как для этой операции предположено было сосредоточить к участку атаки значительную тяжелую артиллерию, то и решили, что успех будет там, где будет возможность в полной мере воспользоваться силой артиллерийского огня.

Атака позиции противника первоначально предполагалась не позже 2/15 мая, но затем была отложена вследствие неготовности на других фронтах. Между тем положение итальянцев было очень тяжелое, и союзное командование настаивало на скорейшем переходе к активным действиям на русском фронте.

От начальника штаба IX-й армии генерала Санникова[157] я узнал, что Ставкой намечен следующий план действий. В день, который будет сообщен по телеграфу, должна быть произведена атака неприятельской позиции: на фронте IX-й армии на участке между Днестром и Румынской границей и на фронте VIII-й армии на Луцком направлении.

Затем через 4–5 дней несколько севернее Луцка, на Юго-Западном же фронте будет произведена атака позиций противника довольно сильной группой войск, там сосредоточенной. Еще через несколько дней будет произведена главная атака неприятельских позиций на Западном фронте, где для этой цели сосредоточены большие силы и главная масса имевшейся у нас тяжелой артиллерии.

Задача IX-й армии сводилась к тому, чтобы удержать перед собой все находящиеся перед фронтом армии австро-венгерские части, а если возможно, то заставить противника еще усилить свои части на этом фронте. Задача Северной группы Юго-Западного фронта заключалась в том, чтобы действиями в направлении на Львов заставить командование австро-венгерскими, а главным образом, германскими войсками, для спасения положения на этом направлении, снять часть войск с позиций, находящихся против войск нашего Западного фронта, после чего нанести решительный удар на участке Западного фронта (к западу от Молодечно).

Главный удар на фронте IX-й армии должен был быть произведен на участке позиции несколько к югу от Днестра, 32-й пехотной дивизией, на фронте которой была сосредоточена почти вся тяжелая артиллерия, бывшая в распоряжении командующего армией. Одновременно с атакой моей дивизии мои соседи, находившиеся севернее меня (11-я пехотная и Заамурская дивизии) должны были попытаться занять первую линию укреплений противника.

За моей дивизией, как ее ближайший резерв, находилась 19-я пехотная дивизия; а как общий резерв за Заамурской, 11-й, 32-й и 19-й пехотными дивизиями находились 12-я пехотная дивизия, Текинский конный полк и Донская казачья дивизия.

18/31 мая командир XI-го корпуса генерал граф Баранцев[158] получил приказание атаковать 22 мая / 4 июня. Командир корпуса немедленно собрал совещание, на которое были приглашены начальники дивизий с их начальниками штабов и старшие артиллерийские начальники. Цель совещания была окончательно договориться относительно деталей атаки.

На этом совещании начальник 19-й пехотной дивизии генерал Н. выступил с резкой критикой намеченного плана атаки. Он доказывал, что просто безумие атаковать куртину позиции, имеющую на флангах сильно укрепленные опорные пункты. Он говорил, что в лучшем случае нам удастся занять участок позиции, намеченный для атаки, но что затем части войск, его занявшие, — будут просто уничтожены. Что вся эта операция может закончиться катастрофой. Генерал Н. настаивал на том, чтобы план атаки был изменен и атаковался бы один из опорных пунктов.

После долгих споров и доказательств, что после произведенной уже подготовки атаки (в смысле размещения артиллерии, выбора и устройства наблюдательных пунктов и сближения с противником) менять план нельзя, ибо прежде всего нет времени, — было решено в плане атаки ничего не менять.

Начальник 19-й пехотной дивизии после этого передал командиру XI-го корпуса какой-то пакет, сказав: «Дабы в будущем остался для истории след, что я предупреждал о невозможности решаться на такую безумную атаку, я в представляемой Вам записке излагаю то, что я имел честь докладывать на словах». За два дня до атаки у генерала Н. пошли, кажется, камни печенью, и он подал рапорт о болезни. 19-я пех. дивизия, как мой ближайший резерв, была подчинена мне.

22 мая с рассветом началась артиллерийская подготовка. Ровно в 12 ч дня 32-я пех. дивизия и соседний к северу от дивизии Якутский полк 11-й пех. дивизии поднялись с окопов и пошли в атаку. Все три линии окопов противника были заняты, и уже через час стали прибывать пленные; все австрийцы, оставшиеся в живых на участке атаки, сдались в плен. В этот же день Заамурской дивизии удалось прорвать позицию противника и занять укрепленный замок около с. Окно.

Австро-венгерское командование к месту прорыва бросило все свои резервы, бывшие перед фронтом IX-й армии. С 23 мая / 5 июня против наших войск, прорвавших неприятельскую позицию, начались контратаки. Они продолжались 23/5, 24/6 и 25/7 мая–июня. Я ввел в дело почти полностью 19-ю пех. дивизию. Все контратаки отбивались, и 25 мая / 7 июня я стал вытягивать в резерв всё, что было можно, дабы привести в порядок сильно перемешавшиеся части войск.

Помню очень красивую контратаку, которую повела 25 мая / 7 июня бригада венгерской пехоты. Бригада пятью цепями вышла из леса. Командир бригады, в сопровождении адъютанта, проскакал перед фронтом бригады, указал шашкой направление движения, подъехал к холму с крестом, спешился, сел около креста и в бинокль стал рассматривать нашу позицию. Его бригада ровным шагом, совершенно открыто, не залегая, пошла в атаку.

Я приказал сосредоточить по этой бригаде огонь не только полевой, но и тяжелой артиллерии. Видно было, как снаряды стали обсыпать наступающих; цепи редели, но шли. Но вот цепи наступающих дрогнули, стали сбиваться в кучи, и через несколько минут всё побежало в разные стороны. Спаслось не много, а на месте боя, на холме около креста, продолжал сидеть командир бригады.

Ко мне подошел руководивший артиллерийской подготовкой полковник Кирей.

— Не прикажете ли дать две очереди шрапнелей по холму с крестом?

Я ответил:

— Нет, не надо.

Командир бригады поднялся и медленно пошел пешком по направлению к лесу...

В этот же день, перед самым заходом солнца, пришлось наблюдать исключительную для позиционной войны картину. В трубу я заметил накапливание за заводом, бывшим на окраине селения Добранаузцы, каких-то всадников. Я просто не поверил глазам: неужели готовится конная атака. Попросил посмотреть в трубу полковника Кирея. Он подтвердил, что за заводом действительно накапливается кавалерия. Предупредили несколько полевых батарей.

Через несколько минут из-за завода выскочили два эскадрона и карьером пошли на наши передовые части. После нескольких очередей шрапнелью эскадроны укрылись в лощине; затем опять появились и, будучи вновь обсыпаны шрапнелью, — рассыпались в разные стороны. Это была последняя контратака австрийцев.

С нашей стороны в дело была введена 12-я пехотная дивизия с Текинским конным полком. К 28 мая / 10 июня были взяты опорные пункты, бывшие перед фронтом моей и 11-й пех. дивизий, и австро-венгерцы в беспорядке стали отступать.

32-я пех. дивизия была двинута на Черновцы. 4/17 июня штурмом было взято предмостное укрепление у Черновцов (Зучка), а 5/18 июня были заняты Черновцы. Противник отступал по всему фронту IX-й армии.

На Луцком направлении 4-я стрелковая дивизия, под начальством генерала Деникина, 23 мая / 5 июня также прорвала фронт противника и с громадным успехом продвигалась вперед.

К 1/14 июня определился крупный успех почти по всему Юго-Западному фронту. Австро-венгерская армия опять была сломлена и стала отступать, оказывая очень слабое сопротивление. Задача, возложенная Ставкой на Юго-Западный фронт, не только была выполнена, но успех, здесь достигнутый, превзошел все ожидания.

Итальянская армия была спасена. Атаки австро-венгерской армии на ее фронте прекратились, и корпуса австро-венгерской армии с Итальянского фронта стали спешно перебрасываться против нашего Юго-Западного фронта, чтобы восстановить уже почти не существующий Восточный фронт.

Германское главнокомандование, отлично сознавая, что австро-венгерские армии не будут в силах остановить наступление армий генерала Брусилова, принуждено было вновь спасать положение своей союзницы и стало спешно перебрасывать на фронт против армий

генерала Брусилова сначала отдельные полки, которые вкрапливались среди австро-венгерских войск, а затем дивизии и целые корпуса.

На фронте IX-й армии германские части стали появляться с 20-х чисел июня / первых числе июля. Сопротивление противника не только стало усиливаться, но местами он стал переходить в контрнаступление.

IX-я армия дошла своим правым флангом до Станиславова, левым, заняв Буковину, втягивалась в Карпаты. Но потери армии были очень большие; потери солдат пополнялись из запасных батальонов; потери же в офицерском составе почти не пополнялись. В моей дивизии в ротах оставалось по 1, по 2 офицера. Мы изнемогали, истекали кровью, но получали приказание идти вперед.

Ясно было, что первоначальный план Ставки был изменен. Мы ничего не слышали об активных действиях Западного фронта, а наоборот, получались сведения об упорных боях, которые развивались на правом фланге Юго-Западного фронта, к которому подвозились корпуса с Западного фронта. Мы, в IX-й армии, не понимали, что происходит. Усилили и нас, но было уже поздно. Наше наступление в середине июня захлестнулось, и началась опять позиционная борьба.

Уже позже, будучи начальником штаба X-й армии и генерал-квартирмейстером Верховного Главнокомандующего, я узнал, что за несколько дней до назначенной атаки позиций противника на Западном фронте главнокомандующий фронтом генерал Эверт сообщил по прямому проводу начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу Алексееву, что позиции противника чрезвычайно сильны, что тяжелой артиллерии, назначенной в его распоряжение, совершенно не достаточно, что за успех он не ручается, что он просит отложить переход в наступление до более благоприятного времени — когда его еще усилят тяжелой артиллерией. Прося об этом доложить Верховному Главнокомандующему, генерал Эверт добавил, что если переход в наступление не будет отменен, то он слагает с себя всякую ответственность за последствия, которые могут произойти.

К этому времени стал определяться совершенно неожиданный крупный успех на Юго-Западном фронте. Генерал Алексеев доложил обстановку Государю Императору и было решено от предполагавшегося и уже подготовленного главного удара на участке Западного фронта отказаться и начать переброску корпусов с этого фронта на Юго-Западный для развития достигнутого там успеха, а также намечено было развить активные действия на южном участке Западного фронта, примыкавшем к Юго-Западному фронту.

На это решение, по-видимому, до некоторой степени повлияли и переговоры с Румынией, которая соглашалась на выступление против Германии при непременном условии усиления ее войск несколькими

русскими корпусами. А снять эти корпуса можно было лишь с Западного фронта — при условии отказа от перехода в наступление на этом фронте.

Что же в результате получилось? Германцы, обладая несравненно более мощными железными дорогами, сумели гораздо скорее нас подвезти свои корпуса к угрожаемым пунктам на нашем Юго-Западном фронте и к концу июля захватили инициативу в свои руки; уже нам пришлось, не думая о нанесении сильного удара противнику, парировать его удары, которые он начал наносить в различных местах. Войска Юго-Западного фронта, начав наступление с громадным успехом и не поддержанные своевременно, что называется, выдохлись, потеряли порыв вперед и постепенно стали окапываться и переходить к занятию новых укрепленных позиций.

Германия вновь спасла Австро-Венгрию, но и войска центральных держав, отбив наши атаки и задержав наше наступление, также не могли развить дальнейших активных действий и стали спешно устраивать укрепленные позиции против армий Юго-Западного фронта. К осени бои по всему фронту замерли, и стало ясно, что новые крупные операции могут возобновиться лишь с весны 1917 г.

Таким образом, хорошо задуманная и блестяще начатая операция была сорвана из-за колебания главнокомандующего Западного фронта в возможности выполнить возложенную на него задачу и в неумении штаба Верховного Главнокомандующего настоять на невозможности менять принятое решение в то время, когда операции на Юго-Западном фронте, связанные с задачей, возложенной на Западный фронт, уже начались.

Хотя, как я уже отметил, успехи Юго-Западного фронта в течение лета 1916 г. спасли итальянскую армию, но в общем итоге они не достигли тех результатов, которые были бы достигнуты — если бы задуманная операция была доведена до конца.

Неудача операции лета 1916 г. имела своим последствием не только то, что этим затягивалась вся кампания, но кровопролитные бои этого периода очень дурно отразились и на моральном состоянии войск.

После неудач 1915 г. русская армия хотя и понесла очень большие потери и принуждена была отойти по всему фронту, но морально армия не была побеждена. Все неудачи объяснялись исключительно недостатками материальной части, и армия, приведенная в порядок, пополненная и снабженная боевыми припасами, верила в себя — была уверена в победе над врагом.

Страшно упорные и кровопролитные бои на Юго-Западном фронте ни к каким существенным результатам не привели. Потери в офицерском составе были очень велики. Начался третий год кампании,

предвиделась третья тяжелая зима в окопах. У многих закрадывалось сомнение в конечном успехе, которого не могли добиться уже и при наличии снарядов и тяжелой артиллерии.

Замечалось переутомление даже среди лучших строевых штаб-офицеров. Очень многие, даже Георгиевские кавалеры, старались устроиться где-нибудь в тылу на более спокойных местах, а не оставаться на зиму в окопах. Пришлось принимать ряд мер, чтобы пресечь уход из строя в тыл.

Укомплектования, прибывавшие к концу лета 1916 г. из запасных батальонов, по своим моральным качествам были много хуже всех предыдущих. Ясно чувствовалось, что в тылу, в запасных батальонах начинается пропаганда против продолжения войны. К осени 1916 г. и в некоторых корпусах, бывших на фронте, открыты были случаи пропаганды против командного состава и за прекращение войны; было несколько случаев неисполнения отдельными ротами и батальонами боевых приказов.

Конечный неуспех летней кампании 1916 г. произошел в значительной степени и из-за недостатка технических средств. Конечно, главнокомандующий Западного фронта виновен в том, что он, уже в период начавшейся операции на Юго-Западном фронте и лишь за несколько дней до начала возложенной на него операции, выразил сомнение в возможности достигнуть успеха, но этого не случилось бы — если б в его распоряжении были действительно достаточные технические средства.

Громадные потери на Юго-Западном фронте и неуспех операций на северных участках этого фронта также объясняются недостатком артиллерии и неимением танков. Артиллерия противника по своей силе часто превосходила нашу, и войска бросались в атаку на проволочные заграждения, которые не были предварительно разрушены. На своих заводах мы не могли приготовить танки (было изготовлено всего 12 штук машин, жалких подобий на танки, которые оказались в бою не годными) и не могли дать армии достаточного числа батарей тяжелой артиллерии.

Нельзя не упрекнуть наших союзников в том, что они нам не прислали к лету 1916 г. некоторого количества танков и не приняли достаточных мер для лучшего снабжения нас вообще техническими средствами в мере действительной необходимости. Если б к лету 1916 г. у нас были достаточные технические средства, то результаты боев были бы совершенно иные, а это, конечно, отразилось бы и на фронтах наших союзников.

Осень 1916 г. застала меня с дивизией в Карпатах. 1/14 октября я получил предложение принять должность начальника штаба Х-й армии (на Западном фронте) и, сдав дивизию, немедленно выехал в Молодечно (к западу от Минска), где находился штаб армии.

Через несколько дней после моего приезда к новому месту службы я был вызван в Минск в штаб фронта. Начальник штаба фронта сказал, что необходимо срочно подготовить все необходимые соображения по двум операциям. Первая намеченная операция должна была состояться зимой, с целью выровнить и улучшить положение нашего фронта к югу от озера Нароч. Вторая же крупная операция намечалась весной 1917 г.; предположено было в районе Сморгони и к югу сосредоточить до 14 корпусов с целью прорвать фронт противника и первоначально выдвинуться к Вильно.

На меня возлагалось поручение не только составить соображения по тактической подготовке обеих операций, но и представить подробно разработанный план по подготовке и оборудованию тыла для второй крупной операции.

Что касается первой небольшой операции, то, насколько мне было известно, эти соображения составлялись уже неоднократно и имелись в штабе фронта. Что же касается большой операции, то она, в сущности говоря, была та же операция от приведения в исполнение которой весной 1916 г. отказался главнокомандующий Западным фронтом. Следовательно, и по этой операции все необходимые данные должны были находиться в штабе фронта.

Я сомневался, что Ставка найдет возможным к весне 1917 г. собрать такой большой кулак в районе Западного фронта. Поэтому я выразил сомнение в целесообразности выполнять такую громадную работу, которая будет носить чисто академический характер; будет являться почти полностью повторением прежних работ и вряд ли в действительности будет осуществлена. Но от имени главнокомандующего я получил приказание приступить к работе и выполнить ее в полном объеме.

Вернувшись в Молодечно, я доложил обо всем командующему X-й армией генералу Цурикову[159] и просил его разрешить мне, прежде чем я приступлю к работе, объехать весь фронт армии и ознакомиться с позициями противника.

Получив разрешение, я приступил к объезду и изучению фронта. При объезде фронта армии я обратил внимание на ряд неправильностей и недочетов, которые требовали изменений. Прежде всего, по сравнению с тем, что было в IX-й армии, меня поразило слишком большое удаление штабов корпусов от позиций. Один корпусный командир, устроившись в отличном помещичьем доме, даже выписал свою жену и жил совсем в обстановке мирного времени.

В полках, стоявших на позициях, было много больных цингой; врачи объясняли это климатическими условиями и сыростью в окопах. Между тем в IX-й армии, где весной и осенью войска на позициях были в отвратительных условиях, случаев заболевания цингой не было.

Конечно, здесь должна была играть роль разница в климате, но мне казалось, что должна быть и какая-нибудь другая непосредственная причина.

Находясь на позициях, я выяснил, что горячую пищу к позициям подвозят только после захода солнца с наступлением темноты, так как днем, из-за артиллерийского огня противника, подвезти походные кухни к позициям не представлялось возможным. В роты пища попадала часто к 9–10 ч вечера, когда многие солдаты уже ложились спать и не хотели есть. Выяснилось, что громадный процент солдат горячей пищей совершенно не пользуется. Доктора, с которыми я переговорил, согласились, что это и есть главная причина развития цинги.

Если бы на фронте IX-й армии командующий армией генерал Лечицкий узнал, что в каком-нибудь полку на позициях люди не получают горячей пищи, то и командир полка, и начальник дивизии были бы немедленно смещены. Даже во время боев в Карпатах, при самых тяжелых условиях, при первой к тому возможности доставляли горячую пищу днем в самые передовые части. Было установлено, как правило, что кухни должны устраиваться возможно ближе к позициям и там, где горячую пищу подвезти к позициям было нельзя, — она подносилась в особых герметически закрываемых ящиках (1–2 ведра), обмотанных жгутами из соломы и обшитых сукном. Эти ящики как ранцы надевались на солдат, которые и доставляли их куда надо, причем с таким ранцем на спине несущий его солдат мог, если можно, пробираться хоть ползком.

В конце октября ко мне пришел представитель при X-й армии Всероссийского Земского союза В. В. Вырубов и спросил, правда ли, что от начальника штаба Верховного Главнокомандующего получено распоряжение о принятии мер к сокращению или прекращению деятельности на фронте Земского союза.

Действительно, от генерала Алексеева через штаб фронта было получено приказание, в котором указывалось, что вследствие поступающих сведений о том, что многими учреждениями Всероссийского Земского союза ведется революционная пропаганда, необходимо установить за этими учреждениями самое строгое наблюдение; в случае открытия фактов, подтверждающих эти сведения, не останавливаться перед закрытием деятельности этих учреждений и немедленно принять вообще меры к сокращению деятельности Земского союза в районах расположения войск.

Это требование в части, касающейся «сокращения деятельности», привести в исполнение было просто невозможно, так как нельзя было закрывать санитарно-медицинские учреждения (лазареты, передовые и дезинфекционные отряды, бани), ряд питательных пунктов и орга-

низацию по тыловым позиционным работам. Уже был послан ответ, что это требование, в смысле сильного сокращения учреждений Земского союза, привести в исполнение нельзя; что если будут выясняться случаи революционной пропаганды, то виновные будут немедленно привлекаться к ответственности по законам военного времени; что будет лишь закрыта часть питательных пунктов и чайных.

Я сказал В. В. Вырубову, что такого категорического приказания о прекращении или сокращении деятельности Всероссийского Земского союза не получалось. А что некоторое сокращение питательных пунктов и чайных безусловно необходимо, о чем я еще раньше с ним говорил.

В октябре до нас дошли слухи, что начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев серьезно заболел и временно будет замещен генералом Василием Иосифовичем Гурко.

Во время одной из моих поездок на фронт, если не ошибаюсь, 20 октября / 2 ноября, я получил из Ставки, за подписью генерала Гурко, телеграмму с предложением срочно приехать в Могилев.

На другой же день я выехал из Молодечно. Приехав в Могилев, прямо с вокзала, в 8 ч утра я поехал в штаб. Генерал Гурко меня сейчас же принял и предложил мне принять должность генерал-квартирмейстера Верховного Главнокомандующего.

Я ответил, что мне нужно прежде всего знать, известно ли о том, что мне предлагается эта должность, генералу Алексееву, с которым мне придется в случае его выздоровления продолжать совместную службу.

Генерал Гурко мне ответил, что генералу Алексееву это известно и что Государю Императору он также докладывал о моем предполагаемом назначении; что Его Величество согласен и что он, генерал Гурко, представит меня Государю в это же утро, перед своим докладом о положении дел на фронте. Разговаривать больше не приходилось, и я поблагодарил за сделанное мне предложение.

После представления Государю я попросил разрешения у генерала Гурко вернуться в штаб X-й армии, сдать дела генерал-квартирмейстеру штаба армии и взять свои вещи. Получив разрешение, я в тот же день выехал в Молодечно; через несколько дней, вернувшись в Могилев, принял должность генерал-квартирмейстера Верховного Главнокомандующего.

С особым удовольствием вспоминаю совместную службу с генералом Гурко. Он поразительно быстро схватывал суть дела, давал всегда вполне определенные и ясные указания. При этом он не вмешивался в мелочи и в пределах поставленной задачи предоставлял своим ближайшим помощникам вполне самостоятельно вести работу. Кроме того, он всегда вызывал своих помощников на проявление ими личной

инициативы, и если вновь высказываемую мысль или замечание против указания, даваемого генералом Гурко, докладчик умел правильно и обоснованно подтвердить, то он соглашался и никогда не упорствовал на своем первоначальном указании.

К осени 1916 г. в число воюющих держав вступила Румыния. Но армия ее оказалась настолько слабой и неподготовленной к войне, так плохо снабженной материально, что вступление Румынии не усилило наш фронт, а ослабило. Нам пришлось создать новый Румынский фронт и сосредоточить там три армии. На образование этого фронта пришлось снять корпуса с других фронтов и в результате, сильно увеличив наш общий фронт, мы были лишены возможности сосредоточить на каком-либо определенном направлении большие силы, сильный кулак.

Кроме значительной текущей работы по оперативной части, генерал-квартирмейстерская часть была занята подготовкой к конференции с представителями союзного командования, ожидавшейся в Петрограде в январе 1917 г., и к подготовке крупных операций, намечавшихся весною 1917 г.

Неуспех русских армий в 1915 г. естественно нарушил согласованность действий с нашими союзниками. Кампанию 1916 г., если бы она была обдумана совместно между нашим и французским главнокомандованиями, вероятно, можно было провести более целесообразно. Правда, как мною уже указывалось, успехи Юго-Западного фронта и угроза нашего вторжения на территорию Австро-Венгрии спасли в 1916 г. Италию, но недостаточная продуманность операций на нашем фронте и несогласованность их с операциями на англо-французском фронте, дали возможность германскому командованию еще раз спасти от разгрома австро-венгерскую армию, остановить наше наступление и к концу кампании 1916 г., захватив инициативу в свои руки, — создать серьезную угрозу нашему левому флангу на Румынском фронте.

Последнее заставило нас направить на юг всё, что было возможно, и отказаться от каких-либо мало-мальски серьезных активных операций на всем остальном фронте.

Французское главное командование совершенно правильно оценивало обстановку и настаивало на том, чтобы были выработаны основания для полной согласованности в действиях на всех фронтах: англо-французском, итальянском и русском.

Были предположения о возможности признать французское главное командование за Верховное и ему подчинить действия на всех фронтах. Против этого предположения были возражения в том смысле, что французское главное командование, находясь слишком далеко и фактически лишенное возможности быть в курсе всего про-

исходящего на русском фронте, не будет в силах принимать всегда правильные решения, а ошибочные решения могут повлечь за собой катастрофические последствия.

Но, не отрицая необходимости строго обдумать и согласовать план кампании 1917 г., на которую надеялись как на решающую всю войну, русское Верховное командование придавало ожидавшейся конференции союзников чрезвычайно серьезное значение. Надеялись, что будет выработан общий план действий и согласовано время для начала общих операций.

Для серьезной операции в кампанию 1917 г. требовалось образовать по меньшей мере две сильные группы, которые могли бы, прорвав фронт противника, развить наступление. Затем необходимо было снять из окопов часть кавалерии (стоявшей в окопах на пассивных участках), дабы после прорывов позиций противника ее употребить для развития достигнутых успехов.

Между тем все главнокомандующие фронтами, указывая на особое значение в стратегическом отношении именно их фронтов, ходатайствовали об усилении их войск в случае возложения на них активных задач и протестовали против дальнейшего их ослабления для усиления других фронтов, указывая, что в противном случае при переходе противника в наступление, — они не ручаются за возможность удержать свои позиции.

Вследствие всего этого пришлось подумать о необходимости срочно увеличить армию и создать значительное число новых дивизий и артиллерийских бригад, выделив необходимые кадры из действующих частей. Эти новые пехотные дивизии, естественно, не могли быть особенно прочными и надежными в боевом отношении, но признавалось, что на второстепенных, пассивных участках, в укреплениях и при поддержке достаточно сильной артиллерии они свою задачу выполнят.

Создание же новых дивизий давало возможность произвести на фронте необходимую перегруппировку и выделить достаточно сильные группы для активной кампании 1917 г. Но намеченная и начавшая проводиться в жизнь мера по увеличению армии не давала возможности начать операции в 1917 г. ранней весной. Нужно было время не только на создание новых частей, а и на некоторое их обучение и спайку.

В начале декабря 1916 г. поступили сведения, что Германия предлагает Державам Согласия вступить в переговоры о мире. Это предложение нами и нашими союзниками было отвергнуто. Германия уже сознавала, что дальнейшее продолжение войны не даст ей не только полной победы, но может повести к поражению.

В ответ на это предложение Германии вступить в переговоры о мире Государем был отдан следующий приказ:

Приказ Государя Императора по армии и флоту
12/25 декабря 1916 г.

Среди глубокого мира, более двух лет тому назад Германия, втайне издавна подготовлявшаяся к порабощению всех народов Европы, внезапно напала на Россию и ее верную союзницу Францию, что вынудило Англию присоединиться к нам и принять участие в борьбе. Проявленное Германией полное пренебрежение к основам международного права, выразившееся в нарушении нейтралитета Бельгии, и безжалостная жестокость германцев в отношении мирного населения в захваченных ими областях понемногу объединили против Германии и ее союзницы Австрии все великие державы Европы.

Под натиском германских войск, до чрезвычайности сильных своими техническими средствами, Россия, равно как и Франция, вынуждены были в первый год войны уступить врагу часть своих пределов, но эта временная неудача не сломила духа ни наших верных союзников, ни в вас, доблестные войска Мои. А тем временем, путем напряжения всех сил государства, разница в наших и германских технических средствах постепенно сглаживалась. Но еще задолго до этого времени, еще с осени минувшего 1915 г. враг наш уже не мог овладеть ни единой пядью Русской земли, а весной и летом текущего года испытал ряд жестоких поражений и перешел на всем нашем фронте от нападения к обороне.

Силы его, видимо, истощаются, а мощь России и ее доблестных союзников продолжает неуклонно расти. Германия чувствует, что близок час ее окончательного поражения, близок час возмездия за все содеянные ею правонарушения и жестокости. И вот — подобно тому, как во время превосходства в своих боевых силах над силами своих соседей Германия внезапно объявила им войну, так теперь, чувствуя свое ослабление, она внезапно предлагает объединившимся против нее в одно неразрывное целое союзным державам вступить в переговоры о мире. Естественно желает она начать эти переговоры до полного выяснения степени ее слабости, до окончательной потери ее боеспособности. При этом она стремится для создания ложного представления о крепости ее армии использовать свой временный успех над Румынией, не успевшей еще приобрести боевого опыта в современном ведении войны. Но если Германия имела возможность объявить войну и напасть на Россию и ее союзницу Францию в наиболее неблагоприятное для них время, то ныне окрепшие за время войны союзницы, среди коих теперь находится могущественнейшая Англия и благородная Италия, в свою очередь имеют возможность приступить к мирным переговорам в то время, которое они сочтут для себя благоприятным. Время это еще не наступило, враг еще не изгнан из захваченных им областей. Достижение Россией созданных

войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей еще не обеспечено. Заключить ныне мир значило бы не использовать плодов несказанных трудов ваших, геройские русские войска и флот.

Труды эти, а тем более священная память погибших на полях доблестных сынов России, не допускают и мысли о мире до окончательной победы над врагом, дерзнувшим мыслить, что если от него зависело начать войну, то от него же зависит в любое время ее окончить.

Я не сомневаюсь, что всякий верный сын Святой Руси, как с оружием в руках вступивший в ряды славных моих войск, так равно и работающий внутри страны на усиление ее боевой мощи или творящий свой мирный труд, проникнут сознанием, что мир может быть дан врагу лишь после изгнания его из наших пределов, только тогда, когда окончательно сломленный, он даст нам и нашим верным союзникам прочные доказательства невозможности повторения предательского нападения и твердую уверенность, что самой силою вещей он вынужден будет к сохранению тех обязательств, которые он на себя примет по мирному договору.

Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе, и Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир, достойный ваших геройских подвигов, славные войска Мои, мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память.

Николай.

Этот приказ и по слогу, и по характеру изложения совершенно не подходит к обыкновенным Высочайшим приказам, но составитель его, начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Гурко, руководствуясь общими указаниями Государя, хотел ясно и полно указать причины, по которым в этот период нельзя было и думать о каком-либо мире с Германией.

Надо было учесть, что в некоторых частях уже чувствовалось утомление войной и в тылу все более и более развивалась пропаганда за прекращение борьбы.

Обращает на себя внимание в приказе указание о создании после войны свободной Польши. Это заявление от Царского имени было сделано впервые. Об этом, по-видимому, многие забыли, так как в прессе неоднократно делались указания, что о создании свободной Польши было заявлено впервые Временным правительством после мартовской революции.

В связи с данными об усилении пропаганды за прекращение войны, которая по имевшимся сведениям велась главным образом гер-

манскими шпионскими организациями, начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев еще летом 1916 г. испросил Высочайшее соизволение на предоставление ему права производить необходимые расследования не только в районе, подведомственном Ставке Верховного Главнокомандующего, но и в глубоком тылу, где, по положению, действовали органы, подведомственные министрам.

Основанием для испрошения подобного права послужили следующие мотивы. Некоторые дела о шпионаже, возникшие на фронте, указывали на непосредственную их связь с деятельностью шпионских организаций в глубоком тылу. Опыт показал, что передача ведения дел по тылу другим следственным органам, не подчиненным Ставке, нарушала цельность работы и, по мнению генерала Алексеева, вредно отражалась на ходе всего следственного производства. Кроме того, по сведениям, имевшимся у генерала Алексеева, в тылу начала развиваться преступная деятельность спекулянтов, работавших явно во вред армии. Были даже сведения, что некоторые спекулянты находились в связи с германскими агентами.

Генерал Алексеев решил, под личным своим наблюдением, разоблачить деятельность нескольких таких господ и судить их по законам военного времени. В распоряжении генерала Алексеева была следственная комиссия генерала Батюшина[160], которому генерал Алексеев вполне доверял.

Эта комиссия работала на Северном фронте и в своем составе имела нескольких очень опытных лиц (в ее же составе, как потом выяснилось, были и очень вредные элементы). Генерал Алексеев давал отдельные поручения генералу Батюшину, который ему же представлял отчет о деятельности своей комиссии по выполнению возложенных на нее задач.

В бытность мою генерал-квартирмейстером, во время болезни и отсутствия из Ставки генерала Алексеева, генерал Батюшин занимался расследованием двух дел, о которых осенью и зимой 1916 г. очень много говорили везде — и на фронте, и в тылу.

Первое дело касалось деятельности одного довольно известного в Петрограде банкового деятеля Р. Он обвинялся в злостной спекуляции, которая вредит армии, и были сведения, что он своей деятельностью способствует нашим врагам.

Другое дело касалось группы сахарозаводчиков Юго-Западного края, получивших разрешение на вывоз сахара в пределы Персии (г-да Д. Б. и Г.). Во время войны курс нашего рубля в Персии катастрофически падал. Единственной действительной мерой, чтобы его поднять, казалась отправка в пределы Персии достаточного количества сахара. Сахар было разрешено отправить нескольким сахарозаводчикам Юго-

Западного края. Отправлено сахара было много, но это нисколько не изменило курса нашего рубля.

При расследовании этого вопроса получились данные, что сахар через таможни в Персии прошел в сравнительно незначительном количестве, а остальной сахар куда-то исчез. Затем были получены сведения, что значительное количество сахара выгружалось на других станциях Закавказской железной дороги и переотправлялось в Персию через границу вне таможенных постов. На персидском рынке сахар появлялся в очень незначительном количестве. Из Персии же были получены сведения, что русский сахар в очень большом количестве проходит через Персию только транзитным путем, а, попадая в Турцию, — направляется в Германию.

Оба дела возбудили очень большой шум. Лица, к коим были предъявлены обвинения, были арестованы. Но в конце декабря 1916 г., после усиленных ходатайств за обвиняемых сахарозаводчиков съездом сахарозаводчиков Юго-Западного края, доказывавшим полную неосновательность предъявленных обвинений, и после ходатайств различных лиц за банкира Р., — последовало Высочайшее повеление об освобождении их из-под ареста и прекращении о них дел в порядке военного судопроизводства.

В связи с подготовкой к активным операциям весной 1917 г. и необходимостью принять решение о выборе направления главного удара, а также для выработки необходимых данных для обсуждения их с представителями союзного командования на предстоявшей конференции, на 17/30 декабря 1916 г. в Ставку Верховного Главнокомандующего были вызваны главнокомандующие Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского (помощник главнокомандующего) фронтов с их начальниками штабов.

Заседания состоялись 17/30 и 18/31 декабря под председательством Государя Императора. Главный удар решено было нанести на Юго-Западном фронте. На этом фронте остановились вследствие того, что по климатическим условиям там можно было начать операции раньше, чем на Западном и Северном фронтах, позиции противника там были более слабые и рассчитывали, что на этом фронте после прорыва позиции противника можно будет достичь более решительных результатов. После успеха на Юго-Западном фронте намечено было перейти в наступление и на других фронтах.

18/31 декабря была получена в Ставке телеграмма об убийстве Распутина. Должен констатировать, что все в Ставке встретили эту весть радостно. «Наконец-то избавились от Распутина», — таков был общий голос.

Государь 18/31 декабря выехал в Царское Село. С этого времени мы все жили в какой-то напряженной атмосфере. Чувствовалось, что надвигаются какие-то события. Продолжительное отсутствие из Ставки Государя, хотя на фронте было сравнительно спокойно, создавало ненормальное положение вещей и всех нервировало. Циркулировали упорные слухи, что Государь в Ставку не вернется и состоится назначение нового Главнокомандующего. Говорили о возможности назначения Великого князя Николая Николаевича.

В конце декабря в Ставку приехал помощник военного министра генерал Беляев. Он мне сказал, что ему стало очень трудно работать совместно с генералом Шуваевым и что он решил просить о назначении его в строй. Что Государь уже выразил на это согласие, а пока на него возложено особое поручение, связанное с поездкой в Румынию. Что он приехал в Ставку получить необходимые справки и затем отправится в Яссы. Нужные справки ему были даны, и он на другой же день уехал.

Вслед за его отъездом была получена телеграмма из Петрограда об освобождении генерала Шуваева от должности военного министра. Несколько позже была получена вторая телеграмма о том, что Государь приказал вернуть с дороги генерала Беляева и передать ему, чтобы он срочно прибыл в Петроград. Для нас стало ясно, что генерал Беляев предназначается на пост военного министра. Генералу Беляеву была послана телеграмма, и через два дня он был в Могилеве по пути в Петроград.

С дороги он прислал телеграмму, прося меня приехать на вокзал к поезду. Он прежде всего спросил, нет ли каких-либо данных, объясняющих причину его вызова в Петроград. Я ответил, что всё совершенно ясно и что ему предложено будет быть военным министром. Он тогда меня спросил, не соглашусь ли я быть его помощником, если его назначение действительно осуществится. Я категорически отказался, сказав, что с меня достаточно и того, что я уже испытал в положении помощника военного министра.

Через два дня была получена из Петрограда телеграмма о назначении генерала Беляева военным министром. По-видимому, причина замены генерала Шуваева генералом Беляевым заключалась в том, что при Дворе не считали генерала Шуваева достаточно решительным, а напряженное состояние после убийства Распутина и ожидание каких-то новых осложнений заставляло подумать о назначении на должность военного министра человека, в энергию которого верили и который мог бы в случае надобности сохранить порядок в тылу и пресечь всякие попытки его нарушения. Генерал Беляев был до этого времени представителем военного ведомства в комитете, где председательницей была Императрица Александра Федоровна, и пользовался полным ее доверием.

Сведения, приходившие из Севастополя о состоянии здоровья генерала Алексеева, давали основание предполагать, что он не вернется на должность начальника штаба. Но около середины / конца февраля была получена телеграмма, что генерал Алексеев возвращается. Вернулся он в Ставку, если не ошибаюсь, 18 февраля / 3 марта 1917 г. Вслед за ним 24 февраля / 9 марта вернулся в Ставку Государь Император.

Глава V
Государственный переворот

Вернувшийся из Крыма в феврале 1917 г. генерал Алексеев чувствовал себя очень слабым, и мы советовали ему себя не переутомлять и позволить ему докладывать лишь наиболее серьезные вопросы. Но он нас не послушал и немедленно взвалил на себя всю громадную текущую работу, знакомясь подробно, одновременно с этим, со всей перепиской по штабу, бывшей во время его отсутствия. Через несколько дней это отразилось на его здоровье и появилась еще большая слабость и повышенная температура. Доктора потребовали, чтобы он в течение дня лежал несколько часов.

25 февраля / 10 марта была получена из Петрограда телеграмма от военного министра генерала Беляева, что на заводах в Петрограде объявлена забастовка и что среди рабочих на почве недостатка в столице продуктов начинаются беспорядки. В телеграмме было добавлено, что меры к прекращению беспорядков приняты и что ничего серьезного нет.

В тот же день была получена вторая телеграмма от генерала Беляева, в которой сообщалось, что рабочие на улицах поют революционные песни, выкидывают красные флаги и что движение разрастается. Заканчивалась телеграмма указанием, что к 26 февраля / 11 марта беспорядки будут прекращены.

26 февраля / 11 марта генерал Беляев и Главный начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов уже доносили, что некоторые из войсковых частей, вызванных для прекращения беспорядков, отказываются употреблять оружие против толпы и переходят на сторону бунтующих рабочих и черни, которая начинает присоединяться к рабочим.

Генерал Беляев продолжал успокаивать, сообщая, что все меры для прекращения беспорядков приняты и что он уверен, что они будут подавлены. Генерал Хабалов сообщал более тревожные данные и просил о присылке подкреплений, указывая на ненадежность Петроградского гарнизона.

Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко прислал очень тревожную телеграмму, указывая, что начинаются в войсках аресты офицеров, что войска переходят на сторону рабочих и черни, что

положение крайне серьезно и что необходима присылка в Петроград надежных частей.

Генерал Алексеев, после доклада Государю Императору, послал телеграммы Главнокомандующим Северного и Западного фронтов с указанием немедленно приготовить для отправки в Петроград по одной бригаде пехоты с артиллерией и по одной бригаде конницы. Было указано поставить во главе отправляемых бригад энергичных генералов.

26 февраля / 11 марта вечером и утром 27 февраля / 12 марта были получены телеграммы от Председателя Государственной Думы на имя Государя Императора, в которых в очень мрачных красках описывалось происходящее в Петрограде и указывалось, что единственный способ прервать революцию и водворить порядок — это немедленно уволить в отставку всех министров, объявить манифестом, что кабинет министров будет ответственен перед Государственной Думой, и поручить сформирование нового кабинета министров какому-либо лицу, пользующемуся доверием общественного мнения.

Генерал Алексеев доложил эти телеграммы Государю, который приказал вызвать генерал-адъютанта Н. И. Иванова (жил в Могилеве) и поручить ему отправиться в Петроград и принять руководство подавлением мятежа. Приказано было с генералом Ивановым послать какую-нибудь надежную часть. Генерал Алексеев вызвал генерала Иванова, передал ему приказание Государя и сказал, что вместе с ним из Могилева будет отправлен Георгиевский батальон.

Насколько не придавалось серьезного значения происходившему в Петрограде показывает то, что с отправкой войск с Северного и Западного фронтов не торопились. Что касается генерала Иванова, то и он, по-видимому, считал, что всё закончится скоро и мирно, так как поручил своему адъютанту купить в Могилеве провизию, которую собирался отвезти своим знакомым в Петроград.

27 февраля / 12 марта, около двенадцати часов, генерала Алексеева вызвал к прямому проводу Великий князь Михаил Александрович. Великий князь сообщил генералу Алексееву те же данные, которые были изложены в телеграммах председателя Государственной Думы, и просил начальника штаба Верховного Главнокомандующего немедленно доложить Государю, что и он считает единственным выходом из создавшегося положения — срочно распустить нынешний состав Совета министров, объявить о согласии создать ответственное перед Государственной Думой правительство и поручить сформировать новый кабинет министров или председателю Всероссийского Земского союза князю Львову, или председателю Государственной Думы Родзянко.

Генерал Алексеев пошел с докладом к Государю Императору. Государь выслушал и сказал начальнику штаба, чтобы он передал Великому

князю, что Государь его благодарит за совет, но что он сам знает, как надо поступить.

Вслед за этим была получена новая телеграмма — от председателя Совета министров. Князь Голицын, указывая, что события принимают катастрофический оборот, умолял Государя немедленно уволить в отставку Совет министров. Он указывал, что вообще существующий состав министров теперь оставаться у власти не может, а нахождение в его составе Протопопова вызывает общее негодование и возмущение. Что для спасения положения и даже для спасения династии Государю необходимо немедленно пойти на уступку общественному мнению и поручить составить новый кабинет министров, ответственный перед законодательными палатами, или князю Львову, или Родзянко.

Генерал Алексеев хотел эту телеграмму послать с офицером для передачи ее Государю через дежурного флигель-адъютанта. Но я сказал генералу Алексееву, что положение слишком серьезно и надо ему идти самому; что, по моему мнению, мы здесь не отдаем себе достаточного отчета в том, что делается в Петрограде; что, по-видимому, единственный выход — это поступить так, как рекомендуют Родзянко, Великий князь и князь Голицын; что он, генерал Алексеев, должен уговорить Государя.

Генерал Алексеев пошел. Вернувшись минут через десять, он мне сказал, что Государь остался очень недоволен содержанием телеграммы князя Голицына и сказал, что сам составит ответ.

— Но Вы пробовали уговорить Государя согласиться на просьбу Председателя Совета министров? Вы сказали, что и Вы разделяете ту же точку зрения?

— Государь со мной просто не хотел и говорить. Я чувствую себя совсем плохо и сейчас прилягу. Если Государь пришлет какой-нибудь ответ, — сейчас же придите мне сказать.

Действительно, у генерала Алексеева температура была более 39°.

Часа через два ко мне в кабинет прибежал дежурный офицер и сказал, что в наше помещение идет Государь.

Я пошел навстречу. Спускаясь с лестницы, я увидел Государя уже на первой площадке.

Его Величество спросил меня:

— Где генерал Алексеев?

— Он у себя в комнате; чувствует себя плохо и прилег. Прошу Вас, Ваше Императорское Величество, пройти в Ваш кабинет, а я сейчас позову генерала Алексеева.

— Нет, не надо. Сейчас же передайте генералу Алексееву эту телеграмму и скажите, что я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этом скажите, что это мое окончательное решение, которое я не изменю, а потому бесполезно мне докладывать еще что-либо по этому вопросу.

Передав мне, как теперь помню, сложенный пополам синий телеграфный бланк, Государь ушел.

Я понес телеграмму начальнику штаба. Телеграмма была написана карандашом собственноручно Государем и адресована председателю Совета министров.

В телеграмме было сказано, что Государь при создавшейся обстановке не допускает возможности производить какие-либо перемены в составе Совета министров, а лишь требует принятия самых решительных мер для подавления революционного движения и бунта среди некоторых войсковых частей Петроградского гарнизона. Затем Государь указывает, что он предоставляет, временно, председателю Совета министров диктаторские права по управлению в Империи вне района, подчиненного Верховному Главнокомандующему, а что, кроме того, в Петроград для подавления восстания и установления порядка командируется с диктаторскими полномочиями генерал-адъютант Иванов.

Получалось в Петрограде два диктатора!

Я вновь просил генерала Алексеева идти к Государю и умолять изменить решение; указать, что согласиться на просьбу, изложенную в трех аналогичных телеграммах, необходимо.

После некоторых колебаний начальник штаба пошел к Государю. Вернувшись, он сказал, что Государь решения не меняет. Телеграмма была послана.

Потом в Ставке говорили, что после получения телеграммы от председателя Совета министров Государь больше часа говорил по телефону.

Особый телефон соединял Могилев с Царским Селом и с Петроградом.

Так как председателю Совета министров Государем Императором была послана телеграмма, то все были уверены, что Государь говорил с Императрицей, бывшей в это время в Царском Селе.

До вечера из Петрограда было получено еще несколько телеграмм, указывавших, что положение становится всё более и более серьезным.

Главнокомандующему Северным фронтом было послано приказание немедленно по подготовке частей, предназначаемых к отправлению в Петроград, их послать по назначению.

Часов в 9 вечера, когда я сидел в своем кабинете, кто-то ко мне постучался, и затем вошел дворцовый комендант генерал Воейков[161]. Дворцовый комендант сказал мне, что Государь приказал немедленно подать литерные поезда (литерными поездами назывались два поезда, всегда отправлявшиеся один за другим при царских поездках; в одном из поездов ехал Государь) и доложить, когда они будут готовы; что Государь хочет сейчас же, как будут готовы поезда, ехать в Царское Село; причем он хочет выехать из Могилева не позже 11 ч вечера.

Я ответил, что подать поезда к 11 часам вечера можно, но отправить их раньше 6 ч утра невозможно по техническим условиям: надо приготовить свободный пропуск по всему пути и всюду разослать телеграммы. Затем я сказал генералу Воейкову, что решение Государя ехать в Царское Село может повести к катастрофическим последствиям, что, по моему мнению, Государю необходимо оставаться в Могилеве; что связь между Штабом и Государем будет потеряна, если произойдет задержка в пути; что мы ничего определенного не знаем, что делается в Петрограде и Царском Селе и что ехать Государю в Царское Село опасно.

Генерал Воейков мне ответил, что принятого решения Государь не изменит, и просил срочно отдать необходимые распоряжения.

Я дал по телефону необходимые указания начальнику военных сообщений и пошел к генералу Алексееву, который собирался лечь спать. Я опять стал настаивать, чтобы он немедленно пошел к Государю и отговорил его от поездки в Царское Село.

Я сказал, что если Государь не желает идти ни на какие уступки, то я понял бы, если б он решил немедленно ехать в Особую армию (в которую входили все гвардейские части), на которую можно вполне положиться; но ехать в Царское Село — это может закончиться катастрофой.

Генерал Алексеев пошел к Государю. Пробыв у Государя довольно долго и вернувшись, сказал, что Его Величество страшно беспокоится за Императрицу и за детей и решил ехать в Царское Село.

В первом часу ночи Государь проехал в поезде, который отошел, если не ошибаюсь, в 6 ч утра 28 февраля / 13 марта.

Утром 28 февраля / 13 марта была получена телеграмма от председателя Государственной Думы, в которой сообщалось, что революция в Петрограде в полном разгаре, что все правительственные органы перестали функционировать, что министры толпой арестовываются, что чернь начинает завладевать положением и что Комитет Государственной Думы, дабы предотвратить истребление офицеров и администрации и успокоить разгоравшиеся страсти, решил принять правительственные функции на себя; во главе Комитета остается он — председатель Государственной Думы.

С этого момента Комитет Государственной Думы принял на себя, так сказать, управление революционным движением. Но параллельно с Комитетом Государственной Думы образовался в Петрограде «Совет рабочих и солдатских депутатов», который фактически влиял на решения этого Комитета.

Поезд Государя дошел до станции Дно, но дальше его не пропустили под предлогом, что испорчен мост. Государь хотел проехать через Бологое по Николаевской железной дороге, но не пустили и туда.

Создалось ужасное положение: связь Ставки с Государем потеряна, а Государя явно не желают, по указанию из Петрограда, пропускать в Царское Село. Наконец Государь решил ехать в Псков. В Псков Государь прибыл вечером 1/14 марта.

Что, собственно, побудило Государя направиться в Псков, где находился штаб Главнокомандующего Северного фронта генерала Рузского, а не вернуться в Ставку в Могилев? Некоторые объясняют это тем, что в бытность в Могилеве при начале революции он не чувствовал твердой опоры в своем начальнике штаба генерале Алексееве и решил ехать к армии на Северный фронт, где надеялся найти более твердую опору в лице генерала Рузского. Возможно, конечно, и это, но более вероятно, что Государь, стремясь скорей соединиться со своей семьей, хотел оставаться временно где-либо поблизости к Царскому Селу, и таким пунктом, где можно было иметь хорошую связь и со Ставкой, и с Царским Селом, был Псков, где находился штаб Северного фронта.

В Ставке с нетерпением ожидали результатов командировки генерал-адъютанта Иванова в Царское Село и в Петроград. Первоначальные сведения о прибытии генерала Иванова в Царское Село были разноречивы, но более достоверные об этом данные, как тогда казалось, сводились к следующему*:

«Генерал Иванов с Георгиевским батальоном прибыл 1/14 марта в Царское Село. Поезд его никем задержан не был. По прибытии в Царское Село генерал Иванов, вместо того, чтобы сейчас же высадить батальон и начать действовать решительно, приказал батальону не высаживаться, а послал за начальником гарнизона и комендантом города.

В местных частях войск уже начиналось брожение и образовались комитеты; но серьезных выступлений еще не было. Кроме того, некоторые части, как конвой Его Величества, так и Собственный Его Величества пехотный полк, были еще, в массе своей, верными присяге.

Слух о прибытии эшелона войск с фронта вызвал в революционно настроенных частях смущение; никто не знал — что направляется за этим эшелоном. Но скоро стало известным, что ничего, кроме этого единственного эшелона, с фронта не ожидается.

Оставление Георгиевского батальона в поезде и нерешительные действия генерала Иванова сразу изменили картину.

---

* Последующая часть, взятая в кавычки, мною изложена в части моих «Воспоминаний», напечатанных в томе II «Архива русской революции» (издание И. В. Гессена), как описание того, что произошло в действительности. Здесь я вношу поправку, но оставляю без изменения описание, которое мне представлялось правильным, беря его лишь в кавычки. — *Прим. автора.*

К вокзалу стали прибывать запасные части, квартировавшие в Царском Селе, и начали занимать выходы с вокзальной площади и окружать поезд с прибывшим эшелоном.

Местные власти были совершенно растеряны и докладывали генералу Иванову, что они надеются поддержать порядок в Царском Селе; что высадку и какие-либо действия Георгиевского батальона они считают опасными. Если батальон высадится, то произойдет неизбежное столкновение с местными войсками, порядок будет нарушен и Царской Семье будет угрожать опасность. Советовали генералу Иванову отправиться обратно. С подобными указаниями к генералу Иванову стали прибывать различные лица из Петрограда.

После некоторых колебаний генерал Иванов согласился, чтобы его эшелон отправили на станцию Дно. Таким образом, из командировки генерала Иванова в Царское Село и Петроград с диктаторскими полномочиями ничего, кроме скандала, не получилось».

Приводя в кавычках это описание прибытия генерала Иванова в Царское Село, повторяю, что так оно представлялось на основании отрывочных и разноречивых сведений, поступавших в то время в Ставку.

Последующие события совершенно отодвинули на второй план «экспедицию генерала Иванова», и у большинства, в том числе и у меня, осталось впечатление, что генерал Иванов благополучно достиг с Георгиевским батальоном Царского Села и что неудача его командировки в значительной степени произошла из-за его нерешительности.

В действительности, как то подробно было изложено у инженера Ломоносова (бывшего тогда помощником у Бубликова), лично препятствовавшего движению Георгиевского батальона, эшелоны генерала Иванова блуждали между Семрино и Вырицой и никуда дальше их не пустили; железнодорожники сломали крестовины и испортили пути. Сам Иванов, исхлопотав у революционной власти разрешение, прибыл в Царское Село с одним своим вагоном, поехал во дворец к Императрице и оставался там двадцать минут.

Но если бы генералу Иванову и удалось достигнуть с Георгиевским батальоном Царского Села, то это не изменило бы событий, так как в ночь с 1/14 на 2/15 марта последовало Высочайшее повеление вернуть обратно на фронт войска, посланные в Петроград, а генералу Иванову Государем была послана телеграмма ничего не предпринимать до приезда Государя в Царское Село и до личного доклада.

После отъезда Государя из Ставки в течение 28 февраля / 13 марта и 1/14 марта события в Петрограде развертывались с чрезвычайной быстротой.

В Ставке мы получали из Петрограда одну телеграмму за другой, которые рисовали полный разгар революционного движения, переход почти всех войск на сторону революционеров, убийства офицеров и чинов полиции, бунт и убийства офицеров в Балтийском флоте, аресты всех мало-мальски видных чинов администрации.

Волнения начинались в Москве и других крупных центрах, где были расположены запасные батальоны. Пехотные части, отправленные с Северного фронта в Петроград, в Луге были встречены делегатами от местных запасных частей, стали сдавать свои винтовки и объявили, что против своих драться не будут.

От председателя Государственной Думы получались телеграммы, в которых указывалось, что против Государя в Петрограде страшное возбуждение и что теперь уже совершенно недостаточно произвести смену министерства и образовать новое, ответственное перед Государственной Думой, а ставится вполне определенно вопрос об отречении Государя от престола; что это единственный выход из положения, так как в противном случае анархия охватит всю страну и неизбежен конец войны с Германией.

В частности, относительно Петрограда указывалось, что только отречение Государя от престола может предотвратить почти поголовное избиение офицеров гарнизона и во флоте и разрушение центральных административных аппаратов. М. В. Родзянко телеграфировал, что посылка войск с фронта ни к каким результатам не приведет, так как войска будут переходить на сторону революционных масс и анархия будет только увеличиваться.

Положение было действительно трудное. С самого начала, главным образом вследствие успокоительных телеграмм, получавшихся от военного министра генерала Беляева, не были приняты решительные и достаточные меры для подавления революционного движения, а к 1/14 марта пожар разгорелся настолько сильно, что потушить его было не легко.

Выход, конечно, был. Это немедленный отъезд Государя в район Особой Армии и отправка в Петроград и Москву сильных и вполне надежных отрядов. Революционное движение и в этот период потушить было еще возможно. Но какой ценой?

Представлялось совершенно неоспоримым, что посылка небольших частей из районов Северного и Западного фронтов никакого результата не даст. Для того же, чтобы сорганизовать вполне достаточные и надежные отряды, требовалось дней 10–12 (пришлось бы некоторые дивизии снимать с фронта). За этот же период весь тыл был бы охвачен революцией и, наверно, начались бы беспорядки и в некоторых войсковых частях на фронте. Получалась уверенность, что пришлось бы вести борьбу и на фронте, и с тылом. А это было совершенно невозможно.

Следовательно, решение подавить революцию силой оружия, залив кровью Петроград и Москву, не только грозило прекращением борьбы с врагом на фронте, а было бы единственно возможным именно только с прекращением этой борьбы, с заключением позорного сепаратного мира. Последнее же было так ужасно, что представлялось неизбежным сделать всё возможное для мирного прекращения революции — лишь бы борьба с врагом на фронте не прекращалась.

Кроме того, было совершенно ясно, что если б Государь решил во что бы то ни стало побороть революцию силою оружия и это привело к прекращению борьбы с Германией и Австро-Венгрией, то не только наши союзники никогда этого не простили бы России, но и общественное мнение России этого не простило бы Государю.

Это могло бы временно приостановить революцию, но она, конечно, вспыхнула бы с новой силой в самое ближайшее время, вероятно, в период демобилизации армии, и смела бы не только правительство, но и династию.

2/15 марта от председателя Государственной Думы получена была телеграмма, что в Псков, куда выехал со станции Дно Государь Император, отправляется депутация от имени Комитета Государственной Думы в составе А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. Что им поручено осветить Государю всю обстановку и высказать, что единственным решением для прекращения революции и возможности продолжать войну является отречение Государя от престола, передача его Наследнику Цесаревичу и назначение регентом Великого князя Михаила Александровича.

Главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский*, с которым об этом уже переговорил М. В. Родзянко, обратился к начальнику штаба Верховного Главнокомандующего с просьбой высказать, как к этому вопросу относятся все главнокомандующие фронтов.

Генерал Рузский заявил, что он должен знать всю обстановку для доклада Государю Императору. Он сказал, что Государю, вероятно, будет недостаточно выслушать мнение только его, генерала Рузского. Хотя он лично и думает, что вряд ли есть какой-либо иной выход из создавшегося положения, кроме того, который будет предложен Государю

---

* История посылки запроса генералом Алексеевым главнокомандующим фронтами об отношении их к вопросу отречения Государя от престола описывается мною со слов генерала Алексеева, в смысле оказания давления генералом Рузским на генерала Алексеева относительно отправки этого запроса. Из имеющихся в моем распоряжении документов этого не видно и скорей получается впечатление, что инициатором возбуждения этого вопроса был сам генерал Алексеев. Истина выяснится только тогда, когда будут собраны все документы, относящиеся до этого периода. — *Прим. автора.*

выехавшей из Петрограда депутацией, но ему необходимо точно знать, как на это смотрит начальник штаба Верховного Главнокомандующего и другие главнокомандующие фронтов. Генерал Рузский закончил заявлением, что, так как у Государя утеряна в данное время связь с армией, то начальник Его штаба, на основании Положения о полевом управлении войск, фактически вступил в исполнение обязанностей Верховного Главнокомандующего и поэтому должен, с точки зрения боевой, дать оценку происходящим событиям.

Генерал Алексеев поручил мне составить телеграмму главнокомандующим фронтов с подробным изложением всего происходящего в Петрограде, с указанием о том, что ставится вопрос об отречении Государя от престола в пользу Наследника Цесаревича с назначением регентом Великого князя Михаила Александровича, и с просьбой, чтобы Главнокомандующие срочно сообщили по последнему вопросу свое мнение.

Телеграмма была подписана генералом Алексеевым и по прямому проводу передана всем главнокомандующим.

Через несколько времени меня вызвал к прямому проводу Главнокомандующий Западного фронта генерал Эверт и сказал, что он свое заключение даст лишь после того, как выскажутся генералы Рузский и Брусилов.

Так как мнение генерала Рузского о том, что другого выхода, по-видимому, нет, кроме отречения от престола Государя Императора, было известно, то это мнение Главнокомандующего Северного фронта я и передал генералу Эверту, сказав, что заключение генерала Брусилова будет ему сообщено.

Вслед за этим из штаба Юго-Западного фронта передали телеграмму генерала Брусилова, который сообщил, что по его мнению обстановка указывает на необходимость Государю Императору отречься от престола.

Мнение генерала Брусилова было передано генералу Эверту, и он ответил, что, как ему ни тяжело это сказать, но и он принужден присоединиться к мнениям, высказанным генералами Рузским и Брусиловым.

Затем была получена из Тифлиса копия телеграммы Великого князя Николая Николаевича, адресованной на имя Государя. Великий князь докладывал Государю, что, как это ни ответственно перед Богом и Родиной, но он вынужден признать, что единственным выходом для спасения России и Династии и для возможности продолжать войну является отречение Государя от престола в пользу Наследника.

Помощник Главнокомандующего Румынского фронта* генерал Сахаров долго не отвечал на посланную ему телеграмму и требовал, чтобы ему были сообщены заключения всех главнокомандующих.

---

* Главнокомандующим Румынского фронта считался Румынский король. — *Прим. автора.*

После посланных ему мнений главнокомандующих он прислал свое заключение. В первой части своей телеграммы, отзываясь очень резко об образовавшемся Комитете Государственной Думы, называя его шайкой разбойников, захвативших в свои руки власть, он указывает, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя, если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии.

Во второй части телеграммы он говорит, что то, что он сказал, подсказывает ему сердце, но разум принужден признать необходимость отречения от престола.

Все заключения главнокомандующих были переданы генералу Рузскому, причем и генерал Алексеев, хотя и в крайне неопределенной форме, высказался за отречение Государя в пользу Наследника.

Генерал Рузский доложил Государю все телеграммы между 14 и 15 часами 2 марта.

После 15 ч 2 марта генерал Рузский прислал телеграмму, что Государь приказал составить проект манифеста об отречении от престола в пользу Наследника с назначением Великого князя Михаила Александровича регентом. Государь приказал проект составленного манифеста передать по прямому проводу генералу Рузскому.

О полученном распоряжении я доложил генералу Алексееву, и он поручил мне, совместно с начальником дипломатической части в Ставке Базили, срочно составить проект манифеста. Я вызвал Базили, и мы с ним, вооружившись Сводом Законов Российской Империи, приступили к составлению проекта манифеста.

Затем составленный проект был доложен генералу Алексееву и передан по прямому проводу генералу Рузскому. По приказанию генерала Алексеева, после передачи проекта манифеста в Псков, об этом было сообщено в Петроград председателю Государственной Думы.

От М. В. Родзянко после этого была получена довольно неясная телеграмма, заставившая думать, что и эта уступка со стороны Государя может оказаться недостаточной.

2/15 марта, после разговора с А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным, Государь хотел подписать манифест об отречении от престола в пользу Наследника.

Но, как мне впоследствии передавал генерал Рузский, в последнюю минуту, уже взяв для подписи перо, Государь спросил, обращаясь к Гучкову, можно ли будет ему жить в Крыму. Гучков ответил, что это невозможно, что Государю нужно будет немедленно уехать за границу.

«А могу ли я тогда взять с собой Наследника?» — спросил Государь.

Гучков ответил, что и этого нельзя; что новый Государь, при регенте, должен оставаться в России.

Государь тогда сказал, что ради пользы Родины он готов на какие угодно жертвы, но расстаться с сыном — это выше его сил; что на это он согласиться не может.

После этого Государь решил отречься от престола и за себя, и за Наследника, а престол передать своему брату Великому князю Михаилу Александровичу. На этом было решено, и переделанный манифест был Государем подписан*.

Перед отречением от престола Государь подписал Указ об увольнении в отставку прежнего состава Совета министров и о назначении председателем Совета министров князя Львова. Приказом по армии и флоту и Указом Правительствующему Сенату Верховным Главнокомандующим Государь назначил Великого князя Николая Николаевича. Всё это с курьером было послано в Ставку для немедленного распубликования.

Получив телеграмму о том, что Государь отрекся от престола в пользу Великого князя Михаила Александровича, в Ставке стало ясно, что на этом дело не кончится.

Во-первых, по основным законам о престолонаследии, Царь мог отречься от престола только за себя; за своего наследника он отрекаться от престола не мог.

Во-вторых, приходящие отрывочные и недостаточно ясные телеграммы указывали, что отречение Государя вряд ли удовлетворит довлеющий над комитетом Государственной Думы Совет рабочих и солдатских депутатов.

В-третьих, было крайне сомнительным, чтобы Великий князь Михаил Александрович, по свойствам своего характера, согласился в такую минуту стать Императором.

И действительно, из Петрограда была получена телеграмма, что Великий князь Михаил Александрович, со своей стороны, отрекся от престола.

Председатель Государственной Думы прислал телеграмму, что надо задержать манифест, объявляющий о вступлении на престол Великого князя Михаила Александровича, чтобы не произошло путаницы.

---

* В стенограмме доклада В. В. Шульгина Комитету Государственной Думы о результате поездки его и Гучкова к Государю об окончательном решении Государя отречься в пользу брата излагается не так. В стенограмме сказано: «Когда Гучков кончил, заговорил Царь. Его голос и манеры были гораздо спокойней и деловитей. Совершенно спокойно, как о самом обыкновенном деле, он сказал: "Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 ч дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться с моим сыном я не способен". Тут он сделал очень короткую остановку и продолжал: "Вы это, надеюсь, поймете. Поэтому я решил отречься в пользу брата"». — *Прим. автора.*

На фронты были посланы подробные разъяснения происходивших событий.

3/16 марта Государь вернулся из Пскова в Могилев.

Настроение в Ставке было подавленное. Никто не верил, что новое Временное правительство, формируемое в Петрограде, с князем Львовым во главе, окажется на должной высоте. Чувствовалось, что пройден только первый этап революции; что Государственная Дума, до некоторой степени руководившая ходом событий до отречения Государя от престола и по почину которой было образовано Временное правительство, начинает отстраняться, затушевываться новым органом, создавшимся в виде Совета рабочих и солдатских депутатов; чувствовалось, что этот новый орган прежде всего враждебен армии и вряд ли с образованием Временного правительства откажется от желания производить дальнейшее углубление революции.

Этот Совет с первых же дней революции посылал на фронт агитаторов, возбуждавших солдат против офицеров и требовавших создания во всех частях войск комитетов, которые захватили бы власть в свои руки. Началось брожение и в войсковых частях, бывших в Могилеве.

Генералом Алексеевым были посланы телеграммы главнокомандующим фронтами с требованием срочно командировать на узловые станции надежные войсковые части и образовать при них военно-полевые суды и затем, вылавливая агитаторов из поездов, тут же предавать их военно-полевому суду. Узнав об этом распоряжении генерала Алексеева, новое Временное правительство потребовало его отмены.

Желая водворить порядок в Петрограде, еще в период формирования Временного правительства, председатель Государственной Думы просил генерала Алексеева срочно командировать в Петроград на должность главного начальника Петроградского военного округа командира 25-го армейского корпуса генерала Корнилова. Генерал Корнилов был вызван по телеграмме и через несколько дней приехал в Петроград.

На другой день после приезда Государя из Пскова, из Киева в Могилев приехала Вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Императрица оставалась в Могилеве до отъезда Государя в Царское Село.

Государь задерживал свой отъезд из Могилева, и это, по-видимому, нервировало Петроград, так как оттуда несколько раз запрашивали о времени, когда Государь решил уехать из Ставки.

Задерживался ли Государь из-за желания продлить свое свидание с Матерью Императрицей, или просто ему трудно и больно было окончательно решиться ехать в Царское Село и стать узником Временного правительства — я не знаю; но что Государь оттягивал свой отъезд — это верно.

Наконец Государь сказал генералу Алексееву, что он выезжает в Царское Село 8/21 марта. Об этом была послана телеграмма в Петроград и оттуда было отвечено, что для сопровождения Государя до Царского Села 8/21 марта утром приедут несколько делегатов, командируемых Временным правительством*.

Перед своим отъездом из Могилева Государь пожелал попрощаться со всеми чинами штаба. По распоряжению генерала Алексеева все чины штаба Верховного Главнокомандующего и представители конвоя были собраны в большой зале помещения Дежурного генерала.

Государь вошел и, сделав общий поклон, обратился к нам с короткой речью, в которой сказал, что благо Родины, необходимость предотвратить ужасы междоусобицы и гражданской войны, а также создать возможность напрячь все силы для продолжения борьбы на фронте — заставили Его решиться отречься от престола в пользу своего брата Великого князя Михаила Александровича; но что Великий князь, в свою очередь, отрекся от престола.

Государь обратился к нам с призывом повиноваться Временному правительству и приложить все усилия, чтобы война с Германией и Австро-Венгрией продолжалась до победного конца.

Затем, пожелав всем всего лучшего и поцеловав генерала Алексеева, Государь стал всех обходить, останавливаясь и разговаривая с некоторыми.

Напряжение было очень большое; некоторые не могли сдержаться и громко рыдали. У двух произошел истерический припадок. Несколько человек во весь рост рухнули в обморок.

Между прочим, один старик-конвоец, стоявший близко от меня, сначала как-то странно застонал, затем у него начали капать из глаз крупные слезы, а затем, вскрикнув, он, не сгибаясь в коленях, во весь свой большой рост упал навзничь на пол.

---

* Я получил замечание от некоторых лиц, что эта часть моего описания изложена неверно. Что Временное правительство не было настолько предупредительно к Государю, чтобы ожидать решения о времени его приезда в Царское Село. Мне указывают, что это решение было принято на экстренном заседании Временного правительства 7/20 марта и что телеграммы об этом были посланы в Могилев генералам Алексееву и Кислякову (товарищ министра путей сообщений) только после отправления поезда из Петрограда. Возможно, что это так и что это постановление Временного правительства было неожиданным для Государя и Алексеева. Но у меня сохранилось отчетливое впечатление, что приезд Государя в Могилев из Пскова и неопределенность в связи с его решением пробыть в Могилеве некоторое время волновали Временное правительство. Вероятнее всего, что обе версии справедливы, т. е. что самостоятельное решение Государя отправиться в Царское Село 8/21 марта и постановление Временного правительства случайно совпали.

Государь не выдержал; оборвал свой обход, поклонился и, вытирая глаза, быстро вышел из зала.

Перед отъездом из Могилева Государь подписал следующее обращение к войскам:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему.

Да поможет ему Бог вести России по пути славы и благоденствия.

Да поможет Бог вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его, — тот изменник Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников.

Помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

Николай

Ставка, 8/21 марта 1917 г.»

Это обращение Государя было немедленно передано во все штабы фронтов для сообщения войскам. Впоследствии, как мне говорил генерал Алексеев, его упрекали из Петрограда за то, что он позволил себе передать в войска обращение уже отрекшегося от престола Императора*.

После того как Государь с некоторыми лицами свиты сел в поезд, произошел совершенно не нужный и неприятный инцидент. Г-да делегаты, присланные из Петрограда, по собственному ли почину или по полученному указанию, произвели поверку всех едущих в поез-

* Это обращение в действительности, по-видимому, дальше штабов фронтов не пошло. Я не могу теперь вспомнить все подробности с отправкой в войска этого обращения Государя, но, по-видимому, вследствие воспрещения правительства его опубликовать генерал Алексеев задержал его дальнейшую передачу.

де и некоторым из них объявили, что они должны выйти из поезда и в Царское Село им ехать не разрешается. В числе этих лиц, изгоняемых из поезда, был адмирал Нилов[162]. Всё это делалось крайне резко и неприлично. Эти господа объявили, что они хозяева поезда и их распоряжения должны исполняться.

Было об этом доложено Государю. Государь махнул рукой и сказал тихим голосом: «Надо исполнить их требования. Пускай теперь делают, что хотят».

Поезд ушел...

Временным правительством был обещан Государю с семьей свободный выезд за границу.

К несчастью, в это время Наследник и Великие Княжны были больны корью и всей Царской Семье пришлось в качестве арестованных оставаться в Царском Селе.

Но если бы даже Царская Семья могла выехать за границу, то крайне сомнительно, чтобы это было допущено Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Это явствует из того, что по требованию этого совета, по указанию Временного правительства Государь должен был ежедневно при смене караулов проходить мимо них, чтобы они видели, что он налицо, что он не сбежал.

Таким образом, Государь уже с момента приезда в Царское Село находился под арестом*, а в Совете рабочих и солдатских депутатов уже подымались голоса о необходимости суда над отрекшимся от престола Императором.

Впоследствии, когда вопреки обещанию Временного правительства Царскую Семью отправили не за границу, а под предлогом необходимости вывезти из Царского Села в более безопасное место, повезли в Сибирь, — стало ясно, что России не избежать позора расправы озверелых негодяев или наемных убийц с Царской Семьей.

Вдовствующая Императрица уехала в Киев в день, когда Государь отправился в Царское Село.

Если не ошибаюсь, 10/23 марта в Могилев приехал Великий князь Николай Николаевич. Генерал Алексеев и я поехали с докладом в поезд Великого князя.

Великий князь нас принял и сказал, что он получил письмо от председателя Временного правительства, в котором князь Львов указывает, что Великому князю, по многим соображениям, невозможно

---

* Вернее — с момента выезда из Могилева в Царское Село, 8/21 марта, перед отправлением поезда генерал Алексеев передал Государю, что по постановлению Временного правительства Его Величество лишается свободы, т. е. считается арестованным.

быть Верховным Главнокомандующим, и просит его в командование не вступать.

Вместо доклада мне пришлось написать проект ответной телеграммы от Великого князя председателю Временного правительства о том, что должность Верховного Главнокомандующего Великий князь принимать не будет.

А между тем Великий князь Николай Николаевич, пользовавшийся большой популярностью в армии, был единственный человек, который мог бы железной рукой поддержать дисциплину в армии, не допустить до развала и довести войну до конца. Но, естественно, Великий князь представлялся опасным для «завоеваний революции» и недопущение его к занятию поста Верховного Главнокомандующего надо было ожидать.

Через несколько дней после отъезда Великого князя Николая Николаевича в Могилев приехали члены нового Временного правительства.

На вокзале, кроме официально встречавших лиц от штаба Верховного Главнокомандующего, были представители городского самоуправления, состав образовавшегося в Могилеве Совета рабочих депутатов, незначительное количество публики и чины железнодорожной стражи.

Поезд подошел. Генерал Алексеев пошел в министерский вагон. Прошло минут десять, и по очереди стали появляться члены нового правительства и, рекомендуясь (я — такой-то, министр юстиции), обращались к толпе с речью.

Это было и непривычно, и просто смешно. Кто-то из стоявших рядом со мной сказал: «Совсем как выход на сцену царей в оперетке».

Верховным Главнокомандующим был несколько позже назначен генерал Алексеев, а начальником штаба — генерал Деникин.

После образования Временного правительства первый острый период революции прошел и наступил второй более длительный — период «углубления революции».

Если он был менее бурный в тылу, то он постепенно становился всё более и более бурным на фронте. Агитация в войсках всё более усиливалась. Руководители ее, находясь в Петрограде в составе Совета рабочих и солдатских депутатов, а некоторые и в составе Временного правительства, начали прилагать все усилия к тому, чтобы вытравить из армии все «старорежимные порядки», а в первую голову — воинскую дисциплину, говоря, что ее надо заменить «сознательной, революционной дисциплиной».

Как следствие этого, начали всюду образовываться комитеты, стремящиеся захватить власть в свои руки, дисциплина стала расшатываться, начались сначала единичные, а затем всё более и более учащавшиеся случаи убийства офицеров и генералов.

Армия стала разваливаться.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил и разослал по телеграфу во все армии приказ (под названием Приказ № 1), который в корне подрывал дисциплину, лишая офицерский командный состав какой-либо власти над солдатами.

В составлении этого приказа* принял участие известный «сенатор» (был проведен в сенаторы Керенским) Соколов, впоследствии избитый солдатами, когда он их уговаривал слушать распоряжения Временного правительства.

Временное правительство отрицало свое участие в издании этого приказа, но попустительство было явное, так как, во-первых, этот приказ был передан в армии по прямому проводу из Управления Генерального штаба, а, во-вторых, официальное заявление Временного правительства о том, что этот приказ от него не исходит, несмотря на настояния генерала Алексеева, появилось со значительным запозданием, и в армиях приказ был принят как распоряжение правительства и послужил первым решительным толчком к развалу армии.

В Петрограде, в Военном министерстве, с первых же дней революции выделилась группа молодых офицеров Генерального штаба (прозванных «младотурками»), которые, желая выделиться и выдвинуться в период революции, начали проповедовать необходимость радикальной ломки «старых, отживших и нереволюционных» отношений между офицерами и солдатами; требовали введения всюду комитетов и комиссаров, уничтожения погон и проч. И среди более пожилых, и в генеральских чинах, накануне ярых монархистов, появилось много убежденных республиканцев. Их прозвали «мартовскими эсерами».

При Военном министерстве была образована комиссия для пересмотра уставов и положений и для выработки новых форм отношений между военнослужащими, на замену «старорежимных».

Комиссия эта работала в полном контакте с Советом рабочих и солдатских депутатов и подобострастно прислушивалась к требованиям, оттуда исходящим. Председателем этой комиссии был назначен генерал Поливанов, который позорным потворством демагогическим требованиям некоторых членов этой комиссии способствовал развалу армии.

Большинство этих «реорганизаторов» не понимало, что во время войны нельзя производить таких опытов с армией и бессознательно

---

* В «Воспоминаниях», напечатанных в томе II «Архива русской революции» (изд. Гессена), я указывал, что в составлении Приказа № 1 принимал участие генерал Потапов. После выхода в свет этого тома я получил справку, удостоверяющую, что генерал Потапов, сыгравший в период революции очень скверную роль, в составлении этого приказа не повинен.

шло на поводу тех, которые сознательно шли на развал дисциплинированной, регулярной армии.

Новый военный министр А. И. Гучков говорил, что он примет все меры к поддержанию дисциплины в армии и будет пресекать все попытки к ее развалу. Но первые же его шаги в качестве военного министра, предпринятые с целью освежения командного состава, были неудачны.

Среди старших начальников были действительно такие, которых надо было убрать; но военный министр принялся за это дело слишком решительно и довольно неосмотрительно. Был составлен список всех старших начальствующих лиц от командующих армиями до начальников дивизий включительно, и затем г. Гучков предложил нескольким генералам, которым он доверял, поставить против всех помещенных в списке отметки о годности и негодности. Затем, по соглашению с генералом Алексеевым, было уволено со службы свыше ста генералов из числа занимавших высшие командные и административные должности. Это, в свою очередь, вызвало колоссальное перемещение и на более низких должностях. В этот период такую операцию было производить рискованно.

Затем г. Гучков ходом событий был увлечен на соглашательский путь с крайними элементами, и кончилось это тем, что, увидя полную свою беспомощность и неминуемую гибель армии, как регулярной силы, он отказался от поста военного министра.

Донесения, поступавшие из армий, указывали, что всё постепенно разваливается. Хуже всего было, конечно, в тыловых частях, в различных тыловых технических командах и во вновь сформированных дивизиях, в которых был менее прочный офицерский и унтер-офицерский кадр и которые были почти исключительно пополнены из запасных батальонов. Думать о возможности скоро начать какие-либо активные действия на фронтах было трудно.

Надо было постараться снова прибрать к рукам расшатавшиеся части. А это было более чем сомнительно — без каких-либо экстраординарных мер; чувствовалось, что мы летим по наклонной плоскости в пропасть.

Те, которые делали революцию в период войны только ради ниспровержения монархического строя и которым было безразлично, как это отразится на продолжении войны, выбрали время для производства революции великолепно.

Царь, ради спасения Родины и чтобы избежать междоусобицы и дать России возможность честно исполнить свой долг перед союзниками, отрекся от престола.

Командный состав и рядовое офицерство, освобожденные Царем от присяги, ради тех же целей признали Временное правительство и добросовестно и самоотверженно продолжали свою работу.

Те, которые делали революцию за деньги, полученные от германского генерального штаба, исполнили свою иудину работу отлично.

Но и те, которые делали революцию во время войны в наивном предположении, что можно ее остановить на той грани, на которой они захотят и что можно будет продолжать войну — являются также преступниками перед Родиной. Они так же, как и первые, способствовали развалу армии и невозможности продолжать войну. Они бессознательно помогли Германии вывести русскую армию из строя*.

---

* В обществе было и будет много споров о том, «кто сделал революцию». Как мне передавали, А. Ф. Керенский, которого как-то упрекнули в том, что он был одним из руководителей революционного движения в феврале и марте 1917 г. и что этим он сыграл в руку немцев, будто бы ответил: «Революцию сделали не мы, а генералы. Мы же только постарались ее направить в должное русло».

Указывают и на то, что Чхеидзе, один из главных деятелей Совета рабочих и солдатских депутатов, в первые дни революции своей растерянностью доказал, что и социалистические партии никакого участия в начале революции не принимали.

От многих представителей конституционно-демократической партии (кадет) я лично слышал, что вообще они были против революции, а тем более в период войны.

Остаются, по мнению многих, как будто следующие причины начала революции:

а) Голод — который толкнул на улицу народ.

б) Министр внутренних дел Протопопов, который будто бы хотел и сумел вызвать революцию на улицу искусственно, чтобы затем задушить ее оружием.

в) Германские агенты, которые воспользовались общим недовольством старым режимом и недостатком продовольствия и вызвали революцию на улицу.

История установит истину. Но и теперь можно определенно установить: недостаток хлеба мог толкнуть на улицу рабочих и население, а не войска, которые этого недостатка не испытывали.

В пропаганде среди войск, помимо агентов Германии, приняли участие члены образовавшегося Совета рабочих и солдатских депутатов, с первого же дня революции прилагавшие все усилия для разложения армии.

Социалистические партии ПОДХВАТИЛИ начавшуюся революцию и стали ее углублять, совершенно не считаясь с тем, что делать это во время войны значит губить армию и идти на прекращение войны.

Большинство членов Государственной Думы и представители не социалистических, но оппозиционных правительству партий только первые два дня смотрели на начавшееся движение — не как на народную революцию, а как на опасное для государства народное возмущение и военный бунт, которые необходимо пресечь, а затем решили, что революцию необходимо признать, взять вожжи в руки и направить ее в желаемом направлении. Они думали, что справятся с ходом событий и остановят развитие революции на желаемой для них грани.

В середине / конце марта я впервые узнал, что группой общественных деятелей предполагался в марте–апреле 1917 г. дворцовый переворот. Было якобы два предположения. Одни считали достаточным добиться удаления из России Императрицы Александры Федоровны и настоять перед Государем на установлении широкой конституции; другие считали необходимым добиться отречения от престола Государя в пользу Наследника, с назначением регентом Великого князя Михаила Александровича.

Чем бы закончился намечавшийся дворцовый переворот, если б он не был сорван начавшейся революцией, конечно, сказать трудно. Но надо полагать, что дело одним дворцовым переворотом не закончилось бы, так как крайние левые партии и немцы шли по одному пути — устроить в России революцию именно во время войны.

Работать в Ставке стало трудно и тяжело; чувствовалось полное бессилие задержать ход событий и остановить начавшийся развал армии.

В конце марта я обратился к генералу Алексееву с просьбой освободить меня от должности генерал-квартирмейстера и дать мне назначение в строй. Я просил дать мне освобождавшийся XI-й армейский корпус. Но в этот же день от Главнокомандующего Юго-Западным фронтом было получено представление о назначении командиром XI-го армейского корпуса другого генерала, и я был назначен командиром I-го армейского корпуса, бывшего на Северном фронте.

В начале апреля я отправился к месту моего нового служения. I-й армейский корпус в это время был отведен в резерв, и штаб корпуса находился в Везенберге. С первых же дней моего командования я убедился, что придется быть не командиром корпуса, а «главноуговаривающим».

В хорошем виде еще были артиллерийские и инженерные части, в которых, вследствие меньшей убыли во время войны, было много кадровых офицеров и солдат. Дисциплина в этих частях еще держалась. Что же касается всех трех пехотных дивизий, то они были на пути к полному развалу.

Я ежедневно получал донесения от начальников дивизий, рисовавших положение в самых мрачных красках, указывавших, что образовавшиеся в частях войск комитеты решительно во всё вмешиваются; занятий части войск производить не хотели; дисциплинарную власть начальствующие лица применять не могли; комитеты стремились получить в свое распоряжение все экономические суммы частей войск.

Я ежедневно бывал то в одном, то в другом полку. Но кроме планомерных, намеченных мною разъездов по частям войск, мне приходилось почти ежедневно, по просьбе то одного, то другого из начальников

дивизий ездить в полки, в которых возникали те или иные недоразумения. Мне с большим трудом удавалось сохранить только внешнюю дисциплину в войсках.

Корпус был расквартирован на очень широком пространстве, примыкая на востоке к реке Нарове. Близость Петрограда давала себя чувствовать. Вся выходящая в Петрограде пропагандная литература в виде всевозможных воззваний, листков и проч., уже на следующий день по выходе была в частях войск моего корпуса. Почти ежедневно в войсках появлялись пропагандисты, отправляемые из Петрограда.

К концу апреля, с появлением в Петрограде Ленина пропаганда еще усилилась. Открытая пропаганда, которую вел Ленин в Петрограде и которой потворствовало Временное правительство, делала почти невозможной борьбу против нее в войсках.

15/28 мая я получил приказ подготовить корпус к отправке на фронт. Сейчас же, как в войсках об этом узнали, стали ко мне поступать донесения начальников дивизий, что из полков поступают сведения о том, что солдаты, основываясь на якобы недостаточном для современного боя числе имеющихся в частях пулеметов и недостаточной подготовке к боевой работе недавно прибывших пополнений, заявляют, что раньше присылки двойного, против положенного, числа пулеметов и должной подготовки присланных пополнений они на позиции стать не могут. Но 1/14 июня началась посадка войск для отправки на фронт и никаких серьезных недоразумений не произошло.

3/16 июня я получил из Ставки, от начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Деникина телеграмму, в которой он мне сообщал, что приказом Временного правительства я назначен начальником штаба Верховного Главнокомандующего и мне надо немедленно выехать в Могилев. Перед этим был получен приказ, что вместо генерала Алексеева Верховным Главнокомандующим назначен генерал Брусилов.

4/17 июня приехал мой заместитель, и я отправился в Могилев. Явившись новому Верховному Главнокомандующему, я в день моего приезда в Могилев принял от генерала Деникина должность начальника штаба. Генерал Деникин был назначен Главнокомандующим Западного фронта.

В Ставке были еще под впечатлением речи генерала Деникина, произнесенной им 22 мая / 4 июня, в день закрытия офицерского съезда в Могилеве. Общий голос был, что за всё последнее время эта речь была единственным просветом. Вот эта речь:

«Верховный Главнокомандующий*, покидающий свой пост, поручил мне передать вам, господа, свой искренний привет и сказать, что

---

* Генерал Алексеев.

его старое солдатское сердце бьется в унисон с вашим, что он болеет той же болью и живет той же надеждой на возрождение истерзанной, но великой русской армии.

Позвольте и мне от себя сказать несколько слов.

С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам скорбь свою безысходную, свою душевную печаль.

Как живая развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученного армейского моря.

Вы — бессчетное число раз стоявшие перед лицом смерти. Вы — бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки под редкий гул родной артиллерии, изменнически лишенной снарядов! Вы — скрепя сердце, но не падая духом, бросавшие горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга!

Вы ли теперь дрогнете?

Нет.

Слабые — поднимите головы! Сильные — передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья родины, перелейте в поредевшие ряды наших товарищей на фронте. Вы не одни, с вами всё, что есть честного, мыслящего, всё, что остановилось на грани упраздняемого ныне здравого смысла.

С вами пойдет и солдат, поняв ясно, что вы ведете его не назад — к бесправию и нищете духовной, а вперед — к свободе и свету!

И тогда над врагом разразится такой громовой удар, который покончит и с ним и с войной.

Проживши с вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, деливши с вами и яркую радость победы, и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые с первых же дней революции совершили свое Каиново дело над офицерским корпусом... я имею право бросить им:

Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником.

Забитый, загнанный, обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до отечественной войны — как яркий светильник — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины.

Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни.

Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности.

Сменить его может только смерть».

Эта речь ярко отразила в себе то положение, в которое попали офицеры. С первых же дней революции левая печать обрушилась на них, изображая их как извергов, насильников, врагов народа, наемников Царской власти, опричников. Вся пропаганда в войсках была направлена к тому, чтобы дискредитировать офицеров, восстановить против них солдат.

Все распоряжения Временного правительства сводились к уменьшению влияния офицеров на солдат, к лишению офицеров какой бы то ни было власти.

Если до Временного правительства доходил какой-либо слух или получалось донесение какого-нибудь войскового комитета о превышении власти со стороны какого-нибудь начальника, — немедленно назначалось строжайшее расследование и виновный или подозреваемый в чем-либо — мешался с грязью.

Всяким соображениям от войсковых комитетов придавалась вера, и часто без всяких серьезных оснований смещались лица, даже занимавшие крупные командные должности. Но против эксцессов, направленных против офицеров, против их травли и преследований — никаких мер не принималось.

С солдатской массой заигрывали, углубляли революцию, а офицеров предавали. Одни предавали бессознательно, а другие вполне сознательно, считая их в массе контрреволюционерами, опасаясь их возможного влияния на солдат и считая необходимым для сохранения «завоеваний революции» их обезвредить.

Речь генерала Деникина ясно указывает, что еще не терялась надежда спасти армию; офицеры призывались, несмотря на всю тяжесть создавшейся обстановки, твердо стоять на своем посту и работать для спасения Родины.

Настроение в Ставке было тяжелое. Новый Верховный Главнокомандующий генерал Брусилов принял сразу более чем недостойный и заискивающий тон по отношению к Могилевскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Этот совет при генерале Алексееве действовал осторожно и не решался открыто предъявлять каких-либо требований к Ставке. Поведение генерала Брусилова сразу придало смелости членам совета, и к Верховному Главнокомандующему от него поступило определенное требование принять меры к уничтожению «контрреволюционного гнезда» в Ставке.

Генерал Брусислов несколько раз собирал у себя членов этого совета, беседовал с ними и заявил, что он сам не допустит в Ставке проявления контрреволюционного движения и что если у Совета имеются какие-либо конкретные данные, то он просит их ему дать. На основании же голословных обвинений он никого из служащих в Ставке удалять не может.

Те обещали представить материалы, вполне изобличающие чинов Ставки в контрреволюционных намерениях и поступках, но так ничего и не представили.

Приехавшему в Ставку новому военному министру Керенскому была представлена полная картина того развала, который происходит в армии.

Хотя он и соглашался с необходимостью принять меры к восстановлению дисциплины, но категорически высказался против восстановления смертной казни, отмененной в начале революции. Временному правительству, находившемуся под влиянием Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, всё еще мерещилась контрреволюция, и оно боялось вернуть командному составу прежнюю власть.

Стремление иметь всюду свой глаз и свое ухо выразилось в насаждении всюду политических комиссаров. Выбор этих комиссаров часто был очень неудачен.

Помню, как Керенский представлял генералу Брусилову, если не ошибаюсь, капитана Калинина (или Калнина), назначенного комиссаром на Западный фронт.

Генерал Брусилов, поздоровавшись с новым комиссаром, спросил его, где он начал службу.

— В такой-то конной батарее.

— Долго ли Вы в ней служили?

— Немного больше года.

— А после конной батареи где протекала Ваша служба?

Довольно продолжительное молчание, а затем ответ:

— Нигде.

— То есть как так нигде? Я не понимаю. Где же Вы были после конной батареи?

— Я был обвинен в политическом преступлении и находился в Сибири в тюрьме, а затем в ссылке.

— А! Но как же Вы теперь капитан?

— После революции я, как бывший политический, был из ссылки возвращен и, в сравнении со сверстниками, произведен в капитаны.

Генерал Брусилов ничего не нашелся сказать.

И вот таких «опытных» политических Временное правительство назначало комиссарами! Что они могли делать иное, как не продолжать развал армии?

Отношение Временного правительства к явно вредным и преступным элементам видно хотя бы из следующих примеров.

Как-то мне доложили, что в поезде, прибывшем на станцию Могилев из Петрограда, едет какой-то прапорщик, который всю дорогу вел самую возмутительную пропаганду и раздавал в поезде большевистскую литературу, и что этот прапорщик едет на Юго-Западный фронт.

Я по телефону приказал задержать поезд, арестовать этого прапорщика, произвести дознание и обыск в купе, в котором он находился. Дознание подтвердило всё, что было мне сообщено, а арестованный прапорщик оказался Крыленко, впоследствии первый верховный главнокомандующий (Главковерх) у большевиков. Он вез целый тюк листовок самого возмутительного содержания. При обыске у Крыленко оказался «мандат» от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Я доложил Брусилову и было решено Крыленко отправить в штаб Юго-Западного фронта (там находилась его часть) с предписанием немедленно предать его суду.

В Петроград же было сообщено об этом аресте, чтобы обратить внимание на деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов.

Результат получился совершенно неожиданный. Военное министерство потребовало присылки Крыленко в Петроград; там же, вероятно, под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов, без всякого суда его выпустили на свободу.

Много позже, в Новочеркасске один из нашей стражи в Быховской тюрьме, прапорщик Георгиевского батальона Гришин, при котором я рассказал этот случай, сказал: «А я, Ваше Превосходительство, всё же чувствую некоторое удовлетворение. Ведь тогда, когда Вы приказали арестовать Крыленко, — я был караульным начальником на станции. Так, когда мы привели Крыленко в караульное помещение, то я нынешнего большевистского главнокомандующего, как прапорщик — прапорщика, хорошо отхлестал нагайкой».

Другой случай касается некоего штабс-капитана Муравьева, впоследствии командовавшего у большевиков армией, взявшего Киев и зверски расправившегося там с офицерами. Этот Муравьев явился в Ставку с письмом из Военного министерства, в котором просилось отнестись благосклонно к проекту этого господина.

Явившись ко мне, Муравьев доложил, что вследствие развала на фронте теперь начинают там формировать особые ударные части, которые своим примером должны будут увлечь других и, конечно, при будущем наступлении сыграют крупную роль; что и в тылу формируются женские ударные части*.

---

* Участь этих несчастных женских батальонов, с которыми так носился Керенский, впоследствии, на фронте была грустная: на Западном фронте вокруг помещений или бивуаков, ими занимаемых, приходилось выставлять охрану, чтобы их не насиловали озверевшие солдаты. А женский батальон, охранявший Зимний дворец при большевистском выступлении 25 октября [1917 г.], подвергся самым ужасным насилиям. В составе этих батальонов было много идейных, совсем юных девушек.

Но что всё это недостаточно, что он решил ходатайствовать об утверждении устава особого общества, которому было бы предоставлено право немедленно приступить к широкому формированию ударных батальонов как на фронте, так и в тылу.

Помимо того, что явно каторжный вид этого Муравьева не внушал никакого доверия, я принципиально считал неправильным допустить какую-то организацию из неизвестных лиц к такой работе. Кроме того, я считал, что на фронте есть только определенные начальники, и существование параллельно с ними какой-то самостоятельной организации невозможно.

Я это высказал Муравьеву. Он просил разрешения представиться генералу Брусилову, о чем, как он сказал, просит и военный министр. Я сказал, что доложу Главнокомандующему. Генерал Брусилов решил принять Муравьева, но согласился с моим мнением и обещал определенно отказать в его просьбе.

На другой день Муравьев вновь ко мне явился и сказал, что генерал Брусилов дал свое согласие на утверждение устава и даже подписал какое-то удостоверение на имя Муравьева.

Я пошел к генералу Брусилову. Оказалось, что он лишь сказал Муравьеву, что с его стороны не будет возражений против организации формирования ударных частей в тылу. Я стал доказывать, что и это невозможно, что нам наформируют такие части, которые окончательно погубят фронт. Генерал Брусилов, в конце концов, со мной согласился и приказал в этом духе написать в Петроград. В Петроград было написано, но переписка по этому вопросу тянулась еще долго и Муравьеву Военным министерством и впоследствии поручались различные работы.

Много пришлось возиться с вопросом формирования украинских частей. Приезжавший в Ставку Петлюра добивался получения разрешения формировать отдельную украинскую армию. В этом отношении Временное правительство поддержало Ставку и было разрешено только постепенно украинизировать несколько корпусов на Юго-Западном и Румынском фронтах, отнюдь не перемещая офицеров.

Генерал Брусилов отлично понимал, что политика, которую проводило Временное правительство по отношению к армии, — ее губила. Но неправильный тон, им принятый с самого начала, не давал ему возможности резко изменить линию своего поведения. Он постепенно, путем разговоров с наезжавшим в Ставку Керенским и путем подачи записок старался добиться восстановления прежней власти командного персонала.

Между тем союзники настаивали на начале активных действий на нашем фронте. С другой стороны, теплилась надежда, что, может быть, начало успешных боев изменит психологию массы и возможно будет

начальникам вновь подобрать вырванные из их рук вожжи. На успех надеялись вследствие сосредоточения на фронте значительной артиллерии и считали, что, может быть, при поддержке могущественного артиллерийского огня части пойдут вперед, а победа даст и всё остальное.

Наступление было намечено на всех фронтах. Наиболее сильный удар намечался на Юго-Западном фронте. Дабы подбодрить войска и влить в них «революционный порыв», Керенский отправился на Юго-Западный фронт.

После сильной артиллерийской подготовки, 18 июня / 1 июля началось наступление и первоначально успех был. Но уже через несколько дней выяснилось, что многие части драться не хотят; начались самовольные уходы с позиций, неисполнение боевых приказов. Частичный успех на фронте VIII-й армии делу не помог.

Прорыв фронта германцами, несколько севернее участка, где нами наносился главный удар, повлек за собой паническое отступление почти по всему Юго-Западному фронту. Только применением суровых мер и массовыми расстрелами дезертиров удалось в конце концов остановить войска. Но при отступлении были потеряны большие артиллерийские склады и значительное количество артиллерии.

Наступление на Западном фронте не дало никаких результатов: войска сначала заняли разрушенные артиллерийским огнем германские позиции, а затем отошли в исходное положение. На Северном фронте всё, в сущности говоря, ограничилось артиллерийским огнем. На Румынском фронте сначала был достигнут незначительный тактических успех, но затем мы перешли к обороне.

После неудачного июньского наступления и Временное правительство поняло, что для поднятия дисциплины и восстановления боеспособности армии нужно принять решительные меры и вернуть престиж и власть командному составу. Комиссары, бывшие на фронте, со своей стороны, присоединили свои голоса к настойчивым требованиям командного состава. Временное правительство убедилось, что одними уговорами ничего не поделаешь.

Первым решительным в этом отношении шагом было назначение на пост главнокомандующего Юго-Западным фронтом командующего VIII-й армией генерала Корнилова, проводившего взгляд, что только железная дисциплина может спасти армию.

Керенский на словах соглашался на необходимость принять решительные и суровые меры для спасения армии, но в действительности колебался и оттягивал разрешение этого вопроса. Во всяком случае Временное правительство не считало возможным совершенно уничтожить комитеты и упразднить комиссаров. Савинков, который был на стороне более решительных действий для восстановления порядка

в армии, также был лишь за ограничение круга деятельности комитетов, но не за их упразднение. Комиссаров он считал нужным сохранить.

В Петрограде 3/16 июля произошло выступление большевиков. Большая часть Петроградского гарнизона осталась на стороне правительства, и выступление большевиков не удалось. Но к общему возмущению Временное правительство проявило себя после подавления большевистского выступления преступно слабым. Ленину, которого можно было легко арестовать, дали возможность скрыться. Арестованного Троцкого (Бронштейна), по приказанию Временного правительства из-под ареста освободили.

Предателей и изменников родины, работавших на германские деньги, открыто требовавших прекращения войны и мира «без аннексий и контрибуций», не только не покарали со всей строгостью закона, но дело о них фактически было прекращено и им предоставлена была возможность вновь начать в Петрограде и в армии их предательски разрушительную работу.

Столь странное и преступное перед родиной попустительство со стороны Временного правительства по отношению к руководителям большевистского движения объясняется прежде всего слишком тесной связью Временного правительства с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов (все министры-социалисты были членами Петроградского Совета р. и с. д., а некоторые — крестьянского; Керенский был товарищем председателя совета и это звание сложил только в сентябре, когда председателем был избран Бронштейн-Троцкий) и страхом перед ним. А Совет рабочих и солдатских депутатов в своей массе был настроен явно большевистски.

После подавления большевистского выступления Военное министерство несколько ускорило темп своей работы по выработке мер, связанных с восстановлением боеспособности армии. В Ставке также был приготовлен перечень мероприятий, без проведения коих в жизнь считалось невозможным сохранить армию как боевую и дисциплинарную силу. Первым пунктом в этом перечне было указано на необходимость восстановления смертной казни и в тылу.

Керенский обратился к Верховному Главнокомандующему с предложением собрать в Ставке военный совет, на который пригласить главнокомандующих фронтами и тех генералов, которых генерал Брусилов признает полезным выслушать на заседании. Собрание совета было назначено, если не ошибаюсь, на 18/31 июля.

Кроме главнокомандующих фронтами, на этот совет генерал Брусилов пригласил генералов Алексеева, Рузского, Гурко и Драгомирова. После мартовского переворота ген. Гурко был назначен Главнокоман-

дующим Западного фронта вместо генерала Эверта, а генерал Драгомиров — Главнокомандующим Северного фронта вместо генерала Рузского. Но оба они на своих местах долго не оставались.

На заседании, бывшем в Петрограде в Зимнем дворце, они оба выступили с резкой критикой деятельности Военного министерства и Временного правительства, указывая, что эта деятельность ведет к гибели армии. Вслед за этим был смещен генерал Гурко, а несколько позднее генерал Драгомиров.

За два дня до заседания от Керенского был по телеграфу получен запрос о том, кого именно пригласил генерал Брусилов на заседание. В ответной телеграмме был сообщен перечень приглашенных. Вслед за этим Керенский прислал телеграмму, что он считает недопустимым присутствие на заседании генералов Гурко и Драгомирова; что если они будут, то он, Керенский, на заседании не будет...

Этот факт очень характерен для оценки личности Керенского. Мелочный, злобный, интересы дела ставивший ниже своего мелкого самолюбия и тщеславия. Он знал отлично, что оба эти генерала были одними из лучших боевых генералов, выдвинутых войной. Но он также знал, что они оба прямолинейны и резки, и не хотел допустить их присутствия на заседании, дабы избежать резкой критики.

Генерал Брусилов приказал послать соответствующие телеграммы обоим генералам. Но было поздно, так как они уже выехали в Могилев. Пришлось по приезде их в Ставку им объявить, что Керенский не хочет их видеть на заседании.

Накануне заседания генерал Брусилов был чем-то занят и отложил мой доклад до следующего дня. На другой день, как всегда в 9 ч утра я пошел к нему. Только что начался доклад, как по телефону сообщили, что подходит экстренный поезд, в котором ехал Керенский.

Надо сказать, что после вступления на пост премьер-министра, после князя Львова, Керенский в Ставке еще не был; таким образом, он появился в Могилеве в качестве председателя Временного правительства впервые и, по-видимому, ожидал торжественной встречи.

Генерал Брусилов спросил меня, — как быть? Я ответил, что доклад у меня небольшой; но что если он задержится на вокзале, то не успеет прочитать всех необходимых для заседания материалов, которые я ему принес, и он к заседанию может оказаться недостаточно ориентированным.

Генерал Брусилов решил на вокзал не ехать, а послал встретить Керенского своего генерала для поручений, который должен был доложить, что Верховный Главнокомандующий извиняется, что не встретил, что у него срочная работа и он просит председателя Временного правительства приехать на заседание к двум часам дня, т. е. к часу, назначенному для заседания самим Керенским.

Окончив доклад, я прошел к себе. Минут через десять прибегает взволнованный адъютант генерала Брусилова и говорит, что Верховный Главнокомандующий просит меня срочно прийти к нему, так как надо ехать на вокзал.

Надев шашку, выхожу в переднюю и вижу генерала Брусилова, уже спускающегося с лестницы.

— В чем дело?

— Керенский прислал своего адъютанта сказать мне, что он ждет меня в вагоне и просит приехать немедленно. Поедем вместе.

Приезжаем на вокзал. Адъютант Керенского пошел докладывать и через несколько минут вернулся и сказал, что председатель Временного правительства нас ожидает.

Входим в салон-вагон. Керенский, небрежно развалившись, сидит на диване. При нашем входе, едва приподнявшись, здоровается и, обращаясь к генералу Брусилову, говорит: «Генерал, доложите о том, что делается на фронте...» Ген. Брусилов делает краткий доклад. Керенский выслушал и, сказав, что будет на заседании в два часа дня, нас отпустил.

Впоследствии мне передавали, что Керенский, действительно ожидавший почетный караул и торжественную встречу, был страшно возмущен тем, что генерал Брусилов осмелился даже не приехать его встретить. Возмущенно он в присутствии приехавших с ним заявил: «При Царе эти генералы не посмели бы себя так нагло держать. А теперь позволяют себе игнорировать председателя правительства! Я им покажу». И послал за генералом Брусиловым.

Заседание происходило под председательством генерала Брусилова.

В совет не был приглашен генерал Корнилов, которому от имени генерала Брусилова была послана телеграмма, что его приезд в Ставку не признается возможным ввиду положения на Юго-Западном фронте и что ему предлагается представить свои соображения письменно*.

На заседании очень сильную и яркую речь произнес генерал Деникин. Речь была настолько резкая, что генерал Брусилов, перебив генерала Деникина, сказал: «Нельзя ли короче и затрагивайте только вопросы, касающиеся поднятия боеспособности армии». Генерал Деникин тогда заявил, что он просит или дать ему возможность высказаться полностью, или он ничего больше говорить не будет. Генерал Брусилов попросил его продолжать.

---

* В томе II «Архива русской революции», издаваемого Гессеном, в моем описании этой части указано ошибочно, что Корнилов был приглашен в Ставку.

Генерал Деникин подробно разобрал отношение Временного правительства и, в частности, Военного министерства к армии и офицерскому составу с момента революции, указал, что в развале армии в значительной степени виновно Временное правительство; указал, что оно своим попустительством всё время позволяло прессе и агентам большевиков оскорблять корпус офицеров, выставлять их какими-то наемниками, опричниками, врагами солдат и народа; что Временное правительство своим несправедливым отношением к офицерам их превращает в каких-то париев.

В своей речи генерал Деникин указал, что те, которые сваливают всю вину в развале армии на большевиков, — лгут; что прежде всего виновны те, которые углубляли революцию; что большевики — только черви, которые завелись в ране, нанесенной армии другими.

После речи генерала Деникина Керенский встал и, обращаясь к нему, сказал: «Позвольте мне Вас поблагодарить за откровенно и смело высказанное Вами мнение».

Это было театрально, но... ничего возразить Керенский не сумел.

После генерала Деникина начал говорить генерал Рузский, указывая, что Временному правительству нужно особенно беречь корпус офицеров, которые всегда были близки к солдатам, заботясь о них и разделяя с ними на походе и в бою все радости и горести; что Временное правительство совершает ошибку, потворствуя преследованию офицеров в печати и на всевозможных митингах; что действия Временного правительства могут повести к гибели корпуса офицеров...

Керенский прервал генерала Рузского и в очень резкой форме стал говорить, что нападки на Временное правительство несправедливы; что в развале армии во многом виноваты генералы, саботирующие новый строй; генералы, которые при старом режиме не смели возражать, а теперь стараются дискредитировать власть.

Генерал Алексеев, который перед заседанием сказал мне лично, что он отведет душу и скажет всю правду истинным виновникам развала армии, после прерванной речи генерала Рузского сказал: «После того, что сказано генералами Деникиным и Рузским, я ничего добавить не могу. Я всецело присоединяюсь к тому, что они сказали».

Заседание так и не выработало ничего конкретного. Председатель Временного правительства вместе со своими спутниками уехал в Петроград в тот же день.

На другой день была получена из Петрограда телеграмма, что, согласно постановлению Временного правительства, генерал Брусилов освобождается от должности Верховного Главнокомандующего, а на его место назначается Главнокомандующий Юго-Западного фронта генерал Корнилов. До приезда генерала Корнилова мне предлагалось вступить во временное исполнение должности Верховного Главнокомандующего.

Документы к главе V*

Телеграмма председателя Государственной Думы на имя Главнокомандующего Северного фронта генерал-адъютанта Рузского** 27 февраля 1917 г.

«Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику; но главным образом полное недоверие к власти, не способной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве несомненно разовьются события, сдержать которые можно временно ценой пролития крови мирных граждан, но которых, при повторении, сдержать будет невозможно. Движение может перебросится на железные дороги и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала, рабочие остаются без дела, и голодная, безработная толпа вступает на путь анархии, стихийной и неудержимой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28, ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44 и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов. Население, опасаясь неумелых распоряжений власти, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением.

Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно беспомощна восстановить нарушенный порядок. России грозит унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена.

Считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия, одушевленная вполне верой в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода на светлый путь нет, и я ходатайствую перед Вашим Высокопревосходи-

---

* Эти документы далеко не исчерпывают всех сношений, бывших в первые дни революции между Ставкой, Петроградом и штабами фронтов, но и они по своему содержанию представляют большой интерес и освещают довольно подробно многие события периода начала революции.

** Сокращенные названия в телеграммах: Наштаверх, Главкосев и проч. — мною заменены полными наименованиями: Начальник штаба Верховного Главнокомандующего, главнокомандующий Северного фронта и т. д.

тельством поддержать это мое убеждение перед Его Величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. Председатель Государственной Думы Родзянко».

Отметка в телеграмме генерала Рузского: «Очень жаль, что с 24 по 27 февраля не удосужились сообщить о том, что делается в Петрограде. Надо думать, что и до 24 были признаки нарождающегося недовольства, грозящего волнениями, а также и об агитации среди рабочих и гарнизона Петрограда. Об этом тоже не потрудились, может быть и с целью, сообщить на фронт».

Телеграмма генерала Рузского

Ставка. Его Императорскому Величеству Государю Императору

«Почитаю долгом представить на благовоззрение Вашего Величества полученную мною от председателя Государственной Думы телеграмму, указывающую на грозное положение в столице и внутри государства, вызывающее тревогу за судьбу Родины. Хотя армия остается проникнутой сознанием долга и желания довести войну до победного конца, тем не менее на ней, непосредственно, начинают отражаться последствия продовольственной и железнодорожной неурядиц, а доходящие на фронт сведения о тяжелом кризисе, переживаемом населением, и о волнениях в Петрограде могут в будущем создать условия весьма неблагоприятные.

Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений, почему она не может не отразить в себе настроение страны. Поэтому дерзаю всеподданнейше доложить Вашему Величеству о крайней необходимости принять срочные меры, которые могли бы успокоить население, вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и свое будущее. Эти меры, принятые теперь, накануне предстоящего оживления боевой деятельности на фронте, вольют новые силы в армию и народ для проявления дальнейшего упорства в борьбе с врагом; позволяю себе думать, что при существующих условиях меры репрессии могут скорей обострить положение, чем дать необходимое, длительное удовлетворение. № 1147 Рузский 27 февраля».

Телеграмма военного министра

Ставка. Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего, копия главнокомандующему Северного фронта.

«Положение в Петрограде становится весьма серьезным; военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается, напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с коими нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом

в достаточном количестве для одновременных действий в различных частях города. № 197 Беляев 27 февраля».

Разговор по аппарату начальника штаба Верховного Главнокомандующего с начальником штаба Северного фронта

«У аппарата начальник штаба. Доложите об этом генералу Данилову».

«У аппарата генерал Данилов».

«Здравствуйте, Юрий Никифорович. Ссылаюсь на телеграмму главнокомандующему Северным фронтом военного министра от сегодняшнего числа № 197.

Государь Император повелел: Генерал-адъютанта Иванова назначить главнокомандующим Петроградского военного округа; в его распоряжение, возможно скорей, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящейся в резерве 15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона, который едет из Ставки. Нужно назначить прочных генералов, так как, по-видимому, генерал Хабалов растерялся и в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. Войска нужно отправить с ограниченным обозом и организовать подвоз хлеба и припасов распоряжением фронта, так как трудно сказать, что творится сейчас в Петрограде и возможно ли там обеспечить войска заботами местного гарнизона. Обстоятельства требуют скорого прибытия войск, поэтому прошу очень соответствующих распоряжений и сообщите мне, какие полки будут назначены для уведомления генерала Иванова, который ускоренно отправляется 28 февраля с Георгиевским батальоном. Такой же силы наряд последует от Западного фронта, о чем иду говорить с генералом Квецинским*.

Минута грозная и нужно сделать всё для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего. До свидания. Алексеев».

«Могу ли предложить один вопрос? Данилов».

«Если не продолжительный, то слушаю».

«Сколько следует послать генералов в качестве помощников генерала Иванова? Так как я понял, что во главе каждой бригады пехотной и кавалерийской нужно иметь по одному генералу, то должны ли быть отправлены бригадные командиры дивизий, или же генералы могли бы быть посланы от других частей; тогда был бы шире выбор и можно было бы отправить особо смелых и решительных. Данилов».

---

* Был начальником штаба Западного фронта.

«Конечно, было бы лучше, если бы оба генерала имели под командой свои полки хорошо им известные и на которые они могли бы иметь нравственное влияние; но решение этого вопроса я предоставляю Вам в зависимости от того, кто командует теми частями, кои отправятся в Петроград. Ничего не имею, если поедут начальники дивизий, так как им придется подчинить те запасные части, которые останутся верными своему долгу. Алексеев».

«Слушаю, понял и будет исполнено. Данилов. 21 час 27 февраля».

Телеграмма генерала Алексеева на имя всех главнокомандующих фронтами, посланная 28 февраля (13 марта)

«Сообщаю для ориентировки: Двадцать шестого в тринадцать часов сорок минут получена телеграмма Хабалова о том, что двадцать пятого февраля толпы рабочих, собиравшиеся в различных частях города, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими частями. Около семнадцати часов у Гостиного Двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги. На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов и был ранен один рядовой. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около восемнадцати часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранен один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. Двадцать пятого февраля бастовало двести тысяч рабочих. Генералом Хабаловым было объявлено о воспрещении скопления народа на улицах и подтверждено, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силой оружия. По донесению генерала Хабалова с утра двадцать шестого февраля в городе спокойно. Двадцать шестого в двадцать два часа получена телеграмма от председателя Государственной Думы Родзянко, сообщавшего, что волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры и что начало беспорядков имело в основании недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику. Двадцать седьмого военный министр всеподданнейше доносит, что начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Бунт еще не подавлен, но военный министр выражает уверенность в скором наступлении спокойствия, для достижения которого принимаются беспощадные меры.

Председатель Государственной Думы двадцать седьмого, около полудня сообщает, что войска становятся на сторону населения и убивают своих офицеров.

Генерал Хабалов двадцать седьмого, около полудня, всеподданнейше доносит, что одна рота запасного батальона Павловского полка двадцать шестого февраля заявила, что не будет стрелять в народ. Командир батальона этого полка ранен из толпы. Двадцать седьмого февраля учебная команда Волынского полка отказалась выходить против бунтовщиков и начальник ее застрелился. Затем эта команда, с ротой этого же полка, направилась в распоряжение других запасных батальонов, и к ним начали присоединяться люди этих частей. Генерал Хабалов просит о присылке надежных частей с фронта. Военный министр к вечеру двадцать седьмого февраля сообщает, что батарея, вызванная из Петергофа, отказалась грузиться на поезд для следования в Петроград. Двадцать седьмого февраля, между двадцати одним часом и двадцатью двумя, дано указание главнокомандующим Северного и Западного фронтов отправить в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских и по два пехотных полка с энергичными генералами во главе бригад и по одной пулеметной команде Кольта для Георгиевского батальона, который приказано направить двадцать восьмого февраля в Петроград из Ставки.

По Высочайшему повелению главнокомандующим Петроградским военным округом, с чрезвычайными полномочиями и подчинением ему всех министров, назначен генерал-адъютант Иванов.

Двадцать седьмого, около двадцати четырех часов, мною сообщено главнокомандующим о необходимости подготовить меры к тому, чтобы обеспечить во что бы то ни стало работу железных дорог.

Двадцать седьмого, после девятнадцати часов, военный министр сообщает, что положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими верными долгу частями погасить не удается, и войсковые части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары. Петроград объявлен в осадном положении. Двадцать восьмого, в два часа, послана телеграмма от меня главнокомандующим Северного и Западного фронтов о направлении в Петроград, сверх уже назначенных войск, еще по одной пешей и конной батарее от каждого фронта.

Двадцать восьмого февраля, в три часа, мною послана телеграмма командующему войсками Московского военного округа о принятии необходимых мер, на случай, если беспорядки перекинутся в Москву и об обеспечении работы железнодорожного узла и прилива продовольствия.

Двадцать восьмого февраля, в час, от генерала Хабалова получена телеграмма на Высочайшее имя, что он восстановить порядка в столице не мог. Большинство частей изменило своему долгу, и многие перешли на сторону мятежников. Войска, оставшиеся верными долгу, после борьбы в продолжение всего дня, понесли большие потери.

Двадцать восьмого февраля, в два часа, военный министр сообщает, что мятежники заняли Мариинский дворец и там находятся члены рево-

люционного правительства. Двадцать восьмого февраля, в восемь часов двадцать пять минут, генерал Хабалов доносит, что число оставшихся верными долгу уменьшилось до шестисот человек пехоты и до пятисот всадников при пятнадцати пулеметах и двенадцати орудиях, имеющих всего восемьдесят патронов и что положение до чрезвычайности трудное.

Головной эшелон пехотного полка, отправляемый с Северного фронта, подойдет к Петрограду примерно к утру первого марта.

Государь Император в ночь с 27 на 28 февраля изволил отбыть в Царское Село.

По частным сведениям революционное правительство вступило в управление Петроградом, объявив в своем манифесте переход на его сторону четырех гвардейских запасных полков, о занятии арсенала, Петропавловской крепости, Главного артиллерийского управления.

Только что получена телеграмма военного министра, что мятежники во всех частях города овладели важнейшими учреждениями. Войска, под влиянием утомления и пропаганды, бросают оружие, переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Всё время на улицах идет беспорядочная стрельба; всякое движение прекращено; появляющихся офицеров и нижних чинов на улицах разоружают.

Министры все целы, но работа министерств, по-видимому, прекратилась.

По частным сведениям председатель Государственного Совета Щегловитов арестован. В Государственной Думе образовался совет лидеров партий для сношения революционного правительства с учреждениями и лицами; назначены дополнительные выборы в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от рабочих и мятежных войск.

Только что получена телеграмма от генерала Хабалова, в которой видно, что фактически влиять на события он больше не может.

Сообщая об этом, прибавляю, что на всех нас лег священный долг перед Государем и Родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов. 1813. Алексеев. 28 февраля».

Телеграмма члена Государственной Думы Бубликова

«По всей сети всем начальствующим. По поручению комитета Государственной Думы сего числа занял министерство Путей Сообщений и объявляю следующий приказ председателя Государственной Думы:

Железнодорожники: Старая власть, создавшая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бессильной. Государственная Дума взяла в свои руки создание новой власти. Обращаюсь к вам от имени Отечества; от вас зависит теперь спасение Родины; она ждет

от вас больше, чем исполнение долга, она ждет подвига. Движение поездов должно производиться непрерывно с удвоенной энергией. Слабость и недостаточность техники на русской сети должны быть покрыты вашей беззаветной энергией, любовью к Родине и сознанием важности транспорта для войны и благоустройства тыла. Председатель Государственной Думы Родзянко. 28 февраля 1917 г.

Член вашей семьи твердо верю, что вы сумеете ответить на этот призыв и оправдать надежды на вас вашей Родины. Все служащие должны остаться на своем посту. Член Государственной Думы Бубликов. 28 февраля 1917 г. 13 ч 50 мин».

Телеграмма помощника начальника штаба Верховного Главнокомандующего Клембовского с передачей копии телеграммы генерала Алексеева

«Главнокомандующим. Копия телеграммы генерала Алексеева генерал-адъютанту Иванову в Царское Село:

"Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Времен. правительство, под председательством Родзянко, заседает Государственной Думе; пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о необходимости монархического начала России и необходимости новых выборов для выбора и назначения правительства. Жду нетерпением приезда Его Величества, чтобы представить ему изложенное и просьбу принять эти пожелания народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий; переговоры приведут умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового министра путей сообщений Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите Его Величеству всё это и убеждение, что дело можно привести мирно хорошему концу, который укрепит Россию. 1833. Алексеев". 1846 Клембовский. 28 февраля 1917 г.».

Телеграмма главнокомандующему Северного фронта от председателя Государственной Думы

«Временный комитет членов Государственной Думы сообщает Вашему Высокопревосходительству, что, ввиду устранения от управления всего состава бывшего совета министров, правительственная власть

перешла в настоящее время к временному комитету Государственной Думы. Председатель Государственной Думы Родзянко. 1 марта 1917 г.».

Телеграмма Дворцового Коменданта

Из Старой Руссы. Псков. Генерал-адъютанту Рузскому.

«Его Величество следует через Дно—Псков. Прошу распоряжения о беспрепятственном проезде. 95 Дворцовый Комендант Воейков. 13 ч 5 мин 1 марта».

Телеграмма начальника штаба Северного фронта на имя генерала Алексеева

«Ввиду ожидающегося через два часа проследования через Псков поезда Лит. А. Главнокомандующий Северного фронта просит ориентировать его срочно для возможности соответствующего доклада, откуда у начальника штаба Верховного Главнокомандующего сведения, заключающиеся телеграмме 1833. 1 марта 15 ч 45 мин 1193. Данилов».

Телеграмма генерал-квартирмейстера Верховного Главнокомандующего на имя начальника штаба Северного фронта

«По приказанию начальника штаба Верховного Главнокомандующего передаю для доклада главнокомандующему Северным фронтом с просьбой генерал-адъютанта Алексеева доложить Государю.

Первое — в Кронштадте беспорядки. Части ходят по улицам с музыкой. Вице-адмирал Курош доносит, что принять меры к усмирению с тем составом, который имеется в гарнизоне, он не находит возможным, так как не может ручаться ни за одну часть.

Второе — генерал Мрозовский сообщает, что Москва охвачена восстанием и войска переходят на сторону мятежников.

Третье — Адмирал Непенин доносит, что он не признал возможным протестовать против призыва временного комитета и таким образом Балтийский флот признал временный комитет Государственной Думы.

Сведения, заключающиеся в телеграмме 1833, получены из Петрограда из различных источников и считаются достоверными. Если будет хоть малейшее сомнение, что литерные поезда могут не дойти до Пскова, надлежит принять все меры для доставления доклада по принадлежности, послав хотя бы экстренным поездом с надежным офицером и командой нижних чинов для исправления пути, если бы это имело место. Генерал Алексеев нездоров и прилег отдохнуть, почему я и подписываю эту телеграмму. 1 марта 1917 г. 17 ч 15 мин. Лукомский».

Разговор по прямому проводу помощника начальника штаба Верховного Главнокомандующего с генерал-квартирмейстером штаба Северного фронта

«Здесь у аппарата генерал Болдырев».

«У аппарата генерал Клембовский. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего и Великий князь Сергий Михайлович просят главнокомандующего всеподданнейше доложить Его Величеству о безусловной необходимости принятия тех мер, которые указаны в телеграмме генерала Алексеева Его Величеству, так как им это представляется единственным выходом из создавшегося положения. Так как главнокомандующий, по-видимому, держится тех же взглядов, как и начальник штаба Верховного Главнокомандующего, то исполнение просьбы их не представит затруднения для него и, быть может, закончится успешно.

Великий князь Сергий Михайлович, с своей стороны, полагает, что наиболее подходящим лицом был бы Родзянко, пользующийся доверием.

Передайте пожалуйста всё это на вокзал главнокомандующему по возможности безотлагательно до прихода поезда. Клембовский».

«Здравия желаю Ваше Высокопревосходительство. Приказание Ваше будет точно исполнено и беззамедлительно; поезд Его Величества пока еще не прибыл. Не будет ли еще каких-либо указаний с Вашей стороны? Болдырев».

«Могу лишь прибавить одно — время не терпит, есть много вопросов, которые надлежит разрешить, между тем обращаться не к кому. Клембовский. 1 марта 1917 г. 17 ч 45 мин».

Телеграмма генерала Алексеева, посланная в Псков на имя Государя 1 марта

«Его Императорскому Величеству.

Ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможности продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания Высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной Думы.

Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти, но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. Ввиду

этого усердно умоляю Ваше Императорское Величество соизволить на немедленное опубликование из Ставки нижеследующего манифеста:

"Объявляем всем верным Нашим подданным:

Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей Родиной. Близок решительный час. Судьбы России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, всё будущее дорогого нам отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы, из лиц, пользующихся доверием всей России.

Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной армии завершить ее великий подвиг.

Во имя нашей возлюбленной Родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед нею, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет нам Господь Бог".

№ 1865 Генерал-адъютант Алексеев. 1 марта 1917 г.».

Пометка генерала Рузского: «Получена и доложена 1 марта в 11 ч 30 мин вечера».

Телеграмма начальнику штаба Верховного Главнокомандующего от начальника штаба Северного фронта

«Для сведения докладываю: оба литерных поезда Пскове. Дальнейший их маршрут не выяснен. 1 марта 22 ч 30 мин 1213 Данилов».

Разговор начальника штаба Северного фронта по прямому проводу со штабом Петроградского военного округа (1 марта в 23 ч 30 мин):

«У аппарата начальник штаба армий Северного фронта генерал Данилов. С кем я говорю?»

«С помощником начальника штаба Петроградского округа полковником Сирелиусом».

«Я имею поручение от главнокомандующего армиями Северного фронта генерала Рузского к председателю Государственной Думы Родзянко, заключающееся в том, что генерал Рузский желал бы по крайне срочному и ответственному делу переговорить по прямому проводу с председателем Государственной Думы. Может ли председатель Государственной Думы исполнить желание главнокомандующего и в котором часу мог бы состояться разговор по прямому проводу, по

которому в настоящее время говорим мы. Благоволите выяснить и меня поставить в известность, вызвав к этому аппарату. Желал бы знать примерно время необходимое вам для наведения соответствующей справки. Генерал Данилов».

«Сейчас командирую телеграфного офицера к председателю Государственной Думы. Предполагаю дать ответ председателя Думы через час. Полковник Сирелиус».

«Не представится ли возможность ускорить ответ путем телефонного сношения; дело очень срочное. Данилов».

«Сейчас звоню по телефону и отвечу. Сирелиус».

«Когда ответ будет благоволите меня вызвать к аппарату. Данилов».

«Слушаюсь. Сирелиус».

«Генерал Данилов? Председатель Государственной Думы может подойти к аппарату около половины третьего, т. е. раньше половины третьего часа ночи. Полковник Сирелиус».

«Это главнокомандующего фронтом не затруднит и генерал Рузский будет в половине третьего вблизи аппарата. Не откажите об этом поставить в известность председателя Государственной Думы и прикажите к назначенному сроку изготовить аппарат для разговора. Если Вы ничего не имеете к этому прибавить, то считаю разговор оконченным. Генерал Данилов. 1 марта после 23 ч 30 мин».

Телеграмма Государя генерал-адъютанту Иванову в Царское Село

«Надеюсь прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. Николай. 2 марта 0 ч 20 мин».

Таким образом, если б генералу Иванову и удалось приступить к каким-либо решительным мерам, его заставили ничего не предпринимать до приезда Государя.

Тогда же, т. е. в ночь с 1/14 на 2/15 марта, после доклада генерала Рузского, Государь приказал вернуть на фронт все те части, которые были двинуты в Петроград для подавления мятежа силой.

Следовательно, с этого момента, *все надежды на прекращение революционного движения уже основывались на желании Государя кончить дело без пролития крови и идя на уступки, а со стороны лиц, ставших во главе революционного движения, требования стали повышаться.*

Телеграмма генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта на имя генерал-квартирмейстера Верховного Главнокомандующего

«Начальник штаба поручил мне сообщить для доклада помощнику начальника штаба Верховного Главнокомандующего:

Первое — что в два с половиной часа, сегодня второго марта, главнокомандующий Северного фронта будет говорить по аппарату с председателем Государственной Думы Родзянко по особому уполномочию Его Величества. Есть надежда на благоприятное разрешение.

Второе — у нас имеются сведения, что гарнизон Луги перешел на сторону комитета. Эшелоны войск, предназначенные в распоряжение генерал-адъютанта Иванова, задержались Царским поездом между Двинском и Псковом. Ввиду событий в Луге возникает вопрос о их обратном возвращении, о чем главнокомандующий Северного фронта будет иметь всеподданнейший доклад у Государя. Генерал Данилов уехал на вокзал доложить главнокомандующему о времени разговора его по аппарату с председателем Государственной Думы. Псков 2 марта 0 ч 50 мин № 1215 Болдырев».

Телеграмма начальника штаба Северного фронта командующему пятой армией, помощнику начальника штаба Верховного Главнокомандующего и начальнику военных сообщений Северного фронта

«Ввиду невозможности продвинуть эшелоны далее Луги и нежелательности скопления их на линии, особенно Пскове, и разрешения Государя Императора вступить главнокомандующему Северного фронта сношение председателем Государственной Думы, последовало Высочайшее соизволение вернуть войска, направленные на станцию Александровскую, обратно Двинский район, где расположить их распоряжением пятой армией. 1 ч 2 марта. 1216 Данилов».

Разговор но прямому проводу генерала Рузского с Родзянко

Начало разговора 3 ч 30 мин 2 марта 1917 г.

«Доложите генералу Рузскому, что подходит к аппарату председатель Государственной Думы Родзянко».

«У аппарата генерал-адъютант Рузский. Здравствуйте, Михаил Владимирович, сегодня (т. е. 1 марта) около 7 ч вечера (19 ч) прибыл в Псков Государь Император. Его Величество при встрече мне высказал, что ожидает вашего приезда. К сожалению, затем выяснилось, что Ваш приезд не состоится, чем я был глубоко огорчен. Прошу разрешения говорить с Вами с полной откровенностью — этого требует серьезность переживаемого времени; прежде всего я просил бы Вас меня осведомить, сообщив истинную причину отмены Вашего прибытия в Псков. Знание этой причины необходимо для дальнейшей беседы. Рузский».

«Здравствуйте Николай Владимирович очень сожалею, что не могу приехать; с откровенностью скажу — причины моего приезда две: во-первых, эшелоны, высланные Вами в Петроград, взбунтовались;

вылезли в Луге из вагонов; объявили себя присоединившимися к Государственной Думе; решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда; мною немедленно приняты меры, чтобы путь для проезда Его Величества был свободен; не знаю, удастся ли это. Вторая причина — полученные мною сведения, что мой приезд может повлечь за собой нежелательные последствия; невозможность оставить разбушевавшиеся народные страсти без личного присутствия, так как до сих пор верят только мне и исполняют только мои приказания. Родзянко».

«Из бесед, которые Его Величество вел со мной сегодня, выяснилось, что Государь Император сначала предполагал предложить Вам составить министерство, ответственное перед Его Величеством, но затем, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, отпуская меня, Его Величество выразил окончательное решение и уполномочил меня довести до Вашего сведения об этом, — дать ответственное перед законодательными палатами министерство, с поручением Вам образовать кабинет. Если желание Его Величества найдет в Вас отклик, то спроектирован манифест, который я сейчас же передам Вам. Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня 2 марта с пометкой "Псков". Не откажите в Ваших соображениях по всему вышеизложенному. Рузский».«Я прошу Вас проект манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что Его Величество и Вы не отдаете себе отчета в том, что здесь происходит; настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко. В течение двух с половиной лет я неуклонно, при каждом моем всеподданнейшем докладе, предупреждал Государя Императора о надвигающейся грозе, если не будут немедленно сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну. Я должен Вам сообщить, что в самом начале движения власти, в лице министров, стушевались и не принимали решительно никаких мер предупредительного характера; немедленно же началось братание войск с народными толпами; войска не стреляли, а ходили по улицам и толпа кричала им "ура!". Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-помалу наступила такая анархия, что Государственной Думе вообще, а мне, в частности, оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе, для того чтобы избежать такой анархии, при таком разложении, которое грозило бы гибелью Государству.

К сожалению, мне это далеко не удалось, народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убивают своих офицеров; ненависть к Государыне Императрице дошла до крайних пределов; вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую кре-

пость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на всё, что более умеренно и ограниченно в своих требованиях; считаю нужным Вас осведомить, что-то, что предполагается Вами, уже недостаточно и династический вопрос поставлен ребром. Сомневаюсь, чтобы с этим можно было справиться. Родзянко».

«Ваши сообщения, Михаил Владимирович, действительно рисуют обстановку в другом виде, чем она рисовалась здесь, на фронте. Если страсти не будут умиротворены, то ведь нашей Родине грозит анархия надолго и это прежде всего отразится на исходе войны; между тем, затратив столько жизней на борьбу с неприятелем, нельзя теперь останавливаться на полдороге и необходимо довести ее до конца, соответствующего нашей великой Родине; надо найти средства для умиротворения страны.

Прежде передачи Вам текста манифеста не можете ли Вы мне сказать, в каком виде намечается решение династического вопроса. Рузский».

«С болью в сердце буду теперь отвечать, Николай Владимирович. Еще раз повторяю — ненависть к династии дошла до крайних пределов, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам и войскам, — решил твердо войну довести до победного конца и в руки немцам не даваться. К Государственной Думе примкнул весь Петроградский и Царскосельский гарнизоны; то же повторяется во всех городах; нигде нет разногласия, везде войска становятся на сторону Думы и народа, и грозные требования отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становятся определенным требованием.

Повторяю, с страшной болью передаю Вам об этом, но что же делать; в то время, когда народ, в лице своей доблестной армии, проливал свою кровь и нес неисчислимые жертвы — правительство положительно издевалось над нами; вспомните освобождение Сухомлинова, Распутина и всю его клику; вспомните Маклакова, Штюрмера, Протопопова; все стеснения горячего порыва народа помогать по мере сил войне; назначение князя Голицына; расстройство транспорта, денежного обращения; непринятие никаких мер к смягчению условий жизни; постоянное изменение состава законодательной палаты в нежелательном смысле; постоянные аресты, погоня и розыск не существовавшей тогда еще революции — вот те причины, которые привели к этому печальному концу.

Тяжкий ответ перед Богом взяла на себя Государыня Императрица, отвращая Его Величество от народа. Его присылка генерала Иванова с Георгиевским батальоном только подлила масла в огонь и приведет только к междоусобному сражению, так как сдержать войска, не слушающиеся своих офицеров и начальников, нет решительно никакой возможности; кровью обливается сердце при виде того, что происходит.

Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут... Остановите ненужные жертвы. Родзянко».

«Всё, что Вы, Михаил Владимирович, сказали, тем печальней, что предполагавшийся приезд Ваш как бы предвещал возможность соглашения и быстрого умиротворения Родины. Ваши указания на ошибки, конечно, верны, но ведь это ошибки прошлого, которые в будущем повториться не могут, при предполагаемом способе разрешения переживаемого кризиса; подумайте, Михаил Владимирович, о будущем; необходимо найти такой выход, который дал бы немедленно умиротворение. Войска на фронте с томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что делается в тылу, а начальники лишены авторитетного слова сделать им надлежащее разъяснение.

Переживаемый кризис надо ликвидировать возможно скорей, чтоб вернуть армии возможность смотреть только вперед в сторону неприятеля. Войска в направлении Петрограда с фронта были отправлены по общей директиве из Ставки, но теперь этот вопрос ликвидируется; генерал-адъютанту Иванову несколько часов тому назад Государь Император дал указание не предпринимать ничего до личного свидания; эти телеграммы посланы через Петроград и остается только пожелать, чтобы они скорей дошли до генерала Иванова.

Равным образом Государь Император изволил выразить согласие и уже послана телеграмма, два часа тому назад, вернуть на фронт всё, что было в пути. Вы видите, что со стороны Его Величества принимаются какие только возможно меры, и было бы в интересах Родины и той Отечественной войны, которую мы ведем, желательным, чтобы почин Государя нашел отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар. Рузский».

(Затем передается проект манифеста, предложенного генерал-адъютантом Алексеевым.)

«Если будет признано необходимым внести какие-либо частичные поправки, сообщите мне, равно как и об общей схеме такового. В заключение скажу, Михаил Владимирович, я сегодня сделал всё, что подсказывало мне сердце и что мог для того, чтобы найти выход для обеспечения спокойствия теперь и в будущем, а также чтобы армиям в кратчайший срок обеспечить возможность спокойной работы; этого необходимо достигнуть в кратчайший срок; приближается весна и нам нужно сосредоточить все наши усилия на подготовке к активным действиям и на согласование их с действиями наших союзников; мы обязаны думать также о них; каждый день, скажу более, каждый час в деле водворения спокойствия крайне дорог. Рузский».

«Вы, Николай Владимирович, истерзали в конец мое и так растерзанное сердце; по тому позднему часу, в который мы ведем разговор, Вы можете себе представить, какая на мне лежит огромная работа,

но повторяю Вам, я сам вишу на волоске и власть ускользает у меня из рук; анархия достигает таких размеров, что я вынужден был сегодня ночью назначить Временное правительство.

К сожалению, манифест запоздал, его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно, о чем я просил Государя Императора; время упущено и возврата нет; повторяю Вам еще раз: народные страсти разгорелись в области ненависти и негодования; наша славная армия не будет ни в чем нуждаться; в этом полное единение всех партий и железнодорожное сообщение не будет затруднено; надеемся также, что после воззвания Временного правительства крестьяне и все жители повезут хлеб, снаряды (?!) и другие предметы снаряжения; запасы весьма многочисленны, так как об этом всегда заботились общественные организации и особое совещание. Молю Бога, чтобы он дал сил удержаться хотя бы в пределах теперешнего расстройства умов, мыслей и чувств, но боюсь как бы не было еще хуже.

Больше ничего не могу Вам сказать; помогай Вам Бог, нашему славному вождю, в битве уничтожить проклятого немца, о чем в обращении, посланном к армии, комитета Государственной Думы говорится определенно в виде пожелания успехов и побед. Желаю Вам спокойной ночи, если только вообще в эти времена кто-либо может спать спокойно. Глубокоуважающий Вас и душевно преданный Родзянко».

«Михаил Владимирович, еще несколько слов, дай, конечно, Бог, чтобы Ваши предположения в отношении армии оправдались, но имейте в виду, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно; что, если анархия, о которой Вы говорите, перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти? Подумайте, что будет тогда с Родиной нашей? В сущности конечная цель одна — ответственное перед народом министерство; и есть для сего нормальный путь для достижения цели — в перемене порядка управления государством. Дай Бог Вам здравия и сил для Вашей ответственной работы. Глубокоуважающий Вас Рузский».

«Николай Владимирович, не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех и тогда всё кончится в несколько дней; одно могу сказать: ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу. Желаю Вам всего лучшего. Родзянко».

«Дай Бог, чтобы всё было так, как Вы говорите. Последнее слово: скажите Ваше мнение, нужно ли выпускать манифест? Рузский».

«Я право не знаю, как Вам отвечать; всё зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой. Родзянко».

«Я получил указание передать в Ставку об его напечатании, а посему это и сделаю, а затем пусть, что будет. Разговор наш доложу Государю. Рузский».

«Ничего против этого не имею и даже прошу об этом. Родзянко».

Разговор окончен в семь с половиной (утра) 2 марта и передан в Ставку начальнику штаба Верховного Главнокомандующего.

Телеграмма Государя

«Начальнику штаба. Ставка.

1865 Можно объявить представленный манифест*, пометить его Псковом. 1223. Николай. 2 марта 5 ч 15 мин.

Разговор по телеграфу генерал-квартирмейстера Верховного Главнокомандующего с начальником штаба Северного фронта

Начало разговора 9 ч 2 марта 1917 г.

«У аппарата генерал Данилов».

«Здравствуй Юрий Никифорович, у аппарата Лукомский. Генерал Алексеев просит сейчас же доложить главнокомандующему, что необходимо разбудить Государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко. Переживаем слишком серьезный момент, когда решается вопрос не одного Государя, а всего Царствующего Дома и России. Генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна каждая минута и всякие этикеты должны быть отброшены. Генерал Алексеев просит, по выяснении вопроса, немедленно сообщить официально и со стороны высших военных властей сделать необходимое сообщение в армии, ибо неизвестность хуже всего и грозит тем, что начнется анархия в армии.

Это официально, а теперь прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласятся, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать Царским Детям, а затем начнется междоусобная война и Россия погибнет под ударами Германии и погибнет династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет. Я буду ждать твоего ответа. Лукомский».

«Генерал Рузский через час будет с докладом у Государя, и поэтому я не вижу надобности будить главнокомандующего, который только что, сию минуту, заснул и через полчаса встанет; выигрыша во времени

---

* Об образовании ответственного министерства. Последующие события показали, что принятое Государем решение уже не достигает успокоения, и манифест не был опубликован.

не будет никакого. Что касается неизвестности, то она, конечно, не только тяжка, но и грозна, однако и ты, и генерал Алексеев отлично знаете характер Государя и трудность получить от него определенное решение; вчера весь вечер, до глубокой ночи, прошел в убеждении поступиться в пользу ответственного министерства. Согласие было дано только к двум часам ночи, но, к глубокому сожалению, оно, как это в сущности и предвидел главнокомандующий, явилось запоздалым; очень осложнила дело посылка войск генерал-адъютанта Иванова; я убежден, сожалею, почти в том, что, несмотря на убедительность речей Николая Владимировича и прямоту его, едва ли возможно будет получить определенное решение; время безнадежно будет тянуться; вот та тяжкая картина и та драма, которая происходит здесь. Между тем исполнительный комитет Государственной Думы шлет ряд извещений и заявляет, что остановить поток нет никакой возможности. Два часа тому назад главнокомандующий вынужден был отдать распоряжение о том, чтобы не препятствовали распространению заявлений, которые клонятся к сохранению спокойствия среди населения и к приливу продовольственных средств; другого исхода не было.

Много горячих доводов высказал генерал Рузский в разговоре с Родзянко в пользу оставления во главе Государя с ответственным перед народом министерством, но видимо время упущено и едва ли возможно рассчитывать на такое сохранение.

Вот пока всё, что я могу сказать. Повторяю — от доклада генерала Рузского я не жду определенных решений. Данилов».

«Дай Бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить Государя. В его руках теперь судьба России и Царской Семьи. Лукомский».

Телеграмма генерала Алексеева на имя главнокомандующих фронтами

(генералу Рузскому была послана копия этой телеграммы)

«Его Величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест идти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной Думы образовать кабинет».

По сообщении этого решения главнокомандующим Северного фронта председателю Государственной Думы, последний, в разговоре по аппарату, в три с половиной часа второго сего марта, ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля; в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций; сдерживать народные страсти трудно; войска деморализованы. Председателю Государственной Думы, хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет

невозможно. Что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находится фактически в руках Петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок.

Если Вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству через главнокомандующего Северного фронта, известив меня. Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху. 2 марта 1917 г. 10 ч 15 мин № 1872 Алексеев».

Разговор по прямому проводу помощника начальника штаба Верховного Главнокомандующего с генерал-квартирмейстером штаба Северного фронта (утром 2 марта)

«Известно ли Вам о прибытии сегодня конвоя Его Величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров и о просьбе депутатов конвоя арестовать тех офицеров, которые отказались принять участие в восстании? Известно ли также о желании Государыни Императрицы переговорить с председателем исполнительного комитета Государственной Думы и, наконец, о желании Великого князя Кирилла Владимировича прибыть лично в Государственную Думу, чтобы вступить в переговоры с исполнительным комитетом? Клембовский».

«Нет, эти известия нам неизвестны. Болдырев».

«В Москве по всему городу происходят митинги, но стрельбы нет. Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Временному правительству. Арестованы Штюрмер, Добровольский, Беляев, Войновский-Кригер, Горемыкин, Дубровин, два помощника градоначальника и Климович. Исполнительный комитет Государственной Думы обратился к населению с воззванием возить хлеб, все продукты на станции

железных дорог для продовольствования армии и крупных городов. Петроград разделен на районы, в которые назначены районные комиссары. Представители (?) армии и флота постановили признать власть исполнительного комитета Государственной Думы впредь до образования постоянного правительства. Всё изложенное надо доложить главнокомандующему для всеподданнейшего доклада. Клембовский».

Телеграмма генерала Алексеева на имя Государя Императора, переданная из Ставки 2 марта в 14 ч 30 мин

«Всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству полученные мною на имя Вашего Императорского Величества телеграммы:

От Великого князя Николая Николаевича:

"Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры.

Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему.

Осенив себя крестным знамением, передайте ему — Ваше наследие.

Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить Вас. Генерал-адъютант Николай".

От генерал-адъютанта Брусилова:

"Прошу Вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому Престолу, что, в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, — отказаться от престола в пользу Государя Наследника Цесаревича при регентстве Великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет; необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе повлечет за собой неисчислимые катастрофические последствия. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника. Генерал-адъютант Брусилов".

От генерал-адъютанта Эверта:

"Ваше Императорское Величество, начальник штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы.

Ваше Величество, на армию, в настоящем ее составе, при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом Родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких.

Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения Родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно видимо способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. Генерал-адъютант Эверт".

Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам; промедление грозит гибелью России. Пока армию удается спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохранение воинской дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее.

Ваше Императорское Величество горячо любите Родину и ради ее целости, независимости, ради достижения победы соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжелого положения.

Ожидаю повелений. 2 марта 1917 г. № 1878 Генерал-адъютант Алексеев».

Телеграмма генерала Сахарова на имя главнокомандующего Северного фронта, копия генералу Алексееву

«Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной Думы Вам на высокомилостивое решение Государя Императора даровать стране ответственное министерство и просил главнокомандующих доложить Его Величеству через Вас о решении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения.

Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения,

переданного Вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего Державного Вождя, если бы не были призваны к защите Родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии.

Переходя к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный Его Величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищи к представлению дальнейших, еще гнуснейших, притязаний. Яссы 2 марта 13 317 генерал Сахаров».

Все эти телеграммы были доложены Государю генералом Рузским между 14 и 15 часами 2/15 марта.

Государь, выслушав доклад генерала Рузского, решил отречься от престола в пользу Наследника Цесаревича и составил нижеследующие две телеграммы:

Телеграмма Государя председателю Государственной Думы

«Председателю Государственной Думы. Петроград.

Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего Великого князя Михаила Александровича. Николай».

Телеграмма Государя начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу Алексееву

«Наштаверх Ставка.

Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай».

В действительности обе эти телеграммы не были отправлены по назначению. После их подписания Государю, выходившему из вагона, в 15 ч 10 м было доложено о выезде в Псков депутатов (А. И. Гучкова и В. В. Шульгина).

Государь приказал телеграмму на имя председателя Государственной Думы задержать отправкой до прибытия депутатов, а телеграмму на имя генерала Алексеева взял обратно; в 15 ч 45 мин. Государь потребовал возвратить ему и телеграмму на имя М. В. Родзянко о согласии отречься от престола в пользу сына.

Во всяком случае документально устанавливается, что решение отречься от престола принято было Государем еще до разговора с депутатами, выехавшими из Петрограда.

Телеграмма помощника начальника штаба Верховного Главнокомандующего на имя начальника штаба Северного фронта

«Телеграмма 1223 об объявлении манифеста не приводится в исполнение в ожидании дальнейших указаний после доклада главнокомандующего Северного фронта. Очень прошу ориентировать начальника штаба Верховного Главнокомандующего, в каком положении находится вопрос.

Из Вашего штаба сообщили, что литерные поезда стоят в Пскове и нет никаких распоряжений относительно отправления. Между тем получены известия, что начальник штаба эксплуатационного отдела северо-западных дорог инженер Гавалов отдал распоряжение по линии об отправлении литерных поездов к Двинску. Прошу сообщить, что известно. 2 марта 1917 г. 1886 Клембовский».

Телеграмма начальника штаба Северного фронта на имя генерала Алексеева

«Около 19 ч Его Величество примет члена Государственного Совета Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина, выехавших экстренным из Петрограда. Государь Император в длительной беседе с генерал-адъютантом Рузским, в присутствии моем и генерала Саввича, выразил, что нет той жертвы, которой Его Величество не принес бы для истинного блага Родины. Телеграммы Ваши и главнокомандующих были все доложены. 2 марта 1917 г. 1230. Данилов».

Телеграмма начальника штаба Северного фронта на имя генерала Алексеева

«1886. Литерные поезда стоят в Пскове. Действительно одно время возникло предположение у Государя проехать через Двинск в Ставку, но вскоре эта мысль была отставлена ввиду вторичной беседы с Его Величеством генерала Рузского, о которой я уже донес начальнику штаба Верховного Главнокомандующего, а также ввиду выяснившего-

ся прибытия из Петрограда депутатов. Чтобы не загромождать Ставку противоречивыми сведениями, сообщаю только достоверно выяснившееся и в этом отношении прошу мне оказать доверие, что ничего важного не пропущу сообщить.

По поводу манифеста не последовало еще указания главнокомандующему, потому что вторичная беседа с Государем обстановку видоизменила, а приезд депутатов заставляет быть осторожным с выпуском манифеста. Необходимо лишь подготовиться к скорейшему выпуску его, если потребуется. Вернее думать, что Государь Император проследует из Пскова в Царское Село, но окончательное решение будет принято только после выяснения результатов приезда Гучкова и Шульгина. 2 марта 18 ч. 1237 Данилов».

Телеграмма генерала Алексеева на имя Государя Императора

«Получена следующая телеграмма: "Ставка. Генерал-адъютанту Алексееву, копии главнокомандующему Юго-Западного фронта генерал-адъютанту Брусилову и командующему Особой армией генералу Гурко. Временный комитет Государственной Думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять свои руки власть ввиду того, что, под давлением войска и народа, старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. Настоящее время власть будет передана временным комитетом Государственной Думы Временному правительству, образованному под председательством князя Георгия Евгеньевича Львова.

Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих ... (пропуск) войск, а также находящихся в Петрограде лиц Императорской фамилии и все слои населения признают только новую власть.

Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии, командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно глазах населения. Комитет Государственной Думы признает таким лицом доблестного известного всей России героя, командира двадцать пятого армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова. Во имя спасения Родины, во имя победы над врагом, во имя того, чтобы неисчислимые жертвы этой долгой войны не пропали даром накануне победы, необходимо срочно командировать генерала Корнилова в Петроград. Благоволите срочно снестись с ним и телеграфировать срок приезда генерала Корнилова в Петроград. Председатель вр. комитета Государственной Думы М. Родзянко. 1582. 2 марта".

Всеподданнейше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрешение Вашего Императорского Величества исполнить ее во имя того, что в исполнении этого пожелания может заключаться начало успокоения столиц и водворение порядка в частях войск, составляющих гарнизон Петрограда и окрестных пунктов. Вместе с сим прошу разрешения отозвать генерал-адъютанта Иванова в Могилев. 2 марта 1917 г. 1890. Генерал-адъютант Алексеев».

Государь на этой телеграмме положил резолюцию: «Исполнить».

Телеграмма начальника штаба Северного фронта на имя помощника начальника штаба Верховного Главнокомандующего

«Поезд депутатами Гучковым, Шульгиным запаздывает и ожидается не ранее 22 ч. Таким образом окончательное решение вновь откладывается на несколько часов. Как только всё выяснится, немедленно будет сообщено для доклада начальнику штаба Верховного Главнокомандующего. Телеграмма генерал-адъютанта Алексеева отправлена для вручения Государю Императору. Проект манифеста* отправлен в вагон Главнокомандующего. Есть опасение, не оказался бы он запоздалым, так как имеются частные сведения, что такой манифест будто бы опубликован Петрограде распоряжением Временного правительства. Повторяю — последние сведения частного характера. Псков 2 марта 20 ч 35 мин. 1231 Данилов».

Телеграмма вице-адмирала Непенина на имя генералов Алексеева и Рузского — для доклада Государю Императору

«С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам Великого князя Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, формулированного председателем Государственной Думы. Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей Родины. 20 ч 40 мин. 2 марта 1917 г. 260. Вице-адмирал Непенин».

Поезд с депутатами (А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным) прибыл в Псков около 22 ч 2/15 марта.

Государь сейчас же принял депутатов и в 24 ч (со 2/15 на 3/16 марта) были подписаны манифест об отречении от престола в пользу

---

* Составленный в Ставке, по приказанию Государя, об отречении от престола.

Великого князя Михаила Александровича и указы Правительствующему Сенату о назначении князя Георгия Евгеньевича Львова председателем Совета министров, а Великого князя Николая Николаевича — Верховным Главнокомандующим.

Указы Сенату были помечены 2/15 марта 14-ю часами, а манифест 15-ю часами на том основании, что первоначальное решение Государя об отречении от престола состоялось 2/15 марта в 15 ч.

МАНИФЕСТ

(передан из Пскова по телеграфу начальнику штаба Верховного Главнокомандующего, всем главнокомандующим и командующим Балтийского и Черноморского флотов)

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать на Россию новое тяжкое испытание.

Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.

Судьбы России, честь геройской нашей армии, благо народа, всё будущее дорогого отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами Государственными в полном ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины, призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародного испытания и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на пути победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

Министр Императорского Двора генерал-адъютант граф Фредерикс. г. Псков. 2 марта 1917 г. 15 ч».

Указ Правительствующему Сенату

«Князю Георгию Евгеньевичу Львову повелеваем быть председателем Совета Министров. Николай.

Министр Императорского Двора генерал-адъютант граф Фредерикс. г. Псков. 2 марта 1917 г. 14 ч».

Указ Правительствующему Сенату

«Наместнику Нашему на Кавказе Его Императорскому Высочеству Великому князю Николаю Николаевичу повелеваем быть Верховным Главнокомандующим. Николай.

Министр Императорского Двора, генерал-адъютант граф Фредерикс. г. Псков 2 марта 1917 г. 14 ч».

Расписка А. И. Гучкова и В. В. Шульгина:

«Высочайший манифест от 2 марта 1917 г. получили. Подписи: Александр Гучков, Шульгин. 2 марта 1917 г. в 24 ч».

Телеграмма А. И. Гучкова и В. В. Шульгина на имя начальника Главного штаба в Петроград

«Просим передать председателю Государственной Думы Родзянко:

Государь дал согласие на отречение от престола в пользу Великого князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу конституции.

Поручение образовать новое правительство дается князю Львову. Одновременно Верховным Главнокомандующим назначается Великий князь Николай Николаевич. Манифест последует немедленно Пскове. Как положение дел Петрограде? Гучков. Шульгин. 3 марта».

Телеграмма начальника штаба Северного фронта на имя генерала Алексеева; копии главнокомандующим и командующим армиями Северного фронта

«Его Величеством подписаны Указы Правительствующему Сенату о бытии председателем Совета министров князю Георгию Евгеньевичу Львову и Верховным Главнокомандующим Его Императорскому Высочеству Великому князю Николаю Николаевичу. Государь Император изволил затем подписать акт отречения от престола с передачей

такового Великому князю Михаилу Александровичу. Его Величество выезжает сегодня, примерно в два часа, на несколько дней в Ставку через Двинск.

Манифест и Указы передаются по телеграфу дополнительно. 3 марта 1244. Данилов».

Разговор по прямому проводу генерала Рузского с М. В. Родзянко и князем Львовым

«У аппарата генерал Рузский».

«Здравствуйте Ваше Высокопревосходительство, чрезвычайно важно, чтоб манифест об отречении и передаче власти Великому князю Михаилу Александровичу не был бы опубликован до тех пор, пока я не сообщу Вам об этом. Дело в том, что с великим трудом удалось удержать более или менее в приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. С регентством Великого князя и воцарением Наследника Цесаревича помирились бы может быть, но воцарение его, как Императора, абсолютно не приемлемо. Прошу Вас принять все зависящие от Вас меры, чтобы достигнуть отсрочки. Родзянко».

«Родзянко отошел, у аппарата стоит князь Львов».

«Хорошо. Распоряжение будет сделано, но насколько удастся приостановить распоряжение, сказать не берусь, ввиду того что прошло слишком много времени.

Очень сожалею, что депутаты, присланные вчера, не были в достаточной степени осведомлены с той ролью и вообще с тем, для чего они приезжали. Во всяком случае будет сделано все, что в человеческих силах в данную минуту. Прошу вполне ясно осветить мне теперь же всё дело, которое вчера произошло, и последствия, могущие от этого быть в Петрограде. Рузский».

«У аппарата Родзянко. Дело в том, что депутатов винить нельзя. Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел и которые, конечно не солдаты, а просто взятые от сохи мужики (и которые?) все свои мужицкие требования нашли полезным теперь заявить. Только слышно было в толпе — "земли и воли", "долой династию", "долой Романовых", "долой офицеров", и начались во многих частях избиения офицеров. К этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея.

После долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось прийти только к ночи сегодня к некоторому соглашению, которое заключается в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное Собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму

правления, и только тогда Петроград вздохнул свободно и ночь прошла сравнительно спокойно.

Войска мало-помалу в течение ночи приводятся в порядок, но провозглашение Императором Великого князя Михаила Александровича подольет масла в огонь, и начнется беспорядочное истребление всего, что можно истребить.

Мы потеряем и упустим из рук власть и усмирить народное волнение будет некому. При предложенной форме — возвращение династии не исключено, и желательно, чтобы примерно до окончания войны, продолжал действовать Верховный Совет и ныне действующее Временное правительство. Я вполне уверен, что при таких условиях возможно быстрое успокоение и решительная победа будет обеспечена, так как, несомненно, произойдет подъем патриотического чувства, всё заработает в усиленном темпе и победа, повторяю, может быть обеспечена. Родзянко».

«Я распоряжения все сделал, но крайне трудно ручаться, что удастся не допустить распространение, так как имелось в виду этой мерой поскорей дать возможность армии перейти к спокойному состоянию в отношении тыла. Вчера Императорский поезд, или вернее уже сегодня, так как события протекали ночью, ушел через Двинск в Ставку, и таким образом центр дальнейших переговоров по этому важному делу должен быть перенесен туда, так как по закону, начальник штаба в случае отсутствия Верховного Главнокомандующего замещает его должность и действует его именем. Кроме того, необходимо установить аппарат Юза в том месте, где заседает новое правительство в Петрограде, дабы обеспечить вам удобство сношений со Ставкой и мной. Прошу также два раза в день, в определенное время сообщать мне о ходе дел лично или через доверенных лиц, имена которых желал бы знать. Рузский».

«Я в точности выполню Ваше желание и аппарат Юза будет поставлен, но прошу Вас, в случае прорыва сведений о манифесте в публику и в армию, по крайней мере не торопиться с приведением войск к присяге. К вечеру сегодня дам Вам и всем главнокомандующим дополнительные сведения о ходе дела.

Скажите мне, пожалуйста, когда выехал Гучков? Родзянко».

«Гучков выехал сегодня ночью из Пскова около трех часов. О воздержании приведения к присяге в Пскове я сделал еще вчера распоряжение; немедленно сообщу о том армии моего фронта и в Ставку. У аппарата был, кажется, князь Львов. Желает ли он со мной говорить? Рузский».

«Николай Владимирович, всё сказано. Князь Львов ничего добавить не может. Оба мы твердо надеемся на Божью помощь, на величие и мощь России и на доблесть и стойкость армии и, невзирая ни на какие препятствия, на победный конец войны. До свидания. Родзянко».

«Михаил Владимирович, скажите для верности, так ли я Вас понял; значит, пока всё остается по-старому, как бы манифеста не было, а равно и о поручении князю Львову сформировать министерство. Что касается Великого князя Николая Николаевича (назначенного) Главнокомандующим повелением Его Величества, отданным указом Государем Императором, то об этом желал бы знать также Ваше мнение. Об этих указах сообщено было вчера очень широко по просьбе депутатов, даже в Москву и, конечно, на Кавказ. Рузский».

«Сегодня нами сформировано правительство с князем Львовым во главе, о чем всем командующим фронтами посланы телеграммы. Всё остается в таком виде: Верховный Совет; ответственное министерство, действия законодательных палат до разрешения вопроса о конституции Учредительным собранием. Против распространения Указов о назначении Великого князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим ничего не возражаем. До свидания. Родзянко».

«Скажите, кто во главе Верховного Совета? Рузский».

«Я ошибся, не Верховный Совет, а Временный комитет Государственной Думы под моим председательством. Родзянко».

«Хорошо. До свидания. Не забудьте сообщать в Ставку, ибо дальнейшие переговоры должны вестись в Ставке, а мне надо сообщать только о ходе и положении дела. Рузский». 3 марта 1917 г. 6 ч.

Этот разговор производит, на первый взгляд, крайне странное впечатление. Обращает на себя внимание кажущееся более чем легкомысленное отношение к акту такой высокой важности, как манифест Государя об отречении от престола. Ясно также, что генерал Рузский и председатель Государственной Думы Родзянко говорят на разных языках. Но то, что говорил Родзянко, станет понятным, если стать на точку зрения руководителей революционного движения, которым необходимо было добиться отречения от престола Государя императора. Эта цель была достигнута, а всё остальное являлось уже второстепенным и должно было само собой приложиться.

Генерал Рузский этого не понял и спросил: «Значит, пока всё остается по-старому, как бы манифеста не было...», подразумевая, конечно, что «пока нет и отречения государя от Престола». Председатель Государственной Думы ответил на этот вопрос уклончиво и довольно туманно...

В этом же разговоре обращает на себя двукратная оговорка Родзянко о каком-то «Верховном Совете»; но и это понятно: из телеграфных сношений председателя Государственной Думы с начальником штаба Верховного Главнокомандующего, было ясно, что М. В. Родзянко был убежден в том, что Временный комитет Государственной Думы сохранит за собой то же «Верховное» значение, которое он имел и в первые

дни революции. «Ответственное министерство» ясно мнилось ответственным перед законодательными палатами при наличии Вр. комитета Государственной Думы, облеченного Верховной властью, который, в этом случае, и приобрел бы значение «Верховного Совета».

Но ни Государственная Дума, ни ее Временный комитет, после отречения Государя от престола, не были нужны ни Совету рабочих и солдатских депутатов, ни Временному правительству.

Телеграмма генерала Алексеева на имя всех главнокомандующих фронтами

«Председатель Государственной Думы Родзянко убедительно просит задержать всеми мерами и способами объявление того манифеста, который сообщен этой ночью, ввиду особых условий, которые я Вам сообщу дополнительно. Прошу сделать распоряжение, ознакомив с манифестом только старших начальствующих лиц. Прошу ответа. 3 марта 1917 г. 6 ч 45 мин. № 1913. Алексеев».

Телеграмма генерала Алексеева на имя главнокомандующих фронтами

«Семь часов 3 марта.

Председатель Государственной Думы, вызвав меня по аппарату, сообщил, что события Петрограде далеко не улеглись, положение тревожно, неясно, почему настойчиво просит не пускать в обращение манифеста, подписанного 2 марта, сообщенного уже главнокомандующим, и задержать обнародование этого манифеста.

Причина такого настояния более ясно и определенно изложена председателем Думы разговоре по аппарату с Главнокомандующим Северного фронта; копия этого разговора только что сообщена мне. С регентством Великого князя и воцарением Наследника Цесаревича, говорит Родзянко, быть может, помирились бы, но кандидатура Великого князя как Императора ни для кого не приемлема и вероятна гражданская война.

На запрос, почему депутаты, присланные Псков для решения именно этого вопроса, не были достаточно инструктированы, Родзянко ответил Главнокомандующему Северного фронта, что неожиданно, после, по-видимому, отъезда депутатов, в Петрограде вспыхнул новый солдатский бунт, к солдатам присоединились рабочие, анархия дошла до своего апогея. После долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось к ночи 2 марта прийти к некоторому соглашению, суть коего: через некоторое время, не ранее полугода, собрать Учредительное собрание для определения формы правления; до того времени власть сосредоточивается в руках Временного комитета Государственной Ду-

мы, ответственного министерства, уже сформированного, при действии обеих законодательных палат. Родзянко мечтает и старается убедить, что при такой комбинации возможно быстрое успокоение, решительная победа будет обеспечена, произойдет подъем патриотических чувств, всё заработает усиленным темпом.

Некоторые уже полученные сведения указывают, что манифест уже получил известность и местами распубликован; вообще немыслимо удержать в секрете высокой важности акт, предназначенный для общего сведения, тем более что между подписанием и обращением Родзянко ко мне прошла целая ночь.

Из совокупности разговоров председателя Думы [с] главнокомандующим Северного фронта и мною позволительно прийти к выводам:

Первое — в Государственной Думе и в ее Временном комитете нет единодушия; левые партии, усиленные Советом рабочих депутатов, приобрели сильное влияние.

Второе — на председателя Думы и Временного комитета Родзянко левые партии и рабочие депутаты оказывают мощное давление и в сообщениях Родзянко нет откровенности и искренности.

Третье — цели господствующих над председателем партий ясно определились из вышеприведенных пожеланий Родзянко.

Четвертое — войска Петроградского гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всех, не исключая умеренных элементов Временного комитета.

Очерченное положение создает грозную опасность более всего для действующей армии, ибо неизвестность, колебания, отмена уже объявленного манифеста могут повлечь шатание умов в войсковых частях и тем расстроить способность борьбы с внешним врагом, а это ввергнет Россию безнадежно в пучину крайних бедствий, повлечет потерю значительной части территории и полное разложение порядка в тех губерниях, которые останутся за Россией, попавшей в руки крайних левых элементов.

Получив от Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича повеление в серьезных случаях обращаться к нему срочными телеграммами, доношу ему всё это, испрашиваю указаний, присовокупляя: первое — суть настоящего заключения сообщить председателю Думы и потребовать осуществления манифеста во имя Родины и Действующей Армии; второе — для установления единства во всех случаях и всякой обстановке созвать совещание главнокомандующих Могилеве.

Если на это совещание изволит прибыть Верховный Главнокомандующий, то срок будет указан Его Высочеством. Если же Великий князь

не сочтет возможным прибыть лично, то собраться 8 или 9 марта. Такое совещание тем более необходимо, что только что получил полуофициальный разговор по аппарату между чинами морского главного штаба, суть коего: обстановка в Петрограде 2 марта значительно спокойней, постепенно всё налаживается, слухи о резне солдатами офицеров — сплошной вздор, авторитет Временного правительства, по-видимому, силен; следовательно, основные мотивы Родзянко могут оказаться неверными и направленными к тому, чтобы побудить представителей армии неминуемо присоединиться к решению крайних элементов, как к факту совершившемуся и неизбежному. Коллективный голос высших чинов армии и их условия должны, по моему мнению, стать известными всем и оказать влияние на ход событий.

Прошу высказать Ваше мнение; быть может, Вы сочтете нужным запросить и командующих армиями, равно сообщить, признаете ли соответственным съезд главнокомандующих. Могилев. 1918. Алексеев».

Передав для отправления эту телеграмму, генерал Алексеев, проходя к себе в кабинет, сказал: «Никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от Престола».

Телеграмма главнокомандующего Северным фронтом на имя генерала Алексеева

«1918. Первое — считаю необходимым объявление манифеста, ибо скрыть его нельзя, и в некоторых местах, например Ревеле, он уже объявлен. Присяга только по выходе акта о вступлении на престол.

Второе — потребность от нового правительства воззвания к армии и населению.

Третье — для установления единства действий необходимо, чтобы штаб Верховного Главнокомандующего был в полном контакте с правительством и чтобы только Ставка, а не органы правительства, давали необходимые и своевременные указания главнокомандующим фронтами.

Четвертое — для установления успокоения главнокомандующие должны оставаться на местах. Это единственно авторитетная власть на местах, к помощи которой все обращаются. Во всяком случае, до фактического вступления в главнокомандование Великого князя, сбор главнокомандующих не соответствен.

Пятое — командующим армиями обстановка внутри Империи мало известна, поэтому запрашивать их мнение считаю лишним. 3 марта 16 ч. 1254. Рузский».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КОРНИЛОВСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ И НАЧАЛО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Глава VI

Назначение генерала Корнилова* Верховным Главнокомандующим приветствовалось всеми благомыслящими кругами.

---

* Лавр Георгиевич Корнилов родился в Сибири, в городе Усть-Каменогорске, 18/31 августа 1870 г. Отец Лавра Корнилова был из простых казаков Сибирского казачьего войска и дослужился до первого офицерского чина (хорунжий). Хорунжий Георгий Корнилов был обременен семьей и жить на нищенское офицерское содержание ему стало не по силам. Он вышел в отставку и поступил на службу в качестве волостного писаря в своей родной станице Каркаралинской. Мать Корнилова, казачка станицы Кокпектинской, несла на себе всю черную работу по хозяйству и выхаживала детей. Маленькому Лавру Корнилову пришлось нянчить младших братьев и сестер и помогать по хозяйству.

Около 9 лет мальчик поступил в приходскую школу, в которой пробыл всего лишь два года, а затем в 1881 г. вся семья Корниловых переехала в г. Зайсан. Урывая время от сна, заслуженного отдыха после тяжелых дневных работ, мальчик занимался. В 1883 г. он был принят в Сибирский кадетский корпус, который окончил в 1889 г. первым учеником. По окончании кадетского корпуса Корнилов поступил в Михайловское артиллерийское училище. После производства в офицеры он взял вакансию в Туркестан.

В Туркестане Корнилов всё свободное от службы время употреблял на самообразование, на изучение туземных языков и на уроки ради заработка, так как семья отца, будучи в тяжелых материальных условиях, требовала от него помощи. Осенью 1895 г. поручик Корнилов поступает в академию Генерального штаба, которую оканчивает первым в 1898 г. и вновь отправляется на службу в Туркестанский военный округ.

По прибытии в Туркестан он получает командировку на Афганскую границу. Однажды вечером генерал Ионов, в распоряжение которого был командирован капитан Корнилов, жаловался, что никак не может получить никаких сведений о выстроенной афганцами на берегу реки Аму крепости Дейдади. Капитан Корнилов, при этом присутствовавший, на другой день попросил дать ему трехдневный отпуск и куда-то исчез. Через три дня вернулся и представил генералу Ионову 5 фотографических снимков с крепости, кроки местности и описание характера укреплений, местности и ведущей к крепости дороги. Рискуя жизнью, если б он попался афганцам, Корнилов во время этой рекогносцировки совершил верхом пробег в 400 верст. Летом 1899 г. Корнилов изучил район Кушки, а затем полтора года проработал, изучая китайский Туркестан. Результатом этого исследования явилась книга «Кашгария, или Восточный Туркестан».

Со всех концов России, от отдельных лиц и от различных организаций и городских самоуправлений, посылались в Ставку телеграммы, выражающие радость по случаю назначения генерала Корнилова и уверенность, что он сумеет возродить мощь hусской армии. Еще будучи назначен Главнокомандующим Юго-Западного фронта, в момент его наибольшего развала, генерал Корнилов обратил внимание Временного правительства на то, что наиболее самоотверженные и нужные родине люди — офицеры и хорошие солдаты — гибли, а предатели и трусы, от которых стонала русская земля, не только продолжали жить, но даже оставались безнаказанными. Генерал Корнилов тогда же добился от Временного правительства восстановления на фронте смертной казни для предателей и дезертиров.

В 1901 г. капитан Корнилов был командирован для изучения восточных провинций Персии. Эта командировка, в течение которой Корнилов первый прошел через безводную песчаную, знойную пустыню, которую персы называли «Степью отчаяния», создала ему имя как путешественника. В 1903 г. Корнилов получил командировку в Индию. Японская война застает его в Белуджистане. Корнилов, после долгих хлопот, получает назначение в действующую армию. Во время Мукденских боев 1-я стрелковая бригада, в которой Корнилов был начальником штаба, прикрывала отход других частей армии. Будучи окружена японцами, бригада пробилась, вынеся всех своих раненых. Корнилов за это дело получил орден Св. Великомученика Георгия Победоносца 4-й степени. После Русско-Японской войны полковник Корнилов одно время служил в Главном Управлении генерального штаба, а с 1907 по 1911 год был военным агентом в Китае. За время своего пребывания на востоке Корнилов верхом объездил Китай, Монголию, Тарбогатай, Илийский край, Синь-Цзянь и Кашгарию.

На Европейскую войну генерал Корнилов пошел командиром бригады 49-й пехотной дивизии, но уже 25 августа 1914 г. был назначен начальником 48-й пехотной дивизии, стяжавшей себе в боях, под его начальством, название «стальной». При отходе из Карпат, 29 апреля / 12 мая 1915 г., прикрывая с горстью храбрецов отход своей дивизии, был тяжело ранен и взят австрийцами в плен. Поправившись от ранения, генерал Корнилов бежал из австрийского плена. Побег генерала Корнилова из плена — одна из самых ярких страниц его феерической жизни. После возвращения Корнилова из плена он был награжден Георгием 3-й степени и назначен командиром 25-го армейского корпуса.

Во время революции, 2/15 марта 1917 г., Корнилов был назначен главным начальником Петроградского военного округа. 20 апреля / 3 мая 1917 г. озверелые толпы рабочих-красноармейцев и развращенных тыловых солдат окружили Зимний дворец, где заседало Временное правительство, и потребовали ухода неугодных им министров. Корнилов хотел подавить мятеж, но Временное правительство не имело мужества пойти против толпы и предпочло исполнить все ее требования. Генерал Корнилов после этого отказался от должности начальника Петроградского военного округа и, получив назначение командующим VIII-й армии, отправился на фронт.

Получив телеграмму о своем назначении Верховным Главнокомандующим, генерал Корнилов послал Временному правительству телеграмму с требованием, чтобы немедленно были приняты меры к восстановлению дисциплины в войсках, к прекращению преследования офицеров, к недопущению вмешательства комиссаров и комитетов в боевые и строевые распоряжения и, главное, к введению смертной казни для дезертиров и предателей и в тылу. Телеграмму свою генерал Корнилов закончил указанием, что если эти требования не будут выполнены, то он должность Верховного Главнокомандующего не примет.

Временное правительство (Керенский) ответило, что все требования генерала Корнилова принимаются. Генерал Корнилов прибыл в Могилев и принял должность Верховного Главнокомандующего. Но Временное правительство слова своего не сдержало. Продолжая говорить, что требования генерала Корнилова Временным правительством «принципиально» приняты, Керенский, опасаясь открыто пойти против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, решительно возражавших против принятия этих требований, оттягивал разрешение этих вопросов, говоря, что Военному министерству (Савинкову) поручено составить проект необходимых изменений в дисциплинарном уставе, в положениях о комиссарах и комитетах и о введении смертной казни в тылу; что составленный проект по этим вопросам будет рассмотрен в правительстве и срочно проведен в жизнь.

Генерал Корнилов страшно волновался, говорил, что Керенский его обманывает, оттягивая проведение в жизнь его требований, и явно хочет уклониться от исполнения данного слова. Отношения между Ставкой Верховного Главнокомандующего и Петроградом портились. Чувствовалось, что нам не доверяют.

Как мною уже было отмечено, еще при генерале Брусилове Могилевский Совет рабочих депутатов добивался расчистки якобы образовавшегося в Ставке контрреволюционного гнезда. Конечно, с этими требованиями Могилевский «Совет» обращался не только к генералу Брусилову, но и к комиссару Временного правительства, бывшему в Ставке, Елачичу. Но последний, будучи порядочным человеком и не видя никаких конкретных доказательств предъявляемым обвинениям, дальнейшего хода этому делу не давал.

Деятельностью Елачича в Ставке Временное правительство было недовольно и после назначения генерала Корнилова Верховным Главнокомандующим Елачич был заменен Филоненко, пользовавшимся полным доверием Савинкова, вступившего в управление военным министерством. Филоненко, дня через два после своего прибытия в Ставку, пришел ко мне и сказал, что у него есть данные, что в Ставке имеется группа контрреволюционеров, затевающих переворот.

Я ему ответил, что все это ерунда. Если какие-нибудь офицеры и скажут что-либо неприятное по отношению Временного правительства, то за это преследовать нельзя; ничего же серьезного, я уверен, нет; но что если у него действительно есть какие-либо данные, то пусть он мне их сообщит и я разберу дело. На этом и порешили.

Несколько позже он дал мне список нескольких офицеров, якобы явных контрреволюционеров. Генерал Корнилов приказал произвести расследование, не давшее никаких данных для обвинения. Просто была болтовня, о которой писаря и вестовые донесли в Могилевский Совет. Ко мне больше Филоненко с этим вопросом не обращался, но расследование свое продолжал.

Однажды мне принесли копию телеграммы, посланной им Савинкову. Я прочитал и ничего не понял. Было упомянуто о «коне бледном», скачущем через какие-то горы и что-то затевающем. Было упомянуто в телеграмме о начальнике военных сообщений. Я сказал, что воровского языка не понимаю и не могу разобрать в чем дело.

Мне было разъяснено, что в телеграмме употреблены выражения из книги Савинкова «Конь бледный» и что эти условные слова дают возможность расшифровать телеграмму; что Филоненко предупреждает Савинкова о контрреволюционных замыслах начальника военных сообщений генерала Тихменева[163]. Это впоследствии подтвердилось, и генерала Тихменева по телеграфу из Петрограда туда вызвали; так как я из того же Петрограда получил по телеграфу предупреждение, что ген. Тихменева там арестуют, то обратился к генералу Корнилову. Генералу Корнилову стоило больших трудов отстоять ген. Тихменева.

Вообще из Петрограда мы получали постоянные предупреждения, что неудовольствие против генерала Корнилова и Ставки среди Временного правительства все нарастает и что Совет рабочих и солдатских депутатов начинает настаивать на удалении генерала Корнилова и на разгоне контрреволюционеров Ставки.

Атмосфера постепенно сгущалась. Между тем германцы на Северном фронте перешли в наступление, переправились через Двину, прорвали наш фронт, и появилась угроза не только Риге и Ревелю, но и Петрограду. С большим трудом удалось создать новый фронт против прорванного германцами участка, но чувствовалось, что, если германцы сосредоточат против Северного фронта новые силы, положение может стать катастрофическим.

Генерал Корнилов вновь обратился к Временному правительству с настоянием немедленно провести в жизнь его требования. Было отвечено, что его просят прибыть в Петроград к 10/23 августа для окончательного разрешения этих вопросов в правительстве.

Если не ошибаюсь, 6/19 или 7/20 августа генерал-квартирмейстер, генерал Романовский доложил мне, что генерал Корнилов просит меня отдать распоряжение о сосредоточении в районе Невель–Н. Сокольники–Великие Луки, 3-го конного корпуса с Туземной дивизией (кавалерийской).

Эти части находились в резерве Румынского фронта, и за несколько дней до этого доклада генерала Романовского у меня был разговор с генералом Корниловым о необходимости для усиления Северного фронта перевести значительную кавалерийскую группу с Румынского фронта.

— Но почему же в районе Невель–Н. Сокольники–Великие Луки? — спросил я генерала Романовского.

— Я не знаю. Передаю Вам точно приказание Верховного Главнокомандующего.

— Когда Вы его получили и каким путем?

— Вчера, после двадцати трех часов, генерал Корнилов меня вызвал и приказал доложить Вам об этом сегодня утром.

Мне все это показалось несколько странным; странно, почему это приказание было отдано не непосредственно мне, а через генерал-квартирмейстера; не понятно было, почему выбран указанный район сосредоточения.

Перед этим был разговор о том, что если я захочу, то могу быть назначенным командующим армией; но это решено не было, и я пока оставался начальником штаба; поэтому обращение главнокомандующего к генерал-квартирмейстеру меня удивило.

Я пошел к генералу Корнилову. Сказав ему, что генерал Романовский передал мне его приказание, я попросил объяснить, почему выбран для конницы указанный район сосредоточения. Генерал Корнилов мне ответил, что он хочет сосредоточить конницу не специально за Северным фронтом, а в таком районе, откуда легко было бы в случае надобности перебросить ее на Северный фронт или на Западный; что выбранный им район наиболее удовлетворяет этому требованию.

Я сказал, что нам вряд ли есть основание опасаться за Западный фронт, где имеются достаточные резервы и было бы лучше сосредоточить конницу в окрестностях Пскова.

Но Корнилов остался при своем решении.

— Я, конечно, сейчас же отдам необходимые распоряжения, но у меня получается, Лавр Георгиевич, впечатление, что Вы что-то не договариваете.

Выбранный Вами район сосредоточения конницы очень хорош на случай, если б ее надо было бросить на Петроград или на Москву; но, на мой взгляд, он менее удачен, если идет речь лишь об усилении Северного фронта. Если я не ошибаюсь и Вы действительно что-то не договарива-

ете, то прошу — или отпустите меня на фронт, или полностью скажите мне Ваши предположения. Начальник штаба может оставаться на своем месте лишь при полном доверии со стороны начальника.

Генерал Корнилов несколько секунд подумал и затем ответил:

— Вы правы. У меня есть некоторые соображения, относительно которых я с Вами еще не говорил. Прошу Вас сейчас же отдать распоряжение о перемещении конницы и срочно вызовите сюда командира 3-го конного корпуса генерала Крымова; а мы с Вами подробно переговорим после моего возвращения из Петрограда.

9/22* августа вечером генерал Корнилов выехал в Петроград.

Насколько уже к этому времени сложились ненормальные отношения между генералом Корниловым и Керенским, показывает следующее.

8/21 и 9/22 августа из Петрограда, из Военного министерства, в Ставку было сообщено частным образом, что, по слухам, Керенский решил сместить генерала Корнилова с поста Верховного Главнокомандующего; что генералу Корнилову будет об этом объявлено по приезде его в Петроград и будет предложено там остаться; если же он не согласится и захочет вернуться в армию, то будет арестован.

Генерал Корнилов одно время решил отказаться от поездки в Петроград, но затем изменил свое решение и поехал, но поехал как в неприятельский стан. Для охраны был взят эскадрон Текинского полка с пулеметами. По приезде в Петроград он поехал в Зимний дворец в сопровождении текинцев с двумя пулеметами. Эти пулеметы после входа генерала Корнилова во Дворец были сняты с автомобиля, и текинцы дежурили у подъезда Дворца, чтобы в случае надобности прийти на помощь Главнокомандующему.

Насколько эти слухи о предполагавшемся смещении Корнилова были верны — я не знаю, но оснований для их распространения было много.

После июньской катастрофы на Юго-Западном фронте все говорили о необходимости создания твердой власти, независимой в то же время от каких бы то ни было организаций. Говорили и писали о диктатуре, мысль о которой была не чужда и Керенскому.

При своих поездках на фронт, забывая о страхе, который он испытывал в Петрограде перед Советом рабочих и солдатских депутатов, Керенский набирался храбрости и со своими спутниками неоднократ-

---

* Я очень опасаюсь, что несколько путаю даты событий этого периода; в частности, у меня сомнение относительно поездки Корнилова в Петроград именно 9/22 августа. Если ошибаюсь, то это должно быть исправлено впоследствии.

но обсуждал вопросы о создании твердой власти, об образовании директории или о передаче власти диктатору. А так как большинство этих спутников и приближенных Керенского в действительности сердцем были ближе к Ставке, чем к нему, то все эти разговоры передавались нам.

Волна революции вынесла Керенского наверх, и он одно время стал кумиром толпы. Будучи крайне честолюбивым человеком, он, естественно, мечтал об укреплении власти, но в своем лице.

Между тем с назначением Верховным Главнокомандующим генерала Корнилова, на которого с надеждой устремились глаза всех благомыслящих кругов и в лице которого они видели единственного человека, могущего еще спасти Россию, Керенский почувствовал соперника, который может его затмить.

Совет рабочих и солдатских депутатов открыл первым кампанию против генерала Корнилова, и в этом отношении Керенский, естественно, пошел по одному с ним пути.

Слухи о предполагаемом увольнении генерала Корнилова были в Петрограде так упорны, что 9/22 августа к Керенскому была отправлена делегация от совета Союза казачьих войск, которая заявила, что совет просит его сказать, насколько справедливы эти слухи, и сообщить ему, от имени совета, что все казачество не допускает мысли о возможности смены генерала Корнилова. Керенский ответил, что эти слухи ни на чем не основаны и никто не предполагает смещать Корнилова.

9/22 августа, после отъезда генерала Корнилова в Петроград, от имени Керенского была получена телеграмма, что генерала Корнилова Временное правительство просит не приезжать; если же он все-таки поедет, то Временное правительство снимает с себя всякую ответственность за то, что может произойти.

Мои ближайшие помощники пришли ко мне взволнованные, говоря, что телеграмма послана умышленно с таким расчетом, чтобы она не застала Главнокомандующего в Ставке; что указание на то, что Временное правительство «снимает с себя всякую ответственность» — показывает, что можно действительно ожидать ареста генерала Корнилова.

Я их успокоил, сказав, что на арест генерала Корнилова Керенский пойти не решится, а эту телеграмму надо понимать проще: так как Главнокомандующий в одной из предыдущих телеграмм сам указывал, что оставлять Ставку ему нельзя из опасения, чтобы на фронте не случилось чего-нибудь в его отсутствии, то Керенский, который просто не хочет видеть Корнилова, в своей телеграмме подчеркивает, что вся ответственность за отъезд из Ставки Главнокомандующего остается на нем самом, так как Временное правительство его в Петроград теперь не

вызывает. Поздняя же присылка телеграммы — просто плохая работа Военного министерства или канцелярии Керенского.

11/24 августа, утром, генерал Корнилов вернулся из Петрограда.

Он возмущенно стал мне рассказывать, что поездка его была напрасна; что Керенский его водит за нос, явно не желая выполнить свое обещание и провести в жизнь его требования; что на заседании Временного правительства только в общих чертах были рассмотрены его требования и поручено Савинкову разработать окончательный проект того, что надо ввести для поднятия дисциплины в войсках и затем, по соглашению с ним, Корниловым, все вновь внести на утверждение Временного правительства.

«Как видите, — только затягивают время. По-видимому, Керенскому не хочется, чтобы я ехал на Московское Государственное Совещание, но я поеду и добьюсь, чтобы мои требования были наконец приняты», — закончил Корнилов.

Затем генерал Корнилов напомнил мне, что на заседании Временного правительства 3/16 августа (во время его предыдущей поездки в Петроград), Савинков ему передал записку (которую читал и Керенский), в которой предупредил, что надо быть осторожным и всего не говорить, так как это сейчас же станет известным Совету рабочих и солдатских депутатов, а оттуда и немцам.

«Я тогда просил мне сказать, при ком именно нельзя всего говорить — и мне назвали министра земледелия Чернова. Вот Вам и Временное правительство, в составе которого сидят заведомые предатели! Не мудрено, что не хотят проводить в жизнь моих требований».

После этого генерал Корнилов вернулся к разговору, бывшему у меня с ним до его поездки в Петроград.

«Как Вам известно, все донесения нашей контрразведки сходятся на том, что новое выступление большевиков произойдет в Петрограде в конце этого месяца; указывают на 28–29 августа (10–11 сентября). Германии необходимо заключить с Россией сепаратный мир и свои армии, находящиеся на нашем фронте, бросить против французов и англичан.

Германские агенты — большевики, как присланные немцами в запломбированных вагонах, так и местные, на этот раз примут все меры, чтобы произвести переворот и захватить власть в свои руки.

По опыту 20 апреля (3 мая) и 3–4 (16–17 июля) я убежден, что слизняки, сидящие в составе Временного правительства, будут сметены, а если, чудом, Временное правительство останется у власти, то при благосклонном участии таких господ, как Черновы, главари большевиков и Совет рабочих и солдатских депутатов останутся безнаказанными.

Пора с этим покончить.

Пора немецких ставленников и шпионов, во главе с Лениным, повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался!

Вы правы. Конный корпус я передвигаю главным образом для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду и, если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями Родины как следует.

Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов.

Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне в последнюю минуту удастся с ним договориться.

Но вперед ничего никому говорить нельзя, так как Керенские, а тем более Черновы на все это не согласятся и всю операцию сорвут.

Если же мне не удалось бы договориться с Керенским и Савинковым, то возможно, что придется ударить по большевикам и без их согласия. Но затем они же будут мне благодарны и можно будет создать необходимую для России твердую власть, не зависимую от всевозможных предателей.

Я лично ничего не ищу и не хочу. Я хочу только спасти Россию и буду беспрекословно подчиняться Временному правительству, очищенному и укрепившемуся.

Пойдете ли Вы со мной до конца и верите ли, что лично для себя я ничего не ищу?»

Я, зная генерала Корнилова как безусловно честного и преданного родине человека, ответил, что верю ему, вполне разделяю его взгляд и пойду с ним до конца. Вот начало и основа всего заговора, в котором потом Временное правительство обвиняло генерала Корнилова и меня.

После этого я сказал генералу Корнилову, что все надо хорошенько обдумать, постараться предусмотреть все случайности и сделать так, чтобы бить наверняка. Я просил поручить мне все это обдумать.

Генерал Корнилов мне ответил: «Теперь я Вас прошу никакой армии не принимать, а остаться у меня начальником штаба. До сих пор я с Вами не говорил, предполагая, что Вы захотите принять армию. Я уже кой-что подготовил, и по моим указаниям полковник Лебедев[164] и капитан Роженко[165] разрабатывают все детали. У Вас, как у начальника штаба, слишком много работы, а потому уже доверьтесь, что я лично за всем присмотрю и все будет сделано, как следует. Во все это посвящены еще мой ординарец Завойко[166] и адъютант полковник Голицын[167]».

Я, к сожалению, на это согласился и никакого участия в разработке операции не принимал. Как последующее показало, сам генерал Кор-

нилов, за неимением времени, подготовкой операции не руководил, а исполнители, не исключая и командира корпуса генерала Крымова, отнеслись к делу более чем легкомысленно, что и было одной из главных причин, почему операция впоследствии сорвалась.

12/25 августа в Ставку приехал генерал Крымов, но так как генерал Корнилов до отъезда в Москву на Государственное Совещание не имел времени с ним переговорить, то предложил ему ехать с ним в Москву, чтобы переговорить дорогой.

Государственное Совещание было созвано в Москве в целях выяснения средств для спасения Родины.

13/26 августа генерал Корнилов приехал в Москву, которая встретила его очень торжественно.

В тот же день генерала Корнилова предупредили, что Керенский не доволен встречей, которую Москва устроила Верховному Главнокомандующему и этим подчеркнула, что видит в нем человека, способного спасти Родину. При этом генералу Корнилову сказали, что Керенский примет все меры, чтобы помешать ему выступить на Государственном Совещании.

Действительно, вечером 13/26, в поезд Главнокомандующего прибыл один из членов Временного правительства и, ссылаясь на то, что все ораторы уже расписаны, что Керенский скажет относительно армии все, что надо, советовал генералу Корнилову с речью не выступать. Но генерал Корнилов потребовал, чтобы ему было предоставлено слово, и на утреннем заседании Государственного Совещания 14/27 августа выступил с речью.

Он определенно сказал, что у него нет уверенности в том, что русская армия выполнит свой долг перед Родиной. Указал, что в армии развал и продолжаются убийства офицеров озверевшими солдатами. Прочитал ряд последних телеграмм о кошмарных, хулиганских убийствах чинов командного состава. Указал, что дезертирство продолжается и анархия в армии развивается. Указал, что на юге опасность угрожает плодородным губерниям, а на севере, если не будет удержан Рижский залив, то непосредственная опасность будет угрожать Петрограду.

Затем генерал Корнилов указал, что для спасения армии и России необходимо ввести в армии железную дисциплину, восстановить власть начальников и престиж корпуса офицеров. Указав на разруху в тылу, вследствие которой армия начинает голодать, а производительность фабрик и заводов падает, требовал принятия немедленных и самых решительных мер против развала армии и тыла. Заявил, что правительство занимается попустительством и не утверждает для спасения армии тех необходимых мер, на которых он неоднократно настаивал.

Все участники Совещания, кроме представителей Совета рабочих и солдатских депутатов, горячо приветствовали Корнилова и в своих речах настаивали на проведении в жизнь намеченных им реформ.

После своей речи на Совещании Корнилов сейчас же выехал в Могилев.

В бытность в Москве он виделся с Донским атаманом Калединым, с председателем Государственной Думы Родзянко и с представителями различных общественных организаций и политических партий. Разговоры с ними его убедили, что требования, им предъявляемые, будут поддержаны, и укрепили в нем уверенность в правильности его решений.

После возвращения в Могилев Корнилов с нетерпением ожидал разрешения возбужденных им вопросов. Керенский и Савинков прислали телеграммы, что разработка мероприятий, требующихся для восстановления дисциплины в армии, заканчивается и что Савинков в ближайшие дни приедет в Могилев для окончательного согласования вопросов с Корниловым, после чего все намеченное будет немедленно утверждено Временным правительством.

Между тем сведения, поступавшие из Петрограда, подтверждали, что выступление большевиков состоится в конце месяца. В Петрограде, еще раньше, несколькими лицами было образовано тайное общество с целью формировать отряды самообороны на случай большевистского выступления. Полковник Генерального штаба Лебедев, поддерживавший связь с лицами, стоявшими во главе этой организации, предложил Корнилову войти с ними в непосредственное сношение и вызвать их в Могилев.

Генерал Корнилов согласился, и вызванные лица (два инженера путей сообщений) приехали. Они доложили Корнилову, что в их распоряжении имеется около двух тысяч человек, отлично вооруженных, но офицеров мало. Набирать широко среди офицеров Петроградского гарнизона они не рискуют, опасаясь, что кто-нибудь проболтается и что их организация может быть раскрыта, что они просят генерала Корнилова прислать в Петроград к концу августа человек сто офицеров и они ручаются, что в случае выступления большевиков они сыграют крупную роль.

Генерал Корнилов согласился, сказав, что офицеры могут быть посланы с фронта под видом отпускных. Распоряжение об этом должно было быть сделано через союз офицеров*.

Было условлено, что все должно быть подготовлено к 26 августа / 8 сентября и в случае выступления большевиков, при приближении к Петрограду корпуса генерала Крымова, эта организация должна в Петрограде выступить, занять Смольный институт (где помещался

---

* В июне с целью объединить офицеров, поддерживать между ними связь и координировать их усилия для прекращения развала армии был образован союз офицеров. При Ставке находился центральный орган управления союза офицеров, а на местах — в штабах армий, корпусов, дивизий и в каждой отдельной части войск — были свои отделения союза.

Совет рабочих и солдатских депутатов) и постараться арестовать большевистских главарей. В Ставку приехали, кроме указанных инженеров, б[ывший] член 1-й Государственной Думы Аладьин[168] и некий Добрынский. Я их прежде не знал.

Генерал Корнилов с Аладьиным познакомился, насколько мне известно, в бытность свою главным начальником Петроградского округа, а Добрынского, кажется, рекомендовал ему Завойко. Оба они никакого участия и никакой активной роли в так называемом Корниловском выступлении не играли. Аладьин просил разрешения приехать в Ставку, и генерал Корнилов его пригласил, считая, что он, как один из видных членов 1-й Государственной Думы, может быть вообще полезен; Добрынского Корнилов считал полезным как человека, якобы имеющего большие связи среди горского и казачьего населения.

При описаниях, впоследствии, Корниловского выступления были указания, что как эти лица, так и ординарец ген. Корнилова Завойко, имели громадное влияние на Корнилова и принимали какое-то выдающееся участие в подготовке выступления, получая от Корнилова особые поручения. Повторяю, что ни Аладьин, ни Добрынский никакой роли не играли.

Что же касается ординарца Корнилова, Завойко (крупный подольский помещик; бывший уездный предводитель дворянства), то вообще его роль при Корнилове была довольно значительная, так как Завойко отлично владел пером, и Корнилов поручал ему составление некоторых бумаг, лично от него исходивших. Кроме того, Завойко сумел заслужить полное доверие Корнилова, и последний нередко поручал ему от своего имени сноситься с теми или иными лицами. К сожалению, после Московского Государственного Совещания Корнилов говорил очень многим из приезжавших в Ставку о своем решении разделаться с большевиками и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов*. Это решение Корнилова, в сущности говоря, перестало быть секретным, и если не всё, то многое дошло и до Петрограда.

Я глубоко убежден, что тревожные слухи, дошедшие до Совета рабочих и солдатских депутатов, заставили большевиков отложить намечавшееся выступление в Петрограде и настоять, через Совет рабочих и солдатских депутатов, чтобы Керенский покончил с Корниловым. При настроении же Керенского, видевшего в лице Корнилова опасного соперника, он схватился за этот случай, дабы спровоцировать выступление Корнилова и от него отделаться.

Наконец, 24 августа / 6 сентября приехал в Ставку давно ожидавшийся управляющий Военным министерством Савинков.

---

* Болтали много и окружавшие Корнилова.

Я прошел вместе с ним в кабинет Корнилова. Поздоровавшись, Савинков сказал Главнокомандующему, что у него есть к нему поручение от Временного правительства, которое он хотел бы передать ему с глазу на глаз. Я ушел к себе.

Примерно через час Корнилов меня позвал и сказал, что Савинков привез проекты намеченных мероприятий для восстановления дисциплины в армии. Главнокомандующий добавил, что, по-видимому, все его требования принимаются; что он просит меня рассмотреть материал, привезенный ему Савинковым, и доложить ему до обеда; что после обеда, в моем присутствии, он окончательно договорится с Савинковым, а в 8 ч вечера Савинков просит принять приехавшего с ним начальника канцелярии полковника Барановского[169], и тогда нужно будет переговорить о тех мерах, которые необходимо принять в Петрограде, дабы предупредить предполагаемое выступление большевиков.

Затем генерал Корнилов сказал, что с Савинковым приехал в Могилев начальник контрразведки в Военном министерстве и что Савинков просит разрешение произвести, если потребуется, аресты некоторых лиц в Ставке.

— Таким образом, приезд Савинкова сюда связан не только с решением договориться со мной, — добавил Корнилов, — но и с каким-то расследованием действий чинов Ставки.

Я сказал, что пусть выясняют, что хотят, но что без своего разрешения я не допускаю никаких арестов.

Я пошел рассматривать материал, привезенный Савинковым. Из рассмотрения привезенных документов я увидел, что круг ведения оставляемых по проекту в войсках комиссаров и комитетов недостаточно сужен и, особенно комиссарам, дается широкое право вмешиваться в распоряжения командного состава, если только они не касаются боевых распоряжений. Последнее же перед тем время генерал Корнилов решил настаивать на полном упразднении комитетов и комиссаров. Я все это доложил Верховному Главнокомандующему.

После обеда Савинков и я пошли в кабинет к Корнилову. Савинков настаивал на необходимости сохранить комиссаров и комитеты, соглашаясь сократить круг их ведения и более точно его определить; генерал Корнилов настаивал на их упразднении. В конце концов закончили тем, что желание Верховного Главнокомандующего будет доложено Временному правительству; но если согласия на полное упразднение комиссаров и комитетов не последует, то придется ограничиться сужением их прав. В остальном разногласий не было.

Когда было закончено рассмотрение привезенных материалов, Савинков сказал Корнилову, что надо договориться относительно того, как обезвредить Совет рабочих и солдатских депутатов, который,

конечно, будет категорически протестовать против принятия требований генерала Корнилова; что Временное правительство, невзирая на протесты этого Совета, утвердит тот проект, который теперь согласован с проектом Верховного Главнокомандующего; но что, конечно, немедленно последует выступление большевиков, которое нужно будет подавить самым беспощадным образом, покончив одновременно и с Советом рабочих и солдатских депутатов, если последний поддержит большевиков; что гарнизон Петрограда недостаточно надежен и что необходимо немедленно подвести к Петрограду надежные конные части; что ко времени подхода этих частей к Петрограду столицу с ее окрестностями необходимо объявить на военном положении; что все это он говорит в полном согласии со взглядами председателя Временного правительства, Керенского, и что с ним, Савинковым, приехал начальник канцелярии Керенского полковник Барановский для точного установления границ района, который надо будет объявить на военном положении; что о времени подхода к Петрограду конных частей он просит генерала Корнилова телеграфировать, и Петроград с окрестностями будет немедленно объявлен на военном положении.

«Объявление столицы с окрестностями на военном положении необходимо, так как это облегчит нам возможность применить самые решительные меры для подавления ожидаемого большевистского выступления, — добавил Савинков. — Я надеюсь, Лавр Георгиевич, что назначенный Вами начальник отряда сумеет решительно и беспощадно расправиться и с большевиками, и с Советом рабочих и солдатских депутатов, если последний поддержит большевиков»*.

Генерал Корнилов ответил, что Савинков может не беспокоиться; что он примет меры к тому, чтобы в случае выступления большевиков расправа с ними и с Советом рабочих и солдатских депутатов была должная.

Было уже 8 ч вечера и в кабинет Корнилова были приглашены генерал-квартирмейстер Романовский и начальник канцелярии Керенского Барановский.

При них Савинков еще раз повторил о том, что после утверждения Временным правительством согласованных с Главнокомандующим мероприятий неминуемо в Петрограде выступление большевиков; что для подавления этого выступления генерал Корнилов, в полном согласии с Временным правительством, направляет к Петрограду конный корпус и что теперь надо определить тот район, который необходимо объявить на военном положении при приближении корпуса к Петрограду.

---

* Ставя в кавычки заявление Савинкова, я должен оговориться, что, может быть, память мне изменяет и я передаю его слова не совсем точно, но суть и смысл передаю безусловно верно.

Требуемый район, при участии полковника Барановского, был определен, и он взял себе экземпляр карты, на котором район был очерчен.

Прощаясь с Корниловым, Савинков выразил уверенность, что все пройдет хорошо, и неожиданно для нас добавил: «Только начальником отряда не назначайте генерала Крымова». На это Корнилов ничего не ответил.

После отъезда Савинкова и Барановского в кабинет Корнилова были приглашены Крымов, Завойко и Аладьин. Корнилов им передал все, что было сказано Савинковым, и добавил, что теперь все действительно согласовано с Временным правительством, что никаких трений не будет и все пройдет великолепно.

Я на это сказал, что все это так хорошо, что даже страшно, нет ли здесь подкопа? Все сказанное Савинковым настолько согласуется с нашими предположениями, что получается впечатление — как будто Савинков или присутствовал при наших разговорах, или... очень хорошо о них осведомлен. Я прибавил, что упоминание его о назначении Крымова мне не нравится и меня беспокоит.

Генерал Корнилов стал мне возражать, говоря, что я слишком мнительный, что Савинков просто умный человек, понимает обстановку и, естественно, пришел к тем же выводам, к которым пришли и мы; что упоминание про Крымова вполне естественно, так как Савинков знает, что будет к Петрограду двинут 3-й конный корпус, которым командует генерал Крымов; что Крымов известен своей решительностью, и Савинков боится, что он повесит лишних 20–30 человек; но что это замечание Савинкова не важно — он сам впоследствии будет доволен, что назначен командовать отрядом именно генерал Крымов.

Но меня эти уверения мало успокоили, и я попросил на всякий случай запротоколировать все, что было сказано Савинковым в присутствии Романовского и Барановского. Генерал Романовский это исполнил и протокол был подписан Корниловым, мною и Романовским (впоследствии он был опубликован). Генералу Крымову было предложено немедленно отправиться к корпусу и начать перевозки для сосредоточения к Петрограду.

25 августа / 7 сентября, утром, когда я пришел с докладом к генералу Корнилову, он мне рассказал следующее: 24 августа / 6 сентября, вечером, в Могилев приехал В. Н. Львов (бывший обер-прокурором Святейшего Синода) и хотел тогда же видеть Корнилова, но так как Главнокомандующий был занят и не мог его принять, он явился утром 25 августа / 7 сентября.

В. Н. Львов сказал, что он является к Верховному Главнокомандующему в качестве лица, уполномоченного министром-председателем Керенским, выяснить точку зрения Корнилова на вопрос о наиболее

целесообразном способе создания сильной власти и что Керенский считает возможным три варианта.

Согласно первому — диктаторская власть сохраняется за ним, Керенским, и при нем будет сформировано правительство в новом составе; по второму — диктаторской властью может быть облечено небольшое правительство в составе трех-четырех лиц (в число их должен войти и Верховный Главнокомандующий); по третьему — диктаторская власть может быть сосредоточена в лице Верховного Главнокомандующего, при котором должно быть образовано правительство.

При этом В. Н. Львов спросил, считает ли желательным генерал Корнилов, чтобы в случае принятия третьего варианта в состав кабинета вошли Керенский и Савинков.

Генерал Корнилов высказался за третий вариант, сказав, что сохранение в составе кабинета Керенского и Савинкова он считает нужным, и уполномочил В. Н. Львова передать Керенскому и Савинкову, что признает их приезд в Ставку необходимым и при этом срочный, так как, ввиду возможных событий в Петрограде, он, во-первых, опасается за личную их безопасность в столице, а, во-вторых, их присутствие в Ставке желательно для разрешения целого ряда вопросов, которые, конечно, возникнут.

Я спросил генерала Корнилова, было ли у В. Н. Львова какое-нибудь письменное удостоверение.

— Нет, у него ничего не было. Свои вопросы он мне прочитал по отметкам в своей записной книжке и в нее же занес мой ответ. Репутация у В. Н. Львова — человека безукоризненно порядочного, и я ему не мог не поверить.

— Что он высокопорядочный человек, — в этом и у меня нет сомнений, но что у него репутация путаника — это тоже верно. Но, кроме того, мне вообще это поручение Керенского, передаваемое Вам через Львова, не нравится. Я боюсь, не затевает ли Керенский какой-нибудь гадости. Все это очень странно. Почему Савинков ничего не знал или ничего не сказал? Почему дается поручение Львову, в то время когда в Ставку едет Савинков? Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне все это очень не нравится, и я опасаюсь Керенского.

Корнилов опять назвал меня слишком мнительным; сказал, что Львов выехал из Петрограда позже Савинкова и этим можно объяснить неосведомленность последнего; что он верит, в данном случае, искренности Керенского, так как, в сущности говоря, мысль о создании диктатуры или директории уже обсуждалась Керенским и прежде.

26 августа / 8 сентября Савинкову, согласно условию, была послана следующая телеграмма: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа. № 6394. Генерал Корнилов».

26 августа / 8 сентября Керенский вызвал генерала Корнилова к прямому проводу и попросил его «подтвердить, уполномочил ли он В. Н. Львова передать ему свои предположения». Генерал Корнилов ответил: «Подтверждаю, что я уполномочил В. Н. Львова передать Вам свои предположения». Затем Керенский спросил, продолжает ли Корнилов считать желательным безотлагательное прибытие в Ставку его и Савинкова.

Корнилов ответил утвердительно, на что последовал ответ Керенского, что «сегодня, в субботу, уже поздно выезжать и отъезд придется отложить до воскресения». Корнилов сказал, что будет ожидать их обоих в понедельник 28 августа / 10 сентября.

Необходимо отметить, — что впоследствии признал и генерал Корнилов, что он, говоря по прямому проводу с Керенским, поступил невероятно необдуманно, не спросив Керенского, *что именно передал ему Львов*.

А на этом именно и сыграл Керенский; он отрекся от того, что он сам послал Львова к Корнилову; приказал Львова арестовать; объявил в заседании Временного правительства о наглом требовании Корнилова предоставить ему (Корнилову) диктаторскую власть и потребовал от Временного правительства постановления о смещении генерала Корнилова с поста Верховного Главнокомандующего.

Между тем генерал Корнилов так был уверен, что все идет отлично и что он действует в полной согласованности с Временным правительством, что когда поздно вечером 26 августа / 8 сентября я зашел к нему в кабинет что-то доложить, то застал его за составлением проекта списка будущих министров.

— Вот я составляю проект состава будущего кабинета. К приезду Керенского и Савинкова я решил все это подготовить и с ними столковаться. Но я буду рад, если меня избавят от необходимости принять диктаторские полномочия. Будет, пожалуй, много лучше, если будет образовано мощное правительство в составе 3–4 лиц, со включением, конечно, в него и меня — как Верховного Главнокомандующего.

В тот же вечер генерал Корнилов послал в Москву телеграмму председателю Государственной Думы Родзянко, прося его, вместе с другими общественными деятелями, приехать в Ставку к утру 28 августа / 10 сентября.

Но, конечно, когда развернулись последующие события, никто из общественных деятелей, так горячо поддержавших Корнилова в Москве на Государственном Совещании, в Ставку не приехал.

27 августа / 9 сентября, в 7 ч утра ко мне пришел генерал-квартирмейстер генерал Романовский и принес телеграмму, адресованную генералу Корнилову и мне.

В телеграмме указывалось, что генерал Корнилов освобождается от должности Верховного Главнокомандующего, что ему надлежит немедленно прибыть в Петроград, а мне предлагается временно вступить в исполнение должности Верховного Главнокомандующего. Телеграмма была подписана просто «Керенский» и была даже без номера.

Я пошел к генералу Корнилову. Эта телеграмма для Главнокомандующего была страшным ударом. Рушилась надежда на спасение армии, на спасение Родины.

Ясно стало, что Керенский, отстраняя Корнилова, пойдет дальше по пути соглашательства с Советом рабочих и солдатских депутатов; ясно стало, что большевики возьмут верх и все еще не развалившееся в армии и государственном механизме окончательно рухнет.

Генерал Корнилов, прочитав телеграмму, спросил меня: «Что же Вы предполагаете делать?»

Я на это ответил, что считаю для себя совершенно невозможным принимать должность Верховного Главнокомандующего и сейчас составлю ответную телеграмму.

Корнилов мне сказал: «Да, обстановка такова, что я должен оставаться на своем посту до конца. Я должен добиться, чтобы Временное правительство провело в жизнь мои требования. Пошлите сейчас же телеграмму Крымову, чтобы он ускорил сосредоточение своих войск к Петрограду».

Я послал председателю Временного правительства телеграмму, в которой указал, что все, близко стоящие к военному делу, отлично сознавали, что при создавшейся обстановке и при фактическом руководстве и направлении внутренней политики безответственными организациями, а также громадного, разлагающего влияния этих организаций на армию, последнюю воссоздать не удастся, а, наоборот, армия, как таковая, должна окончательно развалиться через 2–3 месяца, и тогда Россия принуждена будет заключить позорный сепаратный мир, последствия которого будут для нее ужасны; — что правительство принимало полумеры, которые, ничего не исправляя, лишь затягивали агонию и, спасая революцию, не спасали Россию; — что для спасения России прежде всего необходимо создать действительно сильную власть и оздоровить тыл; — что генерал Корнилов предъявил ряд требований, проведение коих в жизнь затягивалось; — что генерал Корнилов, не преследуя никаких честолюбивых замыслов, считал необходимым принять более решительные меры, которые обеспечили бы водворение порядка в армии и стране; — что приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от имени Керенского, лишь заставили принять окончательное решение, отменить которое теперь уже поздно.

Закончил я так: «Почитаю долгом совести, имея в виду лишь пользу родины, определенно Вам заявить, что теперь остановить начатое, с Вашего одобрения, — дело невозможное; это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру...

Ради спасении России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его...

Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова...»

Через несколько времени после отправки этой телеграммы управляющий Военным министерством Савинков вызвал генерала Корнилова к прямому проводу и имел с ним длинное объяснение, заявив, что соображение, изложенное в телеграмме генерала Лукомского, не соответствует истине и является клеветой на него, Савинкова, не предлагавшего никаких политических комбинаций*.

Далее Савинков упрекнул Корнилова в том, что последний стремится к диктатуре из личных целей; в преступлении против родины, заключающемся в том, что он содействует торжеству императора Вильгельма, открывая фронт; в том, что не он, Савинков, виноват, что ему не удалось сблизить Корнилова с демократией.

В заключение он обратился к патриотизму и чувству долга генерала Корнилова, приглашая его подчиниться приказанию Временного правительства и сдать должность Верховного Главнокомандующего.

Генерал Корнилов ответил, что ему не приходится учиться долгу и преданности к Родине у кого-либо из членов Временного правительства, что эту преданность он доказал неоднократно; что именно сознание своего долга перед родиной налагает на него тяжелую и ответственную обязанность остаться на своем посту.

Вместе с этим, отвергая мысль о каких-либо личных честолюбивых замыслах, Корнилов устанавливал, что к Керенскому не он посылал Львова, а последний сам явился в качестве посланца министра-пред-

---

* Ясно, что Савинков, недостаточно вдумавшись в мои выражения в телеграмме: «Приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от Вашего имени, лишь заставил генерала Корнилова...», и «Ваша сегодняшняя телеграмма указывает, что решение, принятое прежде Вами и сообщенное от Вашего имени Савинковым и Львовым, теперь изменилось...» — понял в том смысле, что я указываю, что он, как и Львов, делал предложение Корнилову о переустройстве власти. Между тем я имел в виду два совершенно различных предложения: Львова — о переустройстве власти и Савинкова — о посылке к Петрограду конного корпуса для подавления ожидавшегося выступления большевиков.

седателя, предлагавшего в числе прочих комбинаций ту, при которой главным объединяющим лицом был бы он, Корнилов.

Савинков признал, что посредничество Львова было несчастным.

Однако приказание Временного правительства об оставлении генералом Корниловым своего поста не было отменено, несмотря на признание Савинковым возможного недоразумения, на коем оно было основано.

28 августа / 10 сентября пост Верховного Главнокомандующего был предложен главнокомандующему Северного фронта генералу Клембовскому[170], с указанием, что ему надлежит оставаться в Пскове. Генерал Клембовский, придравшись к этому указанию, от предложения отказался, указав, что из Пскова управлять невозможно.

Все главнокомандующие и многие из командующих армиями выразили свою солидарность с генералом Корниловым, послав об этом телеграммы Керенскому и в Ставку.

28 августа / 10 сентября генерал Корнилов приказал по телеграфу разослать следующее воззвание:

«Я, Верховный Главнокомандующий Корнилов, перед лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самоотверженность гражданина свободной России и беззаветная любовь к родине заставили меня в эти тяжелые минуты бытия отечества не подчиниться приказанию Временного правительства и оставить за собой верховное командование армией и флотом. Поддержанный в этом решении всеми главнокомандующими, — я заявляю всему народу русскому, что предпочитаю смерть устранению меня от должности Верховного Главнокомандующего. Истинный сын народа русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву родине самое большое, что он имеет, — свою жизнь.

В эти поистине ужасные минуты существования отечества, когда подступы к обеим столицам почти открыты для победоносного движения торжествующего врага, — Временное правительство, забыв великий вопрос самого независимого существования страны, кидает в народ призрачный страх контрреволюции, которую оно само, своим неумением к управлению, своей слабостью во власти, своей нерешительностью в действиях, — вызывает к скорейшему воплощению.

Не мне, кровному сыну своего народа, всю жизнь свою на глазах всех отдавшему на беззаветное служение ему, — не стоять на страже великих свобод великого будущего своего народа. Но ныне — будущее это — в слабых, безвольных руках. Надменный враг, посредством подкупа и предательства, распоряжается у нас, как у себя дома, несет гибель не только свободе, но и существованию народа русского. Очнитесь, люди русские, от безумия, ослепления и вглядитесь в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша родина.

Избегая всяких потрясений, предупреждая какое-либо пролитие русской крови, междоусобной брани и забывая все обиды и оскорбления, я, перед лицом всего народа, обращаюсь к Временному правительству и говорю:

Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода ваша и безопасность обеспечены моим честным словом и, совместно со мной, выработайте и образуйте такой состав народной обороны, который, обеспечивая свободу, вел бы народ русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа. Генерал Корнилов».

Но Керенскому, который уже шел рука об руку с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, примирение с Корниловым было не нужно. Он всюду разослал телеграммы с указанием, что Корнилов прислал к нему члена Государственной Думы Владимира Львова с требованием предоставить ему (Корнилову) диктаторские права.

Корнилов, я, Романовский, а затем Деникин и Марков были объявлены изменниками и предателями родины, и состоялся приказ о предании нас суду*.

Керенский, сообщая об этом по телеграфу «всем, всем, всем», указал, что никакое из наших распоряжений не должно исполняться.

Я тогда послал телеграмму Керенскому с запросом, чьи же оперативные распоряжения должны исполняться на фронте. Я указал, что перерыва в преемственности власти быть не может, что и теперь делаются распоряжения относительно усиления Северного фронта и что обстоятельства могут потребовать отдачу и иных распоряжений.

В ответ на это последовало новое распоряжение («всем, всем, всем»), что оперативные распоряжения генерала Корнилова и отдаваемые его именем — обязательны к исполнению. Получилось довольно пикантное положение, при котором Временное правительство, объявив людей изменниками и предателями, указывает на необходимость исполнять их распоряжения.

Генерал Корнилов, возмущенный содержанием обвинительной телеграммы Керенского, разослал свою:

«Телеграмма министра-председателя во всей своей первой части является сплошной ложью: не я посылал члена Государственной Думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приезжал ко мне, как посланец министра-председателя; тому свидетель член 1-й Го-

* Генерал Деникин был в это время главнокомандующим Юго-Западного фронта; генерал Марков был у него начальником штаба. Смещение генералов Деникина и Маркова с должностей, а затем арест и предание суду были вызваны резкой телеграммой за их подписью на имя Керенского, в которой они указывали на недопустимость и преступность смещения генерала Корнилова с должности Верховного Главнокомандующего.

сударственной Думы Аладьин. Таким образом, совершилась великая провокация, каковая ставит на карту судьбу отечества.

Русские люди, великая родина наша погибает, близок час кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины.

Все, у кого бьется русское сердце, кто верит в Бога, в храм, молите Господа о явлении величайшего чуда, чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, сын крестьянина и казака, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свою судьбу и выберет уклад своей новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага, германского племени, и сделать русский народ рабом немцев я не могу, не в силах, и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ — в твоих руках жизнь твоей страны. Генерал Корнилов».

Почти одновременно с этим обращением был отдан генералом Корниловым следующий приказ по армии и флоту:

«Я, Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов, объясняю всем вверенным мне армиям в лице их командного состава, комиссаров и выборных организаций — смысл происшедших событий.

Мне известно из документальных данных донесений контрразведки, перехваченных телеграмм и личных наблюдений нижеследующее:

1) Взрыв в Казани, где погибло более миллиона снарядов и 12 000 пулеметов, произошел при несомненном участии германских агентов.

2) На организацию разрухи рудников и заводов Донецкого бассейна и Юга России — Германией истрачены миллионы рублей.

3) Контрразведка из Голландии доносит:

а) На днях намечен одновременный удар на всем фронте с целью заставить дрогнуть и бежать нашу разваливающуюся армию.

б) Подготовлено восстание Финляндии.

в) Предполагаются взрывы мостов на Днепре и Волге. Организуется восстание большевиков в Петрограде.

4) 3/16 августа в Зимнем дворце, на заседании Совета министров, Керенский и Савинков лично просили меня быть осторожнее и не говорить всего, так как в составе министров есть люди ненадежные и неверные.

5) Я имею основание тяжко подозревать измену и предательство в составе различных безответственных организаций, работающих на немецкие деньги и влияющих на работу правительства.

6) В связи с вышеизложенным и в полном согласии с управляющим Военным министерством, Савинковым, приезжавшим в Ставку 24 августа / 6 сентября, был разработан и принят ряд мер для подавления большевистского движения в Петрограде.

7) 25 августа ко мне был прислан член Думы Львов и имела место историческая провокация.

У меня не могло быть сомнения в том, что безответственное влияние взяло верх в Петрограде и родина подведена к краю могилы.

В такие минуты не рассуждают — я принял известное вам решение: спасти Отечество или умереть на своем посту.

Вам хорошо известна моя прошлая жизнь, и я заявляю, что ни прежде, ни ныне у меня нет ни личных желаний, ни личных целей и стремлений, а только одна задача, один подвиг жизни — спасти родину — и к этому я зову вас всех и в обращении к народу звал и Временное правительство, — пока я ответа не имею.

Должности Верховного Главнокомандующего я не сдал, так как никто из генералов ее не принимает, а потому приказываю всему составу армии и флота, от главнокомандующих до последнего солдата, всем комиссарам, всем выборным организациям — сплотиться в эти роковые минуты жизни отечества воедино и все силы свои без мысли о себе отдать делу спасения родины.

А для этого, в полном спокойствии, оставаться на фронте и грудью противостоять предстоящему натиску врага.

Честным словом офицера и солдата еще раз заверяю, что я, генерал Корнилов, сын простого казака-крестьянина, всею жизнью своею, а не словами, показал беззаветную преданность родине и свободе, что я чужд каких-либо контрреволюционных замыслов и стою на страже завоеванных свобод — при едином условии дальнейшего существования независимости народа русского. Генерал Корнилов».

Этот приказ и предыдущая телеграмма показывают, что генерал Корнилов верил в конечный успех предпринятого им дела. Он не сомневался в том, что выступление большевиков в Петрограде произойдет, и не сомневался в решительности Крымова довести дело до конца.

Но никакого выступления большевиков в Петрограде не произошло. Руководители большевиков, конечно, поняли, что выступление в это

время для них гибель. Совет рабочих и солдатских депутатов объединил свою работу с работой Временного правительства и были приняты меры, дабы не допустить корпус генерала Крымова подойти к Петрограду.

На встречу Туземной дивизии была выслана мусульманская депутация.

Керенский обратился к бывшему в это время в Петрограде генералу Алексееву, чтобы он помог ликвидировать «наступление» генерала Крымова. Генерал Алексеев написал Крымову записку о том, что в Петрограде всё спокойно, что никакого выступления большевиков нет и просил его остановить войска и самому немедленно прибыть в Петроград.

Генерал Крымов отдал приказ корпусу вперед не продвигаться и поехал в Петроград*.

Генерал Алексеев направил его к Керенскому. В чем заключался их разговор, я не знаю; затем генерал Крымов прошел в канцелярию военного министра и застрелился. Перед смертью он написал письмо генералу Корнилову и послал его с адъютантом. Письмо было получено Корниловым, но с его содержанием он никого не познакомил**.

---

* Надо отметить, что фактически к этому времени связь генерала Крымова с частями его корпуса была потеряна и в войсках уже начались колебания.

** После смерти генерала Крымова очень была распространена версия, что он не застрелился, а был убит кем-то из близких к Керенскому лиц. В это верят многие до настоящего времени.

По рассказам лиц, бывших в комнате, соседней с той, в которой (в Зимнем дворце) находились Керенский и Крымов, разговор их носил очень бурный характер. Крымов вышел из комнаты Керенского очень взволнованный и отправился в канцелярию военного министра. Там он попросил дать ему возможность написать письмо генералу Корнилову и отдохнуть, сказав, что он очень устал. Написав письмо, он дал его своему адъютанту с поручением немедленно отправиться в Могилев и передать его в руки ген. Корнилову. После ухода адъютанта он застрелился. Приехавший в Могилев адъютант явился ко мне и от меня узнал о смерти ген. Крымова. Занятый какой-то срочной работой, я приказал адъютанту подняться в следующий этаж в комнату дежурных офицеров и подождать там меня. Минут через пять я пошел к генералу Корнилову доложить о приезде адъютанта ген. Крымова; но в комнате дежурных офицеров адъютанта не оказалось и мне сказали, что Корнилов при входе в комнату приехавшего офицера был там и позвал его с собой в свой кабинет.

Подходя к кабинету ген. Корнилова, я встретил выходившего оттуда адъютанта Крымова. Генерал Корнилов сидел за письменным столом, откинувшись на спинку кресла. На мой вопрос, что содержится в письме ген. Крымова, генерал Корнилов, помолчав несколько секунд, сказал: «Крымов застрелился сам». На мой повторный вопрос: «Я письмо порвал. Ничего особенного он не пишет. Одно ясно и верно — это то, что он застрелился сам, и никто его не убивал». Ясно было, что Корнилов почему-то, как тогда, так и впоследствии, не хотел никому сообщить содержание полученного им письма.

Если не ошибаюсь, 30 августа / 12 сентября мы узнали, что вся операция генерала Крымова, вследствие невыступления большевиков, закончилась.

Совет союза казачьих войск* хотел выступить в качестве посредника между Керенским и Корниловым, но из этого ничего не вышло.

Вот как об этом было изложено в воззвании войскового атамана Терского войска Караулова[171] к Терскому войску:

«Совет казачьих войск предложил свои услуги Временному правительству для предотвращения братоубийственного столкновения, настаивая на необходимости переговорить непосредственно с Корниловым, дабы путем откровенного разговора с обеими сторонами предотвратить дальнейшее развитие запутавшейся "авантюры или рокового недоразумения", как охарактеризовал А. Ф. Керенский всю обстановку дела в разговоре со мной, Дутовым и Аникеевым в 1–2 ч ночи 29 августа / 11 сентября.

Сначала Керенский, с видимой охотой, согласился на наше предложение, но ко времени нашего предполагавшегося отъезда из Петрограда в Ставку отказал нам в выдаче пропуска на выезд и возвращение, чем поставил нас в невозможность раскрыть Корнилову глаза на действительность. Наша поездка не состоялась.

Совет союза казачьих войск выразил по этому поводу свой протест и остановился на твердой уверенности, что братоубийственное столкновение, видимо, не для всех представляется одинаково опасным, а потому, на запрос представителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, за кого идет Совет — за Керенского или за Корнилова, — Совет союза казачьих войск ответил: Казаки стоят только за отечество и, не желая его гибели в гражданской войне, участия не будут принимать ни с той, ни с другой стороны».

Временное правительство решило ликвидировать Ставку. С этой целью в Минске, при штабе Западного фронта, был сорганизован чисто большевистский карательный отряд, который должен был разгромить Ставку.

Керенский, как нам сообщили из Петрограда, был очень воинственно настроен и склонялся к вооруженной карательной экспедиции. Но затем, после настойчивых заявлений со стороны представителей различных общественных организаций и политических групп, согласился попросить генерала Алексеева взять на себя задачу уговорить генерала Корнилова сдать ему, генералу Алексееву, назначаемому

---

* Казаки отказались послать своих депутатов в Совет рабочих и солдатских депутатов и образовали в Петрограде Совет союза казачьих войск.

в Ставку начальником штаба Верховного Главнокомандующего, временно должность Верховного Главнокомандующего и покориться дальнейшему решению Временного правительства. Генерал Алексеев принял на себя эту миссию.

Поздно вечером 31 августа / 13 сентября мне доложили, что меня, из Витебска, вызывает к прямому проводу генерал Алексеев.

Генерал Алексеев сообщил о характере своей миссии и прибавил, что он может продолжать путь в Могилев лишь при условии, если ему я, от имени генерала Корнилова, поручусь, что он никаких неприятностей в Ставке не будет иметь и что ему будет обещано, что генерал Корнилов и я, как начальник штаба, сдадим ему свои должности и подчинимся его решению.

Затем он сказал, что он соглашается принять на себя это более чем неприятное поручение единственно с целью ликвидировать все происшедшее без кровопролития; если б он не согласился, то был бы послан карательный отряд, на чем и теперь еще продолжает настаивать Совет рабочих и солдатских депутатов; что он должен срочно сообщить в Петроград, согласен ли Корнилов подчиниться решению Временного правительства и что Керенский, по глубокому убеждению его, Алексеева, надеется, что Корнилов откажется и что тогда будет отправлен отряд, прибытие которого в Могилев, конечно, вызовет кровавое столкновение.

Чтобы проверить, действительно ли я по телеграфу говорю с Алексеевым, я задал ему несколько вопросов, на которые только он один мог дать мне ответы, и, убедившись, что со мной действительно говорил Алексеев, пошел к Корнилову.

Генерал Корнилов, выслушав меня, попросил собрать старших чинов штаба и нескольких других поименно названных им лиц. Когда все собрались, я вновь передал все, что мне сообщил Алексеев. Корнилов попросил всех высказаться.

У большинства настроение было боевое; многие считали недопустимым подчиниться Временному правительству после всего того, что произошло; что касается ожидаемого карательного отряда, то высказывались в том смысле, что при наличии в Могилеве верных частей этот отряд просто будет уничтожен.

Я категорически высказался против возможности дальнейшего сопротивления; указал, что после первого карательного отряда будет прислан новый; что мы отрежем Ставку от фронта и будет прекращено управление армиями; что если поступить так, как предлагается, то мы только сыграем в руку Керенскому; что мы тогда действительно совершим преступление перед родиной и только подтвердим, что Керенский, объявляя нас предателями, был прав; что теперь надо покориться и требовать суда; при этом выяснится, что мы действительно

хотели спасти армию и родину и все, что произошло, — произошло исключительно вследствие преступного и провокационного поведения Керенского.

После моего определенного заявления больше никто не настаивал на продолжении сопротивления. Генерал Корнилов молчал. Затем он встал и, сказав мне, чтобы я пришел к нему через час, распустил совещание.

Когда я к нему вновь пришел, он мне сказал: «Вы правы, дальнейшее сопротивление было бы и глупо, и преступно. Пойдите на телеграф, заявите, что я и Вы ему подчинимся и ему в Ставке не угрожают никакие неприятности».

Я сейчас же все передал генералу Алексееву.

1/14 сентября генерал Алексеев прибыл в Ставку; сначала он прошел к генералу Корнилову, а затем пришел ко мне.

Он мне сказал, что согласился принять должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего при непременном условии немедленного проведения в жизнь всех требований Корнилова. Что Керенский обещал и что он будет идти по пути, начертанному Корниловым, и надеется спасти армию и добиться возможности продолжать войну.

Я на это сказал: «Неужели, Михаил Васильевич, Вы верите Керенскому? Неужели Вы допускает, что он Вам это говорил искренно? Разве Вы не видите, что теперь у Керенского, пока его самого не свергнули, один только путь — это путь соглашения с Советом рабочих и солдатских депутатов. Вас послали сюда и Вам предложили пост начальника штаба Верховного Главнокомандующего только потому, что надо было исполнить требование общественного мнения и что Вы, пожалуй, единственный человек, который мог ликвидировать Ставку без кровопролития. Я убежден, что и Вы неприемлемы для Керенского; Вы здесь пробудете не долго».

Генерал Корнилов, которому генерал Алексеев также довольно оптимистично высказывался относительно будущего, сказал ему: «Вам трудно будет выйти с честью из положения. Вам придется идти по грани, которая отделяет честного человека от бесчестного. Малейшая Ваша уступка Керенскому — толкнет Вас на бесчестный поступок. Думать же, что Керенский, который теперь, конечно, в руках Совета рабочих и солдатских депутатов, пойдет на выполнение всех моих требований, — не приходится. В лучшем случае — или Вы сами уйдете, или Вас попросят уйти».

Вечером 1/14 сентября я был на квартире у 2-го генерал-квартирмейстера, полковника Плющевского-Плющика[172]. Во время ужина мне передали по телефону, что генерал Алексеев меня вызывает на мою

квартиру, так как у него есть ко мне срочное дело. Я поехал в штаб, где жил.

Генерал Алексеев пришел ко мне и сказал, что он получил приказание от Временного правительства немедленно арестовать Корнилова, меня, Романовского и других участников выступления, что он просит меня оставаться на квартире, считаясь арестованным.

Через два дня Корнилову и мне было объявлено, что всех арестованных приказано перевести в гостиницу «Метрополь», а наши помещения очистить к ожидаемому приезду в Ставку нового верховного главнокомандующего — Керенского.

Глава VII

В гостинице «Метрополь» разместили нас довольно сносно. Арестованных было много. Кроме главных — Корнилова, меня и Романовского, арестовали еще товарища министра путей сообщений Кислякова[173], 2-го генерал-квартирмейстера Плющевского-Плющика, члена 1-й Государственной Думы Аладьина, нескольких офицеров Генерального штаба и весь состав исполнительного комитета союза офицеров, находившегося в Могилеве. В Бердичеве были арестованы главнокомандующий Юго-Западным фронтом Деникин, его начальник штаба Марков, командующие армиями Эрдели и Ванновский и с ними еще несколько человек.

Для расследования нашего дела была назначена Особая следственная комиссия под председательством главного военного прокурора Шабловского. Членами этой комиссии были назначены военные следователи, полковники Украинцев[174], Раупах[175] и Колосовский (или Колосов).

Внутреннюю охрану нашего арестного помещения нес Текинский конный полк. Надо сказать, что генерал Корнилов, говоривший по-текински, пользовался громадной популярностью в полку; текинцы его называли: «наш бояр».

Первоначально для охраны нас хотели назначить Георгиевский полк, но текинцы просили, чтобы внутреннюю охрану предоставили им. В этом отношении нам помогли председатель следственной комиссии Шабловский и генерал Алексеев, настоявшие, чтобы против непосредственной охраны нас текинцами не возражали. Охрана от Георгиевского полка выставлялась снаружи помещения.

После первых же допросов, произведенных членами следственной комиссии, выяснилось, что все они относятся к нам в высшей степени благожелательно. От них же мы узнали, что Совет рабочих и солдатских депутатов настаивает на самом срочном производстве следствия и предании нас военно-полевому суду; что Керенский также считает,

что мы подлежим военно-полевому суду; что следственная комиссия постарается затянуть следствие, насколько только это будет возможно, и будет настаивать на гласном нормальном суде.

Для нас, конечно, было понятно, что и для Совета рабочих и солдатских депутатов, и для Керенского совсем не улыбается доводить дело до нормального суда, на котором выяснится вся истина. Для них нужен был скорейший над нами военно-полевой суд и расстрел.

Нас, в первые дни после нашего ареста, спасло то, что мы были арестованы в двух группах: в Могилеве и в Бердичеве. Нужно было, все же, предварительно допросить на местах, не соединяя арестованных вместе. А на это требовалось время, и следственная комиссия не спешила.

В это же время во всей печати была поднята кампания против предполагавшегося предания нас военно-полевому суду и появился ряд статей, объясняющих действительный смысл всего того, что произошло. Керенскому не считаться с этим было трудно. Но все же до самого конца пребывания своего у власти он проводил мысль о необходимости судить нас военно-полевым судом. Это мы знали от членов следственной комиссии.

Между тем пребывание наше в Могилеве стало волновать Могилевский и Петроградский Советы рабочих и солдатских депутатов.

Дело в том, что в Могилеве находился Корниловский ударный полк[176]. Этот полк был сформирован из добровольцев на фронте, в VIII-й армии, когда ею командовал генерал Корнилов. Полк был в блестящем порядке, под начальством преданного генералу Корнилову капитана Генерального штаба Неженцева[177]. По одному знаку генерала Корнилова полк пошел бы куда угодно. Ежедневно, около 12 ч дня, полк, возвращаясь с учения, проходил перед гостиницей «Метрополь» и приветствовал криками «ура» генерала Корнилова, подходившего к окну.

Всем было ясно, что если б генерал Корнилов захотел, то, с помощью Корниловского и Текинского полков, он мог бы не только когда угодно уйти из-под ареста, но и арестовать прибывшего в Ставку Керенского. Было решено нас перевести в Быхов, а Корниловский полк отправить на Юго-Западный фронт.

Командиру полка, явившемуся за приказаниями к своему шефу, генерал Корнилов дал указание подчиниться распоряжению Ставки, сказав, что за безопасность его и всех нас, при наличии текинцев, беспокоиться не приходится.

Во время нашего пребывания в гостинице «Метрополь» ко мне попросил разрешение зайти брат жены Керенского, Генерального штаба генерал-майор Барановский, бывший у меня, в дивизии на фронте,

начальником штаба, а в этот период бывший начальником канцелярии у Керенского.

Когда он пришел, я его спросил: «Что можете сказать, Владимир Львович?»

«Могу только повторить то, что уже сказано генералом Корниловым, то есть что все произошло вследствие провокации Керенского».

Перед нашим переводом из Могилева в Быхов, по постановлению председателя следственной комиссии Шабловского, было освобождено значительное число арестованных, никакого активного участия в Корниловском выступлении не принимавших. Из старших чинов были освобождены — начальник военных сообщений генерал Тихменев и 2-й генерал-квартирмейстер полковник Плющевский-Плющик.

В Быхов были переведены: генерал Корнилов, я, генерал Романовский, генерал Кисляков, Аладьин, капитан Брагин[178], полковник Пронин[179], прапорщик Никитин, Никаноров (за статью, помещенную в печати против Временного правительства), Александров, полковник Новосильцев[180], есаул Родионов[181] (автор известного романа «Наше преступление»), капитан Соотс[182], полковник Ряснянский[183] и подполковник Роженко. Кроме переведенных из Могилева, в Быхов было доставлено еще несколько лиц, арестованных за сочувствие Корнилову (в том числе бывший член Государственного Совета Римский-Корсаков[184]); но их скоро выпустили на свободу.

В Быхове нас поместили в здании старого католического монастыря. Здание было очень мрачное, комнаты низкие со сводчатым потолком. Только генерал Корнилов и я имели по отдельной комнате; остальные помещались по 2–3 человека в комнате. Одна большая комната была отведена под столовую, куда мы собирались к чаю, обеду и ужину. Прогулка нам разрешалась два раза в день во дворе, вокруг костела. Впоследствии для наших прогулок отвели большой сад, примыкавший к дому, в котором мы помещались. Охрана внутри здания неслась текинцами, пол-эскадрона которых помещались в самом здании. Наружная охрана неслась ротой Георгиевского полка.

Официально мы все время, кроме необходимого на пищу и отводимого для прогулок, должны были сидеть по своим комнатам; но в действительности внутри здания мы пользовались полной свободой и ходили, когда хотели, один к другому. Денежного содержания мы были лишены; но пищу нам разрешено было готовить на казенный счет такую же, как давали в офицерских собраниях. Из Ставки в Быхов был прислан повар и нас кормили вполне удовлетворительно.

Сношение с внешним миром официально было воспрещено; но так как комендантом был назначен помощник командира Текинского полка, человек, вполне преданный Корнилову, он докладывал о всех

приезжавших в Быхов и желавших нас видеть, и к нам допускались все те, которых мы хотели видеть. Вследствие этого очень скоро наладилась прочная связь с Петроградом, Москвой и Могилевом, и мы были в курсе всего того, что происходит, и вели переписку с нужными для нас лицами. Штаб Верховного Главнокомандующего также осведомлял нас по всем нас интересующим вопросам. Было разрешено нашим женам поселиться в Быхове и посещать нас ежедневно от 10 ч утра до 6 ч вечера. Таким образом, жизнь наша устроилась совершенно сносно, и мы спокойно ожидали окончания следствия и предания нас гласному суду.

Но недели через полторы-две от председателя и членов следственной комиссии мы узнали, что комитет Юго-Западного фронта, Бердичевский Совет рабочих и солдатских депутатов и комиссар Юго-Западного фронта — категорически протестуют против перевода из Бердичева в Быхов генерала Деникина и других арестованных с ним и требуют немедленного предания их военно-полевому суду в Бердичеве; что Керенский колеблется и, видимо, склонен согласиться; что в Могилев вызван комиссар Юго-Западного фронта и прокурор, и вопрос должен окончательно разрешиться в ближайшие дни.

Председатель следственной комиссии сказал, что он сделает все, чтобы соединить Бердичевских арестованных с нами, и надеется, что это ему удастся; но не скрыл от нас, что положение серьезное.

Действительно, первоначальное разделение нас на две группы было для нас, как я уже отметил, выгодно, давая возможность затянуть следствие и оттянуть решение о назначении суда; но дальнейшее оставление в Бердичеве Деникина и других с ним арестованных — было более чем опасно. Охраны надежной там не было, и местные революционные власти требовали немедленного военно-полевого суда; оставление арестованных в Бердичеве, при объявлении, что они не подлежат военно-полевому суду, грозило им самосудом озверевшей толпы.

Наконец, благодаря исключительной энергии председателя следственной комиссии Шабловского, Бердичевские узники были доставлены в Быхов*.

Из Бердичева в Быхов были привезены: генералы — Деникин, Марков, Ванновский, Эрдели, Эльснер[185] и Орлов[186], капитан Клецанда[187] (чех) и чиновник Будилович[188].

---

* Как мне впоследствии говорил один из членов следственной комиссии, полковник Украинцев, на заседании в Могилеве Шабловскому стоило громадных усилий добиться от Керенского, чтобы последний согласился признать, что Бердичевские арестованные не могут быть в Бердичеве преданы военно-полевому суду и должны быть доставлены в Быхов.

Когда арестованных привезли с вокзала к нашему месту заключения — мы вышли в переднюю их встретить. Вместо радостно настроенных, какими мы ожидали их увидеть, мы в первую минуту встретили группу мрачных лиц, которые даже как-то нас сторонились и спешили пройти внутрь помещения.

Затем это их настроение разъяснилось. Оказывается, что в Бердичеве, все последнее время, они жили под угрозой самосуда, подвергаясь непрерывным оскорблениям и издевательствам черни, настроенной агитаторами. Их путь из тюрьмы в Бердичеве до вокзала — был поистине крестным путем. Охрана из юнкеров едва их отбивала от озверевшей толпы, сопровождавшей их до вокзала и требовавшей самосуда. В них бросали камнями и комьями грязи. У бедного генерала Орлова было разбито все лицо, а у других чувствовались последствия ударов на различных частях тела. От Бердичева до Быхова их сопровождала делегация Бердичевского Совета рабочих и солдатских депутатов, которой было поручено проверить, как будут содержаться арестованные в Быхове, и сделать доклад Совету.

Бердичевские узники едва верили, что остались целы и, предполагая, что и наше положение аналогично ими испытанному в Бердичеве, были удивлены, что мы так свободно себя держим, и опасались, что если это увидят соглядатаи из Бердичева, то будут неприятности. Но Бердичевскую делегацию наша охрана, конечно, не допустила даже во двор здания, а когда один из делегатов стал настойчиво требовать, чтобы их допустили, — текинцы пригрозили нагайками, и они принуждены были уйти.

На другой день во время нашей утренней прогулки Бердичевская делегация подошла к решетке садика и начала делать какие-то замечания. Начальник караула вышел с двумя текинцами и их отогнал, а затем выставил на улице пост, который никого не подпускал к решетке.

Бердичевская делегация, возмущенная подобным снисходительным содержанием арестованных, разослала во все концы телеграммы, и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов стал настойчиво требовать от Керенского назначения другой следственной комиссии и перевода нашего в Петропавловскую крепость. Благодаря настояниям председателя следственной комиссии и тому, что общественное мнение было на нашей стороне, эти домогательства были отвергнуты, но в состав следственной комиссии включили двух представителей от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Эти представители оказались порядочными людьми и, познакомившись со следственным производством, согласились с характером работы следственной комиссии.

Между тем, как и надо было ожидать, Керенский, не имевший возможности выполнить всех обещаний, данных Алексееву о проведе-

нии в жизнь требований Корнилова, повел дело так, что сам генерал Алексеев, видя, что он ничего сделать не может, попросил, чтобы его освободили от должности начальника штаба. Вместо него был назначен генерал Духонин[189]. Все сведения, к нам поступавшие, указывали, что армия окончательно разваливается и надо было ожидать катастрофы со дня на день.

Я писал генералу Духонину и генерал-квартирмейстеру Ставки генералу Дитрихсу, что надо ожидать падения Временного правительства, надо быть готовыми к тому, что у власти окажутся большевики. Я рекомендовал подтянуть к Могилеву несколько надежных частей, дабы Ставка не оказалась в беспомощном положении и в случае надобности могла под их прикрытием перейти в Киев.

Казалось, что можно путем сохранения менее развалившихся фронтов, именно Юго-Западного и Румынского, еще удержать общий фронт. Но для этого опять-таки нужны были суровые и беспощадные меры, а на них «Верховный Главнокомандующий», Керенский, не шел.

Чтобы скрасить однообразно тянувшиеся дни, Быховские заключенные попросили Аладьина давать им уроки английского языка, а по вечерам собирались вместе, читали вслух, устраивали сообщения, лекции.

Газеты были переполнены статьями о нашем деле. Печатались статьи и за нас, и против нас. Одну из статей, в которой излагалось мнение бывшего комиссара при Ставке, Филоненко, о деле Корнилова, впоследствии, в годовщину смерти генерала Корнилова, вспомнил генерал Деникин при чествовании памяти Корнилова:

«Год назад русская граната, направленная рукою русского человека, сразила великого русского патриота.

За что? За то ли, что в дни великих потрясений, когда недавние рабы склонились перед новыми владыками, он сказал им гордо и смело: уйдите, вы губите русскую землю.

За то ли, что, не щадя жизни, с горстью войск ему преданных, он начал борьбу против стихийного безумия, охватившего страну, и пал поверженный, но не изменивший долгу перед Родиной.

За то ли, что крепко и мучительно любил он народ, его предавший, его распявший.

Пройдут года, и к высокому берегу Кубани потекут тысячи людей, поклониться праху мученика и творца идеи возрождении России.

Придут и его палачи.

И палачам он простит.

Но одним он никогда не простит:

Когда Верховный Главнокомандующий томился в Быховской тюрьме в ожидании шемякина суда Временного правительства, один из

разрушителей русской храмины сказал: Корнилов должен был казнен, но когда это случится, я приду на могилу, принесу цветы и преклоню колено перед русским патриотом.

Проклятие им — прелюбодеям слова и мысли. Прочь их цветы. Они оскверняют святую могилу...»

* * *

25 октября / 7 ноября большевики свергли Временное правительство и захватили власть. Керенский бежал. Ясно было, что большевики прежде всего ликвидируют Ставку, а затем, действуя по германской указке, вступят в переговоры с немцами.

Конечно, одновременно со Ставкой большевики должны были ликвидировать и нас. Положение наше стало опасным. В бытность у власти Керенского мы могли, если б захотели, бежать из Быхова совершенно свободно. Но мы этого делать не хотели, мы хотели суда. С появлением же у власти большевиков — оставаться в Быхове становилось просто глупо.

Председателю следственной комиссии Шабловскому было сообщено, что мы просим его приехать в Быхов. Он приехал через два дня и сказал нам, что, действуя вполне законно, основываясь на данных следственного производства, он в ближайшие дни освободит всех заключенных, за исключением Корнилова, Деникина, меня, Романовского и Маркова. И действительно он начал группами освобождать арестованных, и к 18 ноября / 1 декабря в Быхове нас осталось всего пять человек.

С 10/23 ноября большевиками уже подготовлялась экспедиция для ликвидации Ставки и нас. Во главе этой экспедиции был поставлен Крыленко, назначенный советским правительством Верховным Главнокомандующим.

Я послал несколько писем Духонину и Дитрихсу, в которых доказывал, что им надо перейти в Киев; что оставаться в Могилеве бесполезно и опасно; что Ставка все равно будет в ближайшие дни занята большевиками.

Но меня не послушались. Генерал Духонин решил оставаться в Могилеве. И только 18 ноября / 1 декабря, получив сведения о движении в Могилев большевистского отряда, он решил выехать в Киев. Как нам передали из Могилева, были поданы автомобили и начали на них нагружать более важные и ценные документы и дела; но местный Совет рабочих и солдатских депутатов воспрепятствовал отъезду; дела были частью уничтожены, частью внесены обратно в помещение штаба. Духонин решил оставаться на своем посту до конца...

Около 12 ч дня 18 ноября / 1 декабря, за подписью Духонина, генералу Корнилову была прислана телеграмма, в которой сообщалось, что большевики приближаются к Могилеву и что нам оставаться в Быхове нельзя; что к 6 ч вечера в Быхов будет подан поезд, на котором нам рекомендуется, взяв с собой текинцев, отправиться на Дон.

Когда генерал Корнилов нам сообщил содержание этой телеграммы, я сказал: «Ну, далеко на этом поезде мы не уедем!»

После обсуждения вопроса о том, как лучше поступить, все же было решено этим поездом воспользоваться, взяв с собою и текинцев; затем, переодевшись в поезде в штатское платье, на ближайших же станциях слезть и продолжать путь по одиночке, так как в противном случае большевики нас выловили бы из этого поезда.

К 6 ч вечера мы были готовы к отъезду, и текинцы пошли к станции на посадку (лошадей, при коноводах, решено было оставить в Быхове).

Но поезд подан не был, и около 8 ч вечера прибыл к нам в Быхов Генерального штаба полковник Кусонский[190], доложивший, что вследствие полученных сведений о том, что отряд Крыленко остановился в Орше, а в Могилев прибудет только делегация с генералом Одинцовым[191] во главе и, следовательно, нам не угрожает никакой непосредственной опасности, генерал Духонин отложил отправку поезда в Быхов и нам надлежит оставаться на месте.

Генералы Корнилов и Деникин в очень резких выражениях сказали полковнику Кусонскому, что генерал Духонин совершенно не понимает обстановку; что он губит и себя, и нас; что мы в Быхове оставаться больше не можем и не советуем задерживаться в Могилеве генералу Духонину.

Полковник Кусонский уехал на паровозе в Могилев, а генерал Корнилов вызвал нашего коменданта, рассказал ему обстановку и сказал, что нам надо на другой же день, 19 ноября / 2 декабря, покинуть Быхов. Затем отдал распоряжение немедленно вызвать из Могилева оставшийся там эскадрон Текинского полка, проверить, как подкованы лошади, и полку быть готовым к выступлению к вечеру 19 ноября / 2 декабря.

После этого мы совместно стали обсуждать план дальнейших действий. Генерал Корнилов сказал, что сделать переход верхом почти в 1500 верст в это время года полку будет трудно; что если мы все пойдем с полком, то это обяжет нас быть с ним до конца. Генерал Корнилов предложил нам четырем (Деникину, мне, Романовскому и Маркову), отправиться в путь самостоятельно; а он с полком пойдет один. «Теперь я оставить полк не могу; я должен идти с текинцами; если же в пути выяснится необходимость мне отделиться от полка, то один я это сделать могу», — закончил Корнилов. На этом мы и порешили.

Около 7 ч утра 19 ноября / 2 декабря к нам опять приехал полковник Кусонский; он сказал, что прислан генерал-квартирмейстером Дитрихсом; что по последним сведениям Ставка будет занята большевиками, вероятно, к вечеру этого же дня; что Дитрихс уезжает из Ставки и рекомендует нам немедленно бежать. Кусонский предложил на своем паровозе довезти до Гомеля двух из нас.

Мы решили так: Романовскому и Маркову ехать с Кусонским, а Деникину и мне пробираться самостоятельно. Переговорив с генералом Деникиным, дабы не ехать вместе, мы решили, что он поедет поездом на юг, а я на север, через Могилев.

Чтобы не подводить охрану Георгиевского полка, которая должна была оставаться в Быхове, у нас были заготовленные в Ставке официальные документы, удостоверяющие, что мы освобождаемся из-под ареста. Попрощавшись с генералом Корниловым и вручив коменданту документы об освобождении нас из-под ареста, мы отправились на его квартиру.

Там мы переоделись. Романовский превратился в прапорщика инженерных войск; Марков надел солдатскую форму. Деникин и я переоделись в штатское. Я сбрил усы и бороду. Соответствующие документы и паспорта были приготовлены заранее.

Пожелав друг другу счастливого пути, мы расстались: Романовский и Марков отправились на вокзал; Деникин остался на квартире коменданта в ожидании вечернего поезда, а я, надев полушубок и темные очки, пошел в город.

На базарной площади я нанял извозчика до женского монастыря, находившегося в 8 верстах от города. Доехав до монастыря, я расплатился с извозчиком и пошел в церковь, где шла служба. Помолившись Богу, я вышел из церкви и, убедившись, что извозчик уехал, пошел в деревню, отстоявшую от монастыря в двух верстах; в этой деревне стоял польский пехотный полк.

Придя в деревню и узнав, где помещается командир полка, я прошел к нему и прямо ему сказал, что я генерал, что мне надо спасаться от большевиков, и просил его дать мне перевозочные средства доехать до станции, находящейся между Быховом и Могилевом. Командир полка отнесся ко мне крайне внимательно, угостил хорошим обедом и дал подводу доехать до станции.

Поезд на север проходил через станцию около 9 ч вечера, и я около часу прождал его прихода. Взял я билет до Витебска. Проезжая Могилев, я видел на станции ударный батальон, который, по требованию Крыленко, генерал Духонин отправил в Гомель.

В Орше я решил пройти на станцию и выпить воды. Станция была переполнена матросами. На вокзале, стоя около буфета, я из разговоров

окружавших солдат и матросов узнал, что в Орше стоит поезд Крыленко и передовой эшелон отряда, направляемого для ликвидации Ставки; что поезда пойдут в Могилев сейчас же, как будет получено известие, что ударный батальон, столкновения с которым опасался Крыленко, будет отправлен в Гомель*.

Здесь, на вокзале с болью в сердце я увидел безобразную картину: пьяный офицер-прапорщик сидел между двумя пьяными же матросами, из которых один, обняв офицера, запрокидывал его голову, а другой вливал ему в рот из бутылки водку.

В Витебск поезд пришел часа в 2 ночи. Вокзал был переполнен. Пройдя в зал 1-го класса, я увидел там несколько знакомых лиц и из опасения, что меня могут узнать, решил поехать в город и переночевать в какой-нибудь гостинице. Поезд на Смоленск и Москву отходил только около двух часов дня.

Извозчик объехал все гостиницы, но нигде не было свободных номеров; как он мне объяснил, все гостиницы были заняты чинами штаба нового большевистского главнокомандующего, ожидающими, когда будет возможно проехать в Могилев.

Извозчик предложил отвезти меня в известную ему квартиру, где можно переночевать. Я согласился. Он подвез меня к трехэтажному дому и позвонил у подъезда. Вышла какая-то женщина и, узнав, что я хочу переночевать, она мне сказала, что это будет стоить двадцать пять рублей.

Меня устроили в гостиной, и я отлично заснул. Проснулся после 11 ч утра. Помывшись и напившись чаю, я попросил горничную провести меня в уборную. Когда горничная повела меня во 2-й этаж, где в коридор выходили двери отдельных комнат и где царствовала, почти в 12 ч дня, мертвая тишина, я только тогда понял, что я провел ночь в веселом, но теперь сонном, учреждении...

К 2 ч дня я был на вокзале и, взяв билет 3-го класса до Москвы, вышел на перрон, где и ходил в ожидании поезда. Я совершенно не

---

* Как потом стало известно, Крыленко с передовым эшелоном отряда, назначенного для занятия Могилева, прибыл в Ставку 20 ноября / 3 декабря. Генерал Духонин был арестован и на автомобиле отвезен на вокзал, где его ввели в вагон Крыленко. Генералу Духонину было сказано, что его отправят в Петроград. Но затем матросы, собравшиеся у вагона, потребовали, чтобы он вышел. Когда генерал Духонин показался на площадке вагона у выходной двери, то какой-то матрос почти в упор выстрелил ему в лицо, после чего его подняли на штыки. Озверевшие матросы били штыками и прикладами тело последнего Верховного Главнокомандующего Русской армии (после бегства Керенского генерал Духонин вступил в исполнение этой должности), и долго еще труп генерала Духонина валялся на железнодорожных путях около вагона нового большевистского главнокомандующего — Крыленко.

заметил, как ко мне откуда-то сбоку подошел протопресвитер военного и морского духовенства отец Шавельский[192]. Я от него отвернулся; он зашел с другой стороны, и стал меня разглядывать, обращая этим на меня внимание публики. Я тогда направился к нему и сказал, что прошу его идти рядом со мной.

— Александр Сергеевич, неужели это Вы? Как Вы изменились!

— Отец Георгий, мы должны сейчас же разойтись, и прошу Вас на меня не обращать внимания и ко мне не подходить. Если меня здесь кто-нибудь узнает, то я погибну.

Отец Шавельский отошел. Немного спустя я наткнулся на моего вестового, которого я просил коменданта из Быхова отчислить за явно большевистские наклонности, которые он стал проявлять. Солдат остановился, посмотрел на хорошо знакомый ему полушубок, потом на мое лицо... Я был в темных очках, бритый, и еще сделал гримасу, чтобы меня трудней было узнать. Узнал ли меня мой прежний вестовой или нет — не знаю; но он как-то странно свистнул и затем вскочил на площадку вагона подходившего поезда.

Поезд был переполнен, и мне удалось пристроиться на ступеньках одной из площадок вагона 3-го класса. Мороз был более 10°, и я после первого же перегона промерз. На первой же станции я соскочил на перрон и побежал вдоль поезда, чтобы устроиться где-нибудь лучше.

Только площадка вагона 1-го класса оказалась свободной. Я взошел на нее. Но когда поезд отошел — я понял, почему эта площадка пуста: впереди вагона была открытая платформа и сильный ветер стал пронизывать меня насквозь. Я решил войти в вагон 1-го класса, чтобы в коридоре немного согреться; но вагон оказался переполненным пассажирами. Я приоткрыл дверь в уборную и увидел там двух дам: одна сидела на главном месте, а другая на ящике с углем. Увидя меня и думая, что я хочу воспользоваться уборной согласно ее назначению, они хотели выйти. Я им сказал, что хочу только согреться, и мы втроем остались в уборной, в которой я и доехал до Смоленска.

Пересев в Смоленске в другой поезд, я утром 21 ноября / 4 декабря приехал в Москву. По дороге до Москвы какие-то солдаты два раза проверяли у пассажиров паспорта, причем мои документы не вызвали никаких сомнений.

В Москве я взял у вокзала извозчика и проехал шагом мимо квартиры, которую прежде занимала моя семья. Квартира показалась мне пустой, и я решил, что жене удалось уже выехать из Москвы. Вечером в этот же день я поехал через Рязань и Воронеж в Новочеркасск.

Этот переезд был для меня очень тяжелым. Вагон был страшно переполнен, и я от Москвы до ст. Лиски, то есть более 36 ч, принужден был стоять, не имея возможности ни разу присесть.

В вагоне, в котором я помещался, ехало человек 10 молодежи в солдатской форме. Всю дорогу они держали себя довольно разнузданно, но манера себя держать не соответствовала их физиономиям, и мне казалось, что они умышленно себя держат как распущенные солдаты, и явно шаржируют. Так как в Лисках (на границе Донской области) они остались в вагоне, то для меня стало ясно, что это юнкера какого-нибудь военного училища или молодые офицеры, пробирающиеся на Дон.

После отхода поезда со станции Лиски эта молодежь стала устраиваться на освободившихся местах. Я подошел к одной из групп и попросил уступить мне верхнее место.

— А ты кто такой? — услышал я от одного из них в ответ на мою просьбу.

Я тогда сказал:

— Ну вот что, господа, теперь вы можете уже смело перейти на настоящий тон и перестать разыгрывать из себя дезертиров с фронта. Последняя категория и та сбавляет тон на Донской территории. Я — генерал; очень устал и прошу мне уступить место.

Картина сразу изменилась. Они помогли мне устроиться на верхнем месте, и я с удовольствием улегся. Ноги мои от продолжительного стояния опухли и были как колоды.

В Новочеркасск поезд пришел поздно вечером 23 ноября / 6 декабря. На вокзале был дежурный офицер, который указывал приезжавшим офицерам и юнкерам, где им можно остановиться. Я поехал переночевать в общежитие, а утром 24 ноября / 7 декабря перебрался в гостиницу. Первое лицо, которое я увидел в гостинице, был председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, которого под видом тяжело больного и в загримированном виде доставили из Москвы в Новочеркасск.

Затем я встретился с генералами Деникиным, Романовским и Марковым, добравшимися накануне благополучно до Новочеркасска. От них я узнал, что в Новочеркасске генерал Алексеев, который, в полном согласии с атаманом Донского казачьего войска, приступил к формированию Добровольческой армии для борьбы с большевиками*.

Генерал Алексеев приехал в Новочеркасск в первых числах ноября. Я пошел к нему. М. В. Алексеев сказал мне, что он решил сформировать на Дону Добровольческую армию; что в Петрограде и в Москве

---

* На формировании Добровольческой армии именно на Дону генерал Алексеев остановился, считая, что только там, под прикрытием Донских казачьих частей, можно будет сравнительно спокойно сформировать вооруженную силу для борьбы с большевиками. Вообще всем нам казалось, что Донское, Кубанское и Терское казачество не будут восприимчивы к большевистским идеям.

им образованы общества для помощи офицерам; что эти общества поддерживают тесное общение с общественными организациями, помогающими им материально, и они будут направлять на Дон всех желающих офицеров, юнкеров и кадет старших классов; что союз общества офицеров, со своей стороны, примет все меры для облегчения желающим офицерам пробраться на Дон и из других районов.

Я на это ответил, что мне представляется необходимым, чтобы он кликнул клич, призывающий офицеров немедленно направляться на Дон; что его имя среди офицеров очень популярно и на его клич потекут на Дон не сотни, а десятки тысяч офицеров.

Генерал Алексеев на это мне ответил, что он сам об этом думал, но сделать это он пока не смеет.

— Как же я могу обратиться с таким воззванием к офицерам — раз в моем распоряжении нет средств. Ведь и теперь, когда имеется всего около пятисот офицеров и юнкеров, я не сплю по ночам, думая, как мне их прокормить, как их одеть.

На это я ответил, что — будет сила, будут и деньги.

— Рискнуть надо; без этого Вы, Михаил Васильевич, армии не сформируете. Ведь надо знать нашу общественность: они не дают и не дадут больших средств, пока не будут уверены в успехе, пока в Вашем распоряжении не будет достаточной силы. А Вы не можете собрать эту силу, не имея средств. Получается заколдованный круг. Повторяю, что не только можно, а должно рискнуть.

Генерал Алексеев сказал, что он еще подумает. Прощаясь со мной, генерал Алексеев сказал, что нам надо в ближайшие дни условиться относительно дальнейшей совместной работы.

25 ноября / 8 декабря генерал Деникин и я пошли к Донскому атаману генералу Каледину.

Генерал Каледин принял нас очень серьезно, сказал, что, работая в полном согласии с генералом Алексеевым, он убежден, что последнему удастся сформировать хорошую Добровольческую армию, а ему Донскую. Затем он сказал, что очень рад приезду на Дон целой группы генералов, которые помогут наладить организационную работу, но, прибавил генерал Каледин, «имена генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова настолько для массы связаны со страхом контрреволюции, что я рекомендовал бы Вам обоим и приехавшему генералу Маркову пока активно не выступать; было бы даже лучше, если бы Вы, временно, уехали из пределов Дона. — После этого генерал Каледин добавил: — Я отнюдь не настаиваю, чтобы вы уезжали с Дона. Если вас это не устраивает, то оставайтесь, и вы будете гостями Донского казачества; но я, зная обстановку, счел своим долгом высказать, что вам лучше временно уехать. Я убежден, что в самом ближайшем

будущем ваше присутствие здесь будет совершенно необходимо; тогда вы вернетесь, и мы вместе будем работать».

Деникин, Марков и я решили уехать из Новочеркасска. Генералы Деникин и Марков направились в Екатеринодар, а я во Владикавказ. Выехав из Новочеркасска 26 ноября / 9 декабря, мы благополучно проскочили через Ростов. 27 ноября / 10 декабря в Ростове произошло выступление местных большевиков, к которому присоединились бывшие в городе солдаты и матросы. Город был в их руках несколько дней. В подавлении восстания приняла участие первая сформированная в Новочеркасске рота будущей Добровольческой армии.

За два дня до бегства из Быхова я послал вестового с вещами к моей жене, которая, как я предполагал, должна была выехать из Москвы и находиться в имении у знакомых под Харьковом; я ей написал, что буду пробираться в Новочеркасск и прошу ее, как только будет возможно, доставить туда мои вещи. Получив мое письмо и зная из газет, что мы из Быхова бежали и что большевики отдали распоряжение постараться задержать нас в пути, она решила немедленно приехать в Новочеркасск сама.

Приехав в Ростов 27 ноября / 10 декабря утром, она, в ожидании поезда на Новочеркасск, сдала все вещи на хранение, а сама пошла в зал 1-го класса. Как раз в это время произошло в Ростове выступление большевиков, и они, заняв город, двинулись к вокзалу. На вокзале началась паника, и бывшим там пассажирам объявили, что кто хочет спасаться от большевиков, тот может воспользоваться поездом, отходящим в Таганрог. Моя жена едва успела вскочить в отходящий поезд и проехала в Таганрог.

5/18 декабря, когда движение опять восстановилось, она поехала через Ростов в Новочеркасск. Но в Ростове из вещей, сданных на хранение, на складе оказались только два взрезанных и пустых чемодана. Все вещи, как мои, так и ее, пропали. Приехав в Новочеркасск, про меня она ничего узнать не могла, так как те лица, которые знали, что я поехал во Владикавказ, почему-то считали, что об этом никому говорить нельзя, и моя жена, в полной неизвестности, принуждена была жить в Новочеркасске.

Приехав во Владикавказ, я поселился в небольшой гостинице и страшно скучал, ожидая вестей из Новочеркасска. Один мой знакомый просил меня занести во Владикавказе письмо к Тапе Чермоеву, председателю Союза горцев. Чермоев меня очень любезно принял и в разговоре спросил, не согласился бы я помочь горцам сорганизоваться и устроить приличную армию. Я отказался, сказав, что теперь обстановка такова, что можно ожидать резню между горцами и терскими казаками и что в этом случае мое положение могло бы оказаться более чем странным.

Настроение во Владикавказе было напряженное. Почти каждую ночь разбойники-осетины делали набеги на город и грабили магазины. По вечерам я часто бывал у атамана Терского казачьего войска Караулова; от него узнавал обстановку.

В этот период началось движение в тыл отдельных солдатских групп и целых войсковых частей с Кавказского фронта. Терская область и Ставропольская губерния стали наполняться большевистски настроенными солдатами. То там, то здесь начинали вспыхивать беспорядки. Началось брожение и в некоторых станицах Терского казачьего войска.

Атаман Караулов постоянно разъезжал и, насколько возможно, поддерживал порядок. Во время одной из таких поездок, около половины / конца декабря, на станции Прохладной взбунтовавшаяся толпа отцепила его вагон от поезда и он был убит.

12/25 декабря я получил телеграмму от Завойко (бывшего прежде ординарцем Корнилова), что он вместе с генералом Корниловым будет во Владикавказе 13/26 декабря. В этот день Завойко приехал, но один. Он мне сказал, что генерал Корнилов после неимоверно трудного путешествия, 6/19 декабря приехал в Новочеркасск*. Что, познакомившись

---

* 19 ноября / 2 декабря 1917 г., в 11 ч вечера [генерал Корнилов] вышел из Быховской тюрьмы к ожидавшему его Текинскому полку, поздоровался с ним и, сев на коня, отправился с полком в дальний и тяжелый путь. 20 ноября / 3 декабря большевики узнали о бегстве Быховских узников, причем, по полученным ими данным, выяснили, что некоторые из бежавших уехали из Быхова по железной дороге, а генерал Корнилов с другими и с Текинцами отправился куда-то походным порядком. Большевиками было отдано распоряжение внимательно осматривать поезда, поверять у пассажиров документы и постараться поймать отправившихся по железной дороге. Для того, чтобы перерезать путь Текинскому полку, было ими отдано распоряжение по телеграфу, через все телеграфные станции района, примыкающего к Быхову, сообщать в Ставку о всех данных, могущих точно выяснить направление движения Текинского полка. Большевикам удалось выследить путь движения полка, и около станции Унеча Черниговской губернии, предполагая перейти через полотно железной дороги, полк попал под сильный пулеметный огонь большевистского броневого поезда и понес большие потери. Затем, на другой день полк наткнулся на засаду, устроенную в лесу, и от пулеметного огня понес опять значительные потери. После переправы через р. Сейм полк попал в плохо замерзший болотистый район и потерял много лошадей. Мороз держался крепкий; люди были плохо одеты, у лошадей посбивались подковы. Население в некоторых местах относилось враждебно и не всегда удавалось получить продовольствие и фураж. Путь был крайне тяжелый. Наконец Корнилов решил снять тяжелый крест с верных Текинцев и, полагая, что им самим будет идти безопасно, оставил их и, переодевшись крестьянином, с подложным паспортом отправился на Дон один, куда и приехал по железной дороге 6/19 декабря.

с обстановкой, сложившейся в Новочеркасске, генерал Корнилов решил, что ему там нечего делать и решил проехать во Владикавказ, где сговориться со мной, вызвать из Екатеринодара генерала Деникина и решить, что делать дальше; что всё к отъезду было готово, но в последнюю минуту генерал Корнилов, под давлением московских общественных деятелей, изменил свое решение и остался в Новочеркасске.

14/27 декабря я получил телеграмму от генерала Эрдели, что генерал Корнилов меня вызывает. В Новочеркасск я приехал 16/29 декабря; из Екатеринодара приехали туда же генералы Деникин и Марков.

Я застал генерала Корнилова в большом колебании. Формирование Добровольческой армии было уже начато генералом Алексеевым. По характеру генералы Алексеев и Корнилов мало подходили друг к другу.

Генерал Корнилов считал, что дело может пойти успешно лишь при условии, если во главе будет стоять один человек; генерал Алексеев говорил, что роли можно распределить; он указывал, что в его руках останутся финансовые вопросы и политика (внешняя и внутренняя), а генерал Корнилов всецело займется формированием армии и ее управлением.

Генерал Корнилов доказывал, что их параллельная деятельность будет вызывать постоянные трения и, прежде всего, в финансовых вопросах, так как каждую копейку на организацию и нужды армии ему придется испрашивать у генерала Алексеева. Затем генерал Корнилов указывал, что с развитием дела ему, как командующему армией, придется вплотную подойти к внутренней политике, которая будет находиться в ведении генерала Алексеева; что это опять-таки породит недоразумения и трения.

В сущности говоря, это сознавал и генерал Алексеев, предложивший генералу Корнилову такое решение: «Вы, Лавр Георгиевич, поезжайте в Екатеринодар и там, совершенно самостоятельно, приступайте к формированию частей Добровольческой армии, а я буду производить формирования на Дону».

Генерал Корнилов категорически от этого отказался, сказав, что это не выход из создавшегося положения и что это будет еще хуже.

— Если б я на это согласился, то, находясь на таком близком расстоянии один от другого, мы, Михаил Васильевич, уподобились бы с Вами двум содержателям балаганов, зазывающим к себе публику на одной и той же ярмарке.

Генерал Корнилов хотел ехать на Волгу, а оттуда в Сибирь. Он считал более правильным, чтобы генерал Алексеев оставался на юге России, а ему дали бы возможность вести работу в Сибири. Он доказывал, что для дела это будет лучше; что один другому они мешать не будут, и верил, что ему удастся создать в Сибири большое дело. Он рвался на простор, где возможна была самостоятельная работа.

Но приехавшие в Новочеркасск из Москвы представители Национального центра* настаивали на том, чтобы Корнилов оставался на юге России и работал совместно с Алексеевым и Калединым.

Так как Корнилов не соглашался, то было заявлено, что московские общественные организации совершенно определенно поручили объявить, что руководители антибольшевистского движения могут рассчитывать на моральную помощь лишь при условии, что все они (Алексеев, Корнилов и Каледин) будут работать на юге России совместно, распределив между собой роли и подписав составленное между собой соглашение; при этом было указано, что только после того, как это соглашение состоится и, подписанное всеми тремя генералами, будет передано представителям Англии и Франции, можно рассчитывать на получение денежной помощи от союзников.

Генерал Корнилов принужден был согласиться, и, несколько позже, было составлено, подписано и передано представителям московских общественных организаций соглашение, по которому генерал Алексеев принимал на себя заведование всем финансовым делом и вопросами, касающимися внешней и внутренней политики; генерал Корнилов принимал на себя организацию и командование Добровольческой армии; а генерал Каледин — формирование Донской армии и управление всеми делами и вопросами, касающимися Войска Донского. Принципиальные вопросы они должны были разрешать совместно.

Рассказав мне все это, генерал Корнилов предложил мне быть у него начальником штаба.

При следующем нашем свидании, когда мы разбирались в том, что было уже сделано и что надо делать дальше, генерал Корнилов вновь заговорил о том, что он остается на юге России по принуждению; что он согласился на это только по настоянию московских общественных деятелей; что он боится за успех работы, когда во главе дела будет стоять не один полноправный распорядитель, а двое** равноправных, не подчиненных один другому; что он опасается возникновения постоянных недоразумений, особенно по финансовым вопросам; что он, наконец, мало верит в успех работы на юге России, где придется создавать дело на территории казачьих войск и в значительной степени зависеть от войсковых атаманов.

---

* В Новочеркасск приехали: князь Григорий Николаевич Трубецкой, Петр Бернгардович Струве, Михаил Михайлович Федоров, Николай Николаевич Львов, Белоусов и Павел Николаевич Милюков. Наезжали на несколько дней и другие, но фамилий их не помню.

** Не считая генерала Каледина, который в вопросы формирования Добровольческой армии не вмешивался.

Закончил генерал Корнилов так: «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю; я убежден, что там можно будет поставить дело широко. Здесь же с делом легко справится и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время».

Этот взгляд генерала Корнилова отразился на всей его работе в новочеркасский период. Он всей душой и сердцем стремился в Сибирь, хотел, чтобы его отпустили, и к работе по формированию Добровольческой армии на Дону относился без особого интереса.

Придавая большое значение Сибири и Поволжью, генерал Корнилов послал в Сибирь ряд писем к местным политическим деятелям (в том числе Пепеляеву) и, по его просьбе, генералом Алексеевым был командирован туда генерал Флуг, на которого была возложена задача ознакомить сибирских политических деятелей с тем, что делается на юге России, постараться объединить офицеров и настоять на создании там противобольшевистского фронта. На Волгу — в Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын и Астрахань были командированы офицеры с целью сорганизовать там противобольшевистские силы и постараться, подняв восстание против большевиков, захватить в свои руки эти пункты.

У генерала Корнилова зрел очень широкий план: он не ограничивался идеей борьбы с большевиками; он, веря в Сибирь и Поволжье, был убежден, что можно будет не только смести большевиков, но и воссоздать фронт для борьбы с Германией. Работа на Дону ему представлялась работой сравнительно мелкой, местного характера; работа же на востоке — работой крупного, европейского масштаба.

К сожалению, опасения Корнилова, что у него будут трения и недоразумения с Алексеевым, оправдались с первых же дней их совместной работы. Трения происходили и из-за невозможности точно разграничить круг ведения одного от другого, и по разрешению различных вопросов, связанных с денежными отпусками. Столкновения носили иногда очень резкий характер, и Корнилов несколько раз заявлял, что он работать на юге России не может и уезжает в Сибирь.

Я лично считал, что лучше предоставить генералу Корнилову свободу действий и не возражать против его желания ехать в Сибирь, но бывшие в Новочеркасске московские общественные деятели продолжали считать необходимым, чтобы генерал Корнилов оставался на юге России. Они считали, что если уедет Корнилов, то за ним в Сибирь поедут очень многие из вступивших в ряды Добровольческой армии, и дело, начатое в Новочеркасске, может развалиться.

П. Б. Струве, П. Н. Милюков, кн. Г. Н. Трубецкой, М. М. Федоров и А. И. Деникин несколько раз выступали в роли миротворцев

и налаживали отношения между генералами Корниловым и Алексеевым.

Во второй половине (конце) декабря в Новочеркасск из Екатеринодара приехал Савинков. Сначала Савинков посетил генерала Каледина, а затем генерала Алексеева. Он им заявил, что считает свое участие в работе по созданию Добровольческой армии не только желательным, но для дела безусловно необходимым. Он указал на то, что, по его глубокому убеждению, возглавление борьбы с большевиками одними генералами более чем ошибочно; что из этого ничего серьезного не выйдет; что масса отнесется в этом случае к начатому делу как к контрреволюционному; что необходимо при генерале Алексееве создать политическое совещание, в состав которого должен войти он, Савинков; что присутствие его в составе этого политического совещания, работающего рука об руку с Л. Г. Корниловым, ясно покажет всем, что начатое дело есть дело чисто патриотическое, чуждое каких-либо контрреволюционных замыслов.

Л. Г. Корнилов, к которому обратились генералы Алексеев и Каледин, сначала ответил категорическим отказом работать вместе с Савинковым. Но Затем Алексеев и Каледин убедили Корнилова согласиться.

Главный мотив, которым удалось в конце концов убедить Корнилова, заключался в том, что если Савинков будет работать с нами, то он будет скорее полезен; если же отвергнуть его предложение, то он может, работая отдельно, сильно повредить начатому нами делу. Л. Г. Корнилов согласился.

При генерале Алексееве было решено образовать политическое совещание в составе: председатель — Алексеев; члены: Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Романовский, Струве, Милюков, кн. Григорий Трубецкой, Федоров и Савинков.

Генерал Деникин категорически отказался участвовать в составе совещания и ни на одно из заседаний не приходил. Я также не склонен был работать совместно с Савинковым, но генерал Корнилов в конце концов меня уговорил.

Он мне сказал: «Мне очень жаль, что Антон Иванович Деникин решительно отказался от участия в совещании; но если и Вы, будучи моим начальником штаба, не захотите бывать на совещании, то это отразится вредно на деле. Теперь внутренняя политика будет так переплетена с военным делом, что Вы, как начальник штаба, должны быть в курсе всего, что делается. Поверьте, что я не менее остро, чем Вы, чувствую ненормальность нашей будущей работы с Савинковым; еще слишком для нас болезненно воспоминание о работе Савинкова совместно с Керенским — после всей мерзости и подлости, которые Керенский проявил по отношению к нам. Но я переборол себя и решил

это забыть, так как для меня прежде всего важно спасти Родину, а не сводить личные счеты. Переломите себя и давайте вместе работать».

Как мне передавали, Савинков в Екатеринодаре, говоря о Корниловском выступлении и обвиняя меня в создании заговора в Ставке, в который я якобы вовлек генерала Корнилова, сказал: «Этого я простить Лукомскому не могу и считаю его смертельным моим врагом. Если мы когда-нибудь встретимся, то один из нас в живых не останется».

Насколько передаваемое мне было справедливо, я не знаю, но я решил при первом же свидании с Савинковым поставить ему вопрос — как он относится к нашей совместной работе. Я, несколько запоздав на первое заседание политического совещания и войдя в комнату, где все собравшиеся уже сидели за столом, подошел к Савинкову, который при моем к нему приближении встал.

— После всего того, что произошло в Могилеве, судьба нас вновь свела и мы сегодня встретились. Прежде чем сесть за этот стол, я хотел бы знать Ваше откровенное мнение о возможности нам с Вами совместно работать. Я хочу знать, не отразится ли на работе Ваше отношение ко мне и не повредит ли оно делу, нами здесь начатому.

Савинков на это ответил:

— Генерал, я знаю отлично все несходство наших политических убеждений. Но теперь у нас одна дорога, одна цель — это свергнуть большевиков и спасти Россию. В будущем мы, конечно, станем опять политическими врагами, но пока, я определенно это заявляю и обещаю, что с моей стороны не будет никаких противодействий Вашей работе, которые могли бы основываться на каких-либо личных отношениях.

На первом же заседании Савинков возбудил вопрос о необходимости выработать воззвание к народу, в котором ясно и определенно указать цели борьбы и политическое лицо Добровольческой армии. После обсуждения основных положений проектируемого воззвания было поручено Савинкову его составить и представить на обсуждение совещания.

На следующем заседании проект воззвания был оглашен Савинковым, но встретились некоторые возражения и в конце воззвания было не ясно указано, о каком Учредительном Собрании, которое должно будет решить форму правления в России, идет речь: о новом или об Учредительном Собрании 1917 г.

По последнему вопросу все высказались единодушно, что об Учредительном Собрании 1917 г. не может быть и речи; что выборы в это собрание были произведены под давлением большевиков и что состав его не может быть выразителем мнения России. П. Н. Милюков вызвался пересоставить воззвание. Пересоставленное воззвание было

одобрено, напечатано и были приняты меры к широкому его распространению.

Савинков пробыл в Новочеркасске не долго. Перед его отъездом в Москву, около 10/23 января 1918 г., произошел следующий случай. Как-то вечером А. И. Деникин, которого перед тем вызвал к себе генерал Алексеев, заехал за мной и просил немедленно ехать с ним к Алексееву. По дороге он рассказал, что его вызвал генерал Алексеев и что идет речь о раскрытии будто бы готовящихся покушений на Савинкова и Алексеева.

Когда мы приехали, генерал Алексеев нам рассказал, что кто-то из чинов контрразведки предупредил о готовящемся покушении на Савинкова, а последнему сообщили, что готовится покушение и на него — Алексеева; что во всем этом надо разобраться совместно с Савинковым, который должен сейчас приехать. Генерал Деникин, не желавший встречаться с Савинковым, прошел в другое помещение, а я остался в кабинете генерала Алексеева.

Приехавший Савинков подтвердил то, что было сказано генералом Алексеевым. Вызванный офицер контрразведки, от которого были получены эти сведения, ничего определенного сказать не мог. Кончилось это тем, что было приказано принять меры для охраны Савинкова, выяснить более точно источник этих слухов и постараться его проверить. Савинков вскоре после этого уехал в Москву, а расследование этого случая не привело ни к каким результатам. Против Савинкова многие были восстановлены, и возможно, что в этой истории и была доля правды; что же касается слуха о возможном покушении на ген. Алексеева, если он в действительности и был, то был явно вздорен.

Формирование и организация Добровольческой армии подвигались медленно. В среднем в день приезжало и записывалось в ряды армии 75–80 добровольцев. Солдат было мало; больше всего записывались в армию офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старших классов.

Орудий, винтовок и огнестрельных припасов в Донских складах почти не было. Приходилось их отбирать у проходивших через Ростов и Новочеркасск войсковых эшелонов, едущих «по домам»; покупать, через скупщиков, в эшелонах, проходящих через район Войска Донского, и, наконец, добывать небольшими экспедициями, посылаемыми в Ставропольскую губернию, где начали сосредоточиваться большевистски настроенные части с Кавказского фронта.

В Екатеринодаре производилось самостоятельное формирование добровольческого отряда для защиты, главным образом, столицы Кубани от большевиков, начавших угрожать со стороны Тихорецкой и Новороссийска.

Формирование Донских частей подвигалось плохо. Возвращающиеся с фронта части не хотели воевать, стремились разойтись по станицам, и молодые казаки вступили в открытую борьбу со стариками. Во многих станицах эта борьба приобрела ожесточенный характер; расправы с обеих сторон были жестокие. Но пришедших с фронта казаков было больше, чем стариков, они все были хорошо вооружены, и в большинстве станиц победа осталась на стороне молодежи, проповедовавшей большевистские идеи.

Выяснилось, что и в Донском войске можно создать прочные части, только основываясь на принципе добровольчества. Формировать добровольческие (партизанские) Донские части вызывалось довольно много желающих из числа донских офицеров. Это дело в Донском штабе не было как следует налажено; разрешение на формирование партизанских отрядов давалось чуть ли не каждому просившему; появилось много авантюристов, иногда просто разбойников, которые с целью личной наживы грабили население.

Хорошими партизанскими начальниками оказались есаул Чернецов[193] и генерал Семилетов[194]. Особенно хорош был Чернецов, который своими молодецкими набегами на районы, занятые большевистскими отрядами, и рядом геройских дел скоро приобрел громадную популярность.

Недостаток финансовых средств крайне затруднял работу по формированию Добровольческой армии. Как я уже отметил, из-за недостатка денег генерал Алексеев затруднялся обратиться ко всему офицерству с призывом идти на Дон. Это было им сделано только в декабре; но к этому времени сообщения с различными районами России стало гораздо трудней, офицерам стало опасней пробираться по железным дорогам.

Первоначальные средства на формирование Добровольческой армии складывались из пожертвований, получавшихся генералом Алексеевым, а затем и генералом Корниловым в Новочеркасске и в Ростове, и из присылок из Москвы; но этого было слишком недостаточно.

По соглашению с Донским атаманом Калединым и представителями Государственного банка, было выяснено, какая сумма может быть взята из отделений Государственного банка и казначейства на нужды армии. Если мне память не изменяет, всего было получено этим путем 30 млн руб., из коих пятнадцать пошли на нужды Дона, а пятнадцать были переданы в распоряжение генерала Алексеева.

Затем были составлены рисунки новых денежных знаков. Но машины были установлены и клише для печатания были готовы только в начале (середине) февраля 1918 г., когда обстановка заставила Добровольческую армию оставить Ростов.

В конце декабря 1917 г. (первой половине января 1918 г. по н. с.) в Новочеркасск приехали из Москвы два представителя великобританской и французской военных миссий. Эти представители интересовались тем, что сделано и что предполагается делать впредь, и заявили, что пока союзники могут нам помочь только деньгами. Они сказали, что есть полная надежда получить 100 млн руб., которые будут передаваться в распоряжение генерала Алексеева по 10 млн в месяц. Первая получка ожидалась в январе 1918 г., но запоздала, и от союзников в этот период мы ничего не получили.

К концу декабря / началу января был пополнен Корниловский полк, который был проведен на Дон с Юго-Западного фронта командиром полка капитаном Неженцевым; были сформированы офицерский[195], юнкерский[196] и георгиевский батальоны[197], четыре батареи артиллерии, инженерная рота[198], офицерский эскадрон[199] и рота из гвардейских офицеров[200].

К середине января составилась небольшая (всего около пяти тысяч человек), но очень сильная в моральном отношении Добровольческая армия.

Большевики, которые до декабря никаких сил на юге России, в районе Дона не имели, в декабре начали стягивать для ликвидации «контрреволюционеров» части с Западного фронта и формировать в районах Царицына, Ставропольской губернии и Терского казачьего войска части войск из состава войсковых частей бывшего Кавказского фронта.

Большевики стали угрожать со стороны Донецкого бассейна вдоль железных дорог, ведущих на Таганрог, на станции Зверево и Лихая; со стороны Воронежа и со стороны Торговой и Тихорецкой.

Если казачье население еще колебалось и в части станиц благоразумный голос стариков брал перевес, то иногороднее (не казачье население) целиком стало на сторону большевиков. Иногороднее население в казачьих областях всегда завидовало казачеству, владевшему большим количеством земли, и, становясь на сторону большевиков, оно прежде всего надеялось, наравне с казачеством, принять участие в дележе офицерских и помещичьих земель.

Ростов и Новочеркасск были переполнены большевиками. Теми небольшими силами, которые находились в распоряжении генералов Корнилова и Каледина, приходилось не только отбивать наступательные попытки большевиков, но и поддерживать порядок в Ростове и Новочеркасске.

Генералы Алексеев и Корнилов считали, что необходимо довести численность армии до десяти тысяч человек, а затем только начать расширяться и приступить к выполнению более крупных задач.

По соглашению с генералом Калединым было решено, что Алексеев и Корнилов перейдут в Ростов, который станет центром формирования Добровольческой армии*. Генерал Каледин принимал на себя охрану Дона с севера, но просил, чтобы как ядро для его формируемых частей в его распоряжении была оставлена часть Добровольческой армии. Генерал Корнилов согласился, и офицерский батальон, с одной батареей, был оставлен для прикрытия Новочеркасска с севера.

Около середины / конца января 1918 г. генералы Алексеев, Корнилов и штаб Добровольческой армии перешли в Ростов.

Положение между тем стало трудным. Все железные дороги, ведущие из Европейской России к Новочеркасску и Ростову, были в руках большевиков; приток пополнения к армии почти прекратился, — просачивались только отдельные смельчаки.

Большевики стали наседать с запада и с востока, и наши части начали нести крупные потери. Думать о какой-нибудь наступательной операции было трудно. Оставаясь же на месте и только отбивая наседавших большевиков, мы рисковали, что скоро будем совершенно окружены и истечем кровью.

У генерала Корнилова еще была надежда получить помощь от горцев Кавказа; туда были посланы офицеры с поручением войти в связь с лицами, стоявшими во главе горских народов, и набирать добровольцев. Эта же задача была дана генералу Эрдели, находившемуся в Екатеринодаре для связи с Кубанским правительством и атаманом.

Около 20 января / 2 февраля генерал Эрдели прислал телеграмму, что он приезжает в Ростов вместе с князем Девлет-Гиреем, который обещает выставить до десяти тысяч черкесов. Князь Девлет-Гирей, приехав в Ростов, подтвердил генералу Корнилову предложение, им сделанное генералу Эрдели, указав, что в течение двух недель он обязуется выставить две тысячи черкесов, а остальные им будут выставлены в течение 1 $^{1}/_{2}$–2 месяцев. Но за это, кроме вооружения и довольно значительного денежного содержания для выставляемых черкесов, он просил выдать ему единовременно около миллиона рублей.

Было очень сомнительно, чтобы князь Гирей был в состоянии выполнить свое обещание, но генерал Корнилов считал, что рискнуть надо. Генерал Алексеев категорически отказал в выдаче столь значительной суммы денег; он сказал, что совершенно не верит в выполнимость этого проекта, но что если генерал Корнилов все же хочет

---

* На решение перейти со штабом в Ростов в известной степени повлияло стремление генерала Корнилова отделаться от постоянного вмешательства в дела представителей Национального центра. Он думал, что в Ростов, находившийся в более опасной зоне, общественные деятели не переедут.

рискнуть, то он на это может дать всего двести тысяч рублей. Кн. Гирей не согласился и обиженный уехал в Екатеринодар.

Как показали последующие события, этот проект не был бы осуществлен и привел бы не к усилению черкесами Добровольческой армии, а в лучшем случае только к тому, что вооруженные черкесы, оставаясь в районах своих аулов, оказали бы на местах у себя более упорное сопротивление большевикам. Но этот случай вновь повел к очень резкому столкновению между генералами Алексеевым и Корниловым и к еще большему обострению их отношений.

К концу января / началу февраля большевики заняли Батайск*, угрожая этим непосредственно Ростову, а на западе ими был занят Таганрог, и они стали и с этой стороны продвигаться к Ростову. С севера нажим большевиков вдоль железной дороги от Воронежа в направлении на Новочеркасск стал также увеличиваться. Появились конные части большевиков со стороны Донецкого бассейна и определилась угроза в направлении на Новочеркасск и Ростов. Положение становилось всё более и более серьезным; круг замыкался.

Генерал Корнилов считал, что дальнейшее нахождение Добровольческой армии в Ростовском районе бесполезно; что развалившееся Донское казачество не может оказать серьезной поддержки, а мы не в силах спасти его от большевиков; что необходимо двинуться к Екатеринодару на соединение с добровольческими частями, там формировавшимися, и с Кубанскими частями, не перешедшими на сторону большевиков. Казалось, что Кубань может избегнуть поголовной большевистской заразы.

Донской атаман генерал Каледин, чувствуя всю серьезность положения и сознавая, что без Добровольческой армии он не в силах отстоять Дон от большевиков, проектировал сосредоточить главные силы Добровольческой армии к Новочеркасску. Генералы Алексеев и Корнилов против этого возражали, указывая, что тогда мы потеряем Ростов и Добровольческая армии попадет под Новочеркасском в ловушку; что этим мы не поможем Дону, а начатое дело погибнет.

26 января / 8 февраля генерал Каледин прислал телеграмму, прося генералов Алексеева и Корнилова немедленно приехать в Новочеркасск, чтобы присутствовать на заседании, которое он устраивает, вечером того же дня, с членами Донского правительства и Донского круга, вернувшимися после объезда станиц. Генерал Каледин указал в телеграмме, что этому совещанию он придает чрезвычайное значение и что на нем должен быть принят план дальнейшей борьбы с большевиками.

---

* Против Ростова — на левом берегу Дона.

Но положение под Ростовом было настолько серьезно, что ни генерал Корнилов, ни генерал Алексеев не сочли возможным выехать в Новочеркасск. Поехал я — как их представитель. На заседание были приглашены и московские общественные деятели. Доклады, сделанные на заседании председателем Донского правительства и членами Донского круга, обрисовали очень тяжелую картину. Дон окончательно разваливался, и спасти положение было трудно.

После моего заявления о невозможности что-либо дать из состава Добровольческой армии для непосредственной обороны Новочеркасска, а что, наоборот, генерал Корнилов просит возможно скорей вернуть ему офицерский батальон, большинство присутствовавших на заседании высказалось в том смысле, что удержать Новочеркасск будет невозможно и что атаману, с правительством и войсковым кругом, надо переехать немедленно в район еще крепких и стойких станиц, расположенных по р. Дону, и там постараться заставить казачество откликнуться на призыв атамана. Указывалось на то, что Новочеркасск слишком на отлете, что непосредственное общение атамана со станицами может исправить дело.

Генерал Каледин выслушал всех говоривших, а затем определенно заявил, что оставлять Новочеркасск он не может; что он считает недопустимым атаману бежать из столицы Донского края и скитаться по станицам; если ничего не выйдет, то он погибнет здесь, в Новочеркасске. После этого он закрыл заседание, и мы разошлись по домам.

Вернувшись на другой день в Ростов, я доложил генералу Корнилову, что, по моему впечатлению, генерал Каледин потерял веру в возможность что-либо сделать для спасения положения.

29 января / 11 февраля была получена телеграмма, что генерал Каледин застрелился. Не выдержал старый и честный Донской атаман, так горячо любивший Россию и свой Дон и так веривший прежде донцам!

Смерть атамана встрепенула на некоторое время Дон. Старики казаки громко заявили, что они повинны в смерти любимого атамана и что долг всех казаков, хоть после смерти атамана, выполнить его призыв и стать на защиту Дона от большевиков. Примолкла временно и молодежь. В Новочеркасск тысячами стали стекаться донцы для формирования новых частей. Казалось, что Дон ожил.

Но в значительной степени вследствие того, что штаб Донского войска оказался в это время не на должной высоте (не давали помещений для размещения прибывающих казаков; не наладили довольствие горячей пищей, не сумели наладить организационные вопросы), скоро подъем прошел, и казаки стали опять расходиться и разъезжаться по станицам.

2/15 февраля я сдал должность начальника штаба Добровольческой армии генералу Романовскому и был командирован генералом Корнило-

вым в Новочеркасск быть, в качестве его представителя, при новом Донском атамане Назарове[201]. Главная задача, которая была на меня возложена, состояла в том, чтобы настаивать на более энергичном формировании новых частей и продолжении самой упорной борьбы с большевиками.

4/17 февраля в Новочеркасск пришел походным порядком от Екатеринослава, в блестящем виде, 6-й Донской полк. Просто не верилось глазам. Все офицеры на местах, полная дисциплина, никаких комитетов. Полк заявил, что он хочет сейчас же идти на фронт. Полку была устроена торжественная встреча. После молебствия на соборной площади атаман и председатель Донского правительства благодарили полк, прибывший в таком блестящем виде. Трогательно было видеть, как глубокие старики-донцы подходили к полку и, кланяясь до земли, благодарили славных станичников за то, что они поддержали честь и славу Дона и не поддались искушению большевистской пропаганды.

6/19 февраля полк был отправлен на фронт, а 8/21 февраля, под влиянием агитаторов, отказался сражаться... К северу от Новочеркасска, кроме небольших казачьих и партизанских частей, ничего не было. Большевики наседали, и было ясно, что дни Новочеркасска сочтены.

В ночь с 8/21 на 9/22 февраля 1918 г. генерал Корнилов, увидя, что для Дона уже все кончено и что дальнейшая оборона Ростовского района, не приведя ни к чему, погубит армию, вышел с добровольцами из Ростова на Аксай, а затем, переправившись через Дон, сосредоточил 10/23 февраля Добровольческую армию в районе станицы Ольгинской[202].

10/23 февраля на лошадях, с целью пробраться к железной дороге, а затем проехать в Москву, выехали из Новочеркасска П. Б. Струве и князь Гр. Н. Трубецкой. В этот же день с той же целью выехали из Новочеркасска на лошадях моя жена и генерал Ванновский.

11/24 февраля большевики были уже совсем близко от Новочеркасска, и было ясно, что 12/25 февраля они займут город. Я с вечера заказал себе сани, чтобы ехать рано утром 12/25 февраля на соединение с армией.

В ночь с 11/24 на 12/25 февраля я в последний раз говорил по телефону с Донским войсковым атаманом генералом Назаровым. Он мне сказал, что решил вместе с войсковым кругом не уезжать из Новочеркасска; что, оставаясь, он этим спасет город от разграбления. Я ему советовал ехать в армию генерала Корнилова; сказал, что, оставаясь в Новочеркасске, он обрекает себя на напрасную гибель.

Генерал Назаров мне ответил, что большевики не посмеют тронуть выборного атамана и войсковой круг; что, по его сведениям, первыми войдут в Новочеркасск присоединившиеся к большевикам донские казаки под начальством Голубова; что этот Голубов, хотя и мерзавец, убивший Чернецова, но его, Назарова, не тронет, так как он за него как-то заступился и освободил из тюрьмы.

Я убеждал генерала Назарова не быть таким оптимистом и уехать. Закончил я так: «Если Вы останетесь, то Вас растерзают. Я понимаю, что можно было бы на это идти, если бы Вы этим что-нибудь спасали. А так гибнуть — совершенно бесцельно».

Но мои уговоры были напрасны; генерал Назаров еще раз сказал, что он убежден, что его не посмеют тронуть, а затем добавил, что если он ошибается и погибнет, то погибнет так, как завещал покойный атаман Каледин, сказавший, что выборный атаман не смеет покидать свой пост.

Во время моего пребывания в Новочеркасске меня беспокоил вопрос о том, как поступить с ранеными добровольцами, находившимися в лазаретах. Увозить их было некуда, а оставлять в лазаретах на растерзание большевиков было невозможно.

Снесясь с генералом Алексеевым, я получил от него деньги, которые мною были переданы образовавшейся в Новочеркасске организации. Было решено перед приходом большевиков — тем добровольцам, которые могут сами передвигаться, выдать на руки некоторую сумму денег и предоставить им самим как-нибудь устроиться в городе или в соседних станицах. Тяжело же раненых и больных частью разместить на окраинах города у надежных жителей, а часть, под видом простых солдат, оставить в лазаретах. Так и было сделано. Впоследствии выяснилось, что часть раненых офицеров, из числа оставшихся в Новочеркасске, была большевиками убита.

После оставления Ростова Добровольческая армия, насчитывая в своих рядах всего 2500 бойцов, совершенно оторвалась от внешнего мира.

Во время похода к Екатеринодару армия, перенеся все трудности зимней кампании, прозванной впоследствии «Ледяным походом»[203], непрерывно не только вела бои с преграждавшими ей путь большевиками, но отбивала атаки наседавших на нее банд и с флангов и с тыла.

После смерти генерала Корнилова, убитого под Екатеринодаром 31 марта (13 апреля) 1918 г., армия опять после ряда боев пробилась обратно на территорию Дона, где к тому времени восставшее против большевиков казачество очистило от них большую часть своей территории. Армия только к маю 1918 г. попала в условия, позволившие ей отдохнуть и пополниться для продолжения борьбы с большевиками.

Маленькая армия генерала Корнилова могла совершить этот трехмесячный легендарный по своей трудности поход, причем в ее рядах, при полной вере в своего вождя, не было ни разу ни ропота, ни колебаний, — только благодаря высокому духовному подъему, который был в сердцах всех чинов армии от командующего до последнего солдата.

Этот первый период существования Добровольческой армии — был чисто добровольческим периодом. В армии не было ни одного человека, который попал бы в ее ряды по набору или по принуждению.

Надо было видеть все это юношество, составлявшее армию; юношество, горевшее любовью к родине, мечтавшее положить свою жизнь за ее возрождение и отомстить предателям и насильникам за разрушение России и за поруганные идеалы, чтобы понять всю моральную силу, которую они представляли.

Весь Новочеркасско-Ростовский период был одновременно периодом формирования армии и периодом беспощадной борьбы. Непрерывная борьба на фронте с наседавшими большевиками, почти без смены, протекала в крайне тяжелых условиях: приходилось быть почти все время без крова, не имея по целым неделям горячей пищи, почти без теплой одежды. Денежное содержание выдавалось ничтожное, едва хватавшее на прокормление. Но и при этих условиях настроение в рядах армии было всегда бодрое.

Офицеров изредка, дня на два, на три, командиры частей отпускали передохнуть в Новочеркасск или в Ростов. Помывшись в бане, переодев чистое белье и раз-два хорошо пообедав, офицеры обыкновенно возвращались в части раньше срока, на который их отпускали.

За этот период не поступало жалоб от населения на какие-либо насилия или грабежи войсковых частей. Те части, которые после смены отводились на короткие сроки в резерв, в Ростов, несли и там непрерывную службу по охране и поддержанию порядка.

За период от начала формирования армии до выхода из Ростова поступило в ее ряды свыше 6000 человек; при оставлении Ростова, как я уже отметил, число бойцов не превышало 2500 человек. Размер общей потери говорит о той работе, которую делала армия. Был, конечно, небольшой процент добровольцев, которые стремились устроиться в тылу на более спокойных местах, но таких было мало.

Помню, что, отыскивая себе надежного адъютанта, я остановился на штабс-капитане Л.-Гв. Преображенского полка Владимире Ратькове-Рожнове[204]. В ответ на мою телеграмму на имя командира части я получил уведомление, что Ратьков-Рожнов командируется в Ростов.

Приехавший офицер явился ко мне и, поблагодарив за предложение, просил его оставить в строю на том основании, что ему будет совестно перед товарищами, что он не будет разделять с ними лишений и опасностей боевой жизни, занимая должность адъютанта.

Вскоре после этого он был убит, спасая в бою раненого товарища.

Узнав о его смерти, пошел в ряды Добровольческой армии его брат[205], тяжело контуженный во время Европейской войны и безусловно подлежавший освобождению от службы. Он также был убит. Третий их брат, и последний, был убит во время Европейской войны.

Из таких честных и доблестных бойцов была сформирована маленькая армия генерала Корнилова.

Воспоминанія
генерала
А. С. Лукомскаго

Періодъ Европейской войны
Начало разрухи въ Россіи
Борьба съ большевиками

ТОМЪ II

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко.,
BERLIN W. 35, GENTHINERSTR. 19.
1 9 2 2.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

У БОЛЬШЕВИКОВ И НАЧАЛО ГЕТМАНСТВА НА УКРАИНЕ

Глава VIII

В 6 ч утра 12/25 февраля я выехал на лошадях из Новочеркасска в станицу Ольгинскую, куда отходила Добровольческая армия из-под Ростова; Новочеркасск был занят 12/25 февраля около двух часов дня.

В Ольгинскую я приехал около десяти часов утра. По дороге едва переправился у Старочеркасска через Дон, так как начиналась оттепель и около берегов лед оттаял.

Генерал Корнилов, приняв меня, сказал, что, так как я уже не начальник штаба и моя миссия, с которой я ездил в Новочеркасск, закончена, он просит меня, как и генерала Деникина, оставаться при армии в непосредственном его распоряжении.

Общая численность всей Добровольческой армии не превышала трех с половиной тысяч человек, из которых не менее тысячи человек являлись не боеспособными. Обоз при армии был большой; раненых было более двухсот человек, и необходимо было везти с собой все боевые запасы и винтовки, которые удалось вывезти из Ростова. Обоз увеличивался еще группою гражданских лиц, которые хотели оставаться при армии (в том числе бывший председатель Государственной Думы М. В. Родзянко и бывший член Государственной Думы Н. Н. Львов), и довольно многочисленной политической канцелярии, состоявшей при генерале Алексееве; при нем, кроме того, состоял небольшой личный конвой.

В общем являлось опасение, что если в ближайший период армия не увеличится, то она явится лишь прикрытием к своему обозу.

Генерал Корнилов надеялся, что донцы и кубанцы станиц, через которые будет проходить армия, откликнутся на его призыв и это даст возможность сформировать конные части, а селения с не казачьим населением дадут укомплектования для пехоты.

Между генералами Корниловым и Алексеевым было окончательно установлено, что в смысле управления армией и постановки ей боевых задач будет управлять и распоряжаться генерал Корнилов, а генерал Алексеев будет руководить политической частью, сношением с внешним миром и в его руках будет казначейская часть. Конечно, это не было разрешением больного вопроса о взаимоотношениях между ними, но другого выхода не было — раз один другому подчиниться не мог.

После разговора с генералом Алексеевым я вынес впечатление, что он считает положение серьезным и начинает думать о том, как бы спасти офицеров и дать им возможность «распылиться».

— Наша задача прежде всего должна заключаться в том, чтобы выбраться из кольца, которое образуют большевики. А там дальше будет видно: или будем продолжать борьбу, или распустим добровольцев, дав им денег и предложив самостоятельно, через Кавказские горы, пробираться кто куда пожелает или будет в состоянии», — так закончил свои слова генерал Алексеев.

13/26 февраля утром генерал Романовский зашел в хату, которую я занимал, и сказал, что в 12 ч дня назначено совещание и генерал Корнилов просит меня на нем присутствовать; что ожидается генерал Попов, бывший походным атаманом Войска Донского.

К назначенному времени на совещание собрались: генерал Корнилов, генерал Алексеев, генерал Романовский, я, генерал Марков, генерал Попов, приехавший вместе с полковником Сидориным, и несколько строевых офицеров, позванных генералом Корниловым.

Генерал Попов доложил, что он с небольшим отрядом в общем около двух тысяч коней при двух конных батареях и группою донских офицеров оставил Новочеркасск около часу дня 12/25 февраля; что большевики при выходе его из города уже в него входили; что войсковой атаман генерал Назаров остался в Новочеркасске вместе с большей частью войскового круга и, как доложил прискакавший в его отряд из занятого большевиками Новочеркасска офицер, был арестован.

Затем на предложение генерала Корнилова присоединить его отряд к Добровольческой армии, генерал Попов просил первоначально выяснить дальнейшие намерения генерала Корнилова и направление движения Добровольческой армии, но что он, со своей стороны, должен определенно заявить, что донской отряд не может покинуть территорию Дона и что он, генерал Попов, считает, что отряду лучше всего, прикрываясь с севера рекою Доном, который скоро станет трудно проходимым, переждать события в районе зимовников (поселки и хутора, к которым на зиму сгонялись табуны лошадей и скота), где много хлеба, фуража, лошадей, скота и повозок для обоза. Из этого района он мог бы развивать партизанские действия в любом направлении.

Генерал Корнилов сказал, что он, по соглашению с генералом Алексеевым, предполагал двинуться по направлению к Екатеринодару, где имеются добровольческие формирования, и движением на Екатеринодар есть надежда заставить Кубанское казачье войско подняться против большевиков и, усилив Добровольческую армию и находясь в богатом районе, продолжать борьбу. Но что вследствие заявления генерала Попова он предлагает еще раз обсудить этот вопрос и просит желающих высказаться.

Генерал Алексеев на это сказал, что вряд ли встречается надобность вновь дебатировать этот вопрос, но что, впрочем, если генерал Корнилов находит нужным еще раз поставить его на обсуждение, то он считает необходимым повторить то, что он уже говорил на бывшем уже заседании, т. е. что единственно правильным является направление на Екатеринодар, так как в этом направлении легче всего прорвать большевистское кольцо, окружающее Добровольческую армию; есть надежда на соединение с добровольческими отрядами, действующими в районе Екатеринодара; есть полное основание рассчитывать поднять Кубанское войско против большевиков, и, наконец, мы займем богатый во всех отношениях район, который даст нам возможность пополниться, привести себя в порядок, отдохнуть и с новыми силами продолжать борьбу. В случае же если полного успеха мы не добьемся, то Добровольческая армия, во всяком случае, будет в силах дойти до Кавказских гор и там, если обстановка потребует, можно будет ее распустить.

Я попросил дать мне слово.

Я сказал, что, не возражая по существу против того, что сказано генералом Алексеевым, я должен обратить внимание только на то, что уже теперь при нашей армии, или, правильнее сказать, при нашем небольшом отряде, более двухсот раненых и чрезмерно большой обоз с боевыми припасами и ружьями, который бросить нельзя. Обозные лошади, набранные главным образом в Ростове, уже теперь имеют жалкий вид и еле тянут свои повозки и сани. Что при наступлении на Екатеринодар нам нужно будет два раза переходить через железную дорогу; в первый раз в районе близ ст. Кагальницкой, второй раз где-нибудь около ст. Сосыка. Что большевики, будучи отлично осведомлены о нашем движении, и тут и там преградят нам путь и подведут к месту боя бронированные поезда. Что трудно будет спасти раненых, которых будет, конечно, много. Начинающаяся распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затруднит движение; заменять выбивающихся из сил лошадей другими будет трудно. Наконец, что мы совершенно не осведомлены о том, что происходит на Кубани; возможно, что наш расчет на восстание кубанских казаков ошибочен и нас там встретят как врагов.

Я выразил сомнение, вследствие причин мною изложенных, в правильности решения идти теперь прямо на Екатеринодар. Я высказал, что лучше всего поступить так, как предполагает сделать походный атаман Войска Донского, т. е. пока перейти в район зимовников и в этом районе, прикрываясь с севера р. Доном и находясь в удалении от железной дороги, переформировать нашу армию, исправить и пополнить обоз, переменить конский состав и несколько отдохнуть.

Я сказал, что большевики месяца два нам не будут страшны: они не посмеют оторваться от железной дороги. Если же рискнут на какую-

нибудь против нас операцию, то будут разбиты. Месяца же через два, с новыми силами мы, в зависимости от обстановки, которая к тому времени выяснится, примем то или иное решение.

Генерал Алексеев заявил, что решение идти прямо на Екатеринодар является единственно правильным.

Генерал Романовский, соглашаясь с моими замечаниями, сказал, что, признавая правильным идти на Екатеринодар, он полагает необходимым учесть и мои указания и по пути к Екатеринодару постараться проделать в каком-либо районе все то, на что указывал я.

Генерал Корнилов сказал, что он не может не согласиться с правильностью моих замечаний, но не считает правильным идти в район тех зимовников у р. Дона, на которые указывал я, и объявил, что он решает идти пока с армией в район к западу от ст. Великокняжеской, который также богат лошадьми, скотом и хлебом, как и район северных зимовников, и что там он приведет армию в порядок и затем, вероятно, пойдет на Екатеринодар.

На этом совещание закончилось, и генерал Алексеев сейчас же ушел, а вслед за ним разошлись и другие.

Я прошел в комнату к генералу Романовскому, который мне сказал, что генерал Корнилов хочет командировать кого-нибудь в Екатеринодар, дабы подготовить приход Добровольческой армии и договориться с кубанским правительством, чтобы в будущем не было никаких недоразумений; но что генерал Корнилов не знает, на ком остановиться; командируемое лицо должно быть в курсе всех дел и достаточно авторитетное.

В тот же вечер, около восьми часов, я вновь пошел к генералу Романовскому, чтобы узнать, нет ли каких-либо интересных или важных донесений. Генерала Романовского в его комнате я не застал, и вестовой мне сказал, что он у генерала Корнилова; я пошел в помещение командующего армией.

Войдя в столовую, я невольно остановился: за столом сидели те же лица, кои были и на дневном совещании; не было только генерала Попова и полковника Сидорина, уехавших в свой отряд, и вновь отсутствовал генерал Деникин, который, как я потом узнал, был приглашен на заседание, но, будучи болен, прислал сказать, что прийти не может.

Увидев меня, генерал Корнилов поднялся, придвинул к столу стул и попросил меня сесть. При этом он сказал: «Очень рад, Александр Сергеевич, что Вы пришли. Генерал Алексеев попросил нас вновь собраться и обсудить вопрос относительно наших дальнейших планов»; и затем, обращаясь к генералу Алексееву, прибавил: «Прошу Вас, Михаил Васильевич, начать сначала; я хочу, чтобы генерал Лукомский выслушал то, что Вами было сказано до его прихода».

Генерал Алексеев начал так: «Сегодня днем генерал Лукомский сделал несколько замечаний относительно решения идти на Екатеринодар. Его замечания были приняты к сведению, и командующий армией изменил свое первоначальное решение идти прямо на Екатеринодар. Правильность нового решения, мне кажется, следует еще проверить, и я просил генерала Корнилова собрать нас снова. Затем генерал Алексеев вновь указал причины, по которым он считает необходимым идти на Екатеринодар. Нового он ничего не сказал и не сказал, в чем именно он не согласен со мной.

После этого генерал Корнилов предложил мне ответить генералу Алексееву. Я сказал, что я не могу прибавить ни одного слова к тому, что было мною сказано днем, и просил генерала Алексеева объяснить, в чем же он со мной не согласен. На этот вопрос я ответа не получил.

После непродолжительных прений генерал Корнилов сказал, что решения, принятого днем, он не меняет. Но что ко времени подхода армии к станице Егорлыцкой (решено было идти первоначально туда, так как были сведения, что там в складах имеются артиллерийские припасы), выяснится, идти ли к ст. Великокняжеской или повернуть на Екатеринодар. После этого члены совещания разошлись.

Я прошел в комнату Романовского и спросил его, почему я не был приглашен на совещание, на котором должно было разбираться мое заявление, сделанное днем.

Романовский сказал, что произошло простое недоразумение; что он получил записку от генерала Корнилова с перечислением тех, кого надо было пригласить, и что он, не проверив списка приглашенных на заседание лиц, приказал адъютанту сообщить всем о заседании; что, конечно, генерал Корнилов просто ошибся и что он просит считать его, Романовского, виновником случившегося.

Это мелкое недоразумение все же мне показало, что, после того как я был в армии начальником штаба, оставаться при ней без всяких определенных занятий будет трудно, и я решил просить о командировании меня в Екатеринодар.

Я попросил генерала Романовского сейчас же пойти к генералу Корнилову и доложить, что я предлагаю свои услуги для переговоров с кубанским правительством. Генерал Романовский пошел и, вернувшись минут через пять, сказал, что генерал Корнилов согласен и просит меня зайти к нему.

Генерал Корнилов долго со мной говорил, давая указания по интересовавшим его вопросам. Затем я прошел к генералу Алексееву и получил указания от него для разговоров с кубанским правительством.

С разрешения генерала Корнилова я предложил генералу Ронжину, бывшему при армии начальником судной части, ехать со мной. Затем поручил коменданту штаба купить для меня подводу и пару лошадей. В качестве

подводчика предложил ехать вестовому генерала Эрдели (Эрдели был еще раньше командирован в Екатеринодар) Андрею (фамилию, к сожалению, забыл), которого знал давно и был вполне в нем уверен. Путешествие было очень рискованное, и я об этом предупредил моих спутников.

14/27 утром вместе с Добровольческой армией мы переехали в станицу Хомутовскую. Здесь мы окончательно пересмотрели наши вещи, чтобы не оказалось в них чего-либо указывающего на наше воинское звание; проверили документы, выданные на чужие имена; сговорились, какие давать показания на случай, если в пути нас будут задерживать и опрашивать, и выработали маршрут. Последнее было трудно, ибо по имевшимся сведениям, пожар большевизма охватил весь район южной окраины Донской области и северную полосу Кубанской. Мы решили ехать проселочными дорогами, возможно дальше от железной дороги, которая уже полностью была захвачена большевиками.

Около двух часов дня 14/27 февраля я прошел попрощаться с генералом Корниловым, и около 6 ч вечера мы выехали по направлению станицы Кагальницкой. В Кагальницкой переночевали и 15/28, рано утром, тронулись дальше на селение Гуляй-Борисов.

Выезжая из Кагальницкой, слышали артиллерийскую стрельбу в стороне ст. Хомутовской (как впоследствии узнали, конный отряд большевиков, с 2-мя орудиями, произвел нападение на наши части, бывшие в станице Хомутовской).

Дорога была тяжелая, начиналась оттепель, а лошади оказались слабыми и, пройдя 12–15 верст, стали приставать. Не доезжая примерно 10 верст до селения Гуляй-Борисов, мы решили заехать на придорожный хутор и покормить лошадей. Войдя в хату, мы увидели там много народа; оказалось, что накануне была свадьба и, по местному обычаю, гости собрались на пиршество на другой день после свадьбы. Обыкновенно в подобных случаях каждый случайный гость принимается с радостью. Нас хозяева встретили очень холодно, и это сразу нам показало, что здесь что-то не ладно.

Сели мы в угол хаты, достали свою провизию и стали закусывать. В это время один из бывших в хате, по виду богатый крестьянин, подсел к нам и сказал мне тихим голосом: «Я не знаю, кто вы, куда и зачем едете, но хочу вас предупредить, что большевиками отдано распоряжение задерживать всех едущих со стороны Корнилова и отвозить на ст. Степную, где, как говорят, всех расстреливают». Сказал и отошел. Я переглянулся с Ронжиным, и мы поняли, что дело плохо; решили закусить, обдумать положение, дать лошадям отдохнуть, а затем принять то или иное решение. Но через каких-нибудь десять минут хата оказалась окруженной вооруженными солдатами; трое из них вошли в хату и потребовали от нас документы и объяснение, куда и зачем едем. Разговор был короткий.

Солдаты объявили нам, что мы арестованы, что они должны доставить нас в с. Гуляй-Борисов, а там разберут, как с нами поступить дальше. Сопротивляться было бесполезно. Нам дали окончить нашу закуску, и мы под конвоем отправились в Гуляй-Борисов; ехали на своей подводе.

По приезде в Гуляй-Борисов нас доставили в волостное правление, где уже собрался местный революционный комитет и масса народа. Сначала нас допросили, затем обыскали. И члены революционного комитета, и собравшаяся публика ругали нас самыми последними словами. На наше заявление, что я еду по торговым делам, а мой спутник едет лечиться — отвечали: «Ладно, вот доставят вас на Степную, так там разберутся, а верней всего вас, подлых буржуев, просто расстреляют».

Нас допрашивали и по одиночке, и всех вместе. В промежутках между допросами мы сидели в карцере. В этом же карцере сидел казак, который накануне вез пятерых пассажиров; этих лиц, по словам казака, повезли на станцию Степную, а его оставили в карцере, сказав, что подвода и лошади от него отбираются, а что сделают с ним, — еще подумают: «Или хорошенько отдерем и выпустим, или расстреляем». Бедный казак страшно волновался и все время молился.

Отобрав все наши вещи и деньги (оставили только по десять рублей «на папиросы»), нас повезли в 11 ч вечера на другой подводе в сел. Глебовка (или, как они называли, Хлебовка). Нашу подводу, так же как и вещи, оставили у себя, сказав нам, что деньги, вещи и подвода будут доставлены на ст. Степную. У меня в Гуляй-Борисове было отобрано немного более двух тысяч рублей; не отыскали тысячерублевую бумажку, зашитую в куртку.

В Глебовском волостном правлении было много народа; нас вновь обыскали и начался бесконечный допрос. Обращались, конечно, грубо. После допроса повели в карцер. Сидя в карцере, мы наслушались всякой брани и угроз.

Перед рассветом местный революционный трибунал решил вновь нас допросить. После того как меня допросили, я был опять посажен в карцер, а Ронжина и Андрея повели на допрос.

Во время их допроса в другой комнате, в которую входила дверь из моего карцера, стала собираться толпа, и я услышал, что обсуждается вопрос о том, как с нами поступить. Слышались такие фразы: «Этих кадет все равно расстреляют на станции Степной. Теперь грязь и холодно; зачем мучить наших людей и гонять их на Степную сопровождать эту с..., когда с ними там сейчас же покончат». «Что это за порядки: на ст. Степной расправляются с буржуями, а нам нельзя позабавиться!» «Стоит ли из-за нескольких негодяев гонять своих людей» и т. п.

После долгих споров было произведено голосование и решено (я слышал только один протестующий голос): на ст. Степную буржуев не вести, а расстрелять тут же в огороде.

Сейчас же нашлось несколько нетерпеливых, которые требовали немедленного приведения приговора в исполнение. Но большинство запротестовало, и было решено подождать до рассвета и тогда с нами покончить; пока же было приказано вырыть в огороде яму.

Не мог успокоиться какой-то пьяный в солдатской форме. Он подошел к карцеру и хотел открыть дверь, говоря, что он покончит с одним из буржуев теперь же. На мое счастье, запор оказался прочным, а сторож, у которого был ключ от замка, отсутствовал. Не будучи в состоянии открыть дверь, пьяный солдат просунул винтовку в окошечко карцера, зарядил ее и требовал, чтобы я вышел на середину комнаты. Так как его уговоры меня не соблазнили и он никак не мог меня увидеть, то, по-видимому, ему это надоело, и, хорошенько меня выругав и обещав, что первый выпустит в меня пулю при моем расстреле, он ушел.

Обдумав всю обстановку, я пришел к заключению, что рассчитывать на благоприятный исход невозможно, и решил кончить дело самому.

Еще в Могилеве, когда я был арестован с генералом Корниловым по приказанию Керенского, доктор Козловский (старший врач Ставки) дал мне три пилюли с цианистым калием, сказав, что они могут мне пригодиться в случае, если мне будет угрожать самосуд. Давая мне эти три пилюли, он порекомендовал хранить их в разных местах, дабы когда потребуется, хоть одна была при мне. К этому времени у меня сохранилось две пилюли (третья была в катушке ниток, отобранной при обыске в Гуляй-Борисове). Я достал обе пилюли; сначала думал одну дать Ронжину (за Андрея, как солдата, я не беспокоился, считая, что он вывернется), но потом передумал, решив, что не имею права толкать другого на самоубийство.

Перекрестившись, я проглотил обе пилюли, предварительно разломав капсюли, дабы они скорей подействовали.

Вынув часы, я стал следить по ним, прислушиваясь к тому, не начинает ли действовать яд. Через минуту, как мне показалось, у меня налились сосуды на руках и сердце как бы сжалось, но затем все прошло; прождав пять минут и убедившись, что нет никакого действия яда, я мысленно выругал доктора Козловского, давшего мне якобы яд, и спрятал часы*.

---

* Впоследствии от одного офицера, приехавшего из Могилева, я слышал, что д-р Козловский подтверждает, что он дал мне настоящий цианистый калий. Я решил, что, вероятно, яд был старый и недействительный. Но затем, разговаривая как-то с одним химиком, я от него услышал, что будто бы прием соды перед приемом цианистого калия — нейтрализует последний. Я же действительно за полчаса до приема яда, вследствие сильной изжоги, принял значительное количество соды. В чем истина, — не знаю до настоящего времени.

Через несколько минут после этого я услышал в соседней комнате крик и споры. Прислушавшись я разобрал, что кто-то вновь прибывший ругательски ругает моих тюремщиков за решение нас расстрелять: «Что это вы, мерзавцы, выдумали; разве не знаете, что сегодня в Ильинке расстреляли трех членов революционного комитета за неисполнение распоряжения главнокомандующего? Что же вы хотите, чтобы из-за этой с... расстреляли всех нас? Раз нам приказано всех арестованных доставлять на станцию Степную, так мы должны это исполнить». После долгих криков и споров было решено нас отправить на ст. Степную.

После этого вернулись в карцер бывшие на допросе Ронжин и Андрей. Я им поведал, что проглотил яд. Они взволновались, но видя, что я чувствую себя благополучно, понемногу успокоились.

Вскоре внимание наших тюремщиков было от нас отвлечено: привели двух новых арестованных; оба они были в солдатской форме и не скрывали свою принадлежность к Добровольческой армии, говоря лишь, что они еще не воевали. По-видимому, они были пойманы во время разведки. Одного из них узнали, как местного жителя — сына богатого хуторянина. Фамилия его была, если не ошибаюсь, Белис или Бейлис. Оба были юноши 17–18 лет. Весь гнев толпы был направлен против них.

Часов в 8 утра нас пешком, под конвоем конных, отправили на ст. Степную, до которой было около 40 верст.

Выйдя на крыльцо и увидев, что нам предстоит по очень скверной дороге (была страшная грязь) идти пешком, я решил снять свой полушубок и попросил конного взять его к себе на седло, а вместо полушубка надеть пальто, бывшее на Ронжине (он, сверх своего, надел второе пальто — мое драповое). Но следствием моего решения было то, что у нас тут же отобрали и полушубок, и пальто. Пошел я месить грязь, имея на себе только кожаную куртку. На ногах у меня были бурочные сапоги, которые моментально промокли.

Толпа кругом галдела: «Гони их по середине улицы — где утки плавают; не позволять выбирать сухие места». Под гик и свист толпы прошли мы село. Дальше стало легче: и дорога была лучше, и отношение к нам наших конвойных оказалось хорошее.

Пройдя 15–16 верст, мы пришли в село Ильинку. Опять допрос, опять осмотр и обыск, опять ругань. В моей кожаной куртке отыскали зашитую тысячерублевую бумажку, отобрали часы, кошелек; оставили на брата по одному рублю «на папиросы». «Все равно вам деньги могут пригодиться только до Степной, а там... вам уже будет безразлично, будут ли у вас деньги или нет». Чувствовалось, что они были правы!

Продержав нас в Ильинке часа два, погнали дальше. Измучились мы изрядно. Подходя уже вечером в полной темноте к хутору, бывшему

в верстах семи от Степной, мы взмолились перед конвойными, прося дать нам отдохнуть и дальше, до Степной, отправить на подводах. Я заявил категорически, что дальше идти не могу.

Конвойные оказались порядочными людьми и решили исполнить нашу просьбу. Забыл сказать, что, отправляя нас из Глебовки, председатель местного комитета дал конвойным следующий наказ: «Если кто-либо из этой с... пристанет по дороге, то пристрелить». Это напутствие нам в пути неоднократно приходило на ум и подбадривало наш шаг!

Хутор оказался латышский. Хозяин хаты даже не позволил нам сесть к столу, а нам был указан угол хаты, где мы и растянулись на грязном полу.

Часа в четыре нас подняли и уже на подводах повезли дальше. Подъезжая к Степной, еще при луне, мы встретили группу всадников человек в 30, как оказалось, приезжавших из Гуляй-Борисова за оружием.

Узнав, что везут арестованных, они потребовали, чтобы нас ссадили и дали им попробовать полученные ими винтовки. На крики «слезай с повозки!» — мы не реагировали. Всадники стали снимать и заряжать винтовки, крича, что расстреляют нас и так. Только благодаря решительному отпору со стороны наших конвойных нас пропустили.

При въезде в селение у станции нам показали кирпичный завод и пояснили: «Вот здесь около ямы вас расстреляют часа через два».

На станцию мы приехали до рассвета, но о нашем прибытии стало сейчас же известно, и зал 1-го класса, куда нас провели, быстро наполнился «товарищами».

Чувствовалось, что только чудо может спасти нас. Кругом были звери, которые требовали крови и не хотели дожидаться суда над нами. Требовали, чтобы нас сейчас же передали им. Пришедший «начальник сводного отряда на Степной», он же председатель военно-революционного суда, едва уговорил толпу допустить сначала суд. «Не беспокойтесь, вряд ли оправдаем, и вы свое получите».

Собрался суд: «Председатель — начальник сводного отряда на ст. Степной. Члены: какой-то еврей, затем комиссар станции (как потом оказалось, сын содержателя местного трактира, бывший фельдфебель) и какой-то солдат.

Начали с нас. Допрашивали и вместе, и отдельно. После довольно продолжительного судьбища признали, что документы наши в полном порядке, что мы к армии Корнилова не принадлежим и что мы едем по своим личным делам. Больше всего ко мне приставал еврейчик, уверяя, что видел меня в Ростове. Но прошло благополучно, и мои спокойные и твердые ответы, по-видимому, его убедили, что он ошибается.

Когда нас вывели из дамской комнаты, где происходил суд, и водворили обратно в зал 1-го класса, объявив толпе, что мы не виновны

и оправданы, последовал взрыв возмущения и требование нас все же расстрелять.

Спасли нас начальник сводного отряда и какой-то латыш, назвавший себя командиром латышского эскадрона. Им стоило больших трудов нас отстоять; особенно помог латыш. Мое впечатление, что оба они были офицеры.

Но главное, что нас спасло, — это присутствие двух разведчиков Добровольческой армии. Ясно было, что их участь решена. Особенное негодование вызывал против себя юноша — сын местного хуторянина. Суд над ними был только для проформы. Через несколько минут их передали во власть толпы. Бедных юношей поволокли, избивая по дороге. Мы услышали несколько выстрелов, и немного погодя вернулись палачи, деля между собой одежду и обувь убитых!

Было уже светло. Утомленный от всего пережитого, я мрачно стоял у стены комнаты, в которой почти никого, кроме нас, не оставалось. Желая сесть и двинувшись от стены, я почувствовал, что что-то прилипло к моим ногам. Посмотрев, я увидел тряпку, всю пропитанную кровью.

Один из бывших в комнате солдат, заметив мое брезгливое движение, поспешил дать нам объяснение. Оказалось, что накануне сюда было приведено пять человек, и все были приговорены к расстрелу. Когда их повели, то один из них отказался идти и был тут же в комнате убит ударами штыков и прикладов.

«Вот это и вытирали его кровь», — докончил рассказчик. Затем он еще добавил, что когда стали рассматривать вещи убитого, то в теплой шапке нашли его фотографическую карточку в форме полковника, снятого, вероятно, с женой и детьми.

«Значит, убили не напрасно», — добавил солдат.

Вероятно, это был один из братьев Бородиных, которые, как потом я слышал, были убиты на ст. Степной.

День 17 февраля / 3 марта мы провели на станции. Председатель суда рекомендовал нам на перрон, по возможности, не показываться, говоря, что он не ручается за своих солдат. Нас постоянно навещал латыш, уже раз спасший нас; он разгонял солдат, которых тянуло с нами расправиться.

К нам добровольно прикомандировался солдат-армянин Паносов, чуя, что можно будет получить на чай. Нам он сказал так: «Пока вы отсюда не уедете, я буду около вас и буду вас защищать, а перед отъездом вы мне дадите столько, сколько можете». Мы поблагодарили и приняли его предложение.

Этот Паносов был довольно оригинальный тип. Крупного роста, очень широкоплечий, он производил впечатление человека большой

физической силы. Охранял он нас очень добросовестно, и у меня сложилось впечатление, что он к нам привязался и готов исполнить всякое поручение. Он был крайне добродушным; говоря про «буржуев», не высказывал никакой злобы, выражал удивление, что люди так озверели; говорил, что пора «начальству» навести порядок и дать возможность всем людям жить мирно.

Но в то же время, когда приводимых на ст. Степную приговаривали к расстрелу, он всегда был одним из первых, вызывавшихся привести приговор в исполнение. После расстрела он непременно приносил в дамскую комнату какую-нибудь из принадлежностей костюма расстрелянного; то сапоги или ботинки, то брюки, то шинель или пальто, то рубаху или шапку. Я его спросил, как ему не жалко расстреливать людей, которых он сам считает невиновными. «Да я и не расстреливаю», — ответил он.

Я заинтересовался, в чем дело, и он неохотно, но все же объяснил. Оказалось, что в селении около станции жила его мать, которая требовала от него, чтобы он принимал участие в расстрелах и получал на свою долю часть одежды с убитых. Паносов объяснил, что он никогда не расстреливает сам, а на его обязанности лежит только достреливать тех, кто не убит наповал, и зарывать трупы. По утрам действительно на станцию приходила отвратительная старая армянка, получала от Паносова вещи, пришедшиеся на его долю, и ругала его за то, что он не умеет выбирать лучших.

К вечеру 17 февраля / 3 марта привели новых арестованных: юношу 16 лет и зажиточного казака — хуторянина. Последнего, по постановлению схода (круга) соседней станицы, за то, что он богат и живет как буржуй. Сход решил требовать его расстрела, а землю и инвентарь, ему принадлежащие, разделить между собой. Бедный казак волновался, плакал, обещал отдать соседям все, что у него имеется; революционный суд на ст. Степной после долгих споров вынес, наконец, ему оправдательный вердикт.

Не так счастлив был юноша. Во время суда (я присутствовал в той же комнате) на вопрос — кто он и как попал, юноша чистосердечно ответил, что он гимназист 6 класса Новочеркасской гимназии и вместе со своими сверстниками был зачислен в партизанский отряд Чернецова. Но что на фронте он не был, а состоял в команде, сформированной для охраны дворца Донского атамана. Что 10/23 февраля их команду решили отправить на фронт, предоставив каждому право — или уйти домой, или идти с командой на пополнение отряда Чернецова, понесшего большие потери.

Юноша решил отправиться домой в деревню, где его отец был священником. Вернувшись домой, он прежде всего пошел в местный

революционный комитет, где все про себя и рассказал. Комитет решил его, «как поповское отродье», хорошенько проучить и отправить на ст. Степную.

Искренний и бесхитростный рассказ юноши вызвал на суде бурю негодования: поповский сын, корниловец, партизан Чернецова и пр. Приговор произнесен был председателем суда быстро: «расстрелять эту собаку — как только взойдет луна». Несчастный юноша тяжело вздохнул и понурив голову стал около стены.

Когда суд разошелся и в комнате остались только мы и двое из стражи, юноша попросил разрешения немного отдохнуть. Он лег на полу около стены, подложил мешок под голову и немедленно заснул. Часа через два пришли два солдата; один из них ткнул спящего ногой и сказал: «Вставай, пора идти, луна взошла». Тихо поднялся юноша, посмотрел на нас и сказал: «Смерти не боюсь, но грустно умирать таким молодым — ведь я совсем еще не жил и жизни не знаю. Благословите меня». Мы с ним простились, перекрестили его, и он вышел. Минут через пять раздалось несколько выстрелов...

Несколько позже в дамскую комнату, в которой мы находились, пришли посидеть и развлечься несколько человек из местной интеллигенции; пришел комиссар станции, какой-то пожилой человек в куртке морского покроя и два писаря.

Сначала разговор не клеился, но после того, как один из писарей что-то сказал про охоту в окрестностях ст. Степной, заговорил пожилой человек в морской куртке. Сказав, что хотя здешняя охота и хорошая, но для тех, кто побывал, как он, на охотах в Индии, охота на Дону представляется мизерной, он оживился и очень интересно рассказал, как, будучи матросом, он шел во Владивосток на крейсере, на котором держал флаг адмирал Макаров; что в Индии они задержались надолго и адмирал Макаров взял его с собой, как охотника, в глубь страны. Рассказав про охоту в Индии, он долго и восторженно рассказывал про адмирала Макарова. Сказал, что Макаров его полюбил и подарил великолепное охотничье ружье, которое он хранит как зеницу ока и которое в его домике в Батайске (около Ростова) всегда висит над его постелью.

Затем моряк стал рассказывать про революционный период 1905 г. в Севастополе, когда он был боцманом на крейсере «Очаков». Он долго говорил про суд, про речь прокурора.

Я невольно взглянул на Ронжина, который, я знал, был именно этим прокурором. Бедный Ронжин чувствовал себя скверно, усиленно курил, и лицо его стало землистого цвета. Ронжин стал наводить разговор на современные события, и это наконец ему удалось.

Моряк рассказал, что на телеграфе на ст. Егорлыцкой служит его дочь и оттуда постоянно присылает ему сведения о передвижениях

казачьих частей; что сведения, дававшиеся его дочерью, были часто очень ценные и способствовали успеху большевиков. Рассказал, как он сам действовал с небольшой группой головорезов, когда Корнилов занимал Ростов, и как благодаря его указаниям большевикам в январе удалось занять Батайск и нанести серьезные потери юнкерскому батальону.

Когда эта компания ушла, Ронжин мне сказал, что действительно он пережил тяжелые минуты; что он узнал этого боцмана, которого он обвинял на суде, и боялся, что тот может узнать его.

Прошла новая кошмарная ночь. Мы были свободны, но совершенно обобраны, а не имея ни копейки денег, было бесполезно куда-либо направляться: попали бы в новую переделку в каком-либо другом пункте, близком от станции; без денег далеко не ушли бы.

Я еще вечером 17 февраля / 3 марта просил председателя суда потребовать вернуть отобранные у нас деньги и вещи. Он согласился и сказал, что пошлет за ними конного, снабдив его соответствующим предписанием. Мы же решили ждать на ст. Степной возвращения посланного за нашими деньгами и вещами.

Утром 18 февраля / 4 марта я вышел на перрон и прошел в уборную. Возвращаясь назад, я заметил, что на станции как будто несколько больше порядка, и дежурные солдаты разгоняют праздношатающихся.

Войдя в зал 1-го класса, я увидел начальника отряда на ст. Степной, разговаривающего с незнакомым мне человеком, бывшим в военной форме без погон, но при шашке. Незнакомец имел вполне интеллигентный вид и был хорошо одет. Лицо было выбрито; рыжие усы подняты à la «Вильгельм».

Увидев меня, он обратился к начальнику отряда и спросил:

— Кто это?

— Это один из тех трех, о которых я вам докладывал, что они судом оправданы.

— Почему вы их не расстреляли?

— Я не получал приказания расстреливать всех арестованных и приводимых сюда на станцию. Вами было отдано приказание всех арестуемых предавать военно-революционному суду, что мною в точности и исполняется. За эти три дня сюда было приведено 22 человека и из них 18 расстреляно и только четверо оправданы: эта компания из трех лиц и еще один казак-хуторянин.

После этого незнакомец обратился ко мне с вопросом: «Почему после оправдания судом вы продолжаете оставаться на станции?» Я ответил, что у меня и у моих спутников отобраны все деньги; что за деньгами и за вещами начальник отряда послал конного и что до получения денег мы лишены возможности куда-либо направиться.

— А сколько у вас всех было денег?

— У меня было три тысячи с небольшим, а у моих спутников около двух тысяч.

— Кто вы такой?

— Я торговец; пробираюсь в Екатеринодар по своим делам.

— Вы лжете. Вы не купец и не торговец, а наверно состоите в армии Корнилова и, скажу больше, занимаете в ней не маленький пост.

Я увидел, что этот господин много опасней всех прежних судей, и, стараясь сохранить полное самообладание, я ему ответил, что он заблуждается, что я действительно торговец.

— Я повторяю, что ты лжешь! Меня не обманешь! — и, обращаясь к начальнику отряда, сказал: — Корнилов всюду рассылает своих людей; ему особенно важно связаться с контрреволюционными организациями в Екатеринодаре. Вы же здесь ни в чем разобраться не можете. Этот господин мне кажется очень подозрительным. Поэтому приказываю считать, что над ним и его компаньонами никакого суда не было. Потрудитесь их вновь арестовать и сегодня же отправьте в мой штаб в Ростов, где их хорошенько допросят и решат, как надо с ними поступить. — Обращаясь ко мне, он добавил: — Не думаю, чтобы в Ростове вам удалось так же легко отделаться от должного возмездия, как это удалось здесь.

После этого незнакомец быстро вышел из комнаты.

Я обратился к начальнику отряда с вопросом:

— Кто это?

— Главнокомандующий Юго-Восточного фронта — Сиверс.

У меня похолодело сердце. Это был тот прапорщик Сиверс, который своей газетой «Окопная Правда» окончательно разложил армии Северного фронта.

Для меня стало ясно, что спасения для нас нет. Штаб Сиверса в Ростове, как я слышал, находился в том же особняке Парамонова, где был перед тем штаб генерала Корнилова, и находившиеся там в качестве прислуги австрийцы-военнопленные, конечно, немедленно меня должны узнать как бывшего начальника штаба Корнилова.

Я пошел в дамскую комнату, где сидел Ронжин и сладко спал на полу армянин Паносов. Ронжин встретил меня заявлением, что он очень голоден и надо подумать, как бы нам достать деньги у начальника отряда и хорошенько закусить. Я ему рассказал все, что произошло.

— Понесла же тебя нелегкая на твою прогулку и на встречу с Сиверсом. Что же нам делать?

Я ответил, что положение безвыходное, что в Ростове нас, конечно, узнают и... в лучшем случае расстреляют; что лучше нам самим с собой покончить.

— Но как?

Надо сказать, что до этого мы несколько раз посылали Паносова за папиросами, и он неизменно оставлял свою заряженную винтовку в комнате.

Я предложил Ронжину разбудить Паносова, послать его опять за папиросами (которые нам как оправданным, из буфета отпускали в долг) и, воспользовавшись его отсутствием, покончить с собой при помощи его винтовки.

Паносов был разбужен, и я дал ему заказ на папиросы. Паносов встал и пошел за папиросами, взяв с собой винтовку. Мы с Ронжиным переглянулись, и я сказал: «Не судьба. Обещаю больше судьбу не насиловать и не буду пытаться наложить на себя руки».

Вскоре, по распоряжению начальника отряда, мы были объявлены вновь арестованными, и в 3 ч дня нас повели сажать на поезд, который пришел со станции Тихорецкой и направлялся в Ростов.

Поезд стоял на станции Степной более часа. Перед самым отходом поезда к нашему вагону прибежал начальник отряда и сказал старшему конвойному: «Сейчас получена телеграмма, что штаб главнокомандующего из Ростова перешел в Батайск (первая станция от Ростова, на левом берегу Дона), а потому арестованных везти в Ростов не надо, а надо высадить в Батайске, где и сдать председателю военно-революционного суда при штабе».

Я вздохнул облегченно и сказал Ронжину, что надежда на спасение есть; что в Батайске нас могут не узнать.

Начальник отряда затем передал какую-то записку старшему конвойному с приказанием передать ее в руки председателя суда. Обращаясь же ко мне, он тихо добавил: «Пишу, что вас уже судили и суд вас всех оправдал». Затем он дал нам десять рублей на расходы, и поезд тронулся.

Около шести часов вечера мы были в Батайске, и конвойные нас повели прямо в помещение суда, которое им было указано на станции. Налицо оказались некоторые из судей и сейчас же послали за председателем. Нам приказано было подождать.

Глядя на наших судей, я решил, что дело не безнадежное. Эта публика не производила впечатления кровожадной, и разговор, который они вели, был более чем фривольный. Вспоминали вчерашний ужин с артистками какого-то театра и восторгались одной из них.

Через несколько времени явился председатель суда, и нас вывели в другое помещение. Я попросил Ронжина, Андрея и казака-хуторянина, которого доставили в Батайск вместе с нами, воздержаться от лишних разговоров на суде и предоставить мне изложить всю нашу историю.

Нас позвали в комнату, где заседал суд. Никого посторонних, кроме конвоя, не было. Председатель суда, обращаясь ко всем нам, спросил, кто мы такие и в чем заключается наше дело.

Я подробно все рассказал; сказал, что мы уже судились на ст. Степной и оправданы, что я недоумеваю, почему нас вновь арестовали и доставили в Батайск. Затем я обратился к старшему конвойному и просил его передать председателю суда ту записку, которую он получил от начальника отряда на ст. Степной.

Записка была передана, и председатель суда прочитал ее вслух. Содержание записки было приблизительно следующее: «Препровождая по приказанию главнокомандующего Юго-Восточного фронта четырех арестованных, сообщаю, что все они судились военно-революционным судом на ст. Степной и оправданы. Считаю, что вторичному преданию суду они не подлежат. Подпись начальника отряда ст. Степной».

Судьи переглянулись между собой, и председатель приказал нас вывести в другую комнату. Минут через пятнадцать нас вновь позвали в помещение суда, и председатель, обращаясь к нам, объявил, что мы судом оправданы и что он очень извиняется за то, что нас, по недоразумению, вторично хотели судить.

Я обратился с просьбой выдать нам письменное удостоверение о нашем оправдании судом. Это было исполнено, и мы, весело настроенные, вышли из помещения суда.

Ронжин сказал мне, что теперь надо спасаться, куда глаза глядят, дабы опять не попасть в руки Сиверса.

— Куда же мы денемся без денег? — спросил я его.

— Да, это правда; но что же нам делать?

— Выход один: это снова попросить конвойных нас арестовать и доставить на ст. Степную, где есть надежда получить наши деньги.

— Как, опять к Сиверсу?

— Другого выхода нет.

Мы переговорили с конвойными и, обещав их накормить, получили их согласие считать нас снова арестованными.

В трактире кутнули на все десять рублей, полученные от начальника отряда на ст. Степной, и ночью были доставлены на станцию.

Утром 19 февраля / 5 марта мы отправились к начальнику отряда, рассказали о том, что произошло, передали записку председателя Батайского суда о нашем оправдании; сказали, что решили дождаться на ст. Степной наших денег; достали от него удостоверение о том, что оправданы дважды и, по его указанию, отправились в местный революционный комитет достать документы на право дальнейшего свободного проезда.

Весь день ушел на это. Документы достали и вечером, напившись чаю с хлебом, которыми нас угостил запасливый казак-хуторянин, устроились кое-как на ночлег в дамской комнате на станции.

За наше отсутствие было приведено еще шесть человек; трех из них расстреляли, а трех, военнопленных австрийцев, освободили.

В этот же день со мной произошел крайне неприятный инцидент, который мог окончиться трагически. Ронжин пошел утром к начальнику отряда один, а я задержался в комнате и должен был его нагнать. Выйдя на перрон станции, я Ронжина уже не увидел, — он куда-то прошел. Я отправился на розыск вагона начальника отряда. Вижу на пути отличный вагон 1-го класса, рядом ходит часовой.

Спрашиваю: «Это вагон начальника?»

— Да.

Я поднимаюсь на площадку вагона; навстречу мне выходит элегантный военный без погон и спрашивает, кого мне надо.

Я отвечаю, что мне надо к «начальнику» по делу.

— Подождите, я доложу.

Адъютант скрывается в одном из купе и оттуда выходит... главнокомандующий Юго-Восточного фронта «товарищ» Сиверс.

Я остолбенел, но делать было нечего, и, стараясь скрыть свое волнение, я направился к нему навстречу.

— Каким образом вы здесь? Ведь я приказал всю вашу компанию отправить на суд ко мне в штаб.

— Мы уже там были и оправданы.

— Не может быть! У вас есть удостоверение в том, что вас судили и оправдали?

— Есть и находится теперь в руках у начальника отряда.

— Ну, ваше счастье. Я не рассчитывал вас больше видеть. Суд при моем штабе редко выносит оправдательные приговоры. Но что же вам от меня теперь нужно?

Я извинился, объяснив, что попал к нему случайно, разыскивая начальника отряда. Он мне назидательно объяснил, что он именуется главнокомандующим фронтом, и рекомендовал мне не засиживаться на ст. Степной... Когда я об этом рассказал Ронжину, то он схватился за голову: «Ради Бога, будь осторожней. Какая нелегкая несет тебя прямо в лапы к Сиверсу?»

20 февраля / 6 марта я, хотя и спал за столом, сидя на стуле, проснулся поздно. Мои компаньоны уже бодрствовали и были в прекрасном настроении. Тут же вертелся Паносов. Ронжин объявил мне, что в селении около станции, по словам Паносова, имеется отличный трактир и было бы хорошо там поесть.

— На какие же средства мы можем рассчитывать? Даром никто нас кормить не будет.

— Я пойду к начальнику отряда и попрошу у него денег, — сказал Ронжин.

— Попытайся.

К большому моему удивлению, вернувшийся Ронжин действительно принес билет военного займа. Мы ликовали, но затем явилось сомнение в том — разменяют ли этот билет в трактире. Паносов уверил нас, что разменяют, и мы всей компанией двинулись в трактир.

Поели с удовольствием. Одно нас несколько стесняло — это присутствие в соседней комнате каких-то солдат, которые внимательно нас разглядывали.

Расплатившись, мы вышли. Но прошли мы немного и были остановлены криками каких-то солдат, бежавших за нами. Мы остановились. Оказалось, что это те же солдаты, которые нас разглядывали в трактире.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что это были офицеры латышского полка, стоявшего около ст. Степной. Начался новый допрос. В результате нам объявили, что мы обманули судей революционных судов, но что их не обманем и что будем расстреляны без всякого суда. Все наши возражения оказались бесполезными.

Последовало приказание позвать восемь солдат с винтовками. Солдаты скоро прибежали, и нам предложено было стать к стенке. Я решил, что сопротивляться бесполезно, и пошел к забору.

Ронжин нас спас. Он начал горячо доказывать, что при всяком режиме решение суда должно быть священно, что правосудием так играть нельзя, что справедливость наших заявлений проверить легко и проч.

Один из латышей, пожилой с виду и безусловно кадровый офицер, за нас заступился и уговорил всю компанию отвести нас к начальнику отряда и проверить правильность наших заявлений. «Если же они лгут, то мы их расстреляем там же на железнодорожных путях», — добавил он. Нас повели.

Начальник отряда за нас горячо заступился и приказал нас освободить. Латыши не хотели нас отпустить, и начались препирательства между ними и начальником отряда. В это время в комнату вошел командир латышского полка, одетый в элегантный кожаный костюм. Как мне потом сказали, он был кадровым штабс-капитаном.

Поинтересовавшись, в чем дело, и выслушав начальника отряда, он приказал своим подчиненным разойтись, оставив нас в покое. К нам же он обратился со следующими словами: «Я вам не рекомендую показываться в селении; мои латыши вас расстреляют и заступничество начальника отряда не поможет». После его ухода начальник отряда нам сказал: «Положение ваше становится очень опасным. Латыши вас прикончат, и я не в силах буду вас спасти. Мой совет — немедленно уезжайте».

Я на это ответил, что и наше желание скорей уехать, но что только он один нам может помочь.

— Что же я могу сделать?

— Без денег мы уехать не можем. За нашими деньгами вы послали, и, вероятно, завтра посланный их привезет. Самое лучшее будет, если вы нам теперь дадите деньги, а те деньги, которые будут привезены, вы возьмете себе».

Начальник отряда подумал и затем сказал: «Ну хорошо, я вам деньги дам теперь же, удержав с того, что вам причитается, $^1/_3$ в пользу революционной армии. Если вы на это согласны, то через час приходите в мой вагон».

Мы, конечно, с радостью согласились и к назначенному времени были в вагоне начальника отряда. Получив деньги, мы попросили разрешения остаться в его вагоне до прихода поезда из Ростова (мы решили ехать на ст. Тихорецкую, а оттуда, в зависимости от обстановки, проехать в ту или иную сторону).

Поезд в этот день из Ростова не пришел, и с наступлением темноты нас выпроводили из вагона, сказав, что оставлять нас на ночь в вагоне начальника отряда признается недопустимым. Мы попали в трудное положение, ибо идти на станцию не рисковали, опасаясь, что латыши с нами расправятся.

На наше счастье, подвернулся станционный сторож, на которого мы уже раньше обратили внимание из-за чувства соболезнования, которое он проявлял к нам. На нашу просьбу устроить нас на ночлег сторож предложил переночевать в его помещении. Мы пошли и через десять минут сидели за столом, на котором стоял кипящий самовар, крынка с молоком и лежал свежий хлеб. Напившись чаю и помолившись Богу, мы улеглись спать на полу. В соседней крошечной комнате устроился сторож со своей женой и пятью детьми.

Проснувшись, мы с радостью узнали, что около двух часов дня будет поезд из Ростова и что наше освобождение от соседства с латышами близко и возможно.

Так как мой полушубок был у меня отобран по пути на ст. Степную, а холод давал себя чувствовать, то я решил достать себе что-либо теплое. При помощи того же сторожа я купил за сто рублей старый полушубок и совсем перестал быть похожим на «буржуя».

Мы решили до поезда на станции не показываться. За час до прихода поезда мы, к нашему ужасу, узнали, что поезд воинский и пассажиров в него пускать не будут. Бросились к начальнику отряда. И на этот раз он нам помог. Взял для нас билеты и по приходе поезда, переговорив с начальником эшелона, устроил нас в маленьком купе 1-го класса. Через четверть часа поезд отошел от ст. Степной; мы облегченно вздохнули и перекрестились.

Вечером 21 февраля / 6 марта мы были на ст. Тихорецкой. Там мы узнали, что отряд генерала Корнилова взорвал мосты около Велико-

княжеской и сообщение с Царицыном прервано; что на Екатеринодар поезда не ходят, а около Екатеринодара идут бои большевиков с отрядами «белых» и казаков, сформированных в Екатеринодаре. Оставался свободный проезд только на Владикавказ и на Ростов.

Забираться во Владикавказ нам не хотелось, а ехать куда-либо через Ростов было для меня опасно (в Ростове многие меня знали). Кроме того, я хотел постараться опять попасть в армию Корнилова, а потому мы решили переждать в Тихорецкой и устроились в грязном маленьком номере местной гостиницы. Что касается Андрея, то мы оставили его на ст. Степной, решив, что он, как солдат, может пробраться обратно в Новочеркасск и там переждать события.

В местечке при ст. Тихорецкой мы прожили четыре дня. Выходить много из нашей грязной берлоги мы опасались и только два раза в день, утром и вечером, по очереди, ходили на вокзал справляться о поездах и узнавать слухи и новости о движении отряда генерала Корнилова.

Получавшиеся сведения ничего утешительного не приносили; получалось впечатление, что небольшая группа героев прорывается куда-то на юг; но там, на юге, нет никакой надежды найти опору и пристанище.

По всем же данным, которые мы видели и слышали, ясно было, что большевистские части начинают сорганизовываться, вновь проявляется дисциплина и начинает чувствоваться управление сверху. Корниловская Добровольческая армия была почти окружена, и кольцо вокруг нее начинало сжиматься.

За время пребывания в Тихорецкой гостинице я понял, почему при прежних продолжительных плаваниях под парусами, в конце концов, члены кают-компании становились врагами друг к другу. Я начал замечать, что мои отношения с Ронжиным начинают портиться, неотлучное совместное пребывание начинало раздражать, начинались мелкие придирки друг к другу. Мы спали на одной кровати. Он меня неоднократно будил, уверял, что я занимаю всю кровать, заставляя его спать на железном борту, что все его тело болит, что я эгоист и проч.

Постоянные ночные обыски и проверки документов нас раздражали все больше и больше. На пятый день нашего пребывания в гостинице Ронжин утром пошел на вокзал получить очередную информацию. Через полчаса он вернулся взволнованный и бледный.

«На вокзале я сейчас нарвался на командира латышского полка, с которым мы имели дело на ст. Степной. Этот господин меня узнал, остановил и спросил, что я тут делаю и где ты. На мой ответ, что мы ожидаем здесь поезд, чтобы проехать в Царицын, он мне сказал, что для него более чем подозрительно видеть нас каждый раз там, где начинается сосредоточение войск; что он меня арестует и прикажет выяснить более основательно, кто мы такие. К счастью, в это время

подошли к нему какие-то солдаты, и началась ругань. Я воспользовался моментом и удрал. Надо спасаться».

Раздумывать было некогда. Расплатившись за номер, мы вышли из гостиницы и решили пройти, минуя станцию, на железнодорожные пути и первым же поездом отправиться в Ростов, а оттуда, через Лиски, в Царицын.

На наше счастье у вокзала стоял поезд, который должен был через час отойти на Ростов. Не беря билетов, мы забрались в товарный вагон и устроились в уголке за группой каких-то торговок.

До Ростова доехали благополучно. Но здесь на вокзале нужно было ожидать поезда более восьми часов. Ронжин, которого в Ростове знали меньше, рискнул пройти поесть в зал 1-го класса, а я забился в толпу в зале 3-го класса. Находясь в зале, я видел среди проходивших несколько знакомых лиц, в том числе моряка, которого мы видели на ст. Степной.

Ронжин поручил носильщику взять билеты до ст. Лиски. Поезд наконец был подан, и мы пошли садиться в вагон. По пути к вагону меня остановили двое штатских и, называя «ваше превосходительство», стали расспрашивать, откуда и куда я еду. Я им ответил, что они заблуждаются, принимая меня за кого-то другого, и что я совсем не «Превосходительство».

Они, перешептываясь, отошли, но издали за нами следили. В одном из них я узнал офицера, служившего в штабе на маленькой должности и пользовавшегося неважной репутацией. Я опасался, как бы они нас не выдали, но все прошло благополучно, и наконец поезд тронулся. Мы перекрестились.

Ронжин еще с утра чувствовал себя плохо. К отходу же поезда у него, по-видимому, был сильный жар, и он жаловался на боль сердца. Когда поезд стал подходить к ст. Лиски, Ронжин мне категорически объявил, что с него довольно, в дальнейшие предприятия он не склонен пускаться, в Царицын не поедет, а поедет прямо в Петроград к своей жене, которая как-нибудь поможет ему там спрятаться.

— А если суждено погибнуть, то лучше погибнуть дома, а не шатаясь так, как мы теперь с тобой шатаемся, — прибавил он.

Я видел, что уговаривать его бесполезно, и в Лисках я с ним расстался: он тем же поездом поехал на север, а я остался на станции в ожидании поезда в Царицын.

Утром 2/15 марта я приехал в Царицын и отправился искать себе помещение. Нашел за десять рублей в сутки крошечную комнату в очень грязной гостинице. Все приличные гостиницы оказались реквизированными для надобностей большевистских штабов и учреждений. Я чувствовал, что на мне масса насекомых, а потому сейчас же отправился в магазин, купил смену белья и пошел в баню.

Прожив в Царицыне неделю, я увидел, что положение мое скоро станет драматичным: деньги таяли, а надежды скоро соединиться с армией не было. Я решил отыскать какую-нибудь работу.

Пошел в контору местного купца Серебрякова и спросил хозяина. Мне указали на плотного старика, стоявшего в конторе в пальто и с шапкой на голове. Я подошел и сказал, что хорошо грамотен, знаю бухгалтерию и прошу дать мне работу. Он молча на меня посмотрел, а затем раздраженным тоном сказал: «Грамотных теперь не требуется. Да я, впрочем, теперь уже и не хозяин; хозяева — вот эта с...! — и указал на нескольких юношей, сидевших за столом. — Попробуйте обратиться к ним». Я повернулся и вышел из конторы.

На другой день, обедая в ресторане, я увидел за соседним столиком адъютанта генерала Корнилова — Толстова[206] и мужа дочери генерала Корнилова — моряка Маркова (как потом я узнал, они приехали из Владикавказа, куда сопровождали из Ростова семью генерала Корнилова).

По выходе из ресторана меня нагнал Толстов и спросил, когда и где он может меня увидеть. Я назначил ему свидание у себя в номере через час. Толстов, придя ко мне и увидев обстановку моего номера, сказал, что он постарается меня устроить лучше, и обещал зайти на другой день. На другой день, под вечер, он пришел и сказал, что меня просит сейчас же прийти его хороший знакомый Х.

Я пошел. Х. принял меня как родного. После всех мытарств я с наслаждением провел время в хорошей обстановке и был накормлен отличным обедом. На следующий же день Х. меня устроил на квартире у своего тестя. Какое наслаждение было получить хорошую комнату, кровать с чистым бельем и иметь возможность пользоваться ванной! У милых и гостеприимных стариков я и обедал. Прожил я у них до половины марта. Сообщение с Тихорецкой не восстанавливалось, и я начал терять надежду на возможность соединиться с Добровольческой армией.

Однажды пришел ко мне Толстов и сообщил, что у местного комиссара Минина (он же был городским головой) начальником штаба состоит полковник Генерального штаба К., которого я за скандал, произведенный им в пьяном виде под Новый год в Новочеркасском офицерском собрании, отчислил от штаба Добровольческой армии.

На следующий день я получил сведение, что за мной начинают следить и что мне необходимо немедленно уезжать. Запасшись от Х. рекомендательным письмом к одному из его знакомых в Харькове и взяв у него в долг триста рублей, я в тот же день отправился в Харьков. Выбрал Харьков потому, что собственно больше некуда было ехать, и, кроме того, надеялся разыскать там моих детей.

За время моего пребывания в Царицыне я выяснил, что большевиками прекращена была всякая коммерческая жизнь в городе. Местные

купцы, домовладельцы и просто «буржуи» были сильно ограблены и очень немногим из них, путем взяток, удалось сохранить возможность вести сносную жизнь.

Постоянного террора еще не было. Периодически расправлялись с отдельными лицами, которых считали опасными. Серьезному же преследованию и расстрелу подвергались лишь те, коих заподазривали в причастности к Добровольческой армии.

Глава IX

До Харькова я добрался благополучно. Там я сначала поместился в гостинице, но затем, благодаря рекомендации Х., я отлично устроился в богатом доме одной старушки, германской подданной.

Нельзя обойти молчанием, что при бывших в Харькове грабежах и уплотнениях квартир распоряжением большевиков, хотя этот дом был полной чашей, в него ни разу не заглянул ни один большевик. Как мне передавали, в период первого владычества большевиков в Харькове замечалось их крайне внимательное отношение вообще ко всем германским подданным. Хотя не трогали и швейцарских граждан, но отношение к ним все же не было таким предупредительным, как к германским подданным.

Своих детей (дочь 15 лет и сына 14 лет) я отыскал в Харькове. Устроились они в одном очень милом швейцарском семействе. Про свою же жену, выехавшую на лошадях из Новочеркасска 10/23 февраля вместе с генералом Ванновским никаких сведений я не имел. Она предполагала на лошадях доехать до одной из станций железной дороги Царицын—Тихорецкая и оттуда, через Царицын, пробраться в Москву, чтобы постараться ликвидировать имущество нашей квартиры и спасти свои драгоценности, бывшие в банке.

Испытав на себе все прелести путешествия на лошадях из района, занятого Добровольческой армией, я решил, что моя жена погибла. Но через 2—3 дня после моего приезда в Харьков одной нашей знакомой, кн. Голицыной, было получено из Москвы письмо от моей жены. Я успокоился и решил, что в ближайшем будущем она сумеет как-нибудь пробраться из Москвы в Харьков на соединение с детьми.

С января 1918 г. я чувствовал себя отрезанным от мира и, в сущности говоря, ничего не знал о том, что происходит вне района, в котором я находился. Будучи в районе Добровольческой армии, окруженной большевиками со всех сторон, а затем оторвавшись от армии и попав в Царицын, я питался лишь слухами и ничего верного до меня не доходило.

Приехав в Харьков, я через бывшего члена Государственного Совета Н. Ф. Дитмара, связался с группой углепромышленников, которая субси-

дировала тайную офицерскую организацию. На квартире одного из членов этой группы я познакомился с полковником, стоявшим во главе Харьковской военной организации, и с командиром офицерского батальона.

В распоряжении Харьковской военной организации имелось три тысячи винтовок с достаточным количеством патронов и около двадцати пулеметов. Была надежда, в случае восстания, получить четырехорудийную батарею; личный состав для батареи был подготовлен.

В батальоне, который, по словам полковника, стоявшего во главе организации, можно было бы собрать в любой момент, числилось около тысячи человек. Кроме того, в списке офицеров, живших в Харькове, числилось около двух тысяч человек. Эти последние не были помещены в существующую организацию. Каждый из офицеров батальона должен был в случае необходимости привести 2–3 офицеров, значившихся в списке и лично ему известных.

Такие же организации, но в меньших размерах, существовали в других городах Харьковской и Полтавской губерний.

Познакомившись с организацией дела в Харькове, я преподал некоторые организационные советы руководителям ее и затем указал, что никакие преждевременные выступления не допустимы. Необходимо выждать, пока окажется возможным иметь связь с генералами Корниловым и Алексеевым, и свои действия строго согласовать с указаниями, которые будут получены. При этом сказал, как свое личное мнение, что считаю наиболее правильным, чтобы все офицеры, которые это могут сделать, направлялись на усиление Добровольческой армии. На местах же могут оставаться лишь те, кои вследствие семейных или других причин в армию ехать не в состоянии. Эта группа офицеров может взяться за оружие лишь при подходе Добровольческой армии, дабы преждевременным выступлением не губить дела и не подвергать напрасно террору тех, которые сидят на месте.

В двадцатых числах марта меня в Харькове разыскал моряк, лейтенант Масленников[207], который служил для связи между генералами Корниловым и Алексеевым и Московским Национальным центром, в состав которого вошли представители всех антибольшевистских кругов от правых до социалистов включительно.

Этот центр, конечно, вел работу конспиративно; хотя, по-видимому, про его существование большевикам было известно, но они, по указке ли немцев или по своим соображениям, пока его не трогали и на его деятельность смотрели сквозь пальцы.

Масленников рассказал мне, что в Москве назревает восстание, что различные организации объединились и что руководители убеждены в полном успехе. Но что в Москве нет никого из авторитетных военных, который мог бы руководить военной стороной дела; что членов Москов-

ского Национального центра особенно беспокоит вопрос о том, кому можно поручить направление деятельности военных организаций; особенно важно, чтобы после намеченного переворота было лицо, которое твердо и правильно поставило бы дело и прибрало к рукам все разнообразные военные организации. Что он командирован в Харьков специально ко мне, чтобы от имени Национального центра предложить мне немедленно прибыть в Москву и принять руководство военной стороной дела.

Я его спросил, насколько справедливы слухи о том, что Московский Национальный центр раскололся; что часть членов приняла немецкую ориентацию, считая, что спасение от большевиков возможно лишь при соглашении с немцами; что другая часть членов остается верной союзу с Францией и Англией и не допускает мысли идти по пути соглашения с Германией.

Масленников, как мне показалрсь, несколько смазывал свои ответы. Он подтвердил, что действительно вопрос ориентации возник, но раскола не произошло; что группа, считающая возможным договориться с немцами, предварительно считает необходимым определенно и ясно поставить вопрос о помощи от англичан и французов; что только при отказе их оказать действительную поддержку — они считают возможным начать переговоры с немцами, которые действительно предлагают с ними договориться.

На мой вопрос — кем же он ко мне прислан, он ответил, что А. В. Кривошеиным и Вл. И. Гурко.

— Есть ли у вас какое-либо письмо ко мне или что-либо иное в письменной форме, что подтвердило бы мне, что вы действительно присланы ко мне указанными лицами?

— Нет, у меня ничего нет; мне поручено это передать вам на словах. Вы меня знаете, и мы считали, что у вас не будет никаких сомнений.

— Можете ли вы мне подробно рассказать про существующие в Москве военные организации? Что они из себя представляют по составу, численности, спайке и по обеспеченности военными припасами на период выступления?

— Нет, я этого не знаю.

После этого я сказал Масленникову, что согласием на подобное предложение ответить трудно. Что все это представляется мне довольно легкомысленным. Что ехать в Москву с тем, чтобы сейчас же быть повешенным на фонарном столбе, мне не хочется. Что если мне это суждено, то оно в свое время и случится, но ускорять ход событий я не намерен.

— Передайте А. В. Кривошеину и Вл. И. Гурко, что если они действительно хотят моего приезда, то пусть мне об этом напишут и пришлют вас и какого-нибудь генерала, стоящего во главе одной из наиболее крупных организаций, чтобы он мог дать мне исчерпывающие ответы

на все мои вопросы. А на предложение, делаемое в той форме, как делаете вы, я отвечаю определенным отказом.

Злободневными в Харькове разговорами были слухи и поступавшие сведения о приближении немцев. Киев был ими занят 15 февраля / 1 марта.

В начале апреля я с большим интересом прочитал в одной из харьковских газет статью Василия Витальевича Шульгина, перепечатанную из последнего номера закрывшегося «Киевлянина», от 10/23 марта (№ 16):

«Выпуская последний номер "Киевлянина", мы позволяем себе напомнить всем, кому о сем ведать надлежит, что мировая война не кончилась; что жесточайшая борьба будет продолжаться на Западном фронте; что уничтожение России есть только один из эпизодов этой войны; что на место России вступила Америка, что русский вопрос не может быть решен окончательно ни в Бресте, ни в Киеве, ни в Петрограде, ни даже в Москве, ибо карта Европы будет вычерчена на кровавых полях Франции, где произойдет последняя решительная борьба.

Мы позволяем себе сказать еще, что нынешнее состояние России не есть гибель русского народа, но это есть несомненная гибель "русской революции".

Социалисты воображали, что так называемая контрреволюция придет от рахитичных русских капиталистов или от мечтательных русских помещиков, подаривших миру Льва Толстого — гениального Манилова. Во имя этой несуществующей контрреволюции они расстреливали и уничтожали тот небольшой культурный класс, который в России единственно был носителем национальной гордости и готов был подвергнуться всем экспериментам "социализма", лишь бы сохранить независимою свою родину.

Задача блестяще удалась. Людей, любивших свое отечество, смяли и растоптали из страха перед "ней". Но когда это было сделано, "буржуи" уничтожены, тогда-то и пришла "она"...

Пришла сильная, спокойная, уверенная... И все эти жалкие людишки покорно стали на колени и приветствовали ее появление.

Контрреволюция пришла в образе немецких офицеров и солдат, занявших Россию. Тех немецких солдат, у которых "нервы оказались крепче".

Ибо что такое контрреволюция в глазах безмозглых митрофанушек социализма?

Контрреволюция — это порядок, это крепкая власть, это конец безделью, болтовне, конец надругательствам и насилиям над беззащитными и слабыми. Так вот, поздравляем вас, господа революционеры!

Немцы принесли этот порядок на своих штыках... и прежде всего, приводя в действие железные дороги, приказывая вымыть и вымести

дочиста наш несчастный Киевский вокзал, эту эмблему современной культуры, которую вы столько времени пакостили во славу демократических принципов.

Чистота и опрятность. Есть ли начало, более враждебное грязью венчанной русской революции?

Ах, господа, вы не хотели отдавать чести русским офицерам... А теперь с какой готовностью вы отдаете эту "честь" немецким! Почему? Да потому, что они избавили вас от самих себя, что они спасают вашу собственную безумную жизнь, потому что в звериной ненависти, вами овладевшей, вы перегрызли бы горло друг другу! И вы глубоко благодарны пинку немецкого приклада, который привел вас в чувство.

Но мы, мы немцев не звали. Когда вы расстреливали нас и жгли, мы говорили — "убивайте и жгите, но спасите Россию". И так как мы немцев не звали, то мы не хотим пользоваться благами относительного спокойствия и некоторой политической свободы, которые немцы нам принесли. Мы на это не имеем права. А то, что нам не принадлежит по праву, мы не возьмем даже в том случае, если бы нам его отдали "без выкупа". Мы ведь не социалисты — благодарение Господу Богу!

Мы были всегда честными противниками. И своим принципам мы не изменим. Пришедшим в наш город немцам мы это говорим открыто и прямо.

Мы ваши враги. Мы можем быть вашими военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор, пока идет война.

У нас только одно слово. Мы дали его французам и англичанам, и пока они проливают свою кровь в борьбе с вами за себя и за нас, мы можем быть только вашими врагами, а не издавать газету под вашим крылышком.

Да, если бы "Киевлянин" стал вновь выходить, то это значило бы, что немцы обеспечили ему безопасность. Даже эти строчки, которые сейчас пишутся, могут быть выпущены благодаря попустительству немецкой власти.

Если бы "Киевлянину" была дана возможность выходить, то это значило бы, что здесь расчет или великодушие.

Расчетам помогать мы не хотим, великодушия принять не можем.

Мы хорошо понимаем значение только что сказанных слов, но и враги наши поймут, что иного выхода для честных людей нет.

Какие последствия будут для нас лично — мы не знаем, но ту часть русского общества, от имени которой мы позволяем себе говорить, немцы принуждены будут уважать, как они вынуждены презирать тех, кто сейчас пресмыкается перед ними.

И мы хорошо знаем, что когда наступит время действительного примирения, когда кончится эта ужасная мировая борьба, кончится миром,

не постыдным для всех, кто честно боролся за свою родину, тогда честные противники скорей столкуются друг с другом, чем бесчестные друзья».

Статья эта была более чем своевременна. Немцы планомерно занимали хлебный район Юго-Западного края и протягивали щупальцы ко всем крупным центрам Малороссии с целью постепенно занять весь юг России и создать себе прочную продовольственную базу для продолжения борьбы на западе.

Большевики отступали перед немцами почти без всякого сопротивления. Но при этом отступлении происходило что-то странное. Большая часть большевистских сил отступала не на север или северо-восток для прикрытия Великороссии, а на восток — для создания фронта для борьбы с казаками и добровольцами.

Чувствовалось, что для советского правительства немцы как будто не страшны и что между ними существует какое-то соглашение.

Все данные, поступавшие из разных источников, указывали на то, что немцы готовы были прекратить в России большевизм, ими же насажденный. Но, по-видимому, германские правящие круги сами не знали, как будет более правильно разрешить эту задачу. Несомненно, что были предположения принять меры к прекращению большевизма и воссозданию сильной России. Но для Германии было важно, чтобы эта Россия была для нее союзной или, в худшем случае, нейтральной.

Между тем существование на юге России Добровольческой армии, верной Англии и Франции, которая при возрождении России явилась бы естественно ядром русской армии, и существование в России политических групп, которые определенно высказывались за необходимость для России выполнить свой долг в совместной борьбе с союзниками против Германии до конца, заставляло германское правительство поддерживать связь с советским правительством и склоняться в сторону расчленения России и создания самостоятельной и послушной ей Украины.

События между тем на Украине развивались. В вербную субботу немцы вошли в Харьков и выдвинули авангарды к Белгороду и Чугуеву.

Большинство харьковского населения ликовало и благословляло немцев за освобождение от большевиков. Но через несколько дней многие, с которыми мне пришлось говорить, уже не чувствовали себя так радостно настроенными. Один из обывателей правильно охарактеризовал чувство, которое испытывало большинство: «шкура радуется, что мы освобождены от большевиков, а душа болит, что это сделано немецкими руками».

Интеллигенция и помещики, в своей массе напуганные зверствами и расстрелами большевиков, выбитые из привычной колеи жизни и измученные постоянным ожиданием новых ужасов, новых преследований — готовы были броситься хоть черту на рога, лишь бы избавиться от большевиков.

Для немцев момент был подходящий, чтобы привлечь на свою сторону массу, жаждущую порядка и прекращения наступившей смуты.

Перед Пасхой я встретил в Харькове двух видных общественных деятелей, бывших членов Государственной Думы Н. И. Антонова и князя А. Д. Голицына. Оба они лихорадочно занимались подготовкой созыва съезда «хлеборобов» для выбора гетмана.

Немцы, заняв юго-западный край России, естественно, стремились создать в этом районе твердую власть и иметь прочный административный аппарат, который обеспечил бы порядок в стране и дал бы им возможность пользоваться этим аппаратом, чтобы богатый край действительно стал их продовольственной базой и они могли бы получать все предметы продовольствия быстро и без всяких затруднений. Для немцев было необходимо, чтобы эта власть была им дружественна и чувствовала, что она им обязана своим благополучием.

Правительство, которое немцы застали на Украине, их не могло удовлетворить: социалистическое правительство, с некоторым уклоном в сторону большевизма, а главное, стремившееся провести немедленно земельную реформу с уничтожением крупного частновладения, совершенно не гарантировал скорого водворения порядка, не гарантировал возможности спокойно и планомерно начать вывоз в Германию всего необходимого.

Немцы были хозяевами только по линиям железных дорог и в городах, занятых их гарнизонами. Отсюда они вывозили все, что возможно, и, кроме того, организовали правильную ежемесячную отправку каждым своим солдатом к себе на родину посылок, по полпуда каждая. Солдаты должны были отправлять в посылках съестные припасы, главным образом муку, крупу, сахар, сало и колбасы.

Но этого для немцев было недостаточно; им, повторяю, надо было установить такой русский правительственный административный аппарат, который дал бы им возможность хозяйничать во всей стране, а не только по железнодорожным артериям.

На Украине, кроме крупного помещичьего класса, был недоволен создавшимся положением многочисленный класс довольно крупных крестьянских собственников — хлеборобов, которым проектируемые реформы украинского правительства грозили полным разорением.

Представители германских властей в оккупированном районе вошли в соглашение с видными представителями помещичьего класса и общественных организаций, несочувственно относившимися к намечавшимся реформам, и было решено созвать в Киеве съезд хлеборобов, который должен был выбрать гетмана, и затем старое правительство должно было быть ликвидировано. Все было обставлено так, что немцы якобы оставались в стороне, не вмешиваясь в то, что происходит.

Время (апрель месяц) для съезда хлеборобов, из-за полевых работ, было неподходящее. Чтобы съезд состоялся, надо было материально хорошо обставить крестьян-участников съезда и не только возместить им расходы, но и дать им некоторую денежную прибыль. По упорно циркулировавшим слухам, немцы, на устройство съезда хлеборобов, отпустили 15 млн руб.

Съезд состоялся; съехалось свыше девяти тысяч хлеборобов, и с феерической быстротой, 15/28 апреля, было произведено заранее подготовленное избрание в гетманы Украины генерала Скоропадского. Во время съезда хлеборобов в Киеве часть этого съезда отказалась от выбора гетмана, и образовалось другое собрание — «спилка». Но выбор украинским гетманом Скоропадского был признан немцами, и они, объявив об этом, заявили, что гетмана будут поддерживать, а всякие выступления против него они с целью поддержания порядка в оккупированном ими крае будут подавлять силой оружия. Спилка была разогнана, а наиболее непокорная из ее состава часть арестована немцами.

Гетман Скоропадский сформировал правительство и, опираясь на силу германских штыков, вступил в управление краем. Как показали дальнейшие события, власть, полученная из немецких рук и опиравшаяся на немецкие войска, стала непопулярной для массы населения.

Если бы правительство гетмана Скоропадского было более дальновидно, то правильно сорганизовав и вооружив крепких земельных собственников — крестьян (хлеборобов), оно, может быть, сумело бы создать такую обстановку, при которой после ухода немцев власть сохранилась бы в его руках и большевизм не охватил бы Малороссии.

Но гетманское правительство ничего реального не сделало для поддержания этого единственно надежного класса населения, а стремилось сначала создать крупную регулярную армию, а порядок поддерживать полицейскими мерами. Полицейских же мер оказалось недостаточно, а создать более или менее прочную регулярную армию не позволили немцы. Были созданы только штабы, назначены начальствующие лица, а солдат оказалось мало...

В двадцатых числах апреля я со своими детьми приехал в Киев. Решив оставить детей в Киеве у сестры моей жены, я сам хотел пробраться опять в Добровольческую армию.

К этому времени немцы продвинулись на восток до р. Дона и заняли Крым. При занятии Крыма немцами произошел интересный эпизод: первоначально германские части наступали на Крым совместно с украинской бригадой, бывшей под командой генерала Натиева[208]; но у ст. Джанкой головной эшелон этой бригады был остановлен немцами, а затем они потребовали удаления украинцев из пределов Крыма и заняли его самостоятельно. Впоследствии украинское правительство неоднократно

возбуждало вопрос о присоединении Крыма к Украине, но немцы определенно отвечали, что Крым должен оставаться самостоятельным.

Приехав в Киев, я через одного моего знакомого попросил узнать, когда гетман Скоропадский может меня принять. В тот же день мне было сообщено, что гетман просит меня к себе на другой день.

К назначенному часу я пошел в так называвшийся гетманский дворец (старый генерал-губернаторский дом). Гетман сейчас же меня принял и, сказав, что ему хотелось бы со мной подробно поговорить, попросил подождать в кабинете его начальника канцелярии полтора часа, после чего «мы с вами позавтракаем и на свободе, после завтрака, поговорим; ждать же вам не будет скучно, так как здесь есть несколько генералов, ваших старых знакомых, которые хотели с Вами повидаться».

Я согласился. В час дня меня позвали в столовую. За стол село человек двенадцать, в их числе был новый председатель Совета министров Лизогуб и генеральный секретарь Игорь Кистяковский. Когда уже все сидели за столом, в комнату вошел германский офицер и, извинившись за запоздание, сел на свободное, оставленное для него место. По манере себя держать и по нескольким сказанным фразам мне стало ясно, что этот германский офицер — постоянный гость на гетманских завтраках.

Я спросил у моего соседа за столом — «кто этот немец»?

«А это известный здесь и очень влиятельный гр. Альвенслебен».

Германский офицер за завтраком очень мало говорил, но очень внимательно слушал. Разговор шел на русском и частью на французском языке.

После завтрака гетман пригласил меня к себе в кабинет и очень горячо стал мне объяснять, что он согласился быть выбранным в гетманы только потому, что, по его мнению, это был лучший выход из создавшегося положения; что он не «щирый украинец», что вся его работа будет идти на создание порядка на Украине, на создание хорошей армии и что, когда Великороссия изживет свой большевизм, — он первый подымет голос за объединение с Россией; что он отлично понимает, что Украина не может быть «самостийной», но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать из себя «щирого украинца»; что для него самое больное и самое трудное — это работать с немцами, но опять-таки и здесь — это единственно правильное решение, так как, только опираясь на силу, он может создать порядок на Украине; а единственная существующая и реальная сила — это немцы; что Добровольческая армия силы из себя серьезной не представляет и немцы никогда не допустят ее усиления: тогда она станет для них опасной. А потому, как бы он ни сочувствовал генералу Деникину, опираться на него не может, а принужден опираться на немцев.

Вот когда удастся создать прочную регулярную армию на Украине, тогда он иначе будет разговаривать и с немцами.

На это я ответил, что немцы все это понимают не хуже, чем он, и создать сильную армию на Украине они ему не позволят.

— Нет, я этого добьюсь; я получил уже принципиальное обещание, что мне будет разрешено сформировать девять корпусов.

— Обещаний немцы надают много, но настоящей армии сформировать Вам не позволят.

После этого гетман сказал, что хотя он получил принципиальное согласие немцев на сформирование девяти корпусов, но в действительности ему пока разрешено сформировать три корпуса; но что он надеется вскоре получить окончательное разрешение на сформирование всех девяти корпусов.

Затем он добавил, что все же учитывает возможность задержки в получении этого разрешения и что у него разработан проект сформирования в провинции особых частей для поддержания порядка в уездах; что эти части будут иметь в своем составе значительное число офицеров и, когда потребуется, могут послужить кадром для развертывания в более крупные войсковые части; что для немцев необходим на Украине полный порядок и что они поэтому дадут разрешение как на сформирование новых корпусов, так и на организацию проектируемых им отрядов для поддержания порядка в уездах.

Я пожелал ему успеха, но еще раз высказал сомнение относительно того, что немцы, разложившие русскую армию и выведшие ее из мировой борьбы, позволили ему создать новую армию, которая может обратиться против них же.

Затем гетман Скоропадский, совершенно для меня неожиданно, предложил мне быть военным министром в его правительстве.

— Я убежден, что мы с Вами скоро сформируем хорошую армию, — добавил он.

Я категорически отказался, сказав, что возвращаюсь в Добровольческую армию и, кроме того, никогда и ни при каких условиях не соглашусь работать с немцами, которые не в честном бою, а подлыми предательскими приемами погубили нашу армию и продали Россию в руки большевиков, главные из которых — евреи, преследующие не русские, а интернациональные цели.

Гетман Скоропадский высказал свое сожаление, что я не хочу с ним работать, и сказал, что он все же надеется, что я не откажу ему в совете, когда он ко мне обратится.

Больше мы с ним не виделись, и ни за какими советами он ко мне не обращался.

То, что я видел и слышал в этот период в Киеве, убедило меня в том, что политика Германии как в отношении России в целом, так и по отношению к Украине, — была явно колеблющаяся, неопределенная.

Конечно, в руках у нас нет документальных данных относительно указаний германского правительства своим представителям в России, но о многом можно судить по фактам, по распоряжениям местных германских властей (представителей), по разговорам фельдмаршала Эйхгорна, по словам игравшего заметную роль гр. Альвенслебена, а также по разговорам германских офицеров с теми русскими, с которыми они сошлись и подружились. Наконец, политика правительства гетмана Скоропадского и донского представительства в Киеве отражала в себе колеблющуюся и неопределенную политику Германии.

Прежде всего, получалось впечатление, что между военными и гражданскими представителями Германии в России существует различие во взглядах на будущее России.

Маршал Эйхгорн неоднократно высказывал, что для Германии необходимо воссоздать сильную, единую и дружественную Германии Россию; но и здесь отражались колебания центрального правительства: то говорилось о необходимости воссоздать единую Россию, то о создании сильной Украины, независимой от Великороссии.

Что касается политического представителя Германии на Украине барона Мума, то в его словах явно чувствовалось нежелание принять решительные меры для воссоздания не только сильной единой России, но и сильной Украины.

Получалось отчетливое впечатление, что немцы хотят водворить порядок в России, пользуясь последней как своей базой для получения продовольствия и сырья, но, с другой стороны, не верят в то, что Россия превратится в их союзницу, и, напротив, опасаются, что водворение порядка в России и, в частности, на Украине и воссоздание ими только что разрушенной армии может грозить им опасностью и вновь может создать для них Восточный фронт.

Но вместе с этим, не имея Восточного фронта, немцы все же принуждены были ввести в пределы России около 600 000 человек войска и по мере продвижения на восток отлично сознавали, что их положение становится все менее и менее прочным, что требуется новое увеличение войска и что этому нет предела. Растущее против них возбуждение среди населения указывало, что хотя, занимая железные дороги и главные населенные центры, и можно поддерживать в стране сравнительный порядок, но близко то время, когда из глубины страны они ничего не будут в силах получать, близки восстания в отдельных районах и скоро предстоит новое увеличение их войск в оккупированной ими стране.

Получался заколдованный круг: с одной стороны, было опасно дать возможность сорганизоваться новой русской армии из-за опасения вновь создать для себя Восточный фронт, а с другой стороны, чтобы пользоваться Россией как продовольственной базой необходимо было в ее пределах

держать сильную армию, ослабляя Западный фронт, в то время когда их противники там усиливались и назревали решительные бои, которые должны были решить участь всей борьбы и будущую судьбу Германии.

Что касается отношения немцев к Добровольческой армии, то и оно было крайне неопределенное. Когда я приехал в Киев, то застал там совершенно открыто функционировавшее бюро записи в Добровольческую армию. Никто не разрешал открывать это бюро, но никто против этого и не возражал. Запись шла открыто, и офицеры без всяких препятствий и затруднений отправлялись на Дон в состав Добровольческой армии.

В июне отношение к армии резко изменилось: бюро для записей в ее состав распоряжением правительства гетмана (а штаб гетмана указывал, что это сделано по распоряжению немцев) было закрыто, и было объявлено, что впредь всякая пропаганда в пользу отправки офицеров и солдат в состав Добровольческой армии будет строго преследоваться, что виновные будут арестовываться и предаваться суду и что прекращается выдача разрешений на выезд на Дон без ручательства бывшего в Киеве представителя Донского атамана, что отправляющиеся на Дон не едут на пополнение Добровольческой армии.

Вместе с этим из немецких кругов через представителей украинского военного министерства широко началось пропагандирование идеи создания особой Южной Добровольческой армии для борьбы против большевиков и с открытыми монархическими лозунгами.

На создание этой армии немцы обещали отпустить крупные суммы и широко снабдить ее всем необходимым из запасов бывших Киевского и Одесского военных округов. В Киеве и в Харькове были открыты бюро для записи в «Южную армию»; содержание офицерам и солдатам было назначено крупное, в несколько раз превышавшее получавшееся в армии генерала Деникина. Все, конечно, делалось не непосредственно немцами, а через украинское военное министерство.

Первоначально предполагалось создать две группы этой армии: одну на Дону на Воронежском направлении, а другую в районе Харькова. Но впоследствии остановились на формировании одной Южной армии[209] — в районе Дона*.

Монархические лозунги и хорошее содержание первоначально привлекли многих, и запись началась очень успешно. Записавшихся отправляли эшелонами на Дон.

Но вскоре пыл создателей этой армии остыл: дело в том, что многие офицеры, не веря немцам и сознавая, что формирование армии,

---

* Я ничего здесь не говорю про формирования на Дону так называемых Астраханского[210] и Саратовского[211] корпусов. По слухам, эти формирования также производились с благословения немцев и на их средства.

идущее с благословения немцев и на их деньги, может оказаться невыгодным русскому делу, и в то же время встречая серьезные затруднения к отправке в Добровольческую армию к генералу Деникину, скоро нашли способ обходить затруднения. Они записывались в Южную армию, а по прибытии на Дон уходили из состава своих эшелонов и пробирались в армию генерала Деникина.

В Харькове и особенно в Киеве начались серьезные репрессии по отношению к офицерам, которые проповедовали необходимость идти на пополнение армии Деникина; их начали арестовывать и содержали в тюрьме как важных государственных преступников.

Формирование Южной армии задержалось вследствие того, что не могли отыскать подходящего популярного генерала, которого можно было бы поставить во главе ее. Предложения (через военное министерство гетмана или через Донского атамана) делались многим; но желающих не находилось. Отказался граф Келлер[212], отказался князь Долгоруков[213]. Наконец, на предложение Донского атамана Краснова условно согласился бывший главнокомандующий Юго-Западного фронта — генерал Н. И. Иванов. Он ответил, что первоначально переговорит с генералом Деникиным. Впоследствии он принял эту армию, но к этому времени немцы уже перестали ею интересоваться, она была в полном развале, и генерал Иванов, убедившись в полной невозможности сформировать из нее что-либо крепкое и значительное, по указанию генерала Деникина ее переформировал в особый отряд, который и вошел в состав Добровольческой армии.

Таким образом, из этой затеи ничего серьезного не вышло, но Добровольческой армии был нанесен существенный вред: открытое провозглашение монархического лозунга было слишком заманчиво для большинства кадрового офицерства, которое революцией было выброшено за борт и превращено в париев. Очень и очень многие из хороших офицеров, стремившихся попасть в Добровольческую армию Деникина, пошли в Южную армию или, не идя ни туда, ни сюда, заняли выжидательную позицию, выясняя, какие же лозунги в Добровольческой армии. Это же послужило причиной задержать свой отъезд в Добровольческую армию и для менее устойчивой части офицеров, нашедших предлог и объяснение для неисполнения своего гражданского долга.

Наконец, надо откровенно сознаться, что и в рядах Добровольческой армии формирование «монархической» армии внесло разлад, и некоторый небольшой процент офицеров перешел в ряды Южной армии. В результате — формирование Южной армии безусловно задержало рост Добровольческой армии и внесло разлад в офицерскую среду.

Очень многие думали, что немцы искренно хотели создать прочную Добровольческую армию, но все их определенное и более чем

двусмысленное поведение во весь период формирования Южной армии ясно указывает, что ими преследовались другие цели: внести разлад в среду русских офицеров; затруднить и задержать дальнейшее усиление Добровольческой армии генерала Деникина и, прельстив старое кадровое офицерство заманчивыми для офицеров лозунгами (в результате ничего им не дав), привлечь их симпатии на свою сторону и помешать идти туда, где они могли бы оказаться для немцев вредными.

Многие возражали против этих выводов, говоря, что немцам, если б они захотели, ничего не стоило уничтожить Добровольческую армию генерала Деникина и не было смысла прибегать к сомнительным для их выгоды мероприятиям.

Да, уничтожить Добровольческую армию генерала Деникина, может быть, было сравнительно легко, но обстановка для немцев была так сложна, что предугадать, что вышло бы из этого в результате, было очень трудно.

Нельзя забывать, что немцы рассчитывали получать хлеб и прочее сырье не только из района Украины, но и с Дона и Кубани; кроме того, для них важно было получить связь и с нефтяными районами Грозного и Баку. А для всего этого надо было прежде всего дружественно настроить к себе казачьи области. Иметь их врагами — было опасно.

Между тем Донские и Кубанские казаки были кровно связаны с Добровольческой армией, и открытое преследование последней могло бы вызвать опасные для немцев осложнения в казачьих областях; да и на Украине действия против армии генерала Деникина могли вызвать осложнения для немцев, возбудив против них всех тех, кто сочувствовал этой армии.

В конце мая я получил известие, что мой отец, живший в Севастополе, очень плох. Без разрешения немцев ехать в Крым было нельзя. Я боялся было, что мне это разрешение не дадут, но я его получил и выехал в Севастополь через Одессу.

В Одессе, в Херсонской и частью Подольской губ. хозяевами были австрийцы. Картина здесь была иная, чем в Харькове и Киеве; видно было, что австрийские войска совершенно разваливаются, и сами становятся опасными для своего командного состава.

Немцы видели, что на австрийские войсковые части рассчитывать нельзя, и стали вкрапливать в гарнизоны городов свои небольшие части. Австрийскому командованию такая опека была неприятна, но оно принуждено было согласиться. В день моего приезда в Одессу туда прибыл батальон германской пехоты.

На пароходе по дороге в Севастополь я обратил внимание, что почти все немецкие солдаты, бывшие на пароходе, принадлежали к различным войсковым частям. Я этим заинтересовался и, обратившись к какому-

то немецкому лейтенанту, попросил его мне это объяснить. Он прежде всего заметил: «Видно, что вы военный; штатский на это не обратил бы внимания». Затем он объяснил, что у берегов Крыма отличная рыбная ловля, но совершенно неорганизованная; что на это обращено внимание германским командованием и, с разрешения Императора Вильгельма, из частей, находящихся на Западном фронте, вызваны рыбаки, промышлявшие на берегах Северного и Балтийского морей: что на этом пароходе направляется в Севастополь первая партия рыбаков с сетями и различными рыболовными снастями; что, вероятно, будут присланы еще три таких партии, и тогда будут сорганизованы рыбная ловля и заготовление рыбных консервов, которые будут посылаться в Германию.

Невольно я подумал: трудно вас победить, но все же вы слишком зарвались и будете побиты!

Похоронив отца, я должен был зайти в Севастополе в комендантское управление, так как для получения разрешения на выезд из Крыма требовалась личная явка в комендатуру.

Войдя в комендантское управление, я увидел немецкого офицера, сидевшего за столом с задранными на соседний стул ногами и с сигарой во рту. Мне сказали, что надо обратиться к нему. Я подошел и сказал, что пришел за разрешением на выезд из Крыма.

— Как ваша фамилия?

— Лукомский.

Немецкий офицер сейчас же спустил ноги со стула, вынул сигару из зубов и спросил: «Вы не генерал?»

— Да, генерал.

Он встал и, предлагая мне стул, сказал, что разрешение будет немедленно выдано. Он взял мои документы, и я действительно через пять минут получил разрешение на выезд из Крыма.

В Одессе мне пришлось задержаться из-за формальностей по отцовскому наследству. Зайдя как-то к моему знакомому Андреевскому, я встретил там командующего австрийскими оккупационными войсками. Нас познакомили. Начал он с того, что выразил удовольствие со мной познакомиться, хотя, как он выразился, «встреча с вашей дивизией, когда Вы в мае 1916 г. прорвали наш фронт и затем, заняв Черновицы, продвинулись в Карпаты, — была не из приятных».

Затем он начал ругать с пеной у рта Германию.

— Мы уже почти погибли и гибнут германцы. Их продвижение в глубь России пагубно; это приведет к неминуемой катастрофе. Из-за непонимания Германией обстановки она погибнет сама и погубит окончательно нас.

Бедный старик впоследствии не перенес позора своей родины и в Одессе же застрелился.

В первых числах июля я закончил свои дела и собирался выехать в Киев, но получил телеграмму от сестры жены гр. Гейден, что она просит меня задержаться на несколько дней в Одессе. На другой день в Одессу приехал из Киева генерального штаба полковник Кусонский и сказал мне, что ему поручено предупредить меня о том, что мне ехать в Киев нельзя; что там идет серьезное преследование и аресты всех причастных к Добровольческой армии и что уже отдан приказ арестовать меня.

Я на это ответил, что в Одессе я не скрываюсь; что если немцы мною интересуются, то, конечно, отлично знают, где я нахожусь, и могут меня арестовать так же легко в Одессе, как и в Киеве, или по дороге в Добровольческую армию, куда я должен скоро ехать. Что я, наоборот, считаю, что в смысле ареста мой приезд в Киев скорей безопасен, так как вряд ли германское командование захочет нашуметь с моим арестом в Киеве, где меня почти все знают.

В Киеве я нашел мою жену, только что приехавшую из Москвы в так называвшемся украинском поезде (в этих поездах перевозили по соглашению между советским и украинским правительствами украинских граждан).

Благополучный приезд в Киев моей жены также показал влияние немцев: комиссариат по иностранным делам категорически отказал дать ей разрешение на выезд на Украину. Моя жена через своих знакомых обратилась за содействием к германскому консулу, и ей не только разрешили выехать, но позволили вынуть из сейфа ее драгоценности, как и другим уезжавшим с украинским поездом.

В Киеве я узнал о приезде П. Н. Милюкова. Бывшие члены Государственной Думы Демидов и В. В. Шульгин сказали мне адрес Милюкова и сообщили день и час, когда он будет дома и будет меня ждать. Я пошел к нему.

Наш разговор носил очень горячий характер. Милюков доказывал, что немцы выйдут победителями из мировой борьбы; что они единственная сила, на которую может опереться Россия; что только немцы, приславшие к нам в запломбированных вагонах руководителей большевиков, могут нас от них избавить; что Франция и Англия в таком положении, что от них помощи ожидать нельзя.

По мнению Милюкова, так как мы справиться с большевиками сами не можем, то должны обратиться за помощью к Германии — победительнице в мировой борьбе, к Германии — нашей соседке, которой должно быть выгодно возможно скорей восстановить в России порядок. Немцы, добавил Милюков, люди практичные, и они поймут, что для их же пользы надо помочь России.

Я, со своей стороны, доказывал, что Германия будет разбита; что победителями, несмотря на выход из борьбы России, останутся

наши союзники; что особенно для Франции выгодно, чтобы Россия была сильной; что соглашение России с Германией повергнет первую в экономическое рабство. Напомнил Милюкову, что до войны Германия всегда стремилась к тому, чтобы мешать у нас развитию промышленного производства. Доказывал Милюкову, что экономическая зависимость от Англии и Франции не так страшна; что они будут вкладывать капиталы в наши производства и этим подымать нашу промышленность; что Германия, в противоположность этим державам, будет почти исключительно пользоваться нашим сырьем для развития своей промышленности, всячески затрудняя ее развитие в России.

Милюков стоял на своем. Так как его лейтмотивом было уверение, что Германия выйдет победительницей из мировой борьбы, то я предложил ему поговорить еще с генералом Абрамом Михайловичем Драгомировым, авторитет которого в военном деле, по-видимому, Милюков признавал.

На другой день я устроил их свидание, присутствуя на нем сам; но из этого ничего не вышло: Милюков упорствовал на своем и не соглашался ни с какими доводами. В заключение он сказал, что он не приехал немедленно договариваться с немцами, а пока хочет повидаться в Киеве с представителями германского правительства, прозондировать почву, на каких условиях можно начать переговоры; выяснить, что именно предложат немцы, а затем, в зависимости от этого, принять окончательное решение. Насколько мне известно, это свидание не состоялось (германские представители отказались его принять).

Одновременно с Милюковым вновь приехал из Москвы в Киев лейтенант Масленников. Масленников не привез мне никаких подтверждений о вызове меня в Москву, и впоследствии я узнал, что предложение, которое он мне сделал в Харькове от имени А. В. Кривошеина и Вл. И. Гурко, не носило столь определенного характера, как мне это было передано Масленниковым.

Я узнал, что Масленникову было лишь поручено выяснить, соглашусь ли я на приезд в Москву и на принятие руководства военными организациями, если обстановка будет складываться для этого благоприятно.

Начиная со дня его возвращения в Киев, я почти ежедневно стал получать предупреждения о том, что буду арестован. Передавали мне об этом из гетманского штаба, из управления Донского представительства и даже якобы из германского штаба.

Насколько действительно были верны слухи о решении меня арестовать, я не знаю, но следить за мной были приставлены два филера, которых я скоро уже знал в лицо. Одна моя родственница, когда я иногда бывал у нее, смеясь говорила: «Ну, вам пора уходить, а то

посмотрите в окно, ваш филер совсем уже измучился, скучает и сердится, сидя на тумбе».

Предупреждения о решении меня арестовать стали наконец столь упорны и исходили из столь высоких сфер, что я решил ускорить свой отъезд на Дон. Да и вообще пора было ехать. Чтобы не случилось какой-нибудь неприятности в дороге, я решил проехать в вагоне, который был предоставлен в распоряжение донского представителя. О том, что я поеду в этом вагоне, знали только представитель Войска Донского и моя семья.

В день моего отъезда мои вещи были отправлены на вокзал вместе с вещами уезжавшей в деревню сестры моей жены, а там перенесены в вагон донского представительства. Я же, часа за полтора до отхода поезда, прошел к своим родственникам, у которых часто бывал, а затем вышел оттуда в сопровождении моих детей, и мы пошли по направлению к дому. Филер, убедившись, что я иду домой, где-то отстал, а я, взяв извозчика, проехал несколько улиц и затем, пересев на другого, отправился на вокзал. На вокзал я приехал после первого звонка и, пробыв на нем до второго звонка, быстро прошел в вагон.

Никто на меня не обратил внимания, и я без всяких приключений доехал до Ростова, а оттуда проехал в Новочеркасск*.

Я хотел, прежде чем ехать к генералу Деникину, повидаться с Донским атаманом генералом Красновым и вполне ориентироваться в той обстановке, которая сложилась в Новочеркасске.

По дороге на Дон, в Екатеринославе, ко мне подошли несколько офицеров и, жалуясь на то, что они уже несколько дней не могут попасть в поезда, идущие на Дон, просили взять их в вагон, в котором я ехал. Кое-как мы их устроили у себя. В пути я от многих слышал, что немцы всеми способами стараются не пропускать офицеров в Добровольческую армию.

Тяжело было увидеть и на Ростовском вокзале германские каски. Приехав в Ростов, я узнал, что германцы, достигнув Дона на участке Аксай–Ростов, дальше не продвигаются. На левом берегу Дона ими занимался лишь Батайск (предместье Ростова) и у Аксая (на полпути между Ростовом и Новочеркасском) мосты через Дон охранялись их караулами. В Новочеркасске жили лишь два германских офицера, являвшихся представителями германского командования при Донском атамане.

---

* Новочеркасск был освобожден от большевиков вслед за занятием Ростова немцами; Новочеркасск был занят Донскими казаками и отрядом полковника Дроздовского, пришедшим с Румынского фронта[214].

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ДЕНИКИНСКИЙ ПЕРИОД

При составлении описания этого периода в моем распоряжении были дела политической канцелярии, состоявшей при председателе Особого Совещания.

Это, конечно, давало мне возможность составить подробное описание, пользуясь документальными данными; но как я узнал, этот же период описывается генералом Деникиным. Поэтому я решил ограничиться кратким изложением, остановившись более подробно лишь на сложной внутренней обстановке, в которой пришлось вести работу на территории Донского и Кубанского войск.

Глава X

Приехав в Новочеркасск утром 29 августа / 11 сентября 1918 г., я прежде всего отправился к представителю Добровольческой армии при Донском атамане генералу Эльснеру.

От него я узнал: генерал Алексеев назвал себя «Верховным руководителем Добровольческой армии, но по-прежнему ведает только вопросами финансовыми и политическими. Добровольческая армия, пополнившись и отдохнув, совместно с кубанскими частями наступает на Екатеринодар. Значительно усилилась армия после присоединения к ней отряда полковника Дроздовского, прибывшего походным порядком с Румынского фронта. Тяжелую потерю понесла армия в лице убитого в бою генерала Маркова, командовавшего дивизией.

Атаманом Войска Донского, в мае месяце, кругом спасения Дона был избран генерал Краснов; но в конце августа / начале сентября будет собран большой войсковой круг, который должен переизбрать атамана; что идет предвыборная борьба; что главными противниками генерала Краснова являются Харламов[215] *, Агеев[216], Сидорин, Попов и Парамонов[217]; что генерал Краснов, считая Парамонова наиболее опасным, не допустит его пребывания на Дону.

---

* *Харламов* — бывший член Государственной Думы; видный донской общественный деятель; член партии ка-де; Агеев — социалист, донской общественный деятель; Сидорин — полковник Генерального штаба, принимал участие в борьбе при освобождении Дона от большевиков; Попов — генерал, бывший походный атаман Войска Донского; Парамонов — член партии ка-де; крупный донской общественный и промышленно-финансовый деятель.

Затем генерал Эльснер подтвердил мне чисто германофильскую ориентацию генерала Краснова и высказал предположение, что Краснов, с одной стороны, опираясь на немцев, а с другой стороны, имея много влиятельных сторонников среди донского казачества, будет вновь избран атаманом.

На другой день я пошел к генералу Краснову. Донской атаман стал говорить мне о несправедливом к нему отношении со стороны генералов Алексеева и Деникина, происходящем, как он выразился, вследствие того, что его не хотят понять. Что все его стремление заключается в том, чтобы иметь возможность сплотить и обучить молодую донскую армию и получить достаточное количество обмундирования, снаряжения, вооружения и боевых припасов. Что все это можно получить от гетмана Украины, но только с разрешения немцев. Что это его вынуждает поддерживать хорошие отношения с германцами. Что без этого Дон с Украины ничего не получит и вновь будет раздавлен большевиками. Что соглашение, которое он заключил с гетманом Скоропадским, и хорошие отношения, которые он поддерживает с германским командованием, дают ему возможность оборонять Дон; а этим он прикрывает от большевиков тыл Добровольческой армии и Кубанского казачества и, следовательно, этим помогает операциям генерала Деникина по очищению Кубани от большевиков. Что, наконец, его помощь Добровольческой армии и Кубанскому казачеству заключается в том, что уже много из вооружения и боевых припасов, полученных им от гетмана Скоропадского, передано в распоряжение генерала Деникина и что и впредь он будет делиться с Добровольческой армией всем, что будет получать от Украины.

— А ведь все это, — добавил генерал Краснов, — возможно только при моей германофильской политике, за которую так меня ругает генерал Деникин.

Затем генерал Краснов просил меня — все то, что он мне сказал, — передать генералу Деникину и сказать, что он вообще всем, чем только в силах, будет помогать Добровольческой армии, но просит оказывать ему доверие, не преследовать его за вынужденную германофильскую политику и, при первой возможности, оказать Дону помощь, прислав часть Добровольческой армии — с целью занять Царицын.

— Пока Царицын в руках большевиков — до тех пор постоянная опасность будет угрожать и Дону, и Добровольческой армии, — закончил Краснов.

Он не договаривал одного: кроме вынужденной политики по отношению к немцам, он шел гораздо дальше; он с ними заигрывал и, считая, что Германия выйдет победительницей из мировой борьбы, в предвидении возможного, временного, расчленения России на ряд

отдельных самостоятельных государств, выговаривал для Дона части губерний Ставропольской и Саратовской и города Царицын, Камышин и Воронеж. Считая, что Германия в этом отношении в будущем может помочь Дону, — он все это изложил в письме на имя Императора Вильгельма. Копия же с этого письма, перед его отправлением, была снята, и содержание его было известно штабу генерала Деникина и политическим противникам генерала Краснова на Дону.

Вот копия этого письма в редакции, доставленной в штаб генерала Деникина (насколько помню, впоследствии нами было получено от донского правительства сообщение, что посланная генералом Красновым делегация не была принята германским императором и это письмо в действительности не было вручено по принадлежности):

«Июля 1918 г. г. Новочеркасск.

Ваше Императорское и Королевское Величество.

Податель сего письма Атаман Зимовой станицы Всевеликого Войска Донского при Дворе Вашего Императорского Величества... и его товарищи... уполномочены мною, Донским Атаманом, приветствовать Ваше Императорское Величество, могущественного Монарха Великой Германии, и передать нижеследующее:

Два месяца доблестной борьбы Донских казаков, которую они ведут за свободу своей Родины с таким мужеством, с каким в недавнее время вели против англичан борьбу родственные германскому народу буры, увенчались на всех фронтах нашего государства полной победой, и ныне земля Всевеликого Войска Донского на девять десятых освобождена от диких красноармейских банд. Государственный порядок внутри страны окреп и установилась полная законность.

Благодаря дружеской помощи войск Вашего Императорского Величества создалась тишина на юге Войска, и мною подготовлен корпус казаков для поддержания порядка внутри страны и воспрепятствованию натиску врагов извне.

Молодому государственному организму, каковым является в данное время Донское войско, трудно существовать одному, и потому оно заключило тесный союз с главами Астраханского и Кубанского войск — полковником Филимоновым[219], с тем чтобы, по очищении земли Астраханского войска и Кубанской области от большевиков, составить прочное государственное образование на началах федерации из Всевеликого Войска Донского, Астраханского Войска с калмыками Ставропольской губернии, Кубанского Войска, а впоследствии, по мере освобождения, и Терского Войска, а также народов Северного Кавказа.

Согласие представителей всех этих народов имеется, и вновь образуемое государство, в полном согласии с Всевеликим Войском Донским, решило не допускать до того, чтобы земли его стали аре-

ной правовых (в другой копии с письма вместо «правовых» написано «кровавых») столкновений, и обязалось держать полный нейтралитет.

Атаман Зимовой станицы нашей при Дворе Вашего Императорского Величества уполномочен мною просить Ваше Величество признать права Всевеликого Войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения соседних Кубанского, Астраханского и Терского войск и Северного Кавказа, право на самостоятельное существование и всей федерации под именем Доно-Кавказского союза.

Просить Ваше Величество признать границу Всевеликого Войска Донского в прежних географических и этнографических его размерах и помочь разрешению спора между Украиной и Войском Донским из-за Таганрога и его округа в пользу Войска Донского, которое владеет Таганрогским округом более пятисот лет и для которого Таганрогский округ является частью Тьмутаракани, от которой и стало Всевеликое Войско Донское.

Просить Ваше Величество содействовать присоединению к Войску, по стратегическим соображениям, городов Камышина и Царицына Саратовской губернии и города Воронежа и станций Лиски и Поворино и провести границу Войска Всевеликого так, как это указано на карте, имеющейся в Зимовой станице.

Просить Ваше Императорское Величество оказать давление на советские власти Москвы и заставить их своим приказом очистить пределы Всевеликого Войска Донского и других Держав, имеющих войти в Доно-Кавказский союз, от разбойничьих отрядов красной гвардии и дать возможность восстановить нормальные мирные отношения между Москвой и Войском Донским.

Все убытки донского населения, торговли и промышленности, происшедшие от нашествия большевиков, должны быть возмещены советской Россией.

Просить Ваше Императорское Величество помочь молодому нашему государству орудиями, ружьями, боевыми припасами и инженерным имуществом и, если признаете это выгодным, устроить в пределах Войска Донского орудийный, ружейный и патронный заводы.

Всевеликое Войско Донское и прочие государства Доно-Кавказского союза не забудут дружескую услугу германского народа, с которым казаки бились плечом к плечу еще во времена Тридцатилетней войны, когда Донские полки были в рядах армии Валленштейна, а в 1807 и 1813 гг. донские казаки, со своим атаманом графом Платовым, боролись за свободу Германии. И теперь в течение почти 3 $^{1}/_{2}$ лет кровавой войны на полях Пруссии, Галиции, Буковины и Польши казаки и германцы взаимно научились уважать храбрость и стойкость

своих войск и ныне, протянув друг другу руки, как два благородных бойца, борются вместе за свободу Родного Дона.

Всевеликое Войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорского Величества соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дали согласие и атаман Астраханского войска князь Тундутов, и кубанское Правительство.

Всевеликое Войско Донское предоставит Германской Империи права преимущественного вывоза избытка, за удовлетворением местных потребностей, хлеба (зерном и мукой), кожевенных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров, растительных и животных жиров и масла и изделий из них, табачных изделий, скота и лошадей, вина виноградного и других продуктов садоводства и земледелия, взамен чего Германская Империя доставит сельскохозяйственные машины, химические продукты и дубильные экстракты, оборудование экспедиции заготовления государственных бумаг с соответствующим запасом материалов, оборудования производств суконных, хлопчатобумажных, кожевенных, химических, сахарных и электротехнических принадлежностей.

Кроме того, правительство Всевеликого Войска Донского предоставит германской промышленности особые льготы по помещению капиталов в донские предприятия промышленные и торговые, в частности, по устройству и эксплуатации новых водных и иных путей.

Тесный договор сулит взаимные выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучею силою для борьбы со всеми нашими врагами.

К Вашему Императорскому Величеству обращается с этим письмом не дипломат и тонкий знаток международного права, но солдат, привыкший в честном бою уважать германское оружие, а потому прошу простить прямоту моего тона, чуждую всяких ухищрений, и прошу верить искренности моих чувств».

Затем следует подпись генерала Краснова.

По своему содержанию это письмо не являлось указанием на что-либо новое, неизвестное командованию Добровольческой армии.

26 июня / 9 июля 1918 г. генерал Алексеев писал генералу Деникину:

«Что в лице генерала Краснова немецкие притязания нашли отзывчивого исполнителя, доказывается прилагаемой копией его инструкции, данной уполномоченному Войска Донского в Киеве — генералу Черячукину[218]. Побуждения этой инструкции слишком ясны:

а) При помощи немцев и из рук их получить право называть себя «самостоятельным государством, управляемым атаманом» (опыт Украины не смущает).

б) Воспользоваться случаем и округлить границы будущего «государства» за счет Великороссии присоединением пунктов, на которые «Всевеликое» отнюдь претендовать не может.

в) За эту... Родине (позволяю себе назвать так всю инструкцию) *немцы* должны снабдить войско боевыми припасами, принадлежащими всей России.

г) За будущие заслуги немцев Войско, в лице атамана, предоставит им выгоды торговые и *"будет держать вооруженный нейтралитет по отношению ко всем Державам, не посягающим на неприкосновенность Войска и Юго-Восточного Союза, и не допустит никакой вражеской силы на его территории..."*.

Это последнее столь определенное выражение должно остановить на себе особое внимание Добровольческой армии...»

1/14 августа я выехал из Новочеркасска и утром 2/15 августа приехал на станцию Тихорецкую, где со своей политической канцелярией находился генерал Алексеев. Я нашел генерала Алексеева сильно постаревшим за пять с лишком месяцев, что я его не видел. От него я узнал, что взятие Екатеринодара ожидается со дня на день.

В разговоре со мной генерал Алексеев затронул два вопроса, которые его сильно беспокоили. Один касался отношений, сложившихся у командования Добровольческой армии с Донским атаманом генералом Красновым, другой относительно правильности направления наступления Добровольческой армии на Кубань.

Касаясь генерала Краснова, генерал Алексеев сказал, что он меньше, чем кто-либо другой, склонен оправдывать политику Донского атамана, но что Добровольческая армия во многом зависит от Дона и просто неразумно напрягать и без того натянутые отношения.

Что касается наступления Добровольческой армии на юг на Екатеринодар, генерал Алексеев высказал сомнение в правильности выбранного направления, добавив, что одно время он настойчиво отговаривал от этого генерала Деникина, настаивая на необходимости выйти на Волгу; что теперь, конечно, об этом говорить уже трудно, так как в силу создавшейся обстановки Добровольческая армия надолго будет привязана к югу России, но что лично он, вероятно, скоро переедет в Сибирь.

Эти мысли вполне определенно были высказаны в письме генерала Алексеева на имя генерала Деникина от 30 июня 1918 г., выдержки из которого я и привожу:

«Должен откровенно сказать, что обостренность отношений (между генералом Красновым и командованием Добровольческой армии), достигшая крайних пределов и основанная менее на сути дела, чем

на характере сношений, на тоне бумаг и телеграмм, парализует совершенно всякую работу.

Мы от Дона зависим еще во многом...

Если денег не получу... (от союзников), то единственный источник — снова идти к Дону, ибо Вы знаете, что на Кубани получить ничего нельзя. При наших отношениях я не знаю, каким придется мне идти путем, чтобы обеспечить существование еще на месяц (5 млн), необходимый *для обязательного выхода нашего на Волгу*. Только там я могу рассчитывать на получение средств.

Оставаясь в гнилом углу Кубани, мы должны через 2–3 недели поставить *бесповоротно вопрос* о ликвидации армии...»

... «Мой вывод личный, что углубление наше на Кубань может повести к гибели, что обстановка зовет нас на Волгу, где, по-видимому, сосредоточатся, по указанию и при содействии немцев, все усилия большевиков, чтобы сломить чехословаков и тем разрушить план создания Восточного фронта.

Есть сведения, что немцы добиваются выдачи им чехословаков по мере ликвидации их сил.

Центр тяжести событий, решающих судьбы России, перемещается на восток; мы не должны опоздать в выборе минуты для оставления Кубани и появления на главном театре».

Переговорив с генералом Алексеевым, я в тот же день выехал по железной дороге к генералу Деникину, поезд которого подвигался непосредственно за войсками, наступавшими на Екатеринодар.

Вечером 2/15 августа я был уже у генерала Деникина. Он с минуты на минуту ожидал донесения о занятии Екатеринодара. В тот же вечер им был подписан приказ о назначении меня помощником командующего Добровольческой армии.

Рано утром 3/16 августа было получено донесение о занятии Екатеринодара, и наш поезд туда двинулся.

Генерала Деникина очень беспокоил вопрос о том, как сложатся отношения между командованием армии и Кубанским атаманом и правительством.

Чтобы понять причины, вызывавшие это беспокойство, надо вернуться несколько назад. Кубанский атаман полковник Филимонов, Кубанское правительство во главе с Л. Л. Бычем[220] и Кубанская законодательная Рада во главе со своим председателем Н. С. Рябоволом[221] с небольшим добровольческим и кубанским отрядами присоединились к Добровольческой армии еще в марте 1918 г. во время Первого Кубанского (названного «Ледяным») похода.

После неудавшейся попытки занять Екатеринодар и смерти генерала Корнилова вся перечисленная группа кубанских деятелей отошла

вместе с Добровольческой армией на территорию Дона и с тех пор неотлучно находилась при Добровольческой армии.

Перед Вторым кубанским походом Добровольческой армии кубанские политические деятели (члены правительства и законодательной Рады) сами подняли вопрос о том, не лучше ли им сложить с себя полномочия, если командование армии считает, что они чем-либо могут затруднить его деятельность. Но генералы Алексеев и Деникин признали, что присутствие при армии не только Кубанского атамана, но и правительства с законодательной Радой Кубанского войска принесет пользу общему делу и будет способствовать организации восстания среди кубанских казаков против большевиков и формированию кубанских частей.

Слухи о возможности направления Добровольческой армии на Волгу волновали представителей Кубанского войска, и Кубанская законодательная рада, обсудив в своем заседании 2/15 мая 1918 г. политическое и военное положение Кубанского края, вынесла следующее постановление:

«Кубанская законодательная рада находит:

1) что первейшей и основной задачей кубанского правительства должно по-прежнему являться очищение Кубанского края от большевистских банд и прочих анархических элементов и восстановление на его территории твердого государственного порядка.

Для достижения этой цели необходимо продолжение героической деятельности Добровольческой армии, действующей в полном согласии с кубанским правительством.

Принимая во внимание то обстоятельство, что оздоровление и восстановление государства Российского невозможно без предварительного установления порядка на юге, Рада выражает пожелание, чтобы Добровольческая армия, совместно с Кубанскими войсками, в первую же очередь приступила к освобождению от советской власти Кубанского края.

2) По вопросу об отношении к Австро-Венгрии, в связи с занятием г. Ростова-на-Дону германскими войсками, Рада считает, что в настоящее время вооруженная борьба с центральными державами представляется нецелесообразной, но вместе с тем находит, что во имя свободы и независимости Кубанского края необходимо принять меры для предотвращения возможного продвижения германской армии в пределы краевой территории без согласия на то кубанского правительства.

3) Для успешности борьбы с анархией и установления общих отношений с Украиной и Германией необходимо полное единение Кубанского края с Доном и другими южными областями.

4) Для заключения союзных отношений с Доном, выяснения целей германского движения и определения отношений с Украиной — Рада находит необходимым отправить в Новочеркасск, Ростов-на-Дону и Киев делегацию, снабдив ее соответствующими полномочиями».

В чем именно заключались эти «полномочия», командованию Добровольческой армии не было точно известно, но данные о деятельности делегации, полученные впоследствии, указывали на то, что имелось стремление договориться с Доном, Украиной и немцами с целью обеспечить себя от большевиков и получить возможность приступить к мирному строительству края.

На совещании в Новочеркасске 10/23 июня генерала Алексеева с кубанским правительством во главе с Л. Л. Бычем кубанцы допытывались, как отнесется командование Добровольческой армии к соглашению Кубани с Украиной, а через это и с немцами. Основной мотив был: «Добровольческая армия, вероятно, уйдет; мы ни с кем воевать не хотим, а хотим приступить к мирному строительству; большевики же, если Добровольческая армия уйдет и мы не сговоримся с Украиной и немцами, нас раздавят».

Генерал Алексеев обрисовал всю обстановку и, не отрицая возможности ухода Добровольческой армии, если немцы займут Царицын, указал на то, что борьба с немцами будет, вероятно, продолжаться на территории России, так как союзники надеются создать по Волге новый восточный фронт, привлекая для этого и чехословаков; что тогда и Кубань, естественно, войдет в сферу борьбы, ибо кубанцы, которых будут грабить и обирать немцы, возьмутся за оружие.

Генерал Алексеев рекомендовал пока ни в какие разговоры с немцами не вступать, а если обстоятельства этого потребуют, то вступить лишь в торговое соглашение, но отнюдь не политическое или территориальное; указал, что Добровольческая армия с немцами ни в коем случае разговаривать не будет.

По мере очищения Кубани от большевиков, во время Второго кубанского похода, чувствовалось, что кубанское правительство и кубанская законодательная рада будут покорными исполнителями требований командования армии лишь до освобождения края, а дальше возможны серьезные разногласия из-за полного расхождения во взглядах по некоторым вопросам.

Командование Добровольческой армии, имея целью бороться с большевиками до воссоздания Единой Великой России и считая своим долгом быть верным союзническим обязательствам России, решило освободить от большевиков Кубань и Северный Кавказ, как одну из составных частей России, и для получения возможности создать на освобожденной территории из местных жителей, как казаков, так

и не казаков, прочную армию, с которой можно было бы приступить к выполнению главной задачи — освобождению от большевиков остальной России.

При этом освобождаемый район должен был бы явиться продовольственной базой как для армии, так и для снабжения голодающего населения Великороссии; в связи с общей задачей по подготовке к решительной борьбе с советской властью, а возможно, что и с Германией, представлялось необходимым обеспечить за собой порт на Черном море, через который после занятия союзниками Дарданелл и Босфора можно было бы получать от последних все необходимое.

Кубанские же деятели типа г.г. Быча, Рябовола и Макаренко[222], после очищения края от большевиков, прежде всего стремились обеспечить безопасность Кубани и приступить к мирному его благоустройству. В этом отношении крайне характерно заявление членов кубанского правительства на совещании с генералом Алексеевым 10/23 июня — «мы ни с кем воевать не хотим, а хотим приступить к мирному строительству».

Для многих политических деятелей Кубани соглашение с Украиной, Доном, Тереком и кавказскими народностями было необходимо лишь в целях самообороны, создания «суверенного» государства и установления у себя в крае покоя и благоденствия. Они не понимали, что соседство большевистской Великороссии этого покоя им не даст.

Хотя они равнялись «по Дону», но по существу их политика не вполне совпадала с донской.

Я глубоко убежден, что Донской атаман генерал Краснов, входя в соглашение с немцами, вел двойную игру и, страхуя Дон от всяких случайностей, лишь временно «по стратегическим (как он выразился) соображениям», хотел присоединить к Дону части соседних губерний. Конечно, в его письме к Германскому Императору и в сношениях с германским командованием есть много такого, чего даже при создавшейся обстановке нельзя было писать; его отношения к командованию Добровольческой армии зиждилось не на государственных соображениях, а на личных антипатиях или, может быть, на желании играть первую роль; но все же чувствовалось, что он, в конце концов, не отделяет Дон от России и на борьбу с советским правительством пойдет до конца и поведет за собой Дон.

Кубанские же «самостийники» явно отмежевывались от России. Чувствовалось, что после освобождения от большевиков Кубанского края присутствие в нем Добровольческой армии будет для этих деятелей стеснительным и нежелательным.

Было совершенно очевидно, что при существовании самостоятельного Войска Донского кубанские деятели захотят обособиться

от командования Добровольческой армии; кроме того, было опасение, что члены кубанского правительства захотят совершенно обезличить войскового атамана.

Но генерал Деникин верил в разум кубанского казачества, ведущего такую решительную борьбу с большевиками, и надеялся, что Кубань не пойдет по пути самостийности.

Утром 3/16 августа генералом Деникиным было лично составлено письмо на имя Кубанского атамана, в котором указывалось, что обстановка требует, чтобы атаман являлся полноправным главой казачества, независимым ни от правительства, ни от законодательной рады; что командование Добровольческой армии не будет вмешиваться во внутреннее управление краем, но что кубанские части всецело должны быть подчинены командованию армии и что вопросы общегосударственного значения будут объединены общей правительственной властью (точного содержания этого письма я не помню и передаю по памяти суть его содержания).

Около 12 ч наш поезд подошел к вокзалу Екатеринодара. Через несколько времени генерал Деникин вышел на вокзал, где его приветствовали представители города, и после краткой речи он передал составленное им письмо атаману Кубанского казачьего войска, полковнику Филимонову.

4/17 августа состоялся торжественный выезд в город генерала Деникина в сопровождении Кубанского атамана и кубанского правительства. Генерал Алексеев приехал в Екатеринодар 5/18 августа.

Из территории, не входящей в состав казачьих областей, командованию Добровольческой армии была подведомственна только часть освобожденной Ставропольской губернии; при штабе армии была образована небольшая гражданская часть. Генерал Деникин поручил мне ведать гражданскими вопросами.

Вскоре после занятия Екатеринодара был освобожден от большевиков Новороссийск и вслед за этим Черноморская губерния, которая и вошла в ведение командования армии.

Хотя таким образом в управлении командования армии оказалась очень незначительная территория и не предвиделось, что она скоро значительно увеличится (так как подлежавшие освобождению от большевиков районы Северного Кавказа почти полностью входили в состав Кубанского и Терского казачьих войск, а, следовательно, подлежали управлению казачьих правительств), но с места возник ряд самых серьезных вопросов, от правильного разрешения которых зависело многое. Ошибки в принципиальном разрешении вопросов гражданского управления, особенно связанных с частной собственностью, и в установлении самоуправления (городского и земского), связанного с выборным законом, грозили очень серьезными последствиями.

Я доложил генералу Деникину, что разрешать эти вопросы кустарным способом, людьми, которые в этом мало понимают, невозможно; что я лично считаю себя совершенно неподготовленным для правильного их разрешения и считаю необходимым, чтобы при генерале Алексееве было образовано совещание по гражданским делам и были образованы соответствующие отделы по гражданскому управлению.

Генерал Деникин с этим вполне согласился, и по этому вопросу была подана генералу Алексееву особая записка.

Приехавший по вызову генерала Алексеева в Екатеринодар генерал А. М. Драгомиров, назначенный помощником Верховного Руководителя Добровольческой армии, при участии бывших в Екатеринодаре нескольких общественных деятелей составил Положение об Особом Совещании при Верховном Руководителе, которое и было утверждено генералом Алексеевым 18/31 августа 1918 г.

Главнейшие основания «Положения» были следующие:

1) Особое Совещание имеет целью: а) разработку всех вопросов, связанных с восстановлением органов государственного управления и самоуправления в местностях, на которые распространяется власть и влияние Добровольческой армии; б) обсуждение и подготовку временных законопроектов по всем отраслям государственного устройства, как местного значения, по управлению областями, вошедшими в сферу влияния Добровольческой армии, так и в широком государственном масштабе — по воссозданию Великодержавной России в ее прежних пределах; в) организацию сношений со всеми областями бывшей Российской Империи для выяснения истинного положения дел в них и для связи с их правительствами и политическими партиями для совместной работы по восстановлению Великодержавной России; г) организацию сношений с представителями держав согласия, бывших в союзе с нами, и выработку планов совместных действий в борьбе против коалиции центральных держав; д) выяснение местонахождения и установление тесной связи со всеми выдающимися государственными деятелями по всем отраслям государственного управления, а также с наиболее видными представителями общественного и земского самоуправления, торговли, промышленности и финансов, для привлечения их в нужную минуту к самому широкому государственному строительству; е) привлечение лиц, упомянутых в п. д), к разрешению текущих вопросов, выдвигаемых жизнью.

2) Особое Совещание состоит из следующих отделов: Государственного устройства, Внутренних Дел, Дипломатическо-агитационного, Финансового, Торговли и Промышленности, Продовольствия и снабжения, Земледелия, Путей сообщения, Юстиции, Народного Просвещения и Контроля.

Впоследствии это положение было переработано и изменено. Отдела Государственного устройства не создавалось, а для агитационных целей был образован особый отдел пропаганды.

На первых же порах генерал Алексеев встретился с очень серьезным затруднением в вопросе выбора лиц для назначения на должности начальников отделов: в районе Добровольческой армии подходящих было мало, а ехали к нам с большой опаской, так как в успех дела еще мало кто верил и не хотели рисковать.

С образованием Особого Совещания надеялись добиться соглашения с казачьими правительствами относительно объединения в нем всех общегосударственных вопросов.

Представители кубанского правительства и законодательной рады с первых же дней после освобождения от большевиков Екатеринодара сначала осторожно, а затем все более и более настойчиво стали добиваться, чтобы командование Добровольческой армии предоставило им полную свободу во всех вопросах управления Кубанью.

Прежде всего они заговорили о выделении Кубанской армии.

Опираясь на то, что Дон имеет свою самостоятельную армию, представители кубанского правительства считали необходимым все кубанские части, входившие в состав Добровольческой армии, объединить в Кубанскую армию, каковую во всех отношениях подчинить Кубанскому атаману, а уже через него командующему Добровольческой армии. Затем они настаивали, чтобы все кубанские казаки, находящиеся в каких-либо частях Добровольческой армии, были немедленно из них выделены и из них сформированы чисто кубанские части, которые должны были бы быть включены в состав Кубанской армии. Для пополнения же рядов Добровольческой армии они предлагали из населения Кубанской области брать в войска лишь не казачье, так называемое иногороднее население.

Настаивая на немедленном создании отдельной казачьей армии, кубанский атаман Филимонов и председатель кубанского правительства Быч указывали на то, что, по их мнению, это должно быть вполне приемлемо для командования Добровольческой армии, так как они, нисколько не возражая против подчинения Кубанской армии в оперативном отношении командованию Добровольческой армии, этой мерой не уменьшают боеспособность армии.

На заседаниях, бывших 12/25 и 13/26 августа, под председательством генерала Алексеева, совместно с представителями кубанского правительства, командование Добровольческой армии отнеслось резко отрицательно к проекту, выдвинутому представителями Кубани.

Генерал Деникин на первом заседании очень резко возразил против домогательств кубанцев и на втором заседании участия не принимал.

Кубанским представителям было разъяснено, что если во время непрерывных боев с большевиками выделить из частей Добровольческой армии всех казаков, в них состоящих, то это поведет за собой дезорганизацию частей и ослабит боевую мощь армии; что в будущем, по мере призыва на службу новых военнообязанных — не казаков, казаки будут постепенно выделяться из состава Добровольческих частей и из них будут формироваться чисто казачьи части.

Что касается образования отдельной Кубанской армии, командование Добровольческой армии категорически отвергло это предположение, указав, что Добровольческая армия может успешно вести борьбу лишь при условии, если кубанские части, в зависимости от обстановки, будут включаться в состав определенных отрядов, а не составлять отдельной армии, с отдельным составом и отдельными оперативными заданиями.

Кроме этих причин, о которых говорилось в заседаниях, были другие, о которых в этот период еще стеснялись определенно говорить представителям кубанского правительства, которые сами еще не высказывали определенно свое недоброжелательное отношение к Добровольческой армии. Дело в том, что среди членов кубанского правительства было несколько человек, которые, вместе с председателем правительства Бычем, явно стремились к образованию, по примеру Дона, вполне самостоятельного Кубанского государства и добивались отстранить командование Добровольческой армии от какого-либо влияния на Кубанские дела. Как первый шаг к достижению своей цели они и добивались образования отдельной Кубанской армии.

Но так как Кубань еще не вся была освобождена от большевиков и ссориться с командованием Добровольческой армии они не смели, то и проводили они свои мысли осторожно, не рискуя открыть все карты и высказаться откровенно.

Для командования же Добровольческой армии, находившейся на территории Кубани, было совершенно недопустимо пойти навстречу домогательствам кубанских самостийников.

Так как все кубанские части беспрекословно подчинялись генералу Деникину и так как все начальствующие лица из состава кубанского казачества совершенно не сочувствовали самостийным стремлениям своих представителей в составе кубанского правительства и законодательной рады, то это дало возможность генералам Алексееву и Деникину определенно отклонить попытки образования отдельной Кубанской армии. С этого времени начинается упорная, сначала скрытая, а затем открытая борьба кубанских самостийников с генералом Деникиным.

Другой вопрос, который с места надо было разрешить так или иначе, был вопрос финансовый.

Донское правительство устроило в Ростове, при отделении государственного банка, экспедицию заготовления денежных знаков. К этим денежным знакам уже привыкло население Дона, и они охотно принимались населением во всех районах, освобождаемых от большевиков. Кубанское правительство заявило, что оно хочет выпустить свои денежные знаки.

Добровольческая армия также должна была откуда-то их получать. Поставить себя в этом отношении в полную зависимость от донского или кубанского правительств было невозможно, а выпускать, в сущности говоря, на той же территории новый вид денежных знаков было нежелательно. Было опасно допустить, чтобы каждое из новых государственных образований для обращения в одном и том же районе выпускало столько денежных знаков, сколько пожелает.

Для разрешения финансовых вопросов и, в частности, для выяснения возможности устроить единый государственный банк, по инициативе генерала Алексеева под моим председательством была образована комиссия, в состав которой вошли представители донского и кубанского правительств и все более видные финансовые и банковые деятели, бывшие в это время на территории Дона и Кубани.

На заседаниях этой комиссии все принципиально высказывались, что необходимо образовать единый государственный банк и иметь общие денежные знаки, эмиссионное же право должно быть предоставлено центральному объединенному правительству.

Но до каких-либо практических результатов не договорились. Представители донского и кубанского правительств, основываясь на том, что объединенного правительства еще нет и что основные вопросы правомочны будут разрешать лишь донской большой войсковой круг и кубанская краевая рада, отказались принять какое-либо решение.

В сущности же дело заключалось в том, что донские представители не считали возможным отказаться от своего права выпускать сколько им вздумается своих денежных знаков, а кубанские представители, по примеру Дона, тоже хотели завести свою экспедицию заготовления денежных знаков.

Ясно было, что для правильного разрешения целого ряда вопросов государственной важности надо прежде всего договориться с Донским атаманом. До тех же пор, пока Дон будет совершенно игнорировать командование Добровольческой армии и не пойдет по пути объединения в одном общем правительстве всех общерусских государственных вопросов, до тех пор мы не договоримся ни с Кубанью, ни с Тереком, когда последний будет освобожден от большевиков.

Против Донского атамана Краснова на Дону была довольно сильная оппозиция за его германофильское направление, и считалось возможным,

что большой войсковой круг, который должен был быть собран в Новочеркасске в конце августа / начале сентября, может высказаться против оставления Краснова атаманом, и тогда может измениться отношение донского правительства к Добровольческой армии, в смысле согласия образовать общее правительство, подчиненное генералу Алексееву.

Я был командирован в Новочеркасск в качестве представителя генералов Алексеева и Деникина ко времени открытия большого войскового круга.

Приехав в Новочеркасск, я переговорил со многими представителями донского казачества, съехавшимися к открытию круга, и вынес впечатление, что хотя оппозиция среди донской интеллигенции против генерала Краснова довольно сильна, но в массе казачества он пользуется популярностью и, вероятно, будет вновь выбран в атаманы.

Собравшийся войсковой круг (18/31 августа) выбрал своим председателем бывшего члена государственной думы — Харламова.

Круг был открыт речью атамана.

Генерал Краснов — прекрасный оратор, и, надо отдать ему справедливость, речь его была составлена мастерски.

Насколько помню, он кратко изложил все, что сделано для усиления Дона по день открытия круга, и перечислил то, что предстоит еще сделать. Не отрицая принятой им германской ориентации, он оправдывал ее невозможностью без этого получить для Дона от Украины вооружение, снаряжение и боевые припасы. Касаясь этого вопроса, он выразился, если не изменяет мне память, так: «Да, я принужден брать от немцев снаряды и патроны, но я обмываю их в чистых водах Тихого Дона и чистыми передаю нашей и Добровольческой армиям».

После ответной речи председателя круга и речи председателя правительства слово было предоставлено мне. Я сказал:

«Добровольческая армия братски приветствует большой круг Всевеликого Войска Донского.

По инициативе генерала Алексеева и с согласия покойного атамана Войска Донского, великого русского патриота генерала Каледина, в ноябре 1917 г. на территории Дона начала формироваться Добровольческая армия.

Цель, которую преследовали генерал Алексеев, генерал Каледин и вступивший в декабре 1917 г. в командование армией генерал Корнилов, была борьба с советской властью, разрушавшей государство, освобождение Дона от большевиков и образование на Руси твердого правительства, могущего объединить всех русских людей и положить предел разрухе в государстве и армии.

Господство большевиков не оказалось кратковременным, как то думало большинство политических деятелей, а, наоборот, власть их

крепла, и начавшееся сумасшествие стало охватывать все большие и большие районы. Печальной участи не избегли и казачьи области.

В течение 2 месяцев ничтожная по численности, но крепкая духом Добровольческая армия, шаг за шагом отстаивая территорию Дона, кровью своей с ним сроднилась.

В конце января этого года не стало генерала Каледина, а 10 февраля маленькая Добровольческая армия, не имея возможности оставаться в Ростове, перешла у Аксая на левый берег Дона.

14 февраля начался легендарный по своей трудности поход Добровольческой армии к Екатеринодару с целью освободить Кубань от власти большевиков и оттуда продолжать свою государственную работу.

Цель эта тогда достигнута не была.

В середине апреля Добровольческая армия, отойдя от Екатеринодара, где погиб генерал Корнилов, вновь вступила на территорию Войска Донского.

К этому времени началось оздоровление Дона от тяжкой большевистской болезни.

Добровольческая армия, найдя вновь приют на земле Тихого Дона, оправилась от трудного похода, окрепла и пополнилась.

Но и в этот период армия охраняла и очищала южные и юго-восточные окраины Дона от большевиков. Ряд боев с большевиками у Сосыки, Гуляй-Борисова, Егорлыкской, Целины — за это время стоили армии более 1500 убитыми и ранеными.

Затем, при поддержке кубанских казаков, Добровольческая армия пошла освобождать Кубань от большевиков.

Ныне сердце Кубани — Екатеринодар освобожден и очищен от большевиков весь правый берег Кубани; освобождается остальная часть Кубани и Ставропольская губерния; части Добровольческой армии заняли Новороссийск.

Таким образом, выполняя свою общую государственную задачу, своим походом Добровольческая армия непосредственно или косвенно помогала Донскому Войску, освобождая его земли и вместо большевистских позиций создавая ему прочные границы с замиренным и дружественным населением.

Со времени возникновения Добровольческой армии многое изменилось:

Большевиками заключен позорный Брестский мир; создалась самостоятельная Украина; Россия развалилась на ряд отдельных частей, некоторые из которых, позорно забыв единую Великую Россию, ради местных и личных интересов готовы идти в кабалу к кому угодно, лишь бы получить временное и обманчивое покойное существование.

Большевики продолжают разрушать Россию.

Измученное население северной и центральной России гибнет от голода, проклинает советскую власть, но, терроризованное, само ничего сделать не может и ждет помощи извне.

Дон и Кубань бьются с большевиками; восстания охватывают район Волги; Терек ждет поддержки, чтобы сбросить ненавистную власть. Но, к сожалению, и в этих районах не всеми сознается, что спасение и счастие заключаются не в создании отдельных, самостоятельных государств и областей, а в воссоздании Единой Великой России.

Добровольческая армия ставит своею задачею борьбу за объединение нашей оплеванной и попранной Матери — Родины, за воссоздание могучей, единой России.

Враги России, те, которым выгодно поддерживать разруху в нашем многострадальном отечестве, не стесняются никакими средствами, имеющими целью задержать рост Добровольческой армии и посеять рознь между нею и возрождающимися частями когда-то великого нашего государства.

Да не будет этого!

Мы верим, что разум русских людей возьмет верх, что все честные сыны нашего отечества объединятся в общей работе по воссозданию Единой Великой России, единой мощной русской армии.

Генералы Алексеев и Деникин, от имени Добровольческой армии, поручили мне приветствовать вас, представителей Всевеликого Войска Донского, и выразить глубокую уверенность армии в том, что все слухи о каких-то антирусских и сепаратных стремлениях отдельных лиц и групп на Дону являются злостной клеветой.

Добровольческая армия уверена, что славные Донцы, потомки могучих и славных витязей и защитников Руси, и в настоящий исторический момент сумеют разобраться, где правда и где неправда, поймут свою государственную задачу и, наряду с внутренней работой по устройству Всевеликого Войска Донского, все как один пойдут по пути воссоздания Великой России и, объединясь с Добровольческой армией и славным Кубанским войском, положат начало могучей русской армии».

Генерал Деникин, по поводу приветственной телеграммы от председателя круга Харламова и полученного им текста речи генерала Краснова прислал мне следующих два письма:

От 20 августа / 2 сентября:

«Генерал Алексеев получил сегодня телеграмму от председателя круга Харламова с выражением чувств, одушевляющих круг в отношении Добровольческой армии.

Между тем отношения к армии атамана были всегда совершенно отрицательными. Между прочим, в своей программной речи он счел

возможным принятие немецкой ориентации оправдывать нежеланием моим идти на Царицын, хотя соглашение с немцами последовало ранее 15 мая (совещание в Манычской*). Точно так же звучит оскорбительно фраза его "частное предприятие". Так названо освобождение Добровольческой армией трех русских областей Задонья.

Нахожу чрезвычайно желательным, чтобы Вы нашли способ через членов круга поднять вопрос о точном определении кругом отношений атамана к Добровольческой армии, которых он обязан был бы держаться в будущем».

От 22 августа / 4 сентября:

«В вопросе о конституции власти на Дону при тех исключительных условиях, в коих находится ныне область, Вам надлежит держаться следующих положений:

1) Единая твердая власть, не связанная никакими коллегиями, необходима.

2) Круг должен обязать будущего атамана к прямому, честному и вполне доброжелательному отношению к Добровольческой армии.

3) Раскол среди политических партий на Дону, новые потрясения, подрыв и умаление атаманской власти совершенно не желательны.

Поэтому, если оппозиция не имеет причинной почвы под ногами и сильных кандидатов и считает нужным поддержать кандидатуру ген. Краснова, возражений со стороны командования Добровольческой армии не будет, при соблюдении п. 2.

4) Так как личная политика генерала Краснова совершенно не соответствует позиции, занятой Добровольческой армией**, то *активной поддержки* (например, публичное выступление с соответствующей речью, официозный разговор и т. п.) оказывать отнюдь не следует.

Изложенное в пункте 3-м надлежит сообщить доверительно отдельным видным представителям оппозиции.

5) Выделение отдельных частей Добровольческой армии на Царицынский фронт пользы не принесет, а среди разнородных элементов донских ополчений, астраханских организаций — могло бы вызвать чреватые последствиями трения. На Дону остались неиспользованными части новой донской Армии; длительность их подготовки значительно больше, чем мобилизованных Добровольческой армии.

Во всяком случае Добровольческая армия, как только справится со своей задачей на Кубани, будет двинута безотлагательно на Царицын

---

* На котором генералом Красновым возбуждался вопрос о направлении части Добровольческой армии на Царицын.

** Т. е. невозможность какого-либо соглашения с немцами.

и поможет в полной мере Дону. При этом обязательно подчинение действующих на этом фронте донских частей командованию Добровольческой армии.

Незаконченность работы здесь подорвала бы в корне моральное значение Добровольческой армии и привела бы опять к "исходному положению", т. е. окружению всех границ Дона большевиками.

После первого заседания круга выяснилось, что выборы нового атамана будут произведены в самом конце сессии, а первоначально будут происходить чисто деловые заседания, на которых члены донского правительства сделают доклады по своим ведомствам.

Оттяжка выбора атамана была сделана генералом Красновым, конечно, с целью выиграть время, дать перебродить страстям и убедить круг, что атаманом для пользы Дона может остаться только он, ген. Краснов.

Надо признать, что генерал Краснов очень ловко и очень умно направил работу войскового круга и достиг того, что оппозиция против него постепенно ослабевала.

В руках лидеров оппозиции, кроме копии с письма генерала Краснова на имя Германского Императора, были еще два документа, доставленных на войсковой круг и командованию Добровольческой армии из управления иностранных дел донского правительства: выдержки из письма генерала Краснова фельдмаршалу Эйхгорну и выдержки из протокола совещания Донского атамана с представителем германского командования в Ростове — майором фон Кохенгаузеном (совещание было 26 июня / 9 июля 1918 г.).

Письмо на имя фельдмаршала Эйхгорна заканчивалось так: "Я искренно желаю, в союзе с германским народом, не допустить чехословаков на донскую территорию, но исполнить это я смогу лишь тогда, когда все население будет видеть, что в лице германского народа мы имеем друзей и союзников, а не врагов, оккупировавших донскую землю.

Было бы самым выгодным и для вас, если бы вы помогли донскому войску окрепнуть в полной мере, дав при этом определенное заверение, что по достижении сего германские войска будут выведены из пределов Донской области. Тогда Вы могли бы быть уверены, что Донское войско, а за ним и весь Доно-Кавказский союз вам преданы, вам благодарны и вам никогда не изменят. Вы могли бы быть спокойны за Ваш тыл на Украине и за Ваш правый фланг в том случае, если бы Державы согласия восстановили восточный фронт..."

Совещание Донского атамана с майором фон Кохенгаузеном касалось, между прочим, Добровольческой армии, о которой майор фон Кохенгаузен хотел получить самые точные сведения.

Ответы генерала Краснова были очень сдержанны, и получается вполне отчетливое впечатление, что, не считая для себя возможным

совершенно уклониться от ответов, Донской атаман старался не сказать чего-нибудь такого, что могло повредить Добровольческой армии.

Представитель германского командования, по-видимому, понял и учел затруднительное положение генерала Краснова и не наставил на более ясных и точных ответах.

В заключение майор Кохенгаузен выразил генералу Краснову заверения в том, что, после того что он слышал, германское правительство, в его лице, будет всячески поддерживать атамана, содействовать укреплению его власти в области, как в смысле престижа власти путем морального воздействия на население (возвращение военнопленных, вопрос о Таганроге и т. д.), так и в смысле поддержки таковой реальной силой, оружием и идя навстречу личным пожеланиям атамана.

Конечно, на круге генерал Краснов мог бы объяснить, что все это он принужден пока делать ради спасения и укрепления Дона, что цель оправдывает средства, но оппозиция вначале была сильна и, повторяю, оттяжка выборов была для генерала Краснова необходима.

К моменту выбора атамана единственным серьезным для него конкурентом был председатель донского правительства — генерал Богаевский[223].

Но перед выборами, на закрытом заседании круга, генерал Богаевский огласил телеграмму, полученную из штаба германского командования в Ростове, в которой совершенно определенно указывалось, что только при выборе войсковым кругом атаманом генерала Краснова германское командование будет по-прежнему относиться доброжелательно к Войску Донскому; в противном же случае это отношение изменится*...

---

* Телеграмма генерал-лейтенанту Денисову[224] (был военным министром Войска Донского и командующим Донской армией). Перевод с немецкого.

«Его Превосходительству. По поручению высшего германского командования имею честь сообщить Вам следующее: Происшедшее за последние дни показывает, что на круге имеется стремление ограничить власть атамана. Ввиду чего предвидится опасность, что будет образовано правительство со слабой властью, которая не сможет в достаточной мере противостоять многочисленным внутренним и внешним врагам донского государства.

Так как, с другой стороны, высшее командование может находиться в хороших отношениях только с таким государством, которое по конструкции своего правительства даст уверенность быть сильным и защищать свою свободу, оно (высшее германское командование) видит себя вынужденным до тех пор, пока это обстоятельство является сомнительным, временно воздержаться от всякой поддержки оружием и снарядами. Применение этого решения продолжится до тех пор, пока не будет выбран атаман, в котором высшее германское командование будет уверено, что он поведет политику Донского государства в направлении, дружественном Германии, и который будет облечен кругом полнотой власти, необходимой для настоящего серьезного момента.

Генерал Богаевский сказал на круге, что по имеющимся у него сведениям, его выставляют как кандидата в атаманы; что он благодарит за честь, но вследствие необходимости прежде всего не осложнять трудное положение Дона вмешательством немцев, он заявляет о категорическом своем отказе дать согласие на выставление своей кандидатуры в атаманы.

Генерал Краснов был вновь выбран атаманом Войска Донского. Обстановка для Дона была действительно трудная и сложная; это решение круга для данного момента было единственно возможным.

Командование Добровольческой армии надеялось, что генерал Краснов постепенно изменит свою политику по отношению к армии и будут найдены пути соглашения для образования одного общего правительства. Но для установления соглашения с Кубанью выбор Донским атаманом опять генерала Краснова был крайне неприятен, так как знаменовал — на первое, во всяком случае, время — что политика Дона по отношению к командованию Добровольческой армии останется прежней. Кубань же, как я уже сказал, равнялась на совершенно независимое Донское государственное образование.

Командование Добровольческой армии стремилось договориться с Доном и Кубанью, но по некоторым вопросам существовали столь непримиримо противоположные взгляды между нами и представителями казачества, что трудно было надеяться добиться полного соглашения.

Еще 28 июля / 10 августа Кубанский атаман полковник Филимонов передал генералу Деникину для ознакомления проект декларации правительства Доно-Кавказского союза, присланный ему Донским атаманом для рассмотрения и подписания; при этом полковник Филимонов сказал, что если генерал Деникин будет возражать против содержания декларации, то он ее не подпишет.

В декларации Доно-Кавказского союза в первой части было сказано: «...в видах государственной необходимости атаманы: Всевеликого Войска Донского, Войска Кубанского, Войска Астраханского, Войска Терского и председатель союза горцев Северного Кавказа, беря на себя всю полноту Верховной государственной власти, настоящим актом провозглашают суверенным государством Доно-Кавказский союз.

Объявляя об этом, просим Вас, Милостивый Государь, передать Вашему правительству нижеследующее*:

Я прошу Ваше Превосходительство сообщить об этом еще сегодня же Его Высокопревосходительству донскому атаману, к которому высшее германское командование питает самое полное доверие, а также сообщить господину председателю совета министров генерал-лейтенанту Богаевскому.

Подписал: фон Кохенгаузен.»

* Далее указываются мною лишь краткие выдержки из содержания пунктов декларации.

1) Доно-Кавказский союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Войска Кубанского, Войска Терского, Войска Астраханского, Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство на началах федерации.

2) Каждое из государств входящих... управляется во внутренних делах своих... на началах полной автономии.

3) Законы... разделяются на общие и местные.

4) Свой флаг, печать и гимн.

5) Верховный совет (атаманы или их заместители и главы союза горцев и Дагестана), избирающие из своей среды председателя, исполняющего постановления Верховного Совета.

6) При Верховном Совете — Сейм.

7) О собраниях Сейма.

8) Доно-Кавказский союз имеет общие армию и флот. Командующий назначается Верховным Советом.

9) Общие министры — Иностранных Дел, Военный и Морской, Торговли и Промышленности, Путей сообщений, Почты и Телеграфа, Государственный Контролер и Государственный Секретарь.

10) Временная резиденция — Новочеркасск.

11) Общие — монетная система, кредитные билеты, почтовые и гербовые марки, тарифы: железнодорожный, таможенный и портовый, а также почтовые и телеграфные.

12) Доно-Кавказский союз объявляет, что он находится в состоянии нейтралитета и, не будучи в положении войны с какой-либо Державой мира, борется лишь с большевистскими войсками, находящимися на его территории.

13) ...не допускает вторжения на свою территорию никаких войск.

14) Доно-Кавказский союз настоящим заявляет свое намерение вступить в торговые и иные сношения с Державами, которые признают его державные права.

15) Границы... и, по стратегическим соображениям, южная часть Воронежской губернии со станцией Лиски и городом Воронежом, а также часть Саратовской губернии с городами Камышином и Царицыном и колония Сарепта.

16) Доно-Кавказский союз выражает уверенность, что нарождение его будет благоприятно принято всеми Державами, заинтересованными в его существовании, и что они не замедлят прислать своих представителей, равно как и союз не замедлит послать свои дипломатические миссии к признавшим его Державам».

Генерал Деникин обратился с нижеприводимым письмом, от 10/23 августа 1918 г. за № 51, к председателю донского правительства.

На полях приводятся резолюции генерала Краснова, сообщенные нам из правительства Войска Донского.

«Командующий
Добровольческой армией.
№ 51.
10 августа 1918 г.
Гор. Екатеринодар.

Милостивый Государь
Африкан Петрович,

Образование в октябре 1917 г. Юго-Восточного Союза в действительности осталось только на бумаге.

Резолюция генерала Богаевского:

«В доклад Д. Атаману». Ген. Богаевский. 13/VIII–18.

Успехи большевиков, развал казачества на Дону и Кубани, а также возникшая борьба на Тереке — не дали возможности провести в жизнь образование Юго-Восточного Союза.

Ныне обстоятельства вновь позволяют вернуться к мысли создать прочный и сильный Союз, могущий предотвратить новые испытания.

Резолюции донского Атамана:

Изменению обстановки Дон и Кубань в значительной степени обязаны Добровольческой армии, при помощи которой изгоняются большевики и уничтожается власть черни.

Армия вне политики.

Добровольческая армия, имеющая задачей возрождение единой великой России, кровью своей сроднилась с Доном и Кубанью, и далее, перед выполнением своей основной исторической задачи, она поможет и Тереку освободиться от большевиков.

Его Превосходительству А. П. Богаевскому.

При образовании Юго-Восточного Союза в октябре 1917 г. никто не имел никаких сепаратных стремлений, и авторы идеи Союза считали, что образование Союза необходимо лишь *временно*, до восстановления единой России.

Составленная же ныне правительственная декларация Доно-Кавказского Союза вызывает самые серьезные возражения:

Это не верно.

1) Прежде всего создается впечатление, что идет речь о создании постоянной федеративной Державы, вполне самостоятельной, наподобие «самостийной» Украины.

Авторы этой декларации как бы думали об узаконении расчленения России, а не об ее объединении.

2) Совершенно игнорируется Добровольческая армия, которая помогла Дону и Кубани в борьбе с большевиками.

Причем тут Добровольческая Армия.

Даже больше: пункт XIII дает право думать, что и Добровольческая армия, находящаяся на территории Союза, может быть признана враждебной.

3) Включение в состав Доно-Кавказского Союза Ставропольской губернии, в которой уже введено управление распоряжением командующего Добровольческой армией, без особого представителя от губернии, является недопустимым.

Эта губерния может быть включена в Союз лишь как полноправный член Союза, так как и по размерам и по значению она является значительной, и интересы ее и Добровольческой армии должны быть вполне обеспечены особым ее представителем в Верховном Совете.

4) Пункт IV устанавливает особый флаг Державы, в то время когда вряд ли допустимо иметь какой-либо другой флаг помимо родного русского.

Согласен.

5) Декларация не может включать в себе такие пункты, как XII, XIII и XIV, которые связывают дальнейшую политику Державы, ведение каковой возлагается на Верховный Совет.

6) Пункт XV особенно подчеркивает стремление к "самостийности" и к дальнейшему расчленению России.

Ничего подобного.

Вследствие всего изложенного, не возражая против пользы образования Доно-Кавказского Союза, считаю необходимым:

1) Определенно указать, что Союз образуется *временно* — впредь до воссоздания России.

Само собой разумеется.

2) Включить в состав проектируемого Верховного Совета представителя Добровольческой армии и военного генерал-губернатора Ставропольской губернии.

Можно.

Никогда.

3) Командующим всеми вооруженными силами Союза назначить командующего Добровольческой армией.

Совершенно верно, но причем тут Добровольческая армия

4) Окончательная редакция декларации должна быть выработана после созыва большого круга на Дону и рады на Кубани, при участии представителя Добровольческой армии, игнорировать которую недопустимо.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности А. Деникин».

Резолюции генерала Краснова ясно указывают на непримиримость его по отношению к командованию Добровольческой армии.

Договориться с ним при этих условиях и при позиции, занятой им вольно или невольно по отношению к немцам, было невозможно.

Оставалась надежда добиться соглашения с Кубанским казачеством, а затем и с Терским, в предположении, что впоследствии силою обстоятельств и генерал Краснов пойдет на уступки.

В то же время нельзя не отметить, что при остро сложившихся отношениях с командованием Добровольческой армии генерал Краснов не упускал случая делать официальные заявления о лучших чувствах, кои он питает к самой армии. Так например, телеграммой на имя генерала Алексеева от 14/27 августа он опровергает слухи о скверном его отношении к «дружественной нам Добровольческой армии, которой Дон так многим обязан и в которой видит будущее России*».

Для точного определения наших отношений с казачьими областями и создания «гражданской конституции» представлялось необходимым выработать особое положение, которое по мере освобождения от большевиков частей государства Российского позволяло бы автоматически применять его к освобождаемым районам.

Генерал Алексеев считал необходимым, чтобы положение о конструкции власти и управлении в освобождаемых районах основывались на следующих принципах:

---

* Насколько ненормальны были и впоследствии отношения Донского атамана к командованию Добровольческой армии, показывает ответ генерала Краснова, 9/22 января 1919 г. № 92, на запрос, нет ли препятствий к устройству в Ростове отдела Пропаганды, в котором, между прочим, было сказано: «Я категорически возражаю против устройства его в Ростове. На земле Войска Донского не может и не должно помещаться ни одно из учреждений общерусских. Это требование автономии Войска». По примеру же Донского атамана и кубанские политические деятели, после освобождения их территории от большевиков под руководством командования Добровольческой армии и беззаветной боевой работы Добровольческой армии, стремились удалить от себя всё «общерусское»!

1) Армия — единая. Командование армией должно быть сосредоточено в руках командующего Добровольческой армией.

2) При Верховном руководителе Добровольческой армии образуется «Особое Совещание», которое и ведает всеми правительственными функциями. Начальники отделов назначаются Верховным руководителем армии.

3) Отрасли управления — внешняя политика, военное дело, суд, пути сообщений и финансы — должны быть общими для всего государства* и ведаться соответствующими отделами Особого Совещания, и в отношении их полнота государственной власти принадлежит Верховному руководителю Добровольческой армии.

4) Не казачьи территории и области подчиняются непосредственному Верховному руководителю, который и утверждает положение об их управлении.

5) Казачьи области и другие области, пользующиеся автономным устройством, в отношении частей управления, не находящихся в ведении общегосударственной власти, управляются на основании законов, вырабатываемых местными законодательными органами.

6) При Верховном руководителе, в качестве законосовещательного органа, может быть образован совет, в состав которого входят члены по выбору от освобождаемых областей и по назначению Верховного руководителя.

После смерти генерала Алексеева эта схема подверглась изменению лишь в том отношении, что функции Верховного руководителя и командующего армией должны были объединиться в руках главнокомандующего генерала Деникина.

Командование Добровольческой армии надеялось, что кубанские политические деятели пойдут в конце концов на соглашение добровольно, поняв, что этого требует государственная необходимость. Считалось, что при подобной «конституции» и конструкции высшей правительственной власти — широкая автономия казачьих областей будет вполне обеспечена и государственный разум казачества возьмет верх над «самостийными» тенденциями отдельных политических деятелей.

Создание проекта «конституции» было поручено К. Н. Соколову[225] с участием некоторых членов кадетской партии (впрочем, принимал участие в работе и В. В. Шульгин).

---

* Были перечислены лишь те отрасли управления, кои бесспорно должны были быть общегосударственными. Относительно других надо было договориться и решить, что должно быть отнесено к общегосударственному управлению и что могло остаться в ведении местных законодательных органов и правительств.

Прежде чем подвергнуть составленное «положение» официальному рассмотрению с представителями кубанского правительства, признано было желательным, чтобы представители политических кругов, поддерживавших Добровольческую армию, позондировали почву частным образом. Но частные беседы показали, что на соглашение надежды мало. Кубанские деятели говорили, что предлагаемая «конституция» есть фактически диктатура, а на диктатуру главнокомандующего Добровольческой армией они добровольно не согласятся.

«Диктатура устанавливается силою, а не по соглашению. Если у вас есть сила проводить диктатуру — проводите; мы же на это согласия не дадим».

Генерал же Деникин считал необходимым действовать убеждением и добиться желательного результата путем соглашения.

Считалось, что если будет достигнуто соглашение с Кубанью, то это же будет принято и Тереком после освобождения Северного Кавказа от большевиков, и затем будет принято и Доном. На последнее надеялись особенно вследствие того, что в лице наиболее влиятельных политических деятелей Дона мы имели, как казалось, союзников.

На 26 октября / 8 ноября 1918 г., под моим председательством, было назначено согласительное заседание.

От командования Добровольческой армии на заседании присутствовали — А. А. Нератов[226], генерал Романовский и В. А. Степанов[227]. От Кубани — Л. Л. Быч, А. А. Намитоков, полковник Савицкий[228], Д. Е. Скобцов, полковник Успенский[229] и М. С. Воронков. Особо приглашенные донские политические деятели — В. Ф. Зеелер[230] и В. А. Харламов (председатель большого войскового круга).

Открывая заседание, я сказал, что еще в августе была попытка договориться о конструкции власти, не давшая никаких результатов; указал на невозможность вести работу при существующих трениях и предложил вновь попытаться договориться, взяв в основание проект конструкции власти, выработанный несколькими общественными деятелями. Мною было указано, что в вопросах военных и дипломатических вся полнота власти должна принадлежать главнокомандующему, а в области остальных вопросов надо договориться и выяснить, какие из них должны остаться общегосударственными и разрешаться правительством, подчиненным главнокомандующему, и какие вопросы должны считаться местными и разрешаться местной властью.

Л. Л. Быч указал, что возможен только один путь соглашения, по которому договаривающиеся стороны образуют союзный совет, который, как Верховная власть, выделяет правительство, облеченное большими полномочиями, и назначает командование, а также определяет организацию самой армии на началах воинской повинности.

С этими взглядами не согласились представители Добровольческой армии. Представители Дона (особо приглашенные) стали на сторону представителей Добровольческой армии, но представители Кубани категорически отказались рассматривать предложенный проект конструкции власти и обещали разработать и представить в ближайшем будущем, до начала работ Рады, свой контрпроект.

Привожу здесь выдержки из речей В. А. Харламова и В. Ф. Зеелера (взято из протокола заседания, подписанного генерал-лейтенантом Лукомским, генерал-майором Романовским, Л. Л. Бычем и А. А. Намитоковым):

«В. А. Харламов: Что касается строительства власти, то здесь слишком много выдвигается положений, не соответствующих исключительности момента.

Добровольческая армия взяла на себя задачу государственного строительства, а местные власти к этому стремились очень мало.

Установление власти путем сложения местных властей — путь очень сложный и длительный, а жизнь требует быстрого решения. Мне кажется, что Дон пойдет на предоставление полноты власти в области военных и дипломатических вопросов Добровольческой армии, а в раздел 6-й, трактующий о местной автономии, придется внести поправки».

«В. Ф. Зеелер: Если хотите объединения России, то нужно создать сейчас зародыш такого объединения. И вот, создавая общегосударственную власть, я не могу, подобно Л. Л. Бычу, расценивать Добровольческую армию как территориальную представительницу Ставропольской и Черноморской губерний. Я бы хотел смотреть на Добровольческую армию как на реальную силу, преследующую не местные, а общегосударственные задачи; и ни Крым, ни Терек, ни Дон не могут становиться на одинаковую почву с Добровольческой армией, так как она, повторяю, имеет не местное, а общегосударственное значение.

Первая задача — борьба с большевиками, для чего необходимо объединить действия двух наличных реальных сил — Добровольческой и Донской армий; нужно образовать общий фронт, и для нас понятно, что выполнение этих задач по объединению нужно передать в руки Добровольческой армии.

Второй вопрос — разговор с союзниками. Союзники явятся и с кем-нибудь связаться пожелают. Естественно, что они обратят свои взоры опять на те же реальные силы: Донскую и Добровольческую армии. С тем Красновым, который послал известное письмо в Берлин, они, конечно, разговаривать не пожелают.

Вполне естественно, что руку помощи они протянут Добровольческой армии, которая никогда и ни при каких условиях за помощью к немцам не обращалась.

Тогда и Дону, и Грузии, и Украине придется поклониться Добровольческой армии.

Нужно прийти к заключению, что Верховная власть и выполнение задач внешней политики должны быть отнесены к центру — Добровольческой армии.

Что касается федерации и автономии, то я должен сказать, что сколько я ни изучал этот вопрос — разницы не вижу, это одно и то же».

Обещанного контрпроекта кубанское правительство так нам и не прислало.

После занятия 2/15 августа Екатеринодара Добровольческая армия стала развивать операции против Таманской группы большевиков, а также действовавших в районе г. Новороссийска и на Черноморском побережье. Во время развития последней операции в штабе Добровольческой армии были получены сведения, что в районе Туапсе и Майкопа действуют против большевиков восставшие и ушедшие из своих станиц отряды кубанских казаков, которым помогают грузины. Вслед за этим с Туапсе была установлена связь, и в его районе был обнаружен небольшой грузинский отряд под начальством генерала Мазниева. При этом отряде находилось до 6 сотен казаков, бежавших из Майкопского отдела.

Грузины помогали казакам оружием и боевыми припасами; мы же начали снабжать грузин хлебом. Так как генерал Мазниев действовал против большевиков, то Добровольческая армия установила с ним самую тесную связь и смотрела на этот отряд как на союзный. Генерал Мазниев обнаружил полную готовность помогать Добровольческой армии и восставшим кубанским казакам.

К этому времени относятся первые переговоры по вопросам товарообмена с Грузией. Генерал Мазниев передал в распоряжение начальника отряда Добровольческой армии один броневой поезд и обещал передать санитарный поезд; с нашей стороны было обещано отпустить для Грузии хлеба на 250 тыс. руб.

В это время крупные силы большевиков, отступая под давлением Добровольческой армии от Новороссийска вдоль Черноморского побережья, вытеснили грузинский отряд генерала Мазниева из Туапсе и заняли город.

26 августа / 8 сентября большевики очистили г. Туапсе и отступили на север, надеясь соединиться со своими частями, действовавшими в районе Северного Кавказа. Наши части в тот же день заняли Туапсе.

Дружеские отношения, налаживавшиеся между нами и грузинами, резко изменились после занятия нами Туапсе и водворения там нашей власти.

Генерал Мазниев, как показавший себя расположенным к Добровольческой армии, был отозван и заменен генералом Кониевым[231].

В районе селения Лазаревского (в 60 верстах к юго-востоку от Туапсе) грузины стали сосредоточивать значительные силы (пять тысяч пехоты с 40 пулеметами и 18 орудиями) и приступили к укреплению позиций у Сочи, Дагомыса и Адлера. Одновременно в два последние пункта вступили германские отряды, и всякие сношения грузин с нашими войсками были прерваны.

По заявлению нашим представителям генерала Кониева, изменение отношения грузин к Добровольческой армии было основано на указании германского командования. К этому же периоду относятся сведения, полученные из Тифлиса, что русские, особенно офицеры и чиновники, подвергаются самому беспощадному гонению.

12/25 сентября в Екатеринодар прибыла грузинская делегация во главе с министром иностранных дел грузинского правительства Гегечкори; в состав делегации входил генерал Мазниев. Гегечкори заявил, что делегация прибыла с целью вести переговоры по вопросам товарообмена и для установления дружеских отношений между Грузией и Добровольческой армией, а также Кубанью.

Приезд этой делегации вполне совпадал с желанием командования Добровольческой армии договориться с грузинским правительством и установить дружеские отношения. Прежде всего представлялось крайне желательным получить уверенность, что ничто не может угрожать нашему тылу и явится возможность не держать на границе с Грузией войска, столь необходимые для борьбы с большевиками на Северном Кавказе.

Затем нужно было договориться по следующим вопросам:

1) В Грузии, после ликвидации Кавказского фронта, осталось большое интендантское, артиллерийское, инженерное и санитарное имущество, принадлежавшее Русскому государству. Представлялось желательным хотя бы часть этого имущества получить в распоряжение Добровольческой армии. Если бы не удалось договориться о получении этого имущества безвозмездно, то выработать условия, на которых Грузия согласилась бы это имущество передать нам.

2) В Грузии оставалось большое имущество, принадлежавшее Красному Кресту, Военно-промышленному комитету и всероссийским Союзам земств и городов. Надо было добиться, чтобы Грузия признала право на это имущество образовавшихся при Добровольческой армии временных главных управлений этих организаций.

3) О прекращении преследования в Грузии русских граждан; о предоставлении права русским офицерам, находившимся в Грузии, отправляться на службу в Добровольческую армию, без опасения за участь их семейств, оставляемых в Грузии.

Те сведения, которые были получены из Тифлиса о преследовании всего русского, не давали надежды добиться полного соглашения и ус-

тановить дружеские отношения. Грузинское правительство и грузинская пресса подвергали резкой критике Добровольческую армию и ее командование, называя их черносотенцами, контрреволюционерами. Наконец, на грузинское правительство оказывалось давление со стороны германского командования, которое естественно стремилось изолировать Добровольческую армию и поставить ее в трудное положение.

Но для нас было так важно достигнуть соглашения с Грузией, что генерал Алексеев решил пойти на все возможные уступки, лишь бы установить сносные отношения.

12/25 сентября генерал Алексеев, открывая заседание, начал свою речь следующими словами: «Разрешите от имени Добровольческой армии и кубанского правительства приветствовать представителей дружественной и самостоятельной Грузии. Я пожелаю, чтобы те весьма важные переговоры, которые нам предстоят, привели к удовлетворительным результатам. Разноречий быть не должно. С нашей стороны никаких поползновений на самостоятельность Грузии не будет — в этом отношении Грузия может считать себя обеспеченной; но дав такое обеспечение от Добровольческой армии и Кубанского правительства, которое, конечно, это подтвердит, мы должны ожидать равноценного отношения со стороны грузинского правительства к нам».

Из дальнейшего хода переговоров выяснилось, что грузинские представители заняли совершенно непримиримую, и притом необоснованную ни историческими, ни этнографическими, ни экономическими данными позицию в вопросе об установлении границы Черноморской губернии, настаивая на том, что Сочинский округ должен входить в состав Грузии.

Вторичное заседание совместно с представителями грузинского правительства состоялось 13/26 сентября. Во время обмена мнений членам грузинской делегации был предложен вопрос о тех гарантиях, которые могли бы быть даны грузинским правительством в том, что хлеб, направляемый в Грузию, не попадет к германцам. При этом были приведены факты отправки германцами хлебных грузов из Грузии в Констанцу на пароходах «Генерал», «Гамбург» и «Каркова». Представители Грузии от ответа уклонились.

В основном вопросе об установлении границы грузины отказались пойти на какие-либо уступки. В числе мотивов, вследствие которых Грузия настаивала на сохранении за собой Сочинского округа, Гегечкори выдвинул опасение Грузии, что сил Добровольческой армии недостаточно, чтобы защищать Сочинский округ от большевиков.

Генерал Алексеев указал, что, признавая в настоящее время существование самостоятельной Грузии, командование Добровольчес-

кой армии не может санкционировать и согласиться с расчленением чисто русской Черноморской губернии; что русское население Сочинского округа просит о возвращении округа в состав Черноморской губернии.

Дальнейшее обсуждение как этого, так и других вопросов приняло острый характер. Гегечкори в заключение заявил: «От Сочинского округа Грузия отказаться не может. Все сведения и слухи о преследовании русских в Грузии неверны. Все имущество, принадлежавшее прежде русскому правительству и различным организациям, работавшим на армию, грузинское правительство рассматривает как принадлежащее ныне Грузинской республике и может часть его дать Добровольческой армии лишь в обмен на хлеб и другие продукты, нужные Грузии».

Генерал Алексеев пытался повлиять на представителей Грузии, указав, что для самой Грузии необходимо установить дружеские и союзнические отношения с Добровольческой армией, так как если последняя не выйдет победительницей из борьбы с советской властью, то рано или поздно Грузия будет большевиками раздавлена.

Но все было напрасно, и переговоры были прерваны.

Как потом выяснилось, Гегечкори, ведя официальные переговоры в комиссии под председательством генерала Алексеева, вел частные, сепаратные переговоры с председателем кубанского правительства Бычем. Вполне возможно, что эти последние переговоры давали основание Гегечкори считать, что положение Добровольческой армии на Кубани недостаточно прочно, и повлияли в значительной степени на его несговорчивость.

Впрочем, нельзя забывать, что в этот период грузинское правительство должно было действовать по указке немцев и, наконец, для Грузии Сочинский округ имел громадное значение в смысле зоны, отделяющей от Добровольческой армии Сухумский округ, населенный свободолюбивым и воинственным абхазским народом, не желавшим подчиниться Грузии. Грузинское правительство опасалось, что если Сочинский округ войдет в состав Черноморской губернии, то непосредственное соседство района, подчиненного Добровольческой армии, с Сухумским округом может повлиять на отпадение Абхазии от Грузии и лишение последней портов на Черном море.

Грузинская делегация уехала из Екатеринодара. После отъезда делегации командование армии заняло по отношению Грузии выжидательное положение, не предпринимая никаких враждебных военных действий. Но граница для пропуска товаров была закрыта.

В течение лета 1918 г. в Сибири стало организовываться антибольшевистское движение. Московский Национальный центр, по соглашению с представителями Сибирских политических партий, решил

образовать в Сибири директорию*, в которую из состава Московского Национального центра должны были войти Н. И. Астров (бывший Московский городской голова) и другие лица. Василий Александрович Степанов в состав Директории не вошел. Возможно, что я ошибаюсь, указывая на первоначальное предположение включить его в состав Директории, но, насколько помню, об этом генералу Алексееву было сообщено из Москвы.

При образовании этой Директории командующим Сибирской армией был назначен генерал Болдырев, а его заместителем — генерал Алексеев. Генерал Алексеев был назначен «заместителем», конечно, только потому, что был на Кубани. Все же считали, что если он приедет в Сибирь, то, естественно, примет командование армией.

Генерал Алексеев, как мною уже отмечено, в период «Кубанского похода» занимался почти исключительно вопросами финансового характера и политическими. После занятия Екатеринодара, несмотря на безукоризненно хорошие отношения, бывшие между ним и генералом Деникиным, все же чувствовалось, что в работе по гражданской части происходят трения, так как некоторые однородные вопросы разрешались по управлению генерала Алексеева, а другие по штабу генерала Деникина.

Чувствовалось, что во главе всего дела должен стоять один человек. Генерал Алексеев это сознавал и решил, передав все дело на юге России генералу Деникину, самому ехать в Сибирь. В качестве своего будущего

---

* Летом 1918 г. (в июне) М. В. Алексеев получил от Национального центра из Москвы письмо (за подписями: М. М. Федорова, Н. И. Астрова, П. Б. Струве, Д. Н. Шипова, А. С. Белорусова, Н. К. Волкова, П. В. Герасимова, В. А. Степанова, Четверикова, Галяшкина, А. В. Карташева, Н. Н. Щепкина, В. И. Аранда-ренко, А. А. Червин-Водали, проф. Колокольцова, Н. А. Бородина), в котором указывалось на то, что, по-видимому, скоро наступит момент, когда Добровольческой армии нужно будет отойти на Волгу, чтобы стать там руководящей частью нового фронта, и выражалась надежда увидеть Алексеева во главе общего командования военными силами, под прикрытием которых должна образоваться русская национальная власть. В письме между прочим было сказано:

«Когда мы говорим об образовании власти, мы ставим себе форму раньше содержания. Мы думаем, что историческая Россия должна для своего воссоздания и воссоединения иметь монарха. Но из этого мы не строим себе кумира. Мы полагаем, что для переходного времени нужна сильная власть диктатора, но чтобы эта диктатура была приемлема для беспокойно и подозрительно настроенных масс, мы готовы принять предлагаемую «Союзом Возрождения» форму Директории с военным авторитетным лицом во главе. Для нас Вы, Михаил Васильевич, представляетесь и в этом качестве. Эта директория должна очистить территорию, установить порядок, подготовить население и дать ему новое основание для выборов в народное собрание, которое и должно установить окончательно форму правления».

начальника штаба он пригласил генерала Абрама Михайловича Драгомирова, который до их отъезда в Сибирь был назначен помощником к генералу Алексееву.

Отъезд в Сибирь генералов Алексеева и Драгомирова задержался вследствие болезни генерала Алексеева. Он не поправился и 25 сентября / 8 октября 1918 г. скончался.

После смерти генерала Алексеева генерал Деникин принял звание главнокомандующего Добровольческой армии, объединяя в своем лице высшую гражданскую и военную власть; генерал Драгомиров был назначен помощником главнокомандующего и председателем Особого Совещания (исполнявшего функции правительства), а я был назначен помощником главнокомандующего и начальником военного и морского управлений. Приехавший в Екатеринодар Н. И. Астров решил в Сибирь не ехать и вошел, без портфеля, в состав Особого Совещания.

1/14 ноября 1918 г. состоялось открытие Кубанской краевой рады. Я и еще два представителя от Добровольческой армии, по соглашению с кубанским правительством, вошли в состав рады как ее члены.

На открытии рады генерал Деникин произнес речь, из которой я привожу выдержки, указывающие программу дальнейшей работы командования Добровольческой армии.

«...В феврале месяце, видя полную невозможность оставаться и бороться на Дону, Добровольческая армия, предводимая генералом Корниловым, двинулась на Кубань. С тех пор судьбы ее тесно переплелись с судьбами Кубани и в боевом содружестве, и в перенесенных страданиях, и в тысячах братских могил, и в радости ратных побед.

Добровольцы шли в жару и стужу, переносили невероятные лишения, гибли тысячами... Шли бескорыстно: деревянный крест или жизнь калеки — были уделом большинства.

И только одна заветная мысль, одна яркая надежда, одно желание одухотворяло всех — спасти Россию...»

«...Может ли Кубань успокоиться и заняться только своими внутренними делами?

Нет. Пора бросить споры, интриги, местничество.

Все для борьбы. Большевизм должен быть раздавлен. Россия должна быть освобождена. Иначе не пойдет впрок ваше собственное благополучие, которое станет игрушкою в руках своих и чужих врагов России и народа русского.

Добровольческая армия, в рядах которой доблестно сражается множество кубанских казаков, явилась сюда не для завоеваний, а для освобождения...»

«...По мере роста сил Добровольческой армии и боевых успехов растет число ее друзей и крепнет злоба ее врагов.

Я с полным удовлетворением должен признать, что повсюду, по Кубанскому краю, среди родного нам по крови и по духу славного, приветливого, храброго кубанского казачества, Добровольческая армия встречала и встречает радушный сердечный прием и гостеприимный кров. Но в последнее время идет широкая агитация, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогретая людьми, которые жадными руками тянутся к власти, не разбирая способов и средств. Хотят поселить рознь в рядах армии и особенно между кубанскими казаками и добровольцами. Хотят привести армию в то жалкое состояние, в котором она была зимой 17 года. Это те самые люди, которые смиренно кланялись большевикам, скрывались в подполье или прятались за добровольческие штыки...»

«...В кровавой жестокой борьбе, близкого конца которой еще не видно, нельзя идти врозь...»

«...Не должно быть армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти».

«...я верую и исповедую, что великий русский народ, оправившись от болезни, стряхнув наваждение, станет вновь страшной силой, которая никогда не забудет ни тех держав, что в дни ее несчастия любовно, бескорыстно поддерживали его, ни тех, кто с небывалой жестокостью и эгоизмом, высасывали из него последние соки и толкали в бездну анархии».

«...нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть...»

«...единение всех государственных образований и всех государственно мыслящих русских людей тем более возможно, что Добровольческая армия, ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предрешает ни формы будущего образа правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю.

От нас требуют партийного флага. Но разве трехцветное знамя Великодержавной России не выше всех партийных флагов?.. Единение возможно и потому, что Добровольческая армия признает необходимость и теперь и в будущем самой широкой автономии составных частей Русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта.

И с чувством внутреннего удовлетворения я могу сказать, что теперь уже, не взирая на некоторые расхождения, выяснилась возможность единения нашего с Доном, Крымом, Тереком, Арменией, Закаспийской областью. Возможно единение и с Украиной, когда, быть может, ценою тяжких внутренних потрясений она сбросит с себя иноземное иго и вспомнит о сыновних обязанностях перед общей Ро-

диной; возможно и с мирным грузинским народом, когда изменится политика его правительства, которое воздвигло гонение на русских людей, присвоило себе русское государственное имущество, захватило в свое незаконное и несправедливое управление Сочинский округ и толпами красноармейцев угрожает русской Добровольческой армии».

«...Проходя свой крестный путь, считая себя преемницей Русской армии, Добровольческая армия в самых тяжелых, казалось, безвыходных обстоятельствах своей жизни, оставалась верной договорам с союзными державами и ни на одну минуту не запятнала себя предательством. События последних дней доказали, что прямая и честная политика вернее. И мы с открытой душой шлем свои сердечные пожелания доблестным войскам наших союзников...»

«...Я уверен, что Краевая Рада найдет в себе разум, мужество и силу залечить глубокие раны во всех проявлениях народной жизни, нанесенные ей изуверством разнузданной черни; создаст единоличную твердую власть, состоящую в тесной связи с Добровольческой армией; не порвет сыновней зависимости от Единой Великой России; не станет ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру в будущих Всероссийских законодательных учреждениях, и не повторит социальные опыты, приведшие к взаимной дикой вражде и обнищанию...»

В этой речи, как я уже отметил, изложены основания политики, которую проводил впоследствии генерал Деникин и состоявшее при нем Особое Совещание.

Надежда на то, что Кубанская краевая рада поймет необходимость тесного общения с командованием Добровольческой армии для правильной конструкции власти и откажется от мысли создать самостоятельное Кубанское государство, не оправдалась.

Председатель кубанского правительства и его единомышленники проводили мысль, что Кубань должна быть самостоятельным государством, которое должно объединиться на федеративных основаниях с такими же самостоятельными государствами — Украиной, Крымом, Доном, Тереком, союзом Кавказских горских народов, Грузией, и сюда же должны постепенно примыкать и освобождаемые от большевиков части России; что во главе этого союза должен стать Верховный Совет.

Рада большинством голосов высказалась за самостоятельность Кубанского государства. Представители Добровольческой армии из состава рады были генералом Деникиным отозваны.

Руководители кубанской политики на открытый разрыв не пошли; была назначена особая согласительная комиссия, но и она ни до чего договориться не могла. С этого времени началась открытая борьба самостийных представителей кубанского казачества с правительством (Особым Совещанием) генерала Деникина.

Глава XI

После упорных боев, длившихся с июня до декабря 1918 г., Добровольческая армия, совместно с кубанскими казачьими частями, очистила от большевиков всю Кубанскую область, Черноморскую губернию с Новороссийским портом и большую часть Ставропольской губернии. Во время этих боев потери с обеих сторон были велики.

К осени 1918 г. стало замечаться среди большевистских войск проявление большей дисциплины, поддерживаемой самыми жестокими мерами. Большевистские части научились драться с большим упорством и стали проявлять большую наступательную энергию. В значительной степени этому способствовал страх попасть в плен, так как, несмотря на все меры, принимаемые высшим начальством, с пленными наши войска расправлялись с большой жестокостью. Кроме того, перспектива отхода, в случае неудачи, в глубь Астраханских степей, где их ожидала голодная смерть, придавала им стойкость и упорство в боях.

Затяжной характер операций являлся отчасти следствием крайнего утомления войск Добровольческой армии*, ведших изо дня в день в течение 8 месяцев упорные бои и притом без всякой смены свежими частями. Даже очень успешные бои не заканчивались полным разгромом противника за отсутствием свежих сил для преследования. Наконец, хронически не хватало патронов и снарядов. В первый период Добровольческая армия добывала их путем захвата у тех же большевиков. Позднее стал приходить на помощь Дон, но в размерах, совершенно не соответствующих потребности. В течение сентября месяца были дни почти полного отсутствия патронов и снарядов.

В результате этой длительной и тяжелой операции силы большевиков, насчитывавшие не менее ста тысяч хорошо вооруженных и обильно снабженных припасами бойцов, были надломлены. Появились симптомы начавшегося разложения в их войсках. Начались массовые сдачи в плен, ссоры между старшими начальниками, обвинявшими друг друга в неудачах, в предательстве и т. п.

В ноябре долгожданная эскадра союзников вошла в Черное море, и явилась надежда на скорое получение обмундирования, вооружения и боевых припасов.

Присланные к генералу Деникину военные представители Англии и Франции заявили от имени своих правительств, что Англия

---

* При дальнейшем изложении, говоря «Войска Добровольческой армии», я буду подразумевать также кубанские, терские и астраханские казачьи части, а также горские части, как составлявшие одно целое с Добровольческой армией.

и Франция решили поддержать генерала Деникина в его борьбе против большевиков и что в ближайшем будущем в Новороссийск прибудут транспорты со всем необходимым для армий юга России.

Победа Держав Согласия в мировой войне, крушение Германии и в связи с этим уход немцев из районов как Европейской России, так и Кавказа, занятие англичанами Баку, появление флота союзников в Черном море и высадка англичан в Батуме, все это, казалось, должно было в недалеком будущем изменить как общую политическую обстановку на всем юге России, так, в частности, и в Закавказье.

Политика Германии после Брест-Литовского договора была построена на разделении России на отдельные части, на уничтожении ее как Великой Державы, на разжигании междоусобицы и поддержании искусственно вызванной классовой борьбы.

С победой Держав Согласия и с распадением Держав Центрального Союза надо было ожидать совершенно иного отношения со стороны союзников к России.

На основании заявлений прибывших к генералу Деникину военных представителей Великобритании и Франции, а также сообщений, получавшихся из Парижа и Лондона, создавалось вполне определенное впечатление, что союзники ясно определили свое отношение к России в смысле воссоздания ее как единой и неделимой. Представлялось, что только чисто Польские губернии отойдут от бывшей России для образования самостоятельной Польши.

Казалось, что только дабы облегчить переход к единому правительству и спасти части России от анархии, союзники выдвинули принцип временного поддержания в отдельных областях России образовавшихся правительств, стоящих на платформе воссоздания России.

Общее политическое состояние областей юга, юго-востока России и Сибири к началу / середине декабря 1918 г. было следующее:

Украина. После разгрома Центральных Держав на западе гетман Скоропадский изменил свою политику и призвал к власти новый русофильский кабинет с С. Н. Гербелем во главе.

После издания гетманом грамоты о федерации с Россией 5/18 ноября поднялось восстание украинских «самостийников», возглавлявшихся бывшими членами украинской центральной рады — Петлюрой, Винниченко и др. Целью восстания было свержение гетмана и провозглашение «социалистической Украинской народной республики» до прибытия союзников, дабы поставить их перед совершившимся фактом. Во главе республики была объявлена «директория» в составе Винниченко, Петлюры, Швеца и Андриевского.

В целях успешности восстания и привлечения в свои ряды широких народных масс «самостийники» вошли в контакт с местными

большевиками и со всеми другими политическими организациями, недовольными деятельностью гетманского правительства.

В народных массах Украины «украинское самостийное» движение сочувствия не встречало, но на почве общего недовольства гетманским правительством, допускавшим при восстановлении прав помещиков на землю самые жестокие репрессии по отношению крестьян, захвативших помещичьи земли и разграбивших экономии и усадьбы, провозглашение лозунга «за землю и волю» привлекло крестьянскую массу и городскую чернь на сторону руководителей самостийного движения. Возможность вновь захватить землю помещиков, пограбить и отомстить за репрессии, производившиеся под прикрытием немецких штыков, толкнула массу на сторону Петлюры и Винниченко.

В германских войсках, еще бывших на Украине, началось разложение и образовались свои «советы солдатских депутатов». Эти «советы», провозгласившие социалистические лозунги, конечно, всячески поддерживали движение, возглавляемое Петлюрой и Винниченко. Но и отношение к этому движению со стороны представителей германского командования, принявшего участие в переговорах с Петлюрой, давало основание предполагать, что создание анархии на Украине — в интересах германцев. Получалось впечатление, что германское командование способствует анархии, распространение которой может поставить в тяжелое положение войска Держав Согласия, если они прибудут в Малороссию.

Германия, лишенная возможности открыто продолжать борьбу с Державами Согласия, естественно, стремилась создать в России обстановку, при которой возможно было бы ей, в скрытом виде, продолжать эту борьбу.

Отряды украинской Директории, под предводительством Петлюры, быстро заняли Харьков, Екатеринослав, Полтаву, Одессу и ряд важных железнодорожных станций, окружив кольцом и Киев.

Гетман, находясь в Киеве, передал всю полноту власти на Украине генералу графу Келлеру, принявшему, с согласия генерала Деникина, незадолго до того командование Северной армией (в районе Пскова) и не успевшему выехать из Киева. Порядок в Киеве и других крупных центрах до их падения поддерживался почти исключительно малочисленными добровольческими дружинами. Сформированные при гетмане на Украине воинские части совершенно разложились.

Через несколько дней граф Келлер отказался от этого поста, мотивируя тем, что совет украинских министров не захотел ему подчиниться. Его место занял генерал-лейтенант князь Долгоруков, а 1/14 декабря 1918 г. гетман Скоропадский, не будучи в состоянии справиться с движением, отрекся от гетманства и, при содействии немцев, выехал из Киева.

4/17 декабря Киев был занят войсками Директории. Директория принялась за гонение всего русского. Отношение Директории к идее федерации с Россией определилось в следующем приказе: «Предоставляя украинскому рабочему народу полное обеспечение независимости национального развития, Директория решительно будет бороться с провозглашенными бывшим гетманом лозунгами федерации с Россией. Директория всеми силами будет отстаивать независимость республики украинского народа. Всякая агитация и пропаганда лозунгов бывшего гетмана о федерации будет Директорией караться по законам военного времени».

Издав декларацию о «земле и воле», восстановив действие универсалов бывшей Центральной Рады о социализации земли, новое правительство, как я уже сказал, привлекло первое время на свою сторону крестьянские массы и городскую чернь. Начались вновь разгромы экономий помещиков и владений зажиточных крестьян и казаков по всей Малороссии.

Для свержения гетмана Директория стала на путь, близкий к большевизму, и вскоре стала подпадать под влияние большевизма сначала внутреннего, а затем и внешнего. Всюду появились Советы рабочих и крестьянских депутатов и возобновился красный террор по отношению к офицерам и интеллигенции. Со всех мест, угрожаемых анархией, к командованию Добровольческой армии стали поступать просьбы о помощи.

Для обеспечения от захвата большевиками Донецкого угольного района, а также обеспечения от анархии северного побережья Азовского моря, в начале / середине декабря в Донецкий бассейн была двинута из состава Добровольческой армии одна пехотная дивизия.

6/19 декабря в г. Одессе высадился десант союзников (части 56-й пехотной французской дивизии) под начальством генерала Бориуса. При поддержке огня с французских судов отряд русских добровольцев-офицеров под начальством генерал-майора Гришина-Алмазова очистил город Одессу от банд петлюровцев. Генерал-майор Гришин-Алмазов был назначен военным губернатором Одессы.

Высадка союзных десантов в Одессе, а затем в Крыму и освобождение, по их настоянию, г. Николаева от петлюровских банд германскими войсками, поставили перед Украинской директорией вопрос об отношениях их к союзникам. Это в Директории вызвало раскол; во главе партии непримиримого отношения к союзникам стал Винниченко, а за соглашение с союзниками — Петлюра.

Крым. Как самостоятельное государственное новообразование начал существовать с прихода немцев и изгнания ими большевиков. Образовавшееся правительство генерала Сулькевича определенной политики не вело; под давлением немцев оно поддерживало местные татарские элементы во вред русскому большинству. Образовавшийся татарский

парламент «Курултай» придерживался туркофильской ориентации. В августе и сентябре была сделана попытка объединиться с Украиной; однако требования последней о полном подчинении Крыма встретило отказ последнего. Разрыв с Украиной привел к таможенной войне.

Правительство Сулькевича, не пользовавшееся в стране популярностью, пало с оставлением Крыма немцами. Новое правительство, во главе с С. С. Крымом[232], обратилось к командованию Добровольческой армии с просьбой прислать войска для обеспечения края, как от вторжения большевиков извне, так и для ограждения от восстаний местных большевиков. Просьба была исполнена, и небольшие отряды высажены в Керчи и в Севастополе.

В Крым был назначен особый командующий войсками; ему было поручено объявить мобилизацию в Крыму офицеров и приступить к формированию местных добровольческих отрядов. С крымским правительством установились вполне согласованные действия.

Дон. После геройской, упорной восьмимесячной борьбы донское казачество очистило от большевиков всю свою область, и к середине декабря 1918 г. были даже заняты южные уезды Саратовской и Воронежской губерний.

С выдвижением части Добровольческой армии в Донецкий бассейн возник вопрос о необходимости образовать единый фронт в направлении на север и, в связи с этим, осуществить идею единого командования.

Благодаря воздействию на атамана Войска Донского начальника британской миссии при Добровольческой армии генерала Пуля, генерал Краснов наконец согласился на подчинение Донской армии главнокомандующему Добровольческой армии, и 26 декабря 1918 г. / 8 января 1919 г. генерал Деникин отдал приказ, что по соглашению с атаманами Войск Донского и Кубанского он вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на юге России.

Терская область. В конце октября около пяти тысяч казаков, не желавших признать большевистскую власть, пройдя через Кабарду, присоединились к Добровольческой армии. К концу декабря Терская область находилась еще под властью большевистского правительства, образовавшегося во Владикавказе; многие районы области к этому времени находились в полной анархии, вытекавшей из сложных взаимоотношений между казаками и горцами.

Закавказье. Образовавшийся в 1917 г. в Закавказье высший орган власти — Закавказский сейм не признал советскую власть и заключенный ею Брестский договор, по которому к Турции должны были отойти Карская область и Батумский округ. Для заключения мира с Турцией 17 февраля / 2 марта 1918 г. в Трапезонд сеймом была командирована делегация с Чхенкели во главе. Переговоры затянулись, и 28 мар-

та / 10 апреля турки предъявили делегации Чхенкели ультиматум: признать Брестский договор или провозгласить отделение от России как основу для начала переговоров о перемирии. Первоначальное согласие Чхенкели признать Брестский договор вызвало раскол в Закавказском сейме. После этого, по инициативе того же Чхенкели, сейм 1/14 апреля провозгласил Закавказье независимой федеративной республикой.

Провозглашение независимости Закавказья развязало руки Турции, она отказалась признать Брестский договор и предъявила новые требования. Она потребовала присоединения к ней половины Эриванской губернии и части Тифлисской и Кутаисской губерний. В подкрепление ультиматума турки двинули войска в Закавказье.

Грузинское правительство, заручившись согласием Германии обеспечить охрану границ Грузии немецкими войсками, объявило независимость Грузии. 13/26 мая, по предложению грузинского правительства, Закавказский сейм объявил себя распущенным, и Закавказье распалось на три самостоятельных республики: Грузию, Азербайджан и Армению.

Грузия. 13/26 мая Грузия объявила себя самостоятельной социалистической республикой под протекторатом Германии. Деятельность грузинского правительства с первых же дней его существования ознаменовалась преследованием всего русского. Все оставшееся имущество Кавказского фронта было объявлено собственностью Грузии. Гонению подверглось в первую очередь русское офицерство и русские чиновники. Был проведен закон о принудительном гражданстве в Грузии. Пользуясь поддержкой Германии, Грузия заняла против воли населения Абхазию и Сочинский округ Черноморской губернии, откуда начался вывоз продуктов в Грузию и в Германию.

Азербайджан. Азербайджанская республика занимала Елисаветпольскую губернию, Бакинское градоначальство и Закатальский округ. С распадением общего закавказского правительства власть перешла в Азербайджанской республике к Национальному мусульманскому совету, выделившему из своего состава правительство из партии Муссават (буржуазно-умеренная, туркофильского направления) во главе с ханом Хойским[233]. С углублением турок в Закавказье оно потеряло свое значение, и власть в стране фактически перешла к турецкому командованию в Елисаветполе.

Армения. Несмотря на оккупацию Армении турками, она неизменно стремилась сохранить верность России и имела своего представителя при Добровольческой армии.

Сибирь. На Государственном совещании в Уфе, с 26 августа по 23 сентября / 8 сентября по 6 октября, в котором участвовали представители всех восточных частей России, освобожденных от власти большевиков, члены Учредительного Собрания 1917 г. и представители различных

политических партий и организаций, было избрано и назначено «всероссийское» правительство. В состав провозглашенной директории вошли: Н. И. Астров*, Н. Д. Авксентьев, генерал Болдырев, П. В. Вологодский и Н. В. Чайковский. Заместителями им были выбраны: А. А. Аргунов, М. В. Алексеев, В. В. Сапожников, В. М. Зензинов и В. А. Виноградов.

18 ноября / 1 декабря нами было получено известие от Русского посла в Афинах о происшедшем государственном перевороте в Омске. Директория была распущена, и вся полнота власти перешла к адмиралу Колчаку.

В середине декабря 1918 г. командование Добровольческой армией ставило себе первой задачей очистить от большевиков Северный Кавказ и Ставропольскую губернию. Представлялось необходимым прежде всего установить в этом крае полный порядок и нормальные условия жизни.

Обеспечив себе таким образом тыл и получив в этом районе, вместе с Кубанской и Донской областями, богатейшую продовольственную базу как для армии, так и для голодающих районов центральной России, было решено приступить к операциям для освобождения от большевиков Европейской России.

Командование Добровольческой армией всегда считало, что освобождение России от большевиков должно быть сделано русскими руками, при помощи исключительно русской вооруженной силы. Участие военной силы союзников признавалось крайне желательным лишь для поддержания порядка на той территории юга и юго-запада России, которая будет очищена для формирования русской армии.

Считалось, что занятие на этой территории главнейших центров вооруженными силами союзных держав дало бы возможность имевшимися в распоряжении командования Добровольческой армии силами обеспечить эту территорию от покушений большевиков извне, а на ней спокойно произвести мобилизацию и формирование новой армии. Присутствие союзных вооруженных сил должно было ускорить восстановление нормальной и спокойной жизни, а также работу торгово-промышленного аппарата.

Командование Добровольческой армией рассчитывало, что при получении от союзников необходимой материальной части в течение января и февраля 1919 г. и при обеспечении ими, при помощи своих вооруженных сил, порядка и спокойствия в тылу Добровольческой армии, формирование и организацию новой армии можно закончить

---

* Н. И. Астров в Сибирь не поехал, а, прибыв в Екатеринодар, вошел в состав Особого Совещания при генерале Деникине. Н. В. Чайковский был потом в составе правительства при генерале Миллере.

к маю месяцу 1919 г. и затем приступить, в полном согласии с адмиралом Колчаком, к последовательному очищению России от большевиков.

В середине декабря начались крупные успехи на Терском фронте Добровольческой армии. После ряда блестящих побед была захвачена железнодорожная линия Святой Крест–Георгиевск. 7/20 января 1919 г. была занята группа Минеральных Вод. Удар, нанесенный по важнейшим коммуникационным сообщениям противника, привел к полному разгрому его армии. Она разбилась на отдельные группы, лишенные единства командования и связи между собой.

Большая часть расстроенных большевистских частей бросилась на юго-восток вдоль железной дороги на Владикавказ, где была встречена терскими войсками генерал-майора Колесникова*.

Одновременно колонна англичан, высадившаяся в Петровске, была направлена вдоль железной дороги на Грозный, который большевики начали эвакуировать. 26 января / 8 февраля был занят войсками Добровольческой армии Владикавказ и Грозный и фактически закончилось очищение от большевиков Северного Кавказа.

В связи с очищением от большевиков Северного Кавказа, намечавшейся переброской частей Добровольческой армии в Малороссию и распространением влияния на запад, было предположено Ставку и центральные управления перевести в феврале месяце в Севастополь. Этот перевод признавался желательным и по внутренним политическим соображениям. Нахождение Ставки и центральных управлениий Добровольческой армии в Екатеринодаре создавало все более и более тяжелую атмосферу в отношениях с кубанскими политическими деятелями. Была уверенность, что при переходе на не казачью территорию повседневные мелкие дрязги и недоразумения отпадут и отношения наладятся.

Но, с одной стороны, встретился совершенно неожиданный протест против перехода Ставки в Севастополь со стороны французского командования, а с другой стороны, что главным образом и изменило первоначальное намерение, этому помешали события на фронте.

На Донецком фронте неудачи начались еще в середине / конце декабря 1918 г., когда после ряда серьезных боев донцам пришлось очистить почти полностью занятые ими раньше уезды Воронежской и Саратовской губерний. В течение января неуспехи на Донском фронте продолжались, и донцы, под давлением большевиков, отошли

---

* Войска генерал-майора Колесникова[234], оперировавшие в районе Петровска и к югу от Кизляра и Грозного, состояли из бывшего отряда полковника Бичерахова и различных местных Терских и Туземных формирований. Генерал-майор Колесников, еще до соединения с Добровольческой армией, прислал донесение, что он с отрядом считает себя подчиненным генералу Деникину.

на своих северном и восточном участках фронта, а также очистили ст. Миллерово и г. Бахмут.

Собравшийся в Новочеркасске большой войсковой круг выразил недоверие командующему Донской армии, и войсковой атаман генерал Краснов, считая, что этим выражается недоверие и ему, подал 1/14 февраля в отставку. 6/19 февраля Донским атаманом был выбран генерал Богаевский.

В течение февраля и марта усиленные бои продолжались по всему фронту Донской армии, которая постепенно отходила к югу, и на фронте Добровольческой армии в Донецком угольном бассейне, которым большевики стремились овладеть. Угольный Донецкий бассейн частям Добровольческой армии удалось отстоять; донцы же к концу марта принуждены были отойти к переправам на р. Маныч.

Большевистское командование, сумевшее к этому времени создать значительную по численности армию, одновременно с направлением главных сил против казачества и Добровольческой армии повело наступление от Екатеринослава и Харькова на Крым и приступило к очищению правобережной Малороссии от петлюровских банд.

Ошибочная политика французского командования в Одессе, не допустившего командование Добровольческой армии создать в районе Одессы прочную армию, привело к тому, что ко времени наступления большевиков на Херсон и Одессу в этой зоне, кроме французских и греческих войск, была только слабая по численности русская бригада[235] генерала Тимановского.

При наступлении большевиков на Украину, украинская Директория объявила войну советской России и через командированного в Одессу генерала Грекова[236] вступила в переговоры с французским командованием. Последнее, запутавшись в сложной политической обстановке в Одессе, поверило заявлению Директории (находившейся в то время в Виннице), что она, опираясь на доверие к ней крестьянства, выставит пятисоттысячную армию. Но Директория ничего серьезного создать не могла, и выставленное ею ополчение почти без сопротивления отходило перед войсками советского правительства.

26 февраля / 11 марта большевики атаковали французские войска у города Херсона. Французы и небольшой греческий отряд очистили Херсон и Николаев и на транспортах отошли к Одессе. Директория переехала в Тарнополь. Неудача под Херсоном, где союзники потеряли 400 человек (в том числе 14 офицеров), произвела тяжелое впечатление на французское командование.

К этому времени в Одесском районе находились: а) Части Вооруженных сил юга России: бригада генерала Тимановского — 3350 штыков, 1600 сабель, 18 легких орудий, 8 гаубиц и 6 броневых машин.

б) Союзные войска: две французских, две греческих и часть румынской дивизии, всего 30–35 тыс. штыков и шашек. Против этих сил со стороны большевиков действовало два советских полка местного формирования и ряд многочисленных, наскоро организованных отрядов, всего не более 15 тыс. штыков и сабель.

После занятия большевиками Херсона, вследствие неудачных действий местного французского командования, большевики одержали ряд частных успехов, несмотря на численное превосходство войск союзников. Опасаясь потерь и, по-видимому, не вполне уверенное в устойчивости своих войск, французское командование решило, по опыту Салоникского укрепленного района, создать в Одесском районе «укрепленный лагерь». 15/28 марта было приступлено к инженерным работам.

До 20 марта / 2 апреля не было абсолютно никаких признаков, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуации союзных войск из Одесского района. Вечером 20 марта / 2 апреля французское командование в Одессе получило директивы из Парижа и 21 марта / 3 апреля заявило начальнику штаба русских войск в Одессе, что от г. Пишона получена телеграмма о выводе всех войск из пределов России в трехдневный срок. Генерал Д'Ансельм, командовавший союзными войсками в южной России, приказал закончить эвакуацию Одессы в 48 ч.

Эвакуация как русских учреждений, бывших в Одессе, и гражданского населения, так и французских войск, началась 21 марта / 3 апреля и носила сумбурный, панический характер. 23 марта / 5 апреля в Одессе уже хозяйничал местный Совет рабочих и крестьянских депутатов. Последние французские суда покинули рейд Одессы 26 марта / 8 апреля; таким образом, закончить эвакуацию в 48-часовой срок, естественно, оказалось невозможным.

Назначенный чрезмерно короткий срок эвакуации Одессы отнюдь не вызывался обстановкой — ни военной, ни политической и мог быть смело увеличен до недели, в течение которой, при спокойных и надлежащих распоряжениях, можно было бы упорядочить эвакуацию, вывезти всех беженцев и наиболее ценное имущество.

При этой же эвакуации, носившей характер панического постыдного бегства, тяжело пострадало лояльное население города, и в особенности семьи чинов Добровольческой армии. Брошенные на произвол судьбы, потеряв последнее свое достояние, они в небольшом лишь числе, голодные и нищие, спаслись на транспортах. Большая же часть их была брошена и обречена на все ужасы большевистского насилия.

Бригада генерала Тимановского принуждена была отойти в Румынию, где по распоряжению французских властей была обезоружена и затем, испытав массу унижений и оскорблений, была на транспортах доставлена в Новороссийск.

Из английских источников мы впоследствии получили сведения, что эвакуация Одессы, вопреки мнению англичан, последовала по постановлению Совета «Десяти» в Париже, на основании донесений генерала Д'Ансельма и полковника Фрейденберга (начальника штаба при генерале Д'Ансельме) о катастрофическом продовольственном положении и «прекрасном» состоянии большевистских войск.

Еще в конце декабря 1918 г. небольшие части Добровольческой армии были выдвинуты на север Таврической губернии для прикрытия северных уездов Таврии, сохранение которых за нами представлялось крайне важным, так как в них имелись богатые продовольственные запасы.

С оставлением союзными войсками Херсона и Николаева положение частей Вооруженных сил юга России, действовавших в трех северных уездах Таврии и защищавших Крымский полуостров, стало крайне тяжелым. На левом берегу нижней части Днепра появились регулярные советские войска, и бывшие в этом районе разрозненные грабительские банды начали принимать правильную организацию; украинские войска атамана Григорьева перешли на сторону большевиков.

Под давлением превосходных сил противника слабые части Крымско-Азовской Добровольческой армии принуждены были отойти на Крымский полуостров. Прорыв нашего фронта у Перекопа и десант противника, произведенный у Геническа, заставил части армии продолжать отход, и к 1/14 апреля они заняли у Феодосии Акманайскую позицию, фланги которой обеспечивались огнем судовой артиллерии русских, французских и британских кораблей.

Непрочность положения в Крыму сознавалась и прибывшим в Севастополь 13/26 марта генералом Франше Д'Эспере, который тогда указал, что надо постараться продержаться в течение двух недель, после чего французами будет оказана помощь.

Гарнизон Севастополя состоял из двух батальонов 175-го пех. французского полка, одного батальона греков, двух батарей и небольшого числа вспомогательных французских войск; на берегу находился экипаж севшего на мель французского корабля «Мирабо». На рейде были французские, британские и греческие суда. Со дня на день ожидалось прибытие колониальных французских войск.

Французское командование заявило, что Севастополь ими оставлен не будет. 30 марта / 12 апреля прибыло 2000 алжирцев, а 1/14 апреля столько же сенегальцев. Командовал всеми союзными частями французской службы полковник Труссон.

30 марта / 12 апреля полковник Труссон и адмирал Амет (командующий французской эскадрой) предложили коменданту крепости генералу Субботину и командующему русским флотом адмиралу Саблину отдать распоряжение, чтобы все добровольцы, находящиеся

в Севастополе, и все учреждения Добровольческой армии немедленно покинули Севастополь.

Эвакуация гражданского населения началась еще 20 марта / 2 апреля. Около 2 ч ночи со 2/15 на 3/16 апреля адмирал Амет потребовал, чтобы все суда, которые предположено было увести в Новороссийск, вышли в море в течение ночи и утра 3/16 апреля. Днем 3/16 апреля ушел из Севастополя последний русский пароход «Георгий», на котором был штаб крепости, и крейсер «Кагул» под флагом командующего флотом.

После этого французы заключили с большевиками недельное перемирие, в течение которого закончили снятие с мели корабля «Мирабо» и затем оставили Севастополь.

В связи с неудачами на фронте начались волнения в Сочинском округе Черноморской губернии, а 4/17 апреля и грузинские войска перешли р. Бзыбь.

Главнокомандующий английскими силами генерал Мильн пригрозил грузинскому правительству, что если наступление не будет прекращено, то он пошлет британские войска. Инцидент был ликвидирован.

В этот тяжелый для Вооруженных сил юга России период положение на главном фронте было спасено благодаря тому, что весь Северный Кавказ был очищен от большевиков и явилась возможность освободившиеся части Добровольческой армии, Кубанского и Терского казачьих войск сосредоточить к угрожаемым районам.

Большевики к апрелю месяцу, сломив сопротивление донских частей, подошли к Манычу. Это направление наступления большевиков, грозившее разрезать на две части Вооруженные силы юга России, было наиболее опасно. Генерал Деникин все, что только возможно, сосредоточил на этом направлении. Положение было настолько серьезно, что в Екатеринодаре, как общий резерв, было приказано сформировать из тыловых учреждений офицерский отряд, к которому должны были быть приданы недавно перед тем привезенные англичанами танки.

Группа войск, сосредоточенная на Маныче, под начальством генерала барона Врангеля и под непосредственным руководством генерала Деникина, должна была решить участь всей операции. После ряда ожесточенных боев, преимущественно кавалерийских, генералу Врангелю удалось 7/20 мая сломить противника, который стал отходить. Явилась возможность усилить части, действовавшие в Донецком угольном районе.

В середине / конце декабря 1918 г. в Батуме высадилась английская дивизия под начальством генерала Форестье Уоккера, продвинувшаяся до Тифлиса. Бакинский район был занят английским отрядом под начальством генерала Томсона, подчиненного генералу Форестье Уоккеру. В Батумскую область, в качестве генерал-губернатора, был назначен британский генерал Кук-Коллис.

Отношение этих начальствующих лиц к Вооруженным силам юга России было различное. В Баку наш представитель встретил к себе сначала самое корректное отношение, и получалось впечатление, что с русскими интересами в Бакинском районе англичане считаться будут. В Тифлисе генерал Форестье Уоккер с самого начала своего там пребывания стал определенно на сторону грузинского правительства, поддерживая его в разногласиях с командованием Вооруженных сил юга России из-за Сочинского округа.

В Батумской области для управления областью был образован при генерал-губернаторе «Совет» в составе 9 лиц. Права Вооруженных сил юга России на Батумскую область англичанами совершенно не признавались, и ясно было, что они, оккупировав область, впредь до выяснения в будущем вопроса о ее судьбе Державами Согласия, считают только себя хозяевами в ней.

Получалось отчетливое впечатление, что англичане собираются в Закавказье вести особую политику, поддерживая отделение от России образовавшихся там республик, а Батум, как вывозной порт для нефти, насколько возможно дольше сохранить в своих руках.

Весенний период 1919 г. ознаменовался не только крупными неудачами на фронте Вооруженных сил юга России, но и полным разочарованием в размерах той помощи, которую мы ожидали от союзников, основываясь на заявлениях их представителей при армии. Несмотря на ряд телеграмм, посылавшихся в Англию военным представителем Британии генералом Пулем, транспорты с обещанным материалом и вооружением не приходили.

3/16 февраля 1919 г. прибыл генерал Бригс, заменивший генерала Пуля. 6/19 февраля прибыл в Новороссийск первый транспорт с вооружением, снаряжением, одеждой и другим снабжением; вслед за этим транспортом должны были прийти другие и доставить все необходимое по расчету на 250-тысячную армию.

Еще в ноябре 1918 г., согласно заявлению, сделанному генералом Бертело (был главнокомандующим армиями союзников в Румынии, Трансильвании и на юге России) генералу Щербачеву (был военным представителем генерала Деникина сначала в Румынии, а затем адмирала Колчака и генерала Деникина в Париже), для занятия важнейших центров на юге России было предположено двинуть двенадцать дивизий союзных войск (французских и греческих). Присылка союзных войск в Одессу и Крым рассматривалась как начало проведения в исполнение намеченного плана. После же эвакуации Одессы и Крыма стало ясно, что на новую присылку союзных войск мы рассчитывать не можем.

Намеченный первоначально план спокойного формирования армии в районах, обеспеченных союзными войсками и прикрытых

со стороны большевиков Вооруженными силами юга России, рухнул. После приезда в Екатеринодар главнокомандующего британскими войсками на Ближнем Востоке генерала Мильна (весной 1919 г.) стало ясно, что помощь союзников ограничится присылкой снабжения для армии и моральной поддержкой.

Размер снабжения по расчету на 250-тысячную армию, на первый взгляд, казался достаточным, но если принять во внимание, что это снабжение должно было прибывать постепенно, на протяжении долгого времени, то при громадной убыли в армии (ранеными, убитыми, пленными и дезертирами) ясно было, как это впоследствии и подтвердилось, что некоторых категорий снабжения, особенно обмундирования, должно было не хватить.

Перед командованием Вооруженных сил юга России стала задача выполнить тот же план по освобождению от большевиков России, но в несравненно более трудных условиях, чем это намечалось первоначально. Положение затруднялось еще тем, что с потерей Одессы, северного побережья Черного моря и Крыма и невозможности рассчитывать на скорое возвращение обратно оставляемых районов, утрачивалась надежда на скорое восстановление нормальной торгово-промышленной жизни края, а вместе с этим терялась возможность получить от союзников кредит, без которого являлось почти безнадежным воссоздать и наладить нормальную жизнь в России.

Одесская добровольческая бригада генерала Тимановского, отошедшая в Румынию при оставлении Одессы французами, стала прибывать на судах в Новороссийск 21 апреля / 4 мая. В результате своих мытарств прибывшие части бригады не имели ни одной лошади, ни одной походной кухни, ни одной повозки, ни одной палатки. Артиллерия представляла только один личный состав. Люди два месяца не были в бане и многие два месяца не меняли белья. Вообще вид людей был самый жалкий, ободранный. Надо сказать правду — прибытие в таком виде бригады, работавшей под Одессой совместно с французами, отошедшей по их же требованию в Румынию и там разоруженной, произвело удручающее впечатление и вызвало взрыв негодования против французов.

К маю вся Малороссия снова превратилась в театр гражданской войны. В ней боролись самые разнообразные течения, объединенные лишь общей ненавистью к советской власти и к установленному ею режиму.

Наиболее крупными восстаниями против советской власти руководили на юге Малороссии — Григорьев (первоначально ставший на сторону советской власти) и Махно. Восстания в Екатеринославской губернии облегчали боевую работу Добровольческой армии в Донецком каменноугольном районе.

Появление в первых числах мая в этом районе танков произвело ошеломляющее впечатление на дрогнувшие советские войска. В общем, период с 21 апреля / 4 мая по 15/28 мая ознаменовался полным разгромом красных на р. Маныч и в каменноугольном Донецком районе. Кавказская армия, под начальством генерала Врангеля, одержала ряд серьезных успехов на Царицынском направлении.

После 15/28 мая боевые успехи продолжали развиваться на всех фронтах армий юга России. Преследуя разбитого на линии Манычских озер противника, части Кавказской армии к 31 мая / 12 июня подошли к самому городу Царицыну. После упорных боев 17/30 июня заранее укрепленная красными позиция была взята, и г. Царицын был занят армией генерала Врангеля. На фронте Донской армии донцы вошли в связь с восставшими казаками Верхне-Донского округа, а к 15/28 июня очистили от большевиков всю свою область.

К этому же времени были очищены от большевиков большая часть губерний Харьковской (Харьков был нами занят 11/24 июня) и Екатеринославской и почти вся территория Крыма. Развивая достигнутые успехи, наши части вступили в пределы Саратовской, Тамбовской, Воронежской и Полтавской губерний.

Столь успешному продвижению наших войск в значительной степени способствовала начавшаяся деморализация советских войск. Получалось впечатление, что сопротивление большевиков окончательно сломлено и что они не в силах сдерживать наступление наших войск на север.

Но главнокомандующий и его штаб отлично понимали, что наше положение недостаточно прочно, так как фронт Добровольческой армии страшно растянулся, везде был слаб и не было свободных резервов.

С одной стороны, требовалось остановиться, пополнить убыль в рядах, образовать резервы, привести в порядок тыл; но с другой стороны, рискованно было давать противнику передышку, являлся соблазн развивать успех, не давать оправиться расстроенным частям войск советского правительства.

После занятия Харькова и Царицына для развития дальнейших операций можно было поступить двояко:

Перейдя к обороне у Царицына взять из состава Кавказской армии генерала Врангеля все, что только возможно (считали, что можно взять 3–4 конных дивизии), перевезти их на Харьковский фронт и развивать наступление по кратчайшему направлению на Москву.

Или же, перейдя к обороне на Харьково-Московском направлении, развивать операции от Царицына на Саратов, с целью занятия этого важного пункта и затем уже, с юго-востока, перейти в наступление на Москву.

Первое решение, по мнению некоторых, сулило более быстрое занятие Москвы и скорейшее завершение борьбы. Другие же считали, что

лучше принять второе решение, которое даст возможность оказать более действительную помощь армиям адмирала Колчака и, кроме того, облегчить пополнение и приведение в порядок Добровольческой армии, которая, когда обстановка потребует, перейдет в наступление на Москву с юга.

Генерал Деникин приказал командующему Кавказской армией генералу Врангелю начать операции в направлении на Саратов. Командующему Добровольческой армией генералу Май-Маевскому приказано было, не зарываясь вперед, продвинуть к северу и западу авангарды для надежного прикрытия Харьковского района и принять самые энергичные меры для пополнения армии и для устройства ее тыла.

Несмотря на благоприятное развитие военных операций на всех фронтах армий юга России, внутреннее политическое состояние к 1/14 июня приняло крайне тревожное положение.

По мере отдаления большевистской опасности политические деятели казачьих областей стали проявлять все большее и большее стремление отделаться от какого бы то ни было вмешательства генерала Деникина и состоящих при нем органов власти в государственную жизнь казачьих областей. Затем политические деятели казачьих областей указывали, что так как казачество в рядах Вооруженных сил юга России является по численности главной силой, на которую опирается главное командование, то оно не только имеет право, но должно принимать непосредственное участие в государственном строительстве в освобождаемых от большевиков районах России.

Будучи совершенно несогласными с конструкцией власти, установленной генералом Деникиным, и отрицая правильность назначения министров (начальников управлений) единоличной властью главнокомандующего, они продолжали настаивать на создании юго-восточного союза, со включением в него и Кавказских государственных новообразований. Добровольческая же армия, по их мнению, могла войти в состав союза лишь как равноправный член.

При этих условиях значение командования Добровольческой армии совершенно обезличивалось бы, и являлось серьезное опасение, что цели и идеи борьбы с большевиками, по воссозданию Единой Великой России, провозглашенные адмиралом Колчаком и генералом Деникиным, будут совершенно извращены.

Генерал Деникин, не отрицая необходимости договориться с казачеством и устранить все трения, не соглашался на разрешение вопроса в том виде, как предлагали представители казачества, и отношения между ними и командованием все более и более портились.

Не возражали представители казачества лишь против полного подчинения казачьих войск генералу Деникину в оперативном отношении. Но и здесь чувствовалась возможность в будущем серьезных недоразумений:

среди политических деятелей казачества было много таких, которые свои личные и местные интересы ставили выше интересов государственных и которые не возражали против полного подчинения казачьих воинских частей ген. Деникину только вследствие того, что знали, что весь казачий командный состав будет подчиняться генералу Деникину и что этот вопрос открыто они поставить не могут. Эти господа начали агитацию и пропаганду в казачьих войсках и пытались проводить мысль, что казачество должно вести борьбу с большевиками лишь до полного освобождения казачьих областей от посягательств со стороны советской власти.

Особое неудовольствие и даже ненависть политических деятелей казачьих войск было направлено против Особого Совещания, состоявшего при генерале Деникине и проводившего в жизнь программу, им провозглашенную. Интересно отметить, что этими лицами Особое Совещание никогда гласно не отождествлялось с генералом Деникиным, как будто это был какой-то совершенно обособленный, зловредный орган, проводивший свою, а не генерала Деникина, политику.

Но это понятно. Большинство из этих «политиков» были мелкие местные деятели, не отличавшиеся достаточным гражданским мужеством и не смевшие вступить в открытую борьбу с генералом Деникиным, за которым стояла не только Добровольческая армия, но и казачьи войска.

Зато Особое Совещание и его отдельные члены мешались с грязью и против них велась открытая и непримиримая борьба, как путем выступлений в казачьих законодательных учреждениях, так и путем печати и пропаганды в районах казачьих областей. Особенно старались представители так называемых «самостийных» кругов Кубанского казачьего войска.

Серьезность создавшегося положения в тылу борющихся за освобождение России армий не могла не беспокоить главное командование. Прибывшая к этому времени (25 мая / 7 июня) из Парижа делегация от политического совещания, в составе генерала Щербачева, Аджемова и Вырубова, осветила положение русского вопроса на мирной конференции в смысле возможности признания единого Всероссийского правительства в лице Верховного Правителя адмирала Колчака, в случае признания его всеми борющимися против большевиков в России силами.

Подобное признание, несомненно, повлияло бы на отношение правительств Держав Согласия к домогательствам отдельных государственных новообразований в отрицательную для них сторону и тем самым вырвало бы почву из-под их ног.

Генерал Деникин решил признать адмирала Колчака и 30 мая / 12 июня отдал следующий приказ:

«Безмерными подвигами Добровольческой армии, Кубанских, Донских и Терских казаков и Горских народов освобожден юг России, и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России.

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий, с верой, надеждой и любовью.

Но наряду с боевыми успехами, в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России.

Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном командовании.

Исходя из глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русской армии.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России».

К сожалению, начавшиеся неудачи на Сибирском фронте аннулировали значение этого приказа.

Военный представитель Великобританского правительства при генерале Деникине Бригс был заменен генералом Хольманом. Мы все были крайне огорчены отъездом генерала Бригса, показавшего себя искренним другом России и помогавшего Вооруженным силам юга России всем, чем только он мог. На прощальном обеде, дававшемся в честь генерала Бригса 30 мая / 12 июня, он между прочим сказал: «Здесь в Екатеринодаре творится великое дело. Дела на всех фронтах блестящи. Не то в тылу. Здесь мелкие политиканы занимаются мелкими интригами, в то время как необходимо единство... Я надеюсь, что смогу принести Добровольческой армии в Лондоне большую пользу, чем я мог бы сделать, оставаясь в Екатеринодаре».

Генерал Хольман привез генералу Деникину письмо от военного министра Великобритании Винстона Черчилля, в котором, между прочим, было сказано: «Цель приезда генерала Хольмана — всяческим образом помочь Вам в Вашей задаче сломить большевистскую тиранию». Генерал Хольман, как и французские военные представители, до самого конца самым горячим образом поддерживал генерала Деникина.

С продвижением наших армий в глубь России стал на очереди вопрос о восстановлении в освобождаемых районах органов администрации и разрушенных в корне аппаратов местного городского и земского самоуправлений. Было отдано распоряжение, чтобы немедленно после освобождения от большевиков новых территорий назначалась на места губернская и уездная администрация, устраивался судебный аппарат, формировались в каждой губернии бригады государственной стражи и восстанавливалась деятельность органов городского и земского самоуправлений.

Отчасти недостаток выбора для назначения подходящих лиц, а отчасти ничтожное денежное содержание, установленное для оплаты

служащих, крайне затрудняло назначение на должности, и на ответственные места часто попадали совершенно неподходящие люди, или не справлявшиеся со своим делом, или бравшие с населения взятки и допускавшие всевозможные злоупотребления. По этим же причинам, а также вследствие недостатка вооружения и обмундирования, формирование государственной стражи встретило большие затруднения, и порядок в тылу не налаживался.

Некоторые затруднения и недоразумения вызвала попытка донского войскового круга установить свой порядок управления в тех районах России, которые занимались Донской армией. Это было тем опасно, что законы, проводившиеся через донской круг, были отличны от законов, проводимых главнокомандующим через Особое Совещание.

Не допуская установления разнообразного порядка управления в освобождаемых смежных губерниях, генерал Деникин принужден был 6/19 июня отдать следующий приказ: «Все занимаемые на юге России территории, лежащие вне пределов областей казачьих войск, в границах их существования до 28 октября / 10 ноября 1917 г., поступают в управление Верховного Правителя России, а временно — в управление главнокомандующего Вооруженными силами на юге России».

Крупные успехи армий на фронте омрачались донесениями, что крестьяне освобожденных от большевиков районов начинают изменять свое первоначальное отношение к армии вследствие того, что во многих местах началось, при помощи войск, восстановление в правах помещиков.

Генерал Деникин 9/22 июня обратился к командующим армиями со следующей телеграммой: «По дошедшим сведениям, вслед за войсками при наступлении в очищенные от большевиков места являются владельцы, насильственно восстанавливающие, нередко при прямой поддержке воинских команд, свои нарушенные в разное время права, прибегая при этом к действиям, имеющим характер сведения личных счетов и мести.

При том смятении и путанице, которые внесены в жизнь гражданской войной и большевистским владычеством, при полном разрушении судебного и административного аппаратов воинские части не могут принимать на себя обязанности разбираться с должными гарантиями справедливости в спорных правовых взаимоотношениях.

Власти обязаны в переходное время, впредь до установления законного порядка, предупреждать всякие новые очевидные захваты прав, не разрешая прежних споров и не допуская насилия с чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы оно ни делалось.

Урегулирование этого вопроса принадлежит законодательной власти.

Насильников как с той, так и другой стороны буду привлекать к суду. Всякие направленные к тому самочинные, путем насилия, действия

отдельных лиц или групп должны пресекаться самым настойчивым образом. Иначе порядку не скоро суждено восстановиться; взаимное ожесточение будет расти, авторитет и популярность армии падет; вместо одного насилия появится другое, население не будет видеть в войсках Добровольческой армии избавителей от произвола, а пристрастных заступников за интересы одного класса в ущерб другим».

В связи с признанием генералом Деникиным власти адмирала Колчака у главнокомандующего состоялось заседание при участии атаманов и председателей правительств казачьих войск.

Представители казачьих войск не возражали против признания адмирала Колчака Верховным Главнокомандующим, но относительно признания его Верховным Правителем России высказались, что решение этого вопроса принадлежит компетенции законодательных учреждений областей. Вместе с этим представители казачества указали на то, что при создании Всероссийской власти и определения ее задач казачество считает необходимым руководствоваться декларацией Донского Войскового круга, объявленной 1/14 июня.

Декларация Войскового Круга Всевеликого Войска Донского

«Войсковой Круг Всевеликого Войска Донского, прерывая свои работы до следующей сессии, считает необходимым огласить во всеобщее сведение основные начала, коими он руководствуется в деле государственного строительства, и указать ближайшие задачи законодательства.

1) Главнейшей целью в настоящее время Войсковой Круг считает решительную борьбу с большевизмом, поправшим закон, разорившим трудовое состояние народа и повергшим Россию в бездну анархии. Продолжение этой борьбы, необходимой для спасения России, Круг мыслит в условиях верности доблестным Союзникам нашим и в непременном боевом сотрудничестве не только с армиями Колчака, Деникина, казачеством и горцами, но и самим русским народом, по мере продвижения боевых сил за пределы Войска.

2) Войсковой Круг считает виновными в постигшем Россию развале главным образом вдохновителей большевизма — комиссаров и так называемых коммунистов, насилующих русский народ террором в своекорыстных целях, и не допускает мысли о мести в отношении к широким народным массам, хотя бы и брошенным в братоубийственную бойню безумной рукой политических проходимцев.

3) Будущую Россию Войсковой Круг мыслит как единую свободную демократическую страну с государственным устройством, какое будет дано ей волей и разумом самого народа на новом Учредительном Собрании, которое должно быть созвано на началах всеобщего,

прямого и равного избирательного права, при тайном голосовании. Войсковой Круг считает, что это право — самому решить свою судьбу — есть неотъемлемое достояние русского народа, оправданное его страданиями, и не допускает мысли, чтобы кто бы ни было и каким бы то ни было способом посягнул на это право.

4) Непременными условиями будущего устройства России Круг считает: а) государственную автономию с правом законодательства по вопросам местного значения и правом заключения областных политических, экономических и национальных союзов и б) правовой порядок, действительно обеспечивающий гражданские свободы, огражденные законом и системой управления.

5) Неотложной задачей строительства жизни на местах, по мере продвижения боевых сил за пределы Войска, Войсковой Круг считает принятие всех мер к незамедлительному восстановлению там нормального правопорядка, основанного на законе, с отменой исключительных положений и восстановление органов земского и городского самоуправления.

Непременным условием такого строительства жизни на местах Круг считает организацию временной, до Учредительного Собрания, Всероссийской власти, в которой принимали бы участие государственные образования, ведущие активную борьбу за восстановление России.

б) Очередной задачей рабочего законодательства, строительство которого должно проходить в сотрудничестве с рабочим представительством, Войсковой Круг ставит повышение производительности и обеспечение труда от эксплуатации государством или капиталом. В частности, основаниями рабочего законодательства Войсковой Круг полагает: а) право профессиональных союзов для обеспечения экономических интересов рабочих, б) восьми часовой рабочий день в фабрично-заводских предприятиях, в) учреждение примирительных камер и промысловых судов, г) развитие государственного страхования рабочих, д) охрану здоровья трудящихся, в частности, женщин и детей, и е) борьбу с безработицей.

7) Круг уже принял закон о земле, утвержденный на принципе, что земля принадлежит трудящимся на ней, и отчужденные земли крупного и среднего частного землевладения выделил в особый фонд для наделения землей малоземельного и безземельного казачьего и коренного крестьянского населения Войска.

Убежденный в исключительной политической важности земельной реформы, Круг считает недопустимым решение земельного вопроса за пределами Войска в форме возвращения дореволюционных земельных отношений или ликвидацию земельных отношений революционного времени в порядке административных штрафов и изысканий.

8) Коренное крестьянское население области Войсковой Круг мыслит как полноправный в гражданском и политическом отношении

элемент и озабочен вопросом об обеспечении его права на участие в самоуправлении и законодательстве.

9) Неотложной ближайшей заботой Войсковой Круг считает заключение в кратчайший срок Юго-Восточного Союза, в первую очередь с Тереком и Кубанью, для укрепления экономической мощи края и утверждения кровью добытых автономных прав, при дружном боевом содружестве с Главным Командованием Юга России в деле осуществления общих задач по воссозданию единой Великой Родины — России.

10) Разработку законопроектов по содержанию настоящей декларации Круг поручает правительству и комиссии законодательных предположений Войскового Круга».

Ясно было, что никакое признание адмирала Колчака не изменит запутанного положения на юге России до тех пор, пока нам не удастся договориться с казачеством. Совещание, собранное генералом Деникиным, признало необходимым в возможно ближайшее время достигнуть соглашения между казачеством и представителями главного командования по вопросам о создании на юге России единой правительственной власти.

Для участия в работах конференции казачьих войск по созданию Южно-Русской власти представителями от главного командования были назначены: М. М. Федоров, Н. В. Савич, В. Н. Челищев, А. С. Щетинин и В. П. Носович.

Представители политических групп (Союза Возрождения, Совета государственного объединения и Всероссийского Национального центра), с целью поддержать генерала Деникина и укрепить его положение, на объединенном заседании 5/18 июня приняли следующую резолюцию:

«Пятого июня, собравшись в торжественном объединенном заседании, значительнейшие русские политические организации: Союз Возрождения России, Совет Государственного Объединения России и Всероссийский Национальный центр засвидетельствовали общее согласие взглядов и полное единодушие в высокой оценке исторического акта, изданного генералом Деникиным 30 сего мая.

Названные организации, объединяющие в своем составе представителей самых различных партий и групп и имеющие свои разветвления по всей стране, сомкнутым национальным фронтом встречают радостную и волнующую весть о воскрешении Русского государства, как Единого Целого. Видя в этом событии залог дальнейшего исцеления, возрождения и преуспеяния России, русские политические организации приветствуют генерала Деникина, в самозабвенном подвиге служения России неуклонно сохранившего идею единства России и провозгласившего ее государственное объединение под властью Верховного Правителя.

Политические организации, собравшиеся в настоящем заседании, выражают твердую уверенность, что Верховный Правитель России, торжественно возвестивший о своем обязательстве довести страну до Учредительного Собрания, имеющего заложить основы новой жизни согласно воле народа, будет приветствован широкими народными массами как избавитель от тирании большевиков и глава объединенной России; Всероссийское же правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком, получит санкцию международного признания.

Да здравствует воскресшая Россия. Да здравствует Единое Русское Государство и его доблестные вожди адмирал Колчак и генерал Деникин, взявшие на себя подвиг возрождения России к новой свободной жизни. Подписали: Председатель Национального центра Федоров, Председатель Совета Государственного Объединения России Кривошеин, Председатель Союза Возрождения Мякотин».

Признание власти адмирала Колчака вызвало необходимость разрешения ряда вопросов первостепенной государственной важности. Главнокомандующим 8/21 июня была командирована в Париж специальная делегация в составе председателя Особого Совещания генерала А. М. Драгомирова и членов Особого Совещания Н. И. Астрова, К. Н. Соколова и А. А. Нератова. Впоследствии к ней должен был присоединиться М. В. Бернацкий.

Делегации было поручено передать из Парижа адмиралу Колчаку подробный доклад об организации управления на юге России и получить от Верховного Правителя соответствующие указания. Затем на делегацию была возложена задача постараться познакомить политических деятелей в Париже и Лондоне с истинным положением дел на юге России и разрешить ряд экономических, финансовых и торговых вопросов, не терпящих отлагательства.

На время отсутствия генерала Драгомирова я был назначен временно исполняющим обязанности председателя Особого Совещания с оставлением в должности начальника военного управления.

В ночь на 14/26 июня в Ростове был убит председатель краевой кубанской рады Н. С. Рябовол, бывший членом конференции по созданию Южно-Русского союза. Убийца не был открыт, но упорно распространялись слухи, что он офицер Добровольческой армии, гвардеец-монархист.

В кубанском официальном органе «Вольная Кубань» появилась статья за подписью «Ю. Разумовский», которая кончалась так: «Говорят о возможности ухода кубанцев с фронта. Говорят и сами пугаются, так как все отлично сознают, что на фронте, там далеко — кубанцы, терцы, донцы, а добровольцы ютятся в штабах, театрах и интендантствах».

На торжественном заседании в Екатеринодаре двух кубанских рад (краевой и законодательной), посвященном памяти Н. С. Рябовола,

некоторые ораторы, определенно намекая, что убийство совершено офицером Добровольческой армии — монархистом, открыто возбуждали против Особого Совещания, проводящего якобы преступную помещичью политику и стремящегося, вопреки воле народа, вернуть Россию к «старому режиму».

Начиная с этого времени, агитация на Кубани и среди кубанских частей, направленная против идей, проводимых главным командованием, а в частности, против Особого Совещания, — усилилась.

Успехи Добровольческой армии, занятие Харькова и Екатеринослава, вступление передовых отрядов в Полтавскую губернию — серьезно отразилось на положении советской власти в Малороссии. В Полтавской губернии после 15/28 июня восстание против «советов» охватило весь район губернии. Повстанческое командование предъявило Украинскому советскому правительству ультиматум, требуя немедленно отказаться от власти.

Советская власть объявила Киев, Одессу, Херсон и Николаев на осадном положении. В то же время Петлюра, учитывая возможность занятия в ближайшее время всей Малороссии войсками Добровольческой армии, собрал остатки своих войск и повел решительное наступление от Галицийской границы на Киев. Разложившиеся большевистские войска не могли дать отпора даже петлюровским, почти неорганизованным войскам, и 26 июня / 9 июля войска Петлюры прервали сообщение Киева с Одессой, заняли Жмеринку и повели наступление на Киев. В этот же период, 16/29 июня, нашими войсками было закончено очищение от большевиков Крыма.

Несмотря на первоначальное решение не зарываться вперед и не растягивать свои и без того слабые силы, слагавшаяся обстановка на правом берегу Днепра соблазняла отступить от первоначального плана. Занятие таких центров, как Одесса и Киев, представлялось слишком заманчивым. 29 июля / 11 августа был занят Кременчуг, 1/14 августа части Добровольческой армии подошли к Курску, а затем были заняты Одесса и Киев (18/31 августа). Кавказская армия после занятия 15/28 июля Камышина приблизилась на 60 верст к Саратову. Дальнейшие операции в направлении на Саратов успехом не увенчались.

Противник понял всю серьезность угрозы коммуникационным путям своего Восточного фронта и, временно пренебрегая продвижением Добровольческой армии от Харькова к северу, сосредоточил все, что мог, к Саратову и перешел в наступление против Кавказской армии. Значительные силы противник перевел к Саратову с Сибирского фронта.

Обрушившись на Кавказскую армию, ослабленную тысячеверстным походом и выделением части своих сил на Харьковский фронт,

противник отбросил ее к югу. Отошедшие к Царицыну части Кавказской армии были настолько ослаблены, что не представляли из себя уже серьезной силы, и на армию была возложена задача удержать Царицын и способствовать с севера операциям генерала Эрдели против Астрахани (развивались вдоль побережья Каспийского моря).

С освобождением от большевиков Крыма, Екатеринославской и Харьковской губерний признано было возможным осуществить прежде намечавшийся перевод штаба главнокомандующего и Особого Совещания с территории Кубанского казачьего войска.

Было стремление расположить эту учреждения вообще вне территории казачьих войск. Но вследствие невозможности иметь достаточно помещений в небольших городах юга России, пришлось остановиться на выборе Таганрога для штаба и Ростова для учреждений Особого Совещания. Ставка 15/28 июля перешла в Таганрог, а центральные управления Особого Совещания несколько позже в Ростов.

Размещение главнокомандующего со штабом в одном месте, а управлений Особого Совещания в другом, при скверном железнодорожном сообщении, вызывавшем на поездки главнокомандующего в Ростов или начальников управлений в Таганрог потерю целого дня, было более чем неудачно.

Правда, главнокомандующий при этих условиях имел возможность располагать большим временем для работ с начальником штаба, но дело гражданского управления от этого страдало. Если прибавить к этому, что у нас вообще не была строго разграничена компетенция штаба и некоторых центральных управлений, то станет понятно, что с размещением их в разных пунктах стали возникать различные трения и недоразумения.

24 августа / 6 сентября вернулась из Парижа делегация во главе с председателем Особого Совещания. Генерал Драгомиров был назначен главноначальствующим и командующим войсками Киевской области, а мне было указано продолжать исполнять обязанности председателя Особого Совещания.

С переходом штаба в Таганрог я видел главнокомандующего только раз в неделю и не был поэтому в курсе всех текущих ежедневных оперативных распоряжений.

Издали получалось впечатление, что основная директива не зарываться вперед, а заняться приведением в порядок войск и устройством тыла, нарушалась войсками Добровольческой армии самовольно; причем с продвижением войск вперед и занятием все новых и новых пунктов штаб мирился как с совершившимся, и притом приятным, фактом.

Курск был занят для более надежного прикрытия Харькова и обеспечения железнодорожного сообщения в пределах Харьковской области. Части же войск, выдвинутые для обеспечения Курска, как магнитом

тянулись к северу. Противник серьезного сопротивления не оказывал, и части постепенно продвигались вперед, стараясь скорее приблизиться к Москве. В октябре был занят Орел.

Но наряду с успехами на фронте из тыловых районов армии все чаще и чаще стали поступать сведения о возрастающем неудовольствии среди крестьян и рабочих. Неудовольствия и возмущения среди крестьян происходили вследствие участившихся случаев бесплатных реквизиций, грабежей и поддержки войсками помещиков, вымещавших на крестьянах свои потери и убытки. Недовольство рабочих объяснялось главным образом тем, что приход Добровольческой армии не улучшал условий их жизни, которые становились все более и более трудными.

В конце сентября генералу Деникину была представлена следующая справка:

«Всюду, куда приходит Добровольческая армия, крестьянство — и великорусское и малорусское — встречает ее с радостью, как избавительницу от бесчинств, творимых до нее большевиками, петлюровцами и различными атаманами и батьками. Крестьяне ждут от Добрармии внесения в их жизнь начал правопорядка, считая ее большой силой, которая все устроит и все наладит.

К укреплению указанных начал направлены все стремления центральной власти. Однако на местах далеко не все администраторы исполнены тех же стремлений. Некоторые из них придают всей своей деятельности характер защиты интересов одного, немногочисленного и непопулярного в широких кругах населения класса, а именно — крупных землевладельцев. Другие, получив видное место, стараются как можно скорее вознаградить себя сторицею за месяцы вынужденной нищеты и унижения, проявляя «полноту власти», причем, идя по линии наименьшего сопротивления, начинают с того, что обращают свое особенное внимание на крестьянство, начинают извлекать из его среды виновных в преступлениях, совершенных еще в 1917 г., заставляют крестьян платить убытки, причиненные когда-то, по ценам, существующим в настоящее время, и пр. Наконец, администраторы третьего типа уклоняются от вмешательства во взаимоотношения между возвращающимися в свои имения помещиками и крестьянами, предоставляя событиям идти своим порядком. В результате страдательной стороной являются опять-таки крестьяне.

Среди крестьян найдутся, быть может, лишь ничтожные единицы, не принимавшие активного участия в разорении и обезземеливании помещичьих хозяйств. Это — истина непреложная. Но вычитыванием всех вин крестьянству в настоящее время, немедленным наложением на него, быть может вполне им заслуженных кар, местная администрация содействует в значительно большей мере, чем чья угодно агитация, необеспеченности тыла Добрармии.

Общий голос с мест: крестьяне встретили Добрармию очень хорошо, сейчас отношение к ней в корне изменилось. Конечно, в этом виноваты не одни администраторы, виноваты также и те войсковые единицы и отдельные воинские чины, особенно из числа обозных и туземцев, которые позволяют себе совершенно откровенный грабеж населения, но при благожелательной администрации это зло было бы и легче устранимо и не играло бы роли последней капли, переполняющей чашу крестьянского долготерпения, каковую оно играет сейчас.

Полковник, недавно приехавший в Ростов из Острогожского уезда, сам крупный помещик, рассказывает, что крестьяне в этом уезде, вооружившиеся против большевиков и имеющие хорошо спрятанными где-то не только винтовки и пулеметы, но даже орудия, теперь готовы пустить все это в ход против Добрармии, доведенные до этого грабежами, чинимыми войсками, а также безудержно разыгравшимися аппетитами помещиков, поощряемых местной администрацией. Составленным большевиками в тылу наших войск ячейкам для организации восстаний, таким образом, задача донельзя облегчается, а насколько банды в тылу наших войск обещают быть хорошо организованными, может служить доказательством то, что в Острогожском уезде у крестьян, в укромных уголках, скрыты отличные верховые лошади с полной конной амуницией. Помощник уездного начальника одного из уездов Тамбовской губернии, ныне возвратившийся в Ростов, так как его уезд снова занят большевиками, говорит, что уйдет в отставку, так как вся администрация и войска наперерыв стараются возбудить против себя население, и он чувствует свою полную беспомощность. Бывший предводитель дворянства, крупный помещик пишет из Курска: "У нас в губернии благодаря... администрации царит полный кавардак, который выльется не сегодня-завтра в махновщину и зеленых. Предела аппетитам помещиков не существует, при этом все это делается черт знает как".

Все вышеизложенное побуждает прийти к заключению, что без оздоровления администрации и принятия реальных мер против грабительства отдельных представителей армии все успехи Добрармии на фронте будут аннулированы созданием в тылу новых кадров махновцев, зеленоармейцев и прочих банд, пополняемых, главным образом, отчаявшимися во внесении в его жизнь начал права и порядка, так как вера в организацию и силу Добрармии утеряна крестьянством».

Главнокомандующим приказано было вновь подтвердить войскам и гражданской администрации о необходимости не допускать в тылу каких-либо злоупотреблений. Были командированы в тыловые районы фронта особые комиссии, на обязанности коих было разбирать все случаи злоупотреблений, и привлекать виновных к ответственности. Но это мало чему помогло. Неустройство тыла армии становилось все более и более грозным.

Командование советской армии еще зимой 1918 г. поняло, что без конницы оно потерпит поражение, и в течение зимы 1918/19 г., весны и лета 1919 г., настойчиво и крайне энергично приступило к ее формированию. В октябре 1919 г. сформированные конные части, усиленные пехотой, посаженной на подводы, и сильными пулеметными командами, были выдвинуты против Добровольческой армии, очень растянутой по фронту и не пополненной в должной степени.

Успехи большевиков против армий адмирала Колчака и отступление Кавказской армии генерала Врангеля к Царицыну дали возможность советскому командованию сосредоточить главные силы против Добровольческой армии и левого фланга Донской армии.

Когда противник стал теснить части Добровольческой армии от Орла, 20 октября / 2 ноября, было приказано из Кавказской армии перебросить в район Харькова сначала две кубанских конных дивизии, а затем еще полторы конных дивизии. Но время уже было упущено, да и перевозимые дивизии, сильно потрепанные в боях к северу от Царицына, были слабого состава.

Под натиском противника Добровольческая армия стала отходить к югу. Командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский был смещен, и на его место был назначен командующий Кавказской армией — генерал Врангель*.

---

* При описании этого периода я совсем не касаюсь событий, происшедших на Кубани в начале ноября. Не касаюсь — не потому, что это я признавал бы преждевременным, а просто потому, что в моем распоряжении нет никаких документов. Подробностей же я не помню, так как указания были даны генералу Врангелю генералом Деникиным через К. Н. Соколова.

В двух словах, эти события заключались в следующем. Кубанская делегация в Париже, в составе Быча, Калабухова, Намитокова и Савицкого, вела крайне вредную агитацию за границей, направленную против командования Добровольческой армии и за отделение Кубани от России. Подписание этой делегацией союзного договора с меджлисом горских народностей переполнило чашу терпения, и генерал Деникин приказал в случае возвращения на Кубань членов этой делегации их арестовать и предать военно-полевому суду. Некоторые члены краевой рады, во главе с заместителем председателя рады И. Л. Макаренко, находясь в постоянной связи с «парижской делегацией» и получая указания от Быча, к концу октября определенно выступили против командования Добровольческой армии и начали открытую пропаганду среди кубанских войсковых частей.

Чтобы положить конец изменническим действиям этой группы против русского дела, генерал Деникин приказал включить Кубань в тыловой район Кавказской армии с назначением генерала Покровского командующим войсками этого района. Генералу Врангелю было поручено наблюдать за приведением в порядок тыла. Калабухов, приехавший из Парижа, и группа членов рады, так называемых

Генерал Врангель прибыл в Добровольческую армию 26 ноября / 9 декабря, после оставления Харькова, и нашел армию в полном отступлении. В своем донесении на имя главнокомандующего генерал Врангель указывал, что ко дню его приезда в армию в боевом составе числилось всего около 3600 штыков и 4700 сабель и в тылу находилась отведенная для пополнения Алексеевская дивизия, насчитывавшая не более 300 штыков. Силы противника, по данным разведки, состояли из 51 000 штыков, 7000 сабель и 205 орудий.

Генерал Врангель доносил: «Войска, вследствие беспрерывных переходов и распутицы, переутомлены до крайности; лошади изнурены совершенно, и артиллерия и обозы сплошь и рядом бросаются, так как лошади падают на дороге. Состояние конницы самое плачевное. Лошади, давно не кованные, все подбиты. Масса истощенных с набитыми холками. По свидетельству командиров корпусов и начальников дивизий боеспособность частей совершенно утеряна. Вот горькая правда. Армии, как боевой силы, — нет...»

Касаясь причин развала армии, генерал Врангель в своем рапорте излагает так:

«Беспрерывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличилось еще и допущенной командующим армией* мерой «самоснабжения» частей. Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами, используя их попечением самих частей и обращая в свою пользу захваченную военную добычу.

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию... Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все; что не могло быть использовано на месте, отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки... Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров, — некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами... Огромное число чинов обслуживало тыл. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. д. Армия развращалась... В руках всех тех, кто так или иначе соприкасался с делом «самоснабжения», оказались бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство... К несчастью, пример подавали некоторые из старших на-

---

«самостийников», были арестованы. И. Л. Макаренко успел скрыться. Калабухов, по приговору военно-полевого суда, был 7/20 ноября повешен в Екатеринодаре, а остальные арестованные члены рады были высланы за границу.

* Генералом Май-Маевским.

чальников, гомерические кутежи и бросание бешеных денег которыми производилось на глазах всей армии...»

Большевики, сломив сопротивление Добровольческой армии, решительно и настойчиво развивали преследование. Остатки Добровольческой армии, теряя артиллерию и обозы, обходимые с флангов конницей противника, безостановочно отходили. Поражение Добровольческой армии немедленно отразилось на других фронтах. Царицын был оставлен. Стала отступать по всему фронту Донская армия; пришлось эвакуировать Киев... Добровольческая армия была переименована в Добровольческий корпус*. Для этого корпуса было два направления отступления: или на Крым, или на Ростов.

Преимущество первого заключалось в том, что остатки Добровольческой армии можно было оттянуть туда с гораздо меньшими потерями и спасти большее количество имущества. Но при этом направлении отступления Добровольческий корпус терял непосредственную связь с казачьими областями и бросались на произвол судьбы все семейства служащих.

Второе направление, на Ростов, было более трудное, при наседании с флангов конницы противника; но связь с казачеством не терялась.

Генерал Деникин выбрал второе направление. Он сказал: «Я бросить казачество не могу. Мы совместно с ним начали борьбу и должны ее вместе и продолжать».

Я совершенно упускаю описание хода переговоров с представителями казачества о конструкции Южно-Русской власти и не останавливаюсь на переформировании Особого Совещания в правительство. Председателем правительства был назначен я. Приказ о преобразовании Особого Совещания в правительство состоялся 17/30 декабря 1919 г.

В связи с последовавшим коренным изменением направления внутренней политики генерала Деникина многое из событий этого периода не вполне ясно мне до настоящего времени. Надо полагать, что генерал Деникин, в своем описании, даст достаточно подробное и ясное освещение.

Привожу лишь следующие документы: Наказ Особому Совещанию (от 14/27 декабря 1919 г.) и приказ о преобразовании Особого Совещания в правительство (от 17/30 декабря 1919 г.).

Наказ Особому Совещанию

Приказываю Особому Совещанию принять в основание своей деятельности следующие положения:

---

* Генерал Врангель получил особое назначение на Кубань — принять меры по подъему казачества и руководить укреплением Новороссийского района.

1) Единая, Великая, Неделимая Россия. Защита веры. Установление порядка. Восстановление производительных сил страны и народного хозяйства. Поднятие производительности труда.

2) Борьба с большевизмом до конца.

3) Военная диктатура. Всякое давление политических партий отметать. Всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать.

Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и без навязывания.

Единение с народом.

Скорейшее соединение с казачеством путем создания Южно-Русской власти, отнюдь не растрачивая при этом прав общегосударственной власти.

4) Внешняя политика только национальная русская.

Невзирая на возникающие иногда колебания в русском вопросе у союзников, — идти с ними. Ибо другая комбинация морально недопустима и реально неосуществима.

Славянское единение.

За помощь — ни пяди русской земли.

5) Все силы, средства — для армии, борьбы и победы.

Всемерное обеспечение семейств бойцов.

Органам снабжения выйти, наконец, на путь самостоятельной деятельности, использовав все еще богатые средства страны и не рассчитывая исключительно на помощь извне.

Усилить собственное производство.

Извлечь из состоятельного населения обмундирование и снабжение войск.

Давать армии достаточное количество денежных знаков, преимущественно перед всеми. Одновременно карать беспощадно за «бесплатные реквизиции» и хищение «военной добычи».

6) Внутренняя политика:

Проявление заботливости о всем населении без различия.

Продолжать разработку аграрного и рабочего закона в духе моей декларации; также и закона о земстве.

Общественным организациям, направленным к развитию народного хозяйства и улучшению экономических условий (кооперативы, профессиональные союзы и проч.) — содействовать.

Противогосударственную деятельность некоторых из них пресекать, не останавливаясь перед крайними мерами.

Прессе — содействующей — помогать, несогласную — терпеть, разрушающую — уничтожать.

Никаких классовых привилегий, никакой преимущественной поддержки — административной, финансовой и моральной.

Суровыми карами — за бунт, руководительство анархическими течениями, спекуляции, грабеж, взяточничество, дезертирство и проч. смертные грехи — не пугать только, а осуществлять их при посредстве активного вмешательства Управления Юстиции, Главного военного прокурора, Управления Внутренних Дел и Контроля. Смертная казнь — наиболее соответственное наказание.

Ускорить и упростить порядок реабилитации не вполне благополучных по большевизму, петлюровщине и т. д. Если была только ошибка, а к делу годны — снисхождение.

Назначение на службу — исключительно по признакам деловитости, отметая изуверов и справа, и слева.

Местный служилый элемент, за уклонение от политики центральной власти, за насилия, самоуправство, сведение счетов с населением, равно как и за бездеятельность — не только отрешать, но и карать.

Привлекать местное население к самообороне.

7) Оздоровить фронт и войсковой тыл — работою особо назначенных генералов с большими полномочиями, составом полевого суда и применением крайних репрессий.

Сильно почистить контрразведку и уголовный сыск, влив в них судебный (беженский) элемент.

8) Поднятие рубля, транспорта и производства преимущественно для государственной обороны.

Налоговый пресс главным образом для состоятельных, а также для не несущих воинской повинности.

Товарообмен — исключительно за боевое снаряжение и предметы, необходимые для страны.

9) Временная милитаризация водного транспорта, с целью полного использования его для войны, не разрушая, однако, торгово-промышленного аппарата.

10) Облегчить положение служилого элемента и семейств чинов частичным переводом на натуральное довольствие (усилиями Управления Продовольствия и ведомства военных снабжений). Содержание не должно быть меньше прожиточного минимума.

11) Пропаганде служить исключительно прямому назначению — популяризации идей, проводимых властью, разоблачению сущности большевизма, поднятию народного самосознания и воли для борьбы с анархией.

Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России,
генерал-лейтенант (подп.) Деникин.
14 декабря 1919 г.
г. Таганрог.

ПРИКАЗ
Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 176.
г. Таганрог. 17 декабря 1919 г.

Современная обстановка требует реорганизации гражданского управления.

Предписываю:

1) Особое Совещание упразднить.

2) Отдел Законов и Управление Продовольствия упразднить.

3) Должность Главного Начальника Военных Сообщений соединить с должностью Начальника Путей Сообщений, поставив во главе Главного Начальника Военных Сообщений.

4) Военное и Морское Управления соединить, поставив во главе Начальника Военного и Морского Управления.

5) Учредить должность Главного Начальника Снабжений, подчинив ему бывших Главных Начальников Снабжений, и Санитарной части на правах помощников, с оставлением за последними прав прежним должностям присвоенных.

Передать в ведение Главного Начальника Снабжений функции Управления Продовольствия.

Приказы о чинах военных проводить по Военному Управлению.

6) Отдел Пропаганды подчинить Начальнику Управления Внутренних Дел.

7) Образовать при мне правительство в следующем составе:

а) Председатель Правительства (может быть в то же время Начальником одного из управлений);

б) Начальник Военного и Морского Управления;

в) Начальник Управления Внутренних Дел;

г) Начальник Управления Финансов;

д) Главный Начальник Военных Сообщений;

е) Главный Начальник Снабжений;

ж) Начальник Управления Торговли и Промышленности;

з) Начальник Управления Юстиции;

8) Начальник Управления Иностранных Дел и Государственный Контролер, не входя в состав Правительства, подчиняются непосредственно мне.

9) Начальник Управлений: Земледелия и Землеустройства, Народного Просвещения и Исповеданий, не входя в состав Правительства, по вопросам, превышающим их права, входят с представлениями к Правительству, при мне состоящему.

10) Управляющего Делами Особого Совещания наименовать Управляющим Делами Правительства, при мне состоящего, и передать в его ведение функции Отдела Законов.

11) Образовать при Правительстве, при мне состоящем, Совещание по законодательным предположениям, которое должно обсуждать все законопроекты, поступающие из ведомств или передаваемые мною, и представлять на рассмотрение Правительства, при мне состоящее.

Подписал: *Генерал-лейтенант Деникин.*

Содержание наказа указывает, что генерал Деникин твердо решил продолжать проводить в жизнь принципы, неоднократно им провозглашавшиеся.

Приказом о преобразовании Особого Совещания в Правительство клался предел неопределенному положению, которое получилось вследствие того, что вопрос об образовании Правительства откладывался до соглашения с казачеством о создании Южно-Русской власти. Преобразованное правительство в своей деятельности должно было руководствоваться «Наказом» от 14/27 декабря 1919 г.

Но под влиянием неуспехов на фронте и настояний представителей казачества, с 28 декабря 1919 г. / 10 января 1920 г., генерал Деникин постепенно идет на уступки и соглашается на образование коалиционного правительства с участием социалистов и на образование при нем законодательного, а не законосовещательного органа, перед которым правительство, конечно, является уже ответственным.

Никто из нас, членов бывшего Особого Совещания и Правительства, к разрешению этих вопросов не привлекался.

К 25 декабря / 7 января 1920 г. части Добровольческого корпуса уже заняли позицию непосредственно у Ростова. Генерал Деникин надеялся удержать Ростов и переправы через Дон, затем, удерживая примерно линию долины р. Маныч, переформировать и пополнить части. 26 декабря / 8 января 1920 г. пал Новочеркасск. Штаб главнокомандующего перешел в Батайск на левый берег Дона, а 27 декабря / 9 января — на станцию Тихорецкую.

Я выехал из Ростова 27 декабря / 9 января вечером. К этому времени уже шла перестрелка на северной окраине города. 28 декабря / 10 января я был на ст. Тихорецкой у главнокомандующего.

Генерал Деникин мне сказал, что представители казачества настаивают на изменении состава правительства и на назначении председателем правительства одного из общественных деятелей казачьих войск; но что он пока никаких перемен в составе правительства делать не предполагает.

29 декабря / 11 января, будучи в Екатеринодаре, я получил телеграмму, что мне надо подождать приезда Донского атамана генерала Богаев-

ского (я хотел ехать в Новороссийск, куда эвакуировались гражданские управления), который везет мне письмо от главнокомандующего.

Генерал Деникин в письме на мое имя сообщал о том, что обстановка его заставила согласиться на назначение председателем правительства Донского Войскового атамана генерала Богаевского; меня же он просил остаться в составе правительства в качестве начальника военного управления.

Для меня было ясно, что в состав коалиционного правительства от Кубанского казачьего войска войдут представители «самостийного» течения, работа с которыми у меня не пойдет. Поэтому я категорически отказался от сделанного мне предложения. После этого состоялось мое назначение главнокомандующим и командующим войсками Черноморской губернии, и генерал Деникин предложил, впредь до образования нового правительства, старому правительству продолжать работу.

Вскоре после моего приезда в Новороссийск генерал Врангель, не получая никакого назначения в армию, подал прошение об увольнении его в отставку и временно, до приказа об увольнении, взял отпуск.

Положение в Черноморской губернии, и в частности в Новороссийске, было тяжелое. Большая часть губернии была охвачена восстанием; восстанием руководили большевики, свободно пропускавшиеся в губернию из Грузии. Из Грузии же в Черноморскую губернию проник небольшой большевистский отряд, ставший ядром для формировавшихся повстанческих отрядов.

Войск в моем распоряжении для подавления восстания, в сущности говоря, не было; бывшие в губернии войсковые части были совершенно деморализованы. На мои просьбы прислать хоть какую-нибудь надежную часть была прислана 2-я пехотная дивизия. Но она была в таком виде, что ее нужно было сначала пополнить, а только потом пустить в дело. Состав всей дивизии не превышал одного батальона мирного времени. Надежных пополнений на месте не было.

Между тем положение в Туапсе было критическое, и я, влив в один из полков дивизии 400 человек пополнения, перевез этот полк на пароходе в Туапсе. Но через несколько дней, во время боя под Туапсе, этот полк потерял почти всех офицеров, а пополнение, влитое в полк, перешло к повстанцам.

В самом Новороссийске творилось что-то неописуемое. Все лечебные заведения были переполнены большей частью сыпнотифозными, а раненых, привозимых с севера, некуда было размещать. В Новороссийск направилась лавина семейств служащих и беженцев, подлежавших эвакуации, а союзники для эвакуации прислали крайне ничтожное число судов. Своими же судами, из-за недостатка угля, мы воспользоваться не могли.

Вследствие полной невозможности выполнить некоторые получавшиеся мною распоряжения, на выполнении которых настаивал

штаб главнокомандующего, несмотря на мои протесты, я просил об освобождении меня от должности Черноморского главноначальствующего и об увольнении в отставку. Получив в конце января / начале февраля телеграмму из Севастополя о том, что моя мать при смерти, я, с разрешения генерала Деникина, выехал туда.

В Севастополе я застал полный развал среди офицерской среды. В крайне неудачной эвакуации Одессы, произведенной в конце января, все винили главнокомандующего Новороссийской области генерала Шиллинга[237]. Приезд его в Севастополь и вступление в командование войсками, находившимися в Крыму, вызвали сильное возбуждение как среди старших, так и среди младших чинов.

Общее положение осложнялось еще тем, что на южном берегу Крыма появился отряд капитана Орлова[238], поднявшего восстание против существовавшего строя. Восстание носило явно большевистский характер, но лозунгами была выставлена необходимость бороться с разрухой тыла и добиться улучшения положения строевого офицерства. При начавшемся развале армии и действительной разрухе тыла лозунги капитана Орлова находили много сочувствующих, и являлось серьезное опасение, что движение может разрастись.

Познакомившись с обстановкой, я пришел к убеждению, что совершенно независимо от правильности или неправильности обвинений, которые предъявлялись к генералу Шиллингу, он при создавшейся обстановке не будет в силах восстановить порядок в Крыму и что ему нельзя оставаться главнокомандующим.

В Севастополе был в это время генерал Врангель, который, по общему в Севастополе, а также и по моему мнению, мог остановить развал Крымских войсковых частей и водворить порядок в тылу. Генерал Врангель соглашался принять должность главнокомандующего.

Переговорив с генералом Шиллингом и убедившись в том, что и он видит и понимает всю трудность для него наладить порядок в Крыму, я условился с ним, что он переговорит по прямому проводу с генералом Деникиным, очертит ему всю обстановку и испросит разрешение передать свою должность генералу Врангелю.

Он так и сделал; но в ответ получил указание, что он должен оставаться на своем посту и что на назначение генерала Врангеля согласие не может быть дано*.

---

* Захвативший в это время Ялту капитан Орлов объявил, что он беспрекословно подчинится только одному генералу Врангелю. В ответ на это воззвание генерал Врангель послал капитану Орлову (копии генералу Шиллингу и мне) следующую телеграмму: «Мне доставлено воззвание за вашей подписью, в коем вы заявляете о желании, минуя всех ваших начальников, подчиниться мне, хотя я ныне не у дел. Еще недавно присяга, обязывая воина подчинению

Утром 8/21 февраля я получил телеграмму от генерала Деникина с предложением «всей силой вашего авторитета», как было сказано в телеграмме, поддержать престиж генерала Шиллинга, который остается главноначальствующим в Крыму. Я ответил, что чувствую себя в этом отношении совершенно бессильным, и в тот же день отправился на пароходе обратно в Новороссийск.

Прибыв в Новороссийск, я узнал о последовавшем приказе об увольнении в отставку меня, генералов Врангеля и Шатилова, а также командующего Черноморским флотом и его начальника штаба. Телеграмма о нашем увольнении в отставку была «срочная» и разослана штабом главнокомандующего по всем инстанциям.

Всеми было понято, что перечисленные в телеграмме лица увольняются в отставку якобы за то, что интригуют против генерала Шиллинга и вмешиваются не в свое дело, возбуждая вопрос о назначении генерала Врангеля.

Оставшись не у дел и получив право на эвакуацию, я решил с семьей не ехать на иждивение союзников, а устроиться где-либо поближе к России. Выбрали г. Самсун на Черноморском побережье Малой Азии, где, по слухам, жизнь была очень дешева. С небольшой компанией, подходящей для устройства маленькой сельскохозяйственной колонии, я и моя семья 21 февраля / 6 марта отправились сначала в Батум. Оттуда, воспользовавшись случаем бесплатного проезда на моторной шхуне, груженной керосином, отправились в Самсун.

Устроились на шхуне на палубе, соорудив из парусов подобие палаток. До Самсуна дошли благополучно, но тамошний британский комендант, под предлогом, что турецкие власти категорически не разрешают русским селиться в Малой Азии, не только не позволил нам высадиться, но даже не разрешил съехать на берег на короткий срок. Мои спутники, смеясь, говорили, что англичане боялись, чтобы я не поступил на службу к Кемаль-Паше в качестве начальника штаба.

Пришлось направиться в Константинополь. После целого ряда злоключений и чуть не погибнув в море во время шторма, в ночь на 26 марта / 9 апреля мы пришли в Константинополь. На другой день после прихода нашей шхуны в Босфор на нее прибыл флаг-офицер главнокомандующего британской эскадры в Средиземном море адмирала де Робека (бывшего в то же время Верховным Великобританским

начальникам, делала Русскую армию непобедимой. Клятвопреступление привело Россию к братоубийственной войне. В настоящей борьбе мы связали себя вместо присяги добровольным подчинением, нарушить которое без гибели нашего общего дела не можете ни вы, ни я. Как старый офицер, отдавший Родине двадцать лет жизни, я горячо призываю вас, во имя блага ее, подчиниться требованиям ваших начальников. 8/21 февраля 7 ч. № 627 Врангель».

комиссаром в Константинополе) и, от имени адмирала, пригласил меня отправиться с ним к адмиралу на флагманский корабль.

Адмирал де Робек встретил меня крайне любезно и сказал, что меня уже несколько дней разыскивают по всему Черному морю. От него я узнал, что после эвакуации Новороссийска (14/27 марта) войска Добровольческого корпуса и часть казачьих войск сосредоточены в Крыму; что генерал Деникин отказался от звания главнокомандующего и уезжает в Англию; что главнокомандующим Вооруженных сил юга России, приказом генерала Деникина, назначен генерал барон Врангель; что генерал Врангель предлагает мне быть его представителем в Константинополе. От него же я узнал об убийстве в Константинополе, в здании русского посольства, бывшего начальника штаба генерала Романовского.

С броненосца меня доставили в русское посольство. Здесь я встретился с новым помощником главнокомандующего генерала Врангеля — генералом Шатиловым, который от имени генерала Врангеля предложил мне быть представителем главнокомандующего при союзном командовании в Константинополе. Я согласился.

Глава XII

Если всякая крупная государственная или общественная работа и при нормальных условиях вызывает критику, то естественно, что в условиях гражданской войны деятельность командования Добровольческой армии и Особого Совещания (правительства) вызывали постоянную, как доброжелательную, так и недоброжелательную критику.

В работе как командования Добровольческой армии, так и Особого Совещания, конечно, было много крупных ошибок. Но, как мне представляется, если в настоящее время для беспристрастного критика и возможно правильно разобрать и указать ошибки политические, правильно оценить еще не возможно.

Ни один добросовестный политический деятель, к какой бы он партии ни принадлежал, не может еще сказать, какой политический лозунг, какая линия поведения были нужны и нашли бы отклик в массе русского народа, чтобы он за ними пошел.

Необходимо иметь в виду, что на юге России до конца 1918 г. рабочие и крестьяне еще не испытали на себе полностью всех прелестей большевистского режима. В казачьих областях иногороднее, не казачье население, во время владычества большевиков в конце 1917 и в 1918 гг. было, в массе, на их стороне и при богатстве края также не испытало серьезных лишений.

При этих условиях лозунги «земля и воля», «диктатура пролетариата» и самоуправление через «советы рабочих и крестьянских

депутатов» — для массы знаменовали еще истинное народоправство, избавление от помещиков и правительственной администрации, право на казенные монастырские и помещичьи земли, право устраивать жизнь по собственному желанию, а главное — безнаказанно грабить и распоряжаться награбленным, как своей собственностью.

Всякое возвращение к государственному порядку для значительной массы населения знаменовало собой стеснение прав и страх ответственности за те грабежи и насилия, в которых был повинен громадный процент населения. Только испытав на себе ужасы советской власти, крестьяне и рабочие стали сознавать необходимость возвращения государственного порядка.

Если теперь, в 1922 г., судя по сведениям, поступающим из России, крестьянство в своей массе мечтает о «хозяине», то в 1918 и 1919 гг. провозглашение монархического лозунга не могло встретить сочувствия не только среди интеллигенции, но и среди крестьянской и рабочей массы. Угар после «революции-бунта» 1917 г. был еще слишком силен, и этот лозунг знаменовал бы явную «контрреволюцию», возвращение к «старому режиму», «городовому», «помещику» и другим жупелам.

Провозглашение же республиканских лозунгов не дало бы возможность сформировать мало-мальски приличную армию, так как кадровое офицерство, испытавшее на себе все прелести революционного режима, за ними не пошло бы.

Надо было идти по пути, который был приемлем для главной массы населения и для офицерства.

Будущий историк подробно разберет причины неуспеха «белых армий». Теперь это преждевременно, а нам, участникам борьбы с советской властью, совершенно и не под силу.

Я остановлюсь лишь на главнейших нападках на деятельность командования Добровольческой армии и Особого Совещания, которые приходилось слышать и встречать в печати.

Программа Добровольческой армии (политическое лицо армии; партийный флаг).

Впервые о необходимости объявить программу Добровольческой армии, открыть свое политическое лицо — заговорил в Новочеркасске, в декабре 1917 г., Б. Савинков. Он убедил тогда генералов Алексеева, Корнилова и Каледина заявить, с целью опровергнуть слухи о реакционных замыслах, что Добровольческая армия имеет целью, свергнув большевиков, довести Россию до Учредительного Собрания.

Генерал Деникин, в своей программной речи, на открытии 1/14 ноября 1918 г. Кубанской краевой рады, заявил, что «армия не преследует никаких реакционных целей и не предрешает ни формы будущего образа правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю».

Но это не удовлетворило — ни правых, ни левых. Правые говорили: «Без монархического лозунга вам не создать мощной армии. Офицеры должны знать, за что они проливают кровь и вы должны это определенно сказать».

Левые, наоборот, указывали, что неопределенность политического лица армии — отталкивает от нее симпатии массы; что надо провозгласить чисто демократические лозунги, подтвердить, что возврата к старому нет.

Генерал Деникин твердо стоял на своем мнении, указывая, что никто из нас не может предрешать ни будущей формы правления, ни того, будет ли собрано учредительное или национальное собрание, или земской собор, или, наконец, может быть воля народа выльется в такой форме, которую мы теперь и не предвидим.

Впоследствии, в значительной степени по настоянию представителей союзного командования, была составлена и подписана генералом Деникиным и членами Особого Совещания (правительства) политическая программа Добровольческой армии; в ней было указано, что армия должна довести Россию до национального собрания.

Представители «демократии» уверяли, что только определенное указание на республиканскую форму правления привлечет сердца народа к Добровольческой армии; другие не менее подлинные демократы (как писатель Наживин) указывали, что народ жаждет только порядка, ждет «хозяина земли русской», т. е. Царя.

В казачьих хатах, при первом господстве большевиков, с риском для жизни казачки сохраняли под половицами портреты Царской Семьи. Махно (разбойник и народный атаман, действовавший в районе Екатеринославской, Полтавской и Харьковской губерний), по доходившим до нас слухам, то провозглашал лозунг «земля и воля народу», то «земля крестьянам, а Царь народу». Из центральных губерний шли разнообразные сведения; в одних районах мечтали о «Хозяине земли русской», а в других провозглашали тот же лозунг, который был объявлен и восставшим Кронштадтом против советской власти (в марте 1921 г.): «Против коммунистов, но за советы».

Наконец, лицам, обвиняющим командование Добровольческой армии в неправильном направлении политики, надо вспомнить, что были «белые армии» и с определенными политическими лозунгами.

Армия Учредительного Собрания, созданная на Волге Самарским правительством, имела чисто демократические — социалистические лозунги, но успеха никакого не имела. Самарское правительство было заменено сначала Уфимской директорией, а затем адмиралом Колчаком.

Савинков, формируя части для борьбы с большевиками, провозглашал чисто демократические лозунги. Правительства генералов Миллера и Юденича были также достаточно демократичны. Южная

армия и Астраханский корпус, формировавшиеся на германские деньги на территории Дона, имели чисто монархические лозунги. Но ни одна из этих армий и ни одно из их возглавлявших правительств успеха не имели. Добровольческая армия оказалась все же наиболее жизнеспособной.

Все это показывает, что горе не в том, что генерал Деникин не провозгласил того или иного лозунга, а, скорее, в том, что наши политические партии, преследуя свои партийные программы, не объединились для достижения первой и главнейшей цели — ниспровергнуть советскую власть.

Конструкция власти. Генерал Деникин в своей программной речи 1/14 ноября 1918 г. заявил: «Должна быть единая русская армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти». «Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть...»

В своем последнем наказе «Особому Совещанию» (14/27 декабря 1919 г.) накануне краха и коренного изменения своей программы главнокомандующий определенно указал на необходимость проведения военной диктатуры.

В первый период после занятия Екатеринодара, т. е. в течение второй половины 1918 г., генерал Деникин не допускал и мысли, чтобы рядом с его правительством (Особым Совещанием) был какой-нибудь орган с законодательными или законосовещательными функциями (законосовещательный орган намечался лишь в случае достижения соглашения с казачеством и образования единого правительства).

Первым поднявшим вопрос об образовании при генерале Деникине законосовещательного органа был бывший председатель Государственной Думы — М. В. Родзянко. Он несколько раз просил генерала Деникина согласиться образовать такой орган, в состав которого вошли бы члены четырех Государственных Дум и Государственного Совета.

Генерал Деникин эти предложения отклонил, указывая, что бывшие члены прежних русских законодательных учреждений не могут считаться правомочными представителями народа; а относительно других предложений представителей различных политических партий образовать при нем законодательный орган — ответил, что образовавшиеся на юге России различные политические союзы — являются опять-таки выразителями взглядов отдельных партий, относящихся нетерпимо к программам других политических партий, не вошедших в состав их союза, и не могут претендовать быть выразителями мнения страны. Все эти проекты отвергались в надежде достигнуть соглашения с казачеством и создать «южное объединение».

На поднятый мною вопрос о желательности, не дожидаясь соглашения с казачеством, образовать при Особом Совещании, первоначально из состава членов Государственного Объединения, Государственного Совета и Государственных Дум, законосовещательный орган, генерал Деникин запиской от 24 октября / 6 ноября 1918 г. мне ответил: «Добровольческая армия отнюдь не может стать орудием политической партии, особливо с шаткой ориентацией. Строить «южное объединение» и бросить его на полпути, чтобы начать новую комбинацию, — нельзя. То, что предлагают теперь, было предложено Родзянкой еще в Мечетке, строилось ими в Киеве, но неудачно. Противополагать эту комбинацию всем другим — нецелесообразно. Вооруженная сила никогда не «останется в одиночестве (это последнее выражение взято из моего доклада). Ее всегда пожелают! Во всяком случае, до решения вопроса об «южном объединении» нельзя разрешать вопрос о новой комбинации, которая может только затруднить соглашение. Если же эта комбинация возникнет сама собой, без нашего участия, если она действительно будет иметь нравственный авторитет в стране и поддержит идеи и цели, преследуемые Добровольческой армией, то тем лучше для всех нас, а паче всего для России».

В начале 1919 г. явилась надежда добиться скорого соглашения с казачьими войсками и образовать общее правительство. Предполагалось в состав его привлечь по одному представителю от казачьих войск и при главнокомандующем образовать законосовещательный орган, члены которого выбирались бы как населением казачьих областей, так и других районов государства, освобождаемых от большевиков; предполагалось, что часть членов законосовещательного органа будет назначаться главнокомандующим.

В течение всего 1919 г. велись переговоры с представителями казачьих войск, но ни до чего договориться не могли. И только в декабре 1919 г., в период серьезных неудач на фронте, соглашение было близко к осуществлению; но разразившаяся катастрофа, как мною уже было отмечено в одиннадцатой главе, повлияла на полное изменение взгляда генерала Деникина на конструкцию власти.

Нападок на генерала Деникина и на состоявшее при нем Особое Совещание было много; указывали, что законодательная работа ведется в замкнутом небольшом кружке членов Особого Совещания людьми, недостаточно понимавшими окружающую обстановку, и что издаваемые законы не жизненны и не отвечают интересам населения.

Трудно, конечно, сказать, насколько более жизненна была бы работа Особого Совещания при существовании законосовещательного органа, но несомненно, что если б он существовал, то работа Особого Совещания была бы более на виду, и оно, вероятно, не стало бы столь «одиозно».

Работой Особого Совещания были недовольны все — и правые, и левые; это надо признать откровенно. Если б существовал законосовещательный орган и была бы кафедра, с которой раздавалась бы критика законопроектов или деятельности начальников управлений, а последние могли бы давать свои объяснения или разъяснения, то работа Особого Совещания от этого только бы выиграла.

Особое Совещание (правительство). Представители левых партий обвиняли генерала Деникина в том, что он сформировал чуть ли не черносотенное правительство, которое не могло вызвать доверия народной массы. Представители правых течений, наоборот, указывали на то, что деятельность Особого Совещания, при разрешении некоторых вопросов, носила слишком левое направление.

Генерал Деникин неоднократно говорил: «Во главе правительственных учреждений должны ставиться люди по признаку деловитости, а не по признаку партийности. Недопустимы лишь изуверы справа и слева».

Включать в состав Особого Совещания социалистов признавалось недопустимым; они и в период борьбы с большевиками пытались неоднократно продолжать свою разрушительную работу, начатую с первых дней революции.

Из членов Особого Совещания к партии к. д. принадлежало пять-шесть человек, т. е. половина из числа гражданских членов совещания. Но правда, что к их голосу прислушивалось главное командование, а потому и было распространено мнение о якобы «кадетском» засилии. Летом 1919 г. некоторые члены «кадетской» партии несколько раз возбуждали вопрос о слишком правом составе Особого Совещания.

При рассмотрении однажды в заседании Особого Совещания вопроса о привлечении в состав Совещания кандидата из более правого крыла один из видных представителей партии к. д. сказал: «Нас и так упрекают, что состав Особого Совещания слишком правый; ничего не возражая против предложенного кандидата, которого я знаю как безукоризненно чистого и высокопорядочного человека и отличного работника, я только позволяю себе поставить вопрос: не слишком ли мы сильно перегружаем наш правый борт?»

Но в начале декабря 1919 г. тот же представитель партии к. д. сказал: «Я пришел к убеждению, что нам надо вести более левую политику, но более правыми руками». И после этого представители партии к. д. просили генерала Деникина о включении в состав Особого Совещания А. В. Кривошеина.

В январе 1920 г., когда разразилась катастрофа, генерал Деникин, надеясь спасти положение и устранить все бывшие трения с представителями казачества, согласился на образование национального министерства и на образование при себе законодательного органа. Но это,

конечно, положения не спасло и, вероятно, если бы это было сделано раньше, то и тогда пользы не принесло бы; а раскол в армию внесло бы наверное, так как и без того Особое Совещание за свою якобы левизну не пользовалось популярностью среди офицерства.

Очень многие (в том числе и некоторые видные военные деятели) объяснили неудачу борьбы на юге России прежде всего тем, что мы вели слишком правую политику.

Безусловно верно, что Особое Совещание в общем и начальники отдельных управлений в частности, не справились с задачей. Но думаю, что «политика» в этом отношении менее всего виновата. Обстановка была слишком сложна, работу приходилось вести в неимоверно тяжелых условиях, и конечный неуспех явился следствием целого ряда других причин.

Отдел пропаганды. Для широкого распространения среди населения идей, проводимых командованием армии, для привлечения симпатий населения на свою сторону, для освещения вопросов в желательном для командования смысле было образовано летом 1918 г. осведомительное отделение, преобразованное потом в осведомительное агентство («Осваг»). Оно должно было вести работу при посредстве прессы, выпуска отдельных брошюр, театра и кинематографа и, наконец, устной пропагандой. Для ориентирования заграницы постепенно открывались заграничные осведомительные пункты. Кроме центрального управления, по мере освобождения районов Государства от большевиков, открывались осведомительно-агитационные пункты в городах и крупных селениях.

16/29 января 1919 г. осведомительное агентство было преобразовано в отдел пропаганды, и во главе его стал донской общественный деятель Н. Е. Парамонов. Центральное управление отдела открыло свою деятельность в Ростове. Средства на деятельность отдела пропаганды были отпущены большие, и надеялись, что дело будет поставлено хорошо.

К этому времени деятельность осведомительного агентства («Освага») вызывала уже много нареканий: одни указывали на привлечение к работе совершенно неподходящих лиц, которые стали вести чуть ли не большевистскую пропаганду; другие указывали на погромное направление, проводимое некоторыми местными агентами «Освага»; представители кубанского правительства указывали на то, что на Кубанской территории агенты «Освага» проводили идеи, которые находились в резком противоречии со взглядами кубанского правительства.

Надежда на то, что новый начальник отдела пропаганды наладит работу, не оправдалась; да и взгляды на работу отдела у главного командования и у Парамонова были различны. Парамонов считал необходимым сильный уклон «влево» и не желал особенно считаться с Особым Совещанием, полагая, по-видимому, что он должен иметь

дело с генералом Деникиным. 24 февраля / 9 марта, в письме на имя генерала Деникина, Н. Е. Парамонов писал: «Я очень огорчен, что у меня туго подвигается набор видных сотрудников, стоящих теоретически в рядах социалистических партий. Окружение себя сотрудниками из кадет и направо будет коренной ошибкой. Привлечение видных более левых элементов — необходимое условие успеха...»

Генерал Деникин, в ответном письме от 25 февраля / 10 марта, между прочим, написал: «Вашу программу — вести дело пропаганды с излишним уклоном влево считаю опасной. До меня начинают уже доходить сведения, крайне волнующие армию, что подбор Ваших сотрудников далек от идеала...»

Вследствие принципиальных несогласий между Особым Совещанием и Парамоновым относительно направления деятельности отдела пропаганды и некоторых трений, возникших на почве взаимоотношений, Парамонов 4/17 марта отказался от должности, и профессору К. Н. Соколову было предложено стать во главе отдела пропаганды.

К. Н. Соколов согласился принять эту должность временно, с тем что после своего ознакомления с деятельностью отдела и с постановкой дела он сделает подробный доклад Особому Совещанию и только после этого решит, может ли он принять на себя руководство отделом пропаганды.

Примерно через месяц Соколов сделал Особому Совещанию более чем безотрадный доклад. Приведя целый ряд фактов, иллюстрирующих совершенно неправильную постановку дела, он доложил, что исправить работу отдела пропаганды невозможно, что выход один: немедленно совершенно расформировать весь отдел пропаганды со всеми его местными отделениями и поставить дело наново. «Но на это потребуется, вероятно, 1—2 месяца», — добавил Соколов.

Генерал Деникин и Особое Совещание признали невозможным на такой срок оказаться без органа пропаганды. К. Н. Соколов сказал, что брать на себя безнадежное исправление совершенно испорченного дела он не может и просит его от этого назначения избавить. После настояний генерала Деникина К. Н. Соколов принял должность, но предупредил: «Я определенно заявляю, что вполне исправить дело нельзя. Постараюсь сделать — что могу, но заранее прошу быть готовыми к тому, что из этого ничего не выйдет».

Он оказался прав. Нападки на отдел пропаганды не только не прекращались, но все более и более усиливались. Начиная с самого начальника отдела, все видели и сознавали, что дело идет более чем неудовлетворительно, и исправить его не могли. В декабре 1919 г. генерал Деникин даже хотел совсем закрыть отдел и перестроить его наново; т. е. сделать то, что предлагал сделать К. Н. Соколов в начале 1919 г.

Надо откровенно признаться, что с делом постановки «пропаганды» и правильного осведомления населения мы совсем не справились и наша «пропаганда» пользы никакой не принесла. Состав же сотрудников на местах был так слаб и так не подготовлен к работе, что их деятельность часто была явно вредна.

Земельный вопрос. Вокруг земельного вопроса страсти разгорались. Одни считали, что генерал Деникин и Особое Совещание ведут слишком левую политику и разоряют прочные помещичьи хозяйства, что, с государственной точки зрения, преступно; другие, наоборот, указывали, что политика командования Добровольческой армии слишком правая, «помещичья», которая отталкивает от армии крестьянское население.

Многие указывали, что получается совершенно ненормальное положение: генерал Деникин через Особое Совещание проводит земельный закон для неказачьих районов иной, чем законы, проводимые на Дону, Кубани и Тереке; что это подрывает значение вырабатываемого закона и вызывает на него нападки масс как на «контрреволюционный». Последнее указание было совершенно справедливо, но командование Добровольческой армии и Особое Совещание не считали возможным базироваться на законы, проводимые казачьими правительствами, а последние, считая себя независимыми от командования Добровольческой армии, в проведении своего законодательства не находили нужным считаться с законопроектами, вырабатываемыми Особым Совещанием.

В основание земельного закона, разрабатывавшегося особой комиссией при Особом Совещании, были положены следующие указания генерала Деникина (23 марта / 5 апреля 1919 г.), данные председателю Особого Совещания:

«Государственная польза России властно требует возрождения и подъема сельского хозяйства. Полное разрешение земельного вопроса для всей страны и составление для всей необъятной России земельного закона будет принадлежать законодательным учреждениям, через которые русский народ выразит свою волю.

Но жизнь не ждет. Необходимо избавить страну от голода и принять неотложные меры, которые должны быть осуществлены незамедлительно. Поэтому Особому Совещанию надлежит теперь же приступить к разработке и составлению положений и правил для местностей, находящихся под управлением главнокомандующего Вооруженными силами на юге России.

Считаю необходимым указать те начала, которые должны быть положены в основу этих правил и положений:

1) Обеспечение интересов трудящегося населения.

2) Создание и укрепление прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель.

3) Сохранение за собственниками их прав на землю. При этом в каждой отдельной местности должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным.

Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату.

За новыми владельцами земля, не превышающая установленных размеров, укрепляется на правах незыблемой собственности.

4) Отчуждению не подлежат земли казачьи, надельные, леса, земли высокопроизводительного сельскохозяйственного назначения, но составляющие необходимую принадлежность горнозаводских и иных промышленных предприятий; в последних двух случаях — в установленных для каждой местности повышенных размерах.

5) Всемерное содействие землевладельцам путем технических улучшений земли (мелиорация), агрономической помощи, кредита, средств производства, снабжения семенами, живым и мертвым инвентарем и проч.

Не ожидая окончательной разработки земельного положения, надлежит принять теперь же меры к облегчению перехода земель к малоземельным и поднятию производительности сельскохозяйственного труда.

При этом власть не должна допускать мести и классовой вражды, подчиняя частные интересы благу Государства».

Приезжавший на юг России чешский профессор Крамарж указывал, что правильное и срочное разрешение земельного вопроса явится одним из способов привлечь к себе симпатии крестьянского населения и должно помочь свергнуть советскую власть. Профессор Крамарж говорил так: крестьяне должны получить землю и быть уверенными, что ее у них никто не отнимет. Но при этом нельзя вышвырнуть за борт и разорить культурный помещичий класс, который в будущем будет необходим для улучшения и развития в России культурного хозяйства.

По мнению Крамаржа, надо было при усадьбах оставить помещикам минимальное, необходимое для культурного хозяйства, количество земли, а остальную землю, дав обязательство помещикам, что она будет у них выкуплена государством на золото, немедленно передать крестьянам. При подобном разрешении вопроса помещики не оказались бы разоренными и впоследствии сели бы опять на землю. При этом профессор Крамарж указывал на то, что передачу помещичьей земли в руки крестьянства должна взять на себя правительственная власть, так как в противном случае отношения между помещиками и крестьянами еще более обострятся.

Не будучи совершенно компетентным в этом вопросе, не берусь судить о правильности того или иного его разрешения, но должен отметить, что фактически никакого земельного закона (или положения) командованием Добровольческой армии издано не было. Закон был выработан (он даже не рассматривался Особым Совещанием) незадолго до катастрофы, случившейся на фронте в декабре 1919 г.; но если бы катастрофы и не случилось, то на проведение его в жизнь потребовалось, вероятно, не менее года. А в этом вопросе, как правильно было указано профессором Крамаржем, срочность его разрешения должна была играть существенную роль.

В освобождаемых от большевиков районах крестьяне относились крайне недоверчиво ко всем указаниям, что сбор урожая за ними обеспечивается... Русский крестьянин непреклонный собственник, и крестьяне успокоились бы только тогда, когда получили бы в руки законный документ, удостоверяющий, что земля действительно принадлежит им. Пока же это не было сделано — каждый крестьянин, работавший на земле, отобранной от помещика, со дня на день ожидал, что или у него эту землю отберут, или его посадят в тюрьму как захватчика чужой собственности.

К сожалению, при продвижении армии на север, как мною уже было указано, были случаи, когда помещики под прикрытием войск и при помощи сочувствовавших им офицеров и местной администрации не только отбирали у крестьян скот и инвентарь, награбленный в их экономиях, но и расправлялись с крестьянами, мстя за свое разорение. Эти случаи обобщались, быстро распространялись между крестьянами и возбуждали полное недоверие к заявлениям и обещаниям, объявлявшимся от имени генерала Деникина.

Выборный закон. При восстановлении городского и земского самоуправлений необходимо было установить порядок производства выборов, т. е. выборный закон. Вопрос был очень серьезный, так как определение порядка выборов в городские и уездные земские самоуправления предрешал общий выборный закон.

Споров было много. Одни указывали на недопустимость применять систему выборов — всеобщих, прямых, равных и тайных, справедливо доказывая, что при этой системе будут проводиться крайние левые элементы, не исключая и большевиков. Другие признавали совершенно недопустимым идти по определенно контрреволюционному пути (многие говорили — по черносотенному пути) и вводить в выборы какие-либо ограничения. Эта группа указывала, что должно быть только одно ограничение — совершеннолетие. Все же граждане, достигшие совершеннолетия и не лишенные по суду своих прав, должны быть правомочными избирателями.

Особое Совещание решило необходимым, признавая всеобщее избирательное право, внести в него ограничение в смысле возрастного ценза (25 лет) и времени проживания в данном городе, уезде (не менее двух лет).

Отношение к новым государственным образованиям на территории России. Польша, конечно, признавалась как самостоятельное государство, но генерал Деникин категорически отвергал возможность санкционировать захват Польшей исконных русских земель и указывал, что границы с ней будут установлены впоследствии, когда в России будет законная всероссийская власть.

Польша же добивалась получить от генерала Деникина вексель вперед и определенно уклонялась оказать помощь в борьбе с большевиками до соглашения с ним относительно ее границ с Россией.

Относительно фактического признания самостоятельности правительств Грузии, Азербайджана и Армении возражений не было — до решения этого вопроса будущей всероссийской властью. Под давлением союзников такое признание пришлось сделать и относительно прибалтийских государственных новообразований.

Что же касается Украины, Дона, Кубани, Терека, то против признания полной их самостоятельности определенно высказывались генерал Деникин и Особое Совещание. Считая, что указанные части государства Российского должны будут получить широкую автономию, мы все боролись против домогательств расчленять Россию и создавать новые «суверенные» государства.

За эту политику нас многие упрекали. Даже многие из тех, которые были против расчленения России, говорили, что эта прямолинейная политика неразумна; что надо идти на соглашения лишь бы объединить все силы для борьбы против большевиков; что для возрождения России не будут опасны никакие обещания генерала Деникина и что Россия, когда придет время, во всем разберется, и каждый будет поставлен на свое место. Но генерал Деникин на это не шел, говоря, что это путь опасный, нечестный и недопустимый.

Торговля и промышленность. Что касается промышленности, то, конечно, не было ни времени, ни возможности ее наладить, как следует. Ограничились лишь тем, что все, что можно было, приспосабливали для обслуживания армии, флота и железных дорог.

Серьезные упреки делались относительно того, что не сумели добиться большой добычи угля в Донецком бассейне и подачи излишка угля к портам. Эти обвинения действительно справедливы, но финансовые затруднения не позволили идти на установление цен за уголь в том размере, как на этом настаивали углепромышленники.

С правильным разрешением вопросов торговли мы совсем не справились. Обстановка была крайне сложная. Дон, Кубань и Терек

окружили себя таможенными рогатками и пропускали через них беспрепятственно только грузы, предназначаемые на довольствие армии и ее надобности и все проходящие через их районы транзитом. Всё же, не предназначавшееся непосредственно для армии, правительства Дона, Кубани и Терека соглашались выпускать за свои пределы только на товарообмен.

На этой почве возникало много трений и недоразумений. Получались иногда самые невероятные положения. Кубань была полна хлебом и другими продовольственными продуктами, а население прилегавшей к ней Черноморской губернии, в некоторые периоды, буквально голодало; бывали случаи, когда нам приходилось посылать поезда с продовольствием с Кубани в Черноморскую губернию в сопровождении военной охраны, чтобы продовольствие не было задержано таможенной заставой.

Создавшееся положение особенно тягостно отражалось на правильном разрешении вопросов внешней торговли. Генерал Деникин и Особое Совещание не считали возможным допустить, чтобы каждое из казачьих правительств вело самостоятельную внешнюю торговлю. В результате же получалось то, что на их территориях имелось не использованным большое количество хлеба и сырья, а управление торговли и промышленности не могло подать к портам, находившимся в ведении командования армией, продукты, которые можно было бы направить за границу для получения столь необходимой валюты или для товарообмена.

Но, кроме того, и Особое Совещание, отвергая первоначально принцип свободной внешней торговли и желая ее монополизировать в руках правительства, с этим вопросом не справилось.

Только осенью 1919 г., убедившись, что казенный аппарат не может как следует наладить внешнюю торговлю и товарообмен, решили объявить свободу торговли, отчисляя за вывозимые товары известный процент в валюте в пользу государственной казны.

В связи с вопросом о внешней торговле неоднократно поднимался вопрос о предоставлении нашим союзникам различных концессий. Сторонники концессий указывали, что это единственный способ получить значительные средства в иностранной валюте; что это экономически затянет союзников в русские дела и они будут более решительно помогать в деле свержения советской власти и установления в России порядка.

Генерал Деникин определенно был против концессий, считая, что он не имеет права связывать будущее всероссийское правительство какими-либо долгосрочными обязательствами и заниматься распродажей России по частям. Только в декабре 1919 г. генерал Деникин, с большой неохотой, дал согласие на предоставление союзникам концессий на

эксплуатации лесов в Черноморской губернии. Но это предположение, вследствие развернувшихся событий, не было осуществлено.

Гражданская администрация в тылу. Генерал Деникин постоянно требовал, чтобы на подбор администрации обращалось самое серьезное внимание. Требовалось, чтобы в распоряжении начальника управления внутренних дел были заранее намеченные кандидаты на должности начальников губерний и уездов, которых можно было бы посылать на места немедленно по освобождении районов от власти большевиков.

Но для занятия этих должностей не было много охотников, а потому выбор был очень мал. Надо признать, что среди назначенных начальниками губерний, а особенно начальниками уездов, оказалось много совершенно неподходящих и не соответствующих лиц.

Плохой подбор служащих и ничтожное жалованье, дававшееся им и обрекавшее их на полунищенское существование, привело скоро к тому, что среди младших служащих стали процветать взятки и поборы с населения. А это, естественно, способствовало развалу тыла и возбуждало население против администрации.

Контрразведка. Задача органов контрразведки, бывшей в подчинении штабу главнокомандующего, заключалась: в аресте большевистских агитаторов и видных большевистских деятелей, оставляемых большевиками в районах, которые они принуждены были очищать при наступлении нашей армии; в производстве предварительного дознания относительно тех местных жителей, которые во время господства большевиков в данной местности своей деятельностью особо способствовали укреплению советской власти; в аресте в войсковых районах вновь проникавших туда большевистских агентов. В приморских пунктах органы контрразведки обязаны были наблюдать за всеми въезжающими и выезжающими, вылавливая и передавая следственным властям большевистских агентов.

Деятельность органов контрразведки вызывала не только серьезные жалобы, но и всеобщее возмущение.

На службу в контрразведку, нормально, шел худший элемент, а соблазнов было много: при арестах большевистских деятелей обыкновенно находили много награбленных драгоценностей и крупные суммы денег; так как ответственным большевистским деятелям грозила смертная казнь, то за свое освобождение многие из них предлагали крупные взятки; за получение разрешения на выезд за границу многие также предлагали крупные суммы. Наконец, вообще характер деятельности органов контрразведки открывал широкое поприще для всевозможных злоупотреблений и преступных действий.

Многие из членов контрразведки были отданы под суд, но общее мнение было, что это дела не изменило, и грабеж, и взяточничество среди членов контрразведки продолжали процветать.

Особое Совещание несколько раз возбуждало перед главнокомандующим ходатайство о передаче функций контрразведки в уголовно-розыскную часть управления внутренних дел, состав чинов которой (преимущественно судебного ведомства) в значительной степени гарантировал честное отношение к делу.

Но штаб главнокомандующего доказывал, что без органов контрразведки он обойтись не может, и дело осталось без изменения до конца. Суровые же меры, которые генерал Деникин требовал применять по отношению к преступным элементам контрразведки, ни к каким положительным результатам не привели.

Снабжение армии. Снабжение армии производилось, главным образом, двумя способами: через союзников и заготовлением через органы снабжения. Был еще третий способ — это захват «военной добычи» от большевиков.

Союзники (привозили англичане, а французы принимали на себя половину стоимости предметов, доставляемых англичанами) доставляли предметы вооружения, снаряжения, боевые припасы, авиационное имущество, предметы инженерного снабжения и обмундирование.

По численности армии, на первое время доставляемых предметов снабжения было достаточно, но обмундирования было совершенно недостаточно; при постоянной перемене личного состава (убитые, раненые, больные, пленные, дезертиры; во время гражданской войны, в период неудач, особенно велик процент убыли сдающимися в плен и дезертирами) армия не могла быть одета даже сносно.

Заготовление предметов снабжения на своей территории средствами органов снабжения мы наладить как следует не могли. Отчасти, конечно, это происходило вследствие неналаженности работы управления снабжения, но главная причина заключалась в недостатке денежных средств и невозможности приобретать за границей то, чего нельзя было достать на месте.

С денежным довольствием также происходили постоянные задержки, и части войск по 2, по 3 месяца не получали денег для выдачи жалованья чинам и на текущее довольствие.

Что касается так называвшейся «военной добычи», то с ней дело обстояло совсем плохо. Хотя в тылу армий имелись особые комиссии, которые должны были принимать все захваченное имущество и его сортировать (для выдачи на довольствие войск; для возвращения владельцам, у которых оно было отобрано большевиками; для продажи), но фактически в эти комиссии попадали жалкие остатки.

Части войск, захватившие то или иное имущество, прежде всего старались устроить свои собственные запасы, а часть посылали в тыл для продажи или обмена на что-нибудь другое, нужное для них. При

этом, конечно, были злоупотребления, и многие чины, занимавшиеся «товарообменом» и продажей имущества, старались обогатиться сами. Все это являлось как следствие плохо организованного снабжения и попустительства со стороны командного состава.

А если к этому добавить, что командование армий совершенно не считалось с общим органом снабжения, а считало, что все захваченное на фронте принадлежит по праву «военной добычи» данной армии (Донское командование перевозило к себе на Дон даже станки с заводов не-Донской территории), то ясна будет та картина безобразия, которая происходила при продвижении армии вперед, вызывая со стороны населения и владельцев различного имущества жалобы и нарекания.

Вследствие неналаженности снабжения и несвоевременного получения всего необходимого командный состав армий и войсковые части прибегали к реквизициям у населения.

Платные реквизиции в этих случаях были вполне законными; но так как были часто случаи, что войсковые части не получали своевременно причитавшихся им денежных средств, то реквизиции производились и бесплатные. Сначала случаи бесплатных реквизиций были редкие и при производстве их выдавались населению квитанции на забранные продукты, но впоследствии, к концу лета 1919 г., они не только участились, но стали обыденным явлением. Войска называли это «самоснабжением», а фактически эти реквизиции превратились просто в грабеж, возбуждавший население против армии.

Финансовый вопрос. Между главным командованием и казачеством состоялось соглашение о необходимости образовать единый государственный банк и перейти к единому денежному знаку, но фактически это не было проведено в жизнь.

Ростовская экспедиция заготовления денежных знаков осталась в ведении донского правительства, которое согласилось часть выпускаемых денежных знаков передавать в распоряжение управления финансов Добровольческой армии, а также кубанскому и терскому правительствам. Но количество получаемых денежных знаков совершенно не удовлетворяло потребности в них.

Управление финансов Добровольческой армии хотя и оказало помощь донскому правительству по лучшему оборудованию Ростовской экспедиции, но параллельно с этим принуждено было оборудовать в Киеве, Одессе и Новороссийске (впоследствии и в Феодосии) свои экспедиции. Кроме того, в Англии были заказаны, по особому образцу, денежные знаки различных достоинств. Заграничный заказ стал выполняться незадолго до катастрофы 1919 г., и эти денежные знаки не были пущены в обращение.

Киевская и Одесская экспедиции, вскоре после их оборудования, должны были быть эвакуированы; Новороссийская и Феодосийская экспедиции были окончательно оборудованы к концу 1919 г.

В результате мы почти все время ощущали острую нужду в денежных знаках, и из-за этого генерал Деникин не мог своевременно увеличить содержание служащим (плохо были обеспечены не только младшие, но и старшие чины) в соответствии с вздорожанием жизни.

При первоначальном формировании Добровольческой армии в 1917 г., когда жизнь уже сильно вздорожала, оклады были приняты минимальные. Генерал Корнилов получал 1000 руб. в месяц, а ближайшие его сотрудники, генерал Деникин и я, по 700 руб. в месяц.

Разбирая документы, я нашел следующего содержания записку генерала Алексеева на имя заведующего контрольно-финансовым отделом Добровольческой армии, которая мне объяснила причину, почему семья генерала Алексеева, бывшая на Донской территории во время Первого Кубанского похода, очень бедствовала: «Лично мне за время деятельности в организации определено вознаграждение от Московского центра по 1500 руб. в месяц. Вследствие потери связи я не получаю этого вознаграждения за январь, февраль, март и апрель 1918 г. Прошу, позаимствовав эту сумму из общих запасов организации и проведя ее по отчетам, выдать мне впредь до расчета с Московским центром. Генерал Алексеев. 22 апреля 1918 г. Егорлыкская».

Значительное повышение окладов содержания последовало только осенью 1919 г. Летом же 1919 г. моя, например, семья хотя я тогда получал уже 1800 руб. в месяц, едва сводила концы с концами, и то только благодаря тому, что жена и дочь сами готовили обед и стирали белье.

Один из губернаторов жаловался мне на то, что он не только не может пригласить к своему столу кого-либо из вызванных к нему из уездов по делам службы, но и сам с семьей буквально голодает.

Недостаточное же содержание и жизнь впроголодь толкали очень многих на преступные поступки; поборы и взяточничество развивались. Конечно, нельзя говорить, что это единственная причина, развившая взяточничество и поборы, но при вообще значительно понизившемся моральном уровне за период войны и революции это было одной из главных причин.

Недостаток денежных знаков влиял на скупку зерна, на широкие угольные заготовки и на развитие работ по заготовкам всего необходимого для армии. Несвоевременные переводы денег на довольствие войск, как я уже отметил, вызывали производство бесплатных реквизиций.

Управление финансов доказывало, что делало все, что только было возможно, для получения большого числа денежных знаков, но

обстановка не позволяла как следует наладить дело. Судить не берусь, можно ли было сделать больше, но все обвиняли управление финансов в неумении наладить печатание достаточного количества денежных знаков, в то время когда большевики налаживали печатание чуть ли не в вагонах.

Положение управления финансов было чрезвычайно трудное. Но думаю, что если б ему вначале и удалось наладить работу печатного станка, то надолго этого не хватило бы, и это, конечно, не было разрешением вопроса. Курс бумажных денег так катастрофически падал, что как бы много ни печаталось денег — их все равно скоро перестало бы хватать.

Заем за границей или значительный кредит получить не удалось, а наладить вывоз хлеба и сырья мы не сумели.

Из русских средств, находившихся за границей, Добровольческая армия получила право располагать сравнительно незначительной суммой, которой было недостаточно, был еще способ получить в распоряжение казны значительное количество ценностей — путем скупки золота и драгоценностей у частных лиц и в магазинах. На это несколько раз обращали внимание управления финансов; было предположено поручить это дело нескольким агентам, но, насколько мне известно, это осуществлено не было. Думаю, что если бы это было организовано и за драгоценности казна платила бы несколько выше рыночной цены, то можно было бы скупить их очень много и образовать довольно значительный валютный фонд. Надо иметь в виду, что как ни грабили большевики, но беженцы все же умудрялись провозить с собой много драгоценностей, и их на юге России накопилось немало.

Очень сложным был вопрос с признанием или непризнанием советских денег.

Население, у которого скопилось много этих денег, было недовольно отказом командования их признавать, войска при продвижении вперед, при захвате военнопленных, советских штабов и различных учреждений, насыщались этими деньгами и также были недовольны их непризнанием.

Особое Совещание считало недопустимым признать эти деньги, хотя бы и временно (исключение из этого правила, в смысле временного признания советских денег, насколько помню, было допущено только для района Северного Кавказа). При временном их признании, т. е. назначении срока для обмена их на денежные знаки, имеющие хождение на освобожденной от большевиков территории, у нас не хватило бы денег для производства этой операции. Свободное же допущение в обращении советских денежных знаков давало бы в руки советского правительства слишком могучее оружие для борьбы с нами.

Генерал Деникин при объезде фронта прислал мне из Харькова (24 июня / 7 июля 1919 г.) телеграмму, в которой между прочим, указывая, что распоряжение о непризнании советских, в частности «пятаковских», денег волнует население, в которое выпущено их около миллиарда, сообщил, что генерал Май-Маевский это распоряжение приостановил, и просил дать объяснения.

В ответ на эту телеграмму я послал (23 июня / 7 июля) главнокомандующему следующий ответ:

«Вопрос о советских деньгах, в частности, «пятаковских», подробно обсуждался Особым Совещанием и с практической и с научной точек зрения. Единогласно признано, что если допустить и признать эти деньги, то мы оставляем страшное орудие в руках советской власти и ведем Россию к верному банкротству. Ведь при дальнейшем продвижении мы встретим еще большее количество миллиардов этих денег. То, что население, имеющее, конечно, и романовские и керенки, и украинские, выбрасывает на рынок именно советские, прежде всего указывает на то, что оно само сознает непрочность этих денег. Конечно, и у войск советских денег оказалось много. Характерен один из мотивов Май-Маевского, что на армию жертвуется много этих денег. Конечно, эта операция (т. е. непризнание советских денег) болезненная, но Особое Совещание и управляющий финансами другого выхода не видели. Постановлено предложить все советские деньги сдавать на текущий счет, объявив населению, что пока их судьба не решается; но выдавать можно каждому, независимо от принесенной суммы, не более пятисот рублей признаваемыми знаками (эту уступку, т. е. незначительный размен, признано было необходимым сделать, так как действительно городское население, а особенно рабочие, при полном непризнании советских денег ставились в очень тяжелое положение) с отметкой на виде на жительство. Единственно, что возможно, — это несколько увеличить выдачу, но вряд ли допустимо эти деньги признавать».

Генерал Деникин согласился с этим объяснением, и были преподаны соответствующие указания. Но эта мера, особенно среди рабочих, вызвала большое неудовольствие против «белой армии».

Вопросы организационные и оперативные. Вести правильно работу по формированию и организации армии в условиях гражданской войны, не имея устроенного тыла и не будучи хозяевами на территории казачьих войск, было крайне трудно.

В этой области ошибок было, конечно, много, но я остановлюсь только на вопросе формирования новых войсковых частей, и в частности на создании регулярной кавалерии.

От «добровольческого» принципа генерал Деникин отказался с началом 2-го Кубанского похода, т. е. примерно с мая 1918 г. Хотя

армия и продолжала называться «Добровольческой», но как на территории Кубанского казачьего войска, так и в освобождаемых неказачьих районах были образованы управления уездных воинских начальников, и военнообязанные, как запасные, так и новобранцы, призывались на службу в войска. Все офицеры, находившиеся в освобождаемых районах, также обязаны были поступить на службу. Перешли, таким образом, к принципу обязательной службы.

С расширением территории в распоряжении командования армии оказался значительный контингент военнообязанных и явилась возможность приступить к значительному увеличению армии.

Увеличение армии могло производиться двумя путями: или развертыванием существующих полков в бригады, бригад в дивизии, дивизий в корпуса; или формированием новых полков и сведением их в новые более крупные соединения. У нас были применены оба способа, но первому, как обеспечивающему более прочные части, было отдано преимущественное предпочтение.

Увеличение армии путем новых формирований производилось в районах, где не было старых частей Добровольческой армии (в Крыму, в Новороссии, в Киевской области, на Северном Кавказе) и при воссоздании старых полков Императорской армии.

Эти решения не вызывали сомнения, да и других решений быть не могло; но способ формирования частей вызывал критику. Дело в том, что вследствие растерянности фронта и его слабости штаб главнокомандующего применял способ формирования новых частей *на фронте*. Получая укомплектование, скажем, Корниловский полк — выделял кадр и тут же на фронте формировал новый 3-й или 4-й Корниловский полк.

Вновь сформированный полк, в который на укомплектование поступали и присланные пополнения из запасных батальонов, и только что взятые в плен красноармейцы, в ближайшие же дни попадал в бой и, как недостаточно сплоченный, при малейшей боевой неудаче нес большие потери дезертирами и пленными.

Противники развертывания частей на фронте указывали и на другой существенный недостаток этой системы, а именно, начальники дивизий, желая скорее развернуть свои части, скрывали от органов снабжения число захваченных у большевиков орудий, пулеметов, винтовок и боевых припасов; образовывали свои запасы, и это при общем недостатке всяких запасов, естественно, отражалось на планомерности формирований. А захваченное имущество, без должного ремонта, который произвести на фронте было невозможно, скоро приходило в полную негодность.

Штаб главнокомандующего не соглашался на выделение кадров из действующих частей и на отправку их для формирований новых частей в глубокий тыл, указывая на невозможность ослаблять фронт.

Конечно, при формировании новых частей в глубоком тылу фронт усиливался бы новыми частями значительно позже, и это, естественно, должно было бы уменьшить темп развития операции и не позволяло бы сильно растягивать фронт. Но, по мнению многих, при формировании новых частей в глубоком тылу — усиление армии было бы поставлено более основательно и более прочно, а новые части были бы крепче.

Что касается развития формирований частей регулярной кавалерии, то на это не было обращено должного внимания. Командование Добровольческой армии отлично понимало, что в гражданской войне, при сравнительной слабости пехоты противника, конница должна играть громадную роль. Но у нас на развитие формирований регулярной конницы было обращено большее внимание лишь летом 1919 г., но и то не в достаточной степени. Между тем если б этот вопрос был правильно поставлен с осени 1918 г., то при наличии большого числа кавалерийских офицеров можно было бы преодолеть все трудности и к осени 1919 г. иметь значительную регулярную конницу.

Оперативные планы главного командования подвергались также критике.

Я остановлюсь только на тех нападках, которые, по моему мнению, заслуживают внимания.

Указывалось на то, что весной 1919 г., после очищения от большевиков Северного Кавказа, было бы более правильно, не занимая Донецкого бассейна и лишь удерживая в правом берегу Дона плацдарм у Ростова, все силы сосредоточить на Царицынском направлении и, заняв Царицын, развивать операции вдоль Волги, что нарушило бы операции большевиков против армий адмирала Колчака и дало бы возможность войти в связь с последним.

Трудно сказать, конечно, насколько такая операция была бы удачна. Если бы удалось удержать Ростов и Новочеркасск, то она могла дать блестящие результаты; но если б линию Дона удержать не удалось и если б большевики, опрокинув заслон и потеснив Донскую армию, отрезали группу войск, оперирующую на Царицынском направлении, от ее базы на Кубани, то это могло бы окончиться плохо.

Затем многие обвиняли главное командование, что оно, гонясь за захватом большей территории, не сообразуясь с наличными силами, слишком продвинуло армию вперед, растянуло войска и в результате, не имея нигде резервов, потерпело поражение. Этот упрек, в связи с общим неустройством тыла, надо признать правильным.

В главе X я, может быть, излишне подробно остановился на несогласиях, существовавших между главным командованием и представителями казачьих войск. Чтобы не было никаких недоразумений — я еще раз должен подчеркнуть, что все эти несогласия зиждились на

непримиримом расхождении во взглядах на государственное строительство России.

Небольшая группа политических деятелей в казачьих войсках, сумевшая влиять на большинство в собираемых представительных органах (Круг, Рада), добивались образования самостоятельных государств: Дона, Кубани, Терека; а затем уже объединения России на федеративных началах.

Главное же командование армии и Особое Совещание, нисколько не посягая на самобытный уклад казачьей жизни, говорили: вы — прежде всего русские. Вы должны составлять единое с Россией, но пользоваться самой широкой автономией.

Многие нас упрекали за нашу непримиримую в этом отношении позицию, указывая, что, в сущности говоря, безразлично как называть — «федерация» или «автономия», лишь бы было единое командование и единые — внешние сношения, финансы, контроль и таможенная политика.

К сожалению, деятельность некоторых ярых самостийников показывала, что это не безразлично, и если бы командование Добровольческой армии на эту уступку пошло, то могли получиться самые невероятные результаты.

Что же касается всего простого казачества (Донского, Кубанского, Терского и Астраханского) и всего командного казачьего состава, то они, кровно спаянные с Добровольческой армией, совместно с ней, совершенно не занимаясь политикой, которую вела небольшая кучка людей, безропотно и самоотверженно делали великое дело спасения России от ига насильников и вели борьбу до конца.

Значительный процент преступного элемента среди воинских чинов, как офицеров, так и солдат, объясняется, прежде всего, тем, что с лета 1918 г. Вооруженные силы юга России фактически перестали быть Добровольческой армией.

Ряды армии пополнялись не только идейными людьми, как это было в первый период существования армии, а также по набору, по принуждению, по повинности; много в армию попадало и из числа военнопленных и перебежчиков красной, большевистской армии. При общем понижении морального уровня за период Европейской войны и русской смуты, естественно, что и в ряды Вооруженных сил юга России попадал значительный процент преступного элемента.

Но те преступные деяния, которые омрачали деятельность Вооруженных сил юга России, тонули в геройском поведении и самоотверженной работе русского офицерства, русской молодежи (студентов, гимназистов, юнкеров и кадет) и многих простых казаков и солдат, которые, неся страшные тяготы и лишения, бесстрашно и безропот-

но шли на смерть ради спасения несчастной, опозоренной Родины. (Я, конечно, казачества не отделяю от русского офицерства и русской молодежи. Да для них, вопреки мнению некоторых «самостийников», это было бы и кровным оскорблением.)

Конечную неудачу так называемого «Деникинского периода» большинство приписывает тому, что руководители армии и Особое Совещание совершенно не справились с устройством тыла и не уберегли армию от развала.

Как конечный вывод — это верно. Но обстановка была так сложна, условия работы по государственному строительству были так трудны, что неудачи этого периода вряд ли можно объяснить только неправильной политикой генерала Деникина и его правительства, ошибками последнего и неудачным подбором сотрудников. Не знаю, насколько удачно, но в своем изложении я хотел очертить ту совокупность условий, которые и привели к конечной неудаче.

Что касается собственно Добровольческой армии, то, несмотря на многие теневые стороны, ее самоотверженная и патриотическая работа будет отмечена историей.

В заключение я позволю себе привести выдержки из статьи «Победа духа» (газета «Свободная Речь» от 30 марта (12 апреля 1919 г. № 71) чистого сердцем, большого русского патриота профессора князя Евгения Трубецкого:

«Главное отличие Добровольческой армии от большевистской — диаметрально противоположный жизненный уклад... у них (добровольцев) есть то, чего нет у большевиков. Есть воинская честь и несокрушимая сила духа.

В дни всеобщего унижения и разложения Добровольческая армия явила эту силу. В этом ее заслуга, которая больше всех одержанных ею побед. В эпохи национального упадка самое ужасное — это тот духовный паралич, который наступает, когда народ утрачивает веру в себя. Сколько раз Россия переживала это мучительное состояние! С него началась русская история, когда, отчаявшись в себе, наши предки послали за варягами. Потом то же отчаяние — в дни татарщины и в тяжкое лихолетье Смутного времени.

Чем спасаются в такие времена? Конечно, не какими-либо великими делами масс, которые всегда серы, бесцветны и малодушны, а героическими подвигами избранных, лучших людей...

А народ был тогда, как и теперь, все та же колеблющаяся, изменчивая масса, которая то звереет и неистовствует, то кается в своих грехах и подчиняется национальному инстинкту, то коснеет в тупом равнодушии. Не масса делает историю, а личность. Она зажигает массы; от нее рождаются стихийные, неудержимые народные движения.

Вот почему нам так бесконечно дороги те героические подвиги, которые были явлены на Кубани и на Тереке. Они пробуждают в нас веру в Россию...

В заключение помянем еще заслугу, за которую мы должны отвесить земной поклон Добровольческой армии. Мы живем в эпоху неслыханного упадка патриотизма. Одни меняют родину на выгоду личную, другие на выгоду классовую. Третьи делают вид, что ее любят, но на самом деле делают карьеру на патриотизме.

И вот теперь, среди этой деморализации и разложения — ясный проблеск национального возрождения. Мы видим людей, которые любят Россию беззаветно и безгранично, ради нее самой, как любят бесконечно дорогого человека. Ибо какой корысти ждут от России те, кто добровольно, без принуждения, жертвуют для нее жизнью или становятся ради нее калеками.

В минуту, когда мы не знали, жива Россия или мертва, — добровольцы явили горячую, пламенную любовь к родине и тем засвидетельствовали о таящейся в ней жизненной силе.

Нет того народа, который в течение многих веков своей истории не переживал бы критические, страшные дни упадка и смуты.

Но отличие великого народа — в его способности подниматься из глубины падения на высоту, недоступную слабым и малодушным.

Теперь мы видим начало такого подъема, он засвидетельствован не словами, а делами, которые перейдут в историю и останутся навсегда предметом восхищения и гордости».

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ВРАНГЕЛЕВСКИЙ ПЕРИОД

Глава XIII

После всякой крупной боевой неудачи, следствием которой является не частичное поражение какой-нибудь группы войск, находящихся на фронте, а отступление по всему фронту и общая потеря армией способности оказывать сопротивление преследующему противнику, всегда наступает, за развалом фронта, развал тыла. Восстановить боеспособность армии возможно в этих случаях только при условии, если удастся вывести войска из-под ударов противника и затем пополнить их и привести в порядок.

Но приведение в порядок расстроенной армии и восстановление правильной деятельности армейского тыла является всегда операцией очень сложной и трудной. Нормально это достижимо лишь при условии наличия здорового глубокого тыла, сохранения армией веры в своих вождей и имения достаточных и хорошо подготовленных укомплектований, а также запасов для пополнения в армии всего недостающего.

Ни одного из этих обязательных условий для восстановления боеспособности армии, после ее эвакуации в Крым, в наличности не было. Как мною было отмечено в пятой части моих «Воспоминаний», здорового тыла у нашей армии не было. Развал тыла начался задолго до развала армии.

После занятия большевиками в конце декабря 1919 г. Ростово-Новочеркасского плацдарма Вооруженные силы юга России, на главном театре военных действий, для прикрытия Кубани и Северного Кавказа, были отведены за реки Маныч и Дон. В половине января противник вновь повел наступление, но был встречен контрударом, и нами было захвачено свыше 5000 пленных, 65 орудий, 100 пулеметов и много другой военной добычи.

Для многих казалось, что в ходе операций может произойти перелом; но этот успех в действительности был лебединой песней Вооруженных сил юга России.

Привожу краткий обзор военных действий Вооруженных сил на юге России с 15/28 января по 1/14 февраля 1920 г.

«Противник, заняв в конце декабря Ростово-Новочеркасский плацдарм и сосредоточив в низовьях Маныча и Дона свои лучшие — конную, 8-ю и 9-ю — армии, поставил себе целью прорваться здесь на Кубань.

Одиннадцатая и десятая его армии получили задачу овладеть Ставрополем и Торговой, а 13-я, 14-я и 12-я — наступать на Крым и Одессу.

Вооруженные силы юга России, с задачей прикрывать Северный Кавказ, Кубань, Крым и Одесский район, отошли — на восток за Маныч и Дон, а на западе на северное побережье Крыма, Перекоп на правый берег Буга и Саврани.

В половине января противник, пользуясь тем, что реки замерзли, переправившись в низовьях Маныча и Дона, повел наступление на юг.

Наши части встретили его контрударом.

Конница наша разбила конную армию красных, которая в панике, оставив в наших руках всю артиллерию, бежала за Маныч; пехота также не вынесла нашего стремительного удара и повернула назад, бросая пушки и целыми частями сдаваясь в плен.

Последующие попытки противника наступать окончились для него также неудачно. Всюду противник отброшен за Маныч и Дон.

Нами захвачено свыше 5000 пленных, 65 орудий, 100 пулеметов и много другой военной добычи.

Наступательный порыв советских армий значительно понизился, и дезертирство из их рядов сильно возросло.

В тылу у них начались восстания казаков и рабочих Ростова.

Повстанцы в Новочеркасске и прилежащих станицах разогнали совдепы и перебили комиссаров. О дальнейшем ходе восстаний пока новых сведений нет.

В то же время на флангах — на правом наши войска сдерживают красных в Кизлярском, Свято-Крестовском и Ставропольском районах; на левом — в Крыму наступление советских войск на Чонгар и Перекоп отбито нами, красным нанесен тяжелый урон; нами захвачено свыше 2000 пленных, пушки и пулеметы.

Одесский район эвакуирован нами.

В ближайшее время заканчиваются организационные работы в тылу и армии юга перейдут в наступление. Подписал: Начальник штаба генерал-лейтенант Романовский».

Хотя и после этого было несколько удачных дел, но армия быстро разваливалась, и взоры громадного большинства офицеров обращались назад, где находились их жены, дети, родители, за участь которых они беспокоились, опасаясь, что их не эвакуируют.

Железная дорога от армии к Новороссийску была забита поездами с ранеными, больными, эвакуируемыми и беженцами. В тылу царил хаос, а в Новороссийске чуть не штурмом брались на пароходах места, предоставленные для эвакуируемых.

К концу февраля (по старому стилю) командованию Вооруженных сил на юге России стало ясно, что армии больше нет и что для возможности дальнейшей борьбы с большевиками надо сохранившиеся части эвакуировать в Крым.

В Крым было эвакуировано то, что отошло на Новороссийск. Значительное же число казачьих частей (Донских, Кубанских, Астраханских и Терских), отошедших на Туапсе и далее на Сочи, эвакуировать не удалось (впоследствии часть из них, распоряжением генерала Врангеля, была перевезена из Сочи в Крым). Перевезены были в Крым и 3000 человек из состава группы войск, отошедшей через Владикавказ на Тифлис и интернированной грузинами в Поти.

Эвакуация войск из Новороссийска в Крым была произведена крайне беспорядочно, и вследствие недостатка угля для имевшихся транспортных средств пришлось бросить в Новороссийске колоссальное количество материальной части и боевых припасов. Почти вся конница была перевезена в Крым без лошадей.

С первых же дней после эвакуации армии в Крым резко определилось самое ужасное, что может случиться с армией, — это недоверие к командованию. Очень многие из командного состава и рядового офицерства в неудачах, постигших армию, обвиняли начальника штаба генерала Романовского. Генерал Деникин, чтобы успокоить взволнованные страсти, решился на смену начальника штаба, но затем решил и сам уйти.

Для всех в армии было ясно, что единственным авторитетным заместителем генерала Деникина мог быть генерал барон Врангель.

Иначе ли думал генерал Деникин, или у него были какие-либо другие причины, чтобы отстранить от себя единоличный выбор себе заместителя, но он приказал генералу А. М. Драгомирову собрать совещание из старших начальников и предложить им высказаться о желательном кандидате на пост главнокомандующего Вооруженными силами юга России.

Со слов участников этого совещания я знаю, что командующие корпусами прибыли в сопровождении значительно большего числа лиц, чем это было указано. Получилось впечатление, что со стороны некоторых лиц имелось намерение, путем увеличения числа участников совещания, провести желательных для них кандидатов. Генерал Драгомиров удалил из совещания всех тех, которые не были приглашены.

После обсуждения возникшего положения совещание постановило обратиться к генералу Деникину с просьбой самому назначить себе заместителя, а не решать этот вопрос, вводя опасный и чреватый последствиями принцип выборного начала.

Как мне потом передавали, генерал Деникин все же выразил желание узнать мнение старших начальников о желательном кандидате, сообщив, что окончательное решение о назначении того или иного лица он, во всяком случае, оставляет за собой.

На совещании определенно выяснилось, что только назначение генерала Врангеля может успокоить взбудораженные страсти. Генерал

Деникин приказал вызвать генерала Врангеля из Константинополя, где последний находился после своей отставки и собирался, как частный человек, переехать в Сербию.

Ко времени приезда генерала Врангеля в Севастополь генералом Деникиным был отдан приказ о назначении его своим заместителем.

Что же застал генерал Врангель в Крыму? Вооруженных сил юга России как армии не существовало. Было только несколько отдельных частей, но слабого состава, сохранивших полную боеспособность. Остальные части, при колоссально разросшихся тыловых учреждениях, были в полном расстройстве.

Как среди старших, так и среди младших чинов был большой процент потерявших всякое понятие о воинской дисциплине. Как следствие более чем распущенной жизни предыдущего периода, в армии был значительный процент преступного элемента.

Но вместе с этим эти остатки Вооруженных сил юга России, по своей доблести и по своим основным качествам, лишь затемненным и загрязненным за период развала армии, являлись великолепным материалом для создания отличной армии. Для этого требовалось — твердая рука, железная дисциплина и время.

Рассчитывать, что противник даст много времени на приведение армии в порядок — было трудно. Но, кроме этого, для приведения армии в порядок требовалось обмундирование, вооружение, боевые припасы и конский состав. Всего этого в Крыму было очень мало. Даже вопрос продовольствия встречал серьезные затруднения: в Крыму совсем не было сахару и ничтожное количество жиров и мяса.

Тыл был — море и Константинополь, поддерживать связь с которым, вследствие отсутствия угля, было трудно. Для приобретения же всего необходимого из-за границы требовались деньги в иностранной валюте, а их в распоряжении командования армии было немного.

Крым был переполнен беженцами, настроенными, естественно, панически; тыловые учреждения бывшего крымского корпуса находились в полном расстройстве, а в Крымских горах бродили шайки так называемых «зеленых», наводивших страх на мирных жителей.

Общая обстановка усложнялась ультимативным требованием Великобритании не выдвигать войска к северу от Перекопского перешейка и явным ее стремлением заставить прекратить дальнейшую борьбу Вооруженных сил юга России против советской власти.

Генерал Врангель, приняв командование при такой, почти безнадежной, обстановке поставил себе первоначальной задачей: удержать Крым от натиска большевиков, восстановить боеспособность армии и установить порядок в Крыму.

В письме на мое имя от 2/15 апреля 1920 г. он сообщил: «Насущнейших вопроса два: 1) срочная доставка в возможно большом количестве угля, дабы поставить на рейсы флот и 2) открытие границ Сербией и другими государствами для беженцев, без чего мне не разгрузить Крыма от всего лишнего и не восстановить порядка и спокойной работы в тылу. Эти два вопроса требуют незамедлительного решения, и я очень прошу Вас мне в этом помочь».

В другом письме на мое имя, от 19 апреля / 2 мая, генерал Врангель более подробно останавливается на том, что необходимо сделать и что уже было сделано со времени принятия им главнокомандования.

Привожу выдержки из этого письма:

«1) Армия спешно приводится в порядок; бесчисленные мелкие части с громоздкими тылами сведены в 2 корпуса (1-й — бывший Добровольческий и 2-й бывший Крымский), Донцы — в один (пока еще небоеспособный, раздетый и безоружный), Кубанцы — в бригаду.

Из Сочинского округа, где борьба подходит к концу, перебрасываются наиболее боеспособные части — пока прибыли части: Терцы, Астраханцы и ожидаются 2-я и 3-я кубанские дивизии... Из района Поти переброска закончена и прибывшие войска (около 3000) укомплектуют части 1-го и 2-го корпусов.

Под общим руководством генерала Юзефовича спешно укрепляется Перекопский и Чонгарский районы; вторая укрепленная позиция подготовляется близ г. Севастополя.

Командный состав значительно обновлен...

Предпринять ряд мер по борьбе с грабежами и для поднятия дисциплины в войсках.

Все дело снабжения армии и населения сосредоточено в одних руках начальника снабжений...

2) Принять ряд мер для облегчения торговли... Заключен контракт по реализации старых судов, портового лома и т. д., что обещает дать значительный доход. В видах сокращения расходов пересмотрены и сокращены до минимума штаты по всем отделам. Разрабатывается вопрос о налогах.

3) Производится парцелляция земель, числящихся за Крестьянским банком, государственных и т. д.; учреждаются комиссии для облегчения передачи земли мелким землевладельцам и т. д. — делается все возможное для повышения производительности края.

4) Предпринять ряд мер для пропаганды в тылу противника...

5) ...Англичане определенно выходят из игры... Чрезвычайно благоприятно, по-видимому, отношение к нам американцев — их помощь могла бы быть весьма существенна, как в смысле дипломатической

поддержки, так в случае благоприятного оборота вещей, и в смысле финансовой поддержки...

В наших переговорах с Польшей и Румынией большую роль должны играть французы, позиция коих отлична от англичан.

6) Мой план — держать Крым, приводя в порядок армию и тыл, поддерживать борьбу на Кавказе и в Новороссии и ждать благоприятной обстановки, которую можно было бы использовать.

Уголь, уголь и уголь — вот что надо прежде всего; затем обеспечение боевыми припасами в случае прекращения снабжения Англией. И одновременно со всем этим политическая работа в Европе с целью доказать, что не миром с большевиками прекратится анархия в России, а созданием такого ядра, вокруг которого могли бы объединиться стихийные народные противобольшевистские силы, не могущие вынести советской тирании. Таким ядром был бы Крым.

7) Готовясь к продолжению борьбы и не теряя веры в успех, делаю все возможное, дабы в случае неудачи не быть застигнутым врасплох. И здесь, прежде всего, надо иметь уголь, и создание его запаса на случай эвакуации — моя задача.

Тоннажем мы сейчас обеспечены, план эвакуации разработан во всех деталях, но угля пока еще недостаточно.

Подготовка на случай неудачи базы в Сербии, о которой Вы мне писали, необходима...»

Последнее письмо, как заключающее в себе определенный план действий, представляет интерес для сравнения с тем, что в действительности было достигнуто генералом Врангелем, и для исторической оценки так называемого «Крымского периода».

Генерал Шатилов, передавая мне предложение генерала Врангеля быть представителем главнокомандующего в Константинополе, сказал, что признается необходимым подчинить мне всех, как военных, так и гражданских русских представителей (не исключая и дипломатических), в Румынии, Сербии, Болгарии, Греции и Турция.

Но письмом от 1/14 апреля 1920 г. генерал Врангель, изменяя свое первоначальное решение, сообщил мне об этом так:

«Тщательно обсудив, вместе с П. Н. Шатиловым, А. А. Нератовым и П. Б. Струве, которому я поручил Управление Иностранных Дел, всю политическую и иную обстановку, создавшуюся для нас в Константинополе, я пришел к следующему решению о том, как в настоящий момент должно быть поставлено представительство Вооруженных сил юга России в Константинополе.

Одновременно с назначением Вас главным военно-морским представителем Вооруженных сил юга России в Константинополе и прилегающих к нему странах (Греция, Сербия, Болгария и Румыния),

я возлагаю на А. А. Нератова управление дипломатической миссией в Константинополе и руководство работой наших дипломатических представителей в Греции, Сербии, Болгарии и Румынии.

Это решение представляет несколько иную конструкцию Константинопольского представительства и означает иной объем Ваших полномочий, чем тот, который Вы предполагаете в Вашем письме и который имелся в виду при Ваших беседах с П. Н. Шатиловым. Но прошу Вас верить мне, что повелительные соображения делового характера продиктовали мне это решение вопроса.

Привлечение таких крупных лиц, как Вы и А. А. Нератов, исключающее подчиненное соотношение между ними, требуется обстановкой, в которую мы поставлены. Необходимо поднять престиж наш, который был уронен не только нашими военными неудачами, но и неудачным представительством как военным, так и дипломатическим.

Дипломатическое представительство в Константинополе поставлено, в формальном отношении, независимо от представительства союзников. Военное представительство состоит при союзном командовании.

Отсюда вытекает необходимость, при определении компетенции и взаимоотношений дипломатического и военного представительств, исходить из той точки зрения, что вопросы внешнеполитического характера должны вестись органом, независимым от союзников, а военно-морские вопросы и вопросы снабжения, а равно все, что касается беженцев, эвакуации и проч., должны находиться в ведении военно-морского представителя.

При этом возможность сношений по вопросам этого рода с иностранными представительствами, не участвующими в оккупации Константинополя, требует, в этих случаях, предпринимать все сношения и действия по соглашению между военным и дипломатическим представителями нашими в Константинополе.

Та же общая точка зрения на разграничение компетенции должна проводиться и в вопросах, возникающих в сношениях с Балканскими государствами, в коих представители военные и дипломатические подчиняются руководству — первые Вашему, а вторые А. А. Нератова.

Не сомневаюсь, что в стремлении помочь Вашим опытом русскому делу Вы сотрудничество с А. А. Нератовым в областях, хотя и трудно поддающихся разграничению, но различных по характеру и требующих совершенно различной подготовки, поставите плодотворно и без всяких трений, тем более что А. А. Нератов лично хорошо Вам известен и обладает счастливыми в этом отношении свойствами».

Новое решение генерала Врангеля, на мой взгляд, было неправильно, но просить вернуться к прежнему решению я считал неудобным, так как это могло иметь характер, что я хочу играть первенствующую

роль. Кроме того, личные свойства А. А. Нератова давали мне действительно полное основание считать, что у меня с ним не будет никаких недоразумений и мы с ним как-нибудь размежуемся.

По существу же дела, повторяю, новое решение было не правильно. Действительно, собственно «дипломатическое» представительство имело для нас серьезное значение лишь в Сербии и Болгарии, правительства которых считались с правительством юга России и фактически нас признавали. В Румынии и в Греции сохранение дипломатического представительства имело лишь политическое значение.

В Константинополе дипломатическое представительство, конечно, имело значение, но собственно «дипломатических» вопросов почти не было, а ежедневно возникали вопросы, связанные со снабжением армии, беженцами и эвакуацией. Все же эти вопросы в Константинополе с нашей стороны были сосредоточены в моих руках, а не дипломатического представителя; а у англичан и французов, с которыми и приходилось иметь больше всего дела, были сосредоточены в руках Верховных комиссаров, а не в руках командования.

Командующие союзными войсками ведали чисто военными вопросами и имели отношение к снабжению нашей армии лишь в случае выдачи предметов снабжения из складов, находившихся в их распоряжении.

А так как союзные Верховные комиссары считали возможным для себя поддерживать непосредственные официальные сношения лишь с дипломатическим представителем главнокомандующего А. А. Нератовым, то во всех тех случаях, когда мне нужно было к ним обращаться по вопросам, находившимся в моем и их ведении, приходилось эти обращения делать или через А. А. Нератова, или ездить к ним совместно с нашим дипломатическим представителем и в его присутствии вести переговоры. Все это, конечно, затрудняло ведение дела и создавало ненужные трения.

Впоследствии я с фактами в руках докладывал это генералу Врангелю и председателю правительства А. В. Кривошеину, указывая на то, что при создавшемся положении нужно иметь в Константинополе единого представителя. А так как считали необходимым иметь в Константинополе настоящего дипломата, то следовало подчинить ему военного представителя. Так в конце и было решено сделать; но разрешение этого вопроса затянулось до Крымской катастрофы.

Обстановка, которую я застал, вступив в должность представителя Главнокомандующего при союзном командовании в Константинополе, была следующая:

Беженский вопрос. При эвакуации Одессы в январе и Новороссийска в феврале и марте 1920 г. гражданское население, опасавшееся остаться во власти большевиков, семейства служащих Вооруженных сил юга России, а также больные и раненые были эвакуированы частью

в Крым, а частью в Болгарию, Сербию, Константинополь, Грецию, на острова Лемнос и Кипр и в Египет. Часть гражданского населения Крыма, в период эвакуации Новороссийска, также была вывезена англичанами в Константинополь и размещена частью на Принцевых островах на Мраморном море, а частью размещена в лагерях в Египте.

В Болгарии первоначально осело около 4000 беженцев, в Сербии около 10 000, в Греции около 2000, в Константинополе и на Принцевых островах около 10 000, на островах Лемнос и Кипр и в Египте около 10 000 (считая в этих цифрах раненых и больных).

В Болгарии первоначальное отношение к эвакуированным русским как со стороны правительства, так и со стороны населения было хорошее, но помощь была оказана крайне незначительная: было отведено несколько помещений для их размещения, но почти не оборудованных, было оказано содействие для получения на льготных условиях некоторого количества продовольствия и выдано незначительное количество обмундирования. Большая часть эвакуированных оказалась в Болгарии в очень тяжелом материальном положении. Только отдельная группа эвакуированных из Одессы была, до некоторой степени, обеспечена заботой штаба Новороссийского края.

В Сербии, благодаря исключительно сердечному и братскому отношению к русским со стороны Королевича, сербского правительства и народа, было сделано все, что только было возможно, для лучшего их размещения, и был установлен льготный размен денег Вооруженных сил юга России на сербские динары.

В Греции русским оказывалась небольшая благотворительная помощь и поддерживалось содержание больных и раненых в лазаретах в Пирее и Салониках.

Беженцы, осевшие в самом Константинополе, никакой помощи от союзников не получали; неимущие просили кров и пищу у представителей командования Вооруженных сил юга России.

На Принцевых островах беженцы были приняты на полное содержание союзников, предоставивших им кров и пищу: на острове Принкипо заведовали англичане, на Халки — французы, на Антигони — итальянцы и на Проти — американцы.

Эвакуированные, направленные на острова Лемнос и Кипр и в Египет, находились на иждивении у англичан.

Для заведования беженскими вопросами, еще при генерала Деникине, в Сербию и в Константинополь были назначены особые уполномоченные. Уполномоченный, назначенный в Белград, должен был ведать беженскими вопросами в Сербии и Болгарии и организовать прием беженцев, направлявшихся через Салоники. Константинопольский уполномоченный должен был ведать беженскими вопросами,

возникавшими в Константинополе, на Принцевых островах, в Греции, на Лемносе, Кипре и в Египте. Средства как тому, так и другому были отпущены очень незначительные, а расходы требовались большие.

В Болгарии из размещенных там беженцев многие оказались совершенно без всяких средств. В Сербии, хотя и был установлен для беженцев льготный размен, но требовались значительные расходы на содержание лазаретов, кадетского корпуса и двух девичьих институтов. В Константинополе нужно было устроить для беженцев общежития и столовые.

Многие из беженцев, находившихся на Принцевых островах и на Лемносе, не имея никаких средств, просили выдавать им хоть самые незначительные пособия, чтобы иметь возможность приводить в порядок платье и обувь, а семейные умоляли им помочь для улучшения питания детей.

С Лемноса доходили письма, в которых беженцы рисовали в самых мрачных красках свое существование: лагерь оказался совершенно не устроенным, пресной воды чувствовался недостаток, спали в палатках на земле из-за отсутствия кроватей, и среди детей стали развиваться эпидемические заболевания, вызвавшие большую смертность. Беженцы жаловались на бессердечное и грубое отношение английской администрации. Относительно условий размещения беженцев на Кипре и в Египте никто ничего определенного не знал, но слухи доходили самые ужасные.

В Крыму были определенно недовольны деятельностью уполномоченного по беженской части в Константинополе, которого обвиняли в том, что он не сумел добиться хорошего устройства беженцев союзниками на Принцевых островах и англичанами на островах Лемнос и Кипр и в Египте и что он сам не устроил сносно тех беженцев, которые осели в Константинополе.

В действительности константинопольский уполномоченный ничего серьезного и сделать не мог; в его распоряжении, если не ошибаюсь, было отпущено всего 20 000 турецких лир, а союзное командование совершенно не допускало его вмешательства в устройство беженцев, принятых ими на свое попечение.

Что касается уполномоченного по беженской части в Сербии, то поступало много жалоб и на него. Указывалось, что он совершенно не заботится о беженцах, находящихся в Болгарии, а беженское управление, устроенное им в Сербии, слишком громоздко, составлено из людей, заботящихся лишь о своем благополучии, а не о беженцах; его управление, действовавшее в Белграде, иначе не называли, как «чрезвычайка».

Серьезной заботы о беженцах, попавших в Болгарию, он не мог проявить опять-таки вследствие недостатка средств; а нападки на деятельность беженской организации в Сербии имели под собой

основания, вследствие неудачного назначения некоторых лиц и нескольких случаев злоупотреблений со стороны исполнителей, причастных к выдаче пособий (льготного размена). Но после эвакуации у всех было такое повышенное настроение, что отдельные случаи злоупотреблений и невнимания обобщались.

Заготовки для надобностей Крыма. Еще в январе 1920 г., после потери Донецкого угольного бассейна, командование Вооруженными силами юга России командировало в Константинополь одного морского офицера и одного инженера с поручением закупить уголь и направить его в Новороссийск и в Крым. На эту операцию было ассигновано 200 000 турецких лир. Этот уголь требовался в дополнение к 12 000 тонн, обещанных англичанами. Командированные лица, совместно с представителем от русской морской базы, образовали в Константинополе закупочную комиссию.

К началу апреля в распоряжении этой комиссии не было средств, а потребность в угле предвиделась большая. Надо было достать необходимые денежные средства и работу комиссии поставить на более прочные начала, так как до моего вступления в должность ее работа протекала без участия представителя государственного контроля.

После эвакуации Новороссийска и переброски войск в Крым возникал ряд существенных вопросов по заготовкам всего необходимого для армии. На первое время хлеба в Крыму должно было хватить, но с первых же дней выяснилась необходимость купить за границей и направить в Крым жиры и консервы, так как мяса и жиров в Крыму почти не было.

Я застал в Константинополе помощника начальника управления продовольствия кн. Трубецкого, которому еще правительством генерала Деникина были ассигнованы крупные суммы и было дано поручение заготовить жиры и мясные консервы.

Я предвидел, что в ближайший же период получу требования на заготовку бензина, керосина, нефти и обмундирования. Все это требовало средств и создания органа, который мог бы ведать этим делом.

Главнейшей моей задачей, таким образом, являлось наладить заграничное снабжение армии и упорядочить беженский вопрос. Успешное же выполнение этой задачи всецело зависело от того, будут ли в мое распоряжение отпущены достаточные денежные средства.

Бывший в Константинополе проездом в Париж начальник управления финансов в новом правительстве генерала Врангеля М. В. Бернацкий сделал распоряжение об ассигновании на первое время в мое распоряжение 200 000 фунтов стерлингов и обещал принять меры, чтобы по мере израсходования кредита он пополнялся. Но он, да и я, зная обстановку, отдавали себе отчет в том, что рассчитывать на значительные средства бывшего Императорского правительства, оставшиеся

за границей, не приходится. М. В. Бернацкий ехал в Париж в надежде добиться кредита и, кроме того, надеялся, что меры, принимаемые по продаже в Севастополе излишнего портового имущества, металлического лома и старых судов, дадут казне значительные средства.

Для проверки и выдачи разрешений на испрашиваемые расходы при мне было образовано совещание с участием представителей управления финансов и государственного контроля. По предварительному подсчету получалось, что на беженскую часть, т. е. на помощь беженцам, школы, общежития, столовые и прочее нельзя расходовать много, так как большая часть отпущенной суммы должна была пойти на удовлетворение потребностей армии.

Правильная же постановка беженского вопроса была необходима не только в целях улучшить бедственное положение значительной части беженцев и эвакуированных, ради них самих, но и для внесения успокоения в ряды армии. Слухи о безотрадном положении эвакуированных семей офицеров страшно волновали оставшихся в Крыму глав семейств, и это затрудняло работу генерала Врангеля по приведению в порядок армии.

К работе по оказанию помощи беженцам были привлечены общественные организации — Красный Крест и всероссийские Земский и Городской союзы. Заботу по устройству санитарной и медицинской части принял на себя Красный Крест; устройство гимназий, школ и детских домов для детей дошкольного возраста было передано Городскому союзу; забота о непосредственной помощи беженцам, главным образом трудовой, была передана Земскому союзу.

С одной стороны, вследствие недостатка средств, а с другой стороны, вследствие того, что оказание денежных пособий на жизнь способствует лишь развитию дармоедства, было проведено как принцип, что денежные пособия Земским союзом должны выдаваться как ссуды на создание различных предприятий, а отдельным лицам — лишь при наличии гарантий, что отпускаемые им деньги будут употреблены на устройство какого-нибудь дела.

Забота об эвакуированных воинских чинах, поддержание кадетских корпусов, институтов, устройство общежитий и столовых, оказание, в исключительных случаях, персональной денежной помощи или помощи выдачей предметов одежды было сохранено в руках заведующих беженской частью, назначенных генералом Врангелем.

Таких заведующих было назначено три — в Константинополе, в Сербии и Болгарии; при них были образованы советы с участием представителей общественных организаций, финансов и государственного контроля. Совет по беженской части, образованный в Константинополе, носил характер центрального, и через него проходили все представления и ходатайства, поступавшие из Сербии и Болгарии.

Разрешение же всех сметных ассигнований и принципиальных вопросов производилось лишь после рассмотрения представлений в совете, состоявшем под моим председательством.

Несколько сложная постройка всех организаций беженского дела и доминирующее значение представителей правительства генерала Врангеля объясняется тем, что общественные организации фактически своих капиталов не имели и все расходы относились на средства казны.

Содержание беженцев на Принцевых островах, принятое на себя французами, англичанами, американцами и итальянцами, было вполне удовлетворительно. Только питание детей, вследствие несоответствующего состава выдаваемого пайка, было поставлено крайне неудовлетворительно, и беженская организация приняла на себя обязанность по улучшению детского питания.

Беженцы, находившиеся на попечении англичан на острове Лемнос, первоначально, вследствие полного неустройства беженского лагеря, находились в неимоверно тяжелых условиях. Среди детей, как мною уже было отмечено, стали распространяться эпидемические болезни, и, опять-таки вследствие более чем плохого устройства лазарета и отсутствия должного ухода среди них началась большая смертность. Британская администрация на острове, вероятно, ради предупреждения распространения эпидемии, затруднила сообщение между лагерем и лазаретом, часто не допуская родителей к больным детям.

Все это служило основанием для присылки беженцами самых отчаянных писем.

Главы семейств, находившиеся в Крыму, страшно волновались и настаивали на спасении их семейств, которые, как им казалось, оставаясь на попечении у англичан, обрекались на гибель. С острова Кипр и из Египта получались письма, рисовавшие еще более ужасное положение эвакуированных туда беженцев.

Верховный комиссар Великобритании в Константинополе адмирал де Робек, к которому я обратился с заявлением о необходимости улучшить положение беженцев, находившихся на попечении англичан, и с настоянием послать на острова Лемнос и Кипр, а также в Египет, моих представителей, которые могли бы на месте ознакомиться с действительным положением вещей, ответил, что против посылки моего представителя на Лемнос он ничего не имеет и что для улучшения положения беженцев на острове Лемнос он принимает ряд мер; что же касается улучшения положения беженцев на острове Кипр и в Египте, а также посылки туда моих представителей, он ничего сделать не может и не может дать согласия на эти командировки, так как администрация на Кипре и в Египте не подчинена ему; что он сделает необходимые сношения и сообщит мне ответы, которые получит.

Относительно улучшения содержания беженцев на острове Лемнос адмиралом де Робеком были действительно приняты необходимые меры, и через несколько времени находившиеся там беженцы были устроены сравнительно сносно. Что же касается Кипра и Египта, то, несмотря на самые решительные меры, чтобы получить разрешение послать туда моих представителей, я его не мог добиться в течение почти четырех месяцев.

Впоследствии подтвердилось, что как беженцы, так и эвакуированные воинские чины на Кипре и в Египте были вначале обставлены более чем плохо и в моральном отношении испытывали ряд унижений и оскорблений со стороны младших чинов местной британской администрации.

Правда, было много случаев дурного и даже преступного поведения, проявленного беженцами и эвакуированными воинскими чинами, но, к сожалению, местная английская администрация на прибывших на попечение Великобританского правительства беженцев и эвакуированных раненых и больных офицеров и солдат смотрело не как на «гостей Английского Короля», как они были названы британским военным представителем при эвакуации из Новороссийска, а, скорей, как на военнопленных. Отдельные случаи дурного и преступного поведения среди них обобщались, и принимаемые суровые и предупредительные меры распространялись на всех.

Много недоразумений происходило вследствие грубого и нетактичного поведения младших чинов британской администрации. Я не буду здесь касаться подробно всех жалоб на дурное обращение и плохое содержание, об этом писалось много и в будущем, на основании имеющихся документальных данных, вопрос о содержании англичанами беженцев и эвакуированных будет, вероятно, освещен всесторонне.

Но должен сказать, что постепенно содержание их на Кипре и в Египте улучшалось, и осенью 1920 г., когда англичанами был решен вопрос о перевозке всех оставшихся на их попечении в Сербию, я получил из Александрии, от имени всех оставшихся к этому времени в Египте беженцев, телеграмму с просьбой их в Сербию не перевозить; в телеграмме указывалось, что содержание их в Египте отличное и что отношение к ним британской администрации самое лучшее.

К концу лета 1920 г. в пределах скромных средств, отпускаемых на улучшение положения беженцев, было сделано все, что только возможно. К осени выяснилось, что на удовлетворение различных потребностей армии средств не хватает, и я получил указание постепенно сокращать расходы на беженцев, а с 1 октября прекратить отпуск новых средств в распоряжение общественных организаций.

Требование генерала Врангеля добиться широкого открытия границ Сербией и другими государствами для приема новых беженцев,

дабы разгрузить Крым, провести не удалось. Сербское правительство ответило, что оно радо помочь, но не в силах принять на себя новые расходы, а другие государства ответили простым отказом.

Первоначальные требования из Крыма поступали главным образом на уголь, бензин и керосин. Заготовительному органу, находившемуся в моем распоряжении, удалось наладить покупку и регулярную доставку всего этого в Севастополь. Что касается удовлетворения армии предметами артиллерийского и интендантского довольствия, то до осени 1920 г. я не получал значительных заказов на их заготовку.

Объяснялось это отчасти тем, что в крымских складах оказались довольно значительные запасы, и отдел снабжений предполагал, что он будет в состоянии наладить изготовление необходимые предметов на месте, а отчасти тем, что из Франции, Америки, Румынии и Дальнего Востока было направлено в Крым значительное количество материалов и вещей, принадлежавших русскому правительству, что также давало основание считать, что большая часть потребности будет удовлетворена.

Из константинопольских турецких складов, сначала при помощи англичан, а потом французов, удалось направить в Крым значительное количество боевых припасов, принадлежавших русской армии и захваченных турками в Трапезунде, Батуме и в передовых складах бывшего Кавказского фронта.

Для меня было ясно, что при увеличении армии и в случае, если не удастся захватить у большевиков каких-либо крупных складов артиллерийского и интендантского имущества, потребность армии, тем что имелось в Крыму и получалось из-за границы из прежних русских складов, не будет удовлетворена. Я предвидел, что ко мне будут предъявлены требования на крупные заграничные закупки, а по данным, бывшим в моем распоряжении, наши заграничные денежные средства начинали иссякать.

Я писал об этом председателю правительства генерала Врангеля А. В. Кривошеину, указывая, что если не будет найден источник для получения достаточных денежных средств, то к январю 1921 г. может наступить полный крах, и как бы ни были блестящи победы армии на фронте, наше дело будет проиграно из-за недостатка денежных средств. Мне ответили, что меры для получения кредита во Франции принимаются, а из Крыма налаживается отправка за границу зерна, вина и портового металлического лома из Севастополя.

К осени действительно выяснилось, что расчеты управления снабжений на удовлетворение армии местными средствами не оправдались, и в Константинополь была прислана особая заготовительная комиссия, а я получил приказание передать в ее распоряжение все свободные средства, имевшиеся у состоявшего при мне представителя управления

финансов; вместе с этим я получил новое приказание сократить до крайних пределов расходы на беженскую организацию.

Новые наряды на заготовки за границей всего необходимого для армии явно превышали имевшиеся в нашем распоряжении средства, и пришлось, по соглашению с начальником снабжений, отказаться от заготовки многого из того, что было намечено. Несмотря на сокращение намеченных заказов для армии, к середине октября выяснилось с полной очевидностью, что если не удастся получить крупного кредита во Франции или Америке, должна через 2–3 месяца наступить полная финансовая катастрофа.

Находясь в течение всего Крымского периода в Константинополе и не принимая непосредственного участия в напряженной и трудной работе, которой руководил генерал Врангель, я не берусь дать подробное описание всех тех мероприятий, которые велись по воссозданию армии, укреплению тыла и по продолжению борьбы с большевиками, а ограничусь лишь общим кратким очерком.

Работа по воссозданию боеспособной армии генералу Врангелю блестяще удалась. Уже 23 апреля / 10 мая я получил из Севастополя письмо, в котором мне сообщалось: «Общее настроение крепнет. Надежда удержать Крым — полная. Мира с большевиками, по счастью, кажется, не будет, ибо сами инициаторы сего предложения — союзники — чувствуют всю тщету надежд сговориться с этими бандитами. Фронт держится хорошо. К кавалерии, которая долго одна держала подступы к Крыму, ныне подошла хорошая пехота в лице 1-го (бывшего Добровольческого) корпуса, которая сильно подняла настроение».

Но, укрепив положение в Крыму и вернув боеспособность армии, генерал Врангель, естественно, стал перед дилеммой: или покориться ультимативному требованию англичан не переходить к северу от Крымского перешейка и тем поставить себя в невозможность не только произвести дальнейшее усиление армии и получить необходимый конский состав, но и обречь все предпринятое им дело на постепенную и скорую гибель вследствие отсутствия в Крыму достаточного количества хлеба, фуража, мяса и жиров; или — пренебречь сделанным ему заявлением и занять северные уезды Таврической губернии, которые своим богатством обеспечивали бы содержание армии и населения и дали бы возможность получить столь необходимый конский состав и пополнить ряды армии новым контингентом бойцов.

Генерал Врангель принял второе решение, и оно было выполнено успешно. Союзники, как это и надо было ожидать, признали совершившийся факт.

Укрепив положение в Крыму и обеспечив его продовольствием занятием трех северных уездов Таврической губернии, генерал Вран-

гель поставил себе новую задачу: расширить противобольшевистский фронт, не позволить советскому правительству сосредоточить все свои силы против Крыма и затем, создав благоприятную обстановку, приступить к планомерному развитию операций против большевиков.

Для осуществления этой задачи требовалось объединение всех противобольшевистских сил, и генерал Врангель пошел по пути, вызвавшему впоследствии столько критики, — соглашения с Грузией, украинцами, поляками и проч. Для достижения той же цели было необходимо поддержать восстания, начавшиеся в казачьих областях и на правом берегу Днестра.

В июле месяце были получены сведения, что противобольшевистское движение на Дону и на Кубани разрастается и нужна лишь небольшая внешняя поддержка и объединение этого движения, чтобы советская власть в этих областях была свергнута. Генерал Врангель решил воспользоваться создавшейся обстановкой; для действия на Кубани был направлен отряд под начальством генерала Улагая (в составе 8000 человек, из коих 2000 было конных) и для действий на Дону, на Азовском побережье был высажен небольшой донской отряд под начальством полковника Назарова.

Первоначальный успех предпринятых операций был очень крупный: генерал Улагай разбил дивизию советских войск, и к 5/18 августа им были заняты станицы Брюховецкая и Тимашевская (60 верст севернее Екатеринодара), со дня на день ожидалось занятие Екатеринодара и Новороссийска. Полковник Назаров, поднимая восстание против большевиков среди донцов, продвигался успешно вперед.

Но большевики успели сосредоточить к угрожаемым районам значительные силы, а восставшие казаки испытывали большой недостаток в вооружении и боевых припасах. Десантные отряды оказались в тяжелом положении.

Между тем определилось, что противник сосредоточивает против Крымских войск большие силы. Чтобы не разбрасываться и иметь на Крымском фронте достаточный кулак, а также вследствие начавшей выясняться неудачи на Кубани, генерал Врангель решил отозвать обратно отряд генерала Улагая.

Как мне сообщил начальник военного управления (письмом от 22 августа / 4 сентября), отряд Улагая, отправленный на Кубань в составе 8000 человек (в том числе 2000 конных), вернулся в составе 20 000 людей и 5000 лошадей. Такой случай возможен лишь во время гражданской войны.

К сентябрю месяцу (эти данные были мне сообщены начальником военного управления) общий состав армии, по числу состоявших на довольствии, определялся в 50 000 офицеров и 270 000 солдат; из них

на фронте было 19 000 офицеров и 152 000 солдат, причем из последних бойцов было — 6000 офицеров и 52 000 солдат; следовательно, ближайший тыл армии обслуживало 13 000 офицеров и 100 000 солдат, а глубокий тыл — 31 000 офицеров и 118 000 солдат. Другими словами, считая кругло, на офицера бойца приходилось 7 офицеров в тылу и на одного солдата бойца — 4 солдата в тылу*.

Это соотношение, при отсутствии глубокого тыла и значительных запасных частей, надо признать ненормальным и показывающим, что и в Крымский период борьбы с большевиками организация тыла была поставлена неправильно и тыловые учреждения чрезмерно разбухли.

Все письма, которые я получал, как из армии, так и из Севастополя, давали совершенно определенное впечатление, что настроение фронта прекрасное, а в тылу начинает портиться. Жизнь в Крыму дорожала со дня на день, жалованья служащим не хватало, и, несмотря на самые суровые репрессии, в тылу началась очень сильная спекуляция.

Настроение в Крыму ухудшалось еще вследствие переполнения городов, так как генералу Врангелю не удалось, как он хотел, разгрузить тыл, отправив из него за границу всех излишних; наоборот, вследствие ходатайств чинов армии пришлось согласиться на возвращение в сентябре в Крым значительного числа семейств служащих из Константинополя, из островов Лемнос и Кипр и из Египта.

Но несмотря на нездоровую атмосферу тыла, положение на фронте было крепкое. Некоторое беспокойство командованию армии доставлял так называемый Каховский тет-де-пон (*франц. уст.* tête de pont — предмостное укрепление. — *Ред.*), занятый большевиками и позволявший им, владея переправой на Днепре у Каховки, постоянно угрожать ударом в направлении на Перекоп.

С целью ликвидировать эту угрозу и заставить противника очистить низовья Днепра, а, с другой стороны, действиями на правом берегу Днепра поднять и поддержать восстания в районе правобережной Малороссии, командование армией в октябре предприняло крупную операцию, с переброской на правый берег Днепра значительной конной массы, поддержанной пехотой. Но операция не удалась, и войска, выдвинутые за Днепр, пришлось оттянуть обратно.

Противник же, сосредоточивший к октябрю значительные силы против нашей армии, повел наступление, как с севера на Мелитополь, так и от Каховки на Перекоп. После ряда тяжелых боев, при неожи-

---

* В действительности число обслуживающих тыл было несколько меньше, так как в число тыловых включены раненые и больные, которые были эвакуированы в тыловые лечебные заведения.

данно наступивших суровых морозах, генерал Врангель приказал армии отойти на Крымский полуостров.

От 23 октября / 5 ноября я получил из Севастополя сообщение, что наша армия очистила северную Таврию и сравнительно благополучно заняла перешейки; сообщалось, что положение прочно, но большое беспокойство вызывает то, что Крым не обеспечен достаточным количеством продовольствия.

Крым столько раз видел у своих перешейков врага, что и на этот раз отход армии на полуостров не вызвал ни в ком серьезного опасения. Все были убеждены, что укрепленная позиция, построенная на севере Крыма, очень сильна, армия вполне боеспособна и никакой серьезной опасности не угрожает. Но поехавший на фронт генерал Врангель, ознакомившись со всей обстановкой, приказал отступать армии к портам и начать эвакуацию.

Крым был оставлен; армия, семьи служащих и значительное число гражданского населения в ноябре были эвакуированы в Константинополь.

К 6/19 ноября на Босфоре сосредоточилось 127 вымпелов, имея на борту 140 000 человек, как чинов русской армии, так и гражданского населения, искавшего на чужбине временного убежища от кошмара красного рабства и террора.

Поразительную картину в это время представлял Константинополь и Босфор. Древний Царьград еще со времени Новороссийской эвакуации 1919 г. обратился в полурусский город; много появилось над магазинами русских вывесок, открылись русские рестораны, на улицах всюду была слышна русская речь.

В эти же ноябрьские дни, когда улицы Константинополя заполнились массой русских офицеров и солдат, а Босфор был покрыт судами под русскими флагами — военным Андреевским и национальным трехцветным, и когда с Босфора доносились приветствия русских солдат начальствующим лицам, объезжавшим приходившие суда, а по вечерам разносилась по водам Босфора русская православная вечерняя молитва, казалось, что исполнялась старинная русская мечта, и Царьград стал русским городом.

Но эта мечта, долженствовавшая осуществиться, если бы Россия не была потрясена революцией в 1917 г. и не вышла бы из Европейской борьбы, заменилась суровой действительностью, прибившей к берегам Босфора осколки русской государственности: не победителей и хозяев, а несчастных эмигрантов, покинувших родину и ищущих временного приюта на чужбине.

Сердце сжималось, глядя на армаду русских судов, сбившихся в кучу на указанном им месте — при выходе из Босфора в Мраморное море. Ничтожный процент из них был в полном порядке или не перегружен

до чрезвычайности (был пароход, на котором вместо нормально допускавшихся 2 тыс. пассажиров было погружено 11 тыс.); были небольшие яхты и шхуны каботажного плавания; пришел из Керчи маленький пароход-маяк, который, вероятно, при нормальных условиях не рискнул бы перейти через Керченский пролив.

Как все эти суда благополучно дошли от Крыма до Константинополя, — одному Богу известно (не дошел, пропав без вести, только один неисправный контрминоносец!). К счастью, в течение эвакуации Крыма стояла хорошая погода. В противном случае — много судов не дошло бы по назначению и много тысяч воинов и беженцев нашли бы свой конец на дне Черного моря.

При объезде Главнокомандующим генералом Врангелем судов, навстречу ему неслось могучее, громовое «ура», ясно показывающее, что вера в вождя не ослабела, что надежда на светлое будущее армией не потеряна.

Чувствовалось, что душа армии осталась непобежденной, и это подкрепляло решение генерала Врангеля добиться во что бы то ни стало спасения многострадальной армии и сохранения ее для будущей России.

Крымский период борьбы с большевиками закончился; и закончился не поражением на Крымских полях битвы, а совершенно неожиданным для большинства — «исходом» из Крыма еще вполне боеспособной армии и всей русской интеллигенции, которая жила в Крыму, веря в армию, ей помогая в борьбе против советской власти, и которая не могла оставаться в России под властью большевиков.

Прекращение борьбы на фронте и эвакуация армии вызвала среди многих военных, как русских, так и иностранных, резкую критику, основанную на том, что эвакуация Крыма не соответствовала обстановке на фронте и что Крым удержать в своих руках — для армии была полная возможность.

Борьба в течение еще некоторого времени была, конечно, возможна. Но обстановка была более сложная, чем представляют себе те, которые говорят о том, что борьбу необходимо было продолжать.

Прежде всего укрепленная позиция, приготовленная на северной окраине Крыма и преграждавшая подступы через Перекопский перешеек и у Чонгарского моста, не была обеспечена достаточным количеством убежищ для войск, укрывающих их от огня тяжелой артиллерии и от мороза, а теплой одежды было недостаточное количество; наконец, не было за позицией устроено необходимых складов продовольствия, обеспечивающих правильное и своевременное питание войск. Удержать эту позицию, особенно после замерзания Сиваша, было более чем трудно.

Основывать же оборону Крыма на полевых боях, дав противнику перейти через укрепленную позицию, было бы слишком рискованно.

В случае неуспеха на фронте уже нельзя было бы думать о планомерной эвакуации, и погибла бы не только армия, но и все те, кого армия прикрывала.

Нельзя забывать, что тыл был переполнен различными тыловыми учреждениями, семьями служащих и беженцами со всей России, скопившимися на последнем клочке русской земли, неподвластном большевикам. При естественно панически настроенном тыле не была бы возможна спокойная работа и на фронте. Наконец, многие из офицеров, семьи которых были в тылу, как это было и при эвакуации Новороссийска, в случае неудачи на фронте, бросились бы спасать своих близких, и это расстроило бы боеспособность частей.

Приходилось еще слышать мнение, что генералу Врангелю нужно было при отходе армии к Крымским перешейкам немедленно эвакуировать за границу все семьи служащих и беженцев, а с армией оставаться в Крыму и продолжать борьбу с большевиками. Но надо сказать, что вследствие недостатка продовольствия в Крыму и отсутствия денежных средств для приобретения всего необходимого для армии из-за границы, борьбу с большевиками пришлось бы все равно прекратить. Учтя всю эту обстановку, генерал Врангель и решился на эвакуацию армии и всех тех, кто с нею был связан.

Нападок на направление политики генерала Врангеля и на деятельности его гражданского управления было, конечно, много. Особенно нападали на него за политику «соглашения». Вот выдержка из письма, которое я получил из Крыма и которое ясно определяет сомнения, волновавшие многих:

«Общая наша политика соглашений с расчленителями России (Грузией, Украинцами, Поляками и проч.) пока реальных результатов не дала, но зато грозит поставить нас в дикое положение. Мы незаметно меняемся ролями с большевиками: последние стали мощными «собирателями земли Русской» и покоряют под нози всю бывшую Империю, а мы вынуждены поощрять «самостийности», ибо иного пути для соглашений не имеется. Но страшно подумать, что эта политика может испортить окончательно нашу работу...»

Но, допуская даже некоторую справедливость высказанных в этом письме опасений, необходимо отметить, что другого выхода у генерала Врангеля не было, а допущенные ошибки сторицею покрываются громадными заслугами, за которые Россия всегда будет благодарна генералу Врангелю: после эвакуации Новороссийска он возродил армию и, эвакуировав ее из Крыма, сумел ее сохранить для работы по воссозданию Великой России и как бесценный национальный кадр будущей Русской Армии.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ОТНОШЕНИЕ ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ К БОРЬБЕ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ В РОССИИ

Глава XIV

Приступая к изложению этого в высшей степени деликатного и очень запутанного вопроса, я считаю необходимым объяснить, что к этому меня побуждает не желание лишний раз подчеркнуть ошибки, допущенные союзниками, и этим обострить и без того болезненно натянутые отношения между русской противобольшевистской военной массой и значительной частью русских эмигрантов, с одной стороны, и нашими бывшими союзниками — с другой стороны.

Наоборот, я хочу, основываясь на имеющемся в моем распоряжении материале, дав беспристрастное и правдивое описание событий, остановиться на объяснении их причин, в надежде, что это сгладит возникшие недоразумения и поможет как русским, так и иностранцам разобраться в действительной обстановке.

Политика англичан в Закавказье; спешная, не отвечавшая обстановке, эвакуация французами весной 1919 г. Одессы и Крыма; полный отказ Великобритании оказывать какую-либо поддержку Вооруженным силам юга России после эвакуации Новороссийска весной 1920 г., и, наконец, странная политика по отношению к советскому правительству в России Великобританского премьера Ллойд Джорджа — все это сделало то, что многие русские из прежних искренних друзей Франции и Англии превратились в их врагов и обратили свои взоры на Германию в надежде, что действительная помощь может прийти оттуда.

Составленный в мае 1919 г. в штабе главнокомандующего Вооруженными силами юга России «Очерк взаимоотношений Вооруженных сил юга России и представителей французского командования», хотя и содержит в себе лишь документальные данные, но они подобраны несколько односторонне, под свежим впечатлением происшедших печальных событий. Содержание этого документа, названного «Оранжевой книгой Добровольческой армии», хотя и с надписью «совершенно секретно», стало очень скоро известно многим.

Выпуск его произвел очень неприятное впечатление на французское правительство и значительно способствовал охлаждению и без того несколько испорченных отношений.

Между тем в тех событиях, которые предшествовали эвакуации Одессы, виновны прежде всего — мы, русские, и сваливать всю вину на французское командование, которое не разобралось в обстановке, неправильно и несправедливо. Но и все истинные сторонники союза с Россией во Франции и в Великобритании должны понять, что на будущую политику возрожденной Великой России естественно должны будут повлиять нынешние отношения наших прежних союзников к противобольшевистской России.

Ошибочна политика тех великобританских деятелей, которые думают, что они смогут помешать воссозданию сильной Великой России и, пользуясь отсутствием голоса России в концерте Великих Держав, разрешить, без ее участия, задачи на Ближнем Востоке и устранить так их всегда пугавшую угрозу Индии. Несколько задержать воссоздание Великой России, конечно, удастся, но добиться, чтобы полуторастамиллионная Россия не стала опять Великой и грозной, — это не удастся.

Чем больше будут мешать воссозданию России, тем это будет хуже для тех, кто к этому приложит руку. Россия будет Великой, и тогда она будет свободна в выборе себе союзников, она разберет, кто ей был друг и кто враг, потребует восстановления своих попранных прав и расплатится за все то добро и зло, которое испытала в дни своего исторического несчастья.

Уже после первого выступления большевиков в Петрограде, 3/16 июля 1917 г., подавленного войсками, оставшимися верными Временному правительству, некоторым наблюдательным иностранцам, бывшим в России, стало ясно, что большевистская опасность угрожает не только России, но и всей Западной Европе.

Через несколько дней после Петроградского выступления большевиков ко мне, как к начальнику штаба Верховного Главнокомандующего, пришел по какому-то делу военный представитель Великобританского правительства при Ставке генерал Бартер. Закончив деловой разговор, мы стали обсуждать петроградские события и возможные последствия развития большевизма.

Генерал Бартер, отвечая на высказанное мною опасение, что Временное правительство не сумеет справиться с большевистской опасностью и что большевизм может скоро окончательно разрушить армию и ввергнуть в анархию всю Россию, сказал, что опасность для России, конечно, велика; что лозунги, выдвинутые большевиками, слишком заманчивы для крестьян и рабочих; что он также боится, что большевизм и анархия охватят Россию; но что он считает, что большевистская опасность угрожает Великобритании еще в большей степени, чем России.

На мой вопрос: «Как так?» — генерал Бартер ответил*: «России, конечно, угрожает непосредственная опасность и, вероятно, большевизм ее охватит. Я не знаю, долго ли будет Россия болеть, но думаю, что эта болезнь для нее не будет смертельна. Большевизм более опасен для стран, в которых преобладает рабочее население. Россия, главным образом, земледельческая стана, а земледельцы, как собственники, с большевизмом не помирятся. Русские крестьяне и мелкие земельные собственники спасут Россию.

Другое дело Англия. У нас преобладает рабочее население. У нас, при возрастающем неудовольствии среди рабочих различных фабрично-заводских и угольных предприятий, почва для большевизма вполне подготовлена.

Если большевизм перекинется в Англию, то для нее это может быть смертельная болезнь. Если же и удастся не допустить развития большевизма в Англии, то я все же предвижу, что ей придется пережить глубокие потрясения, которые могут страшно повлиять на ее будущность».

Но думаю, что, за исключением отдельных личностей, в Западной Европе, всецело поглощенной страшной борьбой, от исхода которой зависело самое существование государств, долго еще не сознавали той опасности, которая на них надвигалась в виде большевистского интернационала.

После захвата 25 октября / 7 ноября 1917 г. большевиками власти в России большевистская опасность представлялась для Держав Согласия в смысле захвата власти в России ставленниками германцев, которые, заключив сепаратный мир с Германией, вывели окончательно Россию из мировой борьбы и могли предоставить немцам пользоваться Россией как продовольственной базой для продолжения борьбы на Западном фронте.

Начавшееся на Дону формирование Добровольческой армии заинтересовало Францию и Великобританию. Их представители в России получили указание войти в связь с Московским Национальным центром и генералом Алексеевым и выяснить, насколько серьезным является начатое дело. Военные представители Франции и Великобритании в декабре 1917 г. были в Новочеркасске и, познакомившись с тем, что делается, обещали от имени своих правительств значительную денежную помощь.

Весной 1918 г. казалось, что Добровольческая армия, возглавляемая генералами Алексеевым и Корниловым, должна будет прекратить

---

* Я не помню *дословно* сказанного генералом Бартером, но суть его ответа настолько врезалась мне в память, что смысл его я передаю совершенно точно и потому позволяю себе взять его слова в кавычки.

свое существование, и союзники, считая, по-видимому, что помогать ей бесполезно, никакой поддержки ей не оказали. В этот период представители Франции и Англии, продолжая поддерживать связь с Московским Национальным центром, оказывали небольшую денежную поддержку Б. Савинкову, на деятельность которого по организации противобольшевистского выступления они смотрели, по-видимому, с доверием.

К лету 1918 г., в связи с передвижением в Сибирь Чехословацкого корпуса и начавшимися в Сибири противобольшевистскими выступлениями, у союзников появился план создания по Волге Восточного фронта, ядром для которого должен был явиться этот корпус. Создание вновь Восточного фронта, который заставил бы германцев ослабить свои силы на Западном фронте, было для союзников крайне заманчиво, и они обратили все свое внимание на Сибирь.

Начавшиеся летом 1918 г. успехи Добровольческой армии на Кубани и борьба с большевиками Дона вновь привлекли внимание союзников к югу России, но отсутствие какой-либо связи не позволяло им оказать непосредственную помощь крепнувшей там Добровольческой армии.

Ко времени победы Держав Согласия над Центральными Державами для западных Держав стало выясняться, что опасность большевизма была страшна не только выводом России из мировой борьбы и предоставлением ресурсов России в распоряжение Германии, но и тем, что лозунги большевизма, крайне заманчивые для рабочих масс, а также для низов населения, как чувствующих себя неудовлетворимыми и обиженными, так и для везде значительного преступного элемента, в случае распространения в Европе и Азии, могут повести к новым и тяжким государственным потрясениям.

При этом целый ряд фактов указывал на то, что Германия, принужденная прекратить открытую борьбу с Державами Согласия и капитулировать, продолжает пользоваться ею же насажденным в России большевизмом для продолжения скрытой борьбы против Держав Согласия.

Кроме помощи, которую советское правительство получало от Германии на территории России, чувствовалось, что к организации большевистской пропаганды, начавшейся как в западных государствах, так и в Азии, причастны германские агенты.

Опасность распространения большевизма, по-видимому, прежде всего была осознана Францией. В Англии в этом отношении резко определилось два течения.

Одно, во главе которого стоял великобританский премьер Ллойд Джордж, было против активной помощи борющимся против большевиков русским вооруженным силам. Политические деятели, возглав-

лявшие это течение, по-видимому, считали, что путем, так сказать, морального воздействия на советское правительство в России можно его заставить эволюционировать и пойти по пути создания демократического правительства, обеспечивающего интересы как русского населения, так и интересы иностранных держав.

Другое течение, возглавляемое В. Черчиллем, было за самую решительную помощь русским, которые борются против большевиков. Руководители этого течения считали, что никакого соглашения нельзя достигнуть с международной шайкой разбойников, которые, выполнив задание Германии по развалу русской армии и заключению сепаратного мира с Центральными Державами, предают Россию огню и мечу и угрожают государственному строю всех стран мира.

Влияние Франции и общественного мнения Англии заставили Великобританское правительство стать на путь решительной поддержки противобольшевистских сил России. Но внутренняя борьба различных течений английского общественного мнения продолжалась, и для всех неожиданное предложение г. Ллойд Джорджа в январе 1919 г. собраться на Принцевых островах представителям советской России, государственных новообразований России и представителям русских вооруженных сил, борющихся против большевиков, для обсуждения в присутствии представителей Держав Согласия возможности прийти к мирному разрешению всех вопросов, вызывающих борьбу, — было отвергнуто всеми, за исключением советского и эстонского правительств.

Опубликованный Собственной Королевской канцелярией в Лондоне и представленный великобританскому парламенту в апреле 1919 г. «Сборник донесений о большевизме в России» (английская «Белая книга») произвел сильное впечатление на английское общественное мнение и укрепил решимость энергично помогать русским противобольшевистским вооруженным силам и организациям в их борьбе с советской властью.

Английская «Белая книга» сопровождалась следующим предисловием: «Настоящий сборник донесений официальных представителей Его Величества в России, английскоподданных, недавно возвратившихся из этой страны, и независимых свидетелей различных национальностей, обнимает период владычества большевиков, начиная с лета 1918 г. до настоящего времени. Донесения эти становятся достоянием гласности по постановлению, вынесенному Военным Кабинетом в январе сего года, и не сопровождаются ни введением, ни комментариями, а лишь говорят сами за себя, представляя картину принципов и методов власти большевиков, ужасающих проступков, которыми эта власть сопровождается, проистекающих от нее экономических последствий и всех неисчислимых бедствий, происходящих от нее».

Действительно, уже к началу 1919 г. накопилось столько ужасающего материала о советском режиме в России и об опасности, которая при господстве большевиков в России угрожает всему миру, что «Белая книга», содержащая, главным образом, донесения и сообщения не какой-либо заинтересованной стороны, а своих же британских подданных, не вызывающие никаких сомнений в достоверности, не могла не произвести сильного впечатления на английское общественное мнение.

Но к сожалению, вскоре — отчасти, вероятно, под давлением левых демократических кругов, отчасти вследствие того, что г. Ллойд Джордж признал полезным вновь вернуться к старой политике Великобритании времен Пальмерстона и Биконсфильда о выгодности для Англии иметь Россию не сильную, а слабую, — течение против вмешательства в дела России опять усилилось.

Речь великобританского военного министра Винстона Черчилля, произнесенная им на банкете Британско-Русского клуба 4/17 июля 1919 г., освещает многие стороны этого вопроса. Привожу выдержки из этой речи:

«...если бы даже забыли это современники (о заслугах, оказанных Россией союзническому делу), то история занесет на свои страницы подвиг русского народа, который всей своей огромной массой человеческих усилий и стремлений, ему присущих, ринулся на бой с германцами с одним исключительным желанием и намерением пожертвовать последней каплей крови ради торжества праведного дела. Мы хорошо знаем, что, вероятно, не был бы спасен Париж и битва на Марне не была бы выиграна, если бы еще при Царе, до завершения мобилизации, русские войска не бросились вперед и не пожертвовали огромными потоками крови ради выигрыша нескольких дней, даже нескольких часов на Западном фронте. Забыть этого мы не можем.

...Я хочу, чтобы в эти заполненные событиями дни, когда общественное внимание отвлекается столькими разнообразными интересами, британский народ не забывал важного значения России для него. К счастью или к несчастью, но значение России для всех народов мира, так же как и для британского народа, что нас главным образом и интересует, является фактом высочайшей важности, наличность которого неоспорима.

...Я не могу отделаться от чувств беспокойства, симпатий и сожаления, вызванных тем, что делается в России, и от глубокого предчувствия опасности, которой подвергаемся или можем подвергнуться мы на этом острове, и многие из союзных держав по всему миру, из-за того, что происходит в России...

Великие результаты, последовавшие вследствие мер помощи, принять которые мы сочли правильным, доказывают, что если бы с самого начала русское положение подвергнуто было воздействию концерта пя-

ти великих держав-победительниц, если бы они нашли в себе способность действовать по отношению к России с реальной силой и мощью и в незаинтересованном единении, положение в России могло быть уже вполне восстановленным к настоящему времени...

Теперь я должен сказать, что в нашей стране имеется значительное число людей, которых я не назову патриотами, так как они первые протестовали бы против такого наименования. Однако они все же наши соотечественники и их участь связана с нашей. И эти люди искренно и непритворно торжествовали бы, если бы Колчак и Деникин, их правительства и войска, со всеми полагающимися на их защиту, были уничтожены, разбиты и подчинены большевистскому управлению, если бы Ленин и Троцкий и окружающая их эта странная, мрачная банда еврейских анархистов и искателей приключений, вступили без сопротивления и без соперников на высокий трон царей и с деспотизмом старинного режима соединили тиранию разрушительной пропаганды.

Эти люди этому бы порадовались. Они поспешили бы даже пасть ниц перед новой тиранией, постарались бы объяснить и даже оправдать ее самые ненавистные эксцессы и провозгласили бы прогрессом на пути к мировому спасению и мировой свободе то, что в сущности является лишь самым ужасным возвращением к варварству и зверству, изо всего подобного, что когда-либо случалось.

Но позвольте же нам кинуть взгляд, милорды и джентльмены, на то, что произошло бы затем. Вдоль всей этой восточной стороны Европы война, как напомнил нам сэр Джордж Бьюкенен, вызвала в жизни целую цепь небольших и слабых государств, которые сами, до известной степени, проникнуты большевистскими идеями, подавлены гнетом банкротства и голодания и лишены дисциплинированных армий, и на этот-то колеблющийся, трескающийся оплот мы здесь рассчитываем для предотвращения наступательного движения на запад большевистских войск и большевистской анархии; на него же мы рассчитываем и для предотвращения объединения этих войск и этого учения с недовольством могучей германской нации.

Шесть месяцев тому назад никто не верил, чтобы эти новые слабые державы могли удержаться без могущественной поддержки союзническими деньгами и союзническими войсками. Но к нашему великому облегчению, они удержались. Они удержались без обращения к нам за какой-либо непосредственной поддержкой.

Эстония, Литва, Польша, Чехо-Словакия, Румыния, все еще выступают жизненными факторами мировой общественной и национальной жизни и вся Западная Европа, в настоящее время, укрывается за их слабым оплотом. Но почему же они оказались способными поддержать свое существование? Потому, что никто на них серьезно не нападал.

Усилия большевиков захватить их были слабыми, и с ними справились потому, что усилия эти были слабы.

А по той причине, что по меньшей мере две трети всей большевистской армии, по меньшей мере две трети всех сил были заняты борьбой с силами Колчака и Деникина, которых не существовало совсем год тому назад и которые теперь борются отчаянно, но с основательной надеждой на победу против трехсот тысяч организованных большевистских боевых войск.

И если бы эти армии были разбиты и уничтожены, и вся Россия со всеми своими ресурсами попала под неоспоримую власть Ленина и Троцкого, то вся сила большевистского войска могла бы обрушиться — и обрушилась бы — на линию еле держащихся небольших государств с последствиями, в которых никто из знакомых с их пожеланиями не может сомневаться.

А этим всем государствам сэром Джорджем Бьюкененом было обещано в той или иной форме покровительство Лиги Наций, поскольку эта Лига существует, и если на них нападут и они станут разрушаться и начнут вопить о помощи, то или Британии, Франции и Соединенным Штатам придется сделать серьезные усилия, или же Лига Наций и Союзные Державы-победительницы, на которых и вокруг которых эта Лига по необходимости основана, покажут себя совершенно бессильными, и контроль над Центральной Европой, а весьма вероятно и контроль над Россией, перейдет в руки Германии.

Так что, когда наши пацифисты или большевистские «пуховые головы» в нашей стране возвышают свои пронзительные голоса в истерических воплях при каждой победе над силами Колчака и Деникина, пусть они помнят — если же они забудут, то мы должны помнить — что если бы не эти силы и их тягостная борьба, вся мощь большевистского нападения обрушилась бы на те небольшие государства, за будущность которых Лига Наций торжественно приняла на себя обязывающую ее ответственность.

Я поражаюсь, джентльмены, видя, как слепы, как безнадежно слепы некоторые люди в этих делах. Только пришибленностью и переутомлением после ужасной войны можно объяснить недостаток понимания опасностей, затрагивающих всех нас, опасностей столь неизбежных и реальных...

...Если же в какое-либо время, в будущем, эти армии (Колчака и Деникина) будут уничтожены, то произойдет несчастие, которое незамедлительно затронет нас, и затронет оно нас в такой большой степени, которую теперь почти невозможно определить...

..."Но, — говорят нам, — большевики преобразуются под гнетом войны, управления и внутренних дел; они отбросили уже три четверти своих прежних принципов, тех утопичных принципов, во имя которых

они начали борьбу; они уже утвердили дисциплину, основанную на смертной казни (применяемой во многих случаях не только к офицерам и солдатам, но также к их женам и детям); они уже выплачивают крупные жалованья экспертам-интеллигентам, идущим к ним на службу, и значительная часть русской торговли уже ведется отдельными лицами, действующими индивидуально, а не коллективно, несмотря на то, что это признается серьезным преступлением...” Такова выставляемая ныне система защиты. Система эта странная. На мой взгляд, она лишает их последнего шанса на оправдание. Единственным смягчающим их вину обстоятельством, на которое они могли сослаться, является то, что они фанатики... А теперь, как оказывается по словам их защитников, они готовы пожертвовать тремя четвертями этих самых принципов, лишь бы продержаться несколько дольше у дел и у власти...

Но тут-то именно, представляется мне, и нарастает новая более значительная опасность. Я говорю перед британской публикой, смотрящей на эти вопросы с британской точки зрения, и только с этой, именно британской точки зрения я и рассматриваю эти вопросы. Мы видим, что две отрасли человеческой расы — славянская и тевтонская — погружены в бездну несчастья; одна из них — наша верная, но несчастная союзница, другая — наш непримиримый враг. Но обе они совершенно различными путями, при обстоятельствах поразительно несхожих, дошли до несчастного ослабленного положения, которое, как мы все знаем, является лишь переходящей фазой в мировой истории. По мере того как большевики станут более практичными, весьма возможно, что они постепенно все более и более приблизятся к такому состоянию социального и военного развития, в особенности военного, которое приведет их к теснейшему сближению с Германией и возбудит между ними и германцами взаимные симпатии, все более и более обусловливающие возможность объединенного выступления. Подумайте только, какую это представит опасность Европе, миру и всем нам, уверенным теперь, что мы выиграли великую войну.

Если предположить, что от Китая до Рейна образуется одна сплошная масса людей, вооруженных и вооружающихся, одухотворенных ненавистью ко всем Союзным Державам, к Британии, Соединенным Штатам, Франции и подгоняемых на грабеж и отмщение, если предположить наличность такого ужасного положения, с которым, быть может, придется встретиться не нашим детям, а нам самим в течение предстоящих годов, положения, с которым после серьезных усилий, сделанных нами в великую войну, мы, может быть, управимся успешно, но предотвратить которое, раз навсегда, является главною обязанностью наших государственных деятелей. Я считаю необходимым высказать это предупреждение, чтобы в том случае, если события сложатся

неблагоприятно, было бы отмечено, что факты не были скрыты от британской публики.

Россия, милорды и джентльмены, является в настоящее время решительным фактором мировой истории. Спасение России из ее теперешнего ужасающего положения составляет первейшую обязанность Лиги Наций и насущный интерес Союзных Держав. Они должны действовать в согласии, с убеждением и энергично. Если они пренебрегут этой обязанностью или выполнение ее им не удастся, половина плодов победы будет потеряна. Россия, как все великие нации, неразрушима. Или страдания ее будут продолжаться, нарушать покой всего мира и охватят его своими конвульсиями, или ее надо спасать. Она не может быть спасена одной Британией. У нас для этого недостаточно сил, у нас, как отдельной нации, недостаточно авторитета, чтобы выступать в этом огромном деле.

Сила Лиги Наций будет испытана в русском вопросе. Если Лига Наций не сможет спасти Россию, Россия в своей агонии разрушит Лигу Наций. Всем легкомысленным, всем неосведомленным, всем простосердечным, всем поглощенным личными делами — я говорю: вы можете покинуть Россию, но Россия вас не покинет.

Веселье царило на улицах, когда я ехал сюда нынче вечером. Улицы были залиты тысячами, десятками тысяч народа, чувствующего, что настал момент, когда он может радоваться и торжествовать великую победу в великой войне; и есть ли здесь кто-нибудь, кто станет отрицать, что народ сполна заплатил за свое право оглашать воздух радостными кликами и радоваться? На декоративных щитах, на улицах начертаны наименования всех полей битв, рассеянных по всему миру, на которых ради праведного дела дралась наша молодежь, завоевывая себе место в истории.

Но видел я также, рядом с этими счастливыми толпами, мрачную фигуру русского медведя. Переваливаясь, ступал медведь через степи, через снега, шествуя на окровавленных лапах, и он здесь среди нас. Его тень падает на наше веселье. Он стоит на страже снаружи, у дверей залы совета Союзных Держав.

В Версальской Галерее Зеркал он пребывал неподалеку от нас. И здесь, нынче вечером, мы ощущаем гнет его присутствия. Мир переделать невозможно без участия России. Невозможно идти по пути победы, благоденствия и мира и предоставить эту огромную часть человеческой расы на жертву мучениям во тьме варварства.

Я обращаюсь к тем, кто дорожит будущим миром всего мира; я обращаюсь к великим победившим государствам и их доверенным вождям; я обращаюсь к Лиге Наций с воззванием рассмотреть все положение в России и произвести объединенное, сконцентрированное усилие для освобождения русского народа от его ужасающей муки и для восстановления мира в измученном мире».

Предупреждение Винстона Черчилля не было услышано ни Лигой Наций, ни его соотечественниками. После катастрофы на Сибирском и Южно-Русском фронтах помощь противобольшевистской России союзниками, за исключением Франции, была прекращена. После эвакуации Крыма генералом Врангелем прекратила помощь в борьбе против советской власти и Франция.

Русский медведь брошен одними на произвол судьбы совершенно, другие же пошли по опасному пути соглашательства с шайкой бандитов, захвативших грязными руками власть в России; предупреждение Винстона Черчилля о грозной опасности, которая может произойти, если будет избран этот путь, — их не испугало. Но русский медведь не погибнет и не превратится в дойную покорную корову, а зализав свои глубокие раны и оправившись, займет в мире свое прежнее царственное место и потребует на суд тех, кто его рвал, терзал и предавал.

Одной из основных идей Добровольческой армии была верность союзническим обязательствам России.

Трактуя себя непосредственной преемницей Русской Императорской армии, Добровольческая армия считала для себя вопросом чести оставаться верной союзникам и не допускала мысли пойти на какое-либо соглашение с германцами.

Весной 1918 г., после отхода Добровольческой армии из-под Екатеринодара на территорию Дона, когда германцы заняли Таганрогский округ и Ростов, вопрос об отношениях к германцам, находившимся в близком соседстве с армией, принял острый характер. Для новых формирований и предстоящих боев требовалось вооружение, снаряжение и боевые припасы. Получить же их можно было только от германцев или, с согласия последних, от гетмана Украины.

Германское командование, сейчас же после занятия Ростова, учитывая трудное положение Добровольческой армии, делало попытки войти в переговоры с командованием армии, но они были категорически отвергнуты*.

---

* Недоброжелатели Добровольческой армии любили говорить, что этим нечего хвастаться, так как командование Добровольческой армии получало неоднократно вооружение, снаряжение и боевые припасы от Дона, зная, что Дон их получает от германцев и что это было равносильно получению непосредственно из немецких рук. Но это, конечно, было не равносильно. Получая от Дона, мы ни в какие обязательства в отношении германцев не вступали. Если бы Добровольческая армия нарушила принцип не иметь никакого дела с германцами, то, конечно, последние взамен этого предъявили бы свои требования, и командование Добровольческой армии (как это и случилось с гетманом Украины и Донским атаманом) стало бы на скользкий путь соглашения с немцами.

Позднее германское командование, через своего представителя при Донском атамане майора фон Кохенгузена, пробовало завязать сношения с командованием Добровольческой армии. Эти попытки остались также без ответа.

Без ответа же было оставлено ультимативное требование по вопросу об обеспечении германскому командованию пользования англо-индийским телеграфом для сношений с Тифлисом. Германские же телеграфные чины, которых германское командование хотело направить на Кубань для обслуживания этого телеграфа, не были допущены на территорию, находившуюся в сфере влияния Добровольческой армии.

С занятием германцами Грузии и Сочинского округа германское командование, оказав давление на Грузию, добилось, чтобы отношения, первоначально установившиеся между Добровольческой армией и грузинскими частями, боровшимися с большевиками в Сочинском округе, резко изменились.

Такое отношение Добровольческой армии к союзническим обязательствам России и к германцам давало основание, как командованию Добровольческой армии, так и всем чинам армии, быть убежденными, что как только установится связь с союзниками, армия получит полную как моральную, так и материальную поддержку.

Момента установления непосредственной связи с союзниками армия ожидала с болезненным нетерпением. С этим связывалась возможность, прежде всего, получить вооружение и боевые припасы, так как в этом отношении армия периодически испытывала острую нужду.

Главным источником снабжения были большевики, у которых получали, что могли, после боя. Но периодами положение было крайне тяжелое; случалось, что в складах не было ни одного снаряда, ни одного патрона, а войска доносили, что у них ничего нет. Командование Добровольческой армии в этих случаях указывало на необходимость продвигаться вперед и пополнять недостающее из запасов противника.

Нетерпение скорей увидеть помощь союзников, в течение осени 1918 г., несколько раз порождало преждевременные слухи о появлении в Черном море их флота. Наконец, 9/22 ноября была получена радиотелеграмма, что эскадра союзников направляется в Новороссийск. Ликование было общее.

10/23 ноября эскадра союзников пришла в Новороссийск, а 14/27 ноября приехали в Екатеринодар представители Англии и Франции.

На официальном приеме прибывшие представители Франции определенно заявили, что союзники хотят возможно скорей увидеть возрожденную Единую Россию, единый русский фронт и единое русское командование; что все борющиеся открыто или путем интриг

против этих идей являются не только врагами России, но и врагами союзников; что русским главнокомандующим на юге России является генерал Деникин и что теперь, когда Дарданеллы и Босфор открыты, союзники всем, чем могут, придут на помощь братской и союзнической Добровольческой армии.

Несколько позже на имя генерала Деникина было получено из Бухареста письмо генерала Щербачева от 3/16 ноября. В письме было сказано:

«Я посетил генерала Бертело* в его главной квартире в Бухаресте для предварительных переговоров о своем проезде в главную квартиру генерала Франше Д'Эспере и далее в Париж с целью ускорить прибытие союзных войск и средств войны в Россию. В Бухаресте мне удалось достигнуть результатов, которые значительно превзошли мои предположения...

Решено нижеследующее:

1) Для оккупации юга России будет двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

2) Дивизии будут французские и греческие.

3) Я буду состоять, по предложению союзников и генерала Бертело, при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

4) База союзников — Одесса: Севастополь будет занят также быстро.

5) Союзными войсками юга России первое время будет командовать генерал Д'Ансельм с главной квартирой в Одессе, где буду находиться и я с состоящими при мне Вам известными лицами.

6) Генерал Бертело, до времени, со своей главной квартирой остается в Бухаресте.

7) По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут, несомненно, заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донским (Донецким) бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочней сорганизоваться и быть свободными для более широких активных операций.

8) Под прикрытием союзной оккупации необходимо немедленное формирование русских армий на юге России во имя возрождения Великой Единой России. С этой целью теперь же должен быть решен и разработан вопрос о способах и районах формирований этих армий по мере продвижения Союзников. Только при таком условии будет

---

* Был главнокомандующим союзными армиями в Румынии, Трансильвании и на юге России.

обеспечено скорейшее наступление всех русских южных армий, под единым командованием, на Москву.

9) В Одессу, как главную базу союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, аэронавтики, продовольствия и проч.

10) Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на все могущество Союзников.

11) Относительно финансовой поддержки нам у Союзников вырабатывается особый, специальный план».

Это письмо указывало, что все пожелания командования Добровольческой армии, с которыми генерал Щербачев должен был обратиться к союзному командованию, будут удовлетворены.

Генерал Эрдели, командированный к главнокомандующему союзными силами на Востоке генералу Франше Д'Эспере, по возвращении из командировки представил полученное им от генерала Франше Д'Эспере письмо, в котором между прочим было сказано: «Будьте уверены, что Франция, которая была всегда верна и лояльна союзникам, достойным этого имени, не забудет истинно русских и не оставит Добровольческую армию. Тотчас же как только это будет возможно, я прикажу направить в Новороссийск военное судно и прислать боевые припасы и материалы, в коих Вы нуждаетесь и о которых Вы мне говорили».

По прибытии 14/27 ноября в Екатеринодар представителей Англии и Франции командование Добровольческой армии было несколько разочаровано тем, что прибывшие в небольших чинах офицеры являлись явно лишь офицерами, присланными для связи, а не полномочными представителями. К их заявлениям командование Добровольческой армии могло относиться скептически, но письма генерала Щербачева и генерала Франше Д'Эспере рассеяли все сомнения, и мы были уверены, что Державы Согласия определенно решили оказать самую широкую помощь в борьбе против советского правительства.

Для полной ориентировки Союзного командования в середине / конце ноября 1918 г. штабом главнокомандующего Добровольческой армии был составлен подробный доклад о политическом и стратегическом положении на юге России и о плане формирования и развертывания русских вооруженных сил для наступления в глубь страны. Для обеспечения развертывания русских вооруженных сил и для обеспечения их операций указывалось на необходимость занятия

союзными войсками важнейших в политическом и мобилизационном отношении районов.

Силы союзников, необходимые для выполнения плана обеспечения территории юга России, были исчислены командованием Добровольческой армии в 18 пехотных и 4 кавалерийских дивизий; причем было указано, что они ни в каких активных действиях не должны будут принимать участия. Одновременно был составлен подробный перечень всего необходимого для снабжения существующих (Добровольческой и Донской) и намеченных к формированию армий.

20 ноября / 3 декабря этот доклад со всеми приложениями был послан в Бухарест генералу Бертело и передан офицеру для связи с французским командованием капитану Фуке для передачи генералу Франше Д'Эспере.

Никакого ответа на этот доклад не последовало; но неполучение ответа в ближайшие период после его передачи командование Добровольческой армии не беспокоило, так как данные, которые были сообщены генералом Щербачевым со слов генерала Бертело, давали уверенность, что фактически решение, принятое союзниками, вполне согласуется с пожеланиями, высказанными Добровольческой армией, и что некоторая задержка в выполнении намеченного плана помощи Вооруженным силам юга России может произойти из-за различных технических затруднений; посланный же доклад будет принят во внимание при проведении принятого плана в жизнь.

События, разыгравшиеся к этому времени на юге России, в связи с очищением германцами занятых ими областей и началом петлюровского движения на Украине, указывали на необходимость приступить к проведению намеченного плана в жизнь, хотя бы только в своих основных чертах.

По просьбе крымского правительства для обеспечения спокойствия и безопасности в крае, оставляемом германцами, в Крым были перевезены части Добровольческой армии. В связи с эвакуацией германских войск из Украины и начавшимися там волнениями представлялось нужным принять меры для ограждения ее от большевизма и для сохранения в ней порядка как в районе, где в будущем намечалось формирование и развертывание русских вооруженных сил.

24 ноября / 7 декабря главнокомандующий Добровольческой армии телеграфировал генералу Франше Д'Эспере: «Чтобы сохранить юг России, богатый продовольствием и военными запасами, необходимо как можно скорей двинуть хотя бы две дивизии союзных войск в район Харькова и Екатеринослава». 1/14 декабря была послана просьба, чтобы союзники временно задержали эвакуацию германцами Харькова, дабы сохранить там порядок.

В ответ на эти просьбы офицер для связи с французским командованием капитан Фуке вручил генералу Деникину копию телеграммы генерала Франше Д'Эспере, в которой указывалось, что одна французская дивизия 5/18 декабря начнет высаживаться в Одессе. Это уведомление также не указывало на изменение первоначального плана союзников, а было понято как начало его выполнения.

Еще долго происходили недоразумения на почве полной неосведомленности командования Добровольческой армии о действительной помощи, которая будет оказана союзниками. Присылая к командованию Добровольческой армии просто офицеров для связи, союзники совершенно не позаботились о том, чтобы нас полно информировать о своих намерениях. Только постепенно, с ходом событий и с присылкой на юг России действительно полномочных военных представителей командование Добровольческой армии узнавало о действительных намерениях и планах союзников.

Те изменения, которые постепенно претерпели планы союзников в деле оказания помощи Вооруженным силам юга России, узнавались нами по большей части случайно, из донесений наших представителей в Константинополе, Одессе и Крыму или по сообщениям, часто сильно запаздывавшим от наших представителей в Париже. А это вызывало недоразумения, трения и полное непонимание того, что происходит.

Командование Добровольческой армии долго не знало о решении Союзников не посылать на юг России своих войск, за исключением частей, предназначенных для занятия Одессы, Севастополя и Закавказья. Занятие союзниками только этих районов произвело впечатление, что они имеют в виду лишь свои экономические и политические интересы, занимая войсками лишь интересующие их, по тем или иным причинам, пункты и районы. Представлялось непонятным, почему можно послать в Закавказье значительные силы, а нельзя послать одну дивизию в Донецкий бассейн или на Дон.

Командование Добровольческой армии долго не знало, к кому из союзников и по каким вопросам надо обращаться. Французское командование спрашивало от нас перечни всего того, что нам надо; но мы только значительно поздней узнали о том, что Франция принимает на себя 50 % стоимости всего того, что присылалось на юг России распоряжением Великобританского правительства, а что за все, сверх отправляемого по расчету на 250 000 человек, надо уплачивать хлебом или сырьем; что без товарообмена мы можем получить из Франции лишь часть запасов из оставшихся там по заказам России во время войны.

Совершенно неясен был вопрос о взаимоотношениях на юге России между командованиями французским и Добровольческой армии. Долго командование Добровольческой армии не могло разобраться

в «сферах влияния» на юге России Франции и Великобритании. Вначале представлялось непонятным, почему англичане категорически отказываются часть запасов направлять в Крым для надобностей Добровольческой армии, а их все надо было выгружать в Новороссийске, а затем уже, после сдачи начальнику русской базы, мы могли их сами направлять в Севастополь. Оказалось, что это необходимо, так как Крым входил во французскую сферу влияния.

Часто не только командование Добровольческой армии, но и представители союзного командования (а таковыми несколько позже были действительно полномочные лица) были недостаточно ориентированы в намерениях и предположениях своих правительств. Получая инструкции всемерно поддерживать командование Добровольческой армии, все они действительно делали все от них зависящее, но часто и они недоумевали относительно направления политики своих правительств, которая иногда не соответствовала обстановке на месте, о которой они доносили.

Не имея детальных данных о помощи, которая оказывалась союзными Великими Державами противобольшевистским организациям в Сибири, в Архангельской зоне и на северо-западе России, я коснусь ее лишь в самых общих чертах, основываясь, главным образом, на тех сообщениях, которые штаб генерала Деникина получал периодически с мест.

В одном из своих писем (от 11/24 января 1919 г.) адмирал Колчак писал генералу Деникину: «Союзники в лице Англичан и Французов относятся благожелательно, но помощь их пока ограничена, и мы получили до сих пор только ружья и патроны. Мы испытываем большие затруднения в зимнем обмундировании армии... Крайне тяжело положение Дальнего Востока, фактически оккупированного японцами, ведущими враждебную политику хищнических захватов... Что касается американцев, то пока они ограничиваются только обещаниями помощи, но реального от них пока мы ничего не получаем. Повторяю, что единственно, на что можно рассчитывать — это только на англичан и отчасти французов...» В том же письме адмирал Колчак указывает, что враждебная по отношению к нему политика так называемых «атаманов» поддерживается японцами.

Отделение англичан от французов ясно указывает, что адмиралу Колчаку было в этот период неизвестно, что хотя материальная часть доставлялась Великобританией, но Франция принимала на себя половину вызываемых этим расходов; т. е. другими словами, адмирал Колчак не был ориентирован в должной степени о той помощи, которая ему оказывалась союзниками.

Отношения у адмирала Колчака с «атаманами» впоследствии наладились и сгладились отношения с представителями Японии; но все же до самого конца оставалось впечатление, что Япония преследует

лишь свои эгоистические цели. Небольшие японские войсковые части, бывшие в Сибири, частью охраняли движение по Восточно-Китайской железной дороге, частью охраняли районы, в которых находилось значительное число японских подданных и в охранении порядка в которых Япония была заинтересована по коммерческим соображениям.

Американская помощь ограничилась разрешением доставки в Сибирь материалов и боевых припасов, заказанных в Америке еще Императорским русским правительством, в присылке небольшого числа войсковых частей для охраны Восточно-Китайской железной дороги и некоторых пунктов в Приморской области, а также в присылке отрядов Young Men Christian Association (Y. M. C. A.) — для благотворительной и краснокрестовой помощи.

По сведениям, поступавшим из Сибири, присутствие там представителей и небольших американских войсковых частей в значительной степени умеряло первоначальную, как выразился в своем письме адмирал Колчак, «политику хищнических захватов» Японии.

По тем же сведениям, американцы, желая иметь в составе своих войсковых частей, направленных в Сибирь, лиц, знающих русский язык, подбирали соответствующих добровольцев; а так как знающими русский язык в Америке являются преимущественно евреи, то процент последних в войсковых частях был значительный. Из них большинство было проникнуто социалистическими идеями, смотрело на противобольшевистские организации как на реакционные и черносотенные, и на этой почве происходил ряд недоразумений.

В общем значительная помощь была оказана в Сибири адмиралу Колчаку только Англией и Францией, но и эта помощь была совершенно не достаточная. Столь необходимого кредита для приобретения недостающего за границей открыто не было.

Летом 1918 г. Великобританское правительство послало английские войска сначала в Мурманск, а потом в Архангельск. Туда же были посланы небольшие американские и французские отряды.

Цели, которые при этом преследовались, были следующие:

1) Захватить оба порта, которые могли служить базами для германских подводных лодок.

2) Захватить все громадные боевые запасы, сосредоточенные в обоих портах в течение 1917 г. (доставлялись для русской армии из Америки, Англии и Франции) и не вывезенные внутрь России во избежание передачи их большевиками германцам.

3) Создание при помощи русского населения армии для образования фронта, могущего отвлечь часть германских сил, ибо, в силу подчинения большевиков немцам во всех отношениях, все военные действия, привлекающие внимание и силы большевиков, до известной степени

отражались и на том или ином сосредоточении германских войск; на это, в частности, повлияло занятие в 1918 г. Финляндии германскими войсками и угроза с их стороны Мурманской железной дороге.

С заключением Державами Согласия перемирия с Германией эти цели, в значительной степени, теряли для них свое значение. Воевать с большевиками Державы Согласия не хотели, да и настроение их войск, бывших на севере России, определенно указывало, что после окончания войны с Германией начинать непонятную для солдат борьбу с большевиками более чем рискованно.

В начале февраля 1919 г., после перехода в наступление большевиков и неудачи под Шенкурском, было получено приказание из Лондона немедленно приступить к эвакуации британских войск. Но вследствие того что Белое море было сплошь покрыто льдом, это распоряжение не было приведено в исполнение.

Прибытие в мае и июне 1919 г. в Архангельск двух британских добровольческих бригад создало впечатление, что Великобританское правительство решило энергично поддержать борьбу русских противобольшевистских сил с советской властью.

И действительно, хотя британские войска не принимали непосредственного участия в наступательных операциях на фронте, которые велись сформированными русскими войсками, но все же частью находились на фронте, частью поддерживали порядок в тылу, а английский главнокомандующий принял участие в разработке операции, чтобы войти в связь с наступавшей армией адмирала Колчака и снабдить сибирские войска продовольствием, обмундированием, вооружением и боевыми припасами.

Начало наступления, сделанное русскими войсками 20 июня 1919 г., было удачно; но затем скоро обнаружился отход армий Колчака, и намеченное наступление потеряло смысл. В это же время в некоторых русских частях обнаружились большевистские заговоры; а в одной англо-русской части были ночью перебиты офицеры (8 английских и 8 русских). После этого, в конце июля, было получено распоряжение из Лондона произвести эвакуацию всех британских войск до начала ледостава. Уход англичан с севера предрешил собой прекращение борьбы с большевиками и русскими войсковыми частями, так как это подорвало дух войск и населения.

Что касается внутренней политики англичан в Архангельском и Мурманском краях, то надо отметить, что отдельные англичане добивались получить крупные концессии, особенно в Мурманском крае, вдоль железных дорог, к северу от Печорского озера и в печорских лесах; но Северное правительство не считало себя вправе распродавать русские национальные богатства и, когда соглашение не состоялось, сразу почувствовалось, что интерес англичан к Северной области пропал.

В прибалтийском районе к лету 1919 г. была сформирована Северо-Западная армия под начальством генерала Юденича. Для успешного наступления на Петроград, в союзе с Финляндией и совместно с эстонскими войсками, нужно было, прежде всего, обмундировать, вооружить и снабдить эту армию боевыми припасами, а затем достигнуть полного политического соглашения между генералом Юденичем, Финляндией и Эстонией.

Снабжение армии всем необходимым приняла на себя Англия, и было обещано, что все нужное будет прислано в течение июня месяца. В действительности помощь, обещанная союзниками вооружением, снаряжением и обмундированием, запоздала прибытием более чем на месяц.

Это запоздание, в связи с тем, что эстонские войска уже получили обмундирование от англичан, а прибывший в район армии отряд князя Ливена[239] был прекрасно обмундирован и снабжен всем необходимым германцами, вызвало среди Северо-Западной армии большое неудовольствие против англичан, и появилось сильное германофильское течение*.

Переговоры представителей генерала Юденича с эстонским правительством затянулись и к августу даже приняли несколько острый характер.

Стоявшие во главе английской военной миссии генералы Гоф и Марш, считая, по-видимому, что они не состоят при генерале Юдениче, а являются распорядителями по всем вопросам, решили ликвидировать все возникшие недоразумения**.

---

* Германское влияние было очень сильно в Финляндии и во всем северо-западном крае. Борьба влияний немецкого и Антанты продолжалось и после крушения Германского фронта, причем союзники обнаруживали большую нервность и подозрительность. Симпатии к немцам и надежда на их помощь в некоторых политических группах в Прибалтийском крае всегда были сильны, и генералу Юденичу приходилось выдерживать натиск и бороться с ними еще в бытность его в Финляндии.

** Впоследствии, якобы на основании достоверных сведений, утверждали, что генерал Гоф имел определенную инструкцию не допустить выступления Финляндии совместно с генералом Юденичем. Много внимания генералы Гоф и Марш уделяли борьбе с германским влиянием в Финляндии и Прибалтийском крае, и, по некоторым данным, многие считали, что северо-западное правительство было образовано из людей, ими выбранных и возведенных ими в сан министров, чтобы бороться против немецкого засилья на северо-западе России. При составлении описаний действий генералов Гофа и Марша я пользовался документами, напечатанными в томе I «Архива русской революции», издающегося И. В. Гессеном, сообщениями, полученными в штабе генерала Деникина из армии генерала Юденича, и, наконец, точность изложения подтверждена мне лично генералом Юденичем.

Генерал Гоф, стремясь пресечь возникшее неудовольствие против союзников в армии, обратился к генералу Юденичу с письмом от 4 августа, которое он мотивировал желанием помочь главнокомандующему Северо-Западной армии в деле борьбы с недовольством и интригами.

Перечисляя главные причины неудовольствия, царившего в Северо-Западной армии (неприбытие военного снаряжения; отсутствие помощи со стороны союзников; помощь, предложенная Германией без вознаграждения; прибытие войск князя Ливена, хорошо снаряженных немцами; снабжение эстонских войск обмундированием, тогда как русская армия такового не получает), он дает разъяснения по каждому пункту отдельно. Но при этом в письме допущен был ряд невероятно резких выражений, которые, конечно, не способствовали установлению добрых отношений.

Так, например: «До моего прибытия Вам не было обещано никакой помощи. Вы тогда наступали и забирали припасы у большевиков, сердца Ваших людей были верны и их лица были обращены в сторону врага. Наше обещание помочь Вам, по-видимому, развело мягкотелость среди людей...»

«Союзников начинает тяготить эта черная неблагодарность, и, имея дома столько неразрешенных проблем, нельзя ожидать, чтобы они позволили такое отношение к себе...»

«За помощь Великой России в те дни (т. е. в первый год войны) союзники будут благодарны. Но мы уже более чем возвратили наш долг натурой».

«Многие русские командиры до такой степени тупоумны или памятью коротки, что уже открыто говорят о необходимости обратиться за помощью к немцам, против воли Союзных Держав...»

10 августа прибывшие из Финляндии в Ревель Кузьмин-Караваев[240], Карташев и Суворов[241] были приглашены немедленно прибыть в английское консульство. Там они застали генерала Марша и из русских — Крузенштерна[242], Александрова, Маргулиеса, Филиппео, Лианозова, Горна и Иванова.

Генерал Марш охарактеризовал якобы катастрофическое положение Северо-Западного фронта* и, указав на необходимость немедленного соглашения с эстонским правительством, предложил присутствующим, в ультимативном и крайне резком тоне, немедленно, не выходя из комнаты, образовать демократическое русское правительство, которое обязано будет в тот же день заключить договор с эстонским прави-

* Какового, по словам генерала Юденича, на самом деле не было; фронт рухнул впоследствии потому, что Эстония заключила мир с большевиками.

тельством; текст договора им тут же был оглашен и передан список лиц, которых он предлагал включить в состав правительства. В заключение генерал Марш заявил, что если к 19 ч (было 18 ч 20 мин) правительство не будет образовано, то всякая помощь со стороны союзников будет сейчас же прекращена.

Присутствовавшие члены совещания, состоявшего при генерале Юдениче, не рискнув отказаться от требования генерала Марша, посоветовавшись между собой, ответили ему, что принимают на себя обязательство в кратчайший срок образовать правительственную власть и впредь до ее образования принимают на себя общее руководство русскими делами; но просят смотреть на переданный список министров как проект и до приезда генерала Юденича не принимать окончательного решения о конструкции власти и составе правительства.

Генерал Марш согласился, но потребовал, чтобы Лианозов, Крузенштерн и Суворов были уполномочены подписать соглашение с представителями эстонского правительства.

Вследствие того, что прибывшие представители эстонского правительства заявили, что у них нет полномочий от Государственного совета на подписание соглашения, генерал Марш объявил, что все лица, который войдут в состав правительства, должны подписать соглашение и для этого должны собраться в английском консульстве 11 августа к 18 ч.

Генералу Юденичу по телеграфу было сообщено обо всем, что произошло; он ответил, что вследствие порчи пути может приехать лишь в ночь на 13 августа, и просил передать генералу Маршу, что он требует, чтобы до его приезда не было принимаемо никакое окончательное решение.

11 августа в назначенный час все собрались в английском консульстве, и генерал Марш потребовал подписи собравшихся лиц под «заявлением эстонскому правительству и представителям Соединенных Штатов, Франции и Великобритании в Ревеле».

Заявление подписали: Лианозов, Маргулиес, Александров, Филиппео, Иванов и Горн. Отказались подписать Кузьмин-Караваев и Суворов. Карташев отказался прибыть на это собрание, заявив, что он в состав правительства не войдет.

На замечание одного из присутствующих, что генерал Юденич может это «заявление» не подписать, генерал Марш ответил, что если генерал Юденич «заявления» не подпишет, «у нас готов другой главнокомандующий». После подписания заявления генерал Марш приветствовал образовавшееся правительство и извинился за форму своих действий, объяснив, что, как солдат, он привык действовать решительно, не заботясь о формах.

Наступление на Петроград не удалось; Северо-Западная армия принуждена была отойти в Эстонию*.

Эстония, с разрешения Великобритании, заключила мир с большевиками. Командование Северо-Западной армии обвиняло союзников в том, что они не дали возможности эвакуировать армию из Эстонии, где она, особенно офицерский состав, попала в катастрофическое положение и испытала тяжкие оскорбления и унижения со стороны эстонцев. Между тем была полная возможность эту армию перевезти в Крым и этим значительно усилить Вооруженные силы юга России.

Взаимоотношения с французским командованием

4/17 декабря 1918 г. в Одессе высадился первый эшелон французских войск под командой генерала Бориуса.

Французы предполагали 5/18 декабря вступить в город с музыкой, но вследствие выяснившегося враждебного настроения петлюровцев, занимавших город, было решено первоначально очистить его от них. Эта задача под прикрытием огня с французских судов была выполнена офицерским добровольческим отрядом под начальством генерал-майора Гришина-Алмазова. Потери добровольческого отряда исчислялись в 24 офицера убитыми и около 100 ранеными.

7/20 декабря генерал Бориус, по соглашению с представителем Добровольческой армии, возложил на генерала Гришина-Алмазова обязанности военного губернатора Одессы.

Командование Добровольческой армии считало необходимым после занятия Одессы немедленно занять уезды, ближайшие к городу, а также южную часть Новороссии, прилегающую к Черному морю, дабы обеспечить за собой богатый продовольственный район и такие важные пункты, как Одесса, Херсон и Николаев. В этих районах предполагалось немедленно объявить мобилизацию и приступить к формированию армии, которая могла бы, базируясь на занятый плацдарм, приступить к дальнейшему очищению от большевиков и петлюровских банд правобережной Малороссии.

---

* Северо-Западная армия не разложилась до конца. В январе 1920 г. генерал Юденич отдал приказ о демобилизации с целью дать возможность уехать из Эстонии тем, кто это мог сделать. Армия была ограблена эстонцами еще задолго до заключения ими мира с большевиками: вся материальная часть, эвакуируемая из Нарвы, забиралась ими в свои склады; отбиралось у частей войск оружие и лошади; обоз подвергся полному разграблению. У чинов армии отбиралось эстонцами даже личное имущество. Продать подвижной состав и лошадей латышам эстонцы не позволили.

Считалось, что французское командование, всецело поддерживая Добровольческую армию, не будет вмешиваться в вопросы гражданского управления краем и в распоряжения военно-организационные и мобилизационные. В этом смысле и преподаны были указания генералу Гришину-Алмазову от генерала Деникина.

Между тем генерал Бориус, получив приказание от своего высшего командования занять лишь Одессу, несмотря на указания идти вперед, с целью занятия важнейших тактических пунктов, обеспечивающих оборону города и для включения в сферу своего влияния хотя бы ближайших селений, питающих Одессу, категорически от этого отказался и запретил выполнить эту операцию добровольческим частям. Следствием этого было немедленное вздорожание жизненных продуктов в Одессе и почти полное исчезновение их с рынка.

13/26 декабря, вследствие приказания командования Добровольческой армии, генерал Гришин-Алмазов вновь поднял этот вопрос, передав генералу Бориусу памятную записку, в которой указывалось на необходимость расширения занимаемой союзными войсками зоны и дальнейшего продвижения, к середине / концу января, на линию Тирасполь–Раздельная–Николаев, к каковому времени предполагалось закончить формирование дивизии военного состава Добровольческой армии. Генерал Бориус ответил, что он снесется со своим высшим командованием, так как до получения соответствующих указаний он должен строго придерживаться данной ему инструкции.

Связь между Одессой и Новороссийском была очень скверная, и донесения получались с большим запозданием. Главнокомандующего Добровольческой армии беспокоила позиция, занятая в Одессе французами, а также отрывочные сведения, приходящие из Одессы о стремлении тамошних общественных групп образовать особое правительство для юго-западного района России.

Чтобы разобраться на месте во всех вопросах, 15/28 декабря я был командирован генералом Деникиным в Одессу.

В Одессе я нашел обстановку крайне сложной. Генерал Бориус мне сказал, что в ближайшем будущем ожидается прибытие в Одессу генерала Д'Ансельма, который примет командование над всеми союзническими войсками, направляемыми на юг России; что он, конечно, будет иметь исчерпывающую директиву и что тогда будут устранены все недоразумения. Ясно было, что до приезда генерала Д'Ансельма совершенно бесполезно убеждать генерала Бориуса изменить характер его действий, ибо он точно руководствуется полученной им инструкцией.

Во внутренние дела по управлению в Одессе и в распоряжения о мобилизации в городе Одессе генерал Бориус не вмешивался, предоставляя генералу Гришину-Алмазову полную самостоятельность.

Но из слов генерала Бориуса я понял, что представители различных общественных групп, находившихся в Одессе, очень недовольны полным подчинением русской администрации в Одессе генералу Деникину и состоящему при нем Особому Совещанию и неоднократно ему заявляли, что власть в Одессе необходимо построить на автономных началах, так как управлять всем из Екатеринодара невозможно.

Из доклада генерала Гришина-Алмазова я узнал, что он, вследствие постоянного перерыва сообщений с Новороссийском и необходимости наладить в Одессе правительственный аппарат, образовал при себе особый орган для разрешения возникающих вопросов в составе отделов: гражданской части, торговли и промышленности, морской, юстиции, народного просвещения, путей сообщения, финансов, продовольствия и контроля. Из дальнейшего доклада ясно выяснилось, что и генерал Гришин-Алмазов полагает необходимым, основываясь на мнении представителей общественных кругов и различных организаций, иметь в Одессе особое — автономное правительство, которое должно руководствоваться лишь общими директивами от генерала Деникина.

Мотивами для такого предположения Гришин-Алмазов выставил: отсутствие должной связи с правительством (Особым Совещанием) генерала Деникина; совершенно исключительное значение Одессы в торгово-промышленном отношении и в отношении правильного направления деятельности морского транспорта через правления пароходных обществ, которые все сосредоточены в Одессе; исключительного значения Одессы в смысле установления товарообмена с заграницей; совершенно особого значения Юго-Западного края, который, по мере освобождения от большевиков, будет тяготеть к Одессе, и наконец, необходимостью представителю главнокомандующего самому иметь право распоряжаться распределением денежных ассигнований, пользуясь имевшейся в Одессе экспедицией заготовления денежных знаков, так как опять-таки, при отсутствии связи с Новороссийском и Екатеринодаром, не будет никакой возможности своевременно испрашивать необходимые кредиты.

Затем генерал Гришин-Алмазов указал еще на то, что местные условия в Одессе и на юго-западе России настолько отличны от района действия Добровольческой армии на Северном Кавказе, что решать вопросы, относящиеся до Новороссии, в Екатеринодаре вряд ли будет возможно — вследствие невозможности своевременно знать в Екатеринодаре о том, что делается в Одессе.

Я, соглашаясь с трудностью решать все вопросы, касающиеся Одессы и Юго-Западного края, из Екатеринодара, категорически отверг допустимость образования в Одессе какого-то автономного правительства, которое своими мероприятиями могло бы совершен-

но разойтись с тем направлением основных вопросов, которое будет проводиться генералом Деникиным через состоящее при нем Особое Совещание.

Я указал, что вопрос должен был быть разрешен так: действующее при Гришине-Алмазове совещание должно быть сохранено, но исключительно в качестве совещательного органа без правительственных функций, кои принадлежат лишь самому Гришину-Алмазову в пределах предоставленных ему полномочий. Для неотложных и непредвиденных расходов он должен испрашивать достаточный кредит. В случаях неотложной необходимости или перерыва связи с Новороссийском и Екатеринодаром он должен самостоятельно принимать решения, донося немедленно генералу Деникину.

Это решение, ставшее, конечно, сейчас же известным в Одессе и впоследствии (1/14 января 1919 г.) подтвержденное телеграммой генерала Деникина, не удовлетворило многих из общественных деятелей, некоторые политические организации, пароходные общества и торгово-промышленные круги.

Надо сказать, что к этому времени, помимо местных деятелей, Одесса была переполнена представителями самых разнообразных политических и общественных групп и организаций, представителями промышленности почти со всей России, пароходовладельцами и, наконец, спекулянтами.

Одесса и в обыкновенное время, как промышленный и торговый центр юга, включала в себе представителей целого ряда финансовых, промышленных и торговых предприятий. После же падения на Украине гетманства в Одессу переселились все деятели гетманского периода и все те, которые бежали из Великороссии и временно нашли приют на Украине.

Некоторые политические круги, каждый по-своему недовольные политическим направлением генерала Деникина, одни, считая его слишком левым, а другие, наоборот, слишком правым, полагали, что с занятием Новороссии союзниками можно, базируясь на них, приступить к воссозданию России по их политическим программам, а не по «расплывчатой и неясной», как они говорили, программе генерала Деникина. Между этими деятелями были и недавние сторонники германской ориентации — работники гетманского периода, которые, легко изменив свою ориентацию на «союзническую», мечтали о продолжении своей деятельности, опираясь на новую силу.

Многие из представителей торгово-промышленных и финансовых групп и просто спекулянты, недовольные запретительными распоряжениями о вывозе за границу хлеба и сырья, надеялись, опираясь на тех же союзников, как заинтересованных в установлении полной свободы

торговли, добиться отмены запретительных распоряжений Особого Совещания, состоявшего при генерале Деникине.

Судовладельцы, недовольные тем, что их заставляют держать суда в Черном море и требуют установления невыгодных для них определенных рейсов, надеялись, при помощи тех же союзников, добиться права свободного выхода судов из Черного моря и установления выгодных для них заграничных, оплачиваемых валютой, рейсов.

Наконец, местные одесские деятели считали, что при устройстве правительственной власти на юго-западе России они, как знающие местные условия, должны быть призваны к активной работе и получить ответственные правительственные назначения.

Словом, все стремились принять непосредственное участие в государственном строительстве на юго-западе России, и все обращались со своими заявлениями, проектами, предложениями и критикой распоряжений Особого Совещания к французскому командованию.

Если к этому прибавить, что отсутствие угля вызвало прекращение деятельности электрической станции, работу водопровода, затруднило выход в море судов и явилась угроза полного экономического кризиса, а прекращение подвоза к Одессе продовольствия вызвало страшное повышение всех цен, то при стремлении во всем этом обвинить «правительство Добровольческой армии», которое «ни с чем справиться не может», станет понятным желанием местных деятелей образовать свое автономное правительство.

1/14 января 1919 г. инженер Демченко, который в совещании при генерале Гришине-Алмазове был в качестве управляющего отделом путей сообщения, говоря по прямому проводу с инженером Шуберским, бывшим начальником отдела путей сообщения правительства (Особого Совещания) при генерале Деникине, сказал, между прочим, что он, говоря от имени Совета государственного объединения, Национального центра, Союза Возрождения России и финансово-промышленных организаций, считает нужным указать на необходимость создания немедленно правительства, которое являлось бы правительством для всего юга России, где прежде была власть гетмана; правительство же при Добровольческой армии должно считаться общероссийской властью.

В новом правительстве — военный министр должен назначаться генералом Деникиным, а остальные — по соглашению между политическими партиями и общественными организациями. При этом инженер Демченко прибавил, что французы также считают необходимым создать особое южно-русское правительство. Впоследствии представители политических групп, на которые ссылался инженер Демченко, заявили, что хотя этот вопрос и обсуждался на их совещании, но что они его не уполномочивали делать подобное заявление.

Во всяком случае заявление инженера Демченко вполне точно отражало стремления большинства политических групп и общественных организаций, бывших в Одессе, и об этом они говорили с представителями французского командования.

К этому периоду относится телеграмма, полученная в Екатеринодаре (26 декабря 1918 г. / 8 января 1919 г.), подписанная генералом Бертело и скрепленная французским консулом в Киеве г. Энно.

«Генерал Бертело, главнокомандующий войсками Согласия в Румынии и Южной России, сообщил мне для опубликования во всех газетах и распространения в возможно большом числе экземпляров нижеследующее: Жители Южной России! Вот уже почти два года как ваша богатая страна раздирается нескончаемыми гражданскими войнами; злоумышленники захватили местами власть, угрожая жизни и имуществу всех мирных жителей и друзей порядка, создавая таким образом в вашей стране подлинную анархию, ведущую к полному разорению, Ваши союзники, никогда не забывавшие усилий, которые вы приложили во имя общего дела и желающие вновь увидеть вашу страну умиротворенной, процветающей и великой, решили, что наши войска высадятся в Южной России, чтобы дать возможность благонамеренным жителям восстановить порядок.

Окажите добрый прием войскам союзников. Они приходят к вам, как друзья. Все Державы Согласия идут вам навстречу, чтобы снабдить вас всем, в чем вы нуждаетесь, и чтобы дать вам, наконец, возможность свободно, а не под угрозами злоумышленников, решить, какую форму правления вы желаете иметь.

Итак, войска союзников направляются к вам только для того, чтобы дать вам порядок, свободу и безопасность. Они покинут Россию после того, как спокойствие будет восстановлено. Дайте решительный отпор дурным советникам, имеющим интерес вызвать смуту в стране, и встречайте Державы Согласия с доверием.

Генерал Бертело. С подлинным верно. Консул Франции в Киеве с особыми полномочиями *Энно*».

Это сообщение вновь подтвердило, что в плане союзников ничего не изменилось и лишь происходит, вероятно по техническим причинам, некоторая задержка в приведении его в исполнение. Была полная уверенность, что и в Одессе, с прибытием генерала Д'Ансельма, все недоразумения будут устранены.

Генерал Деникин, дабы иметь в Одессе вполне авторитетного своего представителя, в качестве главнокомандующего назначил генерала Санникова, бывшего во время войны начальником снабжения Румынского фронта, а затем городским головой в Одессе, отлично знакомого со всеми местными условиями.

1/14 января 1919 г., с приездом в Одессу командующего союзными войсками Д'Ансельма, генерал Гришин-Алмазов обратился к нему с заявлением о необходимости безотлагательно расширить зону, занимаемую союзными войсками и добровольческими частями до линии Тирасполь–Раздельная–Березовка–Николаев–Херсон, указывая, что занятием этой зоны достигается связь с Бессарабией и ликвидируется наступивший в Одессе продовольственный кризис.

3/16 января генерал Д'Ансельм ответил, что атаману Грекову (командовавшему петлюровскими войсками) предложено очистить указанную выше зону, причем ему было заявлено, что в случае неисполнения указанного требования французы заставят петлюровцев подчиниться силой. Это опять-таки показывало, что французское командование идет навстречу делаемым ему заявлениям.

К этому времени ясно определилось, что петлюровское движение выливается постепенно в форму большевизма, и командование Вооруженных сил юга России очень было обеспокоено тем, что при этих условиях может возникнуть новый большевистский фронт на правом берегу Днепра.

5/18 января по этому вопросу генералом Деникиным была послана телеграмма генералу Бертело, заканчивавшаяся такой фразой: «Для подавления этого движения (петлюровского, выливавшегося в чистый большевизм) необходима возможно скорейшая присылка союзных войск на Украину, что даст нам возможность перейти к активным действиям и прекратить дальнейшее развитие событий, явно вредных для общего дела и грозящих обратить в пустыню богатевший край».

Между тем донесения, поступавшие из Одессы, указывали, что там происходит что-то непонятное. С приездом в Одессу генерала Д'Ансельма и его начальника штаба полковника Фрейденберга консул Энно, крайне доброжелательно относившийся к Добровольческой армии и отлично осведомленный во всех местных делах, был отстранен, и политика французского командования резко изменилась. Полковник Фрейденберг занял определенно враждебное положение по отношению к представителям командования Добровольческой армии и совершенно не считался с заявлениями, делавшимися от имени генерала Деникина.

К этому же времени стали получаться как из Парижа, так и из Одессы сведения, что союзники отказываются от первоначального плана присылки на юг России достаточных сил, решив ограничиться присылкой незначительных сил для удержания Одесской зоны и Севастополя.

Французское командование в Одессе, считая положение недостаточно прочным и стремясь усилить обороноспособность Одесской зоны путем использования местных сил, не разрешило этот вопрос

соглашением с представителями командования Добровольческой армии по формированию и организации новых частей, а, наоборот, не допуская производства мобилизации в Одесской зоне распоряжением командования Добровольческой армии, плохо осведомленное и не понимавшее сущности петлюровского движения, стало на путь переговоров с Директорией, не имевшей ни силы, ни власти, ни даже, под конец, территории в надежде, что Директория в состоянии будет выставить достаточные силы для борьбы с большевиками (как впоследствии выяснилось, Директория обещала выставить чуть ли не пятисоттысячную армию).

Не допуская производства мобилизации в Одесской зоне и этим препятствуя развертыванию Вооруженных сил юга России, подчиненных генералу Деникину, французское командование впоследствии подняло вопрос о формировании в Одесском районе смешанных бригад (бригад-микст, как их назвали) на следующих основаниях:

1) Офицерский состав этих бригад назначается властью командования Добровольческой армии, но комплектуется только из уроженцев Украины.

2) Солдаты пополняются путем добровольного найма с жалованьем 200–250 руб. в месяц при казенном довольствии.

3) В каждый полк, в качестве инструкторов, придается небольшое число французских офицеров и унтер-офицеров.

4) В командном отношении эти части командованию Добровольческой армии не подчиняются.

5) Форма одежды, применительно к французской, без погон.

Так как в таком виде эта мера приобретала характер формирования какой-то другой, во всяком случае не русской армии, главнокомандующий генерал Деникин 8/21 февраля телеграфировал генералу Санникову, что он категорически запрещает принимать какое-либо участие в формировании таких частей.

По этому же вопросу генерал Деникин писал генералу Бертело: «Идея формирования бригад из русских людей с иностранными офицерами, подчиненных исключительно французскому командованию, не может быть популярна, так как она идет вразрез с идеей возрождения русской армии, во имя чего борются лучшее офицерство и наиболее здоровые элементы страны.

Возможно лишь оперативное подчинение французскому командованию русских формирований, возникающих или имеющихся в местах преобладающего развертывания союзных войск, в случае если создавшаяся обстановка этого потребует.

Опасение шовинизма со стороны русского командования по отношению к населению Украины и намерение укомплектовать фор-

мируемые части местными украинскими уроженцами — лишний раз подчеркивают, насколько недостаточно французское командование в Одессе ориентировано в обстановке. Русское офицерство, ясно отдавая себе отчет в происходящем, не может иначе относиться к населению Украины, чем ко всему русскому народу, с которым она составляет одно целое.

Вместе с тем в некоторых самостийных кругах, находящих поддержку в многочисленных австрийских и германских агентах, естественно стремление создания особых украинских войск, и, как ни странно, этот план, противный идее воссоздания Единой могущественной России, что, казалось бы, наиболее соответствует интересам французского народа, находит сочувствие и поддержку французского командования.

Отказ в Юго-Западном районе от принудительной мобилизации совершенно разрушит созданную с таким трудом Добровольческую армию, уже перешедшую к принципу обязательной воинской повинности. Из областей, в коих формируются части путем призыва, лица, желающие уклониться от службы, начнут уходить в места, где от этого принципа отказались».

В отношении гражданского управления в Одесском районе командование Добровольческой армии постепенно отстранялось, и с первых дней пребывания в Одессе генерала Д'Ансельма французское командование начало постепенно забирать в свои руки гражданское управление района. В расширенной зоне было запрещено ввести русскую администрацию, а было оставлено в ней управление украинской Директории.

2/15 февраля генерал Д'Ансельм был назначен командующим войсками в южной России, и на него было возложено руководство всеми вопросами военной политики и администрации. Главнокомандующего генерала Санникова, в делах политических и административных, французское командование подчиняло генералу Д'Ансельму. Другими словами, получилась просто обыкновенная оккупация французскими войсками Одесской зоны, со всеми отсюда проистекающими последствиями. Ни о какой совместной работе французского командования и представителя генерала Деникина в Одессе не приходилось и говорить.

Что же произошло? Почему первоначальные планы вылились в такую неожиданную форму?

Первоначальное решение союзников направить достаточные силы на юг России встретило ряд существенных затруднений. Прежде всего явилось техническое затруднение в смысле недостатка тоннажа, так как весь свободный тоннаж был употреблен на перевозки, связанные с окончанием войны, демобилизацией и подвозом продовольствия в Англию и Францию. Затем опасение явилось относительно возник-

новения неудовольствия среди войск, которые по окончанию войны будут направлены в Россию, а не на родину. Настроение в частях, направленных в Одессу, давало серьезные основания для этого опасения. И наконец, возражения против первоначального плана, возникшие среди политических партий в Англии и Франции.

Явилось предположение заменить этот план созданием «кордона» из вновь образовавшихся государств (Эстония, Латвия, Литва, Польша и Чехо-Словакия), а также Румынии — для отделения советской России от Западной Европы. При этом признавалось желательным поддержать украинскую Директорию, на которую союзники ошибочно смотрели как на народное правительство, способное установить в стране порядок и выставить значительную армию для борьбы против большевиков. Русским же силам, ведущим борьбу против большевиков, оказывать моральную и материальную поддержку (но не живой силой).

В частности, относительно юга России признавалось необходимым не допустить большевиков занять Одесский район и Крым; для прочного удержания этих районов решено было сохранить первоначальное предположение о занятии их французскими и греческими войсками.

К сожалению, командование Добровольческой армии совершенно не было ориентировано в решении союзников изменить первоначальный план действий, и отсюда проистекали главнейшие недоразумения и трения.

Если бы союзники своевременно вполне откровенно и ясно сказали командованию Добровольческой армии об изменении своего плана и указали точно, на что именно мы можем рассчитывать, то 9/10 недоразумений было бы устранено и командование Добровольческой армии, в зависимости от новой обстановки, могло бы принять соответствующие решения.

Как мною уже было отмечено, политика французского командования в Одессе с прибытием генерала Д'Ансельма и полковника Фрейденберга резко изменилась. Переговоры с атаманом Грековым, убеждавшим в необходимости базироваться на украинское движение, выслушивание представителей различных политических партий и различных групп населения, имевших основание быть недовольными распоряжениями командования Добровольческой армии, затрагивавшими их личные интересы, привело к тому, что французское командование окончательно запуталось в сложной обстановке, создавшейся в Одессе. Полковник Фрейденберг подпал под влияние групп населения, относящихся недоброжелательно к Добровольческой армии, и совершенно не считался с заявлениями представителя Добровольческой армии.

30 января / 12 февраля в Екатеринодаре была получена из Одессы следующая телеграмма: «Французскому командованию подано два

меморандума, которые подписаны представителями: Дона — Черячукиным, Кубани — Бычем, Белоруссии — Бахановичем, Украины — Марголиным и Галипом.

Первый меморандум указывает на необходимость федерации снизу путем сговора различных областей, без участия какой-либо центральной объединяющей верховной власти. В секретной части меморандума говорится о ненужности единой армии; желательны краевые армейские образования, деятельность коих должна объединяться общим штабом. Второй меморандум касается торговых отношений между областями и указывает на невозможность наладить эти отношения, пока порты Черного моря находятся в руках сил, чуждых этим областям (т. е. в руках Добровольческой армии)».

Эти меморандумы, естественно, должны были отразиться на отношении французского командования к командованию Добровольческой армии, а создавшиеся на месте отношения между командованиями французским и Добровольческой армии повлекли за собой изменения в отношениях к Добровольческой армии и ее командованию союзных правительств.

Местные представители французского командования, основываясь на местной обстановке, в которой они не могли разобраться, на том, что они видели и слышали кругом, конечно, доносили, что командование Добровольческой армии и Особое Совещание, состоявшее при генерале Деникине, не пользуются никаким авторитетом и крайне не популярны; что особые условия юго-запада России и Одессы требуют создания на месте особой власти, опирающейся на местные элементы; что формирование в Одесской зоне Добровольческих частей по принципу обязательной воинской повинности будет встречено населением недоброжелательно; что Добровольческая армия реакционная и прочее.

Как следствие этого и явилось предложение формировать бригады-микст, ориентация на украинское движение и полное недоверие к местным представителям Добровольческой армии и постепенное их отстранение от какой-либо деятельности в Одесской зоне. Все это отразилось и на отношениях между французским командованием и командованием Добровольческой армией в Крыму.

Обвинять во всем этом французское командование, а тем более французское правительство, было бы верхом несправедливости. Во всем том, что произошло, виновны, прежде всего, те русские, которые, являясь представителями партий, групп населения и различных предприятий и преследуя свои политические и личные цели, своими обращениями и заявлениями к французскому командованию сбили французов с толка и подорвали у них всякое доверие к командованию Добровольческой армии и ее местным представителям.

К 1/14 марта отношения между французским командованием в Одессе и представителями Добровольческой армии напряглись до последней степени. К этому же времени, вследствие наступления большевиков, серьезная опасность стала угрожать Крыму. Французское командование не присылало в Крым обещанных подкреплений.

Генерал Деникин решил для спасения Крыма перевезти из Одессы в Севастополь добровольческую бригаду; но в ответ на это распоряжение от генерала Алмазова была получена телеграмма: «Херсон после боев очищен союзниками. Николаев ими эвакуируется. Генерал Д'Ансельм, считая Одессу угрожаемой, заявил мне, что генерал Бертело приказал не выпускать добровольческую бригаду из района Одессы».

4/17 марта генерал Д'Ансельм объявил в Одессе осадное положение и назначил своим помощником по гражданской части г. Андро, выдвинутого одной из политических партий, но абсолютно не пользовавшегося доверием среди мало-мальски серьезных политических и общественных кругов.

Приехавший вслед за сим в Одессу генерал Франше Д'Эспере отстранил от должности Главноначальствующего в Одессе генерала Санникова и военного губернатора генерала Гришина-Алмазова, предложив им немедленно отправиться в Екатеринодар в распоряжение генерала Деникина, а военным генерал-губернатором Одессы назначил генерала Шварца[243], ничего общего с Добровольческой армией не имевшего*.

Генерал Франше Д'Эспере 21 марта / 3 апреля (или ошибка в дате, или телеграмма была послана поздно, так как все это произошло 12/25 марта) телеграфировал генералу Деникину:

«Положение в Одессе крайне серьезно вследствие недоразумений, царящих между различными властями, в то самое время, когда неприятель стоит у ворот города. Такое положение продолжаться не может. Ввиду отдаленности и невозможности для нас встретиться или быстро снестись, мною приняты следующие меры:

1) Генерал Шварц, которого знает и ценит вся Европа, принимает командование над русскими войсками и будет исполнять обязанности генерал-губернатора. Он периодически будет представлять вам рапорты

---

* Генерал Шварц, военный инженер, отличившийся во время войны при обороне Ивангорода, одно время находился на службе у большевиков. По правилам же, принятым в Добровольческой армии, все служившие у большевиков предварительно должны были проходить через особую комиссию, которая и определяла, может ли данное лицо быть принято в армию. Назначение генерала Шварца, помимо того что вообще это было сделано без согласия командования Добровольческой армии, опротестовывалось генералом Деникиным и вследствие персонального его выбора.

и отчеты, но будет принимать те решения, которые требует серьезность положения.

2) Генерал Тимановский сохраняет командование бригадой Добровольческой армии.

3) Генералы Санников и Гришин-Алмазов предоставляются в Ваше распоряжение.

Таковые меры согласованы с желаниями союзных правительств, в том числе и русского правительства. Я думаю, что эти мероприятия позволят нам восстановить положение здесь и работать совместно на воссоздание России, чего мы все желаем.

В ожидании удовольствия встречи с Вами я прошу верить в искренность моих пожеланий успеха Вашей армии».

Совершенно было непонятно, о каком «русском правительстве» было упомянуто в телеграмме. Мы поняли, что речь идет о Парижском политическом совещании под председательством князя Львова. Странно было, что эти мероприятия «согласованы» с какими-то желаниями союзных правительств, о коих никто ничего генералу Деникину не сообщал.

Телеграмма ясно указывала, что французское командование совершенно иначе, чем генерал Деникин, толковало свои и его права на территории юга России, но о проекте разделения этих прав и обязанностей командованию Добровольческой армии никто ничего не сообщал. Фактически же получалось, что французское командование явно отвергало право генерала Деникина распоряжаться в Одессе и подчеркивало, что в районе, ими занятом, они являются полными хозяевами.

23 марта / 5 апреля, совершенно неожиданно и крайне спешно (что, по мнению всех знавших обстановку, не вызывалось необходимостью) была эвакуирована Одесса. Эта эвакуация, при которой в руках большевиков осталась значительная часть населения, — имевшего основания опасаться преследования со стороны советской власти, и непонятное отношение французского командования к добровольческой бригаде, которая подверглась ряду тяжелых оскорблений и была вынуждена оставить в Румынии почти всю свою материальную часть, вызвало взрыв негодования против французов как в армии, так и в обществе.

Трения и недоразумения, сопровождавшие эвакуацию Севастополя, только подлили масла в огонь, и общественное мнение, не имевшее возможности объективно разобраться в происшедших событиях, было крайне возбуждено против Франции.

Первый представитель французского командования в Екатеринодаре капитан Фуке вел странную и своеобразную политику по отношению к Дону. Сначала вопрос о присылке союзных войск в Донскую область он ставил в зависимость от признания Донским атаманом командования в лице генерала Деникина. Затем, через месяц после того, как единое

командование было установлено, 27 января / 9 февраля 1919 г., капитан Фуке предложил Донскому атаману, в письменной форме, подтвердить достигнутое им соглашение с генералом Деникиным и признать в лице генерала Франше Д'Эспере «высшее командование и власть по вопросам военным, политическим и общего характера». Тогда же капитан Фуке заявил, что союзные войска будут присланы на Дон только в случае согласия Донского атамана на удовлетворение из средств донской казны лиц и обществ французских и союзных граждан Донецкого бассейна, «как на территории в пределах Донского войска, так и в соседних районах», за погибшие человеческие жизни и за все понесенные убытки, происшедшие от занятия района большевиками. 28 января / 10 февраля все это было подтверждено им следующей телеграммой на имя Донского атамана: «Исполнение военной программы начнется не ранее того, как я буду иметь документы в руках. Капитан Фуке».

Все это было, конечно, сообщено генералу Франше Д'Эспере. Капитан Фуке был отозван и замещен вполне серьезным и достаточно полномочным полковником Корбейлем. Ясно, конечно, что столь своеобразная политика капитана Фуке велась им на собственный риск и страх, но впечатление, в связи с последовавшими событиями в Одессе, осталось тяжелое.

14/27 января 1919 г. от генерала Франше Д'Эспере, на имя начальника французской военной миссии, была получена телеграмма: «Получил Ваше извещение о предполагаемом переводе штаба генерала Деникина в Севастополь. Нахожу, что генерал Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует».

Мы тогда не отдавали себе еще отчета в том, что французское командование смотрит на районы, в которые вводит свои войска, как на оккупированные, и не допускает в них какого-либо иного влияния. Все это опять-таки явилось следствием взаимного непонимания и недоговоренности; а получение подобной телеграммы вызвало резкий ответ и, конечно, отразилось на взаимных отношениях.

27 мая / 9 июня 1919 г. военные представители Франции и Великобритании передали генералу Деникину для сведения текст протокола, выражающего собой соглашение между французским и великобританским правительствами на заседании в Париже 4 апреля*.

Этот протокол, как сказано было в препроводительных бумагах, являлся дополнением к франко-английскому соглашению от 23 декаб-

---

* По-видимому, нового стиля, следовательно, по старому стилю — 21 марта, т. е. в день, когда французское командование в Одессе объявило об эвакуации на основании распоряжения, полученного из Парижа.

ря (нового стиля) 1918 г., разграничивающему французскую и английскую зоны действий.

Вот содержание протокола:

I. «Высшее французское командование не будет чинить никаких препятствий к набору русских контингентов генералом Деникиным и офицерами, его представляющими, под условием, чтобы принимаемые к такому набору меры не имели результатом возникновения беспорядков в зоне, где французское командование ответственно за сохранение порядка.

II. Непосредственное командование над русскими частями, формируемыми на местах, примут русские офицеры предпочтительно из армии генерала Деникина, или из других организаций, в случае, если эти части, горя желанием сражаться против большевиков, не захотели бы служить в армии генерала Деникина.

Разумеется, эти части будут чисто русские, за исключением союзного или французского кадра, но они смогут получать помощь союзными инструкторами и техническими советчиками.

III. Русские войска, находящиеся во французской зоне и признавшие авторитет генерала Деникина, могут, по соглашению генерала Деникина с высшим французским командованием, либо быть использованы первым на его театре военных действий, либо быть окончательно предоставлены в распоряжение второго.

Русские войска, отказывающиеся от подчинения генералу Деникину, оставляются в распоряжении высшего французского командования.

IV. Генерал Деникин и высшее французское командование условятся, чтобы русское имущество, сложенное в зоне французских действий, было либо использовано при формировании русских войск этой зоны, либо предоставлено в распоряжение генерала Деникина.

Последний не будет препятствовать посылке во французскую зону припасов излишнего продовольствия (провиант и топливо), которое могло бы иметься в его собственной зоне.

V. Генерал Деникин и высшее французское командование будут взаимно держать друг друга в полном курсе своих операций и нужд, посредством миссий для связи. Они будут, по мере возможности, оказывать друг другу взаимную поддержку.

VI. Русские торговые суда, не находящиеся в пользовании союзников, могут быть употреблены для русских военных перевозок и для продовольствия русских войск. Высшее французское командование не будет чинить никаких препятствий к применению для этой цели, под русским национальным флагом, русских судов, находящихся в Черном море, под условием, чтобы они обслуживались русским экипажем, подчиняющимся генералу Деникину.

В пределах возможного эти суда, если придется, будут способствовать возвращению на родину русских солдат, находящихся вне русской территории.

Русские суда, правильно зафрахтованные дружественными правительствами, — останутся в распоряжении этих правительств, кроме как в случае невозобновления таковыми контрактов по истечении сроков.

Русским военным судам, которые укомплектованы русским экипажем, подчиняющимся генералу Деникину, разрешается плавать под русским флагом».

Франко-английское соглашение 10/23 декабря, дополнением к которому явилось настоящее соглашение, никогда не было сообщено командованию Добровольческой армии. Настоящий же документ, сообщенный тогда, когда на территории юга России, после эвакуации Одессы и Крыма, не оставалось уже ни одного французского солдата (кроме французской военной миссии в Екатеринодаре), многое разъяснил и показал, насколько безнадежно не понимали французы обстановку на юге России и насколько были диаметрально противоположны их взгляды и взгляды командования Добровольческой армии на ту помощь, которую последнее ожидало от союзников.

Этот документ показал:

1) На генерала Деникина французское командование, а следовательно, и французское правительство смотрели лишь как на командующего Добровольческой армией, действующей в районе Кубани и Дона и объединяющего в этом районе в своем лице единое командование. Права же за генералом Деникиным устанавливать и возглавлять гражданское управление на всей территории юга России, освобождаемой от большевиков, не признавалось.

2) Устанавливалась возможность формирования русских воинских частей, не подчиняемых командованию Добровольческой армии; предоставлялось право свободного решения для этих частей о желании или нежелании подчиняться генералу Деникину.

3) В зонах своего действия, т. е. в Крыму и во всей освобождаемой Новороссии (Одесская зона с Николаевом и Херсоном) французское командование признавалось высшим по разрешению всех вопросов, т. е. должно было действовать как в оккупированных районах, а следовательно, и устанавливать гражданское управление, не руководствуясь в этом отношении указаниями генерала Деникина. Затем оставалось совершенно не выясненным, входит ли Донецкий угольный бассейн в сферу французского или английского влияния и как впоследствии будет распространяться французское влияние при дальнейшем освобождении русской территории от советской власти.

4) Французское командование в своей зоне действий должно было вести самостоятельные операции против большевиков, причем оно и генерал Деникин «будут, по мере возможности, оказывать друг другу взаимную поддержку».

5) Генерал Деникин во главе вооруженных сил, ему подведомственных, при действии против большевиков, рассматриваемый просто как один из командующих армиями, должен был вести операции для освобождения России от советской власти по соглашению с французским командованием, направляющим военные операции в своих зонах действий. Причем под начальством французского командования оставались русские войска, которые не хотели подчиниться генералу Деникину или об оставлении которых под французским командованием было достигнуто соглашение с генералом Деникиным.

6) Относительно русских торговых судов Черного моря (надо понимать, что речь шла о приписанных к Одессе, т. е. $^{9}/_{10}$ всех черноморских торговых судов) распорядителями являются французы.

Все это так расходилось с основными принципами, проводимыми генералом Деникиным, что станут понятны те трения и недоразумения, которые происходили в Одессе, раз французское командование их проводило в жизнь, причем командование Добровольческой армии не было осведомлено о тех основаниях, коими руководилось французское командование в своих действиях.

Эти же основания не могли быть приемлемы для командования Добровольческой армии, которое считало:

1) На всей территории юга России, освобождаемой от большевиков, образуется единая русская армия, подчиняемая главнокомандующему Вооруженными силами юга России. Никаких русских воинских частей, не подчиненных главнокомандующему генералу Деникину, на этой территории быть не могло (могло быть лишь оперативное подчинение русских частей французскому командованию).

2) Гражданское управление и гражданские власти на этой территории, через соответствующие отделы правительства (Особого Совещания) генерала Деникина, подчиняются последнему, и недопустимо вмешательство союзного командования в гражданское управление на территории России, освобождаемой от большевиков.

3) Освобождение России от советской власти должно было вестись русскими, а не иностранными руками. Войска союзников крайне желательно было получить лишь для обеспечения порядка в районе, который должен был служить плацдармом для формирования русской армии и базой при ее дальнейших операциях. Предполагалось, что лишь при расширении Одесской зоны союзным войскам, может быть, придется принять участие в боевых действиях.

4) Русским имуществом (в том числе и судами) должно было распоряжаться правительство генерала Деникина, а никак не французское командование.

Трудно допустить, что Французское и Великобританское правительства выработали это соглашение совершенно самостоятельно, не базируясь на донесениях французского командования в Одессе. Последнее же действовало, как мной уже отмечено, под влиянием различных русских партий и организаций, которые или не понимали весь вред, который они приносили русскому делу, настраивая французское командование в определенном направлении, или преследовали свои узкие партийные или личные цели.

Непонятное указание генерала Франше Д'Эспере в телеграмме на имя генерала Деникина от 21 марта / 3 апреля, что «таковые меры согласованы с желаниями союзных правительств, в том числе и русского правительства» — дает основание предполагать, что Парижское совещание, под председательством князя Львова, сыграло в этом случае печальную роль.

Во всяком случае, если бы французское правительство своевременно и ясно сообщило генералу Деникину свои предположения или даже решения, то это устранило бы трения и недоразумения, которые проистекали от полного взаимного непонимания. Генерал Деникин, конечно, не мог бы согласиться с точкой зрения, изложенной в приведенном выше соглашении между Французским и Великобританским правительствами, но вероятно, это дало бы ему возможность договориться с ними до приемлемых условий.

На этот же запоздалый протокол, 20 июня / 3 июля 1919 г., было сообщено начальникам Британской и Французской миссий:

«Территория Крыма к данному времени освобождена исключительно частями Вооруженных сил юга России и будет подчиняться в порядке верховного управления Верховному Правителю России, временно же главнокомандующему Вооруженными силами на юге России, генералу Деникину.

Далее, главнокомандующий, будучи крайне благодарен за всякую материальную помощь со стороны союзников, считает, что зоны французского и английского влияния должны иметь значение лишь в смысле оказания именно материальной помощи, но право распоряжения русскими войсками как в той, так и в другой зоне, в полной мере остается за генералом Деникиным.

Кроме того, в настоящее время не может быть и речи о каких-либо русских войсках, которые оставались бы в распоряжении французского командования, так как все вопросы по формированию, укомплектованию, а также подчинению русских войск будут находиться в ведении генерала Деникина».

Первое время после эвакуации Одессы и Крыма отношения между высшим французским командованием в Константинополе и командованием Вооруженными силами юга России были очень натянутыми. Но постепенно это сгладилось, и Французское правительство оказывало полное содействие по получению Вооруженными силами юга России русского имущества, оставшегося во Франции после европейской войны.

После эвакуации Новороссийска и вступления генерала Врангеля в командование войсками необходимо отметить, что Французское правительство и его представители на местах делали все от них зависящее для облегчения участи беженцев и по оказанию русской армии материальной помощи. Осенью 1920 г. Французское правительство признало правительство генерала Врангеля, и в Крым были назначены полномочные представители (дипломатический и военный). К сожалению, вскоре после этого разразилась Крымская катастрофа, и русская армия, а с ней и многочисленные беженцы, были эвакуированы в Константинополь.

Взаимоотношения с английским командованием

За период с декабря 1918 г. до эвакуации Новороссийска (в марте 1920 г.) при командовании Добровольческой армии все время были достаточно полномочные военные представители. Первым, до февраля 1919 г., был генерал Пуль; затем, до 30 мая / 12 июня 1919 г., генерал Бригс и последним, до передачи командования армией генералом Деникиным генералу Врангелю, генерал Хольман. В начале 1920 г. генерал Кийз, бывший до того начальником штаба великобританской военной миссии, был назначен состоять при генерале Деникине в качестве представителя по политическим вопросам.

Все они принимали близко к сердцу интересы Вооруженных сил на юге России, делали все от них зависящее для скорейшей доставки на юг России всего необходимого для армии и своим посредничеством, при возникавших недоразумениях между командованием армии и правительствами новых государственных образований, всячески старались поддержать генерала Деникина.

При возникновении трений с британским военным командованием в Закавказье они старались сгладить и устранить недоразумения. Командующий английской эскадрой адмирал Сеймур решительно помогал Добровольческой армии при обороне Акманайской позиции у Феодосии в 1919 г. Действиям британского флота мы в значительной степени обязаны тому, что эта позиция была нами удержана. В лице этих представителей британского командования противобольшевистская Россия имела искренних и верных друзей.

С представителями же английского командования в Закавказье и с главнокомандующим британскими силами, находившимися на Ближнем Востоке, происходило довольно много трений и недоразумений из-за политики Великобритании, проводимой в Закавказье.

После занятия англичанами Закавказья генералу Деникину через британскую военную миссию было заявлено, что британские войска прибыли в Закавказье с целью: а) заставить германцев и турок эвакуировать немедленно районы, которые к туркам по мирному договору не отойдут; б) поддержать порядок в Закавказье.

В январе 1919 г., по заявлению генерала Форестье Уоккера (бывший начальником 27-й британской дивизии; ему были подчинены все британские войска, находившиеся в Закавказье, штаб его был в Тифлисе) генералу Эрдели (командированному генералом Деникиным войти в связь с английским командованием в Закавказье и постараться устранить все возникшие недоразумения) англичане прибыли в Закавказье с целью поддержания порядка и сохранения в нем существующего в момент их прихода положения — до решения мирной конференции.

Поэтому они будут поддерживать все существующие на его территории правительства, в задачи которых входит поддержание элементарного порядка.

По словам того же генерала Форестье Уоккера, существовало три проекта разрешения судьбы Закавказья:

1) Присоединение его к России в границах 1914 г. с автономным управлением в областях.

2) Признание самостоятельности образовавшихся республик с полным отделением их от России.

3) Образование соединенных штатов на Кавказе: а) как самостоятельного организма отдельно от России или б) в федерации с ней, с признанием ее суверенных прав.

Ввиду того что до разрешения мирной конференции вопрос государственного устройства Закавказья остается открытым, англичане, как заявил генерал Форестье Уоккер, не могут допустить никакой агитации в пользу воссоединения его с Россией.

В соответствии с этим при приеме делегации от армянского правительства, заявившей о стремлении Армении стать на путь полного соглашения с Добровольческой армией для воссоздания России, генерал Форестье Уоккер очень холодно заявил, что никакая агитация в пользу воссоединения Армении с Россией не допустима.

13/26 января 1919 г. в Тифлисе к генералу Форестье Уоккеру являлась делегация от русского национального совета. В ответ на приветствие генерал (по сообщению, полученному нами от Тифлисского русского национального совета) ответил: «Очень рад познакомиться

с представителями русского национального совета. Я обладаю всеми полномочиями в отношении Карской и Батумской областей (Брестского договора не существует), но на территории республик Грузии, Азербайджана и Армении я, впредь до мирной конференции, могу действовать только в контакте с местными правительствами. В Батумскую и Карскую области беженцы могут быть возвращены при условии, если они не будут вести пропаганды большевистской и за воссоединение этих областей с Россией — впредь до решения мирной конференции...»

Наконец, в связи с тем, чтобы среди населения Закавказья не велась агитация за воссоединение с Россией, в феврале 1919 г., по распоряжению генерала Мильна (главнокомандующего британскими войсками на Ближнем Востоке), одно время был воспрещен въезд в Батумскую область офицерам Добровольческой армии.

10/23 марта 1919 г. генерал Бригс получил из Лондона указание, чтобы было сообщено генералу Деникину, что Великобританское правительство надеется, что он (т. е. генерал Деникин) будет лояльно придерживаться общей политики союзников по отношению к маленьким государствам; что Великобритания не намерена оставлять свои войска на Кавказе, так как они были посланы только для приведения в исполнение условий перемирия и сохранения мира.

«Правительство Его Величества смотрит с большим неудовольствием на назначение генерала Ляхова[244] губернатором Дагестана, в который Добровольческая армия могла бы ввести войска лишь для борьбы с большевиками*. Великобритания постарается, чтобы грузины и другие кавказцы оставались нейтральными. Если же генерал Деникин будет действовать в направлении, не приемлемом для Великобритании, то это принудило бы правительство Его Величества отказать ему в своей поддержке и остановить отправку ныне посылаемых запасов.

Вследствие возникновения целого ряда недоразумений с британским командованием в Закавказье, 1/14 августа 1919 г. генерал Кийз прислал на имя начальника штаба Добровольческой армии сообщение, в котором, подробно останавливаясь на всех жалобах на действия представителей английского командования в Закавказье и разъясняя возникшие недоразумения, он закончил так:

«Я надеюсь, что Вооруженные силы на юге России примут во внимание все эти факты, чтобы отказаться от мысли, что британские военные власти в Закавказье пропитаны по отношению к ним иными чувствами, чем те, которые имеют командование в Константинополе и британская военная миссия.

---

* Как потом выяснилось, часть Дагестана англичане считали в сфере своего влияния.

При отсутствии объединяющего русского правительства и стремлении всех отдельных народностей Закавказья отделиться от России, общие указания, даваемые британским войскам, первоначальная задача которых была принудить неприятеля к эвакуации Закавказья, заключались в том, чтобы в ожидании решения мирной конференции охранять порядок и поддерживать правительства, находящиеся у власти, пока они будут вести себя подобающим образом...

Русские представители в Закавказье и даже командование Вооруженными силами на юге России, не сумев оценить этих основных принципов, часто обращались к британским военным властям в Закавказье с требованиями, которые шли вразрез с полученными ими распоряжениями и неминуемо ввели бы нас в войну с упомянутыми республиками, что было бы противно принципам, одушевляющим мирную конференцию...

Не следует забывать, что во время заключения перемирия с Турцией Батумский округ находился под турецким владычеством и был занят турецкими войсками. Британские войска были присланы туда, чтобы принудить турок к эвакуации этого округа и поддерживать порядок как там, так и во всем Закавказье до тех пор, пока мирная конференция не определит, за отсутствием единого русского правительства, дальнейшую судьбу этой области».

Приведенные выше выдержки из заявлений представителей Великобритании объясняют официальную политику англичан на Кавказе.

Командование Добровольческой армии отлично понимало, что Великобритания, приняв на себя протекторат над Персией и заинтересованная в беспрепятственном получении нефти из Баку через Батум, стремится установить и поддержать в Закавказье полный порядок и что одной из мер для этого является поддержание образовавшихся в Закавказье республик. Было вполне понятно, что ближайшая и главная задача введенных на территорию Закавказья британских войск в этом и будет заключаться.

Было также понятно, что английское командование, придавая огромное значение сохранению порядка в Туркестане, прилегающем к Афганистану и Индии, где началось брожение под влиянием умело организованной германо-большевистской пропаганды, выделило из своего очень скромного по численности отряда в Хоросане все, что могло (1 батальон, 3 эскадрона и одну батарею), и помогло противобольшевистским силам занять Чарджуй и очистить от большевиков Бухару.

Командование Вооруженными силами на юге России находило, что пребывание английских войск в Закавказье необходимо, и, когда в 1919 г. получены были сведения о предполагаемом уходе британских войск из Закавказья, генерал Деникин просил этого не делать, так как

было опасение, что это может послужить причиной распространения в Закавказье большевизма.

Недоразумения же и трения с представителями английского командования в Закавказье происходили вследствие того, что получалось впечатление определенной ими поддержки сепаратных, во вред России, стремлений Грузии и Азербайджана. Затем казалось, что англичане хотят образовать из Закавказских республик буферную зону между будущей Россией и Персией, а также, пользуясь обстоятельствами, захватить исключительное влияние в Закавказье.

После занятия англичанами Батума, Тифлиса и Баку командование Добровольческой армии получило уведомление, через начальника британской военной миссии, что разграничительной линией между Добровольческой армией и Закавказьем надлежит считать линию: Кизил-Бурун (на берегу Каспийского моря, между Дербентом и Баку), Закаталы и далее по Главному Кавказскому хребту до Туапсе на Черном море.

Проведение разграничительной линии на Туапсе показывало, что англичане, поддерживая в этом отношении грузин и стоя на формальной точке зрения — сохранить в Закавказье то положение, которое было до их прихода туда, признают, что Сочинский округ должен, до решения мирной конференции, оставаться во владении Грузии. С этим командование Добровольческой армии согласиться никак не могло.

9/22 января начальник британской военной миссии генерал Пуль уведомил, что генерал Уоккер, командующий английскими военными силами в Закавказье, сообщил, что он получил инструкцию поддерживать грузин, пока их поведение удовлетворительно, и что продвижение войск Добровольческой армии в Сочинском округе без предварительного сношения с ним не должно иметь места.

Командующему британскими военными силами было, письмом от 14/27 января, разъяснено, что грузины, совершенно незаконно захватив Сочинский округ осенью 1919 г., никаких прав на него не имеют; что вряд ли правильно англичанам поддерживать грузин в той политике, которая последним была внушена немцами; и что во всем этом кроется серьезное недоразумение, которое необходимо разъяснить возможно скорей.

22 января / 4 февраля грузинские войска открыли неприязненные действия против наших войск, и генерал Деникин приказал перейти в наступление и занять Сочи. Это было исполнено 24 января / 6 февраля.

Министр Грузинской республики Гегечкори 4/17 февраля послал радиотелеграмму, адресованную на имя «Добровольческой» и «Союзнической» армий, следующего содержания: «6 февраля нового стиля

частями Добровольческой армии учинено внезапное нападение на отряд, стоящий в Сочи. Генерал Бруневич представил нашим частям требование о сдаче оружия. Подобное распоряжение командования Добровольческой армии является актом самочинно-грубого насилия и вероломства последней. *Сочинский округ занимался нами по соглашению и настоянию английского командования* (курсив мой).

13 февраля грузинским правительством было получено от английского командования в Константинополе письменное заявление, что со стороны генерала Деникина не будет предпринято никаких враждебных действий по отношению Грузинской республики; ввиду этого мы заявляем самый решительный протест против такого нападения и требуем свободного пропуска наших частей с оружием в руках из Сочинского округа, а в противном случае возлагаем всю ответственность на штаб Добровольческой армии. Грузинское правительство примет крутые меры против всех чинов Добровольческой армии, находящихся в пределах Грузинской республики, и с оружием в руках заставит уважать свои права. 1616».

В ответ на это командование Добровольческой армии просило командование британскими вооруженными силами в Закавказье об освобождении арестованных русских офицеров и об ограждении русских граждан, находящихся в Грузии, от репрессий.

6/19 февраля (как раз в день занятия Сочи) генерал Бригс, начальник британской миссии, передал Деникину следующее заявление:

«Я получил указание военного министерства предложить Вам немедленно прекратить операции против Сочи, затем обратить Ваше внимание на постановление мирной конференции от 24 января, в силу которого захват силою спорной территории будет серьезно вменен в вину захватчику. Если генерал Деникин не согласится ожидать решений из Парижа и не воздержится от перехода в район южней линии Кизил-Бурун, Закаталы и далее по Кавказскому хребту до Туапсе на Черном море, то правительство Его Величества может оказаться вынужденным задержать (или отменить) помощь оружием, снаряжением и одеждой».

Но Сочи нами уже был занят.

К этому же времени относится письмо генерала Мильна на имя генерала Деникина, в котором, между прочим, сообщалось: «Окончательная судьба Сочинского округа — это несомненно вопрос, который должен быть разрешен по окончании войны и всякая попытка решить его теперь же силою оружия должна повести к осложнениям с Грузией... Я прошу Ваше Превосходительство прийти к дружелюбному соглашению с Грузией, по крайней мере о Сочинском округе, и тем избежать военного столкновения с этой страной. Операции против грузин в Сочинском округе никоим образом не способны облегчить

Ваших операций против большевиков, для каковой цели британское правительство снабжает Вас оружием и военным снаряжением...»

Но «дружелюбного» соглашения с Грузией относительно Сочинского округа достигнуть было невозможно, ибо грузины, поддерживаемые в этом отношении тем же британским командованием в Закавказье, не хотели и слышать о возможности добровольного отказа от этого округа.

После очищения грузинскими войсками Сочинского округа недоразумения продолжались из-за отношения грузинских властей к армянскому и абхазскому населению в соседнем Сухумском округе. Командование Добровольческой армии полагало, что для прекращения постоянно возникающих недоразумений следовало бы Сухумский округ объявить нейтральным. По этому вопросу 26 февраля / 11 марта 1919 г. генерал Деникин обратился к начальнику британской военной миссии генералу Бригсу со следующим заявлением:

«Ко мне обратились официальные представители армянского национального союза Сочинского округа с просьбой защитить армянское население Сухумского округа, в частности, селения Гудауты, от насилия грузинских войск.

По очищении грузинскими войсками Сочинского округа грузинские военные власти наложили на армянские селения Гудаутского участка Сухумского округа контрибуцию в размере 1000 пудов кукурузы, сена и фасоли с каждого селения. Жители указанных селений, не имея продуктов, исполнить поставленные им грузинами требования не имели возможности. Тогда грузинские войска, окружив селения, 10/23 февраля начали расстреливать артиллерией и пулеметным огнем мирное население.

Вышеизложенное заявление армянского национального союза Сочинского округа лишь подтверждает донесения подчиненных мне войсковых начальников о постоянно слышной артиллерийской и пулеметной стрельбе в тылу расположения грузинских войск за р. Бзыбь.

Прошу Ваше Превосходительство довести до сведения высшего британского командования в Закавказье мой протест по поводу чинимого насилия над беззащитным армянским населением и просьбу энергичного давления на грузинское правительство для прекращения зверств».

Еще раньше, 1/14 февраля, от имени генерала Деникина на имя генерала Форестье Уоккера и Мильна была послана следующая телеграмма:

«Ко мне обратились официальные представители Абхазского народа с нижеследующим прошением, подписанным членами народного совета:

"Абхазский народ составляет главную часть населения Сухумского округа, лежащего на берегу Черного моря между реками Бзыбь и Ингур. Он был вынужден просить помощи у грузин против большевиков. Воспользовавшись этим, грузины ввели в Сухумский округ свои войска, поставили свою администрацию и, сообразно обычным своим приемам, начали вмешиваться во внутренние дела и повели самое беспощадное гонение против выдающихся влиятельных политических деятелей абхазского народа.

15/28 августа 1918 г. грузины силой разогнали абхазский национальный совет и произвели многочисленные аресты почетных стариков. В новый совет были допущены только грузинские подданные и были исключены все абхазцы, армяне, русские и другие, не пожелавшие признать себя подданными Грузии. Эти меры вызвали крайнее озлобление населения против грузин и вызвали резкую оппозицию в совете.

9/22 октября совет был вторично разогнан и самые уважаемые деятели были арестованы и отправлены в Тифлис в Метехскую тюрьму. Эти события обострили отношение абхазцев к грузинам до крайней степени. Этот крайне свободолюбивый и самолюбивый воинственный народ никогда не простит оскорблений и притеснений, причиненных ему грузинами, и никогда не примирится с грузинским владычеством.

Ныне Грузия объявляет новые выборы в совет и проводит их под давлением вооруженной силы. Но абхазские представители категорически заявляют, что никакого участия в выборах по грузинской указке они не примут, и категорически отказываются признать за Грузией право распоряжаться их судьбой".

Поэтому абхазские представители просят меня, во-первых, приостановить выборы в совет под влиянием грузинских властей и, во-вторых, предложить союзному командованию о немедленном выводе грузинских войск из Абхазии, дабы избавить абхазский народ от насилий, могущих вызвать кровавую смуту, и дать ему возможность приступить к мирной работе.

Доводя до Вашего сведения о такой просьбе официальных представителей Абхазского народа, со своей стороны добавляю следующее:

1) Ненависть абхазцев к грузинам так сильна, что никакое совместное жительство этих двух народов невозможно, и все равно путем кровавой борьбы абхазцы добьются своей свободы, а потому всякое промедление в удалении грузин из пределов Сухумского округа только ухудшит дело и вынудит прибегнуть к вмешательству посторонней вооруженной силы для восстановления порядка.

2) Сухумский округ необходимо теперь же объявить нейтральным, немедленно вывести оттуда грузинские войска и администрацию и воз-

ложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные, и на военные отряды, сформированные из абхазцев.

3) Грузины должны быть отведены за реку Ингур, т. е. за бывшую границу Кутаисской губернии. Их претензии на район, лежащий между реками Кадор и Ингур, ни на чем не основаны, ибо население этого района относится к грузинам с ненавистью еще большей, чем население остальной Абхазии.

Я особенно настаиваю на точном выполнении указанных трех пунктов, ибо в случае промедления в их осуществлении я предвижу, что и Английской армии и Добровольческой придется проливать свою кровь для умиротворения этого края, доведенного бессмысленной политикой грузин до последней степени возмущения против его поработителей. На Добровольческую армию выпало за минувший год упорнейшей и кровопролитнейшей борьбы с большевиками столько испытаний, что я считаю долгом совести принять ныне относительно Абхазии все меры, чтобы драгоценная кровь добровольцев не проливалась на территории Сухумского округа, как то пришлось, вопреки моему желанию, сделать в округе Сочи.

Полагаю, что в этом отношении интересы английского командования вполне совпадают с моими».

Начальники британской военной миссии на юге России — генерал Бригс и затем заменивший его генерал Хольман, — отлично сознавали всю ненормальность положения, создавшегося в тылу Добровольческой армии и, вне всякого сомнения, под влиянием их донесений Британское правительство признало факт занятия Сочинского округа Добровольческой армией, и генерал Бригс, принимавший участие на заседании в Тифлисе в мае 1919 г., настаивал на том, чтобы грузины не переходили реки Бзыбь, отделявшей Сухумский округ от Сочинского.

Представитель Грузии Гегечкори на том же заседании уже не настаивал на передаче Сочинского округа Грузии, а указывал на необходимость образовать нейтральную зону между Абхазией и районом, занятым Добровольческой армией, т. е. превратить Сочинский округ — в нейтральный.

Конечно, представители английского командования в Закавказье не могли самостоятельно разрешать вопросы политического характера, но, казалось бы, они должны были самым решительным образом потребовать от грузинского правительства, чтобы последнее держало себя лояльно по отношению к русским, находящимся на их территории, и Добровольческой армии, которой в борьбе с большевиками помогало Британское правительство.

Получалось же в действительности что-то странное: представители британского командования на юге России вполне сочувствовали

командованию Добровольческой армии и помогали ему чем могли, а представители британского командования, находившиеся в Грузии, поддерживали морально Грузию и отстраняли от себя всякое воздействие на грузинское правительство, которое вело явно враждебную политику по отношению к Добровольческой армии и ко всему русскому.

Во всем этом, конечно, главным образом виновна неясная и двусмысленная политика Великобританского правительства, которое, если б не стремилось укрепить положение Грузии, как многим казалось, для создания буферной зоны между Персией и будущей Россией, должно было преподать соответствующие указания грузинскому правительству.

Лучшим же выходом из создавшегося положения, как об этом и сообщалось английскому командованию, было бы образование из Сухумского округа, населенного главным образом абхазским народом, и на владение коим Грузия не имела никаких прав, нейтральной зоны. Это разрешило бы все недоразумения, а крикливое, но бессильное грузинское правительство, конечно, покорилось бы этому решению.

Но этого не было сделано, и недоразумения между командованием Добровольческой армии и грузинским правительством продолжались, и как одно, так и другое обращались за посредничеством к британскому командованию.

23 сентября / 6 октября 1919 г., за подписью генерала Деникина, было сообщено начальнику британской миссии на юге России, что азербайджанское и грузинское правительства, путем агитации и снабжения повстанцев деньгами и оружием, поддерживают смуту на Северном Кавказе и в Черноморской губернии.

В этом сообщении, между прочим, было сказано:

«Когда Грузия в начале текущего года начала особенно выявлять свое недоброжелательное отношение к Вооруженным силам на юге России и стремилась присоединить к себе не принадлежащие ей части территории, у меня была полная возможность разгромить вооруженные силы Грузии и обеспечить силой спокойствие в тылу армий, борющихся против большевиков. Но представители британского правительства просили меня этого не делать, обещая, что принятыми ими мерами спокойствие в тылу Вооруженных сил на юге России будет вполне обеспечено...

В центре всего антирусского движения стоит грузинское правительство, которое по образу своих действий мало чем отличается от большевиков. Им поддерживаются в борьбе против законной власти так называемые «зеленоармейцы», которые, представляя из себя банды дезертиров и большевиков, укрываются в лесах Черноморского побережья, совершая оттуда набеги на мирное население и военные посты...

Прошу Ваше Превосходительство войти с представлением к главному командованию войсками Его Королевского Величества в Закав-

казье о необходимости оказать немедленно, до окончания эвакуации британских войск, воздействие на Закавказские правительства в целях прекращения их вредной деятельности.

Опасность, которую создает означенная деятельность, имеет мировое значение. Большевизм из Закавказья угрожает распространиться в Среднюю Азию, Персию и Афганистан и может серьезно затронуть даже и британские интересы в Индии...»

Но все эти заявления ни к каким последствиям не привели. Представители Британского правительства продолжали придерживаться политики благосклонного отношения к грузинскому правительству и невмешательства во враждебную деятельность этого правительства по отношению к Добровольческой армии.

Последующие события показали, что командование Вооруженных сил на юге России, указывая британскому командованию на враждебную деятельность грузинского правительства, было вполне право. В конце января 1920 г. в Сочи образовался «комитет спасения», ставший во главе «зеленых», занявших округ.

Ездивший в Сочи представитель Великобританского правительства генерал Кийз сообщил мне: к этой власти присоединились прибывшие в Сочи из Тифлиса два члена бывшего Учредительного собрания (от Туркестана и Новороссийска). В Тифлисе во главе центральной организации меньшевиков стоит известный «сенатор» Соколов (один из авторов приказа № 1). Лозунги — объявление самостоятельности Черноморской губернии. Изгнание Добровольческой армии, как контрреволюционной силы. Соглашение с Кубанью, при условии разрыва последней с Добровольческой армией, и соглашение с советской республикой.

Таким образом, грузинское правительство, своей близорукой политикой допускавшее и поощрявшее на своей территории деятельность политических партий, враждебных Добровольческой армии и являвшихся авангардом большевизма, подготовляло гибель и себе. Британское же правительство, вследствие непонимания обстановки и, как казалось, преследуя цели ослабления будущей России, вело через своих представителей в Закавказье политику, которая в конце концов привела к тому, что опасность распространения большевизма в Персии, Афганистане, а возможно и в Индии, стала реальной.

24 января / 6 февраля 1919 г. начальнику британских военных сил в Азербайджане генералу Томсону была послана телеграмма: «Победами Добровольческой армии весь Северный Кавказ систематически освобождается от большевиков. Уже заняты Пятигорск, Моздок, и войска атакуют, а может быть, и взяли уже Владикавказ и Грозный. В освобожденных местах мною вводится гражданское управление, которому ста-

вится задача умиротворить край, ввести в нем порядок, основанный на законе, и дать возможность всему населению, без различия национальностей и вероисповеданий, приступить к спокойному и мирному труду. Во главе управления вновь занятых областей мною поставлен генерал Ляхов со званием главноначальствующего и командующего войсками Терско-Дагестанского края, управление коего находится в Пятигорске, а затем будет перенесено во Владикавказ. Прошу осведомить подчиненные Вам войска о полномочиях, данных мною генералу Ляхову, и дать им надлежащие инструкции на случай совместных действий с войсками и лицами административного персонала, подчиненного генералу Ляхову. 24 января / 6 февраля № 113. Главнокомандующий вооруженными силами на юге России генерал Деникин».

Эта телеграмма, содержавшая на первый взгляд странное выражение, что Грозный и Владикавказ, «может быть», уже взяты нашими войсками, требует некоторого пояснения. Колонна британских войск была направлена от Петровска вдоль железной дороги к Грозному. Нами были получены сведения, что якобы британское командование дало указание начальнику своего отряда занять Грозный возможно скорей. Было также известно, что правительство горских народов Кавказа (лезгин, черкес, ингушей, чеченцев, осетин и кабардинцев), которое в период нахождения в Закавказье германцев поддерживало полный контакт с турками, добивается перед британским командованием своего признания.

Дабы не было каких-либо печальных недоразумений или трений в случае, если бы Грозный со своими нефтяными источниками был занят британскими войсками, начальнику отряда, направленному на Грозный, было приказано его занять до подхода британских войск. Это было исполнено.

Дабы парировать какие-либо недоразумения из-за притязаний горского правительства и на случай, если б наши войска несколько запоздали занять Грозный и Владикавказ (который горское правительство считало своей столицей) и была послана приведенная выше телеграмма.

Последующее показало, что опасения командования Вооруженных сил на юге России были не беспочвенны.

25 января / 7 февраля наш представитель при британском командовании в Баку генерал Арпсгофен прислал телеграмму о том, что генерал Томсон (командующий британскими военными силами в Азербайджане) заявил, что Добровольческая армия не имеет права распространять своего влияния на Дагестан и Баку, так как хозяевами там являются горское и азербайджанское правительства, и что изменение полученной им в этом смысле инструкции от высшего британского командования

может быть сделано лишь по соглашению с горским правительством относительно Дагестана и после сношения с главнокомандующим британскими войсками генералом Мильном.

От генерала Эрдели (был командирован генералом Деникиным в Батум, Тифлис, Баку и в Закаспийскую область для полной ориентировки на месте) была в тот же день получена телеграмма, что генерал Томсон обещал горскому правительству, что в Дагестане и в Петровске не будет русских войск, а будут введены британские войска для поддержания порядка в области, находящейся в сфере английского влияния, причем генерал Томсон высказал, что генерал Деникин не может назначать главнокомандующего в Терско-Дагестанский край. Это заявление основывалось, по словам генерала Томсона, на инструкции, полученной генералом Форестье Уоккером от генерала Мильна.

В разговоре с генералом Эрдели генерал Томсон заявил, что северной границей английской зоны на Кавказе является линия Петровск–Кавказский хребет–Сочи (все пункты, указанные в этой линии, входят в английскую зону) и что на этом основании в Дагестанскую область и в г. Петровск введены британские войска для поддержания порядка.

Наконец тот же генерал Томсон заявил: 1) Все русские заводы, железные дороги, учреждения и имущество, находящиеся на территории Азербайджана, перешли к последнему, и пользоваться ими Добровольческая армия может только за плату по соглашению с азербайджанским правительством; 2) смотреть на Баку и Дагестан как на свою базу Добровольческая армия не может.

Подобная постановка вопроса не могла удовлетворить командование Добровольческой армии. Оставлять Дагестан в ведении горского правительства было недопустимо, ибо это повлекло бы за собой бесконечные брожения и восстания среди ингушей, осетин и чеченцев, так как за объединение их под одним горским правительством, конечно, велась бы энергичная пропаганда.

Лишиться Петровска, как единственного для нас порта на Каспийском море для связи с Уральским фронтом и Закаспийской областью, а также как базы для флота и для противодействия большевикам при их операциях со стороны Астрахани, командование Добровольческой армии также не могло.

Основываясь на том, что 6/19 февраля 1919 г. начальник британской военной миссии на юге России сообщил генералу Деникину, от имени Британского правительства, что разграничительной линией является — Кизил-Бурун–Закаталы–Кавказский хребет, т. е. Петровск и Дагестан не входили в сферу английского влияния, генерал Деникин 22 февраля / 7 марта обратился к начальнику британской военной миссии генералу Бригсу с протестом относительно заявлений, сделанных

генералом Томсоном, и с просьбой, во избежание недоразумений, дать надлежащие указания генералам Форестье Уоккеру и Томсону.

Вопрос относительно Баку являлся очень острым, так как, помимо колоссальных нефтяных богатств, он являлся единственным оборудованным портом, который мог бы служить базой для Каспийской флотилии, которую командование армии надеялось получить в свое распоряжение. Но дабы не осложнять положения и не обострять отношений ни с азербайджанским правительством, ни с командованием британскими войсками, было решено не принимать по отношению к Азербайджанской республике никаких агрессивных шагов и не занимать Баку.

По имевшимся сведениям получалось впечатление, что с азербайджанским правительством можно договориться и, не посягая на независимость вновь явленной республики, установить добрососедские отношения, правильный товарообмен и получить право пользоваться Бакинским портом как базой.

В районе бакинского градоначальства ко времени освобождения Северного Кавказа от большевиков находилась часть бывшего Бичераховского отряда под начальством генерала Пржевальского[245]. Отношение к этому отряду со стороны азербайджанского правительства было скорей доброжелательное.

Командование Добровольческой армии предполагало этот отряд переформировать и направить в Закаспийскую область, а тыловые учреждения и запасы перевести в район Вооруженных сил юга России. Но 27 февраля / 12 марта из Батума была получена газета «Грузия» от 22 февраля / 7 марта, в которой был приведен следующий приказ от 15/28 февраля генерала Пржевальского:

«Ввиду предъявления английским командованием требования — завтра 1 марта к 16 ч всем русским войсковым частям Вооруженных сил юга России выступить из Баку, а к 24 ч того же дня очистить пределы Бакинского военного губернаторства». Далее идут подробности по выполнению этого приказа с добавлением, что командующему флотом, относительно подведомственных ему судов, получить указание непосредственно от английского командования.

Немедленно за подписью генерала Деникина был подан протест начальнику британской военной миссии в Екатеринодаре. Было, между прочим, указано: «Если такой приказ действительно был английским командованием издан, то я, как главнокомандующий всеми Вооруженными силами на юге России, не могу не указать, что отдача подобного распоряжения, касающегося вооруженных сил, находящихся в моем ведении, без предварительного о том получения на то моего согласия, — является актом враждебным Добровольческой армии, всегда,

даже в самые трудные минуты своего существования, хранившей верность своим союзникам».

Как потом выяснилось, приказ этот действительно был отдан на основании требования со стороны генерала Томсона, основанного, как заявил последний, на просьбе азербайджанского правительства, так как присутствие в Баку добровольческих частей грозило осложнениями с рабочими Бакинского района, смотревшими на них как на «контрреволюционную» и «реакционную» силу.

Форма отданного распоряжения, без предварительного сношения с командованием Вооруженных сил юга России, была, конечно, более чем бестактна. Требование же произвести эвакуацию в 24 часа, что совершенно не вызывалось обстановкой, привело к тому, что много ценных запасов пришлось оставить в Баку.

В конце апреля 1919 г. азербайджанское правительство просило командование Добровольческой армии выяснить свое отношение к республике. Главнокомандующий уполномочил своего представителя при британском командовании в Баку передать правительству Азербайджана, что «армия юга России считает Азербайджан частью России, но до восстановления в России Верховной власти допускает самостоятельное существование Азербайджана».

В середине мая 1919 г. в связи с очищением Дагестана и части Каспийского побережья от большевиков, главнокомандующий сообщил начальнику британской военной миссии генералу Бригсу: «Войска Добровольческой армии в Азербайджан не вступят и не перейдут линии Закаталы–Главный Кавказский хребет–Кизил-Бурун, если со стороны Азербайджана не будет враждебных действий».

11/24 июня 1919 г. начальник британской военной миссии прислал на имя генерала Деникина письмо следующего содержания: «Мною получена телеграмма из Великобританского военного министерства: Занятие Дербента генералом Деникиным не способствует установлению мира на Кавказе и потому противно его же интересам».

Было отвечено, что Дагестан добровольно, без единого выстрела, присоединился к Добровольческой армии, при сохранении автономии, и его выборное правительство утверждено генералом Деникиным. Но эта телеграмма британского военного министерства показала, что действительно, вопреки первоначальному решению британского правительства, сообщенного генералу Деникину начальником британской военной миссии, британское правительство расширило зону «своего влияния», или, проще говоря, границы Азербайджана до границы, сообщенной генералу Эрдели генералом Томсоном, и, кроме того, разрезало Дагестан на две части, из коих дна оказалась в зоне влияния Добровольческой армии, а другая, естественно, подпадала под управле-

ние горского правительства, которое командованием Добровольческой армии не признавалось.

Как то, так и другое для командования Добровольческой армии являлось совершенно неприемлемым.

Официальное указание британского командования на новую разграничительную линию дало основание председателю совета министров Азербайджанской республики сообщить генералу Деникину 22 июня / 5 июля, что согласно препровожденного британским главным штабом на имя президента республики сообщения — британское правительство постановило установить между генералом Деникиным и Кавказскими республиками следующую демаркационную линию: «от устья р. Бзыбь — к северу по той же реке до границы Сухума, оттуда к востоку по областям Сухумской, Кутаисской, Тифлисской, Дагестанской до точки, находящейся на пять миль к югу от Петровско-Дагестанской железной дороги, оттуда на юго-восток параллельно, на пять миль южней железной дороги, до точки на Каспийском побережье на пять миль южнее Петровска».

Председатель совета министров Азербайджанской республики, основываясь на этом, просил об отводе к северу частей Добровольческой армии, бывших на Каспийском побережье южней указанной границы, т. е. другими словами, об очищении Дербента.

Крайне показательным в смысле отношения Великобританского правительства к Добровольческой армии являлось то, что об изменении разграничительной линии с Азербайджаном ни командованию армии, ни начальнику британской военной миссии в Екатеринодаре ничего не было сообщено официально.

2/15 июля, сообщая о полученном сношении председателя совета министров Азербайджана начальнику британской военной миссии в Екатеринодаре, я прибавил: «В связи с этим, по поручению генерала Деникина, довожу до Вашего сведения, что указанное постановление Королевского правительства ему неизвестно. Заключающаяся в этом постановлении демаркационная линия с Азербайджаном не соответствует ранее установленной линии Кизил-Бурун (на Каспийском море)—Закаталы—Кавказский хребет и противоречит интересам Добровольческой армии. Новая разграничительная линия делит Дагестан, добровольно признавший над собой верховную власть главнокомандования, на части, с чем генерал Деникин согласиться не может по весьма важным политическим и стратегическим соображениям. Проект новой демаркационной линии, видимо, преследует цель обеспечить безопасность Азербайджана с севера. По этому поводу генерал Деникин вновь подтверждает, что он не намерен наступать на Азербайджан, при условии отсутствия враждебных действий со стороны последнего.

Что касается, по циркулирующим слухам, опасения азербайджанского правительства, что армия генерала Деникина может отрезать водопровод, питающий Баку, и этим поставить город в тяжелое положение, то генерал Деникин определенно заявляет, что это опасение ни на чем не основано и водопровод в Баку никогда отрезан не будет».

В связи с недоразумениями из-за демаркационной линии за несколько дней до вышеприведенного последнего сношения, а именно 27 июня / 10 июля 1919 г., начальнику британской военной миссии в Екатеринодаре было написано: «Указание английского командования (в Закавказье) на то, что демаркационная линия проходит на востоке около Петровска, с каждым днем все более и более осложняет вопрос. В Дагестане начинаются волнения, а Азербайджан настойчиво требует очищения остальной зоны к югу от Петровска... Оставить Дагестан мы не можем, так как там на мусульманскую массу действуют турецкие и немецкие агенты... причем необходимо отметить, что работа немецких агентов за последнее время выясняется все больше и больше. К сожалению, действия английского командования в Закавказье идут совершенно вразрез с той дружеской политикой Великобритании, которая проявляется в Екатеринодаре и Новороссийске и которая, несомненно, находится в полном соответствии с указаниями Великобританского правительства... Английское командование в Баку, основываясь на несоблюдении генералом Деникиным демаркационной линии, неизвестно откуда взятой, не пропускает из Баку в Гурьев грузов, предназначенных истекающим кровью в борьбе с большевиками доблестным Уральским казакам».

В июле 1919 г. захват Азербайджаном Мугани с чисто русским населением произошел не только с согласия, но и при содействии англичан. В Ленкорань был послан британским командованием английский офицер, которому было поручено: 1) установить связь между представителями азербайджанской власти и местными крестьянами, которым предложить подчиниться власти азербайджанского правительства; 2) поддержать все законные действия азербайджанского правительства; 3) принять все меры для выселения на места постоянного жительства офицеров русской службы, находящихся на Мугани.

Этот последний пункт был фактически невыполним и практически мог быть решен лишь требованием, чтобы русские офицеры убирались с Мугани, куда хотят. Русское население Мугани, не допускавшее к себе администрацию, назначенную азербайджанским правительством и не желавшее входить в состав новой республики, увидев, что британское командование поддерживает требования Азербайджана, принуждено было подчиниться, распустить сформированные отряды и разоружиться.

Много трений и недоразумений было с представителями британского командования из-за военной Каспийской флотилии, которую англичане передавали в распоряжение командования Добровольческой армии после длительных и крайне неприятных разговоров и переписки. Получалось впечатление, что англичане, получив протекторат над Персией, для обеспечения плавания по Каспийскому морю хотят часть Каспийской флотилии сохранить в своих руках.

Если бы британская политика имела целью лишь поддержать порядок в Закавказье, как в зоне, примыкавшей к Персии и Турции, то не было никакой надобности поддерживать азербайджанское и горское правительства в вопросах, которые явно противоречили интересам России, а в частности, Вооруженных сил на юге России.

Первоначально указанная демаркационная линия, отделяющая зону влияния командования Добровольческой армии от Азербайджана, не вызывала протеста, и Британское правительство не могло сомневаться в искренности заявления генерала Деникина, что он ее не нарушит при условии, если Азербайджан не будет вести агрессивной политики.

И здесь, как и в отношениях британских представителей к Грузии, чувствовалось, что Великобританское правительство имеет в виду особо поддерживать интересы Азербайджана и Дагестана на случай, если в будущем будет создана буферная зона между Россией с одной стороны и Турцией и Персией с другой стороны. В частности, получалось отчетливое впечатление, что Британское правительство особо заинтересовано в бакинских нефтяных богатствах и не желает допустить, чтобы Баку оказалось в зоне влияния Добровольческой армии.

Как мною уже было отмечено, все время чувствовалось, что политика Великобританского правительства, в смысле помощи Вооруженным силам юга России, недостаточно определенная и устойчивая.

Судя по некоторым официальным заявлениям Ллойд Джорджа, политическая группа, во главе которой он стоял, считала, что для Великобритании выгодней иметь дело с Россией ослабленной и расчлененной; наконец, политические деятели этой группы считали, что путем известного соглашения с советским правительством, а не путем поддержки гражданской войны в России, можно скорей создать условия, при которых возможно завязать с Россией торговые сношения.

Великобританское правительство, став на путь поддержки русских, ведущих борьбу с большевиками, не доводило до конца этой поддержки, и все время чувствовалось, что она может оборваться. Помогая русским Вооруженным силам на юге России и имея при них военную миссию, на обязанности которой было оказывать командованию армии полное содействие, Великобританское правительство преподало своим

представителям в Закавказье указания, которые давали им основание, в лучшем случае, игнорировать Добровольческую армию, ее командование и представителей последнего.

Помогая Добровольческой армии, Великобританское правительство, по-видимому, опасаясь упреков, что оно помогает реакционным русским силам, через начальника военной миссии, в апреле 1919 г., определенно дало понять, что требуется официальное заявление за подписью генерала Деникина и всех членов его правительства о целях, которые преследуются в борьбе с советской властью и в государственном строительстве.

10/23 апреля такое заявление было составлено и передано начальникам британской, французской и американской миссий.

Вот содержание этого документа:

«Прошу Вас довести до сведения Вашего правительства о том, какие цели преследует командование Вооруженными силами юга России в борьбе с советской властью и в государственном строительстве:

1) Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка.

2) Восстановление могущественной единой, неделимой России.

3) Созыв Народного собрания на основах всеобщего избирательного права.

4) Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.

5) Гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповеданий.

6) Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.

7) Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом».

Но в английском парламенте все же было много противников оказания помощи противобольшевистским силам, и Ллойд Джордж в защиту политики Великобританского правительства в речи, произнесенной в парламенте 3/16 апреля 1919 г., сказал, что помогать Колчаку, Деникину и «Харькову» (??) надо хотя бы потому, что «мы не можем сказать русским, борющимся против большевиков: «Спасибо, вы нам больше не нужны. Пускай большевики режут вам горло» — мы были бы недостойны считаться великой страной. Это наше дело помогать нашим друзьям, восставшим против большевиков после Брест-Литовского договора, и потому мы их снабжаем материалами...

Следующая задача нашей политики состоит в том, чтобы не допустить проявления вооруженного большевизма в союзных странах.

Вследствие этого мы организуем силы всех союзных стран, окружающих Россию — от Балтийского до Черного моря — и снабжаем эти страны необходимым снаряжением для установления преград против большевистского вторжения...»

В конце декабря (по старому стилю) 1919 г., уже после оставления Вооруженными силами юга России Ростова, в Новороссийск прибыл, если не ошибаюсь, член английского парламента Мак-Киндер.

По имевшимся у нас сведениям, на Мак-Киндера было возложено Великобританским правительством: 1) Всесторонне ознакомиться с обстановкой на юге России. 2) Выяснить действительные нужды как армии, так и населения. 3) Выяснить условия товарообмена между Великобританией и югом России. 4) Настоять, чтобы генерал Деникин определенно и точно выяснил свои отношения к окраинным государственным образованиям. 5) Добиться установления дружественных отношений Вооруженных сил юга России с Польшей и Румынией, разрешив для этого острый вопрос о восточной границе Польши и бессарабский вопрос.

Вследствие событий на фронте генерал Деникин не мог вступить в непосредственные переговоры с Мак-Киндером, а это было поручено мне, при участии А. В. Кривошеина (начальник управления снабжений), М. В. Бернацкого (начальник управления финансов), А. И. Фенина[246] (начальник управления торговли и промышленности и В. Н. Челищева (начальник управления юстиции).

Из разговора с Мак-Киндером выяснилось, что если его миссия, касающаяся урегулирования отношений с окраинными государствами, будет разрешена удовлетворительно, то генерал Деникин может рассчитывать на широкую помощь со стороны Великобритании.

Переговорив с Мак-Киндером по всем возбужденным им вопросам и сообщив результат наших совещаний генералу Деникину, я получил от последнего 1/14 января 1920 г. следующую телеграмму:

«Предлагаю передать Мак-Киндеру дословно следующее: Признаю самостоятельное существование фактических окраинных правительств, ведущих борьбу с большевиками. Установление будущих отношений окраин с Россией совершится путем договора общерусского правительства с окраинными правительствами. При этом допускается посредничество союзников.

Вопрос восточной границы Польши будет решен договором общерусского и польского правительств на этнографических основах. Польша должна оказать содействие живой силой немедленным частичным переходом в наступление для отвлечения части большевистских сил и дальнейшим развитием операций в возможно кратчайший срок и в полном масштабе.

Союзники должны: а) решительно и незамедлительно принять меры к охране флотом Черноморской губернии, Крыма и Одессы; б) оказать содействие в помощи живой силой со стороны Болгарии и Сербии*; в) обеспечить тоннажем перевозку указанных в пункте «б» войск; г) продолжать снабжение вооруженных сил юга России».

Кроме того, Мак-Киндеру было, от имени правительства юга России, передано следующее заявление: «Правительство главнокомандующего вооруженными силами на юге России генерал-лейтенанта Деникина признает крайне желательным, чтобы великобританское правительство рассмотрело вопрос об экономическом содействии югу России, дабы при продвижении войск вперед в возможно кратчайший срок был налажен железнодорожный и водный транспорт, а также налажена экономическая жизнь страны и правильный товарообмен между союзными странами и югом России».

Ответ генерала Деникина удовлетворил Мак-Киндера, и он сказал, что надеется в Англии достигнуть благоприятных результатов, после чего немедленно вернется в Новороссийск уже в качестве постоянного представителя Великобританского правительства.

Уезжая 2/15 января на миноносце в Англию, он перед отъездом просил передать генералу Деникину:

1) К его возвращению в Новороссийск необходимо окончательно решить вопрос относительно Бессарабии; что, по его мнению, надо согласиться на плебисцит в Бессарабии.

2) После его возвращения из Лондона необходимо устроить в Констанце или Галаце свидание между генералом Деникиным и Пилсудским, дабы окончательно договориться по польскому вопросу.

3) Просить обратить внимание на необходимость воспользоваться для обороны Крыма и Одессы хорошо сорганизованными немецкими колонистами.

Это последнее указание, касающееся немецких колонистов, крайне характерно, так как до этого времени как англичане, так и французы очень отрицательно относились к возможности привлечения к борьбе с большевиками немецких колонистов, как организованной силы.

К середине января, хотя штаб главнокомандующего и выражал уверенность, что успех на фронте опять склонится на нашу сторону, и хотя

---

* Надо сказать, что как из Болгарии, так и из Сербии поступали заявления, что они готовы, при согласии союзников, оказать поддержку вооруженной силой в борьбе против большевиков. Эти предположения не встречали сочувствия со стороны союзников; особенно категорично они возражали против помощи Болгарией, усматривая в этом политический с ее стороны маневр для облегчения ей условий мирного договора и для возможности образовать значительную армию

отдельные успешные для нас боевые эпизоды как бы подтверждали это, но для внимательного наблюдателя было ясно, что катастрофа, и притом близкая, надвигается.

Это, конечно, не укрылось и от представителей союзного командования.

12/25 января 1920 г. мы получили сведения, что вследствие серьезных обострений у Великобритании с Турцией, вероятно, открытие военных действий, и потому англичане, стягивая в Константинополь все, что возможно, решили эвакуировать Батумскую область. У нас же складывалось впечатление, что эвакуация Батумской области намечается не только этим соображением, а и опасением войти в непосредственное соприкосновение с большевиками, что могло втянуть Великобританию в войну с советской Россией.

В этот же день, т. е. 12/25 января, политический представитель Великобританского правительства генерал Кийз в частном разговоре сообщил, что из английских источников подтверждаются газетные сведения о предполагаемом снятии союзниками блокады советской России. Что эта мера вызывается потребностью Европы в сырье, которое она надеется получить из России взамен нужных русскому крестьянству товаров и сельскохозяйственных орудий; что с этой целью в Россию, вероятно, будет отправлена экономическая миссия.

Наконец, в январе же из Лондона, из источника, заслуживавшего полного доверия, были получены следующие сведения:

«1) Англия и Франция, под влиянием успеха большевиков в Сибири и на юге России, опасаются, что опасность от большевизма реально надвигается на Европу и на Персию и Индию через Кавказ и Туркестан.

2) Америка, Англия и Франция сознают, что Германия не в силах выполнить условия мирного договора до тех пор, пока не окрепнет окончательно и силой обстоятельств принуждена будет вновь взяться за оружие, и Европа вновь будет втянута в войну.

3) Франция и Англия не могут употребить живую силу для борьбы с большевиками.

На основании этих данных в Англии идут разговоры о том, что необходимо предоставить Германии и Японии навести порядок в России и покончить с большевизмом, предоставив им за это значительные экономические выгоды в России. Этим, по мнению многих политических деятелей в Англии, будет достигнуто успокоение в Европе, предотвращена возможность новой войны и Германии будет дана возможность выполнить условия мирного договора».

Говорить в начале 1920 г. о возможности привлечь Германию для наведения порядка в России было, конечно, более чем преждевременно, и на это Франция не могла дать своего согласия. Но эта последняя

информация являлась показательной в том отношении, что среди английских политических деятелей, бывших до этого времени за энергичную помощь противобольшевистским силам в их борьбе с советской властью, под впечатлением неуспехов армий Колчака и Деникина, зародилось сомнение в правильности пути, который ими был избран для свержения большевистской власти в России, и началось искание других путей, которые привели бы к устранению большевистской опасности в смысле распространения большевизма в Европе и Азии, а также для скорейшего создания условий, при которых возможно было бы начать коммерческие сношения с Россией, столь необходимые для Европы.

При этих условиях позиция, занятая в Англии политической группой, требовавшей прекращения поддержки в России противобольшевистских сил в их борьбе с советской властью и вступления на путь соглашения с большевиками, естественно крепла. Сведения о предполагаемом снятии союзниками блокады с советской России, подтвержденные генералом Кийзом, приобретали чрезвычайное значение и указывали на то, что во всяком случае Англия накануне решительного изменения своей политики по отношению к большевикам.

После эвакуации Новороссийска и перевозки на судах Вооруженных сил юга России в Крым — сразу определилось изменение отношений к последним со стороны Великобританского правительства.

Прежде всего русскому командованию было предъявлено ультимативное требование не переходить к северу от Перекопского перешейка, т. е. прекратить борьбу с большевиками, сохранив за собой Крым.

Несколько позже возобновились разговоры о созыве международного совещания с участием представителей советской власти для прекращения междоусобной борьбы в России, и наконец, Великобританское правительство, отозвав своих военных представителей из Крыма, официально объявило, что оно прекращает какую-либо помощь Вооруженным силам юга России в их борьбе с большевиками.

Дальнейшая поддержка Великобритании противобольшевистской России свелась к содержанию беженцев, раненых и больных, которые были эвакуированы с юга России в начале 1920 г. и были приняты англичанами на свое попечение.

В ноябре 1920 г. эвакуирован был и Крым. Франция, как мною уже было отмечено, отказавшись в свою очередь от дальнейшей поддержки вВооруженных сил юга России, как армии, которая может возобновить борьбу с большевиками, ограничилась материальной поддержкой эвакуированных из Крыма беженцев и армии, рассматривая последнюю тоже как беженцев.

Англия вступила на путь открытого соглашения с советской властью.

Подводя итоги той помощи, которая была оказана Францией и Великобританией противосоветской России в ее борьбе с большевиками, необходимо отметить, что она, вызвав колоссальные денежные расходы этих государств, не достигла своей цели прежде всего потому, что у союзников не было выработано определенного плана, который ими был бы проведен до конца.

Если бы первоначальное решение об отправке на юг России войск союзников для обеспечения порядка и образования плацдарма в районе Малороссии было проведено в жизнь, то советского правительства в России уже давно не существовало бы.

Скажу больше, если б даже французы и англичане обеспечили лишь удержание Одесского района и Крыма, и, помимо материальной помощи в виде снабжения армии, оказали действительную помощь по восстановлению экономической жизни в освобождаемых от большевиков районах, и открыли командованию «белых армий» достаточный кредит, то и при этих условиях советская власть была бы свергнута.

В данное же время Европа, Америка и Япония стоят перед задачей, которую они не знают как разрешить. Для всех ясно, что без восстановленной России не может быть установлено в мире прочного мира и не может быть налажена нормальная экономическая жизнь народов. Винстон Черчилль был прав, когда сказал: «Вы можете покинуть Россию, но Россия вас не покинет».

Попытка правительства Великобритании преобразовать советскую власть путем торговых сношений, естественно, ни к каким положительным результатам не привела; но, по-видимому, Великобританское правительство еще не потеряло надежды на то, что изменение большевистского строя в России возможно эволюционным порядком.

Надо надеяться, что и от этого заблуждения Великобритания скоро откажется и убедится, что восстановление России возможно лишь после свержения или ухода от власти главарей большевистского правительства.

Когда Великие Державы поймут, наконец, что они должны будут разрешить русский вопрос и помочь восстановлению России, то без интервенции в той или иной форме, а может быть, и оккупации отдельных районов России дело не обойдется; но необходимо помнить, что работа по восстановлению России должна производиться русскими руками лишь при содействии Великих Держав.

7/20 марта 1922 г.
Ницца

КОММЕНТАРИИ

Составитель д. и. н. С. В. Волков

Сокращения: КК — кадетский корпус, ВГ — военная гимназия, ПВУ — Павловское военное училище, ПЮУ — пехотное юнкерское училище, ПК — Пажеский корпус, МАУ — Михайловское артиллерийское училище, МАА — Михайловская артиллерийская академия, НКУ — Николаевское кавалерийское училище, НИУ — Николаевское инженерное училище, АВУ — Александровское военное училище, КВУ — Константиновское военное училище, НИА — Николаевская Инженерная академия, АГШ — Николаевская академия Генерального штаба.

[1] Имеется в виду **Владимир Владимирович Лукомский**, окончивший в 1898 г. Сибирский КК и в 1901 МАУ.

[2] **Якубович Николай Андреевич**, р. 7 янв. 1837. Обр.: МАУ 1857, МАА 1859. Капитан гвардии с 1867, полк. с 1870, ген.-майор с 1881, ген.-лейт. с 1903. С 1870 инспектор классов Нижегородского КК, с 1878 по сен. 1903 директор Симбирского кадетского корпуса.

[3] **Елчанинов Георгий Иванович**, р. 11 авг. 1836. Обр.: Константиновский КК 1855, АГШ 1863. Капитан с 1868, подполк. с 1872, полк. с 1876, ген.-майор с 1886. С 1875 инспектор классов Сибирской ВГ, с 1884 директор Ярославской воен. школы, а с 1891 по янв. 1897 — Полоцкого КК. Уволен в отставку с производством в ген.-лейт. Ум. 19 нояб. 1897 в С.-Петербурге.

[4] **Еранцев Александр Федорович** (р. 1869) окончил в 1897 Полтавский КК и в 1900 — НИУ. В 1910 был произведен в полк.

[5] **Симашко Франц Иванович**, р. 9 окт. 1817. Обр.: Павловский КК 1837. Офицер 5-й арт. бригады. Капитан с 1851, подполк. с 1856, полк. с 1862, ген.-майор с 1868, ген.-лейт. с 1882. С 1860 инспектор классов Нижегородского КК, а 1864 — Павловского ВУ, с 1865 директор Полтавской ВГ, с 1885 состоял при ГУВУЗ. Ум. 29 окт. 1892 в С.-Петербурге.

[6] **Анчутин Константин Николаевич**, р. 27 апр. 1840. Обр.: Павловский КК 1858, МАА 1860. Офицер л.-гв. Семеновского полка, затем служил по ведомству военно-учебных заведений. Капитан с 18170, полк. с 1873, ген.-майор с 1888, ген.-лейт. с 1903. С 1869 заведующий арт. полигоном Казанского, а затем Киевского ВО, с 1877 пом. нач. осадной артиллерии Действующей армии, с 1882 инспектор классов Тифлисского, а с 1883 — Полтавского КК, с 1888 директор Полоцкого, а с 1891 — Донского КК, с 1905 пом. главного нач. военно-учебных заведений, с 1908 почетный опекун совета учреждений ведомства Имп. Марии по С.-Петербургскому присутствию. Ум. 30 сен. 1911 в С.-Петербурге.

[7] **Ронжин Иван Александрович**, р. 26 нояб. 1867. Обр.: Сибирский КК 1884, КВУ 1886, ВЮА 1893. Офицер л.-гв. Московского полка, с 1901 — военно-морского судебного ведомства. Полк. с 1901, ген.-майор с 1908, ген.-лейт. с 1912. С 1911 предс. Севастопольского военно-морского суда, с 1914 по 1917 член Главного военно-морского суда. Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии; дек. 1917 — мар. 1918 нач. судной части штаба

армии, с 24 окт. 1918 нач. судного отделения общей части Военного и Морского отдела, 1919–1920 Главный воен. прокурор ВСЮР. В 1921 воен. агент в Болгарии, с мая 1922 воен. представитель там же. В эмиграции в Болгарии, затем во Франции. Ум. 28 авг. 1927 в Ментоне (Франция).

[8] **Ронжин Сергей Александрович**, р. 14 авг. 1869. Обр.: Симбирский КК 1886, НИУ 1888, АГШ 1897. Офицер 7-го саперного батальона, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1899, подполк. с 1903, полк. с 1907, ген.-майор с 1913, ген.-лейт. с 1916. С 1908 заведующий передвижением войск Киевского района, с 1911 нач. отделения, с 1913 пом. нач., с 1914 нач. отдела воен. сообщений ГУГШ, с 19 июля 1914 нач. воен. сообщений Ставки Верховного главнокомандующего, с 5 окт. 1915 главный нач. воен. сообщений, с 16 янв. 1917 в расп. воен. министра, с 20 мая в резерве чинов при штабе Одесского ВО. Во время Гражданской войны — в гетманской армии, затем во ВСЮР. В эмиграции в Югославии. Ум. 1929 там же.

[9] **Махотин Николай Антонович**, р. 4 дек. 1830. Обр.: Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров 1849, АГШ 1853. Офицер л.-гв. Семеновского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан гвардии с 1860, полк. с 1864, ген.-майор с 1868, ген.-лейт. с 1880, ген. от инфантерии с 1894. Участник венгерской кампании 1849 и Восточной войны 1853–1856. С 1866 пом. нач. штаба войск гвардии и С.-Петербургского ВО, с 1876 нач. штаба Моск. ВО, с 1879 пом. нач. Главного штаба, с 1881 главный нач. военно-учебных заведений, с 1899 член Гос. Совета. Автор «Справочной книжки для русских офицеров» и составитель «Сборника постановлений о воинской повинности». Ум. 28 июня 1903 в С.-Петербурге.

[10] **Линдестрем Михаил Владимирович**, р. 1854. Обр.: ПВУ 1878. Офицер л.-гв. Измайловского полка. Капитан гвардии с 1894, полк. с 1899, ген.-майор с 1908. Командир 1-й бригады 5-й Сибирской стр. див. С 16 июля 1912 был в отставке, с 26 фев. 1916 по 1917 состоял по Военному министерству. Ум. в эмиграции после 1925.

[11] **Веселовский Антоний Андреевич**, р. 7 мар. 1866. Обр.: Псковский КК 1885, НИУ 1888. Офицер 3-го железнодорожного батальона, затем служил по армейской пехоте. Подполк. с 1901, полк. с 1906, ген.-майор с 1913, ген.-лейт. с 1915. С 1907 командир 253-го рез. батальона, с 1910 командир 81-го пех. полка, с 9 фев. 1915 командир бригады 46-й пех. див., с 21 авг. 1915 нач. 44-й пех. див., с 16 нояб. 1915 командир 19-го арм. корпуса, с 8 апр. по 12 июля 1917 командующий 2-й армией. Летом 1918 председатель Общества взаимопомощи офицеров в Киеве, член воен. секции съезда консервативных деятелей. В эмиграции в Югославии, к 1939 в Белграде.

[12] **Великий князь Михаил Николаевич**, р. 13 окт. 1832. В службе и офицером с 1846 (на действительной службе с 1848). Офицер л.-гв. 2-й арт. бригады. Капитан гвардии с 1849, полк. с 1850, ген.-майор с 1852, ген.-лейт. с 1856, ген. от артиллерии с 1860, ген.-фельдмаршал с 1878. Участник Восточной войны 1853–1856, кампаний 1862–1864 на Кавказе и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1852 ген.-фельдцейхмейстер и командир л.-гв. Конной артиллерии, с 1856 член Гос. Совета, с 1857 нач. артиллерии Гвардейского корпуса, с 1860 главный нач. военно-учебных заведений, с 1862 наместник на Кавказе

и командующий Кавказской армией, с 1877 главнокомандующий действующей армией на Азиатском театре воен. действий, с 1881 председатель Гос. Совета, с 1892 также председатель Александровского комитета о раненых. Генерал-адъютант (1856). Ум. 5 дек. 1909 в Каннах (Франция).

[13] **Великий князь Николай Николаевич**, р. 27 июля 1831. Офицер с 1846 (на действительной службе с 1851). Офицер л.-гв. Кон. полка. Ген.-майор с 1852, ген.-лейт. с 1856, инженер-ген. с 1860, ген.-фельдмаршал с 1878. Участник Восточной 1853–1856 и Русско-турецкой 1877–1878 войн. С 1852 ген.-инспектор по инж. части и командир 1-й бригады 1-й легкой гвард. кав. див., с 1855 заведующий инженерными работами и укреплениями на Северной стороне Севастополя, с мар. 1855 член Гос. Совета, с 1856 нач. 1-й легкой гвард. кав. див., с 1859 командир гвардейского рез. кавалерийского корпуса, с 1861 командир Гвардейского корпуса, с 1864 главнокомандующий войсками гвардии и С.-Петербургского ВО, с 1876 главнокомандующий Дунайской армией, с 1878 по 1880 на прежней должности. Ум. 13 апр. 1891 в Алупке.

[14] **Шильдер Николай Карлович**, р. 21 мая 1842. Обр.: ПК 1860. Офицер л.-гв. Саперного батальона. Капитан гвардии с 1870, полк. с 1872, ген.-майор с 1878, ген.-лейт. с 1893. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1875 состоял при ГИУ, с 1878 — для поручений при главнокомандующем Действующей армии, с 1879 — при ГИУ, с 1879 директор Гатчинского сиротского института и нач. Гатчинской женской гимназии, с 1886 нач. НИУ и НИА, с 1899 директор Имп. публичной библиотеки. Ум. 6 апр. 1902 в С.-Петербурге.

[15] **Прескотт Александр Эдгарович**, р. 23 мар. 1846. Обр.: НИУ 1864. Капитан гвардии с 1876, полк. с 1877, ген.-майор с 1889, ген.-лейт. с 1898. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1877 по 1885 командир роты НИУ, с 1889 нач. 3-й саперной бригады, с 1897 — 42-й пех. рез. бригады, с 1898 нач. 42-й пех. див. Ум. 16 дек. 1904 в Вильне.

[16] **Ванновский Петр Семенович**, р. 24 нояб. 1822. Из дворян Минской губ. Обр.: 1-й Московский КК 1843. Офицер л.-гв. Финляндского полка. Капитан гвардии с 1853, полк. с 1855, ген.-майор с 1861, ген.-лейт. с 1868, ген. от инфантерии с 1883. Участник венгерской кампании 1849, Восточной 1853–1856 и Русско-турецкой 1877–1878 войн. С 1855 командир 1-го батальона л.-гв. Финляндского полка, с 1857 нач. Офицерской стр. школы, с 1861 директор Павловского КК, а с 1863 — Павловского ВУ, с 1868 состоял для особых поручений при ГУВУЗ, с окт. 1868 нач. 12-й пех. див., с 1876 командир 12-го арм. корпуса, а с 1878 командующий войсками Рущукского отряда, с 1881 управляющий Военным министерством, с 1882 воен. министр, с 1898 член Гос. Совета, с 1901 по 1902 также министр народного просвещения. Ген.-адъютант (1878). Ум. 17 фев. 1904 в С.-Петербурге.

[17] **Чернявский Василий Тимофеевич**, р. 1 мая 1850. Обр.: Полтавская ВГ 1867, МАУ 1870, МАА 1875. Офицер Кавказской грен. арт. бригады. Капитан гвардии с 1882, полк. с 1889, ген.-майор с 1899, ген.-лейт. с 1905, ген. от артиллерии с 1913. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1888 командир батальона Михайловского арт. училища, с 1894 нач. Константиновского арт. училища, с 1903 нач. МАУ и МАА, с 1913 также член Военного Совета; 1894–1917 член Артиллерийского комитета ГАУ. С 1917 в отставке. В 1918 мобилизован большевиками. Ум. 8 мар. 1932 в Петрограде.

[18] **Сандецкий Александр Генрихович,** р. 17 авг. 1851. Обр.: Полоцкая ВГ 1869, КВУ 1871, АГШ 1878. Офицер 4-го Кавказского стр. батальона, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1880, подполк. с 1883, полк. с 1887, ген.-майор с 1896, ген.-лейт. с 1904, ген. от инфантерии с 1910. С 1890 нач. штаба 38-й, а с 1891 — 1-й грен. див., с 1895 нач. штаба Забайкальской области, с 1899 командир 1-й бригады 15-й пех. див., с 1904 нач. 34-й пех. див., с 1906 командир Гренадерского корпуса, с 1907 командующий войсками Казанского ВО, с 1912 член Военного Совета, с 19 июля 1914 командующий войсками Московского ВО, с 24 апр. 1915 в расп. Верховного главнокомандующего, с 8 авг. 1915 командующий войсками Казанского ВО, с 7 мар. 1917 член Военного Совета, с 27 мар. 1917 в отставке. Убит большевиками.

[19] **Фок Яков Александрович**, р. 17 дек. 1864. Из дворян Вятской губ. Обр.: Константиновский межевой ин-т 1885, НИУ 1888, АГШ 1894. Офицер 12-го сап. батальона, затем на должностях ГШ. Капитан с 1896, подполк. с 1900, полк. с 1904, ген.-майор с 1910. С 1904 нач. Чугуевского пех. юнкерского училища, с 2 мар. 1914 командир 1-й бригады 15-й пех. див., с 1 нояб. 1914 нач. 3-й стр. бригады, с 6 авг. 1915 командующий 3-й стр. дивизией. Ум. от ран 27 мар. (6 апр.) 1916. Посмертно произведен в ген.-лейт.

[20] **Кортацци Георгий Иванович**, р. 10 авг. 1866. Обр.: Александровская гимназия 1885, НИУ 1888, АГШ 1896. Офицер 13-го саперного батальона, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1901, полк. с 1905, ген.-майор с 1914. С 1906 делопроизводитель ГУГШ, с 1910 командир 133-го пех. полка, с 30 дек. 1914 в резерве чинов при штабе Киевского, а с 21 янв. 1915 — Одесского ВО, с 21 мар. 1915 дежурный генерал штаба Юго-Западного фронта, а с 14 июня 1917 — Ставки Верховного главнокомандующего. Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии и ВСЮР. В эмиграции в Югославии и во Франции. Ум. 29 дек. 1932 в Париже.

[21] **Деопик Евгений Иванович** (р. 1866) происходил из почетных граждан Таврической губ. Был выпущен прапорщиком в 1-й саперный батальон. Пробыв долгое время в отставке, с началом Мировой войны в 1914 поступил в 8-й железнодорожный батальон.

[22] **Горбатовский Николай Александрович**, р. 1841. Офицером с 1859, полк. с 1884. На службе по май 1898.

[23] **Скалон Василий Данилович**, р. 28 мая 1835. Обр.: ГлИУ 1853, ОКГИУ 1854, АГШ 1861. Капитан с 1863, подполк. с 1866, полк. с 1868, ген.-майор с 1877, ген.-лейт. с 1886, ген. от инфантерии с 1898. Участник кампаний 1855–1859 на Кавказе и Русско-турецкой войны 1877–1878 (ранен). С 1873 командир л.-гв. Саперного батальона, с 1883 нач. 15-й пех. див., с 1895 командир 4-го арм. корпуса, с 1896 Брест-Литовский комендант, с 1897 командир 8-го арм. корпуса, с 1901 член Александровского комитета о раненых. Ум. в июле 1907.

[24] **Рооп Христофор Христофорович**, р. 1 мая 1831. Обр.: 1-й КК 1849, АГШ 1854. Офицер л.-гв. Конно-грен. полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан гвардии с 1854, полк. с 1857, ген.-майор с 1863, ген.-лейт. с 1871, ген. от инфантерии с 1885. Участник Восточной войны 1853–1856 и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1857 нач. штаба 2-й гвард. кав., а с 1858 — 1-й гвард. пех. див., с 1860 обер-квартирмейстер Гвардейского рез.

кавалерийского, а с 1862 — Отдельного гвардейского корпуса, с 1864 нач. штаба Харьковского ВО, с 1865 ген. для поручений, а с 1866 нач. штаба Московского ВО, с 1875 нач. 1-й грен. див., с 1878 командир 6-го арм. корпуса, с 1883 командующий войсками Одесского ВО, с 1890 по 1917 член Гос. Совета. Ум. 1918 в Петрограде.

[25] **Зеленой Павел Алексеевич**. Обр.: МК 1851. Капитан-лейт. с 1860, капитан 2-го ранга с 1866, капитан 1-го ранга с 1870, контр-адмирал с 1882, ген.-лейт. с 1891. Участник Восточной войны 1853–1856. 1852–1855 и 1857–1860 совершил кругосветные плавания. 1862–1870 командовал кораблями «Алмаз» и «Витязь», затем на коммерческих судах, с 1882 Таганрогский, а с 1885 Одесский градонач., с 1891 состоял по адмиралтейству. Ум. после 1897.

[26] **князь Туманов Георгий Евсеевич**, р. 16 мар. 1839. Обр.: 1-й КК 1857. Капитан гвардии с 1871, полк. с 1873, ген.-майор с 1886, ген.-лейт. с 1896. Участник кампаний 1861 и 1864 на Кавказе и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1875 командир 1-го сап. батальона, с 1877 — 1-го Кавказского сап. батальона, с 1887 нач. Железнодорожной бригады, с 1889 — 5-й сап. бригады, с 1896 нач. 32-й, а с 1897 по май 1901 — 5-й пех. див.

[27] **Кобелев Александр Павлович**, р. 2 авг. 1838. Обр.: 1-й КК 1856. Офицер 6-го саперного батальона, с 1858 — л.-гв. Саперного батальона. Полк. с 1870, ген.-майор с 1878, ген.-лейт. с 1889. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1870 командир 4-го сап. батальона, с 1879 нач. 3-й сап. бригады, с 1889 член Инженерного комитета ГИУ, с 1895 главный нач. инженеров. Ум. 14 окт. 1897 в Швейцарии.

[28] **Лавров Иван Михайлович**, р. 28 мар. 1840. Обр.: МК 1857. Капитан-лейт. с 1872, капитан 2-го ранга с 1882, капитан 1-го ранга с 1886, контр-адмирал с 1891, вице-адмирал с 1897. С 1878 командовал кораблями «Наездник», «Олаф», «Князь Пожарский», «Вице-адмирал Попов», «Чесма», с 1885 командир отряда миноносок, с 1896 младший флагман, а с 1897 командующий практической эскадрой Черноморского флота, с 1899 комендант Кронштадтской крепости. Ум. после 1900.

[29] **Великий князь Алексей Александрович**, р. 2 янв. 1850. С рождения зачислен в Гвардейский экипаж, с 1857 — офицером. Капитан с 1870, капитан 2-го ранга и капитан 1-го ранга с 1873, контр-адмирал с 1877, вице-адмирал с 1882, ген.-адмирал с 1883. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1873 командир Гвардейского экипажа, член кораблестроительного и арт. отделений Морского технического комитета, с 1877 нач. всех морских команд на Дунае, с 1881 член Гос. Совета, с 1882 по 1905 главный нач. флота и морского ведомства. Ген.-адъютант (1880). Ум. 1 нояб. 1908 в Париже.

[30] **граф Мусин-Пушкин Александр Иванович**, р. 10 июня 1827. Обр.: ПК 1847. Ротмистр гвардии с 1856, полк. с 1859, ген.-майор с 1866, ген.-лейт. с 1876, ген. от кавалерии с 1890. Участник венгерской кампании 1849 и Восточной войны 1853–1856. С 1866 командир Кавалергардского полка, с 1873 — 1-й бригады 1-й гвард. кав. див., с дек. 1873 нач. 2-й, а с 1875 — 1-й гвардейских кав. дивизий, с 1881 командир 5-го арм. корпуса, с 1887 пом. командующего войсками Варшавского ВО, с 1890 командующий войсками Одесского ВО. Ум. 19 дек. 1903 в Одессе.

[31] **Коссинский Виктор Иванович**, р. 1843. Офицером с 1861. Полк. с 1883. На службе по 1894.

[32] **Протопопов Александр Павлович**, р. 3 июля 1849. Обр.: АВУ 1868, НИУ 1869, АГШ 1876. Офицер 1-го Кавказского сап. батальона, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1877, подполк. с 1881, полк. с 1884, ген.-майор с 1894, ген.-лейт. с 1901, ген. от инфантерии с 1907. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1881 воен. агент в Греции, с 1888 нач. Одесского ПЮУ, с 1891 командир 12-го стр. полка, с 1893 пом. нач., с 1898 нач. штаба, а с 1904 пом. командующего войсками Одесского ВО, с 1905 состоял по Военному министерству, с 1907 председатель Главного креп. комитета и член Совета государственной обороны. Ум. ок. 13 дек. 1909.

[33] **Языков Дмитрий Александрович**, р. 24 июня 1852. Обр.: Орловская ВГ 1870, АВУ 1872, МАУ 1873, НИА. Офицер 36-й арт. бригады, по окончании академии — воен. инженер. Капитан с 1880, подполк. с 1888, полк. с 1891, ген.-майор с 1905. Участник Русско-японской войны. С 1887 делопроизводитель инж. управления Финляндского ВО, с 1896 член комиссии по возведению оборонительных сооружений в Приамурском ВО, с 1905 ген. для поручений при командующем 1-й Маньчжурской армией, с 1906 пом. нач. инженеров Приамурского ВО. С 1909 в отставке.

[34] **Драгомиров Михаил Иванович**, р. 8 нояб. 1830. Из дворян Черниговской губ. Обр.: ДП 1849, АГШ 1856. Офицер л.-гв. Семеновского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан гвардии с 1860, полк. с 1864, ген.-майор с 1868, ген.-лейт. с 1877, ген. от инфантерии с 1891. Участник венгерской кампании 1849, Восточной войны 1853–1856, кампании 1866 в Средней Азии и Русско-турецкой войны 1877–1878 (ранен). С 1860 профессор АГШ, с 1864 нач. штаба 2-й гвард. кав. див., с 1866 член комитета ГУГШ, с 1869 нач. штаба Киевского ВО, с 1873 нач. 14-й пех. див., с 1877 состоял при главнокомандующем Действующей армии, с 1878 нач. АГШ, с 1889 Киевский, Волынский и Подольский ген.-губернатор и командующий войсками Киевского ВО, с 1903 член Гос. Совета. Ген.-адъютант (1878). Видный военный теоретик, автор многих трудов по тактике и другим вопросам. Ум. 15 окт. 1905 в Конотопе.

[35] **Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович**, р. 16 июня 1828. Обр.: ПК 1846. Офицер л.-гв. Гусарского полка. Ротмистр гвардии с 1855, полк. с 1861, ген.-майор с 1867, ген.-лейт. с 1876, ген. от инфантерии с 1877, ген.-фельдмаршал с 1894. Участник венгерской кампании 1849, Восточной 1853–1856 и Русско-турецкой 1877–1878 войн. С 1866 командир 4-го гусарского полка, с 1867 в Свите Его Величества и по арм. кавалерии, с 1869 командир л.-гв. Конно-грен. полка, с 1875 — 1-й бригады 2-й гвард. кав. див., с июля 1875 нач. той же див., с 1877 нач. передового отряда Действующей армии, сен. 1877 нач. кавалерии Западного отряда, с 1879 пом. главнокомандующего войсками гвардии и С.-Петербургского ВО и врид С.-Петербургского ген.-губернатора, с 1882 Одесский ген.-губернатор и командующий войсками Одесского ВО, а с 1883 по 1894 Варшавский ген.-губернатор и командующий войсками Варшавского ВО, с 1883 также член Гос. Совета. Ген.-адъютант (1877). Ум. 15 янв. 1901 в им. Сахарово Тверской губ.

[36] **Величко Константин Иванович**, р. 1856. Обр.: НИУ 1875, НИА. Офицер 1-го саперного батальона. Воен. инженер. Капитан с 1883, подполк. с 1889,

полк. с 1893, ген.-майор с 1901, ген.-лейт. с 1907, инженер-ген. с 1916. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1895 управляющий делами Комиссии по сооружению крепостей, с 1904 ген. для поручений при главнокомандующем Маньчжурской армией, с 1905 пом. нач. ГИУ, с 20 фев. 1915 ген. для поручений, с 4 мар. 1916 нач. инженеров Юго-Западного фронта, с 10 мая 1917 полевой инспектор инж. части при штабе Верховного главнокомандующего. Автор многих трудов по вопросам обороны крепостей. С 1918 в РККА, арестовывался в авг. 1920. Ум. 15 мая 1927 в Ленинграде.

[37] **Штубендорф Отто Эдуардович**, р. 25 янв. 1837. Обр.: 2-й КК 1855, МАА 1857, АГШ 1860. Капитан с 1862, подполк. с 1865, полк. с 1868, ген.-майор с 1877, ген.-лейт. с 1888, ген. от инфантерии с 1903. Участник Восточной войны 1853–1856. С 1867 управляющий картографическими заведениями военно-топографического отдела Главного штаба, с 1897 нач. того же отдела, с 1903 по сен. 1905 член Военного Совета.

[38] **Шарнгорст Константин Васильевич**, р. 27 фев. 1846. Обр.: ПК 1864, АГШ 1868. Офицер л.-гв. Гатчинского полка, по окончании академии — корпуса воен. топографов. Капитан с 1870, подполк. с 1872, полк. с 1875, ген.-майор с 1885, ген.-лейт. с 1896. С 1881 пом. нач. картографических заведений, а с 1897 редактор карт военно-топографического отдела Главного штаба, с 1882 также профессор академии Генштаба. Ум. 4 мая 1908 в С.-Петербурге.

[39] **Цингер Николай Яковлевич**, р. 19 апр. 1842. Обр.: 1-й Московский КК 1860, МАА 1862, АГШ 1868. Капитан с 1868, подполк. с 1872, полк. с 1875, ген.-майор с 1885, ген.-лейт. с 1896. С 1874 по 1905 проф. АГШ, с 1904 также заведующий эмеритальной кассой военно-сухопутного ведомства.

[40] **Соллогуб Василий Устинович**, р. 23 авг. 1848. Обр.: КВУ 1866, АГШ 1875. Офицер л.-гв. Волынского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1876, подполк. с 1877, полк. с 1880, ген.-майор с 1890, ген.-лейт. с 1897. Участник Русско-турецкой 1877–1878 и Русско-японской войн. С 1884 нач. отделения Главного штаба, с 1896 управляющий делами Военно-ученого комитета, с 1900 в расп. воен. министра, с 1905 врем. Прибалтийский ген.-губернатор, с 1906 в расп. воен. министра. 1909 уволен в отставку с производством в ген. от инфантерии.

[41] **Золотарев Аким Михайлович**, р. 10 июня 1853. Из дворян Области Войска Донского. Обр.: Новочеркасская гимназия 1874, Новочеркасское КзЮУ 1876, АГШ 1883. Офицер л.-гв. Атаманского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1886, полк. с 1892, ген.-майор с 1900, ген.-лейт. с 1907. С 1886 проф., затем правитель дел АГШ, с 1904 директор Центр. статистического комитета МВД, с 1911 сенатор 2-го департамента Правительствующего Сената. Автор трудов по воен. статистике. Ум. 19 мая 1912 в С.-Петербурге.

[42] **Баскаков Вениамин Иванович**, р. 25 мар. 1861. Из казаков Терского каз. войска, ст. Ермоловской. Обр.: Владикавказское РУ 1877, КВУ 1879, АГШ 1885. По окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1893, полк. с 1897, ген.-майор с 1905. Участник Русско-японской войны. С 1895 проф. АГШ, с 1904 нач. штаба Оренбургской каз. див. Автор ряда трудов по русской воен. истории. С 1906 в отставке. Во время Гражданской войны — во ВСЮР. В эмиграции в Югославии. Ум. 11 фев. 1941 в Белграде.

[43] **Редигер Александр Федорович**, р. 31 дек. 1853. Обр.: Финляндский КК 1870, ПК 1872, АГШ 1876. Офицер л.-гв. Семеновского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Капитан с 1877, подполк. с 1881, полк. с 1884, ген.-майор с 1894, ген.-лейт. с 1901, ген. от инфантерии с 1907. С 1882 товарищ воен. министра Болгарии, с 1883 в расп. Главного штаба, с 1884 делопроизводитель, с 1897 пом. нач., а с 1898 нач. канцелярии Военного министерства, с 1905 по 1909 воен. министр, с 1905 по 1917 член Гос. Совета, 1884–1917 также профессор АГШ. Расстрелян большевиками 1918 в Переяславле-Хмельницком.

[44] **Макшеев Алексей Иванович**, р. 12 мая 1822. Обр.: Новгородский КК и ДП 1842, АГШ 1846. Служил по гвард. пехоте, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1852, подполк. с 1856, полк. с 1859, ген.-майор с 1866, ген.-лейт. с 1879. Участник Восточной войны 1853–1856. С 1854 проф. АГШ, с 1864 по сен. 1891 также член Военно-ученого комитета Главного штаба.

[45] **Кублицкий Петр Софронович**, р. 16 янв. 1845. Обр.: Киевский КК 1863, МАУ 1864, АГШ 1874. Капитан с 1873, подполк. с 1877, ген.-майор с 1890, ген.-лейт. с 1899. С 1879 адъюнкт-профессор и заведующий обучающимися в АГШ, с 1898 член Военно-ученого комитета Главного штаба, с 1901 нач. 31-й пех. див., с 1903 в расп. воен. министра. Уволен в отставку с производством в ген. от инфантерии. Ум. 19 авг. 1905 в С.-Петербурге.

[46] **Леер Генрих Антонович**, р. 4 апр. 1829 в Ниж. Новгороде. Обр.: Ларинская гимназия 1844, ГлИУ 1848 и ОКГИУ 1850. Офицер 3-го рез. саперного батальона. Капитан с 1859, подполк. с 1862, полк. с 1865, ген.-майор с 1871, ген.-лейт. с 1882, ген. от инф. с 1896. Участник кампаний 1851 и 1854 на Кавказе. С 1877 чиновник особых поручений, а с 1885 член Педагогического комитета ГУВУЗ, 1889–1898 также нач. АГШ, а с 1896 — член Военного Совета. Выдающийся воен. теоретик и воен. историк, автор многих работ по европейской воен. истории. Ум. 16 апр. 1904 в С.-Петербурге.

[47] **Михневич Николай Петрович**, р. 7 окт. 1849. Из дворян Тамбовской губ. Обр.: Константиновский межевой институт 1867, АВУ 1869, АГШ 1882. Офицер л.-гв. Семеновского полка. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. По окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1885, полк. с 1888, ген.-майор с 1898, ген.-лейт. с 1904, ген. от инфантерии с 1910. С 1890 нач. штаба 1-й гвард. кав. див., с 1892 профессор, с 1904 нач. АГШ, с 1907 нач. 24-й пех. див., с 1908 — 2-й гвард. пех. див., с 1910 командир 5-го арм. корпуса, с 1911 нач. Главного штаба, с 2 апр. 1917 в отставке. В 1918 мобилизован большевиками, служил в арт. академии. Ум. 8 фев. 1927 в Ленинграде.

[48] **Даниловский Анатолий Алексеевич**, р. 7 мая 1845. Обр.: 1-й КК 1863, ПВУ 1864, АГШ 1871. Офицер л.-гв. 4-го стр. батальона, с 1871 — по ведомству военно-учебных заведений. Капитан гвардии с 1880, полк. с 1883, ген.-майор с 1895, ген.-лейт. с 1910. С 1882 пом. инспектора, а с 1892 инспектор классов Александровского КК, с 1894 по 1902 инспектор классов Пажеского корпуса, с 1893 по 1917 также преподаватель АГШ. Ум. 23 апр. 1917 в Петрограде.

[49] **Масловский Дмитрий Федорович**, р. 1848. Обр.: 1-я С.-Петербургская ВГ 1864, ПВУ 1866, АГШ 1873. Капитан с 1875, подполк. с 1878, полк. с 1881, ген.-майор с 1891. По окончании академии — на должностях Генштаба, препо-

даватель Александровского ВУ, с 1891 проф. АГШ. Выдающийся воен. историк, автор капитальных трудов по воен. истории. Ум. 1894.

[50] **Мартынов Евгений Иванович**, р. 22 сен. 1864 в Свеаборге. Из дворян, сын офицера. Обр.: 1-я Московская ВГ 1881, АВУ 1883, АГШ 1889. Офицер СПб. грен., а с 1885 — л.-гв. Литовского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1889, подполк. с 1894, полк. с 1898, ген.-майор с 1905, ген.-лейт. с 1910. Участник Русско-Японской и 1-й мировой войн. С 1904 командир 140-го пех. полка, с 1905 нач. штаба 3-го Сибирского арм. корпуса, с 1906 состоял при Главном штабе, с 1908 нач. 1-й стр. бригады, с 1910 нач. Заамурского округа пограничной стражи, с 1912 нач. 35-й пех. див., с 13 апр. 1913 был в отставке. 26 июля 1916 определен на службу в резерв чинов при штабе Петроградского ВО, с авг. 1917 в плену. Автор ряда военно-ист. и публицистических статей, работ по стратегии и тактике. В 1918 мобилизован большевиками, до 1928 в РККА. Арестован 23 сен. 1937. Расстрелян 11 дек. 1937.

[51] **Гейсман Платон Александрович**, р. 20 фев. 1853. Обр.: КВУ 1872, АГШ 1881. Офицер СПб. грен. полка. С 1876 доброволец сербской армии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. По окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1887, полк. с 1891, ген.-майор с 1900, ген.-лейт. с 1907, ген. от инфантерии с 1913. С 1892 профессор АГШ, с 1901 командир 2-й бригады 37-й пех. див., с 1914 нач. 44-й пех. див., с 1911 командир 16-го арм. корпуса, с 13 окт. 1914 в резерве чинов при штабе Киевского ВО, с 1 янв. 1915 по 1917 член Военного Совета, 6 янв. — 8 авг. 1915 главный нач. Казанского ВО. В 1918 мобилизован большевиками. Ум. 27 янв. 1919 в Петрограде.

[52] **Колюбакин Борис Михайлович**, р. 12 июня 1853. Обр.: 2-я Московская ВГ 1870, ПВУ 1872, АГШ 1885. Офицер 1-го Кавказского стр. батальона и 38-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Капитан с 1885, подполк. с 1890, полк. с 1894, ген.-майор с 1902, ген.-лейт. с 1909. С 1895 состоял при Главном штабе, с 1897 по 1917 профессор АГШ. Автор многих трудов по русской воен. истории и воен. искусству. Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта (1918–1920). Ум. 1920–1921(?) в Красноярской тюрьме.

[53] **Шлейснер Рихард Альфредович**, р. 1831. Обр.: Московский ун-т, АГШ 1862. Произведен в офицеры из юнкеров 1857. Полк. с 1878. На службе по сен. 1899.

[54] **Дагаев Тимофей Михайлович**, р. 13 фев. 1843. В службе с 1859, офицером с 1864 (произведен из юнкеров). Обр.: частное учебное заведение, АГШ 1877. Капитан с 1879, подполк. с 1883, полк. с 1887, ген.-майор с 1902. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1887 нач. штаба Динамюндской крепости, с 1892 — нач. штаба 17-й пех. див., с 1902 по июль 1906 Бобруйский комендант.

[55] **Столица Михаил Степанович**, р. 27 окт. 1856. Обр.: КВУ 1876, АГШ 1882. Офицер гвард. пехоты. Капитан с 1885, подполк. с 1888, полк. с 1892, ген.-майор с 1904. Участник Русско-турецкой 1877–1878 и Русско-японской войн. С 1890 заведующий обучающимися в АГШ, с 1900 командир 16-го Восточно-Сибирского стр. полка, с 1901 — 165-го пех. полка, с 1904 — 2-й бригады 3-й Восточно-Сибирской стр. див., с 1905 нач. штаба 1-го арм. корпуса, с авг. 1905 командующий 37-й пех. дивизией. Ум. 5 апр. 1907 в С.-Петербурге.

[56] **Домонтович Михаил Алексеевич**, р. 24 нояб. 1830. Обр.: Полтавский КК 1847, АГШ 1858. Офицер л.-гв. Гренадерского полка, с 1860 по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1860, подполк. с 1863, полк. с 1866, ген.-майор с 1875, ген.-лейт. с 1886, ген. от инфантерии с 1898. Участник венгерской кампании 1849, Восточной войны 1853–1856, кампании 1864 на Кавказе и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1876 правитель канцелярии зав. гражданской частью при главнокомандующем Дунайской армией, с 1877 Тырновский губернатор, с 1878 состоял при ГУВУЗ, с 1881 член Военно-учебного комитета и председатель комиссии по описанию Русско-турецкой войны 1877–1878, в 1897–1900 управляющий кодификационным отделом Военного Совета. Ум. 8 окт. 1902 в С.-Петербурге.

[57] **князь Волконский Александр Михайлович**, р. 25 апр. 1866 в С.-Петербурге. Обр.: СПб. ун-т, офицерский экзамен при НКУ 1890, АГШ 1900. Офицер Кавалергардского полка. Полк., воен. агент в Риме. В эмиграции в Италии. Протоиерей, проф. Восточного института. Ум. 18 окт. 1934 в Риме.

[58] **Половцов Андрей Петрович**, р. 12 авг. 1868. Обр.: НКУ 1888, АГШ 1896. Офицер Кавалергардского полка. Ротмистр гвардии с 1900. Полк. с 1906, ген.-майор с 1912. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1905 штаб-офицер для поручений при Имп. главной квартире, с 1906 пом. нач. военно-походной канцелярии Его Величества, с 1909 пом. управляющего Кабинетом Его Величества, зав. земельно-заводским отделом, с 6 окт. 1914 пом. ген.-губернатора Галиции по гражданской части, с 1 фев. 1916 на прежней должности. С весны 1917 в отставке. Во время Гражданской войны во ВСЮР. В эмиграции в Югославии. Ум. после 1938.

[59] **Шимановский Евгений Станиславович**, р. 8 янв. 1848. Обр.: 2-я С.-Петербургская ВГ 1865, МАУ 1868, АГШ 1880. Капитан с 1876, подполк. с 1881, полк. с 1884, ген.-майор с 1893, ген.-лейт. с 1899. С 1884 заведующий обучающимися в АГШ, с 1888 также член Военно-исторической комиссии, с 1890 пом. нач. штаба, с 1892 — ген.-квартирмейстер, а с 1896 по май 1899 нач. штаба Киевского ВО.

[60] **Мартсон Федор Владимирович**, р. 16 сен. 1853. Брат *Леонтия Владимировича*. Обр.: Нижегородская ВГ 1870, ПВУ 1873, АГШ. Офицер л.-гв. Волынского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1881, подполк. с 1885, полк. с 1889, ген.-майор с 1899, ген.-лейт. с 1904, ген. от инфантерии с 1910. Участник Русско-турецкой 1877–1878, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1887 зав. передвижением войск Нижегородско-Брестского района, с 1894 нач. воен. сообщений Киевского ВО, с 1899 ген.-кварт. Варшавского ВО, с 1904 нач. штаба 3-й Маньчжурской армии, с 1906 нач. 42-й пех. див., с июня 1906 командир 15-го арм. корпуса, с 1909 пом. командующего, с 1910 командующий войсками Виленского ВО, с 1913 член Военного Совета, с 4 окт. 1914 командующий войсками Туркестанского ВО и наказной атаман Семиреченского каз. войска, с июля 1916 член Военного Совета. Ум. в окт. 1916 в Петрограде.

[61] **Фролов Петр Александрович**, р. 4 окт. 1852. Обр.: 2-я С.-Петербургская ВГ 1868, АВУ 1870, АГШ 1878. Офицер 51-го пех. полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1878, подполк. с 1881, полк. с 1884, ген.-майор с 1894, ген.-лейт. с 1901, ген. от инфантерии с 1907. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1890 нач. отделения Главного штаба,

с 1893 дежурный Ген. штаба Киевского ВО, с 1898 пом. нач., а с 1903 дежурный ген., а с 1904 врид нач. Главного штаба, с 1905 член Военного Совета, с 2 апр. 1916 также пом. военного министра, с янв. 1917 также член Гос. Совета.

[62] **Пороховщиков Александр Сергеевич**, р. 10 фев. 1865 в С.-Петербурге. Обр.: Московский ун-т 1888, ПВУ 1889, АГШ 1895. Офицер л.-гв. Семеновского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1895, подполк. с 1900, полк. с 1904, ген.-майор с 1915. С 1902 нач. штаба 4-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи, с 1905 нач. штаба войск Уральской области, с 1906 штаб-офицер при управлении 1-й стр. бригады, с 1909 штаб-офицер для поручений при штабе Варшавского ВО, с 1910 нач. штаба 8-й пех. див., с 1912 командир 145-го пех. полка, с 24 мая 1916 в расп. нач. Генштаба, с 1917 в расп. нач. штаба Юго-Западного фронта. Во время Гражданской войны — в гетманской армии, с весны 1920 в армии УНР. В эмиграции в Калише (Польша). Ум. после 1938.

[63] **Данилов Георгий (Юрий) Никифорович**, р. 13 авг. 1866 в Киеве. Из дворян Киевской губ. Обр.: Киевский КК 1883, МАУ 1886, АГШ 1892. Офицер 27-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1899, полк. с 1903, ген.-майор с 1909, ген.-лейт. с 1913, ген. от инфантерии с 1914. С 1904 нач. отделения Главного штаба, с 1905 — нач. отделения ГУГШ, с 1906 командир 166-го пех. полка, с 1908 обер-квартирмейстер ГУГШ, с 1909 ген.-кварт. Генштаба, с 1910 председатель Крепостной комиссии при ГУГШ, с 19 июля 1914 ген.-кварт. штаба Верховного главнокомандующего, с 30 авг. 1915 командир 25-го арм. корпуса, с 11 авг. 1916 нач. штаба Северного фронта, с 29 апр. 1917 командующий 5-й армией, с 9 сен. 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского ВО. В начале 1918 был привлечен большевиками в качестве эксперта. Во время Гражданской войны — в Русской Армии: пом. нач. Военного управления. В эмиграции во Франции. Автор военно-исторических трудов и воспоминаний. Ум. 3 фев. 1937 в Булони под Парижем.

[64] **Голубев Федор Федорович**, р. 1 нояб. 1835. Обр.: частное учебное заведение. В службе с 1850, офицером с 1853. Капитан гвардии с 1867, полк. с 1870, ген.-майор с 1881, ген.-лейт. с 1894. Участник Восточной войны 1853–1856, польской кампании 1863–1864 и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1880 командир полка, с 1884 — 2-й бригады 30-й пех. див., с 1889 — 2-й бригады 3-й грен. див., с 1892 по сен. 1897 нач. 5-й пех. див. Ум. 19 нояб. 1901 в С.-Петербурге.

[65] **Любовицкий Юлиан Викторович**, р. 15 окт. 1836. Обр.: 2-й КК 1855, АГШ 1863. Офицер л.-гв. Измайловского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1864, подполк. с 1866, полк. с 1869, ген.-майор с 1877, ген.-лейт. с 1888, ген. от инфантерии с 1899. Участник Восточной войны 1853–1856, кампании 1871 в Средней Азии и Русско-турецкой войны 1877–1878 (ранен). С 1868 по 1875 нач. штаба 1-й гвард. пех. див., с 1877 командир л.-гв. Гренадерского полка, с 1881 — также 1-й бригады 2-й гвард. пех. див., с 1888 нач. С.-Петербургской местной бригады, с 1895 нач. 2-й гвард. пех. див., с 1897 командир 9-го арм. корпуса, с 1905 член Гос. Совета. Ум. 16 фев. 1908.

[66] **Путилов Павел Николаевич**, р. 16 апр. 1854. Обр.: Нижегородская ВГ 1872, ПВУ 1874. Офицер л.-гв. Гренадерского полка. Капитан гвардии с 1886, полк. с 1892, ген.-майор с 1904. Участник Русско-турецкой 1877–1878 и Русско-япон-

ской войн. С 1897 командир 17-го пех. полка, с 1904 — 2-й бригады 5-й Восточно-Сибирской стр. див., с 1905 нач. 4-й стр. бригады, затем командир 1-й бригады 10-й Восточно-Сибирской стр. див., с 1906 командир 1-й, а с окт. 1906 — 2-й бригады 6-й Восточно-Сибирской стр. див. 15 авг. 1911 уволен в отставку с производством в ген.-лейт.

[67] **Байков Лев Матвеевич**, р. 6 мая 1840. Обр.: ШГП 1859, АГШ 1870. Капитан с 1872, подполк. с 1876, полк. с 1878, ген.-майор с 1894. Участник кампаний 1860–1862 на Кавказе и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1883 нач. штаба 1-й Донской каз. див., с 1884 — 4-й пех. див., с 1887 командир 2-го Восточно-Сибирского стр. батальона, с 1890 — 103-го, а с 1894 — 105-го пех. полка, с 1896 по май 1901 командир 1-й бригады 5-й пех. див. 1901 уволен в отставку с производством в ген.-лейт. Автор многих трудов по тактике.

[68] **Юргенс Константин Данилович**, р. 9 июня 1858. Обр.: Рижская гимназия 1874, КВУ 1876, МАУ 1877, АГШ 1884. Офицер 32-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1884, подполк. с 1888, полк. с 1892, ген.-майор с 1904. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1895 нач. штаба 12-й пех. див., с 1899 командир 132-го пех. полка, с 1904 — 1-й бригады 30-й пех. див., с 1905 нач. штаба 3-го Сибирского арм. корпуса, с 1907 командир 1-й бригады 43-й пех. див. 9 июня 1913 уволен в отставку с производством в ген.-лейт.

[69] **Карасс Иван Александрович**, р. 28 фев. 1838. Сын коллежского асессора. Обр.: 1-й Московский КК 1855. Офицер л.-гв. Литовского полка. Капитан гвардии с 1867, полк. с 1871, ген.-майор с 1885, ген.-лейт. с 1895, ген. от инфантерии с 1905. Участник Восточной войны 1853–1856, польской кампании 1863–1864 и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1877 командир 8-го пех. полка, с 1885 — 2-й, а с 1886 — 1-й бригады 20-й пех. див., с 1893 нач. 2-й Кавказской рез. пех. бригады, с 1895 нач. 12-й пех. див., с 1900 командир 7-го, а затем 12-го арм. корпуса, с 1904 пом. командующего войсками Киевского ВО, с 1905 по июль 1907 командующий войсками Казанского ВО.

[70] **Орлов Давыд Иванович**, р. 26 июня 1840. В службе с 1859, офицером с 1861 (произведен из юнкеров). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Ротмистр гвардии с 1867, полк. с 1871, ген.-майор с 1878, ген.-лейт. с 1892. Участник польской кампании 1863–1864 и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1873 командир 25-го Донского каз. полка, с 1876 — 30-го Донского каз. полка, с 1877 — 1-й бригады 2-й каз. див., с 1879 в Харьковском ВО (1885–1891 предводитель дворянства Области Войска Донского), с 1896 нач. 12-й кав. див., с 1898 — 1-й Донской каз. див., с 1900 по Донскому казачьему войску. В отставке с 1910. Ум. 11 авг. 1916 в Киеве.

[71] **Рихтер Гвидо Казимирович**, р. 25 июня 1855. Обр.: Константиновский межевой институт 1872, АВУ 1874, АГШ 1881. Офицер 2-й рез. конно-арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1884, подполк. с 1888, полк. с 1892, ген.-майор с 1901, ген.-лейт. с 1907. Участник Русско-турецкой 1877–1878, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1895 нач. штаба 12-й кав. див., с 1899 нач. штаба Оренбургского каз. войска, с 1903 нач. штаба Ковенской крепости, с 1904 в расп. командующего 2-й Маньчжурской армией, с 1905 нач. штаба сводного стр. корпуса, с 1906 нач. штаба Туркестанского

ВО, с 1910 нач. 16-й пех. див. С 1915 в отставке с чином ген. от инф. Замучен большевиками 17 мар. 1919.

[72] **Козлянинов Николай Федорович**, р. 7 дек. 1818. Обр.: Корпус инженеров путей сообщения 1835, АГШ 1840. Капитан гвардии с 1848, полк. с 1851, ген.-майор с 1855, ген.-лейт. с 1861, ген. от инфантерии с 1878. С 1855 пом. и нач. штаба 4-го пех. корпуса, с 1856 ген.-кварт. Южной и 2-й армий, с 1857 нач. штаба рез. кав. корпуса, с 1861 нач. 5-й кав. див., с 1863 командующий войсками Юго-западного отряда в Польше, с 1865 пом. командующего, а с 1869 командующий войсками Киевского ВО, с 1872 член Военного Совета. Ген.-адъютант (1871). Ум. 9 мар. 1892 в Москве.

[73] **фон Дрентельн Александр Романович**, р. 1820. Обр.: Александровский сиротский КК, 1-й КК 1838. Офицер л.-гв. Финляндского полка. Полк. с 1850, ген.-майор с 1859, ген.-лейт. с 1865, ген. от инфантерии с 1878. Участник польской кампании 1863–1864 и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1855 командир грен. эрцг. Франца-Карла полка, с 1859 — л.-гв. Измайловского полка, с 1862 нач. 1-й гвард. пех. див., с 1863 команд. войсками в Виленской губ., с 1864 вице-председатель Комитета по устройству и образованию войск, с 1872 команд. войсками Киевского ВО, с 1877 нач. воен. сообщений действующей армии, с 1878 шеф жандармов, с 1880 член Гос. Совета, затем команд. войсками Одесского, а с 1881 — Киевского ВО. Ген.-адъютант (1867). Ум. 15 июля 1888 в Киеве.

[74] **Обручев Николай Николаевич**, р. 21 нояб. 1830. Обр.: 1-й КК 1848, АГШ 1854. Офицер л.-гв. Измайловского полка. Капитан гвардии с 1855, полк. с 1859, ген.-майор с 1866, ген.-лейт. с 1873, ген. от инфантерии с 1887. Участник венгерской кампании 1849, Восточной 1853–1856 и Русско-турецкой 1877–1878 войн. С 1856 по 1878 проф. АГШ, с 1859 нач. штаба 2-й гвард. пех. див., с 1863 делопроизводитель, а с 1867 член и управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба, с 1881 по 1897 нач. Главного штаба, с 1893 также член Гос. Совета. Ген.-адъютант (1878). Автор ряда капитальных трудов по воен. истории и воен. искусству, основатель (1858) и первый редактор «Военного Сборника». Ум. 25 июня 1904 в С.-Петербурге.

[75] **Батьянов Михаил Иванович**, р. 17 окт. 1835. Обр.: МК 1852. Офицер Черноморского флота и л.-гв. Царскосельского стр. батальона. Майор с 1861, подполк. с 1863, полк. с 1867, ген.-майор с 1877, ген.-лейт. с 1887, ген. от инфантерии с 1899. Участник Восточной войны 1853–1856, кампаний 1852, 1862, 1863 на Кавказе, Русско-турецкой 1877–1878 и Русско-японской войн. С 1867 командир 80-го пех. полка, с 1878 — 2-й бригады 1-й грен. див., с 1881 — 3-й стр. бригады, с 1886 нач. 13-й, а с 1888 — 23-й пех. див., с 1893 командир 12-го, а с 1896 — 16-го арм. корпуса, с 1903 по 1911 член Военного Совета, в 1905 был командующим 3-й Маньчжурской армией. Ум. 5 дек. 1916 в Петрограде.

[76] **Дохтуров Дмитрий Петрович**, р. 30 мар. 1838. Обр.: ПК 1855, АГШ 1859. Офицер Кавалергардского полка. Ротмистр гвардии с 1863, полк. с 1866, ген.-майор с 1877, ген.-лейт. с 1886, ген. от кавалерии с 1898. Участник кампаний 1859–1863 на Кавказе (ранен) и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1865 нач. штаба 5-й и 7-й кав. дивизий, затем в расп. командующих войсками Варшавского и Виленского ВО и наказного атамана Донского каз. войска, с 1870 командир 13-го уланского полка, с 1877 командир 1-й бригады 35-й,

2-й бригады 33-й, а с 1878 — 2-й бригады 16-й пех. див., с 1880 командир 2-й бригады 2-й гвард. кав. див., с 1884 командующий той же дивизией, с 1886 в расп. воен. министра, затем нач. 12-й, а с 1892 — 13-й пех. див., с 1895 командир 11-го арм. корпуса, с 1900 пом. командующего войсками Одесского ВО, с 1901 член Военного Совета. Ум. 12 мар. 1905 в С.-Петербурге.

[77] **Случевский Капитон Константинович**, р. 19 янв. 1843. Обр.: НИУ 1859, НИА. Капитан гвардии с 1875, полк. с 1877, ген.-майор с 1886, ген.-лейт. с 1896, инженер-ген. с 1905. Участник Русско-турецкой 1877–1878 и Русско-японской войн. С 1877 командир Гренадерского сап. батальона, с 1883 — л.-гв. Саперного батальона, с 1889 нач. 1-й сап. бригады, с 1901 командир 10-го арм. корпуса, с 1904 в расп. главнокомандующего силами, действующими против Японии, с мар. 1905 член Военного Совета и Совета государственной обороны. Ум. 14 мар. 1906 в С.-Петербурге.

[78] **Винберг Виктор Федорович**, р. 1832. Обр.: НКУ 1851, АГШ 1856. Офицер л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1860, полк. с 1863, ген.-майор с 1872, ген.-лейт. с 1881, ген. от кавалерии с 1895. Участник польской кампании 1863–1864 и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1863 нач. штаба 2-й гвард. пех. див., с 1865 командир 3-го гусарского полка, с 1873 командир 2-й бригады 2-й кав. див., с 1874 нач. Николаевского кав. училища, с 1878 нач. 12-й кав. див., с 1886 нач. 2-й гвард. кав. див., с 1890 командир 10-го арм. корпуса, с 1901 член Военного Совета, с 1911 по 1917 почетный опекун совета учреждений ведомства Имп. Марии по С.-Петербургскому присутствию.

[79] **Сухотин Николай Николаевич**, р. 28 окт. 1847. Обр.: 1-й КК 1863, ПВУ 1865, АГШ 1872. Офицер 12-го драгунского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1874, подполк. с 1877, полк. с 1877, ген.-майор с 1887, ген.-лейт. с 1896, ген. от кавалерии с 1906. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1875 столоначальник, с 1977 делопроизводитель, а с 1887 член Военно-ученого комитета Главного штаба, с 1881 проф. АГШ, с 1894 нач. 3-й кав. див., с 1898 нач. АГШ, 1901 командующий войсками Сибирского ВО и наказной атаман Сибирского каз. войска, с 1906 по 1917 член Гос. Совета.

[80] **Великий князь Николай Николаевич**, р. 6 нояб. 1856. Обр.: НИУ 1873, АГШ 1876. Офицер л.-гв. Гусарского полка и учебного пех. батальона. Капитан гвардии с 1876, полк. с 1878, ген.-майор с 1885, ген.-лейт. с 1893, ген. от кавалерии с 1900. Участник Русско-турецкой 1877–1878 и 1-й мировой войн. С 1884 командир л.-гв. Гусарского полка, с 1890 командир 2-й бригады 2-й гвард. кав. див. и нач. той же див., с 1895 ген.-инспектор кавалерии, с 1905 главнокомандующий войсками гвардии и СПб. ВО, 1905–1908 также председатель Совета государственной обороны, с 20 июля 1914 Верховный главнокомандующий, с 23 авг. 1915 наместник Его Величества на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией, 2–11 мар. 1917 Верховный главнокомандующий. С 11 мар. 1917 в отставке. Ген.-адъютант (1894). В эмиграции с 1919 в Италии, затем во Франции. Возглавлял русскую воен. эмиграцию. Ум. 5 янв. 1929 в Антибе (Франция).

[81] **Чертков Михаил Иванович**, р. 2 авг. 1829. Обр.: ПК 1848. Ротмистр гвардии с 1856, полк. с 1857, ген.-майор с 1860, ген.-лейт. с 1868, ген. от кавалерии с 1883. Участник венгерской кампании 1849, Восточной войны 1853–1856, кампаний

1857–1860 на Кавказе и Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1858 командир 79-го пех. полка, с 1859 командующий войсками Ичкерии, с 1861 Воронежский, а с 1864 Волынский воен. губернатор и заведующий гражданской частью, с 1867 пом. Виленского, Ковенского и Гродненского ген.-губернатора, с 1868 по 1874 наказной атаман Донского каз. войска, с 1877 по 1881 Киевский, Волынский и Подольский ген.-губернатор, с 1901 Варшавский ген.-губернатор и командующий войсками Варшавского ВО, с фев. по сен. 1905 член Гос. Совета. Ген.-адъютант (1869).

[82] **граф Игнатьев Алексей Павлович**, р. 22 мая 1842 в Твери. Обр.: ПК 1859, АГШ. Ротмистр гвардии с 1863, полк. с 1866, ген.-майор с 1875, ген.-лейт. с 1886, ген. от кавалерии с 1898. С 1871 командир 2-го уланского полка, с 1873 — Кавалергардского полка, с 1881 по 1883 нач. штаба Гвардейского корпуса, с 1885 ген.-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками Иркутского ВО, с 1889 товарищ министра внутренних дел, с авг. 1889 Киевский, Подольский и Волынский ген.-губернатор, с 1897 член Гос. Совета. Ген.-адъютант (1904). Ум. 9 дек. 1906 в С.-Петербурге.

[83] **Клейгельс Николай Васильевич**, р. 18 апр. 1850. Обр.: Павловский КК, 2-я ВГ 1866, НКУ 1868. Офицер л.-гв. Драгунского полка. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Ротмистр гвардии с 1878, полк. с 1882, ген.-майор с 1891, ген.-лейт. с 1899, ген. от кавалерии с 1910. С 1888 Варшавский обер-полицмейстер, с 1895 Санкт-Петербургский градонач., с 1903 по 1905 Киевский, Подольский и Волынский ген.-губернатор. Ген.-адъютант (1903). Ум. 20 июля 1916 близ Иматра.

[84] **Иванов Николай Иудович**, р. 22 июля 1851. Обр.: 2-й КК 1866, МАУ 1869. Офицер 3-й гвард. и грен. арт. бригады. Капитан гвардии с 1878, полк. с 1884, ген.-майор с 1894, ген.-лейт. с 1901, ген. от артиллерии с 1908. Участник Русско-турецкой 1877–1878, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1884 командир 2-й батареи л.-гв. 2-й арт. бригады, с 1888 зав. мобилизационной частью ГАУ, с 1890 командир кронштадтской креп. артиллерии, с 1899 в расп. ген.-фельдцейхмейстера, с июля 1904 нач. Восточного отряда, командир 3-го Сибирского арм. корпуса, с 1905 нач. тыла маньчжурских армий, с дек. 1905 командир 1-го арм. корпуса, с 1907 главный нач. Кронштадта, с 1908 командующий войсками Киевского ВО, с 19 июля 1914 главнокомандующий армиями Ю.-З. фронта, с 17 мар. 1916 член Гос. Совета, с 27 фев. по 2 мар. 1917 командующий войсками Петроградского ВО. Ген.-адъютант (1907). С 1917 жил в Новочеркасске. Во время Гражданской войны с 11 окт. 1918 командующий Южной армией. Ум. от тифа 29 янв. 1919 в Одессе.

[85] **Трепов Федор Федорович**, р. 13 мая 1854. Обр.: ПК 1873. Офицер л.-гв. Кон. полка. Майор с 1879, подполк. с 1881, полк. с 1884, ген.-майор с 1894, ген.-лейт. с 1901, ген. от кавалерии с 1909. Участник Русско-турецкой 1877–1878, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1881 чиновник особых поручений при Киевском, Подольском и Волынском ген.-губернаторе, с 1892 вице-губернатор Уральской области, с 1894 Вятский, с 1896 Волынский, с 1898 Киевский губернатор. С 1903 сенатор, с 1905 член Гос. Совета, с 1908 также Киевский, Подольский и Волынский ген.-губернатор, 11 сен. — 15 дек. 1914 пом. Верховного нач. санитарной и эвакуационной части в войсках, с 4 окт. 1916 воен. губернатор

занятых областей Австро-Венгрии. ген.-адъютант (1909). С 31 мар. 1917 в отставке. В эмиграции во Франции, председатель объединения л.-гв. Кон. полка. Ум. 27 мар. 1938 в Ницце.

[86] **Новицкий Василий Дементьевич**, р. 3 янв. 1839. Обр.: Константиновский КК 1858. Офицер Новоархангельского драгунского, с 1871 — л.-гв. Казачьего, с 1873 — л.-гв. Атаманского полков, с 1874 — Отдельного корпуса жандармов. Ротмистр гвардии с 1873, полк. с 1875, ген.-майор с 1887. С 1874 нач. Тамбовского, а с 1878 по май 1903 — Киевского губернского жандармского управления. 1903 уволен в отставку с производством в ген.-лейт., 1907 временный Одесский ген.-губернатор и градоначальник. Ум. 14 нояб. 1907 в Одессе.

[87] **Оберучев Константин Михайлович**, р. 1864. Михайловское арт. училище 1884. Ген.-майор, командующий войсками Киевского воен. округа. В эмиграции с 1917 в США. Ум. 1929.

[88] **Кирпотенко Сергей Антонович**, р. 14 июня 1875 на Урале. Обр.: Полтавская гимназия 1893, Киевское ПЮУ 1895, АГШ 1901. Офицер 7-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1903, подполк. с 1907, полк. с 1911, ген.-майор с 1916. С 1910 нач. отделения ГУГШ, с 1913 нач. штаба 15-й пех. див., с 18 июля 1915 командир 59-го пех. полка, с 4 окт. 1916 нач. штаба 20-й пех. див., с 1917 нач. той же див. Во время Гражданской войны — в гетманской армии (с 10 апр. 1918).

[89] **Моравский Александр Кузьмич**, р. 23 нояб. 1841. В службе и офицером с 1863. Обр.: Могилевская гимназия, МАУ 1863, ВЮА 1870. Капитан с 1870, подполк. с 1874, полк. с 1877, ген.-майор с 1887, ген.-лейт. с 1897. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1882 прокурор Варшавского, а с 1888 — Московского ВОС, с 1890 председатель Киевского ВОС, с янв. по май 1903 в прикомандировании к Главному военно-судному управлению.

[90] **князь Трубецкой Евгений Николаевич**, р. 1863. Обр.: Московский университет 1885. Профессор-правовед. 1917–1918 член Совета общественных деятелей и Правого центра. Во ВСЮР. Ум. от тифа мар. 1920 в Новороссийске.

[91] **Винавер Максим Моисеевич**, р. 1863 в Варшаве. Адвокат, кадет. С нояб. 1918, весной 1919 министр внешних сношений Крымского Краевого правительства. В эмиграции с апр. 1919, 1920–1921 член Земгора. Ум. 10 окт. 1926 в Ментон-сюр-Бернаре (Франция).

[92] **Кононович-Горбацкий Петр Викентьевич**, р. 15 авг. 1842. Обр.: Александровский сиротский КК 1860, АГШ 1872. Майор с 1872, подполк. с 1876, полк. с 1877, ген.-майор с 1888, ген.-лейт. с 1896. Участник польской кампании 1863–1864. С 1877 нач. Виленского ПЮУ, с 1886 командир 110-го пех. полка, с 1887 нач. штаба Ковенской крепости, с 1891 нач. штаба 12-го арм. корпуса, затем нач. КВУ, с 1894 нач. штаба Киевского ВО, с 1896 нач. 33-й, а с 1899 — 29-й пех. див., с 1900 пом. главного нач. военно-учебных заведений, с 1903 командир 21-го арм. корпуса, с 1904 по сен. 1905 член Военного Совета.

[93] **Великий князь Сергей Михайлович**, р. 25 сен. 1869 в Тифлисе. Обр.: МАУ 1889. Офицер л.-гв. Конной артиллерии. Капитан с 1898, полк. с 1899, ген.-майор с 1904, ген.-лейт. с 1908, ген. от артиллерии с 1914. С 1898 командир 2-й батареи, а с 1903 — 2-го дивизиона л.-гв. Конной артиллерии, с 1904 командир л.-гв. Конной артиллерии, сен. 1904 ген.-инспектор ар-

тиллерии, с 5 янв. 1916 полевой ген.-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем. С 22 мар. 1917 в отставке. Убит большевиками 18 июля 1918 в Алапаевске.

[94] **Алексеев Евгений Иванович**, р. 11 мая 1843. Обр.: МК 1863 (офицером с 1865). Офицер 4-го флотского экипажа. Капитан 2-го ранга с 1883, капитан 1-го ранга с 1886, контр-адмирал с 1891, вице-адмирал с 1897, адмирал с 1903. Участник китайской кампании 1900–1901 и Русско-японской войны. С 1878 командир крейсера «Африка», с 1883 морской агент во Франции, с 1886 командир крейсера «Адмирал Корнилов», с 1892 пом. нач. Главного морского штаба, с 1895 нач. эскадры Тихого океана, с 1897 старший флагман Черноморского флота, с 1899 главный нач. и командующий войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана, с 1903 наместник Его Величества на Дальнем Востоке, 1904 также главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке, с 1905 член Гос. Совета. Ген.-адъютант (1901). С 21 апр. 1917 в отставке. Расстрелян большевиками 1918.

[95] **Мандрыка Георгий Акимович**, р. 10 апр. 1869 в Киеве. Обр.: Киевский КК 1886, Константиновское арт. училище 1888, АГШ 1896. Офицер 4-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1898, подполк. с 1900, полк. с 1904, ген.-майор с 1914, ген.-лейт. с 1917. Участник китайской кампании 1900–1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1904 нач. штаба Урало-Забайкальской сводной каз. див., с 1906 — 2-й Восточно-Сибирской стр. див., с 1909 командир 23-го Сибирского стр. полка, с 20 мая 1916 нач. штаба 56-й пех. див., с 1917 командир 6-го арм. корпуса, затем командующий войсками Омского ВО. Во время Гражданской войны — в гетманской армии, затем в белых войсках Восточного фронта. В эмиграции 1921–1923 в Харбине, затем во Франции. Ум. 6 мая 1937 в Париже.

[96] **барон Корф Николай Андреевич**, р. 27 сен. 1866. Из дворян Курляндской губ. Обр.: Полтавский КК 1884, ПК 1886, АГШ. Офицер л.-гв. Семеновского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1899, полк. с 1905, ген.-майор с 1915. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1910 командир 17-го стр. полка, с 28 мая 1915 — бригады 53-й пех. див., с 1 апр. 1916 в резерве чинов при штабе Двинского ВО, с 3 фев. 1917 командир бригады 65-й пех. див. В эмиграции в Болгарии. Член правления Шипкинского отдела Союза русских военных инвалидов. Ум. 14 окт. 1924 в Шипке.

[97] **Ванновский Глеб Михайлович**, р. 5 мар. 1862. Обр.: ПК 1882, АГШ 1891. Офицер 1-й конно-арт. батареи и л.-гв. Конной артиллерии, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1896, полк. с 1900, ген.-майор с 1908, ген.-лейт. с 1915. Участник китайской кампании 1900–1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1900 воен. агент в Японии, с 1904 в расп. нач. Главного штаба, с 1905 в расп. командующего 3-й Маньчжурской армией, с 1906 командир 37-го драгунского полка, с 1908 командир 1-й бригады 2-й кав. див. и 2-й бригады 13-й кав. див., с 19 июля 1914 нач. 5-й Донской каз. див., с 18 апр. 1917 командир 35-го арм. корпуса, с 7 июля 1917 в резерве чинов при штабе Минского ВО, с 26 июля командир 42-го арм. корпуса, с 31 июля командующий 1-й армией. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, содержался в Быховской тюрьме, с 9 сен. 1917 в резерве чинов при

штабе Петроградского ВО. С конца 1917 по фев. 1918 — в Добр. армии. В эмиграции во Франции. Ум. 17 окт. 1943 в Канне (Франция).

[98] **Самойлов Владимир Константинович**, р. 7 сен. 1866. Обр.: Полтавский КК 1884, НИУ 1887, АГШ. Офицер 4-го понтонного батальона, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1899, полк. с 1903, ген.-майор с 1909. Участник китайской кампании 1900–1901 и Русско-японской войны. С 1902 воен. агент в Японии, с 1905 в расп. нач. Главного штаба, с 1906 снова воен. агент в Японии. Ум. 1 фев. 1916 на пути из Кобе в Шанхай.

[99] **Леневич Николай Петрович**, р. 24 дек. 1838. Обр.: Черниговская гимназия. В службе с 1855, офицером с 1856 (произведен из юнкеров). Офицер 58-го, 78-го и 75-го пех. полков. Майор с 1871, подполк. с 1875, полк. с 1878, ген.-майор с 1891, ген.-лейт. с 1899, ген. от инфантерии с 1904. Участник кампаний 1860–1862 на Кавказе, к Русско-турецкой войны 1877–1878 (ранен) кампании 1888 в Средней Азии, китайской кампании 1900–1901 и Русско-японской войны. С 1877 командир 2-го Кавказского стр. батальона, с 1879 — 84-го пех. полка, с 1885 нач. 2-й Закаспийской стр. бригады, с 1895 команд. войсками Южно-Уссурийского отдела, с 1900 командир 1-го Сибирского арм. корпуса, с 1903 команд. войсками Приамурского ВО и наказной атаман приамурских казачьих войск, с 1904 командующий 1-й Маньчжурской армией, с 1905 главнокомандующий силами, действующими против Японии, с 1906 состоял по арм. пехоте. Ген.-адъютант (1905). Ум. 10 апр. 1908.

[100] **Мышлаевский Александр Захарович**, р. 12 мар. 1856. Обр.: Житомирская гимназия 1874, КВУ 1876, МАУ 1877, АГШ 1884. Офицер 15-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1884, подполк. с 1888, полк. с 1892, ген.-майор с 1900, ген.-лейт. с 1906, ген. от инфантерии с 1912. С 1891 младший, а с 1897 старший делопроизводитель Военно-ученого комитета Главного штаба, с 1898 нач. военно-ученого архива того же штаба, с 1904 нач. 1-го отделения управления дежурного ген., одновременно 1898–1905 проф. АГШ, с 1905 дежурный ген., с 1908 нач. Главного штаба, с 1909 нач. ГУГШ, сен. 1909 командир 2-го Кавказского арм. корпуса, с 1913 пом. по воен. части наместника Его Величества на Кавказе, с 30 авг. 1914 пом. главнокомандующего Кавказской армией. 31 мар. — 23 июля 1915 был в отставке, затем в расп. воен. министра, с 5 мар. 1917 тов. председателя комиссии по улучшению быта военных чинов, 7 мар. — 2 июня 1917 командующий войсками Кавказского ВО.

[101] **Цейль Сергей Владимирович (Покатов)**, р. 4 сен. 1868. Из дворян. Обр.: Орловский КК 1886, МАУ 1889, АГШ 1895. Офицер Западно-Сибирской арт. бригады. Капитан с 1897, подполк. с 1900, полк. с 1904, ген.-майор с 1910, ген.-лейт. с 1916. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1903 столонач. Главного штаба, с 1904 нач. штаба 3-й пех. див., с 1905 нач. отделения Главного штаба, с 1907 нач. Азиатского отделения Главного штаба, с 1913 состоял по Военному министерству, с 30 окт. 1914 нач. штаба 9-го арм. корпуса, с 26 фев. 1916 нач. 55-й пех. див., с 1917 командир 35-го арм. корпуса (в отставке с 1917), нач. Ферганско-Бухарской ж. д. Участник антибольшевистского восстания в Ашхабаде в июле 1918, председатель правительства Закаспийской области, затем во ВСЮР. В эмиграции в Чехословакии. Ум. 27 сен. 1934 в Братиславе.

[102] **Хануков Александр Павлович**, р. 18 дек. 1867. Обр.: реальное училище 1887, МАУ 1890, АГШ 1899. Офицер 4-й рез. арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1899, подполк. с 1903, полк. с 1907, ген.-майор с 1914. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1905 нач. штаба 15-й пех. див., с 1913 командир 131-го пех. полка, с 20 апр. 1916 нач. штаба 41-го арм. корпуса. Во время Гражданской войны — в гетманской армии, с 25 нояб. 1918 в Добр. армии и ВСЮР. Генерал-лейт. В эмиграции. Ум. после 1939.

[103] **Грулев Михаил Владимирович**, р. 20 мая 1858. Обр.: Себежское уездное училище, Варшавское ПЮУ 1882, АГШ. Офицер 65-го пех. полка. Капитан с 1892, подполк. с 1896, полк. с 1900, ген.-майор с 1907. Участник Русско-японской войны. С 1902 нач. штаба 3-й пех. див., с 1904 командир 11-го пех. полка, с 1906 нач. штаба Брест-Литовской крепости, с 1905 по 1909 также член комиссии по описанию Русско-японской войны, нач. штаба Брест-Литовской крепости. Автор многих работ по истории и географии, а также «Записок генерала-еврея» (1930). С 11 мая 1912 в отставке ген.-лейт. В эмиграции во Франции. Ум. 17 сен. 1943 в Ницце (Франция).

[104] **Ершов Александр Павлович**, р. 6 июля 1861. Обр.: 2-я С.-Петербургская ВГ 1878, ПВУ 1880, НИУ 1881, НИА. Офицер 1-го саперного батальона и л.-гв. Саперного батальона. Капитан гвардии с 1896, полк. с 1900, ген.-майор с 1910. С 1901 командир 14-го сап. батальона, с 1906 — Гренадерского сап. батальона, с 1910 нач. 5-й саперной бригады, с окт. 1910 инспектор инж. войск Одесского, с 1911 по 1917 инспектор инж. части Московского ВО.

[105] **фон Стааль Николай Фердинандович**, р. 1865. Обр.: Полтавский КК, НИУ 1886, АГШ. полк. с 1903, командир 168-го пех. полка. С 1912 в отставке ген.-майором. Ум. 1912.

[106] **Щербачев Дмитрий Григорьевич**, р. 6 фев. 1857. Обр.: Орловская ВГ 1873, МАУ 1876, АГШ 1884. Офицер 3-й конно-арт. батареи и л.-гв. Конной артиллерии, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1890, полк. с 1894, ген.-майор с 1903, ген.-лейт. с 1908, ген. от инфантерии с 1914. С 1898 нач. штаба 2-й гвард. пех. див., с 1901 командир 145-го пех. полка, с 1903 командир л.-гв. Павловского полка, с 1906 нач. 1-й Финляндской стр. бригады, с 1907 нач. АГШ, с 1912 командир 9-го арм. корпуса, с 5 апр. 1915 командующий 11-й, с 19 окт. 1915 — 7-й армией, с 11 апр. 1917 главнокомандующий армиями Румынского фронта. Ген.-адъютант (1915). С апр. 1918 представитель Добр. армии в Румынии, с 13 окт. 1918 представитель при Союзном командовании (утв. 2 фев. 1919), с 30 дек. 1918 воен. представитель русских армий при союзных правительствах и союзном командовании, с янв. 1919 по май 1920 представитель Верховного правителя адм. Колчака и нач. управления по снабжению белых армий в Париже. В эмиграции во Франции. Ум. 18 янв. 1932 в Ницце (Франция).

[107] **Мин Георгий Александрович**, р. 9 дек. 1855. Обр.: СПб. гимназия 1874, КВУ 1876. Офицер л.-гв. Семеновского полка. Капитан гвардии с 1893, полк. с 1898, ген.-майор с 1906. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1903 командир 12-го грен. полка, с 1904 — л.-гв. Семеновского полка. Убит террористом 13 авг. 1906 в Петергофе.

[108] **барон Меллер-Закомельский Александр Николаевич**, р. 1 нояб. 1844. Обр.: НКУ 1862, АГШ 1868. Офицер л.-гв. Гусарского полка. Майор с 1869, подполк. с 1870, полк. с 1873, ген.-майор с 1883, ген.-лейт. с 1898, ген. от инфантерии с 1906. Участник польской кампании 1863–1864, кампаний 1870 (ранен), 1871, 1873 и 1875–1876 в Средней Азии, Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1871 командир 2-го Туркестанского лин. батальона, с 1876 пом. нач. и командующего войсками Ферганской обл., с 1877 командир 6-го пех. полка, с 1880 в расп. Одесского ген.-губернатора, с 1883 в запасных войсках, с 1889 командир 2-й бригады 17-й пех. див., с 1890 — 2-й бригады 10-й пех. див., с 1894 нач. 47-й пех. рез. бригады, с 1898 нач. 10-й пех. див., с 1901 — 3-й гвард. пех. див., с 1904 командир 7-го, а с 1906 — 5-го арм. корпуса, с окт. 1906 Прибалтийский ген.-губернатор, с 1909 член Гос. Совета. С 1917 в отставке. В эмиграции во Франции. Ум. 14 апр. 1928 в Ницце.

[109] **Епанчин Николай Алексеевич**, р. 17 янв. 1857 в С.-Петербурге. Из дворян Новгородской губ. Обр.: гимназия К. Мая в СПб. 1874, ПВУ 1876, АГШ 1882. Офицер л.-гв. Преображенского полка. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. По окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1888, полк. с 1892, ген.-майор с 1900, ген.-лейт. с 1907, ген. от инфантерии с 1913. С 1895 нач. штаба 1-й гвард. пех. див., с 1900 директор Пажеского корпуса (с 1901 также профессор АГШ), с 1907 нач. 42-й пех. див., с 1913 командир 3-го арм. корпуса, с 14 фев. 1915 в резерве чинов при штабе Двинского ВО, с 11 мая 1915 по 31 июля 1916 был в отставке, затем в резерве чинов при штабе Одесского ВО, с 13 мар. 1917 нач. 5-й Финляндской стр. див., с 10 апр. 1917 в резерве чинов при штабе Киевского ВО, с 24 окт. 1917 в отставке. Автор многих военно-исторических трудов. В Донской армии; с 1 июня 1919 в расп. командующего армией. В эмиграции в Югославии, Чехословакии, Саксонии, Мюнхене, во Франции. Автор воспоминаний. Ум. 12 фев. 1941 в Ницце (Франция).

[110] **Геруа Борис Владимирович**, р. 9 мар. 1876. Обр.: 1-й КК, ПК 1895, АГШ 1904. Офицер л.-гв. Егерского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1909, полк. с 1912, ген.-майор с 1916. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1912 профессор АГШ, с авг. 1914 командир 123-го пех. полка, затем нач. отделения управления ген.-квартирмейстера Юго-Западного фронта, с 6 дек. 1914 нач. штаба 5-й, а с апр. 1915 — 31-й пех. див., с 9 мая 1915 командующий л.-гв. Измайловским полком, с июля 1916 ген.-кварт. войск гвардии, с 2 дек. 1916 — Особой армии, с 9 мая 1917 нач. штаба 11-й армии, с 22 сен. 1917 профессор АГШ. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917 профессор АГШ. Во время Гражданской войны — во ВСЮР и Русской Армии (перешел от красных — в конце 1918 бежал в Финляндию). 1919–1920 председатель Особой военной миссии по оказанию помощи белым армиям в Англии. В эмиграции там же. Ум. в марте 1942 в Культон Сент-Мэре (Англия).

[111] **Палицын Федор Федорович**, р. 28 окт. 1851. Обр.: Орловская ВГ 1868, ПВУ 1870, АГШ 1877. Офицер л.-гв. 2-го стр. батальона, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1881, полк. с 1884, ген.-майор с 1894, ген.-лейт. с 1901, ген. от инфантерии с 1907. С 1889 нач. штаба 2-й гвард. кав. див., с 1891 пом. нач. штаба войск гвардии и СПб. ВО, с 1895 нач. штаба Гвар-

дейского корпуса, с мая 1895 нач. штаба ген.-инспектора кавалерии, с 1905 нач. Генштаба, с 1908 член Гос. Совета, с 1914 в расп. главнокомандующего армиями С.-З. фронта, сен. 1915 представитель Русской Армии в Военном совете в Версале. Автор статей по воен. вопросам. С 11 окт. 1917 в отставке. В эмиграции во Франции, затем в Германии. Ум. 20 фев. 1923 в Берлине.

[112] **Вернандер Александр Петрович**, р. 13 янв. 1844. Обр.: Павловский КК 1862, КВУ 1863, НИА. Офицер 5-го саперного батальона. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Капитан с 1871, подполк. с 1877, полк. с 1881, ген.-майор с 1890, ген.-лейт. с 1898, инженер-ген. с 1906. С 1883 строитель Варшавских укреплений, с 1890 нач. Варшавского креп. арт. управления, с 1895 пом. нач. ГИУ, с 1897 главный нач. инженеров, с 1909 ген.-инспектор инженерных частей, с 2 мая 1915 пом. воен. министра, с 22 мар. 1915 член Гос. Совета. Арестован в июле 1918 и расстрелян большевиками 1918 в Петрограде.

[113] **Колосовский Дмитрий Павлович**, р. 14 нояб. 1862. Обр.: Тамбовская гимназия 1883, НИУ 1886, НИА. Офицер 8-го саперного батальона. Воен. инженер. Капитан с 1893, подполк. с 1900, полк. с 1904, ген.-майор с 1912. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1905 корпусной инженер 3-го Сибирского арм. корпуса, с 1912 строитель, а с 28 янв. 1915 — также нач. инженеров Гродненской крепости, с 3 мая 1916 нач. инженеров Кавказской армии. Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии и ВСЮР. Ген.-лейт. (с 7 нояб. 1919).

[114] **Елчанинов Андрей Георгиевич**, р. 7 июня 1868. Обр.: Симбирский КК 1885, МАУ 1888, АГШ 1894. Офицер 6-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1896, подполк. с 1900, полк. с 1904, ген.-майор с 1910, ген.-лейт. с 1915. С 1903 по 1906 столонач. Главного штаба, 1906–1910 делопроизводитель управления ген.-кварт. Генштаба, 1907–1910 постоянный член Главного креп. комитета, 1908–1914 проф. АГШ, 1910–1914 член Артиллерийского комитета ГАУ, 1910–1914 член креп. комиссии при ГУГШ, с 5 сен. 1914 нач. штаба Новогеоргиевской крепости, с 18 мая 1915 нач. 10-й Сибирской стр. див., с 14 июля 1917 командир 8-го арм. корпуса, с окт. 1917 командующий войсками Одесского ВО. Автор многих работ по тактике и воен. истории. Расстрелян большевиками 1918.

[115] **Марков Владимир Иванович**, р. 26 июля 1859. Обр.: Финляндский КК 1881, АГШ 1887. Офицер л.-гв. Литовского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1887, подполк. с 1892, полк. с 1896, ген.-майор с 1903, ген.-лейт. с 1909. С 1897 ст. делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, с 1898 — канцелярии комитета по мобилизации войск, с 1899 пом. главного редактора журнала «Военный Сборник» и газеты «Русский Инвалид», с 1903 нач. мобилизационного отделения Главного штаба, и с 1908 постоянный член Главного креп. комитета, с 1909 нач. штаба 17-го арм. корпуса, с июня 1909 воен. губернатор Забайкальской области, с нояб. 1909 сенатор и вице-председатель хоз. департамента Финляндского сената, с 1913 по 1917 министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского.

[116] **Беляев Михаил Алексеевич**, р. 23 дек. 1863 в С.-Петербурге. Обр.: 3-я С.-Петербургская гимназия 1883, МАУ 1886, АГШ 1893. Офицер 29-й арт. бригады, затем на должностях Генштаба. Капитан с 1893, подполк. с 1898, полк.

с 1902, ген.-майор с 1908, ген.-лейт. с 1912, ген. от инфантерии с 1914. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1906 нач. отделения, с 1909 ген.-кварт. Главного штаба, с 1910 нач. отделения по устройству и службе войск ГУГШ, с 1 авг. 1914 и. д. нач., с 2 апр. до конца 1916 нач. Генштаба, с 23 июня 1915 до конца 1916 одновременно пом. воен. министра, затем представитель русского командования при румынской Главной квартире, с 3 янв. по 2 мар. 1917 воен. министр и член Военного Совета. В марте, с 1 июля по окт. 1917 и с янв. 1918 находился под арестом. Расстрелян большевиками 1918 в Петрограде.

[117] **Фрейман Александр Константинович**, р. 21 окт. 1862. Обр.: КВУ 1882, АГШ 1888. Офицер 34-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1890, подполк. с 1895, полк. с 1899, ген.-майор с 1905, ген.-лейт. с 1914. С 1899 делопроизводитель канцелярии комитета по мобилизации войск, с 1903 нач. отделения Главного штаба, с 1906 делопроизводитель мобилизационного отделения Главного штаба, с 1909 нач. штаба 18-го арм. корпуса, с 27 мар. 1915 нач. 37-й пех. див., с 2 июня 1915 в резерве чинов при штабе Двинского ВО, с 21 фев. 1916 нач. 115-й пех. див., с 1 нояб. 1916 в резерве чинов при штабе Киевского ВО. В 1918 мобилизован большевиками.

[118] **Преженцов Александр Богданович**, р. 25 янв. 1859. Обр.: ПК 1878, АГШ. Офицер 5-й конно-арт. батареи и л.-гв. Конной артиллерии, затем на должностях Генштаба. Капитан с 1885, подполк. с 1891, полк. с 1894, ген.-майор с 1904, ген.-лейт. с 1909. С 1900 нач. штаба 2-й гвард. кав. див., с 1901 командир 1-го Финляндского стр. полка, с 1904 в расп. командующего войсками Финляндского ВО, с 1905 нач. штаба 22-го арм. корпуса, с 1906 в прикомандировании к ГУГШ, с 1907 ген.-квартирмейстер, а с 1909 нач. штаба Виленского ВО, с 1913 нач. 36-й пех. див. В авг. 1914 попал в плен. Ум. 1 нояб. 1915 в плену.

[119] **Данилов Николай Александрович**, р. 13 апр. 1867. Обр.: 1-й Московский КК 1884, АВУ 1886, АГШ 1893. Офицер л.-гв. Московского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1898, полк. с 1902, ген.-майор с 1908, ген.-лейт. с 1911, ген. от инфантерии с 1914. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1904 нач. канцелярии полевого штаба Маньчжурской армии, и. д. нач. штаба главнокомандующего всеми силами, действующими против Японии, с 1905 пом. нач., с 1911 нач. канцелярии Военного министерства, с 19 июля 1914 главный нач. снабжений Сев. фронта, затем командир 23-го арм. корпуса, с 13 июня 1916 командир 10-го арм. корпуса, с 12 июня 1917 командующий 2-й армией. Автор трудов по воен. делу. С 1918 в РККА. Ум. 1 мая 1934 в Ленинграде.

[120] Публикуются ниже.

[121] **Гернгрос Евгений Александрович**, р. 10 фев. 1855. Обр.: 1-я С.-Петербургская гимназия 1872, ПК 1874, АГШ 1881. Офицер Кавалергардского полка. Ротмистр гвардии с 1889, полк. с 1892, ген.-майор с 1901, ген.-лейт. с 1909. С 1893 состоял при воен. министре, с 1896 командир Крымского дивизиона, затем — 35-го драгунского полка, с 1901 — л.-гв. Кон. полка, с 1904 нач. штаба Гвардейского корпуса, с 1907 в Свите Его Величества, с 1909 нач. Генштаба. Ум. ок. 15 мая 1912.

[122] **Жилинский Яков Григорьевич**, р. 15 мар. 1853. Обр.: НКУ 1876, АГШ 1883. Офицер Кавалергардского полка, по окончании академии — на должностях Ген-

штаба. Капитан с 1885, подполк. с 1887, полк. с 1891, ген.-майор с 1900, ген.-лейт. с 1904, ген. от кавалерии с 1910. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1899 командир 52-го драгунского полка, с 1900 ген.-кварт. Главного штаба, с 1904 нач. полевого штаба наместника Его Величества на Дальнем Востоке, с 1905 в расп. воен. министра, с 1906 нач. 14-й кав. див., с 1907 командир 10-го арм. корпуса, с 1911 нач. Главного штаба, с 1914 командующий войсками Варшавского ВО и Варшавский ген.-губернатор, с 19 июля 1914 главнокоманд. армиями С.-З. фронта, с 3 сен. 1914 в расп. воен. министра, 1915–1916 представитель Русского командования при Союзном совете во Франции. С 19 сен. 1917 в отставке. Воен. историк. Расстрелян большевиками в начале 1918.

[123] **Головин Николай Николаевич**, р. 22 фев. 1875 в Москве. Обр.: ПК 1894, АГШ 1900. Офицер л.-гв. Конной артиллерии, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1905, полк. с 1909, ген.-майор с 1915, ген.-лейт. с 1917. С 1908 профессор АГШ, с 1914 командир 20-го драгунского полка, с 25 июля 1914 — л.-гв. Гродненского гусарского полка, с 3 нояб. 1914 ген.-кварт. 9-й армии, с 24 окт. 1915 нач. штаба 7-й армии, с 17 апр. 1917 и. д. нач. штаба Румынского фронта, с 15 окт. 1917 в расп. Верховного главнокомандующего. Автор ряда трудов по тактике. Во время Гражданской войны — в гетманской армии, затем в белых войсках Восточного фронта (1918–1920). В эмиграции во Франции. Создатель и руководитель Высших академических курсов в Париже. Воен. теоретик и историк. Ум. 10 янв. 1944 в Париже.

[124] **Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й)**, р. 1866. Член Гос. Думы. В Северо-Западной армии; с 16 июня 1919 обер-офицер для поручений при Военно-гражданском управлении (псевд.: шт.-кап. Л. Н. Черняков). В эмиграции в Германии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Председатель Высшего Монархического Совета.

[125] **Савич Никанор Васильевич**, р. 1869. Во ВСЮР; в июне 1919 представитель Главнокомандующего ВСЮР в конфедерации казачьих войск; член Особого Совещания. В Русской Армии до эвакуации Крыма; министр госконтроля правительства ген. Врангеля. В эмиграции 1920–1921, член «Делового Комитета» по помощи Русской Армии. Ум. 1942.

[126] **Добрышин Филипп Николаевич**, р. 8 дек. 1855. Обр.: 4-я Московская гимназия 1875, АВУ 1877, МАУ 1878, АГШ 1886. Офицер 13-й и 3-й рез. артиллерийских бригад, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1886, подполк. с 1890, полк. с 1894, ген.-майор с 1903, ген.-лейт. с 1909. С 1896 зав. передвижением войск Казанского и Московско-Архангельского районов, с 1899 нач. штаба 1-й грен. див., с 1901 командир 12-го грен. полка, с 1903 нач. отделения управления воен. сообщений Главного штаба, с 1907 нач. отделения воен. сообщений ГУГШ, член от Военного министерства в совете по железнодорожным делам и комитете управления железных дорог, с 12 мая 1915 по 1917 нач. штаба Казанского ВО.

[127] **Янушкевич Николай Николаевич**, р. 1 мая 1868. Из дворян Псковской губ. Обр.: Николаевский КК 1885, МАУ 1888, АГШ 1896. Офицер 3-й гвард. и грен. арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1899, полк. с 1903, ген.-майор с 1909, ген.-лейт. с 1913, ген. от инфантерии с 1914. С 1905 заведующий законодательным отделом, а с 1911 пом. нач.

канцелярии Военного министерства, с 1913 нач. АГШ, с 1914 нач. Генштаба, с 19 июля 1914 нач. штаба Верховного главнокомандующего, с 18 авг. 1915 пом. по воен. части наместника Е.В. на Кавказе, с 13 сен. 1916 главный нач. снабжений Кавказской армии. С 31 мар. 1917 в отставке. Убит большевиками в начале фев. 1918 в поезде у ст. Оредеж.

[128] **Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич**, р. 5 дек. 1856. Обр.: ПК 1875. Служил по гвард. артиллерии. полк. с 1891, ген.-майор с 1900, ген.-лейт. с 1906, ген. от артиллерии с 1912. С 1897 командир дивизиона л.-гв. Конной артиллерии, с 1899 — гвард. конно-арт. бригады, с 1904 нач. артиллерии Донского каз. войска, с 1905 товарищ ген.-фельдцейхмейстера, с 1909 нач. ГАУ, с 24 мая 1915 член Военного Совета. В 1918 мобилизован большевиками. Ум. 1950 в Муроме.

[129] **Александров Николай Фомич**, р. 1851. Из дворян Орловской губ. Обр.: КВУ 1871, АГШ 1877. Офицер л.-гв. Литовского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1879, подполк. с 1882, полк. с 1886, ген.-майор с 1896, ген.-лейт. с 1902, инженер-ген. с 1909. Участник китайской кампании 1900–1901 и Русско-японской войны. С 1881 нач. Амурской инж. дистанции, с 1896 пом. нач., а с 1898 нач. инженеров Приамурского ВО, с 1904 инспектор инженеров 1-й Маньчжурской армии, с 1905 глав. инспектор инж. части при главнокомандующем войсками, действующими против Японии, с 1906 нач. инженеров Виленского ВО, с 1908 комендант Ковенской крепости, с 1909 тов. ген.-инспектора по инж. части, с авг. 1909 нач. ГИУ, с 1913 ген.-инспектор по инж. части. Ум. ок. 28 окт. 1915.

[130] **барон фон дер Ропп Евгений-Юлий-Николай Эдуардович**, р. 4 авг. 1867. Обр.: 1-й КК 1885, КВУ 1887, НИУ 1888, НИА. Офицер Туркестанского саперного полубатальона. Капитан с 1896, подполк. с 1900, полк. с 1903, ген.-майор с 1907, ген.-лейт. с 1913. С 1901 командир 1-го Уссурийского ж/д батальона, с 1903 — 4-го ж/д батальона, с 1907 — Заамурской ж/д бригады, с 1911 нач. Закавказской железной дороги, с 1913 нач. ГВТУ, с 29 сен. 1915 в расп. главнокомандующего армиями Северного фронта. Ум. 3 янв. 1917 в Петрограде.

[131] **Забелин Александр Федорович**, р. 18 мая 1956. Из дворян Бакинской губ. Обр.: Николаевская гимназия 1873, ПВУ 1875, АГШ 1881. Офицер л.-гв. Московского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1884, полк. с 1890, ген.-майор с 1900, ген.-лейт. с 1905, ген. от инфантерии с 1911. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1898 пом. нач. канцелярии воен. министра, с 1904 нач. воен. сообщений 1-й Маньчжурской армии, с 1905 нач. канцелярии воен. министра, с 1910 нач. ГУВУЗ, с 19 июля 1914 главный нач. снабжений Юго-Западного фронта, с 27 дек. 1914 снова нач. ГУВУЗ. С 2 апр. 1917 в отставке. Во время Гражданской войны во ВСЮР. В эмиграции во Франции. Автор воспоминаний (рук.). Ум. 22 нояб. 1933 в Сен-Женевьев-де-Буа (Франция).

[132] **Кондратьев Николай Григорьевич**, р. 4 дек. 1859. Обр.: Кронштадтская гимназия 1879, ПВУ 1881, АГШ. Офицер л.-гв. Гренадерского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1888, подполк. с 1893, полк. с 1897, ген.-майор с 1903, ген.-лейт. с 1907. С 1893 заведующий передвижением войск Петербургско-Московского района, с 1901 нач. штаба 2-й гвард. пех. див., с 1902 нач. воен. сообщений С.-Петербургского ВО, с 1907 член Комитета по образованию войск, с 1909 нач. Главного штаба. С 7 мар. 1911 в отставке.

[133] **Зарубаев Николай Платонович**, р. 6 янв. 1843. Обр.: Воронежский КК 1862, КВУ 1863, АГШ 1870. Офицер л.-гв. Гренадерского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1868, подполк. с 1872, полк. с 1875, ген.-майор с 1890, ген.-лейт. с 1899, ген. от инфантерии с 1906. Участник Русско-японской войны. С 1877 нач. штаба войск Акмолинской области, с 1879 нач. штаба 7-й кав. див., с 1885 командир 133-го пех. полка, с 1890 — 2-й бригады 13-й пех. див., с 1891 нач. штаба 6-го арм. корпуса, с 1898 нач. штаба Омского ВО, с 1900 нач. 9-й пех. див., с 1903 пом. командующего войсками Сибирского ВО, с 1904 командир 4-го Сибирского корпуса, с 1905 пом. главнокомандующего войсками гвардии и СПб. ВО и член Совета государственной обороны, с 1906 ген.-инспектор пехоты, с 1909 командующий войсками Одесского ВО. Ген.-адъютант (1905). Ум. 10 июня 1912 в Кисловодске.

[134] **Шуваев Дмитрий Савельевич**, р. 12 окт. 1854. Из почетных граждан Оренбургской губ. Обр.: Оренбургская Неплюевская ВГ 1870, АВУ 1872, АГШ 1878. Офицер 2-й Туркестанской стр. батареи и 1-й Туркестанской арт. бригады. Участник кампаний 1873 и 1875 гг. в Средней Азии. По окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1883, полк. с 1887, ген.-майор с 1899, ген.-лейт. с 1906, ген. от инфантерии с 1911. С 1885 нач. Новочеркасского каз. училища, с 1899 нач. Киевского ВУ, с 1905 нач. 5-й пех. див., с 1908 командир 2-го Кавказского арм. корпуса, с 1909 нач. Главного интендантского управления, с 13 дек. 1915 полевой интендант, с 15 мар. 1916 воен. министр, с 3 янв. 1917 член Гос. Совета, с 10 мар. 1917 также член Военного Совета. 1918–1929 в РККА. Расстрелян 1937.

[135] **Кондзеровский Петр Константинович**, р. 22 июня 1869 в С.-Петербурге. Обр.: 1-й КК 1887, КВУ 1889, АГШ 1895. Офицер л.-гв. Егерского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан гвардии с 1900, полк. с 1904, ген.-майор с 1909, ген.-лейт. с 1914. С 1904 нач. отделения, с 1907 пом., а с 1908 дежурный ген. Главного штаба, с 19 июля 1914 дежурный ген. Верховного главнокомандующего, с 2 апр. 1917 член Военного Совета. В 1918 мобилизован большевиками. Во время Гражданской войны — в Северо-Западной армии (с 26 июля 1919). В эмиграции в Финляндии, с конца 1920 во Франции. Автор воспоминаний. Ум. 16–17 авг. 1929 в Париже.

[136] **Лехович (Ляхович) Владимир Андреевич**, р. 31 мар. 1860. Обр.: Орловский КК 1877, МАУ 1880, ОАШ 1898. Офицер л.-гв. 2-й арт. бригады. Капитан гвардии с 1895, полк. с 1898, ген.-майор с 1906, ген.-лейт. с 1910. С 1898 командир батареи л.-гв. 1-й арт. бригады, с 1904 командир л.-гв. Стрелкового арт. дивизиона, с нояб. 1904 — 22-й арт. бригады, с 1907 — л.-гв. 2-й арт. бригады, с 1909 пом. нач. отдела, с 1910 нач. отдела, с 6 сен. 1915 пом. нач., а с 6 мар. 1917 нач. ГАУ. Во время Гражданской войны во ВСЮР (1919–1920). В эмиграции в Югославии, председатель Общества артиллеристов, с 1924 в США, нач. отдела РОВС, к 1931 во Франции. Ум. 7 июня 1941 в Сен-Женевьев-де-Буа (Франция).

[137] **Богатко Николай Иосифович**, р. 5 окт. 1864 в Черниговской губ. Обр.: Киевский КК 1883, ПВУ 1885, АГШ 1892. Офицер 36-го пех. полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1894, подполк. с 1899, полк. с 1903, ген.-майор с 1910, ген.-лейт. с 1916. С 1902 нач. штаба 12-й, а с 1904 — 33-й пех. див., с 1907 командир 17-го пех. полка, с 1910 пом. главного

интенданта, с 22 мар. 1916 главный интендант Военного министерства. Во время Гражданской войны — в гетманской армии, с 1919 во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Ум. 30 июля 1930 в Белграде.

[138] **Егорьев Константин Николаевич**, р. 30 мая 1870. Обр.: 1-й Московский КК 1888, офицерский экзамен при Одесском пех. юнкерском училище 1890, АГШ 1896. Офицер 60-го пех. рез. батальона, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1898, подполк. с 1902, полк. с 1906, ген.-майор с 1911, ген.-лейт. с 1916. Участник китайской кампании 1900–1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1906 нач. штаба 35-й и 5-й пех. дивизий, с 1910 зав. мобилизационной частью Главного интендантского управления, с 1911 пом. главного интенданта Военного министерства, с 20 мар. 1916 по 1917 главный полевой интендант.

[139] **Стогов Николай Николаевич**, р. 10 сен. 1872. Обр.: Николаевский КК 1891, КВУ 1894, АГШ 1900. Офицер л.-гв. Волынского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1904, полк. с 1908, ген.-майор с 1915, ген.-лейт. с 1917. С 1909 нач. отделения, с 1910 делопроизводитель ГУГШ, с 1913 нач. штаба 1-й Финляндской стр. див., с 6 нояб. 1914 командир 3-го Финляндского стр. полка, с 15 апр. 1915 ген.-квартирмейстер, а с 25 сен. 1916 — нач. штаба 8-й армии, с 2 апр. 1917 командир 16-го арм. корпуса, с 10 сен. 1917 нач. штаба и с окт. 1917 командующий Юго-Западным фронтом. Во время Гражданской войны служил в РККА (май — авг. 1918 нач. Всероглавштаба). 1918–1919 член Национального центра в Москве, нач. его воен. организации, после ареста бежал через линию фронта, сен. 1919 во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии (Земун), с 1924 в Париже. Ум. 17 дек. 1959 в Сен-Женевьев-де-Буа (Франция).

[140] **Добровольский Сергей Константинович**, р. 11 окт. 1867. Обр.: 1-й Московский КК 1885, НИУ 1888, АГШ 1894. Офицер 6-го саперного батальона, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1896, подполк. с 1900, полк. с 1904, ген.-майор с 1910, ген.-лейт. с 1914. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1905 нач. штаба 9-й пех. див., с 1906 делопроизводитель управления ген.-квартирмейстера Главного штаба, с 1908 командир 166-го пех. полка, с 1910 пом., а с 1913 нач. мобилизационного отдела ГУГШ, с 8 нояб. 1914 нач. штаба 3-й армии, с 3 июня 1915 нач. 78-й пех. див., с 17 июля 1917 командир 45-го, а с 12 авг. — 10-го арм. корпуса. Во время Гражданской войны — в гетманской армии, затем в Добр. армии и ВСЮР; в резерве чинов при штабе командующего войсками Юго-Западного края, с 1 апр. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 28 мая до 2 авг. 1919 нач. 4-й пех. див., до 10 июля 1919 также врид командира 3-го арм. корпуса, с 26 июня по 12 июля 1919 одновременно и. д. главноначальствующего Таврической губ., с 2 авг. 1919 в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР с возложением особого поручения в Черноморской губ., до 15 окт. 1919 командующий войсками Черноморского побережья. В эмиграции председатель объединения чинов 18-го арм. корпуса. Застрелился 1930.

[141] **граф Воронцов-Дашков Илларион Иванович**, р. 27 мая 1837. Обр.: Московский ун-т 1856. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 1858. Офицер л.-гв. Кон. полка. Ротмистр гвардии с 1862, полк. с 1865, ген.-майор с 1866,

ген.-лейт. с 1876, ген. от кавалерии с 1890. Участник кампаний 1859–1862 на Кавказе, 1865 в Туркестане, Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1866 пом. губернатора Туркестанской обл., с 1867 командир л.-гв. Гусарского полка, с 1873 — также 2-й бригады 2-й гвард. кав. див., с 1874 нач. штаба Гвардейского корпуса и член совета ГУГК, с 1878 нач. 2-й гвард. пех. див., с 1881 главноуправляющий Государственным коннозаводством, министр Имп. двора и уделов, 1897–1916 член Гос. Совета, с 1905 наместник Е. И. В. на Кавказе, командующий войсками Кавказского ВО и наказной атаман кавказских казачьих войск, с 30 авг. 1914 главнокомандующий Кавказской армией, с 23 авг. 1915 состоял при особе Е. И. В. Ум. 15 янв. 1916 в Алупке.

[142] **Скугаревский Аркадий Платонович**, р. 15 янв. 1847. Обр.: Александринский сиротский КК 1863, АВУ 1864, АГШ 1871. Офицер 7-го стр. батальона, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1873, подполк. с 1877, полк. с 1878, ген.-майор с 1889, ген.-лейт. с 1898, ген. от инфантерии с 1906. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1881 нач. штаба 1-й гвард. пех. див., с 1888 командир 145-го пех. полка, с 1889 нач. штаба Гвардейского корпуса, с 1895 нач. 4-й стр. бригады, с 1896 — 58-й рез. пех. бригады, с 1898 — 27-й пех. див., с 1904 командир 6-го, а с 1905 — 8-го арм. корпуса, с 1906 член Военного Совета, 1906–1909 также председатель Комитета по образованию войск. С 27 апр. 1912 в отставке.

[143] **Лобко Павел Львович**, р. 1 июня 1838. Обр.: 1-й Московский КК 1856, МАА 1857 (не окончил), АГШ 1861. Офицер л.-гв. Литовского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1864, подполк. с 1868, полк. с 1871, ген.-майор с 1878, ген.-лейт. с 1889, ген. от инфантерии с 1900. Участник польской кампании 1830–1831 и Русско-турецкой войны 1877–1878. 1855–1856 командир запасного полка 17-й пех. див., с 1867 адъюнкт-профессор АГШ, 1877–1878 состоял при воен. министре, с 1881 управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба и пом. нач., а с 1884 нач. канцелярии Военного министерства, с 1898 член Гос. Совета, с 1899 также государственный контролер. Ген.-адъютант (1900). Ум. 25 нояб. 1905 в С.-Петербурге.

[144] **Гулевич Арсений Анатольевич**, р. 14 фев. 1866 в Москве. Обр.: 3-й Московский КК 1883, АВУ 1885, АГШ 1892. Офицер л.-гв. Финляндского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1898, полк. с 1902, ген.-майор с 1908, ген.-лейт. с 1914. С 1901 делопроизводитель канцелярии Военного министерства, с 1905 нач. канцелярии Совета гос.обороны, с 1908 командир л.-гв. Преображенского полка, с 1912 нач. штаба войск гвардии и С.-Петербургского ВО. Одновременно с 1899 проф. АГШ; выдающийся воен. теоретик. С 9 авг. 1914 нач. штаба 9-й армии, с 2 фев. 1915 нач. штаба Северо-Западного фронта, с 20 мар. 1916 командир 42-го, а с 19 апр. 1917 — 21-го арм. корпуса, с 9 сен. 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского ВО. Остался в Финляндии. С дек. 1918 участник организации похода добровольческих формирований из Финляндии на Петроград, представитель Северо-Западной армии в Финляндии, до 1920 зав. учреждениями Кр. Креста в Финляндии. В эмиграции во Франции. Автор книги «Роль России в мировой войне» (1934). Ум. 12 апр. 1947 в Париже.

[145] **Смысловский Евгений Константинович**, р. 23 нояб. 1868. Обр.: 1-й Московский КК 1885, МАУ 1888, МАА 1893. Офицер 3-й гвард. и грен. арт. брига-

ды. Капитан гвардии с 1898, полк. с 1904, ген.-майор с 1910, ген.-лейт. с 1914. С 1904 командир 4-й батареи л.-гв. 1-й арт. бригады, с 1908 — 1 дивизиона л.-гв. 3-й арт. бригады, с 1910 командир 3-й грен. арт. бригады, с 1912 нач. отдела ГАУ, с 17 июня 1915 инспектор артиллерии 7-го Сибирского арм. корпуса, а с 29 дек. 1915 по 1917 — 1-го гвард. корпуса. Служил в РККА. Арестовывался в авг. 1920, преподаватель воен. академии. В 1931 репрессирован по делу «Весна».

[146] **Пустовойтенко Михаил Саввич**, р. 3 нояб. 1865. Обр.: Одесская духовная семинария 1883, Одесское ВУ 1885, АГШ 1894. Офицер 14-го стр. полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1900, полк. с 1904, ген.-майор с 1913, ген.-лейт. с 1916. С 1904 нач. штаба 3-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи, с 1908 командир 182-го пех. полка, с 1913 нач. штаба 1-го Сибирского арм. корпуса, с 1914 пом. и 1-й обер-квартирмейстер ГУГШ, с 19 июля 1914 ген.-кварт. Юго-Западного фронта, а с 1 апр. 1915 — Северо-Западного фронта, с 30 авг. 1915 ген.-кварт. штаба Верховного главнокомандующего, с 6 дек. 1916 нач. 12-й пех. див., с 21 окт. 1917 командир 46-го арм. корпуса. Во время Гражданской войны во ВСЮР.

[147] **Маниковский Алексей Алексеевич**, р. 13 мар. 1865. Обр.: Тифлисский КК 1883, МАУ 1886, МАА 1891. Офицер 38-й арт. бригады. Капитан с 1896, подполк. с 1900, полк. с 1903, ген.-майор с 1907, ген.-лейт. с 1911, ген. от арт. с 1916. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1906 командир Усть-Двинской, сен. 1906 — Кронштадтской креп. артиллерии, с 1914 комендант Кронштадтской крепости, с 24 мая 1915 нач. ГАУ, с 6 мар. 1917 пом. воен. министра, с 30 апр. 1917 управляющий Военным министерством, затем товарищ воен. министра по снабжению. В окт. и нояб. 1917 арестовывался большевиками, с 1918 в РККА, нач. ГАУ и управления снабжений. Ум. в янв. 1920.

[148] **Милеант Гавриил Георгиевич**, р. 24 мар. 1864. Обр.: реальное училище 1881, ПВУ 1883, НИУ, НИА, АГШ 1894. Офицер 13-й арт. бригады, затем — на должностях Генштаба. Капитан с 1891, подполк. с 1896, полк. с 1900, ген.-майор с 1906, ген.-лейт. с 1913. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1900 заведующий передвижением войск Одесского, а с 1901 — Московско-Брестского района, с 1904 командир 53-го пех. полка, с 1905 нач. управления по организации обратного передвижения войск в Европейскую Россию, с 1907 нач. воен.сообщений Санкт-Петербургского ВО, с 1913 нач. штаба Виленского ВО, с авг. 1914 нач. штаба 1-й армии, с 6 сен. 1914 нач. 4-й пех. див., с 29 сен. 1915 нач. ГВТУ, с 15 мар. 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского, а с 2 апр. — Киевского ВО, с 3 апр. 1917 командир 5-го арм. корпуса. Во время Гражданской войны во ВСЮР. В эмиграции в Югославии. Ум. 1936 в Ерцег-Нови (Югославия).

[149] **Ванков Семен Николаевич**, р. 25 янв. 1858. Обр.: Николаевско-Александровское реальное училище 1875, КВУ 1877, МАА 1883. Офицер 26-й арт. бригады. 1879–1884 на болгарской службе (с 1884 майор), подполк. с 1895, полк. с 1900, ген.-майор с 1911. С 1897 нач. Хабаровских артил. мастерских, с 1909 нач. Хабаровского, а с 1913 по 1917 — Брянского арсенала.

[150] **Ипатьев Владимир Николаевич**, р. 9 нояб. 1867 в Москве. Из дворян. Обр.: 3-й Московский КК 1884, АВУ 1886, МАУ 1887, МАА 1892. Офицер 2-й рез. арт. бригады и гвард. артиллерии. Капитан гвардии с 1900, полк. с 1904, ген.-

майор с 1910, ген.-лейт. с 1916. С 1895 преподаватель, а с 1899 профессор МАА. Выдающийся ученый-химик, автор ряда фундаментальных открытий в области катализа. Член-корреспондент (1914) и академик АН (1916). В 1918 мобилизован большевиками, служил в арт. академии, затем в АН СССР. В эмиграции с 1930 в США. Автор воспоминаний. Ум. 29 нояб. 1952 в Чикаго.

[151] **Гермониус Эдуард Карлович**, р. 6 мая 1864. Обр.: 1-я Санкт-Петербургская ВГ 1881, МАУ 1884, МАА 1889. Офицер 29-й арт. бригады. Капитан гвардии с 1898, полк. с 1902, ген.-майор с 1909, ген.-лейт. с 1916. С 1898 пом. нач. Ижевских оружейных и сталелитейных заводов, с 1909 председатель временной хозяйственно-строительной комиссии для постройки трубочного завода в Самарской губ., с 1911 нач. Самарского трубочного завода, с 15 июня 1914 заведующий артиллерийскими приемками, с янв. 1916 председатель русского правительственного комитета в Лондоне. Участник Белого движения; 1918–1923 нач. отдела заготовок и снабжений политического совещания в Париже. В эмиграции с 1923 в Чехословакии (на заводах «Шкода»), затем в Сирии, к 1935 в Бейруте. Ум. 5 окт. 1938 в Бейруте.

[152] **Великий князь Борис Владимирович**, р. 12 нояб. 1877. Сын Вел. князя *Владимира Александровича*. Обр.: НКУ 1896. Офицер л.-гв. Гусарского полка. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Ротмистр гвардии с 1908, полк. с 1912, ген.-майор с 1914. С 1914 командир л.-гв. Атаманского полка, с 17 сен. 1915 походный атаман всех казачьих войск. С 7 авг. 1917 в отставке. В авг. 1918 арестовывался большевиками в Кисловодске, бежал. В эмиграции с 1919 в Париже, с 1926 в США. Член полкового объединения л.-гв. Семеновского полка. Ум. 8 нояб. 1943 в Париже.

[153] **Бурман Георгий Владимирович**, р. 4 нояб. 1865. Обр.: 1-й КК 1883, НИУ 1886. Офицер 10-го саперного батальона и л.-гв. Саперного батальона. Капитан гвардии с 1900, полк. с 1906, ген.-майор с 1910. С 1905 адъютант ген.-инспектора по инж. части, с 1908 нач. Офицерской электротехнической школы, с 8 мая 1916 председатель комиссии при ГВТУ по устройству постоянных радиостанций, с 20 мар. 1917 нач. Офицерской электротехнической школы.

[154] **князь Туманов Николай Евсеевич**, р. 24 окт. 1844. Обр.: 1-й КК 1863, ПВУ 1864, НИА. Офицер 1-го Кавказского саперного батальона. Капитан с 1875, подполк. с 1878, полк. с 1881, ген.-майор с 1892, ген.-лейт. с 1899, инженер-ген. с 1907. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1880 нач. Кутаисской инж. дистанции, с 1882 — Карсского креп. инж. управления, с 1897 заведующий инж. частью Закаспийской области, с 1899 нач. инженеров Варшавского ВО, с 1904 инспектор инженеров 1-й Маньчжурской армии, с 1905 — на прежней должности, с 1906 комендант Брест-Литовской крепости, с 1910 член Военного Совета, с 30 авг. 1914 главный нач. Двинского, а с 14 сен. 1915 — Петроградского ВО, с 13 июня 1916 по 22 мар. 1917 главный нач. снабжений Западного фронта.

[155] **Юзефович Яков Давидович**, р. 12 мар. 1872. Из дворян Гродненской губ. Обр.: Полоцкий КК 1890, МАУ 1893, АГШ 1899. Офицер 7-й конно-арт. батареи, по окончании академии — на должностях Генштаба. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Подполк. с 1904, полк. с 1908, ген.-майор с 1915, ген.-лейт. с 1917. С 1910 нач. отделения, а с 1913 пом. нач. отдела ГУГШ, с 25 июля 1914 ген. для поручений управления дежурного ген. Ставки Верховного глав-

нокомандующего, с 23 авг. 1914 нач. штаба Кавказской туземной конной див., с 22 фев. 1916 нач. штаба 2-го кавалерийского корпуса, с 15 апр. 1917 ген.-кварт. Ставки Верховного главнокомандующего, с 15 июня 1917 командир 26-го арм. корпуса, с 9 сен. 1917 командующий 12-й армией. Во время Гражданской войны — в Добр. армии, ВСЮР и Русской Армии с лета 1918; с 1 янв. 1919 нач. штаба Добровольческой армии, командир 3-го кон. корпуса, 8 мая — 27 июля 1919 нач. штаба Кавказской армии, затем командир 5-го кавалерийского корпуса, с 28 нояб. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С апр. 1920 руководитель строительством укреплений в Северной Таврии, в июне — сентябре 1920 ген.-инспектор конницы. В эмиграции с 1920 в Германии (Висбаден), с 1921 в Эстонии. Ум. 5 июля 1929 в Тарту.

[156] **Кирей Василий Фаддеевич**, р. 1879 в Оренбурге. Из дворян. Обр.: Оренбургский Неплюевский КК 1898, КАУ 1901, МАА 1909, АГШ. Офицер 42-й арт. бригады. Капитан с 1909, подполк. с 1915, полк. с 1916, ген.-майор с 1917. С 1914 командир батареи 32-й арт. бригады, с 20 июня 1917 командир 11-й полевой тяжелой арт. бригады, затем инспектор артиллерии 6-го арм. корпуса, с 9 сен. 1917 командующий 23-м арм. корпусом. 1918 инспектор артиллерии 4-го корпуса в гетманской армии. Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Ген.-лейт. В эмиграции в Чехословакии. Ум. 1942 в Праге.

[157] **Санников Александр Сергеевич**, р. 18 апр. 1866. Обр.: Киевский КК 1883, ПВУ 1885 АГШ 1892. Офицер 16-й арт. бригады и 21-го драгунского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Ротмистр с 1892, подполк. с 1898, полк. с 1892, ген.-майор с 1910, ген.-лейт. с 1914. С 1901 заведующий передвижением войск Киевского района, с 1908 командир 11-го уланского полка, с 1910 ген.-кварт. Приамурского, а с 1913 — Одесского ВО, с авг. 1913 нач. штаба Приамурского ВО, с 18 дек. 1914 нач. штаба 2-й, а с 2 фев. 1915 — 9-й армии, с 1917 нач. снабжений Румынского фронта. Во время Гражданской войны — в гетманской армии, затем в Добр. армии и ВСЮР; с 10 окт. 1918 Главный нач. снабжений, с 15 янв. 1919 главноначальствующий и командующий войсками Юго-Западного края, с 15 апр. 1919 до конца 1919 Главный нач. снабжений ВСЮР, затем в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции в Югославии (Земун), затем во Франции. Ум. 16 фев. 1931 в Париже.

[158] **граф Баранцев Михаил Александрович**, р. 10 авг. 1857. Обр.: ПК 1878, АГШ. Офицер 1-й конно-арт. батареи и л.-гв. Конной артиллерии. Капитан гвардии с 1890, полк. с 1895, ген.-майор с 1903, ген.-лейт. с 1910, ген. от артиллерии с 1916. С 1895 командир 2-й батареи, а с 1898 — 1-го дивизиона Гренадерской конно-арт. бригады, с 1899 в расп. ген.-фельдцейхмейстера, с 1903 командир л.-гв. 3-й арт. бригады, с 1906 в отставке, с 1909 нач. артиллерии Иркутского, а затем Варшавского ВО, с 1914 в расп. ген.-инспектора артиллерии, с 7 янв. 1915 инспектор артиллерии 30-го арм. корпуса, с 3 нояб. 1915 командир 11-го арм. корпуса, с 6 апр. 1917 в резерве чинов при штабе Киевского ВО, с 4 мая 1917 в отставке. Взят заложником в сен. 1918 в Петрограде. В эмиграции. Ум. 1921.

[159] **Цуриков Афанасий Андреевич**, р. 1 июня 1858. Обр.: Орловская ВГ 1874, НКУ 1876, АГШ 1883. Офицер л.-гв. Уланского Его Величества полка. По окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1887, полк. с 1891,

ген.-майор с 1901, ген.-лейт. с 1907, ген. от кавалерии с 1914. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1893 нач. штаба 5-й кав. див., с 1896 командир 51-го драгунского полка, с 1901 — 1-й бригады 11-й кав. див., с 1902 нач. штаба 10-го арм. корпуса, с 1905 при Главном штабе, с 1906 — при ген.-инспекторе кавалерии, с 1907 нач. 15-й и 2-й кав. дивизий, с 1914 командир 24-го арм. корпуса, с 12 дек. 1916 командующий 6-й армией. Мобилизован большевиками, 1920 член Особого Совещания.

[160] **Батюшин Николай Степанович**, р. 26 фев. 1874. Обр.: Астраханское реальное училище 1890, МАУ 1893, АГШ 1899. Офицер 4-й конно-арт. батареи, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1904, полк. с 1908, ген.-майор с 1915. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1905 старший адъютант штаба Варшавского ВО, с 29 авг. 1914 нач. отделения управления ген.-кварт. Северо-Западного фронта, с 13 июня 1915 командир 2-го драгунского полка, с 6 окт. 1915 ген. для поручений при главкоме армиями Северного фронта, председатель комиссии по борьбе со шпионажем и разрухой тыла, с 3 сен. 1917 в расп. нач. штаба Северного фронта. Во время Гражданской войны — в Добр. армии и ВСЮР, состоял при нач. штаба Крымско-Азовской армии, затем в распоряжении штаба ВСЮР. В эмиграции в Югославии, затем во Франции и Бельгии. Автор книги «Тайная военная разведка и борьба с ней» (София, 1939) и статей по той же тематике. Ум. 1957 в Бельгии.

[161] **Воейков Владимир Николаевич**, р. 2 авг. 1868 в Царском Селе. Обр.: ПК 1887. Офицер Кавалергардского полка. Ротмистр гвардии с 1900, полк. с 1905, ген.-майор с 1909. С 1907 командир л.-гв. Гусарского полка, с 1913 по 7 мар. 1917 дворцовый комендант. В эмиграции с 1919 в Румынии, 1920–1940 в Финляндии. Автор книги «С царем и без царя». Ум. 8 окт. 1947 в Дандериде (Швейцария).

[162] **Нилов Константин Дмитриевич**, р. 7 фев. 1856. Обр.: МК 1875 (офицером с 1876). Капитан 2-го ранга с 1892, капитан 1-го ранга с 1896, контр-адмирал с 1903, вице-адмирал с 1908, адмирал с 1912. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. С 1878 командир миноносца «Палица», с 1890 адъютант ген.-адмирала, с 1894 командир яхты «Стрела», с 1899 командир крейсера «Светлана», 1903–1908 командир Гвардейского экипажа, с 8 окт. 1905 также флаг-капитан Его Величества. С мар. 1917 в отставке. Ген.-адъютант (1908). Арестован большевиками. Ум. в советской тюрьме 1919.

[163] **Тихменев Николай Михайлович**, р. 27 мар. 1872. Обр.: Рыбинская гимназия 1889, Московское ПЮУ 1891, АГШ 1897. Офицер 8-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1903, полк. с 1907, ген.-майор с 1914, ген.-лейт. с 1917. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1907 столонач. и нач. отделения ГУГШ, с 1913 командир 60-го пех. полка, с 12 фев. 1915 командир бригады 58-й пех. див., с 4 мая 1915 пом. нач. воен. сообщений Юго-Западного фронта, с 5 окт. 1915 пом. главного нач. воен. сообщений, с 8 фев. 1917 нач. воен. сообщений Ставки Верховного главнокомандующего, с 10 сен. 1917 в резерве чинов при штабе Одесского ВО. Во время Гражданской войны — в Добр. армии и ВСЮР; на 16 нояб. 1918 в управлении воен. сообщений, нач. воен. сообщений, с 11 мар. 1919 Главный нач. воен. сообщений ВСЮР. Ген.-лейт. В эмиграции во Франции. Автор воспоминаний. Ум. 12 июня 1954 в Париже.

[164] **Лебедев Дмитрий Антонович**, р. 1883. Обр.: Сибирский кадетский корпус 1900, МАУ 1903, АГШ 1911. полк., член Главного комитета Союза офицеров. В Добр. армии с дек. 1917, на 30 дек. 1917 нач. штаба 1-го отряда армии. В фев. 1918 направлен в Сибирь (в янв. 1918 через Москву или в марте 1918 с отрядом через степи на Волгу). В белых войсках Восточного фронта; с 21 нояб. 1918 нач. штаба Верховного главнокомандующего, с 6 янв. 1919 ген.-майор, 23 мая — 12 авг. 1919 также и воен. министр. 9 авг. — 16 нояб. 1919 командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 нояб. 1919 командующий Уральской группой войск. В окт. 1922 нач. вооруженных сил Владивостока. Ген.-лейт. В эмиграции в Китае, основатель газеты «Русская Мысль». Ум. 1928 в Шанхае.

[165] **Роженко Владимир Ефремович**, р. 1887. Из крестьян. 5-я СПб. гимназия, МАУ 1909, АГШ 1914. Капитан, и. д. младшего штаб-офицера для делопроизводства и поручений особого делопроизводства управления ген.-кварт. при Ставке ВГК, член Главного комитета Союза офицеров. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добр. армии с нояб. 1917, направлен с поручением в Москву. Убит 22 мар. 1918 около ст. Великокняжеской.

[166] **Завойко Василий Степанович**. Обр.: Александровский лицей 1895. Гайсинский предводитель дворянства. Прапорщик Текинского кон. полка, адъютант ген. Л. Г. Корнилова. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 на Дальнем Востоке, с лета 1920 нач. личной канцелярии атамана Г. М. Семенова. В эмиграции в США (в Нью-Йорке). Ум. после 1929.

[167] **Голицын Владимир Васильевич**, р. 9 июля 1878 в Волынской губ. Из дворян Рязанской губ. Полоцкий КК 1895, Александровское ВУ 1897. Офицер л.-гв. Санкт-Петербургского полка и Отдельного корпуса пограничной стражи (с 1902 штабс-ротмистр). полк., командир 3-й гвардейской резервной бригады, штаб-офицер для поручений при штабе 8-й армии. Ген.-майор (по отставке 1917). Содействовал освобождению ген. Корнилова из Быховской тюрьмы. В Добровольческой армии с нояб. 1917 по 5 мая 1918; до 31 мар. 1918 ген. для поручений при ген. Корнилове, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода при штабе армии, затем нач. военно-политического центра Нижней Волги, в апр. 1918 в Москве, затем с 30 июля 1918 в белых войсках Восточного фронта; с 4 авг. приступил к формированию штаба и полков 2-й Уральской див. горных стрелков, нач. этой (позже 7-й) Уральской горных стрелков див., с 24 дек. 1918 командир 3-го Уральского горных стрелков корпуса, с 22 июня 1919 в распоряжении Главнокомандующего, с июля 1919 командующий Уральской группой, с 28 авг. и на 26 нояб. 1919 нач. всех добровол. формирований в Новониколаевске. Ген.-лейт. (с 3 янв. 1919). В эмиграции в Китае. 1945 — в комитете старейшин Российского эмигрантского собрания в Харбине.

[168] **Аладьин Алексей Федорович**, р. 15 мар. 1873 в с. Новиково Самарской губ. Из крестьян. Обр.: 3-я Казанская гимназия, Казанский университет. Член Гос. Думы, журналист, общественный деятель. лейт. английской армии. Летом 1917 поддерживал связь с ген. Корниловым. Участник выступления ген. Корнилова, быховец. Участник Степного похода. Во ВСЮР и Русской Армии (апр. 1920 в Севастополе). Участник организации эвакуации Крыма. В эмиграции в Константинополе, Париже и Лондоне. Ум. 30 июля 1927 в Лондоне.

[169] **Барановский Владимир Львович**, р. 1882. Обр.: АГШ 1910. Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1914, полк. с 1917, ген.-майор с 1917. С 21 сен. 1916 штаб-офицер для поручений управления ген.-кварт. Ставки Верховного главнокомандующего. Остался в СССР, преподаватель московских вузов. В 1931 осужден на 10 лет лагерей (замена ВМН) по делу «Весна» в Москве.

[170] **Клембовский Владислав Наполеонович**, р. 28 июня 1860. Обр.: 1-я Московская ВГ 1877, АВУ 1879, АГШ 1885. Офицер л.-гв. Измайловского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1890, полк. с 1894, ген.-майор с 1904, ген.-лейт. с 1912, ген. от инфантерии с 1915. В 1897–1901 нач. штаба 7-й пех., 11-й кав. и 31-й пех. дивизий, с 1901 командир 122-го пех. полка, с 1904 нач. штаба 4-го, с 1906 — 10-го арм. корпуса, с 1912 нач. 9-й пех. див., с 13 окт. 1914 командир 16-го арм. корпуса, с 13 дек. 1915 нач. штаба Юго-Западного фронта (дек. 1915 — янв. 1916 был командующим 5-й армией), с окт. 1916 командующий 11-й армией, с 20 дек. 1916 пом. нач. штаба, с 11 мар. 1917 нач. штаба Верховного главнокомандующего, с 28 мар. 1917 член Военного Совета, с 31 мая 1917 главнокомандующий армиями Северного фронта, с 9 сен. 1917 член Военного Совета. В 1918 мобилизован большевиками. Арестован в авг. 1920. Ум. 19 июля 1921 в советской тюрьме.

[171] **Караулов Михаил Александрович**, р. 3 нояб. 1878 в ст. Тарской Терской обл. Из казаков той же области. Обр.: Екатеринодарская гимназия, СПб. университет 1901, офицерский экзамен при Николаевском кав. училище 1902. Подъесаул (1910). Есаул в отставке. Редактор журнала «Казачья неделя», член 2-й и 4-й Государственной Думы, командир 4-й сотни 1-го Кизляро-Гребенского полка. С 13 мар. 1917 войсковой атаман Терского казачьего войска. Убит большевиками 13 дек. 1917 на ст. Прохладной.

[172] **Плющевский-Плющик Юрий Николаевич**, р. 2 июня 1877. Обр.: Александровский КК 1895, КВУ 1898, АГШ 1905. Офицер л.-гв. 1-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1911, полк. с 1914, ген.-майор с 1917. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 20 дек. 1914 старший адъютант отдела ген.-кварт. штаба 10-й армии, с 17 дек. 1915 командир 202-го пех. полка, с 13 янв. 1917 заведующий офицерами, обучающимися в АГШ, с 3 фев. 1917 ген. для поручений Ставки Верховного главнокомандующего, с 10 июня — 2-й ген.-кварт. штаба Верховного главнокомандующего, с 10 сен. 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского ВО. Во время Гражданской войны — в Добр. армии и ВСЮР с дек. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии. С 27 нояб. 1918 ген.-квартирмейстер штаба армии, янв. 1919 по фев. 1920 ген.-квартирмейстер штаба ВСЮР. Ген.-лейт. (13 фев. 1919). В эмиграции с 22 мар. 1920 в Югославии, затем во Франции. Ум. 9 фев. 1926 в Париже.

[173] **Кисляков Владимир Николаевич**, р. 13 окт. 1875. Обр.: Александровский КК 1893, КАУ 1895, АГШ 1901. Офицер 23-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1903, подполк. с 1906, полк. с 1910, ген.-майор с 1915. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1913 заведующий передвижением войск Варшавского района, с 17 окт. 1915 нач. воен. сообщений Западного фронта, с янв. 1917 товарищ министра путей сообщения

на театре воен. действий. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, содержался в Быховской тюрьме. В Добр. армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии. В 1918 на Украине, состоял при Гетмане. Во ВСЮР нач. эксплуатационного отдела управления путей сообщения при ставке Главнокомандующего. Ген.-лейт. Расстрелян большевиками при отступлении белых в 1919 в Полтаве.

[174] **Украинцев Николай Петрович**, р. 1886. Обр.: МАУ 1905. Офицер артиллерии. Полк., член Петроградского военно-окружного суда, следователь по делу ген. Корнилова. В эмиграции. Автор воспоминаний.

[175] **фон Раупах Александр-Роберт-Карл-Ричард Робертович**, р. 1870. КВУ 1892. Полк. военно-судебного ведомства. Преследовался как контрреволюционер. В эмиграции в Финляндии. Ум. 1943 в Гельсингфорсе.

[176] **Корниловский ударный полк (1-й Корниловский ударный полк)**. Создан приказом по 8-й армии (ген. Л. Г. Корнилова) 19 мая 1917 из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 авг. преобразован в полк (4 батальона). В авг. 1917 переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в *Добровольческую армию*. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 дек. 1917, а к 1 янв. 1918 собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На Таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 шт. при 4 пул.), 30 янв. 1918 смененная офицерской ротой (120 чел.). 11–13 фев. 1918 в ст. Ольгинской при реорганизации *Добровольческой армии* в нач. *1-го Кубанского похода* в полк были влиты *Георгиевская рота* и *Офицерский отряд полка Симановского*. При выступлении насчитывал 1220 чел. (в т. ч. 100 чел. *Георгиевской роты*), треть его составляли офицеры. С середины мар. 1918 входил в состав 2-й бригады, с нач. июня 1918 — *2-й пех. див.*, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 янв. 1919 входил в состав *1-й пех. див.* На 1 янв. 1919 насчитывал 1500 чел., в сен. 1919 — 2900 при 120 пул. (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 окт. 1919 имел 945 шт. при 26 пул. С 12 июля 1919 — 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 окт. 1919 *Корниловской див.* вошел в нее тем же номером.

[177] **Неженцев Митрофан Осипович (Иосифович)**, р. 1886. Обр.: Николаевская гимназия, Александровское ВУ 1908, АГШ 1914. Подполк., командир 1-го Ударного полка. Участник боев в Киеве окт. 1917. В Добровольческой армии; 19 дек. 1917 привел в Новочеркасск остатки полка и стал командиром Корниловского ударного полка. Полк. участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит 30 мар. 1918 под Екатеринодаром.

[178] **Брагин Александр Павлович**. Капитан (подполк.), заведующий канцелярией штаба Верховного главнокомандующего. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917. Быховец.

[179] **Пронин Василий Михайлович**, р. 22 фев. 1882. Из дворян Черниговской губ. Обр.: Нежинское городское училище, Чугуевское ВУ 1904, АГШ 1913. Подполк., штаб-офицер для поручений управления ген.-кварт. при Ставке Верховного главнокомандующего, товарищ председателя Главного комитета Союза офицеров. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добровольческой армии с нояб. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного»)

похода в штабе армии. Во ВСЮР с 22 сен. 1918 помощник нач. управления Генштаба, с 1 окт. 1918 помощник нач. части Генштаба Военного и Морского отдела в Русской Армии, редактор газеты «Военный Голос» до эвакуации Крыма. Полк. (до окт. 1918). В эмиграции в Югославии, нач. канцелярии Державной комиссии в Белграде. 1921–41 редактор «Военного Сборника», 1930–40 редактор газеты «Русский Голос», 1933–1938 редактор газеты «Первопоходник», преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде. С 1948 в Бразилии. Ум. 30 янв. 1965 в Сан-Пауло (Бразилия).

[180] **Новосильцов (Новосильцев) Леонид Николаевич**, р. 1872. Обр.: Нижегородский КК, МАУ 1892, Военно-юридическая академия. Подполк., командир 19-й запасной ополченской батареи, член Гос. Думы, предс. Главного комитета Союза офицеров. Быховец. В Добр. армии с нояб. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В эмиграции с марта 1922, член ЦК Русского Народно-Монархического Союза. 1923—1926 преподаватель Первого русского кадетского корпуса. Ум. 22 окт. 1934 в Сараево (Югославия).

[181] **Родионов Иван Александрович**, р. 21 окт. 1866 в ст. Камышовской Области Войска Донского. Обр.: Новочеркасское ВУ 1887. Писатель. Есаул, командир 39-й Донской казачьей сотни, редактор газеты «Армейский вестник» Юго-Западного фронта, член Главного комитета Союза офицеров. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добровольческой армии с нояб. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии. В Донской армии; войсковой старшина, нач. Осведомительного отдела армии, редактор газеты «Донской край». Полк. Вышел в отставку 4 апр. 1920. В эмиграции в Югославии, Франции, Германии. Участник монархического движения. Публицист. Ум. 24 янв. 1940 в Берлине.

[182] **Соотс Иван Генрихович**, р. 29 фев. 1880. Из крестьян Лифляндской губ. Рижский учительский институт, Виленское ПЮУ 1904, АГШ 1913. Подполк. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. Вернулся в Эстонию, с 6 дек. 1917 один из организаторов Эстонской армии, нач. штаба и нач. 1-й див., с конца 1918 нач. штаба Эстонской армии, с 1920 воен. министр Эстонии.

[183] **Ряснянский Сергей Николаевич**, р. 1 окт. 1886. Из дворян. Обр.: Полтавский КК 1904, Елисаветградское кав. училище 1906, АГШ 1914. Офицер 10-го гусарского полка. Капитан, в распоряжении нач. штаба Румынского фронта. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добр. армии с нояб. 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в разведыват. отделе штаба армии. 23 мар. 1918 командирован к ген. П. Х. Попову. В апр. 1918 подполк., нач. разведыват. (контрразведыват.) отдела штаба армии; с конца 1918 полк., нач. штаба конной группы Донской армии, с 25 мар. 1920 в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, 24 апр. — 10 окт. 1920 командир Гвардейского кав. полка, сен. 1920 командир 2-й бригады 2-й кав. див., 12–14 окт. 1920 врио командира Гвардейского кавалерийского полка. Галлиполиец, командир 4-го кав. полка. В эмиграции в Югославии. Во время Второй мировой войны служил нач. штаба в 1-й Русской Национальной армии. После 1945 — в США, с 1954 нач. Северо-Американского отдела РОВС и зам. нач. РОВС, редактор «Вестника совета российского зарубежного воинства». Ум. 26 окт. 1976 в Нью-Йорке.

[184] **Римский-Корсаков Александр Александрович**. В службе и классном чине с 1871. Тайный советник, сенатор, член Государственного Совета. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец (освобожден 27 сен. 1917). С лета 1919 нач. гражданского управления Русской Западной армии (сен. 1919 отказался от участия в правительстве), был связан с командованием Северо-Западной армии, с 6 окт. 1919 член Совета Управления при командующем Русской Западной армии, управляющий отделом судебных дел. В эмиграции в Германии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Ум. 13 сен. 1922 в Берлине.

[185] **Эльснер Евгений Феликсович**, р. 12 дек. 1867. Обр.: Тифлисский КК 1885, МАУ 1888, АГШ 1895. Офицер 18-й конно-арт. батареи, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1897, подполк. с 1901, полк. с 1905, ген.-майор с 1911, ген.-лейт. с 1915. С 1904 нач. штаба 6-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи, с 1906 в прикомандировании к ГУГШ, с 1907 делопроизводитель и нач. Азиатского отделения ГШ, с 1910 пом. нач. отделения по устройству и службе войск ГУГШ, с 1912 пом. нач. Главного упр. по квартирному довольствию войск, с 23 июля 1916 главный нач. снабжения Ю.-З. фронта. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917 и боев в Киеве в окт. 1917. Во время Гражданской войны — в Добр. армии, с янв. 1918 нач. снабжения армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с лета 1918 по март 1919 представитель Добрармии при атамане ВВД. В начале 1920 выехал в Югославию. Ум. 5 июля 1930 в Белой Церкви (Югославия).

[186] **Орлов Михаил Иванович**, р. 3 нояб. 1875. Обр.: 1-й Московский КК 1893, МАУ 1896, АГШ 1902. Офицер л.-гв. 2-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан с 1902, подполк. с 1906, полк. с 1911, ген.-майор с 1916. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1909 пом. нач. отделения ГУГШ, с 1911 заведующий передвижением войск Казанского района, с 8 апр. 1915 командир 100-го пех. полка, с 13 авг. 1915 в резерве чинов при штабе Двинского ВО, с 30 мая 1916 нач. штаба 18-й пех. див., с 17 дек. 1916 ген.-кварт. 1-й армии, с 1917 ген.-кварт. штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, содержался в Быховской тюрьме.

[187] **Клецанда Владимир Войцехович**. Поручик, переводчик штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В белых войсках Восточного фронта; подполк., 1919 ген.-квартирмейстер Чехословацкого корпуса и Уральского фронта. Вернулся в Чехословакию, к 1924 воен. атташе во Франции. Ген.-майор.

[188] **Будилович Борис Антонович**. Коллежский секретарь, переводчик разведывательного отдела штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии, затем переводчик разведывательного отделения штаба армии, с 8 окт. до 4 нояб. 1918 помощник нач. политической канцелярии Главнокомандующего. Ум. в 1920.

[189] **Духонин Николай Николаевич**, р. 1 дек. 1876. Из дворян. Обр.: Киевский КК 1894, АВУ 1896, АГШ 1902. Офицер л.-гв. Литовского полка; подполк. с 1907, полк. с 1911, ген.-майор с 1915, ген.-лейт. с 1917. С 1912 старший адъютант штаба Киевского ВО, с 2 сен. 1914 старший адъютант отдела ген.-кварт. штаба 3-й армии, с 20 апр. 1915 командир 165-го пех. полка, с 8 сен. 1915 ген. для поручений

при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта, с 22 дек. 1915 пом. ген.-кварт., с 5 июня 1916 ген.-квартирмейстер, с 29 мая 1917 и. д. нач. штаба того же фронта, с 4 авг. 1917 нач. штаба Западного фронта, сен. 1917 нач. штаба Верховного главнокомандующего, с 1 нояб. 1917 врио Главнокомандующего. Убит большевиками 20 нояб. 1917 в Могилеве.

[190] **Кусонский Павел Алексеевич**, р. 7 янв. 1880. Обр.: Полтавский КК 1897, МАУ 1900, АГШ 1911. Офицер 10-й арт. бригады. Полк., нач. оперативного отдела Ставки ВГК. В Добровольческой армии и ВСЮР; с июня 1918 ген. для поручений при Главнокомандующем, с 1 янв. 1919 ген.-квартирмейстер штаба Добровольческой армии (с мая — Кавказской армии), летом–осенью 1919 нач. штаба 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии и. д. нач. гарнизона Симферополя, с авг. 1920 нач. штаба 3-го арм. корпуса, к окт. 1920 нач. штаба 2-й армии до эвакуации Крыма. Затем помощник нач. штаба Главнокомандующего. Ген.-лейт. (с 16 фев. 1922). В эмиграции во Франции, в распоряжении председателя РОВС, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Генштаба, с 1934 нач. канцелярии РОВС, с 1938 в Бельгии. Арестован немцами 1941 в Брюсселе. Ум. 22 авг. 1941 в лагере Бреендонк.

[191] **Одинцов Сергей Иванович**, р. 2 июля 1874. Обр.: Александровский КК 1893, НКУ 1895, АГШ 1902, ОКШ. Офицер 36-го драгунского полка. Ротмистр с 1902, подполк. с 1907, полк. с 1911, ген.-майор с 1916. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1912 нач. штаба 3-й Кавказской каз. див., с 24 июля 1915 командир Приморского драгунского полка, с 24 окт. 1916 по 1917 нач. штаба Заамурской конной див. В 1918 мобилизован большевиками, командующий армией. Расстрелян большевиками 21 мар. 1920 в Ростове.

[192] **Шавельский Георгий Иванович**, р. 5 янв. 1871 в Витебской губ. Обр.: Витебская духовная семинария, СПб. духовная академия. Настоятель церкви штаба ВГК, протопресвитер воен. и морского духовенства. В Добровольческой армии и ВСЮР с 27 нояб. 1918 до эвакуации Новороссийска. Эвакуирован в апр. 1920 из Севастополя на корабле «Тигр». В эмиграции в Болгарии. Ум. 2 окт. 1951 в Софии.

[193] **Чернецов Василий Михайлович**, р. 22 мар. 1890 в ст. Калитвенской. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Обр.: Каменское реальное училище 1907, Новочеркасское ВУ 1909. Офицер 9-го Донского каз. полка. Есаул, командир сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей див., комендант Макеевских рудников. В нояб. 1917 организовал и возглавил партизанский отряд своего имени, с которым совершил ряд успешных рейдов на Новочеркасском направлении. Полк. (с янв. 1918). Взят в плен и убит 21 янв. 1918 под ст. Глубокой.

[194] **Семилетов Эммануил Федорович**, р. 16 июня 1873. Из казаков ст. Богоявленской Области Войска Донского. Обр.: Новочеркасское каз. юнкерское училище 1893 (офицером с 1894). Офицер 12-го Донского каз. полка. Войсковой старшина (из отставки; 1917) 15-го Донского каз. полка. В Донской армии; с конца 1917 командир партизанского отряда, полк. Участник Степного похода, нач. собственного отдельного отряда. с 11 апр. 1918 командующий Северной группой. Вышел в отставку 8 мая 1918. В Добр. армии и ВСЮР; с 10 окт. 1918 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 6 дек. 1918 командир

Донского пешего батальона, с 11 янв. 1919 и на 22 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 6 фев. 1919 командующий партизанскими отрядами Донской армии, с апр. 1919 нач. Сводно-Партизанской див., с мая по окт. 1919 нач. 3-й отдельной Донской добровольческой бригады. Г.-майор (с 27 апр. 1918). С окт. 1919 в отставке. Ум. от тифа 9 дек. 1919 в Новочеркасске.

[195] Имеется в виду Сводно-Офицерская рота. Первая воинская часть *Добровольческой армии*. Создана 4 нояб. 1917 в Новочеркасске в лазарете № 2 в доме № 39 по Барочной улице при посещении ген. Алексеевым первых добровольцев. Первоначально насчитывала ок. 40 чел.: с ген. Алексеевым в Новочеркасск 2 нояб. прибыло 6–12 чел., на следующий день еще несколько офицеров, и 4 нояб. — партия в 25 чел. во главе с шт.-кап. Парфеновым. Во второй половине нояб. насчитывала до 200 чел. Послужила основой для развертывания всех остальных частей армии в Новочеркасске. В нач. дек. 1917 расформирована и обращена на формирование 2-й, *3-й, 4-й* и 5-й *Офицерских рот*, которые предполагалось развернуть в батальоны. Командиры: шт.-кап. В. Д. Парфенов (4–14 нояб.), шт.-кап. Некрашевич (15 нояб. — нач. дек. 1917).

[196] Юнкерский батальон. Одна из первых частей *Добровольческой армии*, созданных в Новочеркасске. 15 нояб. 917 г. юнкера, кадеты и учащиеся были выделены из *Сводно-Офицерской роты* в Юнкерскую роту (шт.-кап. В. Д. Парфенов) и переведены в лазарет № 23 на Грушевскую ул. 1-й взвод состоял из юнкеров пехотных училищ (главным образом Павловского), 2-й — артиллерийских, 3-й — морских и 4-й — из кадет и учащихся. 19 нояб., по прибытии большой партии юнкеров-артиллеристов, 2-й взвод был развернут в отдельную часть — *Сводную Михайловско-Константиновскую батарею*, а сама рота развернулась в батальон (две юнкерских и «кадетская» роты). Во второй половине нояб. насчитывал св. 150 чел. В нач. дек. сведен в двухротный состав («юнкерская» и «кадетская»). Ко времени выступления в *1-й Кубанский поход* насчитывал 120 чел. При реорганизации армии в нач. 1-го Кубанского похода 11–13 фев. 1918 в ст. Ольгинской вошел в состав *Особого юнкерского батальона*. Командир — шт.-кап. В. Д. Парфенов; командиры рот: 1-й — ротм. Скасырский, 2-й — шт.-кап. М. В. Мезерницкий.

[197] Имеется в виду Георгиевская рота. Одна из первых частей *Добровольческой армии*, созданных в Новочеркасске. Формировалась с середины нояб. 1917 из кадра Георгиевского полка, насчитывая тогда 50–60 чел. С начала дек. при формировании 5 Офицерских рот, получила № 1-й, с 13 дек. — снова Георгиевская. При реорганизации армии в нач. 1-го Кубанского похода 11–13 фев. 1918 в ст. Ольгинской вошла в состав *Корниловского ударного полка*. Командир — полк. И. К. Кириенко.

[198] Имеется в виду Техническая рота. Одна из первых частей *Добровольческой армии*. Сформирована в дек. 1917 (3 фев. 1918) Ростове и пополнена добровольцами, записавшимися в ростовском Бюро Записи добровольцев. Послужила впоследствии кадром для *Марковских железнодорожной, инженерной* и телефонографной рот. Насчитывала ок. 120 чел. Участвовала в *1-м Кубанском походе*. С середины мар. 1918 — *1-я инженерная рота*. Командиры: полк. Н. И. Кондырин, полк. Банин (с 21 фев. 1918).

[199] Имеется в виду 1-й кавалерийский дивизион (дивизион полк. Гершельмана). Первая кавалерийская часть *Добровольческой армии*. 18 дек. 1917 полк. *Лейб-*

гвардии Уланского Его Величества полка В. С. Гершельману было разрешено приступить в Ростове к формированию 1-го кав. дивизиона. 6 янв. 1918 переведен в Таганрог. К 30 дек. в 1-м эскадроне было 18 офицеров, во 2-м — 26 добровольцев при 4-х офицерах, к 10 янв. 1918 дивизион насчитывал 138 чел. (63 офицера, 2 врача, сестра милосердия и 2 добровольца в 1-м и 62 добровольца при 5 офицерах во 2-м эскадронах). Среди офицеров было 3 полк., 3 подполк., 6 ротмистров (и им равных), 18 шт.-ротм., 13 поручиков, 24 корнета и 4 прапорщика, представлявших 5 драгунских, 8 уланских, 7 гусарских полков и другие части; 5 офицеров были из л.-гв. Уланского Его Величества полка, по 4 — *4 Харьковского* и *15 Татарского уланских*, по 3 — *17 уланского Новомиргородского*, *11 гусарского Изюмского*, *2 драгунского Псковского* и 1 Заамурского полков, 6 — пограничной стражи и 10 — казачьих частей. С 13 янв. 1918 — в боях под Таганрогом и при отходе к Ростову (потеряв убитыми 8 офицеров и 6 добровольцев и ок. 30 чел. ранеными и обмороженными), после чего, сведенный в офицерский эскадрон (63 чел.), принял участие в *1-м Кубанском («Ледяном») походе*. 26 мар. 1918 влит в *1-й конный ген. Алексеева полк*. Командиры эскадронов: 1-й — подполк. Селиванов. 2-й — подполк. Балицкий.

[200] Имеется в виду 3-я Офицерская (Гвардейская) рота. Одна из первых частей *Добровольческой армии*. Создана в Новочеркасске в нач. дек. 1917 из кадра расформированной *Сводно-Офицерской роты*. Состояла из офицеров гвардейских полков. В конце дек. переведена в Ростов и пополнена добровольцами, записавшимися в Бюро Записи добровольцев в Ростове. Тогда же выделена в *Отряд полк. Кутепова*, составив его ядро. 29 янв. 1918 влита в *3-й Офицерский батальон*. Насчитывала 70 чел. При выходе из Ростова 9 фев. потеряла 16 чел. Командир — полк. А. П. Кутепов.

[201] **Назаров Анатолий Михайлович**, р. 12 нояб. 1876 в ст. Константиновской Области Войска Донского. Обр.: Донской КК 1894, МАУ 1897, АГШ 1903. Офицер 16-й Донской каз. батареи, затем на должностях Генштаба. Капитан с 1905, подполк. с 1908, полк. с 1912, ген.-майор с 1915. С 1909 преподаватель Одесского, а с 1912 Тифлисского воен. училищ, с 6 авг. 1914 командир 20-го Донского каз. полка, с 9 дек. 1915 в резерве чинов при штабе Петроградского ВО, с 4 фев. 1916 нач. 2-й Забайкальской каз. бригады, с 24 мар. 1917 командующий 8-й Донской каз. дивизией, с 18 апр. 1917 — Кавказской кав. дивизией, с 27 авг. 1917 нач. штаба 7-го Кавказского арм. корпуса, с нояб. 1917 нач. гарнизона Таганрога, с 15 дек. 1917 походный атаман Донского каз. войска, с 29 янв. 1918 войсковой атаман Донского каз. войска. Расстрелян большевиками 18 фев. 1918 в Новочеркасске.

[202] В самом нач. похода в ст. Ольгинской армия, состоявшая до того из 25 отдельных частей, была реорганизована (батальоны превратились в роты, роты — во взводы) и стала включать: *Сводно-Офицерский, Корниловский ударный* и *Партизанский полки, Особый Юнкерский батальон, 1-й легкий артиллерийский дивизион, Чехословацкий инженерный батальон, Техническую роту, 1-й кавалерийский дивизион, Конный отряд полк. Глазенапа, Конный отряд подполк. Корнилова, Охранную роту штаба армии,* конвой командующего армией и походный лазарет (доктор Трейман).

[203] **1-й Кубанский («Ледяной») поход**. Первый поход *Добровольческой армии* с Дона на Кубань. Продолжался с 9 фев. по 30 апр. 1918. Оставив Ростов, армия

пошла на Екатеринодар, имея целью соединиться с кубанскими белыми частями. Однако после начала похода выяснилось, что он уже оставлен *Кубанским отрядом*. Соединившись с последним в сер. мар., армия 30–31 мар. предприняла неудачную попытку взять город (при соотношении сил 1 к 10 в пользу красных). После смерти ген. Л. Г. Корнилова выступила в обратный путь на Дон, где уже началось восстание казачества. За 80 дней похода (из которых 44 дня боев) армия прошла 1050 верст. Участникам похода пришлось претерпеть тяжелые лишения, справедливо создавшие «первопоходникам» тот ореол мученичества, которым они были окружены впоследствии. Именно эти люди стали ядром и душой Белого движения на Юге России, из их числа выдвинулись почти все видные командиры белых частей («первопоходниками» были практически все командиры батальонов и полков и большинство командиров рот Добровольческой армии), многие из них дослужились до высоких чинов. Среди 3683 участников похода было 36 генералов (в т. ч. 3 генерала от инфантерии и генерала от кавалерии и 8 ген.-лейт.), 190 полковников, 50 подполковников и войсковых старшин. После возвращения Добровольческой армии на Дон она была реорганизована и пополнилась новыми добровольцами. Для участников похода установлен знак в виде серебряного тернового венка, пересеченного снизу вверх направо серебряным мечом рукоятью вниз, носившийся на Георгиевской ленте с розеткой национальных цветов.

[204] **Ратьков-Рожнов Владимир Александрович**, р. 1894. Капитан л.-гв. Преображенского полка. В Добровольческой армии; дек. 1917 в 3-й Офицерской (гвардейской) роте. Убит 9 фев. 1918 в Ростове (Нахичевань) при начале 1-го Кубанского («Ледяного») похода.

[205] **Ратьков-Рожнов Николай Александрович**. Штабс-капитан л.-гв. Преображенского полка. В Добровольческой армии с лета 1918 в 6-й (гвардейской) роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Убит 15 (22) июля 1918 у Кореновской.

[206] **Толстов Николай**. Обр.: Тверское кавалерийское училище 1915. Офицер Туркменского кон. дивизиона. Штабс-ротмистр Текинского кон. полка. 1918 в Быхове, адъютант ген. Корнилова. В мар. 1918 в Царицыне.

[207] **Масленников Сергей Александрович**, р. 1891. Офицер с 1914. Лейт. В Добровольческой армии; в мар.–мае 1918 на связи между армией и Национальным центром в Москве. Арестован в 1918.

[208] **Натиев Александр**, р. 1873. Константиновское арт. училище 1894, МАА. Ген.-майор, командир 4-й арт. бригады. 1918 в гетманской армии; с весны до 17 окт. 1918 командир Запорожской див. (15 окт. 1918 утвержден в чине генерального хорунжего со старшинством с 20 мая). В Добровольческой армии с осени 1918, инспектор формирования войск на Кавказе. Убит 16 июня 1919 в Батуме.

[209] **Южная армия**. Формировалась летом 1918 в Киеве союзом *«Наша Родина»* (герц. Г. Лейхтенбергский и М. Е. Акацатов), имела монархическую и прогерманскую ориентацию. В июле 1918 при союзе в Киеве было образовано бюро (штаб) армии, которым руководили полк. Чеснаков и Вилямовский, имевшее целью вербовку добровольцев и отправку их в Богучарский и Новохоперский уезды Воронежской губ., где формировалась 1-я дивизия ген.-майора В. В. Семенова. нач. штаба армии был приглашен ген.-майор К. К. Шильдбах, нач. контрразведки армии в Киеве в авг. 1918 был будущий создатель *Русской Западной армии*

подполк. П. Р. Бермондт (кн. Авалов). В авг. началось формирование 2-й див. ген.-лейт. Г. Г. Джонсона в Миллерово и штаба корпуса. В течение 3-х месяцев по всей Украине было открыто 25 вербовочных бюро, через которые отправлено в армию около 16 тыс. добровольцев, 30 % которых составляли офицеры, и около 4 тыс. в *Добровольческую армию* через Донского атамана П. Н. Краснова. В Пскове вербовочное бюро армии возглавлял подполк. Бучинский. В конце авг. были сформированы эскадрон 1-го Кон. полка (полк. Якобсон) в Чертково и пех. батальон в Богучаре. В штаб армии начали поступать предложения от целых офицерских составов кавалерийских и пехотных полков, сохранивших свои знамена и штандарты, вступить в армию при условии сохранения их частей.

Идею создания армии активно поддерживал гетман П. П. Скоропадский. Именно он передал в армию кадры 4-й пех. див. (*13-й Белозерский и 14-й Олонецкий полки*), из которых планировалось еще весной создать Отдельную Крымскую бригаду украинской армии. Кроме того, Южной армии были переданы кадры 19-й и 20-й пехотных дивизий, почти не использованные в гетманской армии. Именно они послужили основой для 1-й и 2-й дивизий Южной армии. Немецкое командование, видя в Добровольческой армии силу себе враждебную, препятствовало поступлению в нее добровольцев, поощряя, напротив, комплектование Южной армии, в результате чего многие офицеры были дезориентированы и в итоге не попали ни в одну из них.

Предполагалось, что Южная армия будет действовать вместе с *Донской*, и П. Н. Краснов требовал перевода этих формирований в Кантемировку. 30 сен. 1918 Донской атаман издал приказ о формировании Особой Южной армии из трех корпусов: Воронежского (бывшая Южная армия), Астраханского (бывшая *Астраханская армия*) и *Саратовского* (бывшая Русская народная армия) во главе с ген. Н. И. Ивановым (нач. штаба ген. Залесский). Осенью 1918 она насчитывала более 20 тыс. чел., из которых на фронте находилось около 3 тыс. бойцов. После перевода частей Южной армии в район Чертково и Кантемировки обнаружилось, что их насчитывается едва 2000 чел., в т. ч. не более половины боеспособных. К октябрю боевой элемент Южной армии исчислялся всего 3,5 тыс. чел. К концу окт., после четырех месяцев формирования армия насчитывала едва 9 тыс. шт. Она (теперь под названием «Воронежский корпус»; ген.-лейт. кн. Н. П. Вадбольский) была передана *Северо-Восточному фронту* Донской армии, и 7 нояб. 1918 ген. Семенов со своей дивизией выступил на фронт. Однако в нояб. при 3000 шт. на фронте армия имела в тылу более 40 штабов, управлений и учреждений и в ней числилось около 20 тыс. чел. Части армии, действовавшие на Воронежском направлении, понесли большие потери. В фев.–марте 1919 они были переформированы и вошли в состав *6-й пех. див. ВСЮР*.

[210] **Астраханская армия**. Формировалась рядом организаций крайне правого направления в Киеве летом 1918 независимо от *Южной армии*, но одновременно с ней и в отличие от последней была очень тесно связана с германским командованием. Одним из ее организаторов был полк. Потоцкий. Как и Южная, формировались при непосредственном участии гетмана П. П. Скоропадского: ей были переданы значительные суммы из украинской казны. В армии служило также немало офицеров-уроженцев нижнего Поволжья. После *1-го Кубанского похода* в Астраханскую армию из *Добровольческой* по призыву шт.-кап. В. Д. Пар-

фенова перешли до 40 только что произведенных в нем офицеров (через полтора месяца от них осталось 8 чел.). Части армии, действовавшие на Царицынском направлении, понесли большие потери. 30 сен. 1918 приказом Донского атамана была преобразована в Астраханский корпус (корпус Астраханского казачьего войска) и включена вместе с частями Южной армии и *Русской народной армии* в состав Особой Южной армии. Астраханский корпус во главе с Астраханским атаманом полк. кн. Тундутовым (нач. штаба полк. Рябов) насчитывал около 3000 чел. пехоты и 1000 конницы и оборонял степи за Манычем. Реально в корпусе был сформирован лишь 1-й Астраханский пех. (1-й Астраханский добровольческий) полк. 12 апр. 1919 корпус был расформирован, и его части вошли в состав *Астраханской отд. кон. бригады* и *6-й пех. див. ВСЮР.*

[211] Имеется в виду Русская народная армия. Формировалась летом 1918 на севере Донской области при непосредственном участии гетмана П. П. Скоропадского (ей из украинской казны были переданы значительные суммы). Комплектовалась из крестьян Саратовской губ. 30 сен. 1918 приказом Донского атамана была преобразована в Саратовский корпус и включена вместе с частями *Южной армии* и *Астраханской армии* в состав Особой Южной армии. Корпус действовал в составе *Донской армии* на Царицынском направлении. Реально в нем было сформировано лишь несколько отдельных «полков» крайне малой численности, представлявших кадры некоторых полков Императорской армии (*42 Якутского,* 187 Аварского и др.), несколько отдельных сотен, рот и эскадронов, а также Технический батальон. Части корпуса, действовавшие на Воронежском направлении, понесли большие потери. 15 мар. 1919 Саратовский корпус был переформирован в *Саратовскую отдельную бригаду*, а позже его части вошли в состав *6-й пех. див. ВСЮР.*

[212] **граф Келлер Федор Артурович**, р. 12 окт. 1857 в Курске. Обр.: Приготовительный пансион НКУ 1877, офицерский экзамен при Тверском кав. юнкерском училище, ОКШ. Произведен в офицеры за боевое отличие 1878. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Ротмистр с 1887, подполк. с 1894, полк. с 1901, ген.-майор с 1907, ген.-лейт. с 1913, ген. от кавалерии с 1917. С 1904 командир 15-го драгунского полка, с 1906 командир л.-гв. Драгунского полка, с 1910 командир 1-й бригады Кавказской кав. див., с 1912 нач. 10-й кав. див., с 3 апр. 1915 командир 3-го кавалерийского корпуса. С 5 апр. 1917 в отставке. Во время Гражданской войны — предполагаемый возглавитель Северной Армии. 19–26 нояб. 1918 главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины в гетманской армии. Убит петлюровцами 21 дек. 1918 в Киеве.

[213] **князь Долгоруков Александр Николаевич**, р. 27 дек. 1872 в Санкт-Петербурге. Из дворян Московской губ. Обр.: ПК 1893, Курс восточных языков, АГШ 1905. Офицер Кавалергардского полка. Ротмистр гвардии с 1905, полк. с 1908, ген.-майор с 1912, ген.-лейт. с 1917. Участник Русско-японской (ранен) и 1-й мировой войн. С 1912 командир Кавалергардского полка, с 10 нояб. 1914 нач. 3-й Донской каз. див., с 1917 командир 1-го кав. корпуса. Летом 1918 член антисоветской организации в Петрограде. Во время Гражданской войны — в гетманской армии, с 26 нояб. 1918 главнокомандующий всеми воор. силами на территории Украины. С дек. 1918 в Германии, затем в Северо-Западной армии (с 6 сен. 1919). В эмиграции в Эстонии, затем во Франции (Париж),

с фев. 1924 в Бельгийском Конго, с 1929 в Марокко, нач. отдела РОВС. Ум. 17 янв. 1948 в Рабате (Марокко).

[214] Отряд начал формироваться 15 дек. 1917 в Яссах (где размещался штаб фронта и куда стекалось много офицеров, покинувших свои разложившиеся части) нач. 14-й пех. див. полк. М. Г. Дроздовским при поддержке офицеров штаба фронта кап. Федорова и полк. Давыдова. Первыми добровольцами стали 9 офицеров 61-й артиллерийской бригады во главе с капитаном С. Р. Ниловым. Поступавшие в 1-ю бригаду Русских Добровольцев давали подписку сроком на 6 мес. Первое время бригада существовала неофициально: штаб фронта лишь закрывал глаза на ее деятельность, но 24 янв. 1918 ген. Щербачев решился открыто поддержать формирование добровольческих частей. Решено было сформировать 2-ю бригаду в Кишиневе и 3-ю в Болграде.

2-я бригада ген. Белозора в Кишиневе (около 1000 чел.) была распущена, но Дроздовский отказался подчиниться и, пробившись сквозь заслоны румынских войск, пытавшихся разоружить отряд, со своей бригадой и присоединившимися к ней офицерами 2-й бригады (60 чел.) и других частей 26 фев. 1918 вышел в поход на Дон. Командир 2-го Балтийского морского полка в Измаиле полк. Жебрак, собрав всех своих офицеров, выступил на соединение с Дроздовским.

Пройдя с боями 1200 верст, отряд 21 апр. 1918 взял Ростов и соединился с восставшими казаками, 24 апр. освободив вместе с ними Новочеркасск. В Новочеркасске в результате активной записи добровольцев через 10 дней Офицерский полк развернулся из одного батальона в три, а численность отряда возросла до 3 тыс. чел. 27 мая отряд полк. Дроздовского торжественно соединился с Добровольческой армией и был преобразован в *3-ю пех. дивизию*. Приказом Главнокомандующего от 25 нояб. 1918 за № 191 для участников похода была установлена особая медаль.

[215] **Харламов Василий Акимович**, р. 1875. Член Гос. Думы. 1918 председатель Донского Войскового Круга. Эвакуирован из Феодосии. Летом 1920 на о. Лемнос. 1920–1921 член Земгора. В эмиграции в Аргентине, член правления Союза Российских Антикоммунистов. Ум. 13 мар. 1957 в Буэнос-Айресе.

[216] **Агеев Н. П.** Товарищ председателя Донского войскового Круга, член Южнорусского правительства. Расстрелян большевиками по делу «Казачьего блока» 3 апр. 1931 в Москве.

[217] **Парамонов Николай Елпидифорович**, р. ок. 1872–1876. Донской промышленник. В Добровольческой армии; в его доме в Ростове располагался штаб армии; с 16 янв. 1919 — мар. 1919 управляющий отделом пропаганды (нач. Осваг), член Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР, председатель военно-промышленного комитета ВСЮР. Летом 1920 на о.Халки.

[218] **Черячукин Александр Васильевич**, р. 18 мар. 1872 в ст. Константиновской. Обр.: Донской КК 1890, МАУ 1893, АГШ 1899. Офицер л.-гв. 6-й Донской каз. батареи. Войсковой старшина с 1904, полк. с 1908, ген.-майор с 1915. С 1910 нач. штаба 10-й кав. див., с 1913 командир 11-го Донского каз. полка, с 3 июня 1915 нач. штаба 4-й кав. див., с 26 сен. 1917 командующий 2-й каз. сводной дивизией. Во время Гражданской войны — в Донской армии, ВСЮР и Русской Армии; с мар. 1920 директор Донского КК до его расформирования

в 1923, эвакуирован с корпусом в Египет. Ген.-лейт. (30 сен. 1918). В эмиграции во Франции, председатель Союза Донской артиллерии. Ум. 12 мая 1944 в Ницце (Франция).

[219] **Филимонов Александр Петрович**, р. 1866 ст. Григорополисской. Обр.: Киевский КК 1884, Александровское ВУ 1886, Военно-юридическая академия, Археологический институт. Полк., атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего войска, с 1917 председатель Кубанского правительства, с 12 окт. 1917 войсковой атаман Кубанского казачьего войска до 10 нояб. 1919. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Ген.-лейт. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Югославии, председатель Союза Первопоходников. Ум. 4 авг. 1948 в Осеке (Югославия).

[220] **Быч Лука Лаврентьевич**, р. 1870 в ст. Павловской Кубанской обл. Обр.: Московский ун-т. Бакинский городской голова. С мар. 1917 нач. снабжения Кавказской армии. В Добровольческой армии и ВСЮР. Председатель Кубанского правительства 1917–1918. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанском отряде. В эмиграции в Чехословакии. Ум. 1945 в Праге.

[221] **Рябовол Николай Степанович**, р. 17 дек. 1883. Из казаков ст. Динской Кубанской обл. Обр.: Екатеринодарское реальное училище, Киевский политехнический институт (не окончил), Алексеевское инженерное училище 1915. Прапорщик саперного батальона. Председатель правления Черноморско-Кубанской железной дороги. Председатель Кубанской законодательной Рады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отряде Кубанской рады. Убит 13 июня 1919 в Ростове.

[222] **Макаренко Иван Леонтьевич**, р. 1882. Из казаков ст. Новощербиновской Кубанской обл. Обр.: Кубанская учительская семинария, НКУ 1915. Хорунжий Кубанского казачьего войска, член Кубанского правительства. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отряде Кубанской рады. С лета 1918 уполномоченный Кубанского правительства при правительстве ВВД, окт. 1918 председатель Законодательной рады, лидер «черноморцев». В нояб. 1919 скрылся. В эмиграции с апр. 1920 в Чехословакии. Убит 7 мая 1945 в Праге при взятии Праги частями РОА.

[223] **Богаевский Африкан Петрович**, р. 27 дек. 1872. Из дворян Области Войска Донского, ст. Каменской. Обр.: Донской КК 1892, НКУ 1892, АГШ 1900. Офицер л.-гв. Атаманского полка, затем на должностях Генштаба; подполк. с 1904, полк. с 1908, ген.-майор с 1915. С 1909 нач. штаба 2-й гвард. кав. див., с 18 окт. 1914 командир 4 гусарского полка, с 14 янв. 1915 командир л.-гв. Сводно-каз. полка, с 4 окт. 1915 нач. штаба походного атамана всех казачьих войск, с 7 апр. 1917 командующий 1-й Забайкальской каз., а с 19 авг. 1917 — 1-й гвард. кав. дивизиями. Во время Гражданской войны — в Донской армии; янв. 1918 командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир Партизанского полка и с 17 мар. 1918 2-й бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918, председатель Совета управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 6 фев. 1919 войсковой атаман Донского казачьего войска. Ген.-лейт. (с 27 авг. 1918). В эмиграции с нояб. 1921 в Софии, с окт. 1922 в Белграде, с нояб. 1923 в Париже, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Генштаба. Автор воспоминаний. Ум. 21 окт. 1934 в Париже.

[224] **Денисов Святослав Варламович**, р. 10 сен. 1878 в ст. Луганской Области Войска Донского. Казак ст. Пятиизбянской. Обр.: Донской КК 1896, МАУ 1898, АГШ 1908. Офицер 10-й Донской каз. батареи. Полк., командир 11-го Донского каз. полка. В Донской армии; с 4 апр. 1918 нач. штаба Донской армии, с 12 апр. 1918 командующий Южной группой, с 27 апр. 1918 ген.-майор, с 8 мая 1918 командующий Донской армией и управляющий воен. и морским отделом ВВД. Ген.-лейт. (27 авг. 1918). С 2 фев. 1919 в отставке. В эмиграции в Константинополе, с 1922 в Германии, с 1923 в США; председатель Казачьего союза в США. Ум. 19 апр. 1957 в Стратфорде (США).

[225] **Соколов Константин Николаевич**. Профессор Петроградского ун-та. В Добр. армии и ВСЮР; с мар. 1919 нач. Освага. Эвакуирован в начале 1920 из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». Летом 1920 в Константинополе, на о. Лемнос и в Сербии.

[226] **Нератов Анатолий Анатольевич**, р. 1863. Обр.: Александровский лицей 1883. Гофмейстер, товарищ министра иностранных дел. В Добровольческой армии и ВСЮР; с осени 1918 управляющий ведомством внешних сношений Особого Совещания ВСЮР министр иностранных дел, в начале 1920 товарищ мин. ин. дел Южнорусского правительства. Эвакуирован в начале 1920 из Новороссийска. Летом 1920 в Константинополе в управлении иностранных дел правительства ген. Врангеля, 1921–1924 посол в Турции. В эмиграции в Париже. Член правления лицейского объединения во Франции. Ум. после 1929.

[227] **Степанов Василий Александрович**, р. 1872. Из дворян. Обр.: 1-я Тифлисская гимназия, СПб. горный институт 1897. Член Госдумы (кадет), управляющий Министерством торговли и промышленности Вр. пр-ва. 1917–1918 член Правого центра, в мар. 1918 осуществлял связь центра с воен. организации в Москве, летом 1918 член Правого центра и Национального центра в Москве. Во ВСЮР; член Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР. В эмиграции во Франции. Ум. 1920 в Париже.

[228] **Савицкий Вячеслав Дмитриевич**, р. 7 марта 1880 в Екатеринодаре. Оренбургский КК, СПб. технологический институт (не окончил), НКУ. Есаул Собственного Е. И. В. конвоя. В нояб. 1917 глава воен. ведомства Кубани, в конце 1917 — 1918 советник Кубанского правительства. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской дружине. С 12 мар. 1918 полк., член Кубанского краевого правительства по воен. делам, затем командирован во Францию, член Кубанской делегации в Париже, где остался; с 2 дек. 1919 исключен из списков Кубанского казачьего войска. Ген.-майор (с осени 1918). Ум. 12 фев. 1963 в Голливуде (США).

[229] **Успенский Николай Митрофанович**, р. 1875. Из казаков ст. Каладжинской Кубанской обл. Обр.: Ставропольская гимназия 1894, МАУ 1897, АГШ 1905. Полк., командир Кубанской казачьей бригады в Персии, с 1 нояб. 1917 управляющий Кубанским воен. ведомством. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. с 6 дек. 1918 и на 22 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 23 мая 1919 нач. 1-й конной див., командир бригады Кавказской конной див. под Царицыном до 5 сен. 1919 (с июня 1919 врид командира 4-го кон. корпуса), на 5 окт. 1919 нач. 1-й конной див., с 23 окт. 1919 в распоряжении Кубанского атамана, член Кубанского пра-

вительства, с 11 нояб. 1919 Кубанский войсковой атаман. Ген.-майор (с 18 дек. 1918). Ум. от тифа 17 дек. 1919 в Екатеринодаре.

[230] **Зеелер Владимир Феофилович (Феофилактович)**, р. 27 июня 1874. В янв. 1918 градонач. Ростова. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем председатель Донского краевого комитета, с фев. 1920 министр вн. дел Южнорусского правительства. В эмиграции во Франции, 1920–1921 член Земгора, член редкол. газеты «Русская мысль». Ум. 27 дек. 1954.

[231] **Кониев Александр Григорьевич**, р. 1873. В службе с 1891, офицером с 1898. Капитан с 1910.

[232] **Крым Соломон Самойлович**, р. 1867. Обр.: Сельскохозяйственная академия. Член Государственной Думы и Госсовета, председатель Таврического губернского земства, кадет. 15 нояб. 1918 — апр. 1919 предс. и министр земледелия Крымского Краевого правительства. В эмиграции во Франции. Ум. 1936.

[233] **хан Хойский Фатали Искендер-оглы**, р. 7 дек. 1875 в с. Шеки Елисаветпольской губ. Обр.: Московский ун-т 1901. Чиновник Мин.юстиции. 1917 глава Бакинской гор. думы, с 26 мая 1918 по 1920 председатель Совета министров Азербайджана, мин. вн. и ин. дел. Убит 19 июня 1920 в Тифлисе.

[234] **Колесников Иван Никифорович**, р. 7 сен. 1860. Обр.: Владивкавказская воен. прогимназия 1877, Ставропольское КзЮУ 1880. Офицер 1-го Горско-Моздокского полка Терского каз. войска. Есаул с 1899, войсковой старшина с 1908, полк. с 1911, ген.-майор с 1916. С 1912 командующий льготным составом 2 -го Горско-Моздокского полка, с 30 июля 1914 командир того же полка, с 30 апр. 1915 — 1-го Запорожского полка Кубанского каз. войска, с 8 фев. 1916 — бригады 5-й Кавказской каз. див. В Добровольческой армии и ВСЮР с 4 марта 1918 в Екатеринодаре; с 25 октября 1918 командующий войсками Терского каз. войска, 25 ноября 1918 во главе отряда отступил в Дагестан, янв. 1919 нач. терских войск в районе Петровска, после возвращения на Терек, с 28 фев. (с 7 апр.) 1919 нач. 4-й Терской казачьей див.; в июне — окт. 1919 также нач. Грозненского отряда Войск Сев. Кавказа, затем нач. 1-й Терской казачьей див., с 3 дек. 1919 нач. 2-й Терской казачьей див. Ум. янв. 1920.

[235] Имеется в виду Одесская стрелковая бригада (с 27 янв. 1919 — Отдельная Одесская стрелковая бригада) *Добровольческой армии Одесского района*. В Одессе в нояб. 1918 на пароходе «Саратов» под началом ген. А. Н. Гришина-Алмазова из войск 3-го Одесского гетманского корпуса были сформированы офицерские добровольческие части, которые освободили город от петлюровцев. В нач. 1919 ген. Тимановским из них была сформирована Одесская стрелковая бригада. К марту бригада насчитывала 5 тыс. чел. (3350 шт. и 1600 саб.). До 20 мар. 1919 обороняла Одесский район, после чего отошла по Днестру на юг и была переброшена в Новороссийск. В апр. 1919 включала *Сводный полк 15-й пех. див., 42-й пех. Якутский полк*, стрелковый и сводный кавалерийский полки и 4-ю стр. арт. бригаду. 18 мая 1919 развернута в *7-ю пех. дивизию*. Командир — ген.-майор Н. С. Тимановский (с 31 янв. 1919). Нач. штаба — кап. К. Л. Капнин.

[236] **Греков Александр Петрович**, р. 21 нояб. 1875 в Черниговской губ. Обр.: гимназия в Москве, Московский ун-т 1897, офицерский экзамен при Московском ПЮУ 1899, АГШ 1905. Офицер л.-гв. Егерского полка, по окончании акаде-

мии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1911, полк. с 1914, ген.-майор с 1917. С 1914 нач. штаба 74-й пех. див., с 14 июня 1915 — 1-й гвард. пех. див., с 5 апр. 1917 командир л.-гв. Егерского полка, с 28 авг. 1917 нач. штаба 6-го арм. корпуса. С мар. 1918 пом. воен. министра Украинской Директории, затем в гетманской армии. Нач. Главного штаба в гетманской армии, 2 янв. — 12 фев. 1919 воен. министр УНР. В эмиграции в Австрии. Арестован в 1948, до 1956 в советских лагерях. Ум. 2 дек. 1959 в Вене.

[237] **Шиллинг Николай Николаевич**, р. 16 дек. 1870. Обр.: Николаевский КК 1888, ПВУ 1890. Офицер л.-гв. Измайловского полка. Подполк. с 1902, полк. с 1909, ген.-майор с 1915, ген.-лейт. с 1917. С 1913 командир 5-го Финляндского стр. полка, с 16 мар. 1916 — бригады 2-й Финляндской стр. див., с июля 1916 — л.-гв. Измайловского полка, с 1917 командир 17-го арм. корпуса. 1918 в гетманской армии в распоряжении Главнокомандующего. В Добр. армии и ВСЮР, нояб. — дек. 1918 зам. представителя Добр. армии в Киеве. С 10 июля 1919 командир 3-го арм. корпуса, с 26 авг. 1919 командующий войсками Новороссийской области, освобожден 18 мар. 1920. В эмиграции в Чехословакии. Арестован НКВД в мае 1945. Ум. в начале 1946 в Праге.

[238] **Орлов Николай Иванович**. Обр.: Симферопольская гимназия, Варшавский ветеринарный ин-т (не окончил). Штабс-капитан 60-го пех. полка. В дек. 1917 командир офицерской роты Крыма, летом 1918 председатель Общества взаимопомощи офицеров в Симферополе, сформировал Симферопольский офицерский батальон. Весной 1920 поднял мятеж против командования в Крыму. Расстрелян красными в Симферополе вместе с братом Борисом дек. 1920.

[239] **св. князь Ливен Анатолий Павлович**, р. 16 нояб. 1873 в Санкт-Петербурге. Обр.: гимназия, СПб. ун-т 1895. Ротмистр Кавалергардского полка. В 1918 участник организации добровольческих частей в Прибалтике. В янв. 1919 сформировал и возглавил «Либавский добр. стрелковый отряд», с янв. 1919 командующий Либавской добр. группой, соединившейся с Северо-Западной армией; летом — в дек. 1919 нач. 5-й пех. див. Тяжело ранен 24 мая 1919, с июля 1919 за границей. Полк. (с 6 авг. или 22 мая 1919). В эмиграции в Париже и Латвии. Ум. 3 апр. 1937 в Кеммерне (Латвия).

[240] **Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич**, р. 28 авг. 1859 в Бежецком уезде Тверской губ. Обр.: ПК 1878, ВЮА 1890. Офицер л.-гв. Конной артиллерии, с 1883 — военно-судебного ведомства. Ген.-лейт. (по отставке 1905), профессор Военно-юридической академии. Член Гос. Думы, сенатор. В Северо-Западной армии; с июля 1919 ведал вопросами агитации и печати в Политическом совещании при ген. Юдениче, редактор газеты «Русская жизнь». В эмиграции во Франции. Ум. 17 фев. 1927 в Париже.

[241] **Суворов Михаил Николаевич**, р. 15 авг. 1877. Обр.: 2-й Московский КК 1894, Московское ПЮУ 1896, АГШ 1906. Офицер л.-гв. Егерского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба; полк. с 1915, ген.-майор с 1917. С 19 фев. 1916 и. д. нач. штаба Гвардейской стр. див., затем нач. штаба 2-й Латышской стр. див., с 7 сен. 1916 командир 121-го пех. полка. Взят заложником в сен. 1918 в Петрограде. Работал в подпольной организации, затем в Северо-Западной армии; с мая по 12 авг. 1919 член Политического совещания при ген. Юдениче. В эмиграции во Франции. Ум. 1 фев. 1948 в Париже.

[242] **фон Крузенштерн Константин Акселевич**, р. 15 июля 1883 в Эстляндской губ. Обр.: ПК 1902, АГШ 1908. Офицер л.-гв. Семеновского полка. Подполк. развед. отделения штаба Зап. фронта. В Сев.-Зап. армии; с лета 1919 нач. отдела внешних сношений, нач. управления делами МИД. Полк. (с авг. 1919). В эмиграции в Германии, к дек. 1926 во Франции, затем в Германии, с 1957 в Канаде. Ум. 16 окт. 1962 в Монреале.

[243] **фон Шварц Алексей Владимирович**, р. 15 мар. 1874. Из дворян Екатеринославской губ. Обр.: реальное училище 1892, НИУ 1895, НИА 1902. Подполк. с 1906, полк. с 1910, ген.-майор с 1914, ген.-лейт. с 1917. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1909 преподаватель НИА и НИУ, с 13 авг. 1914 комендант Ивангородской, а с 13 нояб. 1915 — Карсской крепостей, с июля 1916 нач. Трапезундского укреп. района, с 22 мар. 1917 нач. Гл. Военно-техн. управления. Летом 1918 бежал из Красной армии в Киев; в дек. 1918 в Одессе; с 21 мар. 1919 командующий русскими войсками в союзной зоне и ген.-губернатор Одессы. В эмиграции в Италии, затем в Аргентине. Ум. 27 сен. 1953 в Буэнос-Айресе.

[244] **Ляхов Владимир Платонович**, р. 20 июня 1869. Обр.: 1-й Московский КК 1887, АВУ 1889, АГШ 1896. Офицер л.-гв. Измайловского полка, по окончании академии — на должностях Генштаба. Подполк. с 1900, полк. с 1904, ген.-майор с 1912, ген.-лейт. с 1916. С 1904 нач. штаба 21-й пех. див., с 1906 в расп. командующего войсками Кавказского ВО, 1908 был в отставке, с 1909 командир 50-го пех. полка, с 1912 нач. штаба Кубанского каз. войска, с 21 янв. 1915 комендант Михайловской крепости, с 22 мая 1916 нач. 39-й пех. див., с 12 мар. 1917 командир 1-го Кавказского арм. корпуса. Во время Гражданской войны — в Добр. армии и ВСЮР; с 15 нояб. 1918 командир 3-го арм. корпуса, с 10 янв. 1919 главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края, с лета 1919 в отставке. Убит 30 апр. 1920 в Батуме.

[245] **Пржевальский Михаил Алексеевич**, р. 5 нояб. 1859. Из дворян Тверской губ. Обр.: Полтавская ВГ 1876, МАУ 1879, МАА 1884, АГШ 1888. Офицер л.-гв. 2-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генштаба. Капитан гвардии с 1888, полк. с 1896, ген.-майор с 1906, ген.-лейт. с 1915, ген. от инфантерии с 1916. С 1892 секретарь генконсульства в Эрзеруме, с 1901 нач. штаба 39-й пех. див., с 1903 командир 155-го пех. полка, с 1905 нач. штаба Кубанского, с 1906 — Терского каз. войска, с 1908 нач. 1-й Кубанской пластунской бригады, с 3 фев. 1915 командир 2-го Туркестанского арм. корпуса, с 3 апр. 1917 командующий Кавказской армией, а с 31 мая 1917 командующий войсками Кавказского фронта. Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии, с осени 1918 командующий белыми войсками на территории Закавказья, затем во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Ум. 13 дек. 1934 в Белграде.

[246] **Фенин Александр Иванович**, р. 10 авг. 1865 в Екатеринославской губ. Обр.: Харьковское реальное училище 1883, Горный институт 1889. Коллежский советник, редактор газеты «Горнозаводское дело» (Харьков). Во ВСЮР; член Особого Совещания, с осени 1919 министр торговли и промышленности Донского правительства. В эмиграции с янв. 1920 в Египте, с мая 1922 в Чехословакии. Ум. весной 1944 в Праге.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Архивные материалы

Эта часть до конца (стр. 1111–1148) будет печатать не предполагается в "Вокруг света". Архив не разбирался. А. Лукомский

22/III-1939. Мой вынужденная служебная жизнь в Петербурге прервана войной и тех настроений, которые тогда должен замечать. –

Я уже отметил выше, что при малой работе, личной жизни у меня было очень мало.

Когда только было возможно, я ездил на охоту, что было для меня и громадным наслаждением и отдыхом от напряженной работы. В бытность мою начальником мобилизационного отдела, конечно, отдыхом являлись и мои поездки по России на опытные (пробные) мобилизации и для повторных мобилизационной готовности как военных, так и гражданских учреждений.

В Петербурге же я чрезвычайно редко бывал в театрах и еще реже в гостях. Мои выезды „в гости" обыкновенно ограничивались различными званными обедами, отказаться от которых было чрезвычайно трудно.

Таким образом, „круг" моих наблюдений был чрезвычайно узкий и потому много

Первая страница заключительной части рукописи «Очерки из моей жизни» (Архив Гуверовского института, фонд А. С. Лукомского, кор. 3, д. 17).

МОЯ ВНЕСЛУЖЕБНАЯ ЖИЗНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ ПЕРЕД ВОЙНОЙ И ТЕ НАСТРОЕНИЯ, КОТОРЫЕ МНЕ ПРИХОДИЛОСЬ ЗАМЕЧАТЬ[1]

Эта часть до конца для печати не предназначается и в Пражский архив не посылается.

А. Лукомский. 22/III — 1938 г., Париж.

Я уже отметил выше, что, при массе работы, личной жизни у меня было очень мало. Когда только было возможно, я ездил на охоту, что было для меня и громадным наслаждением, и отдыхом от напряженной работы. В бытность мою начальником мобилизационного отдела, конечно, отдыхом являлись и мои поездки по России на опытные (пробные) мобилизации и для поверок мобилизационной готовности как военных, так и гражданских учреждений.

В Петербурге же я чрезвычайно редко бывал в театрах и еще реже в гостях. Мои выезды «в гости» обыкновенно ограничивались различными званными обедами, отказываться от которых было чрезвычайно трудно.

Таким образом, «круг» моих наблюдений был чрезвычайно сужен и потому многое я просто не видел и не слышал. Мои наблюдения больше относятся к официальным сферам, и отчасти источниками их являлись члены Государственной Думы и Государственного Совета, с которыми приходилось соприкасаться и встречаться.

В Петербурге доминирующим, злободневным и постоянно острым был вопрос отношений между правительственными органами и законодательными учреждениями (главным образом Государственной Думой).

Реформа 1905 года (манифест 17 окт. 1905 г., учреждение Государственной Думы и реформа Государственного Совета) давала основания, по своей неясности и недоговоренности, к постоянной борьбе между правительственной бюрократией и членами законодательных учреждений.

С одной стороны, реформа 1905 г., вне всяких сомнений, ограничивала права Царя как Самодержца, вводила, хотя и укороченную, но всё же конституционную форму правления, а, с другой стороны, в Основных Законах Империи осталось неприкосновенным указание,

---

[1] Рукопись, Архив Гуверовского института, фонд А. С. Лукомского, кор. 4, д. 6 (черновик); переписанный начисто вариант — *Там же,* кор. 3, д. 17. Текст представляет собой окончание рукописи «Очерки из моей жизни», хранящейся в том же фонде (кор. 2, д. 9–14; кор. 3, д. 1). Документ выявлен Л. Ю. Тремсиной.

что Царь остается Самодержавным Монархом. Последнее давало основание крайне правым кругам и представителям правительственной бюрократии считать, что реформа 1905 г., данная под давлением обстановки, могла, в случае надобности и в случае, если б Царь признал это нужным, быть отмененной. В этом направлении, как ходили упорные слухи, производилось давление на Императора Николая II представителями различных кругов.

Как известно, 1-я и 2-я Государственные Думы (т. е. Думы первого и второго созывов) пытались стать на путь революционного расширения конституционных прав, за что и были распущены. 3-я Дума, после некоторого изменения выборного закона, оказалась по своему составу более законопослушной, но и в ней, за исключением ее правого крыла, постоянно чувствовалось стремление стать на путь некоторого расширения конституционных прав и оформления этих прав путем изменения соответствующих статей Основных Законов.

Конституционно-демократическая партия (к.-д.), как их называли, «кадеты», и более левые партии определенно настаивали на необходимости иметь ответственное перед палатой министерство, т. е., другими словами, свести права Царя к правам короля Англии, т. е. чтобы царствовал, но не правил.

Октябристы на это еще не шли, но в правительственных сферах всё время было опасение, что октябристы могут пойти по пути кадет и что тогда опять возникнут чрезвычайно тяжелые осложнения.

После реформы 1905 г. в России не появилось «кабинета министров», как это существует во всех конституционных странах. Председатель Совета министров лишь до известной степени являлся «главою» исполнительной власти. Каждый министр в отдельности нес полную ответственность перед Государем Императором и фактически не подчинялся председателю Совета министров. Совет министров, хотя и рассматривал принципиальные вопросы и вырабатывал общую линию (или общее направление) деятельности всех министров, но окончательное решение, или отступления от принятых решений, зависело от Государя. Правда, докладчиком у Государя по этим вопросам являлся председатель Совета министров, но министру, не согласному с решением Совета министров, была возможность, путем личного доклада у Государя, внести поправки в принятое решение.

Другими словами, все зависело от авторитетности председателя Совета министров и отдельных министров у Государя.

Только один Столыпин (а раньше Витте), да и то только до известной степени, являлся действительным руководителем деятельности министров в вопросах Государственного управления и их отношений к Законодательным учреждениям.

Вследствие изложенного, а также податливости Государя Императора влиянию или воздействию со стороны отдельных докладчиков, колебания в правительственном курсе, а в частности в отношениях к Государственной Думе, были постоянные.

Всё это подчас создавало чрезвычайно нервную и напряженную обстановку, при которой с обеих сторон (правительственной и Гос. Думы) в пылу борьбы преследовались часто не общегосударственные интересы, а достижение различных эгоистических целей...

Иногда довольно циничные и откровенные разговоры на эту тему с его ближайшими сотрудниками, ген. Сухомлинова, производили тяжелое впечатление. Еще более цинично действовали гр. Коковцов*, Горемыкин, Штюрмер, Щегловитов... Бедного Государя его же министры ставили часто в очень трудное и двусмысленное положение. Левые же партии (кадеты и левее) готовы были идти на какие угодно гадости для замены самодержавного (хотя и несколько ограниченного) строя чисто конституционным. Их лозунг был: «Цель оправдывает средства»...

[*Зачеркнутый фрагмент:* Близко соприкасаясь с работой «верхов» правительственной власти и часто узнавая подноготную работы левых политических партий, я иногда приходил в отчаяние. Несмотря на то, что я твердо и быстро двигался по служебной лестнице к верхам правит. власти, мне неоднократно приходило в голову, что не лучше ли отойти от службы и заняться каким-либо частным делом... <*Окончание фразы зачеркнуто полностью*>].

Я мало знал (или почти совсем не знал) тогда Государя Императора. Всё, что приходилось слышать, — рисовало мне Государя как человека чрезвычайно благородного, доброго, благожелательного, но слабовольного, поддающегося влиянию докладчиков...

Казалось, что если б удалось повлиять на Государя в смысле некоторого изменения порядка образования высшего правительственного органа (кабинета министров) в том смысле, чтобы Государь выбирал только председателя Совета министров и министров военного и морского, предоставляя председателю Совета министров выбирать самому остальных министров и формировать кабинет (конечно, с утверждением Государем министров), что при таком порядке, при полной ответственности председателя Совета министров перед Государем (а также при непосредственном подчинении Государю министров военного и морского), а всех прочих министров перед председателем, — был бы создан настоящий «кабинет министров» и его деятельность была бы направляема правильно.

---

* Перед Гос. Думой гр. Коковцов заигрывал, но в своих отношениях с другими министрами действовал недобросовестно.

Проведя эту меру, надо было бы и по отношению Законодательных учреждений вести политику твердую, определенную, но и совершенно ясную, открытую...

Думаю, что при подобном разрешении вопроса Государь опирался бы на сочувствие большинства здравомыслящего населения России...

Государь и члены Дома Романовых

До моего назначения в Петербург (в 1909 г.) я знал о Государе и Членах Императорского Дома только по рассказам других; те несколько случаев, когда мне пришлось лично видеть Царя и Членов Императорской фамилии, не давали данных, чтобы делать какие-либо выводы. Эти «случаи» были только: представление Государю Николаю II по случаю окончания Академии Генерального Штаба, присутствие на нескольких выходах в Зимнем Дворце и на нескольких парадах при объезде войск Государем.

Видя Государя я, как и другие, испытывал только чувство обожания, подъема и ощущение, что сделаешь всё, что будет приказано Царем...

В войсках ощущались те же чувства к Царю и Наследнику. Чувство глубокого уважения и преклонения постоянно приходилось наблюдать и по отношению Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. Из других членов Императорской фамилии Армия знала и уважала Великих Князей Николая Николаевича и Сергия Михайловича; ко всем же остальным членам Императорской фамилии ощущалось полное равнодушие [*<далее зачеркнутый фрагмент:>*, а по отношению к некоторым (В. Кн. Владимир Александрович* и его сыновья) и чувство недоброжелательства. Причиной последнего являлись слухи (часто преувеличенные) о кутежах и вообще об их «грешном поведении», подрывавшем престиж их как членов Императорского Дома. Помню, как при гибели броненосца «Петропавловск» под П[орт]-Артуром во время войны с Японией, когда была получена телеграмма о гибели адмирала Макарова и о спасении Вел. Кн. Кирилла Владимировича, многие говорили: «Какое несчастье, что погиб адмирал, а спасся Вел. Князь, лучше было бы, если б случилось обратное»... Эти чувства, насколько я могу судить по разговорам в Киеве, разделялись большинством и русской интеллигенции. После Японской войны и после революции 1905 года, особенно когда поползли всякие слухи и всякие сплетни о Распутине, — в массах русской интеллигенции, а также и в армии, — стал заметно падать престиж членов Императорского Дома...].

---

* Пожив в Петербурге, должен оговориться: в столице к В. Кн. Владимиру Александровичу относились хорошо, но в провинции почему-то плохо.

Когда я приехал в Петербург в 1909 г., будучи назначенным на должность начальника мобилизационного отдела Гл. Упр. Генерального Штаба, я должен был представиться Государю.

В назначенный день я отправился в Царское Село. В специальном поезде, отходившем от Царскосельского вокзала, ехало в Царское Село несколько министров и человек двенадцать, которым было назначено представление Государю.

Я испытывал большое волнение, невольно думая о предстоящем представлении Царю. По приезде в Царское Село нас рассадили в придворные экипажи и повезли во дворец. Там нас встретил дежурный флигель-адъютант, в сопровождении которого и камер-фурьера нас повели в кабинет Государя.

Проходя через внутренние покои Царского дворца, я с большим интересом и волнением старался на ходу запечатлеть подробности убранства комнат и по ним постараться составить впечатление о жизни и вкусах Царской Семьи... Но всё это так мелькало и я так волновался, что ничего не запомнил... Мне врезалась в память лишь «горка», устроенная в одной из зал, около которой на полу лежало несколько детских игрушек... Дежурный флигель-адъютант на ходу сказал нам, что с этой горки очень любят кататься Наследник и Великие Княжны; что Государь много времени проводит в этой комнате, играя с детьми... Но вот мы в кабинете Царя. Собственно, это не кабинет, а библиотека, а рабочий кабинет рядом. Эта библиотека мне почему-то показалась мало уютной и недостаточно светлой; насколько помню, куда-то наверх вела внутренняя деревянная лестница... Предупрежденные, что Государь рядом в своем рабочем кабинете, мы шепотом обменивались впечатлениями... Но вот начальник военно-походной канцелярии, князь Орлов, вполголоса назвал фамилии нескольких старших генералов и какого-то сановника в придворной форме, которых Государь примет отдельно, по одному, в своем кабинете, а нас, всех остальных, выстроил по старшинству. Я, как полковник, оказался последним, на самом левом фланге.

Начался прием отдельно названных лиц, которых по очереди дежурный флигель-адъютант впускал в кабинет Государя. Ждать нам пришлось довольно долго. За время ожидания, конечно, я много думал о предстоящем представлении: «Что скажет Государь?», «Какие вопросы будет задавать?», «Чем заинтересуется?» и т. п. Мне казалось, что ввиду исключительности (по молодости) моего назначения на ответственный пост начальника мобилизационного отдела, Государь скажет что-либо по этому поводу...

Наконец отдельный прием лиц закончился, и кн. Орлов нас предупредил, что Государь сейчас выйдет. Мы подтянулись и замерли... Откры-

лась дверь из соседней комнаты, и Государь показался в дверях. После общего поклона и быстрого взгляда на нашу группу Государь что-то сказал кн. Орлову и затем, несколько нервно обдергивая свой аксельбант, подошел к правофланговому... Выслушав представление («Ваше Императорское Величество, такой-то имеет честь представиться В. И. В. по такому-то случаю») и пожав руку, Государь задал несколько вопросов. Я, находясь на левом фланге, следил за всяким движением Государя, наблюдал выражение лица и жадно вслушивался в каждое Его слово...

Выражение лица Государя, и особенно его чудных глаз, были чрезвычайно ласковы и приветливы. Улыбка, часто озарявшая лицо Царя, была очаровательная. Голос поражал своей задушевностью и ласковыми тонами. Получалось впечатление, что нельзя не быть покоренным этим удивительным ласковым и приветливым чародеем...

Но, вслушиваясь в вопросы Государя, я чувствовал некоторое разочарование: они были крайне однообразны, поверхностны и не производили впечатление, что Государь действительно интересуется узнать что-либо от представлявшихся...

Очередь дошла до меня. Я отрапортовал фразу представления, Государь подал мне руку и задал ряд вопросов:

«Где Вы начали Вашу службу?»

«Долго ли были в строю до поступления в Академию?»

«Где вы служили после окончания Академии?»

«Когда состоялся мой приказ о Вашем назначении на должность нач-ка мобилизационного отдела?»

Выслушав мои ответы, Государь ласково улыбнулся и, вновь протягивая мне руку, сказал: «Желаю Вам полного успеха в Вашей работе».

Прием кончился, и нас повезли завтракать в другое здание дворца...

Мое ощущение было сложно: я чувствовал очарование от личности Государя и разочарование от самого приема. Я совсем иначе рисовал в своем воображении «прием» и разговор с Государем...

После приема у Государя я поехал расписаться у Министра Двора, у Дворцового Коменданта, и у начальника Военно-походной канцелярии.

Через несколько дней после приема меня Государем я был у военного министра Сухомлинова, который меня спросил о моих впечатлениях. Я откровенно высказал мое разочарование. Ген. Сухомлинов, выслушав меня, сказал приблизительно следующее: «Государь чрезвычайно застенчив. Для него очень трудно разговаривать с лицами, которых он не знает. Трудно Государю и выбирать темы для разговора. Ваше впечатление, что Государь как будто не интересуется теми вопросами, коими, по Вашему мнению, Ему следовало бы интересоваться, — не совсем верное. При моих докладах я, наоборот, вынес впечатление,

что Государь очень интересуется всеми отделами нашего сложного военного дела, но, повторяю, в разговоре с лицами, которых Государь не знает, он всегда задает банальные вопросы...»

Впоследствии мне пришлось еще несколько раз представляться Государю, а затем, во время войны, в бытность мою генерал-квартирмейстером Верховного Главнокомандующего, видеть Государя ежедневно во время утренних оперативных докладов и часто присутствовать на представлениях Государю различных лиц перед Высочайшими Завтраками или Обедами.

Мое окончательное впечатление получилось такое: Государь вообще очень интересовался всеми вопросами, касающимися России, жизни армии и жизни всей страны во всех ее многообразных проявлениях, но совершенно не умел проявлять этого интереса в разговорах с лицами, которых он мало знал. Конечно, это происходило в значительной степени от застенчивости, но также и от недоверия к людям, из-за опасения, что лица, с ним разговаривающие, могут выйти из «законных» рамок и разговор может принять нежелательное направление...

Мне случалось неоднократно наблюдать, что при разговоре с известными Ему лицами Государь оживлялся и начинал задавать вопросы, касающиеся самых животрепещущих сторон дела... Но это случалось чрезвычайно редко, обыкновенно же разговоры с Государем были чрезвычайно сухи, официальны и банальны...

У Государя не было дара повелителя, который мог бы каким-нибудь брошенным словом, каким-нибудь вопросом или проявленным интересом покорять сердца и вести за собой людей куда ему угодно... Государь, при разговоре с ним, своей лаской, своим чарующим голосом и своими чудными, добрыми глазами привлекал сердца людей, вызывал в эти минуты обожание, но... Государь отходил к другому, и настроение как-то падало, чувствовалось какое-то разочарование... Не было победы над собеседником до конца...

Я неоднократно думал, что у Государя совсем не было дара Наполеона I, который какой-нибудь брошенной фразой, обращением по фамилии к какому-нибудь простому гренадеру, воспоминанием какого-нибудь боевого эпизода именно умел покорять сердца людей до конца.

Наполеон готовился к приемам и своим объездам или обходам войск, адъютант своевременно напоминал или фамилию, или какой-либо факт... Государь же к таким «трюкам» никогда не готовился, не прибегал, да они и не были в его характере...

Если б лица ближайшего окружения Государя это понимали, то картина могла быть совершенно иная и результаты могли бы быть также совершенно иными... Но это окружение (говорю про военную часть) или это не понимало (воен. министр, начальник штаба Верховного

Главнокомандующего), или по своему ничтожеству (Министр Императ. Двора, Дворцовый комендант, нач-к военно-походной канцелярии) и не могли это понять...

Помню случай, когда я очень рассердился на начальника военно-походной канцелярии кн. Орлова. Я представлялся Государю весной 1910 г. по случаю моего производства в генерал-майоры. Одновременно со мной представлялись два начальника отделений моего мобилизационного отдела — ген.-майоры Фрейман и другой, фамилии которого не помню (кажется, Карганов); они представлялись по случаю награждения орденами. В чине ген.-майора они были старше меня, но по положению были моими подчиненными. Кроме нас трех представлялось еще человек двенадцать, из коих десять человек по должности были младше меня, но все старше меня по чину. Согласно же полевого устава старшинство считалось у военных по должности, а при равных должностях — по чину.

Кн. Орлов построил нас, строго придерживаясь старшинства в чинах, и я оказался на самом левом фланге. По отношению всех посторонних для меня представляющихся — мне это было безразлично, но мне показалось совершенно странным и неудобным, что моих подчиненных начальников отделений кн. Орлов поставил выше меня. Я подошел к кн. Орлову и об этом ему сказал. Он на это сухо мне ответил: «Ваше Превосходительство, я не имею возможности разбираться в старшинстве по должностям. У нас принято, чтобы представляющихся ставили строго по старшинству чинов. Да теперь и времени нет изменять порядок: Государь сейчас выйдет».

Действительно, скоро после этого вышел Государь. Когда Государь подошел ко мне и я отрапортовал, Его Величество удивленно сказал:

— Да ведь только что мне представлялись двое и назвали себя начальниками мобилизационного отдела. В чем дело?

Я доложил, что двое из представлявшихся — мои подчиненные и являются начальниками отделений мобилиз. отдела, а я начальник всего мобилизационного отдела.

— Почему же они стоят выше Вас?

— Потому что так их поставил, Ваше Императорское Величество, кн. Орлов, руководствуясь тем, что они старше меня в чине.

Государь, повернувшись, что-то сказал кн. Орлову, который только зло на меня посмотрел...

В бытность мою генерал-квартирмейстером Верховного Главнокомандующего, когда я видел Государя ежедневно, Е. И. В., очень часто беседуя со мной, как во время утренних докладов, так и до, и после довольно частых приглашений меня на завтраки или обеды, ни разу не спросил меня ни про мою работу в бытность мою помощником воен-

ного министра, ни про время командования мною 32-й пех. дивизией, которая первой прорвала Австро-Венгерский фронт 22 мая 1916 года и затем в течение 6-ти месяцев одерживала ряд за рядом блестящие успехи (взятие штурмом предмостного укр[епления] Зучка у Черновцов, занятие Черновцов, Коломыи, Делятина и продвижение к Черной Горе — к юго-востоку от Яремчи)...

Я невольно задавал себе вопрос: происходило ли это оттого, что Государь мало интересовался этими вопросами или по какой-либо другой причине... Так я этот вопрос и не разрешил.

Один раз (декабрь 1916 г., на другой день после убийства Распутина) я, пользуясь тем, что ген. Гурко (исп. должность нач-ка штаба Верховного Главнокомандующего), по указанию Государя председательствовал на совещании Главнокомандующих, а я один делал доклад Е. И. Величеству, хотел дерзнуть и сказать Государю мое мнение по поводу надвигавшихся грозных событий... При первых же моих словах: «Разрешите мне, Ваше Императорское Величество, сказать несколько слов по вопросам, совершенно не касающимся сегодняшнего моего доклада»... Государь быстро встал и, взяв меня за локоть, сказал: «Нет, Лукомский, мы и так слишком долго здесь задержались, нас ждут Гурко и Главнокомандующие. Пойдем скорей на заседание. Дайте мне один из Ваших портфелей, а то Вам трудно будет их нести»...

Сказано это было чрезвычайно ласково, но твердо... Государь определенно давал мне понять, что не хочет меня выслушивать, но смягчил это ласковыми словами, милой улыбкой и предложением взять один из моих портфелей... Я только глубоко поклонился и пошел за Государем, взявшим всё же, несмотря на мои возражения, один из моих портфелей...

Из сопоставления отдельных фактов, рассказов лиц, имевших случаи часто соприкасаться с Государем, наконец вследствие назначения на посты министров лиц самых разнообразных настроений, облик Государя мне рисовался так.

Прежде всего, Государь был человеком чрезвычайно добрым и стремился дать России и всем своим подданным счастье. Государь готов был на какие угодно личные жертвы, лишь бы этим принести пользу России. Интересуясь всеми сторонами жизни России и ее населения, Государь старался их узнать и способствовать их улучшению. С целью ближе подойти к нуждам населения и узнать быт народа, Государь неоднократно высказывал желание, чтобы доступ к нему был облегчен, чтобы при его объездах давали ему возможность соприкасаться с подлинным «народом»... Но эти стремления Государя постоянно разбивались о меры охраны, о строгую фильтрацию лиц, допускаемых к Государю.

Но, будучи полон самых лучших намерений, Государь не обладал твердым и настойчивым характером; будучи чрезвычайно застенчивым, он поддавался влиянию докладчиков. Зная этот свой недостаток, Государь боялся подпасть под влияние того или иного лица и отсюда вытекала недоверчивость Государя к им же приближаемым к себе министрам, докладчикам и отдельно принимаемым лицам...

Чувство «недоверчивости» в значительной степени усиливалось у Государя под влиянием Его Супруги, Императрицы Александры Феодоровны. Государь всеми силами души был привязан к Императрице и, как человек с более слабым характером, подчинялся Ее влиянию. Императрица же, по-видимому, почти никому не доверяла и склонна была видеть всюду «крамолу». Будучи мистически настроена (чему, как известно, способствовала болезнь Наследника и постоянный страх Его потерять), она поддавалась влиянию различных шарлатанов (последний был Распутин) и таким лицам, как Вырубова. Следствием этого явилось то, что были случаи влияния на Государя и этих лиц — через Императрицу. Но необходимо отметить, что, стремясь всеми помыслами к благу России и русского народа и стараясь быть вне каких-либо влияний, случалось часто, что Государь как бы вырывался из-под влияния Государыни и поступал согласно докладу того или иного министра..., но проходило некоторое время и влияние Императрицы опять преобладало и следовало изменение прежде принятого решения, перемена того или иного министра... Этими колебаниями и объясняются, в значительной степени, частые перемены министров и неустойчивость в проведении различных мер и во внутренней политике...

Императрицу Александру Феодоровну я совершенно не знал. Видел я Государыню только на выходах в Зимнем Дворце, во время представления по случаю 300-летия Дома Романовых и при открытии Особого Совещания по обороне (в 1915 г.). В этот последний раз, когда я видел Императрицу, Ее Величество задала мне несколько малозначащих вопросов (я был тогда помощником военного министра) и оставалась стоять рядом со мной, пока не поздоровались со мной Наследник и Великие Княжны.

Насколько мне известно, только со времени появления на сцене Распутина началась кампания против Императрицы. Для левых, революционно-настроенных кругов отношение Государыни к Распутину и безобразное поведение последнего дало много козырей, так как и правые круги подхватывали всякие слухи и сплетни и нападали на Императрицу. К началу войны 1914 года атмосфера в этом отношении накалялась, и на Императрицу очень и очень многие (не исключая и членов Императорской Фамилии) стали смотреть как на злой гений России и Государя.

При возобновлении во время войны работы революционных кругов, непопулярность (скажу резче — одиозность) Императрицы очень им помогла, вызывая резко отрицательное отношение к Императрице как в правых кругах, так и в армии (не исключая и гвардейских частей).

Как я уже отметил, мне очень редко приходилось бывать в Петербургском обществе, но когда я бывал на каких-либо обедах или вечерах, особенно в период 1912–1914 годов, меня поражало, как везде и все говорили про Распутина, связывая с ним Имя Императрицы. Замечалось два течения: одни относились к доходящим до них слухам крайне отрицательно в смысле порицания Императрицы и ругая Распутина, а другие, чувствовалось, хотели «примазаться», т. е. познакомиться с Распутиным и попытаться через него сделать карьеру... В последнем отношении особенно старались некоторые дамы; вероятно, для своих мужей...

Теперь всё то, что происходило тогда, хорошо известно из различных опубликованных записок, писем, воспоминаний... [*Далее зачеркнуто*].

Выше я уже сказал, что в армии высоко ценились Великие князья Николай Николаевич и Сергий Михайлович.

Вел. кн. Николай Николаевич был хорошо известен армии не только как генерал-инспектор кавалерии, сумевший поставить воспитание и обучение конницы на правильный путь, соответствующий современным требованиям боя, но и как выдающийся военачальник по своей деятельности Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского в[оенного] окр[уга]. Кроме того (значительно даже преувеличено), в армии считали, что Вел. кн. имеет большое влияние на Государя и на разрешение государственных вопросов (это опять-таки отклик слухов о роли Вел. кн., сыгранной им в 1905 г. в связи с решительным подавлением революционного движения с одной стороны, а с другой стороны, в связи с изданием манифеста 17 окт. 1905 года). Но, при несомненной популярности Вел. кн. Николая Николаевича среди строевого состава армии, его не любили верхи армии. Последнее, я думаю, объяснялось главным образом вспыльчивостью Вел. князя и его подчас большой несдержанностью и резкостью. У Сухомлинова, бывшего с 1909 г. военным министром, по-видимому, были и какие-то особые счеты с Вел. кн[язем]. Сухомлинов определенно ненавидел Вел. кн., кроме того, Сухомлинов хотел быть Верх. Главнокомандующим в случае войны с Германией и Австро-Венгрией, и в лице Вел. кн. видел опасного соперника для получения этого поста... У меня осталось впечатление по отдельным мелким фактам, что Сухомлинов старался и в глазах Государя понизить престиж Вел. князя.

Вел. князь Сергий Михайлович, по должности генерал-инспектора артиллерии, уже после Японской войны заслужил вполне заслуженную репутацию блестящего артиллериста, сумевшего выдвинуть на должную высоту подготовку к войне нашей полевой артиллерии. К сожалению, Вел. кн. Сергий Михайлович не довольствовался своей деятельностью как генерал-инспектор и хотел быть «генерал-фельдцехмейстером», т. е. хотел руководить и деятельностью Главного Артиллерийского управления, чтобы объединять в своих руках все вопросы по артиллерии. Этому стремлению Вел. князя полностью шел навстречу начальник Гл[авного] арт[иллерийского] упр[авления] генерал Кузьмин-Караваев. Создалось очень странное и двусмысленное положение: официально В. кн. Сергий Михайлович не имел никакого отношения к Гл. арт. упр., а неофициально ни один вопрос не проходил помимо его; ему докладывались все вопросы не только нач-ком Гл. арт. упр. и его помощниками, но вызывались для доклада и нач-ки отделений... Воен. министр Сухомлинов рвал и метал, но ничего не мог поделать. Доходило дело до докладов Государю, но и это не давало никаких результатов... Воен. министр обвинял Вел. кн. в интригах, а Вел. кн. доказывал, что Военный министр докладывает неверно и что он, хотя и имеет свой служебный кабинет (как Ген.-инспектор) в Гл. арт. упр., но в дела последнего не вмешивается... Позиция Вел. кн. критиковалась и в Гос. Думе, где указывали на существование в Гл. арт. упр. «безответственных влияний»...

У Сухомлинова было много грехов и много всевозможных недостатков, но Вел. кн. Сергий Михайлович, из-за личных счетов с министром, очень и очень часто действовал совершенно неправильно и во вред общему делу, подрывая авторитет военного министра...

Из других Великих князей общим уважением пользовался рыцарь-поэт Вел. князь Константин Константинович, но армия (кроме гвардии и Петербургского в[оенного] окр[уга]) его совершенно не знала.

[*Зачеркнутый фрагмент:* Вел. кн. Николай Михайлович был выдающимся историком, но и его имя армии было совершенно не известно. Что касается «Владимировичей», то их буйное поведение (слухи о нем были часто очень преувеличены) сделало то, что к ним все относились резко отрицательно].

А. Лукомский
22/III — 1938, Париж.

ПИСЬМА А. С. ЛУКОМСКОГО Н. Н. ГОЛОВИНУ[1]

8/III — 1934.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич,

Отвечая на Ваше письмо от 3 марта, я должен отметить, что короткий ответ на поставленные Вами вопросы дать трудно, а ответить обстоятельно, не имея никаких материалов и за давностью времени — еще трудней. Кроме того, до 1909 г. я был в Киевском военном округе и не принимал непосредственного участия в каких-либо работах, связанных с проектами реорганизации армии; о записках, составленных генералами Редигером, Палицыным и Эвертом, я впервые услышал, когда они были присланы на заключение Командующего войсками округа (если память мне не изменяет, это было в конце 1907 или в начале 1908 года).

Будучи назначен начальником мобилиз[ационного] отдела Главного штаба (3 янв. 1909 г.), я слышал об этих записках от ген. Мышлаевского, а затем, по своей новой должности, принимал участие в рассмотрении вопросов по реорганизации армии, кои и вылились в малую и большую программы.

Относительно того, насколько записки имели связь с идеями, положенными в основу первоначально малой, а не большой, программы и какая из записок имела доминирующее значение — я затрудняюсь сказать. Полагаю, что все эти записки рассматривались в совете Государственной обороны*, под председательством Вел. кн. Николая Николаевича, и из них, а также из заключений командующих войсками и Совета Гос. обороны, был составлен проект** реорганизации армии и пополнения ее материальной частью.

Решение же Совета Государственной обороны послужило для соответствующих главных управлений основанием для составления соответствующего законопроекта, который должен был проводиться через Военный Совет, а затем (финансовая часть) через Государственную Думу. Этот-то законопроект первоначально и вылился в малую программу.

Мое предположение о рассмотрении всех трех записок в Совете Госуд. Обороны, я думаю, мог бы Вам осветить генерал А. А. Гулевич, который был управляющим делами Совета Гос. Обороны и, вероятно, всё это хорошо помнит.

---

[1] Рукопись, Архив Гуверовского института, фонд Н. Н. Головина, кор. 18. Документ выявлен Л. Ю. Тремсиной.

* Надеюсь, что я не перевираю названия этого Совета.

** Им выделены были основания для составления этого проекта.

Указание ген. Ю. Данилова, что программа была составлена без ведения генерал-квартирмейстера, на мой взгляд, надо принимать с большой поправкой. Да, генерал-квартирмейстерская часть непосредственного участия в составлении программы не принимала по той простой причине, что все вопросы организационного и реорганизационного характера разрабатывались и по ним составлялись соответственные законопроекты в организационном отделе Главного (а с февраля 1909 г. — Генерального) штаба. Но в предварительном рассмотрении вопросов, которые ложились в основу положений, разрабатывавшихся в организационном отделе, генерал-квартирмейстер конечно принимал участие. До конца 1908 г., когда существовал Совет Госуд. Обороны, голос ген.-квартирмейстера, являвшегося ближайшим помощником нач-ка Ген. штаба, имел значение в этом Совете; а с конца 1908 г. голос ген.-кв. имел большое значение в Комитете Генер. штаба, через который проводились все крупные и принципиальные организационные или реорганизационные вопросы. Наконец, при проведении крупных вопросов, касающихся устройства армии, в Воен. Совете всегда приглашался начальник Ген. штаба, который, когда нужно, направлял на эти заседания и тех из своих помощников, которым там надлежало быть...

Что касается Вашего вопроса — сыграл ли ген. Ник. Алекс. Данилов большую роль в установлении основных идей программы? — я полагаю, что Ваше утверждение верно: и по общему значению, которое имел в воен. министерстве начальник канцелярии военного министерства, так и по личному значению и весу ген. Ник. Данилова у последних до войны двух министров (Редигер и Сухомлинов).

В период выработки основных положений (идей) реорганизации нашей армии после Японо-рус. войны Н. А. Данилов, по своей должности, принимал участие в этой работе (вероятно, в Сов. Гос. Об., затем как постоянный член Комитета Генерального штаба и, наконец, при рассмотрении сметных и единовременных расходов, вызываемых новыми законопроектами).

Наконец, после выработки законопроектов, вызывающих штатные изменения, изменения в Св. В. Пост. и новые расходы, все они вносились в Военный Совет. Внесенные же на рассмотрение Воен. Сов. мероприятия и законопроекты рассматривались в соответствующих отделах военной канцелярии, и затем в Военном Совете давал свои заключения начальник канцелярии военного министерства.

Из этого видно, что значение начальника канцелярии, являвшегося непосредственным докладчиком у Военного министра, было очень большое.

Затем могу удостоверить, что Н. А. Данилов проявил очень большой интерес к вопросам реорганизации армии, всегда очень аккуратно

посещал заседания Комитета Генер. штаба. Знаю также, что бывший начальником организационного отдела Генерального штаба (включенного в состав Главного Упр. Ген. шт., если не ошибаюсь, в феврале 1909 года), ген. Беляев постоянно держал Н. А. Данилова в курсе своих работ по разработке реорг. Армии.

Теперь о «малой» и «большой» программах. Я не знаю, имеете ли Вы для Вашей работы необходимые материалы, чтобы верно изобразить, что из себя представляли эти программы... То, что Вы говорите только о «большой» программе, дает мне основание предположить, что, может быть, имеющиеся у Вас материалы не полны...

Я много сказать не могу и могу кой в чем ошибаться, но всё же, думаю, что будет полезно для Вас, если я поделюсь с Вами моими сведениями, проверенными мною у б[ывшего] члена Государственной Думы Никанора Васильевича Савича, бывшего неизменно докладчиком в комиссиях Гос. Думы (по обороне и в бюджетной) по всем вопросам, связанным с Малой и Большой программами.

Н. В. Савич вывез из России много документов и может (если только захочет) дать точную и обоснованную картину проведения этих программ через Гос. Думу*.

Я же начну с того, что у нас в военно-сух[опутном] ведомстве, в сущности говоря, не было столь детально и точно составленных программ, как это было в морском ведомстве. Там эти программы представляли собой подробно, по срокам, с точными финансовыми расчетами составленные соображения по увеличению флота. Наши же программы являлись почти ежегодно изменявшимися соображениями по восстановлению материального снабжения, расстроенного за время войны с Японией, по реорганизации армии и по снабжению реорганизованной армии всем необходимым. План собственно реорганизации армии, хотя и с большим запозданием, был разработан подробно и детально, но финансовая часть и соображения по снабжению армии всем необходимым подвергались постоянным изменениям или из-за недостатка кредитов, или из-за того, что отпущенные кредиты не расходовались своевременно по прямому назначению... Кроме того, при распределении кредитов по Главным довольствующим управлениям не были в достаточной степени приняты во внимание соображения о том, что именно надо заготовить в первую голову и что, как второстепенное (т. е. без чего всё же возможно вести войну), можно заготовлять во вторую голову.

В подтверждение последнего я могу привести два случая.

---

* Насколько знаю, эта часть входит в его «Воспоминания», которые он считает пока преждевременным печатать, дабы не задевать еще живущих.

В 1910 г. я обратил внимание нач-ка Генерального штаба на то, что мы говорим о недостатке вообще установленной нормы снарядов на орудие, а в то же время не принимаем никаких мер для быстрого снаряжения по объявленной мобилизации запасов снарядов в местных парках (в мирное время в Европейской России снаряды хранились в готовом виде только в 2-х местн. парках: один в Варшавском, а другой в Киевском в[оенном] окр[уге]. Запасы же снарядов остальных местн. парков снаряжались только по объявлении мобилизации и готовность очень многих парков была через 3–4 мес. после объявления мобилизации, а готовность некот. местн. парков была лишь на 310–315 день мобилизации... Указал, что это происходит из-за недостатка снаряжательных мастерских...

По приказанию воен. министра ген. Поливанов обследовал этот вопрос; мое указание оказалось правильным, и в спешном порядке было предложено Гл[авному] Арт[иллерийскому] Упр[авлению] внести в Гос. Д[уму] (через Воен[ный] Сов[ет]) законопроект об отпуске средств на образов[ание] значит. числа снаряжат[ельных] мастерских...

Кажется, в начале 1911 г., проверяя ведомости пополнения неприкосновен. запасов, я обратил внимание, что недостатки руж. патронов за последние перед тем два года не пополняются и что вообще пополнение запасов происходит довольно бессистемно...

Я подал рапорт нач-ку Ген. штаба. Последний доложил воен. министру, и было приказано написать соотв. письма нач-кам главных управлений. В результате получился скандал: ген. Поливанов обиделся, указывая, что при ежегодном испрошении ассигнований составляется подробный план... Ген. Шуваев так рассердился, что пригрозил отставкой, если воен. мин. не возьмет назад посланное ему письмо...

Воен. министр поручил ген. Поливанову разобраться в этом вопросе. Начальники Гл. Упр. были собраны ген. Поливановым, и я сначала оказался в роли подсудимого... Но затем выяснилось, что я прав, и под председ. Н. А. Данилова была образована комиссия для составления спешного предст. в Гос. Думу о дополнительном отпуске средств дабы закрыть выяснившиеся прорехи...

Перехожу собственно к «программам». Малая программа была внесена в Гос. Думу весной 1908. Она первоначально касалась пополнения запасов и материальной части армии, израсходованных во время войны с Японией.

Эта малая программа должна была составить часть большой, которая разрабатывалась, но по подсчетам требовала около миллиарда рублей, что являлось непосильным для казначейства. Намечалось постепенно, испрашивая новые кредиты на новые мероприятия, как бы

дополнять малую программу и затем, когда будет возможно, перейти на большую программу.

По первоначально внесенной малой программе испрашивался кредит в 296 мил. рублей. Затем эта цифра постепенно менялась, особенно в связи с внесенным в 1910 г. в Гос. Думу законопроектом о реорганизации армии (уничтожение резервных и крепост. войск; сформирование новых корпусов и создание скрытых кадров для 35 второочередных дивизий).

В конце выполнения малой программы в нее была включена промежуточная программа 1913, требовавшая расходов до 128 мил. р.

Окончание малой программы должно было произойти в 1912 г., но (особенно Гл. Арт. Упр.) произошли большие задержки. Произошел конфликт с Думой (нашумевшая в свое время фраза, принятая Г. Думой при рассмотрении арт. сметы, примерно такая: «Деятельность Гл. Арт. Упр. является угрозой для безопасности государства...»).

Промежуточная программа 1913 г. была фактическим началом осуществления большой программы (формирования корпуса в Финляндии; переход к 6-ти ор. батареям). Малая программа была почти закончена к весне 1914 г. Но были прорехи, особенно по арт. смете (сильно запоздало заготовление средней артиллерии и снарядов к ней); был большой недостаток в пулеметах и в руж. патронах (не хватало 300 мил. штук).

К началу войны около 20 % кредитов, отпущенных на малую программу, не успели израсходовать по прямому назначению; кредиты по промежуточной программе лежали почти нетронутыми на счетах ведомств, когда в январе 1914 г. была внесена в Г. Д. большая программа.

По большой программе испрашивалось: на единовременные расходы 800 мил. руб. и 200 мил. р. ежегодного увеличения бюджета ведомства, в связи с увеличением личного состава мирного времени на 468 т. человек. Новых частей (кроме уже разрешен. Финляндского корпуса по промежуточной программе) формировалось мало (22 кав. полка). Всё остальное состояло в увелич. армии артиллерией, различной техникой, авиацией и скрытыми кадрами (в числе коих несколько десятков тысяч командного кадра).

Законопроект был разработан в организационном отделе Гл. Упр. Генер. Штаба, и защищал его в комитете Гос. Думы (по обороне и бюджетной) ген. Беляев. Но с места произошел какой-то конфликт между членами Гос. Думы и Беляевым, вызвавший обращение от представ. Гос. Думы к ген. Янушкевичу (присутствовал как нач-к Ген. Штаба) с просьбой, чтобы он лично на себя взял защиту законопроекта.

Законопроект стал законом весной 1914 г., а летом началась война... Предполагалось его закончить к концу 1917 года, но... сомнительно.

Написал много, но будет ли Вам полезно — не знаю.
Всего лучшего. Искренне Вас уважающий

А. Лукомский

11/III — 34.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич,

Я ничего не имею против того, чтобы Вы в Вашей статье сделали ссылки на мое письмо. Но, повторяю, если Вам нужны более документальные сведения о «программах» — обратитесь к Никанору Васильевичу Савичу.

Я точно не помню числа и месяца моего назначения помощником нач-ка канцелярии Воен. министерства; это состоялось в начале 1912 года, одновременно с назначением Янушкевича нач-ком академии Ген. штаба. Мобилизационное расписание 1912 года (по которому и прошла мобилизация 1914 г.) было введено в действие в январе 1912 г., после чего я и «перебрался» в канц. воен. министерства.

Искренне Вас уважающий

А. Лукомский

3/XI — 34.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич,

С должности начальника мобилиз[ационного] отдела Гл[авного] Упр[авления] Ген[ерального] Шт[аба] я был назначен помощником начальника канцелярии воен. министерства в 1912 г. (на место ген. Янушкевича, назначенного нач-ком Ник[олаевской] воен[ной] академии). По должности пом. нач-ка канц. я стоял дальше от проведения в жизнь вопросов по укомплектованию армии, чем был прежде по должн[ости] нач-ка моб. отд[ела], но всё же и по новой должности не мог просмотреть столь важного мероприятия, как продление срока действ[ительной] службы на 6 месяцев... Между тем, этого мероприятия совершенно не помню и даже уверен, что оно в жизнь не проводилось. Сухомлинов что-то перевирает. В лучшем случае допускаю, что могли быть предположения о продлении срока службы, но не больше; впрочем, и об этом предположении, вероятно, я что-либо слышал бы... Но, повторяю, про это мероприятие я узнал впервые из воспоминаний Сухомлинова.

Прошло уже 20 лет с 1914 г., и многое испарилось из памяти и нет под рукой материалов для восстановления в точном виде всех мероприятий по усилению армии. Но всё же кое-что, в связи с затронутыми Вами вопросами, я могу сообщить.

При проведении через законод. учреждения Устава о воин. повинности в 1912 г. военное ведомство просило об увеличении срока действ. службы вольноопределяющихся на 6 мес. (с целью улучшить подгот. будущих прапорщиков запаса). Это увеличение срока службы вольноопределяющихся полностью не прошло. Кажется, срок службы вольноопр. был увеличен на 4 месяца и то, кажется, в два срока (в первый год после проведения законопроекта только на 2 мес., а начиная со следующего на 4 мес.).

Об увеличении срока службы для всех военнообязанных на 6 месяцев вопрос не подымался, ибо по закону Государь Император имел право отсрочить увольнение в запас на 6 месяцев в случае осложнений во внешней политике.

Такая мера (т. е. отсрочка увольнения в запас на 6 мес.) была применена в эпоху балканских осложнений в 1913 году*.

В воспоминаниях гр. Коковцова (кажется, 2-й т.) имеется об этом указание. Тогда г. Сухомлинов настаивал на мобилизации, но на совещании у Государя (участвовали Сухомл., Коковцов, Сазонов, Рухлов) она была отклонена и заменена отсрочкой увольнения в запас.

Затем другой вопрос — о численности армии. По большой программе, принятой в первые месяцы 1914 г., мирный состав армии увеличивался на 468 000 человек, но это накопление могло произойти только в 1917 г., т. е. к сроку окончания программы. Правда, на 1914 г. набор новобранцев был определен уже по этой программе; но это, вместе с увеличенным набором сверхсрочных, дало бы, вероятно, к концу года около 150 000 лишних чинов по сравнению с нормой 1912 г.

Говорить о 2 320 000 человек не приходится; это неизвестно откуда взятая цифра. Надо полагать, что к концу 1917 г. итог армии мирного времени мог достигнуть примерно 1 700 000 чел., но вероятно и этого не было бы: набрать в течение 3-х лет всё положенное по программе число сверхсрочных не удалось бы. Вы, вероятно, знаете, что на сверхсрочную службу охотников в России было уже не так много. Постепенно льготы и вообще выгоды сверхср[очной] службы изменили бы в народной массе взгляд на сверхср., но это потребовало бы некот. времени...

Я ничего не имею против ссылки на меня, что я отрицаю указание Сухомлинова на увелич[ение] в нашей армии для всех призывных срока службы на 6 мес., но лучше, если будете приводить цифры, с оговоркой, что я не ручаюсь за цифры.

Уважающий Вас

А. Лукомский

---

* Не эта ли «отсрочка» в воспоминаниях Сухомлинова превратилась в «продление срока службы на 6 месяцев».

17/XI — 34.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич,

Дабы не было какого-либо недоразумения по содержанию моего предыдущего письма — я хочу несколько уточнить вопрос о продлении службы по уст[аву] о воин[ской] пов[инности] 1912 г.

1) Никакого продления на 6 мес. срока службы всех призывных воен[ное] вед[омство] не испрашивало.

Задерживать же увольнение в запас очередного срока службы на 6 мес. (т. е., другими словами, до постановки в строй солдат последнего призыва) Государь Император мог своей властью без каких-либо запросов законод. учреждений. В 1913 году эта мера была применена.

2) При изменении устава о воин. пов. (было внесено в Госуд. Думу в 1911 году) воен. ведомство испрашивало о продлении на 6 мес. службы вольноопред. 1-го разряда (служить солдатом 12 мес., а затем 6 мес. прапорщиком).

Я теперь точно не помню — что из этого законопроекта было принято. Я помню только, что полностью законопроект не прошел и Госуд. Дума лишь согласилась продлить на 4 мес. отбывание молод. людей в качестве прапорщиков, но, кажется, было проведено, что после 12 мес. службы солдатами, вольноопр. всё же увольнялись в запас, а в последние два года призывались в период летних и учебных сборов, в качестве прапорщиков запаса, на более длинный срок (на 4 мес. в общей сложности), чем это было раньше.

Если Вам для Вашей книги надо знать это точно — надо проверить. Думаю, что во франц[узском] в[оенном] мин[истерстве] эти данные имеются.

Искренне Вас уважающий

А. Лукомский

НАЧАЛО «ДЕМОКРАТИЗАЦИИ» АРМИИ В 1917 ГОДУ[1]

В марте 1917 года военный министр Временного правительства А. И. Гучков прислал на заключение генерала Алексеева (назначенного Временным правительством Верховным Главнокомандующим) телеграмму с изложением мероприятий о введении в армии «сознательной, революционной», как тогда говорили, дисциплины.

Ответ генерала Алексеева я не помню, мой же личный ответ А. И. Гучкову привожу ниже. Этот мой ответ был передан А. И. Гучкову из Ставки в Могилеве в Петроград по прямому проводу. В то время я еще был генерал-квартирмейстером Верховного Главнокомандующего.

Копия с моей ответной телеграммы А. И. Гучкову была мною послана на хранение моей жене, бывшей в то время в Москве. Моя жена, уезжая из Москвы на юг (в ноябре 1917 г.), после захвата Москвы большевиками, раздала на хранение различным лицам присланные мною ей разновременно копии с различных документов.

Приводимая ниже копия с моей телеграммы была передана моей женой Олсуфьеву, а последним вывезена в Польшу, где и хранилась до настоящего времени. Прислана она мне была в мае 1928 года из Брюсселя получившим ее от Олсуфьева моим племянником, графом Александром Гейден.

Генерал-лейтенант Лукомский
29/V — 1928 г.

Копия телеграммы

Военному министру А. И. Гучкову

Сообщаю Вам мое личное заключение по телеграмме Вашей номер 9215 точка Прежде всего должен оговориться, что я имею в виду с одной стороны исключительно интересы армии, а с другой стороны учитываю степень культурного развития нашего солдата, ибо в число делегатов и в число членов различных собраний, образуемых с политической целью, попадут исключительно мастеровые, т. е. исключительно самый крайний левый элемент точка Отдание чести совершенно отменить недопустимо, ибо этим будет внесен полный раскол между офицерской и солдатской средой и [это] будет постоянной причиной для возникновения на этой почве целого ряда крупных недоразумений точка Дисциплина в корне будет подорвана и армия превратится ис-

[1] Рукопись, Архив Гуверовского института, фонд А. С. Лукомского, кор. 2, д. 2. Документ выявлен Л. Ю. Тремсиной.

ключительно в милицию самого низкого качества точка Большинство старших начальников при первой возможности уйдет с военной службы, а при тех громадных потерях в офицерском составе, которые армия понесла в эту войну, вам негде будет набрать хороший офицерский состав точка Считаю относительно отдания чести установить лишь взаимное приветствие, отменив отдание чести становясь во фронт, причем первым приветствовать должен обязательно младший точка Оставление титулования лишь по чину и должности, разрешение курить, езда в трамваях, посещение клубов, буфетов и собраний повелительно требует разрешения вне строя и исполнения служебных обязанностей ношение офицерами и чиновниками военного ведомства партикулярного платья точка Что касается разрешения участвовать солдатам в собраниях с политической целью, то это совершенно недопустимо, ибо это, как я уже сказал, в корне подорвет дисциплину, так как естественно крайние идеи получат господствующее значение в армии и в корне будет нарушен единственно правильный принцип — невмешательство армии в политику точка Ведь ныне, в происшедших событиях участие частей запасных войск ясно показало, как оно опасно для правительства; история же учит нас, что армия, вовлеченная в политику, будет всегда принимать участие в государственных переворотах точка Как бы ни кончилась война, необходимо помнить, что настоящая армия, по тем или иным причинам, вплоть до полного расстройства тыла, никакого участия в современных событиях не принимала точка О том, что скажет армия впоследствии, если не будут приняты ныне же самые решительные меры к тому, чтобы не вовлекать ее в политику, предвидеть трудно точка Ради достижения победы над врагом или хотя бы возможности продолжать борьбу, дабы грядущий мир не был позором для России, необходимо устранить причины, которые могут вызвать брожение и недовольство в армии точка В настоящее время армия признала государственный переворот за совершившийся факт, признала новое правительство и надо, чтобы она оставалась спокойной, пока не будет налажено новое государственное строение и ее мысли не были бы заняты политическими вопросами точка Мы все начальники со своей стороны приложим все силы к тому, чтобы армия свято исполнила свой долг перед Родиной в борьбе с врагом, но необходимо не забывать, что в противном случае голос армии может быть грозен и в какую сторону выльется движение в армии, предвидеть трудно точка Во всяком случае втягивание армии в политику приведет к тому, что будет невозможно продолжать войну и не позже июня Петроград будет в руках германцев, которые продиктуют нам мир по своему желанию, а в экономическом отношении нас поработят точка Пример французской революции и ее последствий к данному случаю неприменимы, ибо при современной

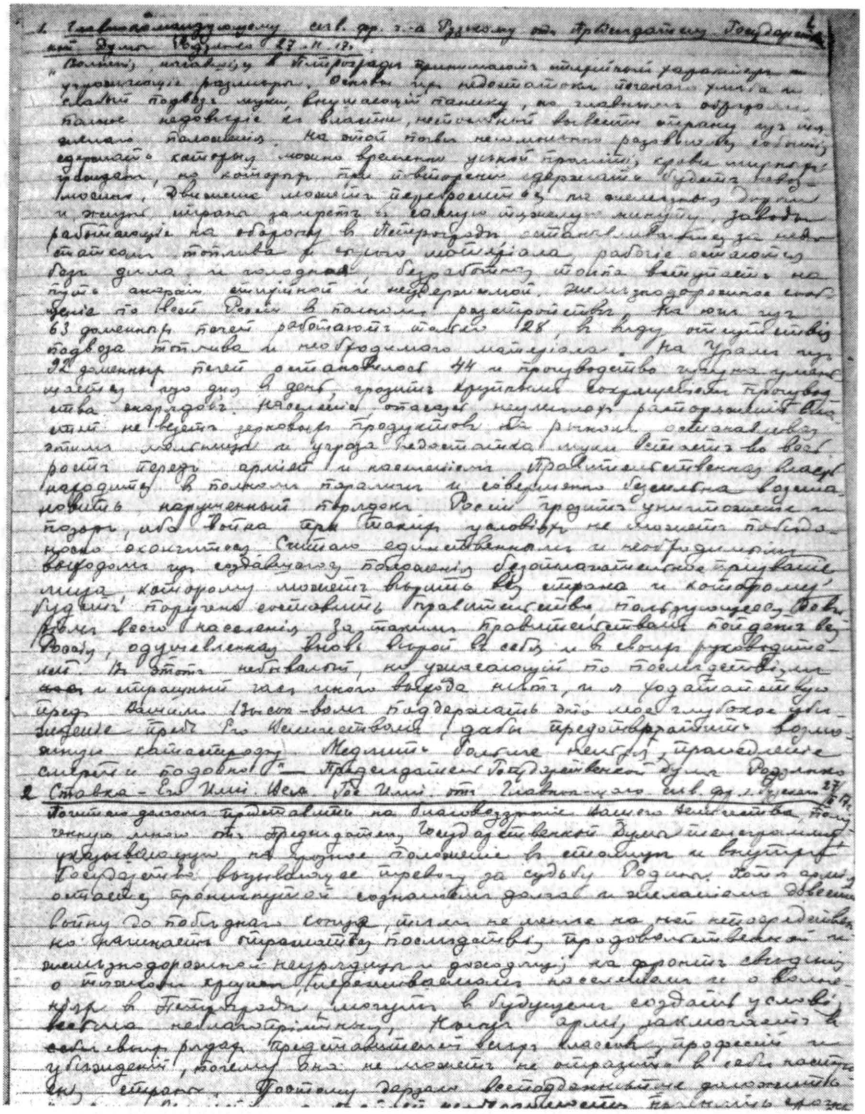
технике, железных дорогах и силе противника соотношение сил России к силам врага не то, какое было создано в период французской революции между Францией и ее противниками точка Чтобы спасти армию, а с ней честь и будущее России, надо бережно обращаться с армией и более внимательно прислушиваться к ее нынешнему спокойному голосу, признавшему ныне создавшиеся условия точка Дальнейшее же стремление в той или иной форме расширить ныне принятые изменения государственного строя и идти по пути исполнения требований крайних левых элементов неминуемо поведет к тому, что армия будет вовлечена в политику, начнется длительная междоусобная война и Россия попадет под ярмо Германии точка

Подписал: «Лукомский»

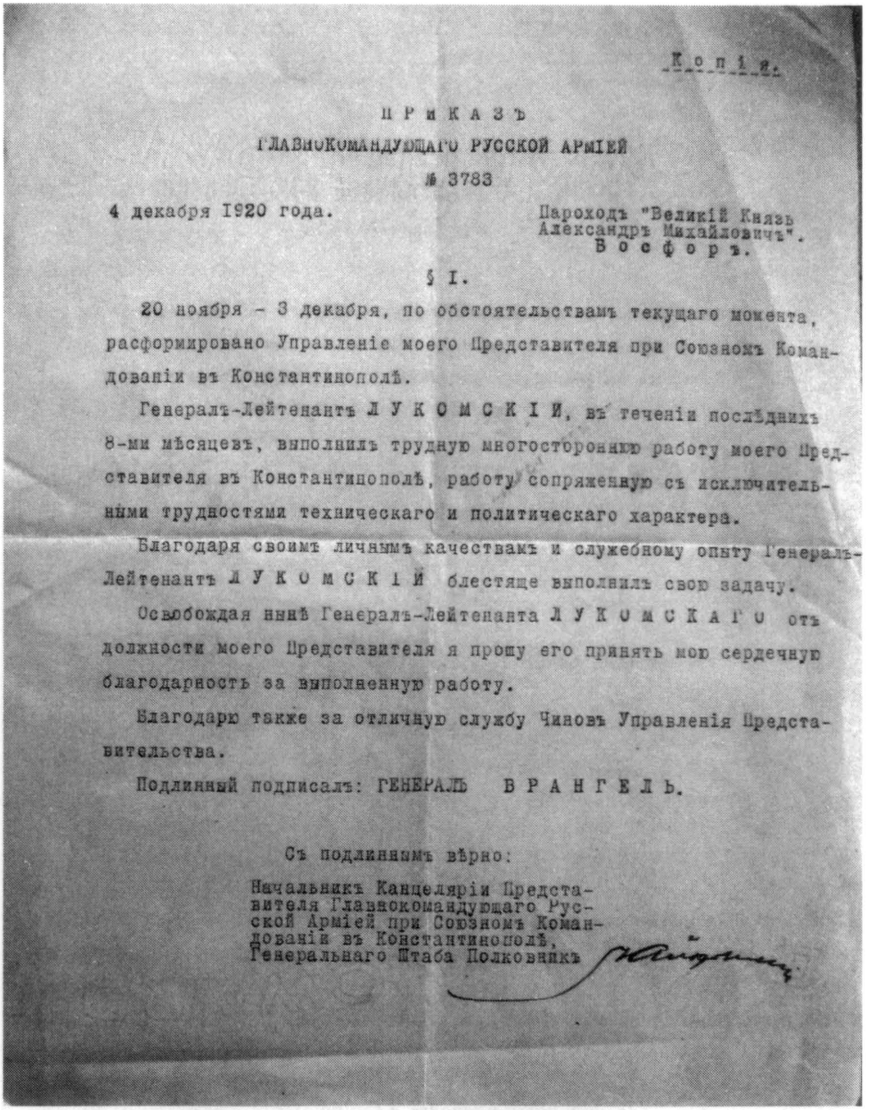
Заверил — «Верно» Генерального Штаба подполковник Тихообразов.

Верно: Ген. Штаба полковник

(Дата и номер телеграммы вырваны. На копии телеграммы, посланной мною на хранение моей жене, есть пометка ее рукой, что она была послана А. И. Гучкову в начале марта 1917 года. Г.-л. Лукомский.)

Рукописная копия текста телеграмм от 27 февраля 1917 г., помещенных А. С. Лукомским в приложение к пятой главе «Воспоминаний» (Архив Гуверовского института, фонд А. С. Лукомского, кор. 1, д. 38).

К о п і я.

ПРИКАЗЪ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО РУССКОЙ АРМІЕЙ
№ 3783

4 декабря 1920 года. Пароходъ "Великій Князь Александръ Михайловичъ". Босфоръ.

§ I.

20 ноября - 3 декабря, по обстоятельствамъ текущаго момента, расформировано Управленіе моего Представителя при Союзномъ Командованіи въ Константинополѣ.

Генералъ-Лейтенантъ ЛУКОМСКІЙ, въ теченіи послѣднихъ 8-ми мѣсяцевъ, выполнилъ трудную многостороннюю работу моего Представителя въ Константинополѣ, работу сопряженную съ исключительными трудностями техническаго и политическаго характера.

Благодаря своимъ личнымъ качествамъ и служебному опыту Генералъ-Лейтенантъ ЛУКОМСКІЙ блестяще выполнилъ свою задачу.

Освобождая нынѣ Генералъ-Лейтенанта ЛУКОМСКАГО отъ должности моего Представителя я прошу его принять мою сердечную благодарность за выполненную работу.

Благодарю также за отличную службу Чиновъ Управленія Представительства.

Подлинный подписалъ: ГЕНЕРАЛЪ ВРАНГЕЛЬ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Начальникъ Канцеляріи Представителя Главнокомандующаго Русской Арміей при Союзномъ Командованіи въ Константинополѣ, Генеральнаго Штаба Полковникъ

Копия приказа Главнокомандующего Русской армией ген. Врангеля № 3783 от 4 декабря 1920 г. (Архив Гуверовского института, фонд А. С. Лукомского, кор. 4, д. 17).

РОССІЙСКОЕ ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО
въ Нью-Іоркѣ.

№ 75.

Объявляется чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому вѣдать о томъ надлежитъ, что показатель----------сего ------россійскій гражданинъ Александръ Сергѣевичъ ЛУКОМСКІЙ отправляется въ Японію и Китай.

Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда данъ сей паспортъ отъ Россійскаго Генеральнаго Консульства въ Нью Іоркѣ.

г. Нью-Іоркъ, 20-го Августа 1924 года.

Генеральный Консулъ:

РОССІЙСКОЕ Генеральное Консульство въ Нью-Іоркѣ

Безплатно. Gratis

Настоящій паспортъ выданъ на основаніи общаго семейнаго паспорта, выданнаго Полицейской Префектурой въ Бѣлградѣ 5-го Іюля 1923 года № Л.Р. 78.

Заграничный паспорт А.С. Лукомского,
выданный ему Российским Генеральным консульством в Нью-Йорке
20 августа 1924 г. для поездки в Японию и Китай
по поручению Великого князя Николая Николаевича
(Архив Гуверовского института, фонд А. С. Лукомского, кор. 1, д. 33).

THE RUSSIAN CONSULATE GENERAL
in New York

This is to notify all those to whom it may concern that the bearer of the present p a s s p o r t Mr. Alexander S. LUKOMSKY is a russian citizen traveling to Japan and China.

No. 48

In testimony whereof the present passport is issued by the Russian Consulate General in New York.

New York, August 20 , 1924.

(signed) M. Oustinoff
The Consul General

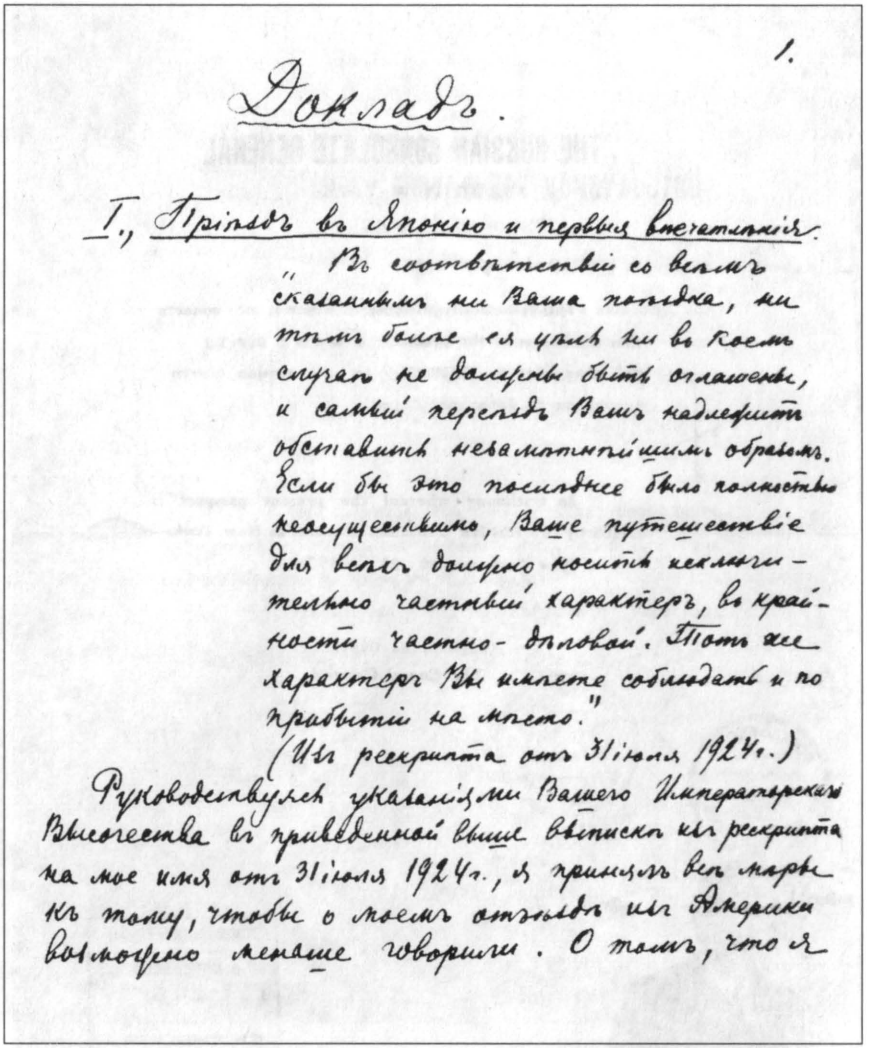
Besplatno. Gratis

РОССІЙСКОЕ Генеральное Консульство

РОССІЙСКОЕ Генеральное Консульство в Нью-Іоркѣ

COMMISSARIAT SPÉCIAL
VU à l'EMBARQUEMENT
le 2 MAI 1925
CHERBOURG

1.

Доклад.

I. Поездка в Японию и первыя впечатления.

"В соответствии со всемъ сказаннымъ мне Ваша поездка, ни въ коемъ случаѣ не должны быть оглашены, и самый переездъ Вашъ надлежитъ обставить незамѣтнѣйшимъ образомъ. Если бы это послѣднее было полностью неосуществимо, Ваше путешествіе должно носить исключительно частный характеръ, во крайности частно-деловой. Этотъ же характеръ Вы должны соблюдать и по прибытіи на мѣсто."

(Изъ рескрипта отъ 31 іюля 1924 г.)

Руководствуясь указаніями Вашего Императорскаго Высочества въ приведенной выше выпискѣ изъ рескрипта на мое имя отъ 31 іюля 1924 г., я приложу всѣ старанія къ тому, чтобы о моемъ отъѣздѣ изъ Америки возможно меньше говорили. О томъ, что я

Первая страница рукописи доклада А. С. Лукомского Великому князю Николаю Николаевичу о поездке в Японию и Китай в 1924–1925 гг. (Архив Гуверовского института, фонд А. С. Лукомского, кор. 1, д. 35).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза А. М. *153*
Авксентьев Н. Д. *523*
Агеев Н. П. *480*, ***705***
Аладьин А. Ф. *393*, *396*, *403*, *409*, *411*, *414*, ***694***
Александр II, Император *17*, *27*, *102*, *129*, *136*, *165*
Александр III, Император *36*, *43*, *47*, *72*, *73*, *75*, *81*, *127*, *129*
Александр Михайлович, В. кн. *224*
Александра Федоровна, Императрица *161*, *209*, *293*, *316*, *337*, *362*, ***722***
Александров Н. Ф. *223*, ***686***
Алексеев Е. И. *153*, *154*, ***679***
Алексеев М. В. *166*, *193*, *194*, *228*, *252*, *253*, *289*, *296*, *299*, *304*, *308*, *309*, *314*, *317–322*, *325–335*, *337*, *340*, *345*, *348*, *351*, *352*, *354–358*, *363*, *367–373*, *375*, *379*, *381*, *405–409*, *413*, *414*, *420*, *421*, *424–433*, *436*, *439–444*, *463*, *481*, *486–497*, *505*, *511–514*, *523*, *555*, *570*, *601*,
Алексеенко М. М. *203*, *204*, *209*
Алексей Александрович, Вел. кн. *55*, ***667***
Алексей Николаевич, Наследник Престола *293*, *294*, *325–328*, *332*, *337*, *368*, *370–373*, *376*, *379*, *716*, *717*, *722*
гр. Альвенслебен *470*, *472*
Амет Ж.-Ф.-Ш. *527*, *528*
Андро Д. Ф. *632*
Антонов Н. И. *468*
Анчутин К. Н. *30*, ***663***
Аргунов А. А. *523*
Арпсгофен А. В. *650*
Астров Н. И. *513*, *514*, *523*, *539*
Афанасьев Г. Е. *143*, *169*
Базили Н. А. *269*, *327*
Байков Л. М. *90*, *91*, ***674***
Балашов П. Н. *208*
Барановский В. Л. *394–396*, *410*, ***695***
гр. Баранцев М. А. *301*, ***692***
Бартер *600*, *601*
Баскаков В. И. *70*, ***669***
Батьянов М. И. *110*, *126*, ***675***
Батюшин Н. С. *314*, ***693***
Безобразов А. М. *153*
Белорусов А. С. *513*
Беляев М. А. *191*, *216*, *226*, *287*, *288*, *316*, *317*, *324*, *325*, *351*, *367*, ***683***, *729*
Бернацкий М. В. *539*, *588*, *589*, *658*
Бертело А.-М. *611*, *613*, *626–628*, *632*
фон Бисмарк О. *136*
Богаевский А. П. *500*, *501*, *503*, *525*, *550*, *551*, ***706***
Богатко Н. И. *227*, ***687***
Болдырев *357*, *360*, *367*
Бонч-Бруевич М. Д. *174*, *176*, *228*, *292*
Борис Владимирович, Вел. кн. *284*, ***691***
Бориус А. *621–623*
Брагин А. П. *411*, ***696***
Братолюбов А. А. *287–291*
Бригс Ч. Дж. *529*, *534*, *639*, *641*, *644*, *645*, *647*, *651*
Бродский Лазарь *130*
Брусилов А. А. *242*, *304*, *326*, *338*, *340–343*, *345–348*, *368*, *372*, *384*
Бубликов А. А. *323*, *354*, *355*
Будаев Н. С. *41*, *42*
Будилович Б. А. *412*, ***698***
Бурман Г. В. *286*, ***691***

Бутович Е. В. *210*, *217*
Быч Л. Л. *486*, *488*, *489*, *507*, *508*, *512*, *544*, *631*, ***706***
Бьюкенен Дж. *605*, *606*

Ванков С. Н. *281*, ***690***
Ванновский Г. М. *154*, *409*, *412*, *462*, ***679***
Ванновский П. С. *46*, *47*, *62*, *82*, *197*, *199*, *201*, *225*, ***665***
Величко К. И. *64*, ***668***
Вернандер А. П. *188*, *189*, *216*, *221*, *253*, *265*, *275*, ***683***
Веселовский А. А. *40*, *42*, ***664***
Вильгельм II, Император Германии *47*, *81*, *197*, *482*, *489*, *499*
Винниченко В. К. *518–520*
Винавер М. М. *143*, ***678***
Винберг В. Ф. *115*, ***676***
Владимир Александрович, Вел. кн. *716*
Водар А. К. *145–150*
Воейков В. Н. *320*, *321*, *356*, ***693***
Волков Н. К. *513*
кн. Волконский А. М. *79*, *82*, ***672***
Воронков М. С. *507*
Воронцов-Дашков Ил. И., граф *230*, ***688***
бар. Врангель П. Н. *7*, *242*, *531*, *544*, *545*, *551–554*, *580*, *581*, *589*, *591–598*, *639*
Вырубов В. В. *308*, *309*

Галип А. М. *631*
Гарин Н. П. *299*
Гегечкори Е. П. *510*, *512*, *643*, *647*
Гейсман П. А. *72*, *76*, ***671***
Гербель С. Н. *518*
Гермониус Э. К. *282–284*, ***691***
Гернгросс Е. А. *93*, *95*, *197*, *212*, *213*, *263*, *264*, ***684***
Геруа Б. В. *186–188*, ***682***
Голицын В. В. *390*, ***694***
Голицын А. Д. *468*
кн. Голицын Н. Д. *319*, *362*
Головин Н. Н. *200*, *219*, ***685***, *725*
Голубев Ф. Ф. *87–89*, ***673***
Голубов Н. М. *435*
Горбатовский Н. А. *50*, *54*, *55*, ***666***
Горн В. Л. *619*, *620*
Горский А. Н. *93*, *94*
Гоф *618*, *619*
Греков А. П. *525*, *627*, *630*, ***708***
Григорьев Н. А. *527*
Гришин-Алмазов А. Н. *520*, *621–625*, *627*, *632*, *633*
Грулев М. В. *167*, ***681***
Гудим-Левкович А. В. *141*
Гулевич Арс. Ан. *236*, ***689***, *725*
Гурко (Ромейко-Гурко) И. В. *61*, *100*, *120*, ***668***
Гурко Вас. И. *256*, *309*, *310*, *313*, *345*, *346*, *372*, *721*
Гурко Вл. И. *464*, *478*
Гучков А. И. *204*, *205*, *208*, *279*, *325*, *327*, *328*, *335*, *370–373*, *375*, *377*, *733*, *735*

Д'Ансельм Ф. *527*, *611*, *622*, *626*, *627*, *629*, *630*, *632*
Дагаев Т. М. *72*, ***671***
Данилов Н. А. *194*, *221*, *233*, *236*, *237*, *267–269*, *684*, *726–728*
Данилов Ю. Н. *85*, *212*, *225*, *228*, *351*, *352*, *356*, *360*, *365*, *366*, *372*, *373*, *376*, ***673***, *726*
Даниловский А. А. *72*, ***670***
кн. Девлет-Гирей *432*, *433*
Демченко *625*, *626*
Деникин А. И. *7*, *166*, *228*, *242*, *303*, *338*, *340*, *347*, *348*, *402*, *409*, *412*, *414–417*, *420–422*, *424*, *426*, *427*, *429*, *439*, *442*, *470*, *473–475*, *479–487*, *490–493*, *501*, *502*, *505*,

514–519, *523*, *524*, *528*, *532–536*, *538*, *544*, *546*. *548–568*, *570*, *572*, *580*, *605*, *606*, *611*, *614*, *615*, *622–645*, *651–659*, *661*
Денисов С. В. *500*, ***707***
Деопик Е. И. *50*, ***666***
Де Робек *553*, *554*, *590*, *591*, ***688***
Джонсон Г. Г. *703*
Дитерихс М. К. *414*, *415*, ***685***
Дитмар Н. Ф. *462*
Добровольский С. К. *228*
Добрышин Ф. Н. *212*
Долгоруков А. Н. *474*, *519*, ***704***
Домонтович М. А. *74*, ***672***
Дохтуров Д. П. *111*, *126*, ***675***
Драгомиров А. М. *345*, *346*, *478*, *491*, *514*, *539*, *541*. *580*
Драгомиров М. И. *6*, *61*, *71*, *72*, *77*, *80*, *84–88*, *91*, *92*, *96–98*, *100–135*, *138*, *142–144*, *158–162*, *167*, *168*, *175*, *176*, *245–248*, ***668***
Драгомирова С. А. *142*, *175*
Дрентельн фон А. Р. *101*, *127*, ***675***
Дроздовский М. Г. *479*, *480*, *705*
Дутов А. И. *406*
Духонин Н. Н. *241*, *414–418*, ***698***

Егорьев К. Н. *227*, ***688***
Елчанинов А. Г. *189*, *190*, ***683***
Елчанинов Г. И. *20*, ***663***
Епанчин Н. А. *183–188*, ***682***
Еранцев (Еранцов) А. Ф. *23*, *24*, ***663***
Еранцев (Еранцов) Ф. Н. *35*, *36*, *48*
Ершов А. П. *171*, *172*, *681*

Жилинский Я. Г. *197*, *213*, *219–221*, *261*, *262*, *264*, *267*, ***684***
Жофр Ж. Ж. *272*

Забелин А. Ф. *223*, *236*, ***686***
Завойко В. С. *390*, *393*, *396*, *423*, ***694***
Замысловский Г. Г. *208*
Зарубаев Н. П. *224*, ***687***
Зеелер В. Ф. *507*, *508*, ***708***
Зеленой (Зеленый) П. А. *53*, ***667***
Золотарев А. М. *70*, *81*, ***669***

Иванов Н. И. *128*, *166*, *178*, *193*, *318*, *320*, *322*, *323*, *351*, *353*, *359*, *362*, *363*, *373*, *474*, ***677***
гр. Игнатьев А. П. *127*, *128*, ***677***
Иностранцев А. А. *69*, *72*
Ипатьев В. Н. *281*, *282*, ***690***

Калабухов А. И. *544*, *545*
Каледин А. М. *392*, *421*, *425*, *430–434*, *495*, *496*, *555*
Карасс И. А. *93*, ***674***
Караулов М. А. *406*, *423*, ***695***
Карташев А. В. *513*, *619*, *620*
Квецинский М. Ф. *351*
гр. Келлер Ф. А. *474*, *519*, ***704***
Кемаль-паша *553*
Керенский А. Ф. *334*, *336*, *341*, *342*, *344–348*, *384*, *387–393*, *395–402*, *404–415*, *427*, *446*
Кийз Т. Х. *639*, *649*
Кирей В. Ф. *300*, *302*, *303*, ***692***
Кирилл Владимирович, Вел. кн *716*
Кирпотенко С. А. *140*, *229*, ***678***
Кисляков В. Н. *330*, *409*, *411*, ***695***
Кистяковский И. *470*
Клейгельс Н. В. *128*, ***677***
Клембовский В. Н. *355*, *357*, *365*, *367*, *368*, *371*, *401*, ***695***
Клецанда В. В. *412*, ***698***
Кобелев А. П. *55*, *56*, ***667***
Козлянинов Н. Ф. *101*, ***675***
гр. Коковцов В. Н. *201*, *203*, *204*, *211*, *214*, *265*, *715*, *731*
Колесников И. Н. *524*, ***708***
Колосовский Д. П. *189*, *253*, *254*, ***683***

Колчак А. В. *529*, *532–534*, *536*, *538*, *539*, *544*, *556*, *574*, *605*, *606*, *615–617*, *657*
Колюбакин Б. М. *72*, ***671***
Кондзеровский П. К. *226*, *227*, ***687***
Кондратьев Н. Гр. *223*, ***686***
Кониев А. Г. *509*, *510*, ***708***
Кононович-Горбацкий П. В. *145*, ***678***
Константин Константинович, Вел. кн. *223*, *224*, *724*
Корнилов Л. Г. *5*, *166*, *242*. *329*, *347*, *348*, *372*, *382–412*, *414–417*, *421*, *423–437*, *439–444*, *446*, *448*, *453*, *458*, *459*, *461*, *463*, *486*, *495*, *496*, *555*, *570*, *601*
Кортацци Г. И. *49*, *51*, *53*
бар. Корф Н. А. *153*
Коссинский В. И. *61*
Кохенгаузен фон *499–501*, *610*
Крамарж К. *563*
Краснов П. Н. *7*, *474*, *479–482*, *489*, *494*, *495*, *497–501*, *503*, *505*, *508*, *521*, *525*, *703*
Крузенштерн К. А. *619*, *620*, ***710***
Кривошеин А. В. *464*, *478*, *559*, *585*, *592*, *658*
Крупенский П. Н. *208*
Крыленко Н. В. *342*, *415*, *417*, *418*
Крым С. С. *521*, ***708***
Крымов А. М. *229*, *387*, *390–392*, *399*, *404–406*
Кублицкий П. С. *71*, *72*, *80*, ***670***
Кузьмин-Караваев В. Д. *619*, *620*, ***709***
Кузьмин-Караваев Д. Д. *222*, *223*, *259*, *260*, *266*, ***686***, *724*
Кук-Коллис Дж. Н. *528*
Куколь-Яснопольский И. С. *231*
Куропаткин А. Н. *154*, *155*, *157–162*, *199*, *201*, *225*, *247*, *249*
Курош А. П. *356*
Кусонский П. А. *416*, *417*, *477*, ***699***

Лавров И. М. *55*, ***667***
Лебедев Д. А. *390*, *392*, ***694***
Лебедев П. П. *229*
Леер Г. А. *71–73*, *81*, *126*, ***670***
Леневич (Линевич) Н. П. *159*, *163*, ***680***
Ленин В. И. *292*, *338*, *605*, *606*
Лехович (Ляхович) В. А. *227*, *259*, *261*, ***687***
Лианозов С. Г. *619*, *620*
св. кн. Ливен А. П. *618*, *619*, ***709***
Лизогуб Ф. А. *470*
Линдестрем М. В. *40*, *48*, ***664***
Лобко П. Л. *236*, ***689***
Ломанский В. И. *69*
Ллойд Джордж Д. *599*, *602*, *656*, *657*
Лукомская В. В. *12*, *14*, *15*, *16*, *20*, *24*
Лукомская С. М. *6*, *177*, *422*, *462*
Лукомский Вл. Вл. *13*, ***663***
Лукомский Г. Кр. *13*
Лукомский И. Ст. *10*
Лукомский Н. Р. *11*, *12*
Лукомский Р. И. *10*
Лукомский С. Р. *11*, *12*, *14*, *15*, *17*
Лукомский Ст. И. *10*, *12*
кн. Львов Г. Е. *318*, *319*, *328*, *329*, *346*, *372–378*, *633*
Львов Н. Н. *208*, *425*, *439*
Львов В. Н. *396–402*, *404*
Любовицкий Ю. В. *88*, *91*, *122*, *143*, ***673***
Ляхов В. П. *641*, *650*, ***710***

Маврин А. А. *139–141*, *170–173*, *183*
Мазниев Г. И. *509*, *510*
Майдель И. Н., барон *167*

Май-Маевский В. З. *532*, *544*, *545*, *572*
Макаренко И. Л. *489*, *544*, *545*, ***706***
Макаров С. О. *249*, *451*
Мак-Киндер Х. Дж. *658*, *659*
Маклаков В. А. *209*, *362*
Макшеев А. И. *71*, ***670***
Мандрыка Г. А. *153*, ***679***
Маниковский А. А. *280*, ***690***
Марголин А. Д. *631*
Маргулиес М. С. *619*, *620*
Мария Федоровна, Вдовств. Императрица *212*, *213*, *329*, *716*
Марков В. И. *191*, ***683***
Марков Н. Е. (Марков 2-й) *204*, *208*, ***685***
Марков С. Л. *402*, *409*, *412*, *415–417*, *420–422*, *424*, *440*, *480*
Мартсон Ф. В. *85*, *158*, *672*
Мартынов Е. И. *72*, *74–76*, ***671***
Марушевский В. В. *7*
Марш *618*, *620*
Масленников С. А. *463*, *464*, *478*, ***702***
Масловский Д. Ф. *72*, ***670***
Махотин Н. А. *38*, *39*, ***664***
Махно Н. И. *530*, *556*
бар. Меллер-Закомельский А. Н. *178*, *182*, ***682***
Милеант Г. Г. *280*, ***690***
Миллер Е. К. *192*, *523*, *556*
Мильн Дж. *530*, *641*, *644*, *645*, *651*
Милюков П. Н. *143*, *205*, *209*, *241*, *425–428*, *477*
Милютин Д. А. *197*, *199*, *225*
Мин Г. А. *178*, ***681***
Михаил Александрович, Вел. кн. *287–291*, *318*, *319*, *325–328*, *330*, *337*, *367*, *368*
Михаил Николаевич, Вел. кн. *42*, ***664***
Михневич Н. П. *71*, *72*, *223*, ***670***
Модрах *41*, *45*
Мольтке Х. *197*
Моравский А. К. *142*, ***678***
Мрозовский И. И. *356*, *367*
бар. Мум *472*
Муравьев М. А. *342*, *343*
гр. Мусин-Пушкин А. И. *60*, *61*, ***667***
Мышлаевский А. З. *163*, *190*, *191*, *193*, *197–199*, *210–213*, *219*, *221*, *228*, *254*, *263*, *264*
Мякотин В. А. *539*
Мясоедов С. Н. *132*, *279*, *294*

Назаров А. М. *435*, *436*, *440*, *594*, ***701***
Намитоков А. А. *507*, *508*, *544*
Натиев А. *469*, ***702***
Неженцев М. О. *410*, *431*, ***696***
Непенин А. И. *356*, *373*
Нератов А. А. *507*, *539*, *583–585*, ***707***
Никаноров И. В. *411*
Николай II, Император *81*, *82*, *127*, *129*, *160*, *161*, *165*, *183*, *198*, *205*, *208*, *212- 214*, *218*, *224*, *225*, *237*, *246*, *249*, *250*, *264–266*, *271*, *287–290*, *296*, *298*, *299*, *304*, *309*, *312*, *313*, *316–332*, *325–332*, *337*, *350*, *351*, *354*, *355*, *359*, *360*, *363–366*, *368*, *370–375*, *713–724*
Николай Николаевич Младший, Вел. Кн. *6*, *58*, *125*, *126*, *183*, *184*, *198*, *204*, *224*, *271*, *275*, *316*, *326*, *332*, *333*, *373–375*, *378*, *380*, ***676***, *716*, *723*, *725*
Николай Николаевич Старший, Вел. кн. *42*, *43*, ***665***
Нилов К. Д. *332*, ***693***, *705*
Новицкий В. Д. *128*, *129*, ***678***
Новосильцов Л. Н. *411*, ***697***
Носович В. П. *538*

Оберучев К. М. *131*, ***678***
Обручев Н. Н. *104*, *117*, *132*, *136*, *137*, *197*, *199*, *244*, ***675***
Одинцов С. И. *416*, ***699***
Орлов Д. И. *93*, ***674***
Орлов М. И. *412*, ***698***
Орлов Н. И. *552*, ***709***

Павел I, Император *43*, *44*, *99*
Палеолог Морис *269*
Палицын Ф. Ф. *188–191*, *251–254*, ***682***, *725*
Паносов *449*, *450*, *453*, *454*, *456*
Парамонов Н. Е. *480*, *560*, *561*, ***705***
Перелешин В. П. *52*
Перетц А. П. *53*, *54*
Перетц О. А. (жена А.С. Лукомского) *53*, *63*, *67*
Петлюра С. В. *343*, *518–520*, *540*
Пилсудский Ю. *659*
Плющевский-Плющик Ю. Н. *408*, *409*, *411*, ***695***
Покровский В. Л. *544*
Поливанов А. А. *210*, *211*, *214*, *221*, *223*, *255*, *258–260*, *264–266*, *279*, *280*, *292*, *298*, *728*
Половцов А. П. *79*, *82*, ***672***
Половцова В. П. *141*
Попов П. Х. *440*, *442*, *480*
Пороховщиков А. С. *85*, ***673***
Потапов Н. М. *334*
Преженцов А. Б. *193*, ***684***
Прескотт А. Э. *42*, *44*, ***665***
Пржевальский М. А. *652*, ***710***
Пронин В. М. *411*, ***696***
Протопопов А. П. *61*, ***668***
Протопопов Ал. Дм. *209*
Пузыревский А. К. *126*
Пуль Ф. К. *529*, *639*, *643*
Пуришкевич В. М. *208*
Пустовойтенко М. С. *269*, ***690***
Путилов П. Н. *89–91*, ***673***

Радецкий Ф. Ф. *100*
Радионова В. Е. *17*, *20*, *22*
Распутин Г. Е. *292*, *293*, *315*, *362*
Ратьков-Рожнов В. А. *437*, ***702***
Ратьков-Рожнов Н. А. *437*, ***702***
Раупах фон А. Р. *409*, ***696***
Редигер А. Ф. *71*, *72*, *236*, *254*, *256*, *670*, ***725***
Ренненкамф П. К. *153*, *182*, *272*
Римский-Корсаков А. А. *411*, ***698***
Рихтер Г. К. *93*, ***674***
Родзянко А. П. *7*
Родзянко М. В. *204*, *208*, *279*, *317–319*, *324*, *325*, *327*, *349*, *350*, *352*, *355–357*, *360–365*, *371*, *372*, *376–381*, *392*, *398*, *420*, *439*, *557*, *558*
Родионов И. А. *411*, ***697***
Родичев Ф. И. *209*
Роженко В. Е. *390*, *411*, ***694***
Романовский И. П. *229*, *386*, *396*, *398*, *402*, *409*, *415*, *417*, *420*, *427*, *434*, *440*, *442*, *443*, *507*, *508*, *554*, *579*
Ронжин И. А. *37*, ***663***
Ронжин С. А. *37*, *79*, *80*, *84*, *169*, *170*, *177*, *217*, *226*, *443*, *445–447*, *451*, *452*, *454–460*, ***664***
Ронжина А. Н. *37*, *49*
Рооп Х. Х. *51*, ***666***
бар. фон дер Ропп Е. Э. *223*, ***686***
Рубинштейн Дм. *130*
Рузский Н. В. *84–87*, *95*, *182*, *322*, *325–327*, *345*, *348–350*, *358–366*, *369*, *370*, *371*, *376–378*
Руммель фон В. Н. *17*, *22*
Рябовол Н. Ст. *486*, *489*, *539*, ***706***
Ряснянский С. Н. *411*, ***697***

Саблин М. П. *527*
Савинков Б. В. *345*, *384*, *385*, *389*, *390*, *392–401*, *404*, *427–429*, *555*, *602*

Савицкий В. Д. *507*, *544*, ***707***
Савич Н. В. *208*, *538*, ***685***, *727*
Савич С. В. *187*
Самойлов В. К. *154*, *248*, ***680***
Самсонов А. В. *272*
Сандецкий А. Г. *47*, ***666***
Санников А. С. *300*, *626*, *628*, *629*, *633*, ***692***
Сахаров В. В. *158–160*, *326*, *369*, *370*
Сахаров К. В. *7*
Светина-Марусина Л. *53*
Свечин В. В. *183*
кн. Святополк-Мирская М. А. *169*, *170*
кн. Святополк-Мирский П. Д. *179*
Сеймур Э. Х. *639*
Семашко (Симашко) Фр. И. *24*, *27*, *28*, *30*, ***663***
Семилетов Э. Ф. *430*, ***699***
Сергей Михайлович, Вел. кн. *152*, *162*, *211*, *215–217*, *222*, *224*, *261*, *265*, *266*, *357*, ***678***, *716*, *723*, *724*
Сиверс Р. Ф. *453*, *455*, *456*
Сидорин В. И. *442*, *480*
Синицкий *179–181*
Сирелиус Л. О. *358*, *359*
Скалон В. Д. *50*, *54*, *56–59*, *64*, *65*, ***666***
Скобелев М. Д. *100*, *101*
Скобцов Д. Е. *507*
Скоропадский П. П. *469*, *471*, *472*, *481*, *519*, *703*
Скугаревский А. П. *235*, *238*, ***689***
Случевский К. К. *111*, *112*, ***676***
Смысловский Е. К. *261*, ***689***
Соколов К. Н. *334*, *334*, *506*, *539*, *544*, *561*, ***707***
Соллогуб В. У. *70*, ***669***
Соотс И. Г. *411*, ***697***
Стааль фон Н. Ф. *172*, *173*, ***681***
Степанов В. А. *507*, *513*, ***707***
Стогов Н. Н. *228*, ***688***
Столица М. С. *72*, ***671***
Столыпин П. А. *229–231*
Струве П. Б. *425–427*, *435*, *513*, *583*
Суворов М. Н. *619*, *620*, ***709***
Сулькевич С. *520*, *521*
Сухомлинов В. А. *104*, *117*, *128*, *135*, *139*, *140*, *158*, *162*, *170*, *173*, *174*, *180*, *181*, *194*, *195*, *200*, *201*, *203*, *208–221*, *226*, *238*, *254–256*, *262–266*, *279*, *292*, *294–296*, *362*, *723*, *731*
Сухотин Н. Н. *117*, *124*, *126*, ***676***

Таганцев Н. С. *97*
Тимановский Н. С. *525*, *526*, *530*, *633*
Тихменев Н. М. *385*, *411*, ***693***
Толмачев И. Н. *84*, *85*, *182*
Толстов Николай *461*, ***702***
Толстой Л. Н. *107*, *126*, *465*
Томсон *650–653*
Трепов Ф. Ф. *128*, ***677***
Троцкий Л. Д. *345*, *605*, *606*
кн. Трубецкой Е. Н. *143*, *169*, *170*, ***678***
кн. Трубецкой Гр. Н. *425–427*, *435*
Туловская С. И. *16*
кн. Туманов Г. Е. *54*, *59–65*, ***667***
кн. Туманов Н. Е. *287*, ***691***

Украинцев Н. П. *409*, ***696***
Улагай С. Г. *594*
Успенский Н. М. *507*, ***707***

Федоров М. М. *425–427*, *513*, *538*
Фенин А. И. *658*, ***710***
Филимонов А. П. *482*, *486*, *490*, *501*, ***706***
Филиппео М. М. *619*, *620*
Филоненко *384*, *385*, *414*
Флуг В. Е. *426*
Фок Я. А. *49*, *92*, ***666***

Форестье-Уоккер Дж. Т. *528*, *529*, *640*, *643*, *645*, *651–653*
Франше Д'Эспере Л. *527*, *611–614*, *632*, *634*, *638*
Фредерикс В. Б., граф *158*, *159*, *214*, *375*
Фрейденберг А. *627*, *630*
Фрейман А. К. *192*, ***684***, *720*
Фролов П. А. *85*, ***672***
Фуке *613*, *633*, *634*
Фурман *140*, *141*

Хабалов *317*, *351–354*
хан Хойский Ф. И. оглы *522*, ***708***
Хануков А. П. *167*, ***681***
Харламов В. А. *480*, *495*, *497*, *507*, *508*, ***705***
Хольман Г. *534*, *639*, *647*
Хомяков Н. А. *204*, *208*

Цейль С. В. (Покатов) *167*, ***680***
Цингер Н. Я. *70*, ***669***
Цуриков А. А. *307*, ***692***

Чайковский Н. В. *523*
Челищев В. Н. *538*, *658*
Чермоев Тапа *422*
Чернецов В. М. *430*, *435*, *450*, *451*, ***699***
Чернов В. М. *389*, *390*
Чернявский В. Т. *47*, ***665***
Чертков М. И. *127*, ***676***
Черчилль У. *603*, *604*, *609*
Черячукин А. В. *631*, ***705***
Чхеидзе Н. С. *336*
Чхенкели А. И. *521*, *522*

Шабловский И. С. *409*, *411*, *412*, *415*
Шавельский Г. И. *419*, ***699***
Шарнгорст К. В. *70*, ***669***
Шатилов П. Н. *553*, *554*, *583*, *584*
Шварц фон А. В. *632*, ***710***
Шиллинг Н. Н. *552*, *553*, ***709***
Шильдер Н. К. *42*, ***665***
Шимановский Е. Ст. *84*, *85*, *87*, *88*, *92*, *139*, *182*, ***672***
Шингарев А. И. *206*, *207*, *209*
Шипов Д. Н. *513*
Шлейснер Р. А. *72*, *73*, ***671***
Штубендорф О. Э. *70*, *72*, ***669***
Шуберский К. Э. *625*
Шуваев Д. С. *224*, *227*, *258*, *260*, *273*, *298*, *299*, *316*, ***687***, *728*
Шульгин В. В. *325*, *327*, *328*, *370–373*, *375*, *465*, *477*, *506*

Щегловитов И. Г. *354*, *715*
Щербачев Д. Гр. *178*, *529*, *533*, *611*, *612*, ***681***
Щетинин А. С. *538*

Эверт А. Е. *304*, *326*, *346*, *368*, *369*, *725*
Эйхгорн фон Г. *472*, *499*
Эльснер Е. Ф. *412*, *480*, *481*, ***698***
Энно Э. *626*, *627*
Эрдели И. Г. *409*, *412*, *424*, *432*, *444*, *640*, *651*, *653*

Юденич Н. Н. *556*, *618–621*
Юзефович Я. Д. *288*, *582*, ***691***
Юргенс К. Д. *93–96*, ***674***

Языков Д. А. *61*, ***668***
Языкова Е. Н. *17*, *22*
Яковлев Б. С. *168*, *169*
Якубович Н. А. *20*, ***663***
Янушкевич Н. Н. *213*, *236*, *264*, *267*, *271*, ***685***, *729*
Яшвиль Н. Г. *141*, *142*

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ОФОРМЛЕНИИ КНИГИ

Переплет:

Фотография А. С. Лукомского на паспорте, выданном ему в 1924 г. Российским Генеральным консульством в Нью-Йорке (Архив Гуверовского института, фонд А.С. Лукомского, кор. 1, д. 33).

Страницы рукописи А. С. Лукомского «Очерки из моей жизни» (Архив Гуверовского института, фонд А.С. Лукомского, кор. 2, д. 9).

Обложка первого издания книги «Воспоминания генерала А. С. Лукомского» (Берлин, 1922).

Первый форзац:

Контртитул книги «Воспоминания генерала А. С. Лукомского» (Берлин, 1922)

Портрет генерала М. И. Драгомирова,

Фотографии времен Первой мировой войны из коллекции А. В. Левченко и А. В. Арановича,

Орден Святого Георгия 4-й степени.

Второй форзац:

Фотография Императора Николая II в 1917 г.

Текст отречения от престола Императора Николая II (телеграмма «Начальнику штаба»)

Знак отличия Первого Кубанского (Ледяного) похода

Именной бланк помощника Главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенантаЛукомского (Архив Гуверовского института, фонд А. С. Лукомского, кор. 4, д. 17).

Фотографии из книги А. И. Деникина «Очерки Русской Смуты» (том 2): Быховские узники (№ 1 — Л. Г. Корнилов, № 2 — А. И. Деникин, № 6 — А. С. Лукомский),
генерал А. С. Лукомский во дворе Быховской тюрьмы.

На ***контртитуле*** воспроизведен контртитул книги «Воспоминания генерала А. С. Лукомского» (Берлин, 1922).

СОДЕРЖАНИЕ

Волков С. В. О воспоминаниях А. С. Лукомского 5

ОЧЕРКИ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ 9
Период до начала школьного времени (1872–1879 гг.) 14
Симбирская военная гимназия 20
Полтавская военная гимназия 24
Первое военное Павловское училище 36
Николаевское инженерное училище 40
11-й саперный Императора Николая I батальон. Одесса. 1888–1894 гг. 49
Николаевская Академия Генерального штаба 1894–1897 гг. 68
Киевский военный округ. 1897–1909 гг. 82
Проскуров 92
Штаб Киевского военного округа 96
Петербург. Мобилизационный отдел (1909–1912 гг.) 191

ВОСПОМИНАНИЯ
Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками 239

Том 1

Предисловие 241

Часть первая. ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЕ И ПОДГОТОВКА К НЕЙ 244
Глава I 244
Глава II 251

Часть вторая. ПЕРИОД ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 268
Глава III 268
Глава IV 300
Глава V. Государственный переворот 317
Документы к главе V 349

Часть третья. КОРНИЛОВСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ И НАЧАЛО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ 382
Глава VI 382
Глава VII 409

Том 2

Часть четвертая. У БОЛЬШЕВИКОВ И НАЧАЛО ГЕТМАНСТВА НА УКРАИНЕ 439
Глава VIII 439
Глава IX 462

Часть пятая. ДЕНИКИНСКИЙ ПЕРИОД 480
Глава X 480
Глава XI 517
Глава XII 554

Часть шестая. ВРАНГЕЛЕВСКИЙ ПЕРИОД 578
Глава XIII 578

Часть седьмая. ОТНОШЕНИЕ ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ К БОРЬБЕ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ В РОССИИ 599
Глава XIV 599
Взаимоотношения с французским командованием 621
Взаимоотношения с английским командованием 639

Комментарии *(Составитель д. и. н. С. В. Волков)* 663

ПРИЛОЖЕНИЕ.
Архивные материалы 711
Моя внеслужебная жизнь в Петербурге перед войной и те настроения, которые мне приходилось замечать 713
Письма А. С. Лукомского Н. Н. Головину 725
Начало «демократизации» армии в 1917 году 733

Указатель имен 736
Перечень иллюстраций 749

Издательство «АЙРИС-пресс» предлагает обращаться

по вопросам оптовых закупок:
Москва, пр-т Мира, д. 104, тел./факс: (495) 785-15-30
e-mail: trade@airis.ru, www.airis.ru

по вопросам приобретения в розницу:
«Дом книги на Ладожской»
Москва, ул. Ладожская, д. 8 (м. «Бауманская»)
Пн – Сб 9.00–21.00 Вс 10.00–20.00 (без перерыва)
тел. (499) 221-77-33
Интернет-магазин
www.domknigi.ru
Доставка почтой по России и зарубежью

Научное издание

Лукомский Александр Сергеевич

ОЧЕРКИ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ. ВОСПОМИНАНИЯ

Ведущий редактор *Е. М. Гончарова*
Художественный редактор, оформление *А. М. Драговой*
Технический редактор *В. А. Артемов*
Компьютерная верстка *Г. В. Доронина*
Корректор *З. А. Тихонова*

Подписано в печать 21.12.11. Бумага офсетная.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Печ. л. 47,0. Усл. печ. л. 47,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 7064.

ООО «Издательство «АЙРИС-пресс»
129626, Москва, проспект Мира, д. 104.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством материалов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г Можайск, ул Мира, 93
www oaompk ru, www oaompk.рф тел. (495) 745-84-28, (49638) 20-685